

PG
2013
A65
Vol. 50
1895

Sbornik,
СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

*Akademiia nauk SSSR. otделение
russkogo iazyka i slovesnosti.*

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

50

ТОМЪ ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1895.

KRAUS REPRINT LTD.

Nendeln, Liechtenstein

1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, мартъ 1895 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei — Wiesbaden

Т. I Сочиненій А. А. Котляревскаго помѣщенъ въ XLVII т. Сборника.

» II	»	»	»	»	» XLVIII	»	»
» III	»	»	»	»	» XLIX	»	»

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ I.

СОЧИНЕНІЯ

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ТОМЪ IV.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА АВТОРА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1895.

СОЧИНЕНІЯ

А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ТОМЪ IV.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА АВТОРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лив., № 12).

1895.

Digitized by the Internet Archive
in 2024

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Очеркъ біографіи проф. А. А. Котляревскаго, составленной членомъ - корреспондентомъ Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ А. Н. Пыпинымъ I—CL

Славянскія древности.—Древности юридическаго быта Балтійскихъ славянъ. Опытъ сравнительнаго изученія славянскаго права. — I 1—6 и 1—203 (неп.)

(Предисловіе), Оглавленіе I части, эпитафья 3—6 (неп.)

Обозрѣніе содержанія 204—206

Древняя русская письменность.—Опытъ бібліологическаго изложенія исторіи ея изученія.—I. *Общее историческое обозрѣніе. Исторія изученія древнеславянскаго и древне-русскаго языковъ и письма* 207—393

Оглавленіе: I. Историческое обозрѣніе 209—211

» II. Систематическое обозрѣніе 211—214

Объ изученіи древней русской письменности 215—393

Указатель 394—400

ДОПОЛНЕНІЯ: 401—608

[Библіографическое извѣстіе о книгѣ М. Семе-вскаго: «Историко-этнографическія замѣтки о Великихъ Лукахъ и Великолуцкомъ уѣздѣ. Спб. 1857»]. 403—411

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

I

<i>Литературный подлог. Die Balalaika. Russische Volkslieder, gesammelt v. J. Altmann</i>	СТРАН. 411—421
<i>Изображеніе калики перехожого въ латинской рукописи XIV вѣка. (Письмо А. А. Котляревскаго къ И. И. Срезневскому). [Съ 3-мя рисунками въ текстѣ].</i>	422—3
<i>Для исторіи русскаго народнаго театра. 1. Аника - воинъ и Смерть</i>	424—8
<i>Приложеніе: «О храбрѣмъ воинѣ Аникѣ и Смерти. Два библиографическіе вопроса. I—II.</i>	428—430
<i>Приписка А. А. Котляревскаго къ отвѣту ак. Я. К. Грота</i>	430—4
<i>Ученая новостъ. «Древности Геродотовой Скиіи», изданіе Имп. археолог. комиссіи)</i>	434—5
<i>Толковый словарь живого великорусскаго языка, В. И. Даля</i>	435—7
<i>Eine estnische Gottheit als Gast auf der Insel Rügen</i>	437—442
<i>Archäologische Späne (съ 7 рисунками)</i>	442—5

1) Die deutschen Hausmarken mitten in Russland (с. 445—8).

2) Zur Archäologie der Grenzzeichen (с. 449—55).

3) Das erste Zusammentreffen der Menschen mit Riesen (455—9).

Úspěchy slavistiky na Rusi v poslední době (1860—1872). I—II.	460—511
--	---------

I. Památky staroslovanského písemnictví, jich vydání a učené popisy. Palaeografické práce. Jazykozpyt. Dějiny básnictví a literatury (с. 460—491).

II. Bájedloví a starožitnosti Historický národopis. Dějiny. Dějiny právní a církevní (с. 491—511).

[Материалы для археологическаго словаря] . . . 512—21

Троицъ. Славянское божество (с. 512—14).

Курганъ (с. 514—521).

Статьи по археологiи (изъ изданiй Моск. Археол. Общ.): СТРАН.

Для археологiи каменнаго вѣка въ Россiи	521—5
О находкахъ каменныхъ орудiй въ Южной Россiи (с. 522—5).	
Новый способъ опредѣленiя древности могилъ. . .	525—9
Русская этнографическая выставка	529—33
Объ археологическихъ трудахъ К. А. Морло . .	533—6
Графъ Константинъ Пiевичъ Тышкевичъ	536—8
[Мелкiя замѣтки и приписки къ чужимъ трудамъ]:	538—45
I. Примѣчанiе къ ст. д-ра Маннгардта (с. 538—40).	
II. » » » Д. О. Шѣппинга [Съ 3-мя рис. на отд. табл., приложенной къ концу тома] (540—2).	
III. Приписка къ ст. Э. И. Эйхвальда (с. 542—3).	
IV. » » » В. Т(изенгаузена) (с. 543—4).	
V. » » » гр. К. Тышкевича (с. 544—5).	
VI. » » » «Археологич. разысканiя близъ Тео- досiи» (с. 545).	
Кубанская каменная баба [съ рисункомъ на отд. листѣ, приложен. къ концу тома]	546—7
Археологическая библиографiя. Записка	547—54
Катакомба съ фресками, найденная въ 1872 г. близъ Керчи и описанная Вл. Стасовымъ. <i>Обзоръ изслѣдованiя о фрескахъ керченской катакомбы</i> . . .	554—9
Нѣкоторыя указанiя и соображенiя относительно движенiя археологическихъ занятiй и литературы у Словинцевъ, Чеховъ (съ Моравянами), Лужичанъ и Поляковъ	559—62
[Небольшiе критическiе отзывы и разборы, помѣ- щенные въ изданiяхъ Моск. Археологич. Общества]:	562—608
1) Dr. F. L. S c h w a r t z. Die poetischen Naturanschauungen der Griechen, Römer u. Deutschen in ihrer Beziehung zur Mythologie. I Bd. (с. 562—5).	
2) Jacob G r i m m. Kleinere Schriften. I Bd. Reden u. Abhand- lungen (с. 565—8).	
3) Chr. P e t e r s e n. Religion oder Mythologie, Theologie u. Gottesverehrung der Griechen (568—70).	

- 4) И. Д. Бѣляевъ. Краткое извѣстіе о племенахъ, въ разное время населившихъ нын. губерніи Московск. учебн. округа (с. 570—1).
- 5) Gab. de Mortillet. Le signe de la Croix avant le Christianisme (с. 572—4).
- 6) [Гатцукъ]. Старина русской земли. *Кн. первая*. (с. 575—80).
- 7) А. Терещенко. О могильн. насыпяхъ и каменныхъ бабахъ въ Екатеринославск. и Таврич. губ. (с. 580—3).
- 8) Протоколы засѣданій Общ. Любит. Естествознанія при Моск. Унив. 1864—6 гг. (583—4).
- 9) Страшкевичъ. Клады, разсмотр. въ Минцъ-каб. Унив. св. Владимира съ 1836 по 1866 г. (584—6).
- 10) V. Jagić. Starine i njihovo znamenovanje, s obzirom na ono, što je u zagrebačkom narodnom muzeju (с. 586—8).
- 11) И. И. Срезневскій. Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи (с. 588—91).
- 12) Записки Имп. Русск. Географич. Общества по отдѣл. этнографіи, т. 1-й (с. 591—6).
- 13) Анат. Богдановъ. Матеріалы для антропологии курганнаго періода Московск. губ. (с. 596—606).
- 14) И. И. Срезневскій. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстн. и неизвѣстн. памятникахъ [I т.] (с. 606—608).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 609—692

[Рецензія сочиненія] гр. Н. Орлова: «Очеркъ трехнедѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 г.» 611—620

[Ред. сочиненія] Алексѣя Веселовскаго: «Старинный театръ въ Европѣ». 621—4

[Мелкія замѣтки и сообщенія, читанныя въ засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ (1876—81 г.г.)] 624—692

О трудахъ К. М. Бэра и К. Э. Эйхвальда, имѣвшихъ отношеніе къ территоріи южной Россіи (с. 624—9). — О происхожденіи сказанія о Новгородскихъ баняхъ (с. 629—31). — Объ обычаяхъ у славянъ при рожденіи дитяти до его возмужалости (с. 632—4). — Нѣсколько словъ памяти Александра Никол. Попова (с. 638—40). — Очеркъ исторіи поединковъ у славянъ (с. 640—3). — О Михалково-дѣвстрянскомъ кладѣ (с. 656—8). — О научной дѣятельности Дм. Вас. Полѣнова (с. 659—60). — Поминка по А. С. Грибоѣдовѣ (с. 661—4). — Новыя данныя къ исторіи нравовъ и воспитанія въ русскомъ обще-

ствѣ XVIII в. (с. 666—70).—Поминка по ак. ШиФнерѣ (с. 671—2).—Поминка по И. Ив. Срезневскомъ (с. 674—80). — Рѣчи: «Памяти О. М. Достоевскаго» (с. 686—9).
Объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній (с. 689—692).

СТРАН.

Женская красота по понятіямъ германскихъ и славянскихъ племенъ. Публичная лекція 693—701

Списокъ трудовъ А. А. Котляревскаго въ хронологическомъ порядкѣ появленія ихъ въ печати съ указаніемъ тома и страницъ настоящаго собранія его сочиненій. 1855—1881. 1—27

Рисунки къ стр. 540—1 и 546-й (всѣ 4 рисунка на 1 листѣ).

J. K. Wilson

ОЧЕРКЪ БІОГРАФІИ

ПРОФЕССОРА

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ЧЛЕНОМЪ-КОРРЕСПОНДЕНТОМЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

А. Н. ПЫПИНЫМЪ.

Для настоящаго очерка, кромѣ личныхъ воспоминаній, послужили матеріаломъ слѣдующія данныя:

— Свѣдѣнія о пребываніи Котляревскаго въ Полтавской гимназіи, сообщенныя изъ дѣлъ ея архива директоромъ Полтавской гимназіи г. И. Марковымъ.

— Дѣло департамента народнаго просвѣщенія (по разряду № 18, по архиву № 157995, кар. № 4013), съ 16-го января 1867 по 5-е марта 1875; — «по письму графа Уварова о дозволеніи бібліотекарю и члену редакціоннаго комитета въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ Котляревскому служить по учебному вѣдомству».

— Довольно значительная переписка Котляревскаго (письма къ нему и отъ него), сообщенная г-жею Е. С. Котляревскою, и въ дополненіе къ тому нѣсколько писемъ Котляревскаго, доставленныхъ мнѣ впослѣдствіи К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, А. А. Кунікомъ, Л. Н. Майковымъ, Вс. О. Миллеромъ, Влад. С. Соловьевымъ (нѣсколько писемъ къ Н. А. Попову), И. А. Шляпкинымъ (нѣсколько писемъ къ О. О. Миллеру).

— Біографическія сообщенія, доставленныя знакомцами и друзьями Котляревскаго. Таковы сообщенія К. Н. Бестужева-Рюмина, П. А. Ефремова, А. А. Кочубинскаго («Въ Прагѣ зимою 1874 — 1875 годовъ, отрывочныя воспоминанія»), Гр. Крека (проф. въ Грацѣ), Н. О. Петровскаго

(нынѣ русскаго генеральнаго консула въ Кашгарѣ), И. В. Цвѣтаева, И. Б. Энгельмана, И. В. Ягича.

— Явившіеся въ печати некрологи и воспоминанія:

«Поминка по Александрѣ Александровичѣ Котляревскомъ». Кіевъ, 1881 (Некрологъ, П. И. Аландскаго; — поминальныя рѣчи: 1) во время панихиды, и 2) при погребеніи, его-же; рѣчь къ студентамъ, И. Н. Жданова; рѣчь въ Обществѣ Нестора лѣтописца, Н. П. Дашкевича; — списокъ сочиненій Котляревскаго, его же).

«Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft» за 1881 г. (нѣсколько словъ, Лео Мейера).

«Neue Dörptsche Zeitung», октябрь, 1881.

«Итоги славянской и русской филологіи. По поводу книги проф. Котляревскаго: Библіологическій опытъ о древней русской письменности». А. А. Кочубинскаго, Одесса, 1882 (изъ «Записокъ Импер. Новоросс. университета», т. XXXIII). Здѣсь, стр. 229 — 236, въ видѣ послѣсловія, некрологъ Котляревскаго.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. университета св. Владиміра (1834—1884). Составленъ и изданъ подъ редакціей ордин. проф. В. С. Иконникова». Кіевъ, 1884, стр. 303—325.

«Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ» Алексѣя Веселовскаго. Кіевъ, 1888 (отгискъ изъ «Кіевской Старины»).

«А. А. Котляревскій». А. В. Стороженка, въ «Вѣстн. Европы», 1890, іюль, стр. 168 и д.

Разборъ 1-го тома академическаго изданія сочиненій Котляревскаго, составленный К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, съ біографическими замѣтками. Журн. мн. нар. просв., т. ССLXIV, отд. 2, стр. 157—167.

«А. А. Котляревскій, какъ преподаватель. (Изъ старыхъ воспоминаній)». І. Д. С., въ «Р. Старинѣ», 1893, іюнь, стр. 611—631.

«Памяти отца намѣстника Леониды, А. А. Гатцука, Н. А.

Попова и А. А. Котляревскаго» (какъ продолженіе «Исторической Записки» Импер. Московскаго Археологическаго Общества, изданной ко дню его 25-лѣтняго юбілея), М. 1893, 4^о. Здѣсь стр. 349 — 359: «А. А. Котляревскій, страничка изъ университетскихъ воспоминаній», И. Линниченка.

— Бумаги, оставшіяся послѣ Котляревскаго, повидимому только отъ послѣднихъ его трудовъ; ихъ немного, и это почти исключительно отдѣльныя замѣтки, библіографическія записи, которыя могли служить для предполагавшейся имъ за послѣдніе мѣсяцы его жизни работы надъ «Энциклопедіей славяновѣдѣнія» — иногда цѣлыя страницы, но незаконченнаго изложенія.

— Наконецъ, самыя сочиненія, въ которыхъ отразился запасъ его знаній, способъ его работы, научные и общественные интересы, и которыя были результатомъ его научно-литературнаго поприща.

Значеніе этого матеріала не требуетъ объясненій, и мы сдѣлаемъ замѣчаніе только о перепискѣ Котляревскаго. Изъ общей массы ея выдѣлилась для настоящей работы лишь небольшая доля, имѣющая біографическую важность, и — за исключеніемъ подробностей, для которыхъ еще не пришло время, — мы хотѣли сохранить этотъ матеріалъ, весьма цѣнный для біографіи, такъ какъ въ письмахъ, хотя бы краткихъ и случайныхъ, остается однако отраженіе лица, отголоски времени. Письма сохранились почти только съ 1863 года; до этого, осталось лишь два-три письма, видимо случайно. Мы скажемъ дальше, что однимъ изъ живѣйшихъ интересовъ Котляревскаго была внутренняя научная жизнь нашихъ университетовъ, разумѣется по той области, къ которой принадлежала его собственная спеціальность: во всѣхъ русскихъ университетахъ были у него болѣе или менѣе близкіе друзья, особливо изъ болѣе молодого поколѣнія, — и въ тѣхъ извѣстіяхъ, какія онъ имѣлъ отъ нихъ, могутъ собраться любопытныя черты нашей университетской жизни семидесятыхъ годовъ. Онѣ не принадлежатъ біографіи, но долженъ быть отмѣченъ этотъ интересъ къ судьбамъ русской науки. Подобнымъ

образомъ онъ никогда не покидалъ вопросовъ археологіи, которые увлекали его передъ занятіемъ дерптской кафедрѣ, въ первые годы Московскаго Археологическаго Общества, и въ особенности переписка съ А. А. Куникомъ доставляла ему много интереснаго въ этомъ отношеніи, — что Котляревскій весьма цѣнилъ, живя вдали отъ учено-литературныхъ центровъ.

Бюграфія писателя, работавшаго въ наукѣ, будетъ всегда эпизодомъ изъ исторіи этой науки. Такова и предстоящая намъ бюграфія. Ученое поприще А. А. Котляревскаго было не долговременно: послѣднее время, даже послѣдніе дни его рано прервавшейся жизни были еще полны планами работъ, не ослабѣвала его разнообразная ученая любознательность, — но и то, что онъ успѣлъ сдѣлать, займетъ почетное мѣсто въ исторіи развитія той науки, которая началась, можно сказать, не далѣе, какъ два поколѣнія назадъ. Котляревскій принадлежалъ ко второму поколѣнію и былъ непосредственнымъ ученикомъ и потомъ младшимъ сотоварищемъ тѣхъ людей, которыхъ исторія назоветъ основателями этой новой отрасли нашего знанія. Мы разумѣемъ ту науку, которая въ своихъ разнообразныхъ отрасляхъ сосредоточивается на одномъ великомъ предметѣ—изученіи народности и ея старины: языка, археологическихъ останковъ, преданій, поэтическаго творчества. Какъ увидимъ, труды Котляревскаго бывали задуманы въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ этой области, и если потомъ онъ успѣлъ только въ отдѣльныхъ вопросахъ совершить труды цѣльнаго характера, то въ другихъ ему принадлежитъ однако заслуга критическаго возбужденія вопросовъ, заслуга тѣмъ болѣе цѣнная, что весь кругъ этихъ изученій въ тѣ годы еще только складывался. Собственное научное образованіе Котляревскаго совершалось въ памятные годы начала прошлаго царствованія, когда обновленіе нашей внутренней жизни дѣйствовало въ особенности на умы молодыхъ поколѣній съ великою возбуждающею силою и внушало надежды слишкомъ широкія, слишкомъ горячо принимаемыя, а потому уже вскорѣ слишкомъ часто кончавшіяся разочарованіями.

Котляревскій былъ сыномъ своего времени: общее одушевленіе увлекало и его; къ сожалѣнію, ему пришлось тяжело испытать на себѣ результатъ тѣхъ недоразумѣній, какихъ было не мало въ тотъ періодъ нашей общественной жизни, — но, знакомясь ближе съ фактами его внутренней біографіи, нельзя не видѣть, что то испытаніе, которое ему привелось вынести, было опять плодомъ печальнаго недоразумѣнія. Время подѣйствовало на него чисто идеалистическимъ образомъ: въ его умственномъ характерѣ, при всей живости его темперамента, былъ сильный запасъ трезваго разсудка, который предохранялъ его отъ нерѣдкихъ тогда молодыхъ заблужденій, — но на него повлияло то нравственное содержаніе событій, которое выдвигало въ общественномъ сознаніи и въ самыхъ учрежденіяхъ народъ и народную жизнь, а въ нихъ и была рано намѣченная цѣль всѣхъ его изученій, сначала въ университетской школѣ, а затѣмъ и въ собственныхъ самостоятельныхъ трудахъ. Уже вскорѣ это изслѣдованіе старины и народности становится его господствующимъ, даже единственнымъ интересомъ. Жизненные испытанія могли способствовать тому, что съ охлажденіемъ къ вопросамъ общественной жизни тѣмъ больше усиливались интересы чисто научные; но достаточно было знать характеръ его первыхъ научныхъ работъ, чтобы видѣть, что именно эти чисто научные интересы были основнымъ мотивомъ и цѣлью его труда, рано получавшаго даже оттѣнокъ спеціальной исключительности. Этому глубочайшему интересу своего труда онъ остался вѣренъ навсегда. Исторія его работъ, за которой легко слѣдить теперь при настоящемъ собраніи его сочиненій, будетъ чрезвычайно любопытнымъ указателемъ развитія историко-филологическаго и этнографическаго народовѣдѣнія за тѣ годы.

Александръ Александровичъ Котляревскій родился въ 1837 году въ Крюковѣ, предмѣстьѣ города Кременчуга. Онъ принадлежалъ къ дворянскому роду, весьма распространенному въ Малороссіи и который между прочимъ считалъ въ своей средѣ знаменитаго генерала Котляревскаго. Отецъ Котляревскаго былъ небольшой чиновникъ комиссаріатской комиссіи въ Кременчугѣ; онъ рано умеръ; мать его во второмъ бракѣ была за В. Г. Лебедевымъ, также служившимъ въ этой комиссіи. Котляревскій еще ребенкомъ, въ 1842 году, зачисленъ былъ кандидатомъ въ Петровскій кадетскій корпусъ въ Полтавѣ, но поступленіе въ корпусъ не состоялось, и въ августѣ 1846 года вотчимъ помѣстилъ Котляревскаго въ Полтавскую гимназію, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ іюнѣ 1853 года. Мы имѣемъ мало свѣдѣній о томъ, какъ шло ученіе его въ этой гимназіи. Изъ некролога, писаннаго однимъ изъ его близкихъ друзей и сотоварищей по Кіевскому университету, П. И. Аландскимъ (также покойнымъ), мы узнаемъ, что Котляревскій всегда вспоминалъ о Полтавской гимназіи съ теплотой и благодарностью. «Между его учителями былъ одинъ, уроки котораго запали глубоко въ душу будущаго филолога. Кто былъ этотъ учитель, чѣмъ и въ какомъ направленіи дѣйствовалъ онъ на умы и сердца своихъ учениковъ, могутъ рассказать намъ школьные товарищи Александра Александровича» . . . , — но этихъ рассказовъ до сихъ поръ кажется не появилось. Изъ автобіографической замѣтки

А. А. Потѣбни¹⁾ видно между прочимъ, что его сотоварищи — студенты Харьковскаго университета изъ Полтавской гимназіи были хорошо подготовлены къ занятіямъ филологіей, что въ этой гимназіи въ то время и послѣ былъ замѣчательный учитель древнихъ языковъ полякъ Полевичъ, ученикомъ котораго былъ и Котляревскій. Вообще Котляревскій шелъ хорошо: въ четвертомъ классѣ онъ получилъ похвальный листъ; въ «общей вѣдомости» за послѣдній годъ его пребыванія въ гимназіи отмѣчены высшіе баллы, кромѣ закона Божія и русской словесности, по естественной исторіи, русской исторіи, всеобщей исторіи, географіи, по латинскому и двумъ новѣйшимъ языкамъ (въ большинствѣ такъ называемыя пятерки), но — посредственныя отмѣтки въ математикѣ, физикѣ и космографіи²⁾. По окончаніи гимназическаго курса онъ отправился въ Москву.

Въ университетѣ онъ поступилъ повидимому съ хорошей подготовкой; ему недоставало знанія греческаго языка, тѣмъ не менѣе онъ поступилъ на филологическій факультетъ.

Пребываніе его въ университетѣ было послѣдними годами одного царствованія и началомъ другого. Общественное оживленіе временъ Крымской войны и первыхъ лѣтъ новаго царствованія соединялось съ оживленіемъ литературнымъ, а въ молодыхъ поколѣніяхъ, интересы которыхъ обращались къ наукѣ, это отразилось особою ревностью къ изученіямъ историческимъ, филологическимъ и этнографическимъ. Московскій университетъ давно

1) Истор. русской этнографіи, Спб. 1891, III, стр. 421.

2) Въ аттестатѣ, выданномъ при окончаніи курса, значитъ, что онъ «при полученіи отличномъ, обучался всѣмъ предметамъ, положеннымъ по Уставу Гимназій и Училищъ 1828 года декабря 8-го дня. Успѣхи оказалъ въ Законѣ Божіемъ отличные, въ Русскомъ языкѣ отличные и Словесности отличные, Русскомъ Законовѣдѣніи —, въ Греческомъ языкѣ —, въ Латинскомъ языкѣ хорошіе, въ Анатоміи и Физиологіи человѣка отличные, Естественной Исторіи —, въ Математикѣ достаточные, въ Исторіи отличные, въ Географіи достаточные, въ Физикѣ посредственные, во Французскомъ языкѣ отличные, въ Нѣмецкомъ языкѣ хорошіе» — вслѣдствіе чего ему выданъ былъ аттестатъ «съ предоставленіемъ ему преимуществъ, изображенныхъ въ § 234 Устава Гимназій и Училищъ 1828 года декабря 8-го дня».

стоялъ во главѣ нашего научнаго движенія, стоялъ во главѣ его и теперь: Котляревскій еще засталъ здѣсь Грановскаго, Кудрявцева; въ полномъ юношескомъ разгарѣ своихъ изученій и идеализма дѣйствовалъ Буслаевъ, у котораго уже была начинающаяся школа; представителемъ славяновѣдѣнія былъ своеобразный, неутомимый изыскатель и издатель старыхъ памятниковъ Бодянский; въ классической филологіи для молодыхъ филологовъ были чрезвычайно поучительны чтенія Леонтьева, которыя могли готовить и къ изслѣдованіямъ въ области славяно-русской древности и міеологіи.

Объ этой молодой порѣ жизни Котляревскаго, мы имѣемъ живое свидѣтельство его младшаго современника и туземца, а также и бывшаго ученика, Алексѣя Ник. Веселовскаго.

«Съ середины пятидесятихъ годовъ въ студенческихъ кружкахъ Москвы стала замѣтно выдвигаться необыкновенно своеобразная личность; и по типу, и по говору это былъ кровный малороссъ; жизнь била въ немъ ключомъ, въ умныхъ глазахъ сверкала огонь, рѣчь поражала остроуміемъ; подвижной донельзя, главный зачинщикъ серіозныхъ споровъ и самыхъ потѣшныхъ шалостей, онъ въ то же время удивлялъ всѣхъ своимъ страстнымъ увлеченіемъ наукой. Въ его скромной студенческой комнатѣ на самой вышкѣ одного изъ старыхъ домовъ Арбатской площади понемногу скоплялась рѣдкая для студента библіотека, главное его сокровище, — и среди иныхъ товарищей она вызывала къ нему какое-то особое, почти пугливое уваженіе»..... но, «замѣшавшись въ толпу, молодой отшельникъ становился веселымъ собесѣдникомъ, мѣтко и живо судилъ о злобѣ дня и всей душою сочувствовалъ возрождавшемуся общественному движенію. Вмѣстѣ съ своими сверстниками онъ переживалъ одинъ изъ отраднѣйшихъ моментовъ новой-русской исторіи, всеобщее пробужденіе послѣ долгой летаргіи; приливъ силъ, жажда жизни проникали всюду, и не было, кажется, отъявленнѣйшаго буквоѣда, нелюдима или брюзги, котораго не потянуло бы на вольный воздухъ. Для такой же натуры, какая съ блестящей оригинальностью

проявлялась у студента-украинца, то была самая желанная, идеальная обстановка; движеніе, борьба, ломка отжившаго были для него необходимы, полны особой прелести. Какъ бы ни судили о немъ люди, знавшіе его въ послѣдніе годы, утомленнаго, уходявшагося, въ немъ несомнѣнно были скрыты богатые задатки общественнаго дѣятеля, публициста, вліятельнаго и руководящаго критика.

«Нѣсколько такихъ личностей знала тогда Москва, нѣсколько кружковъ группировало ихъ единомышленниковъ. Здѣсь горячо обсуждались насущные русскіе вопросы, сюда проникали новыя соціальныя и философскія ученія Запада; при посредствѣ нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ связи съ петербургскими кружками устанавливалось единомысліе съ тѣмъ, что проповѣдовала тогдашняя передовая журналистика Съ порою «гласности» совпало необыкновенное развитіе сатиры, обличенія». . . Въ молодыхъ московскихъ кружкахъ Котляревскій шелъ и тутъ впереди. «Если даже впослѣдствіи, среди страданій, его никогда не оставлялъ юморъ, легко представить себѣ, какъ неистощима была эта сторона его таланта въ молодые годы. Способность на лету схватить слабость или недостатокъ противника и воспроизвести ихъ въ мѣткомъ разсказѣ, такъ и просившемся въ печать... изобрѣтательность въ пародіи, неожиданныхъ сравненійхъ, шаловливое обращеніе къ помощи церковно-славянской торжественности или народной бойкости рѣчи, — все это обличало въ немъ юмористическій талантъ первой величины, кой-гдѣ сквозящій въ его произведеніяхъ (напр. въ *Старинъ и народности*, въ *Библіологіи*), но, къ сожалѣнію, не развившійся до художественности. И не мало враговъ создалъ онъ ему въ теченіи жизни; но «мало кто давалъ себѣ трудъ заглянуть въ глубь этой натуры и увидѣть, сколько глубокихъ думъ и благородной серіозности скрывало за собой неизсякаемое остроуміе обличителя».

«Эта чуткость и отзывчивость, не дававшая интересамъ съюзиться, напротивъ, приводившая человѣка въ соприкосновеніе

со всѣмъ, что было живого вокругъ него, наложила свой отпечатокъ и на любимый предметъ занятій студента Онъ рано умѣлъ соединять основательное изученіе отдѣльнаго вопроса съ обобщеніями, широкіе горизонты манили его, и въ мысли, что онъ хоть сколько-нибудь участвуетъ въ прогрессѣ науки, была всегда для него какая-то почти поэтическая прелесть. Такъ отнесся онъ еще въ университетѣ къ вопросу о народности и старинѣ. Совершенно чуждый славянофильскимъ восторгамъ, для оцѣнки которыхъ онъ не жалѣлъ остраго слова, онъ страстно увлекся невѣдомымъ и чарующимъ міромъ. То была вообще пора примѣчательнаго расцвѣта разнородныхъ изученій прошлаго, счастливо совпадавшая съ новою эрой; близились къ концу собраніе пѣсенъ Кирѣевскаго и словарь Даля; сказки Афанасьева, какъ нѣкогда сборникъ Перро во Франціи, одерживали побѣду надъ вкусами непосвященной публики; выходили на путь собиранія народныхъ памятниковъ новые дѣятели, Рыбниковъ, Якушкинъ; журналы давали на ряду съ статьями, подготовлявшими близкое уже крестьянское освобожденіе, ученныя работы о народной старинѣ . . . , читавшіяся всѣми; наконецъ, въ 1857 г. сдѣлалось возможнымъ изданіе спеціальнаго журнала по литературной старинѣ (*Лѣтописи* Тихонравова). Москва была въ то время главнымъ центромъ этого движенія, дѣятели котораго, за немногими исключеніями, группировались около ея университета, испытывая сильное вліяніе Буслаева, чьи курсы древней русской словесности являлись для нихъ откровеніемъ. Тамъ, гдѣ еще держались допотопныя воззрѣнія на народныя вѣрованія, на богатѣйство, самобытное эпическое творчество и старую культуру, водворялся подъ воздѣйствіемъ теорій Гриммовъ и позднѣйшей школы научный методъ; неожиданныя сличенія проливали новый свѣтъ на загадочные вопросы; сравнительное языкознаніе, факты всеобщей литературы, археологія, исторія искусства являлись на помощь историко-литературнымъ изслѣдованіямъ; все оживало, и изъ хаоса выступали осязательные, стройные образы. Молодежь видѣла, что передъ нею открывался не-

початый край работы, и тѣмъ увлеченіе устремлялась въ слѣдъ учителю. Никогда не забудется заслуга О. И. Буслаева, этого родоначальника и вдохновителя всѣхъ донинѣ дѣйствующихъ изслѣдователей русской народной старины.

«Котляревскій сталъ однимъ изъ ревностныхъ его учениковъ. Если проповѣдь гуманности въ устахъ Кудрявцева привлекала его, если сердечно любимая имъ эпическая личность Бодянского связывала его съ родиной и манила общеславянскими симпатіями, то еще сильнѣе овладѣлъ имъ интересъ къ той отрасли знаній, въ которой добытые уже Буслаевымъ результаты возбуждали къ соревнованію. Еще не кончилось его студенчество, а уже онъ могъ считать себя специалистомъ въ ней; оттого-то въ первыхъ же его печатныхъ работахъ такъ замѣтно обладаніе предметомъ и свободное пользованіе большимъ ученымъ арсеналомъ. Чѣмъ глубже уходилъ онъ въ эти работы, тѣмъ несомнѣннѣ становилось, что это будетъ неизмѣнною, безповоротною его страстью».

Половина пятидесятихъ годовъ была особенно оживленнымъ временемъ въ литературѣ, а также и въ той области изученій, на которыя направилась потомъ дѣятельность Котляревскаго. Передъ тѣмъ, еще до кончины Гоголя, поэтическая литература въ «Запискахъ Охотника» подошла прямо къ изображенію того же самаго народа, къ изученію котораго направлялись труды исторіи и филологіи; по кончинѣ Гоголя, какъ будто для того, чтобы литература не оскудѣвала великими талантами, явилось первое произведеніе гр. Л. Н. Толстого; съ первыми пятидесятыми годами становятся великимъ литературнымъ фактомъ комедіи Островскаго; цѣлый рядъ новыхъ писателей затрогивалъ народную жизнь съ гораздо большею глубиною, чѣмъ то удавалось прежнимъ писателямъ, знаменитымъ на этомъ поприщѣ (какъ Даль): назовемъ имена Писемскаго, Мельникова (Андрея Печерскаго), Потѣхина, Кокорева, С. В. Максимова и др. Съ первыми годами прошлаго царствованія начинается совсѣмъ новая дѣятельность литературы, сильно будившая

общественную мысль: назовемъ Салтыкова; наконецъ, давно не бывалое оживленіе литературной критики, переходившей все болѣе въ изслѣдованіе вопросовъ общественныхъ. Все это рядомъ съ событіями тѣхъ годовъ дѣйствовало оживляющимъ образомъ на общественную мысль, возбуждало надежды, вызывало къ труду — и особенно въ тѣхъ молодыхъ поколѣніяхъ, которыя росли тогда подъ сѣнью университетовъ. Можно было замѣтить параллельно съ этимъ такое же обновленіе и новую энергію въ области науки. Съ начала пятидесятихъ годовъ, еще при старыхъ мало благопріятныхъ условіяхъ, такая усиленная дѣятельность обнаружилась въ русскомъ отдѣленіи Академіи, главнымъ образомъ по инициативѣ и трудами Срезневскаго: «Извѣстія II отдѣленія» давали рядъ новыхъ своеобразныхъ изысканій о старой русской письменности и народной старинѣ и массу библіографическихъ указаній изъ области славяновѣдѣнія, за которою до тѣхъ поръ никогда не слѣдили у насъ столь обстоятельно. Около того же времени возникалъ «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній» Н. В. Калачова (въ Москвѣ), гдѣ нашли мѣсто и вопросы этнографическаго народовѣдѣнія; въ Петербургѣ развивалась дѣятельность Географическаго Общества. Въ 1855 году происходило необычайное празднество русской науки — столѣтній юбилей перваго русскаго университета: для составленія его исторіи потребовалось участіе молодыхъ научныхъ силъ, среди которыхъ уже находились знатоки дѣла — таково было участіе Н. С. Тихонравова въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ Московскаго университета» за сто лѣтъ его существованія. Время было еще не вполне благопріятное для музъ, но первое торжество науки оставило тѣмъ не менѣе плодотворное впечатлѣніе, пробудивъ историческое сознаніе ея результатовъ. Въ Москвѣ ожило Общество любителей россійской словесности при университетѣ: оно уже вскорѣ восприняло наслѣдіе П. В. Кирѣевскаго, котораго обширное пѣсенное собраніе стало выходить въ свѣтъ съ 1860 года. Передъ тѣмъ начато было изданіе «Лѣтописей русской литературы и древности», Тихо-

нравова: онѣ являлись какъ бы программой и образцомъ тѣхъ новыхъ изысканій въ области старой и новой литературы и народной старины, которыя становились научнымъ вкладомъ и правомъ новаго ученаго поколѣнія. Къ этому молодому движенію охотно примыкали и болѣе раннія силы и ученые авторитеты: въ «Лѣтописяхъ» рядомъ съ молодыми силами стоятъ имена Буслаева, Соловьева, Забѣлина, Аѳанасьева. Въ то же время Аѳанасьевъ начиналъ изданіе «Библиографическихъ Записокъ», а годами двумя позже г. Хованскій предпринялъ въ Воронежѣ «Филологическія Записки», первое въ своемъ родѣ изданіе въ провинціи, изданіе скромное, но полезное и которое Котляревскій съ самаго начала старался поддерживать и гдѣ впоследствии издана была его послѣдняя крупная работа.....

Въ этой атмосферѣ литературныхъ и научныхъ возбужденій проходило время пребыванія Котляревскаго въ Московскомъ университетѣ. Какъ можно видѣть уже изъ первыхъ его литературныхъ трудовъ, онъ усердно работалъ на студенческой скамьѣ. И эта работа шла еще въ тѣсномъ кружкѣ товарищества. Изъ словъ того же современника и туземца мы получаемъ понятіе о характерѣ и составѣ этого кружка. «Въ этомъ кружкѣ, — рассказываетъ Алексѣй Веселовскій, — сходились люди, со временемъ достигшіе большой извѣстности, тогда же неопытные дебютанты, полные силъ и готовые къ борьбѣ. Журнальная и газетная дѣятельность, только-что пробуждавшаяся, казалась многимъ изъ нихъ наиболѣе подходящею, по крайней мѣрѣ на первое время. Котляревскій нашелъ себѣ радушный пріютъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ то время издававшихся Вал. Коршемъ и М. Щепкинымъ¹⁾: въ литературныхъ прибавленіяхъ къ этой газетѣ, производящихъ теперь добродушное впечатлѣніе своимъ скромнымъ видомъ узкаго листика средняго формата, появлялись сплошь и рядомъ талантливо написанныя статьи по научнымъ и даже общественнымъ вопросамъ, и

1) Послѣдній — съ конца 1859 года.

велась довольно полная библіографія новостей; тамъ появились первенцы Котляревскаго (если не считать небольшой статьи въ «Рус. Вѣстн.» 1857 года), этюды о русскомъ богатырствѣ, — но тамъ же подъ псевдонимомъ печатались и бойкія, насмѣшливыя замѣтки, дававшія просторъ его воинствующему юмору. Противъ Малаго театра тогда уже высилась огромная и неуклюжая масса, домъ Челышева или, по студенческому прозвищу, *челыши*; четыре отдѣленія мебелированныхъ комнатъ давали убѣжище цѣлой гурьбѣ интеллигентной и просто безденежной богемы. Въ *Челышахъ* перебивало, наряду съ *Палашами* (за Тверскимъ бульваромъ) и другими излюбленными стоянками молодежи, не мало нисходящихъ поколѣній студентовъ. Тамъ приходилось жить и Котляревскому и его товарищамъ. Такимъ образомъ возникъ собирательный псевдонимъ «Н. Челышевскій», или кратко Н. Ч., подъ которымъ они поочередно скрывались въ своихъ нападкахъ на плохихъ авторовъ, претенціозныхъ ученыхъ и въ особенности на тѣхъ, въ комъ чуяли глухую вражду къ новой наукѣ и прогрессу. Котляревскому случалось и впоследствии (въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Корша) прибѣгать къ этому псевдониmu для тѣхъ же цѣлей. Помню, что однажды, уже въ 70-хъ годахъ, мнѣ пришлось на мысль воспользоваться этимъ фельетоннымъ забраломъ, зная, что оно собственно никому не принадлежитъ, — Котляревскаго заинтриговало и вмѣстѣ, казалось, опечалило это неожиданное возрожденіе стараго псевдонима; онъ очевидно сросся въ его памяти съ невосвратимою свѣжестью молодости».

Молодой литературный кругъ заключалъ много дѣятельныхъ силъ, которыя впоследствии заняли видныя мѣста въ разныхъ отрасляхъ литературы и общественной жизни. Товарищами Котляревскаго были Н. А. Поповъ, впоследствии извѣстный профессоръ Московскаго университета, дѣятель Славянскаго благотворительнаго комитета въ Москвѣ и директоръ Архива министерства юстиціи; А. А. Козловъ, впоследствии профессоръ Кіевскаго университета; старше его по университету были

Н. С. Тихонравовъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. М. Оеоктистовъ и др. Первые опыты кружка, какъ замѣчено, появлялись на скромныхъ страницахъ тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ напр. Тихонравовъ печаталъ свои любопытныя замѣтки о писателяхъ прошлаго вѣка, г. Бестужевъ-Рюминъ о Сумароковѣ, гдѣ потомъ Котляревскій помѣстилъ цѣлый рядъ библиографическихъ и критическихъ статей и замѣтокъ, гдѣ печаталъ свои статьи упомянутый Н. Челышевскій. Позднѣ ихъ труды перешли на страницы крупныхъ журналовъ, «Русскаго Вѣстника» и «Отечественныхъ Записокъ», а труды и замѣтки чисто научныя направились въ спеціальныя журналы, какъ названныя выше изданія Аѳанасьева, Тихонравова, Хованскаго.

Въ университетѣ Котляревскій работалъ очень ревностно и еще до окончанія курса началъ свою дѣятельность (1855) трудами, занимающими первыя страницы въ академическомъ изданіи его сочиненій, — небольшою статьею о Ломоносовѣ по поводу исполнившагося тогда столѣтія его грамматики, замѣтками по поводу изслѣдованія П. Лавровскаго о Якимовской лѣтописи, по поводу сочиненія Гр. Данилевскаго объ Основыяненкѣ, любопытною статьею: «Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ». Это были еще статьи студента-филолога; занятія его уже теперь были направлены на языкъ, литературу, старину народнаго быта, — предметы, которые въ дальнѣйшемъ болѣе широкомъ развитіи стали его спеціальностью на всю жизнь. Сообразно этому, въ университетѣ, тѣми профессорами, которыхъ предметъ былъ ему всего ближе, были Бодянский и Буслаевъ. Впослѣдствіи Котляревскій посвятилъ памяти Бодянскаго слова теплаго сочувствія, какъ достойнаго представителя науки, непоколебимаго въ своихъ убѣжденіяхъ и неутомимо работавшаго на поприщѣ русской и славянской исторіи и литературы: Бодянский не образовалъ школы, но ему многимъ обязаны такіе ревностные дѣятели нашего славяновѣдѣнія, какъ А. А. Майковъ, Е. П. Новиковъ, Дю-

вернуа, Кочубинскій, и ему считалъ себя обязаннымъ самъ Котляревскій. По словамъ его, лекціи Бодянскаго были весьма неровны. «Курсъ Бодянскаго состоялъ изъ отдѣла практическаго, гдѣ послѣ краткаго грамматическаго введенія шло чтеніе памятниковъ: Краледворской рукописи, сербскихъ пѣсенъ, «Маріи» Мальчевскаго. Этотъ курсъ велъ онъ очень успѣшно; другіе же предметы предлагалъ лишь въ отрывкахъ, такъ что, прослушавъ его даже пять лѣтъ, приходилось выслушать одни кусочки, напр. изъ грамматики — о двойственномъ и множественномъ числѣ, изъ исторіи — конецъ исторіи Балтійскихъ славянъ и начало исторіи чеховъ... Бодянскій утверждалъ, что при подобной системѣ чтенія онъ легче приучалъ своихъ слушателей къ спеціальному изученію предмета» ¹⁾. Рядомъ съ этимъ служили руководствомъ самыя изслѣдованія Бодянскаго, въ особенности только-что вышедшая тогда книга «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (1855), въ которой и позднѣе Котляревскій удивлялся богатству содержанія: «это огромный сборникъ всякаго рода историко-литературныхъ и палеографическихъ замѣтокъ и изслѣдованій по различнымъ вопросамъ, относящимся къ произведеніямъ древнеславянской литературы». Труды Бодянскаго приучали къ внимательной работѣ, къ подробному обзору источниковъ, и вѣроятно участвовали въ образованіи тѣхъ критическихъ приемовъ, какіе выработались потомъ у самого Котляревскаго. О глубокомъ вліяніи лекцій и изслѣдованій О. И. Буслаева скажемъ далѣе.

Котляревскій окончилъ курсъ въ 1857 году, но со степенью дѣйствительнаго студента. Причиною полученія только этой низшей степени были, кажется, затрудненія, которыя встрѣтились на экзаменѣ изъ богословія или философіи (у Терновскаго). Впослѣдствіи онъ держалъ кандидатскій экзаменъ въ петербургскомъ университетѣ ²⁾; здѣсь была представлена

1) Сочиненія II, 441—442.

2) Въ 1861, въ апрѣлѣ и началѣ мая; кандидатскій дипломъ былъ помѣченъ 12 сентября, 1862, и имъ полученъ 19 октября.

имъ и кандидатская диссертация, писанная, безъ сомнѣнія, во время московскаго студенчества на тему по кафедрѣ Бодянскаго, вліяніе котораго осталось замѣтно между прочимъ и на своеобразномъ писаніи. Сочиненіе называлось: «О времени принятія христіанской вѣры Болгарами и объ участіи въ этомъ дѣлѣ св. Кирилла Солунца, — историко-хронологическое изслѣдованіе» ¹⁾. Впослѣдствіи Бодянскій хотѣлъ напечатать это сочиненіе въ «Чтеніяхъ», но изданіе почему-то не состоялось ²⁾. Какъ студенческая работа и по тому времени, диссертация представляла большія достоинства по внимательному изученію источниковъ.

Въ томъ же 1857 году Котляревскій, выдержавши обычные испытанія, поступилъ на службу въ Александринскій сиротскій кадетскій корпусъ, учрежденный въ 1850 году взамѣнъ Александринскаго сиротскаго института ³⁾. Директоромъ корпуса былъ П. А. Грессеръ; инспекторомъ, въ завѣдованіи котораго находилась и учебная часть, былъ Е. К. Баумгартенъ, впослѣдствіи директоръ Перваго кадетскаго корпуса въ Петербургѣ. Учебная часть была обставлена прекрасно; въ числѣ преподавателей были лучшія молодыя педагогическія силы: когда Котляревскій поступалъ сюда учителемъ, въ Александринскомъ корпусѣ уже дѣйствовали Бестужевъ-Рюминъ, Ешевскій,

1) Далѣе: «представленное въ историко-филологич. факультетъ Импер. Санктъ-Петербургскаго Университета для полученія степени кандидата Московскаго Университета дѣйствительнымъ студентомъ Алекс. Котляревскимъ».

2) На оборотѣ заглавія диссертации какъ будто начато карандашомъ предисловіе къ этому предполагавшемуся изданію: «Предполагаемый трудъ писанъ лѣтъ восемь тому назадъ. Съ тѣхъ поръ много ушло воды, много измѣнилось» . . .

3) Биографы Котляревскаго, въ томъ числѣ и г. Веселовскій, не точно называютъ его Александровскимъ; въ Москвѣ въ тѣ годы находился временно Александровскій-Брестскій кадетскій корпусъ, съ которымъ не надо смѣшивать Александринскаго сиротскаго. См. объ Александринскомъ въ «Историческомъ очеркѣ Военно-учебныхъ Заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію», генералъ-майора Лалаева, Спб. 1830. II, стр. 46, 175; объ Александровскомъ-Брестскомъ тамъ же, стр. 41, 42, 105, 106.

Ниль Поповъ, М. Н. Капустинъ, А. К. Корсакъ, Тихонравовъ, лица, отчасти уже тогда имѣвшія большое научное имя, отчасти пріобрѣвшія такое имя вскорѣ; здѣсь же бывали преподавателями Е. М. Оеоктистовъ и А. И. Георгіевскій. Какъ велось преподаваніе Котляревскимъ, рассказываетъ его тогдашній ученикъ, г. Алексѣй Веселовскій. «Какъ бывшій ученикъ его, съ этого времени близко его узнавшій (до того онъ былъ товарищемъ моихъ братьевъ), я могу засвидѣтельствовать, что и въ этой сферѣ онъ выказалъ ту же рѣдкую талантливость, вносящую всюду жизнь и самодѣтельность. Въ короткое время онъ сталъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ учителей въ Москвѣ; и въ большихъ школахъ (Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ), и въ частныхъ урокахъ стоило ему явиться и наладить дѣло, и все приходило въ движеніе, заинтересовывалось, бросалось читать и работать». Указавъ упомянутый составъ преподавателей, авторъ воспоминаній продолжаетъ: «Но и въ этой обстановкѣ появленіе энергическаго и оригинальнаго во всемъ молодого дебютанта-учителя произвело сильное впечатлѣніе. Онъ захватилъ съ собою изъ университетской аудиторіи и изъ своей студенческой каморки все то увлеченіе наукой о народности, которое согрѣло его собственную жизнь, и умѣлъ передать его подросткамъ, до той поры мало задумывавшимся надъ подобными вопросами. Онъ говорилъ имъ объ арійской старинѣ, о мпоологін, съ жаромъ истолковывалъ народныя пѣсни, вводилъ слушателей, казалось, далеко отъ текущей жизни, — а между тѣмъ въ нихъ пробуждался бодрость духа, жажда развитія и интересъ къ старинѣ паравиѣ съ сочувствіемъ новому времени. Все встрепенулось и взволновалось. Когда лекторъ переходилъ къ среднему и новому періоду словесности, въ классную комнату врывался тотъ воздухъ, который уже отводилъ душу лучшей части общества; сравнительный методъ и масса интереснѣйшихъ отклоненій въ область иностранныхъ литературъ (не полагавшихся тогда даже въ университетѣ) расширяли кругозоръ учениковъ; въ довершеніе всего передъ нами открылась возможность обшир-

ныхъ самостоятельныхъ работъ; годовыя сочиненія съ массою источниковъ, которыя увлекавшійся преподаватель добывалъ отовсюду, откапывая рѣдкости, опустошая бібліотеки, давали поводъ много прочесть, обо многомъ подумать, а тѣхъ, кто слабо зналъ иностранныя языки, заставляли налечь на нихъ, чтобъ въ подлинникѣ изучить все необходимое. Теплое и человѣческое отношеніе къ ученикамъ, живая рѣчь, блестящая образами и остроуміемъ, способность серіозно заинтересоваться развитіемъ отдѣльныхъ болѣе даровитыхъ личностей, направлять ихъ потомъ и дальше въ жизни, все это привязывало молодежь къ Котляревскому неразрывною связью, и его личность осталась для нея наиболѣе свѣтлымъ явленіемъ изъ всей школьной поры. Такимъ былъ онъ и въ обстановкѣ школы, и въ частномъ преподаваніи; молва, быстро разнесшаяся о немъ по Москвѣ, не была преувеличена; *такіе* лекторы русской словесности всегда рѣдки; изъ учениковъ его и теперь найдутся люди, способные подтвердить сказанное мною». Мы дѣйствительно слышали эти подтвержденія отъ лицъ, которыя также были тогда учениками Котляревскаго, видѣли и образчики «сочиненій», какія писались учениками по его предмету: это были правильныя небольшія изслѣдованія, въ которыхъ видно и знакомство съ литературой и знакомство съ критическими пріемами, какимъ научалъ преподаватель ¹⁾. Авторъ воспоминаній рассказываетъ, что слухъ о томъ, какъ необычно Котляревскій ведетъ преподаваніе русской словесности, доходилъ до высшихъ начальствъ, призванныхъ наблюдать за учебною частью въ корпусахъ; что экзаменъ вызванныхъ въ Петербургъ учениковъ Котляревскаго прошелъ блестящимъ образомъ, и «сочиненія», спешенныя учеными ссылками, произвели эффектъ.

Въ то же время онъ усиленно работалъ въ литературѣ. Едва окончившій курсъ студентъ, онъ является въ 1857 сотрудникомъ «Русскаго Вѣстника», потомъ «Отечественныхъ Запи-

1) Ср. названныя выше воспоминанія І. Д. С.

сокъ», — по тѣмъ предметамъ, которые стали уже любимымъ кругомъ его занятій: это — область народнаго преданія, вопросы исторіи литературы. Въ 1859 онъ принимаетъ участіе въ «Московскомъ Обозрѣніи», любопытномъ изданіи, которое предпринято было тогда молодымъ учено-литературнымъ кружкомъ и о которомъ рассказываетъ опять очевидецъ и туземецъ, г. Алексѣй Веселовскій.

«Врядъ ли кто теперь знаетъ исторію этого молодого и даровито веденнаго журнала, который обреченъ былъ злою судьбою прожить лишь «*ce que vivent les roses*». Звали его «Московское Обозрѣніе» — титулъ, придуманный въ подражаніе англійскимъ *reviews* и прямо обличавшій намѣренія издателей: четыре раза въ годъ должны были выходить довольно объемистыя книжки журнала, гдѣ въ первомъ отдѣлѣ появлялись бы руководящія статьи научнаго содержанія, большіе историческіе этюды, обозрѣнія литературы по отдѣльнымъ вопросамъ, а затѣмъ велась бы полная библіографія, русская и иностранная. Изданія такого типа не существовало у насъ до той поры; даже впоследствии тѣ журналы, которые сначала хотѣли обойтись безъ беллетристики (напр. «Вѣстникъ Европы» 1866—67), принуждены были сдѣлать уступку установившемуся вкусу. Въ 1859 же году, когда группа молодежи затѣвала свой «*Moscow Review*», почвы для него не было. Къ причинамъ неудачи нужно отнести также и куріозный выборъ издателя ¹⁾... Его имя было единственнымъ открытымъ для читателя; по уговору сотрудниковъ между собою, и опять по англійскому образцу, всѣ статьи должны были печататься безъ подписи. Такимъ образомъ представительство кружка принималъ на себя невѣдомый міру писатель... Но едва дѣло сладилось, и двѣ книжки журнала вышли, какъ издателемъ овладѣли тревоги и сомнѣнія... Подписчиковъ

1) Это былъ штабсъ-капитанъ А. Лаксъ, репетиторъ или учитель въ младшихъ классахъ того же Александринскаго корпуса, — который могъ оказать изданію матеріальное содѣйствіе. Впоследствии, Лаксъ перешелъ на службу по жандармскому вѣдомству и умеръ томскимъ губернаторомъ.

было мало, но съ выдержкою можно было бы воспитать публику, подходящую для такого изданія, — вдругъ издатель объявилъ, что устраняется отъ дѣла: денежный источникъ изсякъ, нервъ войны былъ подрѣзанъ, и все распалось. Двѣ книжки «Московского Обозрѣнія» составляютъ теперь библиографическую рѣдкость» . . .

Главными основателями этого изданія были К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, извѣстный потомъ даровитый экономистъ А. К. Корсакъ, Н. В. Альбертини и рано умершій талантливый медикъ Розенблатъ; къ нимъ примкнулъ и Котляревскій.

Впечатлѣніе, какое производили тогда первые труды Котляревскаго, передано въ тѣхъ же воспоминаніяхъ. «Статья Котляревскаго объ Исторіи русской словесности Шевырева, составляющая одно изъ украшеній «Московского Обозрѣнія», можетъ быть названа типомъ его молодой критической манеры; много знанія, самостоятельный взглядъ, страстность изложенія и повидимому невольныя юмористическія выходки. Его самого занимало обставить свой натискъ нѣкоторою загадочностью: подъ статью виднѣлось нѣсколько таинственныхъ буквъ — Sp. a—г и помѣта *Городище*. Представлялось ему, съ какою недовольною миной непопулярный, отставшій отъ научнаго движенія, въ полномъ смыслѣ отставной авторитетъ приметъ порицаніе и укоры какого-то невѣдомаго Spiritus asper. Тою же смѣлостью и желаніемъ побороться съ обветшавшими направленіями въ наукѣ и литературѣ проникнуты были многія изъ статей остальныхъ сотрудниковъ».

Это научное движеніе пятидесятихъ годовъ представляетъ любопытное историческое явленіе именно въ томъ отношеніи, что оно не случайно совпадало съ тѣмъ общимъ оживленіемъ литературнымъ и общественнымъ, какое отличало ту эпоху. Начатки его, какъ мы видѣли, восходятъ еще къ концу предыдущаго историческаго періода, но развилось оно въ той новой атмосферѣ, которая исполнена была всякаго рода запросовъ нравственныхъ и общественныхъ: присоединились и вопросы науч-

ные — въ исторіи и народовѣдѣніи. Молодая школа, рядомъ съ опытами новыхъ изслѣдованій, обращалась къ провѣркѣ прежняго содержанія: очень часто она имъ не удовлетворялась и спѣшила устранить отжившее и устарѣлое, потому что оно могло только мѣшать установленію болѣе правильныхъ пріемовъ изслѣдованія и спугивало понятія. Нерѣдко представителями этого устарѣлаго и ложнаго бывали люди съ внѣшнимъ авторитетомъ, который придавалъ значеніе трудамъ, не имѣвшимъ никакого авторитета научнаго. Таковы были тѣ историко-литературные взгляды, какіе опровергалъ Котляревскій въ книгѣ Шевырева; такова была «Общесравнительная Грамматика», съ которою выступилъ въ эти годы Ив. Давыдовъ и противъ которой Котляревскій не находилъ достаточныхъ словъ осужденія; таковы были ходячіе учебники словесности и исторіи литературы, повторявшіе старую рутину безъ всякаго вниманія къ тѣмъ новымъ задачамъ, которыя ставила здѣсь даже скромная русская наука; таковы были тѣ толкованія русской народности, народной русской поэзіи, какія велись по стародавней рутинѣ, неподозрѣвавшей о новыхъ великихъ пріобрѣтеніяхъ науки въ этой области, или съ мнимою глубиною «народнаго» взгляда, подъ которой скрывалась чистая фантазія. . . Нѣкоторымъ объясненіемъ этого преобладанія рутины было то, что наука, которая должна бы устранить ее, имѣла у насъ еще слишкомъ тѣсное внѣшнее распространеніе: можно было указать точныя хронологическія даты, которыми отмѣчены первые ея шаги на русской почвѣ; могъ быть сосчитанъ немногочисленный кругъ ея адептовъ; легко было назвать имена тѣхъ двухъ-трехъ руководителей, которые стояли во главѣ новой школы. Вокругъ этихъ учителей собирались немногіе ученики, которые тѣмъ ревностнѣе выходили на защиту цовой науки, что въ устахъ учителей она являлась со всею силою глубокаго убѣжденія и всею увлекательностью поэтической вѣры — что найденъ наконецъ путь къ тайнамъ народной древности, народнаго языка, народнаго преданія. Такимъ восторженнымъ учителемъ былъ въ Московскомъ университетѣ

Э. И. Буслаевъ... Мы говорили въ другомъ мѣстѣ о великихъ заслугахъ этого дѣятеля нашего народовѣдѣнія. Замѣтимъ, по поводу указаннаго сейчасъ малаго внѣшняго распространенія новой науки, что съ конца сороковыхъ годовъ, когда Э. И. Буслаевъ вступилъ впервые на кафедру Московскаго университета, и въ теченіе пятидесятихъ годовъ, онъ былъ единственнымъ представителемъ этой науки, которая въ другихъ университетахъ была заявляема только въ немногихъ отрывочныхъ примѣненіяхъ, напр. въ области славяновѣдѣнія. Можемъ сказать по собственнымъ воспоминаніямъ, что сочиненія Буслаева, съ первой книги «О преподаваніи отечественнаго языка», съ диссертациі «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ», и кончая отдѣльными статьями (между прочимъ появлявшимися и въ тѣхъ же «Московскихъ Вѣдомостяхъ») возбуждали живѣйшій интересъ у юныхъ «филологовъ» другихъ университетовъ: онѣ открывали новыя перспективы въ сравнительномъ языкознаніи и въ изученіи народной поэзіи, здѣсь впервые поставленной въ томъ идеальномъ ореолѣ, какимъ окружили ее братья Гриммы. «Буслаевъ» было популярное имя. Тѣмъ больше должна была имѣть вліяніе живая лекція, и не случайно его наиболѣе ревностные послѣдователи были въ Москвѣ. Это вліяніе было самымъ сильнымъ толчкомъ къ изученію народной поэзіи и старой письменности въ томъ направленіи, какое уже установилось теперь. Оно, вмѣстѣ съ другими условіями, внесло большую перемѣну и въ постановку цѣлаго историко-литературнаго вопроса. Онъ ставился теперь уже иначе, чѣмъ было до сихъ поръ, съ точки зрѣнія Бѣлинскаго. Во-первыхъ, являлось совсѣмъ иное отношеніе къ народной поэзіи и народно-поэтическимъ элементамъ литературы: въ крайней постановкѣ новой точки зрѣнія, только это одно и было существенно, а литература искусственная, заимствованная съ XVIII-го вѣка, едва заслуживала вниманія, какъ чужое пересаженное растеніе, народу чуждое. Для народной поэзіи отыскивалось не только художественное объясненіе: въ ней раскрывалось глубочайшее преданіе,

нѣкогда совмѣщавшее въ себѣ и религіозно-миѳическое, и историческое, и нравственно-поэтическое содержаніе. Рядомъ съ этимъ — и отчасти подъ вліяніемъ той же точки зрѣнія — развивалось детальное изученіе старой письменности и новой литературы, гдѣ взаи́мнѣ, или въ дополненіе, прежней, исключительно историко-эстетической критики возникали новые интересы изслѣдованія: изученіе памятниковъ по ихъ отношенію къ народному преданію, къ исторіи быта, наконецъ къ исторіи образованія и культуры. Всѣ эти интересы воспринялъ и Котляревскій, или точнѣе, онъ, вмѣстѣ съ другими начинавшими дѣятелями той поры, развивалъ положенія, проистекавшія изъ новаго склада науки: требовалось указать недостаточность, односторонность или прямо ложность прежнихъ, еще господствовавшихъ взглядовъ, установить новыя требованія научной критики, вообще расширить горизонтъ изслѣдованія. Это имѣлъ онъ въ виду, когда въ статьѣ объ «Исторической грамматикѣ» Буслаева дѣлалъ очеркъ движенія филологической науки (преимущественно нѣмецкой), устранявшей старыя приемы, которые еще продолжали такъ сказать официально господствовать въ русской грамматикѣ. Это имѣлъ онъ въ виду, когда въ тѣ же годы писалъ разборы сочиненій по исторіи литературы, — напр. книги Шевырева, гдѣ онъ устранялъ изъ науки не принадлежавшія къ ней сентиментальныя теоріи и настаивалъ на точномъ смыслѣ фактовъ, или сочиненій Милюкова и другихъ, гдѣ еще не дано было мѣста новымъ положеніямъ науки. Далѣе, нужно было выяснить требованія критики въ самыхъ изслѣдованіяхъ о народномъ бытѣ и поэзіи: Котляревскій предпринялъ обзоръ трудовъ, появлявшихся тогда по этому предмету, и сдѣлалъ это въ книжкѣ: «Старина и народность за 1861 годъ» (составившейся изъ ряда статей въ «Моск. Вѣдомостяхъ»), которая много цитировалась впослѣдствіи и до сихъ поръ сохранила цѣну по мѣткимъ критическимъ замѣчаніямъ, въ ней разбросаннымъ.

Въ то же время, когда складывались такимъ образомъ научные интересы новаго поколѣнія и возникало желаніе выяснить

данное положеніе и очистить путь для новой критики, развивалась и другая черта—желаніе ближе ознакомиться съ тѣми фактами старой литературы, которые до тѣхъ поръ оставались заброшенными, а между тѣмъ заключали въ себѣ богатый матеріалъ какъ для этнографическаго народовѣдѣнія, такъ и для исторіи литературы, со стороны внутренняго развитія общества. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, быть можетъ, однимъ изъ побужденій къ новой постановкѣ историко-литературныхъ вопросовъ послужило Смирдинское изданіе старыхъ русскихъ писателей, въ числѣ которыхъ были и крупные и второстепенные: съ критикой изданій возникаетъ забота объ исправности и полнотѣ текстовъ, о комментаріи, который объяснялъ бы, во-первыхъ, самое развитіе литературныхъ направленій и пріемовъ, а во-вторыхъ общественное значеніе писателей, отношеніе ихъ къ дѣйствительности, объяснялъ бы ихъ реальную связь съ жизнью, скрытые намеки и т. п. Съ этимъ начиналась пора новыхъ изученій, чѣмъ тѣ, какія давала до тѣхъ поръ критика Бѣлинскаго. Послѣдняя совершила свое важное дѣло — разъясненіе эстетическихъ началъ и историческую оцѣнку новѣйшей литературы съ художественной точки зрѣнія. Непосредственное продолженіе ученій Бѣлинскаго было пріостановлено обстоятельствами, но было вмѣстѣ необходимо новое направленіе изысканій, сначала отрывочныхъ, но которымъ предстояло впереди сложиться въ цѣлую новую школу. Литература не есть только искусство, но и отраженіе жизни и въ этомъ смыслѣ — богатый матеріалъ для ея изученія; при этомъ существенно измѣняется самая мѣрка: старый писатель, не имѣющій крупнаго художественнаго значенія, можетъ быть однако исполненъ интереса, какъ матеріалъ для этой исторіи общественной; или, не играя большой роли въ литературѣ, онъ можетъ имѣть значеніе для исторіи развитія извѣстнаго направленія, которое, прежде чѣмъ стать руководящей силой, нерѣдко готовится цѣлымъ рядомъ частныхъ предварительныхъ начинаній и опытовъ, пріобрѣтающихъ тогда не малый интересъ для объясненія генезиса литературныхъ явле-

ній. Литературная старина получала важность и съ совсѣмъ иной стороны. Труды Гримма, вліяніе которыхъ было у насъ впервые водворено г. Буслаевымъ, открывали новую точку зрѣнія: это—великая жизненная сила народнаго преданія. Преданіе живетъ не только въ его непосредственной формѣ: оно продолжаетъ держаться прямо или косвенно, явно или скрытно въ цѣлой массѣ обычаевъ, даже оборотовъ языка; матеріаломъ для народной мѣологии, для исторіи обычая, народной поэзіи, можетъ служить не только прямо древній мѣлъ, сказка, пѣсня, но и случайная записъ, въ которой можетъ скрываться старая мѣологическая, бытовая, народно-поэтическая черта. Косвенные факты этого рода широко разсѣяны въ литературѣ; старый писатель, вовсе не думая о народномъ преданіи и поэзіи, даже относясь къ нимъ враждебно, можетъ доставить объ нихъ цѣнныя указанія; неловкая старинная передача народнаго обычая, пѣсни и т. п., можетъ заключать важныя подробности. Особенно драгоценна старая рукопись,—не только древняя, важная для изученія первыхъ вѣковъ письменности, но и средняя, даже новая: мы такъ еще мало знаемъ письменную старину, что можемъ ожидать найти въ ней любопытнѣйшіе факты,—какъ это потомъ вполне оправдалось... Въ кругу молодыхъ ученыхъ развивается усердное собирательство, книжное и рукописное. Съ этихъ поръ идутъ, на примѣръ, богатые послѣ книжныя и рукописныя собранія И. Е. Забѣлина, Тихонравова; нѣсколько ранѣе былъ такимъ собирателемъ А. Н. Афанасьевъ и др. На этотъ путь вступилъ и Котляревскій и его коллекторство, кажется, съ самаго начала получило спеціальный и обдуманно принятый отѣнокъ. Въ нашихъ рукахъ былъ каталогъ его библіотеки отъ 1858 года, когда онъ только-что покинулъ университетскую скамью: библіотека уже тогда имѣла опредѣленный характеръ,—въ ней нашли мѣсто сочиненія по общимъ вопросамъ науки, а затѣмъ иностранныя, особливо нѣмецкія сочиненія по языку, мѣологии, обычаю, и все существенное, чтò представляла тогда въ этой области наша литература. Впослѣдствіи эти начатки

выросли въ замѣчательную спеціальную библіотеку, у насъ единственную въ своемъ родѣ, на которую Котляревскій положилъ много труда и времени, и пополненіе которой было его заботой буквально до послѣднихъ дней его жизни. Москва въ то время, да и до сихъ поръ, была самымъ богатымъ источникомъ для поисковъ въ книжной старинѣ: здѣсь въ особенности можно было разыскать старую рѣдкость, невиданную нигдѣ въ другомъ мѣстѣ; впослѣдствіи Котляревскій разыскивалъ нужныя ему вещи и въ славянскихъ земляхъ, и въ нѣмецкой антикварной торговлѣ, наконецъ въ Италіи, повсюду, гдѣ только могло встрѣтиться что-либо относящееся къ русской и славянской этнографіи и народной старинѣ. Очень рано онъ сталъ настоящимъ библіофиломъ, даже библіоманомъ въ лучшемъ смыслѣ слова: его библіотека была спеціальная; онъ настойчиво искалъ недостававшихъ ему книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей; онъ хотѣлъ, чтобы его библіотека была полной коллекціей литературы предмета и какъ бы наглядно собранной исторіей науки; книга интересовала его не только своимъ содержаніемъ, но и своей внѣшностью; онъ любилъ въ книгѣ то, чтó привлекаетъ истаго библіомана — нетронутый экземпляръ съ цѣльными полями; съ простымъ экземпляромъ новой книги ему хотѣлось имѣть и веле-невый; свои собственныя изданія онъ любилъ также дѣлать съ этими библіофильскими тонкостями, съ широкими полями, съ опредѣленнымъ, библіофильски-сакраментальнымъ числомъ экземпляровъ и т. п. Въ связи съ этимъ, подъ конецъ самыя занятія его склонялись къ изученію исторіи науки. Таковъ былъ послѣдній изданный имъ трудъ.

Въ 1862 году дѣятельность Котляревскаго была въ полномъ разгарѣ. Кромѣ названныхъ работъ, онъ принялъ живое участіе въ только-что основанныхъ тогда въ Воронежѣ «Филологическихъ Запискахъ» Хованскаго; съ рѣдкимъ успѣхомъ шла его дѣятельность преподавательская. Въ томъ же году онъ началъ свою семейную жизнь, — но, едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ его новаго домашняго быта, какъ съ нимъ произошло не-

счастіе, которое тяжело отразилось на всей его послѣдующей жизни. Въ его университетской біографіи это рассказано слѣдующимъ образомъ: «Однажды вечеромъ онъ встрѣтился у одного изъ своихъ сослуживцевъ съ эмигрантомъ Кельсіевымъ, тайкомъ пробравшимся въ Россію, и эта встрѣча, безобидная сама по себѣ, стоила покойному очень дорого. Котляревскій, только-что начавшій свою семейную жизнь, былъ взятъ, доставленъ въ С.-Петербургъ и подвергнутъ одиночному заключенію, продолжавшемуся шесть мѣсяцевъ. Объ этомъ тяжеломъ эпизодѣ своего прошлаго покойный не разъ вспоминалъ довольно благодушно. Онъ хвалилъ чистоту своего помѣщенія въ крѣпости, съ признательностью упоминалъ о библіотекѣ коменданта, въ изобиліи снабжавшей его описаніями путешествій, и говорилъ, что во время шестимѣсячнаго пребыванія въ заключеніи онъ успѣлъ собрать значительный запасъ этнографическаго матеріала . . . Но благодушный тонъ воспоминаній явился впослѣдствіи, а самый эпизодъ въ свое время долженъ былъ оставить глубокіе и горькіе слѣды. По окончаніи ареста, заключенный снова получилъ свободу, но былъ лишенъ права поступать на государственную службу» ¹⁾.

Объясненіе этого печальнаго эпизода мы имѣемъ въ сообщенныхъ намъ воспоминаніяхъ одного изъ тогдашнихъ друзей Котляревскаго, и близкаго свидѣтеля происшествій. Кельсіевъ (давно уже умершій), тогда молодой человекъ, былъ изъ числа тѣхъ увлекающихся натуръ, какихъ не мало было въ ту пору и на которыхъ эпоха преобразованій производила чрезвычайное впечатлѣніе, открывая, какъ имъ казалось, новую эпоху для всей національной жизни. Что она производила такое дѣйствіе, это было понятно, потому что то былъ дѣйствительно великій переломъ въ народной жизни; но самая новостъ тѣхъ началъ, которыя вступали въ жизнь, способна была возбуждать въ умахъ впечатлительныхъ преувеличенныя ожиданія, получавшія въ концѣ

1) Біографическій Словарь профессоръ и преподавателей Имп. университета Св. Владиміра. Кіевъ, 1884, стр. 304.

концовъ характеръ почти патологическій. Къ такимъ неуравновѣшеннымъ людямъ принадлежалъ и Кельсіевъ. Попавши случайно въ Лондонъ, онъ сталъ эмигрантомъ и началъ своеобразную дѣятельность, предметомъ которой былъ расколъ. Его идеи приняли странное, фантастическое направленіе: не имѣя никакого точнаго представленія о дѣлѣ, онъ полагалъ, что расколъ можетъ стать политической силой, что нужно возбудить въ немъ движеніе, и въ будущемъ ему чудилась картина религіозно-свободной народной жизни, картина, для которой расколъ не давалъ въ дѣйствительности никакого матеріала. Издавши въ Лондонѣ нѣсколько книжекъ, собранныхъ имъ, впрочемъ любопытныхъ, историческихъ матеріаловъ о расколѣ, онъ вздумалъ отправиться въ Россію, добылъ для этого фальшивый паспортъ и пріѣхалъ секретно въ Москву, подъ именемъ турецкаго подданнаго Василя Яни. Цѣль его пріѣзда въ Москву была — завязать сношенія, преимущественно со старообрядцами: съ кѣмъ-то онъ будто бы видѣлся, предлагая печатать въ Лондонѣ ихъ изданія и статьи о положеніи раскольниковъ дѣлъ. Кельсіевъ побывалъ и у двухъ-трехъ изъ московскихъ писателей, интересы которыхъ направлены были на изученіе народной жизни. Говорили, что у одного изъ знакомыхъ Котляревскій встрѣтился съ Кельсіевымъ, но велъ съ нимъ совершенно незначительный разговоръ, не имѣвшій ни малѣйшаго политическаго характера. Лицо, сообщившее намъ воспоминанія объ этомъ эпизодѣ и близко знавшее его подробности, утверждаетъ напротивъ, что Котляревскій совсѣмъ даже не видѣлъ Кельсіева, но слышалъ о его пріѣздѣ, узналъ, что онъ собираетъ свѣдѣнія о расколѣ, и какъ настоящій библіоманъ, выразилъ ему сочувствіе подаркомъ рѣдкой книги: онъ послалъ Кельсіеву книгу Новицкаго «о духовборцахъ», надписавъ на ней время подарка и свою фамилію ¹⁾).

1) Припомнимъ, что расколомъ, впервые открывавшимся тогда для изученія, былъ заинтересованъ и П. Н. Рыбниковъ и что его неосторожность была причиной ссылки его въ Олонецкую губернію, гдѣ онъ совершилъ вскорѣ свои знаменитыя открытія богатаго живого запаса древнихъ былинъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, Кельсіевъ уѣхалъ опять за границу; рискованная поѣздка повидимому еще разгорячила его фантазію, прибавилась, можетъ быть, и доля хвастовства, такъ что наконецъ пребываніе въ Москвѣ и бесѣда съ немногими видѣнными имъ москвичами приняли въ его воображеніи размѣры, которыхъ вовсе не было въ дѣйствительности. Изъ-за границы онъ послалъ къ одному изъ московскихъ знакомцевъ письмо съ изложеніемъ его фантазій; письмо было перехвачено и по его содержанію въ Москвѣ арестовано было нѣсколько лицъ, которыя были названы въ письмѣ Кельсіева, и въ томъ числѣ Котляревскій. Къ тому же дѣлу былъ привлеченъ тогда и извѣстный А. Н. Афанасьевъ. Повидимому, этому дѣлу былъ приданъ сначала весьма серіозный характеръ; слѣдствіе должно было выяснить всю его незначительность, и дѣйствительно большинство лицъ, къ нему привлеченныхъ и въ сущности болѣе компрометированныхъ, были только призваны къ допросу и остались на свободѣ. Котляревскій провелъ въ заключеніи около полугода; въ концѣ концовъ ему разрѣшена была даже литературная работа: изъ III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи (нынѣ упраздненной) была послана имъ С. С. Дудышкину, завѣдывавшему тогда «Отечественными Записками», статья: «На память будущимъ библіографамъ», которая и была напечатана въ этомъ изданіи ¹⁾... Дѣло кончилось однако тѣмъ, что освобожденный наконецъ отъ ареста, Котляревскій не только потерялъ свою службу, но и лишенъ былъ права и впредь служить по учебному вѣдомству,—а это былъ единственный жизненный путь, къ которому онъ всегда стремился, и единственный, къ которому онъ былъ способенъ ²⁾. Тогда же и А. Н.

1) Сочиненія, II, стр. 109 и д.

2) Въ его формулярѣ значится, что онъ былъ уволенъ отъ службы въ Александринскомъ корпусѣ приказомъ отъ 27 августа 1862 года, и другимъ приказомъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, отъ 29 марта 1863 года, разрѣшено считать его уволеннымъ отъ службы по прошенію и дозволено ему снова опредѣлиться на службу, но отнюдь не по учебному вѣдомству.

Аѳанасьевъ, заслуженный ученый, потерялъ свою службу въ московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ ¹⁾).

Такъ неосторожность повлекла за собою самыя печальныя послѣдствія. По всему складу своихъ интересовъ Котляревскій былъ совершенно далекъ отъ какихъ-нибудь политическихъ увлеченій: съ первыхъ шаговъ въ университетѣ всѣ его мысли обращены были къ наукѣ, и у него сложились уже вкусы ученаго собирателя, точнаго изслѣдователя, которые навсегда въ немъ остались и исключали всякое другое увлеченіе. Онъ былъ тяжело пораженъ постигшимъ его ударомъ и его письма тѣхъ годовъ проникнуты глубокимъ уныніемъ. Съ этихъ поръ обнаружились у него и первые симптомы его болѣзни...

Тотъ же современникъ, г. Алексѣй Веселовскій, рассказываетъ о возвращеніи Котляревскаго въ Москву:

«По словамъ Котляревскаго, встрѣтившаго въ теченіи тяжелаго времени (заключенія) участіе и симпатіи со стороны нѣкоторыхъ лицъ надзора, ему выразили при разставаніи сожалѣніе о случившемся, обѣщали выдать (а, можетъ быть, и выдали) удостовѣреніе въ томъ, что съ него снята напраслина и что дѣятельность его ни въ чемъ не будетъ стѣснена.

«Но въ прежнюю среду возвратился какъ будто другой человѣкъ. Въ болѣзненномъ существѣ съ осунувшимися чертами лица, ... напрасно стали бы искать сходства съ прежнею горячею искрометною натурою... Впереди, однако, было еще много мелкихъ испытаній, въ которыхъ то-и-дѣло отзывалась только-что пережитая тревога. Когда, придя въ себя, онъ попытался пріняться за прежнія занятія, успокоительныя петербургскія увѣренія не оправдывались. Преподаваніе въ казенныхъ заведеніяхъ оказалось невысказаннымъ. Какъ будто чья-то рука не въ мѣру усердствовала и не давала человѣку оправиться и обезпечить себѣ заработокъ. Формальнаго запрещенія учить, очевидно, не существовало, потому что все таки нашлась школа, гдѣ, не

1) Ср. біографическій очеркъ, г. Ефремова въ «Р. Старинѣ», 1872, V.

взирая ни на что, Котляревскаго удержали и самъ онъ мало-по-малу пересталъ сознать надъ собою близость Дамоклова меча»...

Утрата любимаго поприща не уменьшила ревности его научныхъ занятій, которыя становились наконецъ его единственнымъ интересомъ. Въ эти годы, 1862 — 1863, онъ между прочимъ много работалъ для «Филологическихъ Записокъ». По всему видно, что Котляревскому было очень сочувственно небывалое до тѣхъ поръ предпріятіе—основаніе историко-филологическаго журнала въ глухой провинціи, на скромныя средства, скромнымъ человѣкомъ, учителемъ гимназіи, журнала, который послѣ «Лѣтописей» Тихонравова, выходившихъ безсрочными выпусками, былъ тогда единственнымъ органомъ этихъ интересовъ, — такъ какъ прекращались и академическія «Извѣстія».

Съ первыхъ шаговъ изданія Котляревскій старался оказать провинціальному ученому журналу всякое содѣйствіе. Приводимъ рядъ извлеченій изъ переписки его съ издателемъ «Записокъ», — они не лишены интереса какъ для исторіи этого изданія, такъ и вообще для исторіи нашей филологической науки. На приглашеніе принять участіе въ предполагаемомъ изданіи Котляревскій писалъ (отъ 16 мая, вѣроятно 1862):

«На ваше обязательное приглашеніе могу только изъявить полное сочувствіе къ вашему предпріятію. Удосужившись отъ должностныхъ занятій, постараюсь прислать вамъ одинъ мой небольшой трудъ (объ образованіи художественнаго эпоса), который почти уже оконченъ... Вашъ журналъ совершенно неизвѣстенъ въ Москвѣ — и ни одинъ книгопродавецъ не могъ удовлетворить моего желанія познакомиться съ нимъ. На это не мѣшало бы Вамъ обратить вниманіе, если уже не изъ финансовыхъ соображеній, то по крайности—въ видахъ общей пользы.

«Вмѣстѣ съ этимъ позволю себѣ поручить вашему вниманію одинъ трудъ моего ученика и товарища по преподаванію, г-на П., который въ скоромъ времени будетъ вамъ доставленъ. Трудъ этотъ лишенъ самостоятельности, но представляетъ совѣстливое

и обстоятельное извлеченіе изъ мнѣній новѣйшихъ лингвистовъ о происхожденіи и образованіи языка. Помѣщеніе его въ вашемъ журналѣ оправдало-бы—смѣю думать—редакцію за распространеніе лингвистической ереси, какою на мой взглядъ оказывается статья Амфитеатрова, извлеченіе изъ которой я читалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Въ другомъ письмѣ (безъ года и числа) онъ посылаетъ первую часть труда г-на П., обѣщая вскорѣ доставить и вторую, болѣе интересную. «Мое сочиненіе о художественномъ эпосѣ надѣюсь доставить вамъ, какъ скоро освобожусь отъ должностныхъ занятій. Къ сентябрю мѣсяцу готовлю краткій учебникъ по исторіи всеобщей литературы».

Въ другомъ письмѣ (опять безъ года и числа): «...Къ 15 маю вышлю вамъ статью: напечатайте ее въ 1 № и сдѣлайте мнѣ 99 оттисковъ съ отдѣльнымъ заглавіемъ и отдѣльною нумераціей. Признаться вамъ по правдѣ — я немного равнодушенъ къ библіографическимъ странностямъ...

«Когда-то, въ 1857 году еще, я помѣстилъ въ «Москов. Вѣдомостяхъ» три статьи о русскихъ богатыряхъ—теперь я ихъ передѣлалъ и, если желаете, пришлю къ вамъ для «Филологическихъ Записокъ».

Вѣроятно, ранѣе, при первомъ полученіи программы журнала, Котляревскій сообщалъ (отъ 15 ноября, безъ года) Хованскому общія соображенія о томъ, что должно бы или не должно имѣть мѣсто въ журналѣ: «...Получилъ ваши программы. Программа хороша—и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» я скажу объ ней нѣсколько добрыхъ словъ во внушеніе почтениѣйшей публикѣ; вообще для распространенія вашего журнала сдѣлаю все, что можно...

«П. предлагалъ вамъ переводъ 2-й (лингвистической) части изъ сочиненія А. Маугу, *La terre et l'homme*. Это находка для журнала, потому что въ этомъ сочиненіи (писанномъ хотя и французомъ, но совершенно нѣмецкой школы) сведены всѣ результаты, если можно такъ выразиться,—этнографіи лингвистики...

«Переводъ Беккера—мое мнѣніе—должно оставить, оговорившись, что-де спѣшимъ подѣлиться тѣмъ, что лучше и почище Беккера.

«Знаете-ли, что мнѣ думается: вещь была-бы отличная, если бы вы поручили кому-нибудь способному сдѣлать полное и подробное извлеченіе изъ «Воронежскихъ губ. Вѣдомостей», касательно матеріаловъ по исторіи словесности и народной старинѣ. Это дало бы вашимъ Запискамъ вѣсъ и въ глазахъ записныхъ археологовъ.

«...Только — ради Бога — не начинайте вы журнала старымъ избитымъ риторическимъ хламомъ въ родѣ ст. «Введеніе въ теорію словесности» (nisi fallor), потомъ на затычку и Яковъ Космичъ ¹⁾ пойдетъ, а сначала слѣдуетъ явиться въ люди достойнымъ образомъ!»...

Въ другомъ письмѣ s. l. et a., вѣроятно того же времени, Котляревскій писалъ:

«...О Боппѣ ²⁾ — кого ни спрашивалъ — всѣ только улыбаются: снисходительно называютъ это мечтою, а люди крайніе — просто незнаніемъ современныхъ требованій; я и самъ — грѣшный человѣкъ — согласенъ съ первыми, тѣмъ болѣе, что и вашъ расчетъ на студентовъ филологическаго отдѣленія не вѣренъ: во всѣхъ 5 нашихъ университетахъ Боппомъ интересуются не болѣе 5 человѣкъ; по крайней мѣрѣ за вѣрность этого вычисленія я относительно Москвы и Петербурга ручаюсь!

«О какомъ сочиненіи Гримма переписывались вы съ С—мъ? Если объ исторіи языка, то лучше не браться за ея переводъ, а ограничиться подробнымъ извлеченіемъ съ дополненіями касательно славяничины: для перевода нуженъ почти такой-же художникъ, какъ и самъ Гриммъ! Шлейхерова сочиненіе, первую половину котораго рекомендовалъ я вамъ для перевода, носить заглавіе: Die deutsche Sprache, 1860. Превосходная вещь, хотя

1) Амфитеатровъ. 2) Переводъ его хотѣлъ дать г. Хованскій.

и разругана Штейнталемъ, да вѣдь этотъ господинъ — самодуръ.

«Благодарю васъ дружески за доброе слово и постараюсь быть вамъ сколько можно полезнымъ: кромѣ обѣщанной статьи я *надѣюсь* прислать къ вамъ краткое обзорѣніе современныхъ явленій по языкознанію и пришлю непременно 3 лекціи вступительныхъ изъ моего курса исторіи русской словесности... Содержаніе ихъ:

«1) Земля и народъ, бытъ русскихъ племенъ, языкъ и религія.

«2) Нравы и обычаи при рожденіи, свадьбѣ и погребеніи, соотвѣтствующія имъ пѣсни и сказки. Пѣсни бытовыя (праздничныя).

«3) Эпосъ богатырскій: князь Владимиръ и его богатыри.

«Онѣ у меня отлитографированы, но я пополнию и исправлю ихъ»...

Нѣсколько писемъ касаются тревогъ, причиненныхъ Кельсievскимъ дѣломъ. Началось съ того, что однажды, при возвращеніи его изъ Петербурга, гдѣ у него завязывалось тогда много отношеній въ учено-литературномъ кругу, онъ за станцію до Москвы былъ захваченъ жандармами и по приѣздѣ сдѣланъ былъ обыскъ въ его бумагахъ, въ которыхъ не оказалось ничего компрометирующаго. Въ концѣ письма, гдѣ объ этомъ рассказывается, онъ говоритъ: «Напишите мнѣ, пожалуйста, многоуважаемый Ал. Ан., какъ ваше дѣло. Статья моя готова вполнѣ я все же не даромъ ѣздилъ въ Петербургъ: она выйдетъ лучше, потому что я запасся новыми источниками»...

Въ другомъ письмѣ (отъ 9 октября, безъ года): «... Статья моя «О современномъ состояніи сравнительно-историческаго языкознанія» была почти совсѣмъ окончена, оставалось только передать въ цензуру и отослать вамъ, какъ меня постигло великое несчастіе, перевернувшее въ конецъ всю мою жизнь. Подъ гнетомъ этого несчастія я нахожусь еще и теперь, по истеченіи почти 3 мѣсяцевъ. Когда я вздохну свободно — не знаю, но первая мысль, первая забота моя будетъ—исполненіе обѣщанія от-

носительно васъ. Думаю также прислать вамъ одну изъ своихъ корпусныхъ лекцій, наиболѣе обработанную (о русскихъ народныхъ книгахъ, и лубочныхъ изданіяхъ)»..

Въ другомъ письмѣ (безъ года и числа): «Вотъ я и на свободѣ... какъ все это случилось, расскажу на свободѣ, когда все это сдѣлается *воспоминаніемъ*, хотя сомнѣваюсь, чтобы когда-нибудь оно могло сдѣлаться воспоминаніемъ пріятнымъ.

«Итакъ — не станемъ говорить объ этомъ, а лучше поговоримъ о вашемъ *духовномъ чадѣ*: до сихъ поръ я не получилъ 1-й книги, гдѣ-то пропала — и я прочелъ по чужому экземпляру. Что вамъ сказать? Было бы все ладно, если-бъ не *переводъ Гримма*.

«За Гримма надо приниматься не только съ полнѣйшимъ, основательнымъ знаніемъ *духа* нѣмецкаго языка, но и съ талантомъ, и съ образованіемъ не менѣ широкимъ и многостороннимъ; а вашъ переводчикъ не знаетъ даже, что *völva* значить по скандин. прорицательница, вѣщая дѣва, наше сербское *вила*, русск. *вол-хвѣ*; онъ смѣшалъ его съ латинскимъ *vulva* и перевелъ *ложесна*!

«Что же это такое? Вообще весь переводъ Гримма — выдѣннаго яйца не стоитъ. И какой злой духъ внушилъ вамъ отважиться на такое опасное и многотрудное дѣло!

«Статьи вамъ двѣ готовы: 1) о сравнительномъ языкознаніи и 2) о литературномъ значеніи лубочныхъ книгъ...

«Всѣ мои книги и бумаги — при моемъ погромѣ сброшены въ кучу и мнѣ не малаго труда стоитъ теперь разбирать ихъ...

«Буслаевъ говорилъ мнѣ, что послалъ вамъ статью *объ эпостѣ*. Коли вы дѣлали отдѣльные оттиски, то пришлите мнѣ *парочку*: мнѣ необходимо для уроковъ».

Еще въ одномъ письмѣ отъ того-же времени онъ пишетъ: «Извините меня... за неаккуратные отвѣты, все въ Петербургѣ ѣзжу, *дѣла* подправляю, испорченныя извѣстнымъ вамъ погромомъ». Онъ даетъ наставленія, какъ должны быть сдѣланы оттиски его статей: «...статья, такимъ образомъ, составитъ цѣль-

ное сочиненіе. У меня теперь лежитъ на столѣ довольно большая статья «объ обработкѣ исторіи всеобщей литературы въ Россіи»... Напечатайте вслѣдъ за второю статью о языкознаніи (въ томъ же номерѣ), а въ оттискахъ подберите нумерацію страницъ съ той, на которой остановилась вторая статья о языкознаніи. Такъ какъ я думаю напечатать у васъ и статью о богатыряхъ и лекціи о народныхъ книгахъ, то все вмѣстѣ составитъ порядочный томикъ, къ которому потомъ, по окончаніи, приберемъ и общее заглавіе и оглавленіе статей. Конечно, все это не для продажи, а просто для моихъ знакомыхъ...

«Это—единственное вознагражденіе, которое я у васъ прошу, и надѣюсь, что вы исполните мое желаніе».

Опускаемъ нѣсколько писемъ и остановимся еще на одномъ, которое опять свидѣтельствуетъ объ его стараніи всячески помочь журналу. Котляревскій даетъ совѣты по изданію, предостерегаетъ отъ возможныхъ ошибокъ, заботится о корректурѣ, о матеріальной сторонѣ дѣла. Такъ въ письмѣ (отъ 11 ноября, вѣроятно 1863) онъ предостерегаетъ объ одномъ писателѣ: «...Онъ никогда ничего не дастъ, а если-бы и далъ, то такой непроходимой дичи и безсмыслицы и печатать не приходится, безъ опасенія самому не сойти съ ума».

«О сравнительной грамматикѣ мысль, покаместъ, оставьте: средства у васъ очень скудныя, изданіе идетъ плохо, хорошихъ знатоковъ почти вовсе нѣтъ, а если попросите кого-нибудь сдѣлать наскоро, то, повѣрьте, выйдетъ нѣчто въ родѣ В. Половцова или того господина, который у васъ переводилъ исторію нѣмецкаго языка Гримма. Если изданіе пойдетъ, то тогда можно будетъ серьезно объ этомъ подумать».

«Да извините, грѣшный человѣкъ, мнѣ все кажется, что не сегодня-завтра у васъ изсякнутъ ресурсы, и вы закроете изданіе. Напишите мнѣ, обезпечены ли у васъ средства печати на новый годъ, тогда я подумаю объ этомъ предметѣ серьезно и сообщу вамъ мои мысли: по моему, дѣло нужно вести нѣсколько иначе, чѣмъ оно велось доселѣ».

«Не робѣйте, дорогой мой, за матеріаломъ дѣло не станетъ, я смѣло обѣщаю вамъ не только свою, но надежную чужую помощь».

Переписка съ редакторомъ «Филологическихъ Записокъ» протянулась и на 1864 годъ. Въ письмахъ опять повторяются заботы о статьяхъ для журнала, своихъ и чужихъ, и о матеріальномъ положеніи изданія. Между прочимъ Котляревскій перечисляетъ работы, которыя должны занять мѣсто въ журналѣ:

«Статьи на сей годъ:

«Мои: 1) О русскихъ богатыряхъ (по поводу книги Майкова «о былинахъ Владимірова цикла»).

«2) О значеніи народной русской сказки.

«3) Нравы и обычаи русскихъ по Нестору.

«4) О лубочныхъ картинкахъ и народныхъ русскихъ книгахъ.

«5) Библіографическія справки и замѣтки.

«Л. З. Зиновьева (моего ученика): Поэма о Нибелунгахъ.

«А. Н. Аѳанасьева: Мифъ и сказка.

«Н. И. Стороженка: Объ идилліи (по Гумбольдту и Холевусу).»

Вообще Котляревскій помѣстилъ въ «Филологическихъ Запискахъ» 1862—1864 цѣлый рядъ статей, которыя собраны во 2-мъ томѣ академическаго изданія ¹⁾. Съ 1864 года Котляревскій надолго разстался съ «Записками», потому что его заняли другія работы и другое изданіе: это были работы въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ (съ 1864).

Но прежде чѣмъ онъ нашелъ здѣсь примѣненіе своей дѣятельности, въ 1863 году, онъ былъ, какъ мы говорили, въ крайне удрученномъ состояніи. Къ счастью, онъ нашелъ себѣ великую нравственную опору въ сочувствіи авторитетныхъ ученыхъ, которые давно цѣнили его, поддерживали его въ это тягостное для него время и придумывали средства дать его труду болѣе широкое приложеніе. Съ 1863 года идетъ его оживленная

1) Стр. 132—256.

переписка съ И. И. Срезневскимъ и А. А. Куникомъ: оба, еще раньше ему знакомые, высоко имъ уважаемые по ихъ обширнымъ знаніямъ и строгому складу ихъ изслѣдованій, теперь еще болѣе привязали его къ себѣ теплыми сочувствіями...

Въ началѣ 1863 года Котляревскій ѣздилъ въ Петербургъ хлопотать о своихъ дѣлахъ; здѣсь онъ узналъ между прочимъ, что его судьбой былъ заинтересованъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія (А. В. Головнинъ) и выражалъ желаніе сколько можно помочь ему. Вернувшись въ Москву, Котляревскій сообщаетъ объ этомъ Срезневскому, какъ о фактѣ хотя неопредѣленномъ, но достовѣрномъ: при свиданіяхъ Срезневскій высказывалъ большое участіе къ Котляревскому. Въ отвѣтъ на извѣщеніе послѣдняго Срезневскій сообщалъ ему о состоявшемся распоряженіи (которое тѣмъ временемъ стало уже извѣстно и въ Москвѣ), что Котляревскому разрѣшено поступить на службу, только не по учебнымъ вѣдомствамъ. «Не сердитесь, — писалъ Срезневскій (безъ года и числа), — что я такъ давно не писалъ вамъ: мнѣ хотѣлось написать вамъ что-нибудь положительное, и его не было. Нѣтъ, правда, ничего вѣрнаго и до сихъ поръ, но есть по крайней мѣрѣ нѣкоторыя указанія, чего пока не искать, на что не надѣяться. Такъ изъ прилагаемой записки вы увидите, что вамъ надобно избрать путь не учебный, а ученый. Богъ дастъ, это будетъ къ лучшему. Что касается до ученаго пути, то пока все зависитъ отъ Академіи. По совѣщанію съ А. А. Куникомъ я написалъ проектъ объ изданіи сборника матеріаловъ для славянской древности, въ которомъ бы непременно статью была библіографія и матеріалъ для словаря славянскихъ древностей. Мой проектъ понравился Кунику. Если понравится и Академіи, то вамъ будетъ работа и постоянная, и сколько-нибудь выгодная. А между тѣмъ ради Бога спѣшите съ магистерствомъ, съ диссертацией. Не отвлекайтесь отъ этого по возможности ничѣмъ, имѣя въ виду, что чѣмъ болѣе времени пройдетъ за этимъ, тѣмъ отдадите болѣе срокъ представленія докторской диссертациі. По моему крайнему убѣжденію, только докторскій

дипломъ васъ можетъ обезпечить отъ непогодъ житейскихъ. Тогда откроется вамъ и университетъ и академическое кресло и спокойное занятіе наукой. Тѣмъ не менѣе совѣтую вамъ навести справки и по прилагаемой запискѣ: изъ-за чего вышло такое грустное для васъ рѣшеніе? Надо очистить себя отъ подозрѣній, оправдаться, обезоружить благопріятелей—только осторожно... Онъ выразилъ надежду, что въ «Запискахъ» Академіи можно будетъ издать и новое обозрѣніе «старины и народности», которое предлагалъ Котляревскій.

На это письмо Котляревскій отвѣчалъ (отъ 4 мая): «Не знаю, какъ и благодарить васъ за ваше доброе участіе въ моей судьбѣ! О тяжеломъ для меня рѣшеніи я зналъ уже изъ officialнаго извѣщенія и, потерявъ всякую надежду на лучшее будущее, рѣшительно упалъ духомъ. Ваше дорогое письмо поддержало меня и оживило. Время покажетъ, заслуживалъ ли я этого участія съ вашей стороны и сѹмѣю ли оправдать его; но во всякомъ случаѣ оно въ высшей степени дорого для меня, какъ единственная нравственная поддержка среди общаго холоднаго равнодушія къ моему несчастію, скажу болѣе, какъ призывъ къ труду и наукѣ въ то время, когда ослабленные силы отказывались служить ей!... Не думаю, чтобы теперь можно было чѣмъ-нибудь смягчить приговоръ, произнесенный надо мною: онъ идетъ не отъ какого-нибудь частнаго лица, а отъ самой высшей инстанціи, на которую не можетъ быть апелляціи. Просить суда, не имѣю никакой надежды, что дадутъ его—только даромъ тратить время и разстраивать свой душевный покой, и безъ того въ конецъ разстроенный! Я рѣшилъ—покориться судьбѣ и безъ ропота отвѣчать за чужіе промахи и прегрѣшенія»... Онъ самъ былъ увѣренъ въ необходимости магистерской степени, думалъ, что долженъ представить диссертацию даже въ текущемъ году; но сочиненіе (о которомъ онъ вѣроятно уже говорилъ съ Срезневскимъ) не налаживалось, и онъ просилъ у Срезневскаго совѣта. Работа слишкомъ затягивалась и онъ думалъ оставить тему для докторской диссертации, а пока задавался разными новыми

планами: «Есть у меня сочиненіе, оконченное еще прошлымъ лѣтомъ и предполагавшееся къ помѣщенію въ «Памятникахъ славянской старины и народности», изданіе которыхъ, однако, не состоялось. Сочиненіе это имѣетъ своимъ предметомъ до-историческій бытъ индо-европейскаго племени въ эпоху до раздѣленія его на отдѣльныя народности, и носить названіе: «Сравнительное языкознаніе и до-историческій бытъ индо-европейскаго племени». Объемъ его около 10 печатныхъ листовъ. Не смѣю много думать объ его ученыхъ достоинствахъ, но рѣшительно скажу, что ни одинъ изъ ученыхъ трудовъ европейскихъ не оставленъ мною безъ вниманія и возможнаго употребленія, славянскій матеріалъ сравнительно расширенъ — и онъ-то и составляетъ нѣчто самостоятельное въ трудѣ. Имѣя въ виду, что объ этомъ предметѣ не существуетъ у насъ ни одного сочиненія, ни одной статьи, а самый предметъ очень важенъ — нельзя ли представить этотъ мой трудъ какъ диссертацию на магистра, тѣмъ болѣе, что дѣло, какъ вы знаете, идетъ исключительно объ языкѣ. Если-бы это было возможно, то къ ноябрю мѣсяцу я успѣлъ бы переглядѣть весь трудъ снова и представить его въ нѣсколько достойной одеждѣ... Скажите, какъ — по вашему мнѣнію — быть, такъ оно и будетъ»...

Объ этой работѣ мы не встрѣчаемъ другихъ упоминаній, — если не были ея частью тѣ статьи о сравнительномъ языкознаніи, которыя нашли мѣсто въ «Филологическихъ Запискахъ». Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Котляревскій пишетъ Срезневскому о другомъ планѣ магистерской диссертации.

Въ это же время онъ велъ довольно оживленную переписку съ А. А. Куникомъ, который также былъ заинтересованъ планомъ особаго сборника, гдѣ могъ бы работать Котляревскій. Объ этомъ нѣсколько разъ повторяется въ письмахъ; но они имѣли и другое содержаніе. Котляревскій уже является здѣсь компетентнымъ библіографомъ и антикваромъ: къ нему обращаются съ вопросами по поводу пополненія славянскаго отдѣла въ академической библіотекѣ, и онъ составляетъ списокъ деэиде-

ратовъ, отыскиваетъ книги, вмѣстѣ съ тѣмъ пополняетъ свою библіотеку. Между прочимъ нѣсколько разъ онъ посылаетъ книги по русской филологіи и этнографіи къ А. А. Кунику для пересылки извѣстному филологу Августу Шлейхеру. . . Въ перепискѣ затрогиваются разнообразныя предметы исторіи, археологіи, этнографіи, ученыя новости, по которымъ обмѣниваются мысли: вопросъ о Краледворской рукописи, гдѣ Котляревскому кажется совершенно правымъ Фейфаликъ, указывавшій въ этомъ памятникѣ «полнѣйшее отсутствіе литературныхъ признаковъ старины, заключающихся, главнымъ образомъ, въ чистотѣ эпическаго стиля, который замѣненъ тамъ искусственною сентиментальностью»; старыя археологическія изслѣдованія Савельева; новый трудъ Геденова; *Russisch-livländische Chronologie*, по поводу которой онъ думаетъ, что «доброе вліяніе этого труда не ограничится точнымъ опредѣленіемъ хронологическихъ данныхъ, но будетъ способствовать и къ установленію этнологическаго взгляда на русскую исторію, взгляда, о которомъ почти и не думаютъ наши изслѣдователи»; статья Шлейхера: «*Ein Kulturbild aus der indogermanischen Vorzeit*» («*Gartenlaube*» 1862), которая, несмотря на краткость, ему очень нравится; сочиненіе Кёппена: «*Ueber den Wald- und Wasser-Vorrath im Gebiete der obern und mittlern Wolga*», 1841, которое ему хочется приобрести, и т. д. Лишь изрѣдка въ письмахъ этого года заходитъ рѣчь объ его личныхъ дѣлахъ. Въ одномъ письмѣ отъ іюля 1863, онъ проситъ: «сообщить рѣшеніе академической комиссіи по поводу дѣла о словарѣ славяно-литовскихъ древностей. Я позволяю себѣ просить васъ объ этомъ сообщеніи изъ чисто практическихъ цѣлей: до осени—въ случаѣ одобренія комиссіи—я успѣлъ бы заняться этими дѣлами и вообще, въ жизненномъ даже отношеніи, успѣлъ бы обстоятельно приготовиться къ нему». Вслѣдъ затѣмъ онъ пишетъ въ другомъ письмѣ: «не знаю, какъ и благодарить васъ за ваше доброе участіе въ моемъ дѣлѣ касательно предпріятія Академіи, но—скажу откровенно—мнѣ не вѣрится, чтобы все это сбылось такъ, какъ вы предполагали: до сихъ поръ я

такъ слабо заявилъ свое имя въ наукѣ, что мысль о допущеніи меня къ прямому участию въ этомъ важномъ дѣлѣ — должна показаться неисполнимою. Какъ бы то ни было — сбудется ли это, или нѣтъ — ваше довѣріе дорого для меня». . . «Позволю себѣ только утрудить васъ одною просьбою: какъ скоро Академія придетъ къ *какому-нибудь* опредѣленному рѣшенію, не оставьте увѣдомить меня парюю словъ, чтобы я могъ знать, на чтѣ надѣяться и на чтѣ нѣтъ, тѣмъ болѣе, что Румянцовскій Музей предлагаетъ мнѣ мѣсто помощника бібліотекаря и къ половинѣ августа я долженъ дать туда положительный отвѣтъ: хотя содержаніе тамъ мало до невозможности (всего 350 р. въ годъ), но отказываться мнѣ не приходится уже и потому, что ничего лучшаго, покаместъ, нѣтъ».

Въ томъ же письмѣ онъ извѣщаетъ, что намѣренъ издать еще въ теченіи года двѣ книги: «1) Собраніе памятниковъ и изслѣдованій по славянской старинѣ и народности, такъ около 40 печатныхъ листовъ; 2) Описаніе славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, принадлежащихъ г. Солдатенкову. Первое уже поступило въ цензуру, а надъ послѣднимъ я тружусь въ настоящее время: оно не пойдетъ въ продажу». . .

Первое есть конечно то самое предпріятіе, о которомъ онъ въ то время переписывался съ г. Хованскимъ; но оно не состоялось. Въ письмѣ того-же времени (безъ указанія даты) читаемъ: «О моихъ работахъ не могу, пока, сказать ничего хорошаго: по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ дѣла съ цензурою и типографіею слишкомъ затянулись, такъ что до сихъ поръ отпечатанъ только одинъ листъ». . .

Изъ Петербурга приходили сначала ожиданія, что дѣло можетъ устроиться, но въ концѣ концовъ выражалась только надежда на лучшія времена; дѣло не состоялось — по какимъ-то неяснымъ причинамъ.

Между тѣмъ Котляревскій занятъ былъ вопросомъ о магистерскомъ экзаменѣ. Въ 1864, весной и потомъ въ сентябрѣ, онъ обращается къ Срезневскому съ просьбой сообщить свѣ-

дѣнія о требованіяхъ при экзаменѣ на степень магистра славянской словесности. «Уставъ самъ по себѣ глухъ и неопредѣленъ... Могъ бы я гораздо легче и удобнѣе выдержать экзаменъ по разряду русской словесности, но не хочется отступать предъ тѣмъ, что труднѣе и, скажу прямо, къ чему болѣе лежитъ сердце». . . Его затрудняла между прочимъ одна статья: «Это — иностранная словесность по отношенію къ славянской. Сколько извѣстно, этимъ предметомъ никто еще не занимался обстоятельно, — чего же можно требовать отъ магистра: самостоятельныхъ ли пзслѣдованій, или вещей общеизвѣстныхъ? Вопросъ для меня темный: его можетъ разрѣшить знаніе обычаевъ экзамена въ Спб. университетѣ.

«Думаю не держать экзамена раньше представленія диссертациі, а съ диссертацией я, кажется, рѣшу очень просто: представлю свое разсужденіе о *вилахъ*, для котораго у меня собирались матеріалы уже года три; теперь они приведены въ порядокъ и слагаются въ стройное зданіе, недостаетъ только двухъ главъ: общаго введенія и общаго заключенія, но и онѣ будутъ скоро готовы». . .

Онъ сообщаетъ программу этой работы, гдѣ должна была итти рѣчь о женскомъ элементѣ въ языческихъ мифахъ сравнительно съ образованіемъ и значеніемъ женскаго рода въ языкѣ; — вилы у сербовъ, у болгаръ, у хорутанъ; свидѣтельства памятниковъ о вилахъ вообще; значеніе виль какъ стихійныхъ божествъ сравнительно съ другими стихійными божествами индоевропейскихъ племенъ; отношеніе виль къ русалкамъ, роженицамъ и полудницамъ. Общее заключеніе должно было говорить о томъ, на сколько въ этихъ образахъ отразился характеръ различныхъ народовъ, обусловленный природою страны и исторіей...

Въ томъ же письмѣ онъ извѣщаетъ Срезневскаго: «Въ журналѣ Московскаго Археологическаго Общества я буду имѣть удовольствіе представить вамъ статью «о погребеніи у языческихъ славянъ». Къ сожалѣнію, я не могъ воспользоваться многими статьями чешскихъ ученыхъ, помѣщенными въ *Časopis Česk. Mus.*

Въ цѣлой Москвѣ одинъ Бодянскій имѣетъ этотъ журналъ, да и то только для себя исключительно. Нѣтъ ли у васъ, многоуважаемый И. И., нѣкоторыхъ связковъ его и не сообщите ли вы... вашему покорному слугѣ хотя на недѣлю-другую!» ¹⁾).

Передъ тѣмъ онъ писалъ (въ августѣ 1864) къ А. А. Куннику, съ которымъ у него постоянно велась бесѣда объ ученыхъ новостяхъ, старыхъ и новыхъ книгахъ, планахъ своихъ работъ. «... Благодарю васъ сердечно... за присылку вашего отчета о книгѣ Лингенталя. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю выхода самой книги, потому что этимъ предметомъ я нѣкогда долго и усиленно занимался... Отчетъ вашъ я поручилъ одному болгарину перевести на болгарскій языкъ и рукопись уже отправлена въ Константинополь, гдѣ будетъ напечатана въ историческомъ сборникѣ, издав. Славейковымъ». Онъ посылаетъ нѣсколько книгъ, о которыхъ замѣчаетъ: «*Новоболарская Сбирка* и брошюра Безсонова — никогда не были и не будутъ въ продажѣ, а потому составляютъ библиографическую рѣдкость или вѣрнѣе *дииковинку*. Двѣ другія брошюры: Кайсарова и Легисъ-Глюкзелига (съ которымъ когда-то вы имѣли такое жаркое дѣло) предлагаются вашему вниманію на всякій случай: *нѣтъ* ихъ у васъ — очень радъ служить ими, *есть* — передайте въ академическую бібліотеку. . .

«И. Е. Забѣлинъ говорилъ мнѣ, что вы взяли на себя трудъ разработать этнологію скиѳовъ. Въ добрый часъ, да просвѣтлѣютъ подъ вашею легкою рукою сокровенные киммерійскіе мраки, въ которыхъ и я блуждалъ нѣкоторое время. . . По этому поводу предлагаю вашему вниманію статью Courtet-de-Lisle: ни въ одномъ изъ извѣстныхъ сочиненій о скиѳахъ и Скиѳіи я не находилъ ссылокъ на нее, а сама статья не особенно хуже прочихъ. . . Что бы Академіи издать хоть теперь собраніе историко-этнографическихъ сочиненій Кёппена: это былъ-бы прекрасный

1) На письмѣ помѣта Срезневскаго: «1864, сентябрь; отвѣч. въ февр. 1865».

памятникъ достойному ея сочлену. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю выхода «Русской истор. Библіографіи»: мнѣ хочется написать объ этомъ трудѣ статью, тѣмъ болѣе, что первые два выпуска, къ стыду русской литературы, не получили ни привѣта, ни даже простого поминанія... «*Slavica* моей библіотеки округляется и пополняется: это, кажется, единственная отрада моей скучной жизни, о которой не могу сообщить вамъ ничего добраго: цѣлый годъ прошелъ въ тяжеломъ тасканіи по урокамъ». . . Онъ занимался юридическими древностями славянъ, потомъ разсчитывалъ обработать сочиненіе объ ордаліяхъ и божьихъ судахъ, — а теперь третій мѣсяцъ боленъ летучимъ ревматизмомъ; въ обществѣ крайнее равнодушіе къ дѣламъ науки, «а ученые повально страдаютъ болѣзною, извѣстною подъ названіемъ *jalousie du métier*». . . «Я получилъ отъ Ивановскаго сочиненіе Тилезіуса фонъ-Тиленау для передачи гр. Уварову, которому и вручу лично въ концѣ этого мѣсяца. Любопытно бы было знать ваше мнѣніе объ этихъ новыхъ объясненіяхъ загадочной фигуры на монетахъ: для меня *labarum* столько же убѣдительно, сколько и *δισκον* гр. Уварова»...

Въ слѣдующемъ письмѣ (къ концу 1864) Котляревскій пишетъ о томъ, какъ ему пріятно было познакомиться съ г. Радловомъ (ѣхавшимъ тогда въ Сибирь), и продолжаетъ: «Есть у меня къ вамъ... одинъ небольшой вопросъ: не знаете-ли вы, какое заглавіе носить анонимная книга (въ 43 печатн. листа) Копитара, изданная въ 1836 г., на которую вы указываете въ сочиненіи: *Aufklärungen über einige Punkte d. äusser. Gesch. des slawischen Evang. zu Reims* (*Mélanges russes*, t. I, p. 79—80) и изъ которой отрывокъ «*Ueber die Kirchenbücher der Russen*» напечатанъ въ *Ausland* и въ журналѣ Кальтенбека? Бодянский мнѣ говорилъ, что онъ имѣетъ эту книгу, но не только не показывалъ ея, но даже и заглавія не хотѣлъ сказать... Въ автобіографіи Копитара объ этой книгѣ не говорится ничего»¹⁾.

1) Ср. объ этомъ «Библиологическій Опытъ» Котляревскаго (1881), § 44, примѣч. 106.

«М. П. Погодинъ далъ мнѣ оттискъ своего спора съ С. А. Геденовымъ, но едва ли доводы Погодина убѣдятъ Геденова, и вообще, кажется, поборники скандинавизма варяговъ, имѣя такого защитника, какъ Погодинъ, вправѣ сказать: Господи, освободи насъ отъ друзей, а съ врагами мы кое-какъ еще справимся!»...

Вопросъ о диссертациі Котляревскій, наконецъ, рѣшилъ. Мы упоминали, что онъ намѣревался помѣстить въ журналъ Московскаго Археологическаго Общества статью о погребеніи у языческихъ славянъ. Въ письмѣ къ Срезневскому ¹⁾ онъ говоритъ: «Послѣ долгихъ блужданій относительно выбора предмета для магистерской диссертациі, я окончательно остановился на небольшомъ участкѣ славянскихъ семейныхъ древностей, именно: «обычаи и обряды языческихъ славянъ при рожденіи, свадьбѣ и погребеніи» — вотъ точное обозначеніе предмета разсужденія, для котораго у меня довольно быстро накапливается матеріалъ и довольно правильно сортируется; одно, что нѣсколько тревожитъ меня, это — неизвѣстность: подойдетъ ли этотъ предметъ подъ условія новаго устава... Не откажитесь, въ минуту досуга, сообщить мнѣ ваше мнѣніе какъ о предметѣ диссертациі, такъ и объ удобояримѣнности ея къ уставу». При этомъ онъ опять повторяетъ вопросъ относительно параграфа о «знаніи иностранной литературы по отношенію къ славянской».

Приведенныя подробности даютъ понятіе о тѣхъ разнообразныхъ интересахъ, которые увлекали Котляревскаго, несмотря на тяжелую неясность его личнаго положенія, которая дѣйствовала на него подавляющимъ образомъ. Это разнообразіе интересовъ было вмѣстѣ съ тѣмъ характерною чертой тогдашняго состоянія той науки, которой онъ хотѣлъ себя посвятить. Эта наука, — филологія со всѣми ея широкими развѣтвленіями и тѣсною связью съ науками сосѣдними, какъ мифологія, археологія, этнографія, исторія литературы (все это — русское и славянское),

1) Отъ 30 апрѣля, безъ года, вѣроятно 1865.

дѣлала въ то время свои первые шаги: были, къ счастію, ученые большой силы, которые двигали эту науку; были ревностные любители; появилось новое поколѣніе преданныхъ дѣлу изыскателей, но задачи были такъ громадны и недочеты русской литературы такъ велики, что кромѣ специальной разработки отдѣльныхъ вопросовъ надо было думать и о томъ, чтобы установить научную цѣльность, и обобщая результаты и собирая предстоящіе вопросы, подготовить будущихъ дѣятелей къ болѣе сознательному труду и вмѣстѣ съ тѣмъ внести эти основныя понятія въ общую литературу, которая должна готовить и дѣятелей науки. Отсюда то увлеченіе, съ которымъ Котляревскій брался за самыя различныя области этой широкой науки и отсюда, между прочимъ, тотъ живой интересъ, который онъ принималъ въ возникшихъ тогда «Филологическихъ Запискахъ». Главные дѣятели стояли на уровнѣ науки, но они были на перечесть; ихъ труды основывались на широкомъ знаніи, но это было ихъ личное знаніе: надо было познакомить литературу, хотя до нѣкоторой степени, съ европейскими авторитетами науки (таковы опыты переводить или излагать Гримма, Макса Мюллера, Вильгельма Гумбольдта, Альфреда Мори и пр.) и вмѣстѣ сдѣлать болѣе сознательнымъ то, что давалось нашими, хотя замѣчательными, но стоявшими особнякомъ, изслѣдованіями. Укажемъ для примѣра извѣстное изслѣдованіе г. Буслаева о вліяніи христіанства на славянскій языкъ: оно упало въ русскую литературу какъ снѣгъ на голову; оно не было въ ней приготовлено ни чѣмъ; это было прямо примѣненіе новаго научнаго метода къ вопросамъ нашей древности, когда самое существованіе этого метода было извѣстно лишь двумъ-тремъ филологамъ. Подобнымъ образомъ въ другихъ случаяхъ новыя изслѣдованія являлись результатомъ единичной учености, не имѣя опоры въ нашей собственной литературѣ. Въ настоящее время, когда эти дисциплины уже бросили болѣе прочный корень въ нашей литературѣ, когда онѣ опираются на университетскихъ кафедръ (сравнительное языкознаніе, санскритъ, исторія европейскихъ литературъ, археологія, частью даже

антропологія), положеніе науки является уже нѣсколько упроченнымъ; но не то было въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ: тогда именно надо было заботиться о выясненіи этого цѣльнаго состава новаго знанія, усваивать литературѣ общія положенія науки, и безъ сомнѣнія этому движенію въ средѣ молодыхъ адептовъ обязано въ извѣстной мѣрѣ и введеніе новыхъ кафедръ въ университетскую программу.

Подъ этими вліяніями развивалось у Котляревскаго это стремленіе къ энциклопедизму и къ исторіи науки: то и другое было именно важно, какъ научная пропедевтика, необходимая тамъ, гдѣ наука движется такими неровными шагами и скачками, какъ у насъ.

Съ 1864 года интересы Котляревскаго расширяются на область знакомую ему и раньше: она теперь пріобрѣтала себѣ новый правильный органъ. Въ этомъ году было задумано графомъ А. С. Уваровымъ основаніе Московскаго Археологическаго Общества. Въ Котляревскомъ онъ нашелъ самаго ревностнаго союзника и помощника. Гр. Уваровъ былъ съ юности страстнымъ любителемъ археологіи: нѣкогда онъ работалъ съ П. С. Савельевымъ по археологическимъ изслѣдованіямъ въ Ростово-Суздальской области; въ пятидесятихъ годахъ въ Петербургѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ Петербургскомъ Археологическомъ Обществѣ; здѣсь положилъ онъ основаніе своему археологическому музею; переселившись въ Москву, онъ среди дѣятельности общественной не измѣнилъ любимымъ вкусамъ, много работалъ и собралъ вокругъ себя кружокъ людей, раздѣлявшихъ его интересы. Онъ возымѣлъ наконецъ мысль объ основаніи самостоятельнаго общества въ Москвѣ, которое объединило бы мѣстныя силы и дало возможность расширить археологическія работы, для которыхъ наше отечество представляло такое громадное поприще. Прежде, чѣмъ это дѣло могло осуществиться официальнымъ образомъ, у гр. Уварова съ начала 1864 года собирався небольшой кружокъ, который сталъ

послѣ зерномъ Московскаго Археологическаго Общества¹⁾: однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ этого кружка былъ Котляревскій. Весной 1864 года Котляревскій писалъ къ одному изъ петербургскихъ друзей объ этихъ планахъ основанія Общества: уставъ давно отправленъ въ Петербургъ и къ осени ожидалось его утвержденіе; предсѣдателемъ долженъ былъ быть графъ Уваровъ, секретаремъ Герцъ, членовъ пока еще не много. «Въ ожиданіи утвержденія Общество уже собиралось 5 разъ у Уварова, читались нѣкоторыя изслѣдованія, много было . . . шуму изъ пустяковъ, но были и интересныя вещи; таковыми были чтенія Герца, Уварова, Степана Васильевича²⁾—и азъ худый читалъ два раза: 1-ый, объ обработкѣ металловъ въ до-историческія времена у племенъ индо-европейскихъ; 2-ой, о скандинавскомъ кораблѣ на Русѣ. Чтенія заслужили общее одобреніе — и я радъ этому, по крайности будетъ какая-нибудь нравственная поддержка въ работѣ: одному трудиться и скучно, и тяжело». Впослѣдствіи объ эти работы нашли мѣсто въ изданіяхъ Московскаго Общества.

19-го сентября 1864 года уставъ Московскаго Общества былъ утвержденъ и съ этимъ началась для Котляревскаго новая хлопотливая дѣятельность. Общество тотчасъ предприняло свое изданіе: «Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества». Первый выпускъ, вышедшій уже въ 1865 году, печатался подъ наблюденіемъ Котляревскаго, который, какъ между прочимъ видно и изъ протоколовъ Общества, много работалъ и для изданія Общества и для расширенія его сношеній. Въ письмахъ Котляревскаго того времени остались упоминанія о тѣхъ трудностяхъ, съ какими приходилось ему встрѣчаться при редакціи изданія, о столкновеніяхъ съ учеными самолюбивыми и т. п.; кромѣ графа Уварова, въ которомъ онъ находилъ дружескую поддержку, онъ особенно тепло отзывался о Ешевскомъ,

1) «Археологическія бесѣды у графа А. С. Уварова въ Москвѣ», ст. А. Герца, Спб. Вѣдомости, 1864, № 117.

2) Ешевскаго.

который между прочимъ относился съ живымъ участіемъ и къ его собственнымъ трудамъ. «Одинъ Ешевскій все принималъ близко къ сердцу, оттого такъ рано и снесли мы на покой этого честнаго человѣка. Послѣднимъ его чтеніемъ были послѣдніе листы нашего журнала; онъ радъ былъ ему какъ ребенокъ игрушкѣ, онъ не думалъ умирать и дней за шесть до кончины общалъ мнѣ прислать *изъ-за границы* множество библиографическихкихъ статей: онъ точно уѣхалъ *за границу!*

« Дня черезъ два я отошлю къ Коршу нѣсколько словъ о немъ, какъ членѣ Археологическаго Общества, для котораго потеря его вполне невознаградима». . .

Личныя дѣла Котляревскаго не поправлялись, но эти годы были наполнены у него оживленной дѣятельностью въ Археологическомъ Обществѣ, которое кромѣ «Трудовъ» предприняло вскорѣ новое изданіе, которое было уже вполне дѣломъ Котляревскаго — «Археологическій Вѣстникъ».

Дѣятельность Московскаго Общества, безъ сомнѣнія, составитъ эпоху въ исторіи русской археологіи. Съ перваго своего возникновенія наша археологія вообще развивалась чрезвычайно медленно и неровно. Не поддерживаемая спеціальной университетской наукой, которая притомъ почти вплоть до тридцатыхъ или даже до сороковыхъ годовъ была вообще очень слаба, наша археологія была почти только дѣломъ личнаго любительства, потому дѣломъ случайнымъ и отрывочнымъ. Эта археологія не опредѣляла ни своей программы, ни способовъ изслѣдованія, и до основанія Археологическаго Общества въ Петербургѣ не имѣла и своего спеціального органа и центра. Великолѣпное изданіе «Древностей Россійскаго Государства» было оазисомъ въ пустынѣ. Замѣчательные труды, появлявшіеся отъ времени до времени, какъ изслѣдованія Босфорскихъ древностей, какъ «Мухамеданская Нумизматика» Савельева, какъ опыты Снегирева и Мартынова и др., открывали широкое поле для будущихъ разысканій, — но, кромѣ того, что эти труды (какъ послѣдніе названные) бывали иногда исполнены ошибками или далеко не охватывали

матеріала даннаго вопроса, оставалось нетронутымъ, даже незамѣчаемымъ и неподозрѣваемымъ, дѣлое громадное поле, гдѣ предстояла работа наукѣ. Въ Московскомъ Обществѣ почти впервые явилось сознаніе этого положенія вещей и стремленіе поднять вопросъ археологической науки во всей его широтѣ, какъ по отношенію ко всему тому матеріалу, который требовалъ обзорѣнія, такъ и по научному методу, который долженъ былъ быть примѣненъ и установленъ. Дѣло было опять чрезвычайно трудное: со всѣхъ сторонъ воздвигались препятствія и недоумѣнія и Московское Общество старалось по крайней мѣрѣ указать на весь объемъ задачъ, подлежащихъ русской археологіи, и принять мѣры къ ихъ опредѣленію и рѣшенію. Прежде всего представлялся вопросъ о сохранности самихъ памятниковъ, которые гибли отъ невѣжества и нерадѣнія, ни кѣмъ не охраняемые или искажаемые: впослѣдствіи, какъ извѣстно, оно предприняло въ этомъ смыслѣ офиціальныя ходатайства, которыя вѣроятно до нѣкоторой степени помогли остановить это зло. Нужно было далѣе заботиться о приведеніи въ извѣстность памятниковъ древности еще не разслѣдованныхъ, и объединить научныя силы къ общему дѣйствію на пользу науки: съ перваго года существованія Общества, въ его средѣ возникла мысль объ установленіи правильныхъ періодическихъ съѣздовъ, которые дѣйствительно открылись первымъ Археологическимъ Съѣздомъ въ Москвѣ, повторялись потомъ въ главнѣйшихъ городахъ Россіи и установленіе которыхъ составляетъ одну изъ великихъ заслугъ гр. Уварова для нашей археологіи. Нужно было, наконецъ, начать опыты археологическихъ изысканій на уровнѣ современныхъ задачъ и пріемовъ науки. Въ тогдашнемъ положеніи нашей археологіи «Труды» Московскаго Общества представили замѣчательное явленіе по той ревности, которая видимо одушевляла его дѣятелей и по тому разнообразію задачъ, которыя они себѣ ставили. Содержаніе «Трудовъ» было дѣйствительно весьма разнообразно: здѣсь нашли мѣсто самыя различныя отдѣлы археологической науки, — и археологія первобытная, археологія каменнаго вѣка, перваго

появленія металловъ, археологія мѣстныхъ преданій, археологія антично-скиѣская, древне-христіанская, наконецъ собственно русская въ ея различныхъ отрасляхъ и разныхъ мѣстностяхъ; въ библіографическихъ обзорахъ указывались главные труды археологической науки на Западѣ. Въ «Трудахъ» принимали участіе лучшія ученыя силы въ археологіи и близкихъ къ ней областяхъ науки: самъ предсѣдатель Общества, гр. Уваровъ въ тѣ годы работалъ въ особенности надъ памятниками древняго христіанскаго искусства; И. Е. Забѣлинъ сообщилъ подробный рассказъ о знаменитыхъ раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ 1862 году въ Чертомлышскомъ курганѣ и доставившихъ рядъ великолѣпнѣйшихъ скиѣскихъ древностей; Аѳанасьевъ и Потебня доставляли эпизоды изъ своихъ мѣтологическихъ разысканій; принесли свои вклады Максимовичъ, Срезневскій, Калачовъ, Невоструевъ, Казанскій и т. д.; К. К. Герцъ доставлялъ обильныя библіографическія извѣщенія о новыхъ иностранныхъ книгахъ по разнымъ отраслямъ археологіи. Наконецъ много работалъ Котляревскій. Судя по протоколамъ этихъ годовъ, онъ дѣлалъ не мало докладовъ, которые вѣроятно предполагалъ, въ болѣе полной обработкѣ, помѣстить въ изданіяхъ, — но не всѣ однако появились потомъ въ печати.

Между прочимъ Общество заботилось о расширеніи и своихъ трудовъ, и вкуса къ археологіи, стараясь расширить кругъ своихъ членовъ. Въ Общество былъ избранъ и приглашенъ многочисленный кругъ ученыхъ и любителей археологіи — русскихъ, славянскихъ и иностранныхъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Котляревскій завязалъ личныя сношенія — въ Петербургѣ (кромѣ прежнихъ сношеній со Срезневскимъ и А. А. Куникомъ) съ бар. В. Г. Тизенгаузенемъ, П. И. Лерхомъ, и въ Вильнѣ съ А. К. Киркоромъ и гр. Евстаѣемъ Тышкевичемъ. Послѣдній именно въ это время переживалъ тяжкое испытаніе. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ мы имѣли случай говорить о судьбѣ Виленскаго

1) Исторія русской Этнографіи, IV, стр. 113—120.

археологическаго музея, который былъ созданіемъ Тышкевича, въ который вошли его собственные богатые коллекціи, и отъ котораго—при ревизіи, назначенной М. Н. Муравьевымъ—онъ былъ отстраненъ, подвергшись обвиненіямъ. Въ это время въ Москвѣ его избрали въ члены Археологическаго Общества, гдѣ вскорѣ появились его труды и гдѣ онъ былъ встрѣченъ съ большими сочувствіями. Нѣсколько писемъ его къ Котляревскому свидѣлствуютъ о томъ, какъ отрадны были ему эти сочувствія.

Какъ скажемъ дальше, съ конца 1864 или начала 1865, Котляревскому открывались новыя надежды установить его офиціальное положеніе; — пока онъ продолжалъ работать по археологіи и вообще по старинѣ. Переписка съ А. А. Куникомъ въ особенности возбуждала разнообразныя ученые интересы, и Котляревскій дѣлился съ нимъ своими впечатлѣніями, желалъ его мнѣнія и совѣта. Въ маѣ 1865, Котляревскій пишетъ: «Что скажете вы объ изданіи «Бесѣдъ Фотія»? На меня эта книга произвела самое непріятное впечатлѣніе: когда я прочелъ *ученые* комментаріи св. отца Порфирія, мнѣ показалось, что я веду разговоръ съ Крамеромъ (*sit venia помини!*) о прародинѣ Руссовъ, у меня исчезла всякая вѣра въ правильность его текста, мнѣ подозрительны и молотильщики и другія вещи. Можетъ быть, я и ошибаюсь ¹⁾, но, къ сожалѣнію, не ошибаюсь на счетъ безобразія этнологическихъ понятій издателя: что это за Япетиды такіе и что за Слав-іоны, бѣсовская слава, что за новооткрытыя письмена и новоизобрѣтенный языкъ Руссовъ?? Напиши подобную чепуху напр. ...(NN), она была бы понятна, но при «Бесѣдахъ Фотія» она просто неприлична и вы, *первый* издатель Бесѣдъ, не хорошо поступите, если не предадите ученому позору это безобразіе»...

Передъ тѣмъ А. А. Куникъ сообщалъ Котляревскому, что одинъ швейцарскій ученый обратился къ нему съ вопросомъ:

1) Впослѣдствіи, текстъ Фотія у арх. Порфирія дѣйствительно оказался неточнымъ, а съ этимъ отпадалъ и его комментарий текста (напр. эти «молотильщики»),—не говоря объ его археологическихъ теоріяхъ.

существуютъ ли въ Россіи памятники въ родѣ тѣхъ, какіе называются во Франціи *дольменами*, и въ какихъ областяхъ Россіи они были замѣчены? Г. Куникъ полагалъ, что—нѣтъ, что по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не было никакого вѣрнаго слѣда, и спрашивалъ Котляревскаго. Послѣдній отвѣчаетъ (въ томъ же письмѣ): ...«Теперь о *дольменахъ*. Сколько мнѣ извѣстно, — на русской территоріи они существуютъ только въ Тверской губерніи, Бѣжецкомъ уѣздѣ, и довольно обстоятельно описаны Глинкой (Рус. Истор. Сборн., ч. 1-я, кн. 2-я); сходство этихъ камней съ бретанскими и въ особенности съ извѣстнымъ *Карнакскимъ дольменомъ* поразительно: это—*pierres branlantes*; потому есть остатки каменныхъ циклопическихъ построекъ въ Лихвинскомъ уѣздѣ (см. Чтенія Общ. Ист. 1862, № 2, стр. 4), наконецъ Ворсѣ упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ Merimé, что есть *дольмены* въ Крыму... Откуда взялъ онъ это извѣстіе, не знаю; можетъ быть, изъ Dubois de Montperreux? Вотъ все, что мнѣ извѣстно о циклопическихъ постройкахъ въ Россіи. Можетъ быть, онѣ находятся и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, но «земля наша велика и обильна»...

«...Я сижу теперь за статью для 2-го тома «Трудовъ Археологическаго Общества». Хочется тщательно осмотрѣть вопросъ «о языческомъ погребеніи славянъ». Къ сожалѣнію, охота смертная, да участь горькая: еще все, что писано по-нѣмецки, я могъ добыть, но раскопки на польской территоріи мнѣ рѣшительно недоступны, я не могъ даже достать книги Liprocka — *Zastanowienie się nad mogiłami, Wilno, 1832*. Нѣтъ ли этой книги у васъ? если есть, будьте до конца благодѣтелемъ, сообщите хоть на нѣсколько дней!.. Графъ А. С. Уваровъ говорилъ, что у Кёппена есть большое рукописное сочиненіе о курганахъ — правда ли это?

«На дняхъ (вѣроятно 2-го, 3-го іюня) получите вы первый томъ «Трудовъ» нашего Археологическаго Общества... Сообщите мнѣ, дорогой А. А., какъ найдете вы это новорожденное чадо: вѣдь оно выращено и воспитано мною!

«Гдѣ проведете вы лѣто и не будетъ-ли нужно вамъ чего отъ гр. Уварова: чрезъ двѣ недѣли я отправляюсь къ нему въ деревню, гдѣ и проведу около мѣсяца».

Статья для 2-го тома выросла въ цѣлую диссертацию, надъ которой въ эти годы Котляревскій работалъ усиленно, весьма методически, стараясь по возможности подобрать весь надлежащій матеріалъ. Книга Липпомана конечно нашлась въ Петербургѣ и была ему послана, также какъ и другая книга: *Starożytności Galicyjskie*, Жеготы Паули. Возвращая эти книги, Котляревскій писалъ А. А. Кунику въ январѣ 1866: «...Въ сочиненіи Липпомана для науки оказывается пригоднымъ не болѣе 10 строкъ, но для исторіи науки древности оно любопытно: на стр. 98 я встрѣтился съ мнѣніемъ, что Прокопіевы *Споры* были лишь буквальнымъ греческимъ переводомъ имени *Россіане*, *Рось*, какъ Гельмольдовы *Holsati* — буквальнымъ нѣмецкимъ переводомъ слова *Деревянне* — отъ Holz? Прежде я думалъ, что Гедеоновъ *первый* возобновилъ мнѣніе нашихъ хронистовъ, а теперь выходитъ, что не онъ»...

Въ дальнѣйшихъ письмахъ продолжается ученая бесѣда. Въ началѣ 1867, Котляревскій писалъ къ А. А. Кунику ¹⁾: «статья Милленгофа порадовала меня и пригодилась очень кстати, такъ какъ въ одномъ изъ засѣданій Общества мнѣ приходилось читать мемуаръ о скиѣахъ вообще и первой скиѣской раскопкѣ въ Россіи (извѣстіе о ней у Миллера, Ежемѣс. Сочиненія); для меня все яснѣе и яснѣе становится *не* чудское и *не* монгольское происхожденіе скиѣовъ, но нельзя не раздѣлить и вашей ученой осторожности въ заключеніяхъ ²⁾: дѣйствительно, дѣло разъяс-

1) Письмо по обычаю безъ года и числа; помѣта: «получено 4 февр. 67».

2) Рѣчь идетъ о статьѣ Милленгофа *Ueber die Sprache der pontischen Scythen*. А. А. Куникъ писалъ Котляревскому (въ декабрѣ 1866): «Нѣтъ сомнѣнія, что Милленгофъ съ большимъ остроуміемъ и опредѣленностью установилъ иранскій элементъ въ скиѣской и сарматской номенклатурѣ, и однако я еще не могу принять его главнаго положенія, что скиѣы и сарматы—иранцы, до тѣхъ поръ пока мы не будемъ имѣть полнаго *Onomasticon ponticum*. Мнѣ кажется,—быть можетъ, я несправедливъ къ нему,—что онъ избѣгаетъ нѣко-

нится, когда собранъ будетъ скиѣскій ономастиконъ, а что онъ собранъ будетъ обстоятельно, за это можетъ поручиться ученая Gründlichkeit Боннеля. Въ извѣстіи о раскопкѣ Мельгунова (у Миллера) не приложено рисунковъ — сохранились ли они вообще? У гр. А. С. Уварова я — лѣтъ пять тому назадъ — видѣлъ какое-то неоконченное изданіе Эрмитажныхъ или Академическихъ древностей, гдѣ между прочимъ и рисунки Мельгуновской раскопки; на мои просьбы Уваровъ обѣщалъ отыскать мнѣ изданіе, но у него голова такъ полна земствомъ, рекрутскими наборами, мировыми сѣздами, что врядъ ли онъ когда удовлетворитъ меня... Обращаюсь потому къ вамъ, дорогой А. А., съ покорнѣйшею просьбою: не знаете ли вы чего объ этомъ изданіи и нѣтъ-ли въ архивѣ Академіи экземпляра, который можно бы было приобрести... Затѣмъ новыя книжныя просьбы: «во всей Москвѣ» нѣтъ полнаго изданія *Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft d. Wissensch.*, гдѣ ему нужна статья Арнольда: *Nachricht von einigen in Böhmen entdeckten heidnischen Grabhügeln*, съ примѣчаніями Добровскаго (1803 или 1804); о разныхъ другихъ, старыхъ и новыхъ книгахъ.

Въ другомъ письмѣ къ А. А. Кунику ¹⁾ Котляревскій говоритъ: ...«Какъ вамъ показался мой «Археологическій Вѣстникъ», говорю: мой, потому что не только въ него никто не мѣшается, но даже и средства изданія изобрѣтены мною безъ всякаго участія со стороны Уварова». Раньше онъ писалъ, что этотъ небольшой журналъ имъ «выдуманъ для оживленія засыпающаго нашего Археологическаго Общества». Мы говорили уже о разнообразномъ и живомъ содержаніи этого изданія, которое прекратилось потомъ, когда Котляревскій оставилъ Москву.

Въ связи съ Археологическимъ Обществомъ, какъ выше

торыхъ именныхъ формъ. Кромѣ того при рѣшеніи вопроса не долженъ быть совсѣмъ оставленъ безъ вниманія и этическій моментъ въ цѣлой исторіи скизовъ и сарматовъ».

1) Помѣта: «получено 9 іюня 1867».

упомянуто, начались сношенія Котляревскаго съ археологами Западной Россіи; отчасти и его собственныя занятія приводили его къ западно-русской археологіи. Переписка съ Киркоромъ повела, вскорѣ потомъ, къ очень дружескому знакомству въ Петербургѣ. Оставивъ по необходимости изданіе «Вилenskaго Вѣстника», Киркоръ въ концѣ шестидесятихъ годовъ предпринялъ въ Петербургѣ изданіе «Новаго Времени»,—но изданіе не имѣло успѣха, дѣла его окончательно разстроились и онъ выѣхалъ въ Краковъ, гдѣ и умеръ въ семидесятихъ годахъ. Это не былъ строгій ученый, но большой практическій знатокъ Западнаго края и одинъ изъ немногихъ, изучавшихъ его въ археологическомъ отношеніи. Въ Краковѣ, археологія осталась его главнымъ интересомъ: при всемъ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи здѣсь, онъ продолжалъ работать, особливо по археологіи, изслѣдуя пещеры и «жалыники» и т. д. Его письма къ Котляревскому, любопытныя и для его собственной біографіи за краковское время, заключали обыкновенно и цѣнныя археологическія указанія, съ обильнымъ знаніемъ польской литературы предмета. Мы не имѣли писемъ Котляревскаго къ Киркору, но отвѣтныя письма послѣдняго даютъ любопытныя черты этихъ сношеній и тогдашняго положенія археологическихъ интересовъ въ Западной Россіи, которые стали близки Московскому Археологическому Обществу.

Въ 1865, Киркоръ писалъ Котляревскому, еще изъ Вильны (отъ 27 октября): «Къ крайнему сожалѣнію, убійственныя занятія по редакціи въ послѣдніе годы оттолкнули меня отъ многихъ дѣятелей по части археологіи, съ которыми я былъ въ постоянной перепискѣ, почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Вотъ почему нынѣ, возстановляя понемногу эти сношенія, которыхъ всегда душа жаждала, я очень обрадовался вашему письму, хотя и больно мнѣ, что не могу вполнѣ исполнить вашего порученія. Вы, конечно, съ трудомъ повѣрите, что въ настоящую минуту въ Вильнѣ нельзя достать польскихъ книгъ. Дѣло въ томъ, что всѣ книгопродавцы услали всѣ вообще польскія изданія въ

Варшаву. Въ музеумѣ конечно есть, но мы, старые дѣтели, яко неблагонадежные, не имѣемъ уже ничего общаго съ музеумомъ... Графъ (Евстаѣій Тышкевичъ) уже получилъ отставку и поселился въ Ригѣ. Бѣдный старикъ! Не долго онъ проживетъ въ разлукѣ съ своимъ музеумомъ»... «Я бы вамъ не совѣтовалъ переводить Ласицкаго. Онъ устарѣлъ. Ласицкій, Богушъ, Покѣва, Нарбуттъ, Крашевскій, Лелевель, Трентовскій были нашими учителями въ отношеніи литовской мѣологіи. Но теперь Микуцкій и Анелевичъ хотятъ перевернуть все вверхъ дномъ. Впрочемъ и у нихъ нѣтъ ничего положительно вѣрнаго. Они опроверженія свои основываютъ исключительно на лингвистикѣ, но плохо знаютъ исторію и этнографію, а объ археологіи не имѣютъ никакого понятія». На первый разъ Киркоръ, очевидно на запросы Котляревскаго, посылалъ ему книги свои и Тышкевича и въ концѣ письма сообщалъ множество библиографическихъ указаній по польской археологіи.

Въ 1866, отъ 12 мая, Киркоръ переслалъ Котляревскому записку (не нашедшуюся въ бумагахъ) гр. Евстаѣія Тышкевича. «Изъ нея вы увидите, какъ трудно человѣку, посвятившему всю жизнь тревожной дѣятельности, примириться съ уединеніемъ и бездѣйствіемъ. Вотъ онъ опять мечтаетъ. Впрочемъ я не скажу, чтобы проектъ былъ неудобоисполнимъ, ежели найдется сочувствіе и ежели заинтересуются такія лица, какъ напр. Перовскій. Не знаю, какія ваши отношенія къ Этнографической выставкѣ — но во всякомъ случаѣ вы одни съумѣете этому дѣлу дать ходъ. Грустно было-бы старику, еслибъ это не было напечатано... Смѣло обращаюсь къ вамъ, какъ къ человѣку, который цѣнитъ заслуги и захочетъ утѣшить труженика. Графъ окончательно передалъ музеумъ (какъ будто казенную собственность) новымъ... дѣтелямъ, во главѣ коихъ — Б., и получилъ квитанцію. Попросили *даже* позволенія поставить бюстъ графа, какъ основателя. Странно, недавно провозглашали чуть-чуть не мятежникомъ, а теперь хотятъ увѣковѣчить его память. Графъ живетъ теперь въ Боржахъ,—это великолѣпный замокъ

Михайла Тышкевича, съ бібліотекою и картинною галлереею — богатый кабинетъ драгоцѣнностей, называемыхъ рѣдкостями. Вы увидите, что онъ ежели поживетъ нѣсколько лѣтъ — соберетъ новый музеумъ. Опять разрываетъ курганы, опять несутъ къ нему со всѣхъ сторонъ что у кого есть изъ древности. А надобно вамъ сказать, что Жмудь и особенно сторона, гдѣ Борже, почти не тронуты для археологіи. Любопытна коллекція этнографическая, которую онъ уже собираетъ на выставку. Такъ напр. инструменты такіе-же, какъ во времена Витовта. Народъ и теперь поетъ про похищеніе Бируты, про умерщвленіе Кейстута, про богиню Мильду и т. д. Сколько работы! Да какъ работать при военномъ положеніи.

«Графъ вышлетъ вамъ изъ Боржѣ три экземпляра видовъ музеума, какимъ онъ былъ до казеннаго преобразованія. Передайте одинъ экз. гр. А. С — чу, другой для васъ, а третій кому хотите».

Въ письмѣ отъ 25 авг. 1866, Киркоръ извѣщаетъ о возвращеніи въ Москву г. Безсонова и объ отъѣздѣ А. И. Забѣлина, преемника Киркора по редакціи «Вилenskaго Вѣстника».

Отъ 30 мая 1867, изъ Вильны, Киркоръ пересылаетъ Котляревскому письмо черезъ графа Константина Тышкевича, брата Евстаѳія, также человѣка съ учеными заслугами. «Во имя того братскаго вниманія и дружескаго расположенія, которыми вы меня удостоиваете, я обѣщаль графу, что вы не откажете ему быть путеводною звѣздою въ Бѣлокаменной. . . Я увѣренъ, что вы и графъ А. С. полюбите этого прекраснаго, благороднѣйшаго изъ людей, этого феноменальнаго во многихъ отношеніяхъ человѣка, умѣвшаго съ опытностью старца сохранить юношескій жаръ, современность взгляда и любовь къ наукѣ, такую любовь, что для нея онъ готовъ на всякую жертву. . . Графъ Конст. П., изъ всѣхъ насъ здѣшнихъ археологовъ, болѣе всего можетъ быть вамъ полезенъ, потому что и знанія и положеніе его вполне тому способствуютъ, а о желаніи и говорить

нечего». . . . Самъ Киркоръ очень интересуется московскими археологическими работами, между прочимъ описаніемъ Кіева (Закревскаго): «потому что у меня въ головѣ огромное предпріятіе: издать археол., географ., истор., этногр. словарь Литвы и Западной Россіи». Это предпріятіе не осуществилось, но Киркоръ сталъ позднѣе сотрудникомъ «Живописной Россіи» (подъ редакціей П. П. Семенова) по Сѣверо-западному краю.

Въ Москвѣ, Котляревскій оказалъ Тышкевичу любезное ученое гостепріимство; отсюда польскій археологъ отправился въ Петербургъ, и Котляревскій обратилъ его къ А. А. Кунику. «Онъ (гр. Тышкевичъ), — писалъ Котляревскій въ іюнѣ 1867, — просилъ меня доставить ему случай познакомиться съ вами, и я исполняю это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что это—человѣкъ просвѣщенный, археологъ по страсти, добрый по душѣ и обладающій отличнымъ музеемъ древностей и любопытными литовско-русскими историческими документами». . .

Въ бумагахъ Котляревскаго сохранилось нѣсколько писемъ гр. К. Тышкевича, которыя остались свидѣтельствомъ ихъ ученаго дружества. Вернувшись домой, Тышкевичъ писалъ (отъ 21 іюня, 1867, изъ Логойска)—на нѣсколько неправильномъ русскомъ языкѣ: «Послѣ долгаго странствованія, я наконецъ вновь у себя дома, посреди моей семьи.

«Возвратившись на родину, я съ радостью рассказываю землякамъ, что среди москвичей я встрѣтилъ ту братнюю привѣтливость, которую мы такъ напрасно ищемъ у себя; рассказываю имъ, что для людей, трудящихся (=занимающихся) наукою, я нашелъ среди васъ ту признательность (=признаніе), которая укрѣпляетъ духъ и побуждаетъ людей къ полезному трудолюбію.

«Глубоко проникнутый этимъ чувствомъ, мысль моя постоянно обращается къ вамъ, неоцѣненный А. А.; я постоянно рассказываю то расположеніе ваше ко мнѣ и то откровенное и истинно дружеское обращеніе со мною, которое оставило на мнѣ неизгладимое впечатлѣніе»...

Въ «Археологическомъ Вѣстникѣ» напечатаны были нѣко-

торые труды К. Тышкевича, который кромѣ того сообщалъ въ письмахъ археологическія замѣтки, между прочимъ по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ на его статью Котляревскимъ и гр. Уваровымъ (отъ 18 марта 1868).

Въ эти годы изданіе археологическаго журнала повело и къ другимъ ученымъ сношеніямъ: дѣятельнымъ корреспондентомъ Котляревскаго былъ извѣстный П. И. Лерхъ; онъ былъ въ сношеніяхъ съ дерптскимъ профессоромъ, археологомъ Гревингомъ, В. Г. Тизенгаузенемъ и пр. Археологія не исключала и другихъ работъ: въ 1865, онъ принималъ участіе въ издаваемомъ тогда «Книжномъ Вѣстникѣ». Давно начались его дружескія отношенія съ Н. И. Костомаровымъ. Кромѣ интереса замѣчательной и оригинальной личности, Котляревскаго связывали съ Костомаровымъ малорусскія сочувствія. Котляревскій не былъ украинофиломъ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова; но онъ сохранилъ теплую привязанность къ родинѣ и малорусская этнографія была однимъ изъ самыхъ близкихъ ему предметовъ занятій. Между прочимъ Котляревскій сообщилъ Костомарову замѣчательный сборникъ думъ, которымъ послѣдній воспользовался потомъ въ своихъ работахъ о малорусскомъ нѣснотворчествѣ; въ бумагахъ его сохранились и другіе сборники малорусскихъ нѣсенъ. Котляревскій принялъ нѣкоторое участіе въ журналѣ «Основа» статью о томъ: «были ли малоруссы исконными обитателями Полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ»¹⁾. Пріятельство съ Костомаровымъ, которое, въ пріѣзды Котляревскаго въ Петербургъ, поддерживалось живыми беседами съ примѣсю малорусскаго юмора и шутки, это пріятельство выразилось и въ одномъ литературномъ предпріятіи, которое впрочемъ не было доведено до конца. Именно, Костомаровъ, который началъ тогда изданіе своихъ монографій, думалъ повторить изданіе своей старой «Славянской Мифологіи», напечатанной нѣкогда въ Кіевѣ (1847) церковно-славянскимъ шрифтомъ—

1) Ср. объ этомъ спорѣ въ «Исторіи р. Этнографіи», III, стр. 319—324.

для большей архаичности, — но не вышедшей тогда въ свѣтъ и извѣстной лишь немногимъ любителямъ; но такъ какъ съ тѣхъ поръ явилось не мало новыхъ изслѣдованій, которыя должны были во многомъ измѣнить прежнія положенія Костомарова, то Котляревскій взялъ на себя составить дополнителныя примѣчанія. Намъ привелось тогда видѣть это изданіе доведеннымъ до начала примѣчаній, — но не знаемъ, почему оно не было выпущено въ свѣтъ и, повидимому, не было и dokonчено.

Къ 1863 восходитъ начало дружескихъ отношеній Котляревскаго къ ветерану малорусской учености, М. А. Максимовичу. Отъ 1 мая этого года имѣется большое письмо Максимовича, гдѣ онъ благодаритъ Котляревскаго за книжныя посылки, высказываетъ горячія пожеланія успѣховъ, дѣлаетъ замѣчанія о «Старинѣ и народности», о старобытности малорусскаго народа въ Малороссіи, возражаетъ противъ тогдашнихъ сближеній Владимира съ мифическимъ Волотомъ, сообщаетъ нѣкоторыя подробности народныхъ преданій — «для вашей будущей мифологіи южно-русской». Далѣе: «Много удовольствія себѣ ожидаю отъ вашего изданія Украинскихъ Казокъ. Къ великому прискорбію, не имѣю уже ничего у себя для прибавки къ нимъ: все, что было собрано у меня, я давно пораздавалъ здѣшнимъ молодымъ собирателямъ и любителямъ украинской народности». . . Наконецъ, онъ проситъ Котляревскаго, если онъ еще не началъ печатать своего сборника, никакъ не употреблять новѣйшаго малорусскаго правописанія: «ради самого Дажбога языческаго и Владимира христіанскаго не держитесь этого гнуснаго правописанія, котораго не любилъ и покойный Тарасъ ¹⁾ и за которое вознегодовалъ бы покойный Грицько ²⁾»... «Отвращаю васъ отъ этого еще именемъ вашего соименника, если не родича, Котляревскаго, первоначальника нашей украинской словесности. Не продолжите же для потомковъ этого нелѣпаго правописанія». . . Но самое изданіе сказокъ тоже не состоялось.

1) Шевченко.

2) Квитка.

Максимовичъ принялъ участіе въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества, именно въ «Вѣстникъ»; это дало поводъ къ новому обмѣну письмами. Въ одинъ прїѣздъ Максимовича въ Москву, они познакомились лично и дружескія отношенія еще болѣе утвердились. Оtmѣтимъ изъ дальнѣйшихъ писемъ одно, отъ 11 февр. 1868, когда уже рѣшенъ былъ переѣздъ Котляревскаго въ Дерптъ:

«Ради честной масляницы, простите меня, коханный земляче, за мою долгую безотвѣтностъ на ваше любезное мнѣ посланіе. Причинъ тому было много, — важныхъ для меня и не видныхъ для другихъ. Посланныя мнѣ отъ Общества книги я получилъ на *саму голодную кутю*, и зачитался, начитался ихъ досыть. «Древности» своимъ содержаніемъ, еще невѣдомымъ для меня, чрезвычайно заняли меня. О книгѣ Закревскаго вы сказали совершенно вѣрно. Во всякомъ случаѣ, она замѣчательна и стоить благодарности, какъ автору за трудъ, такъ и Обществу за коштъ на ея изданіе. Мелочная и привязчивая полемика его была бы сноснѣе, еслибъ она была подпольная, въ примѣчаніяхъ; но ведомая въ самомъ текстѣ, она утомляетъ вниманіе и вредить чтенію. За нѣкоторыя невоздержныя противъ меня выходки и за напрасныя нареканія на другихъ достойныхъ уваженія кїевоописателей, я уже перевѣдался немножко въ моихъ *Письмахъ о Кїевѣ* и въ *Письмѣ о м. Евгеніѣ*. Удивляюсь, какъ можно на старости быть такъ опрометчивымъ ¹⁾. Вѣдь онъ только годомъ моложе меня! Писать въ поправленіе его писанія можно бы мнѣ очень много; но въ запискахъ Археологическаго Общества это было бы неумѣстно; а къ тому же и вы, къ сожалѣнію, отдаетесь отъ Общества, хоть въ другомъ отношеніи и радуюсь новому поприщу вашему, на новомъ мѣстѣ. Просвѣтите Нѣмоту славянщиной!... Нѣкогда на эту катедру я готовилъ для Кїева даровитаго Вернадскаго, но къ сожалѣнію его отвлекли политич. экономією, и ничего не

1) О трудахъ Н. В. Закревскаго въ «Исторіи р. Этнографіи», III, стр. 343—347.

вышло изъ него для науки; а прислали на кафедру славянскую Яроцкаго — и неумѣстнаго и; и эта кафедра пропадаетъ доселѣ. Вотъ если бы вамъ, пробывъ годикъ въ Нѣметчинѣ, да въ Кіевъ!... Во всякомъ же мѣстѣ — да будетъ вамъ хорошо и благоуспѣшно!... Сего желаю отъ полноты моего сердца». Максимовичъ говоритъ дальше о своемъ намѣреніи сдѣлать новое изданіе Слова о полку Игоревѣ, и продолжаетъ: «Если когда-нибудь попадется мнѣ подъ руку и если еще не пропала она—вторая часть моихъ *Начатковъ* Р. Ф., то я охотно вамъ подарю ее на новоселье. Она уже и подписана была въ Кіевѣ тѣмъ цензоромъ 2-й книги «Кіевлянина» моего, не пропустившимъ Палладія Роговскаго, о которомъ покойный Надеждинъ писалъ мнѣ изъ Одессы такъ: «скажи своему цензору, что онъ дуракъ». . . .

«Для диссертациі вашей я не имѣлъ случая что-нибудь испытать на этой недѣлѣ: ни единой души не видѣлъ знающей, а моей прежней Шехеразады нѣтъ уже. . . А что въ моей памяти сохранилось, то вѣрно вамъ извѣстно все. Не выносятъ смитья изъ хаты, пока не опустятъ покойника въ могилу. А когда несутъ его изъ хаты въ домовинѣ — тотчасъ вслѣдъ за нимъ — сыплутъ *житомъ* отъ сѣней до воротъ, которыя и затворяются тотчасъ. А потомъ сидятъ бабы всю ночь надъ *кануномъ* или *коливомъ* и ждуть, пока прилетитъ душа покойнаго въ видѣ мушки съ бѣлой головкой—отвѣдать кануну: тогда уже и жинки починаютъ ѣсти и запивать горѣлочкою. (О третицахъ, девятицахъ и сороковинахъ, помню, есть писано въ предмовѣ Захаріи Копыстенскаго. Взглянуть бы вамъ на ту книгу, а также нѣтъ ли чего и въ Требникѣ Могилинскомъ). Ну-те, и то вамъ небезъизвѣстно, что покойнику затыкаютъ за поясъ хустку съ завязаннымъ въ ней шагомъ: шагомъ — откупиться отъ смерти на первомъ мытарствѣ, а хусткою утертись отъ пыли земного при воскресеніи изъ мертвыхъ. Et cetera, и т. п. Помози, Боже, всѣмъ вашимъ трудамъ во благо науки и просвѣщенія.

«Не можете ли вы меня надѣлать вторымъ томомъ Славян. Словаря Востокова: 1-й томъ я вывезъ еще изъ Москвы, а

2-го и доселѣ не дождусь отъ кіевскаго Литова, все съ году на годъ выписываетъ, и надуваетъ; а мнѣ совѣстно не видать его доселѣ, также какъ и Далевскаго, о немъ же недавно была рѣчь ваша въ публичномъ засѣданіи Общества, моимъ усиліемъ возбужденнаго отъ долгаго сна. Тамъ и съ вами я имѣлъ удовольствіе познакомиться. Прощайте!

«Да ѣ устѣ прощайте, да ѣ не забувайте:
Коли ваша ласка, мене споминайте!
Споминайте-жѣ мене, хочѣ мыслями,
Споминайте-жѣ мене, хочѣ устами!
Споминайте мене—добрыми словами:
Я-жѣ бувѣ хлопецѣ добрый мѣжѣ вами!»

«Чи доводилось чуту таку пѣсню?»

Но далеко не всѣ относились такъ къ Котляревскому и въ московскомъ учено-литературномъ кругу. «Кельсіевское дѣло» продолжало тяготѣть надъ нимъ и своими прямыми послѣдствіями, закрывая ему службу въ учебномъ вѣдомствѣ, и не менѣе того косвенно, давая поводы клеветать на него людямъ, которые въ охранительномъ усердіи желаютъ превосходить самую полицейскую власть. Это обнаружилось однажды въ кругу московскаго Общества любителей россійской словесности, о которомъ упомянуто было сейчасъ въ письмѣ Максимовича. Котляревскій принималъ живѣйшій интересъ въ работахъ этого Общества, которому могъ быть только полезенъ своими разнообразными познаніями и живой дѣятельностью,—но ему привелось и здѣсь встрѣтиться съ тупымъ недоброжелательствомъ. Тотъ же современникъ и туземецъ, на котораго мы уже ссылались, рассказываетъ объ этомъ слѣдующее: «Въ числѣ «любителей» (членовъ Общества) было тогда еще не мало одряхлѣвшихъ обломковъ «временъ очаковскихъ», уцѣлѣвшихъ отъ до-реформеннаго періода; кромѣ того, послѣ возрожденія Общества въ немъ одно время подбирались сторонники славянофильства, внесшіе въ него духъ партіи и нетерпимость. Котляревскому пришлось испытать это

на себѣ. Не зная даже путемъ, какіе за нимъ есть грѣхи, иные изъ москвичей вообще подозрительно смотрѣли на него; невоздержность его въ сужденіяхъ, разносимыхъ сплетнею, и печатно высказанное раньше порицаніе узкому націонализму вызвали въ извѣстныхъ слояхъ глухую вражду». Она въ то же время обрушивалась и на извѣстнаго А. Н. Аванасьева... Но въ Обществѣ была также группа, которая очень цѣнила того и другого. Котляревскій былъ членомъ Общества съ 13 марта 1865, и въ предсѣдательство Н. В. Калачова былъ въ числѣ членовъ редакціонныхъ комитетовъ.

«Котляревскій, — продолжаетъ Алексѣй Н. Веселовскій, —слишкомъ очевидно для всѣхъ ратовалъ за разнообразіе и научную серіозность работъ Общества, содѣйствовалъ изданію имъ «Толковаго Словаря» Даля и привѣтствовалъ его окончаніе¹⁾, участвовалъ въ публичныхъ чтеніяхъ и въ журналѣ Общества, составлялъ содержательные годовые отчеты, полные проектовъ важныхъ работъ. Такого неутомимаго труженика нельзя было не выбрать въ секретари—и, несмотря на оппозицію, Котляревскій былъ выбранъ. Каждый подобный фактъ, какъ бы мелокъ онъ ни былъ, приближалъ его къ полной реабилитаціи. Но и тутъ не обошлось безъ обиды; видно было, что искупленіе все еще считалось незаконченнымъ.

«Это было въ предсѣдательство Погодина. Одинъ изъ его присныхъ, бывшій масонъ, а потомъ извѣстный сельско-хозяйственный дѣятель С. А. Масловъ, по непонятнымъ литературнымъ заслугамъ попавшій въ Общество словесности, не затруд-

1) «Толковый Словарь живаго великорусскаго языка, В. И. Даля» — въ «Бесѣдахъ въ Общ. любителей рос. словесности при Импер. Моск. Университетѣ», вып. 2-й, М. 1868, отд. II, стр. 91—94.

Другія статьи Котляревскаго, имѣющія отношеніе къ Обществу: «Слово о послѣдней дѣятельности Общества люб. рос. словесности», и «Публичное засѣданіе Моск. Общества люб. рос. словесности, 17 ноября 1863 г.», во 2-мъ томѣ академическаго изданія, стр. 13—28. Въ первомъ выпускѣ «Бесѣдъ» была помѣщена его «Замѣтка о трудахъ Ѳ. Н. Глинки по наукѣ русской древности» (1867, стр. 39—44). (II т. акад. изд., с. 119—128).

нился во всеуслышаніе предложить на засѣданіи кассировать выборъ Котляревскаго, какъ человѣка «неудобнаго». Если эта выходка и была подстроена, какъ догадывался А. А., она потерпѣла полнѣйшее пораженіе. По мѣрѣ того, какъ Масловъ развивалъ мотивы своего предложенія, одинъ за другимъ члены вставали и выходили изъ залы; ораторъ, замѣтивъ это, сталъ конфузиться, запинаться, наконецъ замолкъ, изъ боязни фактически вопіять въ пустынь. Поспѣшно бросились въ прихожую и упрашивали уходившихъ вернуться и продолжать засѣданіе, такъ какъ Масловъ говорить больше не станетъ»...

Котляревскій уже рано высказался противъ «узкаго націонализма» именно съ той точки зрѣнія, что онъ слишкомъ легко впадалъ въ противорѣчіе съ требованіями науки. Такъ говорилъ онъ уже въ «Старинѣ и народности», такъ онъ высказывался въ упомянутыхъ сейчасъ отзывахъ о дѣятельности Общества любителей, — гдѣ, какъ и въ статьѣ о старобытности малорусскаго народа въ Малороссіи, ему, между прочимъ, пришлось полемизировать противъ Погодина.

Съ подобной точки зрѣнія онъ осудилъ извѣстную диссертацию Ор. Миллера «О нравственной стихіи въ поэзіи». Но Миллеръ не былъ теоретикъ нетерпимый и зложелательный; это былъ человѣкъ, хотя заблуждавшійся въ своихъ построеніяхъ, — въ диссертации, какъ послѣ въ изслѣдованіяхъ о народной поэзіи и пр., — но человѣкъ глубоко искренній, нравственно безупречный, и у Котляревскаго, несмотря на прежнее суровое осужденіе диссертации Миллера ¹⁾, завязались съ авторомъ ея весьма дружескія отношенія: почвой ихъ была «старина и народность», къ которой оба они питали одинаковый интересъ. Въ 1865 году они обмѣнялись своими трудами: Котляревскій черезъ одного общаго знакома послалъ ему свои статьи изъ перваго выпуска «Трудовъ», которыми тогда такъ увлекался: статья о «Скандинавскомъ кораблѣ» Миллеру очень понравилась (она

1) Въ академическомъ изданіи, I, стр. 163—192.

«пришлась мнѣ особенно по сердцу, — писалъ тогда Миллеръ къ этому знакомцу, — совершенно сходясь съ моими собственными соображеніями о скандинавскомъ началѣ въ нашемъ народномъ эпосѣ»), и въ обмѣнъ онъ послалъ свою тогдашнюю книжку противъ «Исторіи славянскихъ литературъ». Дальше началась и переписка, но—съ новыми спорами.

Въ письмѣ къ Миллеру (по обычаю, безъ года и числа) Котляревскій пишетъ: «Прочелъ я (статью о сказкахъ) съ истиннымъ удовольствіемъ, хотя и не могу согласиться съ нѣкоторыми частными положеніями ея. Когда-нибудь, коли забота о существованіи позволить и мрачная, непривѣтливая музамъ и наукѣ общественная атмосфера—когда-нибудь выражу свои разногласія печатно. У меня болѣе 2000 сказокъ малоросс., и между ними *нѣкоторыя*—рѣшительная драгоцѣнность и для науки и для поэзіи (искусства). Вчера въ Обществѣ губителей ¹⁾ російской словесности я читалъ статью о *семейной* сторонѣ русскихъ сказокъ: прошла она незамѣченною, только Калачовъ оцѣнилъ если не исполненіе, то по крайности намѣреніе—и за это спасибо! Печатать ее я не стану: не зачѣмъ! Людямъ занимающимся все это и безъ меня хорошо извѣстно, а иные — что имъ сія Гекуба и чтò сей Гукабъ до нихъ...

«Въ настоящую минуту я всего болѣе способенъ раздѣлить высказанныя вами мысли о славянофилахъ: они были *честные* дѣятели литературы, они не смѣшивали литературы съ стремленіями полицейскаго сыщика; но зачѣмъ рядите вы ихъ въ людей науки, зачѣмъ говорите о ихъ заслугахъ въ отношеніи науки; вѣдь это противорѣчитъ правдѣ и истинѣ, вѣдь всѣ ихъ *ученая* упражненія — это бредъ, благородный, почтенный, но все-таки невѣжественный. Отымите у покойнаго К. Аксакова его природную гражданскую честность, отвлеките гражданина-писателя отъ ученаго и послѣдній окажется лишь наивнымъ ребенкомъ,

1) Такой терминъ, не забытый и понынѣ, сложился въ Москвѣ вѣроятно въ связи съ упомянутыми данными о составѣ его членовъ.

которому незнакомы даже элементарные приемы научнаго труда; а Б. — неужели эту до Геркулесовыхъ столбовъ безумія дошедшую доктрину вы назовете заслугой въ наукѣ? Нѣтъ, такихъ людей нельзя называть людьми науки! Вашими добрыми поминками о нихъ руководило теплое чувство, но оно-то и подкупило вашъ приговоръ. . . Иное дѣло область гражданской литературы: здѣсь славянофилы — живой упрекъ нашей мелочной, пасквильной публицистикѣ, унижившейся до площадной брани и грязнаго доноса!»

Котляревскій съ сочувствіемъ говоритъ о вышедшей тогда книгѣ Ор. Миллера ²⁾: «Отъ всей души поздравляю васъ съ успѣшнымъ преодолѣніемъ такихъ трудностей, о которыхъ знаютъ лишь тѣ, кто понимаетъ дѣло». . . Но книголюбецъ, какъ Котляревскій, не могъ пропустить безъ вниманія внѣшняго вида изданія: «Внѣшность книги далеко не соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію, въ особенности бумага, кривая, косая, съ жирными зализами. . . Или, быть можетъ, мнѣ попался такой анаоемскій экземпляръ!» Въ хрестоматіи не одобряетъ произвольныхъ измѣненій въ текстѣ Слова о полку Игоревѣ. Въ концѣ письма: «Прошло 3 дня, какъ я писалъ къ вамъ эти строки—и разныя *незгоды* помѣшали мнѣ окончить: каждую минуту жду *незванныхъ гостей* и оттого все идетъ вверхъ дномъ». . . Ор. Миллеръ отвѣчалъ на это (отъ 4 авг. 1866) объясненіемъ своихъ сочувствій къ славянофиламъ и намѣревался заявить это въ предисловіи къ своей диссертациі объ Ильѣ Муромцѣ, какъ послѣ дѣйствительно и сдѣлалъ; онъ прибавляетъ: «Вѣдь не однимъ-же этимъ разсердить она (диссертациія) Измаила Ивановича! Жду съ нетерпѣніемъ вашего магистерскаго труда, и увѣренъ въ томъ, что и у Срезневскаго анти-миѳологическая рука на него не поднимется». Дѣло въ томъ, что Срезневскій съ его сильной положительной критикой былъ не очень расположенъ къ тѣмъ миѳологическимъ

1) Опытъ историческаго обзорѣнія русской словесности съ хрестоматіею, расположенною по эпохамъ. Ч. I, вып. 1. Изд. 2-е. Спб. 1865 (на обложкѣ 1866).

объясненіямъ, какія распространялись тогда въ особенности въ трудахъ Аѳанасьева и которыя Ор. Миллеръ довель до послѣдней крайности, и въ этомъ случаѣ Срезневскій былъ конечно правъ.

Ихъ сношенія продолжались и въ слѣдующемъ году. Миллеръ былъ занятъ тогда изданіемъ 4-го тома собранія Рыбникова и спрашивалъ Котляревскаго относительно повѣсти объ «Азовскомъ сидѣніи». Котляревскій отвѣчалъ: ...«Азовское сидѣніе мнѣ хорошо извѣстно: это—плоская и ничтожная вещь и въ историческомъ и въ поэтическомъ смыслѣ; вамъ рѣшительно незачѣмъ печатать ее, незачѣмъ и въ Румянцовскій музей ходить за справками, потому что она попадалась мнѣ разъ пять въ рукописяхъ Публичной Библіотеки, спросите только Бычкова — и онъ вамъ безъ затрудненія ее отыщетъ. Помнится и мнѣ, что это «Сидѣніе» было напечатано, но гдѣ — сказать теперь не могу: нѣтъ справокъ подъ руками. Впрочемъ, чтобъ хотя сколько-нибудь удовлетворить васъ, отмѣчаю № рукописи Публичной Библіотеки, гдѣ есть это пресловутое произведеніе: по каталогу Толстова, отд. II, № 358.

«Вчера отослалъ въ Академію Наукъ рецензію на книгу Аѳанасьева: я обошелся съ нимъ немного жестче васъ, но думаю, что премію онъ получить долженъ».

Къ концу 1867 года, когда выяснилось наконецъ дѣло о назначенія Котляревскаго на дерптскую кафедру, Ор. Миллеръ писалъ ему: «бьюсь объ закладъ, потершись о тамошнихъ культуртрегеровъ, вы сдѣлаетесь завзятымъ славянофиломъ». Онъ не могъ представить себѣ другого исхода: если бы не понравились остзейскіе правы, надо было сдѣлаться славянофиломъ.

Въ письмахъ П. И. Лерха отъ 1866 года разбросаны безынтересныя замѣтки о дѣлахъ петербургскаго Археологическаго Общества и его собствешныхъ работахъ, которыя между прочимъ направлялись на вопросъ о названіяхъ металловъ у финскаго племени. Лерхъ принялъ затѣмъ довольно дѣятельное участіе въ трудахъ Общества московскаго.

Тѣмъ временемъ петербургскіе ученые, цѣнившіе труды Котляревскаго, не переставали заботиться объ устройствѣ его офиціально-ученаго положенія. Этотъ вопросъ нерѣдко повторяется въ перепискѣ Котляревскаго со Срезневскимъ и А. А. Кунникомъ; другія любопытныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ находятся въ письмахъ М. В. Прахова, который сблизился съ Котляревскимъ съ 1864 года, очень къ нему привязался и сообщалъ ему, что узнавалъ объ его дѣлахъ въ университетѣ. Мстиславъ Праховъ (умершій потомъ еще молодымъ человекомъ), готовившійся тогда къ ученому поприщу и близкій съ Срезневскимъ, человекъ съ глубокими идеалистическими убѣжденіями, которыя дѣлилъ съ нимъ тѣсный кружокъ его молодыхъ товарищей, сильно желалъ, чтобы Котляревскому открылся наконецъ путь въ университетъ, и хлопоталъ объ его дѣлахъ сколько могъ. Къ тогдашней университетской обстановкѣ въ Петербургѣ Праховъ относился недовѣрчиво, многое было ему прямо антипатично и тѣмъ больше хотѣлось ему, чтобы кафедра занята была человекомъ, въ которомъ онъ видѣлъ искреннюю любовь къ наукѣ. Нѣсколько его писемъ бросаютъ очень яркій свѣтъ на тогдашнія университетскія дѣла и между прочимъ указываютъ, какъ шелъ самый вопросъ объ опредѣленіи въ университетъ Котляревскаго. Первоначальный планъ привлечь Котляревскаго къ трудамъ русскаго отдѣленія Академіи почему-то не состоялся. Теперь (какъ пишетъ Праховъ, въ февралѣ 1865) Срезневскій сообщилъ ему, что на запросъ министра Котляревскій предложенъ былъ филологическимъ факультетомъ въ Петербургѣ по всеобщей исторіи литературы, вслѣдствіе чего ему могли быть предложены отъ министерства или поѣздка за границу или причисленіе къ университету на два, на три года (для приготовленія къ занятію кафедры). На вопросъ Прахова, почему не по славянскимъ нарѣчіямъ, Срезневскій объяснилъ, что по этому предмету не было запроса, но что это не помѣшало бы Котляревскому держать экзаменъ по славянскимъ нарѣчіямъ; Праховъ прибавляетъ,

что случаи перемѣны предмета бывали и что министерство не оказываетъ тому препятствій. Въ другомъ письмѣ Праховъ объясняетъ однако, что факультетъ не торопится хлопотать до его магистерскаго экзамена, не торопится и министерство, и что поэтому надо воспользоваться временемъ для устраненія тѣхъ препятствій, какія заключались въ особенныхъ обстоятельствахъ Котляревскаго. Онъ не зналъ ихъ въ точности. Наконецъ онъ узналъ ихъ, но не смутился и этимъ, и въ письмѣ отъ 1-го мая 1865 съ большой радостью сообщаетъ Котляревскому слышанную имъ новость: 26-го апрѣля въ Сенатѣ прочтенъ былъ приговоръ по политическому дѣлу, съ которымъ связано было и дѣло о пребываніи Кельсіева въ Россіи, и по этому приговору Котляревскій былъ въ числѣ лицъ, освобожденныхъ отъ подозрѣнія съ дозволеніемъ вступить въ службу. Но въ концѣ мѣсяца онъ зналъ уже, что разрѣшеніе поступить на службу для Котляревскаго соединено было съ исключеніемъ именно службы по учебному вѣдомству. . . Изъ всѣхъ этихъ хлопотъ однако ничего не вышло.

Въ 1866 году Котляревскій, какъ мы уже видѣли выше изъ его словъ, ждалъ даже новыхъ непріятностей; ему грозило окончательное запрещеніе давать гдѣ бы то ни было уроки. Въ одномъ изъ писемъ къ Срезневскому (по обыкновенію безъ года) онъ пишетъ: «. . . Слава Богу — худшей перемѣны пока не произошло въ моемъ положеніи: я ожидалъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, что мнѣ запретятъ преподаваніе вовсе, но меня спросили только, чтó я преподаю и гдѣ — и покамѣстъ ничего болѣе. Это вышло — не хорошо, но по крайней мѣрѣ не несправедливо»... Въ отвѣтъ на подобныя вѣсти и слухи Срезневскій писалъ ему: «Печатаніе вами ученыхъ трудовъ одно можетъ (кромѣ ученыхъ степеней) раскрыть вамъ широкую дорогу, вамъ принадлежащую, зажать рты вашимъ недругамъ и дать опору вашимъ друзьямъ. Ради Бога. . . не медлите печатаніемъ диссертациі, а между тѣмъ приготовьте что-нибудь хоть не большое, хоть разборъ какого-нибудь новаго иностраннаго верка или увража, или обзоръ полной Русской археологич. дѣятельности за послѣднее время, напр.

для Журн. мин. нар. просв., и пришлите сюда къ одному изъ друзей — если угодно, то и ко мнѣ, для передачи по назначенію. Если-же бы нашлось между вашими трудами небольшое годное для Акад. записокъ, то пришлите къ Кунику такъ, чтобы онъ передалъ и мнѣ, чтобы мы оба могли подать голосъ за вашъ трудъ. Бурно полемическаго противъ русскихъ научныхъ себя-любцевъ не пишите: это можетъ помѣшать ходу статьи. Къ этому еще прибавлю, что мнѣ приходило въ голову, когда я прочитывалъ *Revue archéologique*. Матеріаловъ для Русск. археологическаго словаря у васъ много и работа надъ нимъ, мнѣ кажется, была бы по васъ, между тѣмъ теперь въ Обществѣ вашемъ есть, пишете вы, средства для изданія. Дайте въ Археол. Вѣстникѣ мѣсто «Опыту русскаго археолог. словаря или словаря русскихъ древностей», оговоривши въ началѣ, что статьи пропущенныя или неудовлетворительныя будутъ помѣщаемы въ дополненіяхъ; и «сосредоточьте» на этомъ трудѣ вашу дѣятельность. Библиотека и музей графа Уварова будетъ вамъ въ помощь, не говоря уже о московскихъ. Найдутся, можетъ быть, и сотрудники; но они должны быть только на томъ условіи, чтобы словарь былъ вашъ, лично вашъ, а не чей бы то ни было. Подумайте и сообщите мнѣ итогъ вашей думы. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы отказались отъ этого дѣла; но если откажетесь, то надобно будетъ подумать о приложеніи его къ другимъ дѣламъ, противъ внутренняго желанія, подшептывающаго мнѣ: «трудъ этотъ, если выйдетъ изъ-подъ рукъ Котляревскаго, будетъ полезенъ даже, или по крайней мѣрѣ, по библиографическимъ указаніямъ, въ которыхъ и ты нуждаешься, а доброму труженику дать доброе имя». Рѣшайтесь и спѣшите. Хотя вы молоды, но не спѣша можете и завязнуть на полудорогѣ, какъ, можетъ быть, мнѣ придется завязнуть съ своимъ словаремъ». Въ концѣ письма, говоря о своемъ личномъ интимномъ довольствѣ жизнью, Срезневскій высказываетъ мысли, бросающія свѣтъ на прежніе жизненные опыты: «...Желаю лучшаго не себѣ, а другимъ... И — сержусь на тѣхъ, которые въ молодости увлекаются такъ

же, какъ и я увлекался, и будутъ досадовать на себя, какъ и я досадовалъ и досаую на себя. Не могу поправить своего прошлаго, и брюзгливо смотрю на то, что для другихъ не прошлое, а будущее. Утѣшаю себя только увѣренностью, что брюзгливость эта не своекорыстна». Этому скептическому настроенію можно было бы противопоставить слова писателя, совѣтовавшаго на-противъ забирать съ собой изъ «мягкихъ юношескихъ лѣтъ» тѣ движенія, которыхъ уже не дастъ больше жизнь: кромѣ ошибокъ и увлеченій, юность даетъ и идеалы. . .

Котляревскій не нашелъ возможнымъ послѣдовать пред-ложенію работать надъ археологическимъ словаремъ. Дѣло въ томъ, что самъ Уваровъ занятъ былъ тогда этою мыслью, въ «Трудахъ» начато было собираніе матеріаловъ для подобнаго словаря, и такой «сепаратизмъ» былъ бы неудобенъ.

Наконецъ, явилось обстоятельство, которое дало Котлярев-скому первую надежду освободиться изъ его гнетущаго по-ложенія. Въ концѣ января или въ февралѣ 1867, онъ пишетъ къ одному изъ ученыхъ друзей въ Петербургъ:

« . . Вчера познакомился я съ Ширреномъ; онъ между прочимъ объяснилъ мнѣ, что графъ Кайзерлингъ поручилъ ему сыскать человѣка для каведры русской словесности въ Дерптъ и предложилъ, не хочу ли я принять это мѣсто. Я отвѣчалъ, что рада бы душа въ рай, да грѣхи не пускаютъ, и рассказалъ ему всю исторію мою; онъ все слушалъ, но когда я сказалъ, что въ моемъ формулярѣ стоитъ, что я *не могу* служить по учебнымъ вѣдомствамъ, тутъ только онъ не утерпѣлъ и сказалъ: *das ist schlimm!* но впрочемъ прибавилъ, что, быть можетъ, все это удастся уладить. . . Какъ бы тамъ ни было, но мнѣ пріятно было войти въ знакомство съ такимъ даровитымъ ученымъ, какъ дерптскій профессоръ русской исторіи—и я постараюсь сблизиться съ нимъ».

Еще раньше этого гр. Уваровъ обращался къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстому, въ письмѣ отъ 7-го января 1867, въ которомъ, изложивъ дѣло Котлярев-

скаго и указавъ его ученыя достоинства, извѣстные Уварову по совмѣстной работѣ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, просилъ его ходатайствовать о разрѣшеніи Котляревскому служить по учебнымъ вѣдомствамъ. Между прочимъ Уваровъ упоминалъ, что вслѣдствіе существовавшаго запрещенія этой службы министерство просвѣщенія «дважды отказало представленіямъ Совѣта Спб. университета, который ходатайствовалъ объ отправленіи Котляревскаго за границу съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію». Письмо Уварова было оставлено безъ послѣдствій, кажется, потому, что въ справкахъ министерства не нашлось свѣдѣній объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве; какъ мы видѣли однако, представленіе отъ Петербургскаго университета дѣйствительно было, но дѣло не было тогда доведено до конца и поэтому вѣроятно въ официальныхъ бумагахъ слѣда его не осталось. Ширренъ повидимому взялся за дѣло очень ревностно: потому что гр. Кайзерлингъ, попечитель Дерптскаго учебнаго округа, обращался къ гр. Д. А. Толстому съ конфиденціальнымъ письмомъ отъ 9-го февраля, въ которомъ, указывая, что въ Дерптскомъ университетѣ послѣ отставки профессора Розберга за выслугою срока остается свободною кафедра русской словесности въ особенности и славянской вообще и что нѣкоторые изъ профессоровъ университета для замѣщенія этой кафедры обратили вниманіе на кандидата Котляревскаго, о которомъ имѣлись наилучшія свѣдѣнія, обращался къ министру просвѣщенія съ просьбою сообщить указанія относительно возможности разрѣшенія Котляревскому служить по учебному вѣдомству, и именно занять кафедру въ Дерптѣ, гдѣ, далекій отъ прежней обстановки, онъ могъ бы быть очень полезенъ; самъ онъ желалъ бы, если то возможно, способствовать возстановленію его ученой дѣятельности (*rehabiliter cet homme d'une instruction solide, et d'une intelligence, à ce qu'il paraît, remarquable*).

На этотъ разъ гр. Толстой счелъ возможнымъ дать ходъ дѣлу и въ конфиденціальномъ письмѣ къ гр. П. А. Шувалову отъ 25 февраля, сообщая ему письма гр. Уварова и гр. Кай-

зерлинга о Котляревскомъ («библіотекаръ и членъ редакціоннаго комитета Московскаго Археологическаго Общества»), просилъ увѣдомить, какія имѣются въ III-мъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи свѣдѣнія о Котляревскомъ и полагаетъ ли возможнымъ гр. Шуваловъ просить о соизволеніи Государя Императора опредѣлить Котляревскаго на учебную службу. Отвѣтъ гр. Шувалова послѣдовалъ 19 апрѣля. Здѣсь сообщалось, что Котляревскій «былъ привлеченъ въ 1862 году къ дѣламъ Высочайше учрежденной въ С.-Петербургѣ Слѣдственной Комиссіи; но по обстоятельствамъ производившагося о немъ дѣла не представлялось основаній къ преданію его суду; принимая однако во вниманіе, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми лицами, обвинявшимися въ распространеніи заграничной пропаганды, чѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе въ участіи въ преступныхъ ихъ дѣйствіяхъ, онъ согласно постановленію Комиссіи, состоявшемуся въ декабрѣ 1862 года, подчиненъ секретному наблюденію; изъ полученнаго же затѣмъ въ ввѣренномъ мнѣ Управленіи отношенія Главнаго Управленія Военно-учебныхъ заведеній видно, что Котляревскій, вслѣдствіе арестованія его по означенному дѣлу, былъ уволенъ отъ службы при Александрійскомъ Кадетскомъ корпусѣ и что Государь Императоръ Высочайше изволилъ повелѣть: считать Котляревскаго уволеннымъ по прошенію и дозволить ему снова опредѣлиться на службу, но отнюдь не по учебнымъ вѣдомствамъ». «Считаю долгомъ присовокупить къ сему, — продолжалъ гр. Шуваловъ, — что такъ какъ съ 1862 года Котляревскій не обнаруживалъ вредныхъ стремленій, то я съ своей стороны считалъ бы возможнымъ, чтобы в. с—ство испросило отміну означеннаго ограниченія, съ тѣмъ однако, чтобы онъ былъ переведенъ въ Дерптскій учебный округъ, гдѣ имѣется надобность въ хорошихъ преподавателяхъ русской словесности и гдѣ вообще распространеніе передовыхъ идей (если бы это обнаружилось) не представляетъ опасеній въ виду направленія тамошняго общества». На этомъ основаніи гр. Толстой предпринялъ ходатайство и по его докладу послѣдовало 8 мая Высочайшее соизволеніе «на допущеніе Котлярев-

скаго, если онъ будетъ избранъ, на службу по учебной части, но только въ Дерптскій учебный округъ». Объ этомъ гр. Толстой тогда же увѣдомилъ гр. Кайзерлинга и гр. Шувалова.

Дѣло затянулось однако надолго. Въ іюнѣ, Котляревскій писалъ въ Петербургъ одіому изъ друзей, что Дерптскій университетъ, долго не получая отвѣта и наскучивъ неизвѣстностью, избралъ на пустую кафедру другое лицо (очень мало компетентное) и отправилъ объ этомъ бумагу министру на утвержденіе, — когда тотъ съ своей стороны посылалъ Кайзерлингу извѣщеніе о разрѣшеніи Котляревскому служить въ Дерптскомъ учебномъ округѣ... Котляревскій еще не видѣлъ въ этомъ рѣшенія своего вопроса: «утѣшаюсь только тѣмъ, что изъ всей исторіи не вышло ничего для меня худого—и то уже прогрессъ! Съ промоціей магистерской буду готовъ къ октябрю — и, если позволятъ обстоятельства, думаю уѣхать за границу — учиться»...

Главной заботой сталъ теперь магистерскій экзамень и окончаніе диссертациі, надъ которой онъ въ послѣднее время усиленно работалъ. Отмѣтимъ изъ этой поры еще одну его работу, интересную по отношенію къ распространенному тогда мифологическому ученію. Академическая комиссія по присужденію Уваровскихъ премій предложила Котляревскому составленіе разбора вышедшей тогда книги Аѳанасьева. Кажется, лѣтомъ 1867, онъ отослалъ рецензію и одновременно писалъ А. А. Кунику: «...Теперь къ вамъ глубочайшая просьба: если найдете чтó неисправнаго, несправедливаго, придирчиваго или чтó можетъ повредить полученію преміи—исправляйте, марайте, какъ заблагоразсудите... Книга—достойная во многихъ отношеніяхъ и важная, а потому, говоря по чистой совѣсти, вполне заслуживаетъ преміи и гораздо болѣе имѣетъ права на нее, чѣмъ десятки книгъ, уже удостоенныхъ награды: какъ бы ни былъ великъ конкурсъ, но такіе труды нельзя оставлять безъ поддержки, тѣмъ болѣе, что они совершенно безкорыстны и невознаградимы другимъ образомъ. Срезневскій, вѣроятно, будетъ *противъ*,

но вы, Бога ради, поддержите трудъ». . . Какъ извѣстно, рецензія Котляревскаго была принята и премія назначена.

Это былъ годъ извѣстной этнографической выставки и славянскаго съѣзда въ Москвѣ. Въ этихъ условіяхъ у Котляревскаго явилась мысль, которая впрочемъ не дошла до исполненія. Онъ писалъ А. А. Куніку: «Воспользовавшись славяноманіей московскихъ купцовъ, я предложилъ имъ собрать деньги на изданіе въ свѣтъ сочиненій Добровскаго (нѣкоторыхъ доселѣ неизданныхъ, другихъ—разсѣянныхъ по разнымъ Jahrbuch'амъ), предложеніе пошло и я уже говорилъ объ этомъ съ Палацкимъ, который душевно обрадовался этой мысли и, кажется, возьмется за это дѣло самъ». . .

Лѣтомъ, какъ обыкновенно, въ университетскихъ дѣлахъ было затишье. Отъ 13 сентября Ширренъ пишетъ Котляревскому изъ Дерпта, что наканунѣ въ засѣданіи факультета читано было предложеніе (Präsentations-Schreiben) Ширрена; только недѣли за двѣ передъ тѣмъ пришло отъ министра извѣщеніе о неутвержденіи упомянутаго выше лица, предлагавшагося взамѣнъ Котляревскаго, и ожидался только пріѣздъ одного изъ членовъ факультета, д-ра Швабе, чтобы рѣшить дѣло въ факультетѣ. Это должно было состояться не позже 30 сентября; затѣмъ, въ случаѣ утвержденія, должно было произойти представленіе въ Совѣтъ, и тамъ дѣло должно было рѣшиться въ половинѣ октября. Необходимо было ускорить магистерство... «Я душевно радуюсь,—кончалъ Ширренъ—что намъ снова открылась надежда пріобрѣсти васъ. Я убѣжденъ, что если мы будемъ васъ имѣть, обѣ стороны будутъ взаимно довольны. Во всякомъ случаѣ, какъ скоро вы будете избраны, вы можете со всѣхъ сторонъ разсчитывать на самую сердечную и искреннюю встрѣчу». . .

Вскорѣ затѣмъ Ширренъ извѣщаетъ объ единогласномъ избраніи въ факультетѣ, а отъ 20 октября Котляревскому писали опять Ширренъ и деканъ факультета Швабе объ единогласномъ избраніи въ Совѣтъ,—но пока только «исправляющимъ

должность» экстра-орд. профессора, до получения магистерской степени. Въ письмѣ своемъ д-ръ Швабе высказываетъ удовольствіе, что университетъ пріобрѣтаетъ талантливаго представителя важной и интересной области славянскихъ языковъ: «приходите къ намъ gutes Muthes! Вѣроятно, вамъ у насъ понравится: всѣ — я въ этомъ твердо убѣжденъ — встрѣтятъ васъ самымъ дружескимъ образомъ. И пріѣзжайте какъ можно скорѣе. Нашъ факультетъ очень нуждается въ вашихъ свѣжихъ и крѣпкихъ силахъ!». . . Въ другомъ письмѣ, отъ 5 ноября, д-ръ Швабе повторялъ, какъ важно для нихъ, чтобы Котляревскій пріѣхалъ скорѣе въ Дерптъ: утверждение представленія послѣдуетъ вѣроятно къ половинѣ декабря, Котляревскій могъ бы начать преподаваніе съ новаго года и семестра, а диссертацию могъ бы удобно печатать въ Дерптѣ и затѣмъ получить отпускъ въ Петербургъ для ея защиты.

Дѣло замедлилось теперь по винѣ самого Котляревскаго; изъ Дерпта писали ему, что все зависитъ теперь отъ него самого, и торопили. «По моему убѣжденію, — писалъ ему Ширенъ отъ 2 января 1868 ¹⁾, — вамъ нечего заботиться, что мы васъ бросимъ, лишь бы вы насъ не бросили. Для насъ все дѣло въ томъ, чтобы вы какъ можно скорѣе стали магистромъ; если вы насъ задержите съ этимъ слишкомъ долго, то по уставу мы теряемъ право свободнаго выбора, и министръ можетъ назначить кого хочетъ. . . Отдавайте вашей работѣ не больше труда, чѣмъ именно необходимо, чтобы она была принята факультетомъ. Торопите печатаніе, сколько возможно, и поставьте себѣ неотложной обязанностью имѣть возможность сообщить намъ до конца апрѣля, что вы окончательно стали магистромъ» . . . Извѣщеніе о полученіи магистерства онъ просилъ въ свое время направить не только къ гр. Кайзерлингу, но и въ Совѣтъ. Въ министерствѣ дерптскіе выборы еще не были утверждены, и изъ Петербурга писали

1) На подлинномъ письмѣ по ошибкѣ 1867.

Котляревському, що міністръ ожидаетъ для этого только защиты диссертациі.

Причина медленности была въ томъ, что Котляревскій старался сколько возможно выработать диссертацию, чтобы достойнымъ образомъ дебютировать въ ученомъ мірѣ. Мысль о дѣятельности въ Дерптѣ, сначала принятая имъ нѣсколько холодно, вскорѣ стала ему нравиться. Въ сентябрѣ 1867, получивъ извѣстіе Ширрена о сдѣланномъ имъ представленіи въ факультетъ, Котляревскій писалъ А. А. Кунику: «На вашъ вопросъ: хочу ли я въ Дерптъ — я позволю себѣ отвѣтитъ, что въ настоящее время лучше ничего не желаю: для меня это кладъ, я буду въ состояніи многому поучиться и мирно продолжать свои студіи по сравнительной славянской древности: Швабе, какъ говорилъ мнѣ Ширренъ, отличный классическій филологъ, Лео Мейера я знаю какъ даровитѣйшаго лингвиста — чего же мнѣ болѣе, . . . но я не иначе могу отправиться въ Дерптъ какъ съ нѣкоторыми условіями. Вотъ они: я совершенно чуждъ всякаго политическаго стремленія, всякаго національнаго гиперпатріотическаго предразсудка; къ каѳедрѣ я отношусь *единственно* съ точки зрѣнія науки, хочу служить одной наукѣ и ничему и никому болѣе; къ профессорамъ хочу относиться честно какъ къ товарищамъ и близкимъ по наукѣ; а потому желалъ бы, чтобы и ко мнѣ они отнеслись такимъ же образомъ и не предполагали бы во мнѣ чловѣка съ затаенными цѣлями, пришедшаго противодѣйствовать нѣмецкому элементу, о которомъ теперь такъ много трубятъ наши патріоты - публицисты. Никто далѣе меня не стойтъ въ этомъ отношеніи: если я и имѣю свои національныя симпатіи, то во всякомъ случаѣ онѣ не тѣ, о которыхъ такъ печалятся Катковъ et Co и Аксаковъ et Co; на дерптской почвѣ у меня не будетъ иной цѣли, кромѣ интереса науки, какая бы она ни была: російская, нѣмецкая или иная какая; однимъ словомъ, знаменемъ моимъ будутъ слова когда-то сказанныя Копитаромъ: «In der Wissenschaft, der Allversöhnerin, gilt weder Deutsche, noch Moscovite: sie ist Gemeingut und gehört Allen mit gleichem Rechte an». Только тогда,

когда миѣ гарантируютъ, что *такъ*, а не иначе поймутъ мое переселеніе въ Дерптъ, я готовъ отъ всего сердца приняться за дѣло»... Другія недоумѣнія были служебно-практическаго характера. Какъ тѣ, такъ и другія вполнѣ разъяснялись скорѣ дружественными письмами изъ Дерпта.

Отъ 2 ноября онъ пишетъ опять А. А. Куніку: «... Дерптъ представляется миѣ туманною страной: никто миѣ лично—кромѣ Ширрена — неизвѣстенъ тамъ и неизвѣстна даже моя задача, потому что она опредѣляется не предметомъ, а почвой или обстановкой; одно знаю я, это—обязанность служить наукѣ, и отъ этой обязанности я не отступлю ни на шагъ ни въ какую область другихъ интересовъ, потому что, сказать правду, я питаю къ суетѣ дня глубокое, можетъ быть, болѣзненное отвращеніе. . . Пора — учиться, чему не научился, пора сдѣлать что-нибудь для болѣе прочнаго дѣла, для науки; и миѣ мечтается, что Дерптъ въ этомъ отношеніи—добрая, тихая пристань для моего корабля: находясь среди людей науки, на мѣстѣ, гдѣ дѣйствовалъ когда-то Эверсъ, миѣ думается, я могу безпрепятственно и невозмущаемо предаться «музамъ» и въ особенности любимицѣ моей, музѣ славянской древности». . . Котляревскій самъ предполагалъ, что министръ можетъ не утвердить пока дерптскаго избранія, и сожалѣлъ, если бы ему пришлось на первый же разъ не исполнить требованія факультета явиться къ началу семестра.

Между дѣлами, которыя ему надо было кончать въ Москвѣ, было изданіе «Археол. Вѣстника»: «4-ую книгу вы скоро получите, — писалъ онъ А. А. Куніку; — 5-ую я еще издамъ самъ, 6-ую же только приготовлю, а за печатаніемъ будетъ наблюдать кто-нибудь другой; за симъ я прощусь съ «Вѣстникомъ», ибо едва-ли онъ будетъ издаваться въ слѣдующемъ году». . . .

Онъ ошибся однако въ своихъ предположеніяхъ: онъ не попалъ въ Дерптъ ни къ началу семестра, ни къ половинѣ апрѣля, и самъ еще въ Москвѣ докончилъ изданіе Археологическаго Вѣстника. Дерптскіе вызовы и требованіе министерства заставили торопиться съ печатаніемъ диссертациі, которое сопро-

вождалось множеством хлопотъ и проволочекъ. Онъ отдалъ изданіе въ Синодальную типографію (въ январѣ 1868), которая взялась напечатать двадцать листовъ къ концу марта, но печатаніе крайне замедлялось обычною у насъ неряшливостью корректуры, которая заставляла негодовать библіомана, а кромѣ того самъ авторъ замедлялъ дѣло, продолжая исправлять текстъ во время печати, и въ концѣ концовъ книга вышла все-таки позднѣе назначеннаго срока. Въ то же время являлся рядъ недоумѣній относительно магистерскаго экзамена и представленія диссертациі: онъ началъ печатаніе безъ предварительнаго представленія книги въ факультетъ — возможно ли такое отступленіе отъ правилъ? могло случиться, что диссертациія не будетъ одобрена факультетомъ; какіе сроки и требованія экзамена? Для ускоренія дѣла онъ сталъ посылать Срезневскому листы диссертациі по мѣрѣ отпечатанія. Срезневскій разрѣшалъ ему эти недоумѣнія, облегчилъ ходъ дѣла въ университетѣ, успокоивалъ относительно размѣровъ экзамена. Котляревскій спрашивалъ напримѣръ (въ письмѣ отъ 14 января 1868), чего требуетъ Срезневскій отъ магистра по своему предмету: «Порядки въ Спб. университетѣ иные, чѣмъ въ Москвѣ: держи я экзамень здѣсь, я зналъ бы напр., что мнѣ нужно выучить *наизусть* Добровскаго «*Institutiones*», но конечно вы потребуете иного, — чего же и въ какой мѣрѣ, не знаю». Срезневскій отвѣчалъ ему на это: «Что касается до экзамена, то я никакъ не воображаю, чтобы онъ былъ для васъ труденъ. Вы, конечно, знаете главные слав. нарѣчія грамматически и отчасти исторически, и тѣмъ болѣе литературу славянскую. Одно, о чемъ бы я васъ попросилъ, это — перебрать въ головѣ основанія древ. церк. слав. языка такъ, чтобы они были полною вашею собственностью — по *Востокову*, а не по Добровскому». Непредставленіе диссертациі на предварительное разсмотрѣніе не могло быть препятствіемъ потому, что по новому уставу можно было представить въ видѣ диссертациі уже напечатанное сочиненіе, надо было только прибавить къ нему положенія, которыя до напечатанія должны были быть одобрены факуль-

тетомъ. Срезневскій совѣтовалъ уже въ мартѣ послать просьбу ректору о допущеніи къ экзамену, оговоривши, что напечатанное сочиненіе такое-то посылается вмѣсто диссертациі на имя декана факультета. Наборъ диссертациі былъ конченъ только въ маѣ и тогда же Срезневскій возвратилъ Котляревскому тезисы, одобренные къ печати. Наконецъ 13 іюня состоялся диспутъ въ Петербургѣ, а 22 іюля 1868 года Котляревскій министерствомъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ «русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще» въ Дерптскомъ университетѣ.

Между тѣмъ въ Дерптѣ очень нуждались въ Котляревскомъ. Въ мартѣ 1868 года Швабе писалъ ему, съ сожалѣніями о замедленіи его пріѣзда, что въ факультетѣ явилось неотложное дѣло относительно выработки учебнаго плана для русскаго языка и литературы: этотъ планъ былъ посланъ къ Котляревскому съ просьбой сообщить свои замѣчанія. Въ началѣ іюня по болѣе тревожному вопросу писалъ ему Ширренъ: «... Меня вѣсколько обезпокоилъ дошедшій сюда слухъ. Разсказываютъ, что вы хотѣли отклонить профессуру въ томъ случаѣ, если васъ поставятъ подъ конгрозъ особаго русскаго помощника попечителя. Но покамѣстъ помощникъ еще и не назначенъ. Въ такомъ случаѣ университетъ не принялъ бы безъ возраженій такое отдѣленіе принадлежащей ему каѳедры. Наконецъ, и прежде всего, вы должны быть убѣждены, что, если бы къ тому пришло, ваше положеніе въ нашей средѣ и какъ представителя науки ни въ какомъ бы случаѣ не измѣнилось. Вы все-таки остались бы для насъ нами выбраннымъ и выпрошеннымъ (erbetener) сотрудникомъ, и могли бы твердо разсчитывать на то, что всегда увидите насъ нравственно подлѣ васъ и за вами. Будетъ ли это въ томъ, чтобы провести съ вами то, чтò вы сочтете нужнымъ въ интересъ вашей науки и вашей каѳедры, или въ томъ, чтобы дать вамъ въ чемъ-либо опору и поддержку и раздѣлить съ вами всю отвѣтственность, которую вы примете.

«Чѣмъ больше стремятся къ тому, чтобы русскій языкъ и

литературу изъ академическаго преподаванія превратить въ Prü-
gelfach, тѣмъ больше мы будемъ вамъ обязаны благодарностью,
если вы при вашихъ обстоятельствахъ на наше довѣріе отвѣтите
довѣріемъ и рѣшительно вступите въ нашу среду. . . Я очень
хорошо понимаю, что передъ вами возстаютъ величайшія недо-
умѣнія (Bedenken); между тѣмъ повѣрьте мнѣ, если я скажу вамъ,
что университетъ смотритъ на васъ какъ на своего; что онъ ни
прямо, ни косвенно не помышляетъ налагать на васъ какое-нибудь
принужденіе, но что онъ будетъ самымъ глубокимъ образомъ со-
жалѣть, если потеряетъ васъ и вслѣдствіе вашего ухода именно
попадетъ въ самое затруднительное положеніе». . .

Въ то время въ нашей печати шла оживленная, въ большин-
ствѣ крайне односторонняя, полемика объ остзейскомъ вопросѣ.
Мы указывали выше, какъ вообще относился Котляревскій
къ тогдашнимъ вопросамъ этого рода: первыми и единственными
интересами его были интересы научные; «суета дня» возбуждала
въ немъ «инстинктивное», почти «болѣзненное» отвращеніе — онъ
имѣлъ уже свой опытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ достаточно ши-
роко просвѣщенный человѣкъ, чтобы сохранить безпристрастіе
и гнушаться крайностями. Очевидно, въ немъ цѣнили это без-
пристрастіе и исключительную преданность наукѣ, которая при-
томъ была по преимуществу археологическая, тѣмъ болѣе дале-
кая отъ суеты дня.

Его диссертацией было то изслѣдованіе «О погребальныхъ
обычаяхъ языческихъ Славянъ», которое занимаетъ первую по-
ловину 3-го тома академическаго изданія. Книга посвящена была
гр. А. С. Уварову.

Котляревскій началъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ
съ половины 1868 года, съ перваго семестра. Сколько можно
судить по тогдашней перепискѣ, его впечатлѣнія на первый разъ
были двойственны: надо было устроиться въ новой обстановкѣ,
что при упомянутыхъ условіяхъ было повидимому не совѣмъ
легко, — въ письмѣ отъ ноября 1868 г. Оп. Миллеръ радовался,
что Котляревскому unheimlich въ Дерптѣ, и у него являлось

желаніе привлечь Котляревскаго въ Петербургъ (мы упоминали объ его надеждѣ этимъ путемъ привлечь Котляревскаго и въ славянофильство); но съ другой стороны дружескій пріемъ сотоварищей и начавшаяся любимая работа должна была доставить желанное нравственное удовлетвореніе. Въ письмѣ къ Срезневскому, отъ 17 ноября, мы имѣемъ его собственныя показанія:

«... Кромѣ казенныхъ такъ называемыхъ практическихъ упражненій, я читаю студентамъ курсъ исторіи русской литературы и энциклопедію славистики, т. е. попросту сказать, филологическое обозрѣніе славянскихъ нарѣчій; на первую имѣю всегда около 30—50 слушателей, на второе — только 5, но за то постоянныхъ, съ любовью занимающихся симъ новымъ и въ стѣнахъ Дерптскаго университета неслыханнымъ доселѣ предметомъ. Это меня радуетъ и поощряетъ къ работѣ. Кромѣ того съ января у меня на дому учреждается маленькій семинарій для славяновѣдѣнія, всего изъ 3-хъ человѣкъ: 1—русскій, 1—полякъ и 1—«грекъ духомъ, а родомъ—германецъ». Влечетъ меня все это и благотѣльно дѣйствуетъ на меня, прогоняя унаслѣдованную отъ отцовъ — лѣнь. Не оставляю я безъ вниманія и другого существеннаго вопроса, именно «докторства»,—и вотъ я сижу теперь надъ выживаніемъ древнѣйшихъ остатковъ славянской поэзіи изъ лѣтописцевъ: чтѣ ночью напишу по-русски, то днемъ переводится мною по-латыни, а чрезъ день прочитывается съ единымъ отъ латинскихъ *даскалз* и исправляется. Это для Дерпта: мнѣ совѣстно явиться въ С.-Петербургскій университетъ съ трудомъ необъемистымъ и не особенно значительнымъ, потому я хочу прежде здѣсь получить степень доктора *общей* филологіи, а тамъ, благословясь, явлюсь и къ вамъ за тою же степенью, только по славянскому любезному отдѣлу. Двойной трудъ и излишній—скажете вы»,—но онъ объясняетъ это необходимостью имѣть скорѣе ординатуру. . . «Теперь о моихъ новыхъ товарищахъ. Вы повѣрите мнѣ, когда я скажу вамъ, что въ нихъ я не только не замѣтилъ предубѣжденія противъ русско-славянской науки, но даже и тѣни его: приняли они меня какъ родного и относятся

ко мнѣ въ полномъ смыслѣ какъ къ близкому товарищу; особенно это должно сказать о тѣхъ нѣмцахъ, которые призваны изъ-за границы. Изъ нихъ назову здѣсь извѣстнаго Лео Мейера, личность, въ полномъ смыслѣ слова, ангельскаго благодушія: съ января онъ начинаеть учиться со мною древне-славянскому языку, а я—съ нимъ языку готскому, въ которомъ онъ едва ли не сильнѣе всѣхъ въ Европѣ»...

Срезневскій писалъ ему отъ 3 декабря: «...Какъ я радуюсь вашему положенію въ Юрьевѣ нѣмецкомъ, вашему сближенію съ Л. Мейеромъ, вашимъ успѣхамъ въ аудиторіи, вашимъ намѣреніямъ не медлить докторствомъ и открыть семинарію, само собою разумѣется. Вы знаете и главнѣйшую нелицепріятную причину этой радости: хочется, чтобы Котляревскій не только былъ извѣстенъ въ своемъ кружкѣ, но былъ бы славой своего народа, какъ того достоинъ по своимъ дарованіямъ». Въ концѣ онъ говоритъ о своей работѣ: «Съ этимъ письмомъ посылаю вамъ корректуру начала моего словаря. Просмотрите ее вмѣстѣ съ Л. Мейеромъ и сообщите ваши общіе совѣты относительно распорядка. Принимаясь за печатаніе этого труда, занимавшаго меня долгіе годы такъ покойно, чувствую боязнь, которой прежде не вѣдалъ, и готовъ Богъ знаетъ на что, чтобы хоть сколько-нибудь не унижить достоинства дѣла. Вы меня обидите, если на этотъ вызовъ отвѣтите почтительнымъ молчаніемъ».

Въ имѣвшихся у насъ письмахъ мы не нашли отвѣта Котляревскаго на этотъ вопросъ, а также въ бумагахъ его не нашлось и упомянутой здѣсь работы относительно древней славянской поэзіи: подобная тема была впослѣдствіи (1876) затронута въ изслѣдованіи И. В. Ягича.

Въ Дерптѣ археологическіе интересы Котляревскаго нашли новое приложеніе. Онъ сдѣлался членомъ тамошняго «Ученнаго Эстонскаго Общества», принималъ дѣятельное участіе въ его дѣлахъ, предлагалъ мѣры къ большому оживленію его трудовъ и помѣстилъ нѣсколько работъ въ его (нѣмецкихъ) изданіяхъ. Еще до переселенія въ Дерптъ, онъ участвовалъ и въ первомъ

началѣ знаменательнаго предпріятія московскаго Общества, именно перваго Археологическаго Съѣзда, осуществившагося въ 1869. На первый разъ Московское Общество поручило Котляревскому вступить въ сношенія съ Обществомъ петербургскимъ и сообщить на обсужденіе его членовъ нѣкоторыя подробности плана предполагаемаго съѣзда. На самомъ съѣздѣ ему однако не удалось быть—вслѣдствіе болѣзни домашнихъ. К. К. Гёрцъ, который въ особенности остался въ Москвѣ корреспондентомъ Котляревскаго по археологическимъ предметамъ, извѣщалъ его, что дѣлалось въ Москвѣ, писалъ о приготовленіяхъ къ съѣзду и (въ письмѣ отъ 3 февр. 1869) спрашивалъ, будетъ ли онъ самъ на съѣздѣ: «безъ васъ нашъ съѣздъ какъ-то немислимъ и ваше отсутствіе будетъ очень ощутительно. Поэтому выведите насъ изъ сомнѣнія... потому что этотъ вопросъ интересуетъ не только меня, но и гр. Уварова, Аоанасьева... и т. д. Мы всё ждемъ васъ съ распростертыми объятіями»... Когда съѣздъ состоялся, кромѣ Гёрца, писалъ о немъ подробно и Срезневскій, который вообще былъ въ восторгѣ отъ его содержательности и хорошей организаціи, составлявшей заслугу гр. Уварова. Въ письмѣ отъ 27 апрѣля 1869, Срезневскій говоритъ о предпріятіи московскаго Общества, какъ о «подвигѣ, — въ зарожденіи котораго вы принимали такое живое участіе и дальнѣйшее веденіе котораго безъ васъ мнѣ долго казалось страннымъ. Подвигъ совершился великолѣпно»...

Археологическій Съѣздъ открывался въ Москвѣ 16 марта; передъ тѣмъ въ февралѣ 1869 праздновался 50-лѣтній юбилей Петербургскаго университета, — на который ожидали между прочимъ депутатовъ отъ Дерптскаго университета. Въ письмѣ отъ 21 февр. Срезневскій извѣщалъ, что голосъ Котляревскаго «принять былъ съ полною признательностью: пожалѣли только, что вы не лично участвовали въ нашихъ торжествахъ, а вмѣстѣ и о томъ, что отъ Дерптскаго университета не было вовсе депутатовъ, въ чемъ впрочемъ глухо обвиняють не совѣтъ, а попечителя. Такъ ли и должно понимать?»

На этотъ вопросъ Котляревскій отвѣчалъ въ длинномъ письмѣ (съ глаголической помѣтой: «Юрьевъ, 1869, сѣчень 24»), гдѣ подробно объяснялъ, что «неучастіе Дерптскаго университета произошло совершенно случайно: вины здѣсь нѣтъ ни совѣтъ, ни попечителя, а развѣ только *боязливость* попечителя». Дѣло въ томъ, что совѣтъ выбралъ депутатами двухъ профессоровъ; попечитель не могъ измѣнить постановленія совѣта, но совершенно частнымъ образомъ далъ знать, что выборъ сдѣланъ не совсѣмъ удачно, такъ какъ оба выбранные не говорятъ по-русски: «изъ этого, — говорилъ онъ, — при теперешнемъ нерасположеніи къ остзейскимъ землямъ вывести непремѣнно недоброе заключеніе: скажутъ, что нѣмцы хотѣли сдѣлать демонстрацію etc». Попечитель предлагалъ послать кого-нибудь знающаго по-русски; ректоръ, по совѣщанію съ другими, затруднился, потому что это оскорбило бы выбранныхъ, а послать прежде выбранную депутацию значило бы не уважить мнѣнія попечителя, — «которымъ всѣ, и нѣмцы, и русскіе, дорожатъ какъ человѣкомъ высокаго безпристрастія, нравственныхъ качествъ и образованія. Оставалось сдѣлать то, что было сдѣлано».

«Вообще, — продолжаетъ Котляревскій, — скажу вамъ такъ, какъ сказалъ бы отцу родному, — во всей этой исторіи не было ни јоты нѣмецкаго нерасположенія къ русскимъ, ни јоты какой-нибудь нѣмецкой демонстраціи; событіе произошло чисто по домашнимъ обстоятельствамъ. Прискорбно, что это случилось, еще прискорбнѣе, что оно вызвало разныя мнѣнія толкованія въ обществѣ и журналистикѣ, но что всего прискорбнѣе, это — *обвиненіе противъ попечителя*, о которомъ всякій русскій скажетъ здѣсь: «дай Богъ, чтобы каждый остзейскій нѣмецъ былъ такимъ *русскимъ*, какъ онъ». Самые слѣпотствующие остзейскіе патріоты склоняются передъ его высокою личностью, съ сожалѣніемъ отзываясь только: «dass, leider, er ist zu wenig Patriot». Я имѣлъ уже съ нимъ много дѣлъ «по департаменту русскаго языка и краснорѣчія» и всегда находилъ истинно нѣмецкую добросовѣстность и истинно русское прямотушіе, истинно человѣческое

желаніе сдѣлать добро и пользу. Скажу откровенно: если преподаваніе русскаго языка въ остзейскихъ гимназіяхъ еще держится на *порядочной* степени, то этимъ онѣ обязаны не университету, гдѣ Розбергъ 35 лѣтъ бездѣйствовалъ, не распоряженіямъ министерства, а распоряженіямъ этого нѣмца-попечителя. Теперь, эта часть отошла отъ него въ особое вѣдомство, глава котораго... началъ съ того, что распустилъ всѣхъ учителей гимназій за то, что они говорятъ и пишутъ не по его грамматикѣ, а въ этой грамматикѣ, вообще чреватой открытіями, есть напр. и такой законъ: «предлогъ *изъ* сочиняется съ винительнымъ падежомъ, когда говорится о какой-нибудь *игрѣ*, напр. карточная игра проникла *изъ* деревню»; всего же лучше у него то, что «подлежащее можетъ стоять въ падежѣ *дательномъ*». Молодецъ этотъ былъ и у меня на лекціяхъ—по обязанности — и замѣтилъ мнѣ даже (разумѣется, въ видѣ скромнаго вопроса), что слово *исконн* не есть славянское, а еврейское, съ чѣмъ, конечно, я и не преминулъ согласиться!...

Отмѣтимъ въ томъ же письмѣ вопросъ: «... Въ вашихъ «Памятникахъ русскаго языка и письма» опущены монеты Владиміра 1-го. Признаете ли вы ихъ достовѣрность или нѣтъ?» Благодаря за присылку Памятниковъ юсоваго письма, Котляревскій замѣчаетъ: «прочтя со вниманіемъ вводныя статьи, я отложилъ изученіе текстовъ до весны, когда исполню это съ подобающимъ вниманіемъ. Для меня, однако, и теперь очевидно, что вопросъ объ отечествѣ др. славянскаго языка послѣ вашей книги долженъ быть рѣшаемъ иначе, чѣмъ доселѣ рѣшался»...

Срезневскій (27 апр. 1869) отвѣчалъ: «... Ваше письмо о попечителѣ вашемъ и вообще о Дерптскомъ университетѣ въ отношеніи къ нашему меня очень обрадовало, но не разсѣяло сомнѣній другихъ, кому я читалъ его... Вы спрашиваете меня о монетахъ Владиміра, признаю ли я ихъ достовѣрность; не могу отвѣчать на это, потому что не знаю, какому Владиміру ихъ слѣдуетъ приписать. На основаніи неумѣнья отнести памятника къ какому-нибудь опредѣленному времени, я не далъ мѣста въ своемъ

обозрѣніи нѣсколькимъ важнымъ, и между прочимъ уставу о мостовыхъ, опредѣлкѣ слова Заточника и т. п.».

Изъ дерптскихъ сношеній Котляревскаго укажемъ нѣсколько любопытныхъ подробностей въ письмахъ Ор. Миллера, который, несмотря на продолжавшіяся и теперь нѣкоторыя разнорѣчія, относился къ Котляревскому съ большимъ сочувствіемъ. Въ письмѣ отъ 27 ноября 1870, Миллеръ говоритъ: «Очень жаль, что я, по вашему, слишкомъ жестко обошелся съ Невоструевымъ ¹⁾ — только... фанатикомъ, какъ вы объясняете. Можетъ быть, если бы я это зналъ, то нѣсколько бы смягчилъ тонъ; но дѣло не въ личности Невоструева, а въ принципѣ. Хотя я, разумѣется, совершенно увѣренъ въ томъ, что *жечь* мы уже не станемъ, но трудно, согласитесь, не видать, что число приверженцевъ *насилованія совѣсти* въ широкомъ смыслѣ этого слова у насъ еще очень и очень велико. Къ тому же мнѣ хотѣлось разъяснить и *исторически* вопросъ о крутыхъ мѣрахъ противъ еретиковъ, вызвать у Невоструева съ его громадной ученостью всѣ, какія только могутъ существовать, фактическія доказательства инквизиторскихъ стремленій въ Восточной Церкви. Я и теперь не теряю надежды, что, задѣтый за живое, онъ постарается выкопать таковыя, а какія они тамъ окажутся, мы потомъ посмотримъ»...

Онъ упоминаетъ въ томъ же письмѣ, что рѣшился совсѣмъ проститься съ «Зарей» — вслѣдствіе статьи, помѣщенной тамъ («Вздохъ на могилѣ Карамзина»), съ которою онъ слишкомъ не согласенъ...

Любопытно, и въ нѣкоторыхъ чертахъ не совсѣмъ понятно болѣе раннее письмо Миллера (отъ 16 марта 1869). Припомнимъ, что передъ тѣмъ, въ 1868, В. В. Стасовъ произвелъ своими статьями «О происхожденіи русскихъ былинъ» великій переполохъ въ средѣ историковъ древней русской поэзіи, особенно

1) Рѣчь идетъ о статьѣ Миллера: «Инквизиторскія вождедѣнія ученаго», въ журналѣ «Заря», 1870.

тѣхъ, которые распространяли теорію міѳологическаго истолкованія былиннаго эпоса: этой теоріи онъ противопоставилъ гипотезу, или полную увѣренность, о прямомъ заимствованіи былинныхъ сюжетовъ съ тюркскаго, иранскаго и иного Востока. По другимъ основаніямъ, къ міѳологической теоріи, какъ мы выше упоминали, не былъ расположенъ Срезневскій. Ор. Миллеръ пишетъ: «... Еще на вашемъ диспутѣ вы не сдержали условія — выясниться, на запросъ съ моей стороны, на счетъ «теоріи заимствованій». Вы объясняли это тогда тѣмъ, что Срезневскій грозилъ въ такомъ случаѣ закрытіемъ диспута (?),—и сочли такое объясненіе достаточнымъ. Что же касается меня, то и угрозы цѣлой сотни Срезневскихъ не помѣшали бы мнѣ высказать то, что я считаю полезнымъ». У Котляревскаго Миллеръ находилъ какъ бы излишнюю «осторожность»... Далѣе: «Въ докторской диссертациі вашей¹⁾, какъ оказывается изъ вашего письма, будетъ глава, задѣвающая *нашего пріятеля*²⁾. Уже это одно могло бы отчасти служить объясненіемъ вашего молчанія *теперь*, но дѣло принимаетъ другой оборотъ, если вѣрны дошедшіе до меня слухи, будто бы диссертациа ваша пишется по-латыни!! Въ такомъ случаѣ, согласитесь, полемика съ *нашимъ пріятелемъ* произойдетъ у васъ *въ тайнѣ*. А такъ какъ въ нашъ вѣкъ писать по-латыни — извините — смѣшно, то меня и томить подозрѣніе, ужъ не для того ли ухватились вы за латынь, чтобы избѣжать *открытой полемики*?»

Мы видѣли, что цѣль была другая; но измѣнившіяся обстоятельства совсѣмъ упразднили вопросъ о латинской диссертациі...

Видно по инициативѣ Котляревскаго, въ Дерптѣ поставлена была новая русская кандидатура — по каедрѣ русской исторіи, освободившейся съ удаленіемъ Ширрена. На каедрѣ предложенъ былъ В. О. Ключевскій; но кандидатура не состоялась, хотя, сколько видно изъ переписки, сами нѣмецкіе профессора

1) Припомнимъ, что Котляревскій думалъ одно время зацитить въ Дерптѣ диссертацию о древней славянской поэзіи, на латинскомъ языкѣ.

2) Подразумѣвается, вѣроятно, В. В. Стасовъ.

были ею заинтересованы: В. О. Ключевскій сначала не получалъ утвержденья потому, что имъ не была еще представлена магистерская диссертация, — а потомъ передъ нимъ открылся другой путь...

Въ Дерптѣ Котляревскій познакомился съ Н. А. Ивановымъ, нѣкогда извѣстнымъ профессоромъ Казанскаго университета, а теперь занимавшимъ должность учителя русскаго языка въ гимназіяхъ дерптскаго округа (въ Дерптѣ и Митавѣ). Онъ вскорѣ затѣмъ умеръ. Котляревскій, къ которому Ивановъ относился съ большой любовью и уваженіемъ и который съ своей стороны очень цѣнилъ дарованія Иванова, по его смерти посвятилъ ему сочувственный некрологъ.

Съ осени 1869, у Котляревскаго открылись на этотъ разъ уже тревожные симптомы болѣзни, которая съ тѣхъ поръ уже не покидала его; тѣмъ не менѣе онъ усиленно былъ занятъ научными планами. Какъ направлялись теперь работы Котляревскаго, находимъ указанія въ письмѣ его къ Срезневскому (отъ 4 апрѣля, 1870): «...Тяжелую и непривѣтливую зиму пришлось перенести мнѣ: съ самой осени меня начало тревожить стѣсненіе въ груди, затѣмъ открылся удушливый кашель съ кровохарканьемъ... Въ такомъ положеніи товарищи-доктора запретили мнѣ выходить на лекціи и я читалъ ихъ у себя на дому... Болѣзнь отняла у меня много времени, но сложа руки я не сидѣлъ, а потихоньку обрабатывалъ «Древности Балтійскихъ Славянъ». Работа эта такъ стала дорогًا мнѣ, что я, зная и высоко цѣня ваше вниманіе ко мнѣ, позволяю себѣ сказать о ней нѣсколько словъ, въ полной увѣренности, что вы не поскучаете ими.

«Если припомните, — по вашему доброму совѣту, я рѣшился изслѣдовать *новооткрытыя* житія Оттона Бамбергскаго, разумѣется, только въ отношеніи славянскихъ древностей. Окончивъ это *нетрудное* дѣло, я увидѣлъ, что ограничиться имъ *трудно*: не выходило ничего цѣльнаго; тогда сама собою явилась у меня мысль: изслѣдовать такимъ же образомъ всѣ памятники XII вѣка,

которые говорятъ о древностяхъ Балгійскихъ Славянъ; отсюда — еще шагъ впередъ, и я принялся изучать уже *всѣ безъ исключенія* памятники до XIII вѣка, начиная съ древнѣйшихъ. Результатомъ такой работы была, во-первыхъ, огромная груда замѣтокъ; во-вторыхъ желаніе привести эти замѣтки въ порядокъ и обработать, насколько возможно, всю область древностей Балтійскихъ Славянъ. Главное сдѣлано, не изслѣдована вполнѣ только старина Славянъ Браниборскихъ, ибо я не имѣлъ возможности воспользоваться многотомнымъ Riedel'евымъ Codex'омъ бранденбургскихъ грамотъ. Мѣста изъ источниковъ собраны всѣ и, расположенныя систематически, они будутъ *въ подлинникъ* приложены къ труду, если только ему суждено когда-нибудь увидѣть свѣтъ Божій. Работа не представитъ многого новаго, но матерьялъ, надѣюсь, собранъ полно и пересмотрѣнъ осмотрительно; приняты также къ свѣдѣнію и всѣ новѣйшія разысканія археологовъ въ Мекленбургѣ и Помераніи... Впослѣдствіи, онъ имѣлъ въ виду представить часть этой работы, именно древности юридическія, въ Петербургскій факультетъ какъ докторскую диссертацию: такъ это послѣ и случилось.

«... Что дѣлается въ русскомъ ученомъ мірѣ вообще и въ вашемъ въ особенности?... Все это для меня вещи темныя, но знать которыя меня побуждаетъ не праздное любопытство, а настоящая душевная потребность. Не шутя говоря, мое положеніе здѣсь ничуть не лучше положенія Данила Заточника на озерѣ Лачѣ и различается отъ него развѣ тѣмъ, что я мечтаю не о княжескихъ палатахъ и пирахъ, а о болѣе скромныхъ интересахъ родной науки, которые не находятъ здѣсь никакой пищи, и ни въ комъ, кромѣ моихъ немногихъ студентовъ, не встрѣчаютъ пріѣта.

«Недавно я получилъ книгу О. Миллера объ Ильѣ Муромцѣ: уже одинъ видъ сей махины привелъ меня въ трепетъ, чтеніе же нѣкоторыхъ отдѣловъ ея (ибо кто можетъ прочесть *всю* сію новую Голубиную книгу, которую «на рукахъ держать — не сдержать будетъ, на налой положить — не уложится»!..) привело меня

въ сокрушеніе: сколько почтеннаго, благороднаго труда затрачено почти втунѣ. Все истинно полезное и годное въ ней можно было представить не болѣе какъ на сотнѣ страницъ, а здѣсь ихъ чуть ли не *тма*, сверхъ этого—есть цѣлые отдѣлы, наполненные *тмою*. А все же хорошо, что есть такіе благородные труженники, хотя и совѣстно послѣ этой книги представлять на степень доктора свою, въ какіе-нибудь 10 печатныхъ листовъ.

«У насъ новый попечитель ¹⁾, человекъ хорошій и добрый, подающій надежды, что со временемъ и ему будутъ не вполнѣ чужды интересы науки»...

Срезневскій отозвался скоро, уже 8 апрѣля,—совѣтовалъ пить кумысъ не въ Москвѣ (какъ намѣревался Котляревскій), а на его родинѣ въ степи; жаловался на свое долгое нездоровье, и объ ученыхъ планахъ писалъ: «...Предметъ работы вашей мнѣ очень нравится, и безъ сомнѣнія выдѣланъ будетъ вами съ обычнымъ мастерствомъ и безъ увлеченія въ защиту своеобытности слав. религіи, права и права, аки самородковъ славянскихъ. Избравъ для докторской диссертациі древности юридическія, вы дѣлаете вдвойнѣ доброе дѣло, рѣшаясь взять часть наименѣе затронутую и очень любопытную. Конечно, вы не оставите въ сторонѣ и вліяніе нѣмецкаго и римскаго (права). Жду съ нетерпѣніемъ вашего пріѣзда, чтобы поговорить подробнѣе». Съ такимъ же сочувствіемъ планъ разработки древностей балтійскаго славянства встрѣченъ былъ и А. А. Куникомъ: «Тема вашей диссертациі выбрана превосходно, — говорилъ онъ (отъ 23 февр. 1870).—Вы окажете существенную услугу молодымъ и старымъ славистамъ, если будете цитировать текстуально. Обратите особенное вниманіе на мореплаваніе и торговлю Балтійскихъ Славянъ»...

Дерптскія отношенія, какъ мы уже видѣли примѣры, въ это время стали усложняться; тогда уже развивалась все болѣе рѣзкая полемика относительно административнаго положенія Ост-

1) Жерве.

зейскаго края и значенія въ немъ русскаго элемента. Котляревскій относился къ полемикѣ съ разумнымъ спокойствіемъ и, между прочимъ, живя на мѣстѣ, могъ видѣть преувеличенія молвы, которыми эта полемика сопровождалась и которымъ онъ не могъ сочувствовать, — какъ было напр. съ упомянутыми обвиненіями противъ гр. Кайзерлинга. Борьба страстей обыкновенно не оставляетъ въ покоѣ людей съ подобными умѣренными взглядами; такъ случилось и здѣсь. Нѣтъ надобности и возможности излагать здѣсь этого спора объ остзейскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе котораго, между прочимъ, долженъ былъ покинуть Дерптскій университетъ одинъ изъ его наиболѣе замѣчательныхъ профессоровъ, Ширренъ; ограничимся нѣсколькими данными изъ переписки Котляревскаго.

Въ письмѣ изъ Москвы (отъ 13-го іюля), гдѣ Котляревскій проводилъ лѣто, къ одному изъ русскихъ друзей, почтенному старожилу Дерпта, Котляревскій сообщаетъ новости: «... Въ Москвѣ — цѣлая буря по поводу книги Ширрена, буря, которая увеличивается еще и тѣмъ, что въ иностранныхъ газетахъ постоянно помѣщаются глупѣйшія и неаппѣйшія корреспонденціи изъ Дерпта etc... Все опрокидывается на бѣднаго Кайзерлинга, распущены цѣлые мнѣя о томъ, какъ онъ науськивалъ Ширрена, сдѣланы были даже рѣшительныя попытки столкнуть Кайзерлинга, но, къ счастью, не удались...»

«Обо всемъ этомъ писать неудобно, передамъ при свиданіи.

«На дняхъ въ «Голосѣ» будетъ (если уже не была?) статья Погодина противъ Ширрена, уморительная статья: онъ читалъ мнѣ ее въ рукописи и я хохоталъ, какъ сей... старецъ становится на колѣни передъ правительствомъ, прося не *учить* никого изъ нѣмцевъ по-русски, ибо, ознакомившись съ русскимъ языкомъ, они будутъ еще зловерднѣ...»

«Вообще, здѣсь господствуетъ повальное настроеніе противъ нѣмцевъ, но я имѣю всѣ основанія думать, что оно не приведетъ ровно ни къ какому *доброму результату*, потому что основны-

вается не на знаніи обстоятельствъ и дѣлъ, а на безсмысленно-фанатически-миѳологическомъ раздраженіи.

«Пытался я нѣкоторымъ открыть глаза, такъ куда тебѣ: говорятъ, что нѣмцы меня обошли! Богъ съ ними! Одно—правда, что книга Ширрена *никому* не принесетъ добра и не откроетъ глазъ, ни нѣмцамъ, ни русскимъ».

Надежды Котляревскаго не оправдались. Гр. Кайзерлингъ оставилъ свое мѣсто въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, и вліяніе получили новыя лица. Одинъ изъ учениковъ Котляревскаго, жившій въ Ригѣ, писалъ ему (въ апрѣлѣ, 1870?), что вліятельные люди были имъ недовольны за то, что въ совѣтѣ университета Котляревскій не заявилъ открытаго протеста противъ подачи какого-то адреса¹⁾: «въ нашемъ краѣ, — говорили они, — надо требовать отъ всякаго русскаго, чтобы онъ, помимо своихъ служебныхъ, специальныхъ занятій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общественнымъ дѣятелемъ, а профессору русскаго языка въ этомъ отношеніи открыто обширнѣйшее поприще, чѣмъ кому-либо изъ профессоровъ Дерптскаго университета... Добро бы еще онъ отказался участвовать въ засѣданіи, какъ А., это бы еще было ничего, такъ себѣ»... «Васъ называютъ здѣсь, — продолжаетъ корреспондентъ, — сыномъ Ширрена, а Ключевскаго уже напередъ окрестили его внукомъ, и при имени его — Ключевскаго — пожимаютъ плечами»...

Можно судить о степени проницательности этихъ лицъ послѣ того, что мы видѣли выше изъ словъ самого Котляревскаго; насколько былъ угаданъ В. О. Ключевскій, — говорить нечего.

«Тѣ-же самыя мысли, — продолжаетъ корреспондентъ, — слышалъ я и отъ другихъ лицъ, особенно въ русскомъ клубѣ, который теперь вообще сильно славянофильствуетъ. Тутъ говорятъ уже прямо: Котляревскій — изиѣнникъ, его надо долой! Кто не за насъ, тотъ противъ насъ»... .

Можно представить, какъ подобныя извѣстія должны были

1) Кайзерлингу ?

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

дѣйствовать на Котляревскаго, для котораго основнымъ интересомъ и умственнымъ и нравственнымъ оставалась наука. Съ 1869 года въ его письмахъ уже являются выраженія недовольства; Ор. Миллеръ радовался, что его ожиданія оправдываются, что ему «не живется съ нѣмцами»... Пока, не жилось ему отъ другихъ причинъ; вскорѣ разстроились и отношенія съ нѣмцами, но по инымъ, новымъ основаніямъ...

Лѣтомъ 1870, вспыхнула франко-прусская война. Одинъ изъ наиболѣе дружественныхъ съ Котляревскимъ дерптскихъ профессоровъ жилъ на каникулахъ за границей, дома въ Усларѣ, близъ Гёттингена. Здѣсь внезапно захватило его объявленіе войны, и профессоръ писалъ (отъ 4 августа) Котляревскому о величайшемъ возбужденіи въ Германіи: оно увлекло и почтеннаго ученаго, германскаго подданнаго¹⁾.

Въ концѣ года Котляревскій писалъ (отъ 14 декабря) Срезневскому, — и это письмо указываетъ, въ какомъ настроеніи проходило у него это время: «...Мое положеніе въ Дерптѣ часть отъ часу ухудшается: не говоря уже объ очень неудовлетворительномъ состояніи здоровья (питье кумыса²⁾ помогло, но не много), въ нравственномъ отношеніи остаюсь чуть не полнымъ сиротою: всѣ товарищи ударились въ политику и, встрѣчая съ моей стороны полную холодность къ прусскимъ торжествамъ, далеко отошли отъ меня, а иные — даже далѣе, чѣмъ слѣдуетъ умнымъ и образованнымъ людямъ. Самъ М., съ которымъ всего болѣе былъ связанъ я и дружбою и наукою и котораго не перестаю любить и уважать, смотреть на меня съ видомъ глубокаго, сердечнаго сожалѣнія и состраданія, какъ на человѣка больного, тронувшагося и лишеннаго способности наслаждаться высшей благодатью, т. е. прусскою бойнею. Слышалъ я даже, что онъ внушаетъ другимъ нѣмцамъ имѣть ко

1) Между прочимъ: ...«Durch ganz Deutschland geht eine wüthende Erregtheit und flammende Begeisterung gegen Frankreich, dessen frivole Frechheit doch auch alles Maass übersteigt»...

2) Лѣтомъ на дачѣ, въ Москвѣ.

мнѣ «снисхожденіе». Спасибо и на томъ доброму другу! Это, кажется, все, что меня связываетъ теперь съ нѣмцами, ибо интересъ науки здѣсь упалъ совершенно! Жить въ такой средѣ тяжело, — и я заперся дома и раздѣляю время между семьей и наукой, свободной отъ пристрастій политическаго скудоумія!

«Диссертація идетъ тихо, но идетъ; въ январѣ... отдаю печатать... Окончить думаю въ апрѣлѣ; до конца мая время есть, если факультетъ одобрить ее, назначить диспутъ. Хотѣлось бы поскорѣе развязаться съ этимъ мытарствомъ; быть можетъ, вмѣстѣ съ этимъ развяжусь я съ Дерптомъ...»

«Война и въ Германіи произвела свое *благодѣтельное* дѣйствіе: большая часть ученыхъ предпріятій остановилась, выходитъ только ничтожное и очень рѣдко что-нибудь замѣчательное. Въ послѣднемъ отношеніи вамъ вѣроятно извѣстны: 1) Raumer, *Geschichte der deutschen Philologie*, книга очень полезная и для насъ, обстоятельная и умная; 2) Müllenhoff, *Deutsche Alterthumskunde*; 1-й томъ говоритъ объ источникахъ, но такъ, какъ до него не говорили, т. е. съ истинно лахмановскою основательностью и критикой; 3) Dümmler, *Die Legende v. heil. Cyrillus*, т. е. о паннонскомъ житіи. Ничего не могу сказать объ этой книгѣ: не имѣлъ времени прочесть ее»...

Изъ дерптской переписки упомянемъ еще нѣсколько данныхъ. Въ письмѣ къ г. Хованскому, издателю воронежскихъ «Филологическихъ Записокъ», которымъ вообще оказывалъ большое содѣйствіе при ихъ началѣ, Котляревскій рекомендуетъ работу одного изъ своихъ учениковъ: «... Одинъ изъ нихъ, Стремлеръ, подалъ мнѣ кандидатское разсужденіе о кашебскомъ языкѣ, прекрасный и важный для славянскихъ нарѣчій трудъ; я перешлю его къ вамъ, какъ только получу обратно изъ факультета; напечатайте поскорѣе¹⁾. Чтобы не являться на сей разъ съ пустыми руками, посылаю замѣтку о хорошей книгѣ г. Веселовскаго. Напечатайте!»...

1) Сочиненіе Стремлера явилось потомъ въ «Филолог. Запискахъ» за 1873—74 г.

Въ письмѣ П. В. Шейна (безъ года и числа, изъ Витебска) по поводу вышедшей тогда первой части его сборника (въ «Чтеніяхъ» моск. Общества ист. и древн.), находимъ замѣчаніе: «Между свадебными пѣснями напечатана, подъ конецъ, вами такъ обязательно мнѣ сообщенная превосходная пѣсня архангельской губ. Она служить, такъ сказать, вѣнцомъ всѣхъ свадебныхъ и составляетъ одну изъ лучшихъ, если ужъ не самую лучшую пѣсню моего немаленькаго сборника»...¹⁾. Затѣмъ: «Если вашъ сборничекъ историческихъ и бурлацкихъ пѣсенъ никому еще не отданъ и если вы не собираетесь сами его издать, то вы бы меня крайне обязали, если бы вы великодушно украсили имъ мой сборникъ»... Объ этихъ историческихъ и бурлацкихъ пѣсняхъ мы не нашли никакихъ указаній, равно какъ и о томъ, что говорится въ другомъ письмѣ г. Шейна (отъ 28 августа, 1872): «Если собранныя вами преданія съ вами въ Дерптѣ, то перешлите ихъ мнѣ, я ихъ приведу въ порядокъ, пополню, если окажется возможнымъ, и пущу въ печать черезъ Географическое или другое Общество».

Мы не имѣемъ также свѣдѣній о томъ, что случилось съ планомъ работы Котляревскаго по курганнымъ древностямъ и раскопкамъ; онъ обращался съ вопросами объ этомъ къ барону В. Г. Тизенгаузену, имѣя, кажется, въ виду объединеніе имѣющихся данныхъ, — но работа, повидимому, не была приведена къ концу²⁾.

Продолжалась изрѣдка переписка съ Киркоромъ, который жилъ уже въ Краковѣ и издавалъ небольшой журналъ «Na dziś». Въ письмѣ отъ 1 дек. 1871, онъ передавалъ Котляревскому просьбу профессора археологіи въ Краковскомъ университетѣ Лепковскаго, который, имѣя у себя рукописи Ходаковскаго, желалъ получить русскіе печатные матеріалы, чтобы написать его біографію, и думалъ, что можетъ просить объ этомъ Кот-

1) Упомянутая пѣсня — въ сборникѣ г. Шейна: «Р. нар. пѣсни», ч. 1-я. М. 1870, стр. 555—557.

2) Письмо бар. Тизенгаузена отъ 10 января 1870.

ляревскаго: «Здѣсь вѣдь страшно предубѣждены противъ русскихъ ученыхъ и думаютъ, что они и отвѣчать не захотятъ». Имя Котляревскаго было тамъ очень извѣстно: книга его о погребальныхъ обычаяхъ, по словамъ Киркора, произвела такое впечатлѣніе, что вновь созидаемая въ Краковѣ академія наукъ думала избрать его въ свои члены, и Киркору поручали узнать, не встрѣтятся ли къ тому какихъ препятствій, и приметъ ли Котляревскій избраніе.

Къ концу пребыванія въ Дерптѣ относится вѣроятно письмо къ Срезневскому (опять, безъ года и числа), гдѣ онъ говоритъ, что надежда напечатать диссертацию не исполнилась (напечаталъ всего 6 листовъ) и затѣмъ читаемъ: «Плохо живется здѣсь мнѣ, . . . *нѣмецкіе* идеалы рассыпались, обнаружилась для меня «нагота и босота безпримѣрная» сихъ «наставниковъ человѣчества», душа просится на русскій воздухъ, а выходы всѣ заперты» . . .

Лѣто 1872 г. Котляревскій проводилъ опять въ Москвѣ и уже не возвратился на дерптскую кафедру. Здоровье его все больше разстроивалось и потребовало наконецъ серьезныхъ заботъ: дерптскіе врачи совѣтовали провести зиму въ тепломъ климатѣ. Уже лѣтомъ была разрѣшена ему годовая заграничная командировка съ ученою цѣлью съ 1 октября 1872 г. и осенью онъ выѣхалъ съ семействомъ за границу. Начало этого путешествія рассказано было Котляревскимъ въ большомъ письмѣ къ Срезневскому отъ 1 декабря изъ Неаполя, — и мы приведемъ прямо выдержки:

«Началомъ моего итинерарія или хожденія была Варшава, гдѣ провелъ съ пользою около 10 дней. Несмотря на множество занятій П. А. Лавровскій ¹⁾ удѣлялъ мнѣ не мало времени, и его дружескому участию обязанъ я не только многими добрыми совѣтами и указаніями, но и прямымъ рѣшительнымъ шагомъ къ улучшенію моего быта: онъ просилъ гр. Толстого (и тотъ со-

1) Въ то время ректоръ Варшавскаго университета.

гласился) перевести меня въ Варшаву. Дѣло еще нерѣшено, потому что мнѣ предлагается кафедра исторіи русской словесности, новымъ періодомъ которой я не занимался и не буду заниматься, но во всякомъ случаѣ я не могу не быть глубоко признателенъ Лавровскому, хотя бы его намѣреніе и осталось только добрымъ намѣреніемъ ¹⁾... Въ Варшавѣ я внимательно проглядѣлъ нѣкоторыя новыя книги по своему предмету. Изъ нихъ позволю себѣ обратить ваше вниманіе на двѣ: 1) Małkowskiego, Najdawniejszy pomniki języka polskiego и 2) Steckiego, Wołyń pod względem historycznym, archeologicznym etc., t. 1—2. Книгу Малковскаго вы, вѣроятно, уже просмотрѣли: весьма полезная какъ сборникъ матеріаловъ (впрочемъ, уже извѣстныхъ), хотя собранныхъ отрывочно, неполно... Филологическія объясненія любопытны лишь въ томъ отношеніи, что въ нихъ диковиннымъ образомъ смѣшаны поэзія и наука, фантазія и дѣйствительность. Выходить, по автору, что Кириллъ и Меѳодій писали по-польски... Тѣмъ не менѣе, книга полезная: видно, что авторъ прошелъ хорошую дипломатическую школу (онъ, говорятъ, былъ долго помощникомъ Ромуальда Губе) и очень плохую филологическую. Книга Стецькаго—прекрасная монографія Волини, хотя авторъ глядитъ на мѣстность съ точки зрѣнія *zabranego kraja*. Нашему этнографическому отдѣлу слѣдовало бы обратить на нее вниманіе.

«Въ Вратиславѣ (Бреславлѣ) я протаскался два дня, тщетно усиливаясь найти какого-нибудь славянофила. Указали мнѣ на Неринга, занявшаго старое мѣсто Челяковскаго и извѣстнаго своимъ добropopядочнымъ трудомъ о псалтырѣ *Małgorzaty*, но и его на ту пору не было въ городѣ... За то въ Дрезденѣ я цѣлый день провелъ съ Пфулемъ, который мнѣ очень пришелся по душѣ. Въ его семьѣ я въ первый разъ услышалъ живую лу-

1) Оно имъ и осталось. Въ перепискѣ мы не нашли указаній о томъ, что было причиною этого; самъ Лавровскій въ концѣ того же года покинулъ Варшаву.

жицкую рѣчь и, сознаюсь, понялъ очень немного. Пфуль сообщил мнѣ, что лужицкое общество намѣрено издать *reliquiae linguae polabicae ex antiquis diplomatis erutae et collectae*, а равнымъ образомъ и словарь Геннинга. Чтобы не остаться совсѣмъ чуждымъ дѣлу, я отдалъ Пфулю свой списокъ Геннингова словаря. Дѣломъ займется Горникъ. Пфуль просилъ меня усердно поклониться вамъ

«Спѣша въ Прагу, я ничего не осматривалъ въ Дрезденѣ, кромѣ Клеммовскаго музея, который въ цѣлости приобрѣтенъ городомъ. Въ Прагѣ, благодаря доброму Патерѣ, я былъ какъ дома. Цѣлые дни этотъ неоцѣненный человѣкъ шлялся со мною то въ музей, то къ антикварамъ, то, наконецъ, къ разнымъ сильнымъ и неспильнымъ чешскаго міра.

«Съ Гатталой познакомился и, насколько можно было, сблизился: былъ у него на лекціяхъ исторіи чешскаго языка и исторіи литературы; говоритъ онъ тихо, логически, хорошо, дѣльно; но, къ сожалѣнію, и на кафедрѣ не можетъ удержаться отъ полемики. Слушателей у него очень много, особенно на лекціяхъ по исторіи литературы, которую онъ читаетъ послѣ смерти Воцеля... Въ настоящее время Гаттала пишетъ книгу (по-нѣмецки) о Судѣ Любуши и Краледворской рукописи, а также печатаетъ въ одномъ чешскомъ журналѣ рядъ статей о *všeslovanském jazyku a písmě*: здѣсь онъ доказываетъ тщету усилій *составить общеславянскій языкъ* и говоритъ, что общеславянскимъ языкомъ можетъ стать только одно изъ живыхъ нарѣчій, скорѣе и лучше всего—какъ онъ мнѣ сообщалъ изустно—нарѣчіе русское... Статьи преинтересныя, но опять—горе—полныя оцта и желчи. Вмѣстѣ съ Патерой, онъ затѣваетъ издать рядъ памятниковъ древне-чешской литературы, которые изуродованы въ изданіяхъ Ганки и Шафарика (*Wybor*). Кстати о Патерѣ: неутомимое трудолюбіе его изумительно; онъ показывалъ мнѣ цѣлую огромную тетрадь или вѣрнѣе томище приготовленной имъ къ изданію переписки Копитара съ Добровскимъ, Ганкой (до ссоры ихъ) и другими лицами, а равно переписки разныхъ лицъ съ Добровскимъ. (Писемъ Востокова,

по его словамъ, не имѣется). Но гдѣ найти для этого издателя? Чешское литературно-ученое Общество — съ той поры, какъ чехи взяли тамъ перевѣсъ надъ нѣмцами—обѣднѣло: у него отняли правительственную субсидію. Кромѣ того Патера показывалъ мнѣ еще двѣ свои работы, на которыя я не могъ достаточно налюбоваться: 1) чешскія глоссы *Mater Verborum*, текстъ и палеографическія замѣчанія. Оказывается, что Шафарикъ и Палацкій просмотрѣли много глоссъ и, сверхъ того, вовсе не обратили вниманія на то, что не всѣ глоссы равномерной древности, что есть очень старыя, почти современные рукописи, есть много новыхъ позднѣйшихъ и подозрительныхъ. У Патеры все это отмѣчено съ палеографическою точностью. Трудъ мозольный, но прекрасный! Оказывается, чѣмъ старѣе глоссы, тѣмъ онѣ естественнѣе и народнѣе. 2) Библіографія старинной чешской и вообще западно-славянской ученой литературы (за вычетомъ — польской). Готовыхъ № я видѣлъ до 10 тысячъ»..

Болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія о взглядахъ Гатталы относительно общеславянскаго языка читатель найдетъ въ книгѣ г. Будиловича объ общеславянскомъ языкѣ ¹⁾. Переписка Добровскаго издана впослѣдствіи И. В. Ягичемъ. Изслѣдованія Патеры о *Mater Verborum* нашли мѣсто въ изданіяхъ II Отдѣленія Академіи и послужили предметомъ соображеній Срезневскаго, встрѣтившихъ отпоръ въ извѣстныхъ статьяхъ г. Ламанскаго о новѣйшихъ памятникахъ древне-чешскаго языка. Библіографическій трудъ г. Патеры остается, кажется, до сихъ поръ неизданнымъ. Возвращаемся къ письму Котляревскаго.

«Видѣлъ и Палацкаго, конечно съ Ригромъ. Разговоръ изъ области науки скоро перешелъ въ политику... (Они) не безъ горечи выразили мнѣ, что Россія ничѣмъ не показываетъ своего сочувствія къ интересамъ чеховъ; я осмѣлился замѣтить, что не русскимъ слѣдуетъ ухаживать за чехами, а наоборотъ, ибо не мы въ нихъ, а они въ насъ нуждаются. Отвѣтъ сильно (имъ) не

1) Ср. «Вѣстн. Европы», 1892, апрѣль, май.

поправился... Сказать правду, эти чехи прекуріозный народъ! Нѣмцы настоящіе — и въ образѣ жизни и въ понятіяхъ: какъ нѣмцы думаютъ, что Богъ сотворилъ славянъ на работу имъ, такъ чехи полагаютъ, что русскіе должны на нихъ работать... Типъ настоящаго чеха старыхъ временъ я нашелъ только въ одномъ Браунерѣ, да и онъ болѣе походитъ на таборита изъ Жижкиной банды, чѣмъ на современнаго чеха... Въ Прагѣ только что вышло въ свѣтъ продолженіе *Regesta Moraviae et Bohemiae* Эрбена; трудъ, совершенный еще покойнымъ, но въ порядокъ приведенъ Эмлеромъ... Становилось холодно, должно было спѣшить уйти отъ зимы... Вотъ почему въ Вѣнѣ я пробылъ на этотъ разъ не болѣе 5 дней. Познакомился съ Миклошичемъ, въ которомъ, дѣйствительно, нашелъ весьма обходительнаго человѣка, а не такого гордеца, какимъ мнѣ рисовалъ его Бодянскій. На мой вопросъ, нѣтъ ли у него писемъ Востокова къ Копитару, онъ отвѣтилъ: кажется, есть,—и если есть, то изъявилъ полное желаніе отдать ихъ вамъ для изданія. Не захотите ли... списаться съ нимъ?

«... Такъ какъ наступившая непогода и морозы не дозволили мнѣ побывать въ Загребѣ и Люблянѣ, то я и отложилъ посѣщеніе ихъ до лѣта, а теперь прямо изъ Вѣны черезъ Венецію и Римъ, гдѣ оставался по нѣскольку дней, чтобы хотя слегка осмотрѣть достопримѣчательное. Затѣмъ поселился въ Неаполѣ, на берегу моря. Сажу почти цѣлый день на открытомъ воздухѣ, пью ослиное молоко и московскій чай, занимаюсь помаленьку своимъ дѣломъ, между прочимъ—изученіемъ итальянскаго языка и литературы, сколько-нибудь соприкасающейся съ предметомъ моихъ занятій, а всего болѣе думаю о добрыхъ знакомыхъ въ отчизнѣ и утѣшаюсь мыслью—свидѣться съ ними.

«Плохое мѣсто для ученой дѣятельности не-классическаго характера — Неаполь: повѣрите ли вы, нѣтъ даже порядочныхъ книжныхъ лавокъ, а книгопродавцы—это такое невѣжественное племя, что стоитъ нашихъ. Книжныхъ каталоговъ нѣтъ; никто не знаетъ, что издается, что было издано».

За нѣсколько дней передъ тѣмъ Котляревскій писалъ о своемъ путешествіи нѣсколько словъ одному изъ дерптскихъ друзей, профессору Штидѣ (впослѣдствіи въ Кѣнигсбергѣ): онъ рассказываетъ о путевыхъ невзгодахъ, дорогой жизни въ Неаполѣ, упоминаетъ о приглашеніи на варшавскую кафедру, — но думаетъ, что изъ этого ничего не выйдетъ: «меня зовутъ на кафедру русской словесности, которая мнѣ не по душѣ»... Къ тому же дерптскому другу онъ пишетъ изъ Неаполя отъ 5 мая (по нѣмецки, а частію по-русски) передъ отъѣздомъ. Онъ опять говоритъ о своемъ рѣшеніи оставить дерптскую профессуру, и хочетъ вернуться въ Дерптъ лишь затѣмъ, чтобы окончить свои тамошнія дѣла—и то не въ настоящемъ году. Теперь онъ думалъ предпринять слѣдующее путешествіе: оставивъ семейство въ Прагѣ, онъ думалъ проѣхать на короткое время въ Берлинъ, потомъ во Франкфуртъ, пить воды въ Соденѣ и въ концѣ іюля вернуться въ Прагу, чтобы оттуда сдѣлать поѣздки по славянскимъ землямъ, и съ началомъ осени отправиться въ Швейцарію.

Изъ Праги, повидимому лѣтомъ 1873 года, онъ писалъ къ К. Н. Бестужеву-Рюмину (безъ года и числа):

«... Мое состояніе скорѣе улучшилось, чѣмъ ухудшилось; прошлую зиму было мнѣ скверно въ Неаполѣ; какъ будетъ теперь въ Римѣ — не знаю. Матеріалы мои по славянскимъ древностямъ, въ особенности—бытовымъ растутъ, но воспользуюсь ли я самъ этимъ, не знаю».... Онъ повторяетъ опять, что рѣшился выйти въ отставку, потому что предполагаетъ пробыть за границей полтора-два года. Въ Римѣ онъ надѣялся проникнуть въ іезуитскій архивъ, гдѣ есть важные матеріалы для русской исторіи и посмотрѣть тамъ, «нѣтъ ли чего старенькаго». «Я здѣсь въ Прагѣ задумалъ печатать если не весь свой трудъ, то часть его, именно юридическій бытъ. Часть манускрипта уже въ дѣлѣ, такъ что надѣюсь ровно черезъ годъ поклониться вамъ книгою...

«Тоска за границей для меня страшная: нѣтъ не только близкихъ людей, но нѣтъ даже людей ученыхъ, съ которыми можно было бы по душѣ поговорить, которымъ можно было бы удив-

ляться.... Весь результатъ моего пребыванія въ Неаполѣ ограничился тѣмъ, что я ознакомился съ богатствами итальянской антикварной науки и пришелъ къ убѣжденію о нашей глупости: мы думаемъ, что только и премудрости, что въ нѣмцахъ, а старые итальянцы—это гиганты передъ ними».

На письмо изъ Неаполя Срезневскій въ концѣ 1872 года писалъ, что хочетъ прочесть нѣкоторыя мѣста изъ его письма въ Академіи, чтобы занести въ протоколъ извѣстія о трудахъ Патеры, Гатталы и др. Въ письмѣ Срезневскаго интересны между прочимъ его собственныя впечатлѣнія отъ Италіи. «Не понравились вамъ неапольскіе книгопродавцы,—пишетъ онъ,—и подѣломъ, а все-таки не мѣшаетъ останавливаться кое-когда у ихъ лотковъ (говорю о площадныхъ продавцахъ): я очень жалѣлъ, что не могъ ими попользоваться; у нихъ попадаются безподобныя вещи и чуть не за безцѣнокъ. Случаются и иностранныя изданія, но и безъ нихъ есть чтò пожелать пріобрѣсти. Итальянцы поработали много и продолжаютъ работать: ихъ работы бранятъ обыкновенно — за мелочные недосмотры, а на многія изъ нихъ нельзя не смотрѣть съ полнымъ уваженіемъ. Бранятъ вѣдь итальянцевъ и за лѣнь. Присмотритесь пожалуйста къ этой такъ наз. лѣни—не въ часы сіесты, а съ ранняго утра, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ тому, чтò этими лѣнивыми сдѣлано и дѣлается — всюду, чтò долженъ сдѣлать человѣкъ для себя и для другихъ — тяжелымъ трудомъ и вмѣстѣ соображеніемъ, при постоянной борьбѣ съ природой, съ болотомъ, съ камнемъ, съ безводьемъ, съ наводненіемъ, съ текучей лавой и съ сыпучимъ пепломъ, и еще подъ гнетомъ суевѣрящаго духовенства. Намъ очень бы хотѣлось, чтобы и вы..... нашли въ Италіи, кромѣ даровитости и вкуса, хоть сколько-нибудь и того, чтò дало поводъ поговоркѣ «*le génie c'est la patience*», выговариваемой бездарными въ утѣшеніе себѣ наизнанку, въ чемъ конечно итальянцы не нуждаются». Далѣе: «Болѣе всего итальянскаго въ Италіи, занимаетъ меня теперь вы,—и, простите, что скажу прямо наотрѣзъ,—ваша диссертация и ваше мѣсто въ Варшавѣ. Диссертация должна быть допечатана

поскорѣе, а еще лучше, если будетъ пообшириѣе и если кромѣ того будетъ вами сообщено то и другое—напр. хотъ въ Академію для изданія. Отъ мѣста въ Варшавѣ, хотъ бы по новой словесности, на мой взглядъ, не надобно отказываться. Не одинъ я, а многіе, вѣроятно, будутъ рады занятію вами каѳедры русской словесности — даже для пользы науки. Вы сумѣете поставить эту каѳедру, какъ ей слѣдуетъ быть, твердой и важной — не на ходульных подпорочкахъ, которыми иногда пользовались черезчуръ рѣшительно. Право, послушайте меня.

Къ сроку своей командировки Котляревскій послалъ въ Дерптъ просьбу объ отставкѣ. Преемникъ Кайзерлинга, Жерве писалъ ему отъ 17 октября: «Грустная вѣсть о разстроенномъ вашемъ здоровѣ, побудившемъ васъ прекратить благотворную дѣятельность въ Дерптѣ, глубоко опечалила не только меня, теряющаго въ васъ искренно уважаемаго сотрудника, но и всѣхъ благомыслящихъ русскихъ, видѣвшихъ въ васъ достойнаго представителя науки и надежнаго проводника русскихъ началъ въ нашемъ нѣмецко-русскомъ университетѣ. Съ вашимъ увольненіемъ русская каѳедра окончательно осиротѣла — когда и какъ она будетъ замѣщена, Богъ вѣсть».

Съ перваго октября 1873 года Котляревскій получилъ отставку, но уже вскорѣ (приказомъ министра отъ 8 декабря того же года) по его желанію онъ былъ причисленъ къ министерству: онъ не хотѣлъ, какъ и слѣдовало, прерывать связи съ учебнымъ вѣдомствомъ, потому что ему представлялась возможность продолжать свою профессорскую дѣятельность въ Кіевѣ.

Живя въ Прагѣ, потомъ въ зиму 1873—1874 гг. въ Римѣ, Котляревскій продолжалъ работать надъ той темой, кака была выбрана имъ еще въ Дерптѣ. Результатомъ работы были двѣ книги, напечатанныя имъ въ 1874 году въ Прагѣ. Это были: «Древности права Балтійскихъ Славянъ» и «Книга о древностяхъ и исторія Поморскихъ Славянъ въ XII вѣкѣ (Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи о древности)».

Къ осени 1874 г. Котляревскій пріѣхалъ въ Петербургъ,

чтобы представить свою книгу въ качествѣ докторской диссертациі: диспутъ, довольно бурный, — что отразилось потомъ въ критической статьѣ г. Ламанскаго по поводу диссертациі, — происходилъ 17 ноября ¹⁾, и Котляревскій утвержденъ былъ въ степени доктора славянской словесности 2 декабря 1874 года. Затѣмъ онъ снова вернулся въ Прагу. Тѣмъ временемъ, какъ упомянемъ далѣе, шелъ вопросъ о кievской кафедрѣ.

Его переписка за это время не велика, но въ ней остались однако указанія о томъ, что, какъ ни тяготился онъ въ послѣднее время пребываніемъ въ Дерптѣ, онъ сохранилъ теплую привязанность ко многимъ изъ дерптскихъ сотоварищей, которые съ своей стороны отвѣчали ему тѣмъ же и сожалѣли о его удаленіи изъ Дерпта. Въ своихъ письмахъ онъ съ любовью вспоминаетъ Лео Мейера, Тейхмиллера, Гревингга, Штиду и престарѣлаго Бэра, жившаго тогда на покой въ Дерптѣ и который былъ съ Котляревскимъ дружески близокъ — ихъ соединяли интересы археологіи и этнографіи.

Причисленный къ министерству, Котляревскій въ концѣ 1874 года получилъ новую заграничную командировку на годъ и, какъ мы сказали, вернулся послѣ докторскаго диспута въ Прагу, гдѣ остался на наступившую зиму. Онъ былъ уже какъ бы пражскимъ старожиломъ: его ученая извѣстность, живой, общительный характеръ, остроумная бесѣда, гостепріимная семья, привлекали къ нему и мѣстныхъ ученыхъ и заѣзжихъ русскихъ славистовъ, — послѣдніе обыкновенно никогда не миновали Праги и дѣлали въ ней болѣе или менѣе продолжительныя остановки.

Въ Прагѣ основана была тогда первая православная церковь; ея настоятелемъ былъ о. Лебедевъ (нынѣ протоіерей Казанскаго

1) Извѣстія о диспутѣ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1874, № 319, и въ «Голосѣ», № 320. Въ первомъ приведены и «положенія», гдѣ между прочимъ говорилось (8): «Подлинность Зеленогорской рукописи («Суда Любуши») еще требуетъ доказательствъ; подлинность же текста ея стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній».

Разборъ г. Ламанскаго диссертациі напечатанъ былъ въ Журналѣ мин. просв., 1875, январь.

собора въ Петербургѣ); первымъ ктитормъ, или старостой, былъ Котляревскій. Объ этой порѣ жизни Котляревскаго и русскаго ученаго кружка въ Прагѣ мы имѣемъ любопытныя сообщенія проф. А. А. Кочубинскаго, который пробылъ въ Прагѣ эту зиму 1874—75 года.

«Окончивъ этнографическое обозрѣніе русскаго племени въ Карпатахъ, — рассказываетъ г. Кочубинскій, — я поспѣшилъ въ Прагу, куда и пріѣхалъ 10 сентября 1874 года. Тогдашняя Прага не была той, что теперь. Здѣсь былъ еще старый, средневѣковый городъ, гдѣ каждый шагъ — воспоминаніе, тяжелое или отрадное. Современная модернизация Праги — изъ подражанія Вѣнѣ — еще не коснулась вѣковаго, патриархальнаго города. Простота, незыскательность царили во всемъ городѣ. . .

«Прага не была уже въ осадномъ положеніи, но въ жестокой оппозиціи Вѣнѣ послѣ извѣстнаго императорскаго рескрипта 1871 года — не сдержаннаго слова. Это обстоятельство какъ нельзя болѣе способствовало удержанію въ столицѣ Чехіи стараго духа — традиціонныхъ отъ временъ Ганки и Шафарика, пріязненныхъ чувствъ ко всему русскому, несмотря на охлаждающую дѣятельность... историка Палацкаго и отчасти Ригра. Спросъ или мода на русское — былъ живой. И вывѣски русскія явились, и скороспѣлыя русскія грамматики, самоучители, и неизгнанныя еще, визжащія «коловратки», т. е. шарманки, только и играли что русскіе мотивы. Какъ естественно было со стороны думать, въ укрѣпленіе и утвержденіе этой русской волны явилась, наконецъ, въ Прагѣ и русская церковь. Городское же управленіе было отъ новой церкви только въ выгудѣ: изъ давно закрытаго католическаго храма, отдававшагося подъ складъ аммуниціи за восемьсотъ гульденовъ въ годъ, перестроенная русская церковь приносила три тысячи.

«Я пріѣхалъ въ Прагу, когда въ ней было только и рѣчи, что о недавнемъ освященіи русской церкви. Оно совершено было 15-го августа и первымъ старостой первой, послѣ девяти-сотъ лѣтъ, православной церкви въ Прагѣ былъ Котляревскій.

Освященіе церкви было предметомъ общаго разговора, и особенно живо дебатировали еще о застольныхъ рѣчахъ при торжественномъ обѣдѣ послѣ освященія — о неумѣстной рѣчи упрямаго старика Палацкаго (какое-то правоученіе, наставленіе по адресу Россіи, — содержанія уже не припомню) и о мѣткомъ отвѣтѣ на нее младочеха Грегга и Котляревскаго...

«Я лично Котляревскаго не зналъ, никогда не видалъ, не былъ знакомъ и заочно. Но трудами своими въ области критики и славянскихъ древностей онъ былъ и мнѣ близко извѣстенъ... Мое желаніе было вполне естественно — поспѣшить познакомиться, наконецъ, лично съ Котляревскимъ. Онъ былъ уже давно въ Прагѣ, проводя предъ тѣмъ довольно времени, для поправленія своего здоровья, въ Италіи... Такъ какъ было еще довольно теплое время, то Котляревскій съ семьею жилъ на дачѣ, за Прагой, въ далекомъ уединенномъ углу такъ называемыхъ «Виноградовъ», тогда еще совсѣмъ пустого, бѣднаго жилищами предместья, — на «Орловкѣ». Возвышенность положенія, поля съ трехъ сторонъ, къ сѣверовостоку роскошная Нусельская долина (тогда еще чистая отъ казармъ, желѣзной дороги и фабрикъ) — условія, которыхъ требовалъ потрясенный болѣзною организмъ Котляревскаго. Единственный человѣкъ, который жилъ по соседству, былъ знаменитый пражскій санскритологъ, Лудвигъ, съ которымъ Котляревскій и былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ...

«При видѣ коренастаго, хорошо сложеннаго человѣка, съ звучнымъ голосомъ, быстрыми движеніями, я былъ совсѣмъ далекъ отъ мысли, что предо мною былъ больной человѣкъ, и больной неизлѣчимо... Густые черные волосы вверхъ, необыкновенно выразительные, огненные, искрящіеся глаза, красивая черная борода, при матовомъ коричневомъ цвѣтѣ лица, вводили во второй обманъ: казалось, что это уроженецъ какой-нибудь горячей Италіи, а не нашей Украйны. Мягкій тембръ голоса, веселая улыбка на лицѣ, непринужденная пріѣтливость обращенія, все это влекло къ нему каждаго съ перваго же знакомства... Я

всѣми своими симпатіями прильнулъ къ нему съ перваго же личнаго знакомства. Котляревскій кончалъ тогда печатаніемъ, въ типографіи Клауди въ Прагѣ, свою докторскую диссертацию—«Древности права Балтійскихъ Славянъ» съ «Оттономъ Бамбергскимъ», какъ своего рода вступленіемъ въ трудъ, предпринятый въ широкихъ размѣрахъ. Разговоръ вращался около его новаго труда, о предстоящемъ диспутѣ у Срезневскаго, имя котораго онъ всегда произносилъ съ уваженіемъ и съ вышею признательностью...

«Какъ извѣстно, въ Прагѣ климатъ не особенно благорастворенный: густые осенніе, красноватаго цвѣта, туманы душатъ человѣка, а потому къ концу сентября Котляревскій долженъ былъ оставить свою прелестную Орловку и перебраться въ Прагу, гдѣ онъ и поселился временно въ излюбленной русскими гостиницѣ «Эрцгерцогъ Стефанъ»... Въ той-же гостиницѣ жилъ и я... Обѣдали мы вмѣстѣ всею русской колоніей въ огромной новой залѣ нашей же гостиницы... Первая русская колонія была невелика ¹⁾... часть, полтора проводили мы при обѣдѣ за общою веселою бесѣдой; но чаще всего наша роль была только слушать и наслаждаться всегда остроумною, всегда веселою застольною лекціей самого Котляревскаго. При этихъ бесѣдахъ было установлено на первыхъ же порахъ правило: никогда не обижаться случайнымъ рѣзкимъ словомъ... говорить откровенно, не стѣсняясь. Хорошо помню, что Котляревскій и я строго держались этого правила; не разъ горячо схватывался я съ нимъ по вопросу о польскихъ отношеніяхъ: я, только-что пріѣхавшій изъ Галичины, гдѣ насмотрѣлся вдоволь, что значитъ братъ-полякъ *у власти*, открывавшій въ томъ несчастномъ краю панскую, шляхетскую эру, съ свѣжими впечатлѣніями, не могъ быть

1) Въ ней были тогда еще г. Снегиревъ (впослѣдствіи профессоръ славянскихъ нарѣчій въ Казани), докторъ М. Д. Пономаревъ (изъ Харькова), прот. А. А. Лебедевъ, Н. П. Апраксинъ (нынѣ протоіерей пражской церкви) и др. Постоянно бывалъ и А. О. Патера.

настроенъ на тотъ мирный тонъ, которымъ была полна любвеобильная, готовая все извинять до прощенія, душа Котляревскаго; но эти боевыя схватки, доводившія насъ до раздраженія, тотчасъ же забывались, не отражались ни мало на нашихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ, которыя съ каждымъ днемъ становились тѣснѣе, дружественнѣе.

«Утро Котляревскій проводилъ или за учеными занятіями, или ходилъ по пражскимъ антикваріатамъ, гдѣ рылся въ книжномъ мусорѣ цѣлые часы... Котляревскій не просто былъ библіофилъ, это былъ книголюбецъ до горячей страсти. Не было книги въ кругу его любимой специальности—древности Европы непосредственно пред-славянской и славянской эпохъ,—которую бы онъ не пріобрѣлъ для себя, для своей грандіозной и рациональной, и единственной въ своемъ родѣ, библіотеки. Чего же нельзя было достать въ оригиналѣ, напр. отдѣльныхъ статей изъ старыхъ газетъ или журналовъ, то заказывалось списать, и деньги не жалѣлись, лишь бы только перепись была точна и изящна. Журналы же въ цѣльномъ видѣ не хранились, а только дѣлались вырѣзки нужнаго, чтобы библіотека не загромождалась. Могу удостовѣрить, что не было статейки, значеніе въ свое время имѣвшей, которая не была бы въ соотвѣтствующей папкѣ... Котляревскій былъ единственный человекъ въ Россіи по своей книжной страсти; но влюбленный въ книги, онъ пріобрѣталъ ихъ не пріобрѣтенія ради, а тотчасъ же знакомился съ ними, утилизировалъ ихъ, отмѣчая нужныя мѣста на карточкахъ. Онъ жилъ едино въ мірѣ книгъ, мірѣ идей, политику просто ненавидѣлъ и не терпѣлъ потому разговора о ней... Всегда погруженный въ книги, въ вопросы науки, онъ былъ въ благородномъ смыслѣ *филологъ*: искалъ во всемъ живой мысли, жизни; сухія схемы, напр. въ трудахъ знаменитаго Шлейхера, были не только скучны, но просто противны ему. Онъ любилъ повторять и относить къ себѣ извѣстное замѣчаніе, сказанное еще молодымъ Яковомъ Гриммомъ—его идоломъ, имъ боготворимымъ: «своими трудами учеными я желаю не только построить домъ, но и жить въ немъ самъ».

«Всегда полная книжного интереса жизнь въ Прагѣ была, понятно, по сердцу Котляревскаго, а потому и самая столица Чехіи, помимо иныхъ своихъ симпатическихъ чертъ, была близка и приходилась по душѣ ему. Но и пражская жизнь не могла въ воспоминаніяхъ его вытравить одного — времени, проведеннаго непосредственно передъ Прагою въ Италіи — въ вѣчномъ городѣ, въ благодатномъ Неаполѣ, на островѣ Капри. Онъ весь былъ въ симпатіяхъ къ Италіи, ея бодрому, сердечному населенію... Прибавимъ, что Котляревскій особенно мило говорилъ по-итальянски, какъ и по-нѣмецки, и только упрямая чешская рѣчь ему не легко поддавалась»...

Во второй половинѣ октябрю Котляревскій отправился въ Петербургъ, съ киною экземпляровъ своей докторской диссертациі. Г. Кочубинскій высоко цѣнить трудъ Котляревскаго: этотъ трудъ внушалъ читателю интересъ и сочувствіе къ «злополучнымъ славянамъ Балтійскаго поморья, которые, по своимъ духовнымъ качествамъ, были достойны иной судьбы; многіе писали о нихъ и у насъ, и не у насъ, но они все оставались неинтереснымъ дѣятелемъ въ исторіи, скучнымъ параграфомъ на страницахъ ея. Раздражительное интермеццо, послѣдовавшее вскорѣ на страницахъ Журнала мин. нар. просв. (начало его идетъ уже съ самаго диспута) не умалило и не умалить серьезнаго значенія энергическаго труда Котляревскаго»...

«Съ возвращеніемъ въ Прагу, Котляревскій поселился на зимней отдѣльной квартирѣ; въ неблагоприятное время года онъ рѣдко выходилъ изъ дому, рѣдко бывалъ въ обществѣ, но «колонія» часто собиралась у него за вечернимъ «чаемъ», который затягивался иногда до 3—4 часовъ утра — къ страшному соблазну домовладѣльца-чеха, не могшаго ума приложить, какъ это русскіе могутъ не спать послѣ 10 часовъ вечера. По обычаю живая, увлекательная, остроумная бесѣда хозяина дѣлала время незамѣтнымъ, и наши чешскіе друзья, Ранкъ, Патера и др. ¹⁾

1) Прибавимъ здѣсь еще имя одного изъ молодыхъ чешскихъ друзей Котляревскаго, Ганеля, который бывалъ въ этомъ кружкѣ раньше пріѣзда г.

и сами привыкли мало-по-малу къ нашему порядку дня и засиживались вмѣстѣ съ нами до утра». Г. Кочубинскій указываетъ, что одинъ изъ участниковъ этихъ бесѣдъ, извѣстный чешскій писатель, Іосифъ Ранкъ, черезъ много лѣтъ, издавая свой краткій энциклопедическій Словарь, съ теплымъ сочувствіемъ вспомнилъ о Котляревскомъ, который «съ любовью принималъ въ семьѣ своей всѣхъ друзей славянскаго языка, всегда былъ готовъ съ совѣтомъ и помощью ко всему благородному»¹⁾. «Дѣйствительно, — пишетъ г. Кочубинскій, — изъ матеріальныхъ, и солидныхъ, выдачъ того времени я припоминаю, двѣ: одну на стипендію бѣдныхъ словацкихъ учениковъ, прибывшихъ въ 1874 г. въ Прагу для продолженія своего образованія, послѣ того какъ мадьярское правительство насильственно закрыло словацкія, на общественный грошъ содержавшіяся гимназіи въ Ревучѣ и Зволевѣ, и на постройку національнаго театра въ Прагѣ».

«... Всѣ мы жили въ интересахъ науки, — продолжаетъ г. Кочубинскій, — вдали и чуждые всякихъ вопросовъ текущей политики. Можетъ быть, нѣкоторые смѣются будутъ надъ нашей пражскою идилліей; но я пишу здѣсь откровенно, безъ всякаго прикрашиванья. За то сколько бури и продолжительной, въ нашемъ пріятельскомъ кругу вызвали подмѣченныя мною тогда впервые фальшивыя глоссы въ извѣстномъ старо-чешскомъ кодексѣ «Mater Verborum»: ту зиму и весну я исключительно занимался изученіемъ памятниковъ старо-чешской письменности. Извѣстно, что не мало глоссъ было въ «Mater Verborum» бытового и, въ частности, міоологическаго характера. Понятно, какъ цѣнны были онѣ, какъ рѣдкіе отголоски славянской старины, для каждаго историка славянскаго быта языческой или національной эпохи, особенно же для такого преданнаго служителя этой области историческаго вѣдѣнія, какимъ былъ Котлярев-

Кочубинскаго. Съ именемъ Ганеля мы еще встрѣтимся далѣе. Въ 1874 г., онъ былъ уже профессоромъ исторіи славянскаго права въ Загребѣ.

1) Jos. Rank, Příručný Slovník všeobecných vědomostí, díl II. Praha 1887, стр. 119.

скій. Излишне говорить, на какую точку долженъ былъ стать Котляревскій по отношенію къ открытымъ мною мифологическимъ фальсификатамъ въ злополучномъ чешскомъ кодексѣ: онъ былъ моимъ страстнымъ оппонентомъ. Живю помню, какъ однажды я пригласилъ Котляревскаго въ Музей въ убогую историческую залу музейнаго присутствія, для совмѣстной экспертизы, въ присутствіи покойнаго секретаря Небескаго, покойнаго доктора чудака Руды, профессора Эмлера и Патеры. Экспертиза должна была быть произведена надъ сфабрикованной для славянскаго языческаго Олимпа богиней — *Живою* = *Ceres*, на столько утвердившейся въ наукѣ, что даже органъ чешскихъ натуралистовъ носитъ это имя—даже сегодня. Славянская Церера-Жива вылупилась изъ латинскаго пояснительнаго союза «sive», при старомъ правописаніи «siue»: въ послѣдней буквѣ (e) ловко выскоблена была внутренняя черточка и прибавлена отвѣсная, такъ что изъ e стало a, изъ союза — богиня. Но мой оппонентъ горячо отстаивалъ честь славянскаго Олимпа и въ этомъ случаѣ раздѣлялъ заблужденіе своего учителя и друга, акад. Срезневскаго, который сходилъ въ могилу и все защищалъ подлинность братняго «*Mater Verborum*» чешскаго памятника, съ тѣмъ же любопытнымъ бытовымъ содержаніемъ — Любушина Суда. Долго «Жива» не сходила изъ обихода нашихъ бесѣдъ и разѣхались мы изъ гостепріимной, милой Праги каждый съ своимъ мнѣніемъ.

«Наша мирная идиллія зимою съ 1874 на 1875 годъ была волнуема однимъ непріятнымъ обстоятельствомъ, въ которомъ Котляревскому приходилось принимать самое непосредственное участіе. Это — неприглядная судьба нашей только-что открытой русской церкви въ Прагѣ, старостой которой былъ, попрежнему, Котляревскій. Оставляя другимъ, болѣе свѣдущимъ людямъ рассказать этотъ поучительный эпизодъ изъ нашихъ чешско-русскихъ отношеній, вышедшихъ изъ области бумажныхъ изліяній чувствъ и невинныхъ пожеланій, я отмѣчу вкратцѣ только главнѣйшіе моменты, твердо сохранившіеся въ памяти.

«Освященіе церкви, затѣмъ правильная служба въ ней, съ совершеніемъ церковныхъ таинствъ (напр. бракосочетаніе дочери одного русскаго генерала), въ первыя недѣли со стороны мѣстной австрійской власти не встрѣтили никакой видимой помѣхи. Первое возбужденіе, замѣчавшееся среди чешскаго населенія, которое толпами валило въ нашу церковь при богослуженіи, приносило въ нее свои хоругви, — улеглось; все приняло обычный будничный видъ. Казалось, все было тихо-мирно, и въ будущемъ ничего нежданнаго для нашей церкви не предвидѣлось. Но это такъ казалось, а въ дѣйствительности совсѣмъ было иное.

«Правда, уважаемый настоятель новой русской церкви, прот. Лебедевъ, тотчасъ же по прибытіи своемъ въ Прагу, посѣтилъ намѣстника, т. е. губернатора, Чехіи, барона Вебера (изъ старыхъ полицейскихъ чиновниковъ Праги еще эпохи Баха — начала 50-хъ годовъ) и въ сопутствіи будущаго старосты, Котляревскаго, исполнявшаго обязанности нѣмецкаго переводчика, былъ принять имъ любезно, внимательно; но уже наканунѣ освященія церкви имъ (Веберомъ) посланъ былъ въ пражскую Думу, представляющую высшую полицейскую инстанцію въ городѣ, запросъ, что это за русская церковь и по какому праву, съ чьего разрѣшенія и на какихъ основаніяхъ она имѣетъ быть освящена? Но Дума, благодаря доброжелательству нѣкоторыхъ заинтересованныхъ лицъ, запросъ намѣстника попридержала и отвѣтила нарочно медля, только спустя нѣсколько недѣль по освященіи церкви (для какого освященія поджидался изъ Вѣны, изъ посольства, самъ Раевскій), что русская церковь устроена на основаніи частнаго договора Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Петербургѣ съ Думою. Конечно, этотъ отвѣтъ не могъ удовлетворить намѣстника, и вслѣдъ за нимъ послѣдовало предложеніе уже настоятелю церкви — или принять австрійское подданство въ теченіе шести недѣль, или, прекративъ богослуженіе, закрыть церковь. Грозная бумага поразила насъ всѣхъ...: ничего подобнаго мы не ожидали. Очевидно, первый нашъ интересъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы затянуть вопросъ, не довести его

до соблазнительнаго конца на первыхъ же порахъ, въ первыя минуты жизни нашей церкви. Всякіе расчеты и надежды на Вѣну ¹⁾ были напрасны: насъ тамъ игнорировали; надо было дѣйствовать собственными средствами — начать отписываться, сначала въ Прагѣ, а потомъ и дальше. Во главѣ этой обороны необходимо долженъ былъ стать Котляревскій, какъ староста нашей церкви...

«Въ отвѣтъ намѣстнику прежде всего категорически отстранялась всякая рѣчь объ австрійской натурализаціи настоятеля русской церкви въ Прагѣ, какъ дѣло, отвергаемое нравственнымъ чувствомъ, долгомъ, а затѣмъ доказывалось, что новая русская церковь не имѣетъ общественнаго характера, а вызвана религіозною потребностью проживающихъ и пребывающихъ въ Прагѣ русскихъ путешественниковъ, и есть учрежденіе частное, временное,—по договору съ Думой на извѣстное число лѣтъ.

«Прошло опасныхъ шесть недѣль, прошло два мѣсяца, подошли рождественскіе праздники, отъ намѣстника никакого дальнѣйшаго шага не послѣдовало; мы успокоились немного, объ опасности забыли и торжествовали побѣду своей отписки. Между тѣмъ стороною доходили до насъ темные слухи, что полиція собираетъ справки о числѣ русскихъ въ Прагѣ, а мы и не догадывались, зачѣмъ она это дѣлаетъ. Вдругъ, въ концѣ января новаго 1875 года, о. Лебедевъ получаетъ распоряженіе, «Erlass», отъ самого министра внутреннихъ дѣлъ Цислейтаніи, барона Лассера, тождественнаго содержанія съ первымъ осеннимъ предложеніемъ намѣстника Вебера: или австрійское подданство или закрытіе церкви, какъ не имѣющей законнаго основанія. Опять собрался нашъ синклитъ на совѣщаніе и опять ввели въ дѣло старый пріемъ — отписыванья, и опять Котляревскій занялся этимъ. Повторились старыя соображенія, присоединены были кое-какія новыя, нашептанныя нашими пражскими друзьями изъ австрійской практики. Состряпанъ отвѣтъ на министерское рас-

1) Т. е. на русское посольство въ Вѣнѣ.

поряженіе и посланъ. Теперь мы уже не были въ надеждѣ на какое-либо дѣйствіе нашихъ возраженій, но нужно было выиграть время, пока чтò воспослѣдуетъ изъ Петербурга, куда сообщено было все дѣло о безвыходномъ положеніи, въ которомъ очутилась наша церковь въ Прагѣ. Но второго «Erlass'a» отъ министра Лассера отцу протоіерею уже не было, и прошло немного дней отъ времени послышки нашего отвѣта ему—въ самую масляную недѣлю наша церковь была закрыта полиціей.

«Какъ бы то ни было, но одно было сдѣлано: соблазнительное событіе не имѣло мѣста сейчасъ же по освященіи церкви, было оттянуто на цѣлые полъ-года. Къ концу великаго поста вопросъ о пражской церкви былъ, наконецъ, урегулированъ и церковь была открыта въ ночь подъ самое свѣтлое воскресенье и мы ночью всходили по ступенямъ на церковную паперть подъ скрещенными штыками полицейскихъ солдатъ: послѣдніе пропустили въ церковь однихъ только русскихъ, извѣстныхъ имъ наперечетъ, а тысячная масса чешскаго населенія молча толпилась и толкалась около, теперь ставшаго историческимъ, «svatého Mikulaše», т. е. около русской церкви, наполняя прилегающую узенькую улицу того же имени и ближайшую часть площади у ратуши. Но были чешскіе счастливыцы и въ самомъ храмѣ: они были уже тамъ съ вечера, до появленія своеобразной «кустодіи» у входа ко гробу Господню»...

Еще въ то время, когда Котляревскій только-что сталъ обживать въ Дерптѣ, ему сдѣланы были первыя предложенія изъ Кіева. А. О. Кистяковскій (въ письмѣ отъ 23 марта 1869 г.) писалъ ему о желаніи «кіевской ученой братіи» видѣть его на вакантной тогда каедрѣ исторіи русской литературы и языка: 21 марта Кистяковскій сдѣлалъ объ этомъ формальное предложеніе въ совѣтѣ и ему поручено было войти въ сношенія съ Котляревскимъ. Послѣдній видимо принималъ съ удовольствіемъ это предложеніе, и Кистяковскій (отъ 25 мая) пишетъ ему, что кружокъ лицъ, особенно желавшихъ видѣть Котляревскаго въ

Кієвъ, готовы были употребить всѣ усилія для достиженія этой цѣли; они знали о Высочайшемъ повелѣніи, ограничивавшемъ службу Котляревскаго Дерптомъ, но, полагая его непубличнымъ и временнымъ, думали, что самое избраніе Котляревскаго въ Кієвъ можетъ содѣйствовать отмѣнѣ этого распоряженія. Отъ 26 сентября Кистяковскій снова пишетъ о томъ же, радуется, что, по мнѣнію самого Котляревскаго, нельзя опасаться задержекъ къ переходу его въ Кієвъ; торопитъ его съ докторской диссертацией, и замѣчаетъ между прочимъ, что его докторство совпадаетъ съ выходомъ въ отставку Яроцкаго (занимавшаго кафедру славянскихъ нарѣчій).

Прослышалъ объ этомъ и Максимовичъ. Въ письмѣ отъ 25 мая изъ Кієва онъ благодаритъ Котляревскаго за «присылку богатую», т. е. магистерскую диссертацию, хотя и пришедшую къ нему поздно, и продолжаетъ: «Слышу, что васъ хотятъ сюда въ университетъ, какъ и я желалъ — помните? Но желалъ я васъ сюда на славянскую науку, а васъ хотятъ, какъ слышалъ, сюда на *русскую*... Опасаюсь, чтобы въ этой второй не случилось антагонизма — недугъ, свирѣпствующій, какъ слышу, и въ университетѣ московскомъ. Що съ того пива за квась буде?»...

Изъ писемъ видно, что Котляревскій и самъ не желалъ брать кафедру русской литературы. Отъ 19 февраля 1870 г., Кистяковскій спрашиваетъ о докторствѣ и извѣщаетъ, что Котляревскому будетъ предоставлена кафедра славянскихъ нарѣчій; Яроцкому (выбранному, за выслугой, на пять лѣтъ) поручено составить представленіе о Котляревскомъ; на русскую кафедру былъ выбранъ И. П. Хрущовъ.

Затѣмъ, вѣроятно, вслѣдствіе болѣзни Котляревскаго и отъѣзда за границу вопросъ о кіевской кафедрѣ не возобновлялся до 1873 года. Въ этомъ промежуткѣ было еще обстоятельство, которое должно было подѣйствовать неблагопріятно. Въ 1871 г., гр. Уваровъ обращался къ гр. Толстому съ просьбой ходатайствовать о снятіи служебныхъ ограниченій относительно Кот-

ляревскаго; гр. Толстой оставилъ эту просьбу безъ послѣдствій¹⁾. Въ письмѣ отъ 29 сентября 1873 г., Кистяковскій повторяетъ о желаніи многихъ въ университетѣ привлечь Котляревскаго въ Кіевъ и торопится съ докторствомъ: «...отсрочка предоставляетъ много простора всякимъ случайностямъ, которымъ помѣшатель осуществиться никто не въ силахъ»... Отъ 1 декабря, онъ повторяетъ свои опасенія при замедленіи докторства, и категорически совѣтуетъ хлопотать о снятіи запрещенія—«только не чрезъ письма и не чрезъ другихъ, а лично», совѣтуетъ воспользоваться всѣми связями и хлопотать и въ III Отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи и въ министерствѣ. У Котляревскаго явился теперь въ Кіевѣ еще и другой вопросъ: онъ указывалъ кіевскимъ друзьямъ молодого чешскаго ученаго Ганеля (занявшаго вскорѣ кафедру въ Загребскомъ университетѣ) для кафедры славянскихъ законодательствъ; самъ Котляревскій очень рекомендовалъ его. Въ Кіевѣ находили это не невозможнымъ, но и не легкимъ: по одному бывшему примѣру было «недовѣріе къ порученію кафедръ братьямъ-Славянамъ, которыхъ мы мало знаемъ». Для начала разговора о немъ желали рецензіи трудовъ Ганеля отъ Котляревскаго; самъ Кистяковскій не владѣлъ чешскимъ языкомъ. Дѣло это однако ничѣмъ не кончилось.

Въ 1874 г., кіевскіе хлопоты продолжаются. Отъ 30-го сентября Кистяковскій настаиваетъ опять на хлопотахъ о снятіи запрещенія; но, какъ боялись тогда даже заговорить объ этомъ предметѣ, указываетъ слѣдующая подробность въ письмѣ Кистяковскаго: «въ прошедшемъ году, въ пріѣздѣ министра въ Кіевъ, я, встрѣтившись на одномъ вечерѣ съ попечителемъ, велъ рѣчь о васъ и о томъ, что нельзя-ли *завести рѣчь* и съ министромъ. Разумѣется, попечитель *умылъ* тогда *руки*. Я въ свое время не писалъ вамъ объ этомъ, боясь васъ обезкуражить»... Изъ письма отъ 20-го ноябрю узнаемъ, что наконецъ В. И. Модестовъ сдѣлалъ въ факультетѣ предложеніе о приглашеніи

1) Дѣло департамента нар. просвѣщенія, выше указанное.

Котляревскаго (на славянскую кафедру) и Яроцкому поручено составить мотивированный докладъ. Затѣмъ получилось отъ Котляревскаго извѣстіе объ обѣщаніи министра ходатайствовать о снятіи запрещенія, и въ декабрѣ Кистяковскій извѣщаетъ о результатѣ баллотировки въ совѣтъ 20-го: Котляревскій получилъ 33 избирательныхъ и 3 неизбирательныхъ, причѣмъ единодушію избранія не помѣшали тогдашнія бурныя столкновенія партій; такъ какъ утвержденіе министромъ могло ожидаться не раньше февраля или марта, то къ слѣдующему семестру (т. е. съ января) Котляревскому и не слѣдовало пріѣзжать, — тѣмъ болѣе, что у него была годовая командировка.

Гр. Толстой тѣмъ временемъ исходатайствовалъ снятіе запрещенія... Котляревскому Кіевъ конечно былъ гораздо сочувственнѣе Дерпта, но: «душа моя стремится въ Москву», писалъ онъ тогда одному изъ дерптскихъ друзей, проф. Штидѣ... Въ это же время онъ получилъ извѣстіе отъ проф. Н. Аристова изъ Харькова (отъ 30-го ян. 1874 г.), что съ 1-го января оставляетъ харьковскій университетъ Н. А. Лавровскій, назначенный директоромъ филологическаго института въ Нѣжинѣ; Аристовъ спрашивалъ, не пожелаетъ ли Котляревскій занять кафедру исторіи русской литературы. Были вѣсти и изъ Москвы, но въ нихъ не было еще ничего положительнаго...

Изъ переписки этого времени можно отмѣтить нѣсколько не безынтересныхъ подробностей. Такъ въ письмѣ Киркора изъ Кракова находится отзывъ извѣстнаго Крашевскаго о вышедшей передъ тѣмъ (въ 1874 г.) «Славянскоѣ Ведѣ» Верковича. Крашевскій увѣровалъ въ нее совершенно и писалъ о ней Киркору съ восторгомъ: «Co to za ogromny fakt nowy dla etnografii i mitologii Słowian! Toczyły się te pieśni lat tysiące przez usta ludu i z każdego wieku coś do nich przyłgnęło... Otoż co kroniki byzantyjskie piszą o Słowianach narodzie śpiewaków i guślarzy tłumaczysię temi śpiewy Serbów i Bulgarów». Замѣтка самого Киркора о «Бѣлорусскихъ пѣсняхъ» г. Без-

сонова (вышедшихъ еще въ 1871 г.) и его предисловіи: «... Это первый изъ пресловутыхъ Кауфмановскихъ дѣятелей, который публично сознается, что грѣшилъ». . . Съ 1875 г., вступаетъ съ Котляревскимъ въ сношенія Н. П. Задерацкій, кievскій любитель славянства, извѣстный потомъ своими «Славянскими Ежегодниками». Это былъ скромный учитель гимназіи, ревностно преданный славянскимъ изученіямъ; съ Котляревскимъ онъ познакомился въ Прагѣ и вѣроятно встрѣтилъ у него живое сочувствіе своимъ интересамъ, — теперь онъ съ великой радостью услышалъ объ утвержденіи Котляревскаго на кievской профессурѣ: изъ письма видно, что у Котляревскаго былъ планъ издавать въ Кіевѣ «ученый журналъ», для котораго Задерацкій предлагалъ ему свои услуги. Еще бывши въ Прагѣ, Котляревскій выписалъ себѣ университетскій каталогъ по своему предмету и, нашедши этотъ отдѣлъ очень неполнымъ, предлагалъ совѣту свои услуги для пріобрѣтенія за границей необходимыхъ книгъ, на что совѣтъ и согласился (май, 1875 г.). Тогда же возникла у него мысль объ изданіи сочиненій Максимовича; на вопросъ его, Кистяковскій писалъ (отъ 24-го мая), что совершенно согласенъ съ этимъ планомъ: «Вамъ принадлежитъ первому мысль — вы же ее должны и осуществить. Пусть будетъ это первымъ дѣломъ вашей дѣятельности въ университетѣ».

Въ Прагѣ и теперь, за лѣто 1875 г., бывала «веселая компанія росіянъ» — молодыхъ ученыхъ, будущихъ или уже настоящихъ профессоровъ, въ средѣ которыхъ у Котляревскаго завязывались новыя дружескія связи. Впослѣдствіи у него велась переписка съ этими и прежними друзьями въ Одессѣ, Кіевѣ, Москвѣ, Казани, Петербургѣ: его живо интересовали университетскія дѣла и ученныя работы, особливо по славистикѣ и русской старинѣ. Къ одному изъ этихъ молодыхъ друзей онъ писалъ въ апрѣлѣ 1875 г.: «Вамъ извѣстно, вѣроятно, что я назначенъ въ Кіевъ. . . Ваши предчувствія не сбылись; все дѣло шло тихо и гладко, и я питаю надежду, что, и поселившись въ Кіевѣ,

все дѣло будетъ итти тихо и гладко... На политику душа давно «прогорѣла». Буду дѣлать *дѣло* какъ знаю и какъ сумѣю, да притомъ никто, быть можетъ, болѣе меня не далекъ такъ отъ партикуляризма. Сталъ малымъ панславистомъ, именно потому, что на партикуляристахъ чехахъ убѣдился въ пагубности этого направленія. Славянство во главѣ съ Русью — вотъ, по моему, въ чемъ спасенье противъ подлой германизаціи»...

Въ началѣ октября 1875 г. Котляревскій выѣхалъ изъ Праги. Онъ хотѣлъ быть въ Дерптѣ, чтобы кончить тамъ свои дѣла (между прочимъ пересылку библіотеки), но въ Варшавѣ заболѣлъ, и дерптскія дѣла устроилъ ему одинъ изъ его тамошнихъ близкихъ друзей, проф. Штида; побывавъ въ Москвѣ, Котляревскій поселился наконецъ въ Кіевѣ. Курсъ начатъ былъ имъ уже со второго семестра. Вступленіе новаго профессора, уже составившаго себѣ имя въ наукѣ, было событіемъ: его вступительная лекція собрала большую публику, массу студентовъ, профессорскую корпорацію и много постороннихъ лицъ. Новый профессоръ внушалъ живѣйшій интересъ — кромѣ своей извѣстности — еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, собственно говоря, въ кіевскомъ университетѣ славяновѣдѣніе впервые пріобрѣтало въ немъ компетентнаго представителя: до тѣхъ поръ, съ самаго основанія университета, славяновѣдѣніе было здѣсь въ самомъ печальномъ положеніи. Одинъ изъ тогдашнихъ учениковъ Котляревскаго, г. Линниченко, нынѣ приватъ-доцентъ московскаго университета, такъ рассказываетъ о первомъ появленіи его въ Кіевскомъ университетѣ:

«Первая лекція Котляревскаго привлекла особенно значительное число слушателей. Со многими товарищами онъ успѣлъ ознакомиться и произвести впечатлѣніе своей оригинальной личностью. Многимъ были уже извѣстны перипетіи его прошлаго; товарищи по факультету успѣли уже оцѣнить его большія свѣдѣнія, сильный и оригинальный умъ, особенности его рѣчи. Вступительная лекція К. возбуждала поэтому особенный интересъ...

«Умное, выразительное лицо, ясный, громкій голосъ, свобода рѣчи и превосходная дикція сразу привлекли къ лектору симпатію слушателей. Лекцію свою Котляревскій посвятилъ общему обзору успѣховъ славяновѣдѣнія. Ничего особенно новаго, никакихъ общихъ взглядовъ на сущность своего предмета К. не предложилъ въ этой лекціи — она носила скорѣе характеръ библіографическій, въ томъ родѣ, въ какомъ онъ впоследствии напечаталъ свое обзорѣніе изученій древне-русской письменности. Но въ чтеніи его слышалась сила и знаніе — чувствовалось, что перечисленные имена научныхъ двигателей славяновѣдѣнія, названія трудовъ были для него не пустыми звуками — это были поминки хорошаго знакомаго, знавшаго à fond поминаемыхъ. Передъ Котляревскимъ лежала тетрадка, но она его стѣснила, онъ заглядывалъ въ нее только, кажется, чтобы не потерять нити изложенія; лекція носила скорѣе характеръ свободной бесѣды, продолжительнаго монолога въ отвѣтъ умолкнувшему собесѣднику — и такимъ характеромъ свободного собесѣдованія, стройнаго изложенія, прерываемаго анекдотами, воспоминаніями, мѣткими словцами, полными юмора, порою не лишенными язвительности, яркими въ двухъ-трехъ словахъ характеристиками отличались всѣ его лекціи. Благодаря такому способу чтенія, даже такой сухой курсъ, какъ библіологическое обзорѣніе древне-русской письменности, становился необыкновенно интереснымъ. Предъ слушателемъ проходили не книги съ ярлыками, а ихъ авторы съ своими характерными обликами — Бодянскій, Ундольскій, Снегиревъ, Погодинъ точно вставали живыми съ своими оригинальными симпатіями и странностями. Котляревскій хорошо понималъ, что характерный анекдотъ часто рисуетъ человѣка лучше, чѣмъ обширная и обстоятельная біографія и необыкновенно умѣло выбиралъ изъ запаса своей рѣдкой памяти, хранившей все пережитое, видѣнное, слышанное и читанное, цѣлый рядъ такихъ анекдотовъ».

«Первая лекція обезпечила ему полное вниманіе его слушателей».

Рядъ его курсовъ перечисленъ въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ университета Св. Владимира» ¹⁾. Какъ видимъ, онъ старался дать полный курсъ, пѣлюю энциклопедію славяновѣдѣнія вмѣстѣ съ древностями русскаго языка. Именно эта энциклопедія была, кажется, той научной задачей, объ исполненіи которой онъ мечталъ, если бы здоровье дозволило ему работу. Къ сожалѣнію, уже съ перваго года жизни въ Кіевѣ давняя болѣзнь, меньше беспокоившая его во время пребыванія за границей, все чаще стала напоминать о себѣ и все болѣе угрожающимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе онъ постоянно работалъ и приглашалъ къ работѣ. Такъ какъ его курсъ имѣлъ чисто спеціальныя характеръ, составъ его слушателей ограничивался предѣлами факультета, и въ средѣ ихъ тѣ, кто хотѣлъ заниматься, неизмѣнно находили въ Котляревскомъ самую радушную поддержку. Онъ помогалъ имъ не только совѣтомъ, но и своею библіотекою, которая въ Кіевѣ была конечно единственною въ своей области, не исключая и университетской. Въ своихъ воспоминаніяхъ ученики его замѣчаютъ, что направленіе его чтеній, какъ и собственныхъ занятій, было по преимуществу археологическое и что онъ придавалъ большое значеніе бібліографіи; имъ казалось даже, что хотя онъ

1) Это были: во 2-мъ семестрѣ 1875—76 учебнаго года *историко-филологическое обозрѣніе славянскихъ племенъ* для 1-го и 2-го курсовъ; *исторія славяновѣдѣнія* для 3-го и 4-го курсовъ. Первый семестръ 1876—77 г. Котляревскій не читалъ, вслѣдствіе постигшей его тяжелой болѣзни легкихъ. Во 2-мъ семестрѣ того-же года онъ объяснялъ Зеленогорскую и Краледворскую рукописи для 1-го и 2-го курса и излагалъ *введеніе въ науку славянскихъ древностей* для 3-го и 4-го курса. Въ 1877—78 учебномъ году въ 1-мъ семестрѣ съ младшими курсами онъ занимался *обозрѣніемъ славянскихъ нарѣчій*, а съ старшими—*славянскими древностями* и *древне-русскою письменностію*; во 2-мъ семестрѣ, продолжая остальные курсы, онъ вмѣсто славянскихъ древностей занимался *древностями русскаго языка*. Въ 1878—79 учебномъ году онъ читалъ *энциклопедію славяновѣдѣнія* для младшихъ курсовъ и *исторію литературъ болгарской и сербской* для старшихъ, продолжая въ то же время *обозрѣніе древне-русской письменности*. Въ 1879—80 г. младшіе курсы слушали *общее славяновѣдѣніе*, а старшіе—*славянскія древности и нарѣчія*; во вторую половину года *славянскія древности* были замѣнены *древностями русскаго языка*. Наконецъ начало 1880—81 г. было посвящено *исторіи и энциклопедіи славяновѣдѣнія*, *исторіи польской литературы и славянскимъ нарѣчіямъ*.

всегда заботился въ своихъ трудахъ о полнотѣ матеріала, пристрастіе къ бібліографіи являлось «слѣдствіемъ особеннаго склада его ума, такъ и того физическаго и душевнаго состоянія, въ какомъ онъ находился въ теченіе всего своего пребыванія въ Кіевѣ». Это не совсѣмъ такъ. Мы видѣли, что страсть къ книгамъ отличала его съ университетской скамьи и вмѣстѣ съ этимъ естественно являлось стремленіе къ полнотѣ своихъ книжныхъ, то-есть бібліографическихъ свѣдѣній, а затѣмъ къ полнотѣ своей бібліотеки въ области занятій, которая опредѣлилась для него также съ университетской скамьи. Впослѣдствіи его ученое поприще сложилось такъ, что возможная полнота бібліотеки стала для него необходимостью: въ обоихъ провинціальныхъ университетахъ, въ которыхъ прошла его профессура, въ самихъ университетскихъ бібліотекахъ онъ далеко не могъ имѣть въ рукахъ всѣхъ тѣхъ книжныхъ пособій, какія ему были необходимы. Для своей работы онъ уже давно принялъ (нѣмецкую, кажется) систему карточекъ, которая опять вызывала потребность въ полнотѣ и точности. Наконецъ, съ самыхъ первыхъ его работъ, мы видѣли одну черту, которая никогда не утрачивалась въ его трудахъ, это — мысль о необходимости цѣльныхъ обзоровъ, которые бываютъ въ особенности важны для начинающихъ, для обыкновенныхъ читателей, а затѣмъ и для самой научной разработки, указывая объемъ и сдѣланнаго и то, что еще предстоитъ сдѣлать: въ условіяхъ нашей науки это было особенно важно, такъ какъ въ ней постоянно чувствовался именно недостатокъ подобныхъ работъ общаго характера. Такой энциклопедіи славяновѣдѣнія у насъ нѣтъ и до сихъ поръ. Своимъ ученикамъ Котляревскій также давалъ работы, заключавшія въ себѣ исторію отдѣльныхъ вопросовъ (такова была напр. книга А. В. Стороженка по исторіи вопроса о Зеленогорской и Краледворской рукописяхъ): для начинающаго ученаго подобныя темы даютъ особенно удобный случай къ тому, чтобы по поводу отдѣльнаго предмета ознакомиться вообще съ развитіемъ научной литературы.

Въ Кіевѣ Котляревскому пришлось встрѣтить и совѣтъ другого рода работу. Начинались славянскія волненія на Балканскомъ полуостровѣ; какъ разъ въ это время Котляревскій былъ выбранъ предсѣдателемъ Славянскаго Комитета въ Кіевѣ, и на него обрушилась цѣлая масса хлопотъ. Въ октябрѣ 1876 года онъ писалъ къ одному изъ петербургскихъ знакомцевъ:

«...Чтò вынесъ я въ эти полъ-года, о томъ и вспомнить страшно... Начиная съ того, что какой-то бѣсъ подстрекнулъ меня принять на себя должность предсѣдателя здѣшняго Славянскаго Комитета: я, конечно, вовсе не предвидѣлъ, что событія примутъ *такое* направленіе. Пришла весна—и въ мою квартиру ежедневно, сотнями (безъ преувеличенія), валилъ народъ, желая *отправиться* въ Сербію. На половину было мошенниковъ, желавшихъ получить пѣнязи.... Такъ прошло 4 мѣсяца: силъ не ставало справляться со всѣмъ этимъ.... А затѣмъ въ концѣ августа я схватилъ жесточайшій острый бронхитъ и плевритъ, которые только теперь понемножку слабѣютъ: ежедневная лихорадка еще продолжается, но по крайней мѣрѣ я могу сидѣть и имѣю аппетитъ. Лекцій еще не начиналъ, да въ этомъ семестрѣ и не начну: аскулапы мои не позволяютъ мнѣ выходить на воздухъ ранѣе новаго года. Скучиѣе всего, что не могу серьезно заниматься».

Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ ученія кіевскія новости: тогда сдѣлано было изданіе сочиненій Иванишева; оканчивался печатаніемъ первый томъ сочиненій Максимовича, въ которомъ послѣ онъ самъ принималъ участіе; вышла книга Терновскаго объ «Изученіи Византіи въ древней Руси», книга, по его словамъ, «въ ряда вонъ». «Что дѣлается въ Петербургѣ? Естественно, что при всеобщемъ белликозномъ настроеніи поклоненіе Музамъ должно уступить мѣсто иной дѣятельности, но все же, думаю, что не такъ, какъ въ Москвѣ и здѣсь. Самое замѣчательное, чтò здѣсь вышло въ послѣднее время, это сводъ Драгоманова: «Малорусскія народныя преданія и рассказы». Большой томъ всякой всячины, подчасъ интересной и важной. Это *отихомолку* вышедшій, отдѣльный оттискъ изъ III тома (который никогда не вый-

детъ, ибо секвестрованъ) «Записокъ» *уничтоженнаго* здѣсь Географическаго Общества».

Въ томъ же письмѣ онъ упоминаетъ о вышедшемъ тогда первомъ томѣ «Исторія русской жизни» г. Забѣлина. Въ послѣдствіи Котляревскому поручено было отъ Академіи составить разборъ этой книги, представленной на соисканіе Уваровской преміи. Отзывъ Котляревскаго, при всѣхъ его существенныхъ разнорѣчіяхъ съ авторомъ, былъ весьма благопріятенъ относительно лучшихъ сторонъ этого труда; но рѣшеніе академической комисіи, кажется, подъ вліяніемъ Срезневскаго, было отрицательное. Поэтому рецензія Котляревскаго не могла войти въ академическій Отчетъ и была напечатана особою книжкой.

Въ письмѣ къ Срезневскому (отъ 21 февраля, 1877 г.) онъ объясняетъ свое долгое молчаніе продолжительной болѣзною, отъ которой все еще не оправился: все это тѣмъ тяжелѣ, — говорилъ онъ, — что «мое положеніе по кафедрѣ требуетъ труда особеннаго, котораго пока мнѣ раздѣлить не съ кѣмъ...

«Что сказать вамъ, дорогой Изм. Ив., о нашемъ университетѣ: много, очень много темныхъ сторонъ въ немъ, но не мало и отрадныхъ; много запущенности и распушенности въ студентахъ и профессорахъ, но довольно также и чистаго интереса къ наукѣ и сознанія своего гражданскаго долга; фундаментъ историко-филологическаго факультета — молодежь, доценты, люди хорошіе, трудящіеся.

«Одно, чтò въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ неладно для нашего брата — это книжная и всякая другая разобщенность съ Москвой и Петербургомъ»: получать новыя книги «легче бываетъ изъ Америки, чѣмъ изъ Петербурга»...

Въ декабрѣ 1877 г., онъ писалъ Срезневскому: «Каждый разъ, какъ кто изъ Кіева направляется въ Петербургъ, мною невольно овладѣваетъ... не зависть, а сердечная грусть... И не потому, что *на сей разъ* только мнѣ нельзя туда же двинуться, а потому, что приходится вовсе отказаться отъ надежды пови-
даться, обнять и поговорить съ такими дорогими для меня людьми,

какъ вы. Болѣзнь прошлой зимы, отъ которой я чутьчку не от-
правился-было *ad patres*, оставила мнѣ въ наслѣдство такую
эмфизему и одышку, что предпринимать зимнюю поѣздку въ Пе-
тербургъ становится невозможнымъ .. А лѣто? А лѣтомъ Петро-
градъ пусть... Болѣзнь, естественно отражается и на состояніи
духа: по временамъ самая наука теряетъ привлекательность; но—
слава Богу—не надолго, затѣмъ снова идешь на грудь этой ве-
ликой кормилицы или доилицы человѣчества, —и она кормить»...
Такъ и теперь, —говоритъ онъ. Между прочимъ, онъ замѣтилъ,
что студенты очень недостаточно знакомы съ отечественными
трудами по разработкѣ до-Петровской письменной старины, и
Котляревскій вызвался читать, для желающихъ, курсъ объ
этомъ предметѣ. Написавши нѣсколько лекцій и замѣтивъ вни-
маніе къ нимъ, онъ вознамѣрился составить объ этомъ книгу, —
«и вотъ теперь по самыя плечи сижу въ критико-библіографиче-
ской работѣ»; думаетъ напечатать эту работу — «слѣдовало бы:
«*nonum prematur in annum*», но такъ долго жить я, вѣроятно,
не буду». Это былъ изданный впоследствии «Библиологическій
Опытъ».

Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ объ университетѣ: «Уни-
верситетъ нашъ и въ особенности нашъ факультетъ былъ очень
распущенъ: покойный Селинъ постарался въ этомъ отношеніи
сдѣлать все, что можетъ сдѣлать *аферистъ* въ наукѣ; но и составъ
товарищей и студенты, слава Богу, становятся теперь иные. У
меня работаетъ немного, всего 4 человѣка, но работаютъ хо-
рошо, такъ что любо бываетъ посмотреть на нихъ. Въ товари-
щахъ недочетъ» — за отъѣздомъ Цвѣтаева въ Москву, Мо-
дестова въ Петербургъ; пустовала и кафедра русской словес-
ности.

На это и на другое письмо, извѣщавшее объ избраніи въ
члены кіевскаго Общества Нестора лѣтописца, Срезневскій
писалъ длинное письмо съ теплыми выраженіями дружбы и
также съ любопытными указаніями о собственныхъ работахъ—
между прочимъ по поводу заподозрѣнныхъ чешскихъ памяти-

ковъ; позднѣе, отзывы о нихъ Срезневскаго возбудили недоумѣніе своею обоюдностью, — настоящее письмо указываетъ, по-видимому, что это не была преднамѣренная обоюдность адвоката, а только отраженіе собственнаго искренняго недоумѣнія.

«... Самая утѣшительная страница вашего письма было и остается то, гдѣ вы сообщаете о приготовляемомъ вами трудѣ по древней русской словесности. Не лестно скажу, что только отъ васъ и можно ожидать этого рода труда въ такомъ исполненіи, къ которому съ одинаковою довѣренностію обращаться бы могли и учащіеся и знающіе, изъ нихъ же первый и послѣдній былъ-быхъ азъ. И какъ бы я желалъ, предполагая все еще остаться въ живыхъ, имѣть книгу вашу подъ рукою на слѣдующій годъ, когда мнѣ опять придется имѣть спеціальный курсъ Древностей русской словесности, какъ было и въ прошломъ году и въ позапрошломъ. Слабая сторона моего курса именно та, которая у васъ будетъ сильною, и я бы воспользовался съ наслажденіемъ вашею помощію. Если же бы я увидѣлъ, что все, искомое мною, вами найдено, то и свой курсъ оставилъ бы въ сторонѣ, замѣнивъ другимъ. Теперь я черезъ годъ читаю Древности Запад. Слав. Словесности, какъ добавочный къ Русскому; а тогда соединилъ бы оба въ одинъ, и курсъ Древностей Русскихъ замѣнилъ бы курсомъ археологической энциклопедіи. Объ этомъ курсѣ я мечтаю почти-что съ самаго Кіевского съѣзда, и на Казанскій съѣздъ возилъ набросокъ своей мечты, но и тамъ не улучилъ случая высказаться. Высказался наконецъ въ одномъ изъ засѣданій Филологическаго Общества и затѣмъ при открытіи «Археологическаго института». Думалъ было въ этомъ институтѣ и начать этотъ курсъ; но едва ли рѣшусь на это — по причинамъ, о которыхъ пока молчу, потому что можетъ быть онѣ выдумались самимъ мною.

«Пока я не думаю объ этомъ курсѣ, потому что пришлось думать и писать о другомъ — и прежде всего, по поводу смерти Бодянскаго — думать и писать о всѣхъ трехъ моихъ отжившихъ товарищахъ. Это должно сдѣлаться приложеніемъ къ Отчету От-

дѣленія за прошедшій годъ. Перебирая по книгамъ, письмамъ и памяти все, что годилось, пришлось пережить много хорошихъ часовъ воспоминаній—всего менѣе о Бодянскомъ, всего болѣе о Прейсѣ, но не безъ чувства чистаго добра обо всѣхъ. Не успѣлъ я окончить съ этими листками, какъ налегла другая работишка: мы издаемъ въ русскомъ переводѣ изслѣдованіе А. О. Патеры о *Mater Verborum*, и мнѣ вздумалось посмотрѣть на поддѣльныя глоссы со стороны умѣнья поддѣльщика, кто бы онъ ни былъ. Это умѣнье важно какъ указаніе на состояніе знанія древ. чешскаго языка въ то время, когда дѣлалась поддѣлка, такого знанія, которому равнаго не было ни въ какой другой отрасли славянскаго языкознанія. Первые свои думки объ этомъ захотѣлось провѣрить, ну и пришлось пойти по хламу мелочей, закапываться въ немъ, и откапываться. Въ написанномъ мною, я не касаюсь вопроса о томъ, кто былъ поддѣльщикъ, потому что не имѣлъ его въ виду, но если бы и имѣлъ въ виду, то не зналъ бы, на какомъ изъ тогдашнихъ дѣятелей остановиться. Всего скорѣе на Ганкѣ, но есть кое-что, очень сильно этому мѣшающее. На Юнгманѣ, на Пухмаерѣ, на Линдѣ нѣтъ причинъ. На Добровскомъ? какъ-то страшно. На комъ же бы еще? Не придумаю. А за 1827 и много что за 1832 г. переходить нельзя, за 1827 только для немногихъ глоссъ, и то сравнительно неважныхъ. За этою работою, т. е. за поддѣльными глоссами, я и сижу теперь, и спѣшу кончить, потому что подъ руками толстая рукопись Лѣтописи Малалы, только-что мною полученная и тянущая къ себѣ.

«За такими дѣлишками забываю о своихъ недугахъ, кои суть: «*tic douloureux*, по временамъ жаръ и боль въ головѣ, холодный потъ въ ногахъ и слабость ихъ, особенно правой и еще что-то, не помню, а ко всему этому война и миръ».

По поводу Библиологическаго Опыта Котляревскій возобновилъ переписку съ издателемъ воронежскихъ «Филологическихъ Записокъ». Отъ 31 января 1878 г., онъ писалъ:

«Здравствуйте. . . . послѣ многихъ лѣтъ прерваннаго знакомства. — здравствуйте, старый другъ!

«Во-первыхъ: искреннее спасибо за Филолог. Записки 1877, а еще болѣе за добрую память: послѣднюю я очень высоко цѣню, ибо книгу можно купить, а ее не купишь.

«Во-вторыхъ: знаете ли, когда послѣдній разъ сносился я съ вами? Въ 1871 году, предъ моимъ отъѣздомъ за границу.... Съ той поры много воды утекло, и какъ много... Начиная съ того, что прошлой зимой я чуть не отправился на тотъ свѣтъ отъ остраго бронхита, отъ котораго и теперь страдаю страшной одышкой.

«Въ-третьихъ: съ удовольствіемъ готовъ возобновить мое прерванное сотрудничество въ вашемъ журналѣ. Матеріала у меня довольно: и лекціи, и ученые изслѣдованія моихъ студентовъ, само собою разумѣется, мною выглаженные и исправленные... На первый разъ предлагаю вамъ *десять* лекцій изъ моего курса: «Библіологической исторіи древней русской письменности». Хотите? Лекціи готовы къ печати.... Объемъ: листовъ на пять, на шесть печатныхъ. Сія лекція имѣютъ отдѣльную цѣлость, что также важно для журнала....

«Да пришлите мнѣ отдѣльныхъ оттисковъ, какіе у васъ имѣются. Смерть люблю ихъ....

«Р. S. Кстати: не поможете ли вы въ одномъ для меня весьма важномъ дѣлѣ. Вотъ три года добиваюсь получить изъ Воронежа тамъ изданную (статистическимъ комитетомъ) книжицу, а именно *третій* (одинъ) выпускъ Переписки Евгенія съ графомъ Румянцевымъ..... И стоитъ-то она всего 50 коп. Готовъ заплатить вдвое, да не знаю, куда и обратиться.... Не развѣдаете ли вы, дружище, и не укажете ли сего сокровеннаго мѣста. Истинно былъ бы признателенъ».

Въ письмѣ отъ 23 мая, онъ говоритъ о новомъ повтореніи болѣзни; своей статья онъ еще не могъ выслать, такъ какъ она еще не была окончательно обработана. Взамѣнъ того онъ пишетъ:

«Посылаю вамъ сегодня же статью Соколова о словацкомъ языкѣ и литературѣ. Станете печатать, то сдѣлайте 100 оттис-

ковъ и пришлите мнѣ. Это—его лекція въ нашемъ университетѣ *pro venia legendi*. Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ о своемъ участіи въ преподаваніи на женскихъ курсахъ въ Кіевѣ: «Оживленіе на высшихъ женскихъ курсахъ у насъ идетъ великое: я тоже, насколько позволяютъ силы, читаю тамъ исторію нѣмецкой и французской литературы».

Только въ слѣдующемъ году, въ теченіе лѣтнихъ каникулъ (которыя онъ въ эти годы проводилъ обыкновенно въ Москвѣ), онъ окончилъ первую часть своего «библіологическаго курса по древней русской словесности» и выслалъ его г. Хованскому. Изданіе было для него очень хлопотливо: приходилось печатать въ другомъ городѣ, дѣлать корректуру по почтѣ; провинціальныя типографіи до сихъ поръ работаютъ у насъ не весьма складно, а Котляревскій былъ относительно печати довольно требователенъ, а кромѣ того у него бывали свои библіографическія причуды. При началѣ печатанія онъ послалъ г. Хованскому цѣлое наставленіе о шрифтахъ, расположеніи примѣчаній, объ отдѣльныхъ оттискахъ, сколько ихъ дѣлать и на какой бумагѣ. Книга печаталась частями въ «Филологическихъ Запискахъ» 1879—1880 годовъ, и отдѣльные оттиски съ общими и частными заглавіями помѣчены 1881 годомъ (цензурное разрѣшеніе отъ 12 ноября 1880, изъ Москвы) и выпущены были въ числѣ 66 экземпляровъ, изъ которыхъ 33 на веленовой бумагѣ, нумерованныхъ ¹⁾. Книга вышла впрочемъ не въ томъ составѣ, какъ это предполагалъ Котляревскій: въ письмѣ отъ 6 декабря 1879, онъ пишетъ г. Хованскому, что вслѣдъ за главами объ историческомъ развитіи изученія языка и письма (которыми кончается книга въ суще-

1) Объ этомъ онъ спеціально писалъ г. Хованскому отъ 15 ноября 1880: «Что я печатаю 66 оттисковъ — на это существуетъ у меня свой капризъ и прошу васъ усерднѣйше, приглядите, чтобы ни единого не было выпущено въ свѣтъ, кромѣ цензурныхъ, которые — разумѣется — вы оттиснули всѣ (особо) не въ счетъ моихъ 66. Если вы пустили нѣсколькими экземплярами больше, то пришлите ихъ ко мнѣ, оставивъ — разумѣется — себѣ экземпляръ на добрую память обо мнѣ. Мнѣ очень важно, чтобы ни единый экземпляръ не миновалъ моихъ рукъ. При брошюровкѣ — избавь Боже обрѣзывать!!!».

ствующемъ изданіи) должна была йти еще глава: «Ходъ историческаго изученія русской народной поэзіи», которую онъ надѣялся кончить къ половинѣ января слѣдующаго года. Окончена она не была; но онъ не покидалъ этого плана: въ мартѣ и въ маѣ 1880 года, онъ опять писалъ г. Хованскому, что глава объ изученіи народной поэзіи почти окончена: «Противъ всякаго чаянія разрослась толико, что я рѣшился не включать ее въ мое изслѣдованіе объ изученіи древней русской письменности, а пустить какъ самостоятельный отдѣльный трудъ».

Въ 1879 году его тяжело поразила смерть Соловьева. Отъ 8-го октября онъ писалъ къ одному изъ одесскихъ друзей: «Нездоровъ—нѣсколько дней уже, какъ не выхожу изъ дома, не бываю на лекціяхъ.... А тутъ еще извѣстіе о кончинѣ Соловьева!... Боже, что же это такое: всякіе мертвые, четверодневно смердящіе..... — живутъ; живые—умирають, когда могли бы еще жить и быть полезны. Странно: я почти заранѣе былъ увѣренъ въ Москвѣ, что Соловьеву не выйти изъ болѣзни живымъ, а все же смерть его подѣйствовала на меня новымъ и неожиданнымъ образомъ.... Къ воскресенью долженъ приготовить о немъ «помишку» для чтенія въ Несторовскомъ историческомъ Обществѣ.

«Земля да будегъ перомъ — достойному русскому ученому и еще болѣе достойному—профессору».

«Библіологическій Опытъ» и изданіе третьяго тома сочиненій Максимовича, заключающаго труды филологическіе и этнографическіе, были послѣдними работами Котляревскаго. Въ Кіевѣ онъ работалъ кромѣ того въ Обществѣ лѣтописца Нестора, гдѣ онъ былъ съ 1879 года предсѣдателемъ и гдѣ имъ было представлено нѣсколько рефератовъ; онъ далъ также нѣсколько статей въ «Славянскій Ежегодникъ» Задерацкаго, принялъ нѣкоторое участіе въ кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ. Планы научныхъ работъ не оставляли его можно сказать до послѣднихъ дней его жизни; но эти дни были уже сочтены.

Послѣдніе годы болѣзни не покидала его, и къ 1881-му окончательно обострилась. Отъ 18 января 1881 г. онъ писалъ

А. А. Кочубинскому: «Давно не писалъ, но коли бы вы, друже мой, знали, какъ страдаю я: не могу ни сидѣть, ни спать.... Послѣднее самое горшее. Отъ неправильнаго дыханія произошла неправильность кровообращенія, застой крови, лишившій меня сна и покоя.... Только днемъ по обѣдѣ могу часикъ вздремнуть, а ночью только къ самому утру»...

Въ письмѣ отъ 14 февраля къ тому же лицу, онъ пишетъ: «...Боже, въ какое мятежно-сумбурное время довелось намъ жить: я, почти удалившійся отъ міра — и я такъ сильно чувствую тягость жизни, что иногда предаюсь полному отчаянію, а еще чаще — полной апатіи....

«Мою книжицу, «Библиологическій Опытъ», примите благодушно, хотя, можетъ быть, и посердитесь за ту или другую строку.... Коли придетъ на мысль какой пропускъ — или улучшение, не оставьте увѣдомить; ибо имѣю въ виду переиздать, какъ «введеніе» къ большому труду «объ изученія древней русской литературы». Теперь такимъ же порядкомъ начинаю печатать «исторію изученія русской народной поэзіи».

«Замысловъ и предпріятій много, не мало и матеріала; а силъ уже мало..... и Богъ знаетъ, приведется ли мнѣ исполнить хоть половину того, что задумано и на что положено много труда»...

Въ маѣ врачи, его лѣчившіе, потребовали, чтобы онъ выѣхалъ за границу въ мѣста болѣе благопріятныя для его здоровья. Какъ говорятъ, онъ «покинулъ свою рабочую комнату, свои книги и бумаги лишь послѣ тяжелой борьбы съ собою и окружающими». Передъ отъѣздомъ онъ послалъ А. А. Кочубинскому небольшое открытое письмо (отъ 8 мая) съ извѣстіемъ о своемъ отъѣздѣ, гдѣ печальное предчувствіе не удалило и шутки:

«Недугъ гонить меня въ Европію (городокъ Reichenhall близъ Зальцбурга). Постараюсь отыскать тамъ городъ «Кляпс-фортъ», о которомъ говорится въ лекціяхъ Григоровича, напечатанныхъ недавно въ «Филол. Вѣстникѣ».... Хочется вѣрить, что еще увижу васъ въ семъ мірѣ. Выѣзжаю на дняхъ».

Путешествіе въ тяжкой болѣзни было преисполнено всякими трудностями и невзгодами. Видимо, кромѣ тягостей матеріальныхъ, его угнетала и разлука съ любимымъ дѣломъ, съ друзьями, которые дѣлили его интересы. Послѣдніе два года, и особливо въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, онъ несмотря на болѣзнь велъ съ этими друзьями дѣятельную переписку, въ которой большое мѣсто занимали научные интересы и собственные планы будущихъ работъ, какія онъ еще мечталъ совершить; изрѣдка, въ двухъ словахъ, упоминалъ онъ (какъ мы уже видѣли) о томъ смутномъ времени, какое переживало тогда русское общество и въ которомъ особенно тяжело было ему видѣть распространеніе того, что онъ называлъ «анти-гуманизмомъ».

Его направили въ Рейхенгалль. Онъ писалъ оттуда къ одному изъ одесскихъ друзей:

«Зима, хотя и 11 іюня.

«Снѣгъ кругомъ хлопьями, туманъ и холодъ, комната безъ печей. .

«Въ таковой-то «парадизъ» загнали меня недуги и, разумѣется, загнали—исцѣленія ради... Комично, хотя и зазнобно... Исцѣлюсь ли хотя отчасти, увижусь ли снова съ вами — не знаю; а пока хоть строкою мертвѣго письма хочу отогрѣться бесѣдою съ вами... Теперь состояніе здоровья нѣсколько улучшилось, хотя дышу тяжело, астменно...

«Но по крайности могу удѣлять часикъ-другой музамъ, а для меня это много. Что дѣлается на святой Руси? — Двѣ недѣли не читаю газетъ; а слышу, что ужасы».

Отъ 23 іюня (н. ст.) онъ писалъ А. А. Кочубинскому:

«Reichenhall (неподалеку отъ знаменитаго Кляпсфорта).

«Неладно живется, друже К.,—не знаю даже: выскочу ли...

«Испытавъ различныя мытарства, добрались мы до указаннаго намъ эскулапіями Рейхенгалля... Мѣсто прекрасное: въ долинкѣ среди Альповъ, чистый горный воздухъ, зелень встрѣтила насъ дружественно... Но чрезъ дня два — зима, снѣгъ, холодъ, вѣтеръ; а съ этимъ возобновеніе моей лихорадки и кровохар-

канья, что все продолжается и понынѣ. Совѣтъ — сосудъ скудельный: слабость и нетвердость въ ногахъ значительная, что— кромѣ одышки— мѣшаетъ моему движенію...

«При этомъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о правильныхъ занятіяхъ. Урывками возвращаюсь къ нимъ, и вспоминаю слова Гётіа, славнаго изъ тевтонскихъ пійтовъ:

Verbiete du dem Seidenwurm zu spinnen,
Wenn er sich schon *dem Tode nahe* spinnt.

«Можетъ быть, и ко мнѣ подойдутъ сіи пророчества...

«И Андрея Попова не стало. Признаюсь, я ожидалъ сего уже около двухъ лѣтъ, но все какъ-то не вѣрится, потому что больно за російскую науку. Честный и трудолюбивый дѣлецъ былъ. Наука обязана ему очень и очень многимъ. Еще въ маѣ получилъ я отъ него изданіе «Исторической ц.-сл. Палеи». Добрая память ему. Былъ бы я здоровъ и съ своими друзьями (т. е. при книгахъ), написалъ бы для «Филол. Вѣстника» поминочку о немъ»..

Отечественная современность его удручала. «Боже, что только творится, и когда и гдѣ конецъ? Когда случится мнѣ раздуматься о смерти, мнѣ мучительно больна бываетъ мысль, что я уже ничего болѣе не сдѣлаю для науки, что предстоятъ разлуки: съ семьей, съ близкими; но съ идеей родины разлучусь спокойно, ибо душа полна бываетъ вѣры въ ея будущее и отчаянія въ ея настоящее. Утѣшьте, напишите, дайте вѣсточку о себѣ и другихъ»...

Отъ 30 іюня онъ послалъ одному изъ молодыхъ кіевскихъ друзей, проф. П. И. Аландскому, письмо, изъ котораго приведены выдержки въ «Поминкѣ»; онъ проситъ между прочимъ сдѣлать справки въ библіотекѣ университетской о присланныхъ для него книгахъ, чтобы предостеречь его отъ соблазна купить тѣ же книги дважды... «Что слышно про женскіе курсы? Неужели въ самомъ дѣлѣ ихъ собираются закрыть?»

Въ письмѣ къ нему же отъ 6 (18) іюля: «Вы пожелали мнѣ *здоровья*... т. е. пожелали лучшаго, чѣмъ только теперь я оцѣнилъ, теперь, когда, пожалуй, безвозвратно его утратилъ... Лихорадки нѣсколько дней нѣтъ, . . . но *грозныя* кровохарканья періодически повторяются и такъ какъ благораствореніе воздуховъ здѣсь бываетъ зачастую ураганное, то сіи кровоизліянія нерѣдки... А въ общемъ—разслабленіе и тоска... При таковомъ состояніи грѣшной плоти моей и духа моего не могу и думать о возвращеніи въ августѣ на Русь»... Онъ хотѣлъ послать ректору два прошенія: одно съ просьбой о годовомъ отпускѣ для излѣченія болѣзни, другое—на случай затрудненій къ первому—объ увольненіи отъ службы... «Горитъ душа по работѣ, а работать не могу: муки Танталя въ мініатюрѣ»...

Въ припискѣ отъ 10 (22) іюля: «... Перетерпѣлъ два грозныя кровоизліянія, на груди и въ настоящую минуту ледяная подушка»... «Странно, однако, что при этомъ я рѣшительно не чувствую никакихъ ухудшеній: нѣтъ ни кашля, ни боли въ груди, ни лихорадки... точно какъ будто все естественно»...

Онъ вспоминаетъ опять стихи Гёте и продолжаетъ: «Такъ и теперь: разыгралась въ мозгу моемъ фантазіяка обработать здѣсь I часть моей Энциклопедіи славистики, т. е. Введеніе къ ней или обзорѣніе предмета, метода и современнаго состоянія вспомогательныхъ наукъ славяновѣдѣнія... Само собою разумѣется, что, наученный опытомъ, сомнѣваюсь въ томъ, чтобы удалось мнѣ исполнить сію мечту . . . да это все равно: тѣшусь ею и только. И то хорошо».

Отъ 4 августа н. ст. онъ писалъ А. А. Кочубинскому, что «Кляпсфордъ-Рейхенгалль» не принесъ ему пока никакого улучшенія, а скорѣе ухудшеніе, потому что вѣкогда прежде не было у него такихъ кровоизліяній; онъ извѣщаетъ, что рѣшился просить отпуска или чистой отставки—«тоскнѣтся душѣ моей, какъ говорилъ Скорина», что «душа рвется къ работѣ», что онъ «обрабатываетъ» Введеніе къ исторіи и энциклопедіи славистики, обнимающее обзорѣніе наукъ вспомогательныхъ: языкознанія,

миѳологіи, древностей, этнологіи и пр. Въ Рейхенгаллѣ останется до половины сентября, «по бусурм. стилю». «Читаю (для своихъ цѣлей энциклопедіи) прекрасную книгу Бунзена *Outlines of universal history*, которая главнымъ образомъ содержитъ отчеты различныхъ ученыхъ объ успѣхахъ языкознанія по отношенію къ индо-европейскимъ языкамъ... Книга у насъ малоизвѣстная; но сколько въ ней хорошаго!.. Я попалъ на нее совершенно случайно....

«Читали вы про Ц... Вотъ къ какой пристани привела его гордыня и мятежъ самомнѣнія... Боюсь — одного ли его. Впрочемъ, вѣрнѣе было бы сказать, не *боюсь*, а скорблю; ибо все же онъ былъ сила, да непутящая, дикая, у которой если и была святыня, то свое бурсацкое самолюбіе. *Requiescat in pace*»...

Въ письмѣ къ Аландскому отъ 17 августа, «еретическаго стиля», онъ говоритъ о своей заботѣ, посылая сына въ Московскій университетъ: «...какъ-то управить онъ челнъ свой среди водоворотовъ времени, среди сатурналіи всякой... разнузданности и антигуманизма»... Онъ вѣритъ въ лучшее: «какъ бы то ни было, безъ этой вѣры мнѣ мало остается привлекательнаго къ жизни»... Въ Московскій университетъ онъ направилъ сына — «въ силу моего глубокаго піетета къ моей кормилицѣ, въ силу добрыхъ традицій, тамъ еще живущихъ (доживающихъ?)»....

«Что новаго въ наукѣ и литературѣ?

«Повѣрите ли, что со времени запрещенія «Голоса» (мотивы запрещенія по истинѣ комичны) — рѣшительно моя Русь исчезла для меня изъ моего географическаго кругозора: о Патагоніи и Новой-Гвинеѣ знаю болѣе, чѣмъ о Россіи. Читаю только о чудовищной мысли разсмотрѣть всю Русь съ точки зрѣнія подсудимыхъ военнаго суда».... «И правда ли?! Все, впрочемъ, быть можетъ: «такъ русская печь печетъ» — говорилъ когда-то По-годинъ»...

«Черезъ дней 10 выѣзжаемъ изъ Рейхенгалля на «уру», куда попадемъ; сначала въ Боценъ, а потомъ, вѣроятно, или въ Пизу

или въ Ниццу.... Сущая бѣда—ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ порядочной книжной торговли: приходится голодать».

Отъ 20 августа н. ст. онъ пишетъ А. А. Кочубинскому: «Гдѣ вы? А я — все тамъ же, и только 1-го сентября (бѣсов. стили) спускаюсь далѣе на югъ, чрезъ Боденъ, Миланъ, Геную—кажется—до Ниццы или Пизы... Самъ еще не знаю. Лихорадка прекратилась и кровоизліянія какъ-то (временно) утишились, но—Боже милый—посмотрѣли бы вы на меня, что изъ меня сотворила «нѣмецкая кухня», въ особенности ихъ знаменитые «супы».

«Послѣ долгой отвычки — никакъ еще не могу приладиться къ систематическимъ занятіямъ — можетъ быть, въ семъ виновна и слабость плоти моя...

«Что дѣлается въ нашихъ университетахъ и съ нашими университетами?» Онъ разспрашиваетъ о нашихъ славистахъ въ Харьковѣ, Кіевѣ, Варшавѣ.

Въ письмѣ къ В. Θ. Миллеру отъ 4 сентября н. ст.:

«Лихорадка совсѣмъ повысосала меня; теперь только начинаю немного поправляться... Да какъ поправишься на подлыхъ нѣмецкихъ хлѣбахъ?! Посему на дняхъ двигаюсь далѣе, на югъ, сначала въ Баденъ, недѣльки на двѣ, а потомъ въ Пизу....

«Только недавно возродились у меня силы къ занятіямъ. Къ счастью захватилъ съ собою свои лекціи по энциклопедіи славистики и по тиху приготавливаю къ печати *вводную* часть ихъ, обнимающую «Обозрѣніе предмета и современнаго состоянія «вспомогательныхъ» наукъ славистики», т. е. языкознанія, мифологіи, археологіи, древностей, исторіи литературы и т. д. Успѣю ли закончить — за недугами сказать не рѣшаюсь; а хотѣлось бы: часть библиографическая была бы положительно не безъ пользы для студентовъ»....

Для этой работы онъ читалъ между прочимъ книги Кокса (Cox, Introduction to Mythology and Folklore) и Сэйса (Sayce, Introduction to the Science of Language), также Губернатиса (индійская археологія) и Пауля, Principien der Sprachgeschichte...

«Годъ имѣю нужду прожить за границей; будетъ ли толкъ,

не знаю: страшно разстроился, ходить совсѣмъ не могу отъ одышки. Если дотяну до апрѣля, прїѣду на лѣто въ Москву, а нѣтъ—то помяните мя въ праведныхъ молитвахъ вашихъ».

Отъ 7 октября онъ писалъ Аландскому изъ Пизы: «...Послѣ многихъ и долгихъ перекочеваній (при чемъ каждое или ни одно не обходилось безъ лихорадочныхъ жертвоприношеній), послѣ флорентинскихъ ужасовъ (десять дней пребыванія и 15 злѣйшихъ пароксизмовъ лихорадки) прибылъ я, наконецъ, сегодня въ Пизу».... Здѣсь ждало его письмо Аландскаго: «Спасибо, хорошій человекъ, за память!» Но писать много не можетъ: «голова идетъ кругомъ, не столько отъ дороги, сколько отъ хины»... Онъ спрашиваетъ объ университетскихъ дѣлахъ и посылаетъ поклонныя друзьямъ, которымъ проситъ сообщить: «я нахожусь въ Пизѣ и, кажется, — на долго».

Послѣднее письмо отъ 8 октября н. ст. было получено мною: «...Послѣдній разъ писалъ я къ вамъ изъ Рейхенгалля; вскорѣ затѣмъ пустился я на долги — въ странствіе на Югъ: въ каждомъ мѣстѣ, при каждой остановкѣ приносилъ обильнѣйшія жертвы вавилонской блудницѣ, дщери Ирода-царя, трясавицѣ — Гнетѣ, такъ что, пока добрался до Пизы, отъ меня осталась только тѣнь моя. Что будетъ далѣе, не вѣдаю.... Что дѣлается въ любезномъ отечествѣ, совершенно мнѣ неизвѣстно».... Но его опять тревожили слухи, какіе до него доходили. Онъ продолжаетъ интересоваться тѣмъ, что дѣлается въ научной литературѣ... «А пока простите.... Сегодня цѣлый день лежу: лихорадка, хининъ и широко сокрушаютъ мою брѣвную плоть».

Но еще раньше, чѣмъ было мною получено это письмо, пришло извѣстіе о его смерти. Котляревскій умеръ неожиданно 29 сентября (11 октября н. ст.).

Совѣтъ Кіевскаго университета, въ засѣданіи 2-го октября, постановилъ выразить признательность свою къ заслугамъ покойнаго отправленіемъ депутаціи въ Москву для присутствія при погребеніи его.

«Отъ преподавателей университета, студентовъ-филологовъ и

слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ были возложены на гробъ покойнаго въ день погребенія вѣнки, свидѣтельствовавшіе объ уваженіи товарищей и благодарности учениковъ его. Такой же вѣнокъ былъ посланъ и Обществомъ Нестора лѣтописца, которое посвятило особое засѣданіе (4-го окт.) воспоминанію о заслугахъ своего преждевременно скончавшагося предсѣдателя. Погребеніе тѣла было совершено 14-го октября въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ, за алтаремъ главной церкви» ¹⁾).

А. А. Котляревскій былъ выдающимся и характернымъ представителемъ того періода въ развитіи нашей науки, который послѣдовалъ за первыми трудами нашей славистики и первыми вліяніями школы Гримма въ изученіи нашей народной старины. Его собственная дѣятельность не успѣла произвести того, къ чему клонились его стремленія: рано надорванный тяжелымъ недугомъ, онъ могъ вести свою работу только урывками, тѣмъ болѣе, что его научные интересы были очень разнообразны, простираясь отъ первобытной археологіи до новѣйшихъ явленій литературы. Первоначальную школу въ славистикѣ прошелъ Котляревскій подъ руководствомъ Бодянскаго и рано прибрѣлъ извѣстную самостоятельность, которая освобождала его отъ нѣкоторыхъ односторонностей учителя; это было тѣмъ болѣе возможно, что рядомъ онъ имѣлъ другого наставника, которому вообще былъ много обязанъ, въ лицѣ Ѳ. И. Буслаева, который въ это самое время, въ серединѣ пятидесятихъ годовъ, былъ въ полномъ расцвѣтѣ своей дѣятельности, и труды его, внушенные Гриммомъ, были въ нашей литературѣ настоящимъ открытіемъ и тѣмъ болѣе производили впечатлѣнія въ кругу ревностныхъ молодыхъ питомцевъ науки, какимъ былъ Котляревскій. Народная старина представала въ новомъ образѣ, какого до тѣхъ поръ не знала наша литература: съ великою поэтическою привлека-

1) Біографическій словарь профессоровъ университета Св. Владиміра, стр. 310.

тельностью новое изученіе представляло и широкій, ранѣе неподанный научный горизонтъ, — и при всѣхъ новыхъ задачахъ, какія возникали впослѣдствіи, Котляревскій до конца остался вѣренъ этому основному интересу. Нѣсколько позднѣе Котляревскій сблизился съ Срезневскимъ, который принялъ тогда участіе въ мудреномъ положеніи его дѣлъ и тѣмъ получилъ право на его признательность; но еще болѣе првлекало Котляревскаго уваженіе къ научнымъ заслугамъ и особенностямъ Срезневскаго — его обширныя знанія, соединявшіяся съ строгой, недовѣрчивой критикой, требованіемъ всесторонняго осмотра предмета, осторожность выводовъ и наконецъ высокое представленіе о достоинствѣ науки, чуждой всему эфемерному и современному.... Складъ научныхъ работъ и вообще взгляды Срезневскаго, за послѣдніе годы его дѣятельности, пріобрѣтали извѣстную исключительность, до сихъ поръ мало разъясненную; Котляревскій отчасти раздѣлялъ ее, хотя не дошелъ до ея крайностей.... Въ свои молодые годы Котляревскій переживалъ то знаменательное время нашей общественной и государственной исторіи, которое совпадаетъ съ первыми годами прошлаго царствованія. Естественнo было, что онъ, какъ вообще молодыя поколѣнія того времени, да и болѣе старыя и опытныя, былъ увлеченъ тѣми перспективами новаго порядка вещей, какія обѣщаль подготовлявшійся тогда рядъ реформъ, которыя составили славу прошлаго царствованія. Извѣстно, въ какомъ подавленномъ состояніи находились передъ тѣмъ наука и литература, единственныя формы дѣятельности, возможныя для общества ¹⁾. и понятно, что всѣ сочувствія болѣе образованной части общества и молодыхъ поколѣній направлялись къ этимъ новымъ формамъ общественной жизни, которыя должны были удалить старый застой и неправду. Впослѣдствіи высказано было не мало укоровъ тогдашнимъ увлеченіямъ и ошибкамъ, но очевидно, что увлеченія были

1) Объ этомъ напоминаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, касаясь біографіи Котляревскаго, по поводу перваго тома настоящаго изданія его сочиненій, въ Журналѣ министерства нар. просв. 1889.

порождены именно условіями предыдущаго времени, и справедливое историческое сужденіе могло бы постигнуть ихъ только въ этой тѣсной связи съ нимъ. Подобные упреки въ нѣкоторой степени были дѣланы и Котляревскому, хотя онъ собственно говоря, только очень рѣдко касался въ тѣ годы вопросовъ, волновавшихъ общество, оставаясь почти исключительно въ любимой области старины, народности, языка и литературы. Очень естественно, что на пространствѣ почти сорока лѣтъ, со времени появленія его первыхъ трудовъ, многое должно было измѣниться во взглядахъ общественныхъ, литературныхъ и научныхъ; но труды пятидесятихъ или шестидесятихъ годовъ должны быть судимы лишь въ исторической связи съ тогдашними явленіями. Мы не приложили бы къ нему упрека въ «шатаніи мысли», потому что цѣлый историческій моментъ тогдашней общественной и государственной жизни заключался въ стремленіи къ реформѣ, вопросъ о которой былъ совершенно недоступенъ для общества въ предыдущую эпоху и который потому засталъ не только общественные, но и государственные умы неприготовленными ¹⁾.

Первые труды Котляревскаго были популярно-критическаго характера въ области литературной исторіи, народно-поэтической старины и языка. Задача была въ томъ, чтобы содѣйствовать установленію тѣхъ новыхъ приемовъ изслѣдованія, какіе приносила новая школа: эти приемы еще не были достаточно сознаны въ средѣ самихъ специалистовъ и однако должны были многое отвергнуть въ томъ, что еще казалось авторитетомъ или было ходячимъ мнѣніемъ. Въ критическихъ статьяхъ Котляревскаго разбросано много вѣрныхъ и остроумныхъ наблюденій и замѣчаній, которыя свидѣтельствовали о критическомъ чутьѣ и большой начитанности. Таковы были его замѣчанія о трудахъ

1) Укажемъ для примѣра новѣйшія изслѣдованія по исторіи крестьянскаго вопроса и другихъ реформъ и массу изданныхъ мемуаровъ и переписки того времени, касающихся этого предмета.

Шевырева, Давыдова (еще въ то время авторитетныхъ), Ореста Миллера, Линниченка и др.; его замѣтки о тогдашнихъ изслѣдованіяхъ по этнографіи и археологіи, собранныя въ книжкѣ «Старина и народность»; таковы были впослѣдствіи его спеціальныя разборы «Поэтическихъ воззрѣній» Аванасьева и «Исторіи русской жизни» И. Е. Забѣлина и др. Въ трудахъ подобнаго рода онъ старался дать понятіе о цѣломъ состояніи науки (сравнительное языкознаніе, міеологія), къ которой примыкали наши изслѣдованія, что было для того времени совершенно ново въ нашей литературѣ и безъ сомнѣнія полезно при той отрывочности, съ какою обыкновенно проникали къ намъ вліянія европейской науки. Котляревскій принялъ свою долю участія въ тѣхъ трудахъ, которые дали тогда новое направленіе историко-литературному изученію: поставивъ на мѣсто преимущественно художественной критики временъ Бѣлинскаго критику реально-историческую, новыя изысканія расширили область наблюденія и дали впослѣдствіи болѣе широкую картину развитія литературы въ связи съ исторіей общества, съ проявленіями народной стихіи, и открыли вмѣстѣ съ тѣмъ связь и преемственность въ двухъ основныхъ періодахъ нашей литературы, которые прежній взглядъ разъединялъ Петровскою реформой на два разнородныя историческія явленія. Оспаривая прежніе неполные или устарѣлые приемы изслѣдованія, Котляревскій въ то же время рѣзко отвергалъ и тѣ новыя взгляды на старину и народность, которые носили въ ихъ объясненіи слишкомъ большую долю фантазіи, — каковы были нѣкоторые труды писателей славянофильскихъ, въ особенности комментатора «Пѣсенъ» Кирѣевскаго.

Основаніе Археологическаго Общества въ Москвѣ открыло еще новый путь для научныхъ интересовъ Котляревскаго: онъ принялъ не малое участіе въ установленіи разнообразной дѣятельности Общества, какъ своими трудами, такъ и сношеніями. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, онъ старался раскрывать и популяризировать общее содержаніе науки, которая и теперь, а тогда въ особенности разрабатывалась у насъ только отрывочно,

по вкусамъ отдѣльныхъ ученыхъ, необъединеннымъ въ цѣлое. Его диссертация «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ» служитъ образчикомъ его пріемовъ въ археологіи: въ изслѣдованіи предмета привлечены самыя разнообразныя источники: языкъ; историческія преданія, сохраненныя старою лѣтописью у разныхъ славянскихъ народовъ; преданія современныя, въ которыхъ сохранилась народная память древняго обычая; сохранившіеся археологическіе памятники древнихъ погребеній и пр., все это въ постоянномъ сличеніи, которое обращается кромѣ славянства также къ преданію и обычаю другихъ европейскихъ племенъ. Трудъ Котляревскаго былъ въ нашей литературѣ первымъ въ своемъ родѣ; онъ встрѣченъ былъ съ большими сочувствіями и въ литературѣ западно-славянской. Понятно, что и здѣсь дальнѣйшій ходъ науки указывалъ необходимость многихъ поправокъ; напримѣръ, Котляревскій считалъ еще возможнымъ пользоваться для археологическихъ цѣлей данными Краледворской рукописи, хотя въ то время были уже заявлены возраженія противъ ея древности; онъ и до конца не отвергалъ ея, хотя (въ кіевскихъ лекціяхъ) не признавалъ въ ней народнаго преданія и видѣлъ произволъ личнаго авторства.

Въ семидесятыхъ годахъ, живя за границей, куда привела его необходимость заботиться о возстановленіи здоровья, онъ велъ двойную работу—съ одной стороны, собирая матеріалъ по различнымъ отраслямъ славяновѣдѣнія (послѣ выхода изъ Дерптскаго университета онъ не терялъ надежды занять славянскую кафедру въ одномъ изъ русскихъ университетовъ), съ другой приготовилъ двѣ книги по древностямъ балтійскаго славянства. Одна изъ этихъ книгъ, о древностяхъ права, послужила ему докторской диссертацией: для нея подобранъ былъ обширный матеріалъ старыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и новыхъ изслѣдованій. Одни изъ критиковъ отнесли очень строго къ выводамъ автора, недостаточно опредѣленнымъ и даже разнорѣчивымъ; другіе встрѣтили съ большимъ признаніемъ трудъ, посвященный такой об-

ласти славянської древности, которая особливо нуждалась въ разработкѣ ¹⁾).

Внѣшность этой книги (общія и частныя заглавія) указывала, что Котляревскому хотѣлось дѣйствительно сдѣлать этотъ трудъ только началомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ томъ же направленіи, и въ нормальномъ положеніи вещей это не было невозможно (ему было тогда тридцать семь лѣтъ), но вскорѣ сначала опять болѣзнь, потомъ занятіе новой кафедрой отвлекли его къ другимъ задачамъ. Въ Кіевѣ онъ имѣлъ возможность поставить курсъ славяновѣдѣнія болѣе широко, чѣмъ могъ въ Дерптѣ. Его мечтой была энциклопедія славяновѣдѣнія: его лекціи въ Кіевѣ,—программа которыхъ выше указана и съ которыми мы имѣли случай ознакомиться ²⁾),—касались дѣйствительно самыхъ различныхъ сторонъ предмета, сообщали много систематически расположенныхъ и полезныхъ свѣдѣній; между прочимъ было постоянное стараніе указывать старую и новую литературу предмета, знаніе которой должно служить для начинающаго ученаго первой опорой собственнаго труда. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ Котляревскаго, какія были въ нашемъ распоряженіи, не сохранились имъ самимъ составленныя лекціи (если онѣ были): сохранилась только рукопись вступительнаго чтенія. — Выше упомянуто, какъ въ связи съ лекціями составилъ «Библіологическій Опытъ». По весьма вѣроятному указанію одного изъ біографовъ, эта работа была исполнена по принятому имъ способу со-

1) Упомянутая ст. г. Ламанскаго въ Журн. мин. пр., 1875; ст. Ганеля, Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, кн. XXXIII, Zagreb, 1875, стр. 208—227.

Любопытны въ статьѣ Ганеля замѣчанія о русской научной литературѣ: «*Ruska znanstvena literatura novije dobe tako se je pokazala netaknutom od upliva tudjega duha u načinu pisanja, kao ni jedna druga slavenska; ona nije preniela niti njemački, niti francuzki, niti talijanski način mišljenja te izraživanja misli na svoje pole, već se iztiče tako samostalnim narodnim karakterom, da ju možemo označiti zastupnicom čisto slavenske literature i u vanjskom obliku, te postaviti ju kao izgled slavenskoga načina razpravljanja znanstvenih pitanja*»...

2) Запись ихъ была намъ сообщена А. В. Стороженкомъ, тогдашнимъ слушателемъ Котляревскаго.

біранія бібліографическихъ и иныхъ данныхъ, по системѣ карточекъ, при чемъ требовалось только привести ихъ въ порядокъ и связать цѣльнымъ изложеніемъ. И этотъ «Опытъ» предполагался только началомъ другихъ работъ въ томъ же направленіи и на очереди стояло историческое изложеніе изслѣдованій о народной поэзіи: въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ заботился даже о томъ, чтобы найти помѣщеніе для этого труда (въ «Филологическихъ Запискахъ» или въ «Журналѣ министерства просвѣщенія»), на дѣлѣ эта работа не была исполнена, — готовъ былъ, вѣроятно, только ея фактическій матеріалъ. По выдержкамъ изъ писемъ мы видѣли, что тяжелый недугъ, въ самыхъ грозныхъ его проявленіяхъ, не заглушалъ въ Котляревскомъ его научныхъ интересовъ; до послѣднихъ дней онъ все работалъ, собиралъ матеріалы для трудовъ, которымъ видимо не суждено было осуществиться: глубоко трогательный примѣръ преданности дѣлу науки, которая была для него по истинѣ дѣломъ жизни....

Воспоминанія товарищей по кіевскому университету, собранныя въ «Поминкѣ», и воспоминанія другихъ товарищей по наукѣ, говорятъ о томъ, какъ глубоко чувствовалась ими и личная утрата и потеря для русской науки даровитаго дѣятеля. Воспоминанія учениковъ, съ давняго московскаго кадетскаго корпуса до кіевскаго университета, исполнены теплаго чувства къ преподавателю, котораго любовь къ наукѣ сообщала имъ возбужденіе къ труду, у котораго находили они разумную помощь и руководство. Въ исторіи нашей науки за Котляревскимъ останется почетное имя.

Богатая бібліотека, рѣдкая по своему составу, стала нынѣ достояніемъ Историческаго Музея въ Москвѣ. Сохранилось и другое наслѣдіе его трудовъ въ нѣкоторыхъ любопытныхъ рукописяхъ. Въ рукахъ Котляревскаго былъ достопримѣчательный сборникъ малорусскихъ думъ и пѣсенъ, составленный въ началѣ столѣтія неизвѣстнымъ любителемъ, и предшествовавшій или современный первому сборнику малорусскихъ думъ князя

Цертелева. По всей вѣроятности Котляревскій думалъ когда-нибудь обнародовать свою рукопись; но раньше онъ сообщалъ ее Н. И. Костомарову, который воспользовался ею въ своей «Исторіи козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» («Русская Мысль», 1880, 1883) и привелъ изъ нея нѣсколько отрывковъ; въ послѣднее время содержаніе этой рукописи, — заключающей десять варіантовъ извѣстныхъ думъ, три думы новыхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ собирателямъ, и нѣсколько пѣсенъ, — было издано и сопровождено комментариемъ въ книгѣ П. И. Житецкаго ¹⁾). Кромѣ того сохранилось въ бумагахъ Котляревскаго еще три сборника: одинъ, изъ первыхъ годовъ нашего столѣтія, заключающій малорусскія пѣсни и канты; другой, представляющій оригинальное собраніе свадебныхъ пѣсенъ, въ первоначальной черновой рукописи 1838 года; третій «Зъ надъ Збруча и Смотрича» — опять оригинальное собраніе малорусскихъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. неизвѣстнаго собирателя 1850-хъ годовъ. Первые два мы полагаемъ издать впоследствии; о происхожденіи третьяго желали бы собрать свѣдѣнія.

1) «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ». Кіевъ, 1893, стр. 177—249 (первоначально было напечатано въ «Кіевской Старинѣ»).

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

ДРЕВНОСТИ
ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА
БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНІЯ СЛАВЯНСКАГО ПРАВА.

А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

I.

Къ тому, что изложено во «введеніи» къ настоящему труду, мнѣ остается прибавить немного, именно:

- а] выразить сердечную благодарность моимъ чешскимъ друзьямъ, проф. М. Гатталъ, Я. И. Ганелю и А. О. Патеръ, помогавшимъ мнѣ и добрыми совѣтами и всякою другою, зависѣвшею отъ нихъ, помощью; и
- б] просить моего читателя о предварительномъ исправленіи опечатокъ находящихся на слѣдующей страницѣ ¹⁾.

Вторая часть сочиненія, надѣюсь, появится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени: она будетъ заключать «общественный бытъ» балтійскихъ славянъ, а равно и тѣ дополненія и поправки, которыя должны быть сдѣланы къ предлежащей первой.

А. Котляревскій.

Прага, 19 сент. нов. ст.

1) Въ настоящей перепечаткѣ труда А. А. Котляревскаго всѣ, указанные имъ въ изд. 1874 г., опечатки исправлены.

Оглавленіе I части.

1. Задача и методъ изслѣдованія. Источники.....	1— 18
2. Земля и народъ.....	18— 79
3. Древности права. Право. Обычай. Законъ. Постановле- нія власти.....	79— 85
4. Семейный бытъ.....	86—185
5. Собственность.....	185—196
6. Договоры.....	196—203

„moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior [Sclauis] poterit inueniri“... Adamus brem. II, 19.

„pollebant [Rani] multis naturalibus bonis. Erat enim apud eos hospitalitatis plenitudo, et parentum debitum exhibent honorem“... Helmoldus II, 12.

„Illi [Sclau] nichilominus bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes. Est namque huiusmodi genus hominum durum et laboris patiens, uictu leuissimo assuetum; et quod nostris graui oneri esse solet, Sclau pro quadam uoluptate ducunt. Transeunt sane dies plurimi, his [Saxonibus] pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima seruitute uarie certantibus“.. Wiedukindus II, 20.

„Fuit Sclauorum genti crudelitas ingenita, saturari nescia, impatiens ocii, uexans regionum adiacentia terra marique“... Helmoldus I, 52.

„Pomerani sclau est gens indomita, pugnaz et praeda uiuens... Hic usus et hic uictus et nichil pace molestius. Pyratice apparatu praedas exercent. Occidere ut occidi fortunam credunt“. Fragment. incerti auctoris.

Задача и методъ изслѣдованія. Источники.

Предметъ нашего труда — юридическій бытъ балтійскихъ славянъ, или вѣрнѣе — древности его.

Балтійскимъ славянамъ выпала и въ наукѣ недобрая доля: германизация осилила ихъ ранѣе, чѣмъ они успѣли создать и развить самобытную письменность. Какъ *славянское* племя, они исчезли, не оставивъ по себѣ никакого *славянского* наслѣдья, никакихъ памятниковъ быта ¹⁾, кромѣ собственныхъ именъ, безмолвныхъ, загадочныхъ развалинъ своей матеріальной культуры и безмолвныхъ могилъ съ ихъ загадочными сокровищами. Все, что исторія — а съ ней и наука — знаетъ о *погибшемъ племени*, объ устройствѣ и порядкахъ его быта — идетъ отъ чуждой руки и чуждаго, исполненнаго вражды и національной ненависти — сердца: нѣмецкихъ и датскихъ анналистовъ, гагіографовъ, слагателей сагъ. Ихъ извѣстія, по большей части глухія, случайныя, передающія только внѣшнее — даютъ лишь слабое понятіе о внутрѣнной жизни этой замѣчательной отрасли славянскаго племени. Если бы таланту и проницательности изслѣдователя и удалось свя-

1) Кромѣ немногихъ остатковъ вымиравшаго языка, случайно подобранныхъ трудолюбивыми нѣмцами въ 17—18 стол. Подробный библіографическій перечень этихъ сборниковъ читатель найдетъ въ статьѣ Hanuš'a: «Zur Literatur und Geschichte der slavischen Sprachen in Deutschland, namentlich der Sprache der ehemaligen Elbeslaven oder Polaben», въ Miklosich's Slavische Bibliothek, II, W., 1858, p. 109—140.

затѣ въ одно цѣлое эти отрывочныя свидѣтельства, его картина все таки осталась бы далека отъ полнаго и вѣрнаго дѣйствительности изображенія внутренняго быта народа, она имѣла бы механическую, искусственную, но не органическую, естественную цѣлость: въ ней недоставало бы многихъ существенныхъ частей, безъ которыхъ невозможно историко-органическое пониманіе предмета.

Располагая такимъ скуднымъ наличнымъ матеріаломъ и не уклоняясь отъ требованій исторической истины и достовѣрности, изслѣдователь, на нашъ взглядъ, долженъ опредѣлить свою задачу лишь подборомъ фактовъ и объясненіемъ прямого и скрытаго значенія и связи ихъ. При внимательномъ изученіи источниковъ—подборъ фактовъ можетъ быть исполненъ безъ особыхъ, чрезвычайныхъ затрудненій, но объясненіе значенія и связи ихъ представляетъ трудности, преодолѣть которыя нельзя съ помощью одной простой, наглядной логики или простого, разумнаго толкованія, примѣннаго къ данному матеріалу. Послѣдній слишкомъ—глухъ, неточенъ и запутанъ для того, чтобы можно было на основаніи его дѣлать положительные выводы. Его необходимо расширить.

Балтійскіе славяне — одна изъ вѣтвей сѣверо-западной отрасли славянскаго племени, генетически ближайшіе родственники поляковъ, лужичанъ и чеховъ и болѣе дальніе родичи славянъ юго-западныхъ и восточныхъ, хорутанъ, сербовъ, болгаръ и русскихъ. Это заключеніе, достаточно уже оправдываемое *языкомъ*¹⁾ и *географіей*, должно имѣть значеніе и для области нравственнаго и юридическаго быта.

Дѣйствительно, скажемъ напередъ — основы его у балтійскихъ славянъ и даже нѣкоторыя фазы дальнѣйшаго развитія, имѣя не мало общаго и со славянами юго-западными и восточными, го-

1) Schleicher: Laut und Formenlere der polabischen Sprache, Spb. 1871, pag. 17; Бодуэнъ де-Куртенэ: О древне-польскомъ языкѣ, до XIV ст., Лейп. 1870.

раздо ближе подходятъ къ польскимъ, лужицкимъ и чешскимъ. Разница тѣхъ и другихъ заключается только въ степени развитія; но не въ коренныхъ началахъ. Естественна, поэтому, мысль, что темнота и отрывочность въ показаніяхъ источниковъ исторіи балтійскихъ славянъ во многомъ должны объясниться и восполниться при сравнительномъ сопоставленіи ихъ съ извѣстіями источниковъ польскихъ, лужицкихъ и чешско-моравскихъ — и далѣе прочихъ славянскихъ вообще.

Отсюда, естественно, открывается необходимость сравнительнаго изслѣдованія предмета.

Въ примѣненіи къ области права — сравнительный методъ, сколько намъ извѣстно, стоитъ еще на весьма шаткихъ основаніяхъ: ему недостаетъ, какъ кажется, яснаго, опредѣленнаго понятія о цѣли, къ которой онъ долженъ стремиться, и правильно опредѣленныхъ приемовъ; онъ идетъ какъ-бы наугадъ, нетвердою дорогою, а потому и достигаетъ только нетвердыхъ результатовъ и случайныхъ успѣховъ. Положеніе — подобное тому, въ какомъ находилось сравнительное языкознаніе въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія...

Мы находимъ неумѣстнымъ распространяться здѣсь объ общихъ началахъ сравнительной юридической методологіи, но при такомъ состояніи вопроса, во избѣжаніе неточности и недоразумѣній, считаемъ не лишнимъ напередъ обозначить приемы, цѣль и границы нашихъ сравнительныхъ изслѣдованій и сопоставленій.

Имѣя въ виду частную задачу, разъясненіе юридическихъ древностей балтійскихъ славянъ, мы прежде всего собираемъ или сводимъ въ одно всѣ относящіяся сюда показанія источниковъ и предлагаемъ *первое* объясненіе ихъ по законамъ т.к. изв. *нижней критики*, обращающей вниманіе только на грамматическій и вещественный смыслъ текстовъ. Затѣмъ, мы обращаемся къ однороднымъ явленіямъ юридической жизни другихъ славянъ, поляковъ, чеховъ, лужичанъ и — въ случаѣ надобности — хорутанъ, сербовъ, и русскихъ, стараясь при этой помощи разъяснить то, что въ нашихъ источникахъ представляется темнымъ, недосказан-

нымъ или противорѣчивымъ, что требуетъ подтвержденій или дополненій. Богатый юридическій матеріалъ родственныхъ племенъ даетъ возможность пояснить, провѣрить и т. скз. очистить то, что уже прежде добыто нисшею критикой. Послѣ этого, какъ выводъ изъ предыдущаго — мы позволяемъ себѣ и нѣкоторыя общія заключенія объ историческомъ и культурномъ значеніи разсматриваемыхъ явленій, т. е. т. к. нзв. *высшую критику ихъ...*

Такимъ образомъ, *сравнительный приѣмъ изслѣдованія послужитъ для насъ объяснительнымъ средствомъ единственно по отношенію къ юридическимъ древностямъ балтійскихъ славянъ.* Последнія образуютъ не только средоточіе, но и границы нашихъ разысканій; потому мы оставляемъ вовсе нетронутыми тѣ явленія юридическаго быта прочихъ славянъ, о которыхъ нѣтъ воспоминаній или замѣтокъ въ источникахъ славянъ балтійскихъ, и существованіе которыхъ у нихъ не представляется неизбежно необходимымъ. Равнымъ образомъ, и весь однородный славянскій матеріалъ разсматривается нами только въ той мѣрѣ, въ какой онъ—прямо или косвенно—можетъ послужить къ уясненію юридическихъ древностей славянъ балтійскихъ.

Сознаемся, что не безъ раздумья и колебаній мы рѣшились на подобное ограниченіе круга изслѣдованій. Мы понимаемъ хорошо всю важность и завлекательность всесторонняго сравненія фактовъ юридическаго быта всѣхъ славянскихъ племенъ, но намъ казалось, что для такой работы еще не наступилъ урочный часъ, еще не готовы должныя матеріалы. Вотъ почему, желая разрѣшить частную задачу, мы сочли благоразумнымъ воздержаться отъ широкаго пути сравненій и предпочли дорогу узкую, открывающую гораздо менѣе заманчиваго разнообразія и интереса, но за то гораздо болѣе прочную и надежную.

Считаемъ необходимымъ опредѣлить и основную мысль нашего труда.

Право есть такой же *историческій памятникъ*, какъ и всякое другое проявленіе народной жизни и образованности, какъ языкъ, религія, поэзія, литература, нравы и обычаи. Потому,

точка зрѣнія на явленія юридическаго быта и оцѣнка ихъ могутъ и должны быть опредѣляемы общими требованіями и задачами исторіи культуры. Не думая отрицать пользы и значенія догматическихъ изслѣдованій въ области права, мы находимъ, однако, что такое существенно-важное свидѣтельство исторіи прежде всего требуетъ и разсмотрѣнія *историческаго*, прежде всего должно послужить цѣлямъ *науки исторіи*. На этомъ основаніи — не юридическіе институты сами по себѣ, не систематическая догматика ихъ, а жизнь народа, въ нихъ открывающаяся, его внутренняя исторія и образованность — составляютъ главный предметъ нашего вниманія и поисковъ. Мы стремились обработать тѣсный участокъ славянскаго юридическаго поля въ томъ смыслѣ, въ какомъ — *si liceat parva componere magnis* — гениальный Яковъ Гриммъ создалъ свое зданіе нѣмецкой юридической древности ¹⁾.

Въ наукѣ «Древностей» книга Гримма представляетъ не только доселѣ никѣмъ не превзойденный образецъ антикварно-юридическаго труда, но и превосходную трезвую школу, пройти которую полезно каждому, предающемуся однороднымъ изслѣдованіямъ. Она равномѣрно освобождаетъ и отъ фантастическихъ увлеченій и отъ узкой исключительности воззрѣній, мѣряющихъ явленія юридическаго быта средневѣковыхъ народовъ мѣрою и догматикой римскаго права, и пренебрегающихъ культурно-исторической стороною правныхъ обычаевъ и учреждений.... Пуритане-юристы нерѣдко упрекали нѣмецкаго ученаго въ излишествахъ, въ недостаткѣ системы, въ слабой оцѣнкѣ юридическихъ институтовъ. Такого упрека не сдѣлаетъ ему историкъ культуры, правильно понимающій требованія своей науки; напротивъ, онъ съ признательностью отнесется къ живому чувству исторической истины, которое вынесло Гримма изъ тѣсныхъ границъ школьной доктрины, и тѣмъ дало средства представить жизнь въ томъ

1) J. Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, Gött. 1828.

широкомъ просторѣ, въ какомъ она шла и совершалась въ самой дѣйствительности.

Гриммовы «Нѣмецкія юридическія древности» есть изображеніе древне-нѣмецкой правовой жизни и культуры на основаніи всѣхъ извѣстныхъ ему памятниковъ, какъ собственно юридическихъ, такъ и не юридическихъ: языка, поэзіи, литературы, историческихъ свидѣтельствъ, памятниковъ быта и пр. Такого богатства средствъ—мы не имѣемъ, какъ не имѣемъ и богатствъ таланта гениальнаго ученаго; но преслѣдуя въ маломъ объемѣ ту же цѣль въ отношеніи балтійскихъ славянъ, мы не задумывались пуститься въ путь за столь надежнымъ вождемъ, и сочтемъ свою задачу—выполненною, если, послѣ нашихъ усилій, прояснятся хотя нѣкоторыя стороны еще столь темной—славянской балтійской древности.

Культурно-историческая задача нашего труда дѣлаетъ необходимымъ два дальнѣйшія объясненія. Одно касается различія и границы между явленіями и фактами *юридическими и нравственными*; другое—вопроса о самостоятельности и заимствованіи извнѣ правовыхъ обычаевъ и порядковъ.

Для строгаго юриста явленія нравственной жизни и явленія жизни юридической—предметы совершенно различныя: первыя, какъ не основанныя на правовой идеѣ, какъ зависящія отъ движеній чувства или прихотливой воли, какъ, поэтому, непрочныя и измѣнчивыя—онъ вовсе исключаетъ изъ круга своего вѣдѣнія. Для его цѣлей имѣетъ значеніе только то, что признано правовымъ сознаніемъ за законъ, правду, за должное правило и порядокъ жизни, а равнымъ образомъ—за отступленія и нарушенія ихъ. Такого ограниченія едва-ли можетъ держаться историкъ культуры, изслѣдующій область правовыхъ явленій; потому что такого разграниченія явленій не знаетъ самая жизнь, особенно—въ эпохи болѣе далекія, предшествующія положительному кодифицированному законодательству. Изъ чего же образуется законъ и правило, какъ не изъ суммы нравственныхъ началъ и дѣйствій, сознанныхъ и возведенныхъ въ идею, т. е. признанныхъ за обязательную для

каждаго правду и истину? Безъ нравственныхъ основаній, безъ цѣлаго долгаго ряда предшествующихъ нравственныхъ поступковъ—не возможно и даже не мыслимо—никакое право, никакое правное дѣйствіе. Источникъ нравственныхъ явленій и явленій юридическихъ одинъ и тотъ же; разница ихъ заключается въ степени возраста или развитія: первыя содержатъ въ себѣ зародыши права и имѣютъ тѣ. скз. молчаливое признаніе, вторыя выражаютъ дѣйствіе гласно признаннаго и утвержденнаго права, потому и обнаруживаютъ болѣе прочное и постоянное вліяніе. Конечно, не всѣ явленія нравственной жизни имѣютъ способность получить въ дальнѣйшемъ правную силу и дѣйствіе; нѣкоторыя изъ нихъ навсегда остаются только въ нравственной сферѣ, но другія — и такихъ не мало — при дальнѣйшемъ движеніи исторіи, вырастаютъ и слагаются въ настоящее право. Далѣе, хотя право является вообще могучимъ двигателемъ жизни въ ея усовершенствованіяхъ, но какъ начало твердо установленное, постоянное, охраняющее, оно, по своей природѣ, консервативно и очень часто остается позади успѣховъ жизни. Образъ послѣдней, представленный на основаніи однихъ памятниковъ права, бываетъ, поэтому, нерѣдко образомъ идеально-запоздалымъ, стоящимъ не въ уровень съ движеніемъ жизни. Устранить этотъ пороки можно только тогда, когда мы обратимъ должное вниманіе на сферу явленій нравственныхъ, столь тѣсно связанныхъ съ наличною жизнью и столь рѣдко расходящихся съ нею.

Отсюда видно, что историкъ культуры лишилъ бы себя существеннаго и законнаго пособія, если бы, при разсмотрѣніи юридическаго быта, совершенно оставилъ безъ вниманія тѣ. нзв. нравственныя явленія. Его изображеніе вышло бы одностороннею и запоздалою картиною народной жизни.

Нѣтъ нужды распространяться о томъ, какъ важно и необходимо должно быть для насъ — точное опредѣленіе степени самобытности правовыхъ учреждений и порядковъ... Къ сожалѣнію, историко-юридическая наука въ этомъ отношеніи владѣетъ еще весьма недостаточными средствами. Исслѣдователи различаютъ

самобытное и извнѣ принесенное, слѣдую болѣе признакамъ вѣроятія или голосу предвзятыхъ мнѣній, чѣмъ строгаго, основаннаго на разборѣ дѣла—убѣжденія... Исходя отъ мысли, что какъ самостоятельное начало, такъ и заимствованія равно бываютъ присущи и необходимы въ жизни каждаго народа, но не желая преждевременно и легко рѣшать столь важные вопросы, мы ограничились указаніемъ нѣкоторыхъ данныхъ для такого рѣшенія и догадками изъ нихъ вытекающими. При этомъ, кромѣ прочихъ историческихъ соображеній, мы руководились тѣмъ, кажется несомнѣннымъ, правиломъ, что область семейнаго частнаго быта, гдѣ дѣйствуетъ и долго держится народное обычное право, гораздо менѣе открыта для стороннихъ вліяній и менѣе способна къ воспріятію ихъ, чѣмъ область общественныхъ отношеній и порядковъ, гдѣ властвуетъ воля единичныхъ лицъ, творящая непрерывно законы по своему усмотрѣнію.

Право есть столько же двигатель, сколько и результатъ исторіи народа, тѣхъ естественныхъ условій, среди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ онъ, и вообще его матеріальной и нравственной культуры. Эта старая, неоспоримая истина побудила насъ дать мѣсто вступительному обзорѣнію природы края, образа жизни и занятій народа, о которомъ идетъ рѣчь, основныхъ началъ его исторіи, нравственнаго быта и просвѣщенія. Назначенное служить объяснительною, вводною статьею къ послѣдующему разсмотрѣнію правовыхъ обычаевъ и учреждений, это *обозрѣніе*, само по себѣ, не могло не быть краткимъ: въ немъ представлены не изслѣдованія предмета, а только общіе выводы изъ такихъ изслѣдованій. Тѣмъ не менѣе, надѣмся — мы не упустили при этомъ ни одного важнаго факта изъ заслуживающихъ быть замѣченными. Выноски, сопровождающія наше изложеніе, есть возможно полное извлеченіе и указатель всего, что доселѣ извѣстно о древностяхъ матеріальнаго и нравственнаго быта балтійскихъ славянъ.

Остановимся теперь — на нашихъ ближайшихъ источникахъ.

Подробное обзорѣніе и критику источниковъ, относящихся

къ исторіи балтійскихъ славянъ, можно найти въ сочиненіяхъ Люд. Гизебрехта и Виггера ¹⁾. Мы укажемъ только то, что имѣетъ важность для нашей частной задачи и кратко обозначимъ степень этой важности.

«*Annales*» и «*Vita Caroli Magni*»—Эйнгарда († 840) ²⁾. Лицо, близкое къ Карлу Великому, Эйнгардъ не могъ не знать его отношеній къ славянамъ балтійскаго поморья, тѣмъ болѣе, что отношенія эти были не случайны и принадлежали къ *днламъ* Имперіи. Такое обстоятельство довольно ясно опредѣляетъ достовѣрность показаній франкскаго анналиста; но важность ихъ для насъ не особенно значительна: Эйнгардъ — лѣтописецъ политически государственнѣйшій, онъ знаетъ и излагаетъ только *событія* и вовсе, завѣдомо — не касается фактовъ внутренняго быта славянъ. О послѣднихъ приходится *заключатъ* изъ самихъ происшествій или изъ полуглухихъ терминовъ его классической рѣчи.

«*Res gestae Saxoniae*»—Видукинда (пис. около 967—8 г.) ³⁾. О поэтико-исторической Хроникѣ Видукинда можно сказать то же, что и о произведеніяхъ Эйнгарда; съ тѣмъ различіемъ, что, наблюдая славянъ среди борьбы и вражды съ саксами, онъ еще менѣе имѣлъ возможности отмѣтить такія событія, которыя позволяли бы заключать о порядкахъ славянскаго правнаго быта. Самое важное для насъ—его мѣткія замѣчанія о характерѣ славянъ о внутреннихъ причинахъ и побужденіяхъ борьбы ихъ съ саксами (II, 20).

«*Chronicon*»—Титмара, епископа Межиборскаго († 1018) ⁴⁾. Какъ бы ни были велики недостатки Титмара въ историческомъ

1) Lud. Giesebrecht: Wendische Geschichten. . . t. III, B., 1843, p. 277—398; Wigger: Mecklenburgische Annalen bis zum Jh. 1066, Schwerin 1860, 4°, p. 89 sq.

2) Pertz: Monumenta Germaniae historica, Scr. t. I, p. 124 sq.; II, 426 sq. и въ отдѣльныхъ изданіяхъ in usum scholarum. Vita Caroli M. издана и у Jaffé: Bibliotheca rerum germanicarum, t. IV. 1867. B. p. 619 sq. и отдѣльно.

3) Изданіе Waitz'a у Перца, въ Monum. Germ. hist., Ssc. III, 408 sq. и отдѣльно, 1861.

4) Изданіе Lappenberg'a у Перца въ Monum. Germ. hist., Ssc. III, 723 sq.

отношеніи, его Хроника имѣетъ для историка славянской культуры очень важное значеніе. По своему положенію, какъ членъ знатнаго рода, владѣвшій обширными помѣстьями въ землѣ славянъ, какъ епископъ славянской территоріи— Титмаръ былъ въ состояніи многое видѣть и многое слышать отъ стороннихъ очевидцевъ. Нечуждый политической и клерикальной нетерпимости¹⁾, онъ, однако не простираетъ ее до полного пренебреженія къ «язычникамъ» и передаетъ въ своемъ родѣ единственныя черты религіи и быта лютичей. Многія изъ его показаній оправдываются другими источниками, иныя же — еще нуждаются въ критическомъ объясненіи.

«*Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*» — Адама бременскаго (пис. ок. 1075)²⁾. Произведеніе Адама, основанное на многихъ письменныхъ и устныхъ достовѣрныхъ источникахъ, для насъ гораздо болѣе важно въ историко-географическомъ отношеніи, чѣмъ въ юридически-бытовомъ. Правда, бременскій магистръ сообщаетъ очень значительныя замѣтки о религіозныхъ древностяхъ славянъ, ихъ нравѣ, торговлѣ и отношеніяхъ племенъ между собою; но во внутреннее устройство и порядки жизни ихъ онъ не входитъ. Послѣдніе только кое-гдѣ виднѣются изъ-за разсказываемыхъ событій. Кажется, что Адамъ не располагалъ въ этомъ отношеніи достаточными свѣдѣніями; ибо онъ не преминулъ бы воспользоваться ими, какъ то сдѣлалъ въ своемъ образцовомъ изображеніи шведскаго быта (IV, 21—28).

«*Vita Ottonis episcopi bambergensis*» — произведеніе монаха Эбона (пис. ок. 1151 г.)³⁾. Важнѣйшую часть своихъ показаній

1) «*Quamuis de hiis (Лютичахъ) aliquid dicere perhorrescam, tamen... uanam eorum supersticionem inaniorumque populi istius executionem, qui sint uel unde huc uenerint, strictim enodabo*».. VI, 16.

2) Изданіе Lappenberg'a у Перца въ Monum. Germ. hist. Scr. t. VII, p. 267 sq. и отдѣльно, 1846.

3) По указаніямъ Клемпина (Baltische Studien Bd. IX, 1 Heft, Stet. 1842 p. 9—83). Көрке реставрировалъ памятникъ и издалъ его въ собраніи Перца, Monum. G. H. Scr. t. XII, 746 sq.; рецензія Jaffé въ V t. Biblioth. rerum german. 1869, p. 580 sq. и отдѣльно, Ber. 1869.

Эбонъ снялъ со словъ свидѣтеля непосредственнаго, священника Удальрика. Удальрикъ былъ прямой сотрудникъ и соучастникъ епископа Оттона въ дѣлѣ *вторичнаго*¹⁾ обращенія поморянъ въ христіанство и потому имѣлъ полную возможность довольно близко ознакомиться съ славянскимъ бытомъ. Можно думать, что наблюденія его были вообще богаты и разнообразны: но, пройдя монашескую кастигацію жизнеописателя (= Эбона), они сократились и обнажились отъ подробностей, не касающихся главнаго предмета. Тѣмъ не менѣе — и въ Эбоновой передачѣ они очень важны, представляя значительный запасъ фактовъ, относящихся ко внутреннему быту славянъ и сообщенныхъ отчетливо и вѣрно.

«*Dialogus de Ottone episcopo bambergensi*» — сочиненіе Герборда (пис. 1158—9 г.²⁾). Діалогъ Герборда служитъ какъ бы пополненіемъ труда Эбонова; но онъ — гораздо важнѣе его. Подобно Эбону — Гербордъ имѣлъ надежнаго руководителя, клерика Сефрида, также — свидѣтеля непосредственнаго, слугу и ближайшаго сотрудника Оттона во время *первой* поморской миссіи. Образованный литераторъ, далекій отъ узкаго монастырскаго пуризма своего предшественника, Гербордъ, кажется передалъ воспоминанія Сефрида *in extenso*, сообщивъ имъ только литературную форму. Сефридъ же былъ наблюдатель, какихъ бываетъ мало: со способностью живо схватывать и ясно удерживать въ памяти видѣнное онъ соединялъ необыкновенную любознательность, которая увлекается не однимъ *поразительнымъ*, но не брезгуетъ и *обыкновеннымъ* и вездѣ дѣятельно ищетъ новаго и хочетъ знать причины явленій. Оттого — такъ обширенъ кругъ его наблюденій, и они переданы такъ умно, живо и отчет-

1) Удальрикъ не могъ принять участія въ *первой* миссіи по причинѣ болѣзни.

2) Рецензія Көрке у Перца въ Monum. G. his. Scr. t. XX и отдѣльно 1868 рец. Jaffé въ Biblioth. rerum. germ. t. V и отдѣльно, В. 1869. Одновременно съ настоящимъ трудомъ появляется въ свѣтъ и наше особое изслѣдованіе о «Жизнеописаніяхъ» Оттона бамбергскаго въ отношеніи славянской исторіи и древности. Пр. 1874.

ливо! Мы нисколько не преувеличимъ дѣла, сказавъ, что изъ всѣхъ источниковъ внутренней исторіи балтійскихъ славянъ — ни одинъ, по важности своей, не можетъ быть поставленъ на ряду съ Гербордовымъ діалогомъ.

«*Chronica Slavorum*» — Гельмольда (пис. въ 1172 г.¹⁾. Будучи священникомъ въ Босовѣ (? въ Голштиніи), Гельмольдъ зналъ сосѣднихъ славянъ по личному опыту и личнымъ сношеніямъ съ ними: какъ миссіонеръ, онъ, кажется, прошелъ вмѣстѣ съ епископомъ Герольдомъ — Вагрію (I, 82—84²), многое видѣлъ, многое замѣтилъ и добросовѣстно передалъ въ своей Хроникѣ. Его извѣстія о руинахъ и бодричахъ идутъ, конечно, отъ стороннихъ свидѣтелей; но они достовѣрны не менѣе его собственныхъ. Количество свѣдѣній, сообщаемыхъ Гельмольдомъ по внутреннему быту славянъ, вообще довольно значительно, но большинство ихъ относится къ древностямъ религіознымъ и только немногія — прямо или косвенно — говорятъ о правомъ бытѣ и его порядкахъ.

«*Historia Danica*» — Саксона Грамматика (пис. между 1181—1208 гг.³). Саксонъ былъ клерикъ и писецъ знаменитаго архіепископа Абсалона. Онъ сопровождалъ послѣдняго⁴) въ походахъ противъ славянъ и, по его побужденію и подъ его руководствомъ — написалъ свою поэтическую Исторію. Собираетъ народныхъ преданій въ первыхъ X книгахъ, Саксонъ становится на болѣе твердую почву исторіи только съ XI-ой, а съ половины XIV-ой его произведеніе получаетъ всю цѣну со-

1) По рецензіи Lappenberg'a у Перца въ Monum. Germ. his. Scr. t. XXI и отдѣльно, Han. in 8°, 1868

2) Лаппенбергъ (Pref. p. 2) полагаетъ болѣе вѣроятнымъ, что Гельмольдъ не принималъ участія въ путешествіи Герольда, а только получилъ отъ него подробныя свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ, эта часть разсказа Гельмольдова писана или подъ диктантъ очевидца, или — самимъ очевидцемъ и участникомъ путешествія.

3) Рецензія Р. Е. Müller'a и J. M. Velschow'a, Hav. 1839—58, 2 v.

4) Такъ можно заключать изъ характера разсказа, носящаго на себѣ всѣ признаки очевидца.

временныхъ историческихъ мемуаровъ. Случайныя замѣтки о внутреннемъ бытѣ славянъ (руянъ, поморянъ и лютичей) встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ «Датской Исторіи»; но важнѣйшее находится именно въ XIV книгѣ, въ описаніи послѣдней борьбы руянъ съ датчанами за политическую и религіозную свободу. Весьма вѣроятно, что или самъ Саксонъ велъ подробный дневникъ всего происходившаго и видѣннаго, или пользовался подобнымъ дневникомъ главнаго героя событій, архіеп. Абсалона; — иначе трудно понять необычайную обстоятельность разсказа, сохранившаго такія мелочи, которыя очень легко забываются. Саксоново изображеніе быта руянъ и особенно религіозныхъ учрежденій ихъ — въ своемъ родѣ образцовое и по вѣрности и по отчетливости наблюденія; даже и тамъ, гдѣ онъ долженъ былъ довѣряться чужому голосу, онъ былъ счастливъ удачею, попадая къ руководителямъ знающимъ и правдивымъ. Хотя Саксонъ Грамматикъ не представляетъ прямыхъ указаній на порядки правнаго быта славянъ, но многія изъ отмѣченныхъ имъ явленій не мало способствуютъ къ объясненію ихъ.

*Грамоты*¹⁾. Этотъ родъ историческихъ источниковъ открывается одновременно съ открытіемъ достовѣрной исторіи балтійскихъ славянъ и умножается по мѣрѣ распространенія у нихъ христіанства и нѣмецкой колонизаціи. Древнѣйшія грамоты — всѣ безъ исключенія — нѣмецко-римскаго происхожденія: по

1) Мы пользовались слѣдующими собраніями грамотъ: *Meklenburgisches Urkundenbuch*, hrsg. v. d. Verein für meklenbur. Geschichte und Alterthums-kunde, Bd. I—II, Schw. 1863—4, 4°; *Codex Pomeraniae diplomaticus* ed. Has-selbach et Cosegarten. t. 1, Gr. 1843—1862, 4°; *Pommersches Urkundenbuch*, bearb. u. hrsg. v. Klempin, t. 1, Stett., 1868, 4°, содержитъ въ себѣ пересты дополненія и исправленія къ *Codex*’у Козегартена; *Urkunden zur Geschichte des Fürst. Rügen unter den eingebornen Fürsten*, hrsg. und mit erläuternden Abhandlungen.. begleitet von C. G. Fabricius t. I—II, Str. 1841—1843. Въ сборникѣ Dreger’a: *Codex diplomaticus oder Urkunden, so die Pommersch. Rugianischen etc...* Stett. 1748 — для насъ была важна лишь одна грамота 1249, данная Яковомъ, папскимъ легатомъ и намѣстникомъ въ Польшѣ, Пруссіи и Помераніи, стр. 286 sq; остальные всѣ вошли въ собранія Козегартена и Клемпина.

большей части — это жалованные и утвердительные акты на земли и трибутъ епископскимъ діоцессамъ, аббатствамъ, монастырямъ и церквамъ, идущіе отъ папъ, императоровъ, королей и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ властителей. Грамоты туземныхъ, славянскихъ князей начинаются только со времени officialнаго принятія христіанства и заведенія нѣмецкихъ порядковъ. Характеръ ихъ — тоже церковно-административный. Жалованные акты городамъ возникаютъ еще позднѣе. Древнихъ частныхъ гражданскихъ актовъ, договоровъ и сдѣлокъ — нѣтъ вовсе. Какъ бы ни была значительна и высока *историческая* важность грамотъ, для эпохи предшествовавшей введенію христіанства, для внутренняго быта ея — онѣ даютъ очень не много, одни случайныя, отрывочныя указанія и неясные намеки! Исследователь языческой культуры славянъ стоитъ здѣсь на чрезвычайно зыбкой почвѣ: отъ поздняго онъ долженъ дѣлать заключенія о древнемъ. Покаместъ онъ имѣетъ дѣло съ древней топографіей и бытомъ экономически-хозяйственнымъ — его заключенія могутъ быть и обильны и тверды; но, вступая въ область внутренней жизни, правовыхъ отношеній и порядковъ, ему приходится съ безотраднымъ трудомъ собирать мелкія крохи и ежеминутно осматриваться, чтобы не сдѣлать ложнаго шага, не усвоить старинѣ — новыхъ и чуждыхъ ей порядковъ . . . Конечно, христіанство и германизация внутренне не скоро измѣнили исконный строй славянской жизни: старые обычаи и учрежденія еще долго жили и правили жизнью, но — совершенно въ другой области, чѣмъ та, которой касаются «грамоты». Грамоты — есть выраженіе новаго церковно-officialнаго быта, а послѣдній могъ представить очень мало такого, что связывалось бы съ старыми порядками язычества, или указывало на нихъ. Указанія — есть, но, повторимъ, немногія и глухія. При употребленіи грамотъ, какъ источниковъ славянскаго быта — необходимо было имѣть въ виду *древность и происхождение* ихъ. Мы ограничались только *древнѣйшими* актами, приблизительно до половины тринадцатаго столѣтія. Ограниченіе, конечно — произволь-

ное, но оправдываемое тѣмъ, что съ этого времени въ юридической жизни балтійскихъ славянъ наступаетъ полный перевѣсъ нѣмецкаго начала. Славянскій бытъ еще свѣтитъ кой-гдѣ и потомъ, но такимъ тусклымъ, блуждающимъ огнемъ, что довѣряться ему — опасно. Касательно происхожденія памятниковъ — замѣтимъ, что мы отдавали предпочтеніе актамъ туземнымъ и менѣе полагались на грамоты римско-нѣмецкія: первые, по крайней мѣрѣ — стоятъ на родной почвѣ и исходятъ отъ дѣйствительности, вторыя нерѣдко составлены по готовымъ канцелярскимъ формулярамъ, общимъ для всѣхъ странъ и народовъ, куда простиралась власть духовныхъ и свѣтскихъ правителей.

Таковы наши *главные* источники. Менѣе значительныхъ, а равно и польскихъ и чешскихъ пособій — не указываемъ особо: они обозначатся — каждый въ своемъ мѣстѣ и при своемъ случаѣ.

Не можемъ, однако пройти здѣсь молчаніемъ еще двухъ пособій, изъ которыхъ одно было бы богаче и важнѣе всѣхъ прочихъ, если бы дошло къ намъ въ своемъ древнемъ, неиспорченномъ и непоблѣкломъ образѣ. Разумѣемъ языкъ. Когда нѣмецкая любознательность остановилась на языкѣ балтійскихъ славянъ и стала собирать матеріаль его, онъ находился въ періодѣ вымиранія — и не только въ отношеніи грамматическаго строя, но и лексикальнаго содержанія. Старые славянскіе термины правнаго быта и отношеній, не находя издавна поддержки въ жизни, исчезли почти безъ остатка; уцѣлѣли только слова, относящіяся къ хозяйственному быту, образу жизни и отчасти къ семейнымъ отношеніямъ. Указаніями языка мы такимъ образомъ могли пользоваться преимущественно въ первой, вводной части нашего труда, и очень немного, лишь въ двухъ-трехъ исключительныхъ случаяхъ — во второй. Слова и культурные термины нами указываются только такіе, которыхъ древность и относительная самостоятельность представлялись несомнительными и которые, потому, имѣютъ всю цѣну свидѣтелей быта и культуры славянскаго

періода жизни народа ¹⁾. Другое пособие — собственно археологическій матеріалъ. Запасы его, собранные трудами частныхъ лицъ и ученыхъ обществъ уже не малы, но ученая обработка его — вообще гадательна и рѣдко возвышается до степени исторической достовѣрности. Потому и самый матеріалъ еще не достигъ необходимыхъ условій историко-этнографическаго источника и можетъ быть принятъ во вниманіе только въ значеніи *спроутнаго, объяснительнаго* пособия. Если бы главною задачею нашего труда было разсмотрѣніе древностей матеріальной культуры балтійскихъ славянъ, то невниманіе къ этому пособию было бы явнымъ пробѣломъ и весьма чувствительнымъ недостаткомъ изслѣдованія; но служебное, вводное значеніе первой части труда, гдѣ разсматривается матеріальная культура — измѣняетъ характеръ вопроса. Имѣя цѣль представить только общіе выводы изъ *достоверныхъ* фактовъ, мы могли на этотъ разъ оставить археологическій матеріалъ почти нетронутымъ: отсюда не могло произойти никакой порухи или ущерба для дѣла, а скорѣе — прямая выгода опредѣленности.

Читатель видитъ скудость пособій, которыми мы располагаемъ... Пусть еще вспомнитъ онъ, въ какой недобрый часъ приходилось чужеземнымъ анналистамъ, историкамъ и миссіонерамъ наблюдать условія и порядки внутренняго быта балтійскихъ сла-

1) Ссылки на сборники, гдѣ находится какое нибудь слово — мы не считали необходимыми: довольно будетъ замѣтить, что матеріалъ извлеченъ нами изъ слѣдующихъ трудовъ; Pful — «Pomniki Polobjan Slowjanščiny» въ Časopis'ъ Mačicy serbskeje, 1863, p. 28—67, 69—138, Nro. 27, 28; 1864, p. 141—196, 199—241, Nro. 29, 30; Schleicher: Laut und Formenlere der Polabischen Sprache, Spb. 1871; Бодуэнъ-де-Куртенѣ: О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія, Лейп. 1870. Въ послѣднемъ сочиненіи обращено вниманіе и на слова, находящіяся въ грамотахъ балтійскихъ славянъ, впрочемъ — для цѣлей грамматическихъ. Что касается до фонетической передачи словъ, представлялось умѣстнымъ передавать ихъ русскимъ письмомъ въ *дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ* формахъ. Ошибки и неправильныя догадки были, конечно, при этомъ неизбѣжны. Чтобы ослабить ихъ и дать возможность найти болѣе правильныя формы, мы присоединяли къ гадательнымъ реставраціямъ и оригиналы, т. е. уродливыя формы, въ какихъ полабскія слова были переданы нѣмецкими собирателями.

вянъ.. Время было слишкомъ тревожное для послѣднихъ. Ожесточеніе борьбы возмущало и извращало обычный ходъ жизни, произволъ становился *правомъ*, право не находило простора для дѣйствія. Среди такого броженія изслѣдователю бываетъ иногда очень трудно найти и отличить въ источникахъ дѣйствіе временной исторической причины отъ обычныхъ поступковъ «по закону свату», отъ дѣйствій правовыхъ. Его отчасти выручаютъ пособія другихъ славянскихъ племенъ, которыя въ жизни были счастливѣе балтійскихъ и владѣютъ древними письменными памятниками своего права; но только — *отчасти*; ибо и здѣсь мы не найдемъ ни одного памятника (за вычетомъ русскихъ договоровъ съ греками), въ строгомъ смыслѣ принадлежащаго языческой эпохѣ. Древнѣйшія постановленія чешскаго и польскаго права носятъ на себѣ уже несомнѣнные слѣды христіанскаго, церковнаго вліянія, а чрезъ него и римскаго элемента. Далѣе. Область древне-славянскаго права такъ еще мало изслѣдована въ культурно-историческомъ отношеніи, что изслѣдователь почти во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ этого рода бываетъ представленъ своему собственному опыту и силамъ. По многимъ предметамъ онъ не только не найдетъ никакихъ удовлетворительныхъ объясненій, но даже и простого указательнаго сбора матеріала. До всего онъ долженъ доходить непосильнымъ собственнымъ трудомъ. Самый важный вопросъ, безъ основательнаго рѣшенія котораго все древнее право славянъ (а съ нимъ и культура ихъ) представляется въ какомъ-то сомнительно-непрочномъ освѣщеніи, вопросъ о вліяніи чужеземнаго права и учреждений на славянскія — едва затронуть...

Вотъ, если нужно, нѣкоторыя извинительныя причины тѣхъ недостатковъ, которыя, конечно — въ обилии, встрѣтятся читателю въ предлагаемомъ изслѣдованіи. Другія — падаютъ на личную долю и отвѣтственность автора. И онъ усердно проситъ всѣхъ не о снисхожденіи, а о справедливой строгости къ нимъ и исправленіи ихъ, потому что, говоря словами Яна Гуса: «a primo studii mei tempore hoc mihi statui pro regula, ut quotiescunque

saniolem sententiam in quacunqne materia perciperem, a priori sententia gaudenter et humiliter declinarem, sciens, quoniam illa quae scimus, sunt minima illorum, quae ignoramus». (De trinitate).

Земля и народъ.

Съ той поры, какъ начинаются твердыя свидѣтельства положительной исторіи, мы находимъ славянъ обладателями южнаго побережья балтійскаго моря, приблизительно — отъ Лабы по Вислу ¹⁾.

Обширный край этотъ во многихъ частяхъ своихъ находился еще въ первобытномъ состояніи и былъ мало воздѣланъ рукою человѣка: огромные, дѣвственные буковые и дубовые лѣса, непроходимыя пущи и болота тянулись и по окраинамъ и внутри страны ²⁾, сообщая ей характеръ дикой заключенности, уединенія

1) Стремясь доказать нравственную законность и необходимость германизации балтійскаго поморья, нѣкоторые изслѣдователи утверждали, что основное населеніе страны — испоконъ вѣка, непрерывно — было и оставалось *нѣмцами*, что дружины славянъ, покоривъ его, составили высшее, численно незначительное сословіе его, которое, въ качествѣ представителя, скрыло отъ глазъ исторіи германскую природу и языкъ нисшаго слоя, основного народонаселенія. Съ особенною обстоятельностью эта гипотеза изложена и развита К. Ф. Фабриціемъ (см. его ст. «Über das frühere Slaventhum der zu Deutschland gehörenden Ostseeländer» Schw. 1841, а также и въ VI т. Jahrbücher d. Vereins f. meklenb. Gesch. u. Alterthumskunde, p. 1—59) и поддерживается братомъ его, извѣстнымъ издателемъ «Руянскаго Дипломатарія» (Urkunden zur Gesch. d. Fürst. Rügen, II, p. 36—7, 44, 72—4; cf. *его же*: Studien zur Gesch. der Ostseeländer. II, В. 1859, p. 3). Патріотическая гипотеза эта встрѣтила, однако, такое основательное опроверженіе со стороны Козегартена (Codex Pom. diplom. p. 316—321) и Боля (ст. «Ueber die Volkssprache der Nordwestlichen Slavenstämme» въ Jahrbücher des Vereins f. meklenburgische Gesch. u. Alterthumsk. Jhrg. IX, Schw. 1844, p. 1—17), что представляется совершенно излишнимъ снова вдаваться въ ея разсмотрѣніе. Ср. также Barthold: Geschichte von Rügen und Pommern, I, Н. 1839, p. 152.

2) Основательное разсмотрѣніе южнаго балтійскаго побережья въ естественно-историческомъ отношеніи читатель найдетъ въ книгѣ Barthold'a:

отъ сосѣдей и внутренняго разобщенія въ отдѣльных частяхъ. Обширная полоса земли, окруженная съ сѣвера моремъ, съ запада, юга и востока пустошами и дремучими лѣсами, представляла много естественнаго разнообразія, много благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій для дѣятельности человѣка. Природа вообще щедро одѣлила ее своими дарами: твердая обитаемая почва отличалась необычайными богатствами, рѣдкимъ обиліемъ водъ, большихъ и малыхъ рѣкъ и озеръ, рѣдкою роскошью растительности, плодородія и живности. Свидѣтели почти не находятъ словъ, чтобы достаточно изобразить богатство естественныхъ произведеній края. Адамъ бременскій передаетъ молву своего времени, что «Славанія» очень богата полевыми плодами ¹⁾, Адельготъ, епископъ магдебургскій (ок. 1110), говоритъ, что страна язычниковъ (т. е. славянъ) обильна мясомъ, медомъ, мукою и птицею, и — если воздѣлать ее, то богатства ея будутъ таковы, что съ ней несравнится никакая иная земля ²⁾; миссіонеръ Сефридъ съ явнымъ воодушевленіемъ отзываясь о Поморьѣ, что оно невѣроятно обильно рыбой, добываемой какъ изъ моря,

Geschichte v. Rügen etc. I, p. 5—85. О лѣсахъ и болотахъ «Славанія» говорятъ Widukindus, Res gestae, II, 4, III, 45; Adamus Brem: Gesta II, 18; Helmoldus, Chronica I, 37; Ebo, Vita Ottonis III, 4; Martinus Gallus Chronicon III, 1, у Бѣлѣвскаго въ Monumenta Poloniae hist. I, p. 464—5; Chronicon Pettershusan. у Раумера въ Regesta hist. brandenb. B. 1836, sub 1147 an. № 1108; Saxo Grammaticus, Historia ed. Mülleri, I, p. 883—4, 921, 976; а также и многія грамоты, напр. Cod. dipl. Pomer. № 33, 34, 36, 39, 40, 60, 61, 65, 69, 71, 81, 85, 86, 88 etc.

1) «Haec regio (=Sclauania) cum sit armis, uiris et frugibus opulentissima». Adami Br. Gesta II, 18.

2) «Gentiles isti (—Slavi) pessimi sunt, sed terra eorum optima carne, melle, farina, aubus et si excolatur, omnium de terra ubertate prouentuum, ita ut nulla ei possit comparari. Sic aiunt illi quibus nota est». Adelgorii-Epistola, пом. въ Martene et Durand: Veterum scriptorum amplis. collectio, t. I, Par. 1724, p. 627; скажемъ къ случаю, что сомнѣнія въ подлинности письма еп. Адельгорія, Raumer Regesta S. 1110 an. p. 126—7 — должны быть названы по малой мѣрѣ — недоказанными. Со стороны славянскаго быта эпистола даетъ скорѣе поводъ къ заключенію обратному.

такъ и изъ рѣкъ, озеръ, заводовъ и прудовъ: на одинъ денарь ¹⁾ можно было, по его словамъ — купить цѣлый возъ свѣжихъ, жирныхъ и вкусныхъ сельдей. Въ такомъ же изобиліи водятся и дичь: олени, дикіе быки и кони, медвѣди, вепри, свиньи и всякіе другіе звѣри. Здѣсь добывается въ изишество маслo отъ коровъ, молоко отъ овецъ, жиръ отъ барановъ и козловъ и медъ; обильно родится пшеница, конопля, макъ и всякаго рода овощъ — и если бы въ странѣ произрастали виноградная лоза, маслина, фиговое дерево, ее можно было бы назвать обѣтованною землею — по богатству плодоносныхъ деревьевъ... Вообще Сефридъ не знаетъ иной страны, которая предлагала бы обитателямъ такое обиліе рыбы, дичи, всякихъ хлѣбовъ и полевыхъ плодовъ, которая была бы такъ богата медомъ, пастбищами и травами ²⁾. Гельмольдъ называетъ обширную землю славянъ — богатою хлѣбомъ и удобствами тучныхъ пастбищъ, обильною рыбой, живностью и всякимъ добромъ ³⁾. Наконецъ, о природныхъ богатствахъ страны

1) «Серебряный денаръ» — *пenny* составлялъ 12 часть *solidi* или склязи т. е. равнялся $\frac{4}{15}$ нѣмецкаго новаго пфеннинга. См. пп. Ursinus'a къ его переводу *Dithmars Chronik*. Dresd. 1790, p. 320.

2) «*Piscium illic tam ex mari quam ex aquis et lacubus et stagnis habundantia est incredibilis. Carratamque pro denario recentis acciperes allecis; de cuius sapore uel crassitudine, gulositatis arguerer, si dicerem, quod sentio. Ferine: ceruorum bubalorum et equulorum agrestium, ursorum aprorum porcorum omniumque ferarum copia redundat omnis prouincia. Butirum de armento et lac de ouibus cum adipe agnorum et arietum, cum habundantia mellis et tricoli, cum canauo et papauere et cuncti generis legumine. Atque si uitem et oleam et ficum haberet, terram esse putares repromissionis propter lignorum habundantiam fructiferorum*». *Herbordi Dialogus* II, 41. «*Terra ipsa piscium et ferarum copiosam incolis prebet habundaciam; omnigenumque frumentorum et leguminum siue seminum fertilissima est. Nulla mellis feracior, nulla pascuis et gramine fecundior*». *Ibid* II, 1. cf. II, 21.

3) «*Quia autem terra (Wagirensium) deserta erat, misit (comes Adolfus) nuncios in omnes regiones... ut quicumque agrorum penuria artarentur, uenirent cum familiis suis, accepturi terram optimam, terram spaciosam, uberem fructibus, redundantem pisce et carne et commoda pascuorum gratia. Dixitque Holsatis et Sturmariis... «transmigrate in terram desiderabilem, et incolite eam, et participamini deliciis eius, eo quod uobis debeantur optima eius, qui tulistis eam de manu inimicorum*». *Helmsoldi Chronica*, I, 57. «*Confluerent de terris suis homines Teu-*

ясно свидѣтельствуютъ и дарственные грамоты туземныхъ князей: здѣсь колонисты приглашаются въ плодороднѣйшую землю, щедро одаренную плодами, скотомъ, птицею, рыбою, молокомъ и медомъ; имъ отдаются села и деревни со всѣми удобствами жизни: съ богатыми лѣсами, лугами, полями и рыбными ловлями ¹⁾).

На первый взглядъ можно подумать, что эти отзывы заключаютъ въ себѣ преувеличеніе ²⁾); но полная справедливость ихъ доказывается самой исторіей; ибо только имѣя въ виду природныя богатства края, можно объяснить себѣ, почему такъ долго и упорно стремились нѣмцы къ обладанію славянскимъ побережьемъ балтійскаго моря, почему, наконецъ — и (нѣмецкая) колонизація страны совершилась такъ охотно и быстро.

Распространеніе природныхъ богатствъ было, однако, не равномернѣрно. Приведенныя свидѣтельства имѣютъ въ виду счастливыя мѣстности; но не мало было и такихъ, гдѣ природа откры-

tonici ad incolendam terram (Sclauorum) spaciosam, fertilem frumento, commodam pascuorum ubertate, abundantem pisce et carne et omnibus bonis»... Ibid., I, 87. Въ другомъ мѣстѣ—о землѣ Глинянъ (Lini Linoges). .: «perlatum est ad Mistue, quod gens quedam foret e uicino, fertilis omnibus bonis»... ibid. I, 37; cf. Ibid. I, 12; Annales Quedlinb. s. a. 997. О рыбныхъ богатствахъ страны Гельмольдъ говоритъ во II кн. гл. 12; сравни Sax. Gramm. Hist. Dan. p. 857, 869, и многія грамоты, особ. Cod. № 46, 75 и Ebbonis Vita Ottonis III, 4.

1) ... «Nec uille licet inculte amenitate tamen situs. ubertate glebe. uenationis. aucupationis et piscationis copia, et pratorum abundantia cultis circumiacentibus non cedunt. Ipsa enim terra et circum eam maritima loca sunt fertilissima frugum ac pecorum et piscium. et siluosa et sicut scribitur de terra repromissionis lacte et melle manantia». Codex Pom. dipl. № 29, cf. № 50. О природныхъ богатствахъ страны говорится во многихъ грамотахъ.

Находимъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторые старые термины языка, обозначающіе предметы растительной и животной природы края: ими до нѣкоторой степени условливается движеніе самой культуры. Изъ родовъ деревьевъ извѣстны: *думбъ* (tumb, dumb)— въ собственномъ смыслѣ *quercus* и вообще дерево, какъ въ яз. древнеславянскомъ; *ядла* (jódla, gadela, jedla)—ель, *ясень* (joseña, gossin), *вольха* (wilscha), *липа* (leypo), *букъ* (boic, bauk), *бреза* (brésa, brese); изъ ягодъ: *молина* (moleiné), *смордлина* (smordeleine). Изъ звѣрей: *дивый волъ* (deiwa boala)—олень, *диwa корва* (deiwa korwò, — kurwa)—оленица; *диwa коза* (deiwa tjesà), *диwa свинья* (deiwa schweinang); *заялицъ* (sogans, sojangss, sogangs), *лисица* (leisseitz, leisséitska, leiseitzja, leiscitzja), *вепрь* (wiper), *вовакъ* (wauck, vuk). О дикихъ быкахъ см. Adami brem. Gesta IV, 31.

2) Barthold: Geschichte von Rügen und Pommern, I, p. 482 sq.

валась человѣку своею суровою, непривѣтливою стороною. Это, говоря словами памятниковъ — «loci horroris et uaste solitudinis», мѣста безплодныхъ пустынь, болотъ и дикихъ лѣсовъ¹⁾, занимавшихъ иногда очень значительныя пространства, мѣста, гдѣ тяжелый трудъ человѣка приносилъ лишь скудные плоды, гдѣ заботы и потребности его не имѣли простора и рѣдко шли далѣе заботъ о дневномъ существованіи.

Природа съ подобными разнообразными условіями не могла не обнаружить и соотвѣтственнаго разнообразнаго вліянія на бытъ и образъ жизни обитателей.

Естественная производительность края, съ богатымъ избыткомъ вознаграждавшая трудъ, способна была породить не одно домашнее довольство и благосостояніе, но и вызвать промышленную дѣятельность и торговую предприимчивость. Географическое положеніе страны вполне благопріятствовало этому: она занимала такъ сказать средину европейскаго материка, соединяя югъ и западъ съ сѣверомъ; большія рѣки облегчали сообщеніе внутри ея, соседнее море открывало далѣе свободный путь къ рынкамъ Даніи, Швеціи и русскаго Сѣвера. Торговая дѣятельность являлась какъ бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ природно-географическихъ условій и отношеній. Въмѣстѣ съ тѣмъ, на сѣверѣ, у моря жизнь необходимо должна была получить болѣе широкое развитіе, чѣмъ внутри страны и на окраинахъ: населеніе, стѣсненное съ запада и юга врагами, уходило отъ опасныхъ мѣстъ и стремилось къ морю, которое давало просторъ его дѣятельности и поощряло ее удачею. О послѣдствіяхъ торговыхъ сношеній и знакомства съ иноземными народами — нѣтъ надобности распространяться: они никогда не проходятъ даромъ, какъ вообще для образованности, такъ и для направленія частныхъ сторонъ народной дѣятельности; замѣтимъ только, что жесткость

1) Herbordi Dialogus II, 10; Meklenburgisches Urkundenbuch, № 100, 255; Codex Pomer. dipl. № 60, 105; Saxo Grammaticus Hist. p. 928.

народнаго характера и та суровая, независимая энергія его, которыми въ средніе вѣка такъ славно было имя «сѣверныхъ язычниковъ», кромѣ вліянія воспитательной школы исторіи (см. ниже, стр. 28 sq.) должны быть во многомъ объясняемы и постояннымъ общеніемъ народа съ моремъ и его опасностями; равнымъ образомъ — морскіе разбои славянъ были слѣдствіемъ столько же знакомства ихъ съ сѣверными викингами, сколько и географическаго положенія при морѣ, которое манило къ легкой добычѣ и въ своихъ безчисленныхъ заливахъ и островахъ открывало надежное убѣжище для пирата.

Слѣдуетъ однако сказать, что легкое удовлетвореніе нуждъ человѣка, поощряя трудъ и предприимчивость, увлекая мысль и силы его, могло имѣть и свою невыгодную сторону и произвести своего рода гибельную политическую и общественную безпечность и апатію: отдавшись самодовольно однимъ интересамъ, народъ легко забываетъ о другихъ, еще болѣе существенныхъ, особенно — если его природный характеръ наклоненъ къ беззаботности, если эти интересы требуютъ уступокъ и жертвъ нѣкоторыми удобствами, излюбленными обыкновеніями и привычками.

Не менѣе рѣшительно должно было быть вліяніе природныхъ условій тамъ, гдѣ они оказывались неблагоприятными для развитія соціальныхъ отношеній. Зброшенные судьбой среди болотъ, пустошей и лѣсовъ, отчужденные не только отъ иноплеменныхъ народовъ, но и отъ близкихъ родичей, нѣкоторыя племена неизбежно должны были одичать и остаться на весьма недалекой ступени соціальнаго развитія. Нравственное коснѣніе и консервативный застой бываютъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ такого уединеннаго положенія. Здѣсь уже рѣшительно нѣтъ мѣста для мысли и дѣятельности политической, для предпріятій общественныхъ: первыя ограничиваются мелкими раздорами и ссорами съ ближайшими сосѣдями, вторыя выражаются грабежомъ и разбоемъ. Соединеніе такихъ племенъ въ прочный соціально-государственный союзъ можетъ совершиться только посредствомъ вѣншей, чуждой силы, но не посредствомъ внутренняго, изъ

нихъ самихъ исходящаго, объединяющаго начала: до послѣдняго они не вырастаютъ.

Отмѣченныя здѣсь природныя вліянія, какъ откроется далѣе, вполне оправдались жизнью и исторіею балтійскихъ славянъ.

Взглянемъ теперь на *народъ*, обозначимъ важнѣйшія племена и мѣста жительства ихъ, ходъ ихъ исторіи, образъ жизни и характеръ.

Мнѣніе Шафарика, что балтійскіе славяне вышли изъ земель привислянскихъ и распространялись съ Востока на Западъ ¹⁾ — представляется вполне вѣроятнымъ, такъ — какъ на ближайшее родство ихъ съ вѣтвью славянъ привислянскихъ указываетъ уже самое тожество особенностей языка тѣхъ и другихъ. Но когда произошло это переселеніе, или вѣрнѣе — расселеніе, на это не существуетъ никакихъ положительныхъ указаній въ источникахъ ²⁾. Достоверная исторія знаетъ славянъ, какъ *обитателей* балтійскаго поморья, но не какъ — *населенниковъ пришельцевъ*.

Въ источникахъ VIII—XII в. страна носитъ этнографическое наименованіе *земли Вендовъ* (Vinedaland, Veonodland, Vindland), *Славіи*, *Славании* (Sclauia, Sclauania). Народы, сидѣвшіе на ней признаются свидѣтелями за народы одного рода и пле-

1) Šafařík: Slowanské starožitnosti, Pr. 1837, § 43, pag. 834 sq.

2) Домыслы Шафарика, Ibid. p. 836 sq., что такое переселеніе должно было произойти въ періодъ времени между III и V столѣтіями — заслуживаютъ, конечно, полнаго вниманія, но догадками, хотя бы и остроумными — нельзя замѣнить недостатокъ историческихъ данныхъ. Онѣ имѣютъ всѣ условія вѣроятности, но достоверными ихъ назвать нельзя. То же, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ сказать и о результатахъ попытокъ опредѣлить народность древнѣшаго индо-европейскаго населенія балтійскаго поморья: *вѣроятнымъ* представляется, что относительно древнѣйшіе обитатели страны были нѣмцы, но кто захотѣлъ бы итти далѣе этой вѣроятности, кто пріиметъ ее за доказанный историческій фактъ и на немъ захочетъ основать дальнѣйшія историко-этнологическія заключенія, тотъ поступитъ вопреки правиламъ строгой науки. Къ слову о спорномъ вопросѣ — замѣтимъ, что приверженцами мнѣнія о древнѣйшемъ славянскомъ заселеніи балтійскаго поморья являются люди, которыхъ уже никакъ нельзя заподозрить въ узкомъ славянскомъ патріотизмѣ, см. предисловіе Латама къ книгѣ Kemble *Norae ferales*, L. 1863; а также его изданіе и комментарій къ Тацитовой «Германіи».

мени, за ближайшихъ родственниковъ. Мы перечислимъ ихъ, слѣдуя направленію съ Запада на Востокъ, т. е. по предполагаемому старшинству ихъ переселенія.

Вагры (Wagri, Waigri, Waagi). Племя сидѣло въ крайнемъ сѣверо-западномъ углу между моремъ, рѣками Сваленой и Свентиной — съ одной стороны и Травной — съ другой. Часть племени помѣщалась на островѣ Фембрѣ (Imbria). Принадлежали Вагры къ слѣдующей этнографической особи Оботритовъ, какъ часть ихъ, или составляли отдѣльное цѣлое — изъ источниковъ не видно.

Оботриты (Abodriti, Apdrede, Abtrezi) — по толкованію Шафарика = *Бодричи*, простирались отъ р. Травны, Билой и Лабы, гдѣ проходилъ извѣстный «саксонскій предѣлъ» (limes Saxoniae), къ востоку по р. Варну. Племя подраздѣлялось на: а) *собственныхъ Оботритовъ*, называвшихся иначе *Ререгами* (Reregi) и занимавшихъ сѣверную часть страны; б) *Полабовъ* (Polabingi, Polabi), обитавшихъ между рр. Билой и Лабой до Звѣринскаго озера, рр. Стѣра и Эльды; въ источникахъ до нач. IX в. часть Полабовъ встрѣчается подъ именемъ *Смелдинговъ* (Smeldingi, Smeldington) — по Шафарiku = Смолинцы, они жили у нынѣшняго Дѣмица; наконецъ — в) *Варновъ* (Warnabi), сидѣвшихъ на востокъ отъ Ререговъ, между моремъ и р. Варной.

Особыя группы племенъ составляли: 1) *Линоны или Лины* (Linones, Linoges, Linaa, Linagda) — по толкованію Шафарика = *Глиняне*, обитавшіе на правой сторонѣ р. Лабы, около нынѣшняго Путлица; 2) *Древане* (Drevani), жившіе на лѣвой сторонѣ р. Лабы, насупротивъ Ляновъ; 3) *Бетенцы* (Bethenz, Bethenici) — по Шафарiku = *Вѣтници, Вѣтники*, о которыхъ извѣстно только, что они сосѣдили съ Линами и находились на восточномъ берегу р. Лабы; 4) *Моричане* (Morizani, Morize), область которыхъ простиралась отъ Плавскаго озера на востокъ до р. Гаволы и отъ верхней Неболы на югъ до Безунтскаго лѣса.

Лютичи, называвшіеся иначе — *Велетовыми* и *Вильцами* (Lutici, Leuticii, Weletabi, Wilzi) — сидѣли отъ рѣки Варны до

рр. Одры и Гаволы, а также — на островахъ Узномѣ и Во-лынѣ(?). Они дѣлились на четыре главныхъ племени: а) *Кичанѣ* (Kicinī), по объясненію Шафарика — Хижанѣ, обитавшихъ между моремъ и рр. Варной и Рекеницей; б) *Чрезпнянѣ* (Ciripani, Zerezpani), простиравшихся отъ тробельскихъ болотъ и р. Рекеницы до р. Пѣны и Неболы, и выше — до Парумскаго озера; в) *Редарей* (Riadri, Redari, Rederarii, Retharii) — по толкованію Шафарика — *Ратарей*, жившихъ отъ р. Пѣны до Одры въ пло-доносной холмистой странѣ нынѣшней Старьградской области, и г) *Доленчанѣ*, *Доленцовѣ* (Tholensani, Tholenzi), обитавшихъ на сѣверо-западъ отъ Редарей, между Доленскимъ озеромъ и р. Пѣною, въ Укермаркѣ.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Лютичами находились: 1) *Га-воляне* (Heuelli, Nehfeldi, Heueldun), называвшіеся иначе Стодо-рянами, — по рѣкѣ Гаволѣ и Спревѣ; къ нимъ принадлежали еще *Спреване* и *Брежане*; и 2) *Укране* (Vcgrani) — на востокъ отъ Доленцовъ и Редарей по рѣкѣ Укрѣ до р. Одры или помо-рянскаго (штетинскаго) озера; сѣверная отрасль ихъ(?) называ-лась *Ръчанами* (Riezani, Ritzani).

Ране или *Руяне* (Rani, Rugiani, Rugi, Raengjar) занимали островъ Рую или Руяну. Этнографически они, кажется, стояли ближе къ Поморянамъ, чѣмъ къ Лютичамъ.

Поморяне (Pomerani, Pomorani, Maritimi) сидѣли на огром-номъ пространствѣ отъ Одры до Вислы. Существовали-ли внутри этого племени какія частныя подраздѣленія — неизвѣстно; но въ политико-географическомъ отношеніи страна дѣлилась на двѣ почти равныя части: переднее и заднее Поморье, границей слу-жила рѣка Персанта ¹⁾.

1) Шафарикъ, Slow. star. p. 761—2, отдѣляетъ Поморянъ отъ прочихъ балтійскихъ славянъ и рассматриваетъ ихъ, какъ одну изъ вѣтвей племени польскаго. На это—сколько знаемъ—не существуетъ достаточныхъ основаній. Напротивъ, Поморяне всегда стояли ближе къ своимъ заодранскимъ родичамъ, чѣмъ къ полякамъ. Польскіе анналисты, Мартинъ Галлъ, Кадлубекъ и Богу-хвала—рассматриваютъ ихъ, какъ племя, совершенно отдѣльное отъ поляковъ.

Вотъ всѣ *важнѣйшія* племена балтійскихъ славянъ¹⁾. Кромѣ ихъ въ источникахъ упоминаются еще нѣсколько мелкихъ, какъ *Дошане* (Doxane), *Любичи* (Leubuzi), *Земчичи* (Zemzici), *Льтичи* (Liezizi), *Нелитичи* (Nielitici) и т. д.; но они извѣстны только по именамъ, и даже можно думать, что нѣкоторые изъ этихъ наименованій относились не къ племенамъ въ собственномъ смыслѣ, а къ округамъ, жупамъ или родовымъ поселкамъ²⁾.

Общее количество народонаселенія опредѣлить, конечно, невозможно; но въ источникахъ встрѣчаются нѣсколько указаній, которыя даютъ поводъ думать, что край, несмотря на многіе лѣса и пустоши, былъ вообще заселенъ не бѣдно. Такъ, Эйнгардъ замѣчаетъ, что Вильцы очень полагались на свою *многочисленность*, что въ походѣ Карла В. противъ чеховъ участвовали полчища *безчисленныхъ* славянъ. Въ битвѣ у Лунчина, по извѣстію Видукинда, сражалось *безчисленное множество* славянъ, однихъ убитыхъ было 120—200 тысячъ. О многочисленности

Попытка Доминика Шульца, см. его соч. *O Pomorzu zaodrzańskiem*, Warsz. 1850, р. 4—53, подтвердить доказательствами мнѣніе Шафарика—не выдерживаетъ строгой критики.

1) Кромѣ *лужицкихъ сербовъ*, которые хотя и были ближайшими родичами славянъ балтійскихъ, но, говоря строго, не должны быть къ нимъ относимы, какъ часть къ цѣлому.

2) Подробныя ссылки на источники для древней географіи балтійскихъ славянъ читатель найдетъ у Шафарика, *Slow. staroż.* р. 871 sq. § 44, извлеченія — въ «приложеніяхъ» с. 16, 17, 18, 19, 21, 22, 24. Со времени Шафарика, разсматривавшаго съ особеннымъ вниманіемъ эту часть славянскихъ древностей, вопросъ не много подвинулся впередъ. Лучшій *очеркъ* предмета принадлежитъ датч. Петерсену, въ его статьѣ: «Die Züge der Dänen nach Wenden», помѣщ. въ *Mémoires de la Société des Antiquaires du Nord*, Cop., 1836—39, р. 87—133. Петерсенъ слѣдуетъ преимущественно сѣвернымъ источникамъ. Сочиненія по тому же предмету Квандта: «Zur Urgeschichte der Pomoranen» и «Die Liutizen und Obdruten», помѣщ. въ XXII. t. *Baltische Studien*, 1863, р. 121—347, содержатъ въ себѣ много вѣрныхъ замѣчаній, но, къ сожалѣнію, страдаютъ отъ очень запутаннаго и неяснаго изложенія. Самый же важный трудъ принадлежитъ Виггеру, въ его книгѣ: *Mecklenburgische Annalen, bis zum Jh. 1066*, Schw. 1860, 4°, стр. 100—122, экскурсъ «Zur Topographie der Slavenländer». Пользуемся здѣсь случаемъ, чтобы указать на книгу Виггера, какъ на одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, рѣдкихъ явленій въ области науки Славянскихъ Древностей. Мы ей обязаны очень многимъ.

славянъ по разнымъ случаямъ говорить и другіе свидѣтели, Меттенскія анналы, Лиутпрандъ, Адамъ бременскій, Ордерикъ Виталій, Гельмольдъ¹⁾. Принявъ при этомъ къ свѣдѣнію показанія древнѣйшихъ грамотъ, изъ которыхъ рѣдка не называется множества селъ, деревень, угодій, рынковъ и корчемъ, мы, даже и тогда, когда въ приведенныхъ показаніяхъ захотимъ увидѣть преувеличеніе или фразу — кажется все-таки будемъ имѣть право заключить, что современники считали балтійскихъ славянъ народомъ очень многочисленнымъ, что страна ихъ (*regio Sclauorum*) была дѣйствительно — заселена не рѣдко, но крайней мѣрѣ — въ своихъ плодородныхъ мѣстахъ, по теченіямъ рѣкъ и озерамъ.

Переходя къ движенію исторіи балтійскихъ славянъ, считаемъ умѣстнымъ сдѣлать одно предварительное замѣчаніе.

Вмѣстѣ съ началомъ положительной исторіи средневѣковой

1) «*Gens illa (Wiltzorum), quamvis bellicosa et in sua numerositate confidens, impetum exercitus regii diu sustinere non ualuit*.. Einhardi Ann. s. a. 789; Imperator... aliam partem (exercitus) per Saxoniam dirigens ut... cum Saxonibus et innumerabilibus Sclavis... in Sclauos prorumperet».. Ibid. s. a. 805.

«Cum pauci non praeualerent aduersus innumerabiles reuersus est (legatus) ad exercitum, referens, quia barbari non plures haberent equites, peditum uero innumerabilem multitudinem... fuere qui dicerent barbarorum ducenta milia caesa», Widukindi Res gestae Sax. I, 36 (Корвейскіе и кведлинбургскіе Анналы, S. an. 920, 939 полагаютъ 120 тысячъ). «Duces gentis asperae Sclauorum... uenerunt... pugnatores quasi centum millia»... Annales Metens., apud Pertz Monum. G. h. I, p. 330.

«(Hugo) *Sclauorum gentem innumeram subiugauit*», Liudprandi Ant. An. III, c. 21.

«*Multa milia paganorum (Circipanorum) hinc inde prostrati sunt, plures abducti in captiuitatem*», Adami Brem. Gesta, III, 21.

«In ea (Leuticia) populosissima natio consistebat» etc. Orderici Vitalis Historia eccl. pars II, l. IV, c. 7, acc. Migne Paris, 1855, p. 317.

«*Conuenerunt omnes (Sclau) ... ut expugnarent Ranos, et fuerunt innumera-biles quasi arena maris*», Helmoldi Chronica, I, 38. cf. Herbordi Dialogus, II, 5.

О степени населенности края см. также любопытныя соображенія Билова въ его соч. Geschichtl. Entwicklung der Abgabenverhältnisse in Pommern und Rügen. Greif. 1843, p. 5—6 и Гизебрехта Wendische Geschichten, I, p. 14—15.

Европы ясно обозначились и условія, необходимыя для прочнаго историческаго существованія и развитія народовъ.

Это — *Государство и Христіанство*.

Вмѣ государственнаго союза и христіанской религіи все болѣе и болѣе становилось невозможнымъ достигнуть ни внѣшней крѣпости, ни мирныхъ связей съ другими народами. Сколь бы ни были велики мужество и отвага разрозненныхъ, чуждыхъ государственнаго наряда — племенъ, они не могли выдержать борьбы съ организованными силами враждебныхъ государствъ; какими бы природными доблестями и чистыми правами ни отличались язычники, все же они были дѣтьми погибели, отверженцами человѣчества и не могли войти въ дружественное общеніе съ христіанскими народами. Понятно, что выполненіе означенныхъ условій было обязательно для каждаго народа, желавшаго устоять среди борьбы и пользоваться выгодами мирнаго развитія. Иначе — ему предстояло неминуемое паденіе: безъ прочныхъ основъ государственнаго союза и христіанства — жизнь его должна была истощиться въ тревогахъ дня и безсильной борьбѣ за существованіе.

Изъ славянскихъ племенъ, населявшихъ западную Европу, чехи и поляки во время позаботились о своемъ будущемъ: рано принявъ христіанство и соединясь въ государственные союзы, они тѣмъ надолго обезпечили себѣ независимую исторію и выгоды безопаснаго существованія и развитія.

Иное находимъ у балтійскихъ славянъ.

Со временъ глубокой древности славянскія племена заняли балтійское Поморье и ближайшія къ нему земли между Лабою и Вислою. Вмѣстѣ съ добрыми качествами своей природы, общественнаго и семейнаго быта, они принесли съ собою въ новое отечество и исконные, роковые политическіе недостатки: безотчетную привязанность къ старымъ порядкамъ вообще и къ формамъ розничнаго политическаго существованія въ особенности, привычку жить интересомъ дня безъ заботы о будущемъ и какую-то врожденную антипатію къ политическому расчету и предпріи-

тію. Эти недостатки, усиленные и развитые б. м. вліяніемъ природныхъ условій, отзывались на ходѣ исторіи балтійскихъ славянъ печальными послѣдствіями. Несмотря на вопіющую потребность безопаснаго и прочнаго существованія, несмотря на убѣждающіе примѣры сосѣдей, они — какъ были, такъ до конца и остались въ язычествѣ, племенной розни и внутреннихъ усобицахъ, безъ дѣятельнаго сознанія шаткости своего положенія, безъ принятія мѣръ къ лучшему устройству его. Задачи времени — не были ими сознаны. Отвергнувъ христіанство и форму государственной жизни, окруженные отовсюду врагами, балтійскіе славяне оказались безъ кормила въ настоящемъ, безъ возможности имѣть будущее: всѣ пути къ дальнѣйшему независимому движенію въ исторіи были для нихъ закрыты. Имъ оставалось безцѣльное, исполненное смуть и тревогъ — настоящее, мсть за обиды и борьба со врагомъ за дневное существованіе.

Дѣйствительно съ тѣхъ поръ, какъ запомнить исторію, мы — находимъ балтійскихъ славянъ въ непрерывной борьбѣ съ сосѣдями, нѣмцами, позднѣе — съ датчанами и поляками. Откуда возникла эта многовѣковая кровавая славяно-германская тяжба, что было основнымъ двигающимъ началомъ ея — указываетъ знаменитый Видукинъ: «*transeunt sane, говоритъ онъ, dies plurimi his (i. e. Saxonibus) pro gloria et pro magno latoque imperio, illis (i. e. Slavis) pro libertate ac ultima servitute certantibus*» (R. G. S., II, 20). Для нѣмцевъ, какъ видно, вначалѣ это былъ вопросъ политическаго властолюбія и страсти къ корыстному поработенію, для славянъ же — вопросъ жизненнаго существованія, которое для нихъ не имѣло ни смысла, ни цѣны безъ свободы и независимости. Вотъ почему они, выражаясь словами того же историка, «*nichilominus bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes*» (ib.).

Завязанная борьба въ дальнѣйшемъ развитіи, усложнила и отчасти измѣнила интересы враждующихъ сторонъ. Выйдя на дорогу исторіи воспитанными среди насилій, славяне не могли уважать свободы и спокойствія сосѣдей: они платили тѣмъ же,

что получали. Набѣги и грабежи стали обычнымъ занятіемъ ихъ жизни. Какъ только затруднялись внутреннія отношенія имперіи, какъ только въ ней оказывались смуты и ослабѣвалъ порядокъ, такъ немедленно подымались полчища славянъ и производили свои опустошительные набѣги. Со времени паденія франскаго государства, нѣмецкія области жили въ постоянномъ страхѣ предъ «славянскимъ неистовствомъ». При такомъ положеніи не только затруднялись, но и становились почти невозможны прочные успѣхи гражданственности и дальнѣйшаго развитія. Да къ тому же еще — богатства земли «язычниковъ» влекли къ невольному искушенію и возбуждали корыстные инстинкты расы... Вотъ почему «славянское неистовство», необходимость смирить беспокойную, разрушительную энергію язычниковъ, овладѣть ихъ землею — были предметомъ серіозной заботы и предпріятій нѣмецкихъ императоровъ. Выполнить трудную задачу стремились различными путями: завоеваніемъ славянъ, введеніемъ и распространеніемъ между ними христіанства, наконецъ — поощреніемъ возникновенію и утвержденію среди нихъ государственной власти¹⁾. Мѣры оказались недѣйствительными. Мало того, онѣ только усилили «неистовство язычниковъ». Весь результатъ завоевательныхъ предпріятій нѣмцевъ въ славянскихъ земляхъ ограничивался *побѣдами и грабежомъ*. Славяне съ виду покорялись, обѣщали принять христіанство, жить въ мирѣ и платить дань; но какъ скоро побѣдители возвращались домой, побѣжденные снова принимались за прежнее удалое ремесло, не стѣсняясь данными обязательствами²⁾.

Покорить славянъ завоеваніемъ было невозможно. Сама дѣятельная, покрытая лѣсами и болотами, страна ихъ и огромное

1) Нѣкоторые, какъ напр. Оттонъ II и Конрадъ приходили даже къ рѣшенію вовсе истребить родъ сѣверныхъ язычниковъ, что было въ духѣ времени и національнаго характера, но не въ духѣ благоразумія и удобоисполнимости.

2) Этимъ слѣдуетъ объяснить, почему средневѣковые лѣтописцы такъ часто называютъ Славянъ: «infideles, mutabiles, perfidi, infidi», и т. д. Helm. I. 14, 25; Thietm. VI, 18. Annales Quedlinb., s. 997.

протяженіе, на которомъ сидѣли они, полагали тому необоримую преграду. Можно было опустошить нѣкоторыя, открытыя и доступныя, области ихъ можно было уничтожить, примучить и увлечь въ рабство десятки и сотни тысячъ людей, но этимъ достигалось совершенно противное тому, къ чему стремились. Оправившись отъ пораженія и подкрѣпивъ себя свѣжей силой другихъ родственныхъ племенъ, славяне снова подымались грозными мстителями за разоренную землю отцовъ, за убитыхъ или порабощенныхъ близкихъ. Къ жаждѣ добычи присоединилась неодолимая жажда мести.

Столь же безуспѣшны были попытки нѣмцевъ ввести христіанство и утвердить государственную туземную власть среди славянъ. Не смотря на политическій консерватизмъ и привязанность къ старой языческой религіи, какими отличались балтійскіе славяне, все же, быть можетъ, при другихъ условіяхъ эти попытки принесли бы добрые плоды, но съ ними вмѣстѣ входило столько постороннихъ своекорыстныхъ расчетовъ, столько началъ, враждебныхъ славянской жизни и разрушительныхъ для нея, что всѣ эти усилія нѣмцевъ могли вызвать только ожесточенное противодѣйствіе. Поэтому—несправедливо, думаемъ, поступаютъ тѣ историки, которые противодѣйствіе славянъ введенію христіанства и государственной организаціи объясняютъ одною привязанностью ихъ къ старымъ, исконнымъ порядкамъ жизни, однимъ духомъ политическаго и религіознаго застоя ¹⁾. Эти причины—были далеко не главными причинами противодѣйствія. Христіанство вносилось къ славянамъ не въ чистомъ видѣ, а съ римско-нѣмецкою идеею политическаго порабощенія и трибута: съ христіанствомъ и церковно-административнымъ раздѣленіемъ страны, своекорыстнымъ стремленіемъ нѣмцевъ открывалось широкое поле для жатвы. Лѣтописцы эпохи, Адамъ бременскій и Гельмольдъ, люди въ глубинѣ души преданные нѣмецкому дѣлу и искренно убѣжденные въ законной справедливости

1) Usinger: Deutsch-dänische Geschichte, B. 1863, pag. 27 sq.

славянскаго трибута, съ негодованіемъ говорятъ о чрезмѣрной жадности саксовъ къ добычѣ и деньгамъ, о томъ, какъ нѣмцы обременяли славянъ тяжелыми налогами и данью, какъ разоряли страну и тѣснили ихъ¹⁾. Понятно, почему въ умахъ славянъ идея новой религіи неразлучно соединилась съ идеею политическаго рабства, грабежа и мученій, почему они не только относились къ христіанству съ упорнымъ противодѣйствіемъ, но, даже и обращенные—снова отпадали въ темное язычество и рѣшались лучше погибнуть, чѣмъ быть христіанами и платить подати саксамъ²⁾.

1) «Bernardus dux, tam auitate humilitatis quam paternae religionis oblitus, primo quidem per *auaritiam* gentem Winulorum *crudeliter opprimens*, ad necessitatem paganismi coëgit». Adami brem. Gesta Hamab. ecclesiae, II, c. 46. «Sed cum diuerso modo et tunc et nunc in gente Winulorum dux et episcopus laborent, *duce scilicet pro tributo*, pontifice uero pro augenda christianitate laborantibus, uidetur mihi iam dudum studio sacerdotum christianam religionem ibidem conualuisse, si conuersionem gentis *auaricia principum* non praepediret», ib. II, 69. «Nostri cum triumpho redierunt, de christianitate nullus sermo, uictores tantum praedae intenti», ib. III, 21. «Audiui etiam, cum ueracissimus rex Danorum sermocinando eadem replicaret, populos Sclauorum iamdudum procul dubio facile conuerti posse ad christianitatem, *nisi obstitisset auaricia Saxonum*: «quibus, inquit, mens pronior est ad pensionem uectigalium, quam ad conuersionem gentilium». Nec attendunt miseri, quam magnum periculum suae cupiditatis luant, qui christianitatem in Sclauania primo *per auariciam turbabant*, deinde *per crudelitatem subiectos ad rebellandum coegerunt*, et nunc salutem eorum, qui uellent credere, *pecuniam solam exigendo* contempnunt». ib. III, c. 22 cf. II, 40. «Dux Saxonum Bernardus, totus auaricia infectus, Sclauos. . . tantis uectigalium pensionibus aggrauauit, ut nec memores Dei nec sacerdotibus ad quiquam essent beneuoli», etc. . . Helmoldi Chronica, I, 18. «Vnde cognosci potest Saxonum insatiabilis auaritia, qui. . . semper proniores sunt tributis augmentandis, quam animabus Domino conquirendis». Ibid. I, 21. . («Dux Henricus) in uariis expeditionibus, quas adhuc adolescens in Sclauiam profectus exercuit, nulla de Christianitate fuit mentio, sed tantum de pecunia». . Ibid. I, 68. Cf. I, 83, 88; II, 2, 5. Saxonis Gram. Hist. ed. Müller, I, p. 814—15.

2) Sclaui seruitutis iugum armata manu submouerunt, tantaque animi obstinatio, libertatem defendere nisi sunt, ut prius *maluerint mori, quam christianitatis titulum resumere aut tributa soluere Saxonum principibus*. Hanc sane contumeliam sibi met parturiuit infelix Saxonum auaritia, qui cum adhuc uirium suarum essent compotes, et crebris attollerentur uictoriis, non recognouerunt, quia Domini est bellum et ab ipso est uictoria, quin potius Sclauorum gentes, quas bellis aut pactionibus subegerant, *tantis uectigalium pensionibus grauauerunt*, ut diuinis legibus et principum seruituti refragari amara necessitate cogerentur», Helmoldi

То же должно сказать и о попыткахъ ввести и установить между славянами—государственный нарядъ. Переходъ отъ племенной розни въ организованное государство — вообще труденъ для народа, испоконъ вѣка привыкшаго къ неограниченной свободѣ: для него яснѣе стѣснительная, враждебная сторона государственныхъ порядковъ, чѣмъ выгоды ихъ. Здѣсь же, къ тому еще, онъ видѣлъ, что вмѣстѣ съ государствомъ вводилось и христіанство съ неизбежнымъ тяжелымъ трибутомъ, и подчиненіе нѣмцамъ, что послѣдніе покровительствовали утвержденію власти изъ корыстныхъ видовъ, «*tributis suis augmentandis*» — какъ говорить Гельмольдъ ¹⁾). Правда, у нѣкоторыхъ племенъ княжеская власть устанавливается и пускается, повидимому, твердые корни, но привязанность народа къ старому быту, къ старой розни долго не даетъ ей возвыситься до объединяющаго государственнаго значенія; князья почти всегда возвращаются на старый путь предводителей удалыхъ дружинъ, т. е. въ качествѣ воеводъ руководятъ набѣгомъ и добываніемъ добычи. Когда же войны съ Гейнрихомъ Львомъ и Польшею усилили и расширили кругъ дѣйствія княжеской власти, она пыталась соединить разрозненныя силы для отпора врагу, но время было упущено:

Chronica I, 25, 34. «*Principes nostri*—говорилъ Прибиславъ еп. Герольду—*tanta seueritate grassantur in nos, ut propter uectigalia et seruitutem durissimam melior sit nobis mors quam uita...*» etc. Ib. I, 83.

«*Qui (Wirikindus) protestatus plebem archiepiscopo suo Noriperto rebellem, eo quod duriori seruitutis iugo iam subiugare temptaret, nullo modo cogi posse fatebatur, ut ab eo doctrine uerbum reciperet; sed prius mortis occasum quam seruitutis huiusmodi onus subire paratam esse*». Ebbonis Vita Ottonis III, 3.

«*Apud christianos*—говорили Поморяне—*fures sunt, latrones sunt, truncantur pedibus, priuantur oculis et omnia genera scelerum et penarum christianus exercet in christianum; absit a nobis religio talis...*» Herbordi Dialogus, II, 26. Cf. ррм. 1158, Meklenb. Urk.-Buch. № 65; Adami brem. Gesta III, 50.

1) «*Principes Sclauos seruare solent tributis suis augmentandis*». Helmoldi Chronica, I, 56, cf. 65. «*Audientes uniuersi Sclauorum populi quod surexisset inter eos princeps, qui dicat subiacendum christianis legibus et tributa principibus soluenda, uehementer indignati sunt, conueneruntque omnes una uoluntate ut pugnarent aduersus Heinricum et statuerunt in locum eius, qui erat cristicolis oppositus omni tempore*». Ibidem, I, 34.

враги сложились въ крѣпкія государства, о твердыню которыхъ разбивались всѣ союзныя предпріятія поздно образумившихся славянъ.

Какъ видно, историческія обстоятельства сложились для балтійскихъ славянъ крайне неблагопріятно. вмѣсто того, чтобы пробудить ихъ отъ безпечности и застоя, они возвели ихъ инстинктивную привязанность къ старымъ порядкамъ и язычеству до сознательной политической апатіи, вмѣсто убѣжденія въ необходимости принятія христіанства и образованія государственнаго союза, они въ корнѣ подорвали ихъ довѣріе къ этимъ формамъ жизни, въ условіяхъ которыхъ единственно возможно было историческое развитіе.

Исторія балтійскихъ славянъ отсюда принимаетъ такъ сказать неисторическій характеръ: въ ней много энергическаго, иногда болѣзненнаго, движенія, но нѣтъ движенія впередъ, нѣтъ въ собственномъ смыслѣ политическихъ стремленій. Нескончаемыя домашнія убоицы, междуплеменные раздоры¹⁾, набѣги и грабежи сосѣдей и, наконецъ, борьба за независимое существованіе и законы отцовъ—вотъ основныя, вѣками повторяющіяся, явленія исторіи балтійскихъ славянъ въ періодъ ихъ политической самостоятельности.

Но пока въ этомъ безцѣльномъ броженіи совершаются судьбы ихъ, пока на это уходятъ лучшія силы племенъ, сосѣди — враги слагаются въ могучія, прочныя государства. На югѣ и западѣ съ распаденіемъ монархіи Карла Великаго — выступаютъ отдѣльныя средоточія мѣстныхъ силъ, отдѣльныя государства, на сѣверѣ укрѣпляется Данія, на востокѣ — Польша. Для всѣхъ ихъ — одинаково важенъ *славянский вопросъ*, одинаково видна не-

1) Это печальное явленіе, показывающее, какъ мало балтійскіе славяне понимали свое положеніе и необходимость дружнаго между собою союза—проходитъ черезъ всю ихъ исторію, cf. Einhardi Vita Caroli magni c. XII, *eo же* Annales s. 808; Widukindi Res gestae S. III, 54; Adami brem. Gesta III, 21; Helmoldi Chronica I, 21, 24, 71; II, 12; Saxonis Gram. Historia p. 833; Ebbonis Vita Ottonis, III, 5; Herbordi Dialogus III, 2, 31; Arnoldi Lub. Chronicon III, 4. etc.

обходимость положить ему немедленное рѣшеніе. Борьба принимаетъ постоянный и ожесточенный характеръ, когда среди нея мирно водворяется нѣмецкое хрістіанство. Оно рѣшаетъ побѣду, нерѣшенную оружіемъ; за утвержденіемъ въ странѣ его духовныхъ полчищъ — слѣдуетъ вызовъ нѣмецкихъ колонистовъ и быстрое усвоеніе чужеземныхъ общественныхъ и государственныхъ порядковъ, а за этимъ вскорѣ и оканчивается независимая исторія истомленныхъ борьбою балтійскихъ славянъ. Безпечное племя поплатилось за свою оплошность потерю родного языка и прирожденной народности.

Остановимся и сдѣлаемъ общій выводъ о вліяніи исторической жизни на бытъ и характеръ балтійскихъ славянъ: онъ, кажется, ясенъ.

Какими бы добрыми и мягкими свойствами ни отличалась природа племени, но постановленное среди такихъ тревожныхъ, раздражающихъ историческихъ обстоятельствъ, среди такой непрестанной суровой воинской обстановки, въ какихъ проходила жизнь балтійскихъ славянъ, оно неминуемо должно загрубѣть и утратить мягкость нравовъ. Постоянныя опасности существованія и несчастія ожесточаютъ и дѣлаютъ равнодушнымъ къ страданіямъ другихъ. Въ тревогахъ воинскаго быта менѣе возможно развитіе частной семейной жизни, чѣмъ общественной, менѣе имѣютъ мѣсто мирныя занятія земледѣлія, чѣмъ случайной добычи, менѣе признается способность мирнаго труда, чѣмъ способность внѣшней силы, отвага и удача. . . Наконецъ, при общемъ воинскомъ направленіи жизни, религія должна необходимо получить соотвѣтствующій грозный характеръ и особое развитіе. Ничто такъ не укрѣпляетъ суевѣрія, какъ неизвѣстность будущаго, невѣрность успѣха и страхъ неудачи. Отданный на произволъ судьбы язычникъ-воинъ естественно стремится найти опору въ своихъ богахъ и дѣлаетъ ихъ непосредственными участниками своихъ предпріятій; въ его бытѣ они имѣютъ несравненно болѣе дѣйствительное значеніе, чѣмъ въ прочной, подверженной незначительнымъ и мелкимъ случайностямъ, жизни мирныхъ племенъ.

Переходимъ къ образу жизни народа.

Съ той поры, какъ славянское населеніе балтійскаго Поморья становится извѣстно исторіи, оно живетъ уже въ формахъ полного и прочнаго осѣдлаго быта. Осѣдлая жизнь, можно думать, установилась здѣсь съ весьма давняго времени; по крайней мѣрѣ въ нравахъ, привычкахъ и наклонностяхъ народа, насколько они видны изъ источниковъ — нельзя подмѣтить никакихъ определенно-явныхъ слѣдовъ или живыхъ воспоминаній кочевой, броднической жизни. Войны и шедшее за ними «бремя невыносимаго опустошенія» нерѣдко возмущали спокойствіе осѣдлаго быта, вынуждая жителей оставлять насиженные гнѣзда и искать болѣе безопасныхъ убѣжищъ¹⁾; но это не было возвратомъ къ давно забытому, непосѣдному существованію номадовъ, а временнымъ волненіемъ массы или простою замѣною мѣста осѣдлости. Осѣдлыя привычки народа, его инстинктивная, безпечная привязанность къ старымъ мѣстамъ были столь сильны, что, по минованіи грозы, онъ нерѣдко собирался снова къ роднымъ опаснымъ пепелищамъ и возстановлялъ задержанное врагомъ теченіе прежней жизни, мало заботясь о томъ, что будетъ впереди²⁾.

Простѣйшимъ и, говоря исторически — первоначальнымъ видомъ осѣдлости была осѣдлость *сельская*³⁾. Потому ли, что свидѣтели не имѣли случая близко ознакомиться и вникнуть въ устройство славянскихъ сельбищъ, или потому, что послѣднія не представляли на ихъ взглядъ ничего особеннаго, отличнаго отъ нѣмецкаго строя, только извѣстія ихъ о формахъ сельской осѣдлости на балтійскомъ Поморьѣ ограничиваются одними голыми упоминаніями о нихъ. Свидѣтельства исторіи, зорко устремленные на *крѣпость и городъ*, какъ бы пренебрегаютъ *поселкомъ и деревней*: они обращаютъ на нихъ вниманіе только когда рѣчь

1) Ebonis Vita Ottonis, II, 18; III, 4; Herbordi Dialogus II, 13; Helmoldi Chronica I, 83, 88; II, 5; Saxo Gram. Historia I. XIV, p. 928.

2) Herbordi Dialogus II, 13, 38; Ebonis Vita Ottonis, II, 18.

3) Въ языкѣ сохранилось слово *сидлейште* (sideleist); хотя оно отмѣчено въ значеніи собственного мѣстнаго имени, но, нѣтъ сомнѣнія, употреблялось первоначально въ общемъ нарицательномъ смыслѣ мѣста осѣдлости.

зайдетъ о поземельной собственности, владѣніи и доходахъ съ нихъ, т. е. только въ общемъ юридически-экономическомъ отношеніи.

Соединивъ немногіе намеки и показанія источниковъ, касающіеся образованія, внѣшняго устройства и формы сельской осѣдлости у балтійскихъ славянъ, приходимъ къ слѣдующимъ, достовѣрнымъ или очень вѣроятнымъ, заключеніямъ.

По нѣкоторымъ мѣстамъ, а также среди лѣсовъ, пущей и топкихъ болотъ—населеніе жило разрозненно, отдѣльными поселками и хуторами, въ бѣдныхъ, непрочныхъ хижинахъ ¹⁾. Такой образъ жизни прямо вытекалъ изъ тревожныхъ историческихъ обстоятельствъ времени: расточенные и запуганные вторженіями враговъ и войнами, обитатели шли и садились врознь, укрываясь по безопаснымъ, уединеннымъ и мало доступнымъ пристанищамъ и основывая тамъ свои одинокія обиталища. Чѣмъ болѣе извѣстный край подвергался тревогамъ войны, тѣмъ шире въ немъ должна была быть распространена подобная форма розничной осѣдлости. Но какъ бы ни было, однако, значительно ея распространеніе, во всякомъ случаѣ ее нельзя разсматривать, какъ господствующую норму осѣдлаго общежитія балтійскихъ славянъ, или какъ типическое выраженіе степени бытового развитія народа: она—явленіе случайное, вынужденное частными условіями исторической жизни, но не коренной необходимый фактъ народной культуры. Источники очень рѣдко говорятъ объ этой формѣ осѣдлости: по ихъ указаніямъ господствующими родами сельскаго общежитія были *села* или *деревни* ²⁾, т. е. болѣе или менѣе об-

1) «(cruce signati) inuenerunt (trans flumen Alba) terram inuiam et ualde aquosam paludibus plenam, habitatores non simul commorantes, sed dispersos, ut non facile inueniri possent». Chronic. Petershus. apud Raumer Regesta his. brand. s. an. 1147, nn. 1108, p. 189.

«nec in construendis edificiis operosi sunt (Slauī) quin potius casas de uirgultis contextunt, necessitati tantum consulentes aduersus tempestates et pluuias», Helmoldi Chron. II, 18.

2) «uillae, uici, uiculi, rura»; въ языкѣ *съсь* (wās, wāas, wessi).

ширныя соединенія различныхъ семей или родовъ, сидящихъ на одной какой-нибудь мѣстности.

Большинство *сель* и *деревень* на балтійскомъ Поморьѣ, какъ кажется, образовалось путемъ не *родового нарощенія*, а *дружиннаго завладѣнія*, т. е. изъ частныхъ владѣній отдѣльныхъ лицъ, дружинниковъ, которые заняли свободную землю или овладѣли ею оружіемъ, и постепенно привлекли сюда насельниковъ ¹⁾. Были, впрочемъ, и сельбища *родовыя*, хотя съ достовѣрностью ихъ можно указать очень немного ²⁾. Образованіе новыхъ сель и деревень происходило также подъ вліяніемъ промышленныхъ и торговыхъ стремленій и вслѣдствіе централизаціи святилищъ и мѣстъ защиты ³⁾. Въ XI—XII вв. села и деревни славянъ на балтійскомъ поморьѣ представляли уже довольно развитую и устроенную форму жизни. Изъ грамотъ видно, что кругъ деревенскаго хозяйства не былъ тѣсенъ, къ нему принадлежали пастбища, охоты и рыбныя ловли, мельницы, различныя зданія, рынки съ корчмами, гдѣ производились торги и вимались пошлины, и т. п. Поземельная собственность деревень является опредѣленною довольно точными границами, что указываетъ на раз-

1) Такую догадку мы позволяемъ себѣ сдѣлать на томъ основаніи, что въ грамотахъ и прочихъ источникахъ балтійской древности встрѣчается поразительно мало деревень и сель съ *отечными*, патрониміальными окончаніями на *шито*, *ичь*, *ичи* и очень много съ суффиксами притяжательными. Подобная формація сельбищъ нашла бы себѣ непремѣнно соотвѣтствующее выраженіе въ именословѣ, какъ это мы видимъ у всѣхъ другихъ славянъ, преимущественно же юго-западныхъ. Явленіе заслуживаетъ быть замѣченнымъ; оно, какъ увидимъ, находитъ подтвержденіе и въ фактахъ юридическаго быта.

2) Латинскія формы грамотъ очень рѣдко позволяютъ различать патрониміальные суффиксы: *шито*, *ичи* отъ суффикса *шито*, *иче*; потому указать съ достовѣрностью родовыя селенія бываетъ очень затруднительно. Вотъ, впрочемъ, нѣкоторые изъ грамотъ: Slauboriz (Cod. Pomer. dipl. № 24, pas.), Sclat-kouiz, Spasceuz, Miriuz (ib. № 37), Zelizlauiz (№ 55), Miroslaucese (№ 29), Sorauitzi, Charnetiz (№ 60) etc....

3) Таковы по большей части селенія, находившіяся вблизи городовъ и крѣпостей. Каждая дарственная грамота называетъ ихъ въ большомъ количествѣ, см. напр. Codex Pomer. dipl. № 6, 7, 16, 24, 28, 37, 60, 69, 70, 73, 88 etc.; Saxo Gramm. Hist. p. 987; cf. Herbordi Dialogus II, 14, 26.

витыя аграрныя отношенія и условія¹⁾. Не всѣ села и деревни имѣли значительный объемъ: большинство, конечно, состояло изъ немногихъ дворовъ съ необходимыми службами; но существовали и сельбища обширныя, такъ можно заключать изъ показаній грамотъ, которыя довольно часто упоминаютъ объ отчужденіи въ пользу церквей и монастырей только *половины* или даже *третьей* части селъ и деревень²⁾. Что развитіе сельской осѣдлости балтійскихъ славянъ не было низкимъ, это видно—наконецъ, и изъ нѣкоторыхъ глухихъ упоминаній Гельмольда и Саксона Грамматика³⁾.

Если справедливо, что округлая, подковообразная форма деревень и селъ составляетъ прототипъ древне-славянской сѣверной осѣдлости, отличающій ее отъ нѣмецкой, то можно думать, что она была распространена въ это время на всемъ балтійскомъ поморьѣ; по крайней мѣрѣ замѣтные остатки ея встрѣчаются не въ одномъ Люнебургѣ, но и въ Мекленбургѣ и въ Помераніи⁴⁾.

1) «uillae cum appendiciis, utilitatibus, attinenciis, hoc est: areis, edificiis, mancipiis, terris cultis et incultis, pascuis, pratis, campis, exitibus et redditibus, siluis, uenationibus, aquis, aquarumque decursibus, molendinis, piscationibus, uis et inuis, cum foro, taberna et theloneo». Вотъ общія формулы, которыми грамоты очень часто обозначаютъ собственность и имущество деревень; см. напр. грам. 1182 г. у Козегартена, Codex. P. № 50, у Клемпина Urkundenbuch, № 90; cf. № 24, 26, 40, 43, 88, 86, 38, 58, 62, 77, 78, 105, 109 etc.; Meklenburgisches Urkundenbuch, I. № 22, 81—82, 95, 111, 113, 114.

2) Codex Pomeraniae diplom. I, № 24, 43, 56, 60, 73 etc. cf. Fabricius Urkunden, II, p. 35.

3) Helmoldi Chronica I, 14; Saxonis Gr. Historia l. XIV. p. 981, 983, 749, 763, 860, 892.

4) Jacobi: Slaven- und Teutschthum, Han. 1856; Fabricius: Studien zur Geschichte der wendischen Ostseeländer. B. 1859, II, p. 72; Hammerstein-Loxten: der Bardengau, Han. 1869, p. 633 sq. Вопросъ объ округлой формѣ деревень еще далеко не рѣшенъ. Сочиненіе Якоби есть трудъ фантаста, чуть-емъ, кажется, попавшаго на истину. Подковообразныя селенія находятся и въ Чехахъ, см. Wosel: Pravěk země české, P. 1868, p. 283. Находятся ли они гдѣ въ другихъ мѣстахъ, бывшихъ занятыми или занимаемыхъ славянами, и въ какой степени, — доселѣ мало изслѣдовано. А при такомъ положеніи вопроса — преждевременно и выводить рѣшительное заключеніе объ исключительной принадлежности славянамъ этого рода сельского устройства.

Относительно назначенія подобнаго устройства — вѣроятнымъ представляется мнѣніе Якоби, что цѣлью его было доставить жителямъ безопасность въ случаѣ нападенія враговъ и дикихъ звѣрей¹⁾).

Внутреннія уособицы и вторженія внѣшнихъ враговъ рано должны были вызвать въ населеніи страны заботу объ упроченіи своего существованія, о постоянной защитѣ. Слѣдствіемъ этого было возникновеніе укрѣпленныхъ мѣстъ, *крѣпостей* или *городковъ* (*castra, urbes, ciuitates*), за стѣнами которыхъ, въ случаѣ вражьяго нападенія, жители могли найти безопасное убѣжище. Городки возводились въ защищенныхъ самою природою мѣстностяхъ, большею частью — на возвышенностяхъ, среди болотъ: болѣе или менѣе пространныя площадь, пустая, или застроенная зданіями, обносилась округлымъ землянымъ валомъ, который иногда укрѣплялся еще частоколомъ и бревнами. Здѣсь обыкновенно помѣщались и святилища. Въ мирное время городки оставались пусты, но во время войны или нападенія враговъ, сюда собирались и сносили свое имущество жители и, подъ покровомъ боговъ, отстаивали свое существованіе и независимость²⁾. Чѣмъ болѣе страна подвергалась нападеніямъ, тѣмъ болѣе бывало въ ней городковъ: уже въ X столѣтіи у Оботритовъ ихъ было 53, у Вильцовъ — 95 и т. д.³⁾. Образецъ такихъ укрѣпленій пред-

1) Jacobi: *Slaven-und Teutschthum*, p. 60 sq.

2) Въ языкѣ удержалось наименованіе подобныхъ городковъ и мѣста ихъ: *горды* (*ghôrd, bgôrd, ggord, chôrd*) = замокъ, укрѣпленіе и *гордиште* (*chorteisde*). Ссылки на письменныя и археологическія извѣстія о городкахъ см. ниже, стр. 42—3, пр. 2—3.

3) Въ извѣстномъ географическомъ баварскомъ отрывкѣ 9—10 ст., «*Descriptio ciuitatum et regionum*» находимъ слѣдующія извѣстія о городкахъ балтійскаго поморья: «*Isti sunt qui propinquiore resident finibus Danaorum, quos uocant Nortabtrezi, ubi regio, in qua sunt ciuitates LIII. per duces suos partite. Vuilzi in qua ciuitates XCV. et regiones III. Linaa est populus, qui habet ciuitates VII. Prope illis resident, quos uocant Bethenici et Smeldingon et Morizani, qui habent ciuitates XI. Iuxta illos sunt qui uocantur Hehfeldi qui habent ciuitates VIII. Juxta illos est regio quae uocatur Surbi, in qua regione plures sunt, quae habent ciuitates L. . .*» и далѣе: «*Isti sunt qui iuxta istorum (scil. Merehanorum) fines resident. Osterabtrezi in qua ciuitates plus quam C sunt. . .*»

ставляютъ Аркона и Кореница на островѣ Руянѣ, обстоятельно описанныя Саксономъ Грамматикомъ¹⁾. Можно полагать, что и тк. изв. *городища*, разсѣянные во множествѣ по землямъ, занятымъ славянами — суть остатки подобныхъ религіозно-оборонительныхъ укрѣпленій²⁾.

Иной родъ укрѣпленій возникъ вслѣдствіе потребности обезопасить внѣшніе предѣлы страны: по границамъ земли и не вдалекѣ отъ нихъ возводились *особыя крѣпости* (*municipia, castra, urbes, castella*), снабженные уже постоянною стражею. Сюда также, по старому обычаю, при вѣсти объ опасности — стекались съ своимъ имуществомъ окрестные жители. Кромѣ того подобныхъ же укрѣпленія, въ виду потребности болѣе прочной защиты — строились и внутри страны — или цѣлымъ округомъ, или князьями и другими владѣтельными лицами³⁾. Въ исторически из-

Lunsizi, ciuitates XXX, Dadosesani, ciuitates XX. Milzane, ciuitates XXX. Besunzane, ciuitates II. Verizane, ciuitates X. Fraganeo, ciuitates XL». Слово *ciuitas* — едва ли здѣсь можетъ быть толковано въ другомъ смыслѣ, чѣмъ *крѣпостной городокъ, burg*. см. Виггеръ, loco citato p. 123. Географическія объясненія къ именамъ племенъ — см. у Ледебуръ: «Die slavische Völkertafel d. St. Emmeramer Handschrift», въ *Märkische Forschungen*, II, B. 1844, p. 72—82.

1) «Munimentum (sc. Arkon) habitatore uacuum serarumque duntaxat claustris firmatum, existimantibus indigenis, parum humanae tutelae egenum, quod praesentis numinis excubiis esset uallatum»... *Saxonis Gramm. Historia danica*, lib. XIV, p. 742; устройство Арконы ib. p. 822; о Кореницѣ ibid. p. 841 sq... «locus pacis tempore desertus».

2) Полезный сводъ извѣстій о славянскихъ городищахъ читатель найдетъ въ книгѣ Wosel'я *Pravěk země české*, P. 1868, p. 388 sq.. О лужицкихъ городищахъ отмѣтитъ любопытныя свѣдѣнія въ новомъ трудѣ Андрѣ: *Wendische Wanderstudien*. St. 1874, p. 98—132, ст. «Heidenschanzen und Steinwälle der Lausitz».

3) Einhardi Ann. s. an. 808; Thietmari Chronicon, I, 9; VIII, 4; Widukindi Res gestae III, 45; Annales Hildesheim. s. an. 995, 1093; Martini Galli Chronicon II, 3, 31, 44, 48; III, 1, 4, 18, 26; Herbordi Dialogus II, 5, 14, 19; III, 10; Ebonis Vita Ottonis II, 5, 6; III, 23; Helmoldi Chronica I, 18, 34, 48, 56, 62, 87, 88, 92; II, 2; Kadlubkonis Chronica II, 22, 24; III, 2, 6, 14; Arnoldi Lub. III, 4; VI, 13; *Saxonis Gramm. Historia*, p. 766, 830, 873, 879, 884, 891, 953, 981, 984; *Knytlinga Saga* c. 125, 127, 129. Рисунки старыхъ укрѣпленій см. *Cosegarteni Codex. Pomer. diplom. I*, p. 33—4 (Tab. I), 211; по литературѣ предмета должно указать слѣдующее: превосходный экскурсъ Виггера: «Wendische Burgwälle in Mecklenburg», въ его *Mecklenburgische Annalen*, p. 122—127 и статьи Гизебрехта старшаго: «Die Landwehre der Pommern und

вѣстное время на балтійскомъ Поморьѣ преобладають послѣдніе два рода укрѣпленій; защита посредствомъ небольшихъ земляныхъ *городковъ* относится болѣе ко времени предшествовавшему.

Съ теченіемъ времени, интересы развивавшагося общежитія, промышленности и торговли произвели существенныя измѣненія въ бытовомъ устройствѣ. Городки и крѣпости, отличенные удобствами природнаго положенія, привлекли къ себѣ постоянное населеніе, которое постепенно усаживалось вокругъ *тверди* или стѣнъ *старого города* (*castellum*, *argh*, *munitio*) и, разросшись до значительнаго количества, обводило свои жилища вторичнымъ укрѣпленіемъ, валомъ, палисадомъ, рвомъ, наполненнымъ водою. Такъ образовался *новый городъ* или *мѣсто*—въ древнемъ значеніи этого слова. Слѣдующіе притоки населенія селились уже за этими стѣнами и образовывали *подгородъ* (*suburbium*, *uicus*), которая, смотря по торговымъ и промышленнымъ отношеніямъ, получала болѣе или меньшій объемъ и нерѣдко также бывала обводима укрѣпленіемъ¹⁾. Все вмѣстѣ составляло *городъ*—въ обширномъ значеніи этого термина (*ciuitas*, *oppidum*, *urbs*).

der Polen zu Anfang des zwölft. Jhrhund». . . — въ Baltische Studien XI, H. 1, p. 147—190; «Das Pommersche Landwehr an der Ostsee», *ibid.* XII, II, 1—29; «Die Landwehre der Luitizer und der Pommern auf beiden Seiten der Oder», *ibid.* p. 105—117; «Luitizische Landwehre», *ibid.* p. 143—188; «Die Landwehre in Pommern», *ibid.* XII; I, p. 60—66; «Pommersche Landwehre östlich der Persante», *ibid.* p. 67—103; «Die Burgwälle der Insel Rügen», *ibid.* XII, II, 156—177; «Die Landwehre in Pommern», *ibid.* p. 178—184; «Burgwälle», *ibid.* XIII, II, 159—162; о городищахъ въ Мекленбургѣ можно найти много свѣдѣній въ повременникѣ: Jahrbücher des Vereins für Meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde, издающемся вмѣстѣ съ годовыми отчетами (Jahresberichte) съ 1836. См. также ст. Даниловича: «Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ городовъ» въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, т. IV, М. 1841, стр. 173 sq., 183 sq. и предисловіе Клемпина въ книгѣ Краца: Die Städte d. Prov. Pommern, p. IX sq.

1) Исторія образованія городовъ у сѣверо-западныхъ славянъ еще очень темна. Правильное изслѣдованіе предмета очень затруднено крайнею подвижностью и непостоянствомъ латинской терминологіи источниковъ, которые безъ различія обозначаютъ одними и тѣми словами и развитые *города*, и *крѣпости*, и *городки*, и *укрѣпленія*. Можно, конечно, ожидать многого отъ чисто археологическихъ разысканій, но до сихъ поръ—успѣхи ихъ незначительны. Лучшее, и доселѣ единственное, общее сочиненіе по внутренней исторіи славянскихъ

Таковъ, говоря вообще, былъ естественный ходъ образованія города у сѣверо-западныхъ славянъ. Первоначальнымъ зародышемъ его послужилъ *военный городокъ*, крѣпость, и, несмотря на всѣ дальнѣйшія видоизмѣненія своего устройства, несмотря на то, что городъ становится мѣстомъ обширнаго общежитія, промышленной и торговой дѣятельности, онъ долго удерживаетъ и значеніе оборонительной крѣпости—и еще долѣе, иногда даже до нашихъ дней, сохраняетъ въ своемъ строѣ ясныя слѣды такого происхожденія и былого военного значенія.

Такъ какъ для образованія и развитія города недостаточно однихъ твердынь, а необходимы и выгодныя природныя условія, способныя соединить населеніе, возбудить и поощрить интересъ его промышленной и торговой предприимчивости, то понятно, почему всѣ важнѣйшіе города балтійскаго Поморья сосредоточивались на сѣверѣ страны, у моря, при большихъ заливахъ, на островахъ, по теченію большихъ рѣкъ, впадающихъ въ море. Здѣсь открывался свободный путь къ иноземнымъ рынкамъ и вообще—просторъ для всякаго рода дѣятельности. Таковы были: Старъградъ—у Вагровъ; Микилинъ—у Оботритовъ; Дыминъ, Волегощъ, Узноимъ и Волинъ (славная Юмна, Винета)—у Вильцовъ; Штегина, Камина, Колобрега и Бѣлградъ—у Поморянъ. Хотя города балтійскихъ славянъ и не были собственно городами въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли теперь понимать значеніе этого слова, а скорѣе представляли распространенную форму поселеній религіознаго, военно-торговаго и промышленнаго харак-

городовъ принадлежитъ пок. проф. Даниловичу, это: «Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ до XIII столѣтія», помѣщ. въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, изд. г. Погодинымъ, т. IV, кн. 2—3, М. 1841, стр. 155—299. По исторіи поморскихъ городовъ можно указать на превосходный трудъ Kratz'a: *Die Städte der Provinz Pommern*, Ber. 1865, съ пред. Клемпина. Въ археологическомъ отношеніи полного вниманія заслуживаетъ монографія Геринга: «*Beiträge zur Topographie Stettins in älterer Zeit*» въ *Baltische Studien*, t. X, 1 Heft, St. 1844, p. 1—86. Мѣста изъ источниковъ о городахъ балтійскихъ славянъ указаны въ слѣдующемъ примѣчаніи.

тера, хотя сравнительно съ огромностью территоріи число ихъ можетъ показаться незначительнымъ, тѣмъ не менѣе они довольно близко удовлетворяли интересамъ общежитія той эпохи. Нѣкоторыя изъ городовъ были очень обширны, многолюдны и хорошо устроены, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ: они имѣли улицы, помосты, площади, большіе дома и всякія строенія, бывали обведены высокими земляными валами, которые укрѣплялись частоколомъ и другими деревянными сооружениями. О крѣпости славянскихъ городовъ неоднократно свидѣлствуютъ многіе писатели. Непобѣдимость твердынь Штетины вошла даже въ пословицу у сосѣднихъ народовъ ¹⁾.

При обиліи въ странѣ — рѣкъ и озеръ сношенія между мѣстами осѣдлостей происходили главнымъ образомъ — путями водными; впрочемъ, не было недостатка и въ устроенныхъ твердыхъ дорогахъ: грамоты и другіе источники перѣдко указываютъ такіе пути сообщенія, которые облегчались сверхъ того многими мостами. Забота о поддержкѣ послѣднихъ, какъ увидимъ далѣе, составляла важную статью общественной администраціи ²⁾.

1) Einhardi Ann. s. 789, 809; Widukindi Res gestae, I, 35, 36; II, 21; III, 45; Thietmari Chronicon I, 6; III, 9; VI, 17; VII, 15; Adami bremensis Gesta II, 12, 18, 57; III, 19, 50; Herbordi Dialogus II, 5, 24—6, 32, 34, 33; III, 1, 2, 4, 6—10, 14, 22, 24; Ebonis Vita Ottonis II, 1, 4, 7—9, 12, 15, 16; III, 1—3, 5, 7, 8, 15—17, 18, 20; Martini Galli Chronicon II, 2, 22, 28, 39; Kadlubkonis Chron. II, 22; III, 2, 6; Helmoldi Chronica I, 4, 9, 14, 16, 18, 48, 65; Arnoldi Lubic. Chronica II, 4; III, 7; Saxonis Gramm. Historia pp. 480, 763, 797—8, 817, 822, 831, 835, 857—8, 864; 866—7, 879, 890—2, 921—3, 985, 995; Annales Palid. s. an. 1164, 1177; Annales Hildesheim. s. an. 1110; Miracula beati Egidii apud Pertzium Monum. G. h. XII, p. 320. Объ устройствѣ городовъ см. приведенныя выше сочин. Даниловича стр. 189 sq. и Геринга р. 9—20.

Въ языкѣ, кромѣ вышеуказаннаго, *гордъ* — собственно замокъ, *burg* — употреблялось для наименованія города слово *вѣика* (weika, weicka).

2) Adami brem. Gesta II, 18, 19; Thietmari Chronicon IV, 9; Herbordi Dialogus II, 21, 25; III, 2; Ebonis Vita Ottonis: II, 9; III, 20; Codex Pomeraniae diplomaticus № 24 (Klempin's P. Urk. B., N., 48), 34 (61), 36 (62), 38 (68), 62 (110), 73 (127), 77 (103); Mecklenburgisches Urkundenbuch I, № 111, 223, 225 et cet. О мостахъ говорить очень многія грамоты, cf. Saxonis Gram. Historia. p. 798, 857—8, 864, 884, 924, 927. Въ языкѣ: *моустъ* (möst)=Dammstrasse; *стедзя* (stâcia, stazia)- стезя, дорога; *понтъ* (pünt, pungt, punct)- путь, дорога.

Какъ племя осѣдлое на плодородной, богатой почвѣ, балтійскіе славяне не могли остаться чуждыми *земледѣльческимъ занятіямъ*. Правда, по мѣрѣ приближенія къ положительной исторической эпохѣ, подѣ влияніемъ тревожныхъ обстоятельствъ жизни, при частыхъ опустошительныхъ вторженіяхъ враговъ внутрь страны, успѣхи земледѣлія затруднялись и слабѣли, и пахарь нерѣдко навсегда оставлялъ свои поля и становился промышленникомъ или пиратомъ¹⁾; правда, въ странѣ находилось еще много пустошей, лѣсовъ и болотъ, къ которымъ не касалась рука земледѣльца и которые впервые были воздѣланы уже нѣмецкими колонпстами²⁾; но тѣмъ не менѣе основное славянское населеніе было и удержалось земледѣльческимъ³⁾. Страсть къ легкому приобрѣтенію добычи и промысловая дѣятельность увлекали много силъ, но еще болѣе ихъ оставалось при исконныхъ занятіяхъ земледѣліемъ. Выше (стр. 19—20) мы имѣли случай привести свидѣтельства Сефрида о томъ, что Поморяне воздѣлывали пшеницу, коноплю, макъ, всякія сѣмена, овощи и плодовые деревья. Въ другихъ мѣстахъ своего итинерарія тотъ же свидѣтель-очевидецъ рассказываетъ о жатвахъ (серпами), какъ объ обыкновенномъ занятіи народа, о превосходномъ пивѣ, которое, конечно, выдѣлывалось изъ ржи или ячменя⁴⁾. Изъ хроники Гельмольда видно, что балтійскіе славяне не только имѣли обработанныя поля и запасы хлѣба, но и считались народомъ преимущественно *земледѣльческимъ*: подать, взимаемая съ нихъ въ пользу правительства, состояла главнымъ образомъ въ зерновомъ хлѣбѣ и льнѣ. То же

1) ... «recenti adhuc etate latrocinialis consuetudo adeo apud eos (Slaunos) inualuit, ut ommissis penitus agriculture commodis ad nauales excursus expeditas semper intenderint manus... Helmoldi Chronica, II, 13. cf. ibidem, I, 56, 83; II, 5.

2) Это ясно изъ нѣмецкихъ наименованій мѣстностей, гдѣ вторая часть термина состоитъ изъ слова — *hagen*. См. Wigger, въ Jahrbücher d. Vereins für mekl. Geschichte. Bd. XXVIII, 1863, Schw. p. 27.

3) Einhardi Ann. s. an. 808, 809.

4) Herbordi Dialogus II, 1, 23, 41; III, 4, 29; cf. Ebonis Vita Ottonis II, 6; III, 22.

подтверждаютъ и грамоты ¹⁾. Наконецъ, Саксонъ Грамматикъ много разъ упоминаетъ о жатвахъ, полевыхъ работахъ и хлѣбахъ Руянъ, Лютичей и Поморянъ ²⁾. Впрочемъ, если бы у насъ вовсе не было такихъ ясныхъ свидѣтельствъ, то достаточно и однихъ фактовъ религіозной древности балтійскихъ славянъ, чтобы утвердить за ними значеніе коренного земледѣльческаго народа. Религія и въ этомъ отношеніи служитъ вѣрнымъ показателемъ быта и культуры. Празднества балтійскихъ славянъ совершались въ *земледѣльческія годовщины*, весною — при посѣвѣ, и осенью — по сборѣ хлѣба; а существенная часть богослужебнаго обряда *состояла* въ гаданіи, предвѣщаніи и мольбѣ объ успѣхѣ будущей жатвы ³⁾.

1) (Heinricus) «precepit Sclauorum populo, ut coleret uir agrum suum et exerceret laborem utilem»... Helmoldi Chronica I, 34; «Quotiens bellicus tumultus insonuerit, omnem annonam palleis excussam, aurum... fossis abdunt», ibid. II, 13; «Quicquid in agricultura, piscationibus seu uenatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt», ibid. I, 82; «Dabatur pontifici anuum de omni Wagirorum siue Obotritorum terra tributum, quod scilicet pro decima imputabatur, de quolibet aratro mensura grani et quadraginta resticuli lini»... Ibidem, I, 12; cf. c. 14; «Et precepit dux Sclauis, qui remanserant in terra Wagirorum, Polaborum, Obotritorum, Kicinorum, ut soluerent redditus episcopales, qui soluuntur apud Polanos atque Pomeranos, hoc est de aratro tres modios siliginis et duodecim nummos monetæ publicæ. Modius autem Sclauorum uocatur lingua eorum *curitze*. Porro Sclauicam aratrum perficitur duobus bubus et totidem equis»... ibid. I, 12, 83, 86, 87. Cf. Saxonis Historia, lib. XIV, p. 834. Въ грамотѣ Оттона 949 г. (Cod. P. № 7. Mek. Urk. B. № 15) епископству бранденбургскому опредѣляется: «tres modios tritici»; въ грамотѣ папы Иннокентія II, 1140 (Codex № 16, Klempin № 30) устанавливается: «de tota Pomerania usque ad Lebam fluuium de unoquoque arante duas mensuras annone»; грам. 1158 и 1174 (Meklenb. Urk. Buch., № 65, 113): «census Slauorum de unco tres mensuras siliginis qui dicitur Kuriz, solidus unus, toppus lini»; грам. 1191 (ibid. № 151).. «II magnas mensuras annone... I tritici brachii, alteram siliginis»,... въ грамотѣ Яромара I (Cod. № 71, Fabricius II, № 3) 1193: modium frumenti de quolibet aratro.... unum eciam denarium cum quolibet modio et duos cum duobus»... О земледѣльческихъ налогахъ въ Поморѣ см. Bilow'a: Geschichtliche Entwicklung der Abgabenverhältnisse in Pommern und Rügen. Gr. 1843. p. 6 sq. 10, 18—20.

2) Saxonis Gram. Historia, p. 748, 766, 802—3, 892, 977—8, 981—3; Knydlinga Saga c. 120. Incerti auctoris Chronica slauica c. I, apud Lindebrog, Script. Fr. 1609, p. 203.

3) Herbordi Dialogus II, 14; Ebonis Vita Ottonis III, 1, 3, Saxonis Gram. Hist. p. 824—5; Guillelmi Malbesbur. Gesta regum Anglorum II, 189, apud Wigger Meklenb. Annalen, p. 70.

Зерно превращалось въ муку на водныхъ или ручныхъ мельницахъ, мѣсилось и пеклось въ хлѣбы, которые нерѣдко шли за мытовую единицу ¹⁾).

Важную часть земледѣлія составляло *огородничество* и *садоводство* ²⁾).

Вообще, устранивъ частныя уклоненія и случайности, объясняемыя обстоятельствами исторіи, должно признать, что земледѣльческія занятія у балтійскихъ славянъ имѣли не только широкое распространеніе, но и были главными, господствующими занятіями. Въ остаткахъ языка уцѣлѣло много старыхъ славянскихъ земледѣльческихъ терминовъ; они показываютъ, что народъ стоялъ въ этомъ отношеніи нисколько не ниже прочей европейской культуры того времени, что вопросъ о вліяніи славянскаго земледѣлія на нѣмецкій экономическій бытъ вовсе не такъ страненъ, какъ онъ кажется нѣкоторымъ ученымъ германофиламъ ³⁾. Балтійскимъ славянамъ извѣстно было воздѣлываніе всѣхъ важнѣйшихъ родовъ хлѣба, огородныхъ и садовыхъ растений и всѣ способы употребленія ихъ на пользу человѣка, какіе вообще были извѣстны въ то время ⁴⁾.

1) «Molendina, loci molendinorum super riuos» — очень часто упоминаются въ грамотахъ, см. Codex Pomer. diplom. № 26, 43, 45, 52, 56, 73, 77, 107 etc.; Meklenb. Urk. Buch № 95, 111, 151. . . Станнымъ поэтому представляется мнѣніе Гизебрехта, Wendische Geschichten I, pag. 18, повторяемое и многими другими, что балтійскіе славяне знали только родъ *ручныхъ* мельницъ.

Печеные хлѣбы упоминаются въ грамотахъ Codex Pomer. dipl. № 26, 43, 56, 72, 74, 96 etc.

2) Adami brem. Gesta II, 18; Herbordi Dialogus II, 1, 41, см. выше стран. 20—21, пр. 2.

3) Sprengel: «Ueber d. Einfluss der wendisch. Nation auf den Anbau des östlich. Deutschlands» въ журн. Крузе: Deutsche Alterth. I, Heft. VI, pag. 2 sq. Основательно о состояніи земледѣлія у балтійскихъ славянъ разсуждаетъ Якоби: Slaven- und Teutschthum, Han. 1856, p. 119—141.

4) *Ворать*, *ворена люнда*, *воре* (woarat, woarad, woaróna Ijuntj, wirre); (при этомъ словѣ одинъ изъ собирателей замѣчаетъ: «ist dieses Orts eine Art das Land umzuackern mit 2 Ochsen»); *рулья*, (rühljaa), *ратой* (ratoj, rottü, rato), *радьло*, *радьлиця* (radelj, radly, rotlü, radeleicia, radlaicaist, radleitzjaa), *плюль*, *плюужи* (plauk, plause), *сіять*, *сіе* (ssye, ssüe, syôt), *барна* (pôrna)=борона; *гробля* (grubléi, grubloi); роды хлѣба: *яичмень* (gansnum, jazmin, jansmin), *жито* (seiti, seito), *вовесь* (wias, wubbyes, wüas, wiwàs), *просо* (pressi, prusu), *рожь* (rase, rassi, raäsch,

Кромѣ земледѣлія самымъ распространеннымъ занятіемъ народа было *рыболовство*. Грамоты и другіе источники много разъ упоминаютъ о значительныхъ рыболовляхъ, находившихся по морскимъ заливамъ, озерамъ и рѣкамъ. Существованіе особыхъ поселеній рыбаковъ также указываетъ на значительность промысла. Главный родъ рыбы былъ *семьдъ*, ловившійся преимущественно въ ноябрѣ у Руяны и по заливамъ въ огромномъ количествѣ. Кромѣ него упоминаются и многіе другіе роды рыбы. Рыба приготовлялась впрокъ: солилась, вялилась и сушилась ¹⁾).

Занятіе *скотоводствомъ* условливалось плодородіемъ страны,

raz); *пашениця* (pissineiza, pesineicia, pasinaitzia, pasinaicia); вообще—*зерно* (siornj); *лѣнъ* (laang, lgân, lion); *гумно* (tjeimene, geim); *жеть* (setzt); *сарпъ* (sarpe); *коса* (koossa, dschüsa, tscüssa, tjessa), *снипъ* (snip, snup); *иппъ* (zépoу, tzeпоу, sepoi), *слама* (schlamma, slana, slamai, slamü); *мать*, *малыница*, *малыникъ* (mлаht, mahl-neicia, malnéicia, mahlneitz, mahlnik, malnitc), *мельница водена*, *вѣтарница* (mahl-neicia woádena, wetarneicia); *мунка* (munka, mooke), *сладъ* (slade) = malz; *печъ хлѣбъ* (pütz kiaйbe), *тлесто* (dgôsti), *пекаръ*, *пекарница* (peckar, peikarneicia); *хлѣбъ* (theibe), *скиба*=хлѣбъ (skaiaйba, stjeiba, skiaйbe).

Относительно садоводства и огородничества: *думбица* (dumbeiza), *вогартъ* (woagard, wogaart, waggôrt, waygôrd, wakoort)=садъ; *яблунъ*, *яблоко* (jüblün, jübka, jaâpke), *гроушъ*, — *къ*, — *шва* (graussey, greiswôу, grauk, grauck, chrúc, gräuck), *вишня* (weysnói, weisnoi, woissoigna); *сливена* (schleiwenói, scheiwenoi, steiwênai); *садовина* (sadoweina)—вообще зелень, плоды; *бобъ* (püb, pubay, būpoу, boipeу), *горчъ* (gorchey, ggorch, gorgoi, karg), (о податѣ горохомъ см. грамоту 1218 г. Mekl. Urk. Buch. № 242: «pouem modios pisorum»); *репа* (repo, gera), *лукъ* (lauk); наконецъ замѣтимъ воздѣлываніе *хмеля* (schemigl, chimil).

1) «Piscaturae, piscationes, clausurae piscium, piscaria, capture piscium» — упоминаются въ грамотахъ безчисленно, см. Codex. Pom. № 24, 26, 29, (uilla piscatorum) 34, 36, 43, 45, 50, 56, 60, 61, 71, 73, 88, 99, 107 et caeter. Mekl. Urk. B. № 22, 95, 111, 135, 143, 148, 152 etc. cf. supra, pag. 19—20, свидѣтельство Сефрида; Ebonis Vita Ottonis III, 4, 17; Helmoldi Chronica II, 82 (выше стр. 47, пр. 1.) и II, 12: «Accidit. . . maximam institorum multitudinem eo (въ Руяну) conuenisse piscationis gratia. In Nouembri enim flante uehementis uento multum illic halec capitus» . . . Saxonis Gram. Historia p. 824, 857, 869—70 (halec e captura). О соленыхъ рыбахъ см. Martini Galli Chronicon II, 28 in Monum. Polon. his. ed. Bielowski I, pag. 447. См. также о рыбномъ промыслѣ замѣчанія Fabricius'a Studien zur Gesch. d. wendisch. Ostseeländer II, p. 61 sq. 73; «pisces cuiuscunque generis». Alec, Rumbos uel Esoces» грам. 1178 Codex Pom. № 46; «salmo et sturio» въ грам. 1198, № 75. Ibid. Въ языкѣ находимъ слѣдующія названія рыбъ: *следъ* (slid, slide), *штука* (stjaucka), *вунторъ* (wundjirr, wund-jor).

ея богатыми, тучными пастбищами. Сефридъ говоритъ, что въ Поморьѣ разводились овцы, бараны, козы, свиньи и коровы ¹⁾. Особенно же славились кони и быки. Кони составляли даже предметъ религіознаго вниманія и культа; количествомъ ихъ измѣрялась сила, богатство и могущество знатныхъ людей въ Поморьѣ ²⁾. Быки служили главнымъ рабочимъ скотомъ и были столь замѣчательны, что уже съ довольно ранней поры *бычья голова* заняла почетное мѣсто на гербѣ оботритскихъ князей, а потомъ — и самого города и области Мекленбурга ³⁾.

О разведеніи всякаго рода домашней птицы упоминаютъ многіе источники: грамоты, еписк. Адельготъ, Гельмольдъ и термины языка ⁴⁾.

1) Herbordi Dialogus II, 41, v. supra, стр. 19 и 20, прим. 2. Meklenburgisches Urkundenbuch гр. 1188, № 143; 1202, № 173; 1209, № 190; Saxonis Grammatici Historia, p. 860, 834, 922—3. Въ языкѣ: *корва* (korvo, korvu), *яловица* (juliweicia, goliweicia), *волъ* (woal, bola, boala, vallo), *телян* (tilang, tila), *вовъця* (woitza, wücia, wuzia, witzia, wyzja), *скунъ* (szüb, stjip), *ягнян* (gojenang, gonegang), *свинья* (schweinja, sweinang, sweinya, schweina), *венър* (wiper), *порсян* (porsaug); *жеребанъ*, — *ица*, *жереблн* (zribac, zrebeica, sribecia, sribang, schribang), *конъ* (tjun, tyün), *кобыла* (tschüpogla); общее наименованіе *скотъ* (skidt, skjöt, stjöhöt).

2) Herbordi Dialogus II, 33; Saxonis Gram. Hist. p. 826—7. Thietmari Chronicon VI, 17; Annales August. sub an. 1068, apud Pertz, Monum. V, 128.

«Fortitudo et potencia nobilium et capitaneorum secundum copiam uel numerum estimari solet caballorum. «Fortis inquit — et potens est ac diues ille; tot uel tot potest habere caballos» . . . sunt autem magni et fortes equi terre illius (Pomeraniae)», Herbordi Dialogus II, 23. Гизебрехтъ, Wendische Geschichten I, p. 16—17, считаетъ эту сильную породу коней — чужеземною, нѣмецкою. Я не вижу для этого — основаній, по крайней мѣрѣ выставленное имъ никакъ не можетъ быть признано за *основаніе*. См. также въ отношеніи славянской культуры коня интересную, хотя нѣсколько фантастическую, ст. Бейера «Die wendische Schwerine» въ Jhrb. der mekl. Gesells. t. XXXII, 1867, p. 58 sq.

3) Ebonis Vita Ottonis III, 10, 21. Древнѣйшее изображеніе бычьей головы встрѣчается на печати грамоты Борвина, 1220, Meklenb. Urk. B. № 268.

4) См. supra pag. 19—20. «. . . tinctant (Slau) diis suis hostias de bobus et ouibus», Helmoldi Chronica I, 52; въ грамотѣ 949, Codex Pom. dipl. № 7: «duos porcellos, duas anseres, decem gallinas», въ грам. 1158, Mek. Urk. B. № 65: «census Slauorum de unco . . . pullus unus». Въ языкѣ: *ионъ*, *ионка*: (gons, gungs, gums, ggunsgska?), *курян* (tjeirang, tjaurang, tscheiràn), *пила* (pagla, paila) = утка.

Пчеловодство принадлежало также къ обыкновеннымъ занятіямъ обитателей. Изъ грамотъ видно, что при деревняхъ существовали пасѣки и пчельники, что съ меда и воска шла извѣстная часть князю и церкви ¹⁾. Едва ли, потому, можно думать, что медъ и воскъ добывались преимущественно въ ихъ дикомъ, лѣсномъ видѣ. Медъ, сваренный и искусно приготовленный, былъ господствующимъ напиткомъ и своимъ пріятнымъ вкусомъ удивлялъ чужеземцевъ (ниже, стр. 65, прим. 3).

При обиліи въ лѣсахъ дикихъ звѣрей: свиней, вепрей, оленей, дикихъ быковъ (зубровъ), медвѣдей, волковъ, лисицъ — естественно должна была существовать и *охота* на нихъ. Кажется, впрочемъ, что этотъ родъ занятій не получилъ особенно широкаго распространенія у балтійскихъ славянъ, не сталъ промысломъ въ собственномъ смыслѣ слова; по крайней мѣрѣ грамоты и другіе источники не часто упоминаютъ объ охотахъ ²⁾. Охота принадлежала къ частнымъ занятіямъ и потому не получила особаго значенія въ экономическомъ бытѣ народа.

Весьма важную вѣтвь промышленности составляло *соловареніе*. Большія и малыя соловарни находились въ разныхъ мѣстахъ, у рѣки Гильды (нынѣш. Рыкъ), возлѣ Гостькова, въ странѣ Доленцовъ и т. д., но главнымъ мѣстомъ ихъ была Колобрега, производившая выдѣлку соли въ огромныхъ размѣрахъ. Она, кажется, снабжала этимъ необходимымъ предметомъ не только

1) «medones, decimatio mellis, mellificia, truncus apum, urne collate in uillis, urna mellis, cera de tabernis, lapis cere», etc. См. Codex Pom. dipl. № 7, 13, 51, 60, 61, 64, 75, 82, 89, 91, 175, 225 etc. Cf. Raumer: Regesta hist. Brandebur. B. 1836, s. an. 965, 973, 1004, 1178; Thietmari Chronicon VII, 13; Herbordi Dialogus II, 1, 41, supra pag. 19—21. Guillelmus Malmesburiensis у Виргера, въ Meklenburg. Annalen, p. 70; Saxonis Hist. D. p. 824 sq. 862, 865; Даниловичъ: Историческій взглядъ на древн. образов. славян. городовъ, I. с. p. 228 sq.; въ языкѣ *мотиця* (moteicia) = матка, *пчела* (zela, dschéla), *воулъ* (waul), *воскъ* (woask, woska), *медъ* (mêd, medang).

2) «decimatio pellidiorum, mard et uulpinum; uenatio, aucupatio»: Codex Pomer. № 13, 29, 50, 60, 61, 103, 225; Mekl. Urk. B. № 22. По корвейскимъ лѣтописцамъ Чрезпѣяне платили Свантовиту ежегодно отъ рала «ulpinam pellem», Pertz Monum. Scr. III, s. 1114. Cf. Helmoldi Chronica I, 82.

весь сѣверъ, но и Польшу и Русь ¹⁾). Изъ родовъ ремесленной дѣятельности у балтійскихъ славянъ извѣстны: *тканье полотна*, служившаго часто и вмѣсто денежной единицы, *выдѣлка кожъ*, *тканье сукна*, впрочемъ — довольно грубаго, ибо тонкія ткани были завозныя и цѣнились въ странѣ очень высоко; *шитье* всякаго рода платья и одеждъ ²⁾). Плотничье ремесло было довольно развито: зданія и дома — при рѣдкости дикаго камня и незнакомствѣ съ искусствомъ выжигать кирпичъ — строились преимущественно изъ дерева, они иногда выводились въ два и м. б. нѣсколько этажей и бывали очень обширны; дома менѣе жилищныхъ людей были, конечно, *мазаные*: основу для стѣнъ составляли наклонно вбитые колья, промежутки которыхъ забивались соломой или паклей и замазывались глиною; кровли дѣлались изъ тростника. Гельмольдъ, правда, говорить, что славяне (въ Вагріи) не заботятся о постройкѣ жилищъ своихъ и, только повинувся необходимости имѣть защиту отъ дождя и непогоды, сплетаютъ свои хижины изъ вѣтвей и хвороста, и потому очень мало дорожатъ ими ³⁾; но такое извѣстіе, какъ мы уже замѣчали

1) «sartagines, census salis de sartaginibus, salina, tugurium salis, puteus salis» etc.: Codex Pom. dipl. № 16, 24, 26, 29, 34, 36, 43, 50, 52, 56, 63, 73, 86, 88, 99, 107 et sq.; Meklenb. Urk. B. № 95, 111, 114, 135, 168, 247, 550, 563; Helmoldi Chronicon I, 77. См. также соч. Hehn'a: Das Salz, B. 1873, p. 20 sq.

2) Apud Ranos. . . quicquid in foro mercari uolueris, panno lineo comparabis». Helmoldi Chronica I, 38; Ebonis Vita Ottonis III, 1, кожи употреблялись между прочимъ для щитовъ: Saxonis Gram. Hist. p. 751; Herbordi Dialogus I, 36, II, 28. Грамота 1189 г. Meklenb. Urk. B. № 148. Въ отношеніи ремесленной дѣятельности языкъ предлагаетъ слѣдующіе термины: *прясть*, *прядка* (prangst, eyprangst, brangdja, prodka), *врътено* (writene), *кундиль* (kundiglia, kundeglia); *ткаць*, *ткачъ* (tackat, tocatsch, takats, tacaika, tatzecka), *кросна* (krēsna), *челнокъ* (tzaunack), *лава*, *лавка* (klawa, glawka), *вунтокъ* (wuntok), *вортидло* (worteidle); *сукно* (zeickna, saukna, saucnia, ssaukene, säuckneh); *платно* (platnā, plaatna, platne); *валя* (wolné), *клобучникъ*, *клобучня* (klibauzeick, klibauznik, klipóitznia); *усна* (wäusne, wausna), *чрьвеникъ* (sriwenik, zriwenik) — сапожникъ; *гала* (gagla), *шидло* (saidlu).

3) Herbordi Dialogus: II, 24, 31; III, 5; Ebonis Vita Ottonis III, 1, 7; Saxonis Gram. Historia p. 867, 841. Мазанки до сей поры удержались у простого народа балтійскаго Поморья. Извѣстіе Гельмольда приводимъ здѣсь вполнѣ: «recenti adhuc etate latrocinialis consuetudo adeo apud eos inualuit, ut omissis penitus

(выше стр. 37—8), должно быть понимаемо не въ общемъ значеніи, а какъ историческая случайность, какъ слѣдствіе временной непрочности самой жизни. Гончарное производство не шло далѣе выдѣлки отъ руки на свободномъ огнѣ необходимыхъ сосудовъ: гончарный кругъ и печь были неизвѣстны. Обь *обработкѣ металловъ*, золота, мѣди, желѣза — можно до нѣкоторой степени заключать какъ изъ существованія оружія и многихъ металлическихъ вещей домашняго обихода, такъ и изъ того, что нѣкоторыя изображенія боговъ (идолы) были изъ золота и мѣди¹⁾. Конечно, многія вещи были не туземнаго происхожденія: художественная бронза, серебро и золото могли одинаково заходить изъ Даніи и Швеціи и съ Юга — путемъ ли торговли, или какъ добыча при войнахъ и грабежахъ; но предметы житейской необходимости, вѣроятно, производились въ самой странѣ²⁾.

Подобное развитіе промышленной дѣятельности едва ли было

agriculture commodis ad nauales excursus expeditas semper intenderint manus, unicum spem et diuitiarum summam in nauibus habentes sitam. Sed nec in construendis edificiis operosi sunt, quin potius casas de uirgultis contextunt, necessitati tantum consulentes aduersus tempestates et pluuias. . . Nec quicquam hostili patet direptioni nisi tuguria tantum, quorum amissionem facillimam iudicant», II, 13. Въ языкѣ: *изба* (gasaba, jazaba), *въжа* (wisé, wisa), *торница* (twarneicia, dwarneic'), *дверь* (divar), *окно* (wakenow), *ворота* (vórda).

1) О состояніи гончарнаго искусства славянъ можно заключать изъ археологическихъ раскопокъ, см. ст. Лиша: «Über die Graburnen der Kegelgräber» въ *Jhrbüch. f. meklenb. Gesch.* t. XI, 1846, p. 353 sq. «Die Graburnen der Wendekirchhöffe», *Ibid.* t. XII, 1847, p. 421 sq., *Adami brem.* Gesta II, 18; *Widukindi Res Gestae* III, 68; *Ebonis Vita Ottonis* II, 13; III, 1, 10; *Saxonis Gram. Hist.* p. 823—4.

2) Археологическія отношенія Даніи и Швеціи къ балтійскимъ славянамъ — вопросъ еще нетронутый въ наукѣ, по крайней мѣрѣ — намъ неизвѣстно никакого особаго труда по этому предмету. А между тѣмъ — вопросъ очень важенъ для опредѣленія степени самостоятельности славянской культуры. Что обработка желѣза существовала у балтійскихъ славянъ, это можно было бы заключать, между прочимъ, изъ грамоты 1136, *Codex Rom.* № 13, въ которой упоминается «*decimatio ferri*», если бы существовало ручательство, что грамота составлена по дѣйствительности, а не по готовому папскому формуляру.

Въ языкѣ уцѣлѣли слѣдующія старыя наименованія металловъ: *злато* (slata), *сребро* (srebrī, srebrj', zrebrī), *желѣзо* (siljosī, zilgosī, silosūh, silgosi), *олово* (algōf).

возможно безъ поощрительнаго вліянія *торговли*. Къ ней вызывало уже одно срединное географическое положеніе страны, соединявшей сѣверъ и востокъ съ западомъ и югомъ, богатой морскими и рѣчными судоходными путями сообщенія. Торговля балтійскихъ славянъ, можно полагать—началась очень рано. Древнѣйшія свидѣтельства о ней представляютъ арабскіе диргеми VIII—XI, находимые въ большомъ количествѣ на балтійскомъ поморьѣ и по ближнимъ островамъ. Конечно, отсюда будетъ слишкомъ смѣло заключать, что балтійскіе купцы непосредственно торговали съ мусульманскимъ востокомъ, или что мусульманскіе торговцы сами заходили въ прибалтійскія страны (последнее, впрочемъ—не невозможно); но фактъ развитыхъ торговыхъ сношеній славянъ съ русскимъ востокомъ (и сѣверомъ?), гдѣ арабская монета долгое время была единственнымъ родомъ денегъ, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію ¹⁾. Въ началѣ IX в. торговля балтійскихъ славянъ съ западомъ была настолько значительна, что Карлъ Великій счелъ необходимымъ сдѣлать о ней государственное постановленіе ²⁾. Эйнгардъ пере-

1) Древнѣйшій періодъ балтійской торговли на основаніи найденныхъ въ прибалтикѣ монетъ и нѣкоторыхъ свидѣтельствъ арабскихъ писателей разсматривали: *Rasmussen*: De Orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio aevo, Haun. 1825; *Bohlen*: «Ueber den wissenschaft. Werth und die Bedeutung der in den Ostseeländern vorkommenden arabischen Münzen» въ Archiv oder Preuss. Provinzialblätter Bd. XIV, 1835, pag. 313—28, 427—42. (переп. также въ histor. litter. Abhand. der kön. deutsch. Königsber. Gesellsch. t. IV, 1836, p. 3—56); *Ledebur*: Ueber die in d. baltisch. Ländern in der Erde gefund. Zeugnisse eines Handels-Verkehrs mit dem Orient. ., B. 1840, p. 44, 70; основательнѣе же всѣхъ В. В. Григорьевымъ въ ст. «О куфическихъ монетахъ VIII, IX, X и отчасти VII и XI вѣка, находимыхъ въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ» въ Запискахъ одесскаго общества истории и древностей, т. I, 1844, p. 126 sq. 147, 157 sq. и Савельевымъ въ его соч. Мухамеданская Нумизматика въ отношеніи русской исторіи, Спб. 1847. Здѣсь, стр. 55 sq. передано сочин. Ледбура съ замѣчательными дополненіями и объясненіями.

2) Въ капитуляріи Карла Великаго, 805—6 г.: «De negotiatoribus qui partitibus Sclauorum. . pergunt, quousque procedere cum suis negotiis debeant, id est partibus Saxoniae usque ad Bardaenovic, ubi praeuideat Hredi, et ad Schezla, ubi Madalgandus praeuideat; et ad Magedoburg praeuideat Aito. . Et ut arma et brunias non ducant ad uenumdandum»... Pertz, Monumenta, Leges, I, 133.

даетъ, что Оботриты уже тогда имѣли на берегу моря особый торговый портъ ¹⁾. XI в. былъ, кажется, самымъ цвѣтущимъ временемъ балтійской торговли. Средоточіемъ ея является городъ Волинъ. Слѣдуя рассказамъ людей бывалыхъ, купцовъ — Адамъ бременскій передаетъ, что объ этомъ знаменитомъ городѣ (Jumne, Julin) ходитъ сильная, едва вѣроятная молва, будто онъ болѣе всѣхъ прочихъ городовъ въ Европѣ и обитаетъ славянами, греками (русскими) и варварами. Саксонскіе пришельцы также пользуются равнымъ правомъ сожителства подъ условіемъ не обнаруживать своего христіанства. Городъ богатъ товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, все пріятное и рѣдкое тамъ находится. Отсюда, суда въ короткій срокъ ходятъ въ Дыминъ, къ устью Пѣны, а также и къ Руянамъ; отъ нихъ въ Семландію, находящуюся въ обладаніи Прусовъ. Сухимъ путемъ отъ Гамбурга или Лабы къ Волину приходишь на седьмой день, а морскимъ путемъ отсюда доходишь къ Шлезвигу и Альденбургу (Старь-граду) и, подъ парусами, на четырнадцатый день достигаешь Острогарда на Руси ²⁾. Допустивъ, что извѣстіе Адама объ огром-

1) «Godefridus..priusquam reuenteretur (изъ земли Оботритовъ) destructo emporio, quod in Oceani litore constitutum, lingua Danorum Reric dicebatur, et magnam regno illius commoditatem uectigalium persolutione praestabat, translatisque inde negotiatoribus... ad portum Sliesthorp uenit.» Einhardi Annales Laurish. sub. anno 808.

2) «Vltra Leuticios, qui alio nomine Wilzi dicuntur, Oddara flumen occurrit, ditissimus amnis Sclauaniae regionis. In cuius ostiо, qua Scyticas alluit paludes, nobilissima ciuitas Iumne celeberrimam praestat stacionem barbaris et Graecis, qui sunt in circuito. De cuius praeconio urbis, quia magna quaedam et uix credibilia recitantur, uolupte arbitror pauca inserere digna relatu. Est sane maxima omnium quas Europa claudit ciuitatum, quam incolunt Selau, cum aliis gentibus, Graecis et barbaris. Nam et aduenae Saxones parem cohabitandi legem acceperunt, si tamen christianitatis titulum ibi morantes non publicauerint... Vrbs illa mercibus omnium septentrionalium nationum locuples, nichil non habet iocundi aut rari.. Ab illa ciuitate breui remigio traicitur, hinc ad Dyminem urbem, quae sita est in hostio Peanis fluuii, ubi et Runi habitant; inde ad Semland prouinciam, quam possident Pruзи. Iter eiusmodi est, ut ab Hammaburg uel ab Albia flumine septimo die peruenias ad Iumne ciuitatem per terram; nam per mare nauim ingrederis ab Sliaswig uel Aldinburg, et peruenias ad Iumne. Ab ipsa urbe tendens quartodecimo die ascendes ad Ostrogard Ruzziae». Adami brem. Gesta II, 19.

ности Волына — преувеличено, все же изъ приведенныхъ мѣстъ открывается и становится несомнѣннымъ существованіе обширной внѣшней торговли поморскихъ славянъ, простиравшейся далеко на востокъ и западъ. Опустошенія Гейнриха Льва въ странѣ Оботритовъ, Болеслава Кривоустаго и Вальдемара I въ Помераніи и Руянѣ нанесли чувствительный ударъ этой пвѣтущей торговой дѣятельности, и хотя Оттонъ бамбергскій (1123—27) еще засталъ бодрое ея продолженіе, хотя и грамоты XII—XIII неоднократно говорятъ о ней¹⁾, тѣмъ не менѣе съ этого времени постепеннаго пониженія и упадка славянской жизни на балтійскомъ поморьѣ начинается и постепенный упадокъ славянской торговли. Она возрождается, но уже въ чужихъ формахъ, на пользу и преуспѣяніе чуждой національности, чужого просвѣщенія. Предметами внѣшней торговли балтійскихъ славянъ служили столько же и свои, туземныя произведенія, сколько и завозныя. Послѣднія, франкскіе и саксонскіе товары, не только покупались для собственнаго употребленія, но и перепродавались, кажется, далѣе на сѣверъ и востокъ²⁾; а пушной товаръ, шедшій изъ Руси, Литвы и Пруссовъ, передавался на западъ³⁾. Изъ домашнихъ продуктовъ вывозились полотно, рыба, соль, хлѣбъ, лѣсъ

«Ad quam stationem (Bircam in Sueuonia) solent omnes. . . Sclauorum naues. . . pro diuersis commerciorum necessitatibus solempniter conuenire», *ibidem* I, 62, cf. III, 57.

1) *Herbordi Dialogus*, II, 39, 40; *Ebonis Vita Ottonis*, II, 15; cf. *Helmoldi Chronica* I, 76, 83; *Codex Pom. dipl.* № 56, 65. Основательное изложеніе исторіи балтійской торговли можно найти въ популярной книгѣ Falke: *Die Geschichte des deutschen Handels* I, L. 1859, p. 45 sq. 87 sq.

2) Не ради же домашняго потребленія Волынъ былъ «*mercibus omnium septentrionalium nationum locuples*». Изъ Шлезвига нѣмецкіе корабли ходили и «*in Sclauaniam*», *Adami Brem. Gesta* IV, 1.

3) «*Sembi uel Pruzzi pellibus habundant, quarum odor letiferum nostro orbi propinauit superbiae uenenum. Et illi quidem ut stercora haec habent ad nostram credo dampnationem, qui per fas et nefas ad uestem anhelamus marturinam, quasi ad summam beatitudinem. Itaque pro laneis indumentis quae nos dicimus faldones, illi oferunt tam preciosos martures*». *Adami Brem. Gesta* IV, 18; cf. то же о шведахъ, *Ibidem* IV. 21.

п — можетъ быть — янтарь ¹⁾; но особенно сильно была распространена торговля *челядью*, рабами ²⁾. Внутренняя торговля шла также очень дѣятельно: города и важнѣйшія селенія имѣли рынки, на которые въ урочное время собирался изъ окрестныхъ мѣстъ народъ для купли и продажи. Судя по тому, какое видное мѣсто занимали эти торги въ финансовой администраціи страны и княжскихъ доходахъ, можно полагать, что они были не незначительны ³⁾. Домашняя торговля въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно—была *мѣновая*. Выше (стр. 52, пр. 2) мы указали мѣсто изъ хроникъ Гельмольда объ употребленіи въ Рюгнѣ холста вмѣсто денегъ. Простой народъ, дѣйствительно, могъ во многомъ обходиться этою и подобными единицами цѣнности, но торговля

1) Cod. Pom. dipl. № 99; о вывозной торговлѣ хлѣбомъ упоминается въ грамотѣ 1253, Codex Pom. dipl. № 488; о торговлѣ лѣсомъ Mekl. Urk. В. 1188, № 143. Торговля янтаремъ не засвидѣтельствована источниками прямо, но предполагать существованіе ея—вполнѣ умѣстно. Мартинъ Галль, Chronicon II, 28, упоминаетъ о «*богатствахъ моря*» diuitiae marinae, награбленныхъ въ Колобергѣ воинами Болеслава, Bielowski: Monumenta Poloniae histor. I, p. 447. Едва ли это могло быть что иное, кромѣ янтаря или товаровъ, шедшихъ изъ-за моря.

2) (Otto) «monuit (Stetinenses) ut omnes christianos nec uenderent, nec interficerent...» Herbordi Dialogus II, 33; (reliquie Sclauorum Obotritorum) «congregatim ad Pomeranos siue ad Danos fugere cogerebantur, quos illi nichil miserantes Polanis, Sorabis atque Boemis uendiderunt», Helmoldi Chronica, II, 5; «Audiui a referentibus, quod Mikelenburg die fori de captiuitate Danorum septingente numerate sint anime, omnes uenales, si suffecissent emptores», Ibidem II, 13. Cf. извѣстіе Мартина Галля о томъ, что Поморяне продавали польскихъ плѣнныхъ варварамъ, Chronicon II, 35, у Бѣлѣвскаго въ Monumenta etc. I, p. 451., Vita Anskarii c. 15, 36, ap. Pertz, Mon. II, 700, 720; Thietmari Chronicon VI, 21.

3) «nos (проповѣдники бамбергскіе) bis in ebdomada, in diebus sc. mercatus, per medium fori, populo ex omni prouincia conueniente, crucem portauimus», Herbordi Dialogus, II, 26; «sacerdos... mane summo quendam rusticum de rure ad forum gradientem his alloquitur»... etc.; ibidem III, 4; «die dominica conuenit uniuersus populus ad forum Lubicense», Helmoldi Chronica I, 83; «quo (Aldenburg) omnis terra die dominica, propter mercatum conuenire solebat», ibid. I, 69; cf. I, 94; II, 13, см. пред. выноски. Упомянутія о внутреннихъ *торгахъ* въ грамотахъ многочисленны, см. Codex Pomer. diplom. № 16, 24, 26, 43, 45, 50, 52, 53, 63, 73, 107 etc. Mekl. Urk. Buch № 95. О финансовомъ значеніи торговъ мы распространимъ ниже. См. впрочемъ—Даниловича: «Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ городовъ», loco citato, p. 239 sq.

предпріятія требовали звонкой монеты. Денегъ своего, туземнаго чекана балтійскіе славяне не имѣли и пользовались чужеземными, сначала арабскими диргемами, потомъ монетою саксонскою (бардевикскою и др.) и польскою ¹⁾; большого недостатка въ монетѣ, кажется, не было: грамоты, вмѣстѣ съ натуральными повинностями — нерѣдко называютъ и повинности денежныя; другіе источники, по разнымъ поводамъ, свидѣлствуютъ, что деньги въ странѣ вовсе не были рѣдкостью ²⁾. Цѣнность золотой и серебряной монеты въ болѣе древнее время опредѣлялась по вѣсу, что было весьма естественно при совмѣстномъ обращеніи денегъ разнородныхъ системъ ³⁾.

Географическое положеніе славянъ у моря и торговая предпріимчивость рано сдружили ихъ съ опасностями мореходной жизни и образовали изъ нихъ отважныхъ пловцовъ. Они имѣли многочисленный флотъ, состоявшій изъ большихъ и малыхъ кораблей, легкихъ на ходу и нерѣдко носившихъ значительное количество товаровъ, пѣшихъ и конныхъ людей ⁴⁾. Какъ далеко

1) См. выше, стр. 54, пр. 1; «(Slavi fatebant) ciuitati Corbeiae. . annuatim se debere. . . bis terdena nomismata Bardenwiccensis monetae simillima uel propria», etc., *Annales Corbeien.* s. an. 1114, ap. Pertz, *Monum. G. hist. Scrip.* III; бамбергскимъ миссіонерамъ, отправлявшимся въ Поморье, Болеславъ «monetam *illius terre* (sc. Poloniae) liberalitate contulit ingenua», *Herbordi Dialogus* II, 9; «denarii poloniensis monete» упоминаются въ поморскихъ грамотахъ, какъ единица дани, см. *Codex Pomer. dipl.* № 24.

2) *Codex Pomer. dipl.* № 8, 9, 10, 16, 24, 26, 34, 36, 40, 43, 45, 52, 53, 56 etc. *Vita Anskarii* c. 19, ap. Pertz *Mon.* II, 703; *Adami brem. Gesta* III, 21; *Annales Hildesh.* s. an. 1036; *Herbordi Dialogus*, II, 30, 41; III, 2; *Ebonis Vita Ottonis*, III, 9, 12, 13; *Helmoldi Chronica* I, 12, 14, 18, 21, 38, 71, 83, 87; *Saxonis Grammatici Historia*, lib. XIV, p. 804, 817, 825, 834, 893; lib. XVI, p. 928, 987 etc.

3) Этимъ объясняется, почему нерѣдко находятся монеты разрѣзанныя, см. Giesebrecht: *Wendische Geschichten* I, p. 33 и В. В. Григорьева ст. «о кувическихъ монетахъ», *loco citato*, p. 154—6.

4) *Ebonis Vita Ottonis*, III, 5; *Helmoldi Chronica* I, 36, 63, 64, 86; II, 13; *Saxonis Gram. Historia*, lib. XIV, p. 704: «Sclauorum expeditio inusitatae multitudinis classe»; p. 729: «eadem nox Sclauos, ad Hallandiam mille quingentarum nauium classe appulsos, naufragio obruit»; 739: «aduersus infinitam Sclauorum classem»; 830: *Kazimar*us claudendi amnis gratia quinquaginta nauium classem

ходили славяне по морю—сказать съ опредѣлительною точностью трудно; не подлежитъ однако сомнѣнію, что съ одной стороны они бывали въ русскомъ Новгородѣ, съ другой — въ Англіи и Нидерландахъ¹⁾. Подъ увлекающимъ вліяніемъ бурнаго движенія скандинавской жизни, подъ давленіемъ разбойничьей опустошительной политики западныхъ сосѣдей, удалые разбѣзды славянъ по морю получили и не мирное направленіе: въ народѣ развились страсти пиратовъ. Приобрѣтеніе добычи посредствомъ разбоя и грабежа стало для многихъ ремесломъ или обыкновеннымъ занятіемъ, которое тѣмъ болѣе уважалось, что съ нимъ соединялась не только личная отвага и доблесть, но нерѣдко и высшія, національныя и религіозныя цѣли: обязанность отмстить за обиду и почтить божество принесеніемъ ему богатой жертвы изъ добычи. Чѣмъ обстоятельнѣе источники входятъ въ изображеніе событій исторіи балтійскихъ славянъ, тѣмъ чаще слышится голосъ ихъ объ этомъ грозномъ направленіи народной дѣятельности. Адамъ брем. передаетъ, что въ его время острова Фембра и Руяна были полны пиратами и свирѣпѣйшими разбойниками, которые никому не давали пощады изъ проходящихъ: другіе обыкновенно продавали плѣнниковъ, а они убивали ихъ; жизнеописатели еп. Оттона, Гельмольдъ, Саксонъ Грамматикъ, монахъ Теодорихъ и др. много разъ говорятъ о пиратскихъ экспедиціяхъ и опустошительныхъ разбояхъ, какимъ въ особенности подвергалась отъ славянъ Данія и принадлежавшіе ей острова²⁾. Тѣснимые ото-

eius principio obiicebat»; 872: «a Sclavis aduersum Daniam ingentem classem esse contractam»; cf. lib. XVI, p. 677, 860—1, 879, 969, 976—7; «Burizlauus sexcentas naues habens», Knýtł. Saga c. 128; «Rettibur Vindorum rex... adduxit trecentas liburnas uendiccas, quarum singulae quadragenos quaternos uiros binosque equos uehebant», Historia Haraldi Gili et Magni Caeci c. 11, in Sscr. hist. Island. VII.

1) Šafařík *Slowanské starožitn.* ed. princ., 1837, p. 887 sq.; Гильердингъ: *Исторія балтійскихъ славянъ* М. 1855, p. 66 sq.

2) «Ambae hae insulae (Фембра и Руяна) pyratibus et cruentissimis latronibus plenae sunt et qui nemini parcant ex transeuntibus. Omnes enim, quos alii uendere solent, illi occidunt», *Adami brem. Gesta* III, 18; «Gens ista (Pomerani), terra marique bellare perita, spoliis et raptu uiuere consuetas», *Herbordi*

всюду врагами, не находя спокойнаго угла въ землѣ отцовъ, славяне бросались на море и въ разгульной жизни пирата, въ разбоѣ и грабежѣ стремились найти удовлетвореніе подавленныхъ потребностей и правъ жизни ¹⁾. Добрая природа племени отдалась

Dialogus II, 1; «hic ciuis Stetinensis (Wirtschachus)... frequenter in prouinciam Danorum nauigare et predam ex ea agere solebat», Ebonis Vita Ottonis III, 2; cf. Ibidem III, 13; «omne hoc hominum genus (Winulorum populi)... piraticas exercentes predas, ex una parte Danis, ex altera Saxonibus infestum»... Helmoldi Chronica I, 2; «fuit Sclauorum genti crudelitas ingenita, saturari nescia, impatiens ocii, uexans regionum adiacentia terra marique», ibid. I, 52; cf. ibidem, I, 67; «agebant (Sclau) piraticas incursationes in terram Danorum», ibid. I, 68; «erat illic (iuxta flumen Crempine) pyratum familiare latibulum»... «ecclesie in terra Polaborum... predas Sclauorum necdum inhibere poterant, siquidem adhuc mare transfretabant et uastabant terram Danorum, necdum recesserant a peccatis patrum suorum», ibid. I, 83; «rogauit rex (Danorum Waldemar) ducem (Heinricum) ut faceret sibi pacem de Sclauis, qui sine intermissione uastabant regnum eius», ibid. I, 86; въ 1168 г. Гейнрихъ, разсерженный отказомъ Вальдемара въ дани, призвалъ славянскихъ князей и «mandauit, ut ultionem facerent de Danis. Vocati sunt et dixerunt: *assumus*, et obaudierunt ei cum letitia qui misit illos. Et amoti sunt uectes et ostia quibus iam pridem conclusum erat mare, et erumpebat uadens et inundans et intentans excidium multis Danorum insulis et regionibus maritimis. Et instaurate sunt predonum naues, et occupauerunt in terra Danorum insulas opulentas, et saturati sunt Sclaui post diutinam inediā diuitiis Danorum incrassati inquam sunt, impingnati sunt, dilatati sunt», ibidem, II, 13. Выписывать извѣстія Саксона Грамматика о пиратскихъ грабежахъ славянъ—не находимъ возможнымъ: ими полна вся XIV книга его «Исторіи»; вотъ голыя указанія, стр.: 604, 676, 687, 704, 736, 739, 741, 800, 813, 844 sq., 848 sq., 854, 871 sq., 874, 889—90, 920, 977 etc. Укажемъ здѣсь одно мало-извѣстное, но очень важное свидѣтельство невѣдомаго автора (по всему вѣроятію—датчанина XII—XIII в.): «Pomerani Slaui est gens indomita, pugnaх et praeda uiuens et Danorum maxime terram depopulans. Hic usus et hic uictus et nichil pace molestius. Pyratice apparatu predas exercent. Occidere ut occidi fortunam credunt et iudicium dei non metuunt. De nouo Christiani adhuc pogonizant uicinisque gentibus pacem non tenentes»... etc. у Maciejowskiego: *Historia prawodawstw Słowiańskich*, t. VI, W. 1858, p. 390—1. Сравни еще: *Widukindi Res gestae* II, 20. *Thietmari Chronicon* III, 10; *Annales Hildesh.* s. an. 993, 995, 997; cf. Wigger, p. 51, *Annales Quedlinb.* s. an. 997; *Theodoricus monachus: De regibus uetustis noruagiciis* C. XXIV, apud Langebek, *Scriptores* V, p. 332; *Adami brem. Gesta* II, 40—1; III, 25; *Martini Galli Chronicon* I, 25; II, 33, 49, *Kadlubkonis Chronicon* II, 26; III, 8; *Helmoldi Chronica* I, 14, 34, 35, 53, 65; II, 11, 12, 14.

1) Замѣчательны въ этомъ отношеніи слова князя Прибислава, сказанныя имъ еписк. Герольду въ отвѣтъ на увѣщаніе принять христіанство: «qualiter

страсти и искажилась: не одна Данія, не одни враги-чужеземцы, въ отношеніи которыхъ всякій грабежъ и разбой могъ быть названъ только справедливымъ возмездіемъ, чувствовали тяжелую руку «славянскаго неистовства»: страсть грабежа, повальная болѣзнь добычи нерѣдко приводила въ забвеніе и естественныя узы народности, одна часть племени ополчалась на другую, грабила и работила ее, и сама, въ свой чередъ, подвергалась той же участи: западные Лютичи грабили восточныхъ и Оботритовъ, Поморяне — Лютичей, Штетинцы — прочихъ Поморянъ¹⁾ и т. д. Къорыстный эгоизмъ рушилъ основы, на которыхъ коренилась жизнь племени. *Война* принадлежала къ тому же удалому ремеслу, какъ и разбой: каковы бы ни бывали первыя побужденія ея, она предпринималась и велась главнымъ образомъ ради добычи и, при счастливомъ исходѣ — всегда заканчивалась грабежомъ и раздѣломъ награбленнаго между участниками²⁾. Войско состояло преимущественно изъ пѣхоты, конница сравнительно

ingrediemur hanc uiam, tantis malis irretiti?.. Principes enim nostri tanta seueritate grassantur in nos, ut propter uectigalia et seruitutem durissimam melior sit nobis mors quam uita. Ecce hoc anno nos, habitatores breuissimi anguli huius, has mille marcas duci persoluimus, porro comiti tot centenaria, et necdum euicimus, sed cotidie emungimur et premimur usque ad exinanitionem. Quomodo ergo uacabimus huic religioni noue, et edificemus ecclesias, et percipiamus baptismum, quibus cotidiana indicitur fuga? Si tamen locus esset quo diffugere possemus. Transeuntibus enim Trabenam, ecce similis calamitas illic est, uenientibus ad Penem fluuium, nichilominus adest. Quid igitur restat, quam ut omissis terris feramur in mare et habitemus cum gurgitibus? Aut que culpa nostra, si pulsipatria, turbauerimus mare, et acceperimus uaticum (т. е. добычу) a Danis siue insistoribus, qui mare remigant? Nonne principum erit hec noxa, qui nos propellunt». Helmoldi Chronica I, 83.

1) Einhardi Vita Caroli M. c. 12; Ebonis Vita Ottonis, III, 3, 5, 23; Herbordi Dialogus III, 2; Helmoldi Chronica I, 14, 37; cf. supra, стр. 35, пр. 1.

2) «Ad uesperum dux (Wortizlaus) multa onustus preda cum suis omnibus reuertitur. Nobis (sc. predicatoribus) inspicientibus diuidebant spolia, uestes, pecuniam, pecora et aliam diuersi generis substantiam. Homines quoque, quos captiuauerant, inter se distribuebant. Ibi uero fletus et gemitus et dolores innumeri, cum ad diuersos dominos pro ratione diuisionis uir ab uxore et uxor a uiro et filii a parentibus et parentes a filiis discedebant». Herbordi Dialogus III, 2; «uictores (Rani) aurum et argentum in erarium Dei sui conferunt, cetera inter se partiuntur», Helmoldi Chronica I, 36.

была немногочисленна; ее составляли, какъ кажется, дружины князей и богатыхъ воеводъ. Постояннымъ, можно думать, былъ только послѣдній родъ войска, пѣхота же собиралась, подобно русскимъ воямъ, на данный случай изъ народонаселенія, способнаго владѣть оружіемъ ¹⁾. Выходя на войну, балтійскіе славяне обыкновенно бывали легко вооружены. Вслѣдствіе ли дѣйствовавшего запрещенія Карла Великаго ввозить къ нимъ брони (см. выше, стр. 54 прим. 2), или по иной причинѣ, славянскіе войны рѣдко употребляли тяжелые доспѣхи; каждый конникъ — по словамъ Сефрида — сражался безъ щитоносца, носилъ плащъ и щитъ, и довольно ловко и бодро исполнялъ свои воинскія обязанности. Вооруженіе состояло въ сѣкирахъ, мечахъ, ножахъ, копьяхъ (метательныхъ) и лукахъ; щиты были кожаные. Войска имѣли военныя трубы, значки и цвѣтныя знамена, на которыхъ иногда изображались грозныя божества ²⁾. Хотя источники и го-

1) «... barbari non plures haberent equites, peditum uero innumerabilem multitudinem», Widukindi Res Gestae I, 36; cf. ibid. III, 54; Thietmari Chronicon III, 11; Ebonis Vita Ottonis, III, 5; Herbordi Dialogus, II, 11, 21, 23; Martini Galli Chronicon III, 1, у Бѣлёвскаго въ Monumenta Poloniae I, p. 464; Helmoldi Chronica I, 36, 63, 92; II, 34; Saxonis Gram. Historia, p. 705, 861, 974; О томъ, какъ собирались вои видно, изъ условія Болеслава съ Поморянами, Herbordi Dialogus II, 30, и изъ многихъ грамотъ, см. ниже, въ отдѣлѣ «повинностей народа»; cf. Annales Corbeienses s. an. 1114.

2) «Caeteri ex eadem cohorte (Sclauorum) corpus clýpeolis tecti, praelongis ensibus aeriique coloris parmulis utebantur, quas belli tempore aut in tergum repellentes aut impedimentorum gerulis dantes, abiectis pectorum munimentis expositisque ad discrimen omne corporibus, districtis Martem mucronibus intenderunt».. Saxonis Gram. Histor. lib. VIII, pag. 379. Саксонъ взялъ свое извѣстіе, несомнѣнно — изъ саги; при этомъ издатель (П. Е. Мюллеръ) замѣчаетъ, что и исландская сага (Sögubrot) согласуется съ Саксономъ въ описаніи славянскаго вооруженія.

«Vnusquisque militum sine scutifero militat, manticam per se gestans et clipeum, agiliter satis et strenue sic militie sue officium exequens», Herbordi Dialogus, II, 23; Helmoldi Chronica I, 34; Saxonis Gramm. Historia p. 705; впрочемъ вожди носили и панцыри и шлемы, см. Historia Magni Boni c. 33 въ собр. Scr. hist. Island. t. VI; Helmoldi Chronica I, 87; божества въ Перфѣ были «galeis atque loriceis terribiliter uestiti», Thietmari Chronicon VI, 17. О вооруженіи см. Adami brem. Gesta. II, 18; III, 50. Herbordi Dialogus, II, 11, 24, 31—33; III, 5, 16—18, 22; Ebonis Vita Ottonis, II, 7; III, 1, 4, 15, 16, 18, 19;

ворять о нѣкоторой опытности славянъ въ военномъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе—военное искусство стояло у нихъ гораздо ниже, чѣмъ у ихъ сосѣдей: оно не имѣло никакой организаціи. Обыкновенная тактика ихъ заключалась въ военныхъ хитростяхъ: они любили засады и неожиданныя, мгновенныя нападенія, преимущественно въ ночное время. Дѣйствуя по большей части толпой, вразсыпную, они бросались на враговъ то спереди, то сзади, то съ крыльевъ, предавались притворному бѣгству, отступали, стараясь разъединить силы противника, и снова возвращались въ бой. Въ открытой борьбѣ они не могли долго и устойчиво держаться ¹⁾, — и потому то Саксонъ Грамматикъ называетъ ихъ нападенія — сильными болѣе видомъ, чѣмъ дѣломъ ²⁾. Такой образъ веденія битвы—очень не далекъ отъ военнаго искусства первобытныхъ временъ и близко напоминаетъ картину военной тактики южныхъ славянъ, представленную императоромъ Маврикіемъ (VII в.) ³⁾.

Saxonis Gram. Historia p. 705, 751, 762, 803, 823—4, 827, 840—1, 858, 885, 924, 927, 977, 979, 980; *Knytl. Saga* c. 76; *Vita Altmanni* c. 1, in *Pertzii Monum.* XII. О знаменахъ, значкахъ и трубахъ, см. *Thietmari Chronicon* III, 11; VI, 17; VII, 47; *Brunonis Epistola ad Heinricum* II, apud *Wigger-Meklenburg. Annalen*, p. 56; *Ebonis Vita Ottonis* III, 3; *Helmoldi Chronica*, I, 38; *Saxonis Gram. Historia* p. 830 sq.

1) *Orderici Vitalii hist. ecclesiast. Pars II, lib. IV, c. 7*, ed. Migne, p. 317; *Herbordi Dialogus* II, 1; *Widukindi Res gestae*, I, 36; *Thietmari Chronicon* IV, 25; *Adami Brem. Gesta*, III, 25; *Helmoldi Chronica*, I, 35, 87, 92; II, 3, 13 («*Sclauī clandestinis incursibus maxime ualent*»); *Kadlubkonis Chron.* III, 14 ed. *Mulkowski Crac.* 1864, p. 78, 79; *Saxonis Gram. Historia*, p. 619, 676, 705—6, 750—2, 759, 761, 763, 848, 876.

2) «*Sclauorum irruptio specie quam re formidabilior existere soleat*», *Saxonis Gram. Historia*, p. 761; cf. *Ibidem*, p. 751.

3) По латинскому переводу *Scheffer'a*: «*neque ordinem nouerum (Sclauī et Anti) nec coniunctim ceruati pugnare uel in locis nudis planisque se ostendere. Sique accidat, ut in pugnam contra ire ausint, conclamantes simul parum se mouent, et si hostes clamori eorum respondeant, aduertunt cellerime. Si uero non, uertuntur, neque curant collato pede uim suorum aduersariorum experiri. Verum tendunt in syluas, a quibus plurimum adiuantur, ut qui apprime sciant praeliari inter angustias. Sed et non raro praedam offerunt cum simulatione quapiam paucoris, uelut desererent eam, conceduntque in syluas, iisque, qui superueniunt et circum praedam uagantur, magnum afferunt detrimentum, strenue regressi. Hocque diuersimode ac ultro facere student, ut sit uelut esca, qua hostes capiant*». *Mauricii Strategicum* XI, c. 5, apud *Šafarik, Slov. Starož.* ed. 1837, p. 969—70.

Она годилась для внезапныхъ разбоевъ, для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, но оказывалась совершенно несостоятельною тамъ, гдѣ со стороны враговъ дѣйствовало правильно устроенное, организованное войско. Въ осадномъ и оборонительномъ искусствѣ нужда заставила славянъ усвоить многія усовершенствованія того времени: имъ извѣстны были осадныя постройки, разныя оборонительныя орудія, метательныя машины, фортификаціонныя укрѣпленія и т. д.; потому ихъ крѣпости и города выдерживали иногда долговременныя осады многочисленныхъ непріятелей¹⁾

Торговая и промышленная дѣятельность, морскіе и сухопутные разбои и войны составляли главные источники обогащенія народонаселенія. Она были столь обильны, что страна — по извѣстіямъ современниковъ — почти не знала бѣдности: о Поморьѣ шла молва, что тамъ не было ни нищихъ, ни бѣдняковъ; а если и были, то они находились въ сильномъ презрѣніи²⁾. Когда епископъ Бернгардъ явился для проповѣди въ Волинъ, Волинцы, видя его наружное убожество, не повѣрили, чтобы онъ былъ посланникомъ истиннаго Бога, полного славы и *богатства*; они приняли его за обманщика, пришедшаго ради корыстныхъ цѣлей. Успѣхъ проповѣди Оттона бамбергскаго во многомъ зависѣлъ отъ того, что Поморяне уважили въ немъ *богатаго человека*³⁾. Вообще, богатство давало не одну матеріальную, но и нравственную силу: люди наиболѣе богатые имѣли и наиболѣе вліянія въ дѣлахъ общественных⁴⁾. Какъ велики бывали богатства от-

1) Martini Galli Chronicon II, 48; III, 26, apud Bielowski Monum. Poloniae histor. p. 458, 483; Helmoldi Chronica I, 25—26, 57, 82; Saxonis Grammatici Historia, p. 799, 830, 864 sq. 885, 927 sq., 978—9, 999; Arnoldi lub. Chronica III, 7. cf. supra стр. 39, пр. 3. cf. Annales Egmundianis. a. 1164.

2) «Otto, qui terram Pomeranorum, fama ferente, opulentam audierat et egenos atque mendicos penitus non habere sed uehementer aspernari»... etc. Herbordi Dialogus II, 7; «nec aliquis egenus aut mendicus apud eos (Ranos). aliquando repertus est.» Helmoldi Chronica, II, 12; sf. Saxonis Grammatici Historia p. 984; Ebonis Vita Ottonis III, 9: «opulentissima regna Pomeranorum».

3) Ebonis Vita Ottonis II, 1—3; III, 9; Herbordi Dialogus II, 7, 14.

4) Ebonis Vita Ottonis II, 8, 9; III, 2, 16.

части видно изъ имущества, принадлежавшаго храмамъ, и добычи, которая доставалась врагамъ славянъ ¹⁾. Конечно, распределение богатствъ было далеко не равномерное: они сосредоточивались въ рукахъ немногихъ, и простой народъ едва-ли имѣлъ значительную часть въ нихъ; но въ настоящемъ случаѣ для насъ очень важно это господство плутократическаго начала: оно, какъ увидимъ, не мало отразилось и въ правовой жизни балтійскихъ славянъ.

Судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ и остаткамъ старыхъ славянскихъ терминовъ рѣчи, *домашній хозяйственный бытъ* и его обстановка были просты, но не бѣдны. Зажиточный славянинъ владѣлъ орудіями, утварью и многими иными предметами, необходимыми въ обиходной жизни ²⁾. Яства и вообще пища бывали разнообразны и многочисленны. Вина, по словамъ Сефрида— не знали и не старались добывать его; зато—умѣли готовить другіе хмельные напитки, превосходные меды и пиво ³⁾.

1) Herbordi Dialogus II, 32; Helmoldi Chronica I, 36, II, 12; Saxonis Grammatici Historia, p. 825, 845: «regem septem aequalis magnitudinis arcae, consecrata deorum numini pecunia refertae, a Rugianis allatae sunt»; cf. p. 752, 801, 886, 924; Annales Magdeburgenses sub an. 1169; Knýtlin.-saga, c. 122; Annales Quedlinbur. s. an. 997, Monum. V, 73.

2) *Клада* (klada) = fass, *скудаль*? (sgittāl, stjittāl?), *вумборакъ*, (wumbarak, wunberack), *горнакъ* (ggōrnack) = горшокъ, *котелъ*, *котлихъ* (tgüttgāl, tschüttschóol, tgüttlik, tjüttlik, tschütlig, kntlik), *корыто* (tjereita, -e, tyereitza), *пешето* (rišete, resete, rissete), *рака*, *ракшица* (rakai, roatgay, roackweizia), *ключъ* (kilgauz, kiljutz, kloitz); *сыкуръ*, -я (tsytjer, sikar, sétjar, ssitjaria, zitjaria, ziettjar), *ножь* (nuz, nis, nūs), *ножицы* (nūsaitze, nūseitze), *клетви* (klesta, klesda, klēste), *видлы* (weidlo, weidloy, weitloy, weitloi), *гробли* (grublei, grubloi); *свѣча*, *свѣчникъ* (swet-zia, suecia, schwezza, swētnick); *постеля*, -ѣ (pustila, pestilija, pōstuhl, pūstiglia), *рончникъ* (runznik), *гребень*? (griwin), *щеть* (ssatsit, sazyt); *зеркадо* (serriudlo, -e, sartjódela), *стеклиникъ* (saglinic), *лажица* (lasseitz, lazan); *круиъ*, -жка (crois, krauska, kreuska, croisko). Cf. supra, pag. 52, п. 2. Изъ остатковъ языка видно, что у балтійскихъ славянъ была опредѣленная система мѣръ: *корецъ* (tjératz, cjeratz, kuritz), — это довольно часто упоминаемый въ грамотахъ и у Гельмольда терминъ «Curitze, kuritz» = modius, Mekl. Urk. Buch № 65, 113, Helmoldi Chron. I, 87; слово встрѣчается одинаково почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; *копа* (tyira), *локоть* (litgitt), *санжмя* (zangsma, sangsaman), *пасмя льна* (pōsmang, posma).

3) Herbordi Dialogus II, 41; Ebonis Vita Ottonis III, 7; Helmoldi Chro-

О костюмѣ извѣстно немногое. Верхняя одежда, плащъ — была коротка, доходя только до колѣнъ, шляпа имѣла особую форму, отличную отъ нѣмецкой; обувь — кожаная; волосы и борода подстригались. Мужчины носили украшенія, браслеты-обручи и кольца; женщины — мониста, состоявшія изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ ¹⁾.

Таково было состояніе матеріальной культуры балтійскихъ славянъ въ эпоху, предшествовавшую христіанству. Переходя къ изображенію *нравственного ихъ быта*, считаемъ необходимымъ припомнить, что отзывы о немъ идутъ отъ чужеземцевъ: имъ трудно было не только возвыситься надъ непріязненнымъ пристрастіемъ и антипатіей расы, но даже просто отличить существенныя черты и явленія отъ временныхъ и случайныхъ. Для нѣмцевъ, датчанъ, отчасти поляковъ — балтійскіе славяне представлялись народомъ дикимъ, свирѣпымъ, лукавымъ и лживымъ, вѣроломнымъ и непостояннымъ ²⁾. Такими, дѣйствительно,

nica, I, 82, 83, см. ниже стр. 68, пр. 1 и 2, с. 69, пр. 1. Guillelmi Malmesburiensis Gesta regum Anglorum II, 189, apud Wigger Mehl. Annal. p. 70. «Vinum nec habent nec querunt, sed melleis poculis et cereuisia curatissime confecta, uina superant Falernica», Herbordi Dialogus II, 1, cf. ibid. II, 14. Подъ словомъ «тегумъ» напитка, находившагося въ рогѣ Свантовита, Saxonis Gram. Historia p. 824, должно, конечно — разумѣть также *медъ*; cf. supra, стр. 19, пр. 2 и с. 20, пр. 2. Въ языкѣ: *варенамунка* (worenamunka) = gesotten Mehl.; *масло* (mooskum, mostie, mostge, mosca), *оля* (olaja, olja), *саръ* = сыръ (ssaro, saroo, sarou), *мѣдъ* (meda), *пиво* (pouwi, peiwo, peiwi).

1) Ebonis Vita Ottonis II, 13; Helmoldi Chron. I, 38; Saxonis Gram. Hist. p. 823—4; Historia Magni Boni, с. 34 въ Scripta Hist. Island. t. VI; въ лицевомъ «Саксонскомъ Зерцалѣ» XIV в. изд. Mone, Batt'омъ и Weber'омъ, Teutsche Denkmäler, Heid. 1820, f. находится и нѣсколько изображеній славянъ: въ отличіе отъ саксовъ они представлены съ коротко остриженными волосами; одежда — или простая, короткая, съ косымъ воротомъ — рубаха, подпоясанная, или родъ камзола съ вырѣзанными внизу языками (фестонами), ноги отъ обуви вверхъ перевиты лентообразною повязкою, шапки высокія, острокопечныя или съ закругленнымъ верхомъ. Въ языкѣ: *клубукъ* (klibick, klubuk, clubuc, klupe), *нитыноша* (netnosa) = чулокъ, *черевъ* (zriwei, zriv, zriw, zriwoi, zriwe, schriwe), *ронкавиця* (ronkaweiz, runkaweiza); *парстенъ* (parstin, parsten, porstin), *монисто* (mimeista).

2) Annales Hildesheim. s. an. 992 (Pertz, Mon. V, 69); Annales Quedlinburg. s. an. 997 (Pertz, Mon. V, 73); Thietmari Chron. VI, 18;

были они въ отношеніи своихъ враговъ; но едва-ли подобныя качества могутъ быть признаны за основныя черты народнаго характера. Это — плодъ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, знаменія времени насилія, неправды и озлобленія; это — пороки одичалаго существованія, но не основныя свойства порокомъ развращенной природы. За историческими наносами сами враги не могли не замѣтить и не признать болѣе свѣтлыхъ качествъ славянскаго характера. Съ нѣкоторымъ изумленіемъ говорить Видукинды о любви славянъ къ свободѣ, для которой они жертвовали всѣми другими благами, о необыкновенной простотѣ и суровости ихъ быта, о привычкѣ къ тяжелымъ трудамъ¹⁾. Свободолюбіе, не знавшее ограниченій, и потому ставшее отчасти причиною ихъ гибели, отмѣтило исторію ихъ чертами отваги и мужества, и пріобрѣло имъ славу храбрыхъ воителей и доблестныхъ защитниковъ отечества²⁾. Среди безысходныхъ тревогъ, способныхъ порушить и извратить всѣ исконныя основанія и порядки жизни, славяне — какимъ то чудомъ — удержали многія добрыя качества лучшихъ временъ: добродушную простоту³⁾, честность, гостепріимство. Адамъ бременскій передаетъ о Волинцахъ, что не было народа нравомъ и гостепріимствомъ честнѣе и благодушнѣе ихъ; Сефридъ рассказываетъ о Поморянахъ, что между ними господствуетъ такая правда и общительность, что

Martini Galli Chron. in Prooem.; Herbordi Dialogus II, 3, 4, 24, 30, 33; III, 37; Ebonis Vita Ottonis II, 1, 7, 40; III, 3, 5, 13, 14, 23; Helmoldi Chronica I, 14, 25, 36, 52; Meklenb. Urk. Buch. грам. 1162 г. № 74.

1) «Illi (s. Slaui) nichilominus bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes. Est namque huiusmodi genus hominum durum et laboris patiens, uictu leuissimo assuetum; et quod nostris graui onere esse solet, Slaui pro quadam uoluptate ducunt», Widukindi Res gestae II, 20; cf. *ibid.* III, 53.

2) Einhardi Annales s. an. 789; Thietmari Chronicon, V, 5; VIII, 4; Adami bremens. III, 21; IV, 18; Martinus Gallus Chronicon II, 48; III, 26, apud Bielowski, Monum. P. h. I, p. 458, 483; Saxonis Gram. p. 833: «Tanto siquidem patrii munimenti caritate tenebantur, ut eius ruinarum socii quam superstitēs existere praeoptarent».

3) «rusticitas Slauiка», Herbordi Dialogus, III, 30; cf. *ibid.* II, 26: «simplicitas plebis»; cf. II, 14.

имъ вовсе неизвѣстны кража и обманъ: у нихъ не видно ни замковъ, ни ключей, они не запираютъ своихъ ящиковъ и сундуковъ, и весьма дивились, когда увидѣли запертыми въюки и сундуки бамбергскихъ миссіонеровъ. Платье свое, деньги и все дорогое они хранятъ въ покрытыхъ сосудахъ и бочкахъ, не опасаясь никакого обмана, потому именно, что не испытали его. Ихъ столъ никогда не стоитъ пустымъ, никогда не остается безъ яствъ: каждый отецъ семейства имѣетъ свой отдѣльный домъ, опрятный и честный, назначенный для угощенія. Здѣсь всегда стоитъ столъ съ различными напитками и яствами: снимаются одни, немедленно ставятся другіе..., чистая скатерть покрываетъ яства, ожидающія вкисителей; и въ какое время кто ни захотѣлъ бы поѣсть — чужіе гости или домочадцы — ихъ ведутъ къ столу, гдѣ стоитъ все готово¹⁾. Сефридъ и Удальрикъ, миссіонеры-свидѣтели — указываютъ и самые примѣры подобной общительности и гостепріимства²⁾. Гельмольдъ хвалитъ многія добрыя качества Руянъ, въ особенности — ихъ гостепріимство и заботу о престарѣлыхъ родныхъ и немощныхъ. Онъ самъ имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости ходившей въ то время молвы о при-

1) «moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior poterit inueniri», *Adami Brem. Gesta* II, 19; «tanta est fides et societas inter eos, ut, furtorum et fraudium penitus inexpertis, cistas aut scrinia serata non habeant. Nam seram uel clauem ibi non uidimus; sed et ipsi admodum admirati sunt, quod clientellas nostras et scrinia serata uiderunt. Vestes suas, pecuniam et omnia preciosa sua in cuppis et doliis suis simpliciter coopertis recondunt, fraudem nullam metuentes utpote inexpertis. Et quod mirum dictu, mensa illorum nunquam disarmatur, nunquam deferulatur; sed quilibet paterfamilias domum habet seorsum mundam et honestam, tantum refectiioni uacantem. Illic mensa cum omnibus, que bibi ac mandi possunt, nunquam uacuatur; sed aliis absumptis alia subrogantur. Non sorex, non sorilegus (? murilegus) admittitur, sed de mappa mundissima fercula teguntur, comesuros expectantia. Quacunque igitur hora reficere placuerit, hospites sint, domestici sint, omnia parata inueniunt intromissi ad mensam», *Herbordi Dialogus*, II, 41.

2) *Ebonis Vita Ottonis*, III, 7: «(Vdalricus et Albwinus) a matre familias, uxore scilicet prefecti urbis, honorifice suscepti sunt; ita ut pedes eorum summa humilitatis deuocione lauaret statimque, mensa apposita, copiosissimis eos dapibus reficeret; mirantibus eis et admodum stupentibus, quod talem in regno diaboli humilitatis et hospitalitatis gratiam inuenissent»; cf. *Herbordi Dialogus*, III, 5.

вѣтливомъ гостепріимствѣ славянъ, какъ они — наперерывъ другъ передъ другомъ — спѣшати принять гостя, такъ что послѣднему нѣтъ никакой нужды просить кого-нибудь о пристанищѣ. Все, что пріобрѣтали они отъ земледѣлія, рыболовства и охоты, все цѣликомъ шло въ угощеніе; и тотъ слылъ болѣе достойнымъ человекомъ, кто былъ расточителнѣе. Позволялось даже воровство для того, чтобы не отказать гостю въ достойномъ пріемѣ. Отказъ въ гостепріимствѣ странникамъ, увидимъ далѣе, считался важнымъ преступленіемъ и строго наказывался¹⁾. Гостю принадлежало въ собраніи почетное мѣсто²⁾. Несмотря на непривѣтливую обстановку быта, жизнь славянъ не была чужда веселія, игръ, пиршествъ и попоекъ, нерѣдко переходившихъ границы умѣренности. Саксонъ Грамматикъ передаетъ такіе случаи, что даже вблизи враговъ, среди войны — славяне не умѣли воздержаться и пировали до-пьяна. Пиршества нерѣдко сопровождались музыкой и пляской³⁾.

Одна существенная черта народнаго характера, черта роковая, бывшая причиною гибели балтійскихъ славянъ — проходитъ чрезъ весь бытъ и всю ихъ исторію: это — беззаботность суще-

1) «et suscepit (Pribizlaus) nos cum multa alacritate, fecitque nobis conuiuium lautum. Mensam nobis appositam uiginti fercula cumularunt. Illic experimento didici, quod ante fama uulgante cognoui, quia nulla gens honestior Sclauis in hospitalitatis gratia; in colligendis enim hospitibus omnes quasi ex sententia alacres sunt, ut nec hospitium quenquam postulare necesse est. Quicquid enim in agricultura, piscationibus seu uenatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt, eo fortiolem quemquam quo profusiolem iactitantes». Helmoldi Chronica, I, 82; cf. *ibidem*, I, 83; II, 12.

2) «(Absalon) inter ipsos (Rugianos) honoratissimo sedendi loco susceptus». Saxonis Gram. Historia, p. 796.

3) Thietmari Chronicon, VII, 50; Ebonis Vita Ottonis, III, 1; Herbor Dialogus II, 14, 32; Helmoldi Chronica, I, 34, 52, 63; Saxonis Gram. 825, 682—3, 971, 982—3, 988. О пляскѣ и музыкѣ см. Herbordii Dialogus l. cit. Ebonis Vita Ottonis, *ibid.* Наивная веселость славянъ выражалась иногда очень оригинальнымъ образомъ: пѣніе псалтири вызывало новокрещенныхъ къ пляскѣ: «tu psalterium arripe, puto non alicuius mimi ante ianuam stantis, sed neque Sclaui saltantis... Ermenricus Augiensis (пол. 9 в.), ap. Pertz Monum. II, p. 101 in notis. Въ языкѣ: *пѣсь* (pessen), *плясать* (plungsat, plosat, ploosat, plusat).

ствованія, умственная малоподвижность, безпечность о будущемъ, какое-то инстинктивное отвращеніе отъ далекаго разсчета, отъ привычки осматриваться и взвѣшивать свое положеніе и идти впередъ путемъ сознательныхъ дѣйствій къ твердо опредѣленной цѣли. Такой *историческій порокъ* обусловилъ другіе: бытовую консервативность и застой, неумѣніе жертвовать частными интересами — общему благу, наклонность къ мелкой приходской враждѣ и раздору.

Касательно религіозныхъ вѣрованій балтійскихъ славянъ — ограничимся лишь немногими замѣчаніями общаго характера.

Какъ у прочихъ славянъ, такъ и у балтійскихъ — основаніемъ, или вѣрнѣе — формою языческой религіи послужило олицетворенное обоготвореніе предметовъ и явленій природы, солнца, грозы, небснаго огня, облаковъ, дождя и т. д. Время, когда эти образы получили нравственный смыслъ и стали предметами религіознаго почитанія, лежитъ далеко за предѣлами исторіи балтійскихъ славянъ, какъ этнологической особи. Несомнѣнно, однако, что такой религіозно-мифологическій процессъ произошелъ въ эпоху жизни земледѣльской, въ тѣсной связи съ заботами и радостями земледѣльческаго быта. Тогда, изъ прежнихъ страшныхъ, но нравственно чуждыхъ человѣку дивовищъ — вышли свѣтлые боги, которые, выражаясь словами одного изъ жрецовъ — одѣвали тукомъ поля и зеленью лѣса, во власти которыхъ были плоды нивъ, деревьевъ, скота, и все, что служить на пользу людямъ, поклонникамъ боговъ¹⁾. Тогда установились и празднества, какъ общественное выраженіе благодарности, просьбъ и моленій земледѣльца къ его божествамъ²⁾.

1) Herbordi Dialogus II, 23; III, 4.

2) Herbordi Dialogus II, 14; Ebonis Vita Ottonis III, 1, 3; cf. Saxonis Grammatici Historia p. 824. Изъ остатковъ языка, видно, что балтійскимъ славянамъ было извѣстно раздѣленіе года на мѣсяцы, мѣсяцевъ на недѣли: *рожець*? (risatz, rüsatz) = hornung, Февраль; *сеньникъ* = (seninik) = іюль; *недѣля* (nidel, nidëlja, nidiglia), *переньдень* (perendân, perandân) = четвергъ. Этотъ фактъ доказывается также періодическими-опредѣленными днями торговъ; см. выше стр. 57, пр. 3.

Тогда же, а можетъ быть и еще ранѣе — водворились въ бытѣ народа и тѣ тихія, мелкія божества, которыми, по понятіямъ славянъ, были населены поля, луга, рощи, лѣса и источники, и тѣ домашніе пенаты-дѣдки, которыхъ власть и дѣйствіе не выходило изъ круга семьи и рода ¹⁾.

Этотъ древнѣйшій, семейно-земледѣльческій и стихійный періодъ религіи еще ясно свѣтитъ въ извѣстіяхъ источниковъ о вѣрованіяхъ балтійскихъ славянъ, онъ образуетъ такъ сказать первый слой ихъ.

Войдя въ бурную исторію, богопочитаніе ихъ не могло не измѣниться въ своемъ характерѣ. Оно вѣрно отподобило образъ жизни народа, раздвоенной между мирными занятіями и суровой, ожесточенной борьбой со врагомъ, грабежами, внутренними усобицами, всякими погромами и страданіями. На семейномъ, земледѣльчески-мирномъ основаніи богопочитанія балтійскихъ славянъ — подъ вліяніемъ исторіи, вырастаетъ новый слой: съ прежней религіей земледѣльца сливается религія война и пирата, религія — гнѣвная и воинствующая. Какъ предметъ высшаго поклоненія, на огромномъ столбѣ укрѣпляется *оружіе* (копье), божества воплощаются въ грозные образы, облеченные во всеоружіе и доспѣхи воиновъ; они караютъ гибелью, дарятъ побѣды, требуютъ чествованія военной добычей и кровавыми человѣчьими жертвами, въ которыхъ находятъ особое наслажденіе. Подъ ихъ знаменами врагу несется смерть и безпощадное разореніе. Каждую ночь выѣзжаетъ божественный всадникъ (Свантовитъ) на жестокую битву и, къ утру на усталомъ, опѣненномъ конѣ возвращается домой... Между собою божества находятся также въ постоянномъ раздорѣ, враждуютъ о первенствѣ и ведутъ поклонниковъ огнемъ и мечомъ защищать свою гегемонію. Даже при мирныхъ земледѣльческихъ празднествахъ они не оставляютъ

1) Thietmari Chronicon VII, c. 50, cf. VI, 26; Herbordi Dialogus II, 32; Ebonis Vita Ottonis III, 18; Helmoldi Chronica I, 47, 52, 83; Saxonis Gram. Hist. p. 832, 845; Knytlinga-saga c. 121.

своей воинственной одежды, шествуя въ сопровожденіи боевыхъ знаменъ и значковъ¹⁾. Видное мѣсто въ іерархіи боговъ занимаетъ особое, и въ исторіи европейскаго язычества почти безпримѣрное, *мрачное божество* (Чернобогъ), во власти котораго находится всякое зло и несчастіе²⁾.

Вотъ образы, созданные длиннымъ рядомъ историческаго озлобленія, битвъ вражды и страданій! Что другого могли пробудить они въ душѣ народа, кромѣ чувства безотраднaго страха предъ ними, кромѣ дикой отваги, кромѣ правственнаго мрака и косиѣнія?

Дѣйствительно, религіозная жизнь балтійскихъ славянъ, несмотря на внѣшнее развитіе, была исполнена тяжелаго, подавляющаго суевѣрія, неспособнаго ни къ какому движенію впередъ и очень способнаго заглушить всякое подобное движеніе. Подъ вліяніемъ тревожной исторіи исчезла та ровность, то спокойствіе духа, которымъ вообще отличается язычество европейскихъ народовъ и которое сообщаетъ ему привѣтливый, вѣротерпимый характеръ. Религія балтійскихъ славянъ стала религіей народнаго фанатизма: она слилась съ местию, ненавистями и буйными страстями народа и возвела ихъ до апофеоза. Среди нея выросло и окрѣпло учрежденіе, которое могло только усилить зло и въ конецъ исказить болѣзненный организмъ ея, учрежденіе, которому подобнаго мы не находимъ ни у одного изъ славянскихъ племенъ. Разумѣемъ — сильную жреческую іерархію³⁾. Какимъ

1) Thietmari Chronicon, VI, 17—18, VII, 47; Adami Brem. Gesta, III, 50; Epistola Brunonis ap. Wigger Mekl. Ann. s. a. 1008; Ebonis Vita Ottonis II, 1, 13; III, 1, 3, 8; Herbordi Dialogus, III, 6; Mon. Prieft. Vita Ottonis II, c. 6, apud Pertz Mon. Germ. hist. Scr. t. XII; Helmoldi Chronica I, 21, 36, 52, 69; II, 12; Saxonis Gramm. Historia 824—5 sq., 830 sq., 842; Knytlingasaga c. 122.

2) Helmoldi Chronicon, I, 52. Къ Чернобогу до нѣкоторой степени подходитъ Локи сѣверной мифологіи, но только до нѣкоторой степени, ибо образъ его все же смягченъ ироніей; да къ тому же злобный и ненавистный въ отношеніи боговъ, Локи къ людямъ почти равнодушенъ.

3) Thietmari Chronicon VI, 17; Ebonis Vita Ottonis II, 1, 4, 7, 13; III, 1, 6, 8, 15, 16, 20; Herbordi Dialogus II, 33, 34; III, 4, 14; Helmoldi Chronica, 1, 6, 36, 38, 83; II, 12; Saxonis Gram. Historia, p. 824, 826, 827.

путемъ возникла она, пришла-ли извнѣ (съ сѣвера или отъ Прусовъ), развилась ли самобытно — мы не знаемъ; но вѣрно то, что жречество легло на бытѣ народа мрачнымъ, тяжелымъ бременемъ. Своей систематизаціей язычества, укрѣпленіемъ наивныхъ вѣрованій и преданій въ мертвенные догматы, установкою формъ и порядковъ культа, апофеозомъ народныхъ страстей и ненавистей — жрецы окончательно сковали и развратили нетвердые мысли и чувства народа, поработивъ ихъ суевѣрному ритуалу страхомъ всякихъ каръ и наказаній, подавивъ, или по крайней мѣрѣ — стѣснивъ свободное движеніе ихъ, усиливъ и такъ сказать освятивъ свирѣпость народнаго озлобленія и страстей. Правда, въ догматикѣ жрецовъ есть слѣды нѣкоторыхъ довольно возвышенныхъ понятій¹⁾; но они, кажется, проходили даромъ, нисколько не облегчая дѣла народнаго развитія; да и что значать эти мелочи сравнительно съ массой темныхъ мыслей и дѣйствій, внушенныхъ или навязанныхъ этими учителями простодушному и запуганному народу!

Выше (стр. 36), говоря о движеніи исторіи балтійскихъ славянъ, мы теоретически сдѣлали выводъ, что въ жизни ихъ религія, или вѣрнѣе — религіозная практика должна была имѣть несравненно болѣе дѣятельное и важное значеніе, чѣмъ въ прочномъ бытѣ племенъ мирныхъ и пользующихся миромъ. Предположеніе — оправдывается дѣйствительностью. Религія, или говоря точнѣе — мрачное суевѣріе обняло здѣсь всѣ важнѣйшія отправления жизни. Преданный непостоянству судьбы, язычникъ на каждомъ шагу страшился пробудить и навлечь губительный гнѣвъ своихъ страшныхъ боговъ, не смѣлъ не только произносить ихъ имени, но даже дышать въ святилищѣ предъ ихъ образами.

1) Къ жреческой догматикѣ, на нашъ взглядъ, должно отнести понятіе о *богъ боювъ* и объ отношеніяхъ къ нему другихъ божествъ, происходящихъ отъ его крови. *Helmoldi Chronica* I, 83. Объясненіе значенія повязки, закрывавшей глаза Триглава, *Ebonis Vita Ottonis* III, 1, — принадлежитъ также къ жреческой богословіи.

Среди самаго веселія его не оставляла тяжелая мысль о геніи зла, и онъ посвящалъ ему, какъ заклинаніе, свою круговую чашу¹⁾. Богамъ шла лучшая часть добычи, лучшія жертвы; забота о красотѣ и богатствѣ ихъ видимыхъ образовъ и храмовъ, гдѣ обитали они — была одной изъ существенныхъ заботъ народа и составляла предметъ его гордости; ихъ святилища владѣли богатыми имуществами, пользовались многими данями и пошлинами²⁾. Подъ покровомъ и при участіи религіи совершались всякія общественныя дѣла и предпріятія и происходили совѣщанія о нихъ. Жрецы имѣли въ нихъ первенствующее мѣсто; власть ихъ иногда бывала неограниченною³⁾. Ища опоры и правилъ для жизни въ своихъ богахъ, славяне стремились узнать волю и опредѣленія ихъ посредствомъ различныхъ обрядовыхъ дѣйствій, гаданій, и поступали сообразно съ обнаруженными такимъ образомъ знаменіями и предвѣщаніями⁴⁾.

Однимъ словомъ, религія была могучимъ двигателемъ жизни, источникомъ, откуда черпалось много силы и воодушевленія для борьбы съ нею. Она — дѣйствительно, поддержала на нѣкоторое время падающій духъ народа, но возродить и спасти его не могла уже и потому, что сама обречена была неминуемой гибели.

Остается — сказать объ общемъ состояніи образованности у балтійскихъ славянъ.

Хотя и существуютъ намеки, что имъ было не безызвѣстно употребленіе письменъ, однако — до сихъ поръ не только не открыто ни одного памятника ихъ письменности, но даже и ни одного прямого положительнаго указанія о быломъ существованіи

1) *Helmoldi Chronica* I, 52, 83; *Herbordi Dialogus* III, 6; *Saxonis Gramm. Historia*, p. 824.

2) *Thietmari Chronicon* VI, 18; VIII, 4; *Herbordi Dialogus* II, 32; III, 7; *Ebonis Vita Ottonis* III, 9, 10; *Helmoldi Chronica* I, 6, 21, 36, 38, 52, 83; II, 12; *Saxonis Gram. Hist.* p. 822, 824 sq., 834, 841, 845.

3) *Herbordi Dialogus* II, 32; *Helmoldi Chronica* I, 6, 36, 38, 83; II, 12.

4) *Thietmari Chronicon* VI, 17; *Herbordi Dialogus* II, 82—3; *Monachi Priefl.* II, 11; *Helmoldi Chronica* I, 36, 52; II, 12; *Saxonis Gram. Hist.* p. 827.

такихъ памятниковъ, такъ что пока изслѣдователь вправѣ вообще отрицать существованіе письменности у балтійскихъ славянъ¹⁾. Лишенные такого важнаго средства образованности, они до нѣкоторой степени восполнили этотъ недостатокъ знакомствомъ съ плодами образованности другихъ странъ и народовъ. Средства и путь предлагали ихъ обширныя торговыя сношенія. Ихъ вліянію, конечно, должно приписать то развитіе вкуса и художественнаго чувства красоты, слѣды котораго замѣчены свидѣтелями-очевидцами. Титмаръ передаетъ, что въ Радигощѣ стоялъ храмъ художественно сложенный изъ дерева; внѣшнія стѣны его были украшены различными изображеніями боговъ и богинь, удивительно красиво изваянными²⁾. Сефридъ, человѣкъ образованный, жившій во время высшаго процвѣтанія, такъ называемаго романскаго искусства и, конечно, умѣвшій хорошо различать и цѣнить истинное искусство, говоритъ, что главная *конттина* въ Штетинѣ была отстроена съ удивительной отдѣлкой и искусствомъ: внутри и снаружи по стѣнамъ ея находились рѣзныя выдающіяся изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленныя столь естественно и вѣрно, что — казалось, они живутъ и дышатъ; но, — особенная рѣдкость: краски наружныхъ изображеній отличались необыкновенною прочностью, ни снѣгъ, ни дождь не могли потемнить или смыть ихъ... Таково было искусство живописцевъ! Удальрикъ, съ своей стороны, сообщаетъ, что въ Гостьковѣ на-

1) «Dii stant manufacti — singulis nominibus insculptis». Thietmari Chronicon, VI, 17. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ старгградскомъ округѣ найдена была урна съ неизвѣстными руноподобными надписями, см. *Jahrbücher des Vereins für mecklenburg. Geschichte und Alterthumskunde*, B. XXIV, Schw. 1859, p. 16 sq. Надписи — не нѣмецкія и не сѣверныя; но славянскія ли? Это вопросъ. Что балтійскимъ славянамъ извѣстно было употребленіе письменности, это, *кажется*, можно заключать и изъ показанія Герборда: Штетинцы говорили: «si apud ducem (Poloniae) perpetue pacis stabilitatem obtinere tributumque alleuiare queant, his ibi coram suis et nostris legatis ex *scripto* firmatis, christianis se legibus sponte inclinarent»... Her bordi Dialogus II, 26.

2) «fanum de ligno artificiose compositum... huius parietes uariae deorum deorumque imagines mirifice insculptae, ut cernentibus uidetur, exterius ornant»... Thietmari Chronicon VI, c. 18.

ходилъся богато украшенный и построенный съ удивительнымъ искусствомъ храмъ; на него жители затратили огромныя деньги и гордились имъ, какъ славнымъ украшеніемъ города. Тамъ находились огромные, но изваянные съ невѣроятнымъ изяществомъ — идолы¹⁾. Художественную отдѣлку Свантовитова святилища и кореницкихъ храмовъ отмѣтилъ Саксонъ Грамматикъ²⁾. Допустивъ даже, что эти произведенія художественной архитектуры, скульптуры и живописи были дѣломъ рукъ и искусства чужеземныхъ художниковъ, все же — нельзя не видѣть, что народъ, чувствовавшій потребность въ нихъ и умѣвшій цѣнить ихъ — стоялъ не на низкой степени образованности. Конечно, приведенные факты не даютъ еще права заключать о *повсемѣстномъ* распространеніи образованности; но оставить ихъ безъ вниманія нельзя: что было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то могло быть и во многихъ, гдѣ только проживали люди бывалые, которымъ удалось «многихъ земель города посѣтить и обычаи видѣть», и которые пожелали внести въ жизнь свои опыты и знанія. Какъ дѣйствовали торговыя сношенія на образованность жителей, всего яснѣе видно на городѣ Волынѣ. Купцы-путники рассказывали Адаму бременскому о немъ чудеса, будто онъ болѣе всѣхъ (конечно — ими видѣнныхъ) городовъ въ Европѣ, будто въ немъ

1) «Vna ex his (continis), que principalis erat, mirabili cultu et artificio constructa fuit, interius et exterius sculpturas habens, de parietibus prominentes: imagines hominum et uolucrum et bestiarum, tam proprie suis habitudinibus expressas, ut spirare putares ac uiuere. Quodque rarum dixerim, colores imaginum extrinsecarum nulla tempestate niuium uel imbrium fuscari uel dilui poterant; id agente industria pictorum». Herbordi Dialogus, II, 32; «in (urbe Chozegowa) magni decoris et miri artificii fana erant que ciues eiusdem loci trecentis extruxerant talentis»... Ebonis Vita Ottonis, III, 9. Къ этому Гербордъ прибавляетъ: «multum in illo (sc. fano) gloriabantur, eo quod uideretur magnum totius ciuitatis esse ornamentum», III, 7; iocundum erat spectaculum, cum simulacra mire magnitudinis et sculptoria arte incredibili pulchritudine celata... igni cremanda trahebantur». Ebonis, ibid., III, 10.

2) «Medium urbis (Arkon) planicies habebat, in qua delubrum materia ligneum, opere elegantissimum uisebatur». «(Karentia) trium praepollentium fanorum aedificiis erat, ingenuae artis nitore uisendis»: Saxonis Gram. Historia p. 827, 841.

находится все рѣдкое и пріятное, будто жители его — самый гостепріимный и привѣтливо-вѣжественный народъ въ мірѣ ¹⁾)... Молва, нѣтъ сомнѣнія, преувеличенная; но не безосновательная.

Здѣсь мы остановимся, въ немногихъ словахъ подведемъ итогъ всему, доселѣ изложенному, и сдѣлаемъ переходъ къ дальнѣйшему.

Разсматривая явленія матеріальной и нравственной жизни балтійскихъ славянъ, нельзя не замѣтить рѣзкой, поражающей двойственности ея.

Съ одной стороны — мы видимъ народъ съ рѣшительными наклонностями къ мирнымъ занятіямъ земледѣіемъ, промыслами, ремеслами и торговлей, народъ беззаботный и простодушно добрыхъ нравовъ, честный, привѣтливый, дружественно-гостепріимный, безпечный и малоспособный къ политическимъ расчетамъ и предпріятіямъ, сильно привязанный къ старымъ формамъ, порядкамъ и обычаямъ жизни, къ старой свободѣ, неумѣющий поступаться ею даже для достиженія высшихъ, спасительныхъ цѣлей; словомъ — народъ, хотя не чуждый нѣкоторой образованности, но все же близкій къ патріархальному времени и, сравнительно съ сосѣдями, на нѣсколько вѣковъ опоздавшій въ историческомъ движеніи впередъ.

Съ другой стороны — насъ встрѣчаетъ племя буйное, одичалое въ непрерывной борьбѣ со врагомъ-чужеземцемъ и между собою, преданное грабежамъ и разбою, озлобленное, и потому свирѣпое, беспощадное и загроубѣлое въ жестокостяхъ; племя, до крайности развившее корыстный эгоизмъ, заставлявшее много страдать другихъ, но и само страдавшее еще болѣе; племя, наконецъ — безотрадно ходившее во тьмѣ и сѣни смертнѣй, отовсюду опутанное сѣтями мрачнаго суевѣрія, жадно требовавшего крови, грозившаго однимъ карами да ужасами.

Мы имѣемъ предъ собою какъ будто два, совершенно различные, далекіе народа!

1) *Adami brem. Gesta II, 19.*

Первыя свойства были свойствами природы и естественныхъ условій и обстоятельствъ жизни, вторыя — были результатомъ условій и отношеній историческихъ.

Исторія давала совершенно иное направленіе дѣятельности, понятіямъ, чувствамъ и наклонностямъ народа, чѣмъ то, къ которому располагала его и природа характера и долговременныя привычки, отвердѣвшія въ характеръ. Жизнь проходила подъ дѣйствіемъ этихъ двухъ непримиренныхъ и другъ друга исключającychъ силъ, и потому была полна глубокихъ внутреннихъ противорѣчій. Среди тяжелыхъ, ожесточающихъ историческихъ обстоятельствъ — свойства мирной, доброй природы народа поступались, слабѣли и искажались, но все же они были еще довольно сильны и выходили наружу всюду, гдѣ открывалась свобода и просторъ ихъ обнаруженію. Въ этой борьбѣ и взаимно-дѣйствіи двухъ разнородныхъ началъ заключается, на нашъ взглядъ, разгадка не только многихъ непонятныхъ явленій, но и вообще всего быта и исторіи балтійскихъ славянъ. Здѣсь — ключъ къ правильному ихъ пониманію!

Той же двойственности подчинялась и *область права*: она была въ этомъ случаѣ вѣрнымъ отраженіемъ самой жизни, колебавшейся между дѣйствіями двухъ различныхъ силъ и немогшей привести ихъ въ согласіе.

Потому, напрасно стали бы мы искать здѣсь какого-нибудь одного общаго, управляющаго отдѣльными явленіями, начала. Въ тотъ періодъ исторіи, который составляетъ предметъ нашего изслѣдованія, главными источниками права и правовыхъ дѣйствій бываютъ или старыя, вѣками сложившіеся убѣжденія и порядки быта, или инстинкты, привычки и понятія, выходящія изъ историческихъ обстоятельствъ и отношеній. Иногда эти двѣ силы дѣйствуютъ вмѣстѣ, сливаясь и пополняя другъ друга, но чаще — они идутъ врознь, сама по себѣ и исполняютъ жизнь противорѣчіями и внутренней борьбой. Народы, сильные единствомъ — обыкновенно счастливо переживаютъ этотъ болѣзненный кризисъ, выходя изъ него какъ бы обновленными; народы же слабые и

безпечные погибають, т. е. переходять «въ языкъ инъ и племя ино.»

Древности права.

Право. Обычай. Законъ. Постановленія власти.

Титмаръ, какъ бы противъ своей воли — даетъ довольно определенное свидѣтельство о томъ, что балтійскіе славяне считали закономъ — вѣрное исполненіе слова или обязательства. «Вѣроломные, говорятъ онъ, и измѣнчивые сами, они требуютъ отъ другихъ точной и непреложной вѣрности ¹⁾». Если таково было требованіе отъ враговъ и чужихъ людей, то тѣмъ болѣе оно имѣло мѣсто и силу въ собственныхъ отношеніяхъ, гдѣ являлось необходимѣйшимъ условіемъ общегитія. Мы слышали (стр. 67) отзывы Адама бременскаго и Сефрида о необычайной честности, правдивости и общительномъ довѣріи (*fides et societas*), существовавшихъ у Руянъ и Поморянъ; другой свидѣтель XII вѣка передаетъ и частный случай *обычной славянамъ вѣрности* однажды сдѣланному уговору ²⁾. Такія постоянныя черты народнаго характера выходили, конечно, не изъ однихъ инстинктовъ доброй, простой природы, но и изъ сознанія правды, изъ убѣжденія въ необходимости справедливыхъ дѣйствій, словомъ — изъ юридической идеи. Потому, оставляя въ сторонѣ отзывы закупленныхъ враждою чужеземцевъ, упрекающихъ славянъ въ вѣроломствѣ, лживости и непостоянствѣ (см. стр. 66—7), мы имѣемъ полное основаніе думать, что *понятія права, правды, справедливости, нравственнаго закона*, вопреки многимъ житей-

1) «Infideles ipsi et mutabiles ipsi, inmutabilitatem ac magnam exigunt ab aliis fidem», Thietmari Chronicon VI, 18.

2) Excerpta quaedam e uisionibus Godeschalci Nouimonasteriensis, cap. XXII, apud Langebek: Scriptores rerum danicarum, t. V. Haun. 1783, p. 368. Объ этомъ свидѣтельствѣ см. ниже, въ ст. о «договорахъ».

скимъ искушеніямъ и несмотря на частое забвеніе ихъ — оставались въ бытѣ славянъ на степени понятія опредѣленно-твердаго, какъ живое правовое начало, которому подчинялись частныя и общественныя дѣйствія и отношенія лицъ.

Совокупность юридическихъ обыкновений, законовъ и постановлений, подъ властью и дѣйствіемъ которыхъ жили балтійскіе славяне, обозначается въ источникахъ слѣдующимъ образомъ:

«Ritus gentis slauicae, ius gentis Slauorum, ritus gentilis, lex, mos regionis, mos gentis slauicae, lex antiqua patrum et maiorum, leges antiquae, patriae leges, parentum ueterae traditiones, priscae patrum consuetudines, ius slauicum, ius proprium, gentis slauicae consuetudo, ius pomeranicum, consuetudo, quae ius slauicum appellatur, consuetudo, quae in Slauia pro lege (uel iure) consueuerat obseruari» ¹⁾.

Разсматривая внимательно употребленіе этихъ выраженій въ самихъ текстахъ свидѣтельствъ, нельзя не замѣтить, что ими обозначаются два близкія, но различныя юридическія начала: во первыхъ — *начало права обычнаго*, или старыя обыкновенія, сохранные путемъ преданія; во вторыхъ — *начало права и власти государственной*, или установленія правительства.

Не имѣя письменности, балтійскіе славяне не имѣли и письмомъ укрѣпленной «правды». Они руководились обычаями, преданіями и примѣрами отцовъ, жили по старинѣ и «закону свѣту», установленному предками и переданному ими, какъ наслѣдье — потомкамъ. Законъ отцовъ, «lex antiqua patrum et maiorum» былъ полнымъ вождемъ и правителемъ ихъ жизни.

Власть обычнаго права имѣла широкое пространство: ему подчинялись какъ семейныя и вообще частныя отношенія, такъ во многомъ — и общественныя.

1) Einhardi Annales sub. an. 823; Widukindi Res gestae Sax. II, 21; Herbordi Dialogus, II, 22—4, 26, 32; Ebonis Vita Ottonis, II, 7, 11; Helmoldi Chronica, I, 13; cf. c. 82; Codex Pomer. diplom. № 41, 88, 126; Meklenb. Urk. Buch № 114, 150, 247 etc.; «wendesch recht» упоминается въ Саксонскомъ Зерцалѣ, кн. III, art. 73.

Семья или родъ (ибо родъ въ сущности есть только естественное распространение семьи), какъ древнѣйшій природно-юридическій союзъ, непрерывно продолжающійся отъ незапамятной древности до нашихъ дней, тѣмъ крѣпче должна была хранить обычай и тѣмъ полнѣе довольствоваться имъ, что область ея была мало открыта для новыхъ, измѣняющихъ явленій и вліяній. Регулирующее общественное начало заходитъ сюда очень поздно, не ранѣе полного утвержденія христіанства и церковнаго закона. До того времени семья управлялась своимъ обычаемъ, порядки ея находились въ исключительномъ вѣдѣніи закона по преданію. Послѣдній можно сказать выросъ среди нея.

Тоже должно замѣтить и вообще о частныхъ отношеніяхъ лицъ: обычай, по большей части, представлялся достаточнымъ для точнаго опредѣленія и разрѣшенія затрудненій ихъ.

Въ дѣлахъ и отношеніяхъ общественныхъ обычное право имѣло дѣйствующую силу тамъ, гдѣ общественные порядки и учрежденія велись по старинѣ, гдѣ они связывались съ нею непорванной нитью живого преданія.

Когда обычный законъ прямо оказывался недостаточнымъ для разрѣшенія возникавшихъ вопросовъ и случайностей подвижной жизни и исторія, то постановлялся *новый* (чешск. *nalez, sententia, decretum*) ¹⁾, который, смотря по свойству, могъ имѣть или постоянное дѣйствіе, или временное, на данные случаи. Во времена, болѣе далекія, при полномъ господствѣ преданія, такіе законы и рѣшенія происходили на стародавнихъ основаніяхъ, путемъ самобытной мысли; но по мѣрѣ историческаго развитія племени и знакомства его съ бытовыми порядками другихъ, чужеземныхъ народовъ, могли усвоиться и получать законную силу и нѣкоторыя чужеземныя обыкновенія, тѣмъ легче, чѣмъ менѣе они противорѣчили исконному строю жизни и чѣмъ ближе могли отвѣчать встрѣчавшимся требованіямъ и нуждамъ.

1) Herbordi Dialogus II, 4, 25; III, 30.

Религіозныя учрежденія и порядки держались также силою обычая, принадлежали къ тому же твердому, преданіемъ донесенному закону.

Обычное право балтійскихъ славянъ есть памятникъ того отдаленнаго времени, когда вполне господствовало частное, семейное или родовое начало. Освященное вѣковою практикой народа, оно имѣло болѣе охраняющій, консервативный, чѣмъ прогрессивный характеръ. Его дѣйствіе въ народномъ бытѣ было тѣмъ шире и значительнѣе, что сама исторія располагала народный характеръ къ упорному консерватизму. Здѣсь умѣстно остановиться на одномъ отличительномъ свойствѣ обычнаго права, невниманіе къ которому часто приводитъ къ неразрѣшимымъ недоумѣніямъ и ложнымъ выводамъ. Мы говоримъ о пріусущихъ ему внутреннихъ противорѣчіяхъ и несогласіяхъ. Обычное право — не есть органическое-цѣлое, члены котораго, выходя изъ одного начала, отвѣчали бы другъ другу и по идеѣ и по дѣйствию: это — сборный результатъ предшествующей жизни народа, гдѣ механически, неупорядоченно и несогласенно — скопились самыя гетерогенныя, исторически различныя и нерѣдко — другъ друга исключаютія, начала: обычаи вѣковъ глубочайшей древности, дошедшіе по преданію, и порядки послѣдняго времени; рѣшенія давнымъ давно пережитой старины и отвѣты на новыя потребности; здѣсь заурядъ, совокупно дѣйствуетъ и то, что прямо вытекаетъ изъ жизни, имѣетъ смыслъ и значеніе, — и то, что утратило всякій смыслъ и держится только силою традиціонной привычки и безотчетнаго вѣрованія народа въ его непонятную правду и непреложность. Между такими различными и разновременными фактами — противорѣчія и несогласія неизбежны. Иногда, при дѣятельномъ направленіи народной мысли, эти противорѣчія устраняются и сглаживаются: старые, отжившіе обычаи падаютъ или получаютъ новую окраску и направленіе; но очень часто они живутъ и дѣйствуютъ въ своей древней формѣ, уцѣлѣвшей вопреки всѣмъ успѣхамъ быта. Особенно стойки и сплны бываютъ они тамъ, гдѣ ихъ противорѣчіе съ новыми порядками ограничивается

одною, такъ сказать, теоретическою стороною дѣла, гдѣ они не мѣшаютъ практическому ходу новыхъ, вызванныхъ самою жизнью, обычаевъ и учреждений. Тамъ — старое мирно уживается съ новымъ, не смущая людей своими взаимно другъ друга исключающими противорѣчiями. Таковъ вообще характеръ обычнаго права. А потому — ложный шагъ сдѣлаетъ тотъ, кто захочетъ объяснить всѣ его явленiя изъ одной общей идеи, или согласить ихъ противорѣчiя: онъ неминуемо придетъ къ ложнымъ, противорѣчающимъ живой исторiи, заключенiямъ.

Какимъ образомъ и какимъ путемъ въ бытѣ балтiйскихъ славянъ зародились начала государственной власти и права — одинъ изъ самыхъ темныхъ и самыхъ трудныхъ вопросовъ ихъ древности. Развились ли они путемъ естественнымъ, изъ обычныхъ, семейно-родовыхъ учреждений и порядковъ, вошли ли въ жизнь помимо воли и санкцiи массы, какъ простые факты внѣшней силы, получившіе потомъ только юридически-обязательное значенiе закона — рѣшить, пока, невозможно; одно не подлежитъ сомнѣнiю, что, еще до начала положительной исторiи балтiйскихъ славянъ, въ бытѣ ихъ уже присутствуютъ эти зародыши государственной власти. Они очень еще слабы, но тѣмъ не менѣе дѣйствительны: самъ народъ признаетъ не только фактическое ихъ существованiе, но и право на такое существованiе.

Событiя тревожной исторiи и шедшее въ связи съ ними усиленiе общественной власти — сдѣлали необходимымъ установку нѣкоторыхъ юридическихъ порядковъ и правилъ, которыми опредѣлялись права и дѣйствiя власти, общественныя обязанности и повинности народа. Это — начатки государственнаго наряда и администрацiи.

Отъ старыхъ правовыхъ обычаевъ эти юридическіе институты существенно отличались тѣмъ, что они почти вовсе не касались области частнаго права и частныхъ отношенiй лицъ; равнымъ образомъ, почва тѣхъ и другихъ была различна: обычный законъ, за немногими исключенiями, выросъ на народныхъ основанiяхъ, а постановленiя правительства довольно рѣдко бывали

самобытны, и по большей части переносились отъ сосѣднихъ народовъ, которые имѣли болѣе твердую государственную организацію и ея учрежденія. Для народа, преданнаго старинѣ и упорно хранившаго формы розничнаго, безгосударственнаго быта — государственныя учрежденія были, конечно, началомъ стѣснительнымъ и чуждымъ, и не могли имѣть той нравственно обязательной силы, какою пользовались его коренные обычаи; тѣмъ не менѣе, *de facto* — власть ихъ являлась столь же дѣйствительною, какъ и власть излюбленнаго обычнаго закона: имъ подчинялись по необходимости.

Таковы были два главныя начала права, два закона, подѣ дѣйствіемъ которыхъ проходила жизнь и развивалась культура балтійскихъ славянъ. Иногда они дѣйствовали врознь, сами по себѣ, иногда сближались въ стремленіяхъ и даже основаніяхъ, обычное учрежденіе кой-гдѣ становилось государственнымъ институтомъ, послѣдній входилъ въ обычай; но природа ихъ была различна, а отсюда — различна была и степень вліянія ихъ на жизнь народа. Несмотря на то, что обычное право являлось консервативнымъ, задерживающимъ началомъ, что оно старалось лишь сохранить существовавшія, многовѣковой практикой закрѣпленныя, формы быта и его порядки, все же оно было началомъ твердымъ, живою дѣйствующею силою, которая управляла частными и общественными житейскими отношеніями и связывала въ одно цѣлое отдѣльные члены обществъ и племенъ. Начатки государственнаго элемента не могли достигнуть такого значенія уже и потому, что остались на степени слабыхъ начатковъ, не успѣвъ развиться въ твердую организующую и объединяющую силу. Для жизни и успѣховъ народной славянской культуры они не принесли никакихъ существенныхъ улучшеній, ничего, что могло бы укрѣпить основы быта, сплотить и упорядочить расшатанные исторіей его элементы. Какъ слабо и безжизненно было у балтійскихъ славянъ туземное государственное начало — всего яснѣе видно, наконецъ, изъ того, что оно съ удивительною скоростью и безъ всякой борьбы, незамѣтно перехо-

дѣтъ въ начало нѣмецкое. Только со времени этого самоуничтоженія оно получаетъ дѣйствительную силу и старается проявить ее прежде всего въ ревностномъ введеніи и утвержденіи германскихъ порядковъ.

Хотя всѣ славянскія племена, сидѣвшія на пространствѣ между рѣками Лабой и Вислой, были самыми близкими родственными побѣгами одной этнографической отрасли, тѣмъ не менѣе, относительно степени своего развитія, они представляютъ не мало различія, смотря по мѣсту жительства и болѣе или менѣе благоприятнымъ для успѣховъ культуры условіямъ. Племена, обитавшія при морѣ, въ мѣстахъ, гдѣ происходила значительная торговая дѣятельность, вблизи городовъ, какъ Оботриты, сѣверные Лютичи и Поморяне — стояли, конечно, на несравненно высшей степени развитія, чѣмъ иные ихъ соплеменники, проживавшіе въ глухихъ мѣстахъ, среди болотъ и лѣсовъ, и такимъ образомъ отчужденные отъ прочаго міра. Эта неравномѣрность распространенія культуры замѣтна кой-гдѣ и въ скупыхъ показаніяхъ источниковъ, ею объясняется не только различіе въ нѣкоторыхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ однихъ племенъ отъ другихъ; но и вообще неравномѣрность въ развитіи правовой культуры балтійскихъ славянъ: у однихъ государственная власть выступаетъ сильнѣе и значительно уже ограничиваетъ свободу обычнаго права, у другихъ она остается на степени простыхъ зародышей, а обычный законъ еще дѣйствуетъ полновластно; кой-гдѣ мы встрѣчаемся съ обыкновеніями единичными, дѣйствующими въ одной какой-нибудь мѣстности и совершенно забытыми или вовсе неизвѣстными въ другой... Намъ нерѣдко придется указывать на подобныя явленія, и мы считаемъ важнымъ напередъ признать и отмѣтить такой фактъ, чтобы не дать повода видѣть обобщеніе тамъ, гдѣ дѣло идетъ только о частномъ, такъ сказать приходскомъ обычаѣ и учрежденіи, не переходящемъ за черту одного какого-нибудь племени.

Семейный бытъ.

Полъ. По древнему праву европейскихъ народовъ, женщина выступаетъ лицомъ, менѣе правоспособнымъ и меньшей юридической цѣнности, чѣмъ мужчина.

Это начало, не чуждое понятіямъ всѣхъ славянъ, дѣйствуетъ во всей своей силѣ и въ бытѣ славянъ балтійскихъ. Изъ послѣдующаго изложенія откроется, что а) мужескій полъ имѣетъ безусловное право на жизнь, женскій же — съ извѣстными ограниченіями, опредѣляемыми отцовскою властью; что б) наслѣдниками и владѣтелями семейнаго имущества являются мужчины, женщины же исключаются изъ наслѣдованія и иногда сами разсматриваются, какъ предметъ собственности или владѣнія: онѣ несутъ отвѣтственность за проступки, совершенные ихъ мужьями, подвергаются вмѣсто ихъ, или вмѣстѣ съ ними — наказанію, секвестру или заключенію и продажѣ; что в) мужья могутъ отдать въ неволю своихъ женъ — наравнѣ съ рабами; что г) жены, какъ собственность мужей, слѣдуютъ за ними въ могилу, а не наоборотъ; что д) высшее, чего въ правомъ отношеніи могли достигнуть женщины была опека надъ малолѣтними; наконецъ — самые источники, прямо или косвенно, нерѣдко указываютъ на права мужского пола и очень рѣдко, почти никогда не говорятъ о правахъ лицъ женскаго пола.

Ясно, что женщина не пользовалась полной правоспособностью и, такъ сказать заслоняясь мужчиной — не признавалась юридически самостоятельной личностью.

Еслибы, впрочемъ, у насъ не было достаточныхъ указаній на такой фактъ, то — довольно и однихъ общихъ справокъ съ исторіей балтійскихъ славянъ, чтобы убѣдиться въ его необходимости. Тамъ, гдѣ бытомъ управляетъ внѣшняя боевая сила, гдѣ господствуетъ страсть къ отважнымъ предпріятіямъ, тамъ — женскій полъ не можетъ имѣть высокой, равной мужескому, цѣны и значенія: женщина стоитъ какъ бы внѣ общественной

жизни и соприкасается съ нею только чрезъ посредство мужа и сыновей.

Мы увидимъ, что это начало не было проведено въ жизни съ логическою строгостью; въ пользу женщины здѣсь говорили многія прирожденныя чувства и значительно смягчали ея положеніе; но по праву и закону женскій полъ стоялъ и признавался гораздо ниже мужского.

Семья и родъ. Сколько можно судить по отрывочнымъ и скуднымъ показаніямъ источниковъ — господствующею юридическою формою частнаго быта у балтійскихъ славянъ была *семья* или *союзъ семейный*. Союзъ родовой, какъ совокупность всѣхъ родичей, происходящихъ отъ общаго корня и связанныхъ между собою извѣстными юридическими отношеніями, правами и обязанностями, словомъ — какъ правная форма жизни — почти вовсе не виденъ: родственныя отношенія остаются на степеняхъ нравственной силы, не имѣя силы юридической и не дѣйствуя, какъ таковая.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что именословъ деревень и сельбищъ у балтійскихъ славянъ представляетъ очень немного именъ родовыхъ; да и они еще не даютъ права заключать о существованіи юридическаго рода, ибо родовымъ именемъ могло обозначаться сожительство нѣсколькихъ отдѣльныхъ семействъ, хотя и пошедшихъ отъ одного родоначальника, но не стоящихъ въ правовомъ родовомъ союзѣ. Тоже слѣдуетъ сказать и о такихъ по названію *родовыхъ* племенахъ, какъ Лютичи-Велетовы, Любичи, Лѣтичи, Земчичи и т. д.: дѣйствительное или воображаемое (фиктивное) происхожденіе ихъ отъ общихъ родоначальниковъ не представляетъ еще ручательства, что юридической формой быта ихъ былъ родовой союзъ; такъ какъ родовыя наименованія могутъ держаться очень долгое время и по совершенномъ разложеніи рода. Въ свидѣтельствахъ исторіи мы встрѣчаемъ нравственное вліяніе родового начала¹⁾, но вліянія юридическаго

1) Эбонъ говоритъ о какомъ-то знатномъ Домиславѣ, что по его волѣ «*universa tam publica, quam priuata disponebantur negocia. Nam et pars maxima*

почти не видимъ. Говоримъ — *почти*, потому что все же есть нѣсколько случайныхъ историческихъ фактовъ, которые какъ бы указываютъ, что «родовой союзъ» нѣкогда присутствовалъ и дѣйствовалъ въ бытѣ балтійскихъ славянъ, но уже въ древнюю эпоху разложился, оставивъ по себѣ одни незначительные слѣды и воспоминанія ¹⁾. Такое явленіе не покажется страннымъ, если припомнить, что крѣпость родового союза зависитъ отъ большей или меньшей степени патріархальности и спокойствія быта. Полное господство родового быта, *родъ* чистой формы относится къ незапамятной эпохѣ славянской старины; во времена историческія мы имѣемъ только обломки отъ этого стараго союза, у каждаго племени смотря по обстоятельствамъ жизни: чѣмъ болѣе народъ жилъ по старинѣ и хранилъ ея начала, чѣмъ менѣе онъ былъ захваченъ исторіей, тѣмъ ярче въ его бытѣ остались слѣды родового правнаго начала, родовыхъ порядковъ и установленій. Поэтому славяне восточные и юго-западные сохранили начала родового быта въ гораздо большей свѣжести, чѣмъ славяне западные, чехи и поляки ²⁾; а послѣдніе, въ свою очередь, въ большей свѣжести, чѣмъ славяне балтійскіе, исторія которыхъ началась рано и шла такой неровной, тревожной дорогой.

Какъ бы то ни было, съ той поры, какъ балтійскіе славяне становятся извѣстны, присутствіе и дѣйствіе родового начала въ ихъ правовомъ бытѣ обнаруживается такими поблѣклыми, слабыми чертами, что можно считать родъ уже разложившимся. Онъ, быть можетъ, существовалъ еще только по тѣмъ уединеннымъ,

urbis Stetinensis propinquis et affinis Domizlai repleta; sed et in aliis circumiacentibus regionibus, tantam propinquorum turbam habebat, ut non facile quisquam ei resistere posset». . Ebo nis Vita Ottonis, II, 9; cf. Herbordi Dialogus II, 28.

1) См. ниже, въ статьѣ «о наслѣдствѣ»; тамъ собраны относящіяся сюда мѣста изъ источниковъ.

2) Объ остаткахъ родового союза у поляковъ см. ст. Röppl'я: «über den Geschlechtsverband» въ приложеніяхъ къ его Geschichte Polens, Nam. 1840, p. 559—614.

заброшеннымъ среди болотъ и лѣсовъ, племенамъ, которыхъ почти не коснулась исторія и ея свидѣтельства.

Вездѣ, напротивъ, нормальною формою быта выступаетъ *союзъ семейный*, состоящій изъ мужа-отца, жены-матери, дѣтей ихъ и иногда — стариковъ родителей.

Источники представляютъ въ этомъ отношеніи нѣсколько указаній, заслуживающихъ быть замѣченными. Такъ счетъ жителей въ Поморьѣ шелъ по семьямъ, т. е. по отцамъ семействъ: въ Штетинѣ жило такихъ отцовъ около *девяти сотъ* ¹⁾. Болеславъ III обязывалъ Поморянъ къ военной помощи слѣдующимъ образомъ: девять отцовъ семействъ снаряжаютъ на войну оружіемъ и продовольствіемъ десятого и во время его отсутствія пекутся о его домѣ и семьѣ ²⁾. Здѣсь разумѣются, конечно, не *роды*, а *семьи*; ибо нельзя же думать, что въ то время въ Штетинѣ, какъ бы ни былъ обширенъ городъ, проживало девятьсотъ родовъ, не считая дѣтей, женщинъ и остального множества, такъ сказать безродныхъ. Постановленіе Болеслава прямо указываетъ на дробныя семьи, какъ на правную единицу частнаго быта: забота о семьѣ во время отсутствія отца-покровителя — при родовомъ устройствѣ немыслима.

Вспомнимъ еще, что и подать съ балтійскихъ славянъ взималась не съ общаго количества обработанной земли, какъ было бы умѣстно при родовомъ владѣніи; но съ числа сохъ или количества рабочаго скота, какъ вполне умѣстно въ семейномъ, единичномъ хозяйствѣ ³⁾.

Далѣе, въ продолженіи нашего изложенія, мы встрѣтимся съ

1) «In tam ingenti ciuitate (Stetina), que nongentos patres familias absque paruulis et mulieribus et reliqua multitudine numeratos habebat, non est inuenta persona»... etc. Herbordi Dialogus II, 34.

2) «Si bellum ingruerit ei (principi Polonorum), hoc modo eum iuuabunt: nouem patres familias decimum in expeditionem armis et impensis habunde procurabunt; et eiusdem familie interim domi fideliter prouidebunt».. Herbordi Dialogus II, 30.

3) См. выше, стр. 46—7 и пр. 1 на 47-ой стран.

еще болѣе разительными доказательствами правнаго господства семейнаго, а не родового начала жизни.

Семейно-родовые термины, сохранившіеся въ языкѣ, указываютъ на такія же развитыя родственныя отношенія, какія были и у другихъ славянъ ¹⁾).

Бракъ. Источники представляютъ очень мало данныхъ для заключеній о *юридическихъ условіяхъ брачнаго союза* и вообще о *правахъ брака* у балтійскихъ славянъ. Съ полной достовѣрностью намъ извѣстно въ этомъ отношеніи очень немногое.

Многоженство. У балтійскихъ славянъ существовалъ еще обычай многоженства. О немъ дошли довольно опредѣленные указанія.

Въ прощальномъ наставленіи къ жителямъ г. Пырицы еписк. Оттонъ, по передачѣ его біографа, запрещалъ имъ имѣть многихъ женъ:

«Vos qui usque ad haec tempora non christiani sed pagani fuistis, sacramentum coniugii non habuistis; quia fidem uni thoro non seruastis, sed, qui uoluistis, plures habuistis uxores. Quod deinceps uobis non licebit. . Si quis ergo in uobis est, qui plures habuerat uxores ante baptismum, nunc unam de illis, que sibi magis placet, eligat. . .» ²⁾).

Ставъ христіаниномъ, поморскій князь Вартиславъ и многіе другіе клятвенно отказались отъ многихъ женъ, которыхъ дотолѣ имѣли:

«coram episcopo, populo aspiciente, uiginti quatuor concubinas, quas ritu gentili sue legittime uxori superduxerat, publice abiurauit. Quod uidentes, alii complures eiusdem enormitatis

1) «ота (eyta, eyda), мати (motáy, mohtey), сыно (sānka, sōnka), вѣтрокъ (woatrick), дѣвка (dēwka, deefka) = дочь; братъ, братецъ (brot, brotatz, brúdatz), сестра (sēstra), стрія (straja, straga, streujah), вѣя (wanga, wāujah), тетя (teta? tetang), дѣдъ (? dédan), баба (baba), матечка (motechga) = мачеха; зять, зятникъ (santick, ssankt) = женихъ и зять въ теперешнемъ смыслѣ

2) Herbordi Dialogus II, 18.

presumptores, abiurata et ipsi coniugum pluralitate, uno thoro exemplo ducis fidem se seruatueros polliciti sunt» ¹⁾).

По обращеніи Штетинины въ христіанство — жители также отрекаются отъ многоженства:

«Emundata ciuitate (Stetina) ab immanitate scelerum et spurcitiarum, abdicata etiam coniugum pluralitate. . fiunt cathecismi per uicos et capita platearum. . » ²⁾).

Въ собственномъ отчетѣ еп. Оттона о его дѣйствіяхъ въ Поморьѣ говорится, что онъ внушилъ туземцамъ, чтобы каждый довольствовался одною только женою:

«unus quisque contentus sit una uxore» ³⁾).

Къ извѣстію Адама бременскаго о многоженствѣ у шведовъ его схолиастъ дѣлаетъ замѣчаніе, что тотъ же обычай существуетъ у славянъ и другихъ народовъ:

«Quo morbo Sclauī laborant et Parti. . . etc.» ⁴⁾).

Наконецъ, въ грамотѣ (1249 г.) папскаго легата Якова, говорится, что «неофиты» обѣщали впредь не имѣть по двѣ или по нѣсколько женъ:

«promiserunt (Neophyti) quod duas uel plures uxores simul de caetero non habebunt, sed una sola contenti cum ipsa contrahet unusquisque sub testimonio competentis» ⁵⁾).

Многоженство представляется такимъ образомъ, повидимому, несомнѣннымъ обычнымъ фактомъ народной жизни на славянскомъ Поморьѣ.

Разсмотримъ же бытовую силу и правовое значеніе обычая, т. е. степень его распространенія въ народѣ, юридическія условія и слѣдствія его существованія.

Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ трудно сдѣлать какое-нибудь положительное въ этомъ отношеніи заключеніе. Первое

1) Ibidem, II, 22.

2) Ibidem, II, 34.

3) Ebonis, Vita Ottonis, II, 12.

4) Adami brem. Gesta IV, 21, sch. 127.

5) Dreger Codex diplomaticus. . St. 1748, p. 290.

изъ нихъ есть часть увѣщательной рѣчи, обращенной еп. Оттономъ къ жителямъ Пырицы и окрестныхъ мѣстностей; легко потому подумать, что многоженство было довольно сильно распространено среди самаго народа. Но, вглядываясь ближе во всѣ обстоятельства дѣла, приходится отказаться отъ такого заключенія. Прежде прочаго — рѣчь Оттона въ текстѣ его жизнеописателя (Герборда) — не *дѣйствительная рѣчь* бамбергскаго миссіонера, а досужее *сочиненіе* біографа, которому показалось приличнымъ, чтобы епископъ, на прощаньи съ новообращенными, сказалъ имъ наставительное слово, соединявшее ученіе вѣры и правила христіанской жизни съ обличеніемъ поморскихъ нехристіанскихъ уклоненій отъ нихъ. На этотъ конецъ — литераторъ Гербордъ сочинилъ рѣчь, въ которой собралъ въ общихъ чертахъ все, что могъ узнать о языческихъ обыкновеніяхъ балтійскихъ славянъ отъ Сефрида и прочихъ свидѣтелей очевидцевъ. Онъ зналъ, что у Поморянъ существовалъ еще обычай многоженства и потому заставилъ Оттона обличить его грѣховность. Вотъ почему, не отвергая общей справедливости его показанія, какъ свидѣтельства о существованіи явленія, нельзя довѣряться его такъ сказать частной справедливости, примѣнительно къ данному случаю, нельзя придавать ему значеніе обстоятельнаго, исторически точнаго извѣстія. Но пойдемъ далѣе: допустимъ даже, что бамбергскій проповѣдникъ дѣйствительно подобнымъ, или близкимъ къ этому — образомъ убѣждалъ народъ отвергнуть обычай многоженства, всеже и тогда мы должны оставить за такимъ извѣстіемъ лишь значеніе *общаго, глухого факта*; ибо Оттонъ явился въ страну славянъ съ готовыми свѣдѣніями о темныхъ, нечестивыхъ обычаяхъ ихъ языческой жизни: онъ напередъ, конечно, зналъ о существованіи у нихъ противнаго христіанскому закону обычая многоженства и не могъ не вооружиться противъ него при первомъ началѣ своей дѣятельности, при первой проповѣди.

Гораздо опредѣлительнѣе и, потому, гораздо важнѣе — *второе* свидѣтельство. Князь Вартиславъ отказывается отъ двадцати

четырехъ наложницъ, которыхъ, по условіямъ языческой жизни и обычаю, онъ имѣлъ сверхъ законной жены; по примѣру князя отъ многоженства отказываются и *многія* другія лица. Позвоительно думать, что такимъ образомъ обычай не былъ общенароднымъ; имъ пользовался-князь и нѣкоторые другія лица, но не всѣ; да и они, кромѣ побочныхъ женъ — имѣли одну *законную*, признаваемую за таковую, стало быть — *de iure* у нихъ существовало и дѣйствовало начало моногаміи. . . .

Послѣднія четыре свидѣтельства слишкомъ глухи: они утверждаютъ только существованіе факта.

Итакъ, прямыя извѣстія источниковъ мало разрѣшаютъ вопросъ о степени распространенности обычая многоженства. Обратимся къ показаніямъ косвеннымъ, домашнимъ и взятымъ изъ древняго быта прочихъ славянскихъ племенъ.

За вычетомъ біографовъ Оттона и схолиаста къ Адаму бременскому—никакой другой свидѣтель исторіи и быта балтійскихъ славянъ не говоритъ о существованіи у нихъ обычая многоженства: ничего подобнаго, ни даже далекаго намека на него — мы не находимъ ни въ самомъ текстѣ Адама бременскаго, ни у Титмара, ни у Гельмольда, ни у Саксона Грамматика; а они, кажется, должны были бы замѣтить такое рѣзкое явленіе славянскаго быта, особенно тамъ, гдѣ имъ приходилось касаться условій семейной жизни, или говорить о паденіи язычества и замѣнить его порядковъ христіанскими. Бамбергскіе миссіонеры довольно близко были знакомы со многими знатными людьми поморской земли и ихъ семьями ¹⁾, и нигдѣ, кромѣ указаннаго случая, они не упоминаютъ о многоженствѣ; епископъ Герольдъ (вмѣстѣ съ Гельмольдомъ?) прошелъ Вагрію, былъ гостепріимно принятъ и угощаемъ княземъ Прибиславомъ и другимъ знатнымъ мужемъ Тессемиромъ; онъ очень многое видѣлъ, слышалъ и передалъ касательно образа жизни, языческихъ вѣрованій и обычаевъ сла-

1) Herbordii Dialogus II, 24, 26—29; III, 14 sq. Ebonis, Vita Ottonis II, 8—9; III, 12, 15.

вянъ; но обычай многоженства остался ему неизвѣстенъ; по обращеніи Прибислава въ христіанство—графъ Адольфъ и священникъ Бруно нашли нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя постановленія, запрещавшія обычай языческой жизни; между ними также—нѣтъ помина о многоженствѣ ¹⁾. Такія «argumenta a silentio» — не могутъ быть оставлены безъ вниманія: они, по крайней мѣрѣ, даютъ право думать, что обычай въ бытѣ балтійскихъ славянъ X—XII вв. не имѣлъ особой жизненной силы и широкаго распространения, иначе онъ былъ бы болѣе замѣченъ людьми, съ ними соприкасавшимися или равнодушными къ успѣхамъ христіанской жизни на балтійскомъ поморьѣ.

Что находимъ мы у другихъ славянъ?

Извѣстія арабскихъ писателей на этотъ разъ для насъ останутся всторонѣ: они и неопредѣленны и незначительны; важнѣйшее изъ нихъ указываетъ только, что у славянъ бывало по три жены ²⁾; но какіе славяне разумѣются здѣсь, въ какой мѣрѣ распространено было между ними многоженство — это остается вопросомъ. Нѣсколько опредѣленнѣе извѣстія польскія, чешскія и русскія.

Мартинъ Галль говоритъ, что Мѣшко по языческому обыкновенію имѣлъ семь женъ; Кадлубекъ, реторически распространя это извѣстіе, даетъ какъ будто бы разумѣть, что самъ Мѣшко называлъ ихъ своими женами, стало быть — признавалъ законными. . ³⁾ Такъ именно и понялъ слова Кадлубка Лелевель, опровергая ими мнѣніе позднѣйшихъ писателей, что это были на-

1) Helmoldi Chronica I, 82, 83.

2) Ибнъ-Даста (X-го в.): «если у покойника (славянина) было три жены...» etc., у Хвольсона: Извѣстія о Хозарахъ Буртасахъ... Спб. 1869, стр. 30, cf. стр. 130 sq.

3) «Adhuc tum in tanto gentilitatis errore inuoluebatur, quod sua consuetudine septem uxores abutebatur...» Martini Galli Chronicon I, 5. «septem pellicum scortis, quas coniuges nuncupabat, nocturnas uariare uices consueuerat», Winc. Kadlubkonis Chron. II, 8.

ложницы ¹⁾. Доказательство — едва ли достаточное: дѣло не въ названіи, не въ имени, а въ предметѣ; тогда только можно было говорить о законности ихъ, когда бы браки съ ними были заключаемы по закону, съ обычною торжественно-обрядовою правною обстановкою, какъ всегда заключались и заключаются настоящіе браки у племенъ, возвысившихся надъ грубою степенью первобытной звѣрской культуры, или когда существовали бы на лицо ясныя правныя послѣдствія такихъ браковъ, напримѣръ въ равноправномъ наслѣдованіи женъ по смерти мужа и дѣтей отъ разныхъ женъ по смерти отца и т. п., но такихъ послѣдствій не было: всѣ жены Мѣшка остались безплодны, что и побудило его отпустить ихъ и жениться на Домбровкѣ. Вопросъ о законности остается такимъ образомъ неразрѣшеннымъ; но фактъ, что языческій обычай допускалъ многоженство сохраняетъ свою силу. Распространенія обычая — не видно; изъ молчанія о немъ лѣтописцевъ можно заключать, что онъ былъ не силенъ; напротивъ, слѣды дохристіанскаго единоженства очень явственны: родоначальникъ княжеской династіи Пястѣ имѣетъ только одну жену, Рѣпку ²⁾; говоря о языческомъ обычаѣ жены предавать себя смерти на гробѣ мужа, Титмаръ употребляетъ такія выраженія, которыя заставляютъ предполагать о единоженствѣ, какъ явленіи повсемѣстномъ ³⁾. Далѣе, Мартинъ Галль говоритъ, что старшій сынъ Владислава Германа Сбигнѣвъ былъ рожденъ отъ наложницы, самъ отецъ будто бы непризнавалъ его законности, называя въ противоположность ему Болеслава (Кривоустаго) — своимъ законнымъ сыномъ ⁴⁾; а между тѣмъ Сбигнѣвъ на дѣлѣ

1) Lelewel: *Rozpatrzenie niektórych względów i pomników prawodawstwu wiślickiemu uprzednich*, въ *Polska wieków średnich*, t. III, Pozn. 1859, стр. 409—410.

2) Martini Galli Chronicon I, 2.

3) Thietmari Chronicon VIII, 2.

4) «Zbigneus a Wladislawo duce de concubina progenitus?...» Martini Galli Chronicon II, 4; «Bolezlauus legitimus filius, meus etc...» Ibid. II, 8.

явился такимъ же дѣйствительнымъ наслѣдникомъ, какъ и Болеславъ: онъ, по раздѣлу отца, получилъ во власть половину земли, да къ тому же еще—лучшую, болѣе любимую старымъ княземъ. При объясненіи этого возможны три предположенія: во первыхъ — что такой фактъ былъ слѣдствіемъ личной воли Владислава Германа и его личного расположенія къ старшему, хотя и незаконному — сыну; или — во вторыхъ, что въ язычествѣ и время близкое къ нему — сыновья, рожденные отъ наложницъ, признавались одинаково законными, какъ и сыновья настоящихъ женъ, или, наконецъ — въ третьихъ, что лѣтописецъ неправильно взглянулъ на бракъ князя съ матерью Сбигнѣва и потому неправильно объяснилъ себѣ и правное положеніе ихъ сына. Случай, аналогически говорящій въ пользу перваго предположенія — существуетъ: Болеславъ Храбрый устранилъ отъ наслѣдства старшаго своего сына Оттона Безбраима, какъ кажется — единственно по личному расположенію къ сыну отъ третьей жены, Кунильды ¹⁾; но едва-ли такія побужденія были у Владислава Германа: Сбигнѣвъ незадолго предъ раздѣломъ поднялъ мятежъ противъ отца и былъ заключенъ имъ въ темницу ²⁾; потому едва-ли послѣдній могъ чувствовать къ сыну особую привязанность. При надѣлѣ Сбигнѣва Мазовіей, онъ руководился, конечно, не чувствомъ расположенія, а убѣжденіемъ въ законныхъ правахъ его. Равноправность сыновей, рожденныхъ отъ законныхъ женъ и наложницъ — находитъ нѣкоторую поддержку въ примѣрѣ сыновей Св. Владимира и въ аналогическихъ явленіяхъ древне-сѣвернаго права, датскаго и шведскаго ³⁾. Дѣйствительно, языческая древность нерѣдко опредѣляла права сыновей по ихъ происхожденію отъ отца, а не отъ матери: отъ какой женщины, жены или наложницы — ни произошелъ бы сынъ — все равно; если отецъ признаетъ его своимъ — онъ пользуется тѣми же правами, что и

1) Lelewel Rozpatrzenie, etc. I. c. p. 418 sq.

2) Martini Galli Chronicon II, 4, 5.

3) Adami brev. II, 72; IV, 21; Helmoldi Chronica I, 49.

другіе сыновья... Если такъ было и у прочихъ славянъ, если и Сбигнѣвъ получилъ права только въ силу подобнаго отцовскаго признанія, помимо своего происхожденія съ материнской стороны, то, очевидно, что все извѣстіе польскаго анналиста о немъ и его матери теряетъ всякое значеніе, какъ доказательство правнаго положенія многоженства: оно не будетъ свидѣтельствовать ни за, ни противъ законности обычая... Намъ кажется, однако, что такое объясненіе должно уступить въ вѣроятности своей предположенію о неправильномъ взглядѣ польскаго анналиста на событіе. вмѣстѣ съ Лелевелемъ мы болѣе склонны думать, что мать Сбигнѣва была наложницей только въ глазахъ лѣтописца, закупленныхъ церковнымъ канонѣмъ ¹⁾ и блескомъ славы его героя, Болеслава III; а не въ дѣйствительности. Она была настоящею женою Владислава, бракъ ихъ былъ дѣйствительнымъ бракомъ, но какъ женщина низкаго происхожденія, она не имѣла условій, требуемыхъ церковно-политическимъ канонѣмъ для правильнаго брака съ лицомъ свободнымъ и благороднымъ, могла считаться наложницей, и была поэтому оставлена княземъ. До какой степени такой взглядъ мало согласовался съ дѣйствительными отношеніями видно изъ того, что никто не сомнѣвался въ законности Сбигнѣва и его правъ: «ему, по словамъ Кадлубка, болѣе вредили дурныя способности, чѣмъ подозрительное происхожденіе» ²⁾. Сверхъ этого, кто вникнулъ внимательно въ историческую апофеозу Болеслава III, изображенную Мартиномъ Галломъ, для того не будетъ страннымъ встрѣтить въ оцѣнкахъ его всякія преувеличенія и крайности: всѣ свѣтлыя, благородныя и возвышенныя черты онъ собираетъ въ образѣ своего героя, набрасывая мракъ, низость и порокъ на образы враговъ его. Что же удивительнаго, что подъ такою кистью мать непріятнаго ему

1) Lelewel, Rozpatrzenie, etc. loc. cit. p. 424—5.

2) «Sbigneo non tam natalium suspicio, quam flagitiorum obfuere piacula». Wincent. Kadlubk. Chron. II, 32. ap. Bielowski Monum. II, p. 328.

Сбигнѣва явилась наложницею, а Болеславъ единственнымъ законнымъ сыномъ стараго князя!

Изъ разсмотрѣнія этого факта мы получаемъ только отрицательный для нашего вопроса результатъ, именно, что извѣстія польскаго лѣтописца о Сбигнѣвѣ и его матери не могутъ служить основаніемъ для мнѣнія о правомъ значеніи многоженства и о равноправности въ польской старинѣ дѣтей отъ наложницъ съ дѣтьми отъ законныхъ женъ.

Относительно чешской старины — древнѣйшее извѣстіе принадлежитъ Фредегару (сс. fin. s. VII): онъ рассказываетъ, что Само, ставъ правителемъ славянъ, властвовалъ надъ ними тридцать пять лѣтъ и имѣлъ двѣнадцать женъ изъ рода славянъ, отъ которыхъ родилъ двадцать двухъ сыновей и пятнадцать дочерей¹⁾. Былъ ли Само родомъ Франкъ (*natione Francus*), или, какъ основательно полагалъ Палацкій — славяниномъ, въ настоящемъ случаѣ — все равно: живя среди славянъ, онъ, конечно, слѣдовалъ не чужеземному, а славянскому обычаю, тѣмъ болѣе, что жены его были изъ рода славянъ. Потому мы можемъ разсматривать показаніе Фредегара, какъ фактъ славянской древности.

Въ Канапаріевомъ († 1004) житіи св. Войтѣха говорится, что главная причина, почему онъ въ первый разъ оставилъ Прагу — по собственному признанію, заключалась въ многоженствѣ ея жителей, «*propter plures uxores unius uiri*»²⁾. Слѣдуетъ ли видѣть здѣсь одновременное сожительство мужа со многими женами, или только частый разводъ и перемѣну женъ³⁾ — изъ

1) «*Samo duodecim uxores ex genere Winidorum habebat, de quibus uiginti duos filios et quindecim filias habuit*», *Fredegarii Chronicon*, s. an. 623, cap. 48; заимствуемъ извѣстія изъ статьи Палацкаго «*Über den Chronisten Fredegar*» въ *Jahrbücher des böhmischen Museums*, I Band, Pr. 1830, p. 395.

2) «*Quod (т. е. уходъ Адальберта) maxime de tribus causis actum esse dicunt, qui huius rei ordinem ipso narrante comperierunt. Prima et uelut principalis causa propter plures uxores unius uiri...*». *Vita et passio Sti Adalberti*, c. 12, apud Bielowski *Monum.* I, p. 169.

3) Такъ наклоненъ объяснить понятие многоженства у славянъ знамен. Добнеръ: *W. Hagek — Annales bohemosorum*, Pr. 1763, II, p. 67, а за нимъ и

текста неясно: оба обычая могли быть въ одинаковомъ употребленіи, противъ обоихъ могъ возставать благочестивый Войтѣхъ. Менѣе глухи показанія Козьмы пражскаго. Въ своей грубой идилической картинѣ золотого чешскаго вѣка лѣтописецъ говоритъ, что у древнихъ чеховъ вначалѣ не было никакого брачнаго союза «*connubia erant illis communia*», каждый, подобно звѣрямъ, случайно удовлетворялъ своимъ потребностямъ любви¹⁾... Такъ какъ подобное состояніе вовсе неизвѣстно исторіи и едва ли даже мыслимо, то и нельзя не согласиться съ Палацкимъ, что чешскій лѣтописецъ вдался здѣсь въ чистую фантазію, далекую отъ всякой дѣйствительности²⁾; потому — его картина имѣетъ, такъ сказать, только историко-литературный интересъ, какъ ученое гаданіе XII в. о первобытныхъ временахъ народа, но не какъ свидѣтельство о его бытѣ въ древности. Подъ 1002 г. Козьма рассказываетъ, что чешскій князь Удальрикъ не имѣлъ отъ законнаго брака дѣтей, но родилъ сына Бретислава отъ какой-то женщины Божены, которую взялъ ради красоты ея, не разорвавъ, однако, прежняго брака; «потому что—поясняетъ лѣтописецъ, въ то время по желанію каждаго позволено было имѣть двухъ и трехъ женъ: одинъ отнималъ жену у другого, жена чья-нибудь брала другого мужа. Что теперь (т. е. во время Козьмы) считается вѣжествомъ, то тогда было порокомъ, именно, если мужъ довольствовался одною женою, а жена однимъ мужемъ.

Мацѣиовскій, см. «*Wielożenstwo u Słowian*» въ кн. *Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian*, I, P. 1839, p. 233 sq. Послѣдній вовсе отрицаетъ существованіе многоженства у славянъ; но толкованіемъ, хотя бы и остроумнымъ, трудно устранить силу ясно засвидѣтельствованнаго факта. Потому объясненія Добнера и Мацѣиовскаго могутъ быть допущены только по отношенію къ нѣкоторымъ свидѣтельствамъ старины, но далеко не всѣмъ.

1) «*et ipsa connubia erant illis communia. Nam more pecudum singulas ad noctes novos probant hymeneos, et surgente aurora trium gratiarum copulam, et ferrea rumpunt uincula, et ubi nox quemque occuparat, ibi fusus per herbam frondosae arboris sub umbra dulces carpebat somnos*». *Scriptores rerum bohemicarum* (ed. Dobrowsky et Pelzel) I, Pr. 1783, pag. 8.

2) Palacky: *Würdigung d. alten böhmischen Geschichtschreiber*, Pr. 1830, p. 21—22; *его-же Dějiny národu českého*, t. I, P. 1862, p. 219.

Люди жили, какъ грубые звѣри, имѣя общіе браки». ¹⁾ Въ каноническомъ декретѣ Бретислава (у Козьмы подъ 1039 г.) касательно народныхъ правовъ читаемъ: «первымъ и самымъ важнымъ постановленіемъ моимъ будетъ, чтобы ваши браки, которые по сю пору вы имѣли, подобно грубымъ звѣрямъ, общими, какъ распутство — съ этого времени стали законными, единичными, нерасторгаемыми, чтобы мужъ довольствовался одною женою, а жена однимъ мужемъ». ²⁾ Остановимся прежде прочаго на поступкѣ Удалярика. Что его союзъ съ Боженою былъ дѣйствительнымъ бракомъ, а не простымъ сожителствомъ — ясно не столько изъ того, что Бретиславъ пользуется полнымъ признаніемъ и правами законнаго сына, что еще при жизни отца онъ получаетъ отъ него въ удѣлъ Моравію, по смерти же его, за отреченіемъ дяди (Яромира), всходитъ на княжескій столъ и утверждается народомъ ³⁾; сколько изъ того, что въ союзѣ съ церковью (еп. Северомъ) онъ издаетъ знаменитый декретъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ запрещаетъ незаконное брачное сожителство. Достигнуть власти могъ и сынъ отъ побочной жены, но едва-ли, будучи таковымъ, онъ издалъ бы подобное постановление, гдѣ самымъ рѣзкимъ образомъ осуждался поступокъ его отца, гдѣ и его собственные права и власть, какъ лица рожденнаго отъ «вечестиваго распутства», подрывались въ самомъ

1) «Huic (duci Odalrico) ex legitimo matrimonio non est nata soboles propter infocunditatem coniugis: sed ex quadam foemina, nomine Boziena... filium suscepit, quem Brzeczislaw appellari fecit... Hanc continuo mittens Dux tulit in sua, nec tamen antiqua soluit connubia. Quia tunc temporis, prout cuique placuit, binas uel ternas coniuges habere licuit: nec nefas fuit uiro rapere alterius uxorem, et uxori alterius nubere marito... Et quod nunc adscribitur pudori, hoc tunc fuit magno dedecori, si uir una coniuge, aut coniux uno uiro contenti uiuerent. Viuebant enim quasi bruta animalia, connubia habentes communia». Script. rerum bohemicarum I, p. 72.

2) «meum maximum et primum sit decretum, ut uestra connubia, quae hactenus habuistis ut lupanaria, et ceu brutis animalibus communia, amodo iuxta Canonum scita sint legitima, sint priuata, sint insolubilia, ita duntaxat, ut una uir coniuge, et coniux uno uiro contenti uiuant». Ibidem, s. an. 1039, p. 110.

3) Cosmae Prag. Chronica, sub. an. 1021, 1037; ibid. pag. 84, 88—9.

корнѣ. Причина, почему Удалярикъ вступилъ во второй бракъ, не расторгнувъ перваго, заключалась, кажется, въ томъ, что первый бракъ былъ церковный и могъ быть расторгнутъ только церковью; а послѣдняя не признавала и не допускала развода. Удалярикъ заключилъ второй бракъ, конечно, «usualiter», по народному обычаю, — и онъ въ то время считался вполне законнымъ. Такимъ образомъ, передаваемое чешскимъ лѣтописцемъ событіе не можетъ быть рассматриваемо, какъ свидѣтельство о существованіи многоженства и еще менѣе — какъ свидѣтельство о правныхъ послѣдствіяхъ его. Возвратимся теперь къ пояснительнымъ отзывамъ Козьмы пражскаго и декрету Бретислава. Первые — суть отзывы духовнаго лица, второй — преимущественно постановленіе церковное. Устранимъ же изъ этихъ свидѣтельствъ личные взгляды христіанскихъ канонистовъ, для которыхъ многоженство и легкая расторжимость браковъ въ языческой эпохѣ казались отсутствіемъ всякаго брака, распутствомъ или *бракомъ общимъ*, устранимъ также слѣдствія такого воззрѣнія, будто бы каждый по произволу отнималъ жену у другого, а жена брала себѣ другого мужа (!), будто бы единоженство — считалось порокомъ, а многоженство добродѣтелью, и мы прійдемъ къ довольно твердому выводу, что въ началѣ XI в. въ Чехахъ еще существовалъ обычай многоженства. Одни разводы и многократныя заключенія новыхъ браковъ не вызвали бы упрековъ въ звѣрскомъ обычаѣ *общности брака*. Съ другой стороны, кажется, что еслибы многоженство было повсемѣстнымъ, общимъ народнымъ обычаемъ, оно выразилось бы въ свидѣтельствахъ исторіи болѣе рѣзкими, опредѣленными чертами; сами канонисты не смѣшали бы съ нимъ явленій частаго расторженія браковъ и не соединили бы ихъ въ одно общее понятіе. Нѣкоторые изслѣдователи указывали еще на Краледворскую рукопись, будто бы въ ней также есть свидѣтельство о древне-чешскомъ многоженствѣ: «и вторгся чужой насильно въ землю отцовъ — поетъ Забой — и чуждою рѣчью велить намъ.. имѣть одну подругу на всемъ пути жизни, съ весны (юности) по Морану

(смерть) ¹⁾». Мы не думаемъ, чтобы здѣсь непременно должно было видѣть указаніе на обычай многоженства: наказъ чужого (т. е. духовенства) можетъ быть съ такою, и даже большею — вѣроятностью объясненъ въ смыслѣ вѣрности единому браку, т. е. и запрещенія развода и вступленія во вторичный и такъ далѣе бракъ; но допустимъ, что рѣчь идетъ дѣйствительно о многоженствѣ..., спрашивается — имѣетъ ли это указаніе условія настоящаго свидѣтельства? Думаемъ — нѣкимъ образомъ. Стоитъ только ближе взглянуть въ сентиментальное воздыханіе пѣвца объ исчезающихъ порядкахъ быта, чтобы убѣдиться, что оно идетъ не изъ жизни, а изъ подогрѣтаго антикварнаго чувства. Это — такая слабая, вывѣтрившаяся память о древнемъ обычаѣ, что какъ-то поневолѣ приходишь къ мысли о ея книжномъ источникѣ. Фактъ, донесенный даже преданіемъ, высказался бы ярче и свѣжѣе.

Русскихъ свидѣтельствъ о многоженствѣ мы не приводимъ — по ихъ общеизвѣстности. Скажемъ только, что хотя они и указываютъ на нѣсколько большую силу обычая у русскихъ, чѣмъ у другихъ славянъ ²⁾, но еще никакъ не даютъ права думать о широкомъ его распространеніи: правныя, исторически важныя послѣдствія многоженства — остаются не видны, и вообще обычай стоитъ какъ-то одиноко среди моногамическаго быта и его порядковъ.

Таковы слѣды славянской полигаміи въ историческихъ свидѣтельствахъ!

Соображая и оцѣнивая значеніе всѣхъ, приведенныхъ нами данныхъ, нельзя не прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Неизвѣстно, когда и изъ какихъ условій быта возникло и вошло въ обыкновеніе у славянъ многоженство. Произошло-ли

1) Въ пѣснѣ о Забоѣ и Славоѣ: «I přiide cuzi úsilno v dědinu, v cuzímí slovy zapovída... jedinu družu nám iměti po puti vsiej z Vesny po Moranu».

2) Мнѣніе о большей свѣжести обычая многоженства мы основываемъ на томъ, что русская «Повѣсть временныхъ лѣтъ» прямо говоритъ о бытованіи обычая въ средѣ народа, у радимичей, вятичей и сѣверянъ.

оно путемъ самобытнымъ, или усвоено, какъ обычай чужеземный — рѣшить трудно. *Всенароднымъ обычаемъ*, какъ кажется, оно никогда не было; но можно думать, что во времена древнія, предшествовавшія положительной исторіи, у племенъ воинскихъ, гдѣ положеніе женщины было особенно сурово, оно имѣло довольно значительную силу и распространеніе и было правнымъ обычаемъ. Имъ, кажется, пользовались не одни только знатныя и богатые лица, но и простолюдины — по мѣрѣ своего достатка. Существовали, конечно, и правныя условія и послѣдствія обычая, но память о нихъ утрачена: они не видны ни въ языкѣ, сохранившемъ строгую и обширную семейно-родовую терминологию, ни въ преданіяхъ, ни въ какихъ другихъ источникахъ древности. Въ эпоху историческую IX—XII в. полигамія является у славянъ уже въ очень ослабѣлой формѣ. Она кой-гдѣ сохраняется, но болѣе — какъ случайно уцѣлѣвшій остатокъ древняго обычая, чѣмъ какъ живое, дѣйствующее народное обыкновеніе. Въ правѣ преобладаетъ начало единоженства: одна только жена считается законною, другія допускаются при ней, какъ жены побочныя. Вездѣ, гдѣ только въ свидѣтельствахъ исторіи упоминается и дѣйствуетъ чья-либо жена, она является единичною: возлѣ нея вовсе не видно другихъ женъ равнаго съ нею достоинства, и бамбергскіе миссіонеры были совершенно правы, называя жену Вартислава законною: она была таковою, какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла — въ самой дѣйствительности; другія жены поморскаго князя были побочными, связь съ ними стояла какъ бы внѣ закона. Слѣдуя преданію, обычай, очевидно — терпитъ или позволяетъ многоженство, но не даетъ ему никакой правовой силы, не узаконяетъ его. Иными словами — многоженство разсматривается не въ смыслѣ правнаго условія семейной жизни, но какъ возможная случайность ея, до которой законъ не касается. Потому — какъ частное, не юридическое явленіе, многоженство у балтійскихъ славянъ, имѣя, такъ сказать, право существованія, не имѣло ни правныхъ опредѣленій и ограниченій, ни правовыхъ послѣдствій. Нѣтъ основаній думать, что оно дозволено было только для князя и

высшаго сословія и составляло какъ бы ихъ привилегію. Обычай и преданіе предоставляли, кажется, въ этомъ отношеніи свободу каждому: каждый могъ имѣть нѣсколько женъ по личной волѣ; но какъ бы ни было значительно число полигамовъ, оно зависѣло уже не отъ правнаго обычая, а отъ постороннихъ, неюридическихъ обстоятельствъ, личнаго расположенія и имущественнаго достатка. По всему этому—послѣдствія полигаміи балтійскихъ славянъ могли быть только нравственныя, но не юридическія. Да и они ни одной чертой не обнаруживаются въ свѣдѣтельствахъ исторіи, такъ, что мы имѣемъ полное право сказать, что обычай многоженства, несмотря на отдѣльные случаи своего существованія, вымеръ въ своихъ основаніяхъ прежде, чѣмъ противъ него возвысили голосъ проповѣдники христіанства.

Вникнемъ-ли въ условія быта балтійскихъ славянъ, мы также не найдемъ въ нихъ твердой почвы для жизни обычая многоженства, какъ явленія правнаго. Непосѣднѣйшій воинъ, чувствовавшій мало влеченія къ прочной семейной жизни, признававшій одни только грубыя доблести внѣшней силы — могъ, конечно, имѣть по разнымъ мѣстамъ нѣсколько женъ или наложницъ, отвѣчавшихъ его физическимъ потребностямъ; но подобныя явленія, возможные всегда и вездѣ, не составляютъ еще правнаго многоженства: они казались таковымъ только глазамъ благочестивыхъ проповѣдниковъ и анналистовъ эпохи; историкъ же увидитъ здѣсь или слабый, безжизненный отголосокъ прежняго обычая, или — что вѣрнѣе — единичныя явленія, случайности, маловажныя въ исторіи славянской культуры IX—XII вв. Бытъ простаго народа — насколько онъ видѣнъ — вообще идетъ въ направленіи строго моногамическомъ: женщина стоитъ уже гораздо выше положенія рабыни, условливающаго полигамію, она — лицо нравственно признанное, какъ мать семьи и т. д., даже опекунша своихъ дѣтей; семейный союзъ является въ такомъ заключенномъ, крѣпкомъ видѣ, какой только можетъ быть при исключительномъ господствѣ моногамическаго начала и его порядковъ.

Способы заключенія брака. Въ прямыхъ источникахъ мы не

находимъ никакихъ указаній по этому предмету; но есть одно свидѣтельство косвенное. Оно — очень важно по своимъ обстоятельнымъ подробностямъ и заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Мы разумѣмъ свидѣтельство грамоты (1249 г.) папскаго легата архид. Якова ¹⁾. Судя строго, эта грамота не относится къ балтійскимъ славянамъ: она обращена къ новокрещеннымъ Пруссамъ, обитателямъ Помезаніи, Варміи и Натангіи и главнымъ образомъ говоритъ о прусско-литовскихъ языческихъ обыкновеніяхъ ²⁾, но такъ какъ архид. Яковъ былъ папскимъ легатомъ *in Polonia, Prussia et Pomerania*, такъ какъ въ числѣ именуемыхъ здѣсь мѣстностей — встрѣчаются и славянскія имена ³⁾, то — зная притомъ, что въ пограничной Помезаніи жили и славяне, мы не можемъ оставить извѣстія этой грамоты безъ всякаго вниманія, хотя не можемъ въ то же время ручаться за полное славянство ихъ. Приводимъ ихъ, какъ факты предположительно-возможные.

«Promiserunt (neophiti), quod nullus eorum de cetero filiam suam uendet alteri matrimonio copulandam et quod nullus uxorem filio emet uel sibi. Nam ex hoc talis inter ipsos consuetudo. sicut intelleximus inoleuit, qualis nec inter gentes ut uidelicet uxorem patris sui aliquis habeat (?). Cum enim pater aliquam uxorem de communi pecunia sibi et filio emerat. sibi pater hactenus seruauit, ut mortuo patre uxor eius deuolueretur ad filium sicut alia hereditas de bonis communibus comparata. Et ne aliquis hac de causa nouercam suam possit sibi uendicare ulterius in uxorem. uxores nec uendere nec emere promiserunt. Si tamen a sponso patri uel matri sponse uel e conuerso. uestes et alia clenodia data fuerint, uel

1) Dreger: Codex diplomaticus oder Urkunden, so die Pommersch-Rugianschen etc. t. I, Stettin, f. 1748, p. 286 sq.

2) На этомъ основаніи грамоту не внесли въ свои Дипломатаріи ни Козегартенъ, ни Клемпинъ; а равно и мы не позволили себѣ поставить ее въ число источниковъ славянской религіозной древности, см. наше изслѣдованіе: о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. М. 1868, стр. 132—3.

3) «Potzloue, Butitz, Lyopietz, Chomor, Proizle, Reydzitz», etc.

promissa. uel si dos uiro uel donatio propter nuptias uxori data fuerit uel promissa secundum quod iura permittunt. hoc nullatenus prohibemus. Vnde promiserunt dicti Neophyti, quod nullus ex eis quacunque de causa nouercam suam ducet de cetero in uxorem, nec uxorem fratris sui, nec etiam aliam sibi in primo. secundo. tertio uel quarto consanguinitatis uel affinitatis gradu attinentem ¹⁾».

Разсматривая текстъ грамоты арх. Якова, не трудно замѣтить, что въ немъ указываются два рода правовыхъ брачныхъ обычаевъ: одни онъ запрещаетъ, другіе — дозволяетъ и какъ бы одобряетъ. Дѣйствительное существованіе первыхъ въ бытѣ «неофитовъ» не подлежитъ сомнѣнію, иначе запрещеніе не имѣло бы смысла и не могло бы быть выражено такимъ положительнымъ образомъ (*talis inter ipsos consuetudo, sicut intelleximus, inoleuit*); существованіе же вторыхъ представляется далеко не столь яснымъ. Скорѣе даже, по смыслу рѣчи, можно полагать, что указывая на нихъ, папскій легатъ хотѣлъ обратить вниманіе новокрещенныхъ на добрыя, закономъ дозволенныя брачныя обыкновенія, существующія въ иныхъ земляхъ; онъ, такъ сказать, рекомендуетъ ихъ вниманію народа. На это намекаетъ и выраженіе: «*secundum quod iura permittunt*»; права, разумѣется — церкви и христіанскаго государства; но никакъ не язычества, гдѣ и покупка женъ и женитьба на ближайшихъ свойственниковъ были дѣйствіями законными.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ слѣдующимъ заключеніямъ: вполнѣ достовѣрнымъ представляется, что

во-первыхъ — бракъ совершался посредствомъ купли и продажи: отецъ семьи покупалъ для себя или сына невесту у ея родителей или семьи;

во-вторыхъ — купленная жена считалась семейною собственностью или имуществомъ, и, по смерти мужа, переходила къ папынку или деверю, какъ всякое другое наслѣдство, потому —

1) Dreger: Codex diplom., p. 290—1.

въ-третьихъ браки допускались между ближайшими свойственниками, пасынкомъ и мачехой, деверемъ и невѣсткой.

Довольно вѣроятнымъ представляется обычай *почетнаго даренія*: женихъ дарилъ родителей невѣсты одеждами и другими вещами, а родители невѣсты, въ свою очередь, дарили жениха тѣмъ же.

Подъ сомнѣніемъ пока остается обычай получаемого мужемъ за женою—*приданого и брачнаго подарка* женѣ—со стороны мужа.

Провѣримъ теперь эти данныя фактами древняго быта славянскихъ племенъ. Такимъ образомъ опредѣлится большая или меньшая степень вѣроятной умѣстности указанныхъ явленій въ жизни славянъ балтійскихъ.

Заключеніе брака посредствомъ купли и продажи невѣсты было, несомнѣнно, въ обычаѣ славянской древности. Даже про-толковавъ въ иномъ смыслѣ ясныя показанія русской «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и повгородской «рядной» записи XIII в.¹⁾, мы не сможемъ однако отвергнуть живого свидѣтельства подобныхъ обычаевъ, доселѣ бытующихъ у многихъ славянскихъ племенъ²⁾, не сможемъ и отказать въ пзвѣстной долѣ убѣдительно-сти п многочисленнымъ аналогіямъ, почерпнутымъ пзъ жизни другихъ родственныхъ племенъ³⁾. Правда, продажа невѣсты ничѣмъ не обнаружилась въ памятникахъ славянскаго права, за-

1) Подъ годомъ 6496: вѣсть же (Володимиръ) за вѣно Грекомъ Корсуны опять царицы дѣля...; подъ годомъ 6551: «и вѣсть Казимиръ за вѣно (за сестру Ярослава) людей 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ...». Настоящая плата замѣняется здѣсь вознагражденіемъ другими равноцѣнными предметами. Толкованіе этихъ мѣстъ лѣтописи въ другомъ смыслѣ у Неволіна: Исторія російскихъ гражданскихъ законовъ въ III т. Полн. Соб. Соч. Спб. 1857, стр. 131—2; В. Шульгинъ: О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго, К. 1850, стр. 20. Въ «рядной записи» XIII в.: «и на дѣвцѣ Якимъ серебро взялъ...» см. Записки археолог. общ. т. III, Спб. 1851, стр. 221—250, объясн. И. И. Срезневскаго и Неволіна.

2) См. ст. Я. И. Ганеля: «Věno v právu slovanském», въ журн. Právnik, т. X, Pr. 1871, pag. 798—799.

3) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, pag. 420 sq.

конодательство оставляетъ ее безъ вниманія; но это потому, что такой актъ обычнаго права былъ исключительно обычаемъ частнаго быта, частнымъ договоромъ, который исполнялся немедленно, не влекъ за собою правовыхъ столкновений и споровъ, и потому не подлежалъ и не нуждался въ участіи правительственнаго суда и рѣшенія. Положительному закону здѣсь дѣлать было — нечего. Да къ тому, всѣ древнѣйшіе памятники славянскаго законодательства уже относятся къ эпохѣ христіанской; церковь же могла не обратить вниманія на обычай, но никакъ не могла признать его и допустить въ законъ, такъ какъ онъ оскорблялъ понятіе *тайнства* брака.

На нашъ взглядъ, обычно-правная продажа невѣстъ была прямымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ древняго понятія о женскомъ полѣ, какъ о родовой или семейной собственности или имуществѣ. Время полной силы и дѣйствія такого возрѣнія славяне, какъ кажется, пережили еще въ эпоху доисторическую. Отъ времени, засвидѣтельствованнаго исторіей, до насъ доносятся только немногіе его отголоски, являющіеся то въ первобытной ихъ грубости, то уже въ смягченныхъ нравственнымъ развитіемъ образахъ. Если жена, какъ собственность мужа, живою слѣдовала въ могилу за нимъ, чтобы и въ другомъ мірѣ служить его нуждамъ и потребностямъ ¹⁾; если она за преступленіе мужа подвергалась секвестру, наравнѣ съ прочимъ его имуществомъ ²⁾; если отецъ семейства, обязавшійся платить займодавцу извѣстную сумму со всякаго отчуждаемаго семейнаго имущества, платилъ и за выдачу дочери въ замужство ³⁾, то при такомъ взглядѣ на жену или дочь — заключеніе брака посредствомъ купли и продажи является обычаемъ, естественно-необходимымъ, стоящимъ въ органической связи съ прочими правовыми понятіями и

1) Наше изслѣдованіе о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, М. 1868, стр. 230 sq. и ниже, стр. 96.

2) См. ниже, въ отдѣлѣ «правнаго положенія жены».

3) Ibidem, въ отдѣлѣ «договоровъ».

явленіями быта. Разсматриваемая какъ семейная собственность, невѣста, — съ одной стороны отчуждалась продажею, съ другой пріобрѣталась куплею. Въ остаткахъ языка балтійскихъ славянъ, есть одинъ терминъ, какъ бы указывающій на такой способъ заключенія брака, это *запитье* (*zoreitje, soreutje*), оно обозначаетъ «помолвку» (*Verlöbniß*): торговая сдѣлка, такъ сказать, скрѣпляется чрезъ питье чаши вина; обычай доселѣ господствуетъ у всѣхъ славянъ, преимущественно между простымъ людомъ.

Нельзя также оставить безъ вниманія одного извѣстія у Саксона Грамматика. Передавая, на основаніи древней саги, подвиги Фротона III, Саксонъ говоритъ, что онъ внушилъ Рутенамъ («*Rutheni*») заключать браки не иначе, какъ посредствомъ покупки женъ:

«*praecipit... ne quis uxorem nisi emptitiam duceret. Venalia siquidem connubia plus stabilitatis habitura censebat, tutiorem matrimonii fidem existimans, quo pretio firmaretur* ¹⁾).

Хотя извѣстіе это и не имѣетъ строгаго историческаго характера, но, нѣтъ сомнѣнія, основаніемъ ему послужилъ замѣченный датчанами славянскій обычай заключенія браковъ посредствомъ купли невѣстъ. Обычай издавна бытовалъ у датчанъ ²⁾; встрѣтись съ нимъ и на славянской почвѣ, слагатель саги, по чувству патріотизма, увидѣлъ здѣсь доказательство датской власти и вывелъ происхождение его отъ датчанъ, сочинивъ будто Фротонъ утвердилъ его между покоренными славянами. Полубаснословная обстановка извѣстія, такимъ образомъ, нисколько не мѣшаетъ признать его за весьма важное свидѣтельство о славянскомъ обычаѣ покупки женъ. Кто таковы были «Рутены» саги — сказать трудно. Ближе всего подумать о Руянахъ, съ которыми датчане сносились и мѣрялись съ незапамятныхъ временъ. Названіе «*Rutheni*» для Руянъ, правда, не обыкновенно, но, какъ

1) *Saxonis Grammat. Historia I, lib. V, pag. 235.*

2) *Saxonis Gramm. Historia, pars posterior, notae uberiores. Haun. 1858, p. 156—7.*

видно изъ «Жизнеописаній» Оттона бамбергскаго, не — единственно ¹⁾).

Утверждая вѣроятное существованіе обычая продажи невѣстъ у балтійскихъ славянъ, мы тѣмъ самымъ признаемъ и возможность возрѣнія на жену, какъ на семейную собственность: она приобрѣталась на семейныя средства и потому, вмѣстѣ со всякимъ другимъ имуществомъ, могла подлежать дѣйствію обычныхъ имущественныхъ отношеній и переходить по наслѣдству въ собственность пасынка или деверя. Такихъ логически-естественныхъ правовыхъ послѣдствій покупки жены не знаютъ, впрочемъ, ни положительная исторія, ни положительныя законодательства славянъ; но что они могли существовать, это — ясно изъ вышеуказанныхъ фактовъ, гдѣ жены, такъ сказать, подвергались участи предметовъ имущества. Сюда подойдетъ и замѣченный саксонскимъ лѣтописцемъ случай отдачи женъ въ рабство у балтійскихъ славянъ, если въ этомъ происшествіи позволительно видѣть дѣйствіе права, а не вынужденный обстоятельствами поступокъ ²⁾).

Итакъ, совершеніе брака посредствомъ купли и продажи, а равно и значеніе лицъ дочерей и женъ, какъ предметовъ семейной собственности, были вполне уместно въ бытѣ балтійскихъ славянъ: существованіе перваго обычая представляется болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ; существованіе второго понятія и его послѣдствій представляются, по крайней мѣрѣ, вѣроятнымъ для эпохи болѣе древней. Плата за невѣсту могла быть живымъ, дѣйствующимъ обыкновеніемъ, имущественное значеніе лицъ женскаго пола могло быть остаткомъ грубыхъ обычаевъ прежняго времени, уцѣлѣвшимъ вопреки развитію и господству другихъ болѣе мягкихъ понятій и обыкновеній, о которыхъ мы распространяемся ниже.

Довольно близкое родство и свойство въ древнемъ бытѣ

1) Herbordi Dialogus III, 30, 31; Ebonis Vita Ottonis III, 23.

2) Widukindi Res gestae I, 36; см. ниже, въ отд. «мужиной власти».

славянъ не признавались препятствіемъ къ вступленію въ брачный союзъ: оно стало имъ со времени утвержденія христіанства, подъ вліяніемъ Церкви. У насъ нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія дѣйствовавшаго въ этомъ отношеніи обычая, но приведенные Лелевелемъ указанія изъ польской древности ¹⁾ даютъ право заключать, что браки были законно допускаемы между дѣтьми родныхъ братьевъ, сестеръ, брата и сестры. Тѣмъ болѣе представлялись правильными браки между свойственниками, мачехой и пасынкомъ, деверемъ и невѣсткой. Слѣдовательно, и отмѣченный грамотою арх. Якова обычай былъ вполне умѣстенъ и возможенъ въ бытѣ славянъ балтійскихъ. И дѣйствительно, мы находимъ ясные слѣды въ отчетѣ бамбергскаго еп. Оттона о его просвѣтительной дѣятельности въ Поморьѣ: здѣсь онъ говоритъ, что имъ воспрещены браки у туземцевъ между свойственниками и ближайшими родственниками:

«interdixit ne quis commatrem suam ducat in uxorem, neque propriam cognatam suam usque in sextam et septimam generationem ²⁾»).

Обычные подарки жениха родителямъ невѣсты и наоборотъ по самому существу своему были скорѣе дѣйствиемъ нравственнымъ, чѣмъ правнымъ: обычай въ этомъ отношеніи едва ли имѣлъ непреложную обязательную силу, т. е. едва-ли неисполненіе его могло служить законнымъ препятствіемъ къ заключенію брака. Потому и брачное право славянъ вовсе не знаетъ такого способа обычнаго даренія. Слѣды его, однако, еще видны въ обыкновеніяхъ простого народа на Руси, въ Чехахъ и другихъ славянскихъ земляхъ: обыкновенно, только родители невѣсты дарятъ жениха. Смыслъ обычая—ясенъ: это—уваженіе и почетъ, оказываемые къ личности родителей невѣсты жени-

1) Lelewel: «Rozpatrzenie niektórych względów i pomników prawodawstwa wiślickému uprzednich», въ Polska wieków średnich, t. III, Pozn. 1859, pag. 422—423.

2) Ebonis Vita Ottonis, II, c. 12.

хомъ и—къ лицу послѣдняго родителями; своимъ подаркомъ они къ тому же—какъ бы полагали первое основаніе семейному хозяйству будущаго зятя.

Строго юридическое значеніе имѣють, напротивъ — обычай *приданого* (*dotis*) и обычай *брачнаго даренія* мужа своей женѣ (*donationis propter nuptias*). Мы замѣчали, что изъ словъ объясняемой нами грамоты еще никакъ нельзя дѣлать положительнаго вывода, что эти обычаи бытовали у «неофитовъ», мы скорѣе предполагали здѣсь указаніе на чужеземные брачные порядки. Чѣмъ глубже мы всматриваемся въ предметъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ истинѣ нашей догадки. Понимая обычай *приданого* не въ смыслѣ дѣйствія доброй воли родителей и ихъ любовнаго чувства къ дочери (это—возможно вездѣ и всегда), а какъ дѣйствіе, проистекающее изъ твердаго, признаннаго права дочери на часть семейнаго имущества, мы рѣшительно должны отвергнуть его существованіе, какъ у «неофитовъ» такъ и вообще — у древнихъ славянъ. Право на приданое необходимо вытекаетъ изъ права на участіе въ семейномъ наслѣдованіи: безъ этого—обычай будетъ только обычаемъ нравственнымъ, случайно-возможнымъ, но не общеобязательнымъ, не юридическимъ. «Неофиты», о которыхъ говоритъ грамота, еще не дорасли до признанія за женщиной правъ на часть семейнаго имущества: наслѣдниками по закону были у нихъ только лица мужескаго пола, сыновья, а не дочери. Какое же приданое могли получать онѣ при отсутствіи права на него? Очевидно — только то, которое могла удѣлить имъ добрая воля и любовь родителей, т. е. — такъ сказать *приданое безправное*, опредѣляемое только нравственными отношеніями. Далѣе. Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о бытѣ древнихъ славянъ (приблизительно до эпохи христіанства и вѣка два — три по немъ), но ихъ достаточно для убѣжденія, что единственно возможный родъ *приданого* въ это время было также приданое безправное, зависѣвшее отъ чувства и воли родителей и родичей. При пераздѣльности родовой или семейной собственности, при правомъ, исключительномъ господствѣ въ родѣ

или семьѣ лицъ мужескаго пола, при общей шаткости правъ женщины и ея зависимомъ, подчиненномъ положеніи, какъ юридическаго лица, она могла владѣть вещью только въ силу передачи этой власти лицомъ правоспособнымъ, и поэтому могла получить приданое, какъ даръ, но не какъ неотъемлемую собственность, приходящую ей по праву. Дѣйствительно, ни въ одномъ свидѣтельствѣ исторіи о древнемъ бытѣ славянъ, ни въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ ихъ законодательствъ мы не находимъ никакого опредѣленно-твердаго указанія о правѣ лицъ женскаго пола на часть семейнаго имущества и, слѣдовательно, — на *приданое по закону*. Право это начинаетъ проявляться не ранѣе конца XII, начала XIII в. — и то въ такой формѣ и обстановкѣ, которая даетъ разумѣть, что обычай былъ еще очень молодъ, не успѣлъ установиться и окрѣпнуть въ твердый законъ ¹⁾. Отрицая существованіе въ древнемъ бытѣ славянъ *приданого по праву*, мы вовсе не думаемъ отрицать *обычая* давать приданое дочерямъ, сестрамъ и т. д. Основанный на естественномъ чувствѣ семейно-родственной любви — обычай могъ быть очень древенъ и постояненъ въ своемъ дѣйствіи. Изъ него, конечно, при дальнѣйшемъ развитіи жизни, не безъ вліянія б. м. христіанства и чужеземнаго права (византійскаго и нѣмецкаго), выросъ институтъ *приданого по праву*, гдѣ женщина выступаетъ уже лицомъ правоспособнымъ, владѣющимъ вещью не на основаніи передачи ей власти другого, но самостоятельно, по своей природѣ.

Итакъ, если въ бытѣ балтійскихъ славянъ было умѣстно *приданое* (плата за невѣсту — не исключаетъ его: и то и другое могутъ уживаться рядомъ), то только въ своей первоначальной формѣ, какъ обычай родственнаго даренія, но не какъ дѣйствіе,

1) Lelewel: «Historyczny rozbiór prawodawstwa cywilnego i kryminalnego»..., loco cit. стр. 55—56; Haněl: «Věno v právu slovanském», loc. cit. pag. 518 sq. Обычай вытекаетъ не изъ права, а скорѣе изъ дѣйствія доброй воли; онъ распространяется преимущественно между высшимъ сословіемъ, гдѣ, выражаясь словами Лелевеля: «dziwna slepota niemieckim pierwszeństwo dawała zwyczajom»; самые случаи обыкновенія — очень немногочисленны...

вышедшее изъ ясно признаннаго права лицъ на долю въ семейномъ имуществѣ. Обычай даетъ, такимъ образомъ, значительное свидѣтельство о не низкомъ нравственномъ положеніи женщины въ семьѣ; но еще не можетъ служить доказательствомъ ея высокаго положенія правнаго!

Брачное дареніе мужа или жениха («donatio propter nuptias», а также и «dos») упоминается и въ поморскихъ грамотахъ, хотя довольно рѣдко, — собственно два раза: такъ въ грамотѣ Анастасіи 1224 г., вдовы князя Богуслава I, говорится, что она получила отъ мужа поземельную собственность, какъ брачное дареніе и владѣетъ ею и по его смерти, съ дозволенія сыновей:

«domum ancillarum Christi in dote mea, quam a marito meo recepi. quam et post mortem ipsius. filiis meis michi concedentibus. tenui inconuulsam.. de meis facultatibus edificare (dignum duxi)» ¹⁾.

Въ грамотѣ Барнима I, 1249 г., которою утверждаютъ наслѣдственные владѣнія знатнаго мужа Боранты, говорится, что ему должна принадлежать вся мѣстность Стрыя, часть которой, однако, въ видѣ законнаго залога, онъ обязалъ за пятьсотъ марокъ серебра, данныхъ, какъ брачное дареніе, при помолвкѣ какого-то пятилѣтняго графа изъ Гостькова съ двухлѣтнею дочерью его брата:

«cuius (terre Streye) partem cuidam comiti de gutzkowa quinquenni cum filia fratris sui byenni. pro quingentis marcis argenti ratione dotis iusto pignoris titulo secundum nostram placitationem obligauit ²⁾».

Слова послѣдней грамоты допускаютъ, впрочемъ, и иное объясненіе, не въ смыслѣ брачнаго даренія жениха, а въ смыслѣ приданаго: Боранта обязался дать пятьсотъ марокъ за своею

1) Codex diplom. Pomeraniae I, № 148. «Брачное дареніе» Анастасіи упоминается въ грамотахъ еще два раза №№ 164, 165: «Anastasia ducissa Pomeranorum... de rebus propriis in dote, quam ab illustri auctore nostro. Bugzlao duce Pomeranorum... receperat».

2) Codex diplom. Pomer. I, № 412.

племянницей, а пока — въ залогъ исполненія договора, отдалъ часть земли свосей. Оба случая — одинаково возможны.

Изъ грамоты 1224 г. видно, что брачное дареніе разсматривалось не какъ законное обезпеченіе жены мужемъ, но какъ свободное, зависящее единственно отъ воли и расположенія мужа — дареніе; иначе, зачѣмъ нужно было *concessio filiorum*, чтобы жена могла владѣть имъ по смерти мужа?

Какъ бы то ни было, оба извѣстія относятся къ слишкомъ позднему времени и имѣютъ въ виду слишкомъ привилегированное состояніе, чтобы на нихъ можно было основать выводъ о туземномъ, старо-славянскомъ происхожденіи правнаго обычая брачнаго даренія.

Брачное дареніе мужа какъ обезпеченіе жены — предполагаетъ такія развитія юридическія отношенія, такое высокое положеніе женщины, такъ отклоняется отъ условій древне-славянской семейной и родовой жизни, что мы рѣшительно не можемъ допустить не только его существованія въ славянской древности, но даже вообще и его славянскаго происхожденія. Обычай намъ кажется — чужеземнымъ, римско-нѣмецкимъ, распространившимся въ Польшѣ, Чехіи и Поморьѣ съ XIII в. преимущественно между высшимъ сословіемъ. Въ настоящемъ славянскомъ правѣ о немъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія, и попытка Делевеля защитить его славянскую народность не выдерживаегъ даже и слабой критики ¹⁾.

1) *Historyczny rozbiór prawodawstwa» etc. l. cit. p. 55—7.* Делевель основываетъ свое мнѣніе на томъ, что терминъ *dotalitium* былъ для поляковъ не вразумителенъ: они понимали его одинъ разъ, какъ *donatio*, другой разъ — какъ *dos*, иногда, какъ *вѣно*, *wiano*. Этого быть не могло, еслибы учрежденіе было взято изъ нѣмецкаго городского права: оно употреблялось бы тогда въ твердо опредѣленномъ значеніи. Учрежденіе *вѣна* стало быть было вполнѣ народнымъ и шло со временъ древнѣйшихъ. Странная логика! Непрочность терминологіи именно и указываетъ на то, что самъ обычай, какъ чуждое явленіе, былъ очень смутно понимаемъ и толковался различно... Далѣе, откуда слѣдуетъ, что словомъ *вѣно* вообще обозначалось *обезпеченіе жены мужемъ*, а не *приданое*, не *почетное дареніе*... Факты языка нисколько не даютъ права

Умычка дѣвицъ. Хотя свидѣтельства древности и не представляютъ яснаго указанія на существованіе у балтійскихъ славянъ способа заключенія браковъ посредствомъ насильственного или согласнаго похищенія дѣвицъ; но имѣя въ виду несомнѣнное существованіе такого обычая у другихъ славянъ, какъ въ древности, такъ и въ наши дни¹⁾, не можемъ не отмѣтить здѣсь одного, по содержанію родственнаго, факта, занесеннаго въ грамоты. Въ числѣ различныхъ преступленій, право суда надъ которыми (оботритскіе) князья удерживали за собою при передачѣ другихъ правъ духовнымъ лицамъ — находится и похищеніе дѣвицъ: «*si quos capitalis sententia reos condemnauerit... quales sunt... uiolentie illatores oppressione mulierum seu raptu uirginum ita duntaxat, si in ipso instanti uiolentiam passa clamore ualido per uicinos fuerit attestata: quicquid in tales agere uoluerimus... ad nostre iurisdicionis spectabit ordinationem*»²⁾).

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что здѣсь рѣчь идетъ о похищеніи дѣвицъ съ цѣлью насилія, какъ это ясно выражено въ «Саксонскомъ Зерцалѣ»³⁾, что, поэтому, статья представляетъ только измѣненную копію нѣмецкаго права; но, имѣя въ виду подобныя же указанія древне-польскаго и чешскаго права⁴⁾,

къ подобному рѣшительному заключенію: *отно*, какъ кажется, первоначально обозначало *подарокъ*, потомъ *цѣну* вообще, наконецъ — *приданое*, cf. Нануѣ, Ueber d. alterthümliche Sitte der Angebinde bei Deutschen, Slaven und Litauern: Pr. 1855, p. 9—11; при колеблющемся значеніи термина, естественно — имъ могли обозначить и затруднительныя латинскія *donatio* и *dotalitium*. Здѣсь можно скорѣе видѣть подтвержденіе мнѣнія о чужеземномъ происхожденіи институтъ, чѣмъ доказательство его народнаго, туземнаго происхожденія.

1) Немногія, но лучшія доселѣ замѣчанія о предметѣ находятся въ «Письмѣ проф. Ф. И. Буслаева къ проф. С. М. Соловьеву», напеч. въ 1-мъ изданіи 2-го т. Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, М. 1852, въ Приложеніяхъ. Число фактовъ съ тѣхъ поръ значительно увеличилось.

2) Грамоты относятся къ 1237—8 гг., *Meklenburgisches Urkundenbuch* №№ 463, 479, 490.

3) *Sachsenspiegel* hrs. v. Sachsse, Heid. 1848, lib. III, c. 1; cf. II, c. 65 p. 207, 195.

4) Вислицкій статутъ у Helcel'я: *Starodawne prawa polskiego pomniki*, I, War. 1856, c. 125 общаго свода pag. 138 sq; піотрковскаго великопольскаго статута сар. 11, *ibid.* p. 187; cf. синодальное вратиславское постановленіе архид.

позволятельнымъ становится разсматривать похищеніе дѣвицъ у балтійскихъ славянъ, какъ средство или способъ заключенія браковъ. Было бы слишкомъ смѣло утверждать положительнымъ образомъ связь такого явленія съ старымъ, донсторическимъ обычаемъ брачной умычки, но нельзя отрицать и возможности такой связи. Зная упорную крѣпость нѣкоторыхъ народныхъ обычаевъ и общее состояніе гражданственности балтійскихъ славянъ, не будетъ особенно невѣроятнымъ думать, что такой обычай могъ имѣть мѣсто въ ихъ бытѣ и своими слѣдствіями, какъ насиліе и нарушеніе семейнаго мира и порядка, могъ обратить на себя вниманіе карающей власти.

Обязанности супружескаго союза. Чистота жизни и вѣрность мужу считались у балтійскихъ славянъ непремѣннымъ условіемъ брачнаго союза и семейнаго общежитія. Еще въ VIII в. апостоль нѣмецкой земли Бонифаціи удивлялся этому цѣломудрію славянскихъ женъ и ставилъ его въ примѣръ распущенному англійскому королю Этибальду: «славяне, говорилъ онъ, этотъ мерзвѣйшій и отвратительнѣйшій народъ, такъ вѣрно соблюдаютъ въ бракѣ взаимную супружескую любовь, что по смерти мужа, жена отказывается отъ жизни и почтенною женщиною слыветъ между ними та, которая предастъ себя смерти, чтобы сгорѣть на кострѣ вмѣстѣ съ мужемъ:

«Winedi; quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, tam magno zelo matrimonii amorem mutuum seruant, ut mulier, uiro proprio mortuo, uiuere recuset; et laudabilis mulier inter illas esse iudicatur, quae propria manu sibi mortem intulit, ut in una strue pariter ardeat cum uiro suo» ¹⁾.

Якова, ст. 18, *ibid.* p. 355. Указанія послѣдняго — особенно замѣчательны, ибо они свидѣлствуютъ, что въ половинѣ XIII в. «captus uirginum in istis partibus (т. е. въ Польшѣ, Помераніи и Пруссіи) frequencius debito, sicut audiuimus, attemptetur». . . Чешскій Řád práwa zemského čl. 84, 85, 86 въ изданіи Палацкаго Archiv český II (1842, Pr.) p. 123—5; kniha Rožmberská, vyd. Brandl, Br. 1871, cl. 183, pag. 81.

1) Migne, Patrologiae cursus completus, ser. II, t. 89, P. 1850, pag. 760, epis. 62.

Обычай славянскихъ женъ предавать себя смерти вслѣдъ за мужемъ — можно объяснять и иными причинами и побужденіями, чѣмъ объяснялъ Бонифацій ¹⁾; но уже одно то, что такой поступокъ признавался со стороны соотечественниковъ — почетнымъ и славнымъ, свидѣтельствуешь, что идея крѣпости семейнаго союза, вѣрности мужу была твердымъ нравственно-юридическимъ правиломъ жизни. Древность балтійскихъ славянъ сохранила въ этомъ отношеніи одно очень знаменательное повѣріе или преданіе сказочнаго характера. Саксонъ Грамматикъ передаетъ, что Руяне (въ Кореницѣ) очень превозносили могущество своихъ боговъ и часто рассказывали о той карѣ, которая постигала людей, оскорблявшихъ мѣсто святыни ихъ дѣйствіемъ блуда. Когда какому мужчинѣ случалось имѣть въ Кореницѣ непозволительное сообщеніе съ женщиной, то они, по обычаю собакъ, оставались какъ бы связаны въ такомъ положеніи, не могли свободно разойтись и служили посмѣшищемъ для народа:

«Nec mirum, si illorum numinum potentiam formidabant, a quibus stupra sua saepenumero punita meminerant. Si quidem mares in ea urbe cum foeminis in concubitum adscitis canum exemplo cohaerere solebant, nec ab ipsis morando diuelli poterant; interdum utrique perticis e diuerso appensi inusitato nexu ridiculum populo spectaculum praebuere» ²⁾.

То же, независимо отъ Саксона, рассказываетъ и Книтлингсара:

«Quae idola (Rinuit, Turupid et Puruuit) tanta miracula patrarunt, ut, si quis intra oppidum (Karenziam) rem cum muliere haberet, hi canum ritu inter se cohaererent, neque prius disiungerentur, quam ex oppido egressi fuissent» ³⁾.

Источникомъ разсказа, кажется, послужила этимологія: изъ

1) См. наше изслѣдованіе: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, М. 1868, стр. 50.

2) Saxonis Grammatici Historia danica, ed. Müller I, lib. XIV, p. 844.

3) Scripta historica Islandorum. Haf. 1842. t. XI, p. 349—350: Historia Knutidarum, c. 122.

остатковъ языка балтійскихъ славянъ видно, что для обозначенія понятія развратной женщины и блудника, они употребляли отрицательное имя *суки* и *сукаря* (*sauko, zäuko, sautgirr, seytcher*); отъ перенесенія имени недалеко было и до перенесенія самого свойства одного предмета на другой. Такъ возникла эта странная сага. Намъ, впрочемъ, нѣтъ теперь дѣла до ея происхожденія, но до ея смысла: она разсматриваетъ *stuprum*, какъ дѣйствіе непозволительное, достойное кары, и такимъ образомъ отрицательно свидѣтельствуетъ, что цѣломудріе и вѣрность супружеству считались важнѣйшимъ условіемъ и обязательствомъ семейнаго союза. Саксонъ Грамматикъ сообщаетъ и въ этомъ отношеніи одинъ замѣчательный фактъ. Какая-то женщина у Руянъ была подозрѣваема мужемъ своимъ въ нарушеніи супружеской вѣрности и должна была очистить себя отъ безчестія *божьимъ судомъ*, т. е. испытаніемъ посредствомъ раскаленнаго желѣза. Она чудеснымъ образомъ доказала свою невинность:

«*Matrona quaedam, a viro immerens adulterii insimulata, cum purgandae infamiae gratia candenti laminae dexteram obtulisset, subito ferrum, quod exceptura erat... sublime se extulit. Ea res mulieris infamiam leuauit*» ¹⁾).

Если вопросъ о супружеской вѣрности могъ требовать подобнаго суднаго рѣшенія, то нѣтъ сомнѣнія, что на него глядѣли очень строго, что онъ входилъ въ условія жизни не только какъ нравственное начало, но и какъ начало права, какъ обязательный законъ, нарушеніе котораго требовало правнаго возмездія и кары.

Представленные нами факты получаютъ полную силу, когда въ помощь къ нимъ мы призовемъ современные свидѣтельства о польской и чешской старинѣ.

Титмаръ говоритъ, что народъ польскій во времена Мѣшка I и Болеслава Храбраго имѣлъ многіе жестокіе, по все же похвалыные обычаи. Если кто позволялъ себѣ незаконное сообщеніе съ

1) *Saxonis Gram. Historia*, I, p. 845.

чужими женами или прелюбодѣяніе, тотъ подвергался слѣдующему наказанію: его выводили на помостъ среди рынка и пригвождали тамъ за дѣтородныя части; возлѣ полагали ножъ, оставляя преступнику на волю: или умереть въ такомъ положеніи, или отрѣзать прибитые члены. Развратной женщины вырѣзывали гениталии и вѣшали ихъ на дверяхъ дома, въ поученіе и урокъ входящимъ ¹⁾. По извѣстію Богухвалы, во время семилѣтняго отсутствія Болеслава Смѣлаго и его воиновъ, жены и дочери ихъ вступили въ незаконную связь со слугами и рабами. Провѣдавъ объ этомъ, воины возвратились поспѣшно домой и предали своихъ женъ, какъ развратницъ, жестокимъ казнямъ ²⁾.

По возвращеніи еп. Войтѣха въ Прагу—разсказываютъ его біографы, Кананарій и Брунъ—случилось, что одна знатная женщина была признана виновною въ блудѣ съ какимъ-то клерикомъ. Обезчещенные родные (*parentes*) мужа должны были, по *варварскому обычаю*, наказать ее смертію; она убѣжала къ епископу и нашла въ немъ защитника, но не надолго: вооруженная толпа требовала ея выдачи, говоря, что Войтѣхъ защищаетъ блудницу вопреки закону божьему и правамъ людей, и угрожая, если она не будетъ немедленно выдана, отмстить на женахъ, дѣтяхъ и имуществомъ духовенства. Убѣжище несчастной женщины было открыто, и ее отдали на казнь мужу, который, однако, устранился отъ этого. Она пала подъ рукою какого-то низкаго слуги ³⁾. Де-

1) «in huius sponsi (sc. Boleslavi) regno sunt multae consuetudines uariae, et quamvis dirae tamen sunt interdum laudabiles... Si quis in hoc alienis abuti uxoribus uel sic fornicari presumit, hanc uindictae subsequentis poenam protinus sentit. In pontem mercati is ductus, per follem testiculi clauo affigitur, et nouacula prope posita, hic moriendi siue de hiis absoluendi dura electio sibi datur... Et si qua meretrix inueniebatur, in genitali suo, turpi et poena miserabili, circumcidebatur, idque, si sic dici licet, preputium in foribus suspenditur, ut intrantis oculus in hoc offendens, in futuris rebus eo magis sollicitus esset et prudens...». Thietmari Chronicon VIII, 2.

2) «Vxores suas, ueluti praeuaticatrices et adulteras, poenas diuersis crudeliter extinxerunt...». Boguphali Chronicon, cap. 13, ap. Bielowski, Monum. Pol. his. II, p. 488.

3) «Mulier cuiusdam nobilis cum clerico adulterasse publice arguitur. Quam cum more barbarico parentes dedecorati coniugis decapitare quearent, fugit

крегъ Бретислава (1039 г.), конечно, подъ вліяніемъ церкви, уже смягчасть суровость обычая: женщины-прелюбодѣйки, завѣдомо утратившія доброе имя и стыдъ, подвергаются только наказанію вѣчнаго изгнанія изъ страны ¹⁾).

Нѣтъ ни малѣйшаго основанія приписывать эту строгость наказанія за нарушеніе брачной вѣрности дѣйствию какого-нибудь чужеземнаго вліянія: она вытекала изъ коренныхъ условій быта, основаннаго на крѣпости семейныхъ отношеній и сурово-взыскательнаго за уклоненія отъ нихъ. Невѣрностью жена не только нарушала законъ семейнаго мира и принадлежности мужу; но и наносила безчестіе и безславіе членамъ семьи, какъ бы свидѣтельствуя о внутреннемъ слабосиліи ихъ союза. Разсматривая жену, какъ семейную собственность, обычай въ этомъ случаѣ предоставлялъ мужу право высшаго наказанія ее, т. е. наказаніе лишеніемъ жизни, которымъ только и могло удовлетвориться оскорбленное чувство обезславленнаго властителя; и кажется, что чѣмъ болѣе народъ отдавался тревожнымъ увлеченіямъ воинственной жизни, чѣмъ болѣе развивалось въ немъ чувство, такъ сказать, кровожадной чести, презрѣніе къ жизни и слабости другихъ, тѣмъ крѣпче и неотмѣннѣе становился обычай кары смертною казнью за преступленіе противъ чистоты супружескаго ложа. У племенъ мирныхъ мы нерѣдко находимъ отношенія болѣе мягкія, т. е. болѣе снисходительныя къ слабостямъ человѣческой природы.

Приведа въ естественную связь свидѣтельства польской и

illa... ad episcopum... Impia manus interea absconsae mulieri ferum necemque parans, armato milite episcopale forum irruerunt. Quaerunt minis et contumacibus dictis episcopum, qui contra diuinum fas et legalia iura adulteram defendere uellet... Rapitur infelix illa, et sub manu coniugis capitalem iussa est subire sententiam. Quod cum ille, uelut, uir iustus, facere nollit, sub gladio uilis uernulae truncata, poenas male usi corporis capite exsoluit...». Canaparitii Vita et passio Sti. Adalberti, c. 19, apud Bielowski Monum. Pol. hist. I, p. 174—5; cf. Brunonis Passio Sti. Adalberti, c. 16, Ibidem, p. 202—3.

1) «Eadem sententia (т. е. изгнанію въ Угры на вѣчныя времена) sunt plectendae uirgines et uiduae et adulterae, quae nomen bonum amisisse et pudorem corrupsisse, ac per scortum concepisse dignoscuntur... Cosmae Prag. Chronicon s. an. 1039, ed. Pelzel et Dubrowsky, Pr. 1783, p. 110.

чешской старины съ вышеуказанными фактами быта балтійскихъ славянъ, вспомнивъ при этомъ общее суровое направленіе ихъ жизни, мы кажется будемъ имѣть достаточное основаніе полагать, что крѣпость семьи, обязанности супружескаго союза и ихъ нарушенія признавались, понимались и карались у нихъ одинаково строгимъ образомъ, какъ, и у близкихъ къ нимъ поляковъ и чеховъ.

Власть мужа отчасти видна изъ слѣдующаго, довольно впрочемъ глухого, извѣстія у Видукина: осажденные нѣмцами въ Лунчинѣ, славяне, по неудачной битвѣ, за жизнь и свободу—отдали побѣдителямъ, кромѣ имущества и рабовъ, еще своихъ женъ и дѣтей:

«arma deponunt, salutem tantummodo deprecantur ac merentur. Inermes igitur urbe egredi iussi; seruilis autem conditio et omnis pecunia cum uxoribus et filiis et omni suppellectili barbarorum regis captiuitatem subibant» ¹⁾.

Изъ словъ саксонскаго анналиста не видно: было ли это дѣйствіе только на данный случай, или оно основывалось на правѣ распоряжаться личностью и свободою своихъ женъ и дѣтей. За первое говоритъ самый фактъ стѣсненнаго положенія славянъ предъ силою побѣдителей, за второе — общее правовое состояніе ихъ гражданственности. Тамъ, гдѣ жена признавалась собственностью семьи или мужа и не имѣла опредѣленнаго правомъ самостоятельнаго положенія, гдѣ пространство отцовской власти, какъ увидимъ далѣе, было столь значительно, тамъ подобное дѣйствіе могло основываться не только на случайныхъ, временными обстоятельствами условленныхъ обстоятельствахъ, но и на правѣ. Конечно, такая власть, если она дѣйствительно существовала—скорѣе должна быть разсматриваема, какъ неустраненный, анахронически-зажившійся остатокъ далекой старины, чѣмъ какъ живое, дѣйствующее начало быта, но нельзя отрицать что кой-гдѣ, въ исключительныхъ случаяхъ—она могла проявлять свою не вполне

1) Widukindi Res Gestae Sax. I, 36.

отжитую силу и дѣйствіе. По крайней мѣрѣ, употребляя отрицательное доказательство—у балтійскихъ славянъ мы нигдѣ не находимъ правовыхъ ограниченій власти мужа надъ женою — ни со стороны родныхъ ея, ни со стороны общества. Ограниченія, кажется, были только обычно-нравственныя, опредѣлялись *прилициемъ*, признаннымъ закономъ общежитія, но не строгимъ правомъ. Общество дожило до того, что мужья не продавали болѣе своихъ женъ, какъ рабынь, но продать ихъ или отдать въ рабство — они могли: препятствій правовыхъ къ этому, кажется, не было.

Немалое подтвержденіе нашего взгляда на характеръ власти мужа въ историческое время у балтійскихъ славянъ представляетъ обычай славянскихъ женъ слѣдовать въ могилу за своими мужьями, чтобы служить ихъ нуждамъ и въ загробной жизни. Обычай довольно рано замѣченъ св. Бонифаціемъ (755). Текстъ его нами приведенъ выше (стр. 117). Такъ какъ мы прежде уже имѣли случай посвятить этому свидѣтельству подобное разсмотрѣніе ¹⁾, то теперь можемъ ограничиться только немногими замѣчаніями.

Народъ, у котораго св. Бонифацій подмѣтилъ этотъ обычай и который онъ называетъ «Winclī» — были, несомнѣнно, балтійскіе славяне: это ясно и изъ контекста письма его къ Эггивальду, гдѣ они ставятся рядомъ съ Саксами, и изъ того, что такимъ именемъ въ средніе вѣка специально обозначали славянскія племена балтійскаго поморья. Бонифацій познакомился съ ихъ бытомъ во время своего пребыванія въ сосѣднихъ Тюрингіи и Саксоніи. Обычай жены слѣдовать въ могилу за умершимъ мужемъ онъ замѣтилъ не въ правно-обязательной формѣ, а какъ нравственно-обычное явленіе доброй воли, и объяснилъ его въ смыслѣ преданности и любви къ мужу. Мы полагаемъ, что эта форма обычая не была первоначальною, а позднѣйшею, ослабѣлою. Обыкновеніе не могло выйти изъ исключительно нравственныхъ началъ: оно должно было основываться на древнемъ безграничномъ

1) О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. М. 1868, стр. 46—50.

правѣ мужа по отношенію къ женѣ, какъ своей собственности, и потому въ болѣе отдаленной древности должно было имѣть юридически-обязательное значеніе. Умиралъ мужъ, повторимъ прежде сказанное нами, должна была умереть и жена, и не потому только, что существованіе ея (среди быта воиновъ) оказывалось совершенно лишнимъ, но и потому, что она была необходима своему, отшедшему къ праотцамъ, владыкѣ: владѣлецъ бралъ съ собой свою собственность ради удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей въ будущей жизни. Это было—дѣйствіе правовое и законное. Такимъ образомъ, во времена глубокой древности — власть мужа надъ женой не прекращалась и со смертью перваго. Больше или меньше дѣйствіе и распространенность обычая завистѣли, какъ кажется, отъ степени развитія семейной жизни и историческихъ условій: въ мирномъ бытѣ земледѣльца — поселанина, гдѣ жена и по смерти мужа находила мѣсто и признаніе, какъ мать своихъ дѣтей, обычай былъ мало умѣстенъ; но среди постоянной воинской жизни, гдѣ женщина рѣдко возвышалась надъ значеніемъ рабыни и предмета физической необходимости, открывалось, конечно, гораздо болѣе поводовъ и причинъ къ его существованію и примѣненію. Съ теченіемъ времени, съ относительнымъ развитіемъ образованности и семейной жизни, когда личность жены и матери поднялась — суровость обычая должна была смягчиться и ослабѣть: онъ постепенно переходилъ изъ области строгаго, обязательнаго закона въ область свободно нравственную, становился явленіемъ доброй воли. Въ такой именно формѣ, въ 8-мъ вѣкѣ — замѣтилъ Бонифацій этотъ обычай у балтійскихъ славянъ. Жена добровольно слѣдовала въ могилу за мужемъ, поступокъ ея признавался со стороны другихъ похвальнымъ, справедливымъ дѣйствіемъ; но необходимо-обязательнымъ онъ болѣе уже не былъ. Жизнь уже отвергла *право* обычая, но еще не оказывала ему въ нравственномъ значеніи: онъ вытекалъ изъ тѣхъ же основаній, которыми держался семейный союзъ и потому пользовался, по понятіямъ времени, справедливымъ почетомъ и признаніемъ. Дальнѣйшихъ историческихъ

слѣдовъ жизни обычая—у балтійскихъ славянъ не видно, но что онъ могъ продолжаться, какъ частное явленіе, и позднѣе — свидѣтельство тому представляетъ Польша, гдѣ, несмотря на гораздо большіе успѣхи жизни, обычай былъ еще живъ и дѣйствителенъ въ половинѣ X вѣка, такъ сказать — наканунѣ принятія христіанства. Даже, если понять свидѣтельство Титмара ¹⁾ въ буквальномъ смыслѣ, то можно подумать, что здѣсь онъ сохранялъ инѣ-которую юридически-обязательную силу, т. е. былъ дѣйствиємъ не столько доброй воли, сколько закона. Такому объясненію мы не найдемъ противорѣчія въ свидѣтельствахъ исторіи; скорѣе отыщемъ въ нихъ кое-что говорящее за него, или, по крайней мѣрѣ — за его *вѣроятность*.

Правное и нравственное положеніе жены. Издавна установившійся законъ предоставлялъ женѣ и вообще женщинѣ немного правъ. De iure — она не имѣла самостоятельности: жена стояла подъ рукою мужа, дѣйствія и власть ея опредѣлялись не собственною, а мужниною волею. Зависимость шла такъ далеко, что за преступленія мужей отвѣтственности и наказанію подвергались жены. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательныя указанія даетъ Титмаръ и одна поморская грамота.

Титмаръ говоритъ, что обвиненная славянская семья, по обычаю, распродалась въ разныя руки:

«Omnia nostra prius ecclesiam respicientia diuisa sunt miserabiliter sclauonicae ritu familiae, quae accusata uenumdando dispergitur? ²⁾».

Текстъ — не вполне ясенъ: согласившись даже съ толкованіемъ комментатора Киндерлинга, что слово «accusata» значитъ то же, что «damnata», т. е. не только обвиненная, но и осужденная ³⁾, все же остается неяснымъ, о чѣмъ обычаѣ («ritu») го-

1) «In tempore patris sui (т. е. отца Болеслава Храбраго — Мѣшка) cum iam gentilis esset, unaquaeque mulier, post uiri exequias sui igne crematī, decolata subsequitur...». Thietmari Chronicon VIII, 2, sub an. 1018.

2) Thietmari Chronicon III, 9.

3) Bielowski Monumenta Poloniae historica, I. Lw. p. 251 in notis.

ворить здѣсь Титмаръ, нѣмецкомъ или славянскомъ. Намъ кажется — о послѣднемъ. Анналистъ скорбитъ о расточеніи церковнаго имущества, ему представляется это дѣло беззаконнымъ и достойнымъ жалости, и онъ, по этому случаю, вспоминаетъ о другомъ внѣшнимъ образомъ подобномъ явленіи, распродажѣ славянской семьи. Едва ли онъ указалъ бы на такое обыкновеніе, если бы оно шло отъ нѣмцевъ: оно было бы тогда въ его глазахъ дѣломъ простой справедливости. Что Титмару, какъ епископу Межиборья и владѣльцу славянскихъ помѣстій, были извѣстны многіе порядки славянскаго быта — это не подлежитъ сомнѣнію и вполне откроется изъ дальнѣйшаго нашего изложенія. Если же нашъ домыслъ основателенъ, то изъ него само собою слѣдуетъ, что у балтійскихъ славянъ жены и дѣти подлежали отвѣтственности и наказанію за преступленія мужей; ибо нельзя же думать о какомъ-нибудь коллективномъ преступленіи славянской семьи; напротивъ, совершенно естественно — полагать, что рѣчь идетъ только о преступленіи правнаго лица, отца или мужа, преступленіи, послѣдствія котораго отражались на всѣхъ находившихся во власти и зависимости отъ него членахъ семьи, виновныхъ, такъ сказать, только своимъ безправіемъ. Отъ такого понятія не всегда свободны бывають и права очень образованныхъ и развитыхъ народовъ, тѣмъ болѣе онъ представляется умѣстнымъ въ суровой въ отношеніи къ семьѣ и женщинѣ — старинѣ. Что дѣйствительно это воззрѣніе дѣйствовало въ бытѣ балтійскихъ славянъ, яснымъ и уже неоспоримымъ доказательствомъ служить грамота (1238 г.) мазовецкаго епископа Петра, гдѣ въ числѣ разныхъ ущербовъ церковнаго интереса выставляется и то, что князь судить и рѣшаетъ дѣла по супружескимъ отношеніямъ и за преступленія мужей наказываетъ и подвергаетъ заключенію ихъ женъ:

«Volumus ut... causas matrimoniales non iudicet et uxores pro delictis maritorum non puniat et que tenentur uolumus ut in continenti dimittantur»... ¹⁾.

1) Cosegarten: Codex diplom. Pomeraniae, I, № 263, p. 570. Грамота относится къ восточнымъ Поморянамъ.

Церковь, очевидно, отстаивала свои права противъ старыхъ правъ народныхъ, усвоенныхъ въ послѣдствіи князю. Если въ половинѣ XIII в., по утверженіи уже христіанства, жены могли быть подвергаемы отвѣтственности и наказанію за преступленія мужей, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ болѣе отдаленное время, при полномъ господствѣ обычнаго языческаго права, законъ дѣйствовалъ еще строже, и жены съ дѣтьми, какъ собственность мужа, вполне раздѣляли постигавшую его кару.

Итакъ, для закона — правоспособность лица жены у балтійскихъ славянъ почти не существуетъ: она совершенно еще поглощается властною личностью мужа.

Но въ чемъ отказывалъ законъ, то нерѣдко восполнялось самою жизнью: мягкость семейнаго обычая, такъ сказать, уравнивала суровую строгость права. Въ семьѣ — женщина достигала иногда очень виднаго и вліятельнаго положенія, какъ жена главы семьи, какъ мать дѣтей и домоправительница — хозяйка. *De facto* — она имѣла силу и власть.

Мы не можемъ оставить безъ вниманія этой стороны предмета: безъ нея все предыдущее окажется въ культурномъ отношеніи только полу-справедливымъ, т. е. одностороннимъ.

Бамбергскіе свидѣтели замѣтили нѣсколько очень важныхъ фактовъ высокаго положенія женщинъ въ семьѣ и ихъ вліянія. Такъ, по ихъ словамъ, легкое утверженіе христіанства въ г. Каминѣ было приготовлено законной женой князя Вартислава: своими увѣщаніями она такъ подѣйствовала сначала на приближенныхъ, потомъ и на народъ, что когда явился еп. Оттонъ съ своими сотрудниками, они встрѣтили одну полную готовность принять крещеніе ¹⁾. Подобнось передаетъ Сефридъ о женѣ какого-

1) «*Ducissa, uxor uidelicet ducis legitima... sue fidei scintillam... inter suos familiares modeste primo, deinde fiducialius apud omnes, quos potuit uentilare cepit... Et totam illam ciuitatem etiam ante nostrum introitum tantus ardor fidei... per matronam inuaserat, ut non solum nichil contradictionis, uerum etiam totius populi consensum de suscipiendo baptismo inuenerimus...*». *Herbordi Dialogus*, II, 19.

то вельможи Домислава въ г. Штетинѣ. Женщина эта пользовалась въ городѣ огромнымъ уваженіемъ и властью. Въ отсутствіе мужа и безъ его предварительнаго согласія — она допустила Оттона окрестить своихъ дѣтей и вслѣдъ затѣмъ увлекла въ христіанство весь домъ свой и многихъ гражданъ. Самъ Домиславъ, человѣкъ могущественный и крутого нрава, принялъ сначала очень худо самовольный поступокъ жены, но въ концѣ — уступилъ ей, и самъ сталъ христіаниномъ ¹⁾. Удальрикъ рассказываетъ, что его и переводчика Альбина — въ гор. Волегощѣ самымъ радушнымъ и гостепріимнымъ образомъ приняла жена начальника города. Она показала себя при этомъ не только полною хозяйкою дома, но и лицомъ болѣе властнымъ. Узнавъ, что гости ея — были христіанскіе проповѣдники, что имъ угрожаетъ смерть, она скрыла ихъ въ потаенномъ помѣщеніи своего дома, а пожитки и лошадей ихъ отправила въ свои отдаленныя помѣстья. Такимъ распоряженіемъ, вопреки рѣшенію властей города — она спасла миссіонеровъ отъ смерти ²⁾. Самый важный фактъ, свидѣтельствующій о значительномъ положеніи женщины въ семьѣ, сообщается Сефридомъ. Фактъ, правда, передавъ не просто, а ради совершившагося чуда, но бытовая обстановка его, нѣтъ сомнѣнія — вѣрна дѣйствительности. Неподдалеку отъ Каминны, въ одной деревнѣ — проживала богатая и очень знатная вдова. Она имѣла многочисленную семью, пользовалась большою властью и дѣятельно управляла домомъ своимъ. При обращеніи Каминны въ христіанство, она упорно оставалась въ язычествѣ, говоря, что не уклонится въ новую суету отъ старыхъ преданій отцовъ своихъ. Случилось такъ, что въ воскресный день, въ годину жатвы, народъ собирався въ церковь; вдова же не пустила

1) «Erat matrona magne honestatis et potentie in ciuitate illa... eadem petente... omnes eius domesticos aqua tinxit regenerationis (sc. episcopus). Deinde etiam omnes conuicinos eius et familiares, uiros ac feminas cum paruulis suis, eadam fidei societas paulatim inuoluit». Herbordi Dialogus, II, 28. cf. ibid. II, 29; Ebonis Vita Ottonis II, 9.

2) Ebonis Vita Ottonis, III, 7.

своихъ домочадцевъ и приказала имъ идти на жатву. Желая дать личный примѣръ дѣла и разсѣять ложный страхъ нарушенія христіанскаго праздника, она сама взялась за серпъ; но вдругъ была поражена внезапнымъ ударомъ ¹⁾. Въ Хроникѣ Гельмольда находится также два указанія на то, что голосъ и участіе женщинъ могли имѣть нѣкоторое значеніе и въ области политическихъ событій. Старшій сынъ оботритскаго князя Готшалка — Бутый былъ завлеченъ въ засаду своимъ противникомъ Крутомъ и осажденъ имъ въ крѣпости Плунѣ. Доведенные до крайности, онъ и его воины рѣшились сдаться и явились предъ Крутомъ безъ вооруженія. Послѣдній, быть можетъ, пощадилъ бы ихъ: но какая-то знатная горожанка пробудила ненависть побѣдителей, сказавъ, что эти враги, находясь въ крѣпости, дѣлали много насилій и безчестія женамъ ихъ. Она требовала смерти ихъ въ отмщеніе за позоръ и обиды. Услыша это, Кругъ и дружина бросились на плѣнниковъ и всѣхъ ихъ умертвили ²⁾. . . У Крута была молодая жена, «госпожа Славянка». Наскучивъ старымъ мужемъ, она обратила свое вниманіе на другого сына Готшалка-Гейнриха и думала о томъ, какъ бы соединиться съ нимъ бракомъ. . . Часто втайнѣ она помогала ему, предупреждая о коварныхъ замыслахъ и предпріятіяхъ своего мужа и, наконецъ, устроила такъ, что Кругъ явился на пиръ къ Гейнриху, гдѣ и палъ жертвою кровавой мести врага, мстившаго насильственную смерть своего старшаго брата ³⁾. Не станемъ отрицать, что при-

1) «uidua quedam in rure non longe a ciuitate Caminensi diues ac nobilis ualde, christiana religione contempta, patrios deos se colere nullaque occasione uanitatis noue a parentum suorum ueteri traditione declinare se uelle dicebat. Erat autem multam habens familiam et non parue auctoritatis matrona, strenue regens domum suam. . . etc.». *Herbordi Dialogus*, II, 23.

2) «Vbi omnes presentati sunt (ad faciem Crutonis) mulier quedam prepotens de casto mandauit Crutoni ceterisque Sclauis, dicens: Perdite uiros, qui se traderunt uobis. . . » etc. . . *Helmodi Chronica*, I, 26.

3) «domna Slauina, uxor Crutonis, sepius illum (sc. Heinricum) premuniuit (premoniuit) denunciando insidias. Denique marito iam uetulo inuisa, Heinrico, si possibile foret, nubere affectabat. Vnde etiam instinctu eiusdem femine Henricus inuitauit Crutonem ad conuiuium. . . » etc. . . *Helmodi Chronica*, I, 34.

веденныя здѣсь показанія — не всѣ равной цѣны, что въ болѣе значительныхъ, можетъ быть, есть своя доля исторической не-точности, зависящая и отъ взгляда чужеродныхъ свидѣтелей и отъ способа ихъ выраженія, т. е. отъ краснаго слога, который невольно увлекалъ (напр. Герборда) къ преувеличенію; но все же — едва-ли должно думать, чтобы переданные факты были лишены всякаго основанія. А вмѣстѣ съ этимъ, по малой мѣрѣ — придется заключить, что въ бытѣ балтійскихъ славянъ для женщины не была закрыта возможность стать выше тѣхъ тѣсныхъ границъ, въ которыя замыкало ее строгое право. Какъ нерѣдко случается — жизнь, опередивъ законъ, уже давала женщинѣ довольно широкія нравственныя права: она могла стать лицомъ вліятельнымъ, приобрѣсть дѣйствительную силу и пользоваться властью. Вмѣсто слабого, зависимаго юридическаго лица насть встрѣчаетъ здѣсь лицо, *de facto* гораздо болѣе правное, самостоятельное и свободное. Вотъ — почему, хотя такое положеніе женщины и основывалось на *нравственныхъ началахъ*, въ немъ нельзя не замѣтить и, такъ сказать, скрытыхъ, молча признанныхъ — началъ юридическаго характера. Еще одинъ шагъ впередъ и при пробужденіи стремленія къ точному опредѣленію правъ лицъ — эти начала получили бы сплу яснаго положительнаго закона, т. е. изъ явленій нравственныхъ стали бы вполне явленіями правовыми.

Всѣ представленныя нами свидѣтельства о положеніи женщины у балтійскихъ славянъ относятся къ лицамъ высшаго сословія. Что и какъ было у простого народа — неизвѣстно; но нѣтъ никакихъ основаній полагать, чтобы въ этой сферѣ право не сдѣлало никакихъ уступокъ и осталось бы не смягченнымъ тѣмъ же чувствомъ семейнаго уваженія къ женѣ и матери.

Что касается до правнаго и нравственнаго положенія женщины въ современной польской и чешской старинѣ, то здѣсь уже виденъ значительный шагъ впередъ: нравственное признаніе правъ жены начинаетъ проникать въ область права и становится таковымъ, ей усвоиваются нѣкоторыя уже дѣйствитель-

ныя права, хотя въ то же время, въ другихъ отношеніяхъ, личность ея еще стоитъ подѣ властью стараго, непріязненнаго къ ней обычнаго закона. Такое колеблющееся положеніе было естественнымъ слѣдствіемъ начинавшагося вліянія церковно-христіанскаго начала; обычный законъ уже дѣлалъ ему значительныя уступки, конечно, на первый разъ въ томъ, что и помимо христіанства было отвергнуто нравственнымъ сознаніемъ и чувствомъ и держалось только силою обычая. Преступленія противъ супружеской вѣрности по старому закону еще наказывались смертью (выше, стр. 119—120), жены безпрепятственно еще могли быть отпускаемы или бросаемы (стр. 132), но онѣ уже не отвѣчали за проступки мужей, уже имѣли право, по смерти мужа, хотя бы и преступника, на часть его имущества ¹⁾... Успѣхъ, весьма важный!

Прекращеніе брака при жизни обоихъ супруговъ или разводъ засвидѣтельствованы Гельмольдомъ и «Саксонскимъ Зерцаломъ». Гельмольдъ передаетъ, что какой-то князь Оботритовъ (*regulus*) Билугъ имѣлъ въ замужествѣ сестру епископа Вагона. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сожителства онъ *отпустилъ* ее въ противность закону христіанскому:

«*Billug matrimonii sui iura corrumpit, repudiata sorore pontificis*» ²⁾).

1) Jus Conradi 1222, ст. 15: «si aliquis capitur in manifesto furto, uxor eius tertiam partem habeat», Jireček Codex iuris bohemicus I, Pr. 1867, p. 56. Лучшее положеніе женщины видно и изъ наслѣдственного права дочерей; о немъ мы распространяемся ниже. Укажемъ здѣсь сочиненія, въ которыхъ читатель можетъ найти болѣе подробное подтвержденіе нашего взгляда на правное и нравственное состояніе женщины у польскихъ и чешскихъ славянъ: Lelewel: *Hystoryczny rozbiór prawodawstwa polskiego*, § 22; «*Rozpatrzenie niektórychъ względów*» etc. §§ 15, 19, 29, 30; въ *Polska wiekówъ srednichъ*, III, p. 51 sq. 409 sq.; Спасовичъ: Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву, Сиб. 1857, стр. 5—53; Wocel: *O staročeskémъ dědickémъ pravu*, P. 1861, p. 26 sq. Brandl: «*Právní postavení ženského pohlaví vъ Čecháchъ*», въ журн. *Právníkъ* t. IX, p. 757—778; Strobach: *Wykłady na pojednání p. Iwanišewa pod naz. «Idea o osobnosti»*, въ *Časopis českého Museum*, 1844, p. 349—376; 489—514.

2) Helmoldi Chronica I, 14; cf. 13.

«Саксонское Зерцало», опровергая мнѣніе тѣхъ, которые полагали, что всѣ славянки (wendinnen) — свободны, доказываетъ ихъ несвободное состояніе тѣмъ, что какъ при выходѣ замужъ, такъ и при разводѣ, по славянскому обычаю, съ мужемъ, онѣ платили своему господину извѣстную подать:

«Latet se ok eren man alse wendesche recht is. se moten erme heren de uerschen penninge geuen. dat sin dre scillinge. unde anders wur mer na des landes wonheit» ¹⁾...

Свидѣтельство Гельмольда очень глухо: оно передаетъ простой фактъ, не указывая былъ-ли это формальный разводъ или обыкновенный разрывъ сожителства. Неизвѣстна также и ближайшая, быть можетъ, законная, причина поступка Биллуга: аналитъ по своему объясняетъ все дѣло личнымъ произволомъ оботритскаго князя. Напротивъ, показаніе «Саксонскаго Зерцала» — очень важно. Оно прямо указываетъ на свободное существованіе развода въ славянскомъ правѣ, какъ бы противуполагая эту свободу ограниченіямъ права нѣмецкаго (церковнаго). Разводъ является здѣсь самобытнымъ славянскимъ учрежденіемъ «alse wendesche recht is»! Принимая текстъ въ буквальный смыслѣ, можно даже прійти къ убѣжденію, что славянскія жены сами пользовались правомъ расходиться съ своими мужьями, т. е. могли оставлять мужей по собственной волѣ ²⁾. Но, всматриваясь ближе въ способъ выраженія памятника, приходится отказаться отъ такого мнѣнія, какъ неосновательнаго. «Саксонское Зерцало» говоритъ о женахъ, а не о мужьяхъ: ведя рѣчь о лицѣ первыхъ, оно, естественно, могло употребить выраженіе: «latet se ok eren man», т. е. *если онъ оставятъ своихъ мужей*, но придавать этой фразѣ вышеуказанный опредѣленный юридическій смыслъ — нѣтъ основаній: она значила не болѣе — не менѣе, какъ дѣйствіе развода, разрывъ супружеской связи, выходъ изъ состоянія заму-

1) Liber III, art. 73.

2) Такъ именно и понималъ это мѣсто Sachsse, см. Sachsenspiegel, Heid. 1848, Repertorium подъ слов. Wendinnen, p. 524.

жества—безъ всякаго отношенія къ тому, по чьей власти и праву произошелъ разводъ.

Мы имѣли уже случай (стр. 98, 101) коснуться нѣкоторыхъ свидѣтельствъ чешской старины, какъ бы указывающихъ на довольно широкое распространеніе и свободу разводовъ въ славянской древности. Нѣтъ недостатка и въ прямыхъ по этому предмету указаніяхъ. Еще въ 877 г. папа Іоаннъ VIII писалъ къ моравскому князю Коцелу о нечестивомъ языческомъ обычаѣ его народа отпускать своихъ женъ и брать другихъ при ихъ жизни¹⁾; извѣстный Войтѣхъ — по словамъ Козьмы пражскаго — жаловался сыну Болеслава I-го, Страхвасу о нечестивомъ сожительствѣ и недозволенныхъ разводахъ непостояннаго супружества чеховъ²⁾; декретъ Бретислава (1039 г.) также сильно возстаетъ противъ частыхъ разводовъ, полагая наказаніе вѣчнаго изгнанія изъ страны для тѣхъ, которые не захотятъ возвратиться въ узы законно заключеннаго супружества, т. е. церковнаго брака³⁾.

1) «Poro eos qui uxores suas dimisserunt (uel) illis ad alias uiuentibus migrauerunt nupcias tam diu cum consentaneis eorum excommunicamus, quousque posterioribus remotis, priores penitendo receperint... Precipue cum hec pessima consuetudo ex paganorum more remanserit»... ap. Wattenbach: Beyträge z. Gesch. d. christl. Kirche in Mähren u. Böhmen, W. 1849 p. 49 in Addit. Cf. Boczek Cod. dipl. I, 1836, Hol. p. 36—7, № 53.

2) «Cum quo (Ztrahquas) Adalbertus secretum petiit et colloquium tenuit... de incesta copula et super illicita discidia inconstantis coniugii»... Cosmae Prag. Chronicon S. an. 990, ap. Dobrowsky et Pelzel Script. rer. bohém. I, Pr. 1783, p. 57.

3) «Si coniux uirum, aut uir coniugem spreuerit, et rixa inter eos usque ad discidium efferuerit, qui ex eis in priorem copulam legitime celebratam redire noluerit, nolo ut secundum ritum terrae huius rei uiolator in seruitutem redigatur sed potius nostri immutabilis decreti per angariam, qualiscunque sit persona, redigatur in Vngariam et nequaquam liceat, ut pretio se redimat, aut in hanc terram redeat»... Cosmae Prag. Chronicon. S. an. 1039, ibid. p. 110. Извѣстіе декрета, будто бы прекращеніе брачнаго сожительства по чешскому обычному праву (secundum ritum terrae) считалось преступленіемъ и наказывалось отдачею въ рабство — чрезвычайно странно и противорѣчить всѣмъ другимъ свидѣтельствамъ славянской древности. По всему вѣроятію Бретиславъ или разумѣлъ здѣсь какое-нибудь предшествовавшее постановленіе *духоуенства*, или, понимая по своему расторгненіе брака, какъ преступленіе — примѣнилъ

Примѣры частыхъ расторженій браковъ въ польской древности и у другихъ славянъ въ достаточномъ количествѣ указаны Лелевелемъ и Маѣѳіовскимъ ¹⁾, и намъ нѣтъ нужды повторять ихъ. Замѣтимъ только, что изъ польскихъ свидѣтельствъ ясно, что разрывъ сожителства былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и правовымъ прекращеніемъ брака, что для развода, повидимому, не требовалось особыхъ основаній и причинъ кромѣ воли мужа.

Итакъ, допуская, что въ эпоху язычества одинаковыя обыкновенія дѣйствовали и у балтійскихъ славянъ и у славянъ чешскихъ и польскихъ, приходимъ къ твердому заключенію о томъ, что и у первыхъ существовала такая же полная, ничѣмъ и никѣмъ въ правовомъ отношеніи не стѣсняемая, свобода расторженія браковъ. Разводъ опредѣлялся только волею и усмотрѣніемъ мужа; жена, какъ кажется, была при этомъ лицомъ юридически пассивнымъ. Такія отношенія вполне отвѣчаютъ характеру эпохи, еще исполненной отголосковъ той суровой старины, когда личность жены вмѣнялась ни во-что и всецѣло зависѣла отъ воли повелителя-мужа. Мы не желаемъ этимъ сказать, что такой грубый взглядъ на женщину господствовалъ у балтійскихъ славянъ во время X—XII вв.: мы только что видѣли нѣкоторые доказательства противнаго; но иное дѣло — воззрѣніе, а иное — обычно правовое дѣйствіе, послѣднее не всегда опредѣляется современными понятіями, а нерѣдко — понятіями, выходящими изъ далекой и давно, повидимому, пережитой старины. Многоженство и безосновательное (въ юридическомъ смыслѣ), прихотливое отпущеніе женъ или прекращеніе брака — суть именно такія запозда-

къ нему общеупотребительную кару за преступленія вообще. По народному праву — разводъ былъ дѣйствіемъ обычно — законнымъ и вовсе не преступнымъ.

1) Lelewel: «Rozpatrzenie niektórych względów i pomników» въ *Polska wieków średnich*, III, Poz. 1859, p. 415 sq. Maciejowski: «Wielozęstwo u Słowian» въ *Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian*, I, Spb. 1839, p. 231—243.

лыя порожденія древняго быта, уцѣлѣвшія вопреки распространенію болѣе твердыхъ и человѣчественныхъ понятій о семейной жизни и ея необходимыхъ условіяхъ.

Свобода расторжимости браковъ какъ будто противорѣчить замѣченной выше (стр. 117—122) крѣпости семейнаго союза; но не слѣдуетъ забывать, что семейный союзъ—особенно въ древнія времена—былъ союзомъ исключительно мужскимъ: на долю женщины выпадали одни обязанности, правъ—она не знала, и ничто не защищало ее отъ исключенія изъ союза, если такова была воля мужа-отца. При подобномъ устройствѣ быта—дозволенная обычаемъ частая смѣна женъ нисколько не ослабляла крѣпости семьи: мѣсто одной женщины заступала только другая, столь же строго, какъ и первая—связанная обязанностями и столь же безправная, какъ и она. Во всемъ прочемъ, семья оставалась, какъ была, порядки ея не нарушались ни въ чемъ. Правда, изъ міра поэзіи (въ сказкахъ) къ намъ доносятся грустные картины тяжелаго положенія дѣтей, стоящихъ подъ грознымъ, ненавистнымъ началомъ власти мачехи, но полу-поэтическіе, полу-дѣйствительные образы эти едва ли должны быть приняты въ расчетъ, когда дѣло идетъ о строгихъ явленіяхъ историко-юридической жизни.

Отцовская власть. Въ племени со слабыми начатками государственной власти естественно предположить сильное развитіе власти отцовой. Къ сожалѣнію источники представляютъ очень мало данныхъ, способныхъ уяснить юридическое значеніе и пространство власти отца. Вотъ все, что извѣстно въ этомъ отношеніи.

Отцу принадлежала (у Поморянъ) власть надъ жизнью и смертію новорожденныхъ дѣтей женскаго пола. Сефридъ передаетъ, что Оттонъ запрещалъ поморскимъ женщинамъ убійство новорожденныхъ дѣвочекъ:

«quod omni immanitate crudelius erat femineos partus enecare, ne ultra fieret, mulieres collaudare monebat. Nam usque ad hec tempora, si plures filias aliqua genuisset, ut ceteris facilius

prouiderent, aliquas ex eis iugulabant, pro nichilo ducentes parricidium ¹⁾».

Въ извѣстной уже намъ рѣчи Оттона къ жителямъ Пырицы говорится о томъ же:

«partus — inquit — femineos, audio, quia uos, o mulieres, necare consueuistis.. Parricidium hoc, non fiat ammodo in uobis.. Siue igitur sit masculus, siue femina, diligenter enutrite partus uestros ²⁾».

Такія же явленія засвидѣтельствованы и Эбономъ:

«Illic (въ Каминѣ) in catezizatione requisitum est a mulieribus, quod infantes necassent — nam crudelitate paganica puellas necare, et mares reseruare solebant — et pro hoc scelere specialis penitentia eis iniuncta est ³⁾»..

Въ отчетѣ своемъ папѣ Каликсту самъ Оттонъ говоритъ, что онъ

«hoc etiam districta redargutione prohibuit: ne filias suas necarent, nam hoc nephas maxime inter eos uigebat ⁴⁾»..

Въ грамотѣ папскаго легата архид. Якова (1249) говорится, что новообращенные общали,

«quod nullus filium suum uel filiam quacunque de causa per se uel per alium abiiciat de cetero uel occidet publice uel occulte. uel ab alio talia quocunque modo fieri consentiet uel permittet ⁵⁾».

Сомнѣнія въ дѣйствительности обычая — едва-ли будутъ умѣстны: опредѣленно ясныя выраженія источниковъ прямо указываютъ, что бамбергскіе проповѣдники передали не какой-нибудь общій, глухой слухъ, ходившій въ христіанскомъ мірѣ о звѣрскомъ нравѣ сѣверныхъ язычниковъ; а настоящій, дѣйствительный фактъ ихъ быта, имѣющій и свою причину.

1) Herbordi Dialogus, II, 33.

2) Ibidem, II, 18.

3) Ebonis Vita Ottonis, II, 5.

4) Ibidem, II, 12.

5) Dreger Codex diplomaticus, St. 1748, p. 291.

Если бы мы могли прямо отнести къ Поморянамъ показанія грамоты Якова, то разъясненіе значенія обычая не представило бы особыхъ затрудненій: здѣсь власть отца является неограниченною, онъ властенъ самъ или чрезъ посредство другихъ—явно или тайно—*отвергнуть* или лишить жизни своихъ дѣтей. Это—тотъ же суровый законъ, который мы находимъ въ древне-германскомъ правѣ ¹⁾. Но такъ какъ грамота 1249 г. не можетъ служить прямымъ нашимъ источникомъ (см. выше, стр. 105), то мы и примемъ ея свидѣтельство только—какъ общее подтвержденіе факта, замѣченного бамбергскими миссіонерами.

Я не сомнѣваюсь, что поморскій обычай умерщвленія дѣтей женскаго пола есть измѣненный исторіей остатокъ древняго (бытовавшаго у грековъ, римлянъ и германцевъ) права, по которому отецъ могъ отвергнуть и экспонировать новорожденного ребенка, т. е., отказавъ ему въ признанія—умертвить его, или выбросить на произволъ судьбы ²⁾. Три особенныя черты отличаютъ поморское обыкновеніе (въ передачѣ источниковъ) отъ древне-нѣмецкаго: *во-первыхъ*—смерти или экспозиціи (что, въ сущности—одно и то же) предавались только новорожденные дѣвочки, но не мальчики; *во-вторыхъ*—исполнялось это будто бы затѣмъ, чтобы тѣмъ легче и лучше можно было вырастить и воспитать другихъ дѣтей; *въ-третьихъ*—отцовская власть остается въ сторонѣ: убійство дѣвочекъ поставляется какъ бы въ зависимость отъ власти матерей. Мы оставимъ на время первое отличие и рассмотримъ сначала два послѣднія. Немного нужно проникательности, чтобы замѣтить, что *второе* изъ нихъ есть простое и крайне недостаточное *объясненіе* причины обычая, а *третье*—*поверхностное наблюденіе* исполненія его. Сами ли свидѣтели дошли до заключенія, что Поморяне, предавали смерти однихъ дѣтей затѣмъ, чтобы удобнѣе воспитать другихъ, или Поморяне отзывались такъ на вопросъ миссіонеровъ,—во всякомъ случаѣ это бу-

1) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer. G. 1828, p. 455 sq.

2) Ibidem.

детъ личное, сподручное объясненіе или извиненіе факта. Взятое въ широкомъ смыслѣ — оно противорѣчитъ и нравственной природѣ человѣка и правному сознанію, для котораго никакъ не можетъ быть достаточно такое безправное основаніе, чтобы произнести судъ смерти. Но поставленное въ извѣстныя границы, это объясненіе получаетъ нѣкоторую долю вѣроятія. Судя по примѣрамъ нѣмецкаго обычая, смерти предавались такіе новорожденные, которые отличались природными физическими недостатками или подозрѣвались въ незаконномъ происхожденіи ¹⁾. Растить и воспитывать калѣкъ, уродовъ или незаконныхъ дѣтей въ ущербъ здоровымъ и собственнымъ, по понятіямъ старины, было неумѣстно; они подвергались экспозиціи, а чрезъ это — естественно — облегчалось и воспитаніе прочихъ. То же начало, вѣроятно, дѣйствовало и у балтійскихъ славянъ, и въ такомъ именно ограниченіи слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, понимать разсматриваемое показаніе. Что касается до извѣстія — будто бы убійство дѣвочекъ зависѣло отъ воли и власти матерей, а не отцовъ — намъ кажется оно призрачнымъ и неосновательнымъ. По всему тому, что мы знаемъ (см. выше, стр. 125—7) о положеніи женщины у балтійскихъ славянъ, никакъ нельзя думать, чтобы матерямъ могла быть предоставлена такая широкая власть. Дѣти, какъ и жена, принадлежали отцу и равномѣрно находились въ его власти; одинъ глава семьи имѣлъ право признать или непризнать ихъ, принять въ семейный союзъ или отвергнуть. Вліяніе жены въ этомъ отношеніи могло быть только нравственное, но не юридическое. Это начало, общее праву всѣхъ средневѣковыхъ европейскихъ народовъ, не оставалось, конечно, чуждымъ и праву балтійскихъ славянъ. Допустивъ даже, что отецъ — на случаи рожденія дѣтей женскаго пола, передавалъ свою власть женѣ, все же *de iure* полнымъ властелиномъ оставался онъ, а мать, такъ сказать, только заступала его, была распорядительницей его власти и силы. Впрочемъ, кажется, нѣтъ и необходимости

1) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, p. 465.

придавать показаніямъ бамбергскихъ миссіонеровъ значеніе опредѣленнаго свидѣтельства о недѣйствіи отцовской власти въ обыкновеніи предавать смерти новорожденныхъ дѣвочекъ и объ исключительномъ дѣйствіи здѣсь власти материнской. Проповѣдники знали, что суровый обычай *исполнялся* женщинами и, не проникнувъ до дальнѣйшаго источника его, не замѣтивъ управлявшаго имъ начала отцовской власти, подумали, что женщины поступали здѣсь по своей власти и волѣ, т. е., что отъ нихъ зависѣлъ и самый обычай. Имѣя, кажется, достаточное основаніе отнести обычай къ дѣйствію отцовской власти, рассмотримъ теперь первую и важнѣйшую особенность, которою онъ отличается отъ подобныхъ обыкновеній другихъ народовъ.

Почему обычай, оставляя права жизни мальчикамъ, обрекаетъ на смерть *единственно дѣтей женскаго пола*? Такого различія не дѣлають права древнихъ и средневѣковыхъ народовъ; гдѣ только существовала экспозиція, тамъ она одинаково распространялась на оба пола. Нельзя думать, что обычай условило безправное положеніе женщинъ: мы видѣли, что онѣ стояли вовсе не такъ низко и пользовались въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно значительнымъ признаніемъ. Объясненіе вопроса, кажется, должно искать въ обстоятельствахъ исторіи. Если наша мысль объ *основномъ* тождествѣ поморскаго обычая съ древнимъ правомъ экспозиціи новорожденныхъ дѣтей—справедлива, то можно безошибочно предполагать, что во времена болѣе древнія права отцовской власти у славянъ были гораздо шире, т. е. отецъ былъ властенъ вообще надъ жизнью своихъ дѣтей, безъ различія пола ихъ. Когда, со временемъ, суровый обычай ослабѣлъ и смягчился, исчезла, такъ сказать, только половина его: мужской полъ, какъ болѣе правоспособный, освободился изъ-подъ его власти, но женскій—остался въ ней по старому. Падающій обычай поддерживала съ своей стороны—исторія. Среди безконечныхъ тревогъ ея—женщины часто бывали, дѣйствительно лишнимъ бременемъ, затруднявшимъ вольную, непосѣдную жизнь воина и пирата, и нѣтъ ничего удивительнаго, что отвѣчая существенной потреб-

ности быта, обычай могъ остаться въ своей силѣ. Варварская жестокость его не останавливала людей, загрубѣвшихъ во всякаго рода насиліяхъ и жестокостяхъ; обычай скорѣе находилъ въ этой грубости существенную для себя поддержку: онъ не расходился съ самою жизнью и очень вѣрно выразилъ одно изъ крайнихъ направленій народной культуры.

Глухія извѣстія источниковъ не дозволяютъ судить ни о степени распространенности обычая, ни о тѣхъ ограниченіяхъ, которымъ, можетъ быть, подлежалъ онъ; но, кажется, не будетъ слишкомъ смѣлымъ и неосновательнымъ полагать, что онъ находилъ мѣсто преимущественно среди воинскаго, или подверженнаго частымъ тревогамъ войны — населенія. Спокойному семейному быту земледѣльца онъ противенъ по своей природѣ. Чѣмъ руководились, оставляя въ жизни однихъ дѣтей и предавая смерти другихъ — неизвѣстно; вѣроятно — тѣмъ же, чѣмъ руководились и у германцевъ, физическими пороками, рожденіемъ въ день, признававшійся несчастнымъ, подозрѣніемъ въ принадлежности другому, а не законному отцу и тому подобными примѣтами ¹⁾.

Обычай умерщвленія дѣтей женскаго пола или экспозиція представляетъ какъ бы особенность юридическаго быта балтійскихъ славянъ. Такой крайней отцовской власти въ историческія времена не знаетъ ни одно славянское племя. Только въ поэтическихъ разсказахъ (сказкахъ) кой-гдѣ виднѣются слабые, смягченные слѣды стараго грознаго обычая ²⁾, нѣкогда, быть можетъ, бытовавшаго у всѣхъ славянъ, но рано исчезнувшаго подъ вліяніемъ мирныхъ успѣховъ жизни и семейнаго быта.

Возникъ ли обычай у балтійскихъ славянъ самостоятельно или подъ вліяніемъ примѣровъ другихъ сосѣднихъ народовъ — рѣшить нельзя. И то и другое возможно: условія быта могли столько же независимо привести къ нему, сколько и облегчить

1) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, pag. 456.

2) Афанасьевъ: Русскія нар. ск. I, № 13, II, 35, VI, № 68—9; Худяковъ Русскія сказки III, 126; Kulda Moravské pověsti I, 289.

его воспріятіе извнѣ. Заслуживаетъ, однако, быть замѣченнымъ, что точно такой же обычай умерщвленія новорожденныхъ дѣвочекъ, какъ видно изъ грамоты папы Гонорія III (1218) ¹⁾, существовалъ у сосѣдившихъ съ Поморянами Пруссавъ; а при этомъ какъ-то невольно думается, что и самое тожество обычаевъ не было однимъ случайнымъ совпаденіемъ..

Опека. Со смертью отца власть его надъ малолѣтними дѣтьми переходила къ ближайшему родственнику, совершеннолѣтнему сыну или брату. Такъ, естественно, должно было стать при раздѣльности семейнаго быта: при родовомъ же устройствѣ — опека не нужна. Примѣры подобной опеки у балтійскихъ славянъ мы находимъ въ княжескихъ родахъ. По смерти поморскаго князя Богислава I (1187) опеку надъ его сыновьями получилъ дядя ихъ Вартиславъ, сынъ Ратибора, называвшійся потому «uicedominus terre»; но король Кануть (датскій), леномъ котораго было Поморье—передалъ ее (въ 1189) Яромару, князю Руянъ ²⁾. Князь восточнаго Поморья Мстивой, на смертномъ одрѣ, поручаетъ опеку надъ младшимъ сыномъ — старшему, Свантополку:

«Pater meus—говорить послѣдній—in articulo mortis positus commisit mihi fratrem meum cum terra sua, ut eum uiginti annis in curam reciperem, et terram suam tamquam meam regerem.. Victus precibus patris fratrem in curam recepi... (et) duodecim annis sicut melius potui procuravi. Quibus expletis anno tercio decimo fratrem meum dominio suo cum fraterna dilectione restitui...» ³⁾.

1) Voigt: Codex diplom. prussicus I, 1836, rp. № 12: «In Pruscie partibus populus est a fide prorsus exorbitans... inter alia multa que de ipsorum immanitate feruntur, quotcumque feminini sexus mater pariat perimunt, preter unam...» cf. Dusburgi Chronicon III, c. 4: «istis (sc. Galindis) uidebatur consultam, quod quicquid nasceretur sexus foeminini, occideretur, et masculi ad bellum seruarentur», ed. Hartknochii, 1579, Franc, p. 77; обычай былъ у скандинавовъ, см. Grimm, loco citato: cf. Maciejowski: Historia prawodawstw Slow. III, § 258, p. 304—5.

2) Klempin: Pomm. Urkundenbuch I, №№ 108, 115.

3) Cosegarten: Codex Pomer. diplom. I, № 395, p. 807.

Опека надъ несовершеннолѣтними дѣтьми, увидимъ далѣе, могла быть исполняема и матерями-вдовами. Пространство власти опекуновъ не можетъ быть опредѣлено положительнымъ образомъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что она распространялась на имущественныя отношенія малолѣтнихъ. Это — видно изъ грамотъ.

Опекѣ подлежали немощные и старики: забота о нихъ лежала на обязанности наслѣдниковъ. Такой обычай у Руянъ засвидѣтельствованъ Гельмольдомъ:

«Statim, ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas aut decrepitem etas, heredis cure delegatur plena humanitate fouendus ¹⁾».

При замѣченной нами (стр. 89—90) нормѣ особой семейной жизни—опека, естественно, представлялась необходимостью: она, конечно, имѣла мѣсто и въ бытѣ простого народа, иначе—нельзя понять, чѣмъ и какъ держалась семья остававшихся по отцѣ малолѣтнихъ дѣтей.

Старики. О положеніи старыхъ, немощныхъ людей въ семьѣ у балтійскихъ славянъ сохранились двоякаго рода извѣстія. По Гельмольду—старики пользовались вниманіемъ, почтеніемъ и при-смотромъ потомковъ и родичей: уваженіе и уходъ за родителями считались у славянъ первою добродѣтью:

«pollebant (Rani) multis naturalibus bonis. Erat enim apud eos hospitalitatis plenitudo, et parentibus debitum exhibent honorem. Nec enim aliquis egenus aut mendicus apud eos aliquando repertus est. Statim enim, ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas aut decrepitem etas, heredis cure delegatur plena humanitate fouendus. Hospitalitatis enim gratia et parentum cura primum apud Sclauos uirtutis locum optinent ²⁾».

По другимъ извѣстіямъ — у балтійскихъ славянъ существовали жестокий обычай предавать старыхъ, неспособныхъ къ

1) Helmoldi Chronica II, 12.

2) Helmoldi Chronica II, 12.

войнѣ и работѣ людей — насильственной смерти. Сыновья и потомки не только убивали ихъ или заживо погребали, но даже — будто бы, сваривъ — съѣдали.

Три такого рода извѣстія указаны Я. Гриммомъ. Изъ нихъ одно — довольно древнее, остальные — очень поздні.

Писатель XI в. Ноткеръ, толкуя греческое слово *brosis*, говоритъ, что отсюда получили названіе свое *ambrones*; они называются также *antropofagi*, т. е. *commessores hominum*, и живутъ въ Скиѣи; но Велеты, называемые также Вильдами и живущіе въ Германіи, не стыдятся утверждать, что они съѣдаютъ своихъ родителей съ большимъ правомъ, чѣмъ черви:

«aber ueueletabi die in germania sizzent. tie uuir *uuilze* héizên. die ne scâment síh nîcht zechédenne. daz sie iro *parentes* mit mēren rêhte ézen súlin. dânnē die uuirme ¹⁾».

Въ сѣверно-фризской хроникѣ Геймриха разсказывается о случаѣ (1607 г.) погребенія заживо одной женщины, которая, по старости лѣтъ — не могла слѣдовать въ походъ за своими соотечественниками; хронистъ прибавляетъ при этомъ, что такой же обычай существовалъ въ прежнее время и въ славянскихъ земляхъ:

«Welches denn weiland bei den wendischen lândern ein ehrlicher und löblicher gebrauch ist gewesen».

Въ Епистолахъ Цейллера — находимъ также указаніе, что въ прежнее время въ Вагрии, Люнебургѣ и другихъ славянскихъ земляхъ — дѣти убивали своихъ престарѣлыхъ родителей и родственниковъ, варили и съѣдали ихъ, или заживо погребали:

«es ist ein ehrlicher brauch im Wagerlande gleichwie in andern Wendlanden gewesen, daz die kinder ihre altbetagte eltern, blutfreunde und andere verwandten, auch die so nicht mehr zum kriege oder arbeit dienstlich, ertödteten, darnach gekocht und gegessen oder lebendig begraben, derhalben sie ihre freunde nicht

1) Приводимъ текстъ по рецензіи В. Вакарнагеля: *Altdeutsches Lesebuch*, Bas. 1859, p. 132—3.

haben alt werden lassen, auch die alten selbs lieber sterben wollen, als dasz sie in schwerem betrübtem alter länger leben sollen. Dieser brauch ist lange zeit bei etlichen Wenden geblieben, insonderheit im lüneburger lande ¹⁾.

Существуютъ, однако, и болѣе древнія извѣстія: одно изъ XIII столѣтія, другое изъ XIV.

Неизвѣстный авторъ статьи «объ округѣ и наименованіи вендской околицы Древанъ» рассказываетъ, что въ 1220 году нѣмецкому дворянину Левину фонъ-Шуленбургу удалось спасти одного такого старика, осужденнаго на насильственную смерть:

«Im Jahre 1220 reisete Lewin von der Schulenburg Landeshauptmann in der Altemark Brandenburg (der wahrscheinlich auf der heutigen Probststein zu Salzwedel wohnte) durch den Drawän, und sah dass einige Wenden mit einem alten Mann ins Holz wollten. «Wohin mit dem Alten?» — fragte der Landeshauptmann. «Zu Gott, zu Gott» erwiederten jene. Dem Landeshauptmann jammerte des alten Mannes; er entriss ihn mit Gewalt den Händen seiner Führer, und nahm ihn mit sich, und machte ihn zum Schlosswächter. Erst nach 20 Jahren gefiel es Gott, diesen alten Mann zu sich zu nehmen ²⁾».

По другому извѣстію старика спасаетъ графиня Мансфельдъ. Оно записано тѣмъ же авторомъ вышеуказанной статьи и Крантцомъ, въ его Вандаліи. Приводимъ текстъ послѣдняго, какъ старѣйшій:

«Rem a multis seculis retro commemoratam de barbarie in qua uetuli etiam parentes a filiis mactantur et senes iam labori inutiles ad mortem urgentur, hac tempestate quidam ex rustica Wandalorum gente (qui in durissima seruitute uix panem excu-

1) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, p. 488.

2) Ср. «Etwas über den Bezirk und Namen des wendischen Pagus Drawän, nebst einigen Bemerkungen über die alten Wenden und deren Sprache» въ «Neues Hannöverisches Magazin» 1795, 33 Stück, p. 520—1. Издатель предполагаетъ, что авторомъ статьи былъ Christian Henningен, бывшій священникомъ въ Вустровѣ, въ началѣ 18 вѣка.

dunt omni labore et sudore quotidiano) conprobavit. Nobilis domina, uxor comitis de Mansueld, filia comitis de Luchow, quum parentes inuisere constituisset, iter faciens per Ericam Luneburgensem, in uicino fruticeto audiuit uocem gementis et miserabiliter precantis: missoque uno ac altero ex familia, iubet contemplari quid esset: nec demorata reditum quum moram facerent, ipsa aditura iussit aduerti currum. Conspexit senem iam annis pressum, labori inutilem, ligatis manibus eiulantem, orare ut uitae eius parceretur. Iuxta uidit uirum scrobem effodere: quem interpelens rogat quid moliatur. Ille nihil ratus illicitum, plane confitetur, patrem suum, iam labori defunctum et inutilem, quique panem suum quaerere non possit, sepulchrum. Illa redarguit impium, quod parenti non parceret. «Non times, inquit, improbe Deum, cuius est mandatum de honorandis parentibus et de nemine occidendo, minime uero patre?» Ad haec ille suscipiens: «Non possum, inquit, o domina, auferre panem paruulis, quos multos alo domi, et dare inutili seni: utrisque autem enutriendis non sufficio. «Quid faciam?» Tum ingemiscens domina respexit in suos dixitque: «Videtis, quae sit horum pauperum conditio, quibus nemo impendit misericordiam, magis emunguntur ad sanguinem?» Illa prolatis aliquot argenteis dedit filio ut patri uitam permitteret. Pollicetur ille, quoad durauerint argenta, patri prospecturum ¹⁾».

Несмотря на всѣ усилія — намъ не удалось доискаться прямыхъ источниковъ этихъ извѣстій. Самое время жизни Левина фонъ Шуленбурга и графини Мансфельдъ (XIII и XIV с.) мы обозначили, слѣдуя указаніямъ археолога Кейслера ²⁾; но тѣмъ не менѣе, нѣтъ, полагаемъ, причинъ сомнѣваться въ относитель-

1) Krantzii: Wandalia, Franc. ad. M. 1580, p. 175, lib. VII, c. 48.

2) J. G. Keysler: Antiquitates selectae septentrionales et Celticae... Han. 1720, p. 148—9. Кейслеръ въ краткихъ словахъ передаетъ приключенія Левина фонъ Шуленбурга и графини Мансфельдъ, гозоря о первомъ, что онъ жилъ «circa annum 1220», а о второй — «ad initio seculi XIV».

ной древности показаній и дѣйствительной принадлежности ихъ названнымъ лицамъ.

Память о варварскомъ обычаѣ славянъ сохранялась долго: въ 15—16 столѣтіи ее записали извѣстный Маршалкъ и марскій хронистъ Эндельтъ ¹⁾, въ 17— она замѣчена церковнымъ визитаторомъ Гильдебрандомъ ²⁾, наконецъ — въ концѣ прошлаго вѣка и въ нынѣшнемъ она перешла въ область поэзіи и доселѣ живеть, какъ устное преданіе ³⁾.

Итакъ, оставимъ на время въ сторонѣ совершенно ясное и не требующее никакихъ предварительныхъ толкованій свидѣтельство Гельмольда и остановимся на извѣстіяхъ объ обычаѣ убійства стариковъ у балтійскихъ славянъ.

Насъ прежде прочаго поражаетъ одна черта, именно — будто-бы Вильцы *сздали своихъ стариковъ родителей* . . . Не встрѣчая не только у славянъ, но и у самыхъ дикихъ народовъ ничего подобнаго, мы не задумываемся видѣть здѣсь *этнографическую сказку*. Такія сказки были въ большемъ ходу въ средніе вѣка: со словъ странниковъ и мореходцевъ, любившихъ хвастнуть ви-

1) Маршалкъ Турій (1470—1525) въ своихъ «Annales Herulorum» cap. VIII: «Amicum (Heruli sc. Obotriti) non sunt passi senescere, mortem potius duxerunt quam uitae tempus reliquum per ignauiam transigere. Senio confectos occidere pulchrum. Parentes acherontios ac silicernios secare in uiscera, parare in mensam, officiosum ducebant» — у Westphalen'a Monumenta inedita I, Lip. 1739, p. 191. Möhsen, Geschichte der Wissenschaften in der Mark-Brand. Berl. 1781, p. 50 — говоритъ: «Enzelt sagt ausdrücklich in seiner 1579 herausgekommenen Chronik der Altmark dass die Lüneburger Wenden noch vor wenig Jahren ihre Väter, wenn sie alt und lebensatt gewesen, getödtet».

2) Гильдебрандова визитація имѣла мѣсто въ 1672 г. Въ статьѣ своей: «Ueber die Wenden in sogenannten Drawähnen» въ гл. 9, обозн. «Von den Begräbnissen», онъ говоритъ «Sonsten pflegten die Kinder ihre abgelebte Eltern, wann sie nichts mehr verdienen kunten, selbst tod zu schlagen, vorgebende: Gott hätte keinen Gefallen an Leuten, die nichts arbeiten. . .» въ Hannoversches Magazin 1817, p. 1056—7. Указаніе и выписка обязательно сообщены намъ А. А. Куникомъ.

3) Jean Potocki: Voyage dans quelques parties de la basse Saxe, Hamb. 1795, p. 43; Zwölftes Jahresbericht des altmärkischen Vereins für vaterl. Geschichte. Salzw. 1859, p. 25, cara: «der gerettete Wende»; (Hennings) Das hannoversche Wendenland, Luch. 1862, p. 77.

дѣнными ими чудесами, онѣ записывались довѣрчивыми анналистами или расходились путемъ устной передачи, а позднѣе — попадали и въ сочиненія ученаго содержанія ¹⁾. Легковѣріе и отсутствіе положительныхъ знаній открывало широкую дорогу ихъ распространенію. Стоитъ прочесть нѣкоторыя главы IV книги Гамбургской церковной исторіи Адама бременскаго, особенно 19-ую ²⁾, чтобы убѣдиться въ полной возможности образованія такого баснословно-этнографическаго разсказа о Вильцахъ, далекомъ и свирѣпомъ народѣ, имѣвшемъ — по общимъ понятіямъ времени — звѣрскіе нравы и обыкновенія. Намъ кажется, впрочемъ, что сказка сложилась не безъ историческихъ основаній. Къ ней, быть можетъ, подали поводъ обычай подвергать тѣла умершихъ варкѣ для отдѣленія костей ³⁾ и тризненное пиршество на

1) Въ космографіи Бартоломея Главилы, Мюнстера и т. д. Въ особенности такими сказками полно знаменитое сочиненіе Олая Магна: *Historia de gentibus septentrionalibus, earumque diuersis statibus... etc. Romae, 1555, 4°*.

2) Приводимъ здѣсь эту главу, потому что въ ней виденъ ясный слѣдъ занимающей насъ сказки о Вильцахъ. «Sunt et aliae in hoc ponto (sc. baltico) insulae plures, ferocibus barbaris omnes plenae, ideoque fugiuntur a nauigantibus. Item circa haec littora Baltici maris ferunt esse Amazonas, quod nunc terra feminarum dicitur. Eas aquae gustu dicunt aliqui concipere. Sunt etiam qui referant eas fieri praegnantas ab hiis qui praetereunt negociatoribus, uel ab hiis quos inter se habent captiuos, siue ab aliis monstribus, quae ibi non rara habentur. Et hoc credimus etiam fide dignius. Cumque peruenerint ad partum, si quid masculini generis est, fiunt cynocephali; si quid feminini, speciosissimae mulieres. Hae simul uiuentes, spernunt consortia uirorum; quos etiam, si aduenerint, a se repellunt uiriliter. Cynocephali sunt, qui in pectore caput habent; in Ruzzia uidentur sepe captiui, et cum uerbis latrant in uoce. Ibi sunt etiam qui dicuntur Alani uel Albani, qui lingua eorum wizzi (схотѣвъ писать: Wilzi) dicuntur, crudelissimi ambrones; cum canicie nascuntur; de quibus auctor Solinus meminit. Eorum patriam canes defendunt. Si quando pugnandum est canibus aciem struunt. Ibi sunt homines pallidi, uirides et macrobii, quos apellant Husos; postremo illi qui dicuntur Antropofagi, et humanis uescuntur carnibus. Ibi sunt alia monstra plurima, quae recitantur a nauigantibus sepe inspecta, quamuis hoc nostris uix credibile putetur». *Adami brem. Gesta IV, 19; cf. cap. 25.*

3) Такой обычай засвидѣтельствованъ многими несомнительными показаніями, см. Ph. Jaffé: *De arte medica saec. VII, Ber. 1853, p. 27, 30—32.* Онъ былъ возможенъ и у Вильцевъ.

могилахъ родителей ¹⁾. Дурно наблюденныя и истолкованныя, эти дѣйствительныя обыкновенія могли породить сказку, что Вильцы варятъ и съѣдаютъ своихъ родителей. Сказка могла образоваться и книжнымъ, ученымъ путемъ, вслѣдствіе довольно распространеннаго въ средніе вѣка мнѣнія о происхожденіи и этнологической связи славянъ со скивами и массагетами, у которыхъ Геродотъ замѣтилъ точно такія обыкновенія. Вниманія также заслуживаетъ и объясненіе Dr. Виггера ²⁾. Онъ также считаетъ извѣстіе Ноткера — чистою сказкою, но зная, что словомъ *Велетъ*, *Волотъ* славяне обозначали вообще великановъ, думаетъ, что здѣсь черта нѣмецкихъ преданій о великанахъ перенесена на историческій народъ Велетовыхъ, т. е. что сага рассказывала о исполинахъ-велетахъ, то приписано дѣйствительнымъ Велетовымъ. Толкованіе — остроумное, и случай — возможный, если было-бы доказано, что значеніе нарицательнаго имени *велетъ* = исполинъ не оставалось неизвѣстнымъ нѣмецкому писателю XI вѣка, или нѣмецкому миѳу. Какъ бы то ни было, баснословный характеръ сказанія — не подлежитъ сомнѣнію, а поэтому и намѣреніе Гизебрехта-старшаго объяснить его въ смыслѣ строго-историческомъ — намъ представляется неумѣстнымъ ³⁾.

Совсѣмъ иное дѣло — насильственная смерть потерявшихъ способность къ труду стариковъ. Хотя всѣ извѣстія о существованіи подобнаго суроваго обычая въ бытѣ балтійскихъ славянъ — не древни и не могутъ быть приняты за прямыя достовѣрныя свидѣтельства, но, имѣя въ виду, что точно такое же явленіе — какъ доказано Я. Гриммомъ ⁴⁾, нѣкогда несомнѣнно бытовало у мно-

1) См. наше изслѣдованіе: о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, М. 1868, стр. 39 sq. 118 sq. 54 sq.

2) Wigger. Mecklenburgische Annalen, Schw. 1860, p. 58.

3) L. Giesebrecht: Wendische Geschichten, I, p. 40. Гизебрехтъ видитъ здѣсь частный случай: дѣти, можетъ быть, во время страшнаго голода, дѣйствительно какъ-то разъ съѣли своихъ стариковъ-родителей. Молва обратила этотъ случай въ обычай.

4) Deutsche Rechtsalterthümer, p. 486—489. Обычай несомнѣнно существовалъ у римлянъ, геруловъ, древне-сѣверныхъ племенъ, пруссовъ и многихъ дикихъ; cf. ст. Tylor'a въ «Ausland»ъ, 1874, № 1, p. 16—17.

гихъ европейскихъ народовъ, мы едва-ли должны отказать этимъ показаніямъ во всякомъ вниманіи. Намъ кажется положительно невозможнымъ видѣть въ нихъ одну пустую выдумку или умышленный вымыселъ: ни для того, ни для другого нѣтъ видимыхъ побудительныхъ причинъ... Скорѣе мы склонны допустить, что здѣсь выражаются — или донесенная преданіемъ поздняя память о нѣкогда дѣйствительно существовавшемъ обычаѣ, или, быть можетъ, и остатки самаго обычая, которые — вопреки вліянію христіанства и просвѣщенія, могли уцѣлѣть до поздняго времени гдѣ-нибудь въ глухихъ забытыхъ мѣстахъ, среди люнебургскихъ болотъ и лѣсовъ. Стоя на почвѣ шаткихъ свидѣтельствъ, было бы слишкомъ смѣло утверждать *дѣйствительное существованіе* обычая въ бытѣ балтійскихъ славянъ, но *возможность* и даже *вѣроятность* его — очевидны. Насильственная смерть ослабѣлыхъ старцевъ была совершенно въ духѣ воинственно дѣятельной балтійской старины. «Язычество—по словамъ Я. Гримма — ставило жизнь ни во что, если не было здоровья тѣла и полного употребленія всѣхъ членовъ его; потому признавалось справедливымъ выбрасывать (экспонировать) слабыхъ дѣтей и прекращать смертью страданія людей, неизлѣчимо больныхъ. На этомъ же началѣ основывалось и малое уваженіе къ хилому старчеству. Такой обычай намъ показался бы страшнымъ варварствомъ, еслибы не было извѣстно, что онъ совпадалъ съ волею, чувствами и воззрѣніями самихъ стариковъ, которые падали его жертвами¹⁾.» Утверждая *возможность* существованія у балтійскихъ славянъ жестокаго обычая предавать смерти стариковъ, мы должны, однако, сказать, что онъ — если былъ, то уже со временъ глубокой древности былъ явленіемъ частнымъ, спорадическимъ, дѣйствовавшимъ у какихъ-нибудь отдѣльныхъ, болѣе одичалыхъ и погруженныхъ въ мракъ варварства племенъ. Тревоги ли воинскаго быта, гдѣ слабые старики представлялись тяжелымъ бременемъ, крайняя ли бѣдность и голодъ — сами по

1) Deutsche Rechtsalt., p. 486.

себѣ, дали такое грубое направленіе человѣчественной природѣ славянина, примѣры ли сосѣдей ¹⁾ увлекли ее къ жестокому обычаю — опредѣлить нельзя; но несомнѣнно, что онъ не былъ обычаемъ распространеннымъ и этимъ-то обстоятельствомъ, конечно, объясняется, почему положительная исторія вовсе не замѣтила его ни у одного изъ славянскихъ народовъ ²⁾. Ей извѣстны грубыя отношенія дѣтей къ отцамъ и родственникамъ ³⁾, но такой грубости духа — она не знаетъ. Чѣмъ далѣе идетъ она, тѣмъ яснѣе становятся человѣчественныя отношенія дѣтей къ родителямъ, отношенія, столь опредѣленно и ярко засвидѣтельствованныя Гельмольдомъ и имѣвшія, конечно, мѣсто не у однихъ только Руянъ, но и у всѣхъ ихъ родичей и у всѣхъ славянъ вообще.

Уваженіе къ старцамъ у славянъ основывалось, можно полагать — столько же на чувствѣ кровной, семейной любви, сколько и на убѣжденіи и вѣрѣ въ ихъ богатое опытомъ знаніе жизни и вообще житейскую мудрость. Тамъ, гдѣ частныя и общественныя отношенія велись по преданію, старцы, естественно, должны были занимать въ обществѣ очень видное, почетное мѣсто, какъ хранители и истолкователи старыхъ законовъ и обычаевъ своего племени. На одного такого слѣпного старика — Руянина указываетъ Саксонъ Грамматикъ, приводя его мѣткое изреченіе о томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ саксами ⁴⁾.

1) P. Dusburgi Chronicon ed. Hartknoch. Fr. 1579: dissertatio XIII, p. 188—9, гдѣ собраны указанія объ этомъ обычаѣ у пруссовъ; cf. Grimm DRAlt. I. cit.

2) Память о немъ сохранилась только въ поэзіи, именно въ сказкѣ, Erben: Sto prstonárodních pohádek a pověstí slovanských. P. 1865, p. 137 sq. № 48.

3) «срамословье въ нихъ предъ отцы и предъ снохами». Лѣтопись по лаврентьевск. списку, Спб. 1872, p. 13.

4) «Masco quidam, inter Rugianos natu atque autoritate praestantissimus, luminibus orbatus, sed ingenii sagacitate perspicuus, nec annis quam animo uiuacior, Concitatoris, inquit, petulantiae equis nos est, quo arctius retinentur, hoc uehementius habenas tendere. Laxentur itaque Saxonibus freni, ne retentationis nimietate rumpantur. Si quidem et nobis ipsorum et ipsis nostra perquam nota est uirtus». Saxonis Gram. Historia p. 774.

Положеніе вдовъ у балтійскихъ славянъ отчасти видно изъ показанія Сефрида у Герборда. Вдова представляется здѣсь лицомъ самостоятельнымъ и властнымъ, она правитъ домомъ и обширную семью, воля ея служить вторымъ закономъ:

«Vidua quedam in rure non longe a ciuitate Caminensi diues ac nobilis ualde... erat multam habens familiam et non parue auctoritatis matrona, strennue regens domum suam... in una die dominica tempore messis, populo undique ad ecclesiam properante, nec ipsa ueniebat nec suos uenire permittebat: «Ite, inquit, metite michi agros meos ¹⁾».....

Если бы можно было *вполнѣ* положиться на слова Герборда, мы не задумались бы увидѣть здѣсь примѣръ опредѣленной материнской опеки надъ дѣтьми. Иначе трудно объяснить ея полную власть, почему она управляла всѣмъ домомъ, а не (предполагаемый) сынъ ея, или иной родственникъ опекунъ-глава семьи. Случаи древней материнской опеки, находимые въ древности польской и чешской и постановленіе «Русской Правды» о правовой опекѣ вдовы-матери ²⁾ показываютъ, что такой обычай могъ уже имѣть мѣсто и въ бытѣ балтійскихъ славянъ, если не въ простомъ народѣ, то въ высшемъ сословіи, если не какъ явленіе правовое, прочно установленное, то какъ обыкновенный, ничѣмъ не воспрещенный — случай. Дѣйствительно, въ поморскихъ грамотахъ, при дареніяхъ монастырямъ и церквямъ различныхъ помѣстій и другихъ предметовъ — выступаютъ и вдовы-княгини, какъ лица, распоряжающіяся имуществомъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей; онѣ нерѣдко даютъ записи отъ своего имени, хотя и съ

1) Herbordus Dialogus II, 23.

2) Примѣры материнской опеки у поляковъ указаны Лелевелемъ «Histor. rozb. prawodawstwa polskiego § XXII; Rozpatrzenie niekt. względów, § 28, въ Polska wiek. sredn. III, p. 51 sq. 420, 438—9; древнѣйшій примѣръ чешской материнской опеки находится, сколько знаемъ въ Житіи св. Вячеслава, именно въ лицѣ матери его Драгомиры: Fontes rerum bohemicarum t. I, 1873, p. 128; cf. Wocel: o staročeském dědictvém právu, P. 1861, p. 26 sq; ст. А. Н. Попова: «объ опекѣ и наслѣдствѣ во время русской Правды» въ (Валуева) Сборникъ историческихъ и статист. свѣдѣній о Россіи, М. 1845, стр. 99—104.

согласія настоящихъ владѣтелей-наслѣдниковъ и иногда другихъ знатныхъ земли. Таковы: Анастасія, вдова Богуслава I и Ингарда, вдова Казимира II, послѣдняя дѣйствуетъ, «*pleno iure, uice filii sui Wartizlai, qui pro iuuentute sua nichil nouit de sublimibus ordinare*», или «*nomine sui filii, qui licet sit heres, tamen quanto tempore paruulus est, discretionem non habet de sublimibus ordinandi*». Очевидно, это была настоящая опека ¹⁾.

Гостепріимство было столько же обязанностью, сколько и правомъ семьи.

Адамъ бременскій говорить о Волинцахъ, что нельзя найти другого народа, который былъ бы нравами и гостепріимствомъ честнѣе и вѣжественнѣе ихъ:

«*moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior poterit inueniri* ²⁾).

Сефридъ замѣтилъ то же относительно Поморянъ вообще. «Удивительное дѣло, говорить онъ, столъ ихъ никогда не стоитъ пустымъ, никогда не остается безъ яствъ: каждый домохозяинъ имѣетъ особый домъ, опрятный и честный, назначенный для удовольствія. Здѣсь всегда стоитъ столъ съ различными напитками и яствами; принимаются одни, немедленно ставятся другіе; чистая скатерть покрываетъ яства, ожидающія потребителей, и въ какое время кто ни захотѣлъ бы угоститься, будутъ ли то чужіе, гости или домашніе — ихъ ведутъ къ столу, гдѣ все готово»:

«*Mirum dictu, mensa illorum nunquam disarmatur, nunquam deferulatur; sed quilibet paterfamilias domum habet seorsum mundam et honestam, tantum refectioni uacantem. Illic mensa cum omnibus, que bibi ac mandi possunt, nunquam uacuatur, sed aliis absumptis alia subrogantur . . . de mappa mundissima fercula teguntur, comesuros expectantia. Quacunque igitur hora reficere*

1) Codex Pomer. diplomaticus I, № 61, 65, 82, 94, 129, 136, 138.

2) Adami bre mens. Gesta ham. eccl. II, 19.

placuerit, hospites sint, domestici sint, omnia parata inueniunt intromissi ad mensam ¹⁾).

Эбонъ передаетъ, что двое изъ бамбергской миссиі, Удальрикъ и Альбинъ — пришли въ городъ Волегощъ и, какъ странники, были приняты женой правителя города самымъ гостепріимнымъ образомъ: она накрыла столъ и предложила имъ обильное угощеніе. Миссіонеры изумились, встрѣтивъ такой привѣтъ и гостепріимство «въ царствѣ діавола». Когда хозяйка узнала, кто они таковы, то пришла въ большое смятеніе и объяснила, что имъ готовится гибель отъ жителей города, она скорбѣла, что домъ ея, гостепріимно открытый всѣмъ странникамъ, станетъ мѣстомъ убійства, ибо она должна будетъ или выдать ихъ, или погнубнуть вмѣстѣ съ ними. Обязанность гостепріимства взяла верхъ надъ чувствомъ опасности и страха: добрая женщина скрыла у себя пришельцевъ и, когда возбужденный народъ сталъ требовать ихъ выдачи, объяснила, что къ ней, дѣйствительно, заходили какіе-то странники, но, удовольствовавшись пищею, ушли, и будто она не знаетъ, кто были они и куда направились...

«(Vdalricus et Albwinus) a matre familias uxore scil. perfecti urbis, honorifice suscepti sunt, ita ut pedes eorum summa humilitatis deuotione lauaret, statimque mensa apposita, copiosisimisque eos dapibus reficeret, mirantibus eis et admodum stupentibus, quod talem in regno diaboli humilitatis et hospitalitatis gratiam inuenissent... Tandem, finita refectio, Albwinus matrem familias secretius alloquens, indicauit ei causam aduentus sui... Hec illa audiens adeo expauit, ut terre procumbens, diu semianimus remanserit... At illa: «pro nece uestra iam iamque imminenti contremuit cor meum. Nam magistratus ciuitatis huius cum omni plebe dispositum habet, ut, si uspiam apparueritis, sine retractatione occidamini. Et hec domus mea, semper quieta et pacifica, omnibus peregrinis superuentibus hospitalis fuit, nunc uero sanguine uestro contaminanda erit. Re uera namque si ali-

1) Herbordi Dialogus II, 41.

quis magistratuum introitum uestrum huc deprehendit, hac hora domus mea obsidione uallabitur; et ego infelix, nisi uos tradidero, igni cum omnibus meos concremabor. Ascendite ergo in superiora domus mee ibique latitate». . . Post modicum plebs furibunda irrupit, omniaque scrutantes, peregrinos, illic ingressos uiolenter ad mortem expetebant. Quibus mater familias: «fateor, ait, domum meam ingressi sunt; et sufficienter refecti uelocius abierunt. Et ego, qui uel unde essent aut quo tenderent, explarare non potui¹⁾).

Еще важнѣе показаніе Гельмольда потому именно, что оно указываетъ на общее правовое значеніе у славянъ обычая гостепріимства. Епископъ Герольдъ вмѣстѣ съ анналистомъ, ради утвержденія христіанства, странствовали по Вагріи и были приглашены княземъ Прибиславомъ въ его домъ. Онъ привѣтливо принялъ ихъ и угостилъ богатымъ пиромъ. «Здѣсь, говоритъ Гельмольдъ, я на опытѣ узналъ, что прежде доносилось ко мнѣ молвою, что нѣтъ народа, который былъ бы въ гостепріимствѣ радушнѣе славянъ: всѣ они въ принятіи гостей ревностны, какъ бы по уговору, и никто не имѣетъ надобности просить у нихъ пристанища. Все, что приобрѣтаютъ земледѣліемъ, рыболовствомъ или охотой, они со щедростью вполне отдаютъ гостямъ, и тотъ между ними считается болѣе почтеннымъ, кто бываетъ расточительнѣе. Страсть къ такой расточительности доводитъ многихъ изъ нихъ до воровства и разбоя, и оба рода этихъ преступленій у нихъ находятъ извиненіе: покровъ обычая гостепріимства защищаетъ ихъ. По славянскимъ обычаямъ, что ночью укралъ, то на утро ставъ гостямъ. Если же кто-нибудь, что случается очень рѣдко, будетъ уличенъ въ отверженіи странника, то позволительно бываетъ сжечь его домъ или имущество, на такого поднимаются всѣ, въ одинъ голосъ называя безчестнымъ, низкимъ, достойнымъ презрѣнія того, кто не постыдился отказать въ хлѣбѣ страннику».

1) Ebonis Vita Ottonis III, 7.

«Illic experimento didici, quod ante fama uulgante cognoui, quia nulla gens honestior Sclauis in hospitalitatis gratia; in colligendis enim hospitibus omnes quasi ex sententia alacres sunt, ut nec hospitium quenquam postulare necesse sit. Quicquid enim in agricultura piscationibus seu uenatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt, eo fortiorem quemquam quo profusorem iactitantes. Cuius ostentationis affectatio multos eorum ad furta uel latrocinia propellit. Que utique uitiorum genera apud eos quidem uenalia sunt, excusantur enim hospitalitatis palliatione. Sclauorum enim legibus accedens, quod nocte furatus fueris, crastina hospitibus disperties. Si quis uero, quod rarissimum est, peregrinum hospitio remouisse deprehensus fuerit, huius domum uel facultates incendio consumere licitum est, atque in id omnium uota pariter conspirant, illum inglorium, illum uilem et ab omnibus exhibendum dicentes, qui hospiti panem negare non timuisset ¹⁾).

Въ концѣ своего труда Гельмольдъ еще разъ хвалитъ обиліе гостепріимства славянъ и говоритъ, что оно наравнѣ съ почитеніемъ къ родителямъ занимаетъ у нихъ мѣсто первой доблести:

«Erat apud eos (Ranos) hospitalitatis plenitudo. . . Hospitalitatis gratia et parentum cura primum apud Sclauos uirtutis locum optinent» ²⁾).

Приведемъ, наконецъ, еще одно свидѣтельство, которое хотя и не говоритъ прямо о гостепріимствѣ, но очень важно для объясненія этого обычая. Когда монахъ Бернгардъ явился на проповѣдь въ г. Волинъ, жители, принявъ его за обманщика, требовали, чтобы онъ удалился. На настоянія его жрецы и старѣйшины составили совѣтъ и рѣшили, что это — человекъ безумный, слушать его негодится; но не слѣдуетъ также и предать его смерти: онъ — бѣдный странникъ, а убійство странниковъ, какъ дозволено опытомъ, не проходитъ безъ возмездія, навлекаетъ бѣд-

1) Helmoldi Chronica I, 82.

2) Helmoldi Chronica, II, 12.

ствія. Этому обстоятельству Бернгардъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ:

«Non expedit nobis peregrinum nudipedem interficere. Quia et fratres nostri Pruzenses ante annos aliquos Adelbertum quendam, similia huic predicantem, occiderunt, et ex eo omnis pressura et calamitas apprehendit eos totaque substantia eorum ad nichilum redacta est»¹⁾.

Для насъ рѣшительно все равно — такъ или иначе говорила вольнская сходка, одно не подлежитъ сомнѣнію, что *страннический* характеръ Бернгарда былъ его спасеніемъ; благодаря этому же странническому характеру Войгѣха, Поморяне особенно уважали память его²⁾.

Такимъ образомъ, старый, коренной славянскій *обычай гостепріимства*, очень рано замѣченный исторіей³⁾, сохранился у балтійской отрасли неколебимо, какъ бы вопреки ожесточающимъ историческимъ обстоятельствамъ и отношеніямъ. Невольно возникаетъ вопросъ, въ чемъ заключалась причина такой упорной долговѣчности, что давало силу этому обычаю пройти чрезъ длинный рядъ житейскихъ искушеній и уцѣлѣть среди разлива непріязненныхъ для него страстей и обыкновеній, среди горькихъ опытовъ, изъ которыхъ малѣйшаго достаточно было, чтобы снести его и на мѣсто его поставить недружелюбную, угрюмую самозаключенность и подозрительное недовѣріе къ чужеземцамъ? Въ бытѣ балтійскихъ славянъ обычай присутствуетъ не какъ бездѣйственный, случайно уцѣлѣвшій остатокъ старины, но какъ начало живое, руководящее людскими отношеніями, какъ дѣйствующее право и обязанность. Сказать, что гостепріимство выходило изъ основныхъ свойствъ племенного характера — значить обойти, но не разрѣшить вопросъ; ибо племенной харак-

1) Ebonis Vita Ottonis II, 1; все происшествіе подробно передано въ нашемъ трудѣ: Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ, Пр. 1874, стр. 22—3.

2) Ebonis Vita Ottonis II, 15.

3) См. свидѣтельства объ этомъ Маврикія (582—602) и Льва Мудраго (886—911) у Шафарика въ Slowanské starož. 1837, приложенія, стр. 967—972.

теръ во многомъ зависить отъ исторической жизни, а она издавна имѣла враждебное ему направленіе, могла только разрушить, но не поддержать его. Была, слѣдовательно, иная сила, которою оно держалось и крѣпилось наперекоръ жизненнымъ обстоятельствамъ, и которая давала ему значеніе долга и права.

Такою силою могла быть только религія.

Религіозное основаніе обычая станетъ для насъ вполне ясно, когда примемъ въ расчетъ нѣкоторыя преданія и повѣрья славянской старины. Одно изъ нихъ стоитъ на переходѣ отъ мифической къ достовѣрной исторіи Польши: имъ открывается первая страница ея, утвержденіе исторической династіи Пястовъ. Въ Гнізднѣ, такъ рассказываетъ старѣйшій польскій анналистъ, княжилъ князь, по имени Попелъ. У него было двое сыновей. Пришло время, когда по обычаю старины, надъ ними слѣдовало совершить обрядъ *постригъ*. Князь по этому поводу устроилъ большой пиръ, на который позвалъ многихъ знатныхъ людей и друзей. Случилось такъ, что туда пришло двое странниковъ; ихъ не только не пригласили къ пиру, но еще съ безчестіемъ изгнали изъ города. Они ушли отъ негостепріимныхъ людей въ пригородъ и случайно остановились возлѣ хижины княжьяго пахаря. Добрый бѣднякъ пригласилъ ихъ въ свое скромное жилище и просилъ снисходительно простить его убожество. Странники вошли подъ гостепріимную кровлю и привѣтствовали его. Пахарь назывался Пястомъ и имѣлъ жену по имени — Рѣпку. Бѣдняки, по мѣрѣ силъ, старались чѣмъ бы угодить своимъ гостямъ. Среди бесѣды странники попросили напитокъ, и радушный хозяинъ отвѣчалъ: «припасена у меня кружка пива на тотъ день, когда будутъ постриги моего единственнаго сына; да что беречь эту мелочь: пейте, коли ваша ласка». Надобно сказать, что крестьянинъ имѣлъ намѣреніе устроить постриги своему сыну въ то время, когда князь станетъ справлять пиръ по случаю семейнаго торжества (постригъ же); тогда и онъ хотѣлъ сдѣлать кое-какое скромное угощеніе друзьямъ-бѣднякамъ и на этотъ конецъ откармливалъ поросенка. Странники велѣли принести пиво и раз-

лить его въ чани, и — чудное дѣло — рассказываютъ, что пиво росло, пока не наполнили всѣ чаши и всѣ сосуды, которые нашлись пустыми на пиршествѣ князя. Странники приказываютъ убить поросенка, и опять — его мясомъ наполняется цѣлыхъ десять цеберъ или ведеръ. Когда Пясть и Рѣпка увидѣли такое чудо, они поняли его, какъ доброе предзнаменованіе для сына, думали даже позвать на пиръ князя, но не смѣли безъ согласія странниковъ. Тѣ позволили; пришелъ князь съ своими гостями — и пошелъ пиръ горой... Наконецъ, странники совершили надъ сыномъ Пяста обрядъ постриженія, они нарекли его Семовитомъ въ предвѣстье о его будущемъ ¹⁾. То былъ родоначаль-

1) «Erat in ciuitate Gneznensi, quae nides interpretatur Sclauonice, dux nomine Popel, duos filios habens, qui more gentilitatis ad eorum tonsuram grande conuiuium praeeparauit, ubi plurimos suorum procerum et amicorum inuitauit. Contigit autem ex occulto Dei consilio duos illius hospites aduenisse, qui non solum ad conuiuium non inuitati, uerum etiam a ciuitatis introitu cum iniuria sunt redacti. Qui statim ciuium illorum inhumanitatem abhorrentes et in suburbium descendentes, ante domunculam aratoris praedicti ducis pro filiis conuiuium facientis forte fortuna deuenerunt. Ille uero bonae compassionis pauperculus hospites illos ad suam domunculam inuitauit, suamque paupertatem eis benignissime praesentauit. At illi pauperis inuitationi gratanter inclinantes et hospitalitatis tugurium subeuntes: «Bene—inquiunt—nos aduenisse gaudeatis, et in nostro aduentu bonorum copiam, et de sobole honorem et gloriam habeatis.» Erant enim hospitii domestici Pazt filius Chossistconis et uxor eius Repca uocabulo nuncupati, qui cum magno cordis affectu pro posse suo hospitum necessitati ministrare sathagebant, eorumque prudentiam intuentes, secretum si quid erat cum eorum consilio perficere disponebant. Cumque de more resistentes colloquerentur de plurimis, et peregrini an ibi potus aliquid habeatur inquirerent, arator hospitalis respondit: «est, inquit, michi uasculum cereuisiae fermentate, quam pro caesarie filii quem habeo unici tondenda praeparauit. sed quid prodest hoc tantillum? Si libeat ebibatis.» Decreuerat enim rusticus ille pauper, quando dominus suus dux pro filiis conuiuium praepararet — nam in alio tempore prae nimia paupertate non posset — aliquid obsonii pro suo tondendo paruulo praeparare, et quosdam amicorum et pauperum, non ad prandium. sed ad gentaculum inuitare, qui etiam porcellum nutriebat, quem ad illud seruitium reseruabat. . . Imperant igitur eum hospites securi ceruisiam propinari, quam bene nouerant potissando non deficere sed augeri; usque adeo enim creuisse fertur ceruisia, donec uasa mutuata replentur omnia et quae ducis conuiuantis inuenere uacua. Praeipiunt et porcellum supradictum occidi, unde decem situlae, sclauonice *cebri*, mirabile dictu, memorantur adimpleri. Visis igitur Pazt et Repca miraculis quae fiebant, aliquid magni praesagii de puero sentiebant, iamque ducem et conuiuas inuitare cogitabant, sed non audebant, nisi

никъ княжескаго рода Пястовъ. Какъ бы въ наказаніе за оскорбленіе правъ гостепріимства, со смертью Попела прекращается родъ его, и на княжій столъ вступаетъ Семовитъ, отецъ котораго нѣкогда почтилъ странниковъ дружественнымъ пріемомъ и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ и своему потомству благоволеніе высшей силы...

Кто были эти переходящіе гости — лѣтописецъ не знаетъ, или не помнитъ, но уже самое чудо, совершенное ими, указываетъ, что они не были обыкновенные смертные люди. Дѣйствительно, во многихъ народныхъ преданіяхъ мы встрѣчаемъ, что въ образѣ и подъ видомъ странниковъ очень часто нисходятъ на землю лица высшаго, божественнаго происхожденія, они посѣщаютъ людей, принимаютъ участіе въ ихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, награждаютъ правду и добро, караютъ порокъ и нечестіе¹⁾. Такихъ-то божественныхъ гостей, конечно, принималъ у себя и крестьянинъ Пясть!

Религіозное воззрѣніе положило основаніе обычаю гостепріимства: неизвѣстность, окружавшая пришельцевъ-странниковъ, служила не только вѣрнымъ для нихъ покровомъ и защитой, но и обязывала къ уваженію и почету относительно ихъ; ибо — кому извѣстно, кто они таковы, и что если въ лицѣ ихъ будутъ оскорблены самыя божества, пожелавшія принять на время земной образъ переходящихъ странниковъ? Гибель и кара неминуемо падетъ тогда на главу оскорбителя, его семьи и негостепріимнаго крова! Подъ вліяніемъ мирныхъ свойствъ племенной природы и развивавшагося патріархальнаго понятія о святости семейнаго крова обычай выросъ и возвысился до значенія семейнаго долга

prius peregrini nos hoc inquirant. Quid moramur? Consilio itaque hospitum et exhortatione dominus eorum dux et conuiuae omnes ipsius ab agricola Pazt inuitantur, neque rustico suo dux inuitatus condescendere designatur. . . . Inito de more conuiuio, et habundanter omnibus apparatis, hospites illi puerum totoderunt, eique Semovith uocabulum ex praesagio futurorum indixerunt». Martini Galli Chronicon I, c. 1—3, apud Bielowski, Monumenta Pol. I, p. 395—397.

1) J. Grimm. Deutsche Mythologie, G. 1854, p. 137, 312 sq; О. Θ. Миллера, Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Сиб. 1869, стр. 177 sq; Афанасьевъ, Русскія народныя Легенды, М. 1860, № 1, 2, 3, 7; послѣдняя легенда очень близка къ преданію у Мартина Галла; Erben: Sto prstonárodních pohádek a pověstí, Pr. 1865, p. 207.

или обязанности. . Нужды нѣтъ, что съ теченіемъ времени сознание религіознаго источника его затемнилось, что въ странникахъ уже не видѣли и не предполагали ничего необыкновеннаго, одинъ разъ твердо установившійся обычай остался обязательнымъ на долгіе вѣка; корни его такъ глубоко проникли въ народную жизнь, что онъ сталъ какъ бы нерушимымъ нравственнымъ закономъ и уцѣлѣлъ во всей свѣжести и силѣ даже и тамъ, гдѣ, казалось, не могло быть ни простора, ни даже мѣста его дѣйствию. Такъ именно было у балтійскихъ славянъ!

Не иначе, какъ принявъ во вниманіе религіозный источникъ и значеніе обычая гостепріимства, намъ становится возможнымъ объяснить, почему Поморяне считали убійство странниковъ — дѣломъ незаконнымъ и опаснымъ, почему, какъ гласила молва и какъ было на самомъ дѣлѣ, ни одинъ народъ не отличался такой «полнотою гостепріимства», какъ славяне, почему они рѣшались на кражу, разбой, даже на самую смерть, чтобы только не отказать страннику въ пріемѣ и удовлетворить его, почему — наконецъ, отверженіе странника и отказъ въ гостепріимствѣ разсматривались не только, какъ дѣло нравственно-безчестное и позорное, но и какъ общественное преступленіе, караемое лишеніемъ крова и имущества. Не мало, конечно, во всемъ этомъ участвовалъ «широкій», открытый характеръ добраго отъ природы племени, но онъ одинъ не могъ возвести обычай на степень непремѣннаго долга, не могъ дать ему правовыхъ обязательныхъ основаній: дѣйствіе обычая въ такомъ случаѣ не вышло бы за предѣлы добровольныхъ поступковъ и осталось бы только при нравственныхъ послѣдствіяхъ. Гостепріимство же признавалось дѣломъ общественной необходимости, въ нарушеніи его видѣлось нѣчто большее, чѣмъ нарушеніе приличіемъ утвержденного нравственного правила и обычая жизни, видѣлась опасность благосостоянію общества, его миру и порядкамъ. А такой взглядъ понятенъ только тогда, когда въ основѣ его допустимъ указанную выше религіозную причину. Сознавалась ли она отчетливо, или какъ преданіе — смутно чувствовалась, но довольно, что съ почетнымъ уваженіемъ

и приѣмомъ странниковъ народъ соединялъ идею справедливаго, необходимаго дѣйствія, въ оскорбленіи же и отверженіи ихъ видѣлъ преступленіе, навлекающее на все общество бѣды и несчастія и потому требующее очистительнаго возмездія и кары. Такое воззрѣніе съ одной стороны возвысило обычай до значенія обязательнаго закона, съ другой — опредѣлило нѣкоторыя права его. Разбой и воровство ради гостепріимства извинялись и рассматривались, какъ дѣйствія не преступныя, ибо только чрезъ нихъ для нѣкоторыхъ становилось возможнымъ удовлетвореніе болѣе высокому, религіозному закону, неуклоннымъ исполненіемъ котораго достигалась спасительная цѣль общественнаго блага и мира... Какъ велика была сила обычая гостепріимства у балтійскихъ славянъ видно изъ Гельмольда, по словамъ котораго — случаи нарушенія его бывали очень рѣдки, вызывали строгое осужденіе и даже наказаніе.

У всѣхъ славянскихъ племенъ съ древности и до нашихъ дней обычай гостепріимства понимается и исполняется, какъ важная обязанность семьи или частнаго лица; но, за исключеніемъ балтійскихъ славянъ и отчасти славянъ южныхъ (сербовъ и болгаръ), мы нигдѣ не находимъ слѣдовъ его правнаго значенія. Должно ли видѣть въ этомъ уцѣлѣвшій остатокъ отдаленнѣйшей общеславянской старины или только частное, случайное направление народной мысли — рѣшить трудно, но одно несомнѣнно, что самый обычай громко свидѣтельствуетъ въ пользу искони мирнаго, дружелюбнаго характера славянской природы: онъ вызываетъ изумленіе нѣмцевъ, непривыкшихъ и незнающихъ въ своей средѣ ничего подобнаго.

Кровная месть. Къ семейному праву принадлежало право кровной мести за родныхъ, погибшихъ насильственною смертію. Местъ была священною обязанностью семьи.

Довольно ясныя свидѣтельства объ этомъ находимъ у Адама бременскаго, Гельмольда, неизвѣстнаго автора «видѣніяхъ Готшалка» и Саксона Грамматика.

Адамъ бременскій рассказываетъ, что сынъ оботритскаго князя

Ута, Готшалкъ мирно занимался науками въ одномъ монастырѣ въ Люнебургѣ, когда до него дошла вѣсть о смерти отца, убитаго какимъ-то саксонцемъ. Питая въ душѣ еще чувства язычника, Готшалкъ не могъ оставить гибели отца безъ справедливаго отмщенія, онъ соединился со славянами и избилъ многія тысячи саксовъ:

«ira et furore commotus, reiectis cum fide litteris, arma corripuit, amnemque transmissis, inimicis Dei se coniunxit Winulis. Quorum auxilio christianos impugnans, multa milia Saxonum prostrasse dicitur in patris uindictam¹⁾).

Тотъ же свидѣтель говоритъ о сильномъ славянскомъ князѣ Ратиборѣ, что онъ былъ убитъ датчанами; восемь сыновей его поднялись на месть за отца, и всѣ погибли:

«habuit filios octo, principes Sclauorum, qui omnes occissi sunt a Danis dum patrem ulcisci quaesierunt. Ad cuius (sc. Rati-boris) mortem ulciscendum iam tunc cum exercitu Winuli uenientes usque ad Ripam uastandam progressi sunt²⁾).

Гельмольдъ передаетъ о смерти Ута и мести Готшалка то же самое, что и Адамъ и почти тѣми же словами, но прибавляетъ слѣдующее. Собравъ многочисленную дружину Готшалкъ опустошилъ въ отмщеніе за отца всю Нордалбингію:

«percussit in ultionem patris omnem terram Nordalbingorum, tantas strages fecit christiane plebis, ut crudelitas omnem modum excesserit».

Разъ какъ-то, во время своихъ разъѣздовъ, онъ встрѣтилъ одного саксонца, который, не зная, кто былъ онъ — началъ обвинять оботритскаго князя въ погромахъ и разореніи края. Готшалкъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствовалъ, какъ доблестный мститель смерти отца:

«multum coarguis uirum illum, principem Sclauorum. Reuera

1) Adami brem. Gesta ham. ec., II, 64.

2) Ibidem, II, 72.

enim multas ille pressuras suscitauit populo et terre uestre, ultor paterne cedis existens magnificus. Ego sum uir iste»¹⁾ . . etc.

Готшалкъ также погибъ насильственною смертью. Ему долженъ былъ наслѣдовать старшій сынъ его Бутый; но убійцы отца его, боясь мести сына, сдѣлали крамолу и поставили въ князья Руянина Крута:

«timentes autem hii, qui patrem eius interfecerant, ne forte filius ultor paterne cedis fieret, concitauerunt tumultum in populo, dicentes: non hic dominabitur nostri sed Cruto, filius Grini»²⁾.

Бутый палъ жертвою Крута; а этотъ, въ свою очередь, былъ убитъ на пиру у другого сына Готшалкова, Гейнриха, который не задумался здѣсь нарушить законъ гостепріимства ради удовлетворенія высшей священной обязанности, мести за смерть брата. Вражда между родами Готшалка и Крута продолжалась и впоследствии³⁾.

Семейную месть Готшалка замѣтилъ и Саксонъ Грамматикъ:

«Guthscalculus Sclauicus. . . paternae saltem neci ultionem non negaret. . . Saxoniam, parentis necem ultus, obtriuit, paruae gloriae regnum aut diuitias reputans, si non ultionem opibus adiecisset»⁴⁾.

По убійствѣ князя Ободритовъ Никлота — борьба его сыновей Прибислава и Вартислава съ соединенными войсками Гейнриха Льва и Вальдемара датскаго приняла ожесточенный характеръ. Случилось такъ, что еп. Абсалонъ, послѣ переговоровъ съ Гейнрихомъ, возвращался ночью въ свой лагерь въ сопровожденіи очень малаго количества воиновъ (60-ти). Проводникомъ ихъ былъ Приславъ, одинъ изъ сыновей Никлота, христіанинъ, зять Вальдемара и искренно преданный датчанамъ. Опасность положенія была очевидна: каждую минуту можно было ждать внезапнаго нападенія славянъ. Приславъ старался воодушевить воиновъ, онъ говорилъ, что смерть и славнѣе и легче плѣна; ибо отдавшись вра-

1) Helmoldi Chronica, I, 19.

2) Ibidem, I, 25, 34.

3) Ibidem, I, 34, 55.

4) Saxonis Gramm. Historia, lib. X, p. 544—5.

гамъ они, какъ убійцы Никлота — все же падутъ жертвами мести его сыновей:

«Capti enim occisi parentis mei poenas, perinde ac eius interfectores, crudeli morte pendetis, fratresque mei paternis manibus per summam crutiatuum acerbiter uestro sanguine parentabunt¹⁾».

Замѣчательнъ въ этихъ словахъ намекъ на религіозное значеніе кровной мести, какъ умиротворительной жертвы душѣ погибшаго насильственною смертію.

Повѣсть «о видѣніяхъ Готшалка» (ок. 1190) рассказываетъ, что одно семейство славянъ по прозванію Бакарочи, отецъ и пять человѣкъ сыновей — долго и сильно разбойничали въ Норторпскомъ округѣ (въ Гользатиі); выведенные, наконецъ, изъ терпѣнія, жители, славяне и нѣмцы, пустились ихъ преслѣдовать, имъ удалось поймать одного, и его предали мучительной смерти. Тогда братья, пренебрегая опасностью — постановили отомстить смерть родного товарища и выполнили этотъ долгъ съ равною жестокостью: они не брали на этотъ разъ ничего имущества, но уничтожали его, находя, по словамъ «Повѣсти», для себя болѣе выгоднымъ чужой вредъ, чѣмъ собственную выгоду:

«reliqui de tam probrosa morte ipsius medullitus permoti, sanguinem eius cum periculo etiam uite proprie in totam quoque parochiam, si fieri posset, ulcisci statuerunt. Vnde domum illius, qui lancea eum transuerberauerat, et aliorum, quos in nece eius precipuos fuisse audiuerant, primum statimque succendentes, non tam questum proprium, ut antea, quam dampnum alienum, lucrosum sibi estimabant. Bubulcum deinde pecora in pascuis custo-

1) Ibidem, l. XIV, p. 761. Считаемо уместнымъ привести изъ того же свѣдѣтеля слѣдующую выдержку, такъ какъ она нѣсколько касается предмета: «eodem tempore Nucleti filius Pribislaus, ripa altera superueniens, cum fratrem Prizslauum Bernardo, cuius manu Nucletum occidisse fama fuerat, nauigio communicantem aspiceret, conuicio laccessiuit, impietatem obiiiciens, quod cum parentis sui interfectore amice conuersari, sustinuisset. Contra Prizslauus, bene de se meruisse eum, per quem patre sacrilego careat, affirmabat. Sed neque se eius filium censere uelle, quem maximi sceleris parentem extitisse constaret», Ibid. p. 763.

dientem, et inter pascendum in presagium futurorum, crucem, cruciatum forte ipsius portendentem, in alno arbore incidentem, ex improviso accurrentes, in fugam conuersum, et affugere tantum, cum socio pastore alio comprehenderunt. Itaque in ultione sanguinis fratris sui, uelut talionem reddituri, sed talione non contenti, primum utrique guttur secantes, deinde ab ore ad aures usque maxillas scindentes, uentrem per medium dissecuerunt, et stomachis uersis, uentribusque ad instar pernarum suillarum de lignis distentis, ablata corda eorum ad peruersos nescio quos usus secum asportauerunt»¹⁾).

Отмѣтимъ еще одно мѣсто изъ саксонской хроники Видукинда: оно указываетъ на наслѣдственный характеръ родовой вражды у славянъ и тѣмъ даетъ косвенное дополнительное свидѣтельство къ предыдущему:

«Erant duo subreguli Herimanno duci, inimicitiae a patribus uicariae relictis, alter uocabatur Selibur, alter Mislau»²⁾).

Судя строго, всѣ приведенные факты не имѣютъ опредѣленнаго юридическаго характера, но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя понимать въ смыслѣ однихъ случайныхъ нравственныхъ дѣйствій чувства возмездія, въ нихъ замѣчается нѣчто болѣе постоянное и твердое, чѣмъ движеніе временнаго чувства, они выходятъ изъ сознанія семейнаго долга и обязанности и потому должны быть разсматриваемы, какъ дѣйствія правныя. Правное начало кровной мести у балтійскихъ славянъ — не подлежитъ сомнѣнію. Кромѣ удовлетворенія естественнаго чувства возмездія за семейное безчестіе или убійство близкаго родного, кровною расправою — по понятіямъ языческой старины, удовлетворялся и другой, болѣе высокій, священный долгъ по отношенію къ нему, именно — умиротвореніе души его, требовавшей жертвы. На это намекаютъ слова

1) Excerpta quaedam e uisionibus Godeschalci Nouimonasteriensis 1190 an. cap. XXIV, у Langebek'a Scriptores rerum danicarum t. V, Hau. 1783, pag. 370.

2) Widukindi Res gestae Saxoniae III, 68.

Саксона Грамматика: какъ ни глухи они, но, поставленные въ связь съ нѣкоторыми понятіями славянскаго язычества о дѣйствіяхъ душъ людей, погибшихъ насильственной смертью ¹⁾, они даютъ право къ такому заключенію. Съ этой точки зрѣнія и принесеніе въ жертву плѣнниковъ у балтійскихъ славянъ, о которомъ сохранились достаточныя свидѣтельства ²⁾, можетъ быть разсматриваемо, какъ дѣйствіе кровной, религіозной мести. Исторія застаегъ обычай кровной мести у балтійскихъ славянъ уже не на древнѣйшей, безпредѣльно властной и неограниченной его степени: съ одной стороны — религія и общественная власть стремятся положить нѣкоторые предѣлы обычаю, съ другой — самъ обычай незамѣтно начинаетъ замѣняться композиціей, головщиной или платой за убійство. Первое ясно изъ учрежденія *мѣстъ защиты* (*asyla*), гдѣ угрожаемый смертью находилъ убѣжище до дальнѣйшаго разбора дѣла или до суда. Сефридъ передаетъ, что въ Поморьѣ:

«In singulis ciuitatibus dux palacium habebat et curtim cum edibus, ad quam si quis confugisset, lex talis erat, ut quolibet hoste persequente, securus ibi consisteret et illesus ³⁾».

Гельмольдъ говоритъ, что входъ въ святилище (въ Вагрію) былъ воспрещенъ для всѣхъ, кромѣ жреца, приносившихъ жертвы и тѣхъ, кому угрожала смерть: послѣдніе находили здѣсь надежное убѣжище:

«Ingressus atrii omnibus inhibitus nisi sacerdoti tantum et sacrificare uolentibus, uel quos mortis urgebat periculum, hiis enim minime negabatur asilum ⁴⁾».

Обычай платы за убійство засвидѣтельствованъ также Гель-

1) См. наше изслѣдованіе: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, М. 1868, стр. 35, 117.

2) Helmoldi Chronica, I, 52; II, 12; Thietmari Chronicon VI, 18; Adami brem. Gesta, III, 50.

3) Herbordi Dialogus II, 24; cf. Ebonis Vita Ottonis II, 7; Priefling. monachi (apud Pertz Monum. XII) II, 5.

4) Helmoldi Chronica I, 83.

мольдомъ. Сынъ оботритскаго князя Гейнриха—Вольдемаръ былъ убитъ Руянами. Горюющій и разгнѣванный отецъ весь отдался помысламъ возмездія. Онъ собралъ сильное войско изъ своихъ славянъ и союзныхъ саксовъ и пошелъ войною на Руянъ. Въ Волегощѣ пришли къ нему посланники отъ Руянъ, предлагая миръ и головщину въ двѣсти марокъ за убитаго сына. Гейнрихъ спросилъ совѣта саксовъ, они отвергли условіе, и все войско, перейдя море по льду, явилось въ Руяні. Руяне выслали своего жреца, который на этотъ разъ предлагалъ сначала — четыреста, потомъ восемьсотъ марокъ головщины. Гейнрихъ опредѣлилъ ее въ четыре тысячи четыреста марокъ, и Руяне принуждены были согласиться¹⁾.

Въ грамотахъ, какъ увидимъ, *мужебойство* или *глава* совершенно устранена изъ семейной расправы: она подлежитъ суду правительства и возмѣщается денежными вирами или тѣлесными наказаніями. Конечно, кровная месть еще долго была въ силѣ у нѣкоторыхъ племенъ, менѣе подчиненныхъ государственному началу, но вообще она представляется у балтійскихъ славянъ не въ той строгой, правовой формѣ закона и непреложнаго долга, въ какой мы встрѣчаемъ ее въ первыя времена исторіи въ бытѣ славянъ русскихъ и долго потомъ у славянъ южныхъ²⁾, но въ формѣ исторически дальнѣйшей, срединной между восточно- и юго-славянской и той, какую мы находимъ въ Польшѣ и Чехахъ современной эпохи. Въ древне-польскихъ и чешскихъ правахъ, уже смягченныхъ вліяніемъ христіанства, мы не находимъ прямого указанія на кровную месть, какъ дѣйствующее, признанное

1) Ibidem I, 38.

2) Tobien. Die Blutrache nach altem russischem Rechte I, Dorpat, 1840; уже «законникъ» Душана (1349—54) замѣняетъ кровную месть денежными платежами, но обычай продолжался долго, до нашихъ дней, см. В. С. Караджича: Српски рѣчникъ подъ сл. *освета*. Cf. также соч. С. М. Шпилевскаго: Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ, К. 1866, стр. 36 sq, гдѣ хрестоматически собраны нѣкоторые факты о кровной мести у славянъ и приведены разныя толкованія ихъ учеными.

право, но есть многіе ясныя слѣды, что она существовала въ прежнее время, что случаи ея были не рѣдки и въ XII—XIV вв.; есть цѣлое правовое учрежденіе «покоры», цѣлью котораго было предупрежденіе или отвращеніе кровной мести, т. е. примиреніе убійцы съ мстителемъ — родными убитаго¹⁾. Итакъ, кто въ приведенныхъ нами историческихъ случаяхъ кровной мести у балтійскихъ славянъ, захотѣлъ бы увидѣть не правныя дѣйствія, а явленія нравственной случайности, тотъ долженъ убѣдиться въ противномъ уже и изъ того, что обычай въ древности былъ одинаково распространенъ у всѣхъ славянскихъ племенъ: балтійскіе не были же въ этомъ случаѣ какимъ-либо исключеніемъ; тѣмъ болѣе, что двѣ главныя причины паденія и отмѣны кровной мести: вліяніе христіанства и усиленіе государственной власти — въ ихъ бытѣ почти не существовали. Каковы были правныя условія дѣйствія кровной мести у балтійскихъ славянъ, кто обязанъ былъ мстить и кто, кромѣ прямого убійцы, подвергался мщенію — остается неизвѣстнымъ. Одно только можно замѣтить, что воинское направленіе быта ихъ должно было расширять дѣйствіе обычая и выводить его изъ тѣснаго круга семьи въ область племенную: вмѣсто единичнаго убійцы, его семьи или рода мечь падала на цѣлыя племена и народы; а чрезъ это слабѣла крѣпость обычая въ семьѣ и облегчался переходъ его къ обычаю композиціи или платы за убійство. Здѣсь, быть можетъ, находилась и причина того, что кровная мечь у балтійскихъ славянъ является уже не въ той строгой формѣ, какъ въ бытѣ славянъ русскихъ. Иначе нельзя понять ея смягченіе у народа, столь освоеннаго съ насиліями и кровавыми дѣйствіями.

Наслѣдованіе. Необходимымъ находимъ сдѣлать одно предварительное замѣчаніе о собственности по отношенію къ семьѣ и семейному праву. Съ той поры, какъ семейная собственность на-

1) Основательное изслѣдованіе предмета читатель найдетъ въ сочин. Р. Губе: *O zemście i pokorze podług praw polskich i czeskich*, Warsz., 1829 р. 1—30.

чинаеть быть замѣтна въ источникахъ исторіи балтійскихъ славянъ, она ограничивается въ кругѣ быта простого народа уже только предметами движимости. Недвижимой, поземельной собственности семья не имѣетъ: она сидитъ на чужой землѣ, пользуется и владѣетъ ею; но право собственности на нее принадлежитъ княжескому роду и немногимъ знатымъ лицамъ. Такой строй жизни мы встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ, у важнѣйшихъ историческихъ вѣтвей балтійскаго племени: Поморянъ, Руянъ, Оботритовъ и отчасти Лютичей. О другихъ — мало что извѣстно въ этомъ отношеніи. Какимъ путемъ сталоcь это «безземельство» народа, мы попытаемся отвѣтить въ заключительномъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія; теперь, при разъясненіи вопроса о наследованіи, достаточно и простого упоминанія о фактѣ.

При общей неясности условій и отношеній семейнаго быта у балтійскихъ славянъ, очень неясными остаются и начала семейнаго наследованія. О нихъ до нѣкоторой степени можно заключать изъ извѣстій анналистовъ о наследованіи княжеской власти и отчасти изъ грамотъ.

1. Въ 817 г., по извѣстію Эйнгарда, Оботриты и князь ихъ Славомиръ отпали отъ германской имперіи. Причина отпаденія заключалась въ томъ, что Славомиръ, властвуя до той поры надъ Оботритами единодержавно, получилъ отъ императора повелѣніе раздѣлить свою власть съ Чедрагомъ, сыномъ Дракка:

«Causa defectionis erat, quod regiam potestatem, quam Sclaomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat, cum Ceadrago, filio Thrasconis, partiri iubebatur¹⁾».

Для объясненія этого извѣстія нужно сказать, что Дракко (Thrasco) былъ одинъ изъ князей оботритскихъ; въ 808 г. онъ былъ прогнанъ съ мѣста датскимъ королемъ Готфридомъ; но въ слѣдующемъ году воротился въ княженіе, давъ предварительно своего сына Чедрага въ заложники Готфриду. Дракко былъ скоро убитъ. Ему наследовалъ Славомиръ, по свободному ли

1) Einhardi Annales, s. an. 817.

избранію народа, или въ силу родственной связи съ прежнимъ княземъ, т. е. въ силу закона семейнаго наслѣдованія — неизвѣстно. Пока Чедрагъ былъ малолѣтенъ — Славомиръ княжилъ одинъ (около 6—7 лѣтъ), потомъ первый началъ отыскивать свою законную отчину. Императоръ призналъ его право, но не отвергъ и права Славомира, и потому постановилъ раздѣлить власть между обоими. Славомиръ не захотѣлъ покориться такому рѣшенію и отдѣлился отъ имперіи. Чрезъ два года онъ былъ пойманъ и приведенъ на судъ къ императору въ Ахенъ. Туда пришли также «лучшіе люди» Оботритовъ. Они обвиняли своего князя во многихъ преступленіяхъ и такъ какъ онъ не могъ оправдаться, то былъ приговоренъ къ ссылкѣ, а княжество отдано Чедрагу. Но и послѣдній былъ скоро заподозрѣнъ въ измѣнѣ и смѣненъ снова Славомиромъ.

По смерти Славомира — княземъ остался Чедрагъ. Въ 826 г. къ Людовику Благочестивому явились послы Оботритовъ съ жалобой на своего князя. Вызванный, явился и Чедрагъ. Дѣло было, вѣроятно, очень не ясно, потому что императоръ, отпустивъ пословъ, удержалъ у себя Чедрага и отправилъ къ Оботритамъ нарочитыхъ людей, которымъ поручилъ узнать — хотятъ ли народъ имѣть Чедрага княземъ, или—нѣтъ. Посланные воротились и донесли, что нѣкоторые этого желаютъ, другіе—нѣтъ; но «лучшіе люди» земли согласны принять его. Вслѣдствіе этого Чедрагъ, давъ заложниковъ, былъ возстановленъ въ своей власти ¹⁾.

2. Другой случай, переданный также Эйнгардомъ, относится къ Вильцамъ. Въ 823 г. былъ съѣздъ во Франкфуртѣ; на него явились «послы варваровъ» и два брата — Милегасть и Чедрагъ, князья Вильцевъ. Они спорили между собою о княженіи или верховной власти. Милегасть основывалъ свои права на нее на законномъ старѣйшинствѣ, Чедрагъ — на выборѣ народа:

«*Erant filii Liubi, regis Wiltzorum, qui licet cum fratribus*

1) Ibidem, s. an. 819, 821; 823, 826.

suis regnum diuisum teneret, tamen propterea, quod maior natu erat, ad eum totius regni summa pertinebat. Qui cum commisso cum orientalibus Abodritis proelio interrisset, populus Wiltzorum filium eius Milegastum, quia maior natu erat, regem sibi constituit; sed cum is secundum ritum gentis commissum sibi regnum parum digne administraret, illo abiecto iuniori fratri regium honorem deferunt. Quam ob causam ambo in praesentiam imperatoris uenerunt. Quos cum audisset et gentis uoluntatem proniorem in iunioris fratris honorem agnouisset, statuit, ut is deletam sibi a populo suo potestatem haberet ¹⁾».

3. Видукинъ сообщаетъ о какомъ-то плѣнномъ Тугумирѣ, который, по народному закону наслѣдованія, былъ послѣ отца своего княземъ Гаволянъ; подкупленный Саксами, онъ рѣшился предать имъ свою родину: притворившись, что избѣжалъ плѣна, онъ явился къ народу и былъ призванъ имъ княземъ, измѣной убилъ своего племянника, послѣднюю отрасль княжескаго рода, и привелъ въ исполненіе свой замыселъ:

«Fuit quidam Slauus a rege Heinrico relictus, qui iure gentis paterna successione dominus esset eorum qui dicitur Heueldi, dictus Tugumir. Hic pecunia multa captus et maiori promissione persuasus, professus est se prodere regionem. Vnde quasi occulte elapsus uenit in urbem quae dicitur Brennaburg, a populoque agnitus et ut dominus susceptus — nepotem suum, qui ex omnibus principibus gentis supererat, ad se inuitans dolo captum interfecit urbemque cum omni regione ditioni regiae tradidit ²⁾».

Гельмольдъ также даетъ нѣсколько важныхъ указаній на право наслѣдованія.

4. По убійствѣ Готшалка, по закону наслѣдованія, власть перешла къ сыну его Бутому,

«ad filium eius Butue peruenit principatus eius hereditaria successio»;

1) Ibidem, s. an. 823.

2) Widukindi Res gestae Sax. II, 21.

но непріязная партія, опасаясь мести сыновей Готшалка, исключила законныхъ наслѣдниковъ и поставила въ князя Руянина Крута,

«*conspirata manu, statuerunt Crutonem in principatum, exclusis filiis Godescalci, quibus iure debebatur dominium*¹⁾».

Бутый погибъ въ борьбѣ съ Крутомъ, но младшій братъ его Гейнрихъ въ послѣдствіи получилъ свою законную отчину.

5. Послѣ Гейнриха осталось двое сыновей: старшій Свентополкъ и младшій Кануть. Старшій хотѣлъ править одинъ. Это произвело раздоръ между братьями. . Свентополкъ, заручившись помощью Гользатовъ, осадилъ Канута въ крѣпости Плунѣ. Тогда послѣдній обратился къ осаждавшимъ, жалуюсь, что братъ хочетъ лишить его законнаго отцовскаго наслѣдья и прося учинить между ними судъ и правду и дать ему, что приходитъ по закону. Народъ призналъ такое требованіе правымъ и постановилъ раздѣлить между враждовавшими братьями власть надъ землею:

«*Quid rogo cause est — говорилъ Кануть — ut consurgatis aduersus amicum uestrum? Nonne ego frater sum Suentopolci, eodem patre Heinrico genitus et de iure ditionis paterne coheres? Quare igitur frater meus extorrem me facere nititur hereditatis paterne? Nolite queso frustra uexari aduersum me, sed reuertimini ad iudicium et obtinete mihi apud fratrem meum, ut det portionem, que me iure contigit*». His auditis animequiores facti sunt animi obsidentium, decreueruntque uirum iusta postulantes exaudiri. Adhibitaque opera, germanos discordes reconciliauerunt, partita inter eos prouincia²⁾».

Грамоты представляютъ очень немного опредѣленныхъ упоминаній о правѣ наслѣдованія, да и они по большей части относятся уже къ такому времени, когда начинало входить въ силу нѣмецкое право.

1) *Helmoldi Chronica* I, 25.

2) *Ibidem* I, 48.

6. Отчуждая собственность свою (*hereditas paterna*) въ пользу діоцессовъ, церквей, монастырей, и освобождая извѣстныя мѣстности отъ нѣкоторыхъ повинностей, князья и знатныя лица напередъ замѣчали, что такіе акты совершаются ими съ согласія и воли ихъ наслѣдниковъ или совладѣльцевъ, сыновей и братьевъ: «*cum consensu et uoluntate heredum, filiorum et fratrum*¹⁾».

7. Иногда, очень впрочемъ рѣдко, отчужденіе совершается и съ согласія женъ:

«*cum consensu uxoris*²⁾».

8. Иногда соучастницами даренія являются матери³⁾.

9. Одинъ только разъ, сколько знаемъ, таковою является сестра⁴⁾.

10. Нерѣдко отчужденіе собственности происходитъ уже безъ дипломатическаго заявленія согласія и воли наслѣдниковъ, единственно отъ лица князя⁵⁾.

11. Около половины XIII в. является въ первый разъ *завѣщаніе*⁶⁾.

12. Изъ объяснительнаго письма поморскаго князя Свантополка къ архидіакову Якову (1248) ясно, наслѣдство дѣлилось между братьями, но старшій оставался опекуномъ младшаго до совершеннолѣтія и управлялъ его имѣніемъ:

«*cum pater meus in articulo mortis positus esset, commisit mihi fratrem meum cum terra sua, ut eum uiginti annis in curam reciperem, et terram suam tamquam meam regerem*⁷⁾».

13. Въ грамотѣ архидіакона Якова — семейное имущество

1) Codex Pomer. diplom. I, № 50, 81, 83, 86, 89, 90, 109, 128, 175, 193, 248, 250, 393 et cet.; Meklenb. Urkundenbuch № 152, 167, 239, 260, 480 etc.

2) Codex Pomer. dipl. № 24, 26, 90, 175; Meklenb. Urk. B. № 167.

3) Cod. Pom. dipl. № 65, 82, 86, 89, 130, 178.

4) Codex Pom. dipl. № 80.

5) Codex Pomer. dipl. № 29, 36, 37, 48, 52, 57, 71.

6) Cod. Pom. dipl. № 83, гдѣ годъ грамоты 1203 поставленъ ошибочно, по поправкѣ Клемпина должно быть 1241.

7) Codex Pomer. diplom. № 395, pag. 807.

представляется общою семейною собственностью, но его наследуютъ одни только сыновья:

«cum pater aliquam uxorem de communi pecunia sibi et filio emerat, sibi pater hactenus seruauit, ut mortuo patre uxor eius deuolueretur ad filium sicut alia hereditas de bonis communibus comparata. . . . (Predicti neophiti) in paganismo non habuissent, ut dicebant, nisi solos filios successores» ¹⁾.

Когда въ славянскомъ Поморьѣ усплилась нѣмецкая колонизація и начали распространяться нѣмецкіе порядки, нѣкоторые города получали особые уставы и права. Таковы были: городовое право, данное Пархиму и Плаву и извѣстное право Шверинское, нашедшее впослѣдствіи весьма широкое распространение. Статуты эти вообще основаны на нѣмецкомъ правѣ, по съ извѣстными ограниченіями и изытіями отъ нѣкоторыхъ условій его. Равнымъ образомъ, встрѣтятся на славянской почвѣ съ цѣлою системою чуждыхъ порядковъ и обыкновений, нѣмецкое право нерѣдко принуждено было дѣлать уступки славянскому, или входить съ нимъ, такъ сказать, въ мировую: большинство населенія было все еще славянское, да и самая юрисдикція находилась, въ Штетинѣ напр., въ рукахъ славянъ почти до половины XIII вѣка. Правда, разграничить славянскій и нѣмецкій элементъ въ *городовомъ правѣ* — очень трудно, иногда почти невозможно; но такъ какъ присутствіе перваго въ немъ не подлежитъ сомнѣнію, то мы и должны обратить на него вниманіе — хотя въ смыслѣ дополнительнаго пособія.

Въ отношеніи наследованія — городовое право Пархима: а) постановляетъ полное равенство сыновей и дочерей и полную правоспособность наследованія послѣднихъ:

14. «equam partem habere debent filie cum fliis in omnibus bonis, tam feodis, quam aliis; et si non sint filii, prestari debent filiabus bona patris (art. 9)»;

1) Dreger Codex diplomaticus I, 290—1.

б) обезпечиваетъ старое право сыновей на имущество, которыми владѣли изстари отцы ихъ:

15. «*Si contigat mori aliquem, cuius filii non receperunt bona sua uiuente patre, prestari debent eis bona, que patres eorum possederunt a paganismo et cultura siluestri (art. 10)¹⁾*».

Шверинское городовое право опредѣляетъ: а) никто не имѣетъ права отчуждать родовую собственность безъ согласія наслѣдниковъ:

16. «*Nullus dabit hereditatem suam sine consensu heredum (art. 16)*»;

б) въ случаѣ смерти отца, оставляющаго двухъ наслѣдниковъ, мать, желая вступить во вторичный бракъ, должна прежде раздѣлить наслѣдство:

17. «*Si moritur quis et heredes duos reliquerit, mater uolens nuberi alteri prius diuidet hereditatem [art. 18]*»;

в) въ случаѣ смерти какого-либо изъ наслѣдниковъ, имущество его переходитъ къ брату, въ случаѣ же смерти всѣхъ — къ матери:

18. «*Si moritur quis heredum illorum, transibit hereditas ad fratrem, omnibus defunctis transibit ad matrem (art. 19)*»;

г) умереть ли мать, оставивъ наслѣдника, и отецъ, отдѣливъ его отъ себя, вступить въ вторичный бракъ и родить отъ второй жены дѣтей, то, по смерти его, отдѣленный наслѣдникъ возвращается къ наслѣдству отца:

19. «*Si moritur aliqua reliquens heredem, et pater, separans ipsum a se, ducit uxorem et generit ex ea paruulos, mortuo patre separatus heres redibit ad hereditatem patris (art. 21)²⁾*».

1) *Meklenburgisches Urkundenbuch*, I, № 319, cc. 1225—6, cf. № 337, 428 etc.

2) *Ibidem*, № 359. Первоначальный текстъ шверинскаго городоваго права 1160 г. утраченъ. Оно сохранилось въ болѣе позднихъ жалованныхъ грамотахъ городамъ Густрову 1228 г., Малхову—1235, Малхину—1236 г. и т. д. О дѣйстви шверинскаго права въ Поморьѣ см. соч. Гомейера: *Historiae iuris Pomeranici capita quaedam*. Ber. 1821, p. 30 sq.

20. Изъ историческихъ фактовъ наслѣдованія княжеской власти въ Поморьѣ отмѣтимъ слѣдующее: а) по смерти Вартислава I княземъ становится братъ его Ратиборъ, а по немъ — сыновья Вартислава: Казимиръ I и Богуславъ I¹⁾; б) по смерти Самбора, князя восточнаго Поморья — верховную власть получаетъ, *frater pro fratre* — Мъстивой, затѣмъ наслѣдниками являются сыновья Мъстивоя, каждый въ своемъ удѣлѣ²⁾; хотя Самборъ и оставилъ сына Субислава, устроненнаго, какъ кажется, отъ наслѣдованія вопреки праву³⁾.

Вотъ всѣ, сколько намъ извѣстно, указанія, съ 9-го по половину 13 столѣтія, о правѣ наслѣдованія у балтійскихъ славянъ. Въ пять вѣковъ многоподвижной жизни, при часто измѣнявшихся условіяхъ ея, при вліяніи разнородныхъ началъ, нѣтъ сомнѣнія, должны были произойти и соотвѣтственные измѣненія въ воззрѣніяхъ на собственность и правныя основанія наслѣдованія ея. Дѣйствительно, взятые въ цѣломъ, всѣ приведенныя нами извѣстія о наслѣдственномъ правѣ балтійскихъ славянъ представляютъ комплексъ, состоящій изъ разновременныхъ, и потому разнородныхъ частей. При объясненіи ихъ необходимо привести въ послѣдовательный историческій порядокъ. Чтобы итти прочнѣе, мы предварительно изложимъ вкратцѣ основанія древняго наслѣдственного права поляковъ и чеховъ

Въ древнѣйшее время, при господствѣ родового быта — имущество считалось общею родою или семейною собственностью, потому — не подлежало личному наслѣдованію. Отецъ семьи или старшій въ родѣ были только распорядителями или правителями его, но не собственниками. Но исторія уже не застаегъ такого способа владѣнія въ его чистой, первоначальной формѣ: она знаетъ его въ дальнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ, произведенныхъ стрем-

1) Klempin Pommer. Urk. B. № 43, 45, 62; Codex Pomer. diplom. I, 33, 36, 43.

2) Codex Pomer. diplom. I, № 132.

3) Fabricius: Studien zur Gesch. der wendischen Ostseeländer, II, B. 1859, p. 97—103.

леніемъ личности къ обособленію. На этой ступени развитія имуществу еще по-прежнему разсматривается, какъ семейная собственность: имъ владѣютъ — нераздѣльно, оно можетъ быть отчуждаемо не иначе, какъ съ общаго согласія правоспособныхъ членовъ семьи, но уже можетъ итти и въ раздѣлъ между ними, можетъ наследоваться; сначала, въ силу стараго воззрѣнія объ исключительной правоспособности однихъ лицъ мужескаго пола, наследуютъ только братья и сыновья съ нисходящими мужскими потомками, дочери исключаются изъ наследованія: выходя замужъ онѣ, по обычаю, получаютъ приданое (безправное), въ случаѣ незамужства остаются съ братьями или дядями. Постепенное признаніе за лицами женскаго пола нѣкоторыхъ правъ на семейное имущество выразилось тѣмъ, что законъ опредѣлилъ обязательность и объемъ ихъ приданаго, онѣ начали получать его уже по праву; затѣмъ онѣ были допущены и къ наследованію, но только въ такомъ случаѣ, когда не оказывалось прямыхъ наследниковъ мужскаго пола, т. е. братьевъ; наконецъ — уже гораздо позднѣе, дочери получаютъ въ наследованіи равную часть съ братьями. Жены-вдовы, какъ чужеродныя, не наследовали: онѣ оставались съ сыновьями въ пользованіи семейнымъ имуществомъ, а вступая во вторичный бракъ, получали только принесенную съ собою въ семью свою собственность и, въ видѣ даренія, кое-какіе предметы движимости. Наследованіе жены-вдовы является не прежде наступленія послѣдняго періода въ исторіи наследственного права, т. е. наследованія по *завѣщанію*, гдѣ личность въ отношеніи имущества достигаетъ возможно полной, мало чѣмъ стѣсняемой свободы воли и дѣйствія.

Этотъ естественный ходъ развитія наследственного права у славянъ будетъ вѣренъ только тогда, когда мы поймемъ въ общемъ, широко въ исторической дѣйствительности различныя фазы его нерѣдко смѣшиваются между собою, отчего и въ самыхъ памятникахъ законодательства являются многія, трудно согласимыя, противорѣчія. Какъ въ древне-польскомъ, такъ и въ древне-чешскомъ правахъ еще очень ясны слѣды общаго

владѣнія семейной собственностью: отчужденіе имущества, какъ видно изъ грамотъ, совершается съ общей воли и согласія владѣльцевъ-братьевъ и наслѣдниковъ, но тѣмъ не менѣе начало раздѣла имущества и единичнаго наслѣдованія столь же, если не болѣе — дѣйствительно ¹⁾. Въ Польшѣ наслѣдовали одни только сыновья ²⁾: они — или владѣютъ имуществомъ вмѣстѣ, или дѣлятъ по-ровну между собою. Недавно открытый нѣмецкій текстъ обычнаго польскаго права XIII в. говоритъ, что по смерти лица благороднаго, оставившаго одного, двухъ или нѣсколькихъ сыновей наслѣдниковъ, вдова остается во владѣніи прежней собственностью у сыновей, пока не выйдетъ замужъ. Захочетъ ли она выйти замужъ, то сыновья обязаны дать ей нѣкоторыя домашнія вещи и ея личную собственность, что принесено ею къ мужу и что добыто личнымъ трудомъ; болѣе же изъ наслѣдства она не получаетъ ничего. Ежели мужъ умираетъ бездѣтнымъ, вдова остается во владѣніи его собственностью, пока остается вдовою; въ случаѣ же выхода ея въ замужество, собственность получаетъ господинъ (князь), а ей выдаетъ то же, что обязаны были выдать наслѣдники сыновья. Дочь умершаго получаетъ отъ наслѣдника приданое и имущество своей матери. Равнымъ образомъ — въ случаѣ смерти бездѣтнаго простолюдина, имѣніе его достается «господину», который обязанъ, однако, дать вдовѣ нѣкоторые предметы домашняго обихода. Если простолюдинъ имѣетъ сына наслѣдника, мать остается при немъ, пока остается вдовою; захочетъ ли выйти въ замужество, то сынъ обязанъ ей выдать постель, подушки, одѣяло; остальное — зависитъ отъ его воли. Оста-

1) J. Hube: Wywód praw spadkowych słowiańskich, Warsz. 1832, pag. 51 sq. H. Jireček, Slovanské právo v Čechách a na Moravě, II, P. 1864, p. 278 sq.

2) Губе (Юсифъ) и Мацѣіовскій полагали, что дочери также участвовали въ наслѣдованіи, но это мнѣніе основательно опровергнуто Реппелемъ, см. его Geschichte Polens Н. I, 1840, приложение первое, «Ueber den Geschlechtsverband», стр. 604 sq. in notis. При всей краткости своего объема ст. Реппеля — до сей поры лучшее, что было писано о польскомъ наслѣдственномъ правѣ.

вить умершій дочь, тогда тотъ, кто окажется наслѣдникомъ, сынъ или господинъ, должны дать ей приданое ¹⁾. Подобный же порядокъ наслѣдованія виденъ и въ четырехъ первоначальныхъ статутахъ, вошедшихъ въ Вислицкій, съ тѣмъ дополненіемъ, что въ случаѣ смерти или неимѣнія прямыхъ наслѣдниковъ сыновей, наслѣдуютъ дяди и ихъ сыновья; не будетъ же таковыхъ — наслѣдство переходитъ къ ближайшему родичу. Дочери вообще получаютъ отъ наслѣдниковъ только приданое; но сами не наслѣдуютъ ²⁾. Въ древне-чешскомъ правѣ господствуетъ то же начало: сыновья наслѣдники или владѣютъ имѣніемъ сообща, или дѣлятъ его пополамъ; дочери — при существованіи сыновей, кажется, получали только приданое; безъ братьевъ же являлись настоящими и равными наслѣдницами ³⁾.

Обратимся теперь къ балтійскимъ славянамъ. Пояснивъ вышеприведенныя извѣстія о наслѣдственномъ правѣ ихъ польскими и чешскими пособіями, приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Упомянутыя въ грамотахъ о согласіи и волѣ наслѣдниковъ на совершаемое князьями отчужденіе имущества (6) указываютъ несомнѣнно, что и здѣсь имущество еще разсматривалось, какъ общая семейная собственность. Слѣды этого воззрѣнія видны и въ грамотѣ архид. Якова (13), и въ постановленіи шверинскаго городского права (16). Но совмѣстно съ этимъ, ясно видно уже начало личное, твердое стремленіе къ опредѣленію собственности правомъ единичнаго лица: сперва князья отчуждаютъ имущества безъ согласія наслѣдниковъ (19), потомъ появляется и завѣщаніе (11). Основной принципъ наслѣдованія тотъ, что каждый сынъ имѣетъ право на имущество своего отца, последнее — раз-

1) Helcel: Starodawne prawa polskiego pomniki, II, Kr. 1870, p. 25—26 с. XXI—II.

2) Helcel: Ibidem I, Warsz. 1856. p. 177, § 29—31; p. 186, § 17—18.

3) Н. Jireček Slovanské právo II, 278; statuta Ottonis, § 17: si quis autem non habuerit filium et habuerit filias ad illas deueniat hereditas aequaliter; et si non sint, hereditas deueniat ad proximos heredes», Cod. iuris bohem. I, p. 56. cf. ту же ст. брненскаго права 1229 г. ibid., p. 63. Cf. Šafařík — Palacky: Die ältesten Denkmäler der böhmisch. Sprache, Pr. 1840, p. 99—100.

дѣляется между наслѣдниками (1, 2, 4, 5, 12, 15, 16, 17, 19); кромѣ сыновей и братьевъ (18) въ наслѣдствѣ, быть можетъ, участвовали и другіе ближайшіе родственники, такъ можно понять обстоятельство, почему для исполненія замысла Тугумира — ему нужна была смерть его племянника (3); въ исторіи Поморянъ есть примѣры наслѣдованія власти не сыномъ, а старшимъ въ родѣ, дядей: по смерти Вартислава княземъ становится братъ его Ратиборъ; со смертію же послѣдняго власть переходитъ снова къ сыну Вартислава; Самбору наслѣдуетъ «*frater pro fratre*» — Мъстивой, помимо его сына (20). Существовало ли еще (въ XI — XII в.) совмѣстное, нераздѣльное наслѣдованіе и владѣніе, какъ было въ Чехахъ и отчасти въ Польшѣ — рѣшить трудно: если оно и существовало, то въ высшемъ сословіи, а не въ народѣ, не имѣвшемъ, въ строгомъ смыслѣ, недвижимой поземельной собственности. Наслѣдовалъ только мужской полъ, какъ правоспособный, дочери и вдовы первоначально исключались изъ наслѣдства (13); обстоятельство, почему жены и сестры могли быть соучастницами въ отчужденіи имущества (7, 8) — должно быть объясняемо не правоспособностью этихъ лицъ, а религіозною цѣлью дарителя, отдававшего имущество монастырямъ и церквамъ «*pro remedio animae suae, uxoris suae suarumque consanguinearum*»; матери могли распоряжаться имуществомъ въ силу своей опеки надъ малолѣтними наслѣдниками. Вдова, при вступленіи въ бракъ, выходила изъ владѣнія собственностью мужа и должна была (въ качествѣ опекуни) раздѣлить ее между сыновьями. Позднѣе, подъ вліяніемъ нѣмецкаго права, входитъ въ силу правило о переходѣ имущества по смерти сыновей-наслѣдниковъ къ матери (18), а равно и законъ о равномъ раздѣлѣ наслѣдства между сыновьями и дочерьми (14). Два извѣстія памятниковъ говорятъ о правѣ первородства (2, 5), и одно изъ нихъ (5) какъ будто касается не исключительно верховной власти, но и имущественныхъ отношеній. Это — точно такой же случай вражды братьевъ изъ-за наслѣдства, какой встрѣчаемъ въ отрывкѣ о «Судѣ Любуши», гдѣ старшій, въ силу первородства,

хочетъ отнять у младшаго его законную часть отчины. Какъ чешская правительница рѣшаетъ въ пользу совмѣстнаго владѣнія братьевъ или раздѣла между ними, такъ и у Гельмольда народъ рѣшаетъ раздѣлить власть между Свентополкомъ и Канутомъ. Потому, если несомнѣнно, что начало первородства, отстаиваемое Кленовичемъ Хрудошемъ, выходило изъ нѣмецкаго обычая, то отсюда же, конечно, происходили и притязанія Свентополка на единовластіе; по крайней мѣрѣ мы не въ состояніи объяснить ихъ древнеславянскимъ правомъ, въ которомъ не встрѣчается никакихъ слѣдовъ значенія первородства въ обычаяхъ имущественнаго наслѣдованія: первородство здѣсь имѣло значеніе (и то не исключительное) только въ престолонаслѣдованіи (2) и при случаяхъ опеки надъ имуществомъ несовершеннолѣтняго брата (12) ¹⁾.

Таково было наслѣдство у балтійскихъ славянъ. Намъ извѣстно оно изъ показаній, относящихся преимущественно къ высшему сословію; въ бытѣ простаго народа, гдѣ собственность, по большей части, ограничивалась предметами движимости, начало общаго семейнаго владѣнія и нераздѣльнаго наслѣдованія должно было практически устраниться и перейти въ начало личной собственности и раздѣла гораздо скорѣе, чѣмъ въ высшей землевладѣльческой сферѣ. Вотъ почему, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше (стр. 87—90), юридическою единицею частнаго быта у балтійскихъ славянъ являются не роды, не пространныя семейныя соединенія, а дробныя семьи. Родовой бытъ въ наслѣдованіи показывается только одною слабою чертою у Гаволянъ (3) и въ наслѣдованіи княжеской власти Ратиборомъ и Мстиславомъ. Можно, даже необходимо думать, что у нѣкоторыхъ племенъ, уединенно остававшихся при старомъ строѣ и порядкахъ жизни, имѣвшихъ поземельную собственность, существовало еще и общее владѣніе ею и нераздѣльное наслѣдство; но въ историческихъ источникахъ объ этомъ мы не встрѣчаемъ никакихъ упо-

1) Šafařík-Palacky, Ibidem; cf. ст. Шафарика въ Časopis Musea kr. česk. 1864, p. 1—10: «Výměsky o dědičném právu v Čechách».

минаній. Устраненіе отъ наслѣдованія лицъ женскаго пола, видное какъ изъ молчанія источниковъ, такъ и изъ тождественнаго факта древне-польскаго права, происходило, нѣтъ сомнѣнія, на основаніи стараго понятія о неправопоспособности женщины вообще и о временной только принадлежности ея къ семьѣ; но въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ — обычай, а за нимъ и законодательство стремятся упрочить за дочерью опредѣленное приданое, въ Чехахъ, при вліяніи христіанства, ей предоставляется уже и право наслѣдованія... Ничего подобнаго мы не видимъ у балтійскихъ славянъ до времени введенія нѣмецкихъ обычаевъ и порядковъ: семейное имущество дробится, но надъ нимъ, по-прежнему, властвуютъ одни только мужчины, такъ какъ только ихъ рукою совершалось и пріобрѣтеніе самой собственности. Обычай въ этомъ отношеніи согласовался съ направленіемъ общественной жизни и быта, мало расположеннаго къ уваженію физически слабой женской природы.

Вотъ все, что даютъ скудные источники въ отношеніи семейной древности балтійскихъ славянъ!

Остановимся здѣсь и сдѣлаемъ нѣсколько общихъ историческихъ замѣчаній.

«Налоги и тяжкое рабство — говорилъ вагорскій князь Прибиславъ — сдѣлали для насъ смерть пріятнѣе жизни.. Нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ мы могли бы пріютиться и убѣжать отъ враговъ. Остается покинуть землю, броситься въ море и жить съ морскими пучинами ¹⁾»...

«Привычки пиратства — говоритъ Гельмольдъ — такъ овладѣли славянами, что они почти совсѣмъ оставили выгоды земледѣлія и предались морскимъ набѣгамъ, полагая единственную надежду и все достояніе свое въ корабляхъ. Они мало заботятся объ удобствахъ жизни, хижины свои сплетаютъ изъ вѣтвей и то затѣмъ только, чтобы укрыться отъ непогоды и дождя. Когда же пронесется вѣсть военной тревоги, они прячутъ хлѣбъ, золото, серебро и все драгоцѣнное въ ямы, а женъ и дѣтей укры-

1) Helmoldi Chronica I, 83.

вають въ укрѣпленіяхъ или скорѣе — въ лѣсахъ. Врагу въ грабежъ остаются только жалкія хижины, о потерѣ которыхъ они не жалѣють ¹⁾»..

Это живое свидѣтельство современника какъ нельзя лучше раскрываетъ предъ нами картину той обстановки, среди которой суждено было жить и дѣйствовать семьѣ балтійскихъ славянъ. Естественнo ли думать, чтобы при такомъ положеніи она могла получить широкое и правильное развитіе? Дѣйствительно, какъ ни недостаточно извѣстенъ намъ семейный бытъ балтійскихъ славянъ, извѣстнаго уже довольно для убѣжденія въ слабomъ и, такъ сказать, неорганическомъ его развитіи. Семья стоитъ еще на старыхъ, издавна заложенныхъ основаніяхъ и еще идетъ старымъ строемъ, но уже видно, что эти основы колеблются, что онѣ расшатаны непрерывными тревогами непокойнаго существованія, которое недопускало ни развитія старыхъ началъ, ни утвержденія на ихъ мѣстѣ чего-нибудь прочнаго новаго. Оскорбляемая, тѣснимая и искажаемая исторіею, семейная жизнь утратила энергію и впала въ состояніе застоя, равнодушнаго ко всякимъ стремленіямъ и заботамъ, кромѣ заботъ о существованіи. Что могло удержаться изъ стараго, то держится, но болѣе — по привычкѣ, чѣмъ по сознанію нравственной законности и необходимости его, что привзошло изъ новаго, то утвердилось само по себѣ, по своей физической необходимости или потому, что заключало въ себѣ нѣкоторыя, иногда очень грубыя, удобства. Семейный бытъ складывается изъ разнородныхъ, другъ съ другомъ не вяжущихся и несогласенныхъ началъ: на ряду съ мягкими, привѣтливыми чертами старой славянской природы и характера — порою выходятъ черты суровой первобытной грубости, на ряду съ случайно привившимися началами образованной жизни — дѣйствуютъ начала, порожденные тяжелой исторической нуждой и одичаніемъ.. И никакой попытки согласить и привести въ порядокъ эти нестройные элементы! Они измѣняются механическимъ, а не внутреннимъ

1) *Helmoldd Chronica* II, 13.

процессомъ... Всего яснѣе это видно на отношеніи семейнаго къ родовому началу. Родовой союзъ давно распался: отъ него остались слабыя, едва-замѣтныя черты; нормальною формою частнаго была являются мелкія семьи.. Казалось бы, жизнь должна была отразить въ себѣ это важное измѣненіе... Нѣтъ, въ самомъ существенномъ оно проходитъ почти безслѣдно. Распаденіе рода совершилось не вслѣдствіе внутренняго развитія, не потому, чтобы личность почувствовала стремленіе выйти изъ заключенныхъ, узкихъ условій совокупной родовой жизни — въ жизнь особную, а вслѣдствіе историческихъ отношеній и обстоятельствъ, принявшихъ такое направленіе, что продолженіе родовой жизни становилось невозможнымъ, т. е. вслѣдствіе причинъ внѣшнихъ. Оттого, хотя разложеніе рода у балтійскихъ славянъ совершилось несравненно быстрѣе, чѣмъ у поляковъ и чеховъ, оно долгое время не приводитъ къ тѣмъ внутреннимъ послѣдствіямъ, которыя мы замѣчаемъ въ бытѣ послѣднихъ и которыя бываютъ обыкновенно и основною причиною и вмѣстѣ плодомъ органическаго, самостоятельнаго распаденія родовой жизни. Упадокъ ея у другихъ славянъ происходилъ въ тѣсной связи съ расширеніемъ правъ семейной личности — и не только въ мужскомъ полѣ, но и въ женскомъ: жена или дочь въ особнѣхъ семьяхъ пріобрѣтаютъ значеніе правовыхъ членовъ, личность ихъ получаетъ большую или меньшую самостоятельность.. У балтійскихъ славянъ этого не находимъ: родовыя связи ослабѣли, родъ распался въ семьи, но новое начало семейной жизни не создалось; женщина осталась въ тѣхъ условіяхъ безправія, какъ и прежде: дочь по-прежнему не имѣла никакихъ имущественныхъ правъ и, если получала часть имущества, то оно приходило ей не по праву, а по доброй волѣ отца или брата; жена — по прежнему была собственностью мужа и подлежала участи имущественныхъ предметовъ; самая личность отца семьи не достигла полной самостоятельности, по крайней мѣрѣ — въ имущественныхъ отношеніяхъ; улучшилось только положеніе вдовы — матери малолѣтнихъ дѣтей: на нее, если не *de iure*, то *de facto*, по необходимости — перешли нѣкоторыя права

и обязанности прежняго старшаго въ родѣ, она могла стать правительницей — опекушкой своихъ дѣтей и ихъ имущества. Очевидно, что родовой союзъ, такъ сказать, только механически смѣнился семейнымъ: отпали тѣ части, которыя фактически не могли имѣть мѣста въ тѣсномъ семейномъ соединеніи, прибавилось и измѣнилось кое-что по необходимости; но строй и форма жизни — остались прежніе безъ прежняго смысла, начало личности не выиграло почти ничего, быть не преобразовался ни въ чемъ существенномъ: онъ лѣнливо тянулся по прежней битой дорогѣ, не замѣчая и не имѣя возможности подвергнуть ее коренной переработкѣ.

Всѣ славянскія племена, въ большей или меньшей степени, пережили этотъ періодъ борьбы и броженія родовыхъ и семейныхъ началъ, но всѣ были въ этомъ отношеніи счастливѣе балтійскихъ славянъ; ибо нигдѣ, кромѣ ихъ, мы не замѣчаемъ такого упадка силъ, такой апатіи къ своему частному быту.

Исторія, повидимому, не давала никакихъ условій для свободного и правильнаго движенія его.

Иной важный вопросъ представляется здѣсь, именно — объ отношеніяхъ семейнаго союза къ общественному, о степени внутренней связи между ними; но возможное уясненіе его мы должны, пока, оставить на послѣдующее: мы рассмотримъ его, когда будемъ говорить объ общинѣ и условіяхъ общественной жизни.

Собственность.

Права лицъ въ отношеніи къ собственности будутъ рассмотрѣны нами ниже, въ отдѣлѣ «состояній»; здѣсь мы остановимся только на *предметахъ собственности, способахъ пріобрѣтенія и владѣнія ею.*

Какъ мы замѣчали, различныя вѣтви балтійскихъ славянъ имѣли не равную судьбу и стояли не на равной степени культуры..

Необходимо предположить, что и понятія о собственности, и способы пріобрѣтенія и владѣнія ею были, смотря по племенамъ, не вездѣ одинаковы, т. е. не вездѣ стояли на одинаковой степени развитія. Историческіе памятники раскрываютъ намъ въ этомъ случаѣ — отношенія Поморянъ, Руянъ, Оботритовъ и, въ болѣе позднее время — Лютичей. Что и какъ было у другихъ племенъ — изъ источниковъ не видно. Потому, говоря о собственности у балтійскихъ славянъ, мы имѣемъ въ виду только вышеназванныя вѣтви ихъ.

Собственность недвижимая, земля. Странное явленіе встрѣчаетъ насъ здѣсь: казалось бы — отсталые въ своей общественной культурѣ и въ государственномъ объединеніи отъ другихъ родственныхъ племенъ, поляковъ и чеховъ, балтійскіе славяне должны были остаться при старой, общинной земельной собственности гораздо въ большей степени, чѣмъ первые. На дѣлѣ выходитъ обратное: уже съ давнихъ временъ Поморяне, Руяне и Оботриты живутъ въ условіяхъ замкнутой, опредѣленной, строго размежеванной частной поземельной собственности, находящейся въ рукахъ князей и нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Собственности общинной — въ строгомъ смыслѣ нѣтъ, существуютъ только предметы, предоставленные общинному пользованію ихъ собственниками. Такое явленіе должно быть объясняемо, какъ кажется, тѣмъ, что первоначально, во времена предшествовавшія исторіи, частной поземельной собственности здѣсь не существовало, вся земля была собственностью общинною; въ этотъ періодъ произошелъ захватъ ея военною дружиною, земля перешла въ частную собственность немногихъ лицъ, народъ же, фактически утративъ право общинной собственности, остался безземельнымъ, т. е. сталъ *пользоваться* землею единственно на основаніи особыхъ условій, поставленныхъ завоевателями — собственниками. Въ справедливости этой мысли насъ убѣждаетъ обстоятельство, что такимъ же точно образомъ общинная собственность переходила въ регалію въ Польшѣ и Чехахъ, хотя здѣсь раннее образованіе частной собственности значительно ограничило дѣйствіе прави-

тельственного захвата, такъ что многіе знатные роды и, кажется, даже общины остались при полной поземельной собственности ¹⁾).

Можно, впрочемъ, объяснить переходъ общинной собственности въ княжью и безъ посредства насильственного, военного захвата, какъ естественное слѣдствіе возвышенія власти князя, первоначально — только надсмотрщика, судью и защитника общаго достоянія, а потомъ — полновластного представителя общественныхъ правъ собственности. Но намъ кажется, что такимъ мирнымъ путемъ начало регаліи не могло бы достигнуть тѣхъ широкихъ, всеобъемлющихъ размѣровъ, въ какихъ мы находимъ его въ бытѣ балтійскихъ славянъ. Къ тому же, для существа дѣла рѣшительно все равно, совершился ли захватъ сразу, вооруженною рукою, или происходилъ постепенно, такъ сказать постояннымъ давленіемъ силы, не находившей равновѣскаго отпора: въ обоихъ случаяхъ онъ остается, какъ главное дѣйствующее начало.

Предметы недвижимой собственности опредѣлены въ грамотахъ столь подробно и точно, какъ только можно ожидать отъ частнаго осмотрительнаго и расчетливаго владѣнія. Они суть:

1. *Земля вообще*, сухая, твердая земля, какъ обработанная, такъ и дикая, какъ заселенная, такъ и пустая, со всѣмъ тѣмъ, что находится на ней и въ ней, именно: а) съ полями, лугами и пастбищами, б) съ горами, холмами и долинами, в) съ лѣсами, рощами и охотами, г) съ болотами и трясиными, д) съ дорогами, большими и проселочными, е) съ мостами и мѣстами нахождения и выдѣлки соли:

«Terra, terra sicca, terra solida, que coli potest, terra dura; loci, termini culti et inculti, terra culta et inculta, deserta, solitudines, omnia quae sub terra uel super terram sunt, agri, campi,

1) Palacky, ст. Právo staroslovanské въ его сб. Radhost II, Pr. 1872, стр. 249—252; Даниловичъ: «Историческій взглядъ на древнее образованіе славян. городовъ», въ Русск. Ист. сб. IV, к. 2 и 3, стр. 287 sq. Röppel: Geschichte Polens H. 1840, I, p. 305—308.

prata, area, pascua, pastura, montes, colles, monticuli, terra bassa, ualles, loca plana et aspera, siluae, nemora — cum uenacionibus et mellificiis, fageta, arbusta, mirice, paludes, uiae et inuiae, semite, pontes, salina, paludes salicae».

2. *Воды* со всѣмъ, что въ нихъ и на нихъ находится: а) рѣки, большія и малыя, источники, ручьи; б) озера, в) пруды — съ рыболовными, садками, плотинами и мельницами, г) морской берегъ съ островами:

«Aquaе, amnes, fluuii, riui, aquarum decursus, paludes, stagna, lacus — cum piscationibus, piscaturis, clausuris piscium, molendinis; littus maris — cum insulis¹⁾».

Земля раздѣлялась на мѣстности, «uillae, praedia, mansiones», въ составъ которыхъ, смотря по объему и положенію ихъ, входили различныя вышешюименованныя принадлежности, «appendicia, attinencia, pertinentia²⁾».

Мѣстности были издавна, «ab antiquo», обозначены довольно точными границами, конечно, съ цѣлью опредѣленія правильнаго пользованія ими и доходовъ собственника.

Межи и границы, «mete, termini, granize» обозначались по предметамъ замѣтнымъ, постояннымъ и долговѣчнымъ, таковы: а) *тѣса и одиночныя деревья*, отличающіяся своею величиною, ростомъ и положеніемъ (дубъ, букъ, липа и такъ далѣе); для точнѣйшаго обозначенія на деревьяхъ высѣкались мѣтки и знаки, всего чаще — знакъ креста; иногда для той же цѣли дерево обжигалось или очищалось отъ коры; б) *большіе камни*, лежащіе или торчащіе въ землѣ; на нихъ также полагалось знаменье, высѣкался крестъ; г) *старыя могильные холмы, тригорки* или

1) Не считаемъ необходимымъ указывать на отдѣльныя грамоты, ибо пришлось бы выписать почти всѣ № дарственныхъ грамотъ туземныхъ поморскихъ, рюанскихъ и оботритскихъ князей. Сопоставленіе важнѣйшихъ указаний читатель найдетъ въ первой, вводной части нашего труда, см. *notae*, а также въ сочин. Фабриціуса: *Urkunden zur Geschichte des Fürst. Rügen*, II, Str. 1843, p. 35—78; и *Studien zur Gesch. der wendischen Ostseeländer*. В. 1859, II, p. 59—63.

2) Выше стр. 39—40, *nota* 1.

тк. нзв. могилы великановъ, д) горы, холмы и долины; гдѣ не было природныхъ, тамъ насыпались холмы искусственные, про-
водились рвы и окопы; е) дороги, перекрестки, мосты, плотины
и гати; ж) всякаго рода воды: рѣки, ручьи, озера, болота, устья
и источники рѣкъ, броды¹⁾.

1) Codex Pomeraniae diplom. № 34, 36, 38, 54, 58, 75, 78, 97, 105, 109, 128, 131; Meklenburgisch. Urkund. B. I, 111, 113, 114, 247, 330 etc... Cf. Fabricius Urkunden II, 68—69. Какъ образецъ подобнаго размежеванія, приводимъ выдержку изъ дарственной и утвѣрдительной грамоты поморскаго князя Казимира — Монастырю Даргуну, 1174, Codex Pom. dipl. № 36, Meklenb. Urk. B. № 114: «Scitote ergo terrminos sic haberi: primum in uado Rokeniz, quod est ad orientem Dargon, per quod et uia transit de Dimin in Lucho, de quo ascendunt per ipsam Rokenize et aque decursum, donec ueniant contra Guhtke pole ubi de amne exeunt ad aquilonem in quandam uiam in mirica, que ipsam Guhtke pole circuit, unde et in sclauico dicitur Pant wo Guhtke pole, et per eandem uiam tendunt ad occidentem in quandam profundam paludem salicam, que et sclauice dicitur *glambike loug*, a qua procedunt versus occidentem in quandam magnam quercum, sub qua et quidam magnus lapis terre affixus iacet ex occidentali eius parte et a sua magnitudine nomen accepit *wili damb*, et inde in quosdam tumulos, qui sclauice dicuntur Trigorke, antiquorum uidelicet sepulcra, et abinde versus occidentem recta linea in quandam magnam paludem, que et sclauice dicitur *dalge loug*, et de palude eadem per riuum, qui de ipsa effluit in stagnum, quod sclauice dicitur Dambnio, et ultra per medium stagni contra meridiem in cumulum satis magnum, qui sclauice uocantur *mogela*, et inde adhuc versus meridiem in quandam quercum, circa quam terra bassa est quasi uallis quedam et in duos lapides iuxta eandem ad occidentem iacentes, quorum propinquior occidenti fractus fracturam et fragmen adhuc ibi iacens ostendit, et inde adhuc uersus meridiem in quandam paludem salicam, que sclauice dicitur *seruco loug*, et ab illa adhuc uersus meridiem in quandam magnum lapidem terre affixum sub quamdam orno, et ab illo ultra uiam, que ducit Lucho, in stagnum, quod dicitur Kalen, cum sua urbe Kalen et toto stagno, et ab orientali fine eiusdem stagni flectuntur ad aquilonem per quandam longam paludem, in quandam quercum cruce signatam, quod signum dicitur sclauice *knezegraniza*; et ab eadem quercu in eandem uiam, que ducit Lucho, et inde per eandem uiam uersus orientem, donec per eam uenitur in paludem, que iacet inter siluam et uillam Kuzuzine, per quam paludem circa eandem uillam ad orientem tendunt usque ad siluam orientalem, et ibi iuxta siluam ascendunt in occidentali eius parte reflexi contra aquilonem usque in uiam iam sepius dictam Lucho ducentem, et ultra ipsam uiam de grabone descendunt contra aquilonem in riuulum, qui dicitur Bouzka; et inde descendunt per eundem riuulum, donec uenitur in oppositum cuiusdam quercus combuste non longe a quadam *mogela*, et ab eadem quercu contra orientem usque in Rokenize, ubi ipsam riuulus, qui dicitur Ruthnic, influit, tendunt includentes omnem siluam, que est intra uiam de Lucho et Rokenize et flexi contra aquilonem ascendunt per ipsam Rokenize usque in uiam, que eam transit, de Dimin in Lucho, a qua uia et incipiunt».

Проведеніе границъ, какъ вообще въ нѣмецкой и славянской древности¹⁾ — совершалось, вѣроятно, съ извѣстною официальною обстановкою и обрядами, при надлежащемъ количествѣ свидѣтелей. Въ немъ участвовалъ и самъ князь: его рукою полагались граничныя знаки, носившіе поэтому названіе «княжьей границы» (knezegranica)²⁾. Орудіемъ размѣра — служила вервь = funiculus dimensionis³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что существовали также особые обычаи и учрежденія, относившіеся къ охраненію границъ, наказаніямъ за нарушеніе ихъ и вообще къ межевымъ спорамъ, но изъ источниковъ они не видны.

Единицею земельной мѣры у балтійскихъ славянъ была *соха* или *радо*, «uncus, mansus slaucicus». Изъ Гельмольда видно, что этою мѣрою обозначалось вообще количество земли, которую можетъ обработать пара быковъ и одна или двѣ лошади⁴⁾; впоследствии — «соха» опредѣлялась болѣе точнымъ образомъ, ибо ею измѣрялась не только земля, но и лѣсъ и болота: она — соотвѣтствовала 15 нѣмецкимъ моргенамъ⁵⁾. Самое раздѣленіе угодій, обозначаемое въ грамотахъ общими словами: «dimidium pars uillae, tercia pars⁶⁾», указываетъ на точную опредѣленность мѣры, иначе такое глухое обозначеніе не имѣло бы надлежащаго смысла и вело бы къ частымъ спорамъ и столкновеніямъ владѣльцевъ.

Способы пріобрѣтенія недвижимой собственности въ древнее время, вѣроятно, ограничивались однимъ *захватомъ*, какъ пустопорожнихъ земель, такъ и, de iure belli — населенныхъ и

1) Grimm Deutsche Rechtsalterthümer, p. 541—548; его же «Deutsche Grenzalterthümer» въ Kleinere Schriften t. II, B. 1865; ст. неизвѣстнаго автора «Granicępodług dawnego prawa polskiego» въ Biblioteka Warszawska, 1841, t. III, p. 151—170, 346—364; ст. Брандля: «Staročeské právo mezní», въ журн. Právník, 1869, t. VIII, p. 117—127; 155—166.

2) Codex Pomer. diplomaticus № 36, 38, 54, 58 cf. примѣч. 1 на предыд. стран.

3) Fabricius Urkunden II, № 14, p. 8. cf. p. 64.

4) «slaucicum aratrum par boum aut unus confecit equus», Helmoldi Chronica I, 12; cf. Ibidem 14, 87.

5) Codex Pomer. diplomaticus, I, стр. 311—312; Fabricius Urkunden II, стр. 64—5.

6) См. выше, стр. 40, пр. 2.

обработанныхъ, жители которыхъ были побѣждаемы, вытѣсняемы, обращаемы въ рабство или оставляемы *въ пользованіи* землею подѣ условіями особыхъ службъ, повинностей и податей. Позднѣе, какъ будетъ объяснено далѣе — право собственности приобрѣтается *черезъ договоры и пожалованія* (даренія); но такая собственность—въ періодъ времени насъ занимающій, была не полною: на нее распространялось право наслѣдованія (отсюда въ грамотахъ *haereditas* = помѣстье, владѣніе), но не право передачи или отчужденія ея.

И послѣ того, какъ общинная собственность перешла въ руки немногихъ, стала частною собственностью княжьихъ родовъ и нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ — до самаго утвержденія нѣмецкихъ колонистовъ и правъ церкви, отношенія народа къ землѣ оставались въ главномъ тѣ же, что были и прежде: и лишенный права поземельной собственности, онъ пользовался землею прежнимъ порядкомъ, но только отбывалъ за это право многія службы, повинности и обязанности, платилъ мыто и подати за многое, чѣмъ встарину пользовался безданно и безпошлинно. .

Предметами общаго пользованья были луга и пастбища, т. е. мѣста выгона и корма скота; лѣса рощи и пущи, гдѣ происходила охота, разводились пчелы и кормились свиньи, откуда добывался строевой лѣсъ и валежникъ; болота, рѣки и озера, въ которыхъ происходило рыболовство; наконецъ — пути сообщенія, твердые и водные, и мосты ¹⁾. Нерѣдко такіе предметы представлялись общему пользованію нѣсколькихъ осѣдлостей и деревень ²⁾.

Предметы частнаго пользованія — составляли поля, назначенныя для посѣва хлѣба, и усадьбы съ жилищами, хозяйственными зданіями, садами и огородами ³⁾.

1) См. выше стр. 46—53 и примѣчанія къ нимъ. Fabricius, Urkunden II, p. 63, not. 111, p. 65—8; *его же*: Studien zur Geschichte d. wend. Ostseeländer II, 60—3.

2) Codex Pomeraniae diplom. № 101, 406.

3) См. выноску ¹⁾.

Въ такомъ состояніи мы находимъ недвижимую собственность у Поморянъ, Руянъ, Лютичей и Оботритовъ около половины XII в. Устранивъ регальныя условія, въ которыхъ стояла она въ то время, мы получимъ довольно чистый видъ древнеславянскаго общиннаго владѣнія; и оно, нѣтъ сомнѣнія, господствовало, во время болѣе отдаленное, до поры усиленія княжеской и дружиннической власти. Очень вѣроятнымъ представляется также, что у другихъ племенъ общинное владѣніе держалось гораздо долѣе — и сохранялось свѣжѣе: прямыхъ данныхъ для подтвержденія этой догадки — историкъ не имѣетъ; но онъ вправѣ допустить ее на томъ основаніи, что общественный бытъ этихъ племенъ былъ менѣе развитъ, чѣмъ бытъ вышеназванныхъ ихъ сродниковъ: старинные порядки должны были удержаться здѣсь крѣпче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, открытыхъ для исторической дѣятельности и развитія княжеской власти.

Единичныя соединенія различныхъ предметовъ общественной поземельной собственности вмѣстѣ съ жителями, на ней сидѣвшими, и ихъ осѣдлостями — составляли особые круги или союзы, носившіе общее наименованіе *жупъ*. Слово это, увидимъ далѣе, не встрѣчается въ грамотахъ, но въ нихъ мы находимъ «*жупановъ*¹⁾» (*suppani*), а въ Чехахъ и самыя *жупы*²⁾; и этого вполне достаточно, чтобы утвердить существованіе и предмета и такого наименованія его для балтійской древности. Къ сожалѣнію жупные порядки намъ нѣсколько извѣстны въ отношеніи управленія и суда, но вовсе неизвѣстны въ отношеніи собственности; а потому мы и можемъ сказать о нихъ столь же мало, сколько и о частныхъ порядкахъ пользованія общою собственностью.

Собственность движимая. Предметы движимой собственности составляли: а) домашній скотъ и пчелы; б) одежда и украшенія; в) оружіе, утварь и всякія орудія; г) все приобрѣтаемое посредствомъ земледѣльческой и промышленной дѣятельности,

1) Codex Pomer. diplom. № 64.

2) Jireček, Slovanské právo I, P. 1863, p. 70; II, 1864, p. 7 sq.

какъ-то: хлѣбъ, плоды и овощи, рыба и всякіе товары; наконецъ, д) рабы¹⁾.

Мѣрами для нѣкоторыхъ предметовъ движимости были: *ко-реиъ* (*curitze*) = *modius* — мѣра хлѣбная; *пасмо* = *resticulus* — для льна, *санжмя* и *локоть* — для предметовъ линейной мѣры. Штука полотна шла за единицу цѣнности, а потому, конечно, была также обычно-опредѣленной мѣры²⁾.

Способы приобрѣтенія движимой собственности, кромѣ обшераспространенныхъ, заключавшихся въ непосредственномъ трудѣ, въ мѣнѣ, куплѣ и продажѣ, опредѣлялись еще *войною и грабежомъ*, а также и *береговымъ правомъ*.

Все добытое на войнѣ считалось полною собственностью воиновъ и, по окончаніи похода, раздѣлялось между ними; часть добычи шла въ личную собственность, часть же отчуждалась въ пользу боговъ и ихъ святилищъ.

Бамбергскіе миссіонеры присутствовали на одномъ такомъ раздѣлѣ, гдѣ воины кн. Вартислава дѣлили между собою награбленное имущество: одежду, деньги, скотъ, всякое другое добро и военнопленныхъ:

Nobis insipientibus diuidebant spolia, uestes, pecuniam, pecora et aliam diuersi generis substantiam. Homines quoque, quos captiuauerant, inter se distribuebant³⁾).

Тѣ же свидѣтели говорятъ, что въ главную штетинскую контину, по старому обычаю, отдавалась десятина богатствъ и оружія враговъ и всякой добычи, добытой въ морскихъ и сухопутныхъ грабежахъ:

«*In hanc edem ex prisca patrum consuetudine captas opes et*

1) См. выше, страницы 46—58 и примѣчанія къ нимъ, гдѣ указаны мѣста источниковъ.

2) См. выше, стр. 47, пр. 1; с. 52, пр. 2; с. 65, пр. 2. О *корѣиъ* подробно разсуждаетъ Мацѣіовскій въ ст. «*Historya dawných polskich miar i wag*» особ. отт. (1868), р. 7 sq. Мѣра эта опредѣлялась различно, ср. также ст. *Landau: Der Bauerhof in Thüringen*, Beilage zum Corresp. Blatt, 1862, Jan. p. 37—8.

3) *Herbordi Dialogus III*, 2.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

*arma hostium, et quicquid ex preda nauali uel etiam terrestri pugna quesitum erat, sub lege decimationis congerebant*¹⁾»).

Гельмольдъ передаетъ, что въ святилище Свантовита приносилось только награбленное золото и серебро, остальная добыча раздѣлялась между воинами:

«*Victores aurum et argentum in erarium dei sui conferunt, cetera inter se partiuntur*²⁾»).

Равнымъ образомъ — все выброшенное на берегъ бурею, будутъ-ли то вещи или лица, переходили въ полную собственность захватившаго ихъ, какъ будто оно было приобрѣтено по праву войны. Правда, береговое право у балтійскихъ славянъ намъ извѣстно въ позднѣйшей формѣ регалии: въ грамотахъ — князья обыкновенно отказываются отъ принадлежащаго имъ «права крушенія», «*ius naufragii*³⁾», но нѣтъ сомнѣнія, что до усиленія власти князей — оно было общенароднымъ. Нужды нѣтъ, что этотъ варварскій обычай шелъ въ разрѣзъ съ доброй природой племени, съ его знаменитымъ гостепріимствомъ и почетомъ къ странникамъ: жизнь, извращенная историческими отношеніями, дѣлаетъ существованіе его вполне понятнымъ.

Движимость была или собственностью общою, семейною или личною. И это, какъ кажется, зависѣло не столько отъ способовъ приобрѣтенія, не столько отъ степени участія личнаго или общесемейнаго труда, сколько отъ единенія семейнаго союза и его цѣлости: чѣмъ менѣе семья разъединялась, чѣмъ менѣе въ ней выступало начало личное, тѣмъ необходимѣе и скорѣе каждый предметъ, приобрѣтенный личнымъ трудомъ одного изъ ея членовъ, входилъ въ составъ общей семейной собственности и подлежалъ законамъ ея; и наоборотъ, чѣмъ начало личности выдава-

1) *Herbordi Dialogus* II, 32.

2) *Helmoldi Chronica* I, 36. cf. *Saxonis Gramm. Historia*, p. 825: «*Simulacri quoque spoliolum ac praedarum pars tertia deputabatur, perinde atque eius presidio parta obtentaque fuissent.*»

3) *Meklenburgisches Urkundenbuch* № 268. *Codex Pomer. diplom.* № 150, 225, 281, 348, 356, 378; *Klempin Pomm. Urkund.* B. № 503.

лось сильнѣе, тѣмъ скорѣе прибрѣтеніе лица оставалось въ его личной безотчетной собственности со всѣми ея послѣдствіями. Въ бытѣ балтійскихъ славянъ, какъ мы видѣли (стр. 173—4), есть еще слѣды такой общесемейной собственности, которые позволяютъ заключать о томъ, что въ старину она была—явленіемъ распространеннымъ, но въ историческое время по отношенію къ предметамъ собственности преобладаетъ уже личное начало.

Старой привычкой къ общей, а не личной собственности, объясняется, по нашему мнѣнію, отчасти и то уваженіе къ чужой собственности у Поморянъ, которое такъ ярко засвидѣтельствовано Сефридомъ: «между ними—говоритъ онъ, господствуетъ такая честность и общительность, что они не знаютъ, что такое кража и обманъ, они не запираютъ своихъ ящиковъ и сундуковъ, мы не видѣли тамъ ни замковъ, ни ключей, и сами они очень удивлялись, когда увидѣли замкнутыми наши пожитки и выюки. Платье свое и все дорогое они сохраняютъ въ покрытыхъ сосудахъ и бочкахъ, не опасаясь никакого обмана, потому именно, что не испытали его¹⁾».

Едва-ли, въ виду исторіи, до крайности развившей въ балтійскихъ славянахъ страсти корыстнаго эгоизма и грабежа, едва-ли такое уваженіе къ чужой собственности можетъ быть объясняемо одними свойствами народнаго характера, безъ того, чтобы не допустить, что здѣсь также дѣйствовала и еще не остывшая, вѣками укорененная привычка жить въ границахъ безличной собственности.

Въ понятіяхъ о собственности, въ употребленіи способовъ прибрѣтенія ея—племена обыкновенно выражаютъ сущность своего характера и своихъ историческихъ наклонностей. Эта историческая истина оправдывается и на балтійскихъ славянахъ. Мы замѣчаемъ здѣсь ту же роковую двойственность, которая дѣйствовала и во всемъ ихъ бытѣ: съ одной стороны—собствен-

1) Herbordi Dialogus II, 41; текстъ помѣщ. выше, стр. 68, пр. 1.

ность приобрѣтается усиліями мирнаго труда, земледѣліемъ, промышленностью, торговлей; съ другой — ее даетъ право меча, война и грабежъ, предпринимаемые не случайно, но съ систематическою цѣлью промысла и приобрѣтенія добычи. Чѣмъ сильнѣе стѣснялись врагами дѣйствія мирной природы племени и мирные способы приобрѣтенія собственности, тѣмъ болѣе оно отдавалось страсти приобрѣтенія грабежомъ и разбоемъ. Дивитесь ли, что такое искаженное исторіей племя скоро и легко соединилось и срослось съ этнографическою семьею другихъ племенъ, столь мѣтко названныхъ славянскимъ историкомъ — племенемъ Räuber или Raubvölker, и столь блпстательно оправдывающихъ это названіе своею новѣйшею исторіею¹⁾.

Договоры.

Народъ, завѣдомо съ временъ Карла Великаго, стоявшій въ связяхъ и политическихъ отношеніяхъ къ франкамъ, саксамъ и датчанамъ, производившій обширную торговлю съ Сѣверомъ и Западомъ, имѣвшій, наконецъ, устроенный образъ жизни и общественныя отношенія, — не могъ обойтись безъ договоровъ и условій.

Форма договоровъ. До времени введенія нѣмецкихъ порядковъ — договоры, нѣтъ сомнѣнія, заключались устно. Важнѣйшіе сопровождались извѣстною торжественною обстановкою, произнесеніемъ клятвенной формулы и вышнимъ символическимъ дѣйствіемъ; иногда же клятва соединялась съ символомъ. Скажемъ сначала о клятвѣ, потомъ соберемъ и объяснимъ немного, что передаютъ источники о договорныхъ символахъ.

Гельмольдъ говоритъ, что балтійскіе славяне очень рѣдко допускали клятвы, какъ бы боясь ими разгнѣвать божества:

1) Palacký: Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. C. Höfler, Pr. 1863, p. 76 sq.

«Jurationes difficillime admittunt, nam iurare apud Sclauos quasi periurare est, ob uindicem (s. inuicem) deorum iram».

«Mira reuerentia circa fani diligentiam affecti sunt: nam neque iuramentis facile indulgent, neque ambitum fani uel in hostibus temerari patiuntur»¹⁾.

Въ обоихъ мѣстахъ, какъ видно изъ контекстовъ, рѣчь идетъ о клятвѣ богами, въ храмахъ, предъ лицомъ самаго божества. Стоя въ отдаленіи отъ грозныхъ боговъ, славянинъ могъ опасаться навлечь гнѣвъ ихъ своею суетною клятвою; близость къ божеству была не обычна его запуганному чувству и мысли и потому — страшна. . . Но въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ — славяне употребляли клятвы и скрѣпляли ими свои утвержденія и договоры²⁾. Саксонъ Грамматикъ отмѣтилъ одинъ, въ этомъ отношеніи очень важный, фактъ. Въ 1160 г. датчане поднялись въ походъ противъ Руянъ. Не желая вступать въ борьбу, послѣдніе выслали къ еп. Абсалону какого-то нарочитаго мужа Домбора для переговоровъ о мирѣ. Домборъ просилъ заключить миръ на вѣру и предлагалъ, вмѣсто залога, утвердить его прочность и нерушимость клятвою и символическимъ *верженіемъ камня въ воду*:

«a quo (s. Absalone) ablationem suam liquida fide prosequi rogatus (sc. Domborus), pignoris loco lapillum se aquae iniecturum asseruit. Si quidem icturis foedus barbaris religioni erat calculus in undas conicere, seque, si pacto obuiam issent, mersi lapidis exemplo perituros orare»³⁾.

Это — такая же утвердительная клятва, соединенная съ внѣшнимъ символическимъ дѣйствіемъ, какую находимъ во вступительныхъ и заключительныхъ формулахъ «Договоровъ» русскихъ съ греками. Предъ обнаженными мечами, оружіемъ, щитами и

1) Helmoldi Chronica I, 52, 83.

2) Тотъ же Гельмольдъ передаетъ, что по обращеніи Прибислава: «inhibiti sunt Sclauī de cetero iurare in arboribus, fontibus et lapidibus», Chron. I, 83, cf. I, 16.

3) Saxonis Grammatici Historia, p. 755.

золотомъ — языческая Русь клянется свято и нерушимо исполнять договоръ «на вся лѣта дондеже съяетъ солнце и весь миръ стоять». Кто помыслить разрушить такую любовь, говорится въ клятвѣ, тѣ «да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ в будущий»; или — если не сохранимъ установленнаго, «да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса скотья Бога, и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ»¹⁾. Воинъ, естественно, клянется съ символомъ *оружія*, *мореходецъ* Руянинъ съ символомъ *камня*, *свергаемаго въ море*: какъ камень тонетъ въ пучинѣ, такъ да погибнетъ онъ, если нарушить свой договоръ и клятву.

Титмаръ передаетъ, что Лютичи сопровождали заключеніе мира особымъ обрядомъ: обрѣзывалась верхушка волосъ, бралась трава или кусокъ дерну и происходило рукобитье:

«pacem abraso crine supremo et cum gramine datisque affirmant dextris»²⁾.

Высокую древность этого обычая замѣтилъ уже Я. Гриммъ. Онъ указалъ и на другія подобныя обыкновенія не только изъ римской и германской древности, но и изъ славянской³⁾. Сюда же, нѣтъ сомнѣнія, относится и извѣстное указаніе обычая у славянскаго переводчика (XI в.) произведеній Григорія Назіанзена: «овъ же дѣрнъ въскроушъ на главѣ покладая, присягоу творить»; а также и нѣкоторыя русскія обыкновенія⁴⁾. Дѣрнъ обыкновенно служить символомъ земли и, если, слѣдуя аналогіи другихъ тожественныхъ обычаевъ, позволительно пояснять глухое показаніе

1) Лѣтопись по лаврентьевскому списку. Спб. 1872, стр. 46—7; 71—2; cf. 51—2.

2) Thietmari Chronicon VI, 18.

3) J. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer, p. 110 sq., 129.

4) Извѣстія Им. Академіи наукъ по отд. русскаго языка, etc. Спб. 1854, III, стр. 37; митр. Евгенія стат. «О разныхъ родахъ присягъ у Славяно-Русовъ», въ Трудахъ Общ. Исторіи и Древн. М. 1826, г. III, 1, стр. 85; Макарова: «Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги русск.». Ibidem, стр. 197.

Титмара — чертою, что кусокъ дерна или травы возлагался на *обнаженную* голову клянувшихся, то смыслъ дѣйствія будетъ ясенъ: оно служило внѣшнимъ символическимъ выраженіемъ и подтвержденіемъ словъ клятвы: «коли порушимъ договоръ, да покроетъ земля нашу голову», т. е. да погибнемъ. Значеніе *рукобитья*, которымъ скрѣплялся всякій договоръ и условіе — понятно даже и изъ языка и обычаевъ («дать руку» въ русскихъ лѣтописяхъ, «ударить по рукамъ и т. д.). Правая рука, главный органъ дѣйствія и власти, соединяется съ рукою другого, какъ утверждающій символъ союза и согласія. Изъ «Жизнеописаній» Оттона бамбергскаго видно также, что миръ утверждался *рукобитиемъ и поцѣлуемъ*, «*porrectione manus et osculo pacis*»¹⁾.

Роды договоровъ были не разнообразны:

а) *купля и продажа*, производившіяся и въ чужихъ земляхъ и внутри страны, въ опредѣленные дни въ недѣлѣ, въ средоточіяхъ общественной жизни — городахъ и укрѣпленіяхъ²⁾. Существовали большіе торги или ярмарки — изъ источниковъ не видно, но предположить ихъ можно на томъ основаніи, что для нихъ существовали условія, именно большія урочныя празднества, къ которымъ во множествѣ стекался народъ изъ всей страны³⁾. Право производить внутренній торгъ на рынкахъ въ IX—XII в. является стѣсненнымъ пошлиной или мытомъ⁴⁾, въ болѣе древнее время оно, вѣроятно, не подлежало никакимъ ограниченіямъ, т. е. было вполне свободно. Вѣроятно также, что при покупкѣ нѣкоторыхъ, болѣе важныхъ — предметовъ необходимо было присутствіе свидѣтелей, а равно, что заключеніе купли скрѣплялось *закланіемъ*, т. е. дружественнымъ раздѣленіемъ чаши⁵⁾. На послѣднее, кромѣ самаго термина, намекаетъ и то обстоятельство, что

1) Heribordi Dialogus II, 30; Ebonis Vita Ottonis III, 13, 23.

2) См. выше, стран. 54—8.

3) См. наше изслѣдованіе: «Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ... Пр. 1874 стр. 126.

4) Codex Pomer. diplom. № 50, 52, 56, 63, 73, 107 etc.

5) См. выше, стр. 109.

въ штетинскихъ континяхъ, куда обыкновенно сходились для заключенія дѣловыхъ условій — имѣло мѣсто и «записть»¹⁾);

б) *заемъ*; о немъ сохранилось одно очень замѣчательное извѣстіе. Въ 1239 году папа Григорій IX писалъ къ лундскому духовенству, что до его свѣдѣнія дошло о существованіи у Руянъ особаго рода лихвы, называемой *подачею* или *поддачею* (*poddas*), условія которой были чрезвычайно стѣснительны для должника: займодавецъ не довольствовался тѣмъ, что ежегодно получалъ отъ должника опредѣленное количество хлѣба, льна и другихъ предметовъ, которые превышали занятыя деньги болѣе, чѣмъ вдвойнѣ, онъ бралъ съ него пять солидовъ при выдачѣ дочери его въ замужство, — иначе бракъ не былъ дозволенъ; бралъ съ него извѣстное количество денегъ при продажѣ имъ каждаго животнаго. . Если должникъ умиралъ до отдачи займа, обязательство переходило на его наслѣдниковъ, такъ, что если который изъ нихъ не исполнялъ его, то на его мѣсто въ судебномъ собраніи полагался пукъ соломы; такимъ дѣйствіемъ должникъ исключался изъ числа (правныхъ) членовъ общины и обращался въ вѣчное рабство займодавца:

«nobilis uir princeps . . . maior et populus terre rugianorum in Sclauia . . . quandam prauam consuetudinem obseruantes, que corruptela potius est consenda, eiusmodi usurarum lucra, que poddas uulgariter appellant, sequuntur: quod uidelicet creditor a debitore certam quantitatem annone, lini, et aliarum rerum, que longe plus quam pecuniam mutuatam excedunt, recepit annuatim, nec hoc contentus, a debitore pro filia sua, quam nuptiis tradere forte uoluerit, quinque solidos recepit, alioquin ei tradere ipsam filiam nuptiis non licebit. Simili quoque modo pro quolibet animali, quod debitor ipse uendiderit, certam creditori persoluet pecunie quantitatem. Si uero debitor, ante mutuate sortis solutionem, uiam fuerit uniuersi carnis ingressus, talis detestanda conditio transit

1) Herbordi Dialogus II, 32; Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ. . . Пр. 1874, стр. 47, n. 69.

ad singulos heredes, ita ut, si eorum aliquis soluendo non fuerit, supponitur ei in iudiciali foro fasciculus straminis, a quo presentibus habitatoribus terre sue deicitur et in perpetuam creditoris redigitur servitutem¹⁾.

Такимъ образомъ — неисполненіе обязательства по займу влекло за собою лишеніе правъ свободнаго состоянія. Заемъ съ *поддачею* заключался, какъ кажется, только между лицами неравнаго состоянія, княземъ или знатью и народомъ. Въ грамотахъ упоминаются люди, имѣющіе *поддачу* (*podacam, podaizam*) князей или церкви, т. е. состоящіе въ обязательныхъ къ нимъ отношеніяхъ²⁾. Отсюда — такая строгость наказанія; въ менѣе значительныхъ случаяхъ и при равенствѣ состояній — заемъ, вѣроятно, обезпечивался *залогомъ* (см. выше, стр. 114—115);

в) *частныя и племенные условія* союза въ торговыхъ, промышленныхъ и политическихъ предпріятіяхъ и обязательства взаимной неприкосновенности. Намъ извѣстно одно подобное частное условіе какого-то Готшалка съ Бакаричами: послѣдніе спльно разбойничали въ нортторпскомъ округѣ; въ обезпеченіе себя Готшалкъ заключилъ съ ними обязательство взаимнаго мира и помощи, и Бакаричи сохраняли его непоручимо, «какъ обычно славянамъ»:

«Dasonides (Godeschalcus) . . pactum cum eis (Bakaridis) conseruande ad inuicem pacis et fidelitatis pepigit. Hac confederatione secur ores (securiores) illi effecti amplius grassari ceperunt. . . Dasonide uero fidem integram ut mos est Slauis conseruantes, participem eum tocius questus sui fecerunt et ipsi consilium ab eo alios oportune nocendi, et sibi precauendi, nec non uictualium necessaria, cum opus esset, receperunt³⁾».

Политическіе и общественные договоры и союзы отдѣльных племенъ между собою упоминаются въ источникахъ довольно

1) Codex Pomer. diplom. № 276.

2) Codex Pomeraniae diplom. № 85, Meklenburgisches Urkund. B. № 148.

3) Langebek: Scriptores rerum danicarum, Haun. 1783, t. V, p. 368, ст. Excerpta e uisionibus Godeschalci, с. XXII.

часто; условіями ихъ были: обязательство взаимной помощи, общихъ предпріятій и общаго рѣшенія въ важныхъ дѣлахъ. Нарушеніе условій равнялось политическому разрыву¹⁾;

г) *договоры мировые*; они обыкновенно заключались особенными полномочными нарочитыми людьми, послами и жрецами²⁾. Во время военныхъ дѣйствій послы — по обычаю — удерживались въ непріятельскомъ лагерѣ до полного окончанія дѣла³⁾. Видимымъ внѣшнимъ знакомъ намѣренія вступить въ переговоры о мирѣ служилъ разведенный огонь⁴⁾. Договоръ обезпечивался *заложниками*, всего чаще — дѣтьми знатнѣйшихъ гражданъ; въ случаѣ нарушенія условія они предавались, или могли быть преданы — смерти⁵⁾. Заложники давались и въ частныхъ обязательствахъ: одного такого, сына знаменитаго датчанина, бамбергскіе миссіонеры нашли въ тяжкомъ заключеніи у волегощанскаго князя Мицлава, которому отецъ его былъ долженъ пятьсотъ марокъ⁶⁾. Кажется, однако, что самая жизнь этого рода заложниковъ оставалась неприкосновенна.

1) Thietmari Chronicon, I, 6; Adami Brem. Gesta Ham. Eccl. IV, 18; Helmoldi Chronica I, 21, 34, II, 12; Herbordi Dialogus II, 4, 26, 30; III, 10; Ebonis Vita Ottonis III, 5, 13, 23; cf. наше сочиненіе: Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ, Пр. 1874, стр. 101—2, 140, п. 307.

2) Einhardi Annales s. an. 815, 816, 818, 822; Annales Fuldens. s. an. 845, 895; Raumer Regesta hist. Brand. s. an. 1003, 1025, pag. 75, 90. Adami Brem. Gesta Ham. Eccl. III, 17; Helmoldi Chronica I, 38; Herbordi Dialogus II, 26, Ebo III, 13; Saxonis Gramm. Hist. p. 755, 764—7, 821.

3) «Siquidem legatos hostium expeditionis tempore susceptos ad reditum usque eius, mutua Rugiensium Danorumque consuetudine, retentari fas erat, ne ad suos exterarum rerum nuncii reuenterentur, speculationis potius quam legationis officia peracturi». Saxonis Gramm. Historia p. 755.

4) «De pace acturus Domborus ad Danos dirigitur. Quibus ad naues digressis, ignem in littore accendit, cuius indicio se legationem affere monstraret». Saxonis Gramm. Hist. Dan. p. 764.

5) Chronicon Moissiacen. (Pertz, Mon. II, 258) s. an. 805; Einhardi Annales Laur. s. an. 809; Helmoldi Chronica I, 37, 38, 48; Saxonis Gramm. Historia, p. 662, 767, 773 et caet. Knytlinga Saga, c. 129: «Burizlaus ad regem Knutum et archiepiscopum ueniens fidem eorum implorauit filios nobilissimorum, qui in terra erant uirorum regi obsides dedit».

6) Herbordi Dialogus III, 9; Ebonis Vita Ottonis III, 12; см. наше изслѣдованіе: Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ, Пр. 1874, стр. 76—7, nn. 103, 104.

Титмаръ, какъ мы видѣли (стр. 79, пр. 1), очень невыгодно отзывается о вѣрности славянъ данному слову или уговору:

«*Infideles ipsi (scil. Slavi) et mutabiles ipsi, immutabilitatem ac magnam exigunt ab aliis fidem*» (VI, 18).

Сопоставивъ этотъ отзывъ съ показаніями Сефрида (стр. 67 и 68, пр. 1) и свидѣтельствомъ «Повѣсти о видѣніяхъ Готшалка» (стр. 201, пр. 3), мы можемъ оставить его безъ вниманія съ такимъ же правомъ, какъ и отзывы другихъ враждебно расположенныхъ свидѣтелей, нерѣдко говорящихъ «о врожденномъ вѣроломствѣ славянъ» (стр. 66, пр. 2). Нельзя отрицать, что вынуждаемые обстоятельствами — политическіе договоры съ врагами не имѣли для балгійскихъ славянъ той внутренней, нравственно обязательной силы закона, какъ договоры частные и общественные, заключаемые добровольно: первые нарушались постоянно; но видѣть здѣсь доказательства «врожденного вѣроломства» (*innata perfidia*) народа, паденія въ немъ сознанія чувства правды — значитъ не различать разнородныхъ между собою началъ. Съ такой точки зрѣнія вся исторія воинственныхъ народовъ вообще, а нѣмцевъ — въ особенности, окажется ничѣмъ инымъ, какъ книгою политическаго вѣроломства.

ОБОЗРѢНІЕ СОДЕРЖАНІЯ.

Задача и методъ изслѣдованія. Источники..... 1—18.

Недостаточность источниковъ древности балтійскихъ славянъ 1; значеніе и необходимость сравнительнаго метода изслѣдованія вообще и въ примѣненіи къ древностямъ славянскаго права 3—4; культурно-историческій взглядъ на право, трудъ Я. Гримма 5—6; связь и различіе между юридическими и нравственными явленіями, необходимость изслѣдованія послѣднихъ 6—7; вопросъ о степени самобытности правныхъ учреждений и порядковъ 7—8; значеніе вводной статьи труда 8; обзоръ источниковъ: *Annales* и *Vita Caroli Magni*—Эйнгарда 8—9; *Res gestae Saxoniae*—Видукинда 9; *Chronicon*—Титмара 9—10; *Gesta*—Адама бременскаго 10; *Vita ep. Ottonis*—Эбона 10—11; *Dialogus de Ottone*—Герборда 11—12; *Chronica Slavorum*—Гельмольда 12; *Historia Danica*—Саксона Грамматика 12—13; Грамоты 13—15; остатки языка и археологическій матеріалъ 15—16; общая скудость источниковъ 16—18.

Земля и народъ 18—79.

Характеръ страны въ естественномъ отношеніи 18—21; вліяніе природы на бытъ обитателей 21—24; племена балтійскихъ славянъ, ихъ жилища 24—27; степень заселенности края 27—28; общій ходъ исторіи балтійскихъ славянъ 28—36; образъ жизни народа, осѣдлости 36—39; села и деревни 39—41; крѣпости и городки

41—43; образованіе городовъ, составъ и устройство ихъ 43—45; пути сообщенія 45; земледѣліе 46—48; рыболовство 49; скотоводство 49—50; пчеловодство 51; охота 51; различные роды промышленности 51—53; торговля и монета 53—58; мореходство 58—59; пиратство 59—61; вооруженіе и военное дѣло 61—64; богатства народа 64—65; домашній хозяйственный бытъ 65; одежда и украшенія 66; бытъ нравственный: характеръ и нравы народа 66—70; религіозныя вѣрованія, земледѣльческо-воинскій ихъ характеръ 70—74; общее состояніе образованности 74—77; заключительный выводъ о характерѣ народа 77—79.

Древности права. Право, обычай, законъ. Постановленія власти..... 79—85.

Понятіе народа о правѣ и правдѣ 79—80; обычное право и его значеніе 80—83; начала государственной власти и права 83—84; дѣйствіе этихъ двухъ началъ 84—85; неравномѣрное распространеніе культуры у балтійскихъ славянъ 85.

Семейный бытъ 86—185.

Правное различіе пола 86—87; семья и родъ 87—90; бракъ: многоженство 90—94; обычай многоженства у прочихъ славянъ 94—102; заключительный выводъ о степени его силы и распространенія 102—104; способы заключенія брака 104—107; купля и продажа женъ 107—110; родство и свойство при бракахъ 110—111; подарки жениха родителямъ невесты и наоборотъ 111—112; приданое 112—114; брачное дареніе мужа или жениха 114—115; умычка дѣвицъ 116—117; обязанности супружескаго союза 117—122; власть мужа 122—125; правовое и нравственное положеніе жены 125—131; прекращеніе брака при жизни обоихъ супруговъ или расторженіе брака 131—135; отцовская власть: умерщвленіе младенцевъ женскаго пола 135—137; обычай идетъ отъ отцовской власти 137—139; причина его 139; степень распространенности и самобытности 140—141; опека 141—142; положеніе стариковъ 142—143; разсмотрѣніе вопроса объ убійствѣ стариковъ дѣтьми 143—150; уваженіе къ престарѣлымъ 150; положеніе вдовъ, материнская опека 151—152; гостепріимство и права его 152—157; религіозная причина обычая 157—160; обычай гостепріимства у балтійскихъ славянъ 160—161; кровная месть 161—166; плата за убійство 166—167; характеръ обычая кровной мести у балтій-

скихъ славянъ 167—168; наслѣдованіе 168—176; историческое развитіе славянскаго наслѣдованія вообще, у поляковъ п чеховъ въ частности 176—179; обычаи наслѣдованія у балтійскихъ славянъ 179—182; общія историческія замѣчанія о семейномъ бытѣ балтійскихъ славянъ 182—185.

Собственность 185—196.

Частный характеръ поземельной собственности у балтійскихъ славянъ и причина его 185—187; предметы недвижимой собственности 187—188; межи и границы 188—190; земельная мѣра 190; способы приобрѣтенія недвижимой собственности 190—191; предметы общаго и частнаго пользованія 191—192; жупы 192; собственность движимая 192—193; мѣры ея 193; способы приобрѣтенія движимой собственности 193—194; общесемейная и личная собственность 194—195; уваженіе славянъ къ чужой собственности 195; характеръ народа, выражающійся въ способахъ приобрѣтенія собственности 195—196.

Договоры 196—203.

Форма договоровъ: клятвы и символическія дѣйствія 196—199; роды договоровъ: купля и продажа 199; заемъ 200—201; частные и племенные договоры 201—202; договоры мировые, послы и заложники 202—203.

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ.

ОПЫТЪ

БИБЛЮЛОГИЧЕСКАГО ИЗЛОЖЕНІЯ

ИСТОРИИ ЕЯ ИЗУЧЕНІЯ.

I.

ОБЩЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНІЯ ДРЕВНЕ-СЛАВЯНСКАГО И ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫКОВЪ И
ПИСЬМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

Историческое обозрѣніе.

Числа:

1. Характеръ и направленіе изученія отечественной письменности въ древней Руси.
2. Средоточіе литературной дѣятельности и письменности въ древней Руси.
3. 4. 5. Монастырскія и церковныя библіотеки въ древней Руси. Архивы и библіотеки частныхъ лицъ.
6. Характеръ и направленіе изученія древней отечественной письменности въ эпоху Петра.
7. Труды академиковъ: Коля, Миллера и Шлецера.
8. Труды Н. И. Новикова.
9. Труды Бакмейстера и Баузе.
10. Библіотека гр. А. И. Мусина-Пушкина, Шлецеровъ «Несторъ».
11. Труды Н. М. Карамзина.

Числа:

12. Сочиненіе А. Н. Оленина о Тмутараканскомъ камнѣ.
13. Общественныя книгохранилища на Руси въ началѣ текущаго вѣка.
14. Дѣятельность гр. Н. П. Румянцева на пользу отечественной науки.
15. Дѣятельность ученыхъ обществъ: а) Исторіи и Древностей, б) Любителей Россійской Словесности.
16. Сподвижники гр. Румянцева: а) митр. Евгеній Болховитиновъ.
17. б) А. Х. Востоковъ.
18. в) К. Θ. Калайдовичъ.
19. г) П. М. Строевъ.
20. д) П. И. Кеппенъ.
21. Прочіе, меньшіе дѣятели эпохи Румянцева.
22. Скептицизмъ М. Т. Каченовскаго.
23. Характеръ и направленіе ученой дѣятельности эпохи гр. Румянцева.
24. Археографическая Экспедиція; плоды ея усилій. Основаніе Археологической Комиссіи.
25. Труды ученыхъ тридцатыхъ годовъ по изслѣдованію древней русской письменности.
26. Востоковскія: «Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея» и изданіе «Остромирова Евангелія».
27. Обобщающій трудъ С. П. Шевырева: «Исторія русской Словесности, преимущественно древней».
28. Дѣятельность Московскаго Общества Исторіи и Древностей въ періодъ секретарства Бодянскаго и Бѣляева, 1845—1878.
29. Дѣятельность Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности. Труды Срезневскаго и др.
30. Дѣятельность прочихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ по древней русской письменности.

Числа:

31. Періодическія ученыя изданія: Калачова, Тихонравова, Казанской Духовной Академіи, Хованскаго и др.
32. 33. Общій характеръ трудовъ по разбору и описанію рукописей.
34. Хронологически-библіографическій перечень описанія рукописей съ 1846 г.
35. Перечень библіографическихъ трудовъ по старопечатнымъ книгамъ.
36. Сборныя изданія памятниковъ древне-русской письменности.
37. Труды по славяно-русской палеографіи.
38. Способы и приемы изданія памятниковъ.
39. Значеніе историческаго метода въ изученіи произведеній древней русской письменности.
40. Труды общаго характера по исторіи древней русской словесности.

II.

Систематическое обозрѣніе.

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ:

A. Языкъ.

41. Исторія изученія древне-славянскаго языка до Добровскаго и Востокова.
42. «Институціи славянскаго языка» Добровскаго.
43. Труды по древне-славянскому языку Востокова.
44. Труды по древне-славянскому языку П. I. Шафарика и В. Копитара.
45. Труды по церковно-славянскому языку П. С. Билярскаго.
46. Труды А. X. Востокова съ 1843 г.
47. Труды по сравнительно-историческому славянскому языкознанію Ф. Миклошича.

Числа:

48. Труды О. М. Бодянского, Ѳ. И. Буслаева и В. И. Григоровича. Заключение послѣдняго о рецензіяхъ старославянскихъ рукописей.
49. Труды по древне-славянскому языку И. И. Срезневскаго. Его мнѣніе о народности сего языка.
50. Труды А. Шлейхера и М. Гатталы.
51. Труды В. В. Ягича. Мнѣніе В. И. Ламанскаго о происхожденіи древне-славянскаго языка.
52. Изслѣдованіе отдѣльныхъ вопросовъ и собраніе матеріаловъ по древне-славянскому языку.
53. Изслѣдованіе въ бытовой области древне-славянскаго языка.
54. Изслѣдованія по церковно-славянскому языку *сербской* редакціи.
55. Изслѣдованія по сравнительному славянскому языкознанію.
56. Общія замѣчанія о томъ, что сдѣлано и что остается сдѣлать по изслѣдованію древне-славянскаго языка.

Языкъ русскій.

57. Труды по исторіи русскаго языка II Отдѣл. Академіи Наукъ и пр. Павскаго.
58. Первые труды Максимовича и замѣтки Надеждина.
59. Первые труды Ѳ. И. Буслаева. Опытъ по исторіи русскаго языка Константина Аксакова.
60. «Начатки русской филологіи» М. А. Максимовича. Сочиненіе С. Лебедева о вліяніи Польши на русскій языкъ.
61. «Мысли объ исторіи русскаго языка» И. И. Срезневскаго.
62. Труды П. А. и Н. А. Лавровскихъ.
63. «Записка о древнемъ русскомъ языкѣ» М. П. Погодина и движеніе, вызванное ею въ русской филологической литературѣ.

Числа:

64. «Историческая Грамматика» русскаго языка *Θ. И. Буслаева*. Его же «Историческая Хрестоматія» и опытъ *Биллярскаго* о языкѣ «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ».
65. Изслѣдованія по исторіи русскаго языка *А. А. Потебни*.
66. Труды по исторіи русскаго языка *М. А. Колосова*.
67. Трудъ *П. И. Житецкаго*: «Очеркъ звуковой исторіи мало-русскаго нарѣчія».
68. Разработка частныхъ вопросовъ исторіи русскаго языка.
69. Труды по исторической лексикографіи русскаго языка.
70. Разработка «иноземныхъ словъ» въ языкѣ русскомъ.
71. Разработка «областныхъ нарѣчій русскаго языка».
72. Нетронутые и нерѣшенные вопросы исторіи русскаго языка.

Б. Письмо. Кириллица и Глаголица.

73. Труды *А. Фойгта*, *Добнера* и *Добровскаго* по исторіи славянскаго письма.
74. Труды *В. Копитара* по отношенію къ Глаголицѣ.
75. Труды по тому же предмету *П. И. Прейса* и *И. И. Срезневскаго*.
76. Труды и мнѣнія о Глаголицѣ *В. И. Григоровича*.
77. Первые изслѣдованія о Глаголицѣ *П. І. Шафарика*.
78. Сочиненіе *Бодянскаго*: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ».
79. «Пражскіе глагольскіе отрывки».
80. Изслѣдованія о происхожденіи славянскихъ письменъ *д-ра И. Гануша*.
81. Сочиненіе *Шафарика*: «О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма».
82. Изслѣдованія о славянскомъ письмѣ *Миклошича* и *Рачкаго*.
83. «Древніе глаголическіе памятники» *И. И. Срезневскаго*.

Числа:

84. Глаголица на Руси. Мнѣніе В. И. Григоровича о ея происхожденіи.
85. Гипотеза И. И. Срезневскаго о древности Кириллицы.
86. «Вѣроятное», «Достовѣрное» и «Требующее новыхъ изслѣдованій»—въ вопросѣ о древне-славянскомъ письмѣ.
-

ОВЪ ИЗУЧЕНІИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

I.

Историческое обозрѣніе.

Въ 1877-8 г. — по особымъ обстоятельствамъ — мною читанъ былъ въ Университетѣ св. Владимира библиологическій курсъ «Исторіи изученія древней русской письменности».

Курсъ распадался на двѣ неравныя половины: первая, краткая — заключала въ себѣ — «общее обозрѣніе исторіи изученія» нашей письменной старины; вторая — подробная представляла «исторію изученія ея въ систематическомъ порядкѣ», по отдѣламъ. Представляя нынѣ, на общее пользованіе, *извлеченіе* изъ первой части курса, считаю необходимымъ дать мѣсто одному библиографическому объясненію. Внимательный читатель замѣтитъ, что нѣкоторыя упоминаемыя мною изданія, сочиненія и статьи приводятся со всею библиографическою обстоятельностью и полнотою, другія — не столь подробно и обстоятельно... Обстоятельно и подробно называются въ этомъ отдѣлѣ лишь тѣ труды, о которыхъ или вовсе не упоминается во второй части курса, или же упоминается въ общихъ словахъ; наоборотъ — то, о чемъ во

второмъ отдѣленіи будетъ рѣчь подробная и обстоятельная — въ *первомъ* упоминается лишь кратко, или же и вовсе не упоминается. Обѣ части моего курса, такимъ образомъ, взаимно другъ друга пополняютъ и отвѣчаютъ требованіямъ библиографической обстоятельности — лишь въ своей совокупности... Короче — требованія *общей библиографической точности* соблюдены мною вездѣ, *библиографическая же обстоятельность* — только на *своемъ мѣстѣ*, тамъ, гдѣ — по моему плану — ей быть надлежало.

1. Произведенія древней русской письменности изучались съ давняго времени, но только съ прошлаго вѣка они начали быть изучаемы, какъ предметъ историко-филологической науки. Древняя Русь не знала науки въ собственномъ смыслѣ, она знала лишь науку вѣры, потому и изучала произведенія письменности только такія, которыя могли служить дѣлу вѣры, дѣлу спасенія души, дѣлу христіанской морали, т. е. съ цѣлями религіозно-практическими. Правда, были стремленія или попытки изученія произведеній письменности съ цѣлями удовлетворенія исторической и литературной любознательности, но или онѣ были слабы, или и здѣсь преобладало религіозно-практическое, назидательное на-правленіе: польза ума, идея образованности совершенно заслоня-лась идеею пользы души, т. е. ея спасеніемъ ¹⁾).

1) О характерѣ «книжнаго почитанія» въ древней Руси см. ст. (Порфирьева): «О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи» Православ. Собесѣд. 1858, ч. II, стр. 173 sq. и 443 sq.; Шевырева «Исторія русской словесности» ч. I, М. 1859, стр. XXV sq.; ср. также ст. «О способахъ духовнаго просвѣ-щенія древней Россіи — внѣ училищъ», Православ. Собесѣдн. 1858, ч. I, стр. 87 sq., 262 sq.

2. При такомъ взглядѣ—естественно—гдѣ было средоточіе религіозной жизни, тамъ было и средоточіе литературной дѣя-тельности, письменности. Письменные памятники религіознаго характера собирались и хранились у насъ при монастыряхъ, со-борахъ, епископскихъ каѳедрахъ, церквахъ, училищахъ ²⁾), па-мятники же дѣловые — въ мѣстахъ государственнаго правленія; на Государевомъ Верху, въ посольскомъ Приказѣ и въ Прика-захъ иныхъ.

2) Перечень книжныхъ собраній древней Руси до XV в. въ трудѣ И. И. Срезневскаго: «Древніе памятники русскаго языка и письма». Спб. 1863, см. Указатель, подъ словомъ «Книги».

3. Библіотеки составлялись какъ чрезъ нарочитое списываніе книгъ при монастыряхъ, соборахъ; такъ и вкладами и приношеніями лицъ благочестивыхъ или же по правамъ наслѣдованія.

Замѣчательнѣйшія изъ нихъ, дошедшія до нашего времени были:

а) *Новгородская Софійская*. Исторія ея — у Купріянова: «Историческій Очеркъ Софійской бібліотеки» въ Извѣстіяхъ II отд. Акад. Наукъ V, 1857, ст. 367—71. Здѣсь же, т. VI, стр. 34—66, 276—320. Книга издана и отдѣльно: «Обозрѣніе пергаменныхъ рkp. Новгородской Софійской бібліотеки» Спб. 1857. X — 113. 8. — (Смирнова): «Описаніе рукописныхъ сборниковъ Новгородской Софійской бібліотеки» въ Лѣтописяхъ занятій археограф. Комиссіи, 1864, III, Спб. 1865, От. III, стр. 1—106.

б) *Новгородскихъ церквей и монастырей*. Ст. арх. Макарія: «Обозрѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ» въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и древностей 1861, кн. 2, Мат. Сл. 1—40, см. также Купріянова: «Указанія на нѣкоторыя рукописи Новгородскихъ церквей и монастырей». Ж. М. Нар. Пр. 1853, № 12, стр. 122—130.

в) *Московская патріаршая (нынѣ синодальная)*. Исторія образованія ея изложена въ книгѣ арх. Саввы: «Указатель для обозрѣнія московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и бібліотеки, М. 1858, II, стр. 1—40; здѣсь же, стр. 41 sq. Алфавитный указатель рукописей, славянская часть котораго издана и отдѣльно, М. 1858, 8^о, стр. 128.

Ст. И. М. Снегирева объ этой бібліотекѣ помѣщена въ (плюшаровскомъ) Энциклопедич. Лексиконѣ, т. V, стр. 515—18; а также и въ «Памятникахъ Московской древности», 1842—1845, стр. 177—192.

Рукописи этой бібліотеки описывали: Калайдовичъ: опи-

салъ № 101, напечатан. въ неизданномъ Архивѣ кн. М. А. Оболенскаго, ч. I, св. VII, стр. 1—62; Ундольскій: часть описанія издана въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др.» 1867, кн. 2, Мат. Слов. 1—56; Горскій и Невоструевъ: Описаніе славянскихъ рукописей патріаршей, нынѣ синодальной библіотеки; т. 1. М. 1855; т. 2—ib. 1858; т. 3 ib. 1859; т. 4—ib. 1862; т. 5, ib. 1869; см. также старую опись: «Роспись книгъ, которые обрѣтаются въ патріаршей ризнице... 1718, изд. Полуденскимъ въ приложеніяхъ къ Русскому Архиву 1864 г. № 3—4.

г) *Успенскаго Собора*. Извѣстіе о ней въ кн. Снегирева: «Памятники Московской Древности» М. 1842—45, стр. 42—49.

д) *Чудова монастыря*. Извѣстіе о ней въ кн. Снегирева: «Памятники Моск. Древн.» стр. 145—148.

е) *Типографская*, принадлежащая синодальной типографіи въ Москвѣ. Исторія ея (не вполнѣ трезвая) изложена г. Безсоновымъ въ статьѣ: «Типографская библіотека въ Москвѣ,» Русская Бесѣда 1859, к. V, стр. 39—105 и отдѣльно, 1859. 8^о стр. 66; см. также ст. Викторова: «Библіотека и историческая дѣятельность Московской синодальной типографіи». Москов. Вѣдомости 1859, № 285, 288, 291 и газета «Наше Время» 1860, № 5, 8, 10 и 12; свѣдѣнія о книгахъ типографской библіотеки на основаніи Реестра 1727 см. въ ст. Артемьева: «Каталоги библіотеки Московской синодальной типографіи». Временникъ Общ. Ис. и Др. 1851, к. XI, Смѣсь, стр. 1—13.

ж) *Троицко-Сергіевой Лавры*: извѣстіе о ней въ книгѣ (Горскаго) «Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры», М. 1865, стр. 151—165, и въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и древн. 1878, к. IV, 165—174, cf. С. П. Шевырева: «Путѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» ч. I, М. 1850, стр. 18—20. Недавно изданъ (въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. 1878, ч. 2, 4, 1879, ч. 2 и отдѣльно 3 ч. М. 1879) трудъ іер. Иларія и Арсенія, перечневое полное «Описаніе Славянскихъ рукописей библіотеки Свято-троицкой Сергіевской Лавры». М. 1878—9. Впередѣ предпослана краткая исторія книгохранилища.

з) *Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря*. Свѣдѣнія о ней въ книгѣ С. Шевырева: «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» М. 1850, ч. II, стр. 14—51; старый (18 в.) каталогъ рукописямъ библіотеки по списку Румянцевскаго Музея напечатанъ И. П. Сахаровымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1842, № 11—12, стр. 1—40; см. также трудъ арх. Варлаама: Обзорѣніе рукописей собственной библіотеки пр. Кирилла Бѣлозерскаго. М. 1860, и въ Чтеніяхъ въ Общ. Исторіи 1860 кн. 2-я, Мат.Слов. стр. 1—69.

и) *Соловецкой обители*. Извѣстіе о ней: въ книгѣ «Истина св. Соловецкой обители пр. Игнатія». Спб. 1847, стр. 203—268; въ ст. (Лилова) «Библіотека Соловецкаго монастыря» въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1859, I, стр. 24—39, 199—221; II, стр. 67—85. Съ 1877 года начато систематическое ея описаніе (пр. Порфирьевымъ): оно печатается въ Православномъ Собесѣдникѣ; описанію предпосланъ краткій очеркъ исторіи библіотеки.

к) *Иосифа Волоколамскаго монастыря*. Свѣдѣнія о ней и рукописяхъ см. въ извлеченіи Анастасевича изъ обстоятельнаго описанія ркп. П. М. Строева, въ Отечественныхъ Запискахъ 1823, ч. XIII, № 33, 35, ч. XV, № 39, стр. 123—139, 400—413, 102—114; см. также К. И. Невоструева: Разсмотрѣніе соч. Хрущева: Иосифъ Волоцкій, въ «Отчетѣ о XII присужденіи наградъ гр. Уварова», Спб. 1870, стр. 168—186, ст. «Библіотека Иосифова Волоколамскаго монастыря времени самого препод. Иосифа». Въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 85—103. См. опись книгъ Иосифо-Волоколамскаго монастыря 1573 г. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1847, № 7, стр. 1—16 Смѣси.

л) *Воскресенскаго или Новоіерусалимскаго монастыря*. Описаніе ркпс.—въ книгѣ архим. Амфилохія: «Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки» М. 1875. 4/^о, также арх. Леонида: «Описаніе Славяно-русскихъ рукописей» книгохранилища Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ имен. монастыря въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. 1871, к. I, с. стр. 1—71, и

отдѣльно. Трудъ о. Леонида — во многомъ представляетъ дополненіе къ предыдущему. Въ началѣ помѣщена исторія библіотеки. Въ книгѣ И. П. Сахарова: «Русскіе древніе памятники.» Вып. I (Спб. 1842), стр. 4—13, помѣщено: «Описаніе Славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ библіотекѣ Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря. Описаніе сіе составлено на основаніи предшествовавшаго рукописнаго труда П. М. Строева, см. Барсукова: «Жизнь и труды Строева», Спб. 1878, стр. 38. Многія книги изъ библіотеки Воскресенскаго монастыря «исправленія ради книгъ» были взяты въ Москву, въ патріаршую ризную казну, см. «Опись книгамъ», поступившимъ въ патріаршую ризную казну. М. 1847, и въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1847, № 5, смѣсь, стр. 1—20; брались книги отсюда въ Москву и позднѣе, въ 18 и 19 в. см. вышеуказанное Описаніе арх. Леонида.

Кромѣ этого, почти при каждомъ монастырѣ въ древней Руси существовали болѣе или менѣе значительныя библіотеки: въ составленной при патріархѣ Никонѣ «Описи книгамъ въ степенныхъ монастыряхъ находящимся (издана въ Чтеніяхъ общ. Ист. и Др. 1848, № 6 стр. 1—44 и отдѣльно), такихъ монастырскихъ библіотекъ поименовано 39; ихъ, конечно, — было гораздо болѣе³⁾).

3) См. ст. Бередникова: «О нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ монастырскихъ и другихъ библіотекахъ» въ Журн. М. Нар. Пр. 1853 № 6; стр. 85—111.

Извѣстны собранія рукописей слѣдующихъ монастырей:

а) *Тихвинскаго монастыря*, см. ст. Бередникова: «Описаніе четырехъ рукописей, хранящихся въ библ. Тихвинскаго успенскаго монастыря», Ж. Мин. Нар. Пр. 1847, № 9, стр. 201—226.

б) *Спасскаго монастыря* въ Ярославлѣ. Свѣдѣнія о рукоп. монаст. представлены А. Ѳ. Бычковымъ въ Лѣтописяхъ занятій археогр. Ком., вып. V, Спб. 1871, прот. стр. 21—29 и въ «Сборникѣ» II отд. Академіи Наукъ. т. II, Спб. 1868—прот. с. VIII—XII.

в) *Суздальскаго Спасо-евфимьевскаго монастыря*, старая «опись» книгамъ его во Временникѣ Общ. Ист. и Др. т. V, 1850, см. стр. 43—51.

г) *Калужскихъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей.* Обзорѣніе ихъ, составлен. арх. Леонидомъ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и древ. 1865 кн. IV, см. стр. 1—115 и отдѣльно.

д) *Звенигородскаго Саввина монастыря*, описана П. М. Строевымъ, описаніе не издано, см. «Рукописи Царскаго» М. 1848. № 197. Рукописей въ 1818 г. было только 17.

е) *Пафнутія Боровскаго монастыря*, описана Строевымъ описаніе не издано, см. *ibidem*; всѣхъ рукописей было въ 1820 числомъ 60.

ж) *Иверскаго Святозерскаго монастыря*: остатки книгохранилища XVII в. перечислены о. арх. Леонидомъ въ Русской Исторической библіотекѣ, т. V, Спб. 1878, стр. 50—62.

Исчисленіе всѣхъ монастырскихъ, соборныхъ и церковныхъ библіотекъ, откуда Археографическая комиссія черпала свои матеріалы, см. въ книгѣ «Отчеты о занятіяхъ и изданіяхъ Археограф. Комиссіи за 25 лѣтъ», Спб. 1860, стр. 20—21, cf. Ундольскаго: Библіографическія разысканія. М. 1846, с. 4—9.

4. Были библіотеки, о которыхъ сохранились только извѣстія, такъ, напр. библіотека Св. Софіи въ Кіевѣ: нынѣшній запасъ книгъ ея (о немъ см. митр. Евгенія: Описаніе Кіево-соф. Собора, Кіевъ, книга 1825, стр. 54) происхожденія не очень давняго.

Были библіотеки, принадлежавшія правительственнымъ учрежденіямъ, великимъ князьямъ, патріархамъ, митрополитамъ и другимъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ ⁴⁾.

4) а) *Архивъ при мастерской оружейной палатѣ*, описаніе рукописей и книгъ его, сост. г. Зубаревымъ, см. Вѣстникъ Европы 1827, № 14, стр. 81—102; № 15, с. 161—184, № 16, с. 241—264.

б) *Архивы дворцовыхъ приказовъ*: первый томъ описанія ихъ изданъ г. Викторовымъ, подъ заглавіемъ: «Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725», I, М. 1877, 8^о, стр. 376.

Свѣдѣнія о московскихъ и иныхъ архивахъ можно найти въ ст. П. Иванова «Государственные архивы въ Москвѣ», Москвитянинъ 1841 № 3, стр. 254—259, (подробнѣе)—въ особой

книгѣ П. Иванова: «путеводитель по г. Архивамъ, состоящимъ при Правит. Сенатѣ въ Москвѣ», М. 1845, VI—58 с. 8°; въ ст. «Архивы въ Россіи», помѣщен. въ Энциклопедическомъ Словарѣ 1862, т. V, с. 539—547; cf. ст. Н. В. Калачова: «Архивы» въ кн. «Труды перваго археологич. съѣзда», М. 1871, I, с. 207—218; наконецъ для исторіи московскихъ архивовъ важны и замѣчанія П. М. Строева въ книгѣ Барсукова: Жизнь и труды П. М. Строева» Спб. 1878, с. 338—340.

в) *Библиотеки вел. князей Василія IV Ивановича и Ивана IV Васильевича*, о нихъ ст. проф. Клоссиуса въ *Dorpatser Jahrbücher d. Literatur* 1834, т. III № 4 с. 289—304 и Журн. М. Нар. Пр. 1834, № 6, 397—419.

г) Старинныя описи царскихъ библиотекъ напечатаны въ сочиненіи И. Е. Забѣлина: «Домашній бытъ Русскихъ царей», стат. 7-ая, «Отечественныя Записки» 1854, № 12, с. 122—136.

д) *Библиотека Павла митр. сарскаго и подонскаго*, реестръ ея во Временникѣ въ Общ. Истор. и Др. V, 1850, стр. 65—73.

е) *Библиотека Патр. Филарета Никитича*, «Роспись» ея во Временникѣ Общ. Ист. и Др., кн. XII, 1852, см. стр. 1—9, и въ «Описаніи Государственного Архива старыхъ дѣлъ», сост. Ивановымъ, М. 1850, с. 287—295 и въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства за 1875 М. 4°, отд. матеріалы, стр. 24—29.

ж) *Библиотека патріарха Никона*; перечень книгъ ея помѣщенъ въ ст. «Переписная книга домовою казны Патр. Никона, составленная въ 7166 г. по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича», во Временникѣ Общ. ист. Древ. 1852, кн. 15, стр. 8—15.

з) *Библиотека іер. Евфимія*; опись ея въ «Лѣтописяхъ русской литературы», изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. V, с. 50—56. Здѣсь же, стр. 56—74, помѣщена и опись библиотеки *пр. Матвѣева*.

и) *Библиотека Дмитрія (Тупталенка) Ростовскаго*, опись ея въ Москвитянинѣ 1855, № 21—2, стр. 79—86.

5. Одною изъ замѣчательнѣйшихъ библиотекъ была библиотечка Сеньки (въ монаш. Сильвестра) Медвѣдева, который и со-

ставилъ подробную опись ея, первый русскій подробный библиографическій трудъ, подъ названіемъ: «*Оглавленіе книгъ*, кто ихъ сложилъ»; издано Ундольскимъ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. 1846, № 3, смѣсь, стр. I—XXX, 90 и отдѣльно. М. 1846 XXX+90. Цѣль составленія «оглавленія» была, вѣроятно, та, чтобы узнать «кто которую книгу сложилъ и написалъ». Цѣль—практическая: для ученыхъ занятій, для переводовъ Отцовъ Церкви и изданія ихъ необходимо было прежде знать, что было сочинено и переведено, что напечатано и что нѣтъ, чтобы не трудиться понапрасну надъ переводомъ и изданіемъ. Библиографія согласно съ характеромъ древне-русскаго образованія служила цѣлямъ религіозно-церковнымъ.

Та же цѣль «великой душевной пользы» руководила и гигантскимъ предпріятіемъ митроп. Макарія — собрать воедино «всѣ книги чтимыя, которыя въ русской землѣ обрѣтаются». Это такъ называемыя его Великія Чети — Минеи.

6. Библіотеки въ *древней Руси* служили дѣлу и ученію вѣры, — въ новой имъ предстояла иная миссія, миссія науки.

Съ реформою Петра на Руси возникаетъ идея науки въ высшемъ значеніи этого слова. Правда, эта идея имѣетъ практически-утилитарный характеръ, но она не затрудняетъ уже, какъ прежде, свободы изслѣдованія и критическаго изученія. Памятники старинной отечественной письменности отыскиваются, собираются и разбираются съ цѣлями историко-научными. Еще въ 1722 г. Петръ издалъ указъ, чтобы, изъ всѣхъ епархій и монастырей, гдѣ о чемъ по описямъ курьезные, т. е. древнихъ лѣтъ рукописные, на хартіяхъ и на бумагѣ, церковные и гражданскіе лѣтописцы, степенныя, хронографы и прочія сямъ подобныя, что гдѣ таковыхъ обрѣтается, взять въ Москву въ Синодъ и для извѣстія оныя описать и тѣ списки оставить въ бібліотекѣ ⁵⁾.

5) См. Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. 1847, № 2, Смѣсь, стр. 29.

Воспитанникъ Петровской школы В. Н. Татищевъ, отдавшій изученію отечественной географіи и исторіи — «неусып-

нымъ трудомъ» отовсюду собираетъ манускрипты: лѣтописные сборники, церковные степенные хронографы, царственныя книги, Четьи Минеи, прологи и т. д., сводить и сличаетъ ихъ извѣстія, наконецъ самъ открываетъ и толкуетъ «Русскую Правду и Судебникъ» ⁶⁾).

6) Н. Поповъ: В. Н. Татищевъ и его время, М. 1861, стр. 431 sq. особ. 450 sq.

7. Академія наукъ, задачей которой по мысли Петра было «науки производить и свершать» — съ самаго своего основанія обратила серіозное вниманіе на изученіе рукописныхъ историческихъ источниковъ. Хотя при Академіи и не существовало особаго класса «русской исторіи», тѣмъ не менѣе академики общаго «историческаго класса» усердно занялись изученіемъ отечественныхъ древностей между прочимъ — и произведеній старинной русской письменности. Такъ:

І. П. Коль, приглашенный въ Академію профессоромъ краснорѣчія и церковной исторіи въ одномъ изъ академическихъ засѣданій представилъ статью: «de manuscriptis bibliothecae mosquensis»; а по возвращеніи на родину, въ 1729 г. издалъ цѣлую книгу «Введенія въ исторію и литературу славянъ, преимущественно церковную или критическую исторію славянскихъ замѣчательнѣйшихъ переводовъ, именно Священнаго писанія и Ефрема Сирина ⁷⁾ и т. д. При разсмотрѣніи судебъ славянскаго перевода Св. Пис. Коль пользовался и нѣкоторыми рукописными источниками. Описаніе славянскаго перевода Ефрема Сирина (стр. 300—366) очень замѣчательное. Въ концѣ книги изданы, латинской транскрипціей славянскій переводъ двухъ гомилій Ефрема Сирина, неизвѣстныхъ ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ текстахъ. (Латинскій переводъ сихъ гомилій сдѣланъ самимъ авторомъ съ славянскаго). Такимъ образомъ уже тогда опредѣлилось вѣрное значеніе произведеній славяно-русской письменности для исторіи общей литературы и церкви, т. е. для возвращенія утраченныхъ памятниковъ ихъ.

Г. Ф. Миллеръ неутомимо, болѣе полустолѣтія трудившійся надъ отысканіемъ и собираніемъ всякаго рода историческихъ отечественныхъ матеріаловъ. Масса ихъ приведена имъ въ извѣстность въ его сборникахъ: нѣмецкомъ — «Sammlung Russischer Geschichte, Spb. 1732—64, 9 т. и русскомъ — Ежемѣсячныя сочиненія (къ пользѣ и увеселенію служащія), Спб. 1755—1764, 20 т. Миллеру принадлежатъ изданія: «Степенная книга» (митр. Кипріана и Макарія) М. 1775, 2 в.; «Исторія Россійская Татищева» М. 1768—74. 3 в. «Судебникъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича» и нѣкоторые сего государя и ближнихъ его пріемниковъ указы, собранные и примѣчаніями изъясненные В. Н. Татищевымъ, М. 1768⁸⁾). Не мало рукописныхъ матеріаловъ Миллеръ сообщалъ, какъ увидимъ, и другимъ лицамъ.

А. Л. Шлецеръ. Еще до пріѣзда въ Россію (1761 г.) Шлецеръ составилъ себѣ высокое понятіе о русскихъ лѣтописяхъ и въ Россіи усердно занялся изученіемъ ихъ, сличалъ различные списки, подводилъ варианты къ древнѣйшимъ, особенно съ той поры, какъ изданіе Кенигсбергскаго списка Таубертомъ было выполнено безъ соблюденія правилъ строгой филологической критики⁹⁾. Плодомъ занятій Шлецера памятниками древне-русской письменности были: «Правда Русская», данная въ XI в. отъ вел. князей, Ярослава Вл. и сына его Изяслава Яр., изданіе Августа Шлецера, Спб. 1767. «Русская лѣтопись по Никонову списку», ч. I, Спб. 1667 съ предисловіемъ Шлецера: «Probe russischer Annalen v. A. L. Schlözer. Br. u. G. 1768. Послѣдній трудъ—программа и первообразъ того, что впослѣдствіи въ широкихъ размѣрахъ выполнено Шлецеромъ въ его «Несторѣ». «Probe» излагаетъ сначала жизнь Нестора, его сочиненія (Лѣтопись и Патерикъ (?) и его продолжателей, далѣе, по общему историко-этнографическомъ введеніи, предлагается обзоръ источниковъ русской исторіи: степенныхъ книгъ, хронографовъ, родословныхъ и разрядныхъ книгъ, Четіихъ Миней, Прологовъ, Патериковъ, грамотъ и наконецъ списковъ лѣтописей. Послѣднія обозрѣваются кратко, но по правиламъ ученой палеографіи

того времени, именно въ отношеніи матеріала письма, формата, способа написанія, языка; далѣе разсматриваются вопросы о вариантахъ, ошибкахъ переписчиковъ, о существенныхъ отличіяхъ въ текстѣ различныхъ списковъ и т. д. сжато, но съ замѣчательнымъ по времени знаніемъ дѣла.

Кромѣ Кенигсбергскаго списка и Никонова сборника (т. 8) Академія напечатала еще нѣсколько лѣтописныхъ списковъ ¹⁰⁾. Въ 1778 указомъ импер. Екатерины «для пользы общества и къ споспѣшествованію Россійской исторіи повелѣно было приступить къ напечатанію рукописныхъ книгъ, «касающихся до Россійской Исторіи достойныхъ примѣчаній лѣтописцевъ». Вслѣдствіе этого въ 1768—90 г. и Свят. Синодомъ было (подъ смотрѣніемъ митр. Платона) напечатано также нѣсколько лѣтописныхъ списковъ.

7) I. P. Kohlii *Introductio in historiam et rem literariam Slavorum imprimis sacram sive historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta. Accedunt duo sermones Ephremi Syri nondum editi de sacra coena.* Alton. 1729, 16° стр. 418. О дѣятельности Коля см. Пекарскаго «Исторія Импер. Академіи Наукъ», I, Спб. 1870, стр. 77—81.

8) О трудахъ Миллера см.: ст. Соловьева: «Г. Ф. Миллеръ» въ Современникѣ 1854, № 10, стр. 115—150; Пекарскаго: Исторія Акад. Наукъ, I, стр. 308—430; его же: Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г., Спб. 1867. Полный перечень статей помѣщ. въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» см. у Неустроева: Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г. Спб. 1875, стр. 46—67; обозрѣніе историко-литерат. матеріала «Ежем. Сочин.» въ ст. В. Милютина «Очерки русской журналистики», Современникъ 1851, № 1, 2 и 3.

Объ археографическихъ заслугахъ Миллера прекрасно говоритъ Строевъ въ своей рѣчи «О средствахъ къ открытію памятниковъ» и т. д. см. Барсукова: «Жизнь и труды П. М. Строева». Спб. 1878, стр. 69.

9) Кенигсбергскій списокъ изданъ въ I т. изданія: «Библиотека Россійская историческая, содержащая древніе лѣтописи» и т. д. Спб. 1767, 4^о, с. 33—XII—301—50. Объ этомъ изданіи см. въ ученой автобіографіи Шлецера «Общественная и частная жизнь А. Л. Шлецера» въ Сборникѣ II Отдѣл. Академіи Наукъ, т. XIII, 1875, с. 45 и сл., а также въ его Несторѣ. *Russische Annalen*, 1. р. 95—6. О Шлецерѣ писано у насъ не мало, но всѣ писавшіе разсматривали болѣе его общее вліяніе на русскую исторіографію, чѣмъ его археографическую дѣятельность.

10) Библиографическое обозрѣніе ихъ въ ст. Д. В. Полѣнова: «Библиографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1849, № 10 и 11; а также Schlözer's: Несторъ. *Russische Annalen*. I, 1802, стр. 104—5 и въ ст. А. Θ. Бычкова въ кн. Отчеты о занятіяхъ археогр. Ком. Спб. 1860, с. 61—66, и ст. «О лѣтописяхъ, издан. отъ Св. Синода». Записки Ак. Наукъ, т. IV, 1864, с. 174—202; Полѣновъ ib. Schlözer's Несторъ ib. р. 105—6, и ст. Бычкова: loco cit.

8. Н. И. Новиковъ, помимо обширной литературной дѣятельности, какъ журналистъ, сатирикъ и публицистъ — извѣстенъ и какъ издатель многихъ памятниковъ древней русской письменности. Слѣды изученія ихъ видны уже въ его «Опытѣ историческаго Словаря о россійскихъ писателяхъ», Спб. 1772. Здѣсь онъ неоднократно касается писателей до-петровскаго времени и указываетъ на ркп. матеріалы Императорской бібліотеки, но съ 1773 онъ выступаетъ съ періодическими изданіями и сборниками, почти всецѣло посвященными обнародованію памятниковъ до-петровской письменности, таковы: а) «Древняя Россійская Вивліоэика, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій» и т. д. Спб. 1773—5, 10 т.; второе изданіе, въ 20 частяхъ — болѣе чѣмъ вдвое увеличенное и упорядоченное въ хронол. систему, вышло въ 1788—91 г.; б) «Повѣствователь древностей Россійскихъ или собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ Исторіи и Географіи Россійской», 1776, ч. I, 1 №; в) Санктпетербургскія ученыя Вѣдомости на 1777 г. т. 1. 1).

До изданій румянцевской и археографической комиссій «Вивлю-еика» Новикова была единственнымъ въ своемъ родѣ сборникомъ. Она необходима каждому изслѣдователю русской древности и нынѣ, потому что матеріаль ея далеко не исчерпанъ другими изданіями. Нельзя забыть также и другого изданія Новикова, именно «Древняя російская гидрографія» Спб. 1773 — это вторая редакція знаменитой «Книги большому Чертежу», составленная въ 1680 г. Предпріятіе Новикова нашло продолжателей въ членахъ Академіи Наукъ, которые при пособіи Штриттера — съ 1786 по 1801 издавали «Продолженіе древней Россійской Вивлюеики», 11 частей, гдѣ за исключеніемъ трехъ списковъ «Русской Правды» — «Судебника» и «Новгородскаго лѣтописца» — все занято грамотами и актами юридическими и историческими ¹²⁾.

11) Точное библиограф. описаніе и оглавленіе этихъ изданій см. въ кн. Неустроева: «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.» Спб. 1875. Стр. 181—201, 494—521, 222—230.

12) См. описаніе и оглавленіе у Неустроева: Историческое розысканіе, стр. 397—402.

9. Принявъ во вниманіе пробудившійся интересъ къ изученію русской письменной (рукописной) древности ¹³⁾ и указанныя предварительныя работы въ этомъ отношеніи, можно объяснить себѣ появленіе такихъ трудовъ, какъ Исторія кн. Щербатова и критическія сочиненія Болтина ¹⁴⁾. Были даже попытки свести въ одно плоды этого изученія. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ Т. Бакмейстеру и Баузе. Въ своемъ «Опытѣ о библиотекѣ» ¹⁵⁾ Бакмейстеръ предварительно обзрѣваетъ судьбу русскаго книжнаго просвѣщенія и дѣлаетъ при этомъ такія замѣчанія, которыя не только обнаруживаютъ близкое знакомство съ рукописной русской письменностью, но и могли бы быть повторены въ настоящее время. Таково напр. о существованіи лѣтописцевъ до Нестора (24 с.)... Баузе въ своей рѣчи о состояніи просвѣщенія въ Россіи до XVIII в. ¹⁶⁾ раздѣляетъ исторію

просвѣщенія въ Россіи до XVIII в. на три періода. Въ *первомъ* (до Ярослава) знаменательны, между прочимъ, заведеніе Владиміромъ школъ и переводы церковныхъ книгъ съ греческаго на славянскій; во *второмъ* (до Іоанна III)—заботы Ярослава о наукахъ, заведеніе имъ въ Новгородѣ школы для 300 дѣтей вышшаго и духовнаго сословія по Русской Правдѣ, основаніе Анною, дочерью Всеволода I, училища въ Кіевѣ для дѣвицъ, гражданское законодательство Владимира Мономаха, лѣтопись Нестора въ эпоху, когда прочія страны Европы не имѣли своихъ историковъ; *третій* періодъ обнимаетъ время до Петра... Баузе извѣстенъ еще и тѣмъ, что собралъ замѣчательную бібліотеку русскихъ рукописей, въ которой были въ своемъ родѣ единственныя. Она погибла въ 1812 г. ¹⁷⁾.

13) Даже и спеціалисты-естествоиспытатели не оставались, какъ нынѣ—чужды этому интересу, такъ напр. Лепехинъ не только обращаетъ вниманіе и пользуется старыми рукописями въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ о путешествіи», но и цѣликомъ издаетъ нѣкоторыя изъ нихъ, напр. «Законы данные великимъ Ярославомъ», т. е. Уставъ Ярослава по списку, найденному близъ Архангельска. См. Дневныя Записки, ч. III, стр. 351, 346, 366.

14) Щербатовъ, кн., Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. VII т. въ 15 частяхъ, 1770—91; Болтинъ: Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклерка, Спб. 1788, 2 т.; его же: Критическія примѣчанія на I т. Исторіи кн. Щербатова 1793—94, 2 в. Спб. и др. полезныя сочиненія тѣхъ же лицъ.

15) I. Bacmeister: Essai sur la Bibliotheque de l'Academie des sciences, Spb. 1776, переводъ на рус. яз. Костыгова «Опытъ о бібліотекѣ». 1779.

16) Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita... Mosq. 1796. 4° 45 стр.; русскій переводъ или вѣрнѣе изложеніе съ нѣмецкаго въ «Вѣстникѣ Европы» 1806, ч. 25, № 1, стр. 3—20; № 2, стр. 81—96.

17) О знаменитой бібліотекѣ Баузе можно составить нѣкоторое понятіе по книгѣ Калайдовича: «Извѣстіе о древ-

ностяхъ Славяно-Русскихъ и объ И. Ѳ. Ѳерапонтовѣ» М. 1811; перечневой каталогъ, сост. В. Н. Каразинымъ, напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ис. и Др. 1862, № 2, смѣсь, с. 45—79. Въ (бывшей) Чертковской библіотекѣ хранится болѣе исправный подлинникъ этого каталога.

Нельзя позабыть также и библіотеки П. Г. Демидова, которая заключала въ себѣ не мало рѣдкихъ русскихъ рукописей, см. Чтенія въ Об. Ис. и Др. 1846, № 2. Смѣсь стр. 1—35.

10. Тогда же началъ собирать свою библіотеку древнихъ русскихъ рукописей графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Изъ рукописей имъ приобрѣтенныхъ онъ издалъ «Русскую Правду» 1799 и (вмѣстѣ съ Болтинымъ) «Духовную В. кн. Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ», 1795. Въ 1795 г. Мусинъ-Пушкинъ открылъ въ одномъ сборникѣ и знаменитое «Слово о Полку Игоревѣ»¹⁸⁾.

Деятнадцатый вѣкъ для древней русской письменности счастливо открывается изданіемъ¹⁹⁾ сего въ своемъ родѣ единственнаго произведенія древне-русской поэзіи.

Въ то же время А. Л. Шлецеръ издаетъ своего «Нестора»²⁰⁾ съ обширнымъ историко-критическимъ введеніемъ, представляющимъ какъ бы сводъ и пересмотръ всего, что дотолѣ сдѣлано было по разбору и обнародованію старинныхъ русскихъ историческихъ памятниковъ.

18) См. Калайдовича: «Записки для біографіи гр. А. И. Мусина-Пушкина», въ Вѣстникѣ Европы, 1813, № 21, с. 76—89, и подробнѣе въ «Запискахъ о Трудахъ Общ. Ист. и Др.» ч. II, М. 1824, с. 1—48.

19) Историческая пѣснь о походѣ на Половцевъ кн. Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII в. М. 1800.

20) Schlözer: Несторъ. Russische Annalen in ihrer slavonischen Ursprache verglichen übersetzt und erklärt, Gött. 1812—9. 5 ч.; русскій переводъ Д. Языкова. Спб. 1809—1819, 3 кн.

II. Съ 1804 г. начинаются обширные труды Карамзина. Предъ нимъ открылись дотолѣ нетронутыя богатства библіотеки и архивовъ. Ему приходилось совмѣщать тяжелую работу антиквара, отыскателя-коллектора и изслѣдователя. Несмотря на это — онъ умѣлъ обогатить науку древне-русской словесности такимъ огромнымъ запасомъ новыхъ данныхъ, впервые имъ найденныхъ памятниковъ, новыхъ соображеній, изслѣдованій и замѣчаній, что, можно сказать, составилъ въ этомъ отношеніи эпоху. «Изъ примѣчаній» къ Исторіи Государства Россійскаго можно — по словамъ г. Срезневскаго — выдѣлить большую книгу записокъ о древнихъ памятникахъ русской письменности; а ея одной было бы достаточно для ученой дѣятельности и славы другого писателя не только того, но и нашего времени... ²¹⁾ «Громадна — говоритъ другой почтенный ученый — масса памятниковъ, которые онъ въ первый разъ нашелъ, или которыми онъ впервые воспользовался. Сюда принадлежатъ: Хлѣбниковскій списокъ, Лаврентьевскій, Троицкій, Ростовскій, нѣкоторые изъ Новгородскихъ лѣтописей и едва ли не обѣ Псковскія, потомъ — Даниилъ Паломникъ, Иларіонова похвала Владимиру, множество житій святыхъ, множество грамотъ, сказаній..., и все это онъ изучилъ, провѣрилъ, изъ всего выписалъ самое любопытное и нигдѣ не спутался... Каждый памятникъ онъ подвергаетъ критикѣ и критикѣ всегда удачной. Такъ превосходно разобрано житіе Константина Муромскаго, Дѣяніе собора на Мартина Армянина. Въ лѣтописяхъ онъ также нерѣдко указываетъ на ихъ составныя части: такъ въ «Повѣсти Временныхъ лѣтъ» онъ очень основательно подмѣтилъ одно чисто Новгородское сказаніе; помощью приписки на Остромировомъ Евангеліи возстановилъ одинъ годъ въ лѣтописи; указываетъ въ Кіевской лѣтописи одно извѣстіе, записанное, вѣроятно, въ Черниговѣ и т. д. Не довольствуясь нашими библіотеками и архивами, ищетъ возможности получить нужные для себя документы и изъ архивовъ заграничныхъ... ²²⁾. Вообще — «если обо многомъ въ «Примѣчаніяхъ» Карамзина на-

добно справляться и теперь, то можно себя представить, какое значеніе было за нимъ въ началѣ вѣка»...

21) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1867, т. СХХХІІІ. № 1, стр. 86.

22) Слова К. Н. Бестужева-Рюмина въ его статьѣ: «Карамзинъ какъ историкъ» Жур. Мин. Нар. Пр. 1867, т. СХХХІІІ, № 1, стр. 17—19. Заслуги Карамзина въ отношеніи указанія и объясненія памятниковъ исторіи русскаго права см. въ ст. Н. В. Калачова, помѣщ. въ книгѣ: «Рѣчи, произнесенныя въ собраніи Московскаго Университета въ день Карамзинскаго юбилея» М. 1867, стр. 34—9 и въ Чтеніяхъ въ Общ. любителей Россійской Словесности, I, М. 1867, стр. 2, слѣд.

12. Знакомство съ памятниками древней русской письменности было уже таково, что въ 1806 становится возможенъ классическій палеографическій трудъ А. Н. Оленина, т. е. его «Письмо о камнѣ Тмутараканскомъ». Спб. 1^о, 1806, гдѣ главнымъ образомъ важно и рѣшеніе частнаго вопроса, и установка образца и общихъ пріемовъ этого рода изслѣдованій, и разъясненіе важности ихъ для науки древней письменности.

13. Старыя рукописи собираются или въ общественныя книгохранилища или въ библіотеки частныхъ лицъ — гдѣ онѣ становятся болѣе или менѣе доступны изслѣдователямъ, каковы: библіотека Академіи Наукъ, Императорская Публичная библіотека, библіотеки: гр. Ѳ. А. Толстова, гр. Н. П. Румянцева, Московскаго Общества Исторіи и Древностей... ²³⁾.

23) Библіотека Академіи Наукъ—до сихъ поръ не имѣетъ своей исторіи; краткая исторія Импер. публичной библіотеки изложена въ книгѣ «Путеводитель по Императорской публичной библіотекѣ». Спб. 1852, с. 2—53; о библіотекѣ гр. Ѳ. А. Толстова (поступившей въ Публичную), см. ст. К. Калайдовича: «Библіографическія поправки», Вѣстникъ Европы 1820, № 11, стр. 195—204. Упомянемъ здѣсь о любопытной книгѣ Radziszewskiego: «Wiadomosć hist. stat. o

znakomitszych bibliotekach i Archiwach... w krajach dawną Polską składających... Kr. 1875. Свѣдѣнія краткія, но иногда очень интересныя для исторіи библіотекъ юго-западной и западной Руси.

14. Время первой четверти текущаго столѣтія — по отношенію къ занятіямъ русской стариной — справедливо можетъ быть названо эпохой графа Н. П. Румянцева; вокругъ его сосредоточились и къ нему примкнули всѣ тогдашніе ученые, хотя нѣкоторые и начали свои занятія нѣсколько ранѣе.

Гр. Румянцевъ — по словамъ одного свидѣтеля ²⁴⁾ — былъ истинный, искренній любитель и знатокъ русской исторіи и вообще русской старины; въ знаніи частныхъ онъ не уступалъ никакому ученому специалисту. Пристрастился онъ къ русской исторіи, кажется, въ десятихъ годахъ; по крайней мѣрѣ первымъ свидѣтельствомъ его любви былъ докладъ (1811 г.) на Высочайшее имя объ учрежденіи особой комиссіи ²⁵⁾ для изданія государственныхъ Грамотъ и Договоровъ при Московскомъ архивѣ (Иностранныхъ Дѣлъ). Первый томъ Грамотъ вышелъ въ 1813 г. Все древнее, старинное возбуждало любопытство гр. Румянцева; онъ читалъ постоянно все относящееся къ русской исторіи, отыскивалъ вездѣ ея любителей, привлекалъ къ занятіямъ, искалъ случаевъ начинать историческія работы, задавалъ вопросы, указывалъ источники, снабжалъ книгами, поручалъ изслѣдованія, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для содѣйствія всякому предпріятію. Всякое открытіе принималось имъ къ сердцу; онъ повѣщалъ прочихъ своихъ сотрудниковъ, славилъ въ обществѣ и, возбуждая соревнованіе, помогалъ деньгами, ходатайствовалъ, покупалъ, печаталъ, издавалъ, и — около него составилось цѣлое общество ревностныхъ, трудолюбивыхъ талантливыхъ дѣятелей, имъ найденныхъ, взысканныхъ, ободренныхъ, воспитанныхъ, которые старались наперерывъ другъ передъ другомъ угождать своему покровителю исполненіемъ его порученій, и сами вызывались на новые труды. Во всѣхъ архивахъ снимались копіи, во всѣхъ библіотекахъ дѣлались извлеченія, во

всѣхъ древнихъ городахъ производились поиски по порученію гр. Румянцева. Изданія слѣдовали одно за другимъ. Важнѣйшія изъ нихъ по отношенію къ древней русской письменности слѣдующія: ²⁶).

1) Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ 1813—28, 4 ч. М. f^o съ 4 таб. снимковъ.

2) Древнія Россійскія стихотворенія, собран. Киршею Даниловымъ, изд. К. Калайдовичъ, М. 1818, 4° (второе изд., безъ перемѣнъ, М. 1878, 8°).

3) Законы вел. кн. Іоанна Васильевича и Судебникъ царя и вел. кн. Іоанна Васильевича, изд. К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ. М. 1819, 4°, съ 1 л. снимк. (второе изд. безъ перемѣнъ, М. 1877. 8°).

4) Софійскій временникъ, или русская лѣтопись съ 862 по 1534, издалъ П. Строевъ, 2 ч. М. 1820—1, 4° съ 3 снимк.

5) Памятники Россійской Словесности XII в., изд. К. Калайдовичемъ. М. 1821, 4°, съ листомъ снимковъ.

6) Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ. М. 1824, 4°.

7) Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. Изслѣдованіе, объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX, X стол., напис. Калайдовичемъ, М. 1824, 2° съ 7 таб. снимковъ.

8) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина (соч. архіеп. Евгенія). Спб. 1818, 2 ч. Второе изд. Спб. 1827, 2 ч.

24) М. П. Погодина, въ ст. его: «Судьбы археологіи въ Россіи», въ «Трудахъ Перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ» М. 1871, ч. I, стр. 7, см. также статью: Старчевскаго: «О заслугахъ Румянцева, оказанныхъ отечественной исторіи», Жур. Мин. Нар. Пр. 1846, № 1, с. 1—50; Е. В. Барсова: «Государственный канцлеръ, графъ Н. П. Румянцевъ» въ жур. «Древняя и новая Россія» 1877, № 5, с. 5—22; А. В. Терещенки — въ книгѣ: «Опытъ обзрѣнія жизни сановниковъ въ Россіи», Спб. 1837, II, с. 246—267. Нѣкоторыя стороны ученой дѣятельности гр. Румянцева обстоятельно изложены А. А. Кунikomъ въ предисловіи къ изданію Круговыхъ «For-

schungen in der älteren Geschichte Russlands» Spb. 1848. I, стр. CLXI—CCX, ст. Krug's Verhältniss zum Kanz. Rumänzow», а также и въ книгѣ г. Барсукова: «Жизнь и труды П. М. Строева, Спб. 1878, с. 17—56. Брошюра Ивановскаго: «Государственный канцлеръ гр. Н. П. Румянцевъ. Спб. 1871—плохая компиляція...

25) Краткія, сухія казенныя—«Историческія свѣдѣнія» (И. О. Аммона) о дѣятельности сей «Комиссіи» до 1856 г. находятся въ *потышной* книгѣ: «Очеркъ дѣятельности комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, состоящей при Москов. главномъ Archivѣ Минис. Иностр. Дѣлъ». М. 1877; стр. 1—43.

26) Подробное оглавленіе этихъ изданій см. въ «Указателѣ изданіямъ, принадлежащимъ комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ Archivѣ Иностранныхъ Дѣлъ... М. 1856, с. 1—8.

15. Въ 1804 г. по волѣ Императора Александра — составилось въ Москвѣ «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ». Въ теченіе 7 лѣтъ оно имѣло нѣсколько засѣданій, прилагало стараніе объ отысканіи древнихъ лѣтописей и хронографовъ, хранящихся въ разныхъ мѣстахъ государства, и напечатало нѣсколько листовъ Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку. Не имѣя же устава, которымъ бы оно могло всегда руководствоваться, не могло имѣть ни порядочнымъ образомъ установленныхъ засѣданій, ни съ точностью опредѣленныхъ упражненій ²⁷⁾.

Такой уставъ былъ данъ въ 1811 г. и съ той поры начинается настоящая «дѣятельность» Общества. Оно издало:

1) Записки и Труды (а съ 4 т. Труды и Лѣтописи) 1815—38 г., — 10 част.

2) Русскія Достопамятности, т. I. М. 1815.

3) Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку мниха Лаврентія, изданіе профессора Р. Тимковскаго. М. 1824. Тимковскому принадлежитъ кромѣ того заслуга изданія нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ старинной русской письменности (въ «Русскихъ Достопамятностяхъ»), изданій замѣчательныхъ и по критическимъ приѣмамъ обработки текстовъ и по объясненіямъ ²⁸⁾.

4) Обзорѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. бар. Розенкампа. М. 1829, 8^о, со многими выдержками изъ рукописей ²⁹).

Въ 1811 г. основалось Общество любителей Россійской Словесности и весьма бодро продолжало свою дѣятельность до 1818. Оно издало 20 томовъ «Трудовъ» и 10 т. «Сочиненій въ прозѣ и стихахъ», какъ продолженіе Трудовъ. Разработка древней русской письменности входила въ занятіе Общества гораздо менѣе, чѣмъ разработка теоріи Словесности, новой русской литературы и въ особенности русской грамматики и словаря. Есть, впрочемъ, какъ въ «Трудахъ», такъ и въ «Сочиненіяхъ» Общ. Люб. Рос. Словесности многое, прямо касающееся древней русской письменности, таково знаменитое разсужденіе Востокова о славянскомъ языкѣ, разсужденія Калайдовича, Каченовскаго и др. Большая часть «дѣйствительныхъ» членовъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, а равно и Общ. любителей Рос. Словесности принадлежали —

27) Записки и Труды Общества Исторіи и Древностей, т. I. М. 1815, стр. XXXVII.

28) см. ст. К. Калайдовича: «О трудахъ проф. Тимковскаго по части русской исторіи» въ Вѣстникѣ Европы, 1820 № 6, стр. 128—132.

29) Живой разсказъ очевидца-участника (П. М. Строева) о дѣятельности Общества Исторіи и Древностей до 1845, см. въ книгѣ Барсукова: «Жизнь и труды П. М. Строева», Спб. 1878, с. 418—430.

16. времени гр. Румянцева и были его спутниками и со-трудниками, таковы:

а) Евгеній Болховитиновъ, впослѣдствіи митр. кіевскій, по счастливому выраженію Погодина — «русскій неутомимый бенедиктинецъ: гдѣ судьба его ни водворяла, онъ тотчасъ начиналъ свои разысканія, собранія, описанія». Труды митр. Евгенія по наукѣ русской письменности начались въ 1805—6 г. сочиненіемъ «Новаго опыта историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ»; отдѣлъ его до буквы К напечатанъ въ журналѣ «Другъ

Просвѣщенія» 1805—6 г. Впослѣдствіи Евгений отдѣлилъ писателей духовныхъ отъ свѣтскихъ и издалъ при пособіи гр. Румянцева словарь первыхъ уже въ полномъ видѣ, въ 1818 г. въ 2 ч.

Сравнительно съ «Опытомъ» Новикова древняя русская письменность занимаетъ здѣсь уже гораздо болѣе мѣста, о ней предлагаются многія новыя свѣдѣнія «бывшія послѣднимъ словомъ науки того времени». Въ новомъ, исправнѣйшемъ изданіи «Словарь писателей духовнаго чина» появился въ Спб. въ 1827 г.³⁰⁾ Съ 1812 г. въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (Вѣстникъ Европы, въ Запискахъ, Трудахъ и лѣтописяхъ Общ. Исторіи и Древностей, Сынѣ Отечества) и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ (Исторія Россійской Іерархіи, арх. Амвросія (?) т. 7, 1807—15, Исторія княжества Псковскаго, К. 1831, 4 к.; Описаніе Кіево-Софійскаго собора, К. 1825; Описаніе Кіево-Софійской лавры 1825. К. и т. д.) митр. Евгений напечаталъ множество новыхъ памятниковъ старинной русской письменности, разысканій, изслѣдованій и замѣчаній о нихъ³¹⁾. По мыслямъ и подъ руководствомъ Евгенія — воспитанниками вологодской семинаріи было передано по-русски сочиненіе Селлія «каталогъ писателей сочиненіями своими объясняющихъ гражданскую и церковную російскую исторію», М. 1815³²⁾. Сочиненіе и тогда уже опоздалое.

30) «Словарь» митр. Евгенія въ первомъ изданіи былъ встрѣченъ признательною критикою юнзвѣстнаго Добровскаго въ «Jahrbücher der Literatur 1824, т. XXVII, с. 25—54 и Ф. Штралемъ былъ переданъ (и съ добавленіями и въ иномъ, хронологическомъ, порядкѣ) по-нѣмецки подъ заглавіемъ «Das gelehrte Russland, L. 1828, с. XX—514, 8/0. Рецензіи книги Штраля и послѣдняго изданія, 1827, нап. Коппитаромъ, см. въ Jahrbücher der Literatur, 1829 Bd. XLV, с. 129—141. О Словарѣ Евгенія см. Сборникъ статей II Отд. Ак. Н., т. V, 1868, с. 8 sq. и ст. А. Θ. Бычкова, *ibid.* стр. 217 sq.

31) О жизни и трудахъ м. Евгенія — существуетъ уже литература. Упомянемъ важнѣйшее: «Чтенія (Срезневскаго, Грота, Бычкова) въ память митр. Кіевскаго Евгенія съ приложеніями» въ Сборникѣ статей, читан. въ II Отд. Акад.

Наукъ, т. V, вып. I, 1868, стр. 292—336; Пономаревъ: «Матерьялы для біографіи митр. Евгенія», въ трудахъ Кіевск. Дух. Акад. 1867, № 8, стр. 195—253, отличная бібліографія сочиненій Евгенія; Переписка митр. Евгенія съ гр. Н. П. Румянцевымъ, съ 1813—1825. Воронежъ 1868—71, 3 вып. 4/°; (Ивановскаго) Евгеньевскій Сборникъ, вып. I. Спб. 1871. 4/°.

32) Подлинника заглавіе: *Schediasma literarium de scriptoribus, qui Historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt*. Rev. 1736, 8/°. Для исторіи русскаго изданія Селіева каталога см. Безсонова: К. Θ. Калайдовичъ, М. 1862, с. 104—7.

17. б) А. Х. Востоковъ своимъ извѣстнымъ «Разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ» положилъ прочныя основы палеографической и филологической критикѣ памятниковъ письменности и исторіи церковнаго языка. Онъ представилъ описаніе нѣкоторыхъ старославянскихъ рукописей и по приглашенію Румянцева занялся описаніемъ его богатой рукописной бібліотеки. Оно, какъ увидимъ, вышло позднѣе. Богатство знаній и основательнѣйшее знакомство съ произведеніями древней письменности обнаруживается въ его обширной «перепискѣ». ³³⁾

33) См. ст. Срезневскаго: «Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова», между прочимъ и неизданныхъ. Спб. 1865, 4/° (а также впереди книги: «Филологическія Наблюденія» А. Х. Востокова. Спб. 1865; за симъ «Переписка» А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. Спб. 1873, XL—504 (а также какъ V т., 2 от., Сборника II отд. Акад. Наукъ).

18. в) К. Θ. Калайдовичъ, (по свидѣтельству Погодина, близко его знаваго—былъ любителемъ, знатокомъ искателемъ частностей: рукопись, книга, камень, крестъ, образъ, монета — одинаково привлекали къ себѣ его вниманіе и подавали поводъ къ самымъ тщательнымъ и подробнымъ изслѣдованіямъ. Онъ живмя жилъ въ бібліотекахъ, рылся въ рукописяхъ съ утра до вечера..., справлялся, записывалъ, изслѣдовалъ, читалъ, работалъ безъ усталы, въ непрерывномъ движеніи, и открытія слѣ-

довали у него одно за другимъ: Слова Кирилла Туровскаго, Святославовъ Сборникъ 1073 г. съ драгоценнымъ изображеніемъ его семейства, характерная рукопись Іоанна Ексарха, которая на первыхъ радостяхъ показалась принадлежащею къ X в... О всѣхъ открытіяхъ онъ сообщалъ съ торжествомъ своему государственному Канцлеру, представляя подробныя донесенія... Такимъ образомъ имъ вмѣстѣ съ Строевымъ были изданы два тома «Государственныхъ» грамотъ, «законы в. кн. Іоанна Васильевича», вновь найденные, «Древнія Россійскія стихотворенія», «Памятники Россійской словесности XII в.»..., наконецъ — изслѣдованіе объ Іоаннѣ Ексархѣ Болгарскомъ», сочиненіе, въ которомъ оглашено множество важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ свѣдѣній о древней письменности и какъ бы открывался цѣлый новый міръ» ³⁴).

Вмѣстѣ съ Строевымъ Калайдовичъ издалъ «Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей, принадлежащихъ библіотекѣ гр. Ѳ. А. Толстова, М. 1825, 8, LXVIII+811 и 6 стр. и атл. 5 гравированныхъ снимковъ ³⁵) и приготовилъ начало такого же описанія рукописей Синодальной библіотеки ³⁶). Перечневья, инвентарныя описанія рукописныхъ матеріаловъ нашихъ библіотекъ были приготовляемы и до этого ³⁷), но трудъ Калайдовича и Строева былъ самымъ важнымъ въ то время и самымъ *обстоятельнымъ*, потому что дѣйствительно давалъ понятіе о составѣ рукописей. Достоинство его возвышалось и отъ того, что самому описанію предшествовало обширное «предисловіе», въ которомъ сдѣлана попытка систематически распредѣлить и обозрѣть весь матеріалъ славяно-русской письменности, заключающійся въ собраніи гр. Толстова. Кромѣ этихъ обширныхъ трудовъ Калайдовичу принадлежатъ много частныхъ важныхъ изслѣдованій, замѣчаній и разысканій: они въ обиліи наполняютъ страницы «Вѣстника Европы», «Записокъ и Трудовъ Общества Исторіи и Древностей», «Трудовъ Общества любителей Россійской Словесности», «Сѣвернаго Архива» и др. ³⁸).

34) Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. М. 1871, ч. I, стр. 11. О жизни Калайдовича см. соч. Безсонова: Кон. Ѳ. Калайдовичъ, библиографическій очеркъ, т. I. М. 1861 (и въ журн. Русская Бесѣда 1860, кн. 2); томъ второй этого труда, заключающій въ себѣ любопытные и важные матеріалы переписки, помѣщенъ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1862, кн. III, и отдѣльно М. 1862, 8/о, 208 стр.

35) Важѣйшія рецензіи этого труда принадлежатъ: Кеппену въ «Библиографическихъ листахъ», 1825, № 19, стр. 261—276 и Даниловичу въ Dziennik Warszawski, 1825, № 7, стр. 367—391; 1826 № 18, стр. 136—151 и *тамъ же*, 1826, № 19, стр. 211—241 Dodatek Лелевеля.

36) Въ неоконченномъ и невыпущенномъ въ свѣтъ изданіи кн. М. А. Оболенскаго «Архивъ разнородныхъ и преимущ. историческихъ свѣдѣній» ч. I, связ. VII, с. 1—62. Ср. также «Отчетъ о первомъ присужденіи Ломоносовской премии». Спб. 1868, с. 30—1.

37) Кромѣ перечневыхъ описей библіотекъ, составл. въ XVII—XVIII в., слѣдуетъ упомянуть о трудахъ по описанію рукописей академическихъ П. И. Соколова. Знаменитый «Опытъ Россійской библиографіи» В. Сопикова (1813—1821 5 кн.) можетъ быть названъ здѣсь на столько, на сколько первый его томъ касается старопечатныхъ книгъ и исторіи книгопечатанія въ Россіи (сост. К. Калайдовичемъ). Подробный перечень всѣхъ сихъ библиографическихъ трудовъ въ книгѣ Ундольскаго «Библиографическія Разысканія», М. 1846, с. 1—18. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что по порученію гр. Румянцева В. Ханыковъ составилъ статью: «о рукописяхъ, относящихся до русской исторіи, хранящихся въ Дрезденской Королевской библіотекѣ», Труды Россійской Академіи. Спб. 1840, ч. III, с. 207—227. Кромѣ перечня здѣсь есть любопытныя выписки и два снимка.

38) Почти полное, обстоятельное перечисленіе сихъ статей у Безсонова: «К. Ѳ. Калайдовичъ» М. 1862, с. 11—90.

19. г) П. М. Строевъ³⁹⁾. Еще будучи студентомъ, на университетской скамьѣ — Строевъ обратилъ на себя вниманіе гр. Румянцева двумя историческими статьями, помѣщенными въ Сынъ Отечества,⁴⁰⁾ и Румянцевъ далъ ему мѣсто въ комиссіи

печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Въ слѣдующемъ 1817 г. гр. Румянцевъ поручилъ ему (и Калайдовичу) осмотрѣть и описать рукописи монастырскихъ библиотекъ; такъ были имъ описаны рукописи Волоколамскаго Іосифа монастыря, монастыря Воскресенскаго-Новаго Іерусалима, Звенигородскаго Саввина монастыря, Пафнутія Боровскаго... ⁴¹⁾. При пособіи «Общества Исторіи» Строевъ въ 1823 осмотрѣлъ библиотечку Новгородскаго Софійскаго Собора и составилъ записку о ней. Плодомъ этихъ первыхъ археографическихъ путешествій Строева и Калайдовича были — открытіе Святославова Сборника 1073 г., законовъ в. кн. Іоанна Васильевича, сочиненій туровскаго епископа Кирилла, труда царевича Іоанна Іоанновича, постановленій московскихъ соборовъ 1503, 1547, 1554 и множество разныхъ актовъ. Кромѣ 2-го и 3-го т. «Собранія Государственныхъ Грамотъ» Строевъ — вмѣстѣ съ Калайдовичемъ, какъ выше упомянуто, издалъ «Судебники Іоанна III и IV» и «Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей гр. Толстова». Два прибавленія къ этому «описанію» изданы уже однимъ Строевымъ ⁴²⁾. Самое важное изъ *румянцевскихъ* изданій Строева — «Софійскій временникъ», М. 1820—2, 2 ч. 4^о съ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ впервые — по слѣдамъ Каченовскаго — проводится свѣтлая мысль о *сборномъ* характерѣ русскихъ лѣтописей. Строевъ былъ дѣятельнымъ членомъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей; въ «Трудахъ» этого Общества впервые появились его статьи «о византійскомъ источникѣ Нестора (т. е. о лѣтописи Георгія Амартола)», объ изданіи извлеченій изъ «Хронографовъ», и о снаряженіи экспедиціи путешествія по Россіи для отысканія древнихъ рукописей и другихъ памятниковъ ⁴³⁾. Мысль — которая осуществилась только 5—6 лѣтъ спустя и принесла такіе обильные плоды. Къ *румянцевскому* періоду дѣятельности Строева слѣдуетъ также отнести и «Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ, хранящихся въ библиотекѣ гр. Ѳ. А. Толстова.

XXIV—592, 8^о М. 1829 съ 24 гравир. изображеніями шрифтовъ».

39) Записки Академіи Наукъ, т. VI, 1864, с. 112—123 ст. И. И. Срезневскаго: «Труды П. М. Строева», а также въ Сборникъ II-го Отд., т. XVII, 1877, ст. Срезневскаго «Воспоминаніе о П. М. Строевѣ», стр. LX—LXXIX. Многотрудная и многополезная дѣятельность Строева недавно послужила предметомъ особой обширной, добросовѣстно и тщательно составленной монографіи г. Барсукова: «Жизнь и труды П. М. Строева», Спб. 1878, с. 668.

40) «О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ» и «родословный чертежъ поколѣній влад. князей», Сынъ Отечества 1814, к. 26, 1815, № 51 и 52.

41) Строевъ: Рукописи славянскія и русскія, принадл. Царскому, М. 1848, с. 162—3, № 197, Ундольскаго Библиографическія Разысканія, М. 1846, с. 14—15. Изъ описаній Строева напечатано было (и то только начало и только въ извлеченіи) Анастасевичемъ «Описаніе рукописей Волоколамскихъ» въ Отечеств. Зап. 1823, № 33, 35, 39.

42) «Первое прибавленіе къ описанію» etc. М. 1825, с. 18; «Второе прибавленіе».. М. 1827, IX—100.

43) «О средствахъ удобнѣйшихъ къ открытію памятниковъ отечественной исторіи, и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обработывать оныя»... См. «Труды и лѣтописи Общ. Ист. и Др.» ч. IV, кн. I. М. 1828, с. 277—301. Румянцевскій періодъ дѣятельности П. М. Строева весьма обстоятельно изложенъ въ вышеназванной книгѣ г. Барсукова «Жизнь etc»... стр. 19—64. Тамъ же помѣщена (стр. 65—74) и названная Рѣчь. Не могу не замѣтить, однако, что изложеніе г. Барсукова не вездѣ удовлетворяетъ требованіямъ полноты библиографическаго исчисленія трудовъ нашего археографа.

20. д) П. И. Кеппенъ ⁴⁴⁾ началъ свою ученую дѣятельность трудами по палеографіи, исторіи и библиографіи письменности: еще въ 1819 г. онъ издалъ замѣчательное «Обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи Россійской Словесности» ⁴⁵⁾, т. е. библиографическій перечень русскихъ и иноземныхъ сочиненій и изданій, прямо или косвенно касающихся предмета съ 1665. Въ 1822 г.

Кеппенъ выступаетъ съ болѣе систематическимъ и болѣе важнымъ трудомъ, это: «Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи» М. 1821⁴⁶⁾. Трудъ напечатанъ иждивеніемъ гр. Ѳ. А. Толстова—подъ присмотромъ Калайдовича. Это—повременный объяснительный текстъ къ невышедшимъ палеографическимъ снимкамъ. Впрочемъ, и независимо отъ послѣднихъ, трудъ Кеппена имѣетъ свою цѣль, какъ полный (для своего времени) перечень памятниковъ древне-русской письменности со всевозможными библиографическими и историко-литературными поясненіями. Кеппену принадлежитъ классическое изданіе «Библиографическихъ листовъ» 4^о. 1825—6 г. ⁴⁷⁾, полныхъ всякаго рода описаніями, замѣтками по древней русской письменности; здѣсь между прочимъ находится точная «Хронологическая роспись первопечатнымъ словенскимъ книгамъ» по 1600 (№№ 1, 6, 11, 16, 21, 26, 31, 39), составленная самимъ издателемъ.

44) О жизни и трудахъ Кеппена см. Юбилей Петра Ив. Кеппена, Спб. 1860, f^о. Здѣсь автобіографическая записка, а также брош. А. А. Куника: «Литературные труды П. И. Кеппена». Спб. 1868.

45) Образуетъ I кн. сборн. «Матерьялы для исторіи просвѣщенія въ Россіи», Спб. 1819 (оттискъ изъ жур. Соревнователь просвѣщенія 1819. V).

46) М. 1822, к+VIII+119. Какъ общее обзорѣніе содержанія этого труда можно указать на брош.: *Über Alterthum und Kunst in Russland*, W. 1822, отд. отт. изъ вѣнскихъ «*Jahrbücher der Literatur, Anz. Bl.* № XX, Bd. XX, pag. 1—27.

47) Образуетъ II т. сборника «Матерьялы для исторіи просвѣщенія въ Россіи». Спб. 4^о, 725 столб.

21. Кромѣ этихъ, важнѣйшихъ дѣятелей Румянцевской эпохи въ исторіи русской науки, къ ней принадлежали ⁴⁸⁾ и другіе: Малиновскій, Ермолаевъ, Анастасевичъ, Языковъ, о. Григоровичъ, Берхъ, также стоявшіе въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ гр. Румянцеву, собиравшіеся вокругъ него. «То былъ кружокъ людей науки на Руси первый по времени, или по край-

ней мѣръ по значенію и связности. Преданные наукѣ и отечеству, безпристрастно уважающіе труды другъ друга, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ широкой Руси, очень различные по общественному положенію и возрасту, они тѣсно были связаны направленіемъ мыслей и перепиской другъ съ другомъ... Открывать и изслѣдовать древніе памятники языка, словесности и быта русскаго народа—такова была задача кружка⁴⁹⁾. И она выполнена ими болѣе, чѣмъ можно было ожидать... Въ наукѣ исторіи русской словесности сталъ возможенъ *древній періодъ*⁵⁰⁾.

48) Труды А. О. Малиновскаго на пользу древней русской словесности заключались, кажется—болѣе въ активной помощи другимъ изслѣдователямъ, чѣмъ въ личныхъ изслѣдованіяхъ. Библиографическаго перечня его самостоятельныхъ ученыхъ трудовъ—доселѣ нѣтъ. Важнѣйшіе изъ нихъ помѣщены въ Запискахъ и Трудахъ Общ. Ист. и Древн. ч. VI—VII. О трудахъ Ермолаева (неизданныхъ) см. замѣтку И. И. Срезневскаго въ кн. «Переписка Востокова». Спб. 1873 с. 403—4; объ Анастасевичѣ ст. Пекарскаго въ Энциклопед. Словарѣ, IV, 249; о трудахъ Языкова въ «Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли» Бантыша Каменскаго, ч. III, Спб. стр. 574—603; о дѣятельности о. І. Григоровича въ «Извѣстіяхъ Акад. Наукъ» по II От. II т., стр. 296—7. Переписка его съ гр. Румянцевымъ и митр. Евгеніемъ въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн.» 1864, к. 2, стр. 1—92; «Письма гр. Румянцева къ В. Н. Берху» изданы г. Семеvскимъ въ VI т. «Лѣтописей занятій археографич. Комиссіи» и отдѣльно, Спб. 1876.

49) Слова И. И. Срезневскаго въ книгѣ: «Переписка А. Х. Востокова» Спб. 1873, предисл.

50) Здѣсь мѣсто, хотя въ выноскѣ, коснуться первой по времени полной исторіи русской словесности, именно книги Н. И. Греча: «Опытъ краткой исторіи русской литературы», Спб. 1822, 8°. Древній періодъ ея скуденъ, потому что писанъ до открытій Калайдовича и Строева, но новый—заслуживаетъ полной признательности: эта часть, не смотря на свою сухость—не бесполезна даже и теперь. Извѣстный польско-нѣмецкій ученый С. Б. Линде перевелъ книгу Греча на языкъ

польскій и издалъ съ введеніемъ, со многими добавленіями (dodatkami) въ Warsz. 1823. 8^о, стр. 575.

22. Неожиданность многихъ открытій въ области древне-русской письменности и неизбежное увлеченіе вызвали нѣкотораго рода противовѣсъ, подозрительную осторожность, скоро перешедшую въ сомнѣніе. Каченовскій и его ближайшіе ученики оспаривали древность русской Лѣтописи, договоровъ съ Греками, Русской Правды, произведеній Кирилла Туровскаго, Іоанна Ексарха болгарскаго ⁵¹⁾... И это «скептическое» направленіе въ изученіи русской старины — принесло несомнѣнную пользу: оно вызывало новые поиски, новыя изслѣдованія, сдерживало преждевременныя обобщенія...

51) Труды М. Т. Каченовскаго (важнѣйшіе только) пересмотрѣны въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Москов. Университета». М. 1855, I, 383—403.

23. Эпоха гр. Румянцева была по-преимуществу временемъ увлекательныхъ открытій въ древне-русской письменности и временемъ начальныхъ предварительныхъ изысканій по этому дѣлу: опредѣлялся (и иногда очень правильно) вѣкъ рукописей и время самаго памятника, подыскивались историческія и біографическія данныя для объясненія его, рукопись или памятники описывались библіографически, а иногда и цѣлкомъ издавались... Приемы изданія, за немногими исключеніями (какъ напр. Тимковскаго изданіе Лаврентьевскаго списка), не могли отвѣчать требованіямъ точной филологической науки, потому что самыя эти требованія стали извѣстны — позднѣе. Попытокъ филологической критики текстовъ — почти не существовало ⁵²⁾. Еще менѣе сознавалась необходимость историко-литературныхъ изысканій источниковъ: объ отношеніи памятниковъ русской письменности къ византійскимъ прототипамъ — думали очень немногіе: Каченовскій, Строевъ и Востоковъ... Вообще—основанія для зданія были заложены, собралось не мало и матеріала, кой-гдѣ по частямъ обработаннаго, но о постройкѣ — нечего было еще и думать.

52) Критическимъ изданіемъ можно признать только вышеназванный трудъ Тимковскаго. Заслуживаетъ также упоминанія и попытка Грамматина исправить неправильныя — по его понятію — мѣста «Слова о Полку Игоревѣ» (въ его изданіи), она заслуживаетъ вниманія — впрочемъ только по мысли, но никакъ не по исполненію...

24. Выше было уже упомянуто, что еще въ 1823 году Строевъ развивалъ мысль о необходимости снаряженія Археологической Экспедиціи по всей Россіи. Мысль поднята была позднѣе президентомъ Академіи Наукъ, Уваровымъ, и Академія Наукъ снарядила Экспедицію въ обширныхъ размѣрахъ съ цѣлью «обстоятельнаго познанія всѣхъ (буде возможно) письменныхъ памятниковъ отечественной исторіи, дипломатики, законовѣднія и пр., скрывающихся въ старинныхъ книгохранилищахъ и архивахъ»... Главнымъ дѣятелемъ Экспедиціи былъ Строевъ, помощникомъ его — Беренниковъ. Сподъ и нѣкоторые министерства предписали — по своимъ вѣдомствамъ — о допущеніи Экспедиціи въ библіотеки и архивы. Путешествіе продолжалось съ 1829 по 1834 г. Археологи осмотрѣли болѣе 200, болѣе или менѣе примѣчательныхъ архивовъ и библіотекъ. Богаче всѣхъ оказались архивы духовнаго вѣдомства, именно: библіотеки — Московская синодальная, Новгородская Софійская, Троицко-Сергіевой Лавры; монастырей: Соловецкаго, Кирилла Бѣлозерскаго и Іосифа Волоколамскаго. Немало актовъ извлечено изъ архивовъ Псковскаго и Нижегородскаго губернскихъ правленій, Бѣлозерскаго и Соликамскаго уѣздныхъ судовъ. Самые древніе акты уцѣлѣли единственно въ монастыряхъ, между тѣмъ — какъ въ гражданскихъ архивахъ Экспедиція почти не нашла думавъ древнѣе XVII ст.

Въ продолженіе путешествія Экспедиція собрала списки до трехъ тысячъ актовъ историко-юридическихъ (съ 1340—1700). Списывались лишь акты наиболѣе важныя въ историческомъ и историко-юридическомъ отношеніяхъ, и при списываніи строго сохранялись древнія формы языка. Къ списываемымъ актамъ присовокуплялись палеографическія ихъ описанія. Кромѣ актовъ

Экспедиція приготовила «каталоги рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, хранящимся въ монастырскихъ библіотекахъ, расположенные по алфавиту съ выписками и рецензіями рукописей подъ названіемъ «Матерьялы для исторіи славяно-русской литературы»⁵³⁾. Ст. «Матерьялы» Строевъ имѣлъ въ виду обработать въ «Библіографическій Словарь славяно-русской литературы до XVIII в.», но не успѣлъ довести до конца своего предпріятія, можно сказать — остановился на началѣ, но тогда же, по окончаніи дѣйствій Археографической Экспедиціи — онъ напечаталъ общій обзоръ или очеркъ своихъ работъ, программу будущаго труда — подъ заглавіемъ «Хронологическое указаніе матерьяловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія до начала XVIII в.»⁵⁴⁾. Перечень — небольшой по объему, но заключавшій въ себѣ плоды обширныхъ занятій предметомъ и исполненный съ критическимъ, даже, можетъ быть, съ гипер-критическимъ отношеніемъ къ дѣлу...

Все, добытое Экспедиціей, поступило въ Академію Наукъ. Президентъ Академіи С. С. Уваровъ видѣлъ, что изданіе въ свѣтъ такого важнаго собранія актовъ не можетъ быть поручено одному какому ученому, и что успѣшнѣе оно можетъ быть исполнено соединенными силами нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями въ русской исторіи. Такъ образовалась сначала «Коммиссія для изданія собранныхъ Археографическою Экспедиціей актовъ»; когда же она окончила свои главныя занятія, то въ 1837 г. была организована въ «Коммиссію археографическую». Въ главную заботу «Коммиссіи» вмѣнено было изданіе источниковъ отечественной исторіи, именно — а) сочиненій, составляющихъ славяно-русскую литературу, собственно историческаго содержанія: лѣтописей, хронографовъ, степенныхъ книгъ, сказаній и другихъ рукописей, въ непосредственной связи съ исторіей стоящихъ, б) актовъ государственно - юридическихъ, грамотъ, уставовъ, наказовъ, судныхъ дѣлъ, розысковъ и т. п. документовъ, объясняющихъ законодательство, управленіе и судопроизводство, до начала XVIII в.⁵⁵⁾.

Кромѣ весьма дѣятельныхъ трудовъ по разысканію матеріаловъ старой письменности, осмотру и описанію архивовъ и библиотекъ, отечественныхъ и иноземныхъ — «Археографическія Коммисіи» (старая до 1837 и новая — съ этого времени) до настоящаго времени, въ отношеніи русской письменной старины, издали: десять томовъ «Полнаго Собранія лѣтописей» съ указателемъ, три тома изданія отдѣльныхъ лѣтописныхъ списковъ и три фотолитографическихъ противней съ нихъ; тридцать четыре тома «Актовъ историческихъ» съ тремя указателями; пять томовъ «Актовъ юридическихъ» съ указателемъ; древнѣйшихъ русско-ливонскихъ «грамотъ» — два изданія; писцовыхъ книгъ — три тома; 1 томъ писемъ Русскихъ Государей; Макарьевскихъ Четій Миней — четыре тома; «Паломникъ» игумена Даніила; сочиненіе подъячаго Котошихина о Россіи XVII в.; пять томовъ — «Русской Исторической библіотеки» и шесть томовъ «Лѣтописей занятій» Археографической Коммисіи — оба сборника заключаютъ много важныхъ памятниковъ русской письменности, изслѣдованія о нихъ, описанія рукописей и актовъ и т. д. ⁵⁶⁾. Главными дѣятелями Археографической Коммисіи были: Бередниковъ, о. Григоровичъ, Коркуновъ, а позднѣе А. О. Бычковъ, А. А. Куникъ, Н. В. Калачовъ и П. И. Савваитовъ.

53) См. Отчеты о занятіяхъ и изданіяхъ Археографической Коммисіи за двадцатилѣтіе. Спб. 1860, стр. 5—9 (а также въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1859, № 12), Строева «Отчетъ за археографическую экспедицію» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1835, № 1, стр. 95—99, а также и *Recueil des Actes des séances de l'Académie*, 1834, стр. 109—115. Исторія возникновенія и дѣйствій Археографической Экспедиціи подробно, по документамъ, изложена въ книгѣ г. Барсукова: «Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878, с. 149—280.

54) Въ Журн. Минист. Народн. Пр. 1834, № 2, стр. 152—188.

55) См. Отчеты о занятіяхъ Археогр. Комм. Спб. 1860, с. 8—10.

56) Отчеты о занятіяхъ и т. д. с. 24—40. Обстоятельный, перечневой «Каталогъ изданій Археографической Коммисіи,

вышедшихъ въ свѣтъ съ 1836—1870 г.» Спб. 1870. Содержаніе и библиографическое описаніе изданій комиссіи указывается и мною ниже въ разныхъ отдѣлахъ, каждое въ своемъ мѣстѣ. Для исторіи возникновенія и дѣйствій Археографической Комиссіи много важныхъ матеріаловъ находится въ книгѣ г. Барсукова: «Жизнь и труды Строева»; и не только тѣхъ, которые стоятъ въ связи съ лицомъ и дѣятельностію Строева, а и вообще.

25. Пока слагалась и вступала въ дѣйствіе Археографическая Комиссія, тихо, но непрерывно подвигались работы и единичныхъ ученыхъ: одни издавали открываемые памятники (таковы изданія: Снегирева «Сказаній о побойщѣ Димитрія Донскаго», Дубенскаго — «Памятниковъ древняго русскаго права», Погодина «Псковской лѣтописи», кн. Оболенскаго — «Сборника»), другіе подвергали ихъ исторической или литературной критикѣ (таковъ разборъ Слова о Полку Игоревѣ М. А. Максимовича; такъ называемой Несторовой лѣтописи — М. П. Погодина, ея же и Кіевскаго Патерика — А. М. Кубарева и др.), третьи — описывали рукописи и старопечатныя книги⁵⁷). Были замѣчательныя попытки общихъ изложеній судебъ русской литературы. Въ 1838 г. Шевыревъ открылъ въ Московскомъ университетѣ въ первый разъ курсъ исторіи русской словесности: вступительная лекція его представляла общее обозрѣніе развитія русской словесности по наличному матеріалу⁵⁸). Около того же времени Максимовичъ издалъ первую (и послѣднюю) книгу «Исторіи древней русской Словесности» Кіевъ, 1839⁵⁹). Она представляетъ перечень произведеній русской письменности до конца XII (главнымъ же образомъ по «Словарю» митр. Евгенія) и изслѣдованія, во многомъ самостоятельныя и новыя, о русскомъ народномъ языкѣ и его отношеніяхъ къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ и языкамъ иноземнымъ, о языкѣ церковно-славянскомъ, его образователяхъ и его письменномъ употребленіи въ древней Руси... По тщательной обработкѣ филологической части, «Исторія» Максимовича была въ свое время важнымъ и выдающимся явленіемъ.

57) а) Востоковъ: «Описаніе рукописныхъ книгъ славянскихъ, принадлежащихъ г. Норову, въ Журн. М. Нар. Пр. 1836, № 9, стр. 529—551, и отдѣльно, 1836, 23 с., перепечатано въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ» Востокова, стр. 172—187.

б) (Строевъ): Каталогъ Славяно-россійскихъ рукописей, принадлежащихъ Царскому, М. 1836, с. III—78, 8°.

в) Шевыревъ: ст. «О Славянскихъ рукописяхъ Ватиканской библіотеки» Ж. Мин. Нар. Пр. 1837 № 5, с. 103—120.

г) Сахаровъ: Славяно-русскія рукописи. От. I, Спб. 1839, V—32, 8°.

д) (Перевощикова, В. М.): Роспись книгамъ и рукописямъ Императ. Російской Академіи. Спб. 1840, 160 с. 8°.

е) Строевъ, С.: Описаніе памятниковъ Славяно-русской литературы, хранящихся въ публич. библіотекахъ Германіи и Франціи, М. 1841, 8° X—175 и V снимковъ. Объ этой книгѣ см. статью Бередникова: «О Славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ германскихъ и французскихъ библіотекахъ» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1844, т. XLII, № 5, с. 73—91. Трудъ С. Строева замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ первую попытку выйти изъ рамокъ «Каталога» въ область изслѣдованій историко-литературнаго характера.

ж) Сахаровъ: Русскіе древніе памятники, вып. I, Спб. 1842, 4°, 28—16 (неперемѣч. г.)—13, съ 8 снимками.

з) Реестръ старопечатныхъ славянск. книгъ, находящихся въ библіотекѣ Ширяева. М. 1833, 162—34—2 снимка.

и) Строевъ, П.: Описаніе старопечатныхъ книгъ Славянскихъ И. Н. Царскаго, М. 1836, VIII—454—12 грав. изобр.

к) Строевъ, П.: Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ, служащее дополненіемъ къ описаніямъ библ. гр. Толстова, и Царскаго. М. 1841, VIII—276—2 рисунка.

58) Напечатана въ Москов. Вѣдомост. 1838, № ? Есть отдѣльный оттискъ. Нѣкоторую попытку обобщенія исторіи древней русской словесности представляютъ статьи проф. Московскаго Университета И. И. Давыдова: «Составныя начала и направленія древней и средней отечественной Словесности», помѣщ. въ Ученыхъ запискахъ Москов. Универс. 1834, ч. III. № VIII, с. 251—207; № IX, с. 490—519. Ни чѣмъ инымъ, кромѣ возбужденнаго вниманія къ предмету—нельзя объяснить, что эти вполне безсодержательныя статьи произвели своего

рода впечатлѣніе на ученыхъ: на нихъ ссылались, какъ на произведенія съ авторитетомъ!

59) 8°, стр. 226. Книга Максимовича была довольно недобрительно встрѣчена критикой (М. Н. Каткова) въ Отеч. Запискахъ 1840, т. IX, № 4, с. 37—72. Отвѣтъ Максимовича былъ напечатанъ въ Сѣверной Пчелѣ 1840, № 125. См. также Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. III, Кіевъ, 1880, с. 472—479.

26. Выше было уже упомянуто, что гр. Румянцевъ поручилъ Востокову описаніе своего богатаго рукописнаго собранія. Въ 1836 году огромный трудъ былъ готовъ и представленъ въ рукописи Археографической Комиссіи. Въ свѣтъ «Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума» вышло только въ 1842 году. Востоковъ усвоилъ себѣ иные приемы описанія рукописей, чѣмъ тѣ, которыя существовали дотолѣ: «каждая рукопись заняла его сама по себѣ, какъ будто бы она одна и должна быть осмотрѣна и описана, а другія нужны были, какъ пособіе. Въ каждой замѣтилъ онъ все важное въ отношеніи палеографическомъ, археологическомъ, литературномъ, и по каждой дѣлалъ изслѣдованія. Ни одна отдѣльная статья ни въ одной книгѣ не опущена изъ виду; очень многія отмѣчены особо, какъ болѣе важныя по содержанію или по языку. Очень многія изъ сочиненій, переведенныхъ съ греческаго, сличены были съ подлинникомъ, и главные выводы этого сличенія внесены въ Описаніе. Выводамъ историческихъ и литературныхъ соображеній также дано должное мѣсто, равно какъ и необходимымъ выпискамъ. Выписки дѣланы были всегда съ буквальною точностью... Последствія изданія въ свѣтъ этого Описанія не могли быть мало-важны. Съ этого только времени можно было начать ученую разработку древней литературы русской и вообще русскихъ древностей»⁶⁰). «Описаніе» Востокова открыло не только новыя произведенія, но и цѣлыя новые роды произведеній древней русской письменности. Несмотря на то, что Востоковъ какъ бы намѣренно устранился отъ изслѣдованій общаго характера о самихъ

произведеніяхъ, его трудъ положилъ прочныя основанія критическому и историко-литературному разсмотрѣнію ихъ⁶¹⁾.

Въ 1843 году вышелъ въ свѣтъ другой монументальный трудъ Востокова, знаменитое Остромирово Евангеліе.

60) И. И. Срезневскаго: «Обозрѣніе научныхъ трудовъ Востокова, Спб. 1865, стр. 25—6.

61) Замѣчательно, что Бередниковъ встрѣтилъ трудъ Востокова, въ особенности филологическіе—археологическіе приемы его (—самые неопровержимые) съ нѣкоторою холодною недовѣрчивостію, см. его ст. «Описаніе рукописей Румян. Музеума. Донесеніе въ Археограф. Комиссію». Журн. М. Нар. Пр. 1837, томъ XIV, стр. 415—426. Гораздо важнѣе рецензіи (А. В. Горскаго) въ Москвитянинѣ 1843, № 4, с. 500—516, и А. Θ. Бычкова, тамъ же: 1843, № 4, стр. 516—524; № 5, стр. 195—217. Прекрасный сводъ наблюденій Востокова о рукописяхъ — сдѣланъ А. Н. Пыпинымъ въ Учен. Зап. II Отд. Ак. Н., т. II, 2, с. 1—58; и «Филологич. Наблюд.» Востокова, с. 77—134.

27. Труды сподвижниковъ Румянцева, Археографической Экспедиціи и Комиссіи, Общества Исторіи и Древностей и другихъ ученыхъ, критико-библіографическія разысканія Востокова, Строева, Ундольскаго⁶²⁾, отчасти — Сахарова достаточно объясняютъ смѣлую попытку профессора С. П. Шевырева написать полную «Исторію русской словесности, преимущественно древней». Еще въ 1844 году онъ напечаталъ «Введеніе, въ исторію русской словесности», пять чтеній, въ общемъ очеркъ обнимающихъ: судьбы Свящ. Писанія, богослужебныхъ книгъ, переводовъ писаній отеческихъ въ древней Руси, литературу поучительную — проповѣди и посланія, произведенія богословскія и апокрифическія, наконецъ — житія святыхъ⁶³⁾. Въ 1846 г. появились и первые два тома большого труда «Исторіи русской словесности преимущественно древней»⁶⁴⁾, заключающіе, кромѣ многихъ вводныхъ статей — обозрѣніе произведеній русской письменности до вторженія татаръ. Трудъ Шевырева представлялъ собою добросовѣстный сводъ всего, что сдѣлано было по предмету до 1845 г.

Здѣсь нѣтъ новыхъ изслѣдованій и разысканій, но старое, извѣстное приведено въ стройный порядокъ и снабжено ученымъ, критико-библіографическимъ аппаратомъ. Такого рода сводъ необходимъ былъ для дальнѣйшихъ успѣховъ науки, и онъ принесъ свою пользу, хотя далеко не въ той степени, въ какой могъ бы принести, еслибы не страдалъ односторонностью мистическаго направленія и недостаткомъ критики. Историко-литературная и филологическая стороны книги — слабы: Шевыревъ остался чуждъ сравнительному направленію, внесенному въ науку народной словесности — братьями Гриммами, для разысканія же письменныхъ чужеземныхъ источниковъ нашей письменности — у него недоставало средствъ; въ отношеніи результатовъ сравнительнаго языкознанія онъ нерѣдко не различаетъ дѣйствительно важнаго отъ ни къ чему негодныхъ фантазій досужихъ мечтателей — языковѣдовъ. Вообще, возбуждая интересъ къ предмету — книга Шевырева во многихъ частяхъ не давала никакихъ средствъ удовлетворить его и даже отчасти затрудняла его удовлетвореніе отсутствіемъ критическаго отношенія къ дѣлу; тѣмъ не менѣе — она имѣла важное значеніе, какъ первый опытъ обширной исторической постройки древней русской словесности⁶⁵⁾. Въ этомъ — главная заслуга ея.

Въ 1858—60 гг. Шевыревъ переиздалъ первыя двѣ части своего труда и къ нимъ прибавилъ двѣ новыхъ, заключавшихъ въ себѣ XIII, XIV, XV и начало XVI столѣтія. Направленіе и приемы изслѣдованія остались тѣ же, даже болѣе: мистическая односторонность ихъ выступила еще рѣзче (какъ напр. при разсмотрѣніи «Житій святыхъ»), но въ отношеніи содержанія — первыя двѣ части значительно умножены, между прочимъ — и обширнымъ «Введеніемъ» и «Дополненіемъ» библиографически — палеографическаго характера, — сообразно съ успѣхами науки; другія же, 3-я и 4-я, хотя и заключаютъ въ себѣ нѣкоторые важные пробѣлы, но имѣютъ ту же цѣну «свода», что и первыя. Если здѣсь историкъ не могъ представить библиографическихъ

подробностей, какъ прежде, то слѣдуетъ вспомнить крайнюю неразработанность этихъ вѣковъ русской словесности⁶⁶).

62) Строевъ: бібліотека московскаго Общества Исторіи и Древностей: М. 1845, VII+354, 8^о съ однимъ литографич. снимкомъ. По поводу выхода въ свѣтъ этого труда Строева, В. М. Ундольскій напечаталъ свои «Библіографическія разысканія» въ Москвит. 1846, № 2, стр. 138 — 162; № 3, стр. 147—175, № 11—12, с. 181—230 и отдѣльно въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. М. 1846, 8^о, стр. 105. Это—съ одной стороны — рецензія труда Строева, съ другой—рядъ самостоятельныхъ разысканій о памятникахъ древне-русской письменности (прям. житіяхъ) переводныхъ и своихъ. Обширное знакомство Ундольскаго съ греческими источниками помогло ему разяснить многое, дать не мало новаго. Трудъ—классическій и незамѣнимый и понынѣ.

63) Москвитянинъ 1844, № 1, с. 219—240; № 2, с. 534—559; № 3, с. 118—139; № 4, с. 305—324; № 8, 285—317.

64) XXXIII публич. лекціи, томъ I, ч. I, с. 11+261, т. М. 1846, 8, и I ч. 2, с. 349. Критика встрѣтила весьма неодобрительно трудъ Шевырева, но, кажется,—болѣе за *«мистическое направленіе»*, чѣмъ за дѣло. Впрочемъ—всѣ «критики»—малозначительны. Только въ Сынѣ Отечества 1847, № 1, стр. 11—39, было сдѣлано (Вышнеградскимъ) нѣсколько *дѣльных* замѣчаній. Шевыревъ отвѣтилъ на эту критику пространно въ Москвитянинѣ, 1848, № 1, стр. 95—142. Впослѣдствіи онъ самъ принялъ нѣкоторыя замѣчанія критика «Сына Отеч.», какъ напр. замѣчаніе о церковной пѣснѣ, какъ источникѣ проповѣданія Кирилла Туровскаго.

65) Нѣсколько ранѣе книги Шевырева—появился въ свѣтъ «Опытъ Исторіи русской литературы» пр. Никитенко, кн. I, Введение, Спб. 1845. Книга эта не принадлежитъ къ наукѣ, а къ области искусства академическаго краснорѣчія...

66) Во второмъ изданіи трудъ С. П. Шевырева носитъ названіе: «Исторія русской Словесности, лекціи С. П., ч. I, М. 1849 стр. CXXI+322; ч. II, М. 1860, с. 432 и 2 сним.; ч. III, М. 1858, с. XXX+405; ч. IV, М. 1860, с. 196. Какъ рецензію III т. укажу и на мою замѣтку въ жур. «Московское Обозрѣніе» 1859 № 1, с. 90—108. Указанный въ «Каталогѣ» Межова (с. 678) итальянскій переводъ «Исторіи» Шевырева—совсѣмъ

не переводъ, а особый популярный курсъ, читанный Шевыревымъ во Флоренціи по-итальянски; древняя литература изложена здѣсь на 73 страничкахъ.

28. Въ 1845—6 году, съ выборомъ проф. Бодянского въ секретари — оживляется дѣятельность «Московского Общества Исторіи и Древностей»: съ того времени оно издало сто книгъ «Чтеній» — подъ редакціей Бодянского и двадцать пять книгъ «Временника» — подъ редакціей И. Д. Бѣляева. Въ обоихъ изданіяхъ, въ особенности же въ «Чтеніяхъ» 1846—9 г. помѣщено множество произведеній древней-старославянской и русской письменности, множество ученыхъ разысканій, описаній рукописей и старопечатныхъ книгъ, всякаго рода частныхъ замѣтокъ и свѣдѣній по старинѣ⁶⁷⁾. Приготовлено было такихъ изданій еще болѣе, многія были уже и отпечатаны, но — по особымъ обстоятельствамъ — не выпущены въ свѣтъ⁶⁸⁾. Главными дѣятелями этого періода дѣятельности Московскаго общества были: Бодянскій, Ундольскій, Бѣляевъ.

67) Порядокъ изданія такой: съ 1846—9 = «Чтенія въ Общ. Ис. и Др.»; съ 1849 по 1857 — «Временникъ»; съ 1858 по 1877 — снова «Чтенія»...

Существуетъ два «Указателя къ повременнымъ изданіямъ Общества Исторіи и Древностей»: одинъ, никуда негодный — составленъ г. Гриневичемъ въ 1862, М. и напечатанъ какъ «приложеніе» ко II кн. Чтеній за 1862; другой — очень хорошій, изданъ при Чертковской библіотекѣ, какъ «Приложеніе» къ Русскому Архиву. М. 1866, онъ идетъ до 1865 г. Хорошее систематическое обзорѣніе содержанія 20 книгъ «Временника» представлено (И. В. Бѣляевымъ) въ «Москвитянинѣ» 1855, № 15—16, с. 137—172.

68) Вотъ слова Бодянскаго въ 1855 г.; «желая содѣйствовать (изданію церковно-славянскихъ письменныхъ памятниковъ) Общество Исторіи и Древностей, во время моего секретарства въ немъ помѣщало въ Чтеніяхъ своихъ довольно часто такіе памятники... Общество открыло — было для нихъ даже особый отдѣлъ съ 4 года «Чтеній», подъ заглавіемъ «Славянскіе матерьялы», для котораго заготавлились уже (а нѣкоторые со-

вершено готовы были) памятники далеко бѣльшаго объема, между прочимъ: Творенія Іоанна Ексарха Болгарскаго, Константина (конца IX вѣка), Антіоха Черноризца Павдекты, Временникъ Георгія Грѣшнаго, Чтеніе о жизни и погубленіи св. князей Бориса и Глѣба, равно какъ «Сказаніе о страсти и похвала» имъ же (въ «Чтеніяхъ»), Житіе Θεодосія Печерскаго (тоже) и многія другія. Всѣ они по пергаменнымъ спискамъ, и съ разнословіями по нѣсколькимъ (напр. Θεодосій—по тремъ, Антіохъ—по пяти, Ексархъ по восьми, Амартолъ—по десяти) [«О времени происхожденія Славянскихъ письменъ». М. 1855, стр. V—VI Примѣчаній.]. Изъ этихъ изданій, какъ увидимъ далѣе, изданы по смерти Бодянскаго — Богословіе, Шестодневъ Іоанна Экзарха Болгарскаго и Житіе пр. Θεодосія.

29. Въ 1841 г. «Россійская Академія» была присоединена къ Академіи Наукъ въ видѣ особаго (Второго) отдѣленія Русскаго языка и Словесности; но дѣятельность его не отличалась особою энергіею и плодотворностью до той поры, пока по мысли и предложенію г. Срезневскаго, Отдѣленіе съ 1852 ни стало издавать свой особый ученый органъ подъ названіемъ: «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и Словесности», подъ редакціей И. И. Срезневскаго, которыхъ вышло съ 1852 по 1863—десять томовъ съ шестью томами «приложений», заключающихъ въ себѣ «Матерьялы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики» и однимъ томомъ «Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности». Отдѣльно, особыми изданіями изъ «Извѣстій» отпечатано три тома «Историческихъ чтеній о языкѣ и словесности» Спб. 1854—7 г. и одинъ—«Изслѣдованій и замѣчаній о древнихъ памятникахъ старославянской литературы», Спб. 1856. «Извѣстія» представляютъ такой же богатый сборъ новыхъ матеріаловъ, какъ и «Чтенія», только, конечно — съ большею спеціализаціею въ пользу произведеній древне-русской письменности. Въ «Извѣстіяхъ» мы находимъ напечатанными цѣлый рядъ новыхъ памятниковъ старославянской и древне-русской литературы и цѣлый рядъ палеографическихъ, филологическихъ, критическихъ и литературныхъ раз-

боровъ и замѣчаній о нихъ; указаны также и всѣ важнѣйшія явленія ученой литературы за десять лѣтъ, нерѣдко критически съ поправочными и дополнительными подробностями, обращено также должное вниманіе на движеніе науки литературы и языка у прочихъ славянъ. Важнѣйшая часть всего этого принадлежала ак. Срезневскому; въ дѣлѣ его — ар. Макарій, М. И. Сухомлиновъ, пр. Филаретъ, И. Д. Бѣляевъ и др. Обширнѣйшимъ трудомъ по содержанію и значительнѣйшимъ по объему изъ помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ» — былъ трудъ И. И. Срезневскаго: «Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV в. Общее повременное обозрѣніе съ палеографическими указаніями и выписками изъ подлинниковъ и изъ древнихъ списковъ»⁶⁹). Это — опытъ хронологическаго указателя памятниковъ древне-русской письменности, сохранившихся доселѣ или и погибшихъ, но такихъ, о существованіи которыхъ имѣются положительныя указанія. Составить и одинъ простой реестръ такихъ памятниковъ — было бы трудомъ необыкновеннымъ, но опредѣлить хронологію каждаго, хотя бы и не абсолютную, а приблизительную — задача, требовавшая самыхъ разнообразныхъ знаній, многостороннихъ соображеній, справокъ и огромнаго труда. Нѣтъ нужды говорить, что г. Срезневскій исполнилъ эту задачу по «своему обычаю», т. е. въ высокой степени совѣстливо, не упустивъ изъ вида ничего, что могло способствовать ея рѣшенію. Въ сжатой формѣ изслѣдователь имѣетъ здѣсь плоды обширныхъ изысканій, между прочимъ и историко-литературныхъ, именно — наблюденіемъ надъ составомъ нѣкоторыхъ памятниковъ. Достоинство книги возвышается еще и тѣмъ, что вторая половина ея (съ 137—275 с.) занята изданіемъ текстовъ, бывшихъ по большей части или дотолѣ вовсе неизданными или изданными неисправно. Другимъ изданіемъ II Отд. Академіи Наукъ были «Ученыя Записки», выходившія одновременно съ «Извѣстіями» также подъ редакціей И. И. Срезневскаго. Съ 1855—1863 ихъ вышло 7 томовъ. Кромѣ нѣкоторыхъ памятниковъ древней русской письменности, описанія ихъ и изслѣдованій о нихъ, принадлежащихъ гг. Срез-

невскому, ар. Макарію, Сухомлинову, Полѣнову, Григоровичу, ар. Филарету, ар. Варлааму и др., въ «Ученыхъ запискахъ» мы находимъ обширный и совершенно новый по своему предмету трудъ А. Н. Пыпина: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» и весьма важное сочин. еп. Филарета «Обзоръ русской духовной литературы 862—1720 г.» Трудъ этотъ—необходимое справочное пособіе для каждаго, занимающагося исторіей древней русской литературы; но пользоваться имъ нужно съ повѣркою: библиографическая точность не принадлежала къ числу достоинствъ, украшавшихъ почтеннаго ученаго; есть также и пропуски... Но зато книга его обильна иными иногда очень вѣрными и остроумными указаніями и замѣчаніями, которыхъ нельзя не цѣнить. Самый важный по новизнѣ отдѣлъ «Обзора» обнимаетъ литературу Южной Руси XVI—XVII вв. Слабою стороною книги должно признать общіе отзывы автора; въ нихъ проявляется болѣе клерикальный моралистъ, чѣмъ историкъ⁷⁰⁾.

«Записки Академіи Наукъ» съ 1862 г. и «Сборникъ статей, читанныхъ въ II Отд. Академіи Наукъ» съ 1867, и донинѣ выходящіе, замѣнили прежнія изданія. Кромѣ богатыхъ собраній «древне-славянскихъ памятниковъ юсоваго письма» и «Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ»⁷¹⁾ И. И. Срезневскаго, кромѣ важной переписки Востокова и митр. Евгенія⁷²⁾, нѣкоторыхъ статей Срезневскаго, А. Θ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, Невоструева, Головацкаго, — «Записки» и «Сборникъ» представляютъ немного относящагося собственно къ разработкѣ древней русской словесности; всего болѣе жаль, что устранены (а если и появляются, то урывками и случайно) критическіе отчеты о новыхъ явленіяхъ въ наукѣ исторіи словесности у насъ и соплеменниковъ славянъ.

69) Изданіе занимаетъ почти исключительно весь X томъ, издано также отдѣльно in 4°, Спб. 1855 г. с. 299 съ приложеніемъ превосходно исполненныхъ 50 палеографическихъ снимковъ съ рукописей и др. предметовъ.

70) Издана и отдѣльно, притомъ дважды: однажды въ Спб. 1857, с. 300 и вторично въ Харьковѣ, 1859, с. 447—съ немногими дополненіями и исправленіями. Цѣлый рядъ «Дополненій» напечатанъ позднѣе авторомъ въ Черниговскихъ Епархіальныхъ извѣстіяхъ 1863, № 16, 17, 18, 20, 21 и 1864, № 1, 2, 3, 4, 5, 14, 17, 21, 23, 24. Рецензіи труда Филарета: (А. Н. Пыпина) въ Отеч. Зап. 1857, № 6, стр. 75—87; Чистовича въ «Извѣстіяхъ Ак. Наукъ по 2 Отд.» т. 6-й, ст. 223—247; П. И. Савванитова, *ibid.*, стр. 92—96. Обѣ рецензіи содержатъ важныя дополненія. Сербина: въ Духовн. Вѣстн. 1862 № 7, с. 407—441. — Задорная и неважная рецензія! Слѣдуетъ наконецъ упомянуть о статьѣ Ф. Алексѣева (Терновскаго) «Обозрѣніе матеріаловъ для исторіи русской духовной литературы», «Православ. Обозрѣніе» 1862, № 3, с. 326—363, составленное исключительно на основаніи труда пр. Филарета.

71) «Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и замѣчаніемъ объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка». Спб. 1868, 4 неп.+192+416+24; Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Спб. 1867—1876, 2 т.: I, стр. VIII+86+96+88+100+16; II, с. VI+579. Первый трудъ напечатанъ только въ «Сборникѣ» т. III.; второй и въ «Запискахъ» т. 6, 7, 9, 11, 20, 22, 24, 28 и въ «Сборникѣ», т. I и XII.

72) Занимаютъ V томъ «Сборника статей, читанныхъ во II Отд. Академіи Наукъ. Спб. 1868—73.

30. Въ 1847 (вѣрнѣе 1849) основалось Археологическое Общество въ Петербургѣ. Въ «Запискахъ» [какъ общихъ (доселѣ съ 1849 — 14 томовъ), такъ и специальныхъ по отдѣленію славяно-русской археологіи 1851—61, 2 т.] въ «Извѣстіяхъ» доселѣ (съ 1859)—7 томовъ—находится не мало и матеріала и разысканій по древней письменности: въ послѣднемъ изданіи отпечатанъ трудъ И. И. Срезневскаго «Глаголическіе памятники»⁷⁸⁾. На средства Археологическаго же общества исполнено г. Срезневскимъ и классическое его изданіе «Сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ»...

Позднѣе съ 1858 оживилось и обнаружило довольно энерги-

ческую дѣятельность и старое Общество Любителей Россійской Словесности, не оставшееся чуждымъ и занятіямъ русской письменной стариной⁷⁴). Въ 1864 основалось «Археологическое общество» и въ Москвѣ, также обращающее въ своихъ «Трудахъ» (доселѣ 6 т.) (и «Вѣстникъ» 1868 г. 1 т.) должное вниманіе на произведенія старинной отечественной письменности.

73) И отдѣльно «Древніе глаголическіе памятники, сравнительно съ памятниками Кириллицы». Спб. 1866, VIII—298, 8^о съ атласомъ изъ десяти снимковъ.

74) Въ своемъ сборникѣ: «Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности», М. 1867—71, три книги.

31. Не мало важнаго содержать въ себѣ «Архивы», издававшіеся Н. В. Калачовымъ, именно: «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній 1850—57, 4 т. и «Архивъ историко-практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, Спб. съ 1859—1861, 13-ть книгъ; но несравненно болѣе важное значеніе имѣеть Сборникъ пр. Н. С. Тихонравова, выходившій подъ заглавіемъ: «Лѣтописи русской литературы и Древности» съ 1859—63, 8 частей или пять томовъ. Доля, падающая здѣсь на литературу новаго періода и на иные предметы, неотносящіяся къ литературѣ — очень невелика сравнительно съ массой матеріаловъ и изслѣдованій и замѣчаній по русской литературѣ древняго періода. Главнѣйшія образцовыя изданія памятниковъ — принадлежатъ самому издателю, изслѣдованія же — проф. О. И. Буслаеву. Въ «Лѣтописяхъ» г. Тихонравова наука древней русской словесности получила существенное пріобрѣтеніе и въ отношеніи матеріала, и въ отношеніи самой разработки. Въ первый разъ въ изслѣдованіяхъ г. Буслаева высказана мысль о необходимости разсмотрѣнія произведеній древней русской словесности по мѣстностямъ, такъ сказать этнографически; въ первый же разъ здѣсь разсмотрѣны съ историко-литературной точки зрѣнія и Житія Святыхъ.

Въ 1855 году богатая бібліотека Соловецкаго монастыря была перевезена въ Казань. Это обстоятельство дало возмож-

ность помѣщать при «Православномъ Собесѣдникѣ» (издается Казанской Духовной Академіей съ 1855 г.) періодически многія важныя произведенія древней русской письменности. Такъ, кромѣ многихъ памятниковъ меньшаго объема — здѣсь мы находимъ цѣликомъ «Сочиненія» Максима Грека, «Просвѣтитель» Іосифа Санина, «Истины показаніе» Зиновія Отенскаго, «Стоглавъ», «Проскинитарій» Арсенія Суханова, «Мечеть» — Лихудовъ и др. Въ томъ же изданіи помѣщены и нѣкоторыя замѣчательныя изслѣдованія о предметахъ, касающихся исторіи русской Словесности.

Не незамѣченными должно пройти и скромное, но заслуживающее доброй признательности — изданіе «Филологическихъ Записокъ» г. Хованскаго ⁷⁵⁾. Не все печатаемое въ нихъ по древней литературѣ одинаково значительно, но все же значительнаго и важнаго найдется на столько, чтобы поставить изданіе въ число необходимыхъ пособій для изучающихъ судьбы древней русской письменности. Впрочемъ, древняя письменность, какъ видно, косвенно только входитъ въ задачи этого изданія.

75) Издаются въ Воронежѣ съ 1860 года; доселѣ вышло 17 томовъ.

32. Успѣхи науки всегда зависятъ:

а) отъ открытія и усвоенія возможно большаго количества матеріала и

б) отъ правильности и ширины метода его изслѣдованія.

Средства къ первому предлагали общественныя хранилища рукописей и собранія частныхъ любителей и знатоковъ русской старины; средство ко второму — заключалось въ изученіи произведеній русской письменности сравнительно съ византійскими первообразами и сроднымъ матеріаломъ литературъ западныхъ.

Поэтому остановимся сначала на предметѣ рукописей, отмѣтимъ ихъ собранія, общій ходъ и основныя приемы библіографическаго изученія русской рукописной старины, способы изданія

памятниковъ ея, наконецъ — скажемъ о методѣ и успѣхахъ самаго изученія ихъ.

Уже выше мы имѣли случай упоминать о рукописныхъ собраніяхъ: Императорской Публичной библіотеки, Академіи Наукъ, библіотеки Общества Исторіи и Древностей, гр. Румянцева, Толстова и др. Въ разсматриваемый періодъ времени въ исторіи отечественныхъ рукописныхъ библіотекъ произошли многія измѣненія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на ходъ изученія древней русской письменности: собрались и стали извѣстными богатые рукописныя хранилища М. П. Погодина ⁷⁶⁾, И. Н. Царскаго, И. П. Сахарова ⁷⁷⁾, послѣднія два вошли впослѣдствіи въ библіотеку — гр. А. С. Уварова, В. М. Ундольскаго, А. И. Хлудова (составившееся изъ трехъ коллекцій Озерскаго, Гильфердинга и Лобкова), Пискарева и др. Императорская Публич. библіотека обогатилась приобрѣтеніемъ собраній гр. Толстова (1830), знаменитаго древле-хранилища М. П. Погодина (1852), и рукописей Гильфердинга, Эрмитажной библіотеки, куп. Сокурова; сюда же поступили и отборныя коллекціи старо-печатныхъ книгъ Кастерина и Каратаева ⁷⁸⁾. Румянцевскій музей (съ 1862 въ Москвѣ) приобрѣлъ богатѣйшее собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ Ундольскаго, Пискарева и старопечатныхъ книгъ И. Я. Лукашевича. Библіотека рукописей бывшей Россійской Академіи — соединилась съ библіотекой Академіи Наукъ. Не говоримъ о единичныхъ ежегодныхъ приобрѣтеніяхъ о которыхъ свидѣлствуютъ «Отчеты» Имп. Публичной библіотеки и Румянцевскаго Музея.. Изъ разныхъ мѣстъ, монастырей и церквей югозападнаго края, собрались и собираются рукописи въ церковно-археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи, Соловецкая библіотека перемѣстилась въ Казань, въ стѣны Духовной Академіи, Новгородская-софійская и Кирилло-бѣлозерская — въ Петербургъ, въ Духовную же Академію; библіотека Іосифова Волоколамскаго монастыря въ Москву — въ вѣдѣніе Общества любителей духовнаго просвѣщенія; собрался немалый запасъ рукописей при Археографической Комиссіи; наконецъ —

и при Виленской публичной библіотекѣ образовалось особое русское рукописное отдѣленіе... Такое «собраніе» и обще-доступность рукописей, дотолѣ разсѣянныхъ и скрытыхъ — не могло не оказать сильнаго вліянія на успѣхи ихъ изученія. Къ нимъ мы теперь и обращаемся.

76) О рукописномъ собраніи М. П. Погодина можно найти свѣдѣнія въ его автобіографіи, въ Словарѣ профессоровъ Московскаго Универс. М. 1855, т. II, стр. 265—272, и въ «Отчетѣ Императорской Публичной библіотеки за 1852 годъ». Спб. 1853, стр. 23. sq.

77) Къ гр. Уварову поступили, впрочемъ, — не всѣ рукописи — И. П. Сахарова: часть ихъ, 52 рукописи — по его смерти — была приобрѣтена Имп. Публичной Библіотекой, см. «Отчеты И. П. Б. за 1863» Спб. 1864. с. 43.

78) Имп. Публичная Библіотека также приобрѣла собранія купца Берсенева (краткій каталогъ собранія его напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др.» 1864, к. I, смѣсь стр. 225—232); И. К. Купріянова, см. Отчеты И. Пуб. Биб. за 1863, с. 63—67 и за 1865, с. 22—4. Каталогъ библіотеки куп. Сокурова въ Отчетѣ за 1876, стр. 27—100.

33. Что сдѣлано по описанію славяно-русскихъ рукописей до 1846 г. подробно перечислено въ «Библіографическихъ разысканіяхъ» В. Ундольскаго (с. 1 — 26), отчасти въ книгѣ Геннади «Литература русской библіографіи» Спб. 1858 (passim), а также указано мною въ разныхъ мѣстахъ выше. Съ того времени занятія рукописной стариной и библіографіей—значительно разрослись и оразнообразились. Вліяніе Востоковскаго «Описанія рукописей Румянцовскаго Музея» было столь сильно, что даже и тамъ, гдѣ библіографы, держась пути первоначально указаннаго Калайдовичемъ и Строевымъ, желали представить лишь перечневое, инвентарное описаніе рукописей, — они нерѣдко дѣлали уступки историко-литературнымъ требованіямъ или выписывали чтó находили важнымъ и интереснымъ, или облегчали разысканія библіографическими ссылками на источники, пособія и сродный матеріалъ. Вообще — библіографія нашихъ старин-

ныхъ рукописей со времени Востокова — по своимъ приѣмамъ можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе пять раздѣловъ:

а) Описанія ученыя, съ обширными изслѣдованіями не только о рукописяхъ, но и о самыхъ предметахъ ихъ, о самыхъ памятникахъ, съ обширными филологическими извлеченіями.

б) Описанія строго библіографическія рукописи и ея состава, иногда съ замѣчаніями и указаніями источниковъ.

в) Описанія филологическія и палеографическія.

г) Описанія съ выборомъ неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ памятниковъ, помѣщаемыхъ *in extenso*.

д) Описанія перечневые или охранныя и смѣшаннаго характера ⁷⁹⁾.

79) Что требуется современною наукою отъ удовлетворительнаго описанія рукописей — очень обстоятельно изложено И. И. Срезневскимъ въ «Отчетѣ о первомъ присужденіи Ломоносовской преміи». Спб. 1868, стр. 20—1.

34. Представляю здѣсь хронологически-библіографическій списокъ всѣхъ описаній рукописей съ 1846 года, отмѣчая кратко направленія и приемы важнѣйшихъ:

а) О. Бодянского: «О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ». М. 1846, с. 45, 8^о также въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древностей 1846, № 1, с. 1—45. Здѣсь между прочимъ напечатано «сказаніе о Петрѣ Медвѣдкѣ Москалѣ», 1607 г. и отрывки съ повѣстей «о королѣ Маркѣ», «о княжати Кгвидоне» и о «Атыли короли угорьскомъ».

б) В. Ундольскаго: «Библіографическія разысканія» М. 1846, 8^о, с. 105. О нихъ см. выше, ст. 27, прим. 62.

в) Бередниковъ: «Описаніе четырехъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Тихвинскаго Успенскаго монастыря» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1847, № 9, ч. LV, с. 201—226. Одинъ хронографъ и три Евангелія. Послѣднія — не важны. Описаніе перечневое.

г) П. Строевъ: Рукописи славянскія и русскія, принадле-

жація гг. И. Н. Царскому, М. 1848, 8^о, с. V—916 и 2 пен. Описаніе строго перечневое, но подробное, по главамъ. «Я держался—говоритъ библіографъ—правиль библіографіи самыхъ строгихъ: въ каталогахъ рукописей выписки, особенно длинныя не могутъ имѣть мѣста; замѣтки филологическія и грамматическія, безъ связи и доказательствъ—мало полезны; сравненіе между собою книгъ огромныхъ (Хронографовъ, Прологовъ и пр.) выйдетъ только поверхностное». Собраніе Царскаго пріобрѣтено графомъ А. С. Уваровымъ, равно, какъ и собраніе Сахарова.

д) В. Ундольскій: («Описаніе славянскихъ рукописей Московской патріаршей библіотеки») s. t. anq. Семь полу-листовъ этого труда было напечатано (8-й остался въ корректурѣ) въ 1847—8 году для «Чтеній въ Общ. Ист. и Др.», но выпущено въ свѣтъ только по смерти библіографа, въ 1867, въ «Чтеніяхъ» II к., с. 56. Описаніе было приготовлено все. Напечатанное обнимаетъ только 110 №. Всего важнѣе описаніе Кормчихъ. Характеръ «описанія»—строго библіографическій съ пояснительными и изыскательными ссылками на источники. Мѣстами есть выписки предисловій, послѣсловій и записей. Трудъ образцовый въ своемъ родѣ. Жаль, что недоизданъ.

е) Артемьевъ: «Историческія рукописи библіотеки Казанскаго Университета» ст. въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1852, № 9, т. LXXV, с. 23 sq.; 1854, № 7—8, т. LXXXIII, с. 1 sq.; 1856, № 5 и 6, т. XC, с. 23 sq., 83 sq. и отдѣльно: s. tit. 54 с. — 55 — 53. Описаніе самыхъ рукописей кратко, но выдержки изъ нихъ любопытныхъ и важныхъ статей—обстоятельны. Вообще все важное и доступное вниманія указано и извлечено. Есть даже изслѣдованія. Трудъ заслуживалъ бы быть переизданнымъ.

ж) Бередниковъ: «О нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ монастырскихъ и др. библіотекахъ», въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1853, ч. LXXVII, № 6, с. 85 — 111. Съ выписками исторически замѣчательнаго.

з) Купріяновъ: «Указаніе на нѣкоторыя рукописи Новго-

родскихъ церквей и монастырей» въ Жур. М. Нар. Просв. 1853, № 12, т. LXXX, с. 122 sq. Дополненіе къ предыдущей статьѣ.

и) Буслаевъ: «Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи письменъ славянскихъ, собранные изъ XV рукописей Московской Синодальной бібліотеки..., съ приложеніемъ 22 литогр. снимковъ», въ книгѣ: «Матерьялы для исторіи письменъ, восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ». М. 1855, въ листъ, стр. 1—58. Описаніе имѣетъ характеръ исключительно филологическій: это — рядъ грамматическихъ и словарныхъ извлеченій. Снимки — исполнены превосходно. Дополненіе г. Срезневскаго къ труду Буслаева см. въ «Матерьялахъ для сравнительнаго Словаря и грамматики» Спб. 1856, т. III, с. 561 — 571.

к) Горскій и Невоструевъ: Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки (томъ 1-й). Отдѣлъ первый, Священное Писаніе. Москва, 1855, 8° с. XIV+339; (томъ 2-й) — отдѣлъ второй, писанія святыхъ отцовъ: 1 толкованіе Священ. Писанія. М. 1857. 8°, с. V+199; (томъ 3-й) — 2 Писанія догматическія и духовно-нравственныя. М. 1859, 8° с. XII+687; (томъ 4-й) — 3 разныя богословскія сочиненія (привавленія) М. 1862. 8° с. VII+841; (томъ 5-й) — отдѣлъ 3. Книги богослужебныя, часть первая. М. 1869, 8°, с. XXII+584.

Безспорно самый важный и обширный критико-бібліографическій трудъ послѣдняго времени! Съ разборомъ рукописей, заключающихъ въ себѣ замѣчательные памятники литературы въ «Описанія» Горскаго и Невоструева — соединяется разборъ самыхъ памятниковъ въ отношеніи къ содержанію и языку, а при разборѣ переводовъ и въ отношеніи къ правильности передачи подлинника. При оцѣнкѣ переводовъ и извлеченій изъ произведеній греческихъ и другихъ чужезычныхъ — всегда отыскиваются и указываются источники, которымъ пользовался переводчикъ или извлекатель. Не оставлено безъ вниманія, по возможности — изслѣдовано и объяснено все, что заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ въ главномъ содержаніи рукописи,

такъ и во вставныхъ статьяхъ и припискахъ. Всѣ выписки изъ рукописей - въ текстахъ ли помѣщаемыхъ *in extenso* — въ словарныхъ и грамматическихъ извлеченіяхъ—передаются съ буквальною точностью (слова И. И. Срезневскаго). Библиографія рукописей въ такомъ объемѣ дотолѣ не существовала въ русской наукѣ. Потому-то и наука древней русской словесности въ «Описаніи» о. Горскаго и Невоструева обогатилась цѣлымъ рядомъ основательныхъ и новыхъ разысканій. Полную, всестороннюю оцѣнку этого труда, сдѣланную акад. И. И. Срезневымъ и А. О. Бычковымъ см. въ книгѣ: «Отчетъ о первомъ присужденіи Ломоносовской преміи. Спб. 1868, 8^о 106, въ «Сборникѣ статей II Отд.» томъ 7, № 1 и въ «Запискахъ Академіи Наукъ», т. XIII, с. 195—300. Рецензія г. Срезневскаго важна еще и тѣмъ, что представляетъ въ видѣ «Приложенія»—«Списокъ рукописей Синодальной библіотеки по новому счету съ показаніемъ прежнихъ №№ рукописей», а также «Указатель писателей и книгъ» въ 5-ти томахъ «Описанія». Широковѣщательная рецензія г. Безсонова на 1 томъ «Описанія», помѣщенная въ Русской Бесѣдѣ 1856, № 2, с. 1—90—нашла достойный отвѣтъ въ особой кн. Невоструева: «Разсмотрѣніе рецензій, явившихся на Описаніе рукописей Синодальной библіотеки, Спб. 1870, 8^о, с. 78 и въ Сборникѣ статей, читанныхъ въ II Отдѣл. Ак. Н., т. VII, Спб. 1870, № 6. Для полноты можно отмѣтить еще и небольшую рецензію I-го т. И. К—ва (И. К. Купріянова) въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, № 3, см. стр. 86—98 и (неважную) рецензію св. Смирнова-Платонова въ «Православномъ Обзорѣніи» 1860, № 6, стр. 231—276.

л) Востокова: Краткія описанія отдѣльныхъ рукописей, разбросанныя по разнымъ изданіямъ — собраны въ одно цѣлое и напечатаны въ «Ученыхъ Запискахъ» по II Отд. Акад. Наукъ, 1856, т. II, отд. 2, с. 59—128 и въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ» автора—стр. 135—204.

м) Купріяновъ: Обзорѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской софійской библіотеки. Спб. 8^о, 1857, стр. 113. От-

дѣльво изъ «Извѣстій II Отд. Акад. Наукъ» т. V, с. 367—71; т. VI, с. 34—66; 276—320. Описаніе кратко, но съ обстоятельными извлеченіями для филологическихъ и историческихъ цѣлей.

п) (Викторовъ?) «Алфавитный указатель Славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки». М. 1858, 8°, с. 128. Оттискъ изъ труда ар. Саввы. «Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки». М. 1858, стр. 153 — 280. Описаніе краткое, довѣяющее для первой нужды.

P. Martinof: Les manuscrits slaves de la Bibliothèque Impériale de Paris, avec un calque. P. 1858, 8°, стр. 111. Прекрасное дополненіе къ книгѣ С. Строева, см. выше, ст. 25, прим. 57, е. Рукописей русскихъ не много, еще менѣ важныхъ.

о) Варлаамъ, арх. «Описаніе Сборника XV столѣтія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря». Спб. 1858 г. 8°, 65 с., отдѣльно изъ V кн. Ученыхъ Записокъ II Отд. Акад. Наукъ. Спб. 1859, от. III, с. 1—66.

Описаніе обстоятельное, со многими выдержками и приложеніями, гдѣ помѣщены нѣкоторые памятники древней русской письменности въ лучшемъ противъ извѣстнаго или новомъ видѣ.

п) Лавровскій, П. «Описаніе семи рукописей С.-Петербургской Публичной библіотеки». М. 1859, 8°, 90. Отд. оттискъ изъ «Чтеній въ Общ. Ист. и Др.» 1858, кн. IV, с. 1 — 90. Трудъ очень замѣчательный въ филологическомъ отношеніи. Впрочемъ— авторъ не упускалъ изъ вида и реальнаго содержанія памятниковъ.

р) Варлаамъ, арх. «Обозрѣніе рукописей собственной библіотеки пр. Кирилла Бѣлозерскаго», въ II кн. Чтеній Общ. Ист. и Др. 1860, с. 1 — 69 и отд., М. 1860. Есть выдержки и при томъ — русскихъ статей.

с) Макарій, арх. «Обозрѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ», въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1861, к. II, с. 1—40. Обозрѣніе не библиографическое.

т) Александръ Б.: (Брянчаниновъ?)—«Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола». Спб. 1861, 8^о, с. II—291—340. Первая половина книги обозрѣваетъ сочин. *историческія*, вторая—соч. *учительныя* или *обличительныя*. Трудъ не библиографическій, а — богословскій, хотя любопытный и для библиографа. Замѣчательно, что по недосмотру въ этомъ описаніи ниже словомъ не помянуты знаменитые «Поморскіе отвѣты».

у) П. Любопытный: Каталогъ или Библіотека старовѣрческой церкви. М. 1861, 8^о, 152 с.—6 нен. Оттискъ изъ журн. «Библиограф. Зап.» за 1861 г.

П. Любопытный: Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви. М. 1863. 8^о, стр. IV—66, отт. изъ «Чтеній въ Общ. Ист. и Древн.» 1863, книга I, от. мат. с. 1—66.

Два изданія одной и той же «раскольничьей библиографіи», но существенно между собою различныя: первое есть современная обработка труда П. Любопытнаго, исполненная Н. Субботинымъ, второе—настоящій, неизмѣненный текстъ его. Такъ какъ назначеніе «Каталога» было болѣе назидательно благочестивое, чѣмъ ученое, то — понятно, что въ немъ нельзя искать точныхъ библиографическихъ приемовъ описанія; тѣмъ не менѣе онъ полезенъ и для библиографа и для историка литературы — очень многими указаніями. Есть еще *третье* изданіе «Каталога или библіотеки П. Любопытнаго» М. 1866, помѣщенного въ видѣ приложенія ко 2-му т. «Сборника для исторіи старообрядчества, изд. М. И. Поповымъ»—изданіе плохое и почти безполезное.

ф) «Описаніе рукописей, принадлежащихъ Археографической Комиссіи въ книгѣ: «Лѣтописи занятій археограф. Комиссіи 1861 г., вып. I, Спб. 1862, с. 1—13. Описаніе трехъ сборниковъ и одной родословной книги. Есть извлеченія. Описаніе не продолжалось.

х) П. И. Савваитовъ: Описаніе пяти рукописей, принадлежащихъ Археографической Комиссіи въ кн. «Лѣтопись занятій

археогр. Комиссіи, 1862—1863», вып. II, Спб. 1864, с. 14 — 31, прот.

Инвентарный каталогъ по главамъ.

ц) Ламанскій, В.: «О нѣкоторыхъ Славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, съ филологическихкими и историческими примѣчаніями». Спб. 1854, 8°, с. 167 (вмѣстѣ какъ «Приложеніе» къ VI т. Записокъ Академіи Наукъ). Трудъ г. Владимира Ламанскаго богатъ и филологическими замѣчаніями и всякаго рода интересными выписками, сближеніями и замѣтками. Есть кое-что, касающееся русской старины. Къ книгѣ приложено 5 табл. литогр. снимковъ. Трудъ извѣстнаго нашего публициста греко-славянина замѣчателенъ еще и тѣмъ, что почти не заключаетъ въ себѣ ничего специфически ему свойственнаго греко-славянскаго.

ч) Дмитріевъ-Петковичъ: «Обзоръ Аѳонскихъ древностей» Спб. 1865, 8°, с. 69. Обзорѣніе славян. рукописей, находящихся въ аѳонскихъ монастыряхъ. Выписки — очень интересны, онѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ дополненія къ трудамъ Аврамовича (Описаніе древностей сръбски Б. 1847) и Григоровича (Очеркъ путешествія по европейской Турціи. К. 1848). Нѣкоторыя рукописи только отмѣчены.

ш) (Смирновъ): «Описаніе рукописныхъ сборниковъ Новгородской Софійской библіотеки» въ кн. «Лѣтописи занятій Археогрфической Комиссіи», 1864, кн. III. Спб. 1865, отд. III, стр. 1—106. Описаніе перечневое, но съ изложеніемъ содержанія тѣхъ статей, которыя могутъ имѣть историческій или литературный интересъ. Кой-гдѣ есть и библіографическія указанія на источники или сродныя произведенія.

щ) И. И. Срезневскій: Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, томъ I, I—XI, Спб. 1867: вып. I. с. VIII+16+86; вып. II, 96; вып. III, с. 88; вып. IV, с. 100; томъ II, XLI—LXXX. Спб. 1876 стр. VI+579.

Трудъ не строго библіографическій, потому что кромѣ рукописей здѣсь разсматриваются и иные предметы, но онъ содер-

жить въ себѣ такое преобладающее количество описаній новыхъ рукописей и памятниковъ письменности, извлеченій изъ нихъ, не рѣдко цѣликомъ, разнаго рода разысканій историческихъ и литературныхъ по поводу и ради ихъ, что ближе всего можетъ быть отнесенъ къ рукописной библиографіи.

аа) П. Лукьяновъ: «Отчетъ о занятіяхъ въ столичныхъ библиотекахъ» въ кн. «Протоколы засѣданій Совѣта Харьк. Универ.» 1867, № 6, с. 557—595; № 7, с. 628—662. Собственно — не библиографическое описаніе, а рядъ весьма важныхъ памятниковъ, извлеченныхъ изъ сборниковъ Публичной библиотеки съ краткими филологическими замѣчаніями.

бб) Оставшееся послѣ Карамзина собраніе рукописей было принесено Императорской Публичной библиотекѣ въ даръ его сыновьями. Оно описано въ «Отчетѣ И. П. Б. за 1867», Спб. 1868, стр. 55—99.

вв) А. Θ. Бычковъ: Описаніе славянскихъ рукописей, принесенныхъ въ даръ Императорской Публичной библиотекѣ А. Θ. Гильфердингомъ, въ Отчетѣ Императорской Публичной библиотеки за 1868 годъ. Спб. 1869, с. 10—159. Рукописи — исключительно югославянской рецензіи. Описаны перечневымъ способомъ; есть, однако, и выдержки. Другія рукописи были приобрѣтены Пуб. библиотекой уже по смерти Гильфердинга; онѣ описаны въ «Отчетѣ» за 1873 г. с. 12—19.

гг) Описаніе книгъ и рукописей, пожертвованныхъ въ Кіевскую Духовную Академію Е. В. Барсовымъ. Кіевъ, 1868, 8^о, 24 с. отд. оттискъ изъ Трудовъ Кіев. Духов. Ак. 1868. № 5, стр. 355—376. Простой инвентарный каталогъ.

дд) Ундольскій: Славяно-русскіе рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя самимъ составителемъ и бывшимъ владѣльцемъ собранія съ № 1 по 579. Съ приложеніемъ очерка собранія рукописей В. М. Ундольскаго въ полномъ составѣ (составл. А. Е. Викторовымъ). М. 1870, 4^о, с. III—468+64. Образцовый библиографическій трудъ, напечатанный по двумъ — пространной и сокращенной—редакціямъ, найденнымъ въ бумагахъ состави-

теля. Богатое собраніе У—скаго заключаетъ въ себѣ болѣе, чѣмъ 1350 номеровъ рукописей. Составитель успѣлъ описать только 579, именно отдѣлъ «Богословія» т. е. а) Священное Писаніе, б) Толкователи Св. Писанія; в) Каноническое право; г) Обряды; д) Отцы Церкви; е) Исторія Церкви; ж) Системы богословскія и з) Смѣсь, т. е. различные сборники, поученія и т. д. Несмотря на сжатость описанія — все важнѣйшее отмѣчено, нерѣдко приводятся библіографическія указанія на источники или однородныя статьи и всякаго рода историческія поясненія; не мало — и выписокъ болѣе интереснаго и важнаго. Составленный г. Викторовымъ очеркъ собранія рукописей В. М. Ундольскаго восполняетъ пробѣлъ, обозрѣвая важнѣйшія рукописи, которыхъ не успѣлъ описать собиратель. Здѣсь же помѣщенъ и очень хорошій обзоръ ученыхъ трудовъ Ундольскаго, оставшихся еще неизданными. Къ этому — еще можно сказать, что помимо богатства всякаго рода свѣдѣній, заключающихся въ трудѣ пок. Ундольскаго — изученіе его приноситъ пользу строгой библіографической школы: съ такимъ руководителемъ научаешься цѣнить и отыскивать такія стороны предмета, на которыя безъ него и не обратилъ бы вниманія. Изъ рецензій можно указать только на ст. В. О. Ключевскаго: «Рукописная библіотека В. М. Ундольскаго» въ Православномъ Обозрѣніи, 1870, № 5, с. 872—894, да и эта статья — скорѣе обзоръ содержанія труда, чѣмъ рецензія его.

е) Невоструевъ: «Библіотека Іосифова Волоколамскаго монастыря времени самого преподоб. Іосифа», въ ст.: Разсмотрѣніе книги И. Хрущева о сочиненіяхъ Іосифа Санина и т. д. въ Отчетѣ о XII присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1870, с. 168 — 186 и въ отд. оттискѣ, стр. 65 — 103. Оригинальная попытка библіографической реставраціи на основаніи старинныхъ описей и записей въ рукописяхъ. Для исторіи просвѣщенія и литературы такія возстановленія утраченнаго — очень важны.

жж) Леонидъ, арх. (Кавелинъ): «Описаніе славяно-русскихъ рукописей книгохранилища Ставропигіальнаго Воскресенскаго,

новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря и замѣтки о старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ того же книгохранилища, въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1871, кн. I, стр. 1 — 71 и отдѣльно. Трудъ краткій охранный, но во многомъ пополняющій свѣдѣнія, изложенныя у арх. Амфилохія, см. ниже.

зз) Викторовъ, А. Е.: Каталогъ славяно-русскихъ рукописей, прибрѣтенныхъ Московскимъ публичнымъ и Румянцовскимъ Музеемъ въ 1868 послѣ Д. В. Пискарева. М. 1871 8°, с. 69. При всей краткости своей — Каталогъ очень обстоятельный, потому что все важное и замѣчательное отмѣчено и пояснено библиографическими указаніями.

и) Гильдебрандтъ, П.: Рукописное отдѣленіе Виленской публичной бібліотеки, вып. первый: I, церковно-славянскія рукописи — II, Русскіе пергамены. Вильна 1871, 4°, XIV + 230. Есть любопытныя выдержки и извлеченія, но вообще все описаніе слѣдить болѣе охранныя, чѣмъ библиографическія цѣли, ибо даже основное библиографическое правило: выписывать начало каждой особой статьи — несоблюдено. Трудъ, впрочемъ, и въ такомъ видѣ — не мало полезный.

кк) Kałuzniacki, Aem.: Descriptio codicum slovenicorum, qui in biblioteca Universitati Jagiell. inveniuntur. Leop. MDCCCLXXI, 8°, 1, р. 35 съ двумя листами снимковъ. Описаніе пяти рукописей XIV—XVI вв. юго-славянскихъ — съ палеографической и филологической точекъ зрѣнія.

лл) Поповъ, А. Н.: Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати бібліотеки А. И. Худова. М. 1872, бол. 8°, 5 неп. + X + 664 + 54.

Поповъ, А. Н.: Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати бібліотеки А. И. Худова. М. 1875, 8° с. III + 94 + 5.

Трудъ образцовый по богатству содержанія, къ сожалѣнію доступный не каждому изслѣдователю, такъ какъ былъ напечатанъ въ числѣ 100 экземпляровъ и не поступилъ въ продажу. «При описаніи каждой рукописи, кромѣ обозначенія заглавія, ха-

рактера и времени его написанія и величины по листамъ, обращено вниманіе на содержаніе — тѣмъ подробнѣе, чѣмъ оно своеобразнѣе и чѣмъ менѣе извѣстны книги такого содержанія. При этомъ оглавленіе статей, составляющихъ книгу, передано дословно и буквально по рукописи. Записи и замѣчательныя приписки выписаны всѣ и также буквально. Такъ же выписаны и отрывки изъ рукописей, взятые для показанія языка и правописанія. Изъ нѣкоторыхъ рукописей выписаны цѣликомъ цѣлыя статьи, или неизвѣстныя или извѣстныя по какому-нибудь другому изводу, или по неудовлетворительному списку. Нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ снабжены разночтеніями по другимъ спискамъ. Кромѣ всего этого есть еще очень много указаній то на другіе списки статей и книгъ и на печатныя изданія, то на греческіе подлинники и на изслѣдованія о статьяхъ и книгахъ... Книга А. Н. Попова, посвященная Хлудовскому собранію рукописей—важна не только для ознакомленія съ этими рукописями, но и вообще какъ пособіе для изученія юго-славянской и русской письменности». Изъ этихъ словъ такого судьи, какъ И. И. Срезневскій—видна высокая важность труда г. Попова: она совмѣщаетъ въ себѣ достоинства тщательнаго описанія рукописей съ изданіемъ самихъ памятниковъ, иногда совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ или извѣстныхъ только отчасти. Быть можетъ строгіе пуристы-библіографы упрекнутъ описателя за эту библіографическую ересь, но отъ такого упрека воздержится каждый изслѣдователь древне-славянской и древне-русской письменности, правильно понимающій нужды своей науки... Рецензія труда г. Попова, написанная И. И. Срезневскимъ—помѣщена въ «Запискахъ Акад. Наукъ», томъ XXI, 1872, с. 319—327, въ «Сборникѣ статей II Отд. Акад. Наукъ», т. X, 1873, стр. XVII—XXV.

мм) Барсовъ, Е. В.: Описаніе рукописей и книгъ, хранящихся въ Выголексинской библіотекѣ. Спб. 1874, 8⁰ с. IV+85, отдѣльный оттискъ изъ VI вып. Лѣтописей занятій Археограф. Комиссіи. Краткій каталогъ съ нѣкоторыми, какъ кажется, случайными замѣчаніями и очень немногими выписками. Предислан-

ный описанію «историческій очеркъ выговской бібліотеки» — интересная глава изъ исторіи русской культуры и религіозной жизни.

нн) Амфилохій, арх.: «Описание Воскресенской Новоіерусалимской бібліотеки, съ приложеніемъ снимковъ (16 in. f.) со всѣхъ пергаменныхъ рукописей и нѣкоторыхъ писанныхъ на бумагѣ». М. 4^о, 1875, стр. 9 + II + 214. Описание по частямъ было исполнено гораздо ранѣе: именно въ 1858 г. и напечатано въ VII — VIII томахъ «Извѣстій по II Отд. Академіи Наукъ»; потомъ оно было дополнено авторомъ и издано вновь. Характеръ описанія — инвентарный, по статьямъ и листамъ. Есть выписки, но едва-ли помѣщеніе ихъ вездѣ опредѣлялось дѣйствительной нуждой и потребностями изслѣдователей, едва-ли вездѣ онѣ принадлежать къ замѣчательнымъ и избраны съ какою-нибудь иною цѣлью, кромѣ той, чтобы дать образцы языка и правописанія. Обзорѣніе рукописей Новоіерусалимской бібліотеки, на основаніи труда о. Амфилохія, а равно и рецензія послѣдняго (И. И. Срезневскаго) въ Отчетѣ о двадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1878, с. 749—754.

оо) Арх. Леонидъ (Кавелинъ): «Славяно-сербскія книгохранилища на св. Аѳонской горѣ, въ монастыряхъ Хиландарѣ и св. Павлѣ» въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древ. 1875, кн. I, см. стр. 1—80. Рукописи за немногими исключеніями — сербской рецензіи. Съ 52 стр. описано книгохранилище болгарскаго Зографскаго монастыря. Рукописи его — рецензіи болгарской. Есть любопытныя выписки.

пп) Петровъ, Н. И.: Описание рукописей церковно-археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи. Кіевъ, 1875, 8^о, вып. I, с. 1 — 280; вып. II, с. 281 — 542; вып. III, стр. 543 — 683 + CVII.

Задача, какою задался почтенный описатель, была широкая; онъ стремился: а) не только обозначить внѣшній видъ рукописей, но и «опредѣлить личность автора, переводчика и переписчика рукописи и время ея составленія, перевода и переписки; б) дать полное и обстоятельное свѣдѣніе о составѣ рукописи такъ, чтобы

ни одна малѣйшая статья не ускользнула изъ вниманія читателя; для чего показывалось не только заглавіе рукописи, но и частныхъ статей ея и начальнаго текста ихъ; в) указать на тождественныя статьи въ другихъ рукописяхъ Музея и г) указать рукописи или статьи ихъ, которыя извѣстны или въ печати, или въ другихъ извѣстныхъ въ Россіи собраніяхъ рукописей...» Естественно, что такія широкія, для нашего времени почти идеальныя — требованія могли быть исполнены только отчасти: трудъ Н. И. Петрова удовлетворяетъ только первому ознакомленію съ рукописями; выписокъ и извлеченій изъ текстовъ — почти нѣтъ никакихъ, нѣтъ и филологическихъ экспертовъ и характеристикъ. Историко-литературныя замѣтки и указанія — случайны и неполны, также точно и библіографическія ссылки, но полной признательности заслуживаютъ попытки библіографа опредѣлить источники нѣкоторыхъ произведеній древне-русской письменности, предпріятіе, которое и тѣмъ уже полезно, что въ значительной степени облегчаетъ трудъ изслѣдователей.

pp) Е. І. Калужняцкій: Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ бібліотекахъ и архивахъ львовскихъ. Кіевъ, 1877, 4^о с. 109, отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ» III Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, 1877, К., стр. 213—321. «Обзоръ» Е. І. Калужняцкаго есть скорѣе собраніе всякаго рода историко-литературныхъ и библіографическихъ замѣчаній о памятникахъ, чѣмъ библіографическое описаніе львовскихъ рукописей. Потребность въ такомъ обзорѣ чувствовалась тѣмъ сильнѣе, что извѣстное сочиненіе мораванина Беды Дудика: «*Archive im Königreiche Galizien und Lodomerien*. W. 1868, с. 222 — по отношенію къ русскимъ матеріаламъ было — менѣе чѣмъ неудовлетворительно.

сс) А. Е. Викторовъ: Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ, 1584 — 1725, вып. I. М. 1877, 8^о, с. 376. Превосходный библіографико-археологическій трудъ. Первый томъ заключаетъ книги и дѣла Казеннаго Приказа, Государевой и Царицыной мастерскихъ Палатъ.

тг) **Θ. Успенскій**: «О нѣкоторыхъ Славянскихъ писанныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ», Журн. Мин. Нар. Пр. 1878, т. СХ — СІХ (№ 9) с. 1 — 21 и т. СС (№ 10) с. 63 — 94. Рукописи — южно-славянскія болѣе важны по историческимъ припискамъ и изображеніямъ, чѣмъ въ отношеніи филологическомъ или литературномъ.

уу) **Іер. Иларій и Арсеній**: «Описаніе славянскихъ рукописей библиотеки Свято-троицкой Сергіевой Лавры», въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. 1878, кн. 2, 4; 1879, кн. 2; и отдѣльно, М. 1878 — 9, I, с. XIX + 352; II, ib. 240; III, ib. 267 + 44.

Описаніе перечневое, по статьямъ, обстоятельно; но пока безъ выдержекъ.

фф) **А. Θ. Бычковъ**: Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной библиотеки. Спб. 1878, 8^о, въ первомъ выпускѣ стр. 176.

Давно ожидаемый, образцовый трудъ, притомъ той части древне-русской письменности, которая представляетъ наибольшій интересъ. Все важное, интересное и новое въ отношеніи литературномъ и историческомъ извлечено. Есть и историческія объясненія и указанія.

хх) **(Порфирьевъ)** Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библиотекѣ Казанской Духовной Академіи, Казань, 1879, 8^о с. XIV? и при «Православномъ Собесѣдникѣ» 1878 — 9.

Описаніе обстоятельное, съ выдержками и историко-литературными разысканіями и указаніями. Въ предисловіи — краткая исторія библиотеки.

цц) **Д. Прозоровскій**: «Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ Музеѣ русскаго Археологическаго Общества», Сиб. 1879, 8^о, стр. 307.

Главную часть книги занимаетъ описаніе актовъ и дѣловыхъ бумагъ съ подробными извлеченіями. Особенно важныхъ по старинѣ или содержанію рукописей — очень немного. «Опись не библиографическаго характера».

чч) Кн. Вяземскаго: Обзоръ Московскихъ книгохранилищъ (II Приложение къ протоколу Засѣданія Общ. Любителей Древней письменности, 10 ноября 1877), Спб. 1877 с. 18.—Заносится мною здѣсь единственно полноты ради: это — замѣтки дилетанта — туриста...

35. Въ эту краткую «лѣтопись» библиографическихъ трудовъ по рукописямъ ⁸⁰⁾ я не внесъ ни описаній рукописей и памятниковъ отдѣльных, ни нѣкоторыхъ рукописныхъ приобрѣтеній Императорской Публичной библіотеки и Румянцевскаго Музея: первыя будутъ указаны — далѣе, каждое въ своемъ мѣстѣ; о вторыхъ—можно найти свѣдѣнія въ годовыхъ «Отчетахъ» этихъ учреждений, и притомъ — почти въ каждомъ Отчетѣ ⁸¹⁾.

Несмотря на то, что многія важныя собранія — рукописей еще не описаны — или, по крайней мѣрѣ, описанія ихъ не изданы (Биб. Моск. Духовной Академіи, С.-Петербургской Духовной Академіи, Московской Синодальной типографіи, Погодинскаго древле-хранилища, Общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ, Чудова монастыря и т. д.), что другія описаны не вполне или только отчасти (собранія Императорской Публичной библіотеки, Синодальной библіотеки, гр. А. С. Уварова, Академіи Наукъ), нельзя — кажется — отечественную манускриптологію упрекнуть въ застоѣ: многое еще остается сдѣлать не потому, чтобъ было мало сдѣлано, а потому, что жатва вообще очень обильна и требуетъ работы многихъ поколѣній.

80) Даемъ здѣсь мѣсто прерванному выше (Ст. 25, пр. 57) перечню библиографическихъ работъ по старопечатнымъ книгамъ:

а) В. Ундольскій: «Каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати, библіотеки Кастерина» въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. 1848, № 9, смѣсь I—VIII—97—141; отсюда этотъ Каталогъ отпечатанъ въ двухъ видахъ: а) обыкновенномъ in 8°, М. 1848, стр. 50 и in 18°, *ibid.* XVI, с. 199. Последнее изданіе очень рѣдко.

б) И. П. Сахаровъ: Обзорѣніе славяно-русской библіографіи. Томъ первый, книга вторая. Спб. 1849, бол. 4°, стр. 184.

Описано 575 №, кон. 1655 г. — Продолженіе труда въ собственноручной бѣловой рукописи автора, № 576—824 по 1683 г. — въ моей библіотекѣ.

в) М. А. Максимовичъ: «Книжная Старина южно-русская». Три статьи: 1-ая во Временникѣ Об. Ис. и Др., к. I, 1849, ст. 1—12, 2-я ib. кн. 3, с. 1—12; 3-я въ «Кіевлянинѣ» кн. 3, М. 1850, с. 117—138. Прекрасное библіографическое обозрѣніе, впрочемъ — не хронологическое, а въ видѣ отрывочныхъ замѣтокъ.

г) Каратаевъ: Хронологическая Роспись славянскихъ книгъ, напечат. кирилловскими буквами. 1491—1730. Спб. 1861, и 16^о, стр. XIX+227.

д) Ундольскій: Очеркъ Славяно-русской библіографіи, съ дополнен. А. Θ. Бычкова и А. Викторова. М. 1871, 8^о, III+388 стр.

Изданіе замѣчательное по своду библіографическихъ указаній и относительной своей полнотѣ.

е) Барсуковъ: Списокъ книгъ церковной печати библіотеки Св. Синода. Спб. 1871, in 16^о, с. 69.

ж) Каратаевъ: Библіографическія замѣтки о старославянскихъ печатныхъ изданіяхъ 1491—1730. Спб. 1872, in 16^о, стр. 54. Брошюра полемическая, specimen rabiei bibliographicae!

з) Головацкій: Дополненіе къ «Очерку славяно-русской библіографіи Ундольскаго» въ Сборникѣ стат. II От. Ак. Н., т. XI, № 5, Спб. 1874, с. 96. Много лишняго.

и) Голубевъ: Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, преимущественно конца XVI—XVII с., Кіевъ, 1876, 8^о, 80 с. изъ «Трудовъ Кіев. Духов. Акад.» 1876, № 1 и 2. Трудикъ чистенько сдѣланный!

к) Бѣленькій: Опись церковно-богослужебныхъ книгъ, принадлежащихъ Комитету Описанія Подольской епархіи. Кам.-Подольскъ, 1876, 8^о, стр. 14 (отд. отт. изъ Подольскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей).

л) Каратаевъ: Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ Кирилловскими буквами. 1491—1730, Спб. 1878, 8^о с. VI+280+III—въ первомъ выпускѣ.

Описаніе обстоятельное, съ выписками изъ «предисловія», «послѣсловія» и самаго текста стар. книгъ. Литературная и

библіографическая исторія каждой книги представлена полно и отчетливо. Хотя описаніе сіе и не дѣлаетъ излишнимъ предыдущихъ трудовъ, въ особенности трудовъ Строева, но оно самое полное и важное изъ всего появившагося въ сей области въ послѣднее время.

м) Родосскій: «Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ рѣдкихъ экземплярахъ церковно-славянскихъ книгъ, хранящихся въ Библіот. С.-Петерб. Духовной Академіи» въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1879, май — июнь, стр. 780—806. июль — августъ, с. 223—244.

Книги—XVII вѣка. Статья—дѣльная, съ историко—литературнымъ и историко — художественными выдержками. Особенно подробно и обстоятельно описана книга: «Ученіе и хитрость ратнаго строенія. М. 1647.

81) См. напр. Отчетъ Импер. Публичной библіотеки за 1874, стр. 109 sq. Отчетъ за 1875 г. с. 49 и слѣд.; за 1876, стр. 27—100 и Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1867—69, М. 1871, с. 24 слѣд., и Отчетъ за 1870—72, М. 1873, с. 25 sq., 39 sq., 61 sq.; Отчетъ за 1873—75 г. М. 1877, стр. 7 sq., 15 sq., 41 sq., 45 sq., 51 sq.

36. Вмѣстѣ съ разборомъ и приведеніемъ въ извѣстность рукописей шло и изданіе самихъ памятниковъ. О нѣкоторыхъ я уже упоминалъ выше (ст. 25, 28, 30, 31 и др.). Здѣсь умѣстно будетъ назвать еще: изданіе гг. Костомарова и Пыпина, выходявшее въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Памятники старинной русской литературы» Спб. 1860 — 2, 4 т. и содержащее въ себѣ богатый запасъ произведеній повѣствовательной и отреченной литературы. Къ сожалѣнію — приемы изданія не могутъ быть во всемъ названы безукоризненными ⁸²⁾; изданіе гр. А. С. Уварова, подъ заглавіемъ: «Рукописи гр. Уварова», т. II, вып. 1., Спб. 1858, заключающее въ себѣ произведенія Кирилла Туровскаго, изд. подъ редак. проф. Сухомлинова; «Памятники отреченной литературы», изд. Н. С. Тихонравовымъ, Спб. и М. 1863, 2 т.—образцовое изданіе; «Памятники русской литературы XII и XIII в. издан. В. Яковлевымъ (и Праховымъ) Спб. 1872,—собственно—Патерикъ печерскій; «Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской

редакціи», изд. А. Н. Поповъ, М. 1869; наконецъ — «Историческая Христоматія Церковно - Славянскаго и древне - русскаго языковъ», сост. пр. Ѳ. И. Буслаевымъ, М. 1861, — очень важный сборникъ, содержащій въ себѣ, между многими уже извѣстными текстами, множество такихъ, которые дотолѣ были неизданы. Они напечатаны съ удержаніемъ всѣхъ особенностей древняго правописанія и снабжены многими историко-литературными и грамматическими объясненіями.

82) См. рец. Н. А. Л. (Лавровскаго) въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1862, № 9 и 10.

37. Успѣхи въ разборѣ и ознакомленіи съ рукописной стариной — не могли не отразиться на успѣхахъ науки славяно-русской палеографіи.

Выше обозрѣвая труды по описанію рукописей, я отмѣтилъ, что при нѣкоторыхъ библіографическихъ описаніяхъ — прилагались и палеографическіе снимки съ рукописей, иногда въ значительномъ количествѣ и исполненные очень удовлетворительно. То же находимъ и при изданіяхъ отдѣльныхъ памятниковъ и при нѣкоторыхъ особыхъ трудахъ историко-филологическаго характера: такъ снимками съ рукописей снабжены нѣкоторыя румянцевскія изданія, изданія Общества Исторіи и Древностей, Археологической Комиссіи, Академіи Наукъ, С.-Петербург. и Московскаго Археологическихъ Обществъ, «Христіанскія Древности» г. Прохорова, соч. Бодянскаго «о времени происхожденія славянскихъ писъменъ» М. 1855, «Описаніе Архива старыхъ дѣлъ» Иванова, 1850, «Достопамятности Москвы» К. Тромонина, М. 1843—5, и мн. др. Были попытки въ точномъ снимкѣ передать всю рукопись, или по крайней мѣрѣ цѣльный памятникъ, въ ней заключавшійся, таковы: «Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ» Спб. 1860, изд. Срезневскимъ; «Туровское Евангеліе XI в.» В. 1868; «Псковская Судная грамота», изд. Мурзакевичемъ, Од. 1868; «Житіе Сергія, пр. чуд. Радонежскаго», въ листъ, 1853; «Повѣсть временныхъ лѣтъ» по Лаврентьевскому списку. Спб. 1872,

«Повѣсть временныхъ лѣтъ» по Ипатскому списку, Спб. 1871, «Новгородская Лѣтопись» по синодальному харатейному списку, Спб. 1875, «Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригею и ганзейскими городами», Спб. 1857 и нѣк. друг.

Движеніе палеографической науки не ограничилось, однако издашемъ *такого рода* сырыхъ матеріаловъ; были предпринимаемы и болѣе систематическіе опыты, въ которыхъ постепенное измѣненіе письма съ XI по XVII в. представлялось хронологически цѣлымъ рядомъ характерныхъ снимковъ, были попытки «сводныхъ» алфавитовъ и разсмотрѣнія нѣкоторыхъ частныхъ палеографическихъ вопросовъ. — Перечтемъ все въ строгомъ смыслѣ сюда относящееся. Послѣ указанныхъ (ст. 14, 19) «Палеографическихъ таблицъ (числомъ пяти) почерковъ, приложенныхъ къ IV ч. «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ» и «Палеографическихъ таблицъ почерковъ съ XI по XVIII в. (числомъ 12)» приложенныхъ къ описанію славяно-русскихъ рукописей гр. О. А. Толстова — представляющихъ первыя слабыя попытки систематическаго подбора матеріала — появились:

а) «Образцы славянскаго древленісани, изд. пр. Погоднымъ», 2 тетради, М. 1840 — 41, т. 4^о, заключающія въ себѣ сорокъ четыре превосходныхъ снимка, исполненныхъ художникомъ Тромпинымъ.

б) «Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ почерковъ древняго и новаго письма разныхъ періодовъ времени» былъ изданъ П. Ивановымъ въ 1844, in 4^о, с. 16 + 34 + 102 таб. Кромѣ «Историческаго взгляда на развитіе славяно-русской письменности и словесности», взятаго почти цѣликомъ изъ «Разсужденія» Востокова о славянскомъ языкѣ, — здѣсь помѣщены дипломатическія «объясненія содержанія снимковъ съ древнихъ актовъ», и чтенія нѣкоторыхъ грамотъ и разныя замѣчанія, впрочемъ не-самостоятельныя. Снимки исполнены вообще неудовлетворительно.

в) Сборникъ снимковъ судебного письма, съ XII по XVIII в., составленный И. П. Сахаровымъ въ сороковыхъ годахъ — числомъ 27 таблицъ, въ свѣтъ неизданъ. Только немногіе снимки

исполнены удовлетворительно. Экземпляры полные: въ библіот. П. И. Савваитова и моей.

г) «Собраніе палеографическихъ снимковъ съ славянскихъ рукописей XI—XVII в.», принадлежащихъ библіотекамъ: Троицкой Лавры, Московской Духовной Академіи, Московской синодальной, Обществ. Исторіи и Древностей, Новоіерусалимской и др., сост. еще въ 1850-хъ годахъ В. М. Ундольскимъ. Въ свѣтъ доселѣ не выпущено. Число снимковъ по нашему экземпляру—86. Большинство снимковъ исполнено очень вѣрно. Выборъ ихъ—выборъ знатока своего дѣла. По плану собирателя эти снимки должны были служить «приложеніемъ» къ обширному «Опыту палеографіи», труду, — начало котораго и отрывочные матеріалы найдены въ бумагахъ нашего библіографа.

д) Ѳ. И. Буслаевъ: «Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи письменъ славянскихъ, собранные изъ XV рукописей Московской Синодальной библіотеки, съ приложеніемъ 22 снимковъ, литогр. Іон. Шелковниковымъ. f. (см. выше, ст. 34, и), 4 снимка съ греческихъ рукописей VII—XI в., 15 снимковъ со славянскихъ рукописей XI—XVI в., 2 снимка съ заглавныхъ буквъ рукописей и 1 снимокъ—со строчныхъ буквъ (азбука) и сокращеній». Снимки исполнены превосходно, во многихъ случаяхъ лучше чѣмъ оригиналъ!

е) Савва, еп.: «Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки» VI—XVII в. М. 1863, in 4° (есть нѣсколько экзempl. *въ листъ*, какъ въ моей библіотекѣ) л. V + 46 + 19 таб. греч. + 47—славянскихъ, XIII таб. «Дополненій», гдѣ между прочимъ помѣщены греческія сокращенія и сводныя азбуки, греческія и славянскія. Объясненія къ снимкамъ, откуда, изъ какой рукописи каждый взятъ—очень кратки. Исполненіе снимковъ—вообще удовлетворительное. Трудъ—весьма важный. См. мою рецензію въ Спб. Вѣдом. 1863, № 72.

ж) И. И. Срезневскій: «Древніе памятники русскаго языка и письма (X—XIV в.). Приложеніе: Снимки съ памятниковъ».

Спб. 1866, 4^о, 40 листовъ снимковъ. Какъ въ отношеніи подбора, такъ и въ отношеніи вѣрности—изданіе образцовое. Палеографическихъ разъясненій и общихъ сводовъ нѣтъ: ихъ, конечно, авторъ берегалъ для своей полной «славяно-русской палеографіи».

Кромѣ такихъ болѣе или менѣе важныхъ и значительныхъ, систематико-палеографическихъ собраній,—есть немало трудовъ и по отдѣльнымъ вопросамъ славяно-русской палеографіи; такъ помимо вышеуказанныхъ *сводныхъ алфавитовъ* еп. Саввы — извѣстны еще:

а) сводный алфавитъ изъ русскихъ грамотъ XII — XV вв., сост. Лелевелемъ и напеч. при его статьѣ «o diplomatyce ruskiej» въ Dziennik Warszawski, 1826, № 19 (переп. въ его «Polska» etc. t. V. Poz. 1863, t. 391—415.

б) Köppen'a: «Die slawisch-russische Schrift v. XI b. z. XV Jahrhundert», 1 палеографическая таблица съ объяснительною статьею: «Erläuterungen zur paläographischen Tabelle der slawisch-russischen Schrift» въ Bulletin historico-philolog. de l'Académie de sciences, t. V, 1848, № 3, sq., 33—48 и отдѣльно. Сводный алфавитъ—достоверный, взятый съ рукописей съ хронологическими датами.

з) (Г. В. Есипова) Азбука и скоропись XVII в. для нагляднаго изученія. М. 1875, 8^о obl. IV ненум. — 60 стр. Кромѣ азбуки здѣсь помѣщены снимки отдѣльныхъ словъ, цифръ, старинныхъ грамотъ, объясненія и чтенія отдѣльныхъ словъ и снимковъ. Цѣль изданія — практическая.

Весьма важный вопросъ о книжномъ дѣлѣ въ древней Руси, т. е. обо всѣхъ отдѣльныхъ статьяхъ и предметахъ, относившихся къ списыванію книгъ — разсмотрѣнъ г. Срезневскимъ въ особомъ сочиненіи: «Древнія русскія книги. Палеографическій очеркъ. Спб. 1864, 4^о, с. 40. Отд. оттискъ изъ журнала Прохорова «Христіанскія древности» 1864, № 2, с. 15—36 и № 3,

с. 57—72. Сюда же по собранію нѣкоторыхъ данныхъ принадлежитъ и статья: «Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи» въ Православн. Собесѣдн. 1862, ч. I, с. 131—171, 350—368, хотя ни историческіе приемы автора ея, ни его способъ изложенія не заслуживаютъ одобренія по отсутствію системы и излишнему многословію.

Проточные, заводскіе знаки на бумагѣ—нерѣдко служили къ тому, чтобы опредѣлять вѣкъ рукописи. Палеографически-научное значеніе сихъ знаковъ было ясно обозначено русскимъ палеографомъ — практикомъ, вологодскимъ купцомъ И. Лаптевымъ, издавшимъ въ 1824 собраніе сихъ знаковъ: «Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ или способъ узнавать на бумагѣ время, въ которое писаны старинныя рукописи». Спб. 4^о, 11 стр. + 28 таб. Извѣстный въ свое время художникъ-археологъ Кор. Тромошинъ въ 1844 году издалъ цѣлую книгу ихъ подъ заглавіемъ: «Изъясненіе знаковъ видимыхъ на писчей бумагѣ, посредствомъ которыхъ можно узнавать, когда написаны или напечатаны какія-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другія старинныя и не старинныя дѣла, на которыхъ неозначено годовъ. М. 1844, 4, стр. 22 (?) и СХХХ л. снимковъ. Только XVI таблицъ занято знаками, взятыми съ французскаго изданія Jansen'a, остальные—съ рукописей и старопечатныхъ книгъ русскихъ⁸³⁾.

Отношеніе старославянскаго письма къ греческому, иначе—происхожденіе Кириллицы, а равно Глаголицы было предметомъ нѣсколькихъ остроумныхъ и важныхъ замѣчаній И. И. Срезневскаго, Григоровича и Лавровскаго, см. ст. «Палеографическія замѣтки» Срезневскаго въ Извѣст. II Отд. Ак. Наукъ 1860, т. IX, стр. 161—6 и Труды перваго Археологич. съѣзда въ Москвѣ, М. 1871, 4^о, I, с. СХV—СХХIV, см. также Григоровича «Замѣтки о Солунѣ и Корсунѣ» Од. 1872, с. 8—10.

Системы старорусскаго правописанія послужили также предметомъ особой записки И. И. Срезневскаго: «О русскомъ правописаніи. Письмо первое». Спб. 1867, стр. 32 отд. отдг. изъ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867 г., СХХХIV, с. 449—480.

Системы криптографіи или старо-русского тайнописанія были разсмотрѣны П. А. Лавровскимъ въ ст. «Старо-русское тайнописание» М. 1870, 4, 27, отд. отт. изъ III т. Трудовъ Москов. Археологическаго Общества, стр. 29 — 55, и И. И. Срезневскимъ въ статьѣ «Замѣчанія о русскомъ тайнописаніи» (дополненіе къ предыд. статьѣ), Спб. 1871, 8^о, с. 10 и въ «Сборникѣ статей», читанныхъ въ II Отд. Акад. Наукъ, т. VIII, Спб. 1872 с. XXIV — XXXI ⁸⁴).

Палеографическихъ трудовъ общаго, цѣльнаго характера — въ русской наукѣ, пока, не существуетъ, развѣ можно признать таковыми «Матерьялы для славянской палеографіи», извлеченные А. Н. Пыпинымъ изъ Востоковскаго описанія Румянцевскаго «Музея» въ «Ученыхъ Запискахъ II Отд. Ак. Н., к. II, 1856, вып. II, с. 3 — 58 и въ «Филологическихъ наблюденіяхъ» Востокова, Спб. 1865, с. 79 — 134, но это только — начало дѣла ⁸⁵).

83) Заводскіе проточные знаки на бумагѣ еще имѣютъ и тотъ интересъ, что ясно указываютъ, откуда старая Русь получала бумагу и какимъ путемъ. См. въ этомъ отношеніи интересный сборникъ «знаковъ», помѣщенный въ изданіи Luchsá: «Schlesiens Vorseit in Bild und Schrift» за 1866 годъ, Bres. 4^о, с. 49 s.

84) Сюда же должно отнести и ст. пок. А. Н. Попова: «Дипломатическая тайнопись временъ ц. Алексѣя Михайловича» въ Запискахъ Имп. Археол. Общ. т. V, Спб. 1853, с. 152—6 и тамъ же «Перечнѣ Засѣданій» 117—124.

85) Подробности о всѣхъ изданіяхъ палеографическаго характера, а равно и о ходѣ этой науки въ Россіи и у западныхъ славянъ — можно найти въ статьѣ И. И. Срезневскаго «Обзоръ матерьяловъ для изученія славяно-русской палеографіи» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, № 1, стр. 76—115 и отдѣльно. Я ограничился только тѣмъ, что строго-спеціально относилось къ предмету. Статья г. Срезневскаго подъ заглавіемъ: «Палеографическія изслѣдованія памятниковъ русской древности», помѣщ. въ Извѣстіяхъ II Отд. Ак. Н., т. VI, с. 257—275, — есть, такъ сказать, первая редакція вышеназваннаго «Обзора».

38. Успѣхи въ изученіи рукописей, а равно и успѣхи филологической науки отзывались и на способѣ изданія памятниковъ. Не вполне отвѣчающими требованіямъ науки признаны: а) изданіе памятниковъ по отдѣльному малоисправному списку при существованіи другихъ, гораздо болѣе исправныхъ (таковы отчасти «Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко 4 тома. Спб. 1860—2»); б) изданіе памятника, составленнаго выборкою отдѣльных мѣстъ изъ многихъ списковъ (таково изданіе Даніила Паломника г. Норова); г) изданія отдѣльных списковъ одного и того же мало чѣмъ между собою разнящихся (Рукописи гр. А. С. Уварова. Спб. 1858, «Житіе Кирилла и Меѳодія», изд. Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ» и др.); д) изданіе вариантовъ отдѣльно отъ текста (тк. нѣкоторыя изданія пр. Бодянского въ «Чтеніяхъ», напр. Житіе Θεодосія, Бориса и Глѣба)... «Подлинникъ необходимо издавать, какъ онъ есть, взявъ въ основаніе текстъ древнѣйшій или исправнѣйшій списокъ; пропуски въ немъ должны быть дополнены по другимъ спискамъ, а равно и разночтенія; при чемъ всегда слѣдуетъ обозначать, изъ какого списка что взято. Также точно должны быть исправляемы по другимъ спискамъ — порча, ошибки, или описки писца въ основномъ списокѣ (всегда, однако, съ обозначеніемъ исправленій). Правописаніе и знаки препинанія слѣдуетъ оставлять тѣ же, что въ древнемъ текстѣ. «Все, прибавляемое къ подлиннику, должно ясно отдѣляться отъ подлинника, а подлинникъ долженъ быть данъ и въ изданіи такимъ, какъ онъ есть самъ въ себѣ». Только на основаніи такихъ изданій (а ихъ въ русской наукѣ уже не мало) станутъ возможны изданія еще болѣе высшаго порядка, т. е. «чтенія», изданія самаго подлинника, на сколько его можно возстановить съ помощью различныхъ списковъ и разныхъ соображеній. Это должна быть полная реставрація памятника, вѣнецъ филологической и палеографической критики! Есть въ русской наукѣ уже удачныя опыты подобныхъ реставрацій; но вообще онѣ — *pia desideria* науки.

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, многіе списки отли-

чаются разными схоліями, осложненіями и прибавками, то — для историческихъ цѣлей умѣстнымъ должно признать *изданія сводныя*.

39. Историческій методъ изученія произведеній словесности имѣетъ своей задачею раскрыть въ нихъ начала исторической и духовной жизни извѣстнаго народа, его бытъ, образованность, нравы, образъ жизни, мысли и нравственныя стремленія, — словомъ весь сложный комплексъ его «нравственнаго бытія и дѣятельности», какъ они выражаются въ произведеніяхъ слова и на сколько они возникаютъ подъ вліяніемъ послѣднихъ.

Начало *историческаго изученія русской словесности*, въ противоположность прежнему, эстетическому, ограниченному изученіемъ художественной стороны, и, конечно, немногихъ произведеній, въ первый разъ ясно и твердо было внесено въ русскую науку Шевыревымъ: еще въ 1838 г. онъ задавался задачей «слѣдить всю массу произведеній литературы нашей въ ея развитіи относительно къ тому, какъ въ нихъ отражалась жизнь русскаго народа и государства», а въ 1846 и 1860 гг., какъ мы видѣли (выше, ст. 27.) выполнилъ эту задачу въ довольно широкихъ размѣрахъ... Хотя въ способахъ примѣненія историческаго начала къ изученію нѣкоторыхъ родовъ словесности — Шевыревъ нерѣдко отступалъ отъ законовъ историческаго изслѣдованія и критики⁸⁶), но все же за нимъ несомнѣнно останется заслуга постановки вопроса о важности историческаго изученія произведеній — нашей древней словесности и перваго широкаго опыта этого изученія.

Историческое изученіе произведеній словесности предполагаетъ и необходимо требуетъ:

- а) изслѣдованія происхожденія памятниковъ, т. е. степени ихъ самобытности,
- б) изслѣдованія историко-литературнаго содержанія и значенія ихъ.

Обѣ эти задачи не остались уже безъ посильныхъ отвѣтовъ въ русской наукѣ.

ad а) Мысль о необходимости изученія произведеній древней русской словесности въ связи съ византійскими источниками или образцами должна была явиться естественно, какъ слѣдствіе простаго вниканія въ характеръ древне-русской образованности и письменности. Можно замѣтить присутствіе этой мысли въ нашей наукѣ еще въ 1820 — 30-хъ годахъ, но до выхода въ свѣтъ Востоковскаго «Описанія рукописей Румянцевскаго Музея» — она принадлежала вполнѣ *ad pia desideria*. Съ этого времени мысль эта становится однимъ изъ принципиальныхъ условій науки исторіи древней русской словесности. Хотя быстрымъ успѣхамъ подобнаго рода изслѣдованій много препятствуетъ слабое развитіе византійскихъ запятій у насъ и на западѣ, а равнымъ образомъ — неизвѣстность и недоступность многихъ византійскихъ источниковъ, но уже нѣкоторое количество византійскихъ источниковъ нашей древней письменности опредѣлено обстоятельно. Есть даже и подробныя сличенія... Правда, по вѣрному замѣчанію г. Срезневскаго, останеся еще нерѣшеннымъ: а) «что именно изъ отмѣченнаго въ спискахъ именами извѣстныхъ греческихъ писателей можно считать переведеннымъ, а не передѣланнымъ, или не изъ головы написаннымъ, только подъ чужимъ именемъ; б) что именно изъ отмѣченнаго именами нашихъ писателей ими и написано, а не переведено, или передѣлано ими или кѣмъ-нибудь другимъ; в) что именно изъ безымѣнныхъ произведеній должно стать въ ряду переводовъ или въ ряду сочиненій и какихъ именно писателей, по крайней мѣрѣ — какого именно времени»... ⁸⁷⁾, но вообще едва-ли можно утверждать, что византійскій элементъ нашей древней письменности — не привлекаетъ должнаго вниманія въ русской наукѣ: причина, почему изслѣдованія этого рода идутъ очень медленно, заключается, конечно, въ трудности дѣла, гдѣ нѣтъ иногда даже необходимыхъ элементарныхъ пособій... Не то приходится сказать объ элементѣ западномъ, т. е. объ изученіи произведеній русской словесности сравнительно съ западными ея источниками или съ однородными произведеніями европейской литературы... Здѣсь мы находимъ только одни начинанія, иногда

блестящія, рѣшительныя, но все же рѣшительныя только для нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ науки, а не для цѣлыхъ отдѣловъ ея⁸⁸⁾. Кажется даже, что самая мысль о сравнительномъ изученіи русскихъ произведеній съ западными — признана не всѣми, — по крайней мѣрѣ она далеко не имѣетъ того авторитета и признанія, какъ мысль о важности византійскаго элемента... Но не распространяясь о томъ, что многіе роды произведеній древней русской словесности стоятъ въ прямыхъ, генетическихъ связяхъ и отношеніяхъ къ произведеніямъ западной литературы, а потому необходимо требуютъ совмѣстнаго, сравнительнаго разсмотрѣнія, не говоря также и о томъ, что въ западной, болѣе богатой литературѣ нерѣдко живѣе и полнѣе сохраняются слѣды недовѣдомыхъ источниковъ, общихъ какъ нашимъ сказаніямъ, такъ и западнымъ, — не могу, однако, не замѣтить здѣсь,

ad б) что даже общій пріемъ изученія литературныхъ памятниковъ сравнительно съ однородными произведеніями литературы западной есть — пріемъ въ высокой степени плодотворный; ибо чрезъ него почти всегда историческое и литературное значеніе нашихъ памятниковъ освѣщается совершенно новымъ и неожиданнымъ свѣтомъ: характерныя черты эпохъ и народностей тогда выступаютъ яснѣе, свои образы отдѣляются рельефнѣе, ближе входишь въ исторію времени, а потому научаешься глубже понимать и вѣрнѣе цѣнить ее... Нельзя сказать, чтобы русская наука была богата изслѣдованіями въ этомъ отношеніи, но нѣкоторыя монографіи гг. Буслаева и Веселовскаго 1-го не оставляютъ сомнѣнія, что приложеніе сравнительнаго метода къ разработкѣ исторіи русской литературы — приводитъ къ очень важнымъ и замѣчательнымъ результатамъ. — Далѣе... единая по языку, но разрозненная на области въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи — Русь въ первые вѣка своей исторической жизни не могла, конечно, во многихъ случаяхъ дать произведеній *обще-русской словесности*: лѣтопись, сказанія поэтическія и религіозныя — отмѣчены характеромъ *мѣстнымъ*, *областнымъ*: кіевскимъ, новгородскимъ, муромскимъ, владимирско-суздальскимъ и т. д. Этотъ

этнографическій, мѣстный характеръ нѣкоторыхъ родовъ произведеній древне-русской письменности, историко-литературная важность его — впервые отмѣчены и внесены въ науку проф. Буслаевымъ: онъ съ успѣхомъ пытался приложить это начало къ разбору нѣкоторыхъ сказаній религіозно-историческаго характера ⁸⁶⁾, но, къ сожалѣнію, важныя замѣчанія его въ этомъ отношеніи встрѣтили въ ученой литературѣ довольно слабый откликъ, б. м. потому, что были высказаны въ нѣсколько исключительной, аподиктической формѣ общаго принципа, распространяющагося на всю сферу словесныхъ произведеній древней-Руси, тогда какъ далеко не всѣ они отмѣчены рѣзкимъ областнымъ характеромъ. Вообще говоря, поставленная въ надлежащія границы, мысль объ изученіи произведеній русской литературы по областямъ — является и вѣрною и плодотворною, но въ томъ видѣ, какъ она иногда высказывалась ⁸⁰⁾, она — не только — крайность, но даже отрицаетъ въ принципѣ всякую идею объ исторіи древней *русской* словесности.

86) См. Объ этомъ замѣчанія пр. Буслаева въ книгѣ: «Историческіе Очерки русс. народной литературы и искусства». Т. II. Спб. 1861, стр. 156 sq.

87) Ст. И. И. Срезневскаго: «Работы по древнимъ памятникамъ языка и словесности», Журн. Мин. Народ. Пр. 1875, № 3, с. 37.

88) Въ нашей наукѣ имѣется только одинъ трудъ Н. И. Петрова, подробно осматривающій вопросъ «о вліяніи западно-европейской литературы на русскую», въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1872, № 4, с. 3—66; № 6, с. 463—544 и № 8, с. 705—779. Къ сожалѣнію, на ряду съ дѣльными замѣчаніями, иногда даже новыми, мы находимъ въ статьѣ очень много «заимствованій на вѣру» изъ ходячихъ учебниковъ, которые сами черпали изъ вторыхъ рукъ или вообще мутныхъ источниковъ. Авторъ не отступаетъ предъ уважительными заимствованіями изъ «Очерка поэзіи» Милюкова, «Исторіи русской литературы» и «Очерковъ» г. Кирпичникова, «Исторіи русской словесности» г. Галахова и т. д. — какъ будто эти компіляціи могутъ замѣнить источники и во-

обще имѣютъ какое-нибудь ученое значеніе, кромѣ, разумеется, новаго періода въ книгѣ Галахова.

89) «Историческіе очерки русс. народн. словесности» т. II. Спб. 1861, с. 108, слѣд.; «Лѣтописи русской литер. и древности» т. III, кн. 6, стр. 64—88 и томъ IV, 1862, с. 3—24.

90) И. С. Некрасова: «О современныхъ задачахъ изученія древне-русской литературы», Одесса 1869, с. 15—16.

40. Назовемъ въ заключеніе тѣ труды общаго характера, которые появились въ послѣднее время и представляютъ самостоятельныя попытки свести въ одно цѣлое разнообразныя отдѣльныя изслѣдованія. Важнѣйшіе изъ этихъ трудовъ:

а) Пр. О. Θ. Миллера: «Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности», ч. I, вып. 1, отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины, изд. 2-е, Спб. 1865, стр. 407 + 25. Пр. Миллеръ старался внести въ исторію русской словесности результаты, добытые наукой русской бытовой древности и изслѣдованіями по различнымъ отдѣламъ русской народной поэзіи. Этому посвящена — первая, важнѣйшая часть книги. Вторая представляетъ обозрѣніе произведеній литературы и письменности съ XI в. по XIII; между ними, впрочемъ, помѣщены и стихи Каликъ переходящихъ. Хотя трудъ г. Миллера представляетъ своды и выводы изъ отдѣльныхъ изслѣдованій другихъ ученыхъ, но какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ онъ содержитъ въ себѣ столько новыхъ, самостоятельныхъ разысканій, замѣтокъ и оригинальныхъ соображеній, что въ полной мѣрѣ можетъ быть названъ трудомъ самостоятельнымъ, независимымъ. Есть цѣлыя страницы, посвященныя сравнительно — историческимъ изслѣдованіямъ и сопоставленіямъ. Литературныя характеристики, почти всегда мѣткія и образныя страдаютъ, однако же, отсутствіемъ строго выдержаннаго историческаго взгляда: современныя идеи (славянофильскія) опредѣляютъ симпатіи и антипатіи автора, постоянно влекутъ его въ сферу лиризма, къ защитамъ, оправданіямъ — одного, обвиненіямъ — другого, — къ открытію того, что излюбленное чувство и мысль желали бы найти въ литератур-

ныхъ произведеніяхъ. Впрочемъ, этотъ недостатокъ книги — вовсе не таковъ, чтобы помѣшать ей занять серіозное мѣсто въ исторіи науки. Трудъ г. Миллера вообще — скажемъ — достоинъ полного признанія и, не пренебрегай онъ ученымъ библиографическимъ элементомъ, онъ былъ бы въ фактическомъ отношеніи столь же безукоризненъ, какъ и въ отношеніи добросовѣстности обработки.

б) Пр. И. Порфирьева: «Исторія русской Словесности», ч. I, древній періодъ: устная народная и книжная словесность до Петра Великаго, изд. 2. Каз. 1876, 689 с. Пр. Порфирьевымъ также приняты въ расчетъ всѣ успѣхи науки исторіи русской словесности за прежнее и ближайшее къ намъ время, но приняты самостоятельно, по повѣркѣ ихъ самими памятниками; потому трудъ его имѣетъ достоинства добросовѣстнаго свода наличнаго содержанія науки. Съ этою цѣлью соединяется другая, педагогическая: книга назначена служить учебникомъ, а отсюда — частыя извлеченія изъ памятниковъ, которыя всему труду даютъ извѣстный хрестоматическій характеръ. Способъ изложенія по вѣкамъ — едвали вездѣ можетъ быть названъ умѣстнымъ: не говоря уже о томъ, что онъ ведетъ къ повтореніямъ и нѣкоторой путаницѣ, — въ связномъ историческомъ изложеніи — нѣтъ вообще причинъ строго держаться такой хронологіи: измѣненія жизни, вызывавшія измѣненія въ характерѣ и направленіи литературныхъ произведеній — совершались не по вѣкамъ, ограниченнымъ точною хронологіей, но независимо отъ нея, по періодамъ времени инымъ, опредѣляемымъ мѣрою вовсе не календарною, а причинами историческими, внутренними или внѣшними. Правда, хронологическій способъ изложенія вноситъ въ предметъ внѣшній порядокъ, но это порядокъ — формальный, мертвенный, потому долженствующій остаться внѣ стройной науки. Иной вопросъ: «какой же принять порядокъ изложенія»? Отвѣчать на него едвали должно иначе, какъ словами: «порядокъ историко-предметный», т. е. удовлетворяющій и требованіямъ связнаго историческаго (и отчасти — этнографическаго) изложенія (хронологіи не по вѣкамъ,

а въ обширномъ смыслѣ), и внутренней связи предметовъ между собою, недозволяющей разрывать ихъ только потому, что одни изъ нихъ появлялись въ одномъ вѣкѣ, а другіе въ другомъ. Помимо этого — на нашъ взглядъ — недостатка, — трудъ пр. Порфирьева долженъ быть признанъ вполне удовлетворительнымъ сводомъ данныхъ, относящихся къ исторіи русской словесности до времени Петра Великаго: съ нимъ, конечно, не выдержитъ сравненія ни одно изъ подобнаго рода сочиненій, имѣющихся въ русской наукѣ ⁹¹⁾.

Къ трудамъ общаго характера, излагающимъ не столько факты, сколько выводы изъ нихъ — слѣдуетъ отнести и рядъ статей А. Н. Пыпина о сравнительно-историческомъ изученіи древняго и средняго періода русской литературы и образованности ⁹²⁾. Это — весьма хорошая, съ знаніемъ дѣла исполненная попытка осмотрѣть содержаніе древней русской литературы и оцѣнить ея направленіе съ культурно-исторической точки зрѣнія. Установивъ принципъ или общій взглядъ на предметъ, авторъ сначала разсматриваетъ этнологическія начала русской народности, затѣмъ общій вопросъ о вліяніи на нее византійской культуры, особенности древняго періода, состояніе въ немъ народности и образованности, общія черты средняго періода, національныя перемѣны и состояніе образованія, потомъ — мѣстные сказанія и московское литературное объединеніе, наконецъ — состояніе народной поэзіи.

91) «Исторія русской словесности древней и новой» г. Галахова, Спб. 1868—75, I, с. X—596 и II, с. IV—VII—472—сюда не принадлежитъ, ибо достоинства ея всѣ безраздѣльно относятся къ изложенію періода новой литературы, часть же «древняя» не возвышается надъ степенью неудачной и запутанной компіляціи. Превосходный подробный разборъ книги г. Галахова сдѣланъ проф. Тихонравовымъ и помѣщенъ въ отчетѣ о девятнадцатомъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, Спб. 1878, стр. 13—136, и отд. s. t. с. 124.

92) «О сравнительно-историческомъ изученіи русской литературы», Вѣстникъ Европы, 1875, октябрь, стр. 641—677;

«Древній періодъ русской литературы и образованности», *ibidem*, 1875, ноябрь, с. 99—141; декабрь, с. 655—698; 1876, июнь, стр. 564—598; сентябрь, 1876, с. 289—324; «Средніе вѣка русской литературы и образованности», *ibid.*, 1876, ноябрь, с. 303—343; 1877, февр. 684—736, апрѣль, с. 704—748.

II.

Систематическое обозрѣніе.

1. Предварительныя статьи.

Прежде чѣмъ перейду къ обозрѣнію хода изученія произведеній древней русской письменности въ систематическомъ порядкѣ, по отдѣламъ — нахожу нужнымъ, въ поясненіе дальнѣйшаго, дать мѣсто нѣкоторымъ *предварительнымъ статьямъ*, рассматривающимъ:

а] ходъ изученія *исторіи старо-славянскаго и русскаго языковъ*, какъ основанія филологической и объяснительной критики памятниковъ письменности и

б] ходъ изученія вопроса о *славянскомъ письмѣ*.

А. Языкъ.

41. Судьбы русскаго языка и письменности такъ тѣсно, можно сказать неразрывно — связаны съ судьбами языка и письменности старославянскихъ [= церковно-славянскихъ], что говоря о первыхъ, естественно и необходимо начать со вторыхъ, какъ старѣйшихъ, какъ ранѣе начавшихъ свою исторію.

Теоретическое изслѣдованіе [филологическое и сравнительное] языковъ старославянскаго, русскаго народнаго и литературнаго остаются для насъ здѣсь предметомъ второстепеннымъ: насъ занимаетъ преимущественно изслѣдованіе исторической ихъ стороны, т. е. *исторія языка* и основанная на ней *филологическая кри-*

тика. На филологическую [въ тѣсномъ значеніи] и сравнительную разработку древне-славянскаго и русскаго языковъ мы обратимъ вниманіе лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ важны для разъясненія ихъ историческаго движенія...

Исторія языка — недавняя отрасль языковѣдѣнія не только у Славянъ, но и въ старой, богатой европейской наукѣ. Важнѣйшими изъ вопросовъ, входящихъ въ «исторію языка» должно признать слѣдующіе:

а) объ исторически-древнѣйшемъ строѣ языка въ звукахъ, формахъ, словообразованіи, словосочиненіи и лексиконѣ, а равно и объ этнографическомъ характерѣ языка или его народности;

б) о постепенномъ, историческомъ измѣненіи древняго языка въ звукахъ, формахъ, словообразованіи и словосочиненіи и лексиконѣ, зависящемъ какъ отъ его самостоятельной исторической и этнографической жизни, такъ и отъ вліянія на жизнь и языкъ иныхъ началъ, родственныхъ или чуждыхъ...

Такимъ образомъ къ исторіи языка спеціально принадлежатъ вопросы: о народности языка, о ходѣ историческаго измѣненія въ немъ внѣшняго, формальнаго и внутренняго, духовнаго и бытового, о его историческомъ лексиконѣ, объ областныхъ видовизмѣненіяхъ его, о стихіяхъ чужеземныхъ, въ него вошедшихъ.

Языкъ древне-славянскій.

Изслѣдованіе древне- или церковно-славянскаго языка, а равно и попытки распознать его этнографическую принадлежность или народность — начинаются довольно рано: ихъ вызвала и практическая нужда имѣть и руководиться правилами языка при переводахъ священныхъ и отеческихъ писаній и самостоятельныхъ сочиненіяхъ, и потребности школы, и ученая пытливость, невольно увлекавшая людей, понявшихъ важность предмета — къ догадкамъ, соображеніямъ и изученію⁹³). Но какъ ни любопытны и исторически важны попытки эти — онѣ всѣ были чужды строгаго историческаго изученія языка, и какъ въ изслѣдованіяхъ, такъ и въ общихъ соображеніяхъ стояли на чисто теоретической

почвѣ, шли отъ теоріи, блуждали въ произволѣ «мнѣній»... Нѣкоторые слѣды историческаго изученія языка замѣчаются только у лексикографовъ XVII в.⁹⁴), но, конечно, въ самой ограниченной степени и притомъ все-же съ словарно-практическими цѣлями. Такъ было до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, когда почти одновременно появляются знаменитые труды Добровскаго и Востокова.

93) См. ст. В. И. Григоровича: «О трудахъ, касающихся древне-славянскаго языка до М. Смотрицкаго», въ «Статяхъ, касающ. древняго славянскаго языка», Каз. 1852, с. 26—52; а также Каченовскаго: «Историческій взглядъ на грамматику Славянскихъ нарѣчій» Труды Общ. Любит. Рос. Слов. 1817, ч. IX, к. 13, стр. 17—47; Вышнеградскаго: «О филологическихъ изслѣдованіяхъ церковно-словенскаго нарѣчія», Спб. 1847, с. 1—63. Сюда же принадлежитъ и знаменитое сочиненіе Крижанича: «Грамаично изказаније об рускомъ језику», изданное О. М. Бодянскимъ, въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. 1848, к. I, и 1859, к. III. Въ отношеніи теоріи и народности старославянскаго языка слѣдуетъ указать: Каченовскаго: «О славянскомъ и въ особенности о церковномъ языкѣ», Труды Общ. Любит. Рос. Словесности, 1817, ч. VII, к. 11, с. 5—27, (по мнѣнію Каченовскаго коренной славянскій языкъ намъ неизвѣстенъ, а нынѣшній церковный нашъ языкъ есть старинное сербское нарѣчіе); К. Калайдовича: «О древнемъ церковномъ языкѣ Славянскомъ», Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, Труды Общ. Люб. Росс. Слов. 1822, ч. II, к. IV, стр. 57—71, (по мнѣнію Калайдовича—«языкъ сей былъ нѣкогда однимъ, общимъ у Моравовъ, Болгаръ, Сербовъ, Русскихъ и вѣроятно другихъ племенъ однородныхъ»). Ср. также мнѣнія о семъ предметѣ у Бодянскаго, въ кн. «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ» М. 1855, стр. СII и слѣд.

94) Лаврентія Зизанія «Лексисъ», приложенный къ его грамматикѣ словенской 1596 г.» и «Лексиконъ Славяно-Россійскій» Памвы Берынды, К. 1627, 4^о, с. 4—477; и въ Кут. мон. въ 1653 г. Оба словаря перепечатаны у Сахарова въ «Сказаніяхъ рус. нар., т. II, Спб. 1849, с. 5—134 неисправно, съ выпусками текстовъ и историческихъ ссылокъ.

42. Знаменитыя «*Institutiones linguae slauicae*»⁹⁵⁾ навсегда останутся книгою важною и необходимою для всѣхъ предающихся занятіямъ славянской филологіей: эта художественная «анатомія» славянскаго языка, замѣчательная — по отчетливой строгости изслѣдованія, по внѣшней архитектоникѣ и по многимъ частнымъ рѣшеніямъ (въ особенности тамъ, гдѣ дѣло идетъ о распредѣленіяхъ или классификаціяхъ), до сихъ поръ не отошла вполнѣ въ прошедшую исторію, не утратила во многомъ современнаго значенія (тк. напр. глава о корняхъ). Но — страннымъ образомъ — вся построенная на исторической основѣ — она совершенно чужда историческаго взгляда и направленія и разсматриваетъ языкъ, какъ нѣчто данное, остановившееся или и вовсе не бывшее въ историческомъ процессѣ развитія, перемѣнъ и превращеній. Каждый изъ элементовъ, входящихъ въ эту грамматику — взятъ изъ дѣйствительной исторіи, но анахронически, въ разновременные и разновременные моменты, и всѣ они искусственно отвлечены, сведены въ одну картину языка идеальнаго, лишеннаго исторической дѣйствительности, никогда не существовавшаго во времени и пространствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Добровскому болѣе, чѣмъ кому иному изъ его современниковъ — были вѣдомы законы и приемы историческаго изслѣдованія. Количество извѣстныхъ ему текстовъ древняго славянскаго языка⁹⁶⁾ было, конечно, не велико, но достаточно для попытки историческаго разсмотрѣнія, имѣлъ онъ предъ собою и одинъ замѣчательный опытъ по историческому чешскому языкознанію⁹⁷⁾; но здѣсь дѣло шло о дѣйствительно живомъ существующемъ языкѣ, тогда какъ церковно — или древне-славянскій языкъ былъ явленіемъ отжившимъ, требовавшимъ теоретическаго построенія — и вотъ, сынъ теоретико-матеріальнаго XVIII в. — Добровскій строить матеріальную анатомію языка теоретически, какъ бы внѣ исторіи. Его «старославянскій языкъ» созданъ имъ посредствомъ отвлеченія, причемъ языку позднѣйшей русской рецензіи церковныхъ книгъ — б. м. не безъ вліянія Мелетія Смотрицкаго — было отдано имъ видимое преимущество, какъ языку *правильному*. Оттого, «исторія древне-славянскаго

языка» получила въ Грамматикѣ Добровскаго лишь очень малое для себя приращеніе, и для историко-филологической критики сей трудъ предлагалъ только матеріалы, но не руководительныя начала. Какъ нелегко разобратъся и въ сихъ матеріалахъ — достаточно показываютъ нѣкоторые примѣры въ исторіи изученія русской письменности (напр. комментаріи Дубенскаго къ Слову о Полку Игоревѣ)...

95) Jos. Dobrowsky: Institutiones linguae slauicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus graeci, tum apud Dalmatas ritus latini Slavos in libris sacris obtinet. Vind. MDCCCXXII 8°, p. LXVIII+720+IV tab. Второе изданіе въ 1852 есть только перемѣна заглавнаго листа. Русскій переводъ Погодина и Шевырева въ 2-хъ ч., Спб. 1833—1834 (исторія русскаго перевода Грамматики въ «Воспоминаніяхъ» Погодина, Москвитянинъ, 1855, № 4, с. 81—8). Въ европейской литературѣ книга Добровскаго произвела весьма сильное впечатлѣніе и долгое время была единственнымъ источникомъ свѣдѣній о славянскомъ языкѣ. Важныя рецензіи: а) Я. Гримма въ *Göttingische gelehrte Anzeigen* 1823, 35 Stück, с. 337—352, перепечатано въ его *Kleinere Schriften*, t. IV, B. 1869, стр. 186—196; б) Копитара, въ вѣнскихъ «*Jahrbücher der Literatur*», 1822, t. XVII, с. 66—107.

96) Въ «Praefatio» къ Institutiones Добровскій даетъ подробныя свѣдѣнія объ «источникахъ» своего изслѣдованія. Ему извѣстны были и нѣкоторые древніе тексты XI—XII вв.

97) Разумѣю трудъ Франца Томсы: «*Ueber die Veränderungen der čechischen Sprache nebst einer čechischen Chrestomathie seit dem Dreizehnten Jahrhunderte bis jetzt*. Prag. 1805, 8°, с. 263. Замѣчательный и несправедливо забытый трудъ. Старочешскіе тексты напечатаны по рукописямъ съ такою дипломатическою точностью, съ какою они и въ настоящее время рѣдко печатаются въ Чехахъ.

43. Совершенно иное у Востокова. Основательное знакомство съ рукописными древнѣйшими и менѣе древними памятниками старославянскаго языка привело его къ мысли о необходимости *историческаго изученія*, т. е. «изслѣдованія и показанія

свойствъ языка и различныхъ его формъ, съ измѣненіями, какимъ подвергались формы сіи въ продолженіе столѣтій въ Россіи и другихъ земляхъ Славянскихъ». Свои наблюденія надъ историческимъ развитіемъ старославянской рѣчи Востоковъ въ первый разъ изложилъ въ знаменитомъ «Разсужденіи о Славянскомъ языкѣ»⁹⁸). Въ исторіи старославянскаго языка онъ различалъ три періода: древній, средній и новый. «Древній языкъ заключается въ письменныхъ памятникахъ отъ IX и за XIII столѣтіе. Онъ непримѣтно сливается съ языкомъ среднимъ XV-го и XVI столѣтій, а за симъ уже слѣдуетъ новый славянскій, или языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ». По отношенію къ народности старославянскаго языка Востоковъ не входилъ въ спеціальныя изслѣдованія, но склонялся къ его *болгаризму*. Въ послѣднее время своей дѣятельности онъ полагалъ, что «родина старославянскаго нарѣчія есть Македонія, а потому его можно назвать и македонскимъ..., собственно болгарское нарѣчіе могло издревле отличаться отъ него очень важными признаками»⁹⁹). Объясненіемъ «особенностей древняго славянскаго языка» въ отличіе отъ средняго и новаго, а равно и замѣтками объ изводахъ или рецензіяхъ языка и правописанія церковно-славянскихъ рукописей Востоковъ положилъ прочныя начала историко-филологической критикѣ. Впослѣдствіи сіи начала были развиты имъ гораздо подробнѣе и опредѣлительнѣе въ его «Описаніи русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музея» и въ другихъ историко-филологическихъ и библіографическихъ трудахъ, о которыхъ мы уже отчасти упоминали и еще часто будемъ упоминать¹⁰⁰). Послѣ трудовъ Востокова стало возможнымъ общее опредѣленіе древности памятниковъ на основаніи языка и правописанія, а равнымъ образомъ опредѣленіе народности памятниковъ и рукописей, т. е. рецензій или изводовъ ихъ. Но востоковскіе историко-аналитическіе приемы изслѣдованія, при всей видимой простотѣ ихъ — усвоились славянской филологической наукой туго и дали должные плоды лишь много лѣтъ спустя. Какъ трудно было для филологовъ правильно и во всемъ его объемѣ понять и приложить начало восто-

ковской методы, доказательствомъ тому служить извѣстное сочиненіе Калайдовича: «Іоаннъ Ексархъ Болгарскій», 1824. Онъ много разъ [см. стр. 102] пользуется «Разсужденіемъ» Востокова, иногда удачно, по большей части нетвердо, смѣшивая — какъ справедливо замѣчалъ пок. Билярскій — «фонетическія особенности правописанія съ условными, подражательными и чисто палеографическими, древнія съ позднѣйшими, самыя характеристическія съ маловажными»¹⁰¹⁾.

98) «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ» въ «Трудахъ Общества Любителей Россійс. Словесности» 1820, ч. XVII, с. 5—61 и въ «Ученыхъ Запискахъ» по II Отд. Ак. Н. 1856, т. II, ч. I, с. 1—27 и еще въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ» Востокова, Спб. 1865, с. 1—27. Важное поясняющее «дополненіе» къ этому изслѣдованію представляетъ письмо Востокова къ Добровскому, помѣщ. въ «Перепискѣ А. Х. Востокова» [Сбор. статей II Отд. Ак. Н., т. V] Спб. 1873, с. 100—116, а равно и въ другихъ мѣстахъ сей «Переписки».

99) «Филологическія наблюденія» Востокова, Спб. 1865, с. 95 in notis.

100) См. выше, с. 239, 287. Перепечатаны всѣ сіи труды въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ». Здѣсь же находимъ на стр. 79—134 статью, подъ заглавіемъ: «Матерьялы для славянской палеографіи», это весьма тщательно составленный А. Н. Пыпинымъ сводъ историко-филологическихъ и палеографическихъ наблюденій Востокова надъ славянскими рукописями, извлеченный изъ его «Описанія рукописей Румянцевскаго Музея». Для ученія о рецензіяхъ или изводахъ, а равно и для ученія о правописаніяхъ рукописей—сія статья имѣетъ нарочитую важность.

101) Билярскій: «Судьбы Церковнаго языка» II, Спб. 1848, с. 222.

44. Къ тридцатымъ годамъ относятся труды Шафарика и Копитара.

«Serbische Lesekörner» Шафарика¹⁰²⁾ есть обширная (разумѣется для того времени) съ необычайною точностью и филологическимъ талантомъ исполненная работа надъ сербскимъ отдѣломъ

древне-славянскаго языка: изъ памятниковъ древне-сербской письменности, писанныхъ на старославянскомъ и славяно-сербскомъ смѣшанномъ нарѣчїи, онъ хотѣлъ извлечь черты и признаки чистой сербской рѣчи и отсюда по возможности опредѣлить древность послѣдней, или — говоря другими словами — книга его представляетъ систематическую, формальную исторію древне-славянскаго языка въ Сербїи главнымъ образомъ по памятникамъ кирилловскаго письма. Трудъ Шафарика оказывается теперь во многомъ уже недостаточнымъ по содержанію или матеріалу, онъ требуетъ многихъ дополненій, но методъ его изслѣдованія — строго историческій, образцовый, а потому «*Serbische Lesekörner*» — остается до сихъ поръ весьма важнымъ пособіемъ для филологической критики древне-славянскихъ текстовъ сербскаго извода. Другіе труды Шафарика по славянскому языкознанію, кромѣ краткихъ, случайныхъ замѣтокъ о паннонскомъ элементѣ церковнаго языка, нашедшихъ мѣсто въ его послѣднемъ сочиненіи «О происхожденіи и родинѣ глаголитизма» — ¹⁰³⁾ были посвящены сравнительному изслѣдованію «образованія словъ удвоеніемъ корней», «расширенія глагольныхъ корней вставкою и прираженіемъ согласныхъ», «претворенія гортанныхъ согласныхъ», «нѣкоторыхъ старыхъ грамматическихъ формъ» и «славянскихъ именъ числительныхъ»... Работы геніальнаго мастера! ¹⁰⁴⁾

Труды Копитара имѣютъ не столько изслѣдовательно-историческій, сколько историко-догматическій характеръ. Въ 1836 г. онъ издалъ въ свѣтъ древніе глаголическіе отрывки, прин. гр. Клоцу подъ заглавіемъ: «*Glagolita Clozianus*» ¹⁰⁵⁾. Въ «Прологоменахъ» къ изданію, кромѣ спеціальнаго описанія отрывковъ и разсмотрѣнія вопроса о глаголицѣ (о чемъ я распространяюсь ниже, въ отдѣлѣ о «писмѣ»), Копитаръ предложилъ тезисы о первоначальной исторіи древне-славянскаго языка и паннонскомъ его источникѣ, а въ «Эпиметронѣ» — «краткую Грамматику священнаго языка Славянъ» и «краткій же словарь языка». Любопытны сіи послѣднія произведенія по попыткѣ дать историческую

болѣ прочную, древнюю основу постройкѣ Добровскаго и освѣжить и исправить ее новыми открытіями; любопытны они въ томъ отношеніи, что показываютъ, какія трудности встрѣчалъ изслѣдователь въ исторіи славянскаго языка, какъ медленно усвоились даже ясныя положительныя открытія Востокова... Но не эти «*Slavorum linguae sacrae Grammatica brevis*» и «*Lexicon breue*» обнаружили то сильное вліяніе на ходъ историческихъ занятій и понятій о древне-славянскомъ языкѣ, какое соединяется въ наукѣ съ именемъ Копитара, а его теоретическія и догматическія соображенія о паннонскомъ или хорутанскомъ происхожденіи древне-славянскаго языка и славянской литургіи, изложенныя имъ и въ «*Glagolit' ѣ*» и въ другихъ мелкихъ трудахъ по разнымъ случаямъ и поводамъ¹⁰⁶).

По важности предмета для науки славянскаго языкознанія даемъ здѣсь мѣсто слѣдующимъ общимъ положеніямъ о началѣ Христіанства и образованія у Славянъ, извлеченнымъ изъ сочиненій Копитара.

1. Распространеніе и введеніе Христіанства, а вмѣстѣ съ нимъ образованность и цивилизація Славянъ принадлежитъ исключительно латинской церкви. Это — заслуга римскихъ первосвященниковъ (папъ), что литература славянскаго юга и востока получила прочныя основанія въ одобренномъ ими кирилловскомъ переводѣ Библіи и литургіи на славянскомъ языкѣ.

2. Обращеніе въ Христіанство древнѣйшихъ славянскихъ поселенцевъ въ Норикѣ и Панноніи вышло изъ церковной епархіи Аквилеи и Зальцбурга. Сами византійцы говорятъ, что Хорваты и Сербы были крещены въ VII в. римскими священниками. Карантане (Хорутане) приняли Христіанство по крайней мѣрѣ 150 лѣтъ прежде, чѣмъ Мораване; обращеніе Чеховъ произошло изъ Регенсбурга, Поляковъ — отъ Чеховъ.

3. Мѣсто апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія ограничивается областями по сѣ сторону Дуная, Болгарами, Хорутанами и жившими между ними моравскими поселенцами. Оба просвѣтителя — пришли къ племенамъ уже прежде обращеннымъ,

которыхъ они такъ сказать устроили въ литургическомъ, богослужебномъ отношеніи.

4. Славянская литургія является въ слѣдующихъ трехъ фазахъ своего развитія:

а) она *началась* въ юго-восточной Панноніи, гдѣ вмѣстѣ съ прастарыми славянскими поселенцами, осѣвшими здѣсь по крайней мѣрѣ со времени великаго переселенія народовъ (соотчичи ихъ распространились по всей Хорутаніи и образовали основное населеніе Мизіи и Македоніи, которое позднѣе подновлялось свѣжими притоками Болгарь, Сербовъ и Хорватовъ), жили подъ франкскимъ владычествомъ Болгаре и моравскіе поселенцы, какъ сограждане, или какъ сосѣди.

б) Славянская литургія продолжалась по смерти Мееодія и покоренія Панноніи Мадыярами у родственныхъ Болгарь и Сербовъ на югѣ Дуная и Савы (т. е. въ прежней Мизіи) и 100 лѣтъ спустя, исторически неизвѣстными доселѣ путями.

в) Принесена была въ Кіевъ, къ русскимъ, гдѣ, искаженная и подновленная, она продолжаетъ жить доселѣ, тогда какъ паннонское происхожденіе ея въ самомъ отечествѣ ея постепенно тускнѣло и забылось. Вихингъ, суффраганъ Мееодія, не дозволилъ проникнуть славянскому богослуженію за Дунай, въ Моравію. Вотъ почему въ Моравіи, Чехахъ и Польшѣ не видно никакихъ слѣдовъ ея.

5. Древній церковно-славянскій языкъ есть одно изъ славянскихъ нарѣчій IX столѣтія, а именно народное нарѣчіе паннонской епархіи Мееодія, т. е. языкъ Хорутанъ, для которыхъ оба братья апостолы устроили азбуку и на языкъ которыхъ они перевели богослужебныя книги.

6. Обѣ славянскія азбуки были со времени Кирилла въ употребленіи у задунайскихъ Славянъ, такъ какъ въ Европѣ латинское и нѣмецкое письмо Глаголита древнѣе Кириллицы, но она должна была уступить послѣдней, составленной по греческому образцу, и теперь вымираетъ въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ на берегу Адриатическаго моря.

7. Мнѣніе русскихъ или пристрастныхъ протестантовъ о «великихъ успѣхахъ греческой церкви» или ея первенствѣ въ дѣлѣ обращенія Славянъ въ христіанство — принадлежитъ къ области мечтаній.

8. Латинская церковь, давъ происхожденіе славянской литургіи (880), внесла христіанство и западное богослуженіе 966 г. въ Польшу, въ 1000 г. въ Угрію, 1041 въ Лужицы и къ сѣвернымъ Славянамъ, 1168 къ Руянамъ. Въ 1278 глаголиты получили новую западную привилегію для ихъ богослужебнаго языка, въ 1439 — воспослѣдовала извѣстная Унія.

Таковы понятія и мнѣнія Копитара. Они имѣли рѣшительное и продолжительное значеніе въ историко-филологической критикѣ старославянскихъ текстовъ. Нельзя сказать, что и теперь взгляды его принадлежатъ прошедшей исторіи, что при рѣшеніи вопросовъ исторіи древне-славянскаго языка можно было бы всегда обойтись безъ совѣта съ ними и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ признанія цѣны и достоинства ихъ.

102) «Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der serbischen Mundart. Ein Beitrag zur slawischen Sprachkunde v. P. J. Schaffarik, Pesth, 1833, 8°, с. 135 и 1 сним.

103) «Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus», P. 1858, 4°, главы 7—8 *второго* мемуара. Сочиненіе Шафарика: «Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur» of. 1826, 8°, с. 524 (2-е изд. 1869 г.), котораго первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ исторію древне-славянскаго церковнаго языка и литературы—не представляетъ частныхъ разысканій о предметѣ.

104) Помѣщены первоначально въ Časopis'ѣ чешскаго Музея, потомъ всѣ перепечатаны въ книгѣ: «Rozpravu z oboru věd slovanských» Pr. 1865, с. 446—661. Какъ *дополненіе* къ «Serbische Lesekörner» можно назвать тѣ страницы изданной по смерти автора Geschichte der Serbischen Literatur, P. 1865, I Abth. p. 139—165, которыя содержатъ въ себѣ «Sammlung alter serbischer Wörter»....

105) Glagolita Clozianus id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi... λειψαρον foliorum XII membraneorum. Vind. MDCCCXXXVI, f. LXXX—86 et facs. Ниже я подробно распространяюсь объ этомъ изданіи Копитара и его судьбѣ въ наукѣ.

106) Сюда относятся нѣкоторыя «Epimetra» въ его: Hesyhii glossographi discipulus. Vind. 1840, «Prolegomena historica» къ Реймскому Евангелію перепеч. въ Miklosich's Slavische Bibliothek, I, 1851, с. 57—84 (русскій переводъ въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1848, ч. LXVII, № 2, с. 111—153), и ст. «Die Kirchenbücher der Russen» въ Kaltenbäeck's Oesterreichische Zeitschrift für Geschichts- und Staatskunde, 1836, № 86, 87, 88. Здѣсь—общая исторія руссификаціи церковно-славянскихъ кирилловскихъ книгъ.

45. Задачу, отмѣченную Востоковымъ и отчасти, по отношенію къ сербской области — исполненную Шафарикомъ, — задачу изслѣдованія развитія старославянскаго языка въ его отечествѣ и у другихъ славянъ ставилъ себѣ и Прейсъ, но рановременная кончина не дозволила ему выполнить ее: отъ него осталось лишь нѣсколько краткихъ замѣтокъ о болгарской фазѣ въ жизни церковнаго языка¹⁰⁷). Гораздо болѣе успѣлъ сдѣлать въ этомъ отношеніи П. С. Билярскій, подъ вліяніемъ Прейса изучавшій «Судьбы церковнаго языка». Кромѣ многихъ мелкихъ статей критическаго содержанія¹⁰⁸) ему принадлежатъ два труда большого объема: а) «О средне-болгарскомъ вокализмѣ» и б) «о кирилловской части реймскаго Евангелія»¹⁰⁹). На средне-болгарскомъ языкѣ Билярскій остановился не случайно, а въ убѣжденіи: что самые главные вопросы о древнемъ церковномъ языкѣ ожидаютъ себѣ объясненія отъ средне-болгарскаго, что безъ этого послѣдняго нельзя доказать ближайшей связи между нынѣшнимъ болгарскимъ и первобытнымъ типомъ древне-славянскаго языка, который, по его мнѣнію — въ сущности тождественъ съ древне-болгарскимъ, что, наконецъ — въ Россіи распространялись преимущественно средне-болгарскія рукописи и онѣ сообщили свои черты характеру славяно-русскаго литературнаго языка церков-

ныхъ писателей... Чтобы опредѣлить особенныя свойства средне-болгарскаго языка, Билярскій подвергнулъ грамматическому и орфографическому анализу «такое самостоятельное произведеніе средняго періода, которое, еще не потерявъ свойствъ древняго языка, въ то же время представляетъ опредѣленныя особенности своего времени и посредствомъ ихъ примыкаетъ къ позднѣйшему состоянію болгарскаго языка»... Таковъ по его мнѣнію — патріаршій списокъ перевода лѣтописи Манассіи. Подробно и съ рѣдкою отчетливостію Билярскій осматриваетъ всѣ гласные звуки памятника и дѣлаетъ нѣкоторыя общія заключенія касательно генетическихъ отношеній ихъ къ звукамъ древне-славянскаго языка, фізіологическихъ свойствъ средне-болгарскихъ звуковъ и связи состоянія ихъ съ состояніемъ грамматики. Конечно — не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что анализа вокализма одной рукописи недостаточно для общихъ выводовъ, но едва-ли также должно отказать труду Билярскаго въ важномъ значеніи. Это — монографія по строгости и точности историко-генетическаго метода изслѣдованія — въ своемъ родѣ образцовая, хотя въ отношеніи содержанія, представляющая только матеріалы... То же или почти то же должно сказать и объ «анализѣ правописанія Реймскаго Евангелія»: и здѣсь общіе выводы о памятникѣ, времени его и характерѣ на основаніи одного правописанія едва-ли не преждевременны, но приемы изслѣдованія послѣдняго точны и вполне отвѣчаютъ требованіямъ науки. Въ методологическомъ отношеніи труды Билярскаго заслуживаютъ полнаго вниманія филологической критики...

107) Въ его «Донесеніяхъ» г. Министру Народнаго Просвѣщенія, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1841, № 2, с. 49—52 и 1842, № 3, с. 48—62 и ст. «О Глагольской письменности» *ibid.* 1843, № 3, особ. стр. 205—238, гдѣ разсматриваются правописаніе, формы и лексиконъ языка глагольскихъ рукописей сравнительно съ церковно-славянскимъ (кирилловскимъ).

108) Таковы его рецензіи изданій Миклопича («*Radices linguae slovenicae*», «*Homilia in ramos palmarum*», «*Vitae Sanc-*

torum») и Ганки («Сазаво-Еммауское св. Благовѣствованіе» и «Начала священнаго языка Славянъ») въ Журн. Минист. Нар. Пр. 1845, № 8, с. 140—5; 1846, № 10, с. 1—27; 1848, № 8, с. 159—165.

109) «Судьбы церковнаго языка. Историко-филологическія изслѣдованія П. Билярскаго». I: «О средне-болгарскомъ вокализмѣ по патриаршему списку лѣтописи Манассія», изд. 2-ое, Спб. 1858, 8°, стр. 143. (Первое изд. безъ обширнаго предисловія, трактующаго о современномъ состояніи положительно-историческаго направленія въ славянской филологіи, безъ выдержекъ изъ памятника было издано въ *Mémoires présent. à l' Académie par divers savants*, T. VI, 1847, p. 99—140 и отд. Спб. 4°, p. 42); II: «о кирилловской части Реймскаго Евангелія», Спб. 1848, 8°, с. VII—283. Первая половина книги содержитъ историко-критическую оцѣнку изысканій о Рейм. Ев., вторая (очень важная)—анализъ правописанія памятника. Рецензія перваго труда (о сред. Болгар. вокализмѣ), напис. А. А. Куникомъ въ С.-Петербуржскихъ Вѣдомостяхъ 1847, № 213, 214.

46. «Разсужденіе» Востокова было только «введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ», «Грамматическія правила словенскаго языка, извлеченныя изъ Остромирова Евангелія» и «Слововказатель» къ Остромирову Евангелію¹¹⁰⁾ — были приготовительными трудами къ: а) «Словарю Церковно - Славянскаго языка»¹¹¹⁾ и б) «Грамматикѣ церковно-славянскаго языка, изложенной по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ»¹¹²⁾, которыми завершилась скромная, но славная дѣятельность Востокова на пользу отечественной науки. Въ историко-филологической критикѣ «Словарь» Востокова имѣетъ первостепенное значеніе и не столько по богатству матеріала, сколько по особому внутреннему качеству еѣ отличающему: «Востоковъ всегда старался сличать разночтенія разныхъ списковъ и переводы съ подлинниками греческими и латинскими, отличать ошибки переводчиковъ отъ ошибокъ писцовъ и т. п., опредѣлять значеніе словъ по соображенію разныхъ случаевъ ихъ употребленія, источникъ

древній всегда предпочитая не древнему...» «Востоковъ всегда опредѣляетъ славянское слово по-русски, во всѣхъ нужныхъ случаяхъ приводитъ мѣста изъ памятниковъ; къ мѣстамъ изъ памятниковъ, переведенныхъ большею частію, присоединяетъ подлинный текстъ, иногда и свои соображенія...¹¹³⁾ Эта точность, это принципиальное избѣжаніе произвольныхъ объясненій, сообщая всему произведенію характеръ достовѣрности, и составляютъ его высокое научное достоинство, которымъ не можетъ не дорожить историко-филологическая критика. Обращаясь къ «Словарю» Востокова, она б. м. не всегда найдетъ искомое (Словарь нуждается во многихъ дополненіяхъ и уже вызвалъ не мало ихъ), но на найденное искомое всегда и смѣло можетъ положиться. «Грамматика церковно-славянскаго языка» вызвала недоумѣніе: «не такого малаго по объему труда — по словамъ Срезневскаго—ожидали отъ Востокова, и значеніе его не поняли тѣ, которые привыкли все измѣрять внѣшнею величиною. Не поняли его значеніе и тѣ, которымъ были нужны не столько прямые вѣрныя свидѣтельства о языкѣ старославянскомъ, какъ они были въ древнѣйшее время дѣйствительно, сколько соображенія о его отношеніяхъ къ другимъ родственнымъ языкамъ»...¹¹⁴⁾ Дѣйствительно, Грамматика Востокова почти не представляетъ грамматическихъ разысканій и изслѣдованій (особенно, въ фонетикѣ), но зато даетъ весьма богатый подборъ достовѣрныхъ данныхъ для такихъ изслѣдованій. Она можетъ быть названа вѣрнѣе «Инвентаремъ» или «Указателемъ» грамматическаго будущаго труда, чѣмъ самымъ трудомъ; но то обстоятельство, что она «даетъ вѣрно знать, въ какихъ памятникахъ допускаются тѣ или другія отклоненія отъ общихъ условій правильнаго грамматическаго строя въ древне-славянскомъ, а равно и то, что она не введетъ ни въ какую ошибку, не выставитъ никакого предположеніе за дѣйствительность»¹¹⁵⁾—усвоитъ ей весьма важное значеніе. Это — необходимѣйшій матеріалъ и надежная справочная книга для занимающихся вопросами исторіи славянскаго языка.

110) Находятся при извѣстномъ изданіи Востокова: «Остромирово Евангеліе» Спб. 1843, въ приложеніи, занимая 315 с., «Грамматическія правила» перепеч. въ Учен. Зап. по II Отд., т. II, 1, стр. 28—76 и въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ».

111) «Словарь церковно-славянскаго языка» Спб. 1858—1861, 4^о, I, ст. 510; II, ст. 590—составляетъ также IV и VI томы «Матерьяловъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики», изд. при Извѣстіяхъ II От. Ак. Наукъ. Подробное разсмотрѣніе сего труда сдѣлано И. И. Срезневскимъ въ Учен. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, кн. IV, Спб. 1858, стр. XVIII—XLIII и въ Русской Бесѣдѣ 1857, кн. 2, с. 1—22. Здѣсь же — оцѣнка и предшествовавшей древне-славянской лексикографіи. «Дополненія» къ прел. Словарю Востокова, собр. о. архим. Амфилохіемъ и друг. въ «Матерьялахъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики» т. VII, стр. 1—104.

112) «Грамматика церковно-словенскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ», Спб. 1863, 8^о, 134. Отпечатано и въ Ученыхъ Запискахъ по II Отд. Акад. Наукъ, т. VII, к. II, 1863.

Содержаніе Грамматики въ изложеніи Срезневскаго:

Въ §§ 1—6 сообщены свѣдѣнія объ азбукѣ и правописаніи, между прочимъ о различныхъ мѣстныхъ особенностяхъ правописанія; замѣчанія о звукахъ и ихъ употребленіи въ §§ 7—8—очень коротки и общи.

§§ 9—54 и 75—81 посвящены подробному разбору словъ, склоняемыхъ преимущественно въ отношеніи къ измѣненію по падежамъ и отчасти (прилагательныхъ, нѣкоторыхъ числительныхъ и мѣстоименій, равно причастій) въ отношеніи къ образованію.

§§ 55—74, 82—86 представляютъ разборъ глаголовъ почти исключительно въ отношеніи къ формамъ спряженія.

§§ 87—103 заключаютъ въ себѣ систематическій перечень нарѣчій, предлоговъ, союзовъ и междометій.

Вслѣдъ за этимъ сообщены, какъ прибавленіе къ первой части грамматики, замѣчанія 1) о значеніи нѣкоторыхъ окончаній именъ существительныхъ (-инъ, -икъ, -чии, -чина, -щина), 2) объ именахъ собственныхъ, объ отличіяхъ ихъ по выговору, о нѣкоторыхъ особенностяхъ ихъ образованія, (напр. ята, ицъ, вна), 3) о сложныхъ словахъ.

§§ 102—136 составляютъ вторую часть — о сочиненіи словъ. Здѣсь наблюденія ограничиваются въ кругѣ того, что въ древнемъ церковномъ отличено отъ новаго русскаго. Во всей этой части, очень любопытной по мѣткости наблюденій, приведены объяснительные примѣры изъ памятниковъ.

Небольшой объемъ книги свидѣтельствуетъ о строгомъ выборѣ того, что взято въ ея содержаніе. Видно, между прочимъ, что Востоковъ не хотѣлъ повторять того, что высказано имъ въ другихъ сочиненіяхъ». Извѣст. Акад. Наукъ по II Отд. т. IX, 1861, с. 272.

113) Ученыя Записки II Отд. Ак. Наукъ, кн. IV, стр. XXXIII—XXXIV.

114) «Филологич. Наблюденія» Востокова, Спб. 1865, стр. LI, ст. Срезневскаго: «Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. X. Востокова».

115) Ibidem, p. LI.

47. Труды Миклошича посвящены главнымъ образомъ сравнительному славянскому языкознанію, сюда относится важнѣйшій трудъ его «Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій» и цѣлый рядъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ Трудахъ и Извѣстіяхъ Вѣнской Академіи Наукъ ¹¹⁶⁾. Тѣмъ не менѣе, обрабатывая древне-славянскій языкъ догматически или систематически, Миклошичъ, самъ издавшій не мало памятниковъ древне-славянскаго языка, естественно долженъ былъ держаться исторической почвы. Нѣкоторые труды его относятся къ исторіи древне-славянскаго языка прямо и непосредственно. Такъ: въ 1847 г. онъ представилъ разборъ востокскаго изданія Остромирова Евангелія, разборъ, въ которомъ находится очень много важныхъ и мѣткихъ замѣчаній о языкѣ и правописаніи древнѣйшихъ старославянскихъ рукописей ¹¹⁷⁾; въ 1850 онъ издалъ «*Lexicon linguae slouenicae ueteris dialecti*» ¹¹⁸⁾—трудъ весьма важный для своего времени, хотя и не отвѣчающій требованіямъ обстоятельности ссылокъ и точности въ передачѣ древне-славянскихъ словъ греческими и латинскими терминами: послѣднія почерпнуты не изъ подлинныхъ источниковъ, а представляютъ плодъ мысли, пони-

манія и соображенія самого лексикографа (т. е. имъ придуманы), а потому при всей безотносительной вѣрности своей — лишены вѣрности исторической, т. е. гадательны. Никакого приобрѣтенія, а развѣ ущербъ испытала наука исторіи древне-славянскаго языка отъ того обстоятельства, что Миклошичъ въ правописаніи словъ слѣдовалъ исключительно своей теоріи, не обращая вниманія на дѣйствительное правописаніе памятниковъ; а равно и оттого, что онъ помѣщалъ смѣшанно слова и болгарскія, и сербскія, и русскія, не различая ихъ народности... Въ 1862—5 г. появилось второе изданіе сего словаря, подъ заглавіемъ: «*Lexicon palaeoslouenico-graeco-latinum emendatum auctum* ¹¹⁹⁾», представляющее какъ бы совершенно новый трудъ: матеріалъ увеличился противъ прежняго по крайней мѣрѣ въ пять-шесть разъ, допущена большая точность въ нѣкоторыхъ ссылкахъ и выдержкахъ; но передача и толкованіе славянскихъ словъ греческими и латинскими остались съ прежнимъ характеромъ, остался и прежній субъективный способъ правописанія словъ и прежнее неразличеніе этнографическихъ элементовъ языка. Недостатки сіи значительно затрудняютъ употребленіе Словаря Миклошича для критическихъ и историческихъ цѣлей, но все же этотъ обширный почтенный трудъ остается полезнымъ и необходимымъ и въ этомъ отношеніи: ссылки на памятники до нѣкоторой степени вознаграждаютъ недостатокъ историческихъ и этнографическихъ опредѣленій и помѣтъ. Не мало замѣчательныхъ изслѣдованій, болѣе или менѣе касающихся исторіи древне-славянскаго языка, Миклошичъ напечаталъ въ изданіяхъ Вѣнской Академіи, таковы: а) «Объ образованіи славянскихъ собственныхъ именъ», 1860; б) «О славянскихъ мѣстныхъ именахъ, образовавшихся изъ личныхъ», 1864; в) «О славянскихъ мѣстныхъ именахъ изъ нарицательныхъ» 1872—74; г) «Христіанская терминологія въ славянскихъ языкахъ» 1875; д) «Славянскія наименованія мѣсяцевъ» 1867; е) «Чужія слова въ славянскихъ языкахъ», 1867; ж) «О языкѣ болгаръ въ Седмиградіи», 1856; з) «О слав. элементахъ въ новогреческомъ», 1870; и) «О славянскихъ элемен-

тахъ въ румунскомъ», 1861; к) «О славянскихъ элементахъ въ албанскомъ», 1870; л) «О славянскихъ элементахъ въ мадьярскомъ», 1871; наконецъ м) «о Глаголитизмѣ» въ Энциклопедіи Эрша и Грубера ¹²⁰⁾... Конечно, для исторіи древне-славянскаго языка не всѣ сіи труды одинаково содержательны и важны... Важнѣе прочихъ: «о глаголитизмѣ», «разборъ христіанскихъ терминовъ», «словарь чужихъ словъ» и «о древнемъ языкѣ болгаръ въ Седмиградіи»... Если не всегда рѣшенія Миклошича въ концѣ концовъ могутъ удовлетворить изслѣдователя, то богатства собраннаго матеріала, остроуміе и основательность многихъ объясненій и соображеній — даютъ трудамъ его высокое ученое значеніе... Даже и тамъ, гдѣ мысль невольно устремляется по другой дорогѣ и приходитъ къ совершенно инымъ заключеніямъ — нельзя бываетъ отказать во вниманіи къ его, отвергаемымъ или оспариваемымъ, положеніямъ, потому что они — плодъ серьезнаго и обширнаго изученія. Таково напр. его «Введеніе» къ краткой морфологіи древне-славянскаго языка ¹²¹⁾. Небольшое по объему, оно представляетъ сжатое, но весьма важное и живое разсмотрѣніе вопросовъ о народности древне-славянскаго языка, о рецензіяхъ паннонской (по его мнѣнію = настоящей древне-славянской), болгарской, сербской, хорватской и русской древне-славянскихъ памятниковъ и о наилучшемъ — по его мнѣнію — способѣ ихъ изданія...

116) «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen». W. 1879—74 г. 4 т. Недавно сей капитальный трудъ оконченъ: I т. (второе изданіе) заключаетъ Lautlehre, II—Stammbildungslehre; III (2-е изд.)— Wortbildungslehre; IV—Syntax.... см. рец. Ягича въ Archiv für Slavische Philologie I, p. 412—438 и т. IV, с. 482—496. Труды Миклошича по славянскому сравнительному языкознанію начались еще въ 1844 г. превосходною рецензіей Бопповой Сравнительной Грамматики, помѣщен. въ Jahrbücher der Literatur, т. CV, с. 43—70. Статьи въ «Denkschriften» и «Sitzungsberichten» Вѣнской Академіи—суть приготовительныя работы къ «Сравнительной Грамматикѣ». Во многихъ частяхъ онѣ касаются

и исторической стороны древне-славянскаго языка; посему я даю здѣсь мѣсто ихъ перечню; таковы статьи въ Denkschriften: а) *Die Wurzeln des Altslovenischen*, 1857 (VIII Bd.); б) *«Die Bildung der Nomina im Altslovenischen»*, 1858 (IX Bd.); в) *Die Verba impersonalia im Slavischen*, 1865 (XIV Bd.); г) *«Die Negation in den slavischen Sprachen»*, 1869 (XVIII Bd.); д) *«Ueber den Ursprung der Worte von der Form Altsl. Trъtъ»*, 1877 (XXVII Bd.); е) *Ueber den Ursprung der Worte von der Form altsl. Trêt und Trat*, 1878 (XXVIII); ж) *«Ueber die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slavischen Sprachen»*, 1878 (XXVIII); з) *«Ueber die langen Vocale»* 1879, (XXIX Bd.); и изъ Sitzungsberichten: а) *«Der präpositionslose Local in den slavischen Sprachen»*, 1868, (Bd. LVII); б) *«Ueber die Genetivendung go der slavischen Sprachen»*, 1869 (LXII); в) *«Ueber die zusammengesetzte Declination in den slavischen Sprachen»*, 1871 (LXVIII); г) *«Das Imperfect in den slavischen Sprachen»*, 1874 (Bd. LXXVII); д) *«Ueber den Ursprung einiger Casus der pronominalen Declination»*, 1874 (LXXVIII Bd.); е) *«Beiträge zur altslovenischen Grammatik»*, 1875 (Bd. LXXXI). Сверхъ этого Миклошичемъ помѣщено не мало статей въ *«Beiträge zur vergleichende Sprachforschung»* и въ *Rad'ъ jugoslav. Akademji...*

117) *«Jahrbücher der Literatur*, 1847, т. CXIX, с. 1—39. Есть русскій переводъ, въ кн. Перевлѣскаго: *«Памятники старо-славянскаго языка»*, Спб. 1854, с. 7—70.

118) *«Lexicon linguae slouenicae veteris dialecti. Vind.* 1875, 7°, р. XIV—204.

119) *«Lexicon palaeoslovenicum — graeco—latinum emendatum auctum. Vind.* 1862—1865, 8°, р. XXII—1171.

120) а) *«Die Bildung der slavischen Personennamen»*. W. 1860, 4°, с. 118 (Denkschr. B. X); б) *«Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen»*, W. 1864, 4°, с. 74 (Dsch. XIV) в) *«Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen»* I, W. 1872, 4°, р. 34 (Dsch. XXI); II, 1874, 4°, р. 132 (Dsch. XXIII); г) *«Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen»*, W. 1875, 4°, р. 58. Dsch. B. XXIV); д) *«Die slavischen Monatsnamen»*, W. 1867, 4°, с. 32 (Dsch. B. XVII); е) *«Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen»*, W. 1867, 4°, р. 68 (Dsch. B. XV); ж) *«Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen»*, W. 1856, 4°, р. 42 (Dsch. B. VII) cf. *Дополненія къ этому труду въ «Slavische Bibliothek»*, II, р. 140—1; з) *«Die slavischen Ele-*

mente im Neugriechischen», W. 1870, 8°, p. 38 (Sitzber. Bd. LXIII); и) «Die slavischen Elemente im Rumunischen». W. 1862, 4°, p. 70 (Dsch. XII); к) «Albanische Forschungen. I. Die slavischen Elemente im Albanischen» W. 1870, 4°, p. 38 (Dsch. Bd. XIX); л) «Die slavischen Elemente im Magyarischen», W. 1871, p. 74 (Dsch. Bd. XXI); м) «Glagolitisch», въ Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste», hrsg. v. Ersch und Gruber, I Section, Bd. 68. L. 1859, p. 403—422 et tab. Замѣчу здѣсь, что нѣкоторые труды Миклошича вызвали въ наукѣ очень важныя рецензіи, таковы: рец. Маценауера въ книгѣ «Cizi slova» (о ней — ниже) и Буслаева (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, № 8, с. 540—560)—книги «объ чужеземныхъ словахъ»; рец. Билярскаго (въ соч. «О среднеболгарскомъ вокализмѣ», 2-е изд. 1858, стр. 137—143)—книги «о языкѣ болгаръ въ Седмиградіи»; рец. «Лескина (въ Kuhn's Zeitsch. f. vergl. Sprachf. XXI, p. 280)—книги о славянскомъ элементѣ въ новогреческомъ; рец. Срезневскаго (Извѣст. II Отд. т. X, с. 143—151) и Дифенбаха (Kuhn's Zeits. f. ver. Spr. XI, 282 sq.)—книги о славянскомъ элементѣ въ румынскомъ.

121) «Altslovenische Formenlehre in Paradigmen», W. 1874, 8°, p. XXXV+96. Такъ какъ «Оглавленіе» «Введенія» представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и положенія ученія Миклошича, то небезполезнымъ нахожу помѣстить его здѣсь въ русской передачѣ: «1) Древне-славянскій языкъ есть языкъ паннонскихъ Славянъ (Slovenen) въ срединѣ IX в.; 2) Объясненіе древне-славянской и болгарской гипотезъ. Различіе между древне—и ново-словенскимъ; 3) Древне-славянскіе памятники распадаются на паннонскіе и непаннонскіе; 4) Перечень паннонскихъ памятниковъ глагольскаго и кирилловскаго письма. Общая характеристика языка паннонскихъ памятниковъ; 5) Непаннонскіе памятники распадаются на болгарскіе, сербскіе, хорватскіе и русскіе; 6) Перечень главнѣйшихъ болгарскихъ памятниковъ. Общая характеристика ихъ; 7) Перечень нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ сербскихъ памятниковъ. Общая характеристика языка ихъ; 8) Указаніе хорватскихъ памятниковъ. Особенности языка ихъ; 9) Указаніе русскихъ памятниковъ. Отличительные признаки языка ихъ; 10) Восточное раздѣленіе древне-славянскихъ памятниковъ; 11) Мнѣнія о родинѣ древне-славянскаго языка; 12) и 13) о настоящей книгѣ (т. е. о «Formenlehre»); и наконецъ—14) Правила изда-

нія древне-славянскихъ памятниковъ». См. также о сихъ предметахъ содержательную рецензію труда Миклошича, написанную В. В. Ягичемъ, въ Archiv für slavische Philologie I, p. 438—453.

48. Хотя проф. Бодянский и не оставилъ особыхъ отдѣльныхъ изслѣдованій по исторіи древне-славянскаго языка, но множество замѣчаній о предметѣ, разсѣянныхъ въ «Предисловіяхъ» къ изданнымъ имъ памятникамъ сего языка ¹²²⁾, а равно его изслѣдованія: а) «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-книжный языкъ есть славяно-булгарскій» ¹²³⁾ и б) «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» ¹²⁴⁾ представляютъ труды необходимые и поучительные для историка церковно-славянскаго языка. Въ особенности послѣднее сочиненіе богато всякаго рода замѣтками и изслѣдованіями по сему предмету. Таковы напр. его разборы «Житія Вячеслава» (LXXVI—LXXXVIII), подробное разсмотрѣніе вопроса и мнѣній о народности старо-славянскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разборъ древне-славянскихъ христіанскихъ терминовъ (с. 213 sq. et passim).

Проф. О. И. Буслаевъ еще въ самомъ началѣ своего ученаго поприща—быть можетъ не безъ вліянія образцовъ нѣмецкой науки—обратилъ вниманіе на одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ древне-славянскаго языка, именно на «вліяніе на него христіанства» ¹²⁵⁾ и его отношеніе къ языку готскому. Трудъ его имѣетъ болѣе археологически-бытовой или культурный характеръ, чѣмъ строго формально-лингвистическій; нѣкоторыя стороны и вопросы его позднѣе съ большею точностью и опредѣлительностью разсмотрѣны Миклошичемъ (Christliche Terminologie), открылось много новыхъ матеріаловъ для дополненій; но въ цѣломъ изслѣдованіе пр. Буслаева доселѣ не замѣнено ничѣмъ лучшимъ и остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ «опытовъ исторіи языка», понимаемой не внѣшнимъ образомъ, а въ связи съ движеніемъ жизни и исторіи... Основываясь на сравненіи съ готскимъ переводомъ Библіи, предлагающимъ значительные факты для исторіи славянскаго языка въ XI в., пр. Буслаевъ доказываетъ, что славянскій языкъ задолго до Кирилла и

Мееодія подвергся вліянню христіанскихъ идей, что славянскій переводъ Евангелія отличается чистотою выраженія христіанскихъ понятій, происшедшаго вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, до-христіанскій бытъ, готскій же переводъ Библіи — напротивъ, сохраняетъ рѣзкое начало языческое для выраженія христіанскихъ идей. Далѣе—по заключеніямъ г. Бу-слаева — переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ относится къ той порѣ жизни народной, когда въ языкѣ господствовали еще во всей силѣ понятіе о семейныхъ отношеніяхъ, напротивъ — въ языкѣ готскаго и др.-нѣмецкаго переводовъ Св. Писанія замѣчается большее развитіе государственныхъ понятій. Въ исторіи славянскаго языка видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго. Столкновенія съ чуждыми народами и переводъ Св. Писанія извлекли Славянъ изъ ограниченныхъ домашнихъ отношеній, отразившихся въ языкѣ, сознаніемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго. Отвлеченность славянскаго языка въ переводѣ Св. Писанія усилилась грецизмами, которыхъ у Готовъ было гораздо менѣе. Тк. обр. по языку перевода Св. Писанія пр. Буслаевъ пытается составить понятіе о характерѣ того народа, въ которомъ произошелъ переводъ Св. Писанія, а отчасти и самихъ переводчиковъ ¹²⁶)... Другой трудъ пр. Буслаева «Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи письменъ славянскихъ» ¹²⁷), какъ было замѣчено выше, с. 267, представляетъ рядъ словарныхъ и грамматическихъ извлеченій изъ церковныхъ рукописей по большей части — русской редакціи. Такой же характеръ матеріаловъ имѣютъ и его филологическія объяснительныя статьи или примѣчанія къ текстамъ, напеч. въ «Исторической хрестоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ». М. 1861.

Труды пок. пр. В. И. Григоровича значительны не внѣшнимъ объемомъ и количествомъ, а внутреннимъ содержаніемъ и качествомъ. Къ области исторіи древне-славянскаго языка относятся слѣдующіе, собранные въ одинъ небольшой сборничекъ подъ

заглавіемъ: «Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка»¹²⁸): а) «о значеніи церковно-славянскаго языка» (многосодержательная, прекрасная рѣчь); б) «о трудахъ, касающихся древняго славянскаго языка до Мелетія Смотрицкаго» — грамматическій текстъ Константина Костенческаго, XV в. и весьма важныя замѣчанія о рецензіяхъ въ правописательныхъ школахъ въ церковно-славянскомъ языкѣ; в) «о древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской литературы» — съ краткой систематикой и характеристикой рецензій рукописей кирилловскихъ и глагольскихъ, и наконецъ — г) «Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей». Если къ этому прибавить описаніе и замѣтки о языкѣ афонскаго глагольскаго четверо-евангелія¹²⁹) и такія же замѣтки о языкѣ древне-славянскихъ рукописей, разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ «Очерка путешествія по европейской Турціи»¹³⁰) — то будетъ почти все, что писано Григоровичемъ о языкѣ старославянскомъ. Есть, впрочемъ, его отлитографированный курсъ грамматики церковно-славянскаго языка (Каз. 1863), гдѣ его ученіе о рецензіяхъ или изводахъ церковнаго нарѣчія изложено гораздо обстоятельнѣе и пространнѣе, чѣмъ въ вышеназванныхъ статьяхъ¹³¹).

122) Таковы, помѣщ. въ Чтеніяхъ въ Общ. Исторіи и древностей: а) «Объ одномъ Прологѣ библ. Москов. духов. типогр». (1846, кн. 2); б) «Славянорусскія сочиненія въ пергам. сб. Царскаго» (1848, к. 7); в) «Грамматично исказаніе... Крижанича» (1848, 1) г); «Московскіе глагольскіе отрывки» (1859, к. I) и для исторіи отношеній русской рѣчи къ древне-славянской: «Чтеніе о житіи Бориса и Глѣба», съписаніе Нестора (1859, к. I); «Сказаніе и страсть, и похвала Бориса и Глѣба» (1870, к. I).

123) Журналъ Минист. Народ. Просв. 1843, № 6, стр. 130—168.

124) Москва, 1855, 8°, с. 381—CXV.

125) «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Опытъ Исторіи языка по Остромирову Евангелію», М. 1848, 8°, с. 211. Образцомъ Буслаеву, кажется, послужило сочиненіе Рудольфа

Паумера: «Die Einwirkung des Christenthums auf die althochdeutsche Sprache», Stt. 1845, а важнѣйшимъ пособіемъ извѣстное изданіе Габеленда и Лэбэ: «Ulfilas ueteris et noui testamenti Gothicae fragmenta» 2 v. L. 1843—7. Скажу здѣсь кстати, что тотъ, кто захотѣлъ бы переислѣдовать вопросъ въ буслаевскомъ направленіи, найдетъ по отношенію къ языку готскому прекрасную программу въ мемуарѣ Вейнгольда: «Die gotische Sprache im Dienste des Kristenthums», Hal. 1870, и основательнѣйшее разсмотрѣніе готскихъ христіанскихъ терминовъ въ сочин. Крафта: «Die Anfänge der christlichen Kirche bei den germanischen Völkern», I Bd., Ber. 1854, особ. 261 стр. по 326. Ср. Hofmann's, C. Gothische Conjecturen und Wort-erklärungen» въ Pfeiffer's Germania VIII, с. 1 sq.

126) «О вліяніи Христіанства» и т. д. стр. 210—11, извлечено изъ «Положеній».

127) Въ книгѣ «Матерьялы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ» М. 1855, f^o, стр. 1—58. Юбилейное изданіе Московскаго Университета.

128) Казань, 1852, 8°, с. 108. Помѣщено также въ 1 книгѣ «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго Университета на 1851 г. Статья: «О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскихъ» — въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ, т. I, стр. 86 sq. и въ «Исслѣдованіяхъ и замѣчаніяхъ о древнихъ памят. Старослав. литературы», Спб. 1856, 8°, с. 8 sq.

129) «Извѣстія II Отд. Ак. Наукъ, т. II, с. 241 sq. и «Исслѣдованія и замѣчанія», и т. д., с. 87 sq.

130) Хорошее *первое* изданіе: Казань (1848) 8°, с. 214, а также и въ Учен. Записк. Казан. Унив. 1848, к. 3.

131) Замѣчанія о рецензіяхъ церковно-славянскихъ рукописей, сдѣланныя такимъ знатокомъ ихъ, каковъ былъ пок. В. И. Григоровичъ — очень важны; потому я позволю себѣ здѣсь значительное дословное заимствованіе изъ указаннаго въ текстѣ его литографированнаго курса.

«Съ X—XIV в. мы замѣчаемъ только попытки ввести различныя рецензіи въ языкѣ, измѣнявшемся время отъ времени отъ вліянія иныхъ нарѣчій. Эти рецензіи не были случайностью, онѣ были дѣломъ сознательнаго изученія, чтобы согласить способъ писанія съ мѣстными произношеніями. У насъ Церковь заботилась не только о содержаніи, но и о формѣ книгъ. Справщики существовали уже въ XVI в. Тоже ду-

маю — могло быть и въ Болгаріи, которая стремилась къ духовной независимости, гдѣ въ X вѣкѣ былъ независимый архіепископатъ. Очевидно, что она должна была думать о церковныхъ книгахъ, Греки же не могли этимъ заниматься. Когда Болгарія ослабѣла въ борьбѣ съ Греціей въ началѣ XI в., то Церковь болгарская была поручена епископу греческому. Вѣроятно въ это время, когда Церковью управляли греческіе епископы—и возникли рецензіи. Въ концѣ XII столѣтія, когда Болгарія возстала при Асѣнѣ, она возникла не только какъ политическое государство, но возобновила также и независимость церковную, въ Терновѣ былъ основанъ патріархатъ. Окончательное же его устройство было въ 1204 г. Онъ существовалъ до совершеннаго преобладанія Турокъ надъ Болгарами. Патріархи справляли также церковныя книги. Если Болгары управлялись независимо, то вѣроятно они имѣли независимыхъ справщиковъ, заботившихся о содержаніи и формѣ книгъ. До основанія Терновскаго патріархата, сколько мы знаемъ, и Сербы были управляемы болгарскою іерархіей. Слѣдовательно, книги нужно было писать такъ, чтобы и Сербы могли понимать ихъ. Въ XIII в. Сербы пріобрѣтаютъ духовную независимость, а въ XIV в. стали даже управляться своимъ независимымъ патріархомъ, называвшимся патріархомъ всего Иллирика. Естественно, что и патріархъ сербскій не могъ быть равнодушенъ къ просвѣщенію. И дѣйствительно, мы видимъ, что при патріархатѣ Сербскомъ была особая школа въ монастырѣ Рассавѣ, гдѣ занимались исправленіемъ книгъ (изводы Рассавскіе)...

Такимъ образомъ всѣ рукописи дѣлятся на слѣдующія *рецензіи*:

1) Рукописи, принадлежація, по преданію, Кириллу и Меодію. Это *первая* рецензія. Но такъ-какъ нѣтъ прототиповъ такихъ рукописей, то мы можемъ принять за нихъ тѣ рукописи, въ которыхъ сохранились ясныя слѣды древности. На Кириллицу мы имѣемъ Остромирово Евангеліе, на Глаголиту—Рукопись Клоціанскую или мою рукопись (т. е. тк. нзв. Аѳонское Четвероевангеліе). Здѣсь въ каждомъ звукѣ видно желаніе выразить его отдѣльнымъ знакомъ, такъ что простые звуки отличаются отъ составныхъ; сверхъ того и тѣ звуки, которые можно назвать бѣглыми, переходными, имѣютъ свои особенныя знаки. Кириллица отличается правильнымъ употре-

бленіемъ ѣ и ѡ, изобилуетъ ринезмами ж, ѡ, ѣ, ѡ и отчетлива въ поставленіи ихъ. Глаголита смѣшивается ѣ и ѡ и употребляетъ большею частью ѣ, употребляетъ также ринезмы ж, ѡ, ѣ, ѡ и еще особенные знаки $\text{O} \sim P = dj$. Это древнѣйшая рецензія. Отъ нея мы имѣемъ весьма немного рукописей, именно кирилловскихъ не болѣе 15 и глагольскихъ до 7-ми.

2) Вторую рецензію я назвалъ бы *охридскою*, потому что въ Охридѣ было мѣстопробываніе патріарха болгарскаго. Съ паденіемъ Болгаріи письменность стала болѣе и болѣе разнообразиться. Главнѣйшіе признаки этой рецензіи слѣдующіе: повсемѣстное употребленіе ѣ, юсы же смѣшиваются, т. е.: ж=ѡ, ѣ=ѡ. Знакъ Δ употребляется часто вмѣсто ринезма. Замѣтно въ этой рецензіи стараніе сблизиться съ Глаголитой.

3) Третья рецензія возникла въ древнее время и, вѣроятно — приспособлена для Сербовъ. ѣ вездѣ, безъ всякаго различія, ж и ѡ смѣшиваются, йотированіе выражается — напр. а=ѡ, е=ѡ; ѡ, ѡ и ѡ—нѣтъ, и ѣ часто употребляется какъ ѡ.

4) Четвертую рецензію я назвалъ бы *терновскою*, она возникла въ Болгаріи въ XII или XIII столѣтіи. Когда заботливость патріарховъ терновскихъ была устремлена на устройство письменности, то въ этой рецензіи возродились всѣ древніе знаки. ѣ и ѡ смѣшиваются, ринезмы всѣ употребляютъ promiscue, такъ что ж=ѡ и ѡ=ѡ. Здѣсь видно желаніе возстановить древнюю рецензію и поправить произношеніе. Эта же рецензія стала сблизаться со второй и третьей. Сербы, задумавъ о церковной самостоятельности, пользовались также этой рецензіей; но мало-по-малу—изъ болгарской рецензіи переступили въ свою, т. е. въ

5) *Сербскую*, гдѣ ѣ и ѡ=ѡ и ѡ=у и ю, ѡ и ѡ=ѡ. Это собственно произношеніе сербскихъ рукописей.

6) Когда болгары и сербы распространяли письменность и примѣняли ее къ собственному произношенію, въ это время русскіе стали переписывать у себя рукописи съ болгарскихъ (Остромирово Евангеліе), потомъ — со 2-ой рецензіи стали примѣнять знаки къ своему произношенію: ѣ и ѡ какъ и теперь, ж=у и ѡ=ѡ.

Итакъ, мы можемъ допустить *шесть* разрядовъ рукописей, и это дѣленіе необходимо для общаго опредѣленія ихъ харак-

тера. Иной можетъ быть допустилъ бы еще болѣе, на основаніи различныхъ варьированій и нюансовъ (такъ!!), но все это зависѣло совершенно отъ личности переписчиковъ. Есть, впрочемъ, довольно важные признаки, которые мы пропустили: напр.: первая рецензія употребляетъ звукъ **тш**, вторая — **щ**; **ы** писалось сначала **ѣи**, потомъ **ѣ** и наконецъ **и** и т. д. Эти рецензіи отличаются также употребленіемъ какихъ-то знаковъ, но не удареній, потому что рукописи всегда были безъ нихъ. Намъ кажется, что эти знаки были соединены съ фонетикой напр. **ѣи**, **ѣ**, **ѣи**; но во всѣхъ рукописяхъ до конца XIV в. не найдемъ удареній, они возникли позже. Все это относится ко времени до XIV с., послѣ же начинается вліяніе другихъ нарѣчій и наконецъ еще — вліяніе ученыхъ».

49. Самые важные и обширные труды по древне-славянскому языку принадлежатъ И. И. Срезневскому. Такъ имъ изданы: а) полные тексты всѣхъ доселѣ открытыхъ глаголическихъ памятниковъ меньшей величины, а изъ большихъ (четвероевангелій и книгъ евангельскихъ чтеній) значительное количество выписокъ — съ филологическихкими и палеографическими разборами и объясненіями ¹³²); б) «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма», относящ. къ XI, XII, XIII и частію къ XIV в., частію въ полномъ ихъ видѣ, частію въ обширныхъ извлеченіяхъ съ подробнѣйшими филологическими и палеографическими разборами и объясненіями, изслѣдованіями ¹³³); в) цѣлый рядъ памятниковъ древне-славянскаго языка различныхъ изводовъ съ такими же филологическими обзорами, разборами и извлеченіями ¹³⁴). Срезневскому не суждено было свести въ одно цѣлое обширные и разнообразныя свои наблюденія: онъ питалъ даже нѣкоторое нерасположеніе къ обобщающимъ выводамъ и заключеніямъ, считая ихъ преждевременными, и охотнѣе устранялъ господствовавшія малоосновательныя мнѣнія и догадки, чѣмъ высказывалъ свои положительныя. Правда, матеріалъ, собранный имъ такъ великъ, его разысканія такъ обширны и точны, что иногда общій выводъ для изучающаго ихъ приходится какъ-бы самъ собою; но все же то, что высказано имъ какъ рѣшительное или положи-

тельное, какъ-то бѣдно и робко въ сравненіи съ богатствомъ его знаній и разысканій. Разсмотрѣніе памятниковъ юсоваго письма привело Срезневскаго къ слѣдующимъ выводамъ: 1) «И по правописанію, и по выговору, и по употребленію нѣкоторыхъ формъ словъ и ихъ измѣненій, письмо и языкъ юсовыхъ памятниковъ отличается отъ того древняго Славянскаго языка, который считается чистымъ и котораго главныя черты въ этихъ памятникахъ повторяются такъ же, какъ и въ древнихъ памятникахъ Русскаго письма — въ однихъ болѣе, въ другихъ менѣе правильно. 2) Въ этихъ памятникахъ отклоненія отъ чистаго Славянскаго языка не такъ однообразны, что всѣ могутъ быть считаемы особенностями одного и того же нарѣчія; напротивъ того, онѣ должны быть разсматриваемы, какъ указанія на нѣсколько различныхъ нарѣчій, отъ чего различныя, однѣ другимъ противоположныя особенности встрѣчаются не только въ разныхъ спискахъ одного и того же памятника, но и въ разныхъ частяхъ одной и той же рукописи»; т. е. «въ юсовыхъ памятникахъ, какъ и въ памятникахъ Русскихъ и Сербскихъ — черты чистаго Славянскаго языка виднѣются сквозь оттѣнки мѣстныхъ нарѣчій. Какія именно были эти мѣстныя нарѣчія? чѣмъ именно отличались одно отъ другого? какое господствовало? въ какой мѣрѣ какое было важно для языка письменности? На эти вопросы, многозначительные въ отношеніи къ народной образованности — отвѣчать опредѣленно еще невозможно. Можно только не отвергнуть, что въ числѣ ихъ занимали мѣсто между прочимъ говоры Болгарскіе и Мораво-Словенскіе, и что вліяніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ было не мало-важно на письменность Старославянскую. Последнее доказывается между прочимъ и памятниками письма Русскаго, въ числѣ которыхъ есть не мало, даже и изъ самыхъ древнихъ, очевидно переписанныхъ съ изводовъ юсоваго письма, совмѣщавшихъ въ себѣ особенности разныхъ говоровъ, между тѣмъ какъ на другихъ Русскихъ памятникахъ, столько же древнихъ, видно напротивъ того преобладаніе чистаго Старославянскаго нарѣчія... Древніе памятники глаголическаго письма даютъ также тому до-

казательства»... Касательно отечества или происхожденія старо-славянскаго нарѣчія Срезневскій высказался довольно рѣшительно противъ его болгаризма; но отъ прямого положительнаго рѣшенія воздержался. «Принимая во вниманіе—говоритъ онъ—громадное заселеніе Славянъ вмѣстѣ съ обстоятельствомъ образованія языка церковныхъ книгъ, мнѣ кажется, нельзя сказать, что церковно-славянское нарѣчіе было только въ Болгаріи и нельзя назвать его Болгарскимъ. Если разобрать слова старо-славянскаго языка, упоминаемые у Грековъ и Римлянъ и встрѣчающіяся въ языкѣ Румуновъ и Венгровъ, то окажется, что языкъ старо-славянскій употреблялся на весьма обширномъ пространствѣ, а не въ одной Болгаріи. Болгарскимъ его можно назвать развѣ потому, что старо-славянскій языкъ близокъ къ нему; но почти тоже можно сказать и о близости къ другимъ нарѣчіямъ. Съ другой стороны, имѣя въ виду обстоятельства образованія книжнаго языка, нельзя устранить отъ участія въ немъ Мораво-Словенскаго нарѣчія; потому что переводъ совершился въ Моравіи, и Моравскіе—ученики Константина не могли не внести своего элемента. Предположить, что они совершенно забыли свой языкъ—невозможно»...¹³⁵) Нерѣшительность во мнѣніяхъ (печатно высказанныхъ) Срезневскаго можетъ оставить изслѣдователя въ недоумѣніи, но никогда не введетъ его въ заблужденіе... А это—великое достоинство! Сверхъ этого разнообразныя наблюденія и изслѣдованія Срезневскаго надъ составомъ древне-славянскаго языка открываютъ въ исторіи послѣдняго множество новыхъ сторонъ, дотолѣ никѣмъ не подмѣченныхъ, представляютъ много частныхъ открытій, теряющихся для глаза вслѣдствіе ихъ разбросанности и скромной формы. Важность и великое значеніе такихъ наблюденій для науки исторіи старо-славянскаго языка и филологической критики—объявится вполнѣ только тогда, когда они будутъ систематически классифицированы и сведены въ одно, какъ то сдѣлано А. Н. Пыпинымъ въ отношеніи филолого-па-леографическихъ наблюденій Востокова.

132) «Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками Кириллицы», Спб. 1866, 8°, с. 298—10 снимк. Изъ III—V т. Извѣстій русскаго Археологическаго Общества отдѣльный оттискъ въ числѣ 100.

133) «Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка», Спб. 1868, 8°, с. 192—416—24. Первая половина книги занята обозрѣніемъ памятниковъ въ палеографическомъ и филологическомъ отношеніи: правописаніе, звукоупотребленіе и грамматическія формы каждаго памятника разобраны особо.

134) Въ изданіи: «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ» Спб. 1867—1879, три тома, помѣщено множество грамматическихъ разборовъ и словарныхъ извлеченій изъ памятниковъ (XI—XV вв.) старо-славянскаго языка въ изводахъ болгарскихъ, сербскихъ, русскихъ и вообще юго-славянскихъ. Нѣкоторые разборы представляютъ образцовое приложеніе филологической критики къ рѣшенію вопросовъ о происхожденіи и составѣ памятниковъ. Въ послѣднемъ отношеніи очень важно и его изданіе X Слова Григорія Богослова XI в. Извѣстія II От. Ак. Н., т. IV с. 294—312.

135) Займствуемъ эти строки изъ «Чтеній по исторіи славянскаго языка и его нарѣчій», отлитографированныхъ слушателями И. И-ча въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Здѣсь же умѣстно будетъ вспомнить и то, что сказано Срезневскимъ касательно отличенія и отдѣленія словъ и выраженій чистаго древне-славянскаго языка отъ болгарскихъ и русскихъ: «не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что значительная часть учениковъ Константина философа и Меоодія, по кончинѣ послѣдняго, нашли себѣ пріютъ въ Болгаріи и тамъ продолжали трудъ своихъ учителей, что въ Болгаріи вмѣстѣ съ ихъ учениками, каковы были Климентъ и Константинъ, трудиться стали и не ученики ихъ, и такіе, подражатели какъ Іоаннъ экзархъ, Григорій пресвитеръ и другіе, неизвѣстные... Но не подлежитъ ли сомнѣнію, что трудяся въ Болгаріи, продолжатели подвига братьевъ-первоучителей и ихъ послѣдователи остались совершенно вѣрными тому языку, который употребляли братья-первоучители? Не могли-ли они, не должны-ли были они волей и неволей употреблять слова

и выраженія, ходячія въ Болгаріи, не спрашивая себя, употребили-ли бы ихъ или нѣтъ братья-первоучители? Не могли-ли они, не должны-ли были они идти въ этомъ отношеніи той же дорогой, какой шли наши русскіе древніе писатели, которые тѣмъ болѣе забывали требованія чистаго старо-славянскаго нарѣчія, чѣмъ протче писали? А если такъ, то изслѣдователь древняго славянскаго языка не можетъ не потребовать отъ себя выдѣленія того, что долженъ онъ признать старо-славянскимъ, отъ того, что такимъ признать не можетъ и что — по крайней мѣрѣ до новыхъ открытій — долженъ считать древнимъ Болгарскимъ или древнимъ Русскимъ. Это выдѣленіе важно и въ литературномъ отношеніи, и не менѣе также въ отношеніи археологическомъ. Подборъ словъ въ языкѣ Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ могъ отличаться отъ подбора словъ, допущеннаго ихъ продолжателями въ Болгаріи и на Руси не только по словамъ общежитейскимъ, но также по словамъ чисто литературнымъ или книжнымъ. Вниманіе къ подбору словъ особенно важно, когда надобно хотъ приблизительно опредѣлить независимо отъ правописанія время и мѣсто первоначальнаго написанія памятниковъ»... См. соч. «Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій» Шлейхера и Срезневскаго, Спб. 1866 (Сборникъ II Отд. Ак. Н., т. I, № 2), стр. 19 — 20.

50. Хотя, подобно Миклошичу—Шлейхеръ посвящалъ свои занятія главнымъ образомъ сравнительному славянскому языкознанію ¹³⁶⁾, но онъ—естественно—во многихъ случаяхъ долженъ былъ касаться и историческихъ вопросовъ. Его занимала, впрочемъ, не столько та исторія, для которой имѣются прочныя данныя въ памятникахъ, а предшествующія ей стадіи въ историческомъ развитіи языка, постигаемыя, такъ сказать, теоретически и возстановляемыя путемъ искусственной реставраціи, посредствомъ соображенія различныхъ данныхъ въ различныхъ языкахъ. Рядъ такихъ трудовъ его открылся «Ученіемъ о формахъ церковно-славянскаго языка», изд. въ 1852 г. ¹³⁷⁾. Это — сравнительная обработка данныхъ, заключающихся (отчасти) въ первомъ и въ третьемъ томахъ «Сравнительной Грамматики» Миклошича. Во «Введеніи» къ труду разсматриваются: славян-

ская рѣчь въ отношеніи своемъ къ семьямъ другихъ языковъ индо-европейскаго корня, древне-славянской (= церковный) въ своемъ отношеніи къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ и церковно-славянское письмо. Слѣдуя Шафарику, Шлейхеръ усволяетъ старославянскому языку болгарское происхожденіе... Основавъ въ 1858 (вмѣстѣ съ А. Куномъ) «Повременникъ», въ которомъ славянскія нарѣчія занимали одно изъ главныхъ мѣстъ ¹³⁸⁾, Шлейхеръ открылъ его «краткимъ очеркомъ исторіи славянскаго языка» ¹³⁹⁾, представляющимъ попытку возстановленія жизни славянскаго языка отъ того времени, когда онъ входилъ въ составъ общаго индоевропейскаго языка, до времени уже строго историческаго, когда онъ является въ развѣтвленіи на отдѣльныя нарѣчія. Позднѣе, въ 1865 г. Шлейхеръ возвратился къ тому же предмету и переработавъ, распространивъ и измѣнивъ во многомъ свой «Краткій очеркъ», напечаталъ его уже только по-русски въ Запискахъ Академіи Наукъ ¹⁴⁰⁾. Эти работы относятся къ области палеонтологіи славянскаго языка. Къ исторіи положительной принадлежитъ провѣрка лингвистическими данными Копитара — Миклошичевой теоріи словинскаго происхожденія церковно-славянскаго языка, при чемъ Шлейхеръ приходитъ къ убѣжденію, что славянское нарѣчіе не могло быть прямымъ потомкомъ древне-славянскаго (= древне-болгарскаго) ¹⁴¹⁾.

Изъ разнообразныхъ и многополезныхъ трудовъ по славянскому языкознанію пр. М. Гатталы назовемъ здѣсь только тѣ, которые прямо и непосредственно касаются языка старославянскаго, таковы: а) «Объ отношеніи древне-славянскаго языка (по Гатталѣ=древне-болгарскаго) къ нынѣшнимъ нарѣчіямъ славянскимъ», б) «О носовыхъ звукахъ въ болгарщинѣ вообще и въ частности въ языкѣ новоболгарскомъ»; в) «О перемѣнѣ смежныхъ согласныхъ (группъ согласныхъ) въ славянскихъ нарѣчіяхъ» и наконецъ г) «Очищеніе языка чешскаго» ¹⁴²⁾. Послѣдній трудъ даетъ гораздо болѣе, чѣмъ можно заключать по названію: въ немъ очень много важныхъ замѣчаній для исторіи славянскаго языка вообще и для оцѣнки чужеземныхъ стихій въ немъ. Рѣзкій, ино-

гда поспѣшный и мало-осторожный по отношенію къ лицамъ, Гаттала въ своихъ трудахъ всегда осмотрителенъ, проникателенъ и основателенъ въ заключеніяхъ и оцѣнкѣ данныхъ языковъ. Высокое ученое достоинство ихъ для славянскаго языкознанія не подлежитъ сомнѣнію ¹⁴³).

136) Довольно полное перечисленіе трудовъ Шлейхера находится въ книгѣ: «Мнѣнія о словарѣ славянскихъ нарѣчій—Шлейхера и Срезневскаго». Спб. 1866, с. 41—8 (Сборн. II Отд. т. I, № 2).

Изъ трудовъ по сравнительному славянскому языкознанію здѣсь могутъ быть названы: «Das Futurum im Deutschen und Slavischen въ Zeits. f. vergl. Sprachfor. т. IV, с. 187—197; «Ueber v (—ov-, —ev-) vor den Casusendungen im Slavischen», Sitz-Ber. der Wien. Acad. 1852, Hft. II, и отдѣльно; «O Infinitivě a supinim w jazyku Slowanském» въ Časop. Česk. Mus. 1849, III, 153—157 и три статьи въ приложеніи къ его сочиненію: «Die Sprachen Europas» 1850, стр. 244—265: 1) «Was entspricht im Littauischen dem altslawischen ѣ und ѣ»; 2) «Ueber das Supinum im Slawischen»; 3) «Ueber einige Participialformen im Slawischen»; наконецъ сюда же относятся и славянскіе отдѣлы его знаменитаго «Compendium'a der vergleichenden Grammatik» 2-е изд. 1866.

137) Die Formenlere der kirchenslawischen Sprache erklärend und vergleichend dargestellt. Bonn, 1852, 8°, с. XXIII+376.

138) Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der Arischen, Celtischen und Slawischen Sprachen», до-селѣ VII т.

139) «Kurzer Abriss der Geschichte der slavischen Sprache», Beiträге z. v—s. I, p. 1—27.

140) «Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ», Спб. 1865 (какъ приложение къ VIII т. Записокъ Ак. Н.) p. 64.

141) «Ist das Altkirchenslavische — Slovenisch», Beitr. 2. v. Spr. I. 319—327.

142) а) «O poměru cyrilliciny k nynějším nářečím slovanským» въ Časop. Česk. Mus. 1855, I, p. 81—104.

б) «O nosnih samoglasih u bugarštini u obče i napose u novaj» въ Kniževnik, Ag. 1865, II, p. 414—421, 461—476.

в) «De contiguarum consonantium mutatione in linguis slavica», Pr. 1865, 4°, p. 104. Эта статья вызвала реплику со стороны Лескина: «Zur neuesten Geschichte der slavischen Sprachforschung» въ Beitr. z. vergl. Spr. V, p. 403—444; на что со стороны Гаттала послѣдовала дуплика въ брошюрѣ: «August Schleicher und die slavischen Consonantengruppen», Pr. 1869, 8°, 94 p. Полемикою ни Лескинъ не уменьшилъ достоинствъ изслѣдованій Гаттала, ни Гаттала не увеличилъ ихъ...

г) «Brus jazyka českého», příspěvek k dějinám osvěty vůbec a slovanské i české zvláště. P. 1877, 8°, IV+304.

143) Иные труды его по сравнительному славянскому языкознанію—суть:

а) Zvukosloví jazyka staro i novo českého a slovanského, P. 1854, 8°, VIII+112.

б) Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského, Pr. 1857, 8°, p. XXII+336.

в) Posouzení Fr. L. Čelakovského: «Čtení o srov. mluvn. slovanské» въ Časop. č. Mus. 1854, p. 103—142.

г) «O ablativě ve slovančine a litvančině», Časop. č. Mus. 1857, 227—251; 564—581. 1858, 347—357, 519—533 и отд. Pr. 1858.

д) «Početne skupine suglasah hrvatskih v srbskih» въ Rad jugoslavenske Akad. IV, p. 104—175 и отд. Ag. 1868.

51. Труды по древне-славянскому языку В. В. Ягича—хотя и не имѣютъ систематическаго общаго, обнимающаго какой-нибудь цѣльный отдѣлъ языка—характера, тѣмъ не менѣе и разнообразны и—что всего важнѣе—исполнены съ отчетливостью и полнымъ вниманіемъ къ современнымъ требованіямъ историко-сравнительной филологической науки. Таковы его обширные разборы языка а) Ассеманіева и б) Зографскаго глаголическихъ Евангелій, его разборъ языка в) древняго славянскаго перевода Евангелія вообще, его г) филологическія объясненія къ памятникамъ юго-славянской письменности, имъ же изданнымъ въ Сборникѣ юго-славянской Академіи ¹⁴⁴⁾, таковы его разныя изслѣдованія и замѣтки въ издаваемомъ имъ «Архивѣ славянской фило-

логіи» (перечень важнѣйшихъ изъ нихъ находится ниже, подъ числами 51 и 55). Изслѣдованія Ягича отличаются строгостью и достовѣрностью лингвистическаго метода. Этимъ — естественно — опредѣляется ихъ цѣна и значеніе.

Происхожденіе и историческое образованіе древне-славянскаго языка было — наконецъ — предметомъ разсужденій г. Ламанскаго въ его ст. «Непорѣшенный вопросъ»¹⁴⁵). Г. Ламанскій подвелъ такъ сказать итогъ тѣмъ понятіямъ о предметѣ, къ которымъ привело Срезневскаго тщательное изученіе памятниковъ старо-славянскаго языка. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и пришелъ къ гипотезѣ объ искусственномъ происхожденіи языка старо-славянскаго... Гипотеза вѣроятная, заслуживающая полнаго вниманія, а потому умѣстно будетъ остановиться на ней нѣсколько долѣе, чѣмъ мы обыкновенно дѣлали съ другими вопросами: «Какъ нарѣчіе македонскихъ Славянъ, языкъ свв. Кирилла, Меѳодія и Климента въ IX—X вѣкахъ, не могло быть тождественно съ нарѣчіемъ задунайскимъ, завоеванныхъ Болгарами Славянъ, такъ еще болѣе должно было быть различія между языкомъ македонскимъ, моравскимъ и паннонскихъ Славянъ, къ которымъ, по приглашенію ихъ князей Ростислава и Коцела, перенесли свою учительскую дѣятельность изобрѣтатель славянской азбуки, его братья и ихъ ученики, уроженцы Македонскіе. Частію съ намѣреніемъ, дабы быть понятіѣе новой средѣ, отчасти невольно и безсознательно, подъ неизбѣжнымъ и неотразимымъ вліяніемъ новой среды, Македонскіе проповѣдники въ *вышней и нижней Моравіи* мало-по-малу воспринимали въ свою устную и письменную рѣчь новые обороты и выраженія, необычные въ Македоніи и необходимые въ жизни Славянъ Моравскихъ. Такъ, въ первые же годы появленія славянскихъ апостоловъ съ ихъ учениками въ Моравіи значительно видоизмѣнился въ ихъ устахъ и писаніяхъ ихъ отечественный или, по крайности, тотъ славянскій языкъ, на которомъ они проповѣдывали Славянамъ слово Божіе. Оставаясь языкомъ славянскимъ, онъ переставалъ быть нарѣчіемъ чисто-Македонскимъ и въ то же время не дѣлался чисто-Морав-

скимъ. Въ создавшійся тогда письменный церковный языкъ Славянъ особенности нарѣчія Моравскаго должны были быть вносимы во множествѣ новыми учениками св. Меоодія, природными Мораванами. Чтобъ ясніе себѣ представить совершавшійся тогда процессъ образованія этого письменнаго языка, перенесемъ мысленно въ Моравію Ростислава и Святополка. Подъ благотворнымъ вліяніемъ славянскихъ апостоловъ, подъ покровительствомъ Ростислава (въ первое время), Святополка и многихъ знатныхъ и богатыхъ Мораванъ, при сильномъ негодованіи и ропотѣ нѣмецкаго духовенства Моравіи въ ней возникаетъ небывалая прежде среда первыхъ славянскихъ писателей и ученыхъ, сочинителей, переводчиковъ и писцовъ. Въ общихъ рабочихъ кельяхъ этихъ Климентовъ, Наумовъ, Гораздовъ и другихъ неизвѣстныхъ намъ труженниковъ, нерѣдко происходятъ живыя бесѣды и пренія объ употребленіи того или другаго реченія, той или другой формы грамматической, того или другаго способа написанія извѣстнаго звука или слова. Пришлые Македонскіе уроженцы упорно отстаиваютъ и защищаютъ чистоту своихъ македонскихъ формъ и оборотовъ противъ своихъ учениковъ уроженцевъ Моравіи, которые желаютъ вытѣснить и замѣнить эти *македонизмы* своими моравскими формами и выраженіями. Очень правдоподобно, что при этомъ консерватизмъ Македонянъ нерѣдко одерживалъ верхъ надъ нововведеніями Моравскими, благодаря не только авторитету общаго наставника Меоодія, но и той помощи, которую могли оказывать Македонянамъ нѣкоторые его ученики изъ паннонскихъ Славянъ, изъ Словинцевъ, княжества Коцела. Часто, конечно, бывало, что Македонское выраженіе или форма, не совсѣмъ понятныя Мораванину или Словаку, были ясны и просты для разумѣнія Словинца. Такъ въ не долговременный, но плодотворный періодъ славянской образованности, со времени изобрѣтенія славянскихъ письменъ св. Кириломъ до кончины св. Меоодія и разсѣянія его учениковъ по землямъ юго-славянскимъ и на сѣверъ (когда-же бы иначе Угорская, Буковинская и Галицкая Русь приняли христіанство?), въ этотъ періодъ уже по-

ложено было твердое начало образованія письменнаго церковнаго языка нашего, разговорнаго и книжнаго органа образованныхъ, ученыхъ Славянъ изъ различныхъ племенъ и земель. Это было не одно какое-нибудь извѣстное нарѣчіе, какъ оно употреблялось въ устахъ того или другаго мѣстнаго населенія великой родины славянской, это былъ уже языкъ книги, органъ отвлеченной мысли, тѣмъ болѣе удалявшійся отъ безсознательности и непосредственности народнаго говора, что онъ при самомъ рожденіи своемъ началъ быть обрабатываемъ учеными и писателями различныхъ племенъ славянскихъ» ¹⁴⁶⁾. Предположеніе г. Ламанскаго — имѣетъ основанія и потому немалую цѣнность. Приходится только сожалѣть, что они остались безъ прочныхъ ученыхъ доказательствъ; ибо что далѣе говорить авторъ, то уже не относится къ наукѣ, а къ области гаданій греко-славянскаго свойства, причемъ и методъ употребляется ненаучный, а по его обыкновенію, греко-славянскій.

144) а) его «*Razprava*», грамматическая, лексикальная и критическая о Ассеманіевомъ Евангеліи помѣщена въ предисловіи къ изданію послѣдняго, сдѣланному Рачкимъ: «*Assemanov ili Vatikanski Evangelistar*, Zagr. 1865, p. XII—С. Впрочемъ — послѣ того, какъ доказано, что изданіе Рачкаго не вполне отвѣчаетъ требованіямъ филологической критики — и заключенія Ягича нуждаются въ нѣкоторыхъ (не важныхъ впрочемъ) поправкахъ.

б) «*Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium*» въ *Archiv für slav. Phil.* I, p. 1—55 и II, p. 201—269. Cf. также предисловіе къ его изданію «*Зографскаго Евангелія*» Ber. MDCCCLXXIX, 4°.

в) ст. «*Evangeliје u slovѣnskom prievodu*» въ кн. «*Tisučnica s. Cirila i Metoda*». Zag. 1863, p. 31—66.

г) въ Сборникѣ: «*Starine*» книги V, VI, IX — рядъ памятниковъ подъ заглавіемъ: *Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovinskih rukopisa*» и отдѣльно три книги 1873—7.

145) Журналъ Минист. Народ. Просв. 1869, № 1, стр. 122—163.

146) Ibidem, p. 125—6.

52. Изслѣдованіе древне-славянскаго языка шло въ разныхъ направленіяхъ: *одни* разрабатывали отдѣльные вопросы или группы отдѣльныхъ вопросовъ сравнительно-исторически, *другіе* извлекали, систематизировали матеріалъ отдѣльныхъ памятниковъ въ грамматическомъ или словарномъ отношеніи, наконецъ, *третьи* пытались воспользоваться данными языка для рѣшенія бытовыхъ, историко-культурныхъ вопросовъ или же съ такой точки зрѣнія разсматривали извѣстные отдѣлы словарнаго матеріала.

I. Къ *первымъ* принадлежатъ изслѣдованія: а) Лескина — «о вокализмѣ средне-болгарскихъ памятниковъ»; б) Шолфина: «о склоненіяхъ паннонско-словенскихъ памятниковъ древне-церковнаго славянскаго языка»; в) Ягича: «о звуковомъ значеніи носоваго ж въ древне-болгарскомъ»; г) Лудвига: «о нѣкоторыхъ носовыхъ формахъ въ древне-славянскомъ»; д) Потební: «о первоначальномъ звуковомъ значеніи славянскихъ носовыхъ»; е) Лескина: «о значеніи ѣ и ѣ въ такъ называемыхъ древне-славянскихъ памятникахъ церковнаго языка»; ж) Головачевскаго: «о звуковомъ значеніи глаголическаго ѣ»; з) Колосова: «отношенія гласныхъ звуковъ въ старо-славянскомъ языкѣ» и «о звукѣ ѣ и его отношеніи къ оу въ старо-славянскомъ».

II. Ко *вторымъ* относятся:—1) тщательный трудъ А. С. Будиловича о языкѣ знаменитаго древне-славянскаго перевода словъ Григорія Богослова XI в.; 2) Горскаго и Невоструева — словарныя и грамматическія извлеченія изъ различныхъ памятниковъ старославянскихъ въ «Описаніи славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки»; 3) Невоструева — грамматическія извлеченія изъ древняго слова Ипполита объ антихристѣ; 4) И. И. Срезневскаго — словарныя выписки изъ древняго толковаго перевода Пророчествъ; 5) Воскресенскаго — разборъ языка древне-славянскаго перевода Апостола; 6) Малинина — разборъ языка сборника извѣстнаго подъ именемъ Златоструя; 7) В. И. Срезневскаго — изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода Псалтири; 8) о. арх. Амфилохія: словарныя

извлеченія и выписки изъ Пандектовъ Антиоха XI в., Евангелій—Юрьевского 1118—28 и Архангельскаго 1092, Сербскаго Октоиха XI (? XIV в.); 9) Ягича: замѣтки о языкѣ Михановичева отрывка глагольскаго апостола ¹⁴⁷⁾. Многіе изъ сихъ трудовъ суть только матеріалы, иногда очень тщательно и разборчиво сведенные и размѣщенные, иногда въ сыромъ видѣ и безъ должнаго выбора; но польза и значеніе ихъ для исторіи славянскаго языка и филологической критики не можетъ — кажется — быть вопросомъ.

147) Ad I: a) Leskien: «Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler». Archiv f. slav. Ph. II, 269—288.

б) Scholvin: «Beiträge zur Declination in den pannonisch—slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen», Archiv f. slav. Phil. II, 482—569.

в) Jagić: «Wie lautete ж bei den alten Bulgaren», Archiv f. sl. Ph. III, p. 312—357.

г) Ludwig, A.: «Ueber einige nasale Formen» въ Sitzungsberichte d. böhm. Gesel. d. Wiss. Jahr. 1874, p. 169—176.

д) Потенія, А. А.: «Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasalvocale», Archiv f. sl. Ph. III, 614—620.

е) Leskien: «Die Vocale ѣ und ѡ in den sogenannten altslovenischen Denkmälern des Kirchenslavischen» L. 1875, 8°, 137, отписки изъ Berichte d. säch. Ges. d. Wiss. 1875, I p. 35—137.

ж) Головачевскій: «Ueber den Lautwerth des glagolitischen ѣ», Archiv f. sl. Phil. IV, 134—141.

з) Колосова ст. въ «Филологическихъ Запискахъ 1871, вып. III, стр. 1—8; и 1872, вып. I—II, с. 27—37.

Ad II: 1) Будиловичъ: «Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова, по ркп. XI в.» Спб. 1871 8°, с. VI—152 и III снимка. Рец. Бодуэна-де-Куртэнэ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1872, № 8, с. 342—363 и № 11, с. 166—189.

2) «Описаніе славянскихъ рукописей московской Синодальной библіотеки» М. 1855—69, 5 книгъ.

3) «Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ

переводѣ по списку XII в.» М. 1868, с. 111—188 въ Примѣчаніяхъ. Срав. Замѣт. И. И. Срезневскаго въ книгѣ: «Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ», Спб. 1874, р. 20—2.

4) И. Срезневскаго: «Примѣчанія къ словарнымъ выпискамъ Ѳ. И. Буслаева изъ древняго толковаго перевода Пророчествъ въ «Матерьялахъ для сравнительн. словаря и грамматики». Спб. 1856, т. III, с. 561—571.

5) Воскресенскій: «Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в.» Опытъ изслѣдованія языка и текста славянскаго перевода апостола XII—XV в. М. 1879, 8°, 343+IV.

6) Малининъ: «Изслѣдованіе Златоструя по ркп. XII в. И. Публ. биб.» Кіевъ, 1878, 8°, с. 420+II, 3 снимка.

7) Срезневскій, Вяч. И.: «Древній переводъ Псалтыри». Изслѣдованіе его текста и языка по рукоп. XI—XIV в., Спб. 1877, 4°, с. 88+110+4 снимка.

8) о. арх. Амфилохій: а) «Выписки изъ списка Пандекта Антіохова» XI в., въ Извѣст. II Отд. Ак. Н., т. VII, с. 41—8, 147—155, и отд.; б) «Описаніе Юрьевскаго Евангелія» 1118—28 г. М. 1877 и при этомъ, особо: «Древле-славяно-греко-русскій словарь изъ Юрьевскаго Евангелія, сличенный съ Евангеліями XI, XII в. и 1270 г. М. 1877, 4°, с. 39; в) Описаніе Евангелія 1092 г. М. 1877, 4°, с. 32+10 таб.; г.) «О самодревнѣйшемъ Октоихѣ XI в. югославянскаго юсоваго письма» М. 1877, f°, XVII+52. См. весьма хорошую рец. Ягича въ Archiv f. Slav. Phil. III, 168—176; д) выборъ словъ изъ древняго славянскаго Кондакаря, издан. подъ заглавіемъ: «о греческомъ Кондакарѣ», Спб. 1869, 37. Прилож. къ VII т. Записокъ Акад. Наукъ.

9) Jagić: Gradja za glagolsku paleografiju», пом. въ Rad jugosl. Akad. t. II, 1868, p. 1—35.

53. III. По разработкѣ культурной или бытовой стороны и содержанія древне-славянскаго языка назовемъ:

1) Лавровскаго—: «Коренное значеніе въ названіяхъ рода у славянъ» Спб. 1867, 8° с. 118+II. Основательный опытъ славянской лингвистической палеонтологіи, одинаково важный и любопытный и для лингвиста и для археолога-историка.

Нельзя сомнѣваться, что если бы трудъ нашего слависта былъ извѣстенъ европейскимъ ученымъ, — то, пользуясь указаніями славянскаго матеріала, въ немъ собраннаго и изслѣдованнаго, такое замѣчательное сочиненіе, какъ книга Дееке: «О нѣмецкихъ именахъ родства» (*Die Deutschen Verwandtschaftsnamen... nebst vergleichenden Anmerkungen*), W. 1870, VIII+223, p.) — измѣнило и расширило бы не мало изъ своихъ утвержденій.

2) Морошкина, св.: «Славянскій именословъ или собраніе славянскихъ личныхъ именъ въ алфавитномъ порядкѣ», Спб. 1867, 8^о, с. 108+213. Первая половина книги заключаетъ въ себѣ добросовѣстно и трудолюбиво составленное изслѣдованіе, состоящее изъ трехъ частей: въ первой разсматриваются имена, какъ слова, состоящія изъ извѣстныхъ корней, имѣющихъ извѣстные суффиксы, т. е. грамматически, въ отношеніи образованія именъ; — во второй — понятія, выражаемыя личными славянскими именами, т. е. археологія собственныхъ именъ, обставленная и обычаями, относящимися къ рожденію и нареченію имени; въ третьей — разсматривается вліяніе христіанства и международныхъ отношеній на строй личныхъ славянскихъ именъ. Вторую половину книги занимаетъ Словарь собственныхъ славянскихъ именъ съ обстоятельными ссылками на источники. Какъ по матеріалу, такъ и обработкѣ реальной исторической стороны Именословъ Морошкина — полнѣе и тщательнѣе всего, доселѣ изданнаго въ семъ родѣ. Рецензія И. И. Срезневскаго въ Отчетѣ о шестомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, 1863, с. 24—31.

3) Маценауера: *Cizí slova ve slovanských řečech*, Brno, 1870, 8^о VII+422. Первое отдѣленіе книги, стр. 15—93, есть обстоятельная критика труда Миклошича «*Fremdwörter etc.*». (см. выше, подѣ числомъ 47): авторъ разсматриваетъ тѣ слова, которыми Миклошичъ усвоиваетъ чужеземное происхожденіе и которыя — по его (Маценауера) мнѣнію — происхожденія славянскаго; второе отдѣленіе заключаетъ собранныя авторомъ чужеземныя слова въ славянской рѣчи. Трудъ — очень важный. Здѣсь

замѣчу, что будущій изслѣдователь предмета долженъ непременно воспользоваться трудами (оставшимися неизвѣстными и Миклошичу и Маценауеру) Эбеля (*Über die Lehnwörter der deutsche Sprache* 1856) и Виндлера (*Zusammenstellung der Fremdwörter des Alt- und Mittelhochdeutschen nach sachlichen Kategorien*. Zwickau 1865).

4) Будиловича: «Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи славянъ», ч. I. Кіевъ, 1878, 8^о с. XXII+408+XV. Сія часть обнимаетъ данныя, относящіяся къ внѣшней природѣ. Тотъ кто будетъ помнить, что это первый въ славянской наукѣ обширный опытъ собранія данныхъ, относящихся къ славянской лингвистической палеонтологіи, кто сверхъ этого не предъявитъ слишкомъ строгихъ научныхъ требованій термину: «изслѣдованія», тотъ найдетъ и признаетъ въ книгѣ А. С. Будиловича въ высокой степени полезный и трудолюбивый сборъ данныхъ, извлеченныхъ изъ многихъ словарей славянскихъ нарѣчій, хотя бы даже ему пришлось разойтись съ авторомъ и въ приѣмахъ разработки предмета и во многихъ конечныхъ заключеніяхъ. Трудъ—повторяю—заслуживаетъ полной признательности. Рецензіи: Brückner'a въ *Archiv für slavische Philologie* IV, p. 451—4; Бодуэна-де-Куртене, въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ* 1879, т. II, № 4, с. 165—206; отвѣтъ Будиловича обоимъ—тамъ же 1880, кн. 2, стр. 295—309.

Сюда же въ нѣкоторомъ отношеніи принадлежитъ и сочиненіе—

5) Кочубинскаго—«Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій», Од. 1877—8, т. 1 и 2: I, с. IV+222+90. Попытка на основаніи историческаго и сравнительнаго разбора нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ сочетаній въ славянскихъ нарѣчіяхъ рѣшить вопросъ объ отношеніяхъ послѣднихъ. Авторъ примѣняетъ къ славянской семьѣ мысль Іоанна Шмидта (*Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen*, W. 1872), во многихъ случаяхъ довольно удачно, но едва-ли въ

главномъ результатѣ, имѣющемъ характеръ одного отрицанія господствующихъ мнѣній. Ратуя весьма основательно противъ своеволія узкаго сербскаго патріотизма Даничича въ рѣшеніи вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій (въ кн. «Диоба славенскихъ језика, Б. 1874)—А. А. Кочубинскій самъ попадаетъ въ сѣти того же врага строгой науки и рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи русской рѣчи къ прочимъ славянскимъ—догматическимъ императивомъ о протоэтническомъ первенствѣ его, т. е. не столько научнымъ, сколько патріотическимъ методомъ. Но при всѣхъ частныхъ недостаткахъ своихъ, усиливаемыхъ еще нѣкоторою аподиктической, рѣзкою рѣшительностью тона—трудъ Кочубинскаго заключаетъ въ себѣ обиліе самостоятельно добытаго матеріала и вѣрныхъ замѣчаній; онъ исполненъ съ совѣстливымъ отношеніемъ къ дѣлу и желаніемъ не пренебречь ничѣмъ, что могло бы послужить къ рѣшенію его задачи. Потому я не могу здѣсь искренно не пожалѣть, что во многихъ статьяхъ основательныя критическія замѣчанія г. Бодуэна-де Куртенэ—были высказаны въ такой малодостойной научной формѣ и съ такимъ прискорбнымъ забвеніемъ долга справедливости и уваженія къ личности разбираемаго имъ автора. См. его рецензію труда Кочубинскаго, подъ заглавіемъ: «Критика и библиографія». «Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ»... и т. д... Каз. 1879, с. 47.

Наконецъ—здѣсь мѣсто указать и тѣ немногіе труды, которые посвящены разясненію вопроса о славянскомъ началѣ въ языкѣ новыхъ грековъ, таковы—кромѣ статьи Миклошича (см. выше подъ числомъ 47)—еще слѣдующія:

а) Г. С. Дестуниса: «Матеріалы для разсмотрѣнія вопроса о слѣдахъ славянства въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ» въ «Матеріалахъ для Сравнительн. и объясн. Словаря и Грамматики», т. III, 354—361 и V, 73—80, 147—160; 241—258.

б) Орбинскаго: «О слѣдахъ славянства въ языкѣ новогреческомъ» въ Журн. Минист. Народ. Пр. 1854, ч. LXXXIII, с. 94—112.

54. Изслѣдованія судебъ старо-славянскаго языка въ различныхъ славянскихъ странахъ были обращены преимущественно на сербскую его область: менѣе существуетъ изслѣдованій, посвященныхъ русской области (о нихъ ниже), еще менѣе, почти ничего — болгарской.

Почти одновременно съ В. С. Караджичемъ, издавшимъ «Примѣри српско-словенскога језика», Б. 1857, 8^о, с. 79, представляющіе тексты (не древніе) сербо-церковнаго нарѣчія съ нѣкоторыми замѣчаніями, — появился обширный трудъ А. А. Майкова: «Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кирилицей, въ связи съ исторіей народа»¹⁴⁸)... Книга заключаетъ въ себѣ два отдѣла: историческій (с. 1—306) и языкословный (с. 307—823). Обои́мъ отдѣламъ предпосланы вводныя обзорѣнія памятниковъ. Въ отношеніи языка главной задачей изслѣдователя «было прослѣдить измѣняющееся по вѣкамъ и областямъ состояніе древне-сербскаго языка, отличить его собственные признаки отъ привнесовъ другой, церковно-славянской стихіи и по первымъ опредѣлить степень движенія, которое онъ совершалъ вмѣстѣ съ другими славянскими нарѣчіями, отвѣчая общеславянскому движенію и своимъ собственнымъ личнымъ потребностямъ». Привожу здѣсь положенія автора, выражающія его конечныя выводы по отношенію къ сербскому письменному языку: а) Значки въ древне-сербскихъ памятникахъ двухъ родовъ: внутренніе, выражающіе качество, или количество гласной; внѣшніе, или замѣнительные, заступающіе мѣсто строчной гласной. б) Звукодвиженіе и словодвиженіе древне-сербскаго письменнаго языка вмѣщаютъ въ себѣ два родственныя, взаимнодѣйствующія образовательныя начала: церковно-славянское и народное. Начала эти присутствуютъ въ немъ неравномѣрно, смотря по содержанію, мѣсту и времени памятника. Но въ общей сложности памятниковъ нѣтъ такого времени и пространства, гдѣ бы не было ихъ обоихъ. в) Народное начало есть главный образователь древне-сербскаго письменнаго языка въ кирилловскихъ памятникахъ. Оно исполнено жизни и движенія. Въ немъ встрѣ-

чаются древнѣйшіе признаки, ослабнувшіе или вовсе исчезнувшіе нынѣ, и указывающіе на племенное родство славянскихъ нарѣчій и отличительное ближайшее положеніе ихъ другъ къ другу въ старину, переходные звуки и формы и наконецъ новѣйшіе зарождающіеся, или усиливающіеся признаки. г) Церковно-славянское начало, второй образователь древне-сербскаго письменнаго языка—входитъ въ него безъ движенія, какъ заимствование. Оно ближе стоитъ къ народному въ древнѣйшихъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и отделяется съ теченіемъ времени, становясь замѣтнымъ привнесомъ подъ вліяніемъ своей письменности. д) Относительно двухъ образовательныхъ началъ, кирилловскіе памятники распадаются на двѣ главныя семьи: восточную и западную. Первая выказываетъ преимущественно свойства восточнаго подрѣчія, вторая—западнаго; первая болѣе удерживаетъ въ себѣ церковно-славянскаго начала, вторая предшествуетъ ей въ развитіи народнаго начала. Общность признаковъ въ обѣихъ семьяхъ — бѣдшая въ древнѣйшихъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и меньшая въ позднѣйшихъ» ¹⁴⁹). Г. Майковъ ограничился памятниками, писанными кириллицей, оставляя въ сторонѣ глагольскіе и латинскіе... Если бы онъ имѣлъ въ виду представить исторію языка въ связи съ внутренней исторіей, бытомъ и образованностью народа — то такое обстоятельство могло затруднить изслѣдованіе и условить важныя пробѣлы и недостатокъ труда, но исторіи онъ далъ самостоятельное мѣсто, отдѣливъ отъ языка, и въ послѣднемъ хотѣлъ преимущественно опредѣлить: движеніе языка книжнаго, образовавшагося изъ народнаго сербскаго и церковно-славянскаго; его занимали преимущественно вопросы грамматическіе: о движеніи звуковъ языка, объ образованіи грамматическихъ формъ, преимущественно склоненія и спряженія; а потому онъ могъ свободно ограничиться одними кирилловскими памятниками. Нельзя конечно — вспоминая о трудѣ Шафарика (выше число 44) — повторить слова О. М. Бодянскаго ¹⁵⁰), что «предметъ разработанный сочинителемъ доселѣ былъ еще никѣмъ не затронутъ, что

ему первому принадлежитъ честь воздѣланія его, что исторія судьбъ древне-сербскаго языка въ его книгѣ составляетъ въ буквальномъ смыслѣ сколько первое, столько же и самобытное произведеніе, что сочинитель не имѣлъ предшественниковъ, и былъ вмѣстѣ и работникомъ, и зодчимъ», тѣмъ не менѣе будетъ только справедливостью, когда мы скажемъ въ согласіи съ тѣмъ же почтеннымъ учителемъ нашимъ, что сдѣланное г. Майковымъ для исторіи сербскаго языка по памятникамъ, кириллицей писаннымъ — составляетъ очень важное приобрѣтеніе для славянской исторіи и филологіи, потому что выводы, къ которымъ пришелъ онъ, съ одной стороны — совершенная новостъ; а съ другой — и прежнее является въ иномъ, не менѣе неожиданномъ новомъ видѣ...

Весьма обширны и разнообразны труды Ю. Даничича; спеціально разработкѣ исторіи сербскаго языка посвящены: а) «Словарь книжныхъ древностей сербскихъ» ¹⁵¹⁾, или вѣрнѣе объяснительный указатель къ знатному количеству сербскихъ письменныхъ памятниковъ какъ филологическій, такъ и предметный. Произведеніе изумительнаго трудолюбія, по точности важное и по отношенію къ исторіи древне-славянскаго языка въ Сербіи, б) «Исторія формъ сербскаго или хорватскаго языка до конца XVII вѣка» ¹⁵²⁾. Здѣсь представлена исторія каждой формы сербскаго языка изъ вѣка въ вѣкъ съ постояннымъ указаніемъ на памятники. Есть одинъ существенный недостатокъ въ изслѣдованіи — это изолированность разсмотрѣнія сербскаго языка помимо связи его съ старославянскимъ различныхъ изводовъ и прочими славянскими нарѣчіями, по «во всякомъ случаѣ — такой исторической грамматики, какъ «Исторія формъ» Даничича, подробной и составленной изъ однихъ наблюденій по источникамъ — нѣтъ еще ни одного изъ славянскихъ нарѣчій». Только отчасти родственныи трудъ мы находимъ въ трудѣ пр. Колосова по исторіи русскаго языка (См. ниже).

Не замѣченнымъ долженъ остаться и написанный В. В. Ягичемъ общій очеркъ историческаго развитія хорватскаго языка ¹⁵³⁾.

Наконецъ—не мало важныхъ частныхъ изслѣдованій и объяснительныхъ замѣтокъ по старо-сербскому языку (отчасти и болгарскому) церковнаго извода, принадлежащихъ Даничичу, Ягичу, Новаковичу и др.,—разсѣяно въ изданіяхъ Юго-славян. Академіи, Гласникъ Сербск. общества, Сербскомъ Лѣтописѣ и Архивѣ для славянской филологіи.

148) Москва, 1857, 8^о, с. IV+845; ред. книги, нап. И. И. Срезневскимъ, см. въ кн. «Двадцать седьмое присужденіе Демидовскихъ премій», Спб. 1858, стр. 121—127.

149) См. Журн. Минист. Народ. Просв. 1857, ч. ХСV, № 7, с. 24—6.

150) Въ его общемъ отзывѣ о книгѣ Майкова, въ Журн. М. Нар. Пр. 1857, ч. ХСV, № 7, с. 22—3.

151) Даничичъ: «Рјечник из књижевних старина српскихъ», Б. 1863—4, 8^о, т. I, с. XI+521; т. II, с. 519; т. III, с. 598.

152) «Историја облика српскога или хрватскога језика, до свршетка XVII вијека». Б. 1874, 8^о, с. VIII+398; рецензія труда, написан. Ягичемъ въ Archiv für slavische Ph. I. II, 156—161.

153) Jagić: «Iz prošlosti hrvatskoga jezika», Književnik I, 1864, p. 332—58.

55. Нельзя оставить безъ вниманія и тѣхъ изслѣдованій, которыя хотя и принадлежать собственно къ сравнительному славянскому языкознанію, но освѣщаютъ и многія стороны исторіи славянскихъ языковъ и древнеславянскаго въ особенности. Сюда, кромѣ нѣкоторыхъ упомянутыхъ уже выше, относятся слѣдующія, болѣе важныя по задачѣ или по исполненію:

а) А. Дювернуа: «Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій» М. 1872. Неудобопостижимая система весьма туманно представленная... Первый трудъ автора: «Объ историческомъ наслосеніи въ славянскомъ словообразованіи», М. 1867—еще неудобопонятнѣе и писанъ кажется не столько для чтенія или ученыхъ, сколько для...—достиженія ученой степени магистра.

б) Leskien: «Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache», W. 1871. Хорошее популярное объяснительное изложение Шлейхерова учения о старо-славянскомъ языкѣ, находящагося въ его «Compendium» ' Ъ.

в) Geitler: «Starobulharská Fonologie se stálým zřetelem k jazyku litevskému». Pr. 1873, 8°, с. VI+132. Трудъ во многихъ отношеніяхъ очень хорошій. Есть попытки самостоятельныхъ изслѣдованій. обстоятельная критика труда Гейтлера была представлена А. А. Потебней въ его изслѣдованіи: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», [1] Воронежъ. 1876.

г) Leskien: «Die Declination im Slavisch — litauischen und Germanischen» L. 1876, 8°, XXIX+158. Введение стремится критически защитить и объяснить Шлейхерову теорію историческаго развитія и взаимныхъ отношеній славянскихъ нарѣчій, самое ученіе о склоненіи — стремится фактически опредѣлить то особенное отношеніе, въ какомъ въ общей индоевропейской семьѣ стоитъ литовско-славянская группа къ нѣмецкой. Книга написана въ Шлейхеровскомъ направленіи и съ Шлейхеровской же архитектурой. Рец. Циммера, въ Jagić's Archiv für slav. Phil. II, 338—346. Cf. иную замѣтку Лескина о славянскомъ склоненіи въ Archiv f. slav. Phil. III, 108—111.

д) Будиловичъ: «Анализъ составныхъ частей славянскаго слова, съ морфологической точки зрѣнія», Кіевъ, 1877, 8° с. 106. Хорошее изложеніе извѣстныхъ данныхъ, главнымъ образомъ — на основаніи труда Миклошича.

е) Jagić: «Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus» въ Archiv für slavische Philologie I, с. 337 — 412. По поводу книги I. Шмидта: «Zur Geschichte des indo-germanischen Vocalismus» (W. 1871—5, 2 v.), въ которой весьма видное мѣсто удѣлено и славянскимъ нарѣчіямъ. Отвѣтъ Шмидта — въ Kuhn's Zeitschr. f. vergleich. Sprachfors. B. XXIII, стр. 429—457. Древне-славянскому вокализму посвящена и другая ст. Ягича: «Über einen Berührungspunkt des altslov. mit dem litauischen Vocalismus». Archiv f. slav. Phil. III, 95—111.

ж) Даничичъ: «O тѣ i дѣ u istoriji slovenskih jezika». Rad jugoslavenske Akademiji, I, с. 106—123.

з) Крынскій: «О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ» Варш. 1870, 8°, вып. I, с. 111. Рец. Бодуэна-де-Куртене въ *Beiträge z. vergl. Sprachforsch.* XIII, с. 174—196.

и) Шлейхеръ: «Темы именъ числительныхъ (количественныхъ и порядочныхъ) въ литво-славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ». Спб. 1866, с. 69.

к) Шлейхеръ: «Склоненіе основъ на—У—въ славянскихъ языкахъ». Спб. 1867, 8°, с. 19.

л) Prusik: «Wie sind die possessiven Adjectiva auf—uj und ovъ und die possessiven Pronomina moj, svoj, tvoj—im Slavischen zu deuten», Wien 1876, 8°, с. 14 (aus d. Sitzsber. d. w. Ak.).

н) Böhlingk: «Ein Paar Worte gegen die altslavischen Wurzeln mit silbenbildenden r und l», *Bulletin de l'Académie*, t. XXII, 1876, p. 312—315. Противъ предисловія ко II т. Сравн. Грамматики Миклошича.

о) Потебня: «О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки», «Русскій Филологическій Вѣстникъ» 1879, т. II, № 3, с. 1 — 44 и № 4, с. 207 — 232. Это основательное изслѣдованіе есть переработка того, что первоначально было помѣщено въ *Archiv für slavische Philol.*

56. Въ заключеніе обзора работъ по историческому изученію древне-славянскаго языка мы, кажется — съ полнымъ правомъ можемъ повторить слова И. И. Срезневскаго, что «усилія разъяснить происхожденіе и судьбы старо-славянскаго языка у различныхъ славянскихъ племенъ хотя и не привели еще къ полному рѣшенію задачи, но уже освѣтили многое». Есть уже нѣсколько выводовъ, въ вѣрности которыхъ, кажется, нельзя сомнѣваться:

«Отмѣчены памятники, отличающіеся одни отъ другихъ употребленіемъ буквъ, какъ знаковъ выговора, употребленіемъ нѣ-

которыхъ особыхъ словъ и выраженій и особенныхъ грамматическихъ формъ.

Отмѣчено значительное количество признаковъ древнѣйшаго языка и ихъ видоизмѣненій по времени и по мѣстностямъ.

Отмѣчены разныя наслоенія нарѣчій въ спискахъ древнихъ памятниковъ.

Не преодолены однако нѣкоторыя важныя преграды, мѣшающія рѣшенію основныхъ вопросовъ.

Безъ окончательнаго отвѣта остается вопросъ о первичномъ церковномъ языкѣ: въ какой именно странѣ былъ онъ народнымъ, прежде чѣмъ сдѣлался языкомъ церкви и письменности? Останавливаясь на Моравіи, Сербіи, Македоніи, Болгаріи, Панноніи западной и восточной, мѣняли мѣнія, стоя за каждое, какъ за окончательно вѣрное; многіе вмѣстѣ склонялись одни въ одну, другіе въ другую сторону; склонились было почти все на сторону болгарскаго происхожденія церковнаго языка и принуждены были потомъ отклониться. Все подобное было и остается возможнымъ, мнѣ кажется, всего болѣе отъ того, что изъ участниковъ въ дѣлѣ этомъ люди даровитые и вмѣстѣ рѣшительные, настойчивые, вмѣсто того, чтобы своимъ личнымъ трудомъ продолжать разработку памятниковъ и изученіе мѣстныхъ нарѣчій, съ которыми хотѣлось бы сравнивать языкъ церковный, считали добытое изъ памятниковъ даже не проверенное, достаточнымъ для подведенія общихъ итоговъ наблюденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ считали болѣе удобнымъ приписывать къ своимъ предположеніямъ доказательства подтвердительныя вмѣсто того, чтобы искать строгихъ отвѣтовъ на вопросъ: истѣ ли данныхъ, умаляющихъ или и уничтожающихъ научное значеніе принятыхъ предположеній. Къ тому же подборы доказательствъ о родинѣ церковнаго языка начинаемы были ранѣе, чѣмъ были собраны вѣрныя и достаточно полныя свѣдѣнія о языкѣ предположенной родины его, — такъ что когда этотъ мѣстный языкъ узнавался, то предположенія разсыпались въ прахъ... И при самомъ сравненіи древняго церковно-славянскаго языка съ живыми нарѣчіями брались и бе-

ругся иногда очень немногія черты, слишкомъ недостаточныя для того, чтобы дѣло сравненія можно было вести къ общему выводу»¹⁵⁴)...

Недостаточно — скажемъ въ заключеніе — извѣстны еще судьбы церковнаго языка на Руси, Болгаріи, Молдавіи и Панноніи. Недостаточность сія видна изъ того, что одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, вопросъ о средне-болгарскомъ языкѣ—доселѣ вызвалъ только два частныя изслѣдованія, а вопросъ о вѣкѣ и народности тк. изв. Реймскаго Евангелія, вызвавъ цѣлую бібліотеку изслѣдованій—въ концѣ концовъ остался все-таки неразрѣшеннымъ!

154) Срезневскаго, ст. «Работы по древнимъ памятникамъ языка и Словесности», Журн. Мин. Нар. Пр. 1875, № 3, с. 33—34.

Языкъ русскій.

57. Общія историческія соображенія и отзывы о русскомъ языкѣ появляются довольно рано¹⁵⁵), но собственныя *изслѣдованія* начинаются не ранѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, пожалуй даже позднѣе... Всматриваясь пристальнѣе въ движеніе русской филологіи, нельзя не видѣть, что и въ отношеніи *историческаго* изученія русскаго языка — первый шагъ или починъ былъ сдѣланъ Востоковымъ; по не его «Русскою Грамматикою»¹⁵⁶), а извѣстнымъ уже намъ «Разсужденіемъ о Славянскомъ языкѣ», которое можетъ быть разсматриваемо, какъ образецъ приложенія историческаго метода къ объясненію стараго языка и его явленій.

Казалось бы, что послѣ того, какъ Востоковъ на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ — установилъ періоды исторіи церковнославянскаго языка и показалъ, что явленія его должны быть изучаемы не иначе, какъ въ ихъ историческомъ измѣненіи, начиная съ старѣйшихъ, болѣе правильныхъ формъ, сохранившихся въ древнѣйшихъ памятникахъ, и постепенно идя къ позднѣй-

шимъ, — казалось бы, говорю, этотъ истинно научный методъ найдетъ немедленное дальнѣйшее примѣненіе и усердныхъ продолжателей..., случилось иначе: прошли цѣлые десятки лѣтъ, прежде чѣмъ онъ былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству. Не только практическіе грамматисты, но и лица, бравшіяся за ученое изслѣдованіе отечественнаго языка — оставались или вовсе чужды историческаго метода, или отвѣчали его требованіямъ случайно. Къ послѣднимъ принадлежатъ такіе труды, какъ «Словарь Церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ»¹⁵⁷⁾ и знаменитыя въ свое время (нынѣ, впрочемъ, несправедливо забытыя) «Филологическія Наблюденія надъ составомъ русскаго языка» о. пр. Павскаго»¹⁵⁸⁾.

155) Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя, болѣе замѣчательныя: С. Бандтке: «Замѣчанія о языкахъ богемскомъ, польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ», переводъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1815, № 21 и 22, с. 23 — 35, 118 — 124; К. Калайдовича: «О бѣлорусскомъ нарѣчіи» въ сбор. «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общества любит. Россійской Словесности», 1822, ч. I, кн. I, с. 67—80; О. М. Бодянскаго: «Разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о древнемъ языкѣ Сѣверныхъ и Южныхъ Руссовъ» въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, 1835, № 3, 472—491.

156) «Русская грамматика А. Востокова, по начертанію его же сокращенной грамматики полиѣе изложенная», Спб. 1831, 8°, XXIV+408 стр. Было нѣсколько изданій.

157) «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный 2-мъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ», Спб. 1847, 4°, т. 1 — XXII+415; т. 2: с. 471; т. 3, — стр. 589; т. 4, с. 487; второе изданіе (безъ перемѣнъ). Спб. 1867—8, 8°. Превосходная рецен. этого Словаря написана И. И. Срезневскимъ въ Журналѣ Минис. Нар. Просв. 1848, № 3, с. 167—188; № 6, с. 217—251; № 12, с. 161—181. Здѣсь дано мѣсто и оцѣнкѣ иныхъ Словарей, какъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, такъ и русскаго языка.

158) Было два изданія: въ 1841 — 2, Спб. въ трехъ кни-

гахъ и въ 1850, Спб. въ четырехъ книгахъ. Изъ рецензій вниманія заслуживаютъ двѣ: пр. Буслаева, въ *Отечеств. Зап.* 1852, № 4, стр. 49 — 76 и № 5, с. 21 — 48 и С. Лебедева, въ *Современникѣ* 1851, № 8, с. 25 — 44. Рец. Надеждина, пом. въ «*Отеч. Запискахъ*», 1844, № 6, с. 33 — 48 и № 8, с. 17—32—стоитъ не на исторической почвѣ; о рецензіи И. Давыдова, *Москвитянинъ* 1843, ч. I, с. 521 sq. II, с. 195 sq., III, с. 178 sq. — можно сказать: «охота смертная, да участь горькая»... Весьма важны замѣчанія на нѣкоторыя стороны труда Павскаго, сдѣланныя О. Бётлингомъ, въ его: «*Beiträge zur russischen Grammatik*», помѣщ. въ «*Mélanges russes*», т. II. Spb. 1854, с. 26—104: по-русски въ *Запискахъ Академіи Наукъ* по 1 и 3-му отд. Спб. 1853, т. I, с. 58—124.

58. Изъ этого времени, однако — заслуживаютъ полного вниманія попытки Максимовича¹⁵⁹⁾ и Надеждина¹⁶⁰⁾, пытавшихся установить на основаніи данныхъ отношенія языка русскаго къ прочимъ славянскимъ. Въ статьѣ Надеждина, писанной по поводу выхода въ свѣтъ Копитарова «Русскаго глоссатора къ Гесихію»¹⁶¹⁾, и вполне извѣстной понынѣ только въ нѣмецкомъ текстѣ — весьма замѣчательна попытка привести въ связь историческое движеніе народа съ постепеннымъ развитіемъ книжнаго языка. Исправленіе церковныхъ книгъ было, по мнѣнію Надеждина — ничѣмъ инымъ, какъ борьбой между книжнымъ церковнымъ языкомъ и русскою народною рѣчью, которая брала и взяла перевѣсъ надъ старинными формами.

159) Первоначально въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1838, № 3, стр. 531 sq. и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Историко-критическое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ». Спб. 1838; потомъ въ *Исторіи древней русской Словесности*, Кіевъ, 1839, кн. I, с. 96—207; см. *Собраніе сочиненій* т. III, Кіевъ, 1880 стр. 3—84 и 398—461.

160) Первоначально въ «*Энциклопедич. Лексиконѣ*», изд. Плюшаромъ, т. IX, ст. «Великая Россія», с. 273—6; потомъ въ «*Jahrbücher der Literatur*» 1841, томъ 95, стр. 181 — 240. Часть сей статьи въ переводѣ въ *Жур. Минист. Нар. Просв.* 1857, № 2, с. 302—14.

161) В. Kopitar: Hesychii Glossographi discipulus et epiglossistes Russus, Vind. 1840. Статья въ *Jahrbücher d. Liter.* есть именно рецензія сего изданія.

59. Историческое изученіе русскаго языка началось у насъ подъ вліяніемъ «Нѣмецкой Грамматики» Як. Гримма, произведенія основавшаго историческое языкознаніе. Впервые это изученіе въ скромныхъ размѣрахъ проявилось у насъ въ замѣчательной по своему времени книгѣ Ѳ. И. Буслаева: «О преподаваніи отечественнаго языка» ¹⁶³⁾, которой вся 2-я часть посвящена разсмотрѣнію данныхъ исторіи русскаго языка или вѣрнѣе — исторической грамматики и стилистики его. Во многихъ частяхъ книга полезна и поучительна еще и теперь. Въ отношеніи стилистики она представляетъ богатый подборъ фактовъ, извлеченныхъ изъ извѣстныхъ въ то время памятниковъ нашей древней словесности, при чемъ многое, темное и загадочное, въ послѣднихъ получаетъ мѣткое объясненіе. Образцовый трудъ г. Каткова: «объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» ¹⁶³⁾, хотя въ точномъ смыслѣ и принадлежитъ болѣе къ области сравнительнаго языковѣдѣнія, чѣмъ историческаго, но своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ историческимъ даннымъ — занимаетъ очень видное мѣсто и въ послѣднемъ. Оригинальное явленіе въ исторіи русскаго историческаго языкознанія представляетъ трудъ Константина Аксакова: «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и рус. языка» ¹⁶⁴⁾. Здѣсь сдѣланъ довольно подробный разборъ данныхъ языка, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ и оканчивая XVII вѣкомъ, съ цѣлью установить и объяснить отношенія между народнымъ языкомъ и церковно-славянскимъ... Опредѣляя свою задачу изслѣдованіемъ стилистической стороны предмета, Аксаковъ не входитъ въ анализъ историческихъ измѣненій въ звукахъ, формахъ и синтаксисѣ: онъ довольствуется общими философскими разсужденіями о формахъ древне-русскаго языка, разсужденіями праздными и для науки непригодными.

162) Первое полнѣйшее и лучшее изданіе въ Москвѣ, 1844, 8^а, ч. I, с. V—335; II, с. III—375; второе изданіе, безъ нужды ископленное авторомъ — въ одномъ томѣ, Ibid. 1867, стр. 472.

163) Москва 1845, 8^о, с. 257.

164) Москва, 1846, 8^о, стр. 517 и 4 неп.; второе изданіе, въ Полн. Собраніи сочиненій К. С. Аксакова, т. II. М. 1875 стр. 25—388.

60. Въ 1848 году появился замѣчательный во многихъ отношеніяхъ трудъ М. А. Максимовича: «Начатки русской филологіи», книга I ¹⁶⁵), заключающая въ себѣ изслѣдованія объ отношеніи русской рѣчи къ западно-славянской. Кромѣ «Введенія», въ которомъ разсматриваются *системы* славянскихъ нарѣчій и степени сродства между ними, въ книгѣ мы находимъ изслѣдованіе о тк. изв. полногласіи и критическій разборъ примѣтъ, которыя русскую рѣчь соединяють съ юго-западною. Книга Максимовича, заканчивая его прежнія изслѣдованія о предметѣ — только отчасти можетъ быть отнесена къ историческому языкознанію, такъ какъ она идетъ отъ современнаго состоянія языка и на немъ опирается; тѣмъ не менѣе она не должна быть забыта здѣсь: въ ней, говоря словами Бодянского — всюду проглядываетъ наблюдательный ботаникъ-филологъ, подмѣчающій часто такія — повидимому, мелочи, которыя потомъ обращаются въ основу весьма важныхъ явленій.

Историческое вліяніе Польши на языкъ русскій послужило предметомъ особой монографіи г. С. Лебедева ¹⁶⁶). Рѣшеніе его любопытно, но едва ли оно было удовлетворительно даже и въ свое время: авторъ едва-ли былъ знакомъ съ научной разработкой предмета: изъ богатой польской литературы предмета ему извѣстно очень немного, почти что ничего. Кромѣ того — сочиненіе имѣетъ тенденціозный характеръ, написано на тему о полной умственной и литературной независимости Руси отъ Польши...

165) Кіевъ, 1848, 8^о, с. 211, и въ III т. «Собранія сочиненій, К. 1880, с. 25—155. Къ сожалѣнію вторая книга «На-

чатковъ», содержащая въ себѣ изслѣдованія о звукахъ русской рѣчи—исчезла, пока, безслѣдно. Что она была написана и даже процензирована цензоромъ—намъ извѣстно изъ частнаго письма автора къ намъ... Упоминаемая въ нѣкоторыхъ каталогахъ книга Максимовича: «Русская Рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою» Кіевъ 1845 — въ свѣтъ не была выпущена и вся (за вычетомъ вводной статьи «о значеніи и происхожденіи слова») вошла въ «Начатки».

166) «Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и устройство училищъ въ Россіи. Спб. 1848, 8°, стр. 84.

61. Настоящее, строго-методическое изученіе исторіи русскаго языка, начинается съ книги И. И. Срезневскаго: «Мысли объ исторіи русскаго языка»¹⁶⁷⁾. Трудъ этотъ не имѣетъ характера подробнаго, спеціального изслѣдованія предмета, а скорѣе представляетъ сжатое извлеченіе изъ такого изслѣдованія, но извлеченіе, передающее не одни общіе выводы, а и выборъ изъ историческихъ данныхъ. Во вступленіи къ труду Срезневскій разсматриваетъ общіе законы историческаго движенія или развитія языка и примѣняетъ ихъ къ исторіи языка русскаго: насколько позволяли историческія и сравнительныя данныя, авторъ обозначаетъ черты древняго первобытнаго русскаго народнаго языка въ его составѣ, строѣ и степени развитія формъ, преимущественно со стороны тѣхъ немногихъ отличій, которыми разнился древній народный русскій языкъ отъ старославянскаго (церковнаго). Время XIII — XIV вв. было по мнѣнію Срезневскаго—какъ для народнаго русскаго языка, такъ и для нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчій, временемъ рѣшительнаго перехода къ новому строю, выказавшему рѣзко всѣ свои особенности въ XV—XVI в. Тогда же (т. е. XIII—XIV вв.) образовались мѣстныя отдѣльныя нарѣчія—Великорусское и Малорусское. Затѣмъ авторъ переходитъ къ исторіи языка книжнаго, показываетъ, что хотя онъ и отличался отъ народнаго всегда, но до XIV в. отличія одного отъ другого заключались болѣе въ привычкахъ слога

(мысль эта была въ первый разъ высказана еще г. Катковымъ), чѣмъ въ грамматическихъ формахъ. Рѣзкимъ образомъ книжный языкъ началъ отдѣляться отъ народнаго въ то же время XIII—XIV в., когда народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію своего древняго строя. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ языкъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XVI в. отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлять... Въ заключеніе авторъ касается вопроса о соотношеніи исторіи русскаго языка съ исторіей русской литературы, но — къ великому сожалѣнію—очень кратко, почти исключительно со стороны ритма и слога. Книгу заключаютъ «дополнительныя Примѣчанія» (с. 129—210), представляющія весьма важный и любопытный разборъ иностранныхъ словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ и образцы переходнаго состоянія западныхъ славянскихъ нарѣчій и русскаго языка изъ памятниковъ XIII—XIV в. съ важными филологическими объясненіями или вѣрнѣе—указаніями постепенныхъ отклоненій отъ древняго строя. Изслѣдованіе Срезневскаго стоитъ на положительной, твердой почвѣ историческихъ и сравнительныхъ данныхъ: *первая* онъ заимствуетъ изъ памятниковъ книжнаго старо-славянскаго языка, переписанныхъ на Руси въ XI—XIV в., съ русскими отклоненіями изъ памятниковъ народнаго русскаго языка XII—XIV в., на которыхъ совсѣмъ, или почти совсѣмъ не налегло вліяніе книжное, и изъ данныхъ новаго народнаго языка въ его мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, сохранившихъ во многомъ черты глубокой древности, *вторая*—онъ беретъ изъ памятниковъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, преимущественно чешскаго и сербскаго, какъ болѣе древнихъ... Уже изъ этого сжатого обзрѣнія труда г. Срезневскаго можно видѣть важность его какъ для филологической науки, такъ и для науки исторіи русской литературы: имъ положены основанія собственной исторіи русскаго языка, столь тѣсно связанной съ исторіей письменности.

167) Сначала въ Актѣ Импер. С.-Петербургскаго Университета 1849 г.—безъ приложений, потомъ отдѣльно, Спб. 1850, 8°, с. 210. Изъ рецензій, какъ на единственную, имѣющую ученый характеръ, можно указать на ст. профес. Ѳ. И. Булаева въ Отечеств. Запискахъ 1850, № 10, стр. 13 — 58. Рецензія И. И. Давыдова (Отчеты 2-го Отд. Акад. Н. 1852 г., с. 320—329) не стоитъ истертаго гроша.

62. Вліяніе «Мыслей» Срезневскаго незамедлило сказаться въ наукѣ: дальнѣйшему развитію положеній, высказанныхъ въ этой книгѣ, былъ посвященъ трудъ П. А. Лавровскаго «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» ¹⁶⁸), въ которомъ, за историко-филологическимъ введеніемъ, посвященнымъ разсмотрѣнію вопроса о первоначальномъ единствѣ русскаго языка и позднѣйшемъ раздѣленіи его на два нарѣчія,—изслѣдуются отличительныя свойства его въ древнемъ его строѣ, равно принадлежащія всѣмъ областямъ Государства Русскаго, затѣмъ — представляется характеристика стариннаго языка русскаго, образовавшагося послѣ забвенія древнихъ формъ изъ замѣны ихъ новыми, наконецъ — опредѣляются тѣ особенности языка русскихъ сѣверныхъ лѣтописей, которыя отличаютъ его, какъ нарѣчіе мѣстное. Трудъ г. Лавровскаго представляетъ превосходный дополнительный комментарий къ «Мыслямъ» г. Срезневскаго; наиболѣе самостоятельная часть его касается синтактическихъ особенностей древняго языка. Къ тому же роду изслѣдованій относятся и два другіе мемуара П. А. Лавровскаго: «Замѣчанія объ особенности словообразованія и значенія словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ» ¹⁶⁹) и «О русскомъ полногласіи» ¹⁷⁰).

Странности языка «Договоровъ Русскихъ съ Греками» уже давно обратили вниманіе ученыхъ; установилось убѣжденіе, что «Договоры» переведены съ греческаго. Подробному филологическому доказательству сей темы посвященъ трудъ Н. А. Лавровскаго ¹⁷¹). Онъ видитъ въ Договорахъ византійское вліяніе и во внѣшней формѣ, въ построеніи періодовъ и отдѣльныхъ предложений, въ синтактическихъ особенностяхъ, въ отдѣльныхъ сло-

вахъ и выраженіяхъ. Объ этомъ трудѣ г. Н. Лавровскаго мы еще распространимъ въ послѣдствіи. Въ 1855 г. проф. Буслаевъ издалъ рядъ филологическихъ характеристикъ нѣкоторыхъ рукописей синодальной библіотеки, подъ заглавіемъ: «Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи письменъ Славянскихъ»¹⁷²⁾, къ нимъ пр. Срезневскій прибавилъ нѣкоторыя дополненія¹⁷³⁾.

168) Спб. 1852, 8°, с. 160 и 2 неп. Рецензія (Корелкина) въ Отеч. Зап. 1853, № 2, с. 27—30.

169) Извѣстія Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. II, 1853, с. 273—291, и Историческія чтенія о языкѣ и словесности. Спб. 1854, с. 195—219.

170) Матерьялы для сравнительнаго словаря и грамматики, т. V, Спб. 1859, с. 191—240.

171) «О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками». Спб. 1853, 8°, с. 159.

172) Въ книгѣ: «Матерьялы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ», изготвл. къ столѣтнему юбилею Московскаго Университета. М. 1855, in f°, с. 1—58.

173) «Матерьялы для сравнительнаго словаря и грамматики, т. III, Спб. 1856, с. 167—171.

63. 1856 г. появилась достопамятная «Записка о древнемъ языкѣ русскомъ»¹⁷⁴⁾ М. П. Погодина, достопамятная не своими учеными достоинствами (ихъ въ ней почти нѣтъ), а тѣмъ возбужденіемъ, которое она вызвала въ филологической литературѣ. Погодинъ утверждалъ тождество языка русскаго со старославянскимъ или происхожденіе перваго отъ послѣдняго, утверждалъ, что до татарскаго времени не существовало ни Малороссіянъ, ни Малороссійскаго нарѣчія, что Великороссіане — древнѣйшіе поселенцы полянской земли... Указываемъ важнѣйшія статьи сюда относящіяся или вызванныя филологическими положеніями Записки Погодина:

а) М. А. Максимовича: «Филологическія письма» въ Рус-

ской Бесѣдѣ 1856, кн. 3-я, стр. 78—139. Въ высокой степени интересная и содержательная статья ¹⁷⁵⁾.

б) М. П. Погодина: «Отвѣтъ на «Филологическія письма М. А. Максимовича», въ Русской Бесѣдѣ 1856, кн. 4-я, с. 124—141.

в) М. А. Максимовича: «Отвѣтныя письма М. П. Погодину», въ Русской Бесѣдѣ 1857, № 2, с. 80—104 ¹⁷⁶⁾.

г) М. П. Погодина: «Отвѣтъ на два послѣднія письма М. А. Максимовича», въ Русской Бесѣдѣ 1857, № 3, с. 97—107.

д) П. А. Лавровскаго: «Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями», въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщ. 1859, № 6, стр. 225—266. Изслѣдованіе очень важное, рассматривающее предметъ исторически.

е) П. А. Лавровскаго: «Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину о нарѣчіи Малорусскомъ» въ журн. «Основа» 1861, № 8, стр. 14—40.

ж) П. А. Лавровскаго: «По вопросу о Южно-Русскомъ языкѣ» въ жур. «Основа» 1861, кн. 11—12, стр. 72—83.

з) М. А. Максимовича: «Новыя письма къ М. П. Погодину «О старобытности малороссійскаго нарѣчія» и въ газетѣ «День» 1863, № 8, 10, 15 и 16 и отдѣльно М. 1863, in 16°, с. 70 ¹⁷⁷⁾. Необходимое дополненіе къ статьѣ «Филологическія письма».

Сказать, что полемика о старобытности южно - русскаго языка—привела къ опредѣленному рѣшенію вопроса тѣмъ менѣе можно, что этого рѣшенія—нѣтъ и понынѣ, послѣ открытія новыхъ данныхъ, послѣ серіозныхъ изслѣдованій гг. Потебни, Житецкаго и др., но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и не занести ее въ лѣтописи русской исторической филологіи, хотя бы и потому, что чрезъ нее многіе частные вопросы получили свое освѣщеніе, что она собрала матеріалъ по исторіи языка въ знатномъ количествѣ.

174) Въ «Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ» т. V, Спб. 1856, стр. 70—92 и «Историческія чтенія о языкѣ и Словесности» Спб. 1857, с. 8—40; статья, перепеч. также въ «Из-

слѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о русской исторіи» По-
година, т. VII, 1856, стр. 410—442.

175) См. также «Собраніе сочиненій» М. Максимовича, т.
III, К. 1880, стр. 183—243.

176) См. также *Ibidem* 247—272.

177) И въ «Собр. сочиненій» т. III, 273—311.

64. Въ 1858 году появился «Опытъ исторической грамматики русскаго языка», написан. проф. Буслаевымъ¹⁷⁸⁾. Каковы бы ни были недостатки этого труда, замѣченные въ свое время критикой — нельзя не усвоить ему не только важнаго значенія вообще, но и значенія труда, дѣлающаго своего рода эпоху, не замѣненнаго пока ничѣмъ лучшимъ, обильнаго матеріаломъ, тщательно извлеченнымъ изъ огромнаго количества памятниковъ, труда — вліяніе котораго чувствуется чуть ли ни въ каждомъ изслѣдованіи, посвященномъ русскому историческому языкознанію или касающемся его вопросовъ. Второй томъ, содержащій синтаксисъ — работа совершенно новая и самостоятельная, ибо авторъ на семъ полѣ не имѣлъ предшественниковъ.

Объ «Исторической Хрестоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ» — того же автора — мы имѣли случай распространяться выше, на стр. 282.

Весьма удачный опытъ приложенія филологической критики текста къ рѣшенію одного историко-литературнаго вопроса представляетъ мемуаръ П. С. Билярскаго: «Замѣчанія о языкѣ сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго Нестору, сравнительно съ языкомъ лѣтописи»¹⁷⁹⁾. Разности словоупотребленія (=слога) въ обоихъ произведеніяхъ ведутъ къ заключенію, что авторы ихъ различны. Работа — небольшая, но отчетливая!

178) Москва, 1858, 8°, ч. I, с. XL—244; ч. II, с. 428. Второе (1863), третье и четвертое, (М. 1875) — изданія вышли уже подъ заглавіемъ: «Историческая грамматика русскаго языка», но безъ важнаго «Предисловія» перваго изданія, заключающаго въ себѣ библиографическій перечень пособій. Рецензій труда было очень много, но вниманія заслуживаютъ

только слѣдующія: К. Аксакова, въ Русской Бесѣдѣ 1859, т. V—VI, а равно и въ его «Филологическихъ Сочиненіяхъ» (2-й томъ Полн. Соб.) 1875, с. 439—650; П. А. Лавровскаго: «Записка о 2-мъ изданіи I части Исторической Грамматики Ѳ. И. Буслаева, Спб. 1865 г., с. 52, какъ 3-е «Приложеніе» къ VIII т. «Записокъ Академіи Наукъ»; Майкова въ «Библіотекѣ для чтенія» 1859, № 10, с. 1—48; № 11, с. 1—50; № 12, с. 1—68; Гатталы въ *Časopis'ě česk. Musea*, 1862: I, 84—89; II, 133—160 и IV, с. 323—344 и отдѣльно Р. 1862, стр. 56; а равно и въ статьѣ: «Výsledky historického jazykozpytu amluvnice ruská», въ *Časop. česk. Mus.* 1864, sv. II, 187—212 и III, 227—249, и отдѣльно. Колосова: «Замѣтки о звукахъ русскаго и старославянскаго языковъ» (по поводу 3-го изд. Историч. Грамматики Буслаева и т. д. въ «Филологическихъ Запискахъ» 1872, годъ XI, с. 1—29, и отдѣльно, Воронежъ, 1872, 8^о, с. 29.

179) Записки Академіи Наукъ 1862, т. II, стр. 109—120.

65. Самыми важными трудами послѣдняго времени въ области историческаго русскаго языкознанія должно признать изслѣдованія проф. А. А. Потебни:

а) «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка: 1 — о полногласіи и 2 — о звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій». Воронежъ, 1866, с. 156, 8^о.

б) «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій». Воронежъ, 1871, с. 134, 8^о.

в) «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Воронежъ, 1876, с. VI+243 и II т. Варш. 1880, с. 31+70+25.

г) «Изъ записокъ по русской грамматикѣ: I—«Введеніе». Воронежъ, 1874, с. 157; II—«Составные члены предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ». Харьк. 1874, 8^о, с. 538 ¹⁸⁰⁾.

«Изслѣдованіе о полногласіи» дѣлаетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ предшествующими трудами: оно не только значительно увеличиваетъ матеріалъ вопроса, расширяетъ и исправляетъ прежнія рѣшенія, но, опираясь на данныхъ сравнительнаго языкознанія, пытается объяснить, почему полногласіе овладѣло не всѣмъ запасомъ словъ, гдѣ могло бы повидимому

появиться, а только частью его, почему оно не явилось въ такихъ, напримѣръ, словахъ, какъ *слава, трава, дремать* и т. д.

Статья «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій» самостоятельнымъ путемъ рѣшаетъ важный вопросъ о ходѣ раздѣленія русскаго языка, времени этого явленія и характеристическихъ признакахъ нарѣчій по отношенію, впрочемъ, только къ звукамъ.

Дальнѣйшему развитію тѣхъ же вопросовъ посвящены и «Замѣтки» и ст. «Къ Исторіи звуковъ» (№ 6 и в). Послѣдній трудъ снова пересматриваетъ вопросъ о нарѣчіяхъ въ древнемъ русскомъ языкѣ и «полногласіи».

«Записки по русской грамматикѣ» — имѣютъ особый для насъ интересъ во 2-й своей части. Такого стройнаго, методическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ богатаго историческимъ и сравнительнымъ матеріаломъ изслѣдованія надъ синтаксисомъ русскаго языка въ его древнемъ и новомъ видѣ — еще не было въ нашей филологической литературѣ.

180) За вычетомъ послѣдняго тома, представляющаго отдѣльный оттискъ изъ «Записокъ Харьковскаго Университета», все предыдущіе — оттиски изъ «Филологическихъ Записокъ», изд. г. Хованскимъ въ Воронежѣ 1864 — 76 гг., а II т. «Къ исторіи звуковъ» — оттискъ изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника» 1879. Оцѣнку сихъ трудовъ И. И. Срезневскимъ см. въ «Запискахъ Академіи Наукъ» т. XXVII, Спб. 1876, с. 78—121.

66. Трудъ проф. М. А. Колосова: «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI стол.» Варш. 1872, 8^о, с. 190 — имѣетъ своею задачею опредѣлить особенности звуковъ и формъ русскаго языка изъ столѣтія въ столѣтіе, отъ первыхъ памятниковъ письменности до XVI в. Это — систематическій и надобно сказать — очень тщательно и добросовѣстно выполненный — сводъ данныхъ, находящихся въ памятникахъ, и лингвистическое объясненіе ихъ... Между прочимъ — авторъ имѣлъ въ виду и потребности филологической критики, желалъ дать возможность

опредѣлять время памятниковъ письменности на основаніи филологическихъ признаковъ. Можно, конечно, и не находить вполне удобнымъ расчлененія языка памятниковъ по столѣтіямъ; правильнѣе было бы—на нашъ взглядъ—періоды развитія языка (или измѣненій въ немъ) опредѣлять иными стадіями, чѣмъ столѣтіями, тѣмъ не менѣе, это обстоятельство нисколько не уменьшитъ важности данныхъ, собранныхъ г. Колосовымъ—для филологической критики текстовъ. Книга его въ этомъ отношеніи—доселѣ единственная. Нужно умѣть только пользоваться ею... Пользуясь ею не должно напр. забывать, что авторъ работалъ почти исключительно по печатнымъ матеріаламъ, стало быть во многихъ случаяхъ былъ въ зависимости отъ исправности изданія, отъ умѣнія издателей правильно прочесть и издать тексты. Что неправильности въ чтеніяхъ и изданіяхъ существуютъ—въ томъ, кажется—не можетъ быть сомнѣнія.

Какъ *дополненіе* къ «Очерку исторіи звуковъ и формъ» должно разсматривать изслѣдованіе того же автора подъ заглавіемъ: «Загадочные звуки въ исторіи русскаго языка», Варш. 1876, 8^о, с. 43. Такими загадочными звуками въ исторіи русскаго языка пр. Колосовъ называетъ звукъ *ы* и *ѣ*. Изслѣдованіе имѣетъ полемическій характеръ, тонъ его не вездѣ отвѣчаетъ достоинству ученаго спора, но фактическія замѣчанія автора представляются основательными и заслуживающими полного вниманія, хотя авторъ и не приходитъ къ твердымъ положительнымъ,—а только къ вѣроятнымъ предположительнымъ заключеніямъ.

67. Обойденный пр. Колосовымъ вопросъ о времени раздѣленія русскаго языка на два главныя нарѣчія подвергнутъ былъ спеціальному разсмотрѣнію г. П. Житецкимъ, хотя только съ одной стороны, со стороны—малорусскаго нарѣчія. Сочиненіе Житецкаго носитъ названіе: «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія», Кіевъ 1876, 8^о, с. 376. Для рѣшенія вопросовъ о происхожденіи и сущности малорусскаго нарѣчія, г. Житецкій

считаетъ необходимымъ идти путемъ исторіи: сначала онъ предлагаетъ *теоретическую* попытку разграничить древне-русскій языкъ отъ старославянскаго и обоихъ ихъ отъ нарѣчій велико-и малорусскаго. Это приводитъ его къ вопросу о праязыкѣ вообще, праязыкѣ славянскомъ, праязыкѣ русскомъ и отношеніяхъ послѣдняго къ древне-русскому. Темные вопросы рѣшаются г. Житецкимъ путемъ болѣе теоретическимъ, чѣмъ опытнымъ: а потому при всемъ интересѣ и остроуміи его рѣшеній, они не вездѣ имѣютъ строго научный опредѣленный характеръ и ничего не прибавляютъ къ ученымъ достоинствамъ сочиненія. Иное выходитъ, когда авторъ выбирается изъ лабиринта праязычныхъ теорій на путь историческихъ фактовъ: здѣсь онъ идетъ твердою поступью и приходитъ иногда къ выводамъ не только новымъ, но и вѣрнымъ или очень вѣроятнымъ. Во многихъ пунктахъ критика разойдется съ авторомъ: она можетъ указать не мало положеній, принятыхъ имъ на вѣру, исторически недоказанныхъ и необоснованныхъ (таково напр. одно изъ основныхъ его положеній, что движеніе звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ началось съ паденія глухихъ гласныхъ, что это послѣднее можетъ быть доказано въ древнѣйшихъ памятникахъ даже *палеографически* и т. д.), но сколько бы ни нашлось такихъ частныхъ недостатковъ въ его трудѣ, — они маловажны сравнительно съ положительными его достоинствами. Разсмотрѣніе исторіи звуковъ малорусскаго языка, наполняющее болѣе двухъ-третей книги, сдѣлано очень тщательно. Все изслѣдованіе Житецкаго исполнено въ шлейхеровскомъ, болѣе физиологическомъ, чѣмъ историческомъ направленіи; но безотрадно — суровый формализмъ натуралиста-учителя — у ученика смягченъ и оживленъ: съ разсмотрѣніемъ внѣшней звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія г. Житецкій соединяетъ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ не только по исторіи русской вѣтви славянскихъ нарѣчій (гл. IV: общіе выводы), но и вообще по славянской древности и языку (ib. и отчасти гл. I). Такое стремленіе связать исторію языка съ исторіею народа — заслуживаетъ признанія, хотя какъ всякаго рода пер-

выя попытки — оно имѣетъ предположительный, теоретическій характеръ, заключаетъ въ себѣ не только много спорнаго, но и прямо неудачнаго. Весьма важны обильныя приложенія образцовъ малорусскаго нарѣчія и говоромъ съ объяснительными примѣчаніями автора. Вообще, несмотря на то, что трудъ г. Житецкаго и не вездѣ имѣетъ строго историческій характеръ и держится почвы положительнаго знанія, онъ и по обширности изслѣдуемыхъ вопросовъ и задачъ, по добросовѣстному и такъ сказать любовному отношенію къ дѣлу, и по очень многимъ удачнымъ частнымъ рѣшеніямъ, представляетъ весьма замѣчательную и не мало въ научномъ отношеніи полезную работу. Обстоятельныя рецензіи труда г. Житецкаго принадлежатъ: В. В. Ягичу въ *Archiv für slav. Phil.* II, с. 348—363 и А. А. Потебнѣ въ *Отчетъ о Двадцатомъ присужденіи Уваровскихъ наградъ*. Спб. 1878, с. 764—839.

68. Разработкѣ особыхъ отдѣловъ и частныхъ вопросовъ исторіи русскаго языка, каковы: системы древняго правописанія, исторія отдѣльныхъ звуковъ и формъ языка, исторія словъ или лексиконъ, областныя видоизмѣненія языка какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексикальномъ отношеніи и пр.—посвящено не мало трудовъ и между ними нѣсколько очень замѣчательныхъ. Важность системъ древняго правописанія, необходимость строго отличать пріемы его — ясны для каждаго, кто занимался вопросами развитія звуковъ и формъ языка и филологической критикой... Къ сожалѣнію, этотъ важный предметъ вызвалъ доселѣ лишь два небольшихъ труда, скорѣе очерка, чѣмъ изслѣдованій въ строгомъ смыслѣ: одинъ изъ нихъ принадлежитъ Н. А. Лавровскому и находится въ его сочиненіи «О древне-русскихъ училищахъ»¹⁸¹⁾; другой — И. И. Срезневскому¹⁸²⁾. Оба очень важны, но столь кратки, что нельзя не пожелать болѣе подробныхъ. Для Н. А. Лавровскаго вопросъ о древнемъ правописаніи имѣлъ не столько критико-филологическій характеръ, сколько педагогическій, какъ часть старорусскаго «обученія письму», очеркъ же

Срезневскаго есть только начало труда, продолженію и развитію котораго онъ имѣлъ намѣреніе посвятить одинъ отдѣлъ составляемой имъ «славяно-русской палеографіи».

Кочубинскому принадлежит небольшое, но весьма тщательное изслѣдованіе о томъ, «какъ долго жилъ русскій Супинъ»¹⁸³).

Гатталъ—о нѣкоторыхъ историческихъ вопросахъ русскаго письма и звукословія¹⁸⁴)...

181) Лавровскій, Н. А.: «О древне-русскихъ училищахъ» Хар. 1854, 8°, стр. 132—171, гл.: «Обученіе письму».

182) Срезневскій: «О русскомъ правописаніи» письмо первое, Спб. 1867, ст. 32, и въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. 1867, ч. СXXXIV, с. 449—480.

183) Кочубинскій: «Какъ долго жилъ русскій Супинъ». Ворон. 1872. 8°, с. 12, Отд. отт. изъ «Филолог. Записокъ» 1872, годъ XI, вып. IV, с. 1—12.

184) Hattala: «Výsledky historického jazykozpytu a mluvnické ruska» въ Časop. Česk. Musea, 1864, 187—212 и 227—249 и отдѣльно 8°, с. 48.

69. Историческій Словарь русскаго языка — одна изъ самыхъ существенныхъ, настоятельно необходимѣйшихъ потребностей русской историко-литературной науки: безъ него объясненія и критика памятниковъ письменности — не приобрѣтеть должныхъ, достовѣрно прочныхъ основаній... Къ сожалѣнію, *такой словарь* есть еще полная деиздерата нашей науки. Есть въ литературѣ нѣкоторыя подготовительныя къ нему работы, заключающіяся или въ словарныхъ указателяхъ и глоссаріяхъ къ древнимъ памятникамъ или въ объясненіяхъ группъ отдѣльныхъ словъ; но все это труды — частнаго характера¹⁸⁵). Занимался такимъ сравнительно-историческимъ словаремъ, какъ извѣстно — въ послѣднее время своей жизни — С. Б. Линде; но изданный (П. А. Мухановымъ) отрывокъ изъ сего труда, начало на букву К¹⁸⁶) — не оправдалъ надеждъ и заставилъ даже сомнѣваться въ значительности и важности матеріала, собраннаго знаменитымъ польскимъ лексикографомъ... Столь же мало отвѣчалъ требованіямъ *исто-*

рическаго словаря и изданный въ 1847 г. вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ: «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка (см. выше, число 57 in notis)». Полный, строго историческій словарь древняго русскаго языка по памятникамъ — извѣстно — былъ составленъ пок. И. И. Срезневскимъ: матеріалъ былъ весь собранъ и въ главныххъ статьяхъ даже приведенъ въ порядокъ. Окончательно обработанными мы видѣли въ 1874 году нѣсколько первыхъ тетрадей ¹⁸⁷⁾... Пожелаемъ, чтобы это «наслѣдіе» нашего знаменитаго ученаго — неукоснительно и въ достойномъ видѣ стало общимъ достояніемъ науки.

Должно также остановиться и на «Толковомъ Словарѣ живаго Велико-русскаго языка» ¹⁸⁸⁾», составл. В. И. Далемъ, потому что при всемъ такъ сказать — *современномъ характерѣ* своемъ, онъ имѣетъ немалое значеніе и для литературы, и для русскаго историческаго языкознанія. Не входя въ разсужденіе о томъ, въ какой мѣрѣ единичная личность, какъ бы ни были обширны ея знанія и таланты — можетъ быть носителемъ всего запаса языка народа, а слѣдовательно въ какой мѣрѣ выполняема идея Даля составить Словарь на основаніи лишь личнаго единичнаго опыта, — остановимся на томъ, что «Толковый Словарь» представляетъ въ наличности. Значеніе словъ объясняется въ немъ не сухими, произвольными и безплодными опредѣленіями, какъ во многихъ объяснительныхъ словаряхъ, а значительнымъ количествомъ синонимовъ и что еще важнѣе — многочисленными примѣрами, взятыми прямо изъ народной рѣчи, преимущественно — пословицами и поговорками. При каждомъ словѣ сначала объясняется широкое значеніе его, затѣмъ значенія частныя, подчиненныя, сродныя и противоположныя. Разсматривая «Толковый Словарь» съ точки зрѣнія требованій филологической науки, нельзя не замѣтить въ немъ весьма важныхъ недостатковъ: онъ страдаетъ многими невѣрностями въ словопроизводствахъ, онъ нерѣдко сводитъ совершенно различныя слова къ одному корню, нерѣдко предлагаетъ и такія своеобразныя грамматическія опредѣленія, которыя мало отвѣчаютъ современной наукѣ;

очень слаба въ немъ также и обработка исторической стороны языка... Но эти, хотя и очень существенные, недостатки выкупаются другими качествами и достоинствами: а) «Толковый Словарь» представляет доселѣ самый полный сборникъ словъ живого велико-русскаго языка въ его различныхъ развѣтвленіяхъ. Для утвержденія или опредѣленія историческаго значенія словъ, а потому и для занятій исторіей языка вообще — этотъ трудъ предлагаетъ пособіе и необходимое и почти всегда надежное, потому что весь *основной* матеріалъ его добытъ трудомъ личныхъ усилій и опытности автора, или — будучи взятъ изъ другихъ — критически провѣренъ имъ на народномъ употребленіи. Есть въ Словарѣ — слова составленныя, образованныя самимъ лексикографомъ, но они допущены лишь въ объясненіяхъ, а не въ основномъ текстѣ; б) Словарь Даля имѣетъ важное значеніе, какъ *источникъ историческій*: онъ представляетъ итоги внутренней исторіи русскаго народа, выводъ, до котораго дошла она въ своемъ развитіи... Онъ столько же важенъ въ этомъ смыслѣ и для исторіи, сколько и для народности или этнографіи: стоитъ замѣнить словарное расположеніе предметнымъ, и изслѣдователь получитъ въ немъ изображеніе современной жизни русскаго народа, живую картину его современнаго нравственнаго бытія и дѣятельности, его нуждъ и потребностей, его мыслей, наивныхъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ; в) наконецъ, — Словарь Даля можетъ имѣть немаловажное значеніе для дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго литературнаго языка и русской литературы вообще: предлагая собою чистый источникъ народной рѣчи, онъ можетъ оживить поблекшую прозу русскаго современнаго литературнаго языка и до нѣкоторой степени возратить ей образность и свѣжесть, которыя все болѣе и болѣе становятся однимъ преданіемъ...

185) Въ «Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики» помѣщены, въ томѣ I, Спб. 1854: а) Н. Г. Чернышевскаго: «Опытъ Словаря къ Ипатьевской лѣтописи, стр. 512—576; б) Протопопова: «Сборникъ словъ изъ Яренскихъ столбовъ», стр. 120—144, 198—209; въ томѣ

II, Спб. 1856: в) П. А. Лавровскаго: «выборъ словъ изъ лѣтописей Новгородскихъ и Псковскихъ с. 1—33; г) А. Н. Пыпина: «Словарь къ Новгородской первой лѣтописи», стр. 33—126; д) П. А. Лавровскаго: «Замѣчательныя слова изъ Перяславской лѣтописи», стр. 126—128; Ст. Погодина: «Опытъ Историч. объясненія древнихъ словъ» въ «Извѣстіяхъ II Отд.» II, 328—341 и въ «Историч. чтеніяхъ о яз. и словесн.» т. I, 1854, с. 230—249. Кромѣ сего въ указателяхъ при разныхъ изданіяхъ памятниковъ, въ Предисловіяхъ къ нимъ (напр. въ изд. «Псковской лѣтописи» Погодина М. 1837 и разныхъ изд. О. М. Бодянскаго); сюда же отчасти относится и кн. Н. Я. Аристовъ: «О промышленности въ древней Руси». Спб. 1866. Изъ рецензіи Срезневскаго (въ Отчетѣ о восьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1866, с. 14—16) извѣстно, что г. Носовичъ составилъ весьма важный объяснительный словарь стараго дѣловаго языка западной Руси по «Актамъ, относящимся къ исторіи Западной Руси»; но сей трудъ—сколько знаемъ—доселѣ не изданъ. Другія попытки въ этомъ родѣ принадлежать: г. Новицкому (Справочный Словарь юридическихъ терминовъ древняго актовъ языка юго-западной Россіи, Кіевъ. 1871, 8^о, 31 стр. и въ Университ. Извѣстіяхъ того же года. Трудъ не филологическаго, а указательнаго характера!) и Горбачевскимъ, въ его изд.: «Словарь древняго актовъ языка сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго», Вил. 1874. Матеріалъ хорошій, но обработка очень недостаточная и въ филологическомъ и въ историческомъ отношеніи, см. рец. Н. П. Барсова въ «Восьмнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова», Спб. 1876, стр. 36—53.

186) Линде: «Матерьялы для сравнительнаго русскаго Словаря», Варш. 1845, 4^о, с. XII+24.

187) Планъ изданія этого Словаря изложенъ пок. Срезневскимъ въ «Трудахъ перваго археологическаго съѣзда», М. 1871, I, стр. CXXXIV—CXXXVIII.

188) «Толковый Словарь живаго Велико-русскаго языка». М. 1863—68, 4^о, 4 тома. стр. LIV+2388 (въ цѣломъ) и много листовъ «Приложеній», содержащихъ дополненія. Разборъ, написанный Я. К. Гротомъ — въ «Филологическихъ Разысканіяхъ» послѣдняго (изд. 2-е). Спб. 1876, I: стр. 1—60; ср. мою замѣтку въ «Бесѣдахъ Общ. Любителей Россійской Словесности», II, 1868, М., с. 91—4. Для исторіи Словаря см. ст.

А. Н. Пыпина: «По поводу толковаго Словаря Даля» въ Вѣстникѣ Европы 1873, № 12, с. 883—903.

70. Какъ существенная часть *исторіи русскаго языка*, какъ одинъ изъ важныхъ отдѣловъ *историческаго словаря русской рѣчи* — должны быть названы «иноземныя слова въ языкѣ русскомъ». Предметъ сей стоитъ съ исторіей языка и литературы въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда: нигдѣ вліяніе чуждыхъ образованностей на народную жизнь не выступаетъ столь рѣшительно, какъ въ заимствованіяхъ чуждыхъ словъ. Нужно только умѣнье правильно опредѣлять время сихъ заимствованій и степень необходимости или случайности ихъ. Понятно, какое важное подспорье для своихъ рѣшеній получаютъ въ историко-филологическомъ изслѣдованіи чужеземныхъ словъ — наука исторіи литературы, которая стремится къ той же цѣли раскрытія состоянія общественной образованности въ литературныхъ произведеніяхъ даннаго времени, и наука исторіи языка, преслѣдующая между прочимъ отчасти ту же задачу по отношенію къ языку. При филологической критикѣ, при опредѣленіи источниковъ, мѣста и времени происхожденія письменныхъ памятниковъ — разборъ иноземныхъ словъ приводитъ нерѣдко къ весьма важнымъ заключеніямъ...

По разбору иностранныхъ словъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ (см. выше, подъ числами 47, 53) и русскомъ языкѣ въ особенности сдѣлано уже немало: есть спеціальныя изслѣдованія древнихъ словарныхъ заимствованій, отдѣльныхъ словъ и отдѣльныхъ группъ словъ, есть цѣлые словари иноземныхъ, преимущественно восточныхъ — словъ, вошедшихъ какъ въ общій русскій языкъ, такъ и въ областныя его части; но за вычетомъ очень немногихъ спеціальныхъ указаній — большинству сихъ трудовъ недостаетъ прочной исторической основы и приемовъ историческаго изслѣдованія, отчего и самыя сближенія нерѣдко страдаютъ произволомъ, а выводы шаткостью. Самыя важныя, хотя и отрывочныя замѣтки объ отдѣльныхъ словахъ принадлежатъ Срезневскому, Буслаеву, Гроту и отчасти Шлейхеру¹⁸⁹). Менѣе обстоя-

тельны и менѣе обработаны сближенія русскихъ словъ съ восточными, сѣверными, финскими, предложенныя Эрдманомъ, Григорьевымъ, Казембекомъ, Шегренемъ, Березинымъ, Бобровниковымъ, Ковалевскимъ, Петровымъ, Сабининымъ, Бутковымъ¹⁹⁰⁾ и др.; но и здѣсь находится очень немало годнаго матеріала, которыми наука воспользуется при будущемъ разборѣ дѣла...

189) а) Срезневскій въ кн. «Мысли объ исторіи русс. языка», Спб. 1850, стр. 129 sq; б) Буслаевъ: «Иностранныя слова въ славянскихъ нарѣчіяхъ», въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, № 8, стр. 540—560 и отд. от. s. t. 21 стр.; в) Гротъ: «Областные великорусскія слова финскаго происхожденія» въ кн. «Матер. для сравнит. и объяснит. Словаря» т. I, с. 65 sq. и въ кн. «Филологическія Разысканія» Спб. 1876, т. I, с. 470—4; г) его же: «Областные великорусскія слова, сходныя съ скандинавскими» въ «Матеріалахъ для срав. и об. Слов.» I, 38 sq. и «Филологич. Разысканія» I, 456—69; д) его же: «Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ», Матер. I, 113 sq. III, 348 sq.; «Филол. разысканія» I, 475—482; е) его же: «Слова, взятые съ польскаго, или чрезъ посредство польскаго» въ «Филол. Разыск.» I. 483—6; ж) Шлейхеръ: «Краткій очеркъ доисторич. жизни сѣверо-восточнаго отд. индо-германск. языковъ», Спб. 1865, стр. 4—8.

190). 1) Эрдманнъ: «Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ, перешедшихъ изъ восточныхъ языковъ въ Россійскій». Казань. 1828, 8°, 23 и въ «Трудахъ и Лѣтоп. Общ. Ист. и древн.» 1830, ч. V, стр. 215—245.

2) Григорьевъ, В. В.: «Областные великорусскія слова, восточнаго происхожденія», въ изд. «Матеріалы для сравн. Словаря», т. I, с. 14 sq., 68 sq.

3) Казембекъ: «Объясненіе русскихъ словъ сходныхъ съ восточными» въ изд. «Матеріалы» etc. I, с. 22 sq, 71 sq., 385 sq.

4) Шегренъ: «Матеріалы для сравненія областныхъ великорусскихъ словъ со словами языковъ сѣверныхъ и восточныхъ» въ кн. «Матеріалы для ср. Словаря», т. I, с. 145 sq.

5) Березинъ: «Замѣчанія о восточныхъ словахъ въ областномъ великорусскомъ языкѣ» въ изд. «Матеріалы для словаря» I, с. 186 sq., 323 sq.

6) Березинъ: «Нѣсколько замѣчаній объ опредѣленіи иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ» въ журн. «Москвитянинъ» 1852, № 8, с. 106—9.

7) Бобровниковъ: «Областные великорусскія слова, заимствов. отъ Монголовъ и Калмыковъ», въ изд. «Матеріалы для ср. Словаря», I, 193 sq.

8) Ковалевскій: «Списокъ словъ великорусскихъ, заимствованныхъ изъ монгольскаго» въ кн. «Матеріалы для ср. Словаря» I, 377 sq.

9) Петровъ: «Списокъ нѣк. великорусскихъ словъ, сродныхъ или сходныхъ съ восточными», въ кн. «Матеріалы для ср. Словаря» I, 81.

10) Сабининъ: «Матеріалы для сравненія русскаго языка съ скандинавскимъ» въ кн. «Матеріалы для срав. Словаря» II, 129 sq.

11) Бутковъ: О финскихъ словахъ въ русскомъ языкѣ. Спб. 1842, 8^о, с. 65 и въ «Трудахъ Россійской Академіи» 1842, ч. V.

Упомяну еще о весьма странномъ ученомъ произведеніи проф. Мухлинскаго: «Zrődłoŝownik wyrazów, które przeszły do naszej mowy z języków wschodnich». Spb. 1858, 8^о, с. 158. Здѣсь уже все идетъ съ Востока.

71. Значеніе областныхъ нарѣчій для исторіи языка давно сознано: съ одной стороны въ нихъ нерѣдко находимъ такія грамматическія свойства, которыя, уцѣлѣвъ съ глубокой древности, объясняютъ очень многое темное въ *формальномъ* строѣ различныхъ историческихъ измѣненій языка; съ другой — областной языкъ сохранилъ еще во многихъ случаяхъ и древнія слова и свѣжія образныя знаменованія словъ, знаменованія древнія, а потому важныя при объясненіи древности вообще и внутренней бытовой стороны исторіи языка ¹⁹¹). Труды по областнымъ нарѣчіямъ начались еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, собирались матеріалы словарные и грамматическіе разными лицами, между прочимъ Макаровымъ, Шаховскимъ, Дмитрюковымъ, Фортунатовымъ, Суровцовымъ ¹⁹²) и въ особенности П. И. Кеппеномъ ¹⁹³). Были попытки приложенія данныхъ областного языка къ разъясненію темныхъ терминовъ въ древне-

русскихъ памятникахъ ¹⁹⁴⁾—и попытки небезуспѣшныя! Въ особенности оживился интересъ къ собиранію данныхъ областного языка съ того времени, какъ бывшая «Россійская Академія» преобразовалась во «Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ» и трудами по составленію Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка была приведена къ мысли о необходимости составленія такого же Словаря областного языка. Составленные по вызову II Отдѣленія Академіи Наукъ — различными лицами по большей части преподавателями гимназій, училищъ и учениками — Сборники областныхъ словъ, сведенные въ одно — явились въ 1852 г. въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря», а въ 1858 г. появилось полновѣсное «Дополненіе» къ нему ¹⁹⁵⁾. Оба изданія имѣютъ несомнѣнно важное ученое значеніе по богатству собраннаго матеріала; но послѣднему недостаетъ полной ученой достовѣрности; ибо къ истинному народному въ немъ нерѣдко примѣшивается измышленное, и иногда завѣдомо намѣренно измышленное, или же дурно записанное, а потому — сомнительное. Только при умѣнii отдѣлять истину отъ лжи — возможно пользоваться сими областными словарями надлежащимъ образомъ. Немаловажное значеніе при такой критической провѣркѣ можетъ имѣть «Толковый Словарь живаго Великорусскаго языка» Даля. Гораздо болѣе тщательности въ обработкѣ представляетъ «Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія» ¹⁹⁶⁾, составленный Носовичемъ, и даже скромный «Словарь малороссійскихъ идіомовъ», собранный Н. Закревскимъ ¹⁹⁷⁾. Трудъ Носовича — въ своемъ родѣ образцовый: бѣлорусскія слова объясняются переводомъ на русскій письменный языкъ или описаніями. Отмѣчены и отгѣнки значенія словъ. Къ объясненіямъ словъ приложены почти постоянно примѣры ихъ употребленія изъ живой рѣчи, изъ пословицъ и поговорокъ, изъ пѣсенъ, сказокъ, прибаутокъ... Матеріалъ драгоцѣнный, въ значительной части новый. Все приведенное на Бѣлорусскомъ нарѣчii, при соблюденіи однообразнаго, вообще хорошо выработаннаго правописанія, обозначено удареніями и другими знаками. Словарь Носовича важенъ и тѣмъ, что

только при помощи его «можно начать подробныя разслѣдованія о составѣ Бѣлорусскаго нарѣчія и между прочимъ искать оправдательныхъ доказательствъ предположенію, что въ этомъ нарѣчіи сохранилось очень много древняго, важнаго для исторіи русскаго языка» (слова И. И. Срезневскаго).

Менѣе обширенъ, по матеріалу и даже филологической обработкѣ недостаточенъ трудъ Закревскаго, но какъ первый систематическій опытъ, исполненный, притомъ, со вниманіемъ къ исторической сторонѣ предмета — онъ вполне заслуживаетъ добраго признанія.

Изслѣдованіе филологическое и этнографическое областныхъ нарѣчій только-что начинается. Правда, существуютъ уже съ довольно давняго времени попытки объясненія свойствъ русскихъ областныхъ нарѣчій: для области великорусской — Даля¹⁹⁸), малорусской — Головацкаго и отчасти Срезневскаго¹⁹⁹), для Бѣлорусской — Калайдовича и Голотузова²⁰⁰), но эти попытки настолько отрывочны, слабы или преслѣдуютъ иныя (гео—и этнографическія не филологическія цѣли, что проф. М. П. Петровскій, представивъ прекрасный очеркъ діалектологическихъ развѣтвленій славянскихъ нарѣчій²⁰¹), остановился предъ вопросомъ о нарѣчіяхъ русскихъ — и не пошелъ далѣе, за неимѣніемъ, конечно, разработанныхъ матеріаловъ.

Изъ трудовъ послѣдняго времени — важнѣйшіе принадлежатъ проф. Колосову, таковы: его наблюденія надъ фактами областного сѣверно-великорусскаго языка, изложенныя въ его Отчетахъ II Отд. Академіи Наукъ и въ особой спеціальной статьѣ, а равно и въ обширномъ сочиненіи «Обзоръ звуковъ и формальныхъ особенностей нарѣчій великорусскаго языка»²⁰²). Послѣдній трудъ представляетъ систематическую попытку свести въ одно отдѣльныя данныя по областнымъ нарѣчіямъ, уже существующія въ русской наукѣ. Г. Колосовъ разсматриваетъ предметъ съ строго формальной, фізіологической стороны. Наличный матеріалъ имъ принятъ во вниманіе весь, или почти что весь, онъ обработанъ весьма тщательно; но, конечно, не такъ, чтобы сдѣ-

латъ излишнимъ его переизслѣдованіе съ иныхъ точекъ зрѣнія, исторической и историко-этнографической. Тогда, быть можетъ, придется употребить и иные приемы изслѣдованія и дать иной порядокъ послѣднему. Во всякомъ же случаѣ — трудъ замѣчательный и очень полезный.

Если мы упомянемъ о статьѣ Лескина «О нарѣчіи русскихъ пѣсень Олонецкаго края» (по пѣснямъ Рыбникова)²⁰³) и небольшимъ изслѣдованію Владимірова «О сѣверномъ великорусскомъ нарѣчіи, въ памятникахъ письменности XVI—XVII в.»²⁰⁴) — то, кажется, будемъ имѣть все, что существуетъ въ нашей наукѣ по разработкѣ областныхъ нарѣчій русскаго языка!

191) См. основательную записку Ѳ. И. Буслаева: «Словарь областныхъ реченій великорусскаго языка» въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ. I, стр. 167—177.

192) Перечень сихъ трудовъ въ предисловіи къ «Опыту областного великорусскаго Словаря», Спб. 1852, стр. V—XII. Трудъ Макарова «Опытъ простонароднаго Словотолковника,» напечатанъ отчасти въ Маякѣ 1844, т. XVIII и вполне въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей» 1846—7, именно: годъ I: кн. 4, с. 37—42; годъ II: кн. 3, с. 24—44; кн. 6, с. 1—24; кн. 7, с. 17—27; кн. 9, с. 1—21; годъ III: кн. 1, с. 1—19; кн. 2, с. 33—38; кн. 3, с. 89—120; кн. 4, с. 143—154; кн. 5, с. 145—159; кн. 9, с. 267—295. Оканчивается буквою Н. Трудъ, какъ все макарское — заключаетъ въ себѣ много полезнаго, но еще болѣе вздорнаго. Этимологіи — во-ловыя.

193) Köppen: «Über die von P. v. Köppen gesammelten russischen Sprachproben», въ Bulletin de l'Ac. t. III, p. 506—511 и Mélanges russes, 1861, IV, стр. 210—217.

194) Напр. въ ст. Суровцева: «Нѣчто о собраніи Областныхъ Словъ» въ Ученыхъ запискахъ Казанскаго Университета 1839, кн. II, стр. 193—206 и ст. Діева: «Изъясненіе нѣкоторыхъ выраженій Правды Русской» въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1839, № 5, с. 47—80. cf. Соловьева въ «Матер. для ср. Слов. и Граммат». I, с. 107—110.

195) а) «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря». Спб. 1852, 4^о, с. XII+275. Рецензія: Буслаева въ Отечеств. За-

пискахъ 1852, т. LXXXV, № 11, с. 1—54, перепечат. въ авторовыхъ «Историч. очеркахъ рус. нар. литер.» т. I, стр. 151—209; В. Даля въ Вѣстникѣ Русскаго Географ. Общ., 1852, к. V и отдѣльно, п въ «Толковомъ Словарѣ» (см. ниже), см. замѣтку Я. К. Грота въ «Филолог. Разысканіяхъ» т. I, Спб. 1876, с. 142 sq.; Косвенной рецензіей «Опыта» можно назвать ст. Лавдовскаго: «Русскій языкъ въ областныхъ нарѣчіяхъ», Москвитянинъ 1855, № 13—16, с. 47—66. Ср. Соловьева: «Замѣчанія по поводу опыта области. Великор. Словаря» въ Матеріалахъ для сравн. Словаря и Грамм. т. I, с. 107—113. 6) «Дополненіе къ Опыту областного Великорусскаго Словаря», Спб. 1858, 4^о. стр. 328.

196) Носовичъ: «Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія», Спб. 1870, 4^о, с. 756. Рец. Срезневскаго въ XXXIV присужденіи Демидовскихъ наградъ. Спб. 1866, с. 107—116.

197) Составляетъ третью часть изданія Закревскаго: «Старосвѣтскій Бандуриста». М. 1860 отъ стр. 274—624. Можно здѣсь упомянуть, что начало отдѣльнымъ Малорусскимъ Словарямъ было сдѣлано Аванасьевымъ — Чужбинскимъ въ «Матеріалахъ для сравнит. и объяснительнаго Словаря и Грамматики». т. III, 1856, с. 1—176 и Шейковскимъ въ его «Опытѣ Южно-русскаго Словаря», Кіевъ 1861, 8^о, вып. I, с. XVII—224 столб. — Только начало предпріятій — безъ продолженія.

198) Даля: «О нарѣчіяхъ Русскаго языка» Спб. 1852, 8^о, 72 с., оттискъ изъ V кн. Вѣстника Русск. Геогр. Общ., перепечатанъ въ предисловіи къ IV вып. «Толковаго Словаря живаго Великорусскаго языка», стр. XXV—LIV. Это — та же рецензія «Опыта областного Словаря».

199) Головацкій: «Разправа о языкѣ южнорусскомъ и его нарѣчіяхъ», Львовъ. 1849, 8^о, с. 56; Срезневскій: «Русь Угорская». Отрывокъ изъ «Опыта географіи русскаго языка», Вѣстникъ Географ. Общества, 1852, ч. IV, с. 1—28. Сюда же относится и другая статья Срезневскаго: «Частные вопросы о мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ русскаго народнаго языка» въ Извѣстіяхъ II Отдѣл. Ак. Наукъ I, с. 185—8. Ср. его же: «Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка», Вѣст. Геогр. Общ. 1851, к. I, с. 1—24.

200) Калайдовичъ: «О Бѣлорусскомъ нарѣчіи» въ изд. «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общ. Любит. Рос. Словесности, 1822, ч. I, кн. I, с. 67—80; Голотузовъ: «Замѣтки,

касающіяся бѣлорускаго нарѣчія», Митава, 1852, 4^о, с. 49. Замѣтки грамматическія и лексикальныя.

201) Учен. Записки Казанск. Унив. 1866, т. II, с. 388—480 и 1867, т. III, с. 155—191.

202) Труды Колосова: а) «Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорускаго нарѣчія». Спб. 1877, 8^о, с. 343, пом. въ Сборникѣ статей II Отд. Ак. Н. т. XVII, № 3; б) «Матеріалы для характеристики сѣверно-великорускаго нарѣчія» въ № 5 Варшав. Универ. Извѣстій 1874, стр. 1—62 отд. отт.; в) «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» Варшава, 1878, 8^о, с. III—266. Къ слову—о послѣднемъ сочиненіи замѣчу, что не мало для себя любопытнаго и важнаго Колосовъ нашелъ бы въ Матеріалахъ Кеппена (отмѣченныхъ нами подъ примѣч. 193), хранящихся въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

203) Leskien: «Über den Dialect der russischen Volkslieder des Gouvernement Olonec», въ Beiträge z. vergleich. Sprachfor. VI, с. 152—187.

204) Владиміровъ: «Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорускаго нарѣчія въ XVI—XVII с. Казань, 1878, 8^о, с. 39.

72. Сводя все сказанное къ одному и принявъ въ расчетъ недавность времени, съ котораго русской историко-филологической наукѣ стали доступны памятники древне-русскаго языка (говорю о точныхъ, удовлетворяющихъ филолога, изданіяхъ ихъ), и вообще недавность нашихъ занятій исторіей отечественнаго языка, нельзя не признать значительныхъ успѣховъ, но если съ другой стороны—припомнить тѣ требованія и задачи, какія соединяются съ понятіями исторіи русскаго языка и русской историко-филологической критики, то придется сказать, что все доселѣ сдѣланное на этомъ полѣ—только хорошее начало. Нетронутыхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ—множество, такъ:

а) въ неясномъ свѣтѣ представляется судьба церковно-славянскаго языка на русской почвѣ и постепенный ростъ его руссификаціи;

б) не приведенъ къ положительному опредѣленному рѣшенію

вопросъ объ образованіи мѣстныхъ нарѣчій и появленіи ихъ въ памятникахъ письменности;

в) бѣлая, ничѣмъ ненаполненные страницы представляетъ исторія слога;

г) системы древняго правописанія указаны лишь въ очень краткихъ очеркахъ;

д) нѣтъ историческаго словаря русскаго языка, а потому почти отсутствуетъ и самая филологическая критика памятниковъ; нѣтъ, наконецъ

е) историческаго изслѣдованія областныхъ нарѣчій.

Б. Письмо. Кириллица и Глаголица.

73. Вопросъ о происхожденіи кирилловскаго и глагольскаго письма и ихъ взаимныхъ отношенійхъ — вопросъ очень давній... Намъ, впрочемъ, нѣтъ никакой надобности входить въ разсмотрѣніе всѣхъ высказанныхъ по этому предмету мнѣній: довольно остановиться на тѣхъ только, которыя представляютъ попытку рѣшить вопросъ на основаніи дѣйствительнаго изученія историческихъ данныхъ и потому — прошли не безслѣдно въ наукѣ. Кто захотѣлъ бы ознакомиться съ исторіею вопроса во всей полнотѣ — найдетъ для того обильные критико-библіографическія указанія въ трудахъ А. Фойгта, П. І. Шафарика, Бодянскаго и Гануша ²⁰⁵).

Кромѣ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго сочиненія Адаукта Фойгта: «Изслѣдованіе о введеніи, употребленіи и измѣненіяхъ письменъ и писанія въ Чехахъ» ²⁰⁶) — въ ученой литературѣ прошлаго столѣтія встрѣчаемъ только одинъ трудъ, основанный на глубокомъ критическомъ изученіи источниковъ: онъ принадлежитъ извѣстному Гел. Добнеру, это: «Набросокъ историко-критическаго вопроса: дѣйствительно ли такъ называемая нынѣ кирилловская азбука должна быть признана изобрѣтеніемъ св. славянскаго апостола Кирилла» ²⁰⁷). Ближайшимъ поводомъ къ разсмотрѣнію вопроса для Добнера послужило мнѣніе Добровскаго о позднѣйшемъ происхожденіи Глаголицы, которую

онъ считалъ умышленнымъ изобрѣтеніемъ какой-нибудь полуумной монашеской головы XIII или XIV в. Изъ разсмотрѣнія несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ—Добнеръ заключаетъ: что Глаголица существовала уже во времена св. Меодія и папы Іоанна VIII, что за нее говоритъ непрерывно до нашего времени сохранившееся папское преданіе, что эти письма по своей новой, нигдѣ дотолѣ не встрѣчающейся формѣ—несомнѣнно указываютъ на новаго изобрѣтателя, что самое наименованіе ихъ носитъ печать древности и перваго изобрѣтенія... Не встрѣчая такихъ настоящихъ признаковъ истиннаго и современнаго изобрѣтенія въ такъ называемомъ кирилловскомъ алфавитѣ, Добнеръ—естественно—приходитъ къ мысли, что подобно тому какъ Глаголица ложно называлась письмомъ Іеронимовымъ, такъ точно Кириллица ложно называется письмомъ св. Кирилла. Глаголица есть настоящая азбука, изобрѣтенная св. Кирилломъ. Замѣна ея письмомъ греческаго характера произошла впоследствии, при чемъ это письмо подверглось приспособленію къ звукамъ славянскаго языка... Такимъ образомъ Добнеръ былъ родоначальникомъ того мнѣнія, которое въ послѣднее время пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе вѣса. Доказательства Добнера, разнообразно видоизмѣняемые и другими учеными—не убѣдили однако Добровскаго: въ 1807 году онъ издалъ, какъ прибавленіе къ своему сборнику «Slavin»—особое изслѣдованіе о Глаголицѣ²⁰⁸). Пересмотрѣвъ всѣ имѣвшіеся въ то время глагольскіе письменные памятники, а равно и свидѣтельства историческія о предметѣ, Добровскій пришелъ къ слѣдующему выводу: преданіе о существованіи старой глагольской Псалтири, писанной будто-бы при солинскомъ архіеп. Ѳеодорѣ (820—890)—не имѣетъ основанія, Глаголица появляется лишь въ XII или въ XIII стол. Кроатское и Далматинское духовенство, стремясь сохранить славянское богослуженіе, которое по причинѣ кирилловскихъ буквъ было ненавидимо латинскимъ духовенствомъ и даже запрещается—рѣшилось пожертвовать Кириллицею и выдумало Глаголицу, освятивъ ее именемъ бл. Іеронима.

205) О сочиненіи А. Фойгта см. слѣдующую выноску. Šafařík: «Památky hláholského písemnictví». P. 1853, ст. Uvod; Бодянский: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», М. 1855, passim; Hanuš: «Zur Glagolica-Frage» въ сборникѣ Миклопича: Slavische Bibliothek, II, 1858, с. 196 sq.

206) Ad. Voigt: «Untersuchung über die Einführung, den Gebrauch und die Abänderung der Buchstaben und des Schreibens in Böhmen», въ Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen, I, Pr. 1775, стр. 154—199.

207) F. Dobner: «Aufwerfung einer historisch-kritischen Frage: ob das heut zu Tage sogenannte cyrillische Alphabet für eine wahre Erfindung des heil. Slawischen Apostels Cyrills zu halten sey?», пом. въ Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Prag, auf d. J. 1785. Pr. 1786, стр. 101—140.

208) Glagolitica. Ueber die glagolitische Literatur etc. Ein Anhang zum Slavin. Pr. 1807, 96 с. 8^о; второе, испорченное прибавками Ганки—изданіе—въ 1845 г.

74. Мнѣніе Добровскаго, изложенное съ свойственнымъ этому ученому остроуміемъ и критическимъ талантомъ — укрѣпилось въ наукѣ и господствовало въ ней до 1830 года (вѣрнѣе до 1836 г.), когда неожиданное открытіе новаго глагольскаго памятника, отмѣченнаго чертами несомнѣнной древности (такъ назыв. Клоціевы отрывки) — побудило извѣстнаго В. Копитара пересмотрѣть заново весь вопросъ: и поражающая древность письма клоціевыхъ листовъ, и то обстоятельство, что глаголица встрѣчается въ одной латинской и нѣсколькихъ кирилловскихъ рукописяхъ, которыя были несомнѣнно старѣе XIII в. и нѣкоторыя другія соображенія привели, какъ мы уже имѣли случай распространиться (см. выше подь числомъ 44), Копитара къ убѣжденію, что Глаголица — по крайней мѣрѣ одного вѣка и происхожденія съ Кириллицей, даже старше послѣдней: св. Кирилль или взялъ изъ Глаголицы 12 знаковъ для пополненія азбуки греческой или же даже изобрѣлъ ее, но потомъ оставилъ за неудобностью и внесъ изъ нея лишь нѣсколько знаковъ въ греческій алфавитъ. Славянамъ долгое время правилась болѣе Гла-

3 5 *

голица, чѣмъ Кирилица и только раздѣленіе Церквей дало рѣшительный перевѣсъ послѣдней. Разысканіями Копитара ²⁰⁹⁾ устранялось мнѣніе Добровскаго: стала очевидна древность Глаголицы, но собственное рѣшеніе его вопроса и ея происхожденія — было очевидно несостоятельно...

209) Мнѣніе Копитара первоначально изложено имъ въ «Пролегоменахъ» его классическаго труда: «Glagolita Clozianus, id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi, ... λαίψων foliorum XII membraneorum, servatum in bibliotheca il. c. Paridis Cloz Tridentini. Litteris totidem cyrillicis transcriptum, amplissimis de alphabeti glagolitici remotiori antiquitate et liturgia slavica a. D. DCCCLXX primum coepta in Pannonia prolegomenis historicis et philologicis etc.... illustratum edit B. Kopitar. V. 1836. f^o, pag. LXXX et. 86+2 снимка. Позднѣе того же предмета Копитаръ касался въ своихъ «Prolegomena historica» къ Реймскому Евангелію, 634—42 (Miklosich's Slavische Bibl. I, стр. 70—74). Здѣсь находимъ уместнымъ указать на тѣ рецензіи Клоціевой Глаголиты Копитара, въ которыхъ болѣе или менѣе основательно обсуждено его мнѣніе о древности Глаголицы.

Сии рецензіи суть: а) Морица Гаупта въ «Jahrbücher der Literatur» 1836, т. 76, ar. III, pag. 103 sq. Рецензія замѣчательная самостоятелною провѣркою Копитаровыхъ разысканій. Очень важна и понынѣ; б) Ан. Шмеллера въ *Gelehrte Anzeigen der Bayersch. Akademie der Wissensch.* 1837, № 140—142, ст. 89—112; в) Як. Гримма въ «Göttingische gelehrte Anzeigen» 1836, St. 33—35, стр. 321—338 и въ *Kleinere Schriften* его же т. V, стр. 230—240; г) (гр. Кастиліоне): въ 82 томѣ миланской *Biblioteca italiana* 1836, p. 260—281 и отдѣльно 8°, с. 21; д) (Фесля): въ «Oesterreichische theologische Zeitschrift» 1836, Bd. I, IX Jahrg., стр. 343—370. Рецензія тенденціозная; е) И. П. Боричевскаго: въ журн. «Маякъ» 1841, ч. 17—18, стр. 29—44. Прибавивъ сюда рецензію Копитара на свой собственный трудъ, помѣщ. въ *Chmel's Oesterreichische Geschichtsforscher*. Bd. I, 3 ч., 1838. № XIV, с. 501—515 и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Pannonischer Ursprung der slav. Liturgie», W. 1838, с. 15,—будемъ имѣть все, что было написано по поводу замѣчательнаго труда Копитара.

75. Неудивительно, что нѣсколько времени спустя П. И. Прейсъ снова склонился къ выводамъ Добровскаго: въ своемъ замѣчательномъ трудѣ «о Глагольской письменности» ²¹⁰⁾ онъ — до *новыхъ открытій* — прививаетъ слѣдующія положенія: современное употребленіе въ Болгаріи двухъ алфавитовъ, Глагольскаго и Кирилловскаго — подвержено сильному сомнѣнію. Еще менѣе имѣемъ причинъ думать, что первый древнѣе послѣдняго. До запрещенія Кирилло-Славянской литургіи въ Далмаціи не было надобности изобрѣтать новый алфавитъ. Эта необходимость могла родиться около 925 года. По всѣмъ примѣтамъ видно, что родина глагольскихъ письменъ есть приморская Крoація и что по всей справедливости имъ принадлежитъ названіе «Хорватскаго письма». Употребленіе Глаголицы въ Далмаціи до XIII вѣка — неизвѣстно, употребленіе въ ней до этого времени письменъ кирилловскихъ — внѣ всякаго сомнѣнія. Греко-Славянскій алфавитъ св. Кирилла служилъ образцомъ для составителя глагольскихъ письменъ... Хотя изслѣдованіе Прейса и не рѣшало вопроса, а такъ сказать отлагало его, но своимъ трезвымъ отношеніемъ къ дѣлу и обиліемъ многихъ вѣрныхъ наблюденій (преимущественно лингвистическихъ) — было очень важно, какъ противовѣсъ мечтаніямъ Копитара. Нѣкоторыя заключенія Прейса были устранены И. И. Срезневскимъ. Въ своемъ изслѣдованіи: «Древнія письмена Славянскія» ²¹¹⁾ онъ признаетъ, что Глаголица есть явленіе IX—X вѣка, послѣдовавшее за появленіемъ Кириллицы и обращаетъ вниманіе на многія доказательства въ пользу болгарскаго происхожденія Глаголицы; при чемъ дѣлаетъ вопросъ: не могла ли Глаголица быть изобрѣтена въ Болгаріи, какимъ-нибудь сектаторомъ, противившимся ученію Кирилла? Вопросъ — въ то время возможный и законный, въ настоящее же — имѣющій противъ себя нѣкоторыя важныя историческія данныя.

210) «О Глагольской письменности» въ Жур. Минист. Народн. Просвѣщенія 1843, № 3, стр. 184—238.

211) «Древнія письмена Славянскія» въ Жур. М. Народ. Просвѣщ. 1848, № 7, стр. 18—66.

76. Рѣшительнымъ защитникомъ древности Глагольскаго письма предъ Кирилловскимъ явился проф. В. И. Григоровичъ²¹²). Онъ усматривалъ первенство Глаголиты въ формѣ знаковъ ея, въ томъ, что порядокъ буквъ ея въ примѣненіи къ числамъ удержанъ безъ всякаго пропуска, что въ кирилловскихъ рукописяхъ унциальныя буквы (капительныя, болѣе древнія, чѣмъ курсивныя) суть глаголитскія, что въ кирилловскихъ рукописяхъ замѣчаются глаголитскія вставки, что на выскобленныхъ рукописяхъ глагольскаго письма (палимпсесты) помѣщаются кирилловскіе тексты, что Кириллица списываетъ переводомъ съ Глаголицы, а не наоборотъ, что наконецъ достовѣрнѣе полагать, что начертанія общія обоимъ алфавитамъ — взяты изъ Глаголицы въ Кириллицу, а не обратно. Основываясь на такихъ и иныхъ наблюденіяхъ Григоровичъ полагалъ видоизмѣнить мнѣніе Копитара такъ: Св. Кирилль нашелъ Глаголиту, а Меѳодій (вмѣстѣ съ Кирилломъ?) послѣ обратилъ ее и Греческій алфавитъ въ славянскую азбуку (кирилловскую). Подтвержденіе этого Григоровичъ видитъ въ древней службѣ св. Меѳодію и въ свидѣтельствѣ Паннонскаго житія св. Кирилла объ обрѣтеніи имъ Евангелія и Псалтыря писанныхъ письменами *Роушкыми*, т. е. по толкованію нашего ученаго—*глагольскими*, которыя являются такимъ образомъ до-кирилловскими. Хотя выводъ объ обрѣтеніи Кирилломъ—Глаголицы и обращеніи ея Меѳодіемъ въ Кириллицу есть чистое предположеніе, неопирающееся на историческіе факты, но наблюденія и соображенія о древности и старѣйшинствѣ Глаголицы предъ Кириллицей—очень замѣчательны, и нѣкоторыя изъ нихъ приняты и теперь въ числѣ доказательствъ той же мысли.

212) Въ статьѣ: «Предварительныя свѣдѣнія, касающіяся литературы церковно-славянской. О древней письменности Словянъ», въ сборникѣ: «Статьи, касающіяся древняго Славянскаго языка» Влкт. Григоровича, Каз. 1852 стр. 53—70. Ст. Григоровича находится и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1852, № 3, стр. 152—168. Очень хорошій сводъ мнѣній Прейса, Григоровича и И. И. Срезневскаго на-

ходится въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ, т. I, с. 353—367 и тоже въ отдѣльной книгѣ: «Изслѣдованія и замѣчанія о древнихъ памятникахъ старо-славян. литературы». Спб. 1856, с. 36—54.

77. Съ исчерпывающей для того времени полнотой вопросъ о происхожденіи Глаголицы былъ изслѣдованъ П. I. Шафарикомъ ²¹³). Разсмотрѣвъ внимательно всѣ относящіяся къ предмету данныя, какъ то: свидѣтельства исторіи, характеръ письменъ, правописаніе, языкъ и слогъ памятниковъ — Шафарикъ невольно приходитъ къ слѣдующей догадкѣ: Глаголица древнѣйшихъ болгарскихъ рукописей довольно близко достигаетъ вѣка появленія Кириллицы, но никакъ не превышаетъ его. Произошла она изъ невѣдомыхъ причинъ и начатковъ трудомъ какого-то тихаго ревнителя реформатора — гдѣ-нибудь въ глуби юго-Славянства, въ Македоніи или Иллиріи. По скоромъ упадкѣ здѣсь она переселилась въ Хорваты, древнѣйшую область глагольскихъ письменъ — и была воздѣлываема здѣсь независимо отъ первичныхъ образцовъ. Глагольскія начертанія, какъ они являются намъ въ древнѣйшихъ памятникахъ — кажется, устроены по образцу Кирилловскому, хотя большинство знаковъ и не было просто вымыслено, но заимствовано изъ какой-то старшей и простѣйшей славянской азбуки, именно — хорватской. Такъ думалъ Шафарикъ въ 1852 — 3 годахъ. Въ то же время, случайно — вопросъ былъ разсмотрѣнъ и Перцомъ младшимъ ²¹⁴): онъ желалъ возобновить силу стараго преданія объ очень древнемъ происхожденіи Глаголицы, только онъ усвоилъ изобрѣтеніе ея не Іерониму, а Этику (IV стол.), славянину изъ Истріи, автору извѣстной Космографіи, о которомъ извѣстно также, что онъ изобрѣлъ письмена. Основавшись на такомъ *предположеніи*, Перцъ, конечно, долженъ былъ утверждать, что какъ два славянскіе алфавита стоятъ другъ къ другу въ такомъ отношеніи, что одинъ необходимо вышелъ изъ другого и такъ какъ Глаголица произошла за 520 л. до Кириллицы, то и «s. Cyrillum ex Glagolita litteras desumpsisse concedendum erit». Впрочемъ, въ продолженіе долгой жизни Глаголица сообразно нуждамъ пополнялась и исправлялась: этимъ объ-

ясняется разнообразіе въ числѣ и формахъ глагольскихъ начертаній. Греческая Кириллица заключаетъ это стремленіе къ эмендаціи въ славянскихъ письменахъ ²¹⁵). Основанное на чистомъ предположеніи, доказываемое предположеніями же и догадками—мнѣніе Перца очевидно имѣетъ и цѣну не выше остроумнаго предположенія.

213) Сначала въ ст. «Pohled na prvověk hlaholského písemnictví» въ Časopis česk. Musea 1852, II, str. 81—108 и III, str. 64—80; потомъ во Введеніи къ изданію «Památky hlaholského písemnictví» Pr. 1853, 8°, s. LX и 100 текстовъ; русскій переводъ «Введенія» къ послѣднему изданію былъ сдѣланъ о. Войтковскимъ въ Журн. Минист. Нар. Просв. 1855, № 7, стр. 32—74; № 8, с. 75—122; русское исчерпывающее изложеніе мнѣнія Шафарика сдѣлано И. И. Срезневскимъ въ Извѣстіяхъ II Отд. Ак. Наукъ, т. I, ст. 367—389, и въ книгѣ «Исслѣдованія и замѣчанія о древнихъ памятникахъ старославянской литературы». Спб. 1856, с. 55—86.

214) K. A. F. Pertz: De Cosmographia Ethici libri tres. Der. 1853, стр. 156—179.

215) Ibidem, стр. 180—184, глава: «Alphabetum Glagoliticum et Cyrillianum quomodo inter se cohaereant explicatur».

78. Въ 1855 году наука обогатилась замѣчательнымъ трудомъ проф. О. М. Бодянскаго: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» ²¹⁶), трудомъ—представляющимъ новыи критическій пересмотръ всѣхъ данныхъ и мнѣній ученыхъ о годѣ, когда случилось изобрѣтеніе св. Кирилла. Принимая—не колеблясь—Кириллицу за изобрѣтеніе св. Кирилла, Бодянскій тѣмъ самымъ сдѣлалъ для себя вопросъ о Глаголицѣ и отношеніяхъ ея къ Кириллицѣ—вопросомъ второстепеннымъ. Тѣмъ не менѣе въ его книгѣ собрано и критически освѣщено столько разнороднаго, сюда относящагося матеріала, свѣдѣній и замѣтокъ, столько любопытныхъ историко-литературныхъ и библиографическихъ указаній, что за нею и въ исторіи нашего вопроса нельзя не признать очень важнаго значенія, хотя бы она и уклонялась отъ положительныхъ рѣшеній.

216) Москва, 1855, 8^о стр. III—5 неп.—381—CXV. Трудъ бенедиктинской учености. Къ сожалѣнію онъ встрѣтилъ въ текущей ученой критикѣ только одинъ—единственный ученый отзывъ И. И. Срезневскаго, да и тотъ офиціальныи, очень краткій. См. «Двадцать пятое Присужденіе учрежд. Демидовымъ награды». Спб. 1856, с. 65—9.

79. Въ концѣ 1855 года произошло открытіе, имѣвшее сильное вліяніе на дальнѣйшую разработку предмета и мнѣнія о немъ ученыхъ,— я разумѣю открытіе пражскихъ глагольскихъ отрывковъ, найденныхъ Гёфлеромъ въ библіотекѣ пражской митрополичьей капитулы въ переплетѣ латинской рукописи XI столѣтія. Отрывки были богослужебнаго характера (свѣтильны, антифоны и сѣдальны) и въ сущности замѣчательнѣе иныхъ, въ ту пору извѣстныхъ памятниковъ глагольской письменности развѣ только тѣмъ, что носили на себѣ оттѣнокъ русскаго нарѣчія, но открытіе ихъ сообщило движеніе «глагольскому вопросу». Еще до выхода въ свѣтъ полнаго изданія ихъ — проф. Бодянский напечаталъ статью: «новыя открытія въ области Глаголицы» ²¹⁷⁾, гдѣ, обозрѣвъ кратко исторію вопроса, онъ извѣщалъ о пражскомъ открытіи, подробно излагалъ результаты путевыхъ открытій въ области Глаголицы Ивана Кукулевича — Сакцинскаго и разсуждалъ о значеніи пражскихъ отрывковъ для уясненія «православія у Чеховъ». Относительно древности Глаголицы — онъ никомъ образомъ и ни по чему не соглашался, пока, на старшинство ея предъ Кириллицей, охотно, впрочемъ, относя появленіе ихъ обѣихъ къ одному вѣку. «Пражскіе отрывки» скорѣ появились въ свѣтъ съ историческими, палеографическими и лингвистическими объясненіями Гёфлера и Шафарика ²¹⁸⁾. Послѣдній относилъ ихъ ко времени первыхъ ста лѣтъ по появленіи Кирилла и Меѳодія въ Моравіи, или ко времени между 862 — 950. Все — какъ видно — направлялось къ тому, чтобы окончательно усвоить Глаголицѣ древность эпохи св. Кирилла.

217) «Русскій Вѣстникъ» 1856, № 3, с. 535—569 (второго изданія).

218) «Glagolitische Fragmente» hrsg. v. Höfler und Šafařík. (Aus d. Abhandl. d. k. böhm. Gesel. der Wiss. V. Folge, X Band.), Pr. 1857, 4°, стр. 62—V таб. Текстъ «Отрывковъ» перепечатанъ съ объясненіями И. И. Срезневскимъ въ «Извѣстіяхъ II От. Акад. Наукъ, т. VI, с. 171—179, и отдѣльно подъ заглавіемъ: «Древніе глаголическіе отрывки, найденные въ Прагѣ» Спб. 1857, с. 26.

80. Выше мы видѣли, что Шафарикъ догадочно допускалъ связь Глаголицы съ неизвѣстнымъ древнимъ письмомъ. Эту связь, замѣченную впервые, если не ошибаемся, Я. Гриммомъ (— въ его рецензій Копитаровой «Глаголиты») — изслѣдовалъ д-ръ И. Ганушъ въ особомъ мемуарѣ²¹⁹). Результаты его разысканій были слѣдующіе: Глаголица и Кириллица сродны между собою не непосредственно, и ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана за подражаніе другой; ни Кириллица, ни Глаголица не дошли къ намъ въ своей первоначальной формѣ, но въ весьма позднихъ редакціяхъ; Глаголица въ своей предполагаемой первобытной формѣ стоитъ въ тѣсной связи съ *рунами*, въ Кириллицу также вошли многія руническія начертанія; наименованія славянскихъ буквъ въ большинствѣ — одинаковаго происхожденія съ наименованіемъ сѣверныхъ и другихъ рунъ и буквъ готской азбуки... Едва-ли хотя одно изъ этихъ положеній можетъ быть принято, какъ доказанное, но вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли имъ должно отказывать въ серіозномъ вниманіи, еще менѣе — можно назвать разсужденіе чешскаго археолога — неважнымъ: для рѣшенія вопроса о *первоначальномъ* происхожденіи славянскихъ письменъ имъ собраны богатые матеріалы, сравнительный палеографическій и археологическій анализъ начертаній и наименованій буквъ славянскихъ (с. 73—111) очень замѣчателенъ и по обилію данныхъ, и по многимъ мѣткимъ наблюденіямъ. Этимъ гадательнымъ періодомъ въ исторіи славянскихъ письменъ Ганушъ, однако — не ограничилъ своихъ изслѣдованій: занявшись — по инициативѣ Ми-

клошича—критическимъ отчетомъ о трудахъ Шафарика по Глаголицѣ, онъ вновь пересмотрѣлъ весь вопросъ и мало-по-малу склонился къ убѣжденію, что св. Кириллъ не могъ быть изобрѣтателемъ такъ наз. Кирилловскаго алфавита, но писалъ по-глагольски. Доказательства этой мысли Ганушъ развилъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: а) «Къ глагольскому вопросу» — вышеупомянутая критика изслѣдованій Шафарика ²²⁰); б) «Объ изобрѣтеніи письменъ вообще и славянскихъ въ особенности» ²²¹)—популярное изложеніе воззрѣній сочинителя на предметъ; в) «Св. Кириллъ писалъ не Кириллицей, но Глаголицей» ²²²) и наконецъ г) «Болгарскій монахъ Храбръ (IX—X вв.)—свидѣтель распространенія глагольскаго письма у Славянъ при ихъ обращеніи въ Христіанство Кирилломъ и Меодіемъ» ²²³) — весьма обширный комментарий къ тексту Храброва сказанія, гдѣ между прочимъ доказывается, что и Храбръ писалъ по-глагольски. Труды Гануша заслуживали бы вниманія большаго, чѣмъ они вызвали въ свое время: ни почтенная эрудиція, ни изыскательное остроуміе ихъ — не могутъ подлежать сомнѣнію, труды эти — *необходимы* — и надолго останутся ими — при изслѣдованіи вопроса, потому что открываютъ нѣкоторыя новыя стороны его и осматриваютъ его на прочныхъ основаніяхъ сравнительной науки Древности. Но Ганушъ не принадлежалъ къ осторожнымъ, осмотрительнымъ изслѣдователямъ: его мысль любила болѣе пути гипотезъ, догадокъ и даже мечтаній, чѣмъ трезвую дорогу законнаго наведенія и вывода. Эта-то, кажется — причина подрывала авторитетъ его изслѣдованій и ослабляла вниманіе къ нимъ.

219) «Zur slavischen Runen-Frage mit besonderer Rücksicht auf die Obotritischen Runen-Alterthümer so wie auf die Glagolica und Kyrilica». Aus d. XVIII Bd. d. Archivs für Kunde österreichischer Geschichtsquellen besonders abgedruckt (Wien, 1856), стр. 114 и таб.

220) «Zur Glagolica - Frage». Ein Referat über P. J. Šafařík's Schriften, пом. въ Slavische Bibliothek v. Miklosich und Fiedler, II Bd. W. 1858, стр. 197—232.

221) «O vynalezení pisma vŕbec a slovanského zvlášť» въ Моравскомъ календарѣ «Koleda», Brno, 1858 и позднѣе—въ Čtení poučné a zábavné. VII, Br. 1867. 29—46.

222) «Sv. Kyril nepsal kyrilsky než hlaholsky» z pojed kr. české spol. nauk, V žada, X svaz. P. 1857, 4°, str. 26.

223) «Der bulgarische «Mönch Chrabrŭ» (IX—X Jahrh.). Ein Zeuge der Verbreitung glagolischen Schriftwesens unter den Slawen bei deren Bekehrung durch die heil. Kyril und Method». W. 1859. c. 100 (Aus dem XXII. Bd. d. Archivs für Kunde oester. Geschichtsquellen). Къ литературѣ предмета слѣдуетъ здѣсь присоединить и ст. пр. Гатталы: «Mnich Chrabr. Přispěvek k objasnění původu pisma slovanského» въ Časopis českého Musea 1858, I, c. 117—129. Гаттала стремится доказать, что тропцкая рукопись Храброва сказанія не была написана первоначально глаголицей, какъ предполагалъ А. В. Горскій.

81. Въ то же самое время—на защиту той же мысли о первенствѣ Глаголицы предъ Кириллицею и принадлежности первой св. Кириллу—выступилъ дѣйствительный авторитетъ, во всеоружіи учености и во всей силѣ мысли и остроумія. Говорю о Шафарикѣ и его послѣдней книгѣ: «О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма» ²²⁴). Ясный и положительный умъ Шафарика не могъ удовлетвориться тѣми приблизительными результатами, которые вытекали изъ его предшествовавшихъ изслѣдованій; ему нужно было и рѣшеніе положительное... Перебравъ снова всѣ свидѣтельства и данныя, относящіяся къ изобрѣтенію славянской азбуки, Шафарикъ пришелъ къ слѣдующимъ неопровержимымъ—по его мнѣнію—выводамъ: «славяне до Кирилла и Меодія не имѣли никакихъ собственныхъ буквъ для писанія книгъ: руны конечно—были у нихъ, но только для счисленія, ворожбы, бирока и т. д.; Константинъ изобрѣлъ азбуку совершенно новую, т. е. состоявшую изъ новыхъ начертаній, которыя не были ни Греческія, ни Еврейскія, ни Латинскія, т. е.—изобрѣлъ Глаголицу; такъ называем. Кирилловская азбука, отличающаяся наиболѣе греческими начертаніями—ведетъ свое начало отъ Клемента, еп. Величскаго...». Каждое изъ этихъ утвержденій Шафа-

рикъ стремится подтвердить разнообразными данными историческими, палеографическими, лингвистическими (этимъ занята первая половина мемуара), не упуская изъ вида никакихъ могущихъ встрѣтиться возраженій... Вслѣдъ за симъ онъ предлагаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній касательно изобрѣтенія, распространенія глаголитскихъ письменъ и литургій, доказываетъ живую народность языка глаголитскихъ признаковъ и старѣйшинство ихъ предъ кирилловскими и ищетъ родину Глаголитизма и славянской письменности въ тѣхъ славянскихъ земляхъ, въ которыхъ жили или бывали Кириллъ и его помощники, именно—въ Македоніи, Великой Моравіи и въ частности—Панноніи (— вторая часть мемуара)... Трудъ Шафарика не изслѣдованіе, но результаты обширныхъ изслѣдованій, уже оконченныхъ и программа изслѣдованій, еще предстоящихъ впереди; онъ по этому болѣе имѣетъ сжатую форму положеній, чѣмъ подробнаго изложенія... Какъ бы ни были шатки нѣкоторые частные доводы знаменитаго ученаго (напр. филологическія доказательства паннонскаго происхожденія ст.-слав. языка), нельзя не признать, что его мемуаръ въ исторіи вопроса рѣшительно стоитъ на поворотѣ отъ старыхъ, традиціонныхъ понятій къ новымъ, болѣе опредѣленнымъ, болѣе объясняющимъ, но — конечно — еще далеко не окончательнымъ. Можно не принимать какъ многихъ замѣчаній, такъ и главныхъ выводовъ Шафарика; но не принимать ихъ ко вниманію вовсе—нельзя безъ ущерба ширинѣ изслѣдованія, а стало быть и самому стремленію открыть истину.

224) «Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus», Pr. 1858, 4°, VI+52+tab. Русскій переводъ (Шемякина) въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей, 1860, кн. IV, с. 1—66, и отдѣльно. Изложеніе—въ Извѣстіяхъ по II Отд. Академіи Наукъ, томъ VII, стр. 102—114. Здѣсь мѣсто назвать и критику на это сочиненіе, написанную г. Викторовымъ, см. «Лѣтописи русской литературы и древности», изд. Н. С. Тихонравовымъ, 1859—60, к. IV и V, стр. 66—150, 1—55. Едва ли сія пространная критика—обратитъ кого-либо изъ послѣдователей Шафарика къ прежнему вѣрованію.

82. Полнаго вниманія заслуживаетъ статья проф. Миклошича «о Глаголитизмѣ», къ сожалѣнію погребенная въ катакомбахъ галльской энциклопедіи ²²⁵). Она представляетъ ясно и критически отчетливо составленный сводъ всего добытаго наукою по «глагольскому вопросу». Самостоятельная часть ея заключается въ палеографо-лингвистическомъ разборѣ начертаній и звуковъ Глаголицы, послѣдніе — объясняются съ точки зрѣнія словинскаго паннонизма церковнаго языка. Въ отношеніи древности Глаголицы Миклошичъ — не сомнѣвается въ ея первенствѣ предъ Кириллицей и, не колеблясь (*unbedenklich*), принимаетъ св. Кирилла за изобрѣтателя первой ²²⁶).

Въ томъ же направленіи написано и замѣчательное обширное изслѣдованіе док. Ф. Рачкаго «О славянскомъ письмѣ» ²²⁷). Оно состоитъ изъ двухъ частей: въ одной разсматривается вопросъ о славянскомъ письмѣ до св. Кирилла, о рунахъ (выводы въ главномъ согласны съ выводами Гануша), въ другой — вопросъ о письмѣ св. Кирилла, каковымъ по мнѣнію автора была Глаголица. Климентъ, ученикъ Кирилла по образцу Глаголицы пополнилъ и усовершенствовалъ греч. письмо, которое принялось въ Болгаріи вмѣстѣ съ проникновениемъ греческой образованности.

225) «Glagolitisch» въ Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, hrsg. v. Ersch und Gruber, I Section, Bd. 68, L. 1859 4°, стр. 403—422, cum tabula.

226) Въ литературѣ вопроса слѣдуетъ упомянуть и о консервативной статьѣ проф. М. Гаттала: «Mein Standpunkt in der Frage über den Ursprung der slavischen Schrift», помѣщен. въ Ганушевыхъ «Kritische Blätter für Literatur und Kunst, III Bd. 1858, с. 63—68, 112—115. Держась строго историческихъ данныхъ, Гаттала не раздѣляетъ мнѣнія о кирилловомъ происхожденіи и о первенствѣ Глаголицы. Все это, по его мнѣнію — одни гипотезы.

227) Rački: Pismo slovjensko. Zag. 1861, 8°, стр. 144 и 1 таблица азбукъ.

83. Важнѣйшимъ изданіемъ послѣдняго времени по предмету глаголической письменности — былъ, безъ сомнѣнія — трудъ

И. И. Срезневскаго: «Древніе глаголическіе памятники, сравнительно съ памятниками Кириллицы»²²⁸). Книга представляетъ тексты и филологическіе разборы ихъ. Въ ней находимъ нѣсколько памятниковъ, бывшихъ неизвѣстными, полный текстъ всѣхъ дотолѣ открытыхъ глаголическихъ памятниковъ меньшей величины, а изъ большихъ значительное количество выписокъ — на сколько было возможно буква въ букву по подлиннику. Равнымъ образомъ — представлено и обозрѣніе извѣстныхъ тогда кирилловскихъ памятниковъ, въ которыхъ попадается Глаголица. Трудъ Срезневскаго имѣетъ важное значеніе сборника точно, филологически изданныхъ текстовъ (чѣмъ не могутъ похвалиться «Рамáтку» Шафарика), снабженныхъ всякими необходимыми для правильной оцѣнки ихъ объяснительными замѣчаніями. «На окончательное рѣшеніе вопроса о древности Глаголицы — говорятъ нашъ ученый съ обычною ему осторожностью — сравнительно съ древностью Кириллицы теперь еще менѣе могу рѣшиться чѣмъ прежде. Доказательства Гануша, Шафарика, Миклошича и другихъ почтенныхъ изслѣдователей, стоящихъ за древность Глаголицы, мнѣ кажутся столько же и поспѣшными, и натянутыми, сколько остроумными и хитро сведенными». Дополненія къ этому изданію находятся въ другомъ трудѣ г. Срезневскаго: «Свѣдѣнія и замѣтки о мало извѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ»²²⁹).

228) Печатались сначала въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества», т. III—V, Спб. 1861—66 и отдѣльно. Спб. 8°, с. VIII—298, въ числѣ только *ста* экземпляровъ.

229) Томъ первый: вып. I, № V, стр. 27—36; вып. II, № XV—XVII, XIX, стр. 49—81, 89—90; томъ второй: № 70—71, стр. 440—462; № 73—74, с. 490—504; № 77, с. 529—545.

84. Не подлежащее никакому сомнѣнію — древнее употребленіе на Руси Глаголицы, слѣды которой документально появляются въ русскихъ памятникахъ XI—XII в., подало И. И. Срезневскому мысль объяснить темныя, испорченныя мѣста нѣкоторыхъ русскихъ памятниковъ дурнымъ переводомъ ихъ съ гла-

голическаго подлинника ²³⁰). Такъ весьма удачно объяснены имъ хронологическія ошибки и грамматическія безсмыслицы Свято-славова договора съ Греками и Игоревою грамоты. Глаголицей же объяснялъ и проф. О. М. Бодянский хронологическую ошибку о вѣкѣ св. Кирилла и Меѳодія (7 вмѣсто 9-го) въ «Похвальномъ словѣ» имъ... Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ путемъ съ большою вѣроятностью, если не полною достовѣрностью — придется объяснить многое темное въ нашей письменности ²³¹). Не замѣченнымъ должно пройти и послѣднее мнѣніе пок. В. И. Григоровича о мѣстѣ происхожденія глаголицы ²³²). Кромѣ внутреннихъ признаковъ, обнаруживаемыхъ типомъ языка, болѣе древняго, чѣмъ въ памятникахъ Кириллицы, древнее образованіе Глаголицы можно доказать преимущественно ея начертаніями. Она возникла по мысли дать звукамъ разнородныхъ языковъ возможно соотвѣтствующее начертаніе. Слѣдственно въ такъ названной Глаголицѣ можно усматривать слѣды грамотъ разныхъ языковъ. Изъ наблюденія ея начертаній оказывается, что въ нихъ замѣтны черты рунъ, черты семитическихъ грамотъ и черты древнѣйшихъ греческихъ письменъ. Это — пазиграфія, предназначенная для многихъ языковъ и примѣненная также къ славянскому. Очевидно, что пазиграфія эта могла возникнуть въ такой странѣ, гдѣ различныя народности вслѣдствіе взаимнаго общенія вызвали потребность составить общую грамоту изъ существовавшихъ уже прежде начертаній. Такою страной могла быть Хозарія. Сюда конечно подходитъ и извѣстное сказаніе павнонскаго житія Кирилла о *рушкихъ* письменахъ... Остроумная догадка Григоровича требуетъ однако — новыхъ изысканій, и доказательствъ, потому что выражена въ чертахъ слишкомъ общихъ...

230) Ст. «Слѣды глаголицы въ X вѣкѣ» въ Извѣстіяхъ Археологич. Общества, томъ I, Спб. 1859, 4^о, с. 359—372 и та же статья въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ, томъ 7-ой, Спб. 1858, стр. 337—352. Замѣчаніе проф. Бодянскаго — въ его разборѣ сочин. П. А. Лавровскаго: «Кириллъ и Меѳодій», пом. въ Отчетѣ о 7-мъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1864, стр. 75—77.

231) Срав. также ст. О. М. Бодянского: «Московскіе глагольскіе отрывки» М. 1859, (и въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и древностей 1859, кн. I). Здѣсь между прочимъ Бодянскій дѣлаетъ слѣдующее весьма важное замѣчаніе: «глагольскіе памятники того или другого Булгарскаго нарѣчія имѣютъ Глаголицу такъ называемую круглую, болгарскую; памятниковъ же съ Глаголицей продолговатой или Хорватской по сю пору, сколько извѣстно — еще не отыскалось на Руси»... Тотъ же текстъ «московскихъ глагольскихъ отрывковъ» по возможности въ разобранномъ видѣ въ книгѣ И. И. Срезневскаго: «Древніе памятники русскаго письма и языка» стр. 218—9, въ Извѣст. II От. Ак. Н. т. X, стр. 580—1. Слѣды старой Глаголицы въ рукописяхъ—см. у Горскаго и Невоструева: Описаніе рукоп. Син. бібліотеки, т. II, 1, 1857, стр. 111; томъ II, 2, 1859, стр. 48; т. IV, 1862, с. 570.

232) «Замѣтки о Солунѣ и Корсунѣ», Одесса 1872, стр. 8—10.

85. Совершенно новая постановка вопроса о древности Кириллицы была сдѣлана И. И. Срезневскимъ ²³³). Если Константинъ философъ изобрѣлъ Кириллицу, то, какъ сынъ своего времени—онъ долженъ былъ для греческихъ начертаній ея усвоить тотъ образъ писанія, который въ его время, т. е. въ IX в. господствовалъ у Грековъ... А между тѣмъ начертанія древнѣйшихъ славянскихъ рукописей существенно иныя, чѣмъ греческихъ IX—X вѣка ²³⁴). Славянскія начертанія древнѣе греческихъ, ибо у Грековъ господствуетъ уже *скоропись*, а у славянъ *уставъ*; если же есть *скоропись*, то совсѣмъ иная, чѣмъ греческаго характера... Въ греческихъ рукописяхъ употреблялись въ IX вѣкѣ знаки надстрочные: придыханія и ударенія, но ни въ одной древней славянской рукописи до XV вѣка — нѣтъ удареній: они появляются позднѣе. Стало быть въ первоначальномъ письмѣ славянскомъ также не было удареній. Въ греческомъ письмѣ IX вѣка употреблялось довольно правильное разнообразіе знаковъ препинанія; точка, двѣ точки, разная постановка точки и разнаго рода фигурные знаки. Изъ всѣхъ знаковъ препинанія у Славянъ до XV в. употреблялась только точка, притомъ совершенно не въ

томъ смыслѣ, какъ у грековъ, а въ какомъ-то особенномъ... Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ мысли, что если не въ VI, то VII столѣтіи образовалось греческо-славянское письмо, которое существовало до IX вѣка. Когда Константинъ философъ принялся за свою Кириллицу, т. е. за особенную постановку греческихъ буквъ вмѣстѣ съ новыми буквами для славянскаго языка, то онъ взялъ то письмо, которое уже прежде господствовало у славянъ, задержанное въ своемъ развитіи привычкою... Если все это—такъ, то древность Кириллицы придется отодвинуть далеко впередъ до мнимаго ея изобрѣтателя. Нельзя не видѣть здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и косвеннаго аргумента въ пользу изобрѣтенія Кирилломъ Глаголицы!

233) Сперва въ статьѣ: «Палеографическія замѣтки», пом. въ Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ, Спб. 1860, томъ IX, стр. 161—167, потомъ, съ замѣчаніями другихъ ученыхъ, въ «Трудахъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I, М. 1871, стр. CXV—CXXII.

234) Иное мнѣніе высказано было такимъ опытнымъ палеографомъ, какъ арх. Амфилохіемъ въ его брош. «О вліяніи греческой письменности на славянскую», М. 1872, с. 3—4, отт. изъ Трудовъ 1-го Археологич. съѣзда, М. 1871, т. II, с. 860—873, впрочемъ—безъ подробныхъ доказательствъ.

86. Рядъ усилій разъяснить темное происхожденіе славянскихъ письменъ, время ихъ возникновенія и взаимныя отношенія—далеко не можетъ быть признанъ законченнымъ. *Достоверныхъ, неподлежащихъ болѣе спору или сомнѣнію положеній—очень немного, гораздо болѣе существуетъ вѣроятныхъ, или такихъ, которыя требуютъ новыхъ изслѣдованій, разысканій и доказательствъ.*

Достовернымъ можно признать только: а) связь Глаголицы съ Кириллицей, т. е. что изобрѣтателю второй была извѣстна первая, или наоборотъ, и б) весьма раннее, хотя и не широкое—распространеніе Глаголицы у славянъ русскихъ и юго-запад-

ныхъ. Остатки Глаголицы на Русѣ еще требуютъ тщательнѣйшихъ изслѣдованій.

Вѣроятными или болѣе вѣроятными, чѣмъ противоположныя — должно признать слѣдующія положенія: а) Глаголица — древнѣе той Кириллицы, какую мы имѣемъ въ письменныхъ славянскихъ памятникахъ; б) изобрѣтателемъ Глаголицы былъ св. Кириллъ Солунецъ, или по крайней мѣрѣ прямыя и косвенныя историческія свидѣтельства объ изобрѣтеніи Кирилла удобнѣе объясняются и толкуются въ смыслѣ Глаголицы, чѣмъ Кириллицы; в) *устроителемъ* Кириллицы въ ея славянскомъ видѣ былъ еп. Климентъ.

Требующими новыхъ изслѣдованій и подтвержденій являются: а) утвержденіе о связи Глаголицы съ предполагаемыми рунами, б) о хозарскомъ ея происхожденіи, и наконецъ по своей высокой важности — болѣе всего — в) мысль о связи древнихъ кирилловскихъ начертаній съ греческими VI—VII в., или объ образованіи въ это время греко-славянскаго письма. Еслибы эту, пока — гипотезу удалось доказать несомнѣнными данными, то въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи славянскихъ письменъ наступила бы новая эпоха. И доказать и отвергнуть эту догадку представляется дѣломъ для науки посильнымъ: тогда какъ для рѣшенія другихъ гипотезъ и утвержденій по данному вопросу — за исчерпаніемъ стараго — необходимъ новый, свѣжій матеріалъ, въ данной догадкѣ — въ новыхъ матеріалахъ нѣтъ недостатка. Есть средства рѣшенія вопроса, остается приложить трудъ подробнаго методическаго изслѣдованія. При этомъ, кажется, не безъ значенія будетъ бóльшая или меньшая степень независимости изслѣдователя отъ стараго, вѣками узаконеннаго преданія объ изобрѣтеніи св. Кирилломъ тѣхъ письменъ, которыя обыкновенно называются его именемъ т. е. Кирилловскими. Сила этого преданія доселѣ въ значительной степени закупаетъ изслѣдованіе и предрѣшаетъ много вопросовъ, которые безъ него были бы, конечно — рѣшаемы и рѣшены иначе.

УКАЗАТЕЛЬ.

	числа	nota	стран.
I. Общее историческое обозрѣніе . . .	1—40	1— 92	217—296
II. Систематическое обозрѣніе. Предварительныя статьи:			
А. Языкъ: древне-славянскій . . .	41—56	93—154	296—347
русскій	57—72	155—204	347—375
Б. Письмо: кириллица и глаголица .	73—86	205—234	375—393

Авраамовичъ. 271.
 Академія Наукъ, Им.п. 225. 247—8.
 Академія, Россійская. 251. 257. 370.
 Аксаковъ, К. С. 350. 351. 358.
 Алексѣевъ, Ф. [=Терновскій]. 260.
 Амвросій, арх. 238.
 Аммонъ, И. О. 236.
 Амфилохій, арх. 220. 274. 276. 311.
 334—5. 336. 392.
 Анастасевичъ. 220. 243. 244. 245.
 Аристовъ, Н. Я. 366.
 Артемьевъ. 219. 266.
 Археографическая Комиссія. 248 —
 250. 263. 270—1.
 Археографическая Экспедиція. 242.
 243. 247—8. 249.
 Археологическое Общ. (въ Спб.) Рус-
 ское, Императорское. 260 —
 261. 278;—въ Москвѣ: Им.п. Моск.
 Арх. Общ. 261.
 Архивы. 222—3. 247. 277.

Афанасьевъ - Чужбинскій 373.
 Бакмейстеръ, Т. 229. 230.
 Бандтке, С. 348.
 Бантышъ-Каменскій. 245.
 Барсовъ, Е. В. 235. 272. 275—6.
 Барсовъ, Н. П. 366.
 Барсуковъ. 221. 223. 227. 236. 243.
 249. 250. 280.
 Баузе. 229—231.
 Безсоновъ, П. А. 219. 239. 241. 268.
 Бередииковъ. 221. 247. 249. 251.
 253. 265. 266.
 Березинъ. 368—9.
 Берсеневъ, куп. 264.
 Берхъ, В. Н. 244. 245.
 Беринда, Памва. 298.
 Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. акад. 233.
 Библіотеки и кнжн. собранія др.
 Руси. 218 — 225; Б-ки югозап. и
 зап. Россіи. 233 — 4. 265. 274.

- 277; — въ слав. земляхъ. 271.
 276; — въ Германіи и Франціи
 (слав. книги и ркси.). 241. 251.
 269; — въ Англіи. 278.
- Библіотеки: Моск. Дух. Акад. 279;
 Спб. Дух. Акад. 279. 281; Имп.
 Акад. Наукъ 230. 233. 241. 263;
 Росс. Акад. 251. 263; Баузе.
 230—1; Вел. Князей Василія IV
 Ивип. и Ивана IV Вас. 223; Ви-
 ленск. публ. 264. 274; Воскресенск.
 или Новоіер. м-ря. 220—1. 242.
 243. 273 — 4. 276; Выголексин-
 ская (Олоп. г.) 275 — 6; Гильфер-
 динга. 263. 272; Демидова, П. Г.
 231; св. Димитрія Рост. 223;
 «Древлехранилища» Погодина 263.
 264. 279; Евѣмїя, іер. 223; Зве-
 нигородск. Саввина м-ря. 222.
 242. 243; Иверск. Святозерск. м.
 222; Имп. Публичная Б-ка. 233.
 263. 269. 272. 278. 279. 281;
 Іосифа Волокол. м. 220. 242. 243.
 263. 273; Имп. Казанск. унив.
 266; Калужск. м-рей и церквей
 222; Карамзина. 272; Каратаева.
 263; Кастерина. 263. 279; препод.
 Кирилла Бѣлоз. 269; Кирилло-бѣ-
 лоз. м. 220. 263. 269; Комитета
 описанія Подольск. епархіи 280;
 Котляревскаго, А. А. 280. 284;
 Лобкова, Лукашевича 263; Мат-
 вѣева, гр. 223; *музеевъ*: Румян-
 цевск. 233. 252. 253. 263; Моск.
 Публ. и Румянц. 263. 279. 281;
 Русск. Археологич. Общ. въ Спб.
 278; Церк.-археол. при Киевск.
 Дух. Ак. 263. 272. 276—7; Му-
 сина-Пушкина, гр. А. И. 231; Ни-
 кона, патр. 223; Новгор. Соф. соб.
 218. 242. 263. 268—9. 271; Нов-
 городск. церквей и м-рей. 218.
 266—7. 269; Моск. Общества Ист.
 и Древн. Рос. 233. 255; Общ.
 Любит. дух. просвѣщ., въ Москвѣ.
 263. 279; — Озерскаго. 263; Павла,
 митр. Сарск. и Подонск. 223; Па-
 триаршая (нынѣ Синод., въ Москвѣ)
 218 — 9. 225. 240. 241. 266 —
 269; 284; Пафнутія Боровскаго м.
 222. 242. 243; Пискарева, Д. В.
 263. 274; Саввантова, П. И. 284;
 Сахарова, И. П. 251. 263. 264.
 266; Сеньки (Сильвестра) Мед-
 вѣева 223—4; Св. Синода 280;
 Сокурова, куп. 263. 264; Соло-
 вецк. м-ря. 220. 261—2. 263. 278;
 Св. Софіи (соб. въ Киевѣ). 222;
 Спасскаго м. (въ Ярослав.). 221;
 Суздальск. Спасо-евѣим. м. 221;
 Типографская (въ Москвѣ) 219;
 279; Тихвинск. м-ря. 221. 265;
 Толстова, гр. О. А. 233. 242.
 251. 263; Троице-Сергіев. лавры.
 219. 278; Уварова, гр. А. С. 263.
 265—6. 281; Ундольскаго, В. М.
 263. 272 — 3; Успенск. соб. (въ
 Москвѣ). 219; Филарета Никити-
 ча, патр. 223; Хлудова, А. И. 263.
 274—5; царскія б-ки. 223; Цар-
 скаго, купца Н. Н. 251. 263. 264.
 265 — 6. 319; Черткова 231. 256;
 Чудова м-ря (въ Москвѣ) 219.
 279; Ширяева. 251; Эрмитажная
 263.
- Бллярскій, П. С. 302. 307—309.
 316. 357. 358.
- Бобровниковъ. 368. 369.
- Бодуэнъ де-Куртенэ. 335. 338. 339.
 345.
- Бодянский, проф. О. М. 256 — 7.
 265. 282. 288. 298. 317. 319.
 341. 343. 348. 351. 366. 375.
 377. 382—384. 390. 391.
- Болтинъ. 229. 230. 231.
- Боппъ. 314.
- Боричевскій, Н. П. 378.
- Брикверъ (Brückner). 338.
- Брянчаниновъ), Александръ. 270.
- Будилевичъ, А. С. 334. 335. 338. 344.
- Буслаевъ, О. П., акад. 261. 267. 282.
 284. 291—293. 316—320. 336.
 349. 350. 351. 354. 355. 357—8.
 367. 368. 372—3.

- Бутковъ. 368. 369.
 Бычковъ, А. Ѳ., ак. 221. 228. 238.
 249. 253. 259. 268. 272. 278.
 280.
 Бѣленькій. 280.
 (Бѣляевъ, И. В.) 256.
 Бѣляевъ, И. Д. 256. 258.
 Бѣтлингъ, О., ак. (Böthlingk) 345. 349.
 Варлаамъ, арх. 220. 259. 269.
 Вейнгольдъ. 320.
 Веселовскій (1-й), А. Н., ак. 291.
 Викторовъ, А. Е. 219. 222. 269.
 272. 273. 274. 277. 280. 387.
 Виндлеръ. 338.
 Владимировъ, П. В. 372. 374.
 Войтковскій, свящ. 382.
 Воскресенскій. 334. 336.
 Востоковъ, А. Х. 239. 245. 246. 251.
 252—3. 259. 264. 265. 268. 283.
 287. 290. 298. 300 — 302. 304.
 307. 309—312. 316. 347. 348.
 Второе Отдѣленіе — русск. яз. и
 слов. — Императ. Акад. Наукъ
 257—260. 348. 364. 370. 371.
 Вышнеградскій. 255. 298.
 Вяземскій, кн. 279.
 Габеленцъ 320.
 Галаховъ, А. Д. 292. 293. 295.
 Ганка, В. 309. 377.
 Ганушъ, И. (Hanuš) 375. 377. 384—
 386. 388. 389.
 Гаттала (Hattala). 328 — 330. 358.
 363. 386. 388.
 Гауптъ, Морицъ. 378.
 Гейтлеръ (Geitler). 344.
 Геннаді. 264.
 Гильдебрандтъ, П. А. 274.
 Гильфердингъ, А. Ѳ. 263. 272.
 Головацкій. 259. 280. 371. 373.
 Головачевскій. 334. 335.
 Голотузовъ. 371. 373—4.
 Голубевъ. 280.
 Горбачевскій. 366.
 Горскій, А. В. 219. 253. 386.
 Горскій и Невоструевъ. 219. 267—
 8. 334. 335. 391.
 Hofmann, C. 320.
 Грамматинъ. 247.
 Гречъ, Н. И. 245—6.
 Григоровичъ, В. И., проф. 259. 271.
 286. 298. 318 — 323. 380 — 1.
 390. 391.
 Григоровичъ, І., протоіерей. 244. 245.
 249.
 Григорьевъ, В. В. 368.
 Grimmъ, Яковъ. 300. 350. 378. 384.
 Гриммы, братья. 254.
 Гриневичъ. 256.
 Гротъ, Я. К., ак. 238. 366. 367. 368.
 373.
 Гёфлеръ (Höfler). 383. 384.
 Давыдовъ, И. И. 251—2. 349. 354.
 Даль, В. И. 364—5. 366—7. 370.
 371. 373.
 Даниловичъ. 241.
 Даниловъ, Кирша. 235.
 Даничицъ, Юрій. 339. 342—3. 345.
 Дееке. 337.
 Демидовъ, П. Г. 231.
 Дестунисъ, Г. С. 339.
 Дифенбахъ. 316.
 Діевъ. 372.
 Дмитріевъ-Петковичъ. 271.
 Дмитрюковъ. 369.
 Добнеръ, Гел. (F. Dobner). 375—376.
 377.
 Добровскій, І. 238. 298. 299—300.
 302. 304. 375—6. 377. 378. 379.
 Дубенскій. 250. 300.
 Дудикъ, Беда. 277.
 Дювернуа, А. 343.
 Евгеній (Болховитиновъ), митр. 222.
 235. 237—9. 245. 259. 260.
 Екатерина II, Имп. 227.
 Ермолаевъ, А. И. 244. 245.
 (Есиповъ, Г. В.) 285.
 Житецкій, П. М. 356. 360—2.

- Забѣлинъ, И. Е. 223.
 Закровскій, Н. 370. 371. 373.
 Зизаній, Лаврентій. 298.
 Зубарѣвъ. 222.
- И**вановскій, (библ. И. П. Б.). 236. 239.
 Ивановъ, П. 222. 223. 282. 283.
 Игнатій, преосв. 220.
 Иларій и Арсеній, іером. 219. 278.
- I**ansen. 286.
- И**зембекъ. 368.
 Калайдовичъ, К. Ѳ. 218—219. 230—1. 233. 235. 237. 239—241. 242. 244. 245. 264. 298. 302. 348. 371. 373.
 Калачовъ, Н. В. 223. 233. 249. 261.
 Калужницкій, Е. І. (Aem. Kałużniacki). 274. 277.
 Караджичъ, В. С. 340.
 Каразинъ, В. Н. 231.
 Карамзинъ, Н. М. 232—233. 272.
 Каратаевъ. 263. 280—1.
 Кастеринъ. 263.
 (Кастиліоне, гр.). 378.
 Катковъ, М. Н. 252. 350. 351. 353.
 Качевскій, М. Т. 242. 246. 298.
 Кеппенъ, П. И. (Körpen). 241. 243—4. 285. 369. 372. 374.
 Кирпичниковъ. 292.
 Клоссіусъ. 223.
 Клоцъ, гр., (Closz). 303. 378.
 Ключевскій, В. О. 273.
 Ковалевскій. 368. 369.
 Колосовъ, М. А. 334. 335. 342. 358. 359—360. 371—2. 374.
 Коль, І. П., (Kohl). 225. 227.
 Комиссія печат. грамотъ и договоровъ, состоящ. при Моск. Главн. Архивѣ Мин. И. Д. 234—236.
 Константи́нъ Костенческій (грам. XV в.). 319.
 Копитаръ, Вареоломей, (В. Kopitar). 238. 300. 302. 303 — 306. 307. 349. 350. 377. 378. 380.
- Корелкинъ. 355.
 Коркуновъ. 249.
 Костомаровъ, Н. И. 281.
 Костыговъ. 230.
 Котляревскій, А. А., проф. 255. 280. 284. 366.
 Кочубинскій, А. А., проф. 338—9. 363.
 Крафтъ. 320.
 Крижаничъ. 298. 319.
 Кругъ (Krug). 235—6.
 Крынскій. 345.
 Кубаревъ, А. М. 250.
 Кукулевичъ-Сакцинскій, Иванъ. 383.
 Куникъ, А. А., ак. (Kunik). 235—6. 244. 249. 309.
 Кунъ, А. (Kuhn). 316. 328.
 К—въ, И. = Купріановъ, И. К. 218. 264. 266—7. 268—9.
 Кушелевъ-Безбородко, гр. 288.
- Л**авдовскій. 373.
 Н. А. Л(авровскій?) 282.
 Лавровскій, Н. А., акад. 354 — 5. 362. 363.
 Лавровскій, П. А. 269. 286. 287. 336—7. 354. 355. 356. 358. 366. 390.
 Ламанскій, В. И., проф. 271. 331—3.
 Лаптевъ, И., купецъ. 286.
 Лебедевъ, С. 349. 351. 352.
 Левлеръ. 230.
 Лелевель. 241. 285.
 Леонидъ, арх. (Кавелинъ). 220 — 222. 273—4. 276.
 Лепѣхинъ, акад. 230.
 Лескинъ (Leskien) 316. 330. 334. 335. 344. 372. 374.
 Ликовъ. 220.
 Линде, С. Б. 245—6. 363. 366.
 Лобковъ. 263.
 Ломоносовъ, М. В. 350. 351.
 Luchs, Н. (=Rauter?). 287.
 Лудвигъ (A. Ludwig) 334. 335.
 Лукашевичъ, И. Я. 263.
 Лукьяновъ, П. 272.
 Любопытный, П. 270.

Лэбэ. 320.

Майковъ, А. А. 340—342. 343. 358.**Макарій** (митр. XVI в.) 224.» арх. (Булгаковъ) 218. 258.
259. 269.**Макаровъ**, М. 369. 372.**Максимовичъ**, М. А. 250. 252. 280.

349. 351—2. 355. 356. 357.

Малининъ. 334. 336.**Малиновскій**, А. О. 244. 245.**Martinof**, P. (S. J.) 269.**Маденауеръ**. 316. 337—8.**Межовъ**. 255.**Миклошичъ**, Ф. (Miklosich). 307.

308—9. 312—7. 327. 328. 337.

338. 339. 344. 345. 377. 378.

384—5. 388. 389.

Миллеръ, Г. Ф. 226. 227.

» , О. О., проф. 293—4.

Мялюковъ. 292.**Мялютинъ**, В. 227.**Михановичъ**. 335.**Морошкинъ**, М., сваяц. 337.**Мурзакевичъ**. 282.**Мусинъ-Пушкинъ**, А. И., гр. 231.**Мухановъ**, П. А. 363. 366.**Мухлинскій**, проф. 369.**Надеждинъ**. 349.**Невоструевъ**, К. И. 220. 259. 268.

273. 334. 335—6.

Некрасовъ, И. С. (проф. Новор. ун.).

293.

Неустроевъ. 227. 229.**Нивитенко**, ак. 255.**Никонъ**, патр. 221. 223.**Новиковъ**. 343.**Новиковъ**, Н. И. 228—9. 238.**Новицкій**. 366.**Норовъ**, А. С. 251. 288.**Носовичъ**. 366. 370—1. 373.**Оболенскій**, М. А., кн. 219. 241. 250.**Общество Ист. и Древн. Росс., при****Имп. Моск. унив.** 236—7. 256—7.**Общество Любит. Росс. Словесно-**
сти—(въ Москвѣ). 237. 260—1.**Озерскій**. 263.**Оленинъ**, А. Н. 233.**Орбинскій**. 339.**Павскій**, протоіер. 348—9.**Пекарскій**, ак. 227. 245.**Перевлѣскій**. 315.**(Перевощиковъ**, В. М.) 251.**Перцъ младшій** (К. А. F. Pertz).
381—2.**Петровскій**, М. П. 371. 374.**Петровъ**, Н. И. 276—7. 292—3.

» 368. 369.

Петръ Великій, Имп. 224. 225.**Пискаревъ**, Д. В. 263. 274.**Платонъ**, митроп. 227.**Погодинъ**, М. П., ак. 235. 237. 250.

263. 264. 283. 300. 355. 356—7.

366.

Полуденскій. 219.**Полѣновъ**, Д. В. 228. 259.**Пономаревъ**. 239.**Поповъ**, А. Н. 274—5. 281—2. 287.

» М. И. 270.

» Н(илъ). 225.

(Порфирьевъ, И. Я., проф.). 217. 220.

278. 294—5.

Потебня, А. А., проф. 334. 335. 344.

345. 356. 358—9. 362.

Праховъ. 281.**Прейсъ**, П. И., проф. 307. 308. 379.

380—1.

Прозоровскій, Д. И. 278.**Протопоповъ**. 365.**Прохоровъ**, В. 282. 285.**Прусикъ** (Prusik). 345.**Пыпинъ**, А. Н. 253. 259. 260. 281.

287. 295—296. 302. 325. 366—7.

Radziszewski. 233—4.**Raumer**, Rudolph. 319—320.**Рачкій** (Fr. Rački). 333. 388.**Родосскій**, А. С. 281.**Розенкамфъ**, бар. 237.**Румянцевъ**, Н. П. гр. 233 — 236.

- 237 сл., 244—246. 252. 253. 263. 264.
 Рыбниковъ. 372. 374.
- Сабининъ.** 368. 369.
 Савва, еп. 218. 269. 284. 285.
 Саввантовъ, П. И. 249. 260. 270—271.
 Сахаровъ, И. П. 220. 221. 251. 253. 263. 264. 266. 279—280. 283. 298.
 Селлий (іер. Никодимъ). 238. 239.
 Семевскій, М. И. 245.
 Сенька (въ мон. Сильвестръ) Медвѣдевъ 223—4.
 Сербиновъ. 260.
 Синодъ, Свят. 227. 228. (Смирновъ). 218. 271.
 Смирновъ-Платоновъ, св. 268.
 Смотритскій, М. 298. 299. 319.
 Снегиревъ, И. М. 218. 219. 250.
 Соколовъ, П. И. 241.
 Сокуровъ, куп. 263. 264.
 Соловьевъ, С. М., проф. 227. 372. 373.
 Сопиковъ, В. 241.
 Срезневскій, Вяч. Изм. (магистръ слав. фил.) 334. 336.
 Срезневскій, П. И. ак. 218. 232. 238. 239. 243. 245. 253. 257—261. 265. 267. 268. 271. 275. 276. 282. 284—6. 287. 292. 310—312. 316. 323—7. 329. 331. 334. 336. 337. 343. 345—7. 348. 352—5. 359. 362—3. 364. 366. 367. 368. 371. 373. 379. 380—1. 382. 383. 384. 388—392.
 Старчевскій. 235.
 Строевъ, П. М. 220. 222. 223. 227. 235—7. 240—243. 245—249. 251. 253. 255. 264. 265—6. 281.
 Строевъ, С. 251. 269.
 Субботинъ, Н. 270.
 Суровцовъ. 369. 372.
 Сухомлиновъ, М. И., ак. 258. 259. 281.
- Татищевъ, В. Н.** 224—5. 226.
 Таубертъ. 226.
 Терещенко, А. В. 235.
 Терновскій. См. Алексѣевъ.
 Тимковский, Р. 236. 237. 246. 247.
 Тихонравовъ, Н. С., ак. 223. 261. 281. 295. 387.
 Толстой, О. А., гр. 233. 240. 242—3. 244. 251. 263. 283.
 Томса, Францъ. 300.
 Тромонинъ, Корнилій (художникъ-археологъ). 282. 283. 286.
- Уваровъ, А. С., гр.** 263. 264. 266. 279. 281. 288.
 Уваровъ, С. С., гр. 247. 248.
 Ундольскій, В. М. 219. 222. 224. 241. 243. 253. 255. 256. 263. 264. 265. 266. 272—3. 279. 280. 284.
 Успенскій, О. 278.
- (Фесль). 378.
 Fiedler. 385.
 Филаретъ, еп. (Гумилевскій) 258. 259. 260.
 Фойгтъ, Адауктъ (Ad. Voigt) 375. 377.
 Фортунатовъ. 369.
- Ханыковъ, В.** 241.
 Хлудовъ, А. И. 263. 274—5.
 Хованскій. 262. 359.
 Хрущовъ, И. 220. 273.
- Царскій, И. Н., куп.** 222. 243. 251. 263. 265—6. 319.
 Циммеръ. 344.
- Челяковскій (Fr. L. Čelakovský)** 330.
 Чернышевскій, Н. Г. 365.
 Чистовичъ. 260.
- Шафарикъ (P. J. Schaffarik, Šafařík).** 302—3. 306. 307. 328. 341. 375. 377. 381—2. 383. 384. 385. 386—7. 389.
 Шаховской. 369. 372.

Шевыревъ, С. П., акад. 217. 219.
220. 250. 251. 253—6. 289. 300.	Штриттеръ. (собств. Стриттеръ). 229.
Шейковский. 373.	Шёгрень. 368.
Шелковниковъ, Ион. (художникъ). 284.	Щербатовъ, кн. 229. 230.
(Шемякинъ). 387.	
Шипраевъ. 251.	Эбель. 338.
Шлейхеръ (August v. Schleicher).
327 — 329. 330. 344. 345. 361.
367. 368.	Эрдманъ. 368.
Шлёперъ, А. Л. (Schlözer). 226—7.
228. 231.	Ягичъ, И. В., ак. (Vatroslav Jagić)
314. 317. 330—1. 333—6. 342—
3. 344. 362.
Шмеллеръ, Ан. 378.	Языковъ, Д. 231. 244. 245.
Шмидтъ, Иоганнъ 338. 344.	Яковлевъ, В. 281.
Шолфинъ. (Scholvin). 334. 335.	
Штраль, Ф. 238.	Θерапонтовъ, И. Θ. 230—1.
-

ДОПОЛНЕНІЯ.

[Библиографическое извѣстіе о книгѣ М. Семевскаго: «Историко-этнографическія замѣтки о Великихъ-Лукахъ и Великолуцкомъ уѣздѣ». Сиб. 1857].

1858.

Надняхъ попалась намъ въ руки брошюра, изданная еще въ концѣ прошлаго года г. Семевскимъ, подъ названіемъ: *Великія Луки и Великолуцкій уездъ...* Чтó бы ни говорили о старой эстетической теоріи абсолютнаго искусства, какими бы упреками ни отягощали ея память, а все же она у насъ не такъ стара, какъ обыкновенно думаютъ. Вопреки своимъ порицателямъ, она незримо присутствуетъ на русскомъ Парнасѣ и заправляетъ всѣми важнѣйшими его отправлениями. Доказательства тому на лицо. Жизнь идетъ медленно, а литература еще медленнѣе. Для нея остаются только поскребушки, которыя она выворачиваетъ наизнанку, строить во фронтъ — и выпускаетъ въ свѣтъ, какъ новинку, какъ что-то до тѣхъ поръ невиданное и неслыханное. Оттого-то и выходитъ, что между литературою и жизнью нѣтъ никакой солидарности. Онѣ идутъ по совершенно разнымъ путямъ; и если случается, что первая попадаетъ иногда на жизненную колею, то все же жизнь всегда впереди, всегда первая.

Самыя отношенія нашего общества къ литературѣ — отношенія чисто художественныя, если такъ можно выразиться. Связи живой между ними нѣтъ. Условія ли литературныя тому причиною, или общественное настроеніе — сказать трудно, только всѣ попытки къ сближенію не приносили желаемаго успѣха. Дѣйствительно, пока *серіозная* половина нашей литературы забирала справки о родѣ именъ существительныхъ въ латинскомъ языкѣ,

изящная ее половина поставила на ноги *старое доброе время*. Картина вышла рѣзкая и поразительно-справедливая. Но что же далѣе? Рѣшительно ничего. Всѣ прочли, многіе посмѣялись въ волю, очень немногіе задумались, да и то не надолго. Поди же послѣ этого, исправляй человѣчество посредствомъ повѣстей и разсказовъ! Нѣтъ, современному человѣку при его притупѣвшей чувствительности и довѣрчивости нуженъ фактъ, нужна статистика, Wahrheit ohne Dichtung. Здѣсь по крайней мѣрѣ виденъ товаръ лицомъ: кривому толку и сомнѣнію не можетъ быть мѣста, читателю остается или закрыть глаза и махнуть на все рукою, пли пережить *старое непережитое время* и выйти на *вольный* воздухъ и иную дорогу. Настоятельная нужда въ подобной статистической картинѣ старины чувствуется часъ отъ часу болѣе и болѣе. Наша историческая литература (даже печатная, а о рукописной и говорить нечего) предлагаетъ для этого уже богатые матеріалы, и въ числѣ современныхъ приращеній ее мы спѣшимъ поставить книгу г. Семевского. Незамѣчательная ни по ученому, ни по литературному достоинству, она, однакожъ, не лишена нѣкотораго значенія и интереса, потому что предлагаетъ нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ для характеристики *старого добраго времени* и связи его съ новымъ. Здѣсь въ общихъ чертахъ собирается то, что съ гораздо большими подробностями мы встрѣчаемъ въ запискахъ и мемуарахъ русскихъ людей прошлаго вѣка. Матеріалы, на которыхъ основываетъ авторъ свои замѣчанія, взяты имъ изъ старинныхъ бумагъ городского архива. При чтеніи нѣкоторыхъ страницъ этой книги, какъ живо вспомнились намъ простодушныя, но дорогія записки артиллеріи майора Данилова, и время то же, и обстановка, и нравы. Предъ нами какъ будто живая стоитъ та помѣщица вдова, у которой *воспитывался* Даниловъ и которая «какъ скоро примется свои любимыя щи съ бараниной за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положить на полъ и стануть сѣчь батожемъ немилосердно и потуда сѣкутъ, а кухарка кричитъ, пока не перестанетъ

вдова щи кушать» ¹⁾. — Всѣ рассказы Данилова о тѣхъ временахъ и нравахъ, передаваемые имъ въ простотѣ сердца и безъ задней мысли находятъ себѣ лучшій комментарий въ фактахъ, сообщаемыхъ г. Семевскимъ.

«Прочитывая челобитныя, жалобы, доносы и тяжёбныя многотомныя дѣла помѣщиковъ 1760 — 1780 годовъ (говорить онъ), грустно становится на душѣ; сердце невольно сжимается при взглядѣ на картину невѣжества, изуверства, тупоумія, поразительной жестокости, пошлаго ябедничества, и тому подобныхъ пороковъ тогдашнихъ владѣтелей крестьянъ. Чѣмъ отличался помѣщикъ отъ своего крестьянина — рѣшить трудно (?). Платьемъ и большею возможностью дѣлать всевозможныя преступленія, начиная отъ воровства и заключая явнымъ разбоемъ и убійствомъ. Право сильного было право правого. Богатство было защитой отъ наказанія. «Кто украдетъ рубль, того дають подъ судъ; а кто — тысячь двѣсти, того держать въ чести», говоритъ одна изъ знаменательныхъ старинныхъ пословицъ. Все нами сказанное основывается на фактахъ.

«Возьмемъ любую челобитную по возможности ближайшаго къ намъ времени. Богатый помѣщикъ, коллежскій ассессоръ Абрютина, по приглашенію сосѣдняго владѣльца, отставного секундъ-майора Арбузова, поѣхалъ къ нему на крестины его дочери; во время пирушки всѣ напились мертвецки, начались ссоры и драки; рѣчи брашныя полились широкимъ потокомъ, въ общемъ шумѣ буйный и пьяный капитанъ Лантевъ, по словамъ челобитной Абрютина, «сталъ ругаться и честь мою поносить, всяческими неподобными словами, употребляя то, яко бы я его отца сапога подошва, и другія (ругательства) къ поврежденію заслуженной чести моей, вредительныя слова, при всей его Арбузовой компаніи, безо всякаго резона съ моей стороны».

«Челобитная написана (продолжаетъ авторъ), и съ приложеніемъ формулярнаго списка Абрютина пошла гулять по судамъ.

¹⁾ Записки Данилова. Москва, 1842, стр. 42 — 43.

съ записками и всевозможными справками и отношеніями. А дѣлу, основанному на неподобномъ сравненіи не видать и конца¹⁾. «Но не всегда ссора между двумя *именитыми* дворянами ограничивалась бранью и болѣе или менѣе рѣзкими сравненіями²⁾; дѣло нерѣдко доходило до рукопашнаго боя, до палочныхъ ударовъ съ обѣихъ сторонъ³⁾, каково, напр., драка помѣщиковъ Савоскѣева съ Лавровымъ, до свалки слугъ съ слугами за *господъ* своихъ, до *тяжкаго* наказанія другъ друга розгами. И все это сопровождалось, какъ говорятъ ихъ же челобитныя, непотребными мерзкими словами⁴⁾. Дѣла затягивались и утолщались отъ самыхъ оригинальныхъ оправданій обвиняемаго. Такъ, въ 1763 году, нѣкто помѣщикъ Козловъ, уличенный въ побояхъ, нанесенныхъ имъ Челищеву, совершенно оправдался, опираясь на то, что противникъ его, вопреки указамъ государыни, въ челобитной употребилъ «бранныя и поносительныя на него словеса»⁵⁾. Поколотенный помѣщикъ, въ свою очередь, колотилъ другого. Григорій Савоскѣевъ, поколотившій, въ 1760 году, секундъ-майора Лаврова, въ 1765 душилъ и нещадно беретъ за волосы бургомистра городского магистрата⁶⁾. «Въ то время, когда дѣло о его дракѣ съ Лавровымъ спокойно лежитъ зану-

1) Челобитная Антона Паф. А брютина на капит. Хар. Лаптева.

2) Въ подобномъ же родѣ любопытно толстое дѣло 1700, по челобитію Василя Пущина, о безчестіи, нанесенному ему помѣщикомъ Мурашевымъ, который назвалъ Пущина *подставою*.

3) Челобитная отставнаго прапорщика Гавр. Сергѣева Савоскѣева на майора Гаврилу Макс. Лаврова и др.

4) Челобитная Гавр. Макс. Лаврова на зятя своего Гаврилу Сергѣева Савоскѣева. Также челоб. артил. капит. Ил. Иван. Великопольскаго на городничаго Вел. Лукъ, Кондрат. Осип. Максимова.

5) Челобитная сек.-майора Ѳедора Дмитр. Козлова на отстав. коллеж. ассессора Алекс. Семенов. Челищева.

6) Челобитная бургомистра Андр. Еф. Ѳедорова на Гаврилу Сергѣева Савоскѣева.

Прим. авт.

Мы нарочно оставляемъ эти подстрочныя ссылки автора на источники, чтобъ устранить всякое недовѣріе къ его словамъ, недовѣріе легко могущее возникнуть при чтеніи тѣхъ голыхъ положеній, какія онъ заблагоразсудилъ извлечь изъ архивныхъ бумагъ. По неволѣ посѣтуешь, зачѣмъ онъ не издалъ вполнѣ этихъ дорогихъ памятниковъ стараго добраго времени. (Прим. А. А. К—го).

мерованное и помѣченное подъ сукномъ; въ то время, когда Савоскѣевъ колотить одного изъ городскихъ начальниковъ и выбивается въ его домѣ всѣ оконныя стекла, извѣстный уже намъ Лавровъ, пылая злобой и отуманенный винными парами, собравъ дворовыхъ людей своихъ всего до 100 челов. (!!), съ дубьемъ и рогатиной дѣлаетъ набѣгъ на имѣніе жены Савоскѣева. Ругаетъ послѣднюю: «непотребною, и не чувствуя въ себѣ страха Божія, не почитая ее за сущую свою сосѣднюю помѣщицу, бьетъ ее по щекамъ немилосердно», приказывая челяди грабить село и бить всякаго противящагося «смертнымъ боемъ». Избитая, полунагая помѣщица бѣжитъ въ сосѣднее имѣніе версты за три, а побѣдитель, нагрузивъ нѣсколько возовъ пожитками сосѣдки, везетъ ихъ къ себѣ, какъ трофеи побѣды, присоединя къ нимъ бабъ и дѣвокъ Савоскѣевскихъ — «яко плѣненныхъ»¹⁾.

«Чѣмъ же рѣшались подобныя обыденныя событія?»

«Какой-нибудь Лавровъ поилъ и кормилъ приказныхъ, склонялъ вѣсы правосудія щедрыми подарками и дѣлалъ набѣги на другія имѣнія. Колотя помѣщиковъ и управляющихъ, онъ увозилъ съ чужихъ полей въ свои амбары сѣно, рожь, овесъ — все, что ни попадалось подъ-руку. Но намъ скажутъ: это было исключеніе; это былъ разбойникъ; мѣсто его было въ острогѣ. На это смѣю отвѣчать, опираясь на данныя, что такихъ разбойниковъ было много; или были почти всѣ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ. Въ самомъ дѣлѣ, Александръ Козловъ, Илья Великопольскій, Андрей Великопольскій, Ѳеодоръ Валуевъ, Александръ Арбузовъ, Семенъ Елагинъ, Лавровъ и многіе другіе, въ мирѣ бражничали между собою, въ ссорѣ дрались другъ съ другомъ во главѣ поголовнаго ополченія крестьянъ»²⁾.

Далѣе, рассказавъ старинное народное преданіе крестьянъ Борковского погоста, какъ десять лѣтъ лютый помѣщикъ Ѳеодоръ Лавровъ безнаказанно грабилъ сосѣда своего Василевскаго,

1) Въ Новгородск. губер. канцелярію изъ Великолуцкой провинціальной канцеляріи донесеніе 1764, 24 ноября.

2) См. подлинныя челобитныя вышеупомянутыхъ помѣщиковъ.

отбиваль у него скотъ, увозилъ рожь, хваталь и насиловаль дѣвушекъ и какъ, по народной легендѣ, судъ Божій покараль дворянина, авторъ продолжаетъ:

«Еще въ 1800 годахъ, какъ говорятъ, сынъ знаменитаго Михельсона, недоросль Григорій, проживая въ земляхъ Невельскаго уѣзда, пожалованныхъ его отцу Екатериною II, съ толпою дворовыхъ дѣлалъ набѣги на Луки. Тучей проносились по улицамъ пьяные михельсоновцы, и испуганные купцы, завидя облака пыли, поспѣшно затворяли лавки, дѣвушки и женщины торопливо скрывались по домамъ, и не было ни управы, ни суда надъ именитымъ бояриномъ».

«Подьячіе тѣснили помѣщиковъ, пользовались всякимъ предлогомъ, объѣдали и обирали ихъ. Изъ сотни бумагъ и дѣлъ, просмотрѣнныхъ нами, нашли мы только одинъ указъ канцеляріи конфискаціи «о взысканіи штрафа по 166 р. 66 к. за неправоe рѣшеніе одного дѣла и непорядочное по тому дѣлу на противность указовъ произведенное слѣдствіе; но и то опальные чиновники разными записками и объясненіями затянули отдачу взысканія и по бумагамъ не значитса, уплатили ли его», (стр. 128—37).

Читатели, вѣроятно, не посѣтуютъ на насъ за эти выписки любопытныхъ матеріаловъ изъ книги г. Семеvскаго.

Вотъ оно, это старое доброе время, старое только по числу лѣтъ, а доброе только для тѣхъ, кто привыкъ жить заднимъ числомъ и задними мыслями! И это еще не все, это только какая-нибудь едва видимая точка на широкой картинѣ стараго времени, которое не умѣло сдерживаться, имѣя на своей сторонѣ право сильнаго и права умственнаго разстройства, бѣшенства или помѣшательства. Это только половина XVIII столѣтія; а что же было впереди въ этомъ царствѣ произвола и дикихъ, несмягченныхъ образованіемъ стремленій! Какая неизмѣримая и темная даль представляется намъ при взглядѣ на старое до-петровское время! Въ жизни общественной — гибельная неурядица и безправіе, патріархальный деспотизмъ и полное отсутствіе личности;

въ нравственной жизни — сила обряда, въ литературѣ — недостатокъ здоровой пищи, постоянный секвестръ. Гдѣ же здѣсь мѣсто развитію нравственныхъ интересовъ? гдѣ инициатива въ дѣятельности? Сначала, въ первыхъ вѣкахъ нашей исторіи, какъ будто еще свѣтитъ малый огонекъ; онъ не грѣетъ, а указываетъ на возможность чего-то лучшаго иного; но чѣмъ далѣе подвигаемся мы впередъ, тѣмъ болѣе тускнѣетъ онъ. XIII-й, XIV-й, XV-й и даже XVI-й вѣка — самые темные вѣка нашей исторіи, въ которые, одинъ за другимъ, гибли старыя народныя учрежденія, могущія при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ принести добрые плоды, или, по крайней мѣрѣ, приготовить народъ къ тому, къ чему онъ оказался неготовымъ въ эпоху реформы.

По мѣрѣ того, какъ слагалось московское государство и приводилось все къ одному знаменателю, интересы русской жизни суживались, трудность ея увеличивалась: вѣче, хотя и патріархальное, но все же свободное, замѣнилось дряблымъ земскимъ соборомъ, сзываемымъ не по нуждѣ, а изъ чувства приличія, «какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, государь — это твоя воля; а наша мысль такова», говорили обыкновенно выборные, призванные на земскій соборъ¹⁾; крестьянинъ изъ вольнаго сталъ крѣпостнымъ; чудовищная централизація все отдала государству и ничего не оставила человѣку; а тутъ начались смуты, вскорѣ за тѣмъ подоспѣла реформа съ ея неизбежными крайностями — и вотъ эти мучительные роды разрѣшились дѣтищами, о которыхъ рѣчь была выше. Такова, въ нѣсколькихъ словахъ, генеалогія времени, называемаго нами старымъ добрымъ временемъ. Понятно, что только при отсутствіи твердаго историческаго метода, при полной свободѣ большого воображенія, для котораго не существуетъ историческаго факта, только при глубокой апатіи къ

1) См. «Русская Бесѣда» г. 1, кн. IV, статьи г. Аксакова объ VI т. Исторіи Соловьева, стр. 29. Почтенный авторъ при этомъ очень похвально отзывается объ этой *чисто-нравственной* силѣ. Въ самомъ дѣлѣ: какой поразительный примѣръ глубокаго смиренія!

современнымъ интересамъ — это доброе старое время можетъ еще принимать радужные оттѣнки и являться нашимъ глазамъ въ видѣ непочатаго нравственнаго капитала, элементы котораго ждуть потребленія и новыхъ потребителей. Точно, были когда-то эти элементы свѣжіе, плодотворные; но они одичали, заглохли, они состарѣлись, не будучи старыми, и оставили такъ мало плодотворнаго въ исторіи.

Отъ стараго перейдемъ къ новому: между ними должна быть преемственность и связующія нити. И въ самомъ дѣлѣ, факты, приведенные въ брошюрѣ г. Семевского, опять убѣждаютъ насъ въ этомъ, открывая не только связь и зависимость *новаго* и стараго, но и новую старину или, лучше, старую современность. Остановимся на нѣкоторыхъ ея явленіяхъ.

Говоря о незначительности народонаселенія относительно пространства Великолуцкаго уѣзда, авторъ излагаетъ русскую организацію труда и его послѣдствій въ слѣдующихъ словахъ: «Семилѣтнюю дѣвушку посылаютъ на господскую работу *въ поднаски*; восьмилѣтній мальчикъ возитъ навозъ, боронуетъ, нерѣдко работаетъ на ряду съ взрослыми. Одиннадцатилѣтній исправляетъ всѣ работы. Слѣдствія всего этого очевидны; вотъ почему наши простолюдины крайне хилы, малорослы, часто уродливы. Добавьте сюда бѣдность, неряшество великолоуцкихъ крестьянъ и вы поймете причину большой смертности между ними».

«Нечего и говорить, что грамотныхъ у насъ почти нѣтъ. Ихъ мало даже и между *дворянами*... Самая работа, при всей тяжести ея исполненія, почти не вознаграждаетъ крестьянъ»¹⁾. Далѣе слѣдуютъ цифры затраченной силы и расхода въ сравненіи съ доходомъ, получаемымъ крестьяниномъ отъ отработки полей, изъ которыхъ первый (то есть расходъ) почти всегда превышаетъ второй. Причины, конечно, должно искать не въ чемъ-либо иномъ, какъ въ экономическихъ условіяхъ быта крестьянина

1) Великія Луки, стр. 88 — 90.

и его отношеній къ помѣщику, тѣмъ болѣе, что большая часть крестьянъ, не имѣя возможности прожить до весны безъ помощи господина, всегда остаются *въ дому* у барина; и эта безвыходность положенія, какъ совершенно справедливо замѣтилъ авторъ, и есть причина вялости, лѣнности и равнодушія нашего крестьянина. Въ этомъ же, и въ другихъ тому подобныхъ обстоятельствахъ нужно искать объясненія тѣхъ явленій, которыя продиктовали автору слѣдующую вѣрную характеристику быта великолудкаго крестьянина:

«Бѣдно живутъ великолудкіе крестьяне: вездѣ нищета въ ужасномъ видѣ, вездѣ поразительное неряшество, вездѣ убійственное равнодушіе ко всему окружающему. Уходя на работу съ зарей, оставляя ее съ другой, по пословицѣ: «одна заря вгонить, а другая, выгонить», онъ не въ состояніи ни работать, ни обзаводиться хозяйствомъ, съ тупымъ безстрастіемъ говоритъ: «торопиться только блохъ искать». Страсть мужичка — вино; угнетаемый безвыходностью и безотрадностью положенія, онъ *опускается* во всѣхъ отношеніяхъ; пьетъ съ горя, чтобъ забыть пошлую дѣйствительность: голодныхъ ребятишекъ, брань и упреки жены, нѣмца-управителя, либо баринова прикащика. Первая рюмка коломъ, вторая соколомъ, а третья ужъ сама летитъ» (стр. 210 — 211). «Нѣтъ, старые годы у насъ и теперь еще несовсѣмъ минули».

Эк. С***.

«Литературный подлогъ.

Die Balalaika. Russische Volkslieder, gessammelt v. J. Altmann.
Berlin 1863».

1863.

Не великимъ уваженіемъ и авторитетомъ пользуется *мода* въ области мысли! На дѣлѣ, въ ежедневномъ практическомъ обиходѣ—почти каждый благовоспитанный человѣкъ покоряется ей безусловно, но въ то же время едва ли кто отважится серьезно

защищать разумныя основанія моды, ея, если можно такъ выразиться, *нравственность*. Такая разладица между мыслью и дѣломъ, между убѣжденіемъ и поступкомъ, свидѣтельствующая о распущенности и упадкѣ силъ общественнаго организма, конечно, не должна рассчитывать на сочувствіе грядущаго историческаго суда, но все же она имѣетъ хотя нѣкоторыя права на снисхожденіе: она обращена по преимуществу къ виѣшней сторонѣ человѣческой жизни, гдѣ нравственное начало сказывается весьма слабо, или вовсе не сказывается; притомъ же виѣшняя мода иногда такъ близко граничитъ съ естественнымъ стремленіемъ челоѣка къ изяществу и удобству, что можно осуждать развѣ только безсмысленное подчиненіе ей, но никакъ не самое понятіе въ его широкомъ значеніи. Иное дѣло *мода* въ области умственной дѣятельности, въ литературѣ, наукѣ: здѣсь она далеко не такъ безвредна, какъ въ первомъ случаѣ, и заслуживаетъ серіознаго упрека. Отвлекая челоѣка отъ строгой мысли въ сферу легкаго, готоваго рѣшенія всякихъ нравственныхъ вопросовъ, она воспитываетъ и раститъ въ немъ нравственную лѣнь и распущенность и въ конецъ уродуетъ его нравственную природу. вмѣсто того, чтобы возбудить и развитъ потребность знанія, науки, мода заглушаетъ и послѣдніе ихъ проблески, успокаивая пытливые побѣги ума на все готовымъ отвѣтомъ, легкимъ и безобиднымъ. Мы разумѣемъ здѣсь подъ именемъ умственной моды не общее направленіе мысли и умственнаго труда эпохи въ какую-нибудь одну сторону, къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ вопросамъ: такое направленіе слишкомъ важно, чтобы его называть модою; въ немъ, главнымъ образомъ, заключается умственный характеръ эпохи, и потому оно — не мода, а исторія, стоящая внѣ личнаго произвола. *Умственная мода* есть эхо этой исторіи, но эхо, въ которомъ теряется ея гармонія, гдѣ вмѣсто опредѣленнаго, яснаго звука слышенъ глухой, безсмысленный отголосокъ, повторяющій безсознательно извѣстную тему и даже не стремящійся понять и уразумѣть смыслъ ея. Таковы люди умственной и литературной моды: они не тревожатся никакими во-

просами мысли, они давно порѣшили со всѣми ими, давно создали систему, которая рѣдко кого оскорбляетъ и почти ничѣмъ не оскорбляется. Убѣжденія и стремленія (разумѣется, не въ практическомъ смыслѣ), для нихъ, фраза, *фраза* — это ихъ убѣжденіе. Весь взглядъ на жизнь у нихъ вытекаетъ не изъ потребностей ума и сердца, а изъ приличія и желанія не уронить себя, выказать свою *современность*; поэтому умственная мода готова на всевозможныя уступки, лишь бы онѣ имѣли приличную форму; иногда случается, что эти люди отстаиваютъ свои такъ называемыя убѣжденія съ энергіею и настойчивостью, достойною лучшихъ носителей, но это — голосъ оскорбленнаго самолюбія, а не оскорбленнаго убѣжденія: тревога мысли знакома имъ только по отношенію къ репутаціи, къ тому, что скажутъ другіе.

Въ нравственной экономіи общества, быть можетъ, не безъ нѣкоторой пользы проходитъ этотъ крикъ модной мысли: самая пустота его можетъ пробудить у иныхъ чувство человѣческаго достоинства, а съ нимъ — и строгость и вниманіе къ самому себѣ, и стремленіе къ нравственному и умственному самоусовершенствованію; но все же нельзя порадоваться такому униженію природы человѣка, особенно при взглядѣ на послѣдствія, какія отсюда вытекаютъ!

Между такими послѣдствіями первымъ и самымъ важнымъ мы считаемъ *литературный* или *ученый подлогъ*. Слова наши требуютъ нѣкотораго поясненія. Мы утверждаемъ связь между литературнымъ и умственнымъ модничаньемъ и литературнымъ подлогомъ, какъ между причиною и слѣдствіемъ. Дѣйствительно, только тогда возможенъ подлогъ, когда существуетъ причина его, или умышленная цѣль, которой онъ стремится достигнуть; подлогъ безъ цѣли и умысла — шутка безвредная и невинная, по крайней мѣрѣ настолько, насколько невинны и *подарки перваго апрѣля*. Какая же можетъ быть причина подлога, если не угроженіе общему модному направленію мысли; какая цѣль его — если не обманъ легковѣрія этой мысли! Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ подлогъ направленъ къ практическимъ торговымъ цѣлямъ —

онъ всегда опирается на модное расположеніе умовъ, иначе онъ будетъ непрактиченъ, не увѣнчается желаннымъ успѣхомъ. Отъ умственной и литературной моды къ литературному подлогу — одинъ шагъ: если нѣтъ честнаго обхожденія съ мыслию, то почему же должно непременно существовать честное обхожденіе съ предметомъ мысли; къ тому же впереди завидная слава новаго Колумба и вниманіе, съ нею сопряженное. При столькихъ условіяхъ къ появленію подлога—мудрено не появиться ему: потому едва-ли должно дивиться нравственной нечестности людей, рѣшающихся обманывать довѣріе публики, большинство которой, предаваясь обаянію моднаго умственнаго повѣтрія, носить всюду съ собою зародыши подлога и своею собственною особою представляетъ какъ-бы живой *подлогъ* на настоящее человѣчество. Тѣмъ не менѣе, самъ по себѣ, по отношенію къ невеликому числу людей серіозной мысли, уважающихъ науку—литературный подлогъ есть явленіе возмутительное и требуетъ протеста, хотя бы затѣмъ, *да не соблазнится единый отъ малыхъ сихъ!*

Въ такихъ видахъ мы позволяемъ себѣ довести до свѣдѣнія нашихъ читателей о новѣйшемъ литературномъ подлогѣ, подлогѣ тѣмъ болѣе странномъ, что онъ принадлежитъ литературѣ, издавна славной своею высокою честностью и солидностью. Мы желали-бы, чтобы наше слово послужило если не предостереженіемъ для легковѣрія, то по крайней мѣрѣ предостереженіемъ для тѣхъ, кто по этому явленію рѣшился бы сдѣлать праздный и опрометчивый упрекъ всей великой нѣмецкой наукѣ. Наука не имѣетъ ничего общаго съ «Балалайкой» г. Альтмана: эта послѣдняя есть полнѣйшее порожденіе умственной и литературной моды эпохи. Дѣло вотъ въ чемъ. Ходомъ ли политическихъ идей, или развитіемъ исторической науки, только славяне, и въ особенности мы, русскіе, наша исторія, литература, народный бытъ, *вошли въ моду* на Западѣ. Дѣло, въ сущности, благое и обоудополезное, а для тѣхъ изъ насъ, у кого въ ушахъ все еще звенятъ отголоски праотеческихъ доблестей, кто не чуждъ чувства народной гордости—для тѣхъ, сверхъ того, еще и весьма отрад-

ное; но обольщаться все-таки не слѣдуетъ. Самый жестокий ударъ нашей гордости наносить, въ этомъ случаѣ, то обстоятельство, что нашимъ роднымъ достояніемъ, вмѣстѣ съ серіозною наукою, завладѣла и мода и произвела послѣдствія, которыя не трудно было предвидѣть. Кромѣ безчисленныхъ вояжеровъ, увлекаемыхъ моднымъ любопытствомъ *voir le pays barbare*, въ литературѣ появилось нѣсколько привилегированныхъ уставщиковъ русской моды за границу: одни читаютъ публичныя лекціи о русской исторіи и литературѣ, другіе — съ грѣхомъ пополамъ издаютъ цѣлые журналы, посвященные Россіи, переводятъ произведенія русской литературы, третьи — просто пишутъ журнальныя статьи — и все о Россіи, русскомъ бытѣ и литературѣ. Положимъ, что извѣстный французскій славянистъ Киприанъ Роберъ, въ одной изъ своихъ статей о Россіи — довольно подробно говоритъ о великомъ русскомъ поэтѣ Тшири (Tschiri); положимъ, что другой, не менѣе знаменитый знатокъ русскаго языка и литературы, А. Больтцъ, въ своемъ переводѣ «Записокъ охотника» нашъ *овецъ* передаетъ нѣмецкимъ терминомъ *schafsschur*, т. е. *стрижка овецъ*, а въ своей лекціи о русской литературѣ съ большимъ сочувствіемъ отзывается о *гениальномъ нашемъ поэтѣ* *Федоръ Миллеръ*, *der geniale Fedor Miller*; положимъ, что найдутся безъ мѣры и числа и другія подобныя явленія моднаго знанія, но все это мелочи въ сравненіи съ «Балалайкой» Альтмана. Предметомъ для подлога Альтманъ избралъ *русскія народныя пѣсни*. На это была своя достаточная причина: съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый Гердеръ впервые обратилъ вниманіе образованнаго міра на славянскую народную поэзію, ученый и литературный интересъ къ ней постепенно увеличивался и скорѣ сдѣлался всеобщимъ: ученые искали въ ней матеріала и опоры для своихъ ученыхъ изслѣдованій, литераторы и поэты — матеріала для художественнаго наслажденія и часто — для самаго вдохновенія. Но скорѣ серіозное дѣло подпало области моды: она овладѣла имъ и опошлила его до избытой, ходячей литературной фразы. Не было путешественника, кто бы, увидавъ

двухъ-трехъ чеховъ и сербовъ, позабылъ внести въ свой дневникъ *особенное* свойство славянъ, ихъ *пѣсенность*; о литераторахъ по профессіи и говорить нечего. Стоить только вспомнить, какъ, въ видахъ угожденія модѣ на славянскую пѣсенность, извѣстный Меримѣ пустилъ въ свѣтъ свою ловкую литературную мистификацію (La Guzla), которая, въ свое время, ввела въ соблазнъ всѣхъ и даже такого геніальнаго знатока поэзіи, какимъ былъ Пушкинъ. Серіозное вниманіе къ славянской народной поэзіи, оказываемое такими учеными, какъ Гриммъ, Уландъ и др., не предотвратилъ моды на нее: люди литературной моды мало знали труды славныхъ ученыхъ германистовъ и не задавались спеціальнымъ изученіемъ предмета; ихъ вполне удовлетворяли *общіе* взгляды и характеристики. Вотъ почему и замѣчательное сочиненіе г-жи Тальви (Charakteristik der Volkslieder) и блестящія лекціи о славянской исторіи и литературѣ, читанныя Мицкевичемъ въ Парижѣ, скорѣе утвердили и усилили моду на славянскую пѣсенность, чѣмъ ослабили ее. Не умѣя надлежащимъ образомъ объяснить сущность и значеніе произведеній славянской народной поэзіи, указать приемы ея изученія, и Тальви и Мицкевичъ ограничились общими художественными характеристиками; а ни что такъ не доступно ушамъ моды, какъ легкая и пріятная характеристика, незатрудняющая мысли ничѣмъ чересчуръ серіознымъ. Пусть нашъ читатель проглядитъ курсъ Мицкевича, читанный въ сороковыхъ годахъ, и потомъ сравнитъ это съ тѣмъ, что писалъ Кипріанъ Роберъ въ пятидесятыхъ, что говоритъ о народной поэзіи славянъ извѣстный Фр. Боденштедтъ—въ шестидесятыхъ. Вездѣ все тѣ же фразы; только у Мицкевича онѣ имѣютъ и смыслъ и значеніе, а у послѣдователей онѣ лишены смысла, хотя и имѣютъ свое особое значеніе... Вездѣ — говоримъ — фразы, легкія, гладкія, конечно пустыя, но зато въ духѣ современной моды...

Дѣло, однако, не ограничилось невинными фразами: отреченіе отъ честнаго серіознаго обхожденія съ мыслию неминуюемо должно было привести и къ отреченію отъ честности въ поступкѣ.

Требовался только предлогъ, достаточное основаніе—и оно нашлось въ той матеріальной выгодѣ, какую не трудно было извлечь изъ моднаго легковѣрнаго вниманія къ славянской народности. Объяснять иными побужденіями появленіе *Балалайки* г-на Альтмана мы не имѣемъ надобности, такъ какъ относительно ея не можетъ существовать и тѣни сомнѣнія въ умышенномъ подлогѣ.

Съ перваго взгляда намъ показалось, что добраго нѣмца, собиравшаго русскія пѣсни въ стѣняхъ астраханскихъ — просто-напросто мистифировали, сообщивъ ему вмѣсто пѣсенъ всякій ригмоуанный вздоръ лакейскаго департамента, но по ближайшемъ знакомствѣ съ книгою, мы должны были отказаться отъ этой мысли. Если бы кто-нибудь изъ русскихъ и захотѣлъ подшутить надъ Альтманомъ, можно ли допустить, чтобы онъ выдумалъ не только содержаніе пѣсенъ, но всю обстановку, и большинство собственныхъ именъ, и другія грубѣйшія несообразности, о которыхъ нѣтъ и помину въ русскомъ бытѣ! Нѣтъ, русскій мистификаторъ какъ бы неопытенъ онъ ни былъ, все же бы взялъ черты изъ русскаго быта; ему нельзя отходить отъ русской почвы, иначе его подлогъ станетъ плоскою шуткой, которую разгадаетъ всякій съ перваго слова. Разсчитывать на обольщеніе и довѣріе тамъ, гдѣ нѣтъ и тѣни правдоподобія—можетъ лишь одинъ сумасшедшій. Мистификація при всемъ лживомъ ея характерѣ, имѣетъ и свою относительную правду: она по крайней мѣрѣ похожа на правду. Не такова книга Альтмана. Она исполнена такими вопіющими нелѣпостями, такой лжи, какую могъ произвести только иноземецъ-невѣжда, желающій обмануть легковѣріе своихъ соотечественниковъ. Мы не боимся наскучить нашимъ читателямъ, если сообщимъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой диковинной книгѣ.

Еще до чтенія самой книги, *оглавление* ея содержанія удивило насъ: какое богатство матеріала! Здѣсь, кромѣ родовъ произведеній, извѣстныхъ каждому изъ насъ и встрѣчаемыхъ почти во всѣхъ нашихъ сборникахъ, указываются и такія, о которыхъ

мы доселѣ не имѣли никакого понятія: таковы пѣсни въ духѣ романсовъ и балладъ, пѣсни изгнанниковъ, пѣсни о монахахъ и монахиняхъ, даже какія-то *fabellieder* и т. д.! Книгѣ предпослано предисловіе, составленное изъ тѣхъ общихъ разсужденій, о которыхъ мы говорили выше; начинаются они съ египетскихъ пирамидъ; вслѣдъ за этимъ говорится о *лихорадкѣ пѣснопѣнія* славянскихъ племенъ и т. д. Перечисленіе сборниковъ русскихъ пѣсенъ и относящихся сюда разсужденій сдѣлано, если не ошибаемся, по Сахарову, но съ нѣкоторыми весьма замѣчательными вариантами противъ этого образца. Такъ напр. къ числу письменныхъ источниковъ для изученія русской народной поэзіи отнесены и «разговоры о словесности» адмирала Шишкова и «разсужденіе о лирической поэзіи» Державина, и переводъ новогреческихъ пѣсенъ Гнѣдича, и даже статейка Штелина о балетахъ и мн. др. При этомъ объясняется, что всѣ эти сокровища почти ненаходимы и недоступны для русской публики! О своемъ собраніи Альтманъ отзывается, что онъ посвятилъ исключительно цѣлыя шесть лѣтъ этому дѣлу, записывалъ пѣсни въ различныхъ мѣстностяхъ Русской земли: въ Москвѣ, Твери, Валдаѣ, Новгородѣ, Царицынѣ, Муромѣ, Владимирѣ, Вязникахъ, Нижнемъ-Новгородѣ и во многихъ другихъ городахъ, на рѣкахъ, въ горахъ и лѣсахъ... Все собраніе потомъ увеличено нѣмецкими пособіями (*durch deutsche Hülfsmittel vergrößert*), приведено въ порядокъ подъ надзоромъ извѣстнаго Варнгагена фонъ-Энзе, рекомендовано публикѣ не менѣе извѣстнымъ Боденштедтомъ и потому является на свѣтъ Божій съ такими значительными ручательствами и залогами, что сомнѣніе въ немъ становится невозможнымъ... Бѣдные честные нѣмцы, попавшіе въ литературную ловушку! Какъ низко упадетъ вашъ литературно-славянскій авторитетъ въ тотъ день, когда недостойная продѣлка литературнаго проходимца обнаружитъ свой истинный характеръ! Вы были соучастниками въ изданіи «Балалайки», и если непрячастны дурнымъ умысламъ ея составителя, то все же, послѣ того, какъ Альтманъ нарядилъ васъ въ красный колпакъ

и выдалъ вамъ на него печатный патентъ, — кто теперь повѣрять вашимъ горячимъ статьямъ о русской литературѣ, исторіи, народномъ бытѣ!

Но, однако, могутъ сказать, что наше строгое обвиненіе въ подлогѣ требуетъ доказательствъ. Охотно приводимъ ихъ. Вся книга состоитъ изъ трехсотъ тридцати-четырехъ пѣсенъ. Мы возьмемъ только тѣ, на которыя указываетъ предисловіе, какъ на особенно цѣнныя; таковы напр. *пѣсни героическія и эпическіе отголоски*. Первая пѣсня озаглавлена *Dula*. Останавливаюсь и спрашиваю моихъ читателей: какъ вы думаете — о чемъ идетъ рѣчь? Что такое *Дула*, вещь ли какая, или лицо? По справкѣ съ календаремъ оказывается, что существуетъ имя Дула, и дѣйствительно, это герой *Дула Дуличъ*, трехъ лѣтъ отъ роду, съ русыми кудрями. Онъ оставилъ мать свою *Инну* (Inna) и отправился изъ *Мурома* вдоль по Окѣ-рѣкѣ въ темны осиновы лѣса (espenwälder) муромскіе, посмотрѣть-поглядѣть что дѣлается на широкое свѣтѣ. Увидѣлъ онъ медвѣдя — покорилъ и взялъ его за товарища, встрѣтилъ волка, потомъ орла — укротилъ ихъ и приказываетъ орлу нести всѣхъ трехъ — черезъ страны, города, бѣлыя деревни, горы, деревья и т. д. — на конецъ свѣта. Этимъ и оканчивается *первая* пѣсня. *Вторая* — *Held Maruf*, богатырь Маруѣ, опять изъ Мурома, а милая его — *бѣлая Марѣа*, — вѣроятно онъ потому и *Маруѣ*, что она *Марѣа*. Не сватался, а прямо схватилъ онъ Марѣу, «ganz als sein Besitzthum», за бѣлое тѣло, за бѣлыя ляшки (Hüften), за плечи, поцаловалъ въ обѣ щеки, трикраты перекрестилъ и: «Du bist nun mein, o Marfa; und ich, Maruf, bin dein eigen!» Далѣе, конечно, клятва по гробъ и наконецъ, объясненіе, что я-де богатырь, Маруѣ Муромецъ, всякаго своего супротивника жизни лишу, въ крохи разобью. *Третья* пѣсня — о трехъ богатырскихъ дѣлахъ Лукія (Lukjj's). Онъ совершилъ три великіе подвига: убилъ медвѣдя, убилъ волка и затѣмъ убилъ двухъ разбойниковъ. *Четвертая* пѣсня: *Warwar und Gigin*. *Варваръ*, конечно собственное имя, а Гигинъ что? Мы предоставляемъ лингвистическій разборъ этого имени Ав-

густу Болтцу: онъ же кстати занимался грамматикою русскаго языка и даже издалъ Слово о Полку Игоревѣ. Пѣсня рассказываетъ о борьбѣ этихъ героевъ, какъ Гигинъ забросилъ Варвара за облака, гдѣ онъ виситъ и понынѣ. *Пятая пѣсня*—о грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ: какъ побѣдилъ и поплѣнилъ онъ татаръ у Казани *блага* города (*блѣый* — любимое слово Альтмана) съ красивыми высокими домами, съ великолѣпными дворцами, съ золотыми замками, стройными минаретами, съ сіяющими Moskeen, съ свѣтлою стѣною и т. д. Хотѣлъ царь перейти за Волгу широкую и не было на ней моста; онъ велитъ привести сто тысячъ татаръ и бросить ихъ въ рѣку, чтобы изъ нихъ построить мостъ. Такъ перешолъ царь Иванъ Васильевичъ черезъ Волгу рѣку. Есть что-то дѣйствительно похожее на характеръ Грознаго въ этой пѣсни; но, по своему складу, по тѣмъ подробностямъ описанія, какія въ ней находятся, она рѣшительно чужда русской, да и всякой народности. *Шестая пѣсня*... Но не довольно ли? Слѣды самой плоской поддѣлки видны въ каждой пѣсни, начиная съ того, что почти всѣ, такъ называемые *эпические отголоски* употребляютъ размѣръ совершенно неизвѣстный русской народной поэзіи и взятый заимы изъ финской поэмы Калевалы, которою, какъ извѣстно, занимался Альтманъ. Имена собственныхъ лицъ, встрѣчающихся въ «Балалайкѣ»—лучшее свидѣтельство ея подложности, они—или начистую выдуманы, какъ Гигинъ, или же взяты изъ календаря; но какъ нарочно выбраны именно такія, которыя почти никогда не встрѣчаются въ нашихъ пѣсняхъ, да и рѣдко встрѣчаются въ народѣ вообще, таковы: Вуколь, Лазарь, Дула, Пиконъ, Варваръ, Маруоъ, Варулъ, Дيسانъ, Оекла Петровна, Инна и т. д. Всѣ они помѣщаются то на Волгѣ, то на Камѣ, на Окѣ, и всего чаще въ муромскихъ осиповыхъ лѣсахъ. Въ довершеніе всего *Маша играетъ на балалайкѣ*. Это уже слишкомъ для человѣка, который, какъ самъ признается, цѣлыя шесть лѣтъ исключительно собиралъ русскія пѣсни въ *сердцѣ сердца* Россіи! Гдѣ же видано, чтобы женщины играли у насъ на балалайкѣ? Мы думали, по крайней мѣрѣ, что

найдемъ нѣкоторыя лирическія пѣсни, знакомыя русскому уху: ихъ не трудно слышать въ любомъ закоулкѣ русской земли, въ любой деревнѣ или селѣ. Мы проглядѣли всѣ триста тридцать четыре пѣсни и — сознаемся откровенно — безстыдство подлога изумило насъ: между ними нѣтъ не только ни одной русской настоящей пѣсни, но нѣтъ даже и тѣни ничего русскаго, кромѣ, разумѣется, собственныхъ именъ, географическихъ и топографическихъ названій, свѣдѣнія о которыхъ легко почерпнуть изъ календаря и изъ любого нѣмецкаго учебника. Вездѣ пошлая приторная искусственность, буржуазный сентиментализмъ, воспитанный на габеръ-супѣ и бутеръ-бродахъ и совершенно чуждый не только настоящей русской пѣсни, но даже и цивилизованнымъ ея передѣлкамъ. Впрочемъ, удивляться нечему: тотъ же самый Альтманъ въ своихъ «Картинахъ Сагары» (*Bilder aus d. Sahara*) приводитъ переводы арабскихъ произведеній, *подлинникъ* которыхъ онъ яко-бы *имѣлъ случай изучать въ русскихъ монастыряхъ, около Владимира*. Арабская поэзія и русскіе монастыри!

Одно, что показалось намъ правдивымъ въ «Балалайкѣ» Альтмана, это—ея посвященіе: «*der Koniglich preussische Geheimen Commerzien-Rath Herr Abraham Oppenheim, высокосердечному покровителю искусства и литературы, и т. д.* Дѣйствительно, кому-же посвятить *коммерческое произведеніе*, какъ не *совѣтнику коммерціи, покровителю* и т. д.!

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ небольшое примѣненіе. Модное расположеніе умовъ къ славянской пѣсенности довело Альтмана до подлога. Это расположеніе не чуждо и намъ. Легко можетъ явиться и у насъ поддѣлка; но пусть примѣръ Альтмана внушитъ строгую осмотрительность всѣмъ изучающимъ народную поэзію. Русская поддѣлка не выйдетъ столь очевидно плоскою; разгадать ее будетъ труднѣе, особенно если задѣло примется человѣкъ, усвоившій себѣ духъ и складъ нашей быliny.

Котляревскій.

Изображеніе калики переходжаго въ латинской рукописи XIV вѣка.

(Письмо А. А. Котляревскаго къ И. И. Срезневскому).

1863.

Предлагая вашему вниманію миниатюрныя изображенія западнаго калики переходжаго, я далекъ отъ мысли сообщить вамъ что нибудь новое, но за отсутствіемъ изображеній собственно русскихъ каликъ, мнѣ думается, что и эти миниатюры могутъ имѣть свой интересъ, и служить нѣкоторымъ дополненіемъ къ вашему объясненію «Круты каличьей»¹⁾. Разборъ одежды русскихъ каликъ привелъ васъ къ любопытному результату, что эта *крута* не была одеждою чисто русскою, но западною,

1) Статья И. И. Срезневскаго (въ Извѣстіяхъ Имп. Археол. Общ. т. IV, в. 2, стр. 119, — 127): «Крута каличьей. Ключа и сума, лапотники, шляпа, колоколь. I — П».

обще-европейскою, потому для русскаго археолога прилагаемыя изображенія западнаго калики не лишены и своего, такъ сказать *родного*, интереса.

Не буду говорить объ археологическомъ значеніи миниатюръ: вы оцѣните его ближе и вѣрнѣ всякаго другого, но чтобы не затруднить васъ *родословіемъ* латинскаго калики, позволю себѣ войти въ нѣкоторыя библиографическія справки объ этомъ предметѣ.

Миниатюры заимствованы мною изъ сочиненія Цапперта: «*Stab und Ruthe im Mittelalter*» (W. 1852 г.). Въ первой редакціи этого сочиненія, напечатанной въ «*Sitzungsberichte der kais. akademie der Wissenschaften zu Wien*» не приложено никакихъ рисунковъ: они присоединены исключительно только къ отдѣльнымъ оттискамъ (въ числѣ 75) сочиненія. Миниатюры, по объясненію сочинителя, находятся въ рукописи XIV-го вѣка, хранящейся въ Вѣнской библіотекѣ (Codex palatinus № 2554, pag. 4).

Объясненія нѣмецкаго археолога вообще немногочисленны: онъ выбираетъ свидѣтельства памятниковъ и рѣдко входитъ въ разборъ подробностей. Такъ о нашихъ рисункахъ онъ говоритъ: «Страшники ко св. мѣстамъ украшали въ XI — XIV вѣкахъ свою одежду крестомъ. Обычай этотъ постепенно вышелъ изъ употребленія вмѣстѣ съ прекращеніемъ крестовыхъ походовъ. Паломники, возвращавшіеся съ поклоненія Святому гробу, имѣли шляпу и суму, украшенныя морскими раковинами, и въ ознаменованіе счастливо совершеннаго пути приносили *пальмы*»..... Вы позволите мнѣ, отъ лица всѣхъ, кому дороги успѣхи археологической науки, пожелать, чтобы вы сообщили публикѣ ваши собственныя заключенія о миниатюрномъ изображеніи латинскаго калики, тѣмъ болѣе, что добросовѣстность Цапперта ручается за подлинность и вѣрность изображеній, а его объясненія невольно указываютъ на необходимость болѣе подробнаго археологическаго разсмотрѣнія.

Для исторіи русскаго народнаго театра.

1. Аника-воинъ и Смерть.

1864.

Что въ жизни русскаго народа существовали зародыши своеобразныхъ драматическихъ представленій, изъ которыхъ — при иныхъ общественныхъ условіяхъ — могъ вырасти и образоваться *народный* театръ, въ этомъ нельзя болѣе сомнѣваться послѣ того, какъ исторія литературы успѣла вѣрно опредѣлить пути возникновенія и образованія народной драмы вообще. Есть нѣкоторые намеки, что эти зародыши русскаго народнаго театра существовали еще въ глубокой языческой старинѣ; есть довольно ясныя свидѣтельства о томъ, что они продолжали свое существованіе въ русскомъ бытѣ въ эпоху христіанскую; наконецъ современный народный бытъ, преимущественно праздничная сторона его: игры, забавы и нѣкоторые обряды — прямо указываютъ не только на *былое* существованіе первичныхъ элементовъ народной драмы, но и на ихъ современное живое присутствіе и значеніе въ жизни русскаго народа; но эти зародыши — такъ и остались зародышами: исключительное направленіе древне-русской литературы не допустило дальнѣйшаго ихъ развитія. Правда, въ XVII вѣкѣ у насъ появляются опыты драмы, но они не имѣютъ ничего общаго съ указанными народными основами; происхожденіе ихъ вызвано не потребностью народа, а литературнымъ обычаемъ того времени — подражать польскимъ образцамъ, содержаніе ихъ почти всегда церковное, какъ варіація на темы св. писанія; самыя *интерлюдіи*, гдѣ всего болѣе было простора народному элементу, представляли собою лишь добавочную, обходимую часть къ общему содержанію пьесы, да притомъ и число ихъ *очень ограничено*; вотъ почему съ появленіемъ свѣтской драмы, онѣ исчезаютъ безслѣдно, будучи не въ состояніи образоваться въ самостоятельную народную драму.

Масса простого народа какъ была, такъ и осталась при своихъ хороводахъ, играхъ и обрядныхъ дѣйствіяхъ; высшее го-

родское сословіе удовлетворялось свѣтскою подражательною драмою, средній классъ населенія — при отсутствіи литературныхъ потребностей и слабомъ развитіи цеховыхъ, корпоративныхъ учреждений — не имѣлъ ни охоты, ни повода, ни средствъ къ созданію своеобразной драмы; только позднѣе, съ развитіемъ промышленности, преимущественно фабричной, съ помѣщеніемъ военнаго сословія на постоянныя жительства въ казармахъ — можно замѣтить нѣкоторое стремленіе занять праздный досугъ толпы представленіемъ незатѣпливыхъ сценъ, соотвѣствующихъ вкусу и занятіямъ зрителей. Конечно, здѣсь не могло быть мѣста дальнѣйшему развитію простыхъ началъ народной драмы: съ сознаніемъ превосходства грамотнаго, образованнаго человѣка предъ *деревней*, казарменный драматургъ обратился къ источнику книжному и поставилъ его содержаніе на бѣдную, лишенную всякой декоративной обстановки, сцену своей обители. Не лишены эти произведенія и виѣшней поэтической формы и своего рода юмора; но это не вольная рѣчь и не мѣткій юморъ простолюдина, а тепличная, плоская фраза человѣка, успѣвшаго вполне войти въ нравы и интересы фабрики или казармы.

Быть можетъ съ теченіемъ времени, найдется нѣсколько подобныхъ произведеній, теперь же ихъ извѣстно только — два. *Первое* — «*Кесарь Максимиліанъ и непокорномъ сынѣ его Адольфѣ*», играется исключительно солдатами и уже по одному названію должно быть отнесено къ книжному источнику, покамѣстъ еще неуказанному исторической критикой; *второе* — «*храбромъ воинѣ Аникѣ и Смерти*». Оно предлагается здѣсь читателямъ «Рус. Архива» по списку, сдѣланному самимъ актеромъ, фабричнымъ ткачомъ Владимирской губ. и доставленному намъ Н. О. П.—имъ. Подлинникъ, писанный сплошною прозою, мы раздѣлили въ стихи и исправили правописаніе; вотъ всѣ измѣненія, какія мы себѣ позволили: въ остальномъ — текстъ представляется такъ, какъ онъ записанъ.

Представленіе «*Аника воинъ и Смерть*» — до сихъ поръ единственный образецъ *фабричной драмы* и уже по этому заслужи-

ваетъ вниманія историка литературы. Источникомъ пьесы, по всему вѣроятію, послужила лубочная картина; но сочинитель, оставивъ основное содержаніе, измѣнилъ весь тонъ и языкъ пьесы на народный ладъ (текстъ, помѣщаемый на лубочной картинкѣ, писанъ на книжномъ полународномъ, полуперковномъ языкѣ XVII в.), прибавилъ вступленіе о борьбѣ Аники съ какимъ-то Морицомъ, заимствованное несомнѣнно изъ книжнаго источника, наконецъ присоединилъ поэтическое *прощаніе* Аники. Въ цѣломъ вся пьеса представляетъ самостоятельный вариантъ преданія объ Аникѣ и въ литературномъ отношеніи стоитъ неизмѣримо выше пошлой солдатской драмы «о Кесарѣ Максимиліанѣ»: если въ первой нѣтъ драматическаго воодушевленія¹⁾, но за то нѣтъ и тѣхъ казарменныхъ остротъ, которыя обильно украшаютъ вторую. Вообще это произведеніе ближе къ русской жизни, менѣе отходитъ отъ чистаго народного источника, чѣмъ драма о Кесарѣ Максимиліанѣ. Видимая искусственность и въ общемъ построеніи пьесы и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ стихахъ и выраженіяхъ не позволяетъ отнести ее къ произведеніямъ народного творчества и прямо указываетъ на тѣсныя фабричныя стѣны, въ которыхъ сложилась она; но истинно поэтическое заключеніе, достойное лучшаго произведенія, позволяетъ думать, что и непривѣтливая жизнь русскаго фабричнаго не лишена поэтическаго чувства, которое—при иныхъ житейскихъ условіяхъ—могло бы выказаться свободнѣе, шире, полнѣе и, можетъ быть, отмѣтило бы себя въ исторіи литературы чертою художественной дѣятельности.

Въ заключеніе, еще нѣсколько словъ о самомъ Аникѣ-воинѣ. Кажется несомнѣнно, что преданіе объ Аникѣ, въ томъ видѣ, какъ оно живетъ въ современномъ народѣ, образовалось и вышло изъ двухъ, весьма различныхъ, источниковъ: основою послужило

1) Да и не странно ли будетъ требовать драматическаго движенія отъ такого простаго безыскусственнаго произведенія, какова наша драма; это качество свойственно драмѣ развитой, литературно образовавшейся!

чисто народное преданіе о смѣломъ разбойникѣ, память о которомъ еще живо сохранилась у обитателей вологодскаго края¹⁾; но съ этимъ первоначальнымъ зерномъ народъ связалъ повѣсть о борьбѣ Аники со смертью или, вѣрнѣе, «*Повѣсть о бодрости человѣческой*», весьма нерѣдко встрѣчающуюся въ нашихъ рукописяхъ XVII в.²⁾ Удалой разбойникъ, побѣжденный лишь смертью, представлялъ для народной фантазіи разительное сходство съ *храбрымъ воиномъ*, о которомъ говорить «*Повѣсть о бодрости человѣческой*»; послѣдняя еще ни словомъ не упоминаетъ имя Аники: въ ней дѣйствуетъ *нѣкій воинъ* и *смерть*, или по другой редакціи ея — *Животъ* и *Смерть*; но уже въ лубочной картинѣ, представляющей только сокращенную редакцію «повѣсти», вмѣсто неизвѣстнаго воина является Аника. Народное преданіе — можетъ быть противъ воли самого лубочнаго мастера — вторгается въ книжный источникъ и производитъ своеобразное, полу-книжное, полу-народное преданіе о борьбѣ Аники со Смертью; наконецъ изъ этого сліянія возникаютъ *стихи* объ Аникѣ³⁾, изъ которыхъ видно, что народное былевое творчество успѣло овладѣть этимъ сюжетомъ и внести его въ широкій потокъ былины о своихъ могучихъ богатыряхъ.

Оканчивая, замѣтимъ, что упоминаемый г. Фортунатовымъ обычай бросать вѣтку на могилу умершаго героя, какъ дань его памяти — принадлежитъ къ стародавнимъ русскимъ обычаямъ⁴⁾

1) См. любопытн. народн. преданія объ Аникѣ, сообщенныя г. Фортунатовымъ въ Русскомъ Архивѣ 1864 г., вып. 2-ой, стр. 228 — 9.

2) Рукоп. Публич. Библіот., по кат. гр. Толстого № 442, рукоп. гр. Уварова по кат. Царскаго № 410, рукоп. древлехр. Погодина № 1773. Повѣсть имѣетъ два различныя заглавія: «*повѣсть о бодрости человѣческой*» и «*преніе смерти съ животомъ*». См. выписки изъ повѣсти у г. Буслаева: историч. очерки народ. лит. и искусства, ч. I-я, стр. 635 — 7.

3) Они напечатаны въ «Сборникѣ русскихъ духовныхъ стиховъ г. Варенцова». Спб. 1860 г., стр. 110 — 127.

4) Сличн подобное же обыкновеніе, существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Псковской губерніи: на могилу неизвѣстнаго богатыря мимоидущіе крестьяне бросаютъ вѣтви деревьевъ, сѣно и даже траву. Это — *народныя поминки* богатырю! «Карманная книжка для любителей земледѣнія». Спб. 1848, стр. 307—9.

и стоять въ связи съ древнѣйшимъ обыкновеніемъ, по которому каждый воинъ былъ обязанъ принести извѣстное количество земли на могилу своего вождя. *А. Котляревскій.*

О храбромъ воинѣ Аникѣ и Смерти.

Аника одинъ.

«Фу, Боже мой,
Что я вижу предъ собой?
Рыцарской голосъ слышится,
А предъ собой не вижу (не видится?!)
(показывается Морицъ).

«Ты, дерзкій Морицъ,
Зачѣмъ ты въ мои заповѣдныя луга зашелъ,
Ты ходишь — гуляешь,
Самъ себя выхваляешь;
А меня, храбраго Анику-воина, похуляешь!
Или ты не знаешь, какъ у меня рука тверда,
Такъ у меня мечъ востра (sic!);
Какъ подыму свой булатный мечъ,
Свалится голова твоя долой съ плечъ...
Что ты, дерзкій Морицъ, молчишь,
А ничего не говоришь,
Или хочешь дань платить,
Или золото-серебро возами возить...»

Морицъ.

«Я тебѣ дань не стану платить
И возами золото и серебро не стану возить;
А я хочу съ тобой биться,
На вострой саблѣ расходиться
И на мечъ-кладенецъ и на вострое копье.
Ну, расходись... Вотъ я ѣду не свищу
Ну (?) поѣду — не спущу;
Вотъ я ночью мало сплю,

Вострую сабельку точу,
А Аникѣ-воину покориться не хочу...»

Аника.

«Вотъ мой мечъ,
А Морицова голова свалится долой съ плечъ».

(убиваетъ Морица).

«Вотъ я, Аника, храберъ и бодѣръ,
Нѣтъ мнѣ ни стрѣшниковъ, ни поперешниковъ
И ни спорниковъ, непокорниковъ;
Отъ духа моего останавливались облака,
Текла кровавая рѣка,
Цари царства оставляли,
Отъ меня, Аники-воина, умереть желали...
Ну, слышалъ я, какой-то (sic!) есть смерть,
И съ той стычку бы изымѣлъ (sic!)...
Что жъ ты, старая старуха,
Мякинное твоё брюхо,
Изъ-подъ винной бочки шлюха...
И какъ я тебя ударю въ високъ
Посыплется у тебя изъ.... песокъ;
Какъ я ударю въ другой,
Такъ согнешься дугой;
Какъ ударю въ третій,
Разнесетъ тебя вѣтеръ...»

Смерть показывается и говоритъ:

«Я не старая старуха
И не мякинное брюхо,
Ни сподъ винной бочки шлюха;
Не ударишь ты меня въ високъ,
Не посыплется изъ.... песокъ;
Не ударишь ты меня въ другой,
Не согнуся я дугой;

Не ударишь ты меня въ третій,
Не разнесетъ меня по чистому полю вѣтеръ...»

Аника (*жалобно*).

«О смерти, мати моя,
Дай мнѣ на три года житья!»

Смерть.

«Нѣтъ тебѣ и на годъ...»

Аника.

«Дай мнѣ хоть на три дня!»

Смерть.

«Нѣтъ тебѣ и на три часа...»

Аника.

«Дай мнѣ хоть съ друзьями проститься»!...

Смерть.

«Прощайся, да поскорѣй».

Аника.

«Прощай, востокъ, прощай западъ и югъ,
Прощай сѣверъ...

Прощай цари и короли

И всѣ могучіе богатыри;

Прощай цари и царицы

И вы, всѣ красныя дѣвицы,

Прощаюсь я съ вами сердечно,

Погибаетъ моя душа вѣчно...»

(*Смерть подкашиваетъ его, и онъ падаетъ*).

Два бібліографическіе вопроса.

1865.

I.

Если для исторіи литературныхъ понятій и направленій дан-
ной эпохи бываютъ интересны и полезны бібліографическія

справки о сочиненіяхъ, не выходившихъ никогда въ свѣтъ, задуманныхъ или почему бы то ни было не вышедшихъ изъ типографіи и извѣстныхъ только по книгопродавческимъ предувѣдомленіямъ, то едва ли не большій интересъ представляютъ разысканія о сочиненіяхъ *темнаго* происхожденія. *Opera obscurorum virorum, obscurae originis* — не рѣдкость и въ исторіи русской литературы: наша библіографія можетъ указать не малое количество сочиненій, изданныхъ лишь въ нѣсколькихъ экземплярахъ, иногда въ числѣ шести, пяти, двухъ и даже *одного*. Кто захочетъ вовсе исключить изъ науки эти явленія, повидимому, случайно возникшія и не оставившія по себѣ никакого прочнаго слѣда, тотъ поступитъ — по малой мѣрѣ — опрометчиво: не говоря уже о томъ, что подобныя произведенія иногда могутъ служить богатымъ и новымъ источникомъ для исторіи данной эпохи, и сами по себѣ они заслуживаютъ вниманія по отношенію къ причинамъ и виновникамъ своего происхожденія. Благо, если эти темныя произведенія сами указываютъ на причины и поводъ своего происхожденія; но когда они представляются круглыми сиротами, непомнящими родства, когда они попадаютъ въ руки библіографа послѣ того, какъ память о нихъ совершенно исчезла изъ живого устнаго преданія, тогда, конечно, лишь счастливый случай можетъ открыть тайну ихъ происхожденія и назначенія. Говоримъ мы это по поводу одной книги, которая недавно, по случаю, попалась намъ на глаза. Книга въ полномъ смыслѣ *темнаго происхожденія*: кому изъ библіофиловъ ни показывали мы ее, она не была извѣстна, никто не могъ положительно объяснить намъ ея происхожденія, отовсюду мы слышали лишь однѣ *впрямь* догадки. Предлагаемъ здѣсь ея описаніе въ надеждѣ, что кто-нибудь, можетъ быть авторъ ея — дастъ удовлетворительное рѣшеніе этой библіографической загадки.

Заглавіе: «*Хронологическій списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ произведеніяхъ*», безъ года и мѣста печати, въ малую восьмую долю листа, 10¹/₄ печатн. листовъ или 164 страницъ. На оборотѣ первой заглавной страницы

начинается текстъ, расположенный по таблицамъ, каждая таблица раздѣлена вдоль на пять отдѣловъ и занимаетъ 2 страницы, т. е. всю ширину разогнутой книги — словомъ, каждыя двѣ страницы текста имѣютъ календарный видъ и слѣдующія заглавія, которыя мы выписываемъ для образчика съ частью текста (стр. 50):

Время, когда жилъ сочинитель.		Кто былъ сочинитель.	Какіе литературные труды его.	Библиографическія замѣчанія объ упоминаемыхъ здѣсь сочиненіяхъ.
Годъ рожденія.	Годъ смерти.			
1702	1747	<i>*Василій Григоровичъ</i> , русской путешественникъ, проведшій 24 года въ странствованіяхъ по Востоку.	Пѣшеходца В. Григоровича путешествіе ко св. мѣстамъ съ 1723 по 1747 годъ.	Это сочиненіе ходило по Малороссіи въ рукописи до 1778 года. Князь Потемкинъ поручилъ Рубану напечатать его, который и издалъ книгу въ листъ.
1686	1750	<i>Василій Татищевъ</i> , Астраханскій Губернаторъ, Оберъ-Церемоніймейстеръ и Генералъ - Бергамт-мейстеръ.	1) Россійская исторія въ 4-хъ частяхъ до 1462 года. 2) Атласъ Сибири на 20 листахъ. 3) Историческ. русско-лексиконъ до буквы .Л. 4) Примѣчанія на Русскую Правду и Судебникъ.	1) Напечатана при Екатеринѣ II исторіографомъ Миллеромъ, который много исключилъ вольныхъ сужденій автора. 2) Изданъ въ 1745 г. Академіей Наукъ. 3) Напечатанъ особую книгою. 4) Примѣчанія сіи съ Русскою Правдою и Судебникомъ по его списку напечатаны въ 1 части продолженія Древней Россійской Вивлюеики.

Книга оканчивается сочинителемъ (Петромъ Соколовымъ), скончавшимся въ 1835, но на оборотѣ послѣдней страницы, въ видѣ дополненія, помѣщенъ еще Николай Новиковъ, почему-то пропущенный впереди.

Книга печатана въ 1836 году, потому что въ нее не внесены сочиненія и изданія 1837 года; составлена она хотя и неточно въ строгомъ библіографическомъ смыслѣ, но съ рѣдкимъ по тому времени знаніемъ дѣла и, при томъ не дилетантомъ, а человекомъ знакомымъ съ библіотеками рукописей Москвы и Петербурга, если только свѣдѣнія, сообщаемыя имъ не почерпнуты изъ Словаря митр. Евгенія и Хронологическаго указателя г. Строева (Ж. М. Н. Пр. 1834, № 2). Нѣкоторыя свѣдѣнія о позднѣйшихъ писателяхъ средней руки любопытны и во многомъ новы. Наконецъ, остается еще замѣтить, что книга печатана шрифтомъ, совершенно одинаковымъ съ извѣстнымъ шрифтомъ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Что же это за загадка и неужели экземпляръ, лежащій передъ нами — экземпляръ единственный?

II.

Въ русской библіографіи извѣстенъ польскій переводъ «Опыта краткой исторіи русской литературы» г. Греча (Mik. Grecza—Rys historyczny literatury Rossyyskiey... pr. S. B. Linde. Warsz. 1823, 8°).

Переводъ этотъ имѣетъ гораздо большую цѣну, чѣмъ подлинникъ, потому что переводчикъ, извѣстный всему славянскому міру, Самуиль Богумиль Линде снабдилъ его своимъ обширнымъ введеніемъ, дополнительными примѣчаніями и добавленіями. Вопросъ нашъ касается именно этихъ послѣднихъ. Въ экземплярахъ, которые намъ удалось видѣть, они имѣютъ особый выходной листъ: «Dodatki do Mikołaja Grecza Rysu historyi literatury Rossyyskiéy; zebrane i tłómaczone przez S. B. Linde. Warsz. 1823, но нумерація страницъ идетъ съ 381 по 578; послѣдняя статья (VIII a) — переводъ Кеппеновскаго «Обозрѣнія источниковъ для составленія исторіи Россійской словесности»; въ оглавленіи же этихъ Добавленій, кромѣ этого, указывается еще на три статьи, не находящіяся въ самомъ текстѣ, именно: VIII b) Кеппеновскаго «Обозрѣнія источниковъ для составленія исторіи Россійской словесности».

пена «О древности и искусствѣ въ Россіи» (переводъ извѣстной нѣмецкой брошюры нашего памятнаго библиографа: *Über Alterthum und Kunst in Russland*, 1822). IX. «Дополненія и поправки». X. «Азбучный списокъ главнѣйшихъ лицъ и предметовъ».

Любопытно, а для библиографовъ — необходимо знать: были ли при книгѣ Линде помѣщены эти три послѣднія добавленія, или почему бы то ни было они остались не напечатаны. Основываясь на словахъ самого Кеппена (юбилей П. И. Кеппена. Спб., 1860, ^ф, стр. 8), брошюра его была дѣйствительно переведена Линде и напечатана при польскомъ переводѣ книги г. Греча; въ такомъ случаѣ экземпляры нами видѣнные слѣдуетъ признать дефектами; но вотъ въ «Литературѣ русской библиографіи» г. Геннади, на стр. 172, мы находимъ, что польское изданіе включаетъ въ себѣ лишь 578 стр., стало быть опять безъ трехъ послѣднихъ добавленій, а г. Геннади, вѣроятно, имѣлъ въ рукахъ экземпляръ Публичной бібліотеки.

Обращаясь съ вопросомъ о разрѣшеніи этого библиографическаго недоразумѣнія ко всѣмъ русскимъ библиографамъ и библиоманамъ, я имѣю въ виду не удовлетвореніе личнаго любопытства, а существенную пользу книжной науки, по крайней мѣрѣ однимъ темнымъ вопросомъ въ ней будетъ меньше, а историкъ литературы узнаетъ, что можно найти въ книгѣ и чего въ ней искать не должно.

А. Ктлр.

Я. К. Гротъ въ Русск. Архивѣ (годъ 3, 1865, №№ 10—11, стб. 1400—1402) въ статьѣ своей: «Отвѣтъ на библиографическій вопросъ», указалъ какъ на автора «Хронологическаго списка русскихъ сочинителей и т. д.» на П. А. Плетнева. Къ этой отвѣтной статьѣ Я. К. Грота А. А. Котляревскій сдѣлалъ, по своему обыкновенію, слѣдующую немаловажную приписку (см. тамъ же стб. 1402 — 1403):

Благодаря усердно Як. К. Грота за такое *положительное* разъясненіе нашего библиографическаго недоумѣнія, мы позво-

лимъ себѣ сдѣлать здѣсь одно, быть можетъ, не бесполезное и не лишнее предположеніе: не былъ ли замѣчательный по своему времени трудъ П. А. Плетнева изданъ *во второй разъ*? Всѣ авторскія дополненія и поправки, указанныя Я. К. Гротомъ, находятся и въ нашемъ экземплярѣ и вездѣ, при поправкахъ, на поляхъ книги отмѣчено, на какую страницу и какимъ числомъ (по счету) слѣдуетъ занести писателя, *какъ будто составитель дѣлалъ указанія для типографскаго наборщика*. Сверхъ того, когда я нынѣшнимъ лѣтомъ показалъ свой экземпляръ И. И. Срезневскому и спросилъ его, неизвѣстно ли ему чего о происхожденіи книги, онъ прямо назвалъ П. А. Плетнева ея составителемъ и прибавилъ, что и у него есть экземпляръ ея, но, *какъ кажется, въ другомъ изданіи*. За разъясненіемъ, вѣрнѣ всего обратиться къ живому источнику, и какъ при этомъ случаѣ не пожелать, чтобы П. А. Плетневъ подѣлился съ публикой тѣмъ богатымъ запасомъ своихъ литературныхъ воспоминаній, которыя, по общему отзыву людей его знающихъ, такъ правдиво берегаются его юношески-свѣжей памятью!

А. Котляревскій.

УЧЕНАЯ НОВОСТЬ.

«Древности Геродотовой Скиѣи»

(изданіе Императорской археологической комиссіи).

1866.

Если русская публика довольно хладнокровно относилась къ трудамъ Императорской археологической комиссіи, то въ этомъ, конечно, виновна не самая комиссія, а общее наше равнодушіе къ ученымъ трудамъ и предпріятіямъ, ярко обозначившееся въ исторіи русской науки послѣдняго времени: о почтенной дѣятельности комиссіи достаточно свидѣлствуютъ шесть томовъ ея *отчетовъ*, заключающіе въ себѣ не одни бѣглыя обозрѣнія разныхъ ученыхъ работъ членовъ комиссіи, но и цѣлыя специально-ученыя разысканія о предметахъ древности, находимыхъ на мѣстахъ древнихъ греческихъ поселе-

ній южной Россіи. Безспорно-важны эти обстоятельныя ученія объясненія, принадлежащія перу даровитаго академика Стефани, достойнаго преемника Кёлера, этого великаго свѣтила науки черноморскихъ древностей, великъ интересъ этихъ трудовъ комиссіи, вполнѣ оцѣненныхъ въ европейской наукѣ; но въ настоящее время едва ли не большее вниманіе привлечетъ другое, *новое* изданіе той же археологической комиссіи; оно посвящено въ высшей степени важному предмету *скиѣскихъ древностей*. Передъ нами только начало изданія, *первый* выпускъ: небольшая тетрадка текста, заключающая въ себѣ дневники раскопокъ двухъ скиѣскихъ (царскихъ) могилъ и краниологическую замѣтку акад. Бэра, и великолѣпный атласъ хромолитографическихъ изображеній вещей и череповъ, найденныхъ въ этихъ могилахъ; но уже и это начало даетъ право думать, что, наконецъ, вопросъ о загадочныхъ скиѣахъ, вопросъ, на который потрачено втунѣ столько глубокой учености и остроумія, выйдетъ изъ своего киммерійскаго мрака и займетъ опредѣленное мѣсто въ наукѣ исторической этнографіи. Едва ли кто въ этомъ отношеніи не оцѣнитъ и не отдастъ должной справедливости трудамъ комиссіи. Можетъ быть иной пожелаетъ, чтобы изображенія нѣкоторыхъ предметовъ въ послѣдующихъ выпускахъ изданія были представлены *въ очеркѣ*, при которомъ яснѣе обрисовываются детали вещи, чѣмъ въ хромолитографическомъ оттискѣ, можетъ быть нѣкоторые нетерпѣливо пожелаютъ и ученыхъ объясненій топографіи и этнографіи Скиѣи, но не все — разомъ; нельзя достойно благодарить комиссію и за то, что она даетъ; да къ тому же — сколько извѣстно — комиссіи не упустила изъ виду этихъ предметовъ и ученые трактаты о нихъ исполненные людьми талантливыми и опытными, найдутъ мѣсто въ послѣдующихъ выпускахъ изданія. Остается пожелать лишь скорѣйшаго исполненія этого. Отстранивъ преждевременныя требованія, нельзя не признать, что первый выпускъ «Древностей Геродотовой Скиѣи» по роскоши, дешевизнѣ (10 р. с.) и значенію для науки — представляетъ такое изданіе, какого напрасно мы стали бы искать не только въ русской литературѣ, но и

вообще въ европейской; — тѣмъ болѣе заслуги со стороны коммисіи, тѣмъ болѣе чести для русской науки вообще: пока у насъ возможны и исполняются подобныя предпріятія.

А. Котляревскій.

Толковый словарь живого великорусскаго языка,

В. И. Даля, 21 выпускъ.

1868.

Ровно годъ прошелъ съ той поры, какъ я—въ качествѣ секретаря Общества Любителей Россійской Словесности, излагая отчетъ о его годовой дѣятельности, коснулся въ немногихъ словахъ и трудовъ В. И. Даля по составленію Толковаго Словаря живого великорусскаго языка: «пройдетъ какой-нибудь годъ», говорилъ я тогда, «и русская наука, словесность, все общество—будутъ имѣть памятникъ, достойный величія русскаго народа, будутъ вполнѣ обладать произведеніемъ, которое составитъ предметъ нашей народной гордости»... Время исполнилось, подвигъ на пользу русскаго просвѣщенія оконченъ — и въ ожиданіи близкихъ несомнѣнныхъ плодовъ великаго дѣла — совѣстно будетъ не встрѣтить его должнымъ общественнымъ привѣтомъ и признаніемъ въ день торжественнаго годового собранія Общества Любителей Россійской Словесности: трудъ В. И. Даля вдвойнѣ близокъ и дорогъ намъ и по своему предмету и по участию Общества во внѣшнихъ судьбахъ этого произведенія.

Привѣтствуя счастливое окончаніе общепользнаго предпріятія, я не возьму на себя непосильной обязанности судьи: критика требуетъ разсмотрѣнія частныхъ, и въ настоящемъ случаѣ она мнѣ кажется столь же неумѣстной, сколь неумѣстна будетъ и похвала достоинству труда, положеннаго В. И. Далемъ на совершеніе своего дѣла; достоинство это стоитъ выше признанія: оно несомнѣнно и убѣдительно для cadaго, кто вгля-

дится и вдумается въ работу, требующую и таланта и обширной опытности и желѣзнаго, исполинскаго терпѣнія; но я желалъ бы сказать короткое слово о внутреннемъ достоинствѣ произведенія, о томъ значеніи, какое оно можетъ и должно имѣть для русской науки и російской словесности.

Словарь имѣетъ практическое назначеніе: онъ служить справочной книгой при чтеніи, къ нему обращается тотъ, кто, не владѣя обширнымъ знаніемъ языка, встрѣчаетъ непонятныя слова — въ разговорѣ ли, въ книгахъ, или въ иныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, вотъ, кажется, первая цѣль Словаря вообще и въ особенности Словаря живого, современнаго языка; но точно ли эта цѣль — первая и главная, точно ли Словарь родного языка долженъ быть прежде всего — *справочной книгой*? Да, онъ справочная книга, но не въ томъ узкомъ смыслѣ, о какомъ обыкновенно говорятъ; а въ высокомъ значеніи справочной книги исторіи народа, его характера и вообще всего, что мы называемъ дорогимъ именемъ своей народности. Тотъ никогда не пойметъ и не оцѣнитъ подвига В. И. Даля, кто къ его «Толковому Словарю» станетъ прибѣгать лишь въ случаѣ обиходной нужды, по необходимости понимать то, что случается читать или слышать: такое бѣдное значеніе выпадаетъ на долю словарю родного языка лишь тогда, когда Общество не чувствуетъ другихъ потребностей, кромѣ практическихъ и другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ будничнаго существованія: и помимо практической нужды Словарь родного языка не долженъ оставаться закрытою книгою: онъ можетъ дѣятельно участвовать въ судьбахъ народной образованности, литературы и науки.

Этой точкой зрѣнія можно опредѣлить и значеніе Толковаго Словаря г. Даля. Когда случится вамъ открыть эту книгу — отчего, несмотря на огромное большинство извѣстнаго, знакомаго — васъ увлекаетъ чтеніе ея и вы выносите и добрыя впечатлѣнія и новыя обильныя соображенія и знанія? Оттого, что въ этой работѣ вырастаетъ ваше самосознаніе: по праву наслѣдства люди пользуются готовымъ языкомъ, довольствуясь подруч-

нымъ смысломъ словъ и рѣдко заботясь привести ихъ къ ясному сознанію; но только сознавъ самого себя, свои мысли, поступки и слова, свои отношенія къ другимъ, человѣкъ достигаетъ образованія гражданина, только ставъ въ уровень съ тѣми нравственными началами, какія выработаны вѣковыми трудами народа, его дѣятельность будетъ долговѣчна и плодотворна... въ этомъ самовоспитаніи заключена цѣль жизни каждаго человѣка-гражданина и никакая, кажется, иная книга не приводитъ его къ этой цѣли вѣрнѣе и ближе, какъ Словарь родного языка: Словарь — это зеркало и вмѣстѣ съ тѣмъ истолкователь явленій жизни народа, съ которымъ насъ роднятъ и кровныя узы и высшія духовныя стремленія, здѣсь собрана наша внутренняя исторія, неподкупная и неумѣстная правда нашей жизни, потому что *слово* есть то же дѣло, только выраженное звуками. Такимъ образомъ, становя насъ лицомъ къ лицу съ народомъ и съ самимъ собою, Словарь родного языка исполняетъ великую образовательную задачу, онъ равно вліяетъ и на воспитаніе гражданина и на образованность одиночнаго человѣка. Въ послѣднемъ отношеніи я позволю себѣ одно частное указаніе. Были попытки опредѣлить количество словъ, составляющихъ обыкновенный Словарь образованнаго человѣка, оказалось, что свои мысли, желанія, потребности онъ выражаетъ средней величиной 400—500 словъ, — сравните же эту скудость съ огромнымъ богатствомъ словъ, собранныхъ въ Толковомъ Словарѣ В. И. Даля, сопоставьте 500 и даже болѣе съ двумястами двадцать тремя тысячами и убѣжденіе, что изъ Словаря каждый можетъ многому поучиться, многое и узнать и широко расширить свой, дотолѣ тѣсный, умственный кругъ, это убѣжденіе станетъ необходимостью, безупречною и непререкаемою.

Какая доля участія выпадаетъ Словарю родного языка въ отношеніи отечественной словесности — понять не трудно. Безсознательное и безотчетное употребленіе языка — неминуемо влечетъ за собою порчу, искаженія. Это не новость и не напраслина, что большинство современныхъ писателей чуждаются род-

ного языка и пишутъ на языкѣ иномъ, слабомъ и жалкомъ, похожемъ болѣе на переводъ съ чужого, чѣмъ на мощную народную рѣчь; отступленія отъ народнаго родника печально дѣйствуютъ и на внутреннія красоты произведеній: исчезаетъ живописная образность, на мѣсто ея выходятъ вялые, высиженные эпитеты и сравненія, все приторно-скучно или мертвенно, если же писатель и рѣшается прибѣгнуть къ народному языку, то дурныя литературныя привычки заставляютъ его показывать родную рѣчь — какъ диковинку: онъ забавляетъ ею публику, самъ сохраняя всегда свое высокое положеніе, приличное званію образованнаго литератора, пишущаго изящнымъ слогомъ. Такому — позволю себѣ сказать — недугу можетъ помочь лишь *изученіе* народнаго языка: «изучать надо намъ народный языкъ», говорилъ когда-то авторъ «Толковаго Словаря», «спознаться чрезъ него съ духомъ роднаго слова, и принимать или перенимать съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой. Освоившись съ упрямымъ и самобытнымъ духомъ роднаго слова, мы облагородимъ, обусловимъ и перенесемъ на родную, но болѣе тучную и воздѣланную почву все то, что стоитъ пересадки, да приурочимъ цвѣтокъ свой къ погодѣ и непогодѣ подъ открытымъ небомъ, а не къ теплицѣ».

Мысль, что пора возратить русскому литературному языку его народное достоинство, не должна быть признана несбыточною: Пушкинъ и въ этомъ отношеніи служитъ намъ поучительнымъ урокомъ: народная красота его рѣчи не есть плодъ исключительно гениальнаго его таланта, но и внимательнаго изученія; изящной словесности онъ только возвращалъ тѣ богатства, какія находилъ въ народной рѣчи, — и зная, какія сокровища народнаго языка собраны въ Толковомъ Словарѣ В. И. Даля, кто не подумаетъ — пожелаетъ, чтобъ это произведеніе стало настольною книгой для чтенія русскихъ писателей, кто усомнится, что при этомъ поблекшая проза русскаго литературнаго языка обновится въ рѣчь, полную юной красоты и могущества народной силы.

Внутренняя исторія народа состоитъ изъ двухъ различныхъ

между собою началъ: собственнаго, выработаннаго изъ своей жизни и приобрѣтеннаго путемъ заимствованія отъ другихъ народовъ. Различать эти два начала необходимо, безъ этого не будетъ понятенъ смыслъ народной исторіи, не можетъ быть правильно оцѣненъ подвигъ жизни извѣстнаго народа, его участіе въ общихъ судьбахъ человѣчества; но историческое знаніе, основанное на однихъ письменныхъ или другихъ памятникахъ — не въ состояніи положить такого различія, оно ускользаетъ отъ его вниманія и становится видимо лишь въ скромномъ трудѣ лексикографа. Вотъ историческое ученое значеніе Словаря.

Трудъ В. И. Даля исполняетъ только часть этой задачи, но часть важнѣйшую: онъ обнимаетъ только современное состояніе языка, но отсюда, отъ этой точки долженъ выходить историкъ, чтобы созидать свое художественное зданіе: степень значенія того, что прожилъ извѣстный народъ, яснѣе опредѣлится тогда, когда въ современности онъ находитъ тѣ или иные слѣды этого. Здѣсь Толковый Словарь живого великорусскаго языка представляется какъ бы внутренней современной исторіей русскаго народа и исторіей правдивой, потому что никакая иная исторія не имѣетъ той чистоты, не бываетъ чужда тѣхъ прихотливыхъ искаженій, какъ свободное, покоряющееся лишь верховному закону историческаго развитія — человѣческое слово. Представляя итогъ нашей исторіи, выводъ, до котораго дошла многовѣковая жизнь нашего народа, трудъ В. И. Даля равно драгоценъ и необходимъ и для исторіи и для изслѣдователя народности — этнографіи. Замѣните только словарное расположеніе предметнымъ — и въ его Словарѣ вы получите полное изображеніе современной жизни русскаго народа, живую картину его современнаго нравственнаго бытія и дѣятельности, его нуждъ и потребностей, его мыслей, наивныхъ вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, вы живо почувствуете и то, что ожидаетъ въ грядущемъ этотъ народъ, создавшій такой звучный языкъ, такое богатство понятій и такую могучую державу.

Кажется не будетъ нужды говорить о великомъ значеніи подвига В. И. Даля. Это подвигъ историческій — въ отношеніи родной земли, великой, но требующей — какъ выразился одинъ изъ нашихъ почтенныхъ сочленовъ — и работы великой; это подвигъ изумительный — относительно его исполнителя, почти непонятный въ наше мелкое время, эта книга, какъ говорилъ Карамзинъ, «для всякаго русскаго важная и необходимая».

Когда для нынѣ живущихъ поколѣній настанетъ время историческаго суда, — не думаю я, чтобъ этотъ судъ былъ вполне безотраденъ. Время, въ которое исполненъ такой трудъ, какъ «Толковый Словарь живого Великорусскаго языка», съ гордостью укажетъ на него и потребуетъ себѣ почетнаго мѣста въ исторіи.

А. Котляревскій.

Eine estnische Gottheit als Gast auf der Insel Rügen.

1870.

Heinrich der Lette erzählt im XXIV Cap. seiner livländischen Chronik von der Reise der beiden Missionäre Heinrich und Dietrich im nordöstlichen Estland. In der Mark Wirland gelangten sie zu einem Berge, auf welchem ein sehr schöner Wald stand. «In diesem nach Aussage der Eingebornen der grosse Gott der Osilier geboren war, welcher Tharapita heisst, und von dieser Stätte sei er nach Osilien geflogen». Weiterhin, Cap. XXX, erwähnt Heinrich der Lette wiederum zweimal dieser Gottheit der öselschen Esten und namentlich das eine Mal als einer solchen, die in Schlachten angerufen würde.

Nicht wenig Mühe verursachte den Gelehrten diese Gottheit: erst suchte man sich zu einigen über die richtige Lesart der Benennung, alsdann über ihre Bedeutung ¹⁾. Seitdem wir correkte

1) S. Inland, 1836, Nr. 22, 23, 35 und 51; Mone, Geschichte des Heidenthums in nördl. Europa. I, p. 74 sq. Ueber religiöse Vorstellungen der alten Völker in Liv- und Estland. Riga 1857 p. 109 in notis.

Abschriften der Chronik Heinrich des Letten besitzen, kann es jetzt keinem Zweifel mehr unterliegen, dass der Name Tharaphita gelesen werden muss¹⁾; ebenso ist es sicher, dass diese Gottheit nicht einheimischen, sondern scandinavischen Ursprungs ist, dass es der auf den estnischen Boden hinübergepflanzte Thôr ist²⁾; weniger sicher ist die Erklärung des zweiten Theils des Wortes phita, worin man eine Corruption der estnischen Worte awita oder abita=hilf, also Tar-awitaja=Tar, der Helfer; doch können wir dies für's Erste bei Seite lassen. Im gegenwärtigen Falle ist für uns von Wichtigkeit, einmal—die Richtigkeit der Lesart: Tharaphita und zweitens—dass diese Benennung in der That identisch ist mit Tara, dem bekannten estnischen mythologischen Donnergott. Für beide Behauptungen will ich einen neuen, meines Wissens, noch von keinem der Erklärer der estnischen Alterthümer vorgebrachten Beweis liefern. Im XIV Buche der bekannten «Historia Danica Saxonis Grammatici» finden wir eine Erzählung über die Zerstörung der slavischen Heiligthümer auf der Insel Rügen durch den dänischen Bischof Absalon. Unter den zerstörten Tempeln und Götzen wird auch der Tempel Porenut's erwähnt—natürlich Perun's, des Donnergottes der Slaven. Die Knytlinga Saga³⁾ erzählt dieselbe Begebenheit und zwar im Allgemeinen in Uebereinstimmung mit Saxo, nur dass statt des Namens Porenuts—der Namen Turupid gesetzt wird, eine aus dem slavischen unerklärbare Benennung! Selbstverständlich lässt sich an eine wirkliche Anwesenheit des estnischen Tara auf der Insel Rügen nicht einmal denken: diese Gottheit kam hin auf literärischem Wege, auf dem Wege zufälliger Combination des Geschichtserzählers, doch nicht dem des wirklichen Lebens. Ich nehme keinen Anstand den Tharaphita Heinrich des Letten mit dem Turupid der Knytlinga Saga zu identi-

1) Pabst, Heinrich u. Lettland Livl. Chronik. Reval 1867, p. 283 in notis.

2) Boeckler-Kreutzwald: Der Esten abergläubische Gebräuche. . . . Spb. 1854. p. 98—99.

3) Aus d. Mitte d. XIII Jhrh. Cap. 122.

ficiren. Dafür habe ich folgende Gründe: sowohl Saxo Grammaticus als auch Heinrich der Lette¹⁾ berichten von häufigen Zusammenstößen der dänischen Piraten mit den estnischen auf dem Meere; es darf also nicht Wunder nehmen, dass die ersten nicht bloß einmal die Gelegenheit hatten die Insel Oesel zu besuchen und hier oder auch zur See, in der Schlacht, den Schlachtruf der Esten «Tharaphita» zu hören, und dass ihnen dann auch die Bedeutung dieses heidnischen Gottes nicht fremd blieb. Vielleicht existirten bei den poetischen Dänen Erzählungen und Lieder über diese Vorfälle, in denen auch des estnischen Gottes Erwähnung gethan werden konnte. Sobald aber diese Sagen und metrische Erzählungen aus dem Munde des Volkes an den Arbeitstisch des christlichen Schriftstellers übergegangen waren, konnte dieser schon nicht mehr mit Gewissenhaftigkeit die ethnographischen Besonderheiten der Mythologie jedes einzelnen heidnischen Volkes, jeder einzelnen heidnischen Volksmythologie streng von einander absondern: die fromme christliche Weltanschauung liess die Forderungen der historisch-ethnographischen Wahrheit nicht zur Geltung kommen. Die heidnischen Gottheiten flossen in seiner Phantasie zusammen zu einer unterschiedlosen Masse von geistiger Finsterniss und Unsittlichkeit; im Gegensatz zur alleinigen Religion Christi sah er im Heidenthum der verschiedenen Völker die alleinige Religion des bösen, dämonischen Wesens. Bei einer solchen, den frommen Annalisten des Mittelalters gemeinschaftlichen Anschauung vollbrachten die heidnischen Gottheiten der verschiedenen Völker, so zu sagen, ihre literarischen Wanderungen: Germanen und Slaven bedachte man mit römischen Gottheiten, germanische Gottheiten wurden den Slaven zuertheilt. Soll man sich also noch wundern, dass der christliche Geschichtschreiber, ohne die Völker streng zu scheiden, die estnische Gottheit mitten unter Slaven, auf der Insel Rügen, ansiedelte?

1) Henricus de Lettis Chr. c. XXIII, Saxo. H. D. ed. Müller p. 848, 969, et passim.

Sei es nun, dass bei der Beschreibung der Vorgänge auf der Insel Rügen, der Name der slavischen Gottheit dem Erzähler entfallen war, oder, dass er ihn in seinen Quellen nicht vorgefunden — genug — er wusste, dass er der Gott des Donners war, unwillkürlich erinnerte er sich dabei des estnischen Turupid, der gleichfalls der Gott des Donners war; und — ohne sich viel Gewissensbisse zu machen — setzte er seinen Namen mit hinein, denn Slaven und Esten sind ja ein und dasselbe gottlose, der alten Heiden gemeinsamen Unsittlichkeit ergebene Volk!

Somit halte ich den Tharaphita Heinrich des Letten für fast zweifelsohne identisch mit dem Turupid der Knytlinga Saga und daraus ergeben sich folgende Folgerungen:

1) dass die Lesart Tharaphita bei Heinrich dem Letten — richtig ist,

2) dass diese Gottheit in der That ein estnischer Wiederhall des berühmten Namens und Bildes des scandinavischen Thôr ist, und

3) dass der slavische Porenut nur eine etymologische Variante des berühmten Namens Perun, den die Slaven «τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργόν πάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι» (Procopius de Bello Gothico, l. III. c. 14).

ARCHÄOLOGISCHE SPÄNE.

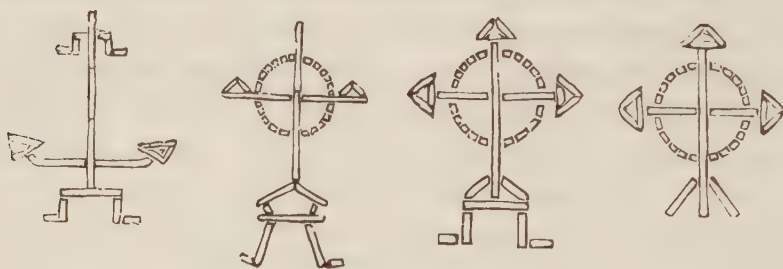
1871.

1.

Die deutschen Hausmarken mitten in Russland.

Am Jahre 1805 befand sich Graf Jegor Kankrin, der spätere Finanzminister, auf Befehl der Regierung in der Umgegend der alten Stadt (jetzt nur ein Dorf) Isborsk — zwischen Pskow und Petschora. Einige Stunden der Musse benutzte er dazu, die Trüm-

mer der alten Festung zu besichtigen, die — vermuthlich — im Jahre 1303 erbaut worden ist. Bei dieser Gelegenheit bemerkte er ein characterisches Merkmal, worüber er selbst Folgendes berichtet: «Das Merkwürdigste an der Festung Isborsk ist eine Art von Monogrammen oder Wappenschildern, die sich an der Mauer finden und unter Umständen über die Zeit ihrer Errichtung und die Namen ihrer Gründer Auskunft geben können. Sie sind aus kleinen, dünnen, aber festen Kalkplatten verfertigt, die circa 2 Zoll aus der Mauer hervorragen. Die Höhe der einzelnen Figuren beträgt circa $2\frac{1}{2}$ Arschin nach meinem Augenmaass. Die Arbeit selbst ist roh, dessenungeachtet aber sind die Figuren deutlich und haben sich sehr gut erhalten. Runde Kränze sind aus einzelnen Stücken der Kalkplatten gefertigt, die ein wenig von einander entfernt sind, während sonst die Platten näher an einander gerückt sind. Ausser diesen 4 Abbildungen findet sich sonst keine Spur davon¹⁾ [часть 29, книга 81, pag. 34—5]».

Die Erklärung dieser Abbildungen überliess Graf Kankrin Kennern der nordischen Archäologie, mit der Bemerkung jedoch, dass sie einerseits eine gewisse Aehnlichkeit mit den Runen, andererseits mit Monogrammen der Künstler besäßen. Schwerlich sind zu seiner Zeit selbst Kenner der nordischen Archäologie im Stande gewesen, die Bedeutung dieser Figuren zu entziffern.

1) Отечественныя Записки (Vaterländische Denkwürdigkeiten) 1827. Th. 29 Buch 81, pag. 34—5. Der Aufsatz ist nicht unterzeichnet, aber man weiss wohl, dass er dem Grafen Kankrin angehört.

Ebenso blieben sie unentziffert, als das statistische Comité sie neu in dem beigelegten Atlas zum ersten Bande der «Materialien zur Statistik Russlands» herausgab ¹⁾. Dunkel bleibt die eigentliche Bedeutung dieser Zeichen bis jetzt, doch *was sie sind* und *was sie bedeuten sollen*, ist nicht mehr schwer zu entscheiden. Es sind sogenannte *Steinmetzzeichen*, *Haus-* oder *Hofmarken*, die durch ganz Deutschland, ja sogar in Böhmen ²⁾, Italien, Frankreich verbreitet sind. Ohne auf ihre Bedeutung, die ausgezeichnet von Homeyer und Michelsen ³⁾ erörtert worden ist, mich näher einzulassen, will ich nur anführen, dass die Hausmarken ebenso wohl auf beweglichem wie unbeweglichem — wie Gebäuden, Mauern etc. — Eigenthum sich vorfinden und entweder nur Eigenthumszeichen sind, oder persönliche Zeichen der Baumeister, Steinmetzen, Künstler etc. — Dass solche Zeichen in Deutschland verbreitet sind, unterliegt keinem Zweifel, auch ist es glaublich, dass ihre Spuren sich auch bei slavischen Völkern vorfinden [siehe meine Notiz in Древности. Труды московскаго археологическаго общества т. I, p. 242 ssq.]. Doch kann man daran zweifeln, dass sie sich bei den Slaven, zunächst den Russen, an Gebäuden und Mauern finden; wenigstens hat man dafür gar keine Beweise oder Andeutungen — und somit müssen wir die Steinmetzzeichen an den Mauern von Isborsk vor der Hand für *fremde* — unslavische — ansehen. Woher aber stammen sie? Auf diese Frage kann man Folgendes antworten: so viel wir wissen, waren die ältesten Baumeister in Russland im XII — XIII Jahrhundert der Herkunft nach Deutsche.

1) «Матерьялы для статистики Россіи», 1839. Die dort dargestellten Abbildungen weichen etwas von den unsrigen ab, doch unbedeutend.

2) Was böhmische Steinmetzzeichen anbetrifft, so siehe: Wocel: Pravěk zeme české. Pr. 1868, p. 207 sq. und Legis Glückselig: Illustrierte Chronik von Böhmen, II, 1862, p. 41—4. Die Vermuthung, dass sie aus der Zeit der Markomanenhererschaft herrühren, entbehrt jeder historischen Grundlage.

3) Homeyer in d. «Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde». 1853. I, p. 185 sq., auch in den «Grenzboten» 1870, Nr. 25, p. 441—6; Michelsen: Die Hausmarke. Eine germanistische Abhandlung. Jena, 1855.

Als nach den Zeugnissen des Chronisten Fürst Andrey Boguljubski beschlossen hatte, die Maria-Kathedrale zu erbauen, berief er Meister [мастеры] aus fremden Ländern [siehe Полн. Собр. рус. лѣтоп. т. I, р. 105]. Ferner wundert sich der Chronist geradezu bei dem Bericht, dass der russische Bischof Iohannes den Plan gefasst hatte, die Gottes-Mutter-Kathedrale in Susdal zu renoviren, dass er keine Meister «отъ нѣмецъ» dazu anwendet, sondern einheimische [ibidem pag. 173]. Noch später, im Jahre 1420, verstanden es die Pskowiter nicht, die Trinitatis-Kathedrale mit Bleiplatten zu bedachen und wandten sich zu diesem Zweck an die Deutschen in Dorpat, erhielten aber eine abschlägige Antwort. Endlich bekunden die Maria-Schutz- und Fürbitte-Kathedrale (Покровскій соборъ) und die Dmytry-Kathedrale in Wladimir entschieden einen sogenannten *romanischen*, ja sogar deutsch-normannischen Styl; selbst das Wort zur Bezeichnung eines Künstlers: «мастеръ», welches in der altrussischen Sprache ganz gewöhnlich war, ist — wie es mir wenigstens scheint — nicht aus dem Italienischen «maestro», sondern aus dem Deutschen entlehnt, wenn es auch ursprünglich weder ein deutsches noch ein romantisches Wort ist.

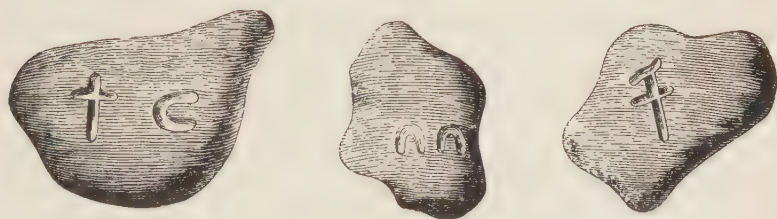
Alles dies beweist zur Genüge, dass die Steinmetzzeichen an den Mauern von der Festung Isborsk *deutschen* Baumeistern oder deutschen Arbeitern zugeschrieben werden können. Ist dies der Fall, so erwerben wir damit noch ein Körnchen zur Lösung der Frage über den Einfluss der Deutschen auf die Cultur des nördlichen Russlands ¹⁾.

1) Seitdem diese Mittheilung der estnischen Gesellschaft vorgelegt wurde, erschien das umfassende Buch von Homeyer: «Die Haus- und Hofmarken», Berlin 1870, mit 44 Tafeln. Zu meinem Bedauern konnte ich nicht diese grossartige Arbeit zu rechter Zeit benutzen; doch hoffe ich, dass auch in gegenwärtiger Gestalt meine Notiz nicht unwillkommen von dem Meister angenommen werden wird, dessen Erstlingsschrift (Historiae iuris pomeranicae capita quaedam, B. 1821) den Einfluss des deutschen Elements auf das slavische Wesen zu ergründen strebte.

2.

Zur Archäologie der Grenzzeichen.

Auf den Feldern des westlichen Russlands, besonders an Fluss-
ufern, findet man häufig Steine mit verschiedenen eingemeisselten
Zeichnungen. Solcher Art sind der berühmte Stein Rogwolod's
und die Düna-Steine¹⁾, ferner auch die Steine, deren Abbildungen
mir durch die Güte des sel. Grafen Konstantin Tyschkiewicz
aus Podljachien zugesandt wurden und hier beigelegt werden:

Beim ersten Blick auf die Podljachischen Steine und den Stein
Rogwolod's erkennt man Darstellungen von Pferdehufen oder Huf-
eisen und eines Schwertes. Auf der von Köppen herausgegebenen
Abbildung des Steines von Rogwolod ist kein Pferdehuf zu sehen,
wol aber ist er sichtbar auf der Zeichnung des Grafen Tyschkie-
wicz, die er mir persönlich mitgetheilt hat, und man hat—trotz
ihrer Mangelhaftigkeit—keinen Grund vorauszusetzen, dass diese
Abbildung in der Wirklichkeit nicht existire.

Als ich diese räthselhaften Zeichen betrachtete, fiel mir ein,
dass ich mehrfach Gelegenheit gehabt, Darstellungen von Pfer-
dehufen auf Steinen auch auf den Denkmälern des deutschen Al-
terthums zu bemerken und selbst auf einigen Steinen aus dem
einheimischen Alterthum. Abbildungen solcher Steine, wie sie
sich im nördlichen Deutschland, namentlich in Holstein, finden,
sind gegeben in dem Werke von Petersen: Hufeisen und Ross-

1) Darüber hat Köppen eine besondere Abhandlung geschrieben in den *Mélanges russes*. T. II. 1855. S. 390—405.

trappen oder die Hufeisensteine in ihrer mythologischen Bedeutung. Kiel 1865. Abbildungen von solchen Steinen im Twer'schen Karelrien sind von F. Glinka publicirt worden in seiner bekannten Abhandlung: Ueber die Alterthümer im Twerschen Karelrien. St. Petersburg 1836. О древностяхъ въ тверской Карелии. Спб. 1836. Die Darstellung des Pferdehufes auf ihnen ist ganz deutlich und Köppen hat noch die Bemerkung hinzugefügt, dass er während seiner Reisen im Nowgorod'schen Gouvernement häufig von Pferdehufen auf Steinen gehört habe, namentlich erzählte man ihm, dass solche Steine in der Nähe der Grenzen des jetzigen Nowgorod'schen Gouvernements zu finden seien. «So hat man mich versichert», schreibt er, «dass zwischen dem Wolchow und der Nawa, nach ONO von der Station Tosna, circa 6 Werst von dem Gute Schapka (dito Pokrowskoje), wo die alte Schwedengrenze war, in der Nähe des estn. Dorfes Bjelaja, am linken Flussufer der Mcha gelegen, ein wilder Grenzstein sich befindet, auf dem ein Pferdehuf ausgemeisselt ist; es ist dies an der Grenze Ingermannlands, d. h. des jetzigen St. Petersb. Gouv. Ueber einen anderen ähnlichen Stein hörte ich auf meiner Reise von Nowgorod nach Pskow. Hier betheuerte man mir, dass hinter der Mschaga, auf der vierten Werst, unweit vom dritten Pfosten, ein grosser Stein liege mit einem eingemeisselten Hufeisen, in einem Gau (урочище) der nach ihm der steinerne Landstrich (Каменная полоса) oder der grosse Stein (Большой камень) benannt wird. Doch fand ich da nur ein eingemeisseltes Kreuz auf der Seite nach Nowgorod hin. Bei der Besichtigung dieses Steines versicherten einige Bauern, dass circa 3 Werst von Mschaga, in der Mschaga'schen Wüstenei, Tschitschenizy (Чиченицы) genannt, in der Nähe des Flusses Letowka (von dem Volke Lischowo genannt) sich ein mittelgrosser Stein mit einer Unterschrift befinde; zwei oder drei Mann könnten ihn leicht aufheben; ringsum längs den Rändern laufe die Abbildung einer Schlange und dann eine feine Schrift». Obgleich einige dieser Nachrichten sich nicht bestätigt haben, so steht doch die Existenz solcher Denkmäler ausser

Zweifel, weil sie schon bekannt sind und vielleicht würde Köppen selbst solche gefunden haben, wenn er länger gesucht hätte. Mit Bezug darauf, dass solche Steine an den Grenzen der baltischen Provinzen und vielleicht auch in ihnen sich finden, stelle ich eine Vermuthung über deren Bedeutung auf. Zur Lösung der Frage werden wir umsonst zu den schriftlichen Denkmälern des Alterthums unsere Zuflucht nehmen; in ihnen finden wir keinen Schlüssel zur Lösung: nur die Volkstradition spricht von solchen Denkmälern, aber in ihnen liegt historische Wahrheit verborgen. Das Volk hat darüber seinen eigenen Begriff, der weit entfernt ist von der nackten Wirklichkeit: das Volk verknüpft mit diesen Denkmälern und den auf ihnen dargestellten Zeichen seine ältesten mythischen Vorstellungen; wenn das Volk (in Deutschland) behauptet, dass das ausgemeisselte Hufeisen die Fussspur vom Pferde des nächtlichen Reiters Odin, Karls des Grossen oder eines anderen Helden sei, wenn man in Russland behauptet, es sei die Spur vom Pferde des Ilja Muromez, so wird es natürlich Niemandem in den Sinn kommen, hierin eine strenge historische Wahrheit zu sehen, wie wichtig solche Traditionen auch sonst, in anderer Beziehung, sein mögen. Man kann den Gedanken zulassen, dass das Volk seinen Glauben und seine mythischen Vorstellungen verewigte, indem es die sichtbaren Symbole derselben in Stein eingrub, doch werden wir alsdann nicht im Stande sein, uns den Beweggrund zu solcher Handlungsweise zu erklären, ebenso wenig den Weg zu erkennen, den das Volksbewusstsein verfolgte, indem es solche Darstellungen auf Steinen von verhältnissmässig geringem Umfang eingrub. Das mit Bewusstsein und mit Absicht durch Menschenhand Verfertigte erlangt nie die übernatürliche Heiligung, mit der das Volk die in Frage stehenden Denkmäler zu umgeben gewohnt ist. Daher wird wol die Vermuthung richtiger sein, dass diese Zeichen einen anderen Zweck und einen anderen, in Vergessenheit gekommenen, Sinn hatten, und dass das Volk, geleitet durch das natürliche Verlangen, eine sichtbare, aber doch unbegreifbare Erscheinung zu erklären, auf solche Denkmäler

seine ältesten naiven Phantasiegebilde eben nur übertrug: Vorstellungen von himmlischen Felsen — den Wolken — auf wirkliche Felsen in der Natur, den Fusstritt des Himmelspferdes — die Personification des Donners — auf die sichtbare auf dem Felsen ausgemeisselte Darstellung des Pferdehufes. — Aus diesem Grunde scheint es uns, dass eine mythologische Erklärung des Ursprungs und der Bedeutung solcher Zeichen nur zur Erklärung der Volkstradition über dieselben zulässig ist, durchaus aber nicht zur Erklärung der Zeichen selbst. In diesen Fehler verfiel der bekannte deutsche Gelehrte Petersen, welcher nach einer sorgfältigen Sammlung der bekannten Volkstraditionen über auf Steinen ausgemeisselte Pferdehufe zu dem Resultat gelangte, dass sie sichtbare Symbole gewesen seien für den Sieg der himmlischen Gottheit über den finstern Gott und somit auch Symbole des befruchtenden Regens, des Himmelsquells. — S. die oben angeführte Schrift von Petersen, pag. 11 sqq.

Das Zeichen des Hufeisens muss eine andere, reale Bedeutung haben. Zur Ermittlung derselben müssen wir zunächst bei der symbolischen Bedeutung der Fusssohle stehen bleiben. Eine gewöhnliche Sitte des Alterthums, sagt Grimm — 142 — war die, dass der Sieger den Fuss auf den niedergestreckten Gegner setzte; in den Beziehungen des Souverains zum Vassallen, dass der erstere seinen rechten Fuss bei der Uebergabe des Lehns auf den Fuss des Vassallen stellte. Den Fuss auf den Erdboden setzend, nimmt das Individuum von ihm Besitz; daher rührt auch die römische Bezeichnung für den Besitz — *possessio* — her: *possessio appellata est a pedibus quasi positio, quia naturaliter tenetur ab eo qui ei insistit*. Der im Mittelalter gebräuchliche Ausdruck *pleno pede* bezeichnet nach der Erklärung von du Cange *jure pleno et certo*, volles Besitzrecht, Eigenthum. Damit ist auch der Volksglaube verknüpft, dass derjenige Theil junger Ehegatten das Regiment im Hause führen werde, der zuerst dem andern auf den Fuss tritt. — Somit ist denn der Fuss ein Rechtssymbol der Besitznahme, des Eigenthums, der Gewalt und man kann vermuthen,

dass auch die Darstellung des Pferdehufes auf Steinen dieselbe Bedeutung habe, doch bedarf der Umstand einer näheren Erklärung, wesshalb die Darstellung auf Stein gemacht ist und wesshalb nicht der Fuss des Menschen, sondern der des Pferdes dargestellt wird. Hier steigt der Gedanke auf, dass Steine mit Aufschriften und Darstellungen Grenzsteine, Grenzmarken sind. Zwar bietet die Natur schon an und für sich eine Menge deutlicher Grenzscheiden, wie Wälder, Berge, Hügel, Sümpfe, Flüsse, aber das Bestreben, die Grenzlinien zweier Besitzthümer genauer zu bezeichnen, nöthigte auch zu anderen, theils natürlichen, theils künstlichen Merkzeichen seine Zuflucht zu nehmen, und da lag denn nichts näher als die über den Erdboden zerstreuten Steine und sogenannten erratischen Blöcke (валуны) zu diesem Zwecke zu verwenden. Beispiele dafür liefern in Masse die juridischen Acte des Mittelalters, sowol des deutschen, als auch des slavischen. Sie sind in hinreichender Anzahl gesammelt worden von J. Grimm in seiner Abhandlung «Deutsche Grenzalterthümer» und ebenso in seinen «Rechtsalterthümern», und ich halte es für unnöthig, solche anzuführen. Die Grenzsteine wurden gewöhnlich künstlich als solche bezeichnet durch eingemeisselte Zeichen, z. B. Kreuze, oder es wurden dazu solche Steine gewählt, die von der Natur selbst ein ausgeprägtes Zeichen an sich trugen. — Kehren wir jetzt wiederum zum Pferdehuf zurück. Die Grenzmarken können nicht das Product des reinen Zufalls oder der Laune sein; sie und die auf ihnen besindlichen Darstellungen stehen nothwendigerweise in Zusammenhang mit dem Charakter eines Volkes, mit seinen Gebräuchen und seiner Lebensweise: die Grenzen des Hirten und des Jägers fallen zusammen mit den Grenzen der fetten Wiese, des buschigen Hügels und des Waldes; der Ackerbauer bezeichnet seine Grenze durch eine vermittelst des Pfluges gezogene Furche; ein kriegerischer Stamm, der sein Leben zu Pferde zubringt, musste bei Besitznahme des Bodens die Grenze der eroberten und occupirten Landstrecke mit dem Merkmal des reitenden Kriegers bezeichnen und dazu diente das Zeichen eines

Pferdehufes und des Schwertes (diese Zeichen bedeuteten, dass der Eroberer bis zur gegebenen Grenze das Land mit seinem Schwert und seinem Ross eingenommen); hier rastete sein Ross, hier ruhte sein Schwert; das Ross war das Symbol des reitenden Eroberers und seine Fussspur das Symbol der Besitznahme. In einem französischen juridischen Document vom Jahre 1185 lesen wir: «Von dort zum Rhein . . . ist auf der Höhe eines Felsens noch sichtbar eine Abbildung des Mondes, similitudo lunae» — ohne Zweifel ein dem Hufeisen identisches Zeichen — «ausgemesselt auf Befehl des Königs Dagobert, in seiner eigenen Anwesenheit, zur Bezeichnung der Grenzen Burgunds und Rhätiens». — Dafür, dass eine solche Auffassung im Alterthum auch wirklich existirt hat, kann ich einen philologischen Beweis liefern. Zur Bezeichnung einer ausgemessenen und begrenzten, in Besitz genommenen Landstrecke haben einige deutsche Mundarten das Wort *huopa*, *altsächsisch* *hōva*, *mhd.* *huobe* = Hufe. Sein Ursprung und seine ursprüngliche Bedeutung sind nach der Meinung von Grimm dunkel und viele Erklärungs-Versuche sind daran gescheitert. Den Sprachgesetzen folgend hat man keinen Grund, es nicht mit dem deutschen Wort *Huf* (vom Pferde) und dem slav. *копы-то* in nahe Verwandtschaft zu setzen, d. h. *hube* ursprünglich Erde, Land, durch Pferdehufe erworbenes Eigenthum; *slav.* *копы-то* ist verwandt mit *коп-ать* (graben), dem das deutsche *huobe*, *hufe*, *huf* entspricht und ferner, was besonders wichtig ist, *litth.* *kapezius*, *lett.* *kapcis* ein aufgeworfenes Grenzgrabmal. Auf diese Weise ist die Verbindung des Pferdehufes mit der Idee der Besitznahme, der Grenze, des Eigenthums auch aus der Sprache deutlich und zugleich dürfte dann die Vermuthung nicht allzukühn erscheinen, dass das Zeichen des Pferdehufes auf Steinen, wie bei uns, so auch im nördlichen Europa die Bedeutung des Grenzzeichens hat, und zwar ist es das Grenzzeichen eines Landes, das von einem kriegerischen, reitenden Volksstamm in Besitz genommen ist. Dies wird noch dadurch bestätigt, dass auf ähnlichen Steinen, wie es aus den beigefügten

Abbildungen ersichtlich ist, das Bild des Schwertes beigegeben wurde, das unter vielen anderen symbolischen Bedeutungen besonders auch als Symbol der Besitznahme gebraucht wurde; *per spatham regno investire, regna per gladium recipiantur*. Dass das Symbol und die Auffassung sich hierin sehr nahe berühren, ist augenscheinlich: das Eigenthum wird erworben durch die Hand des Kriegers mit dem Schwerte; das Zeichen des Schwertes auf dem Stein bezeichnet und beschützt die Grenze des erworbenen Eigenthums. Darstellungen von Pferdehufen finden sich sowol bei den Deutschen wie bei Russen als Symbol zur Bezeichnung des Eigenthums auf verschiedenen Gegenständen, wie z. B. Bechern, Hausgeräth u. s. w. In der christlichen Welt wurde das Zeichen des Schwertes durch das des Kreuzes ersetzt, was um so leichter geschehen konnte, als das Schwert die Form des Kreuzes hatte, so dass man auf diesen Steinen schwer unterscheiden kann, wo ein Kreuz und wo ein Schwert dargestellt ist.

Alles oben Gesagte zu einem Gesamttresultat zusammenfassend, erlaube ich mir den Sinn der Abbildungen auf den Grenzsteinen folgendermassen wiederzugeben: Hier ist die Grenze meines Landes, das ich mit meinem Ross und mit meinem Schwert mir errungen habe; zum Beweis dafür habe ich auf diesen Stein Zeichen gesetzt, das Schwert, das meine Hand führt, und den Huf meines Rosses.

3.

Das erste Zusammentreffen der Menschen mit Riesen.

Die Wissenschaft der vergleichenden Sagenkunde hat zur Zeit noch nicht die feste Grundlage, auf der bereits die vergleichende Sprachkunde und theilweise die Wissenschaft der vergleichenden Mythologie ruhen. In der Mehrzahl der Fälle ist es schwer zu sondern: a) das Gleichartige, das bei Völkern verschiedener Abstammung urwüchsig in Folge gleichartiger mate-

rieller Bedingungen und gleichartiger natürlicher Geistesentwicklung sich herausgebildet, b) das Gleichartige, das bei Völkern indo-europäischer Abstammung in ihrer Urheimath sich entwickelt und von hier aus durch sie weiter verbreitet worden ist; endlich c) das Gleichartige, das von einem Volksstamme auf andere Völker übergegangen ist, sei es nun auf dem Wege der mündlichen Tradition oder auch auf dem der Schrift. Ob nun eine in Frage stehende Sage das natürliche, nicht entlehnte Product des Culturlebens eines Volkes ist, dafür besitzt bis jetzt die Wissenschaft kein positives Criterium, demzufolge sie sich entschieden aussprechen könnte: sie muss sich meistentheils auf die Wahrscheinlichkeit beschränken.

Ohne daher meine Ansichten für ganz feststehende auszugeben, nehme ich keinen Anstand, auf die Beleuchtung einer derartigen Sage einzugehen, indem ich überzeugt bin, dass das von mir gegebene Material in Zukunft zu einem richtigen Urtheil wird beitragen können.

Im XVI Gesang (Vers 790 sq.) des Kreutzwald'schen *Kalewipoeg* wird zweifelsohne nach der wirklich existirenden Volkssage erzählt, dass an einer öden Küste sechs von der Schiffsmannschaft gelandet sind, um das Innere zu erkunden, und im Schatten eines Gebüsches eingeschlafen. Die junge Tochter eines Riesen, welche für ihre Kühe Blätter brechen will, rafft die Männer in ihre Schürze und bringt sie ihrem Vater. Dieser prüft die gefundenen durch Räthsel und überzeugt sich so, dass sie wirkliche und verständige Menschen sind. Dem Wunsche der sechs Verirrten entsprechend, packt die Riesenjungfrau sie alle wieder in ihre Schürze und trägt sie ans Ufer zurück.

Auf die Verbreitung und hohe Bedeutung dieser Sage hat schon J. Grimm in seiner *D. Myth.* (p. 505—7) hingewiesen: er führt hier viele übereinstimmende deutsche Sagen an, deren Zahl jetzt leicht verdoppelt, ja verdreifacht werden könnte. Nach ihren Hauptmotiven ist ihr Inhalt der, dass die Tochter einer Riesin einst einen *feldpflügenden Bauern* fand, ihn mit Pflug und

Ochsen in ihre Schürze that und der Mutter hinbrachte, in der Meinung, es seien seltsame Thierchen oder Erdmänner. Die alte Riesin aber befahl, Mann, Thiere und Pflug wieder an Ort und Stelle zurückzutragen. «Diese Erdmänner werden uns noch auffressen» sagte sie. Bald darauf verliessen beide die Gegend. Besonders wichtig ist für uns die von J. Grimm aus Ganander's Mythologie mitgetheilte *finnische* Volkssage: «eine Riesenjungfrau nahm in ihren Schoss Pferd, Pflüger und Pflug, trug sie ihrer Mutter hin und fragte: «was für ein *Käfer* mag das sein, Mutter, den ich da fand in der Erde wühlen?» Die Mutter sprach: «thu's weg, mein Kind, wir müssen fort aus diesem Land, und sie werden hier wohnen!» «Ich glaube», fügt J. Grimm am Ende hinzu, «dass diese Ueberlieferung noch *in vielen anderen Gegenden zu Haus ist*». In der That diese merkwürdige Sage ist auch unter den slavischen Völkern sehr verbreitet: bei den Kascheben, einem Ueberrest der baltischen Slaven, wird erzählt, dass *Stolymy*¹⁾ [= Riesen] vor den Menschen die Erde inne hatten. Einst ging ein Stolym über das Feld und sah ein *ackerndes Würmlein*, er steckte es in den Daumen seines Handschuhes, sammt Ochsen und Pflug, und brachte sie seiner Mutter. Sie aber hiess ihn dieselben an Ort und Stelle zurückbringen, weil sie, fügte sie hinzu, uns aus dieser Welt vertreiben werden. Dieselbe Sage findet sich — fast wörtlich übereinstimmend — in Gross-Polen²⁾, endlich auch in Russland; in der Nähe von Rjasan nämlich hält das Volk die Riesen für das älteste Menschengeschlecht; sie wohnten, so erzählt die Sage, jeder für sich auf einem abgesonderten Hügel, hatten nur ein einziges Beil, das je nach Bedürfniss von einem Hügel auf den andern hinüber geschleudert wurde. Einst fand

1) Der Name *Stolym* = Riese ist wohl das verderbte alte *Spolin*, *Ispolin* = *gigas*; nach Schafarik war es ursprünglich ein Volksname: *Spalei*, *Spali* (bei Plinius und Jornandes), der mit der Zeit bei den Slaven zu einem Gattungsnamen heruntersank. Cf. *Slowanské Starožitnosti*. Ed. pr. p. 263—4. Die Sage selbst ist von Hilferding in «Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря», Спб. 1862. p. 114 mitgetheilt.

2) Chociszewski. *Powiesci i podania ludowe*. Chelm 1869, p. 3.

ein Riese auf dem Felde einen pflügenden Bauern, er hob ihn auf und war eben im Begriff ihn in der Hand zu zerdrücken, als die Mutter ihn davon abhielt mit den Worten, es seien *neue Menschen*, vor denen sie zurückweichen müssten¹⁾. Die kleinrussischen Sagen erzählen auch von den *Weletni* = Riesen (die etymologische Bedeutung des Wortes ist dunkel), die vor den Menschen auf Erden wohnten, sie nahmen pflügende Menschen und brachten sie nach Hause, in der Meinung, es seien Erdwürmer oder Mäuse; auch ihnen erklärt die Mutter, es seien *neue Menschen*, vor denen das steinalte Geschlecht der Riesen untergehen müsse²⁾.

Wenn wir es nur mit estnischen, deutschen und slavischen Sagen zu thun hätten, so würden wir keinen Anstand nehmen, die estnische Sage für entlehnt zu erklären, denn ihr geht der *hauptsächliche Zug* ab, dass nämlich jene von der Riesenjungfrau aufgehobenen Menschen *Ackerbauer waren*; doch die von Ganander niedergeschriebene Sage der Finnen, eines den Esten nah verwandten Volksstammes, erwähnt ausdrücklich der *pflügenden Menschen*, daher erscheint die estnische Sage eher verwittert oder unvollständig wiedergegeben, als entlehnt. Ob sich diese Sage durch Entleihen verbreitet hat, oder ob sie ein selbständig herausgearbeitetes Product jedes einzelnen Volkes ist, möchte schwer zu entscheiden sein. Eins steht jedenfalls fest, dass diese Sage bei den in den nördlicheren Gegenden wohnenden Völkern entstanden ist, denn bei den in den südlicheren Gegenden lebenden Völkern hat man nicht einmal Spuren derselben gefunden. Die Sage ist nicht ohne Bedeutung, auch in mythologischer Beziehung: das Schleudern des Beils (= Hammerwurf) deutet hin auf das Schleudern des Blitzes, aber noch viel wichtiger ist die cultur-historische Bedeutung dieser Sage. Und was für ein Moment im Leben der Völker drückt sie aus? Ich will es kurz andeuten.

1) Барановичъ. Рязанская губернія. Спб. 1860, p. 532.

2) Handschriftliche Samml. der klein-russ. Lieder, Märchen und Sagen aus d. Umgegend d. Zbrucz u. Smotriz (in meinem Besitze). Conf. Nowosielski: Lud Ukraiński. Wilno 1857, t. II, p. 13—14.

Während der südliche Mensch zunächst das *goldene* Zeitalter, das Zeitalter des mühe- und sorgenfreien Lebens malt, in dem die Menschen — nach Hesiods Erzählung — wie Götter lebten und die ernährende Flur die Früchte ohne jedes Zuthun von selbst erzeugte, fehlen dem Menschen des rauhen Nordens all diese anziehenden Erinnerungen: sein goldnes Zeitalter ist Mühe und arbeitsvolle Zeit des Kampfes mit den übermächtigen Naturkräften, eines Kampfes, dem die schwachen Kräfte der gewöhnlichen Menschen nicht zu genügen scheinen. Zur Bezwingung der Natur lässt die Volksphantasie das mythische Riesengeschlecht vom Himmel zur Erde niedersteigen und macht sie zu den ersten Bewohnern der Erde. Doch auch sie sind dem Werk nicht gewachsen: im Besitz einer ungewöhnlichen physischen Kraft, verstehen sie es nicht, dieselbe wohl zu verwenden, sie kennen weder die Vortheile eines geselligen Beisammenlebens, noch den Ackerbau, diese wichtigste Bedingung der Civilisation, sie behelfen sich mit einem einzigen Beile. Daher müssen sie dem Menschengeschlecht weichen, das, der Sage nach, gleich bei seinem ersten Auftreten schon nach dem Pfluge greift und mit seiner Hülfe sich das Land dienstbar zu machen strebt.

Die Alterthumswissenschaft erzählt uns, dass der Nordbewohner eine lange Epoche durchleben musste, ehe er zum Ackerbauer wurde; aber nachdem er es endlich geworden, nachdem er einmal die Ueberzeugung gewonnen, dass es nicht Riesengeschlechtern, mit roher Kraft begabt, bestimmt sei, zu Herren der Erde sich aufzuschwingen, sondern kleinen ackerbautreibenden Menschen, befindet er sich im bleibenden Besitz einer sicheren Grundlage für eine weitere geistige Entwicklung und materiellen Wohlstand. Die vorliegende Sage giebt in scharfen Zügen diesem historischen Volksbewusstsein Ausdruck.

A. Kotljarewski.

ÚSPĚCHY SLAVISTIKY NA RUSI V POSLEDNÍ DOBĚ (1860 — 1872).

Od prof. A. Kotljarevského.

1874.

I.

Památky staroslovanského písemnictví, jich vydání a učené popisy. Palaeografické práce. Jazykozpyt. Dějiny básnictví a literatury.

Roku 1860 uveřejnil professor P. A. Lavrovský v Casopise Musea království Českého (sv. II. str. 219 — 237) článek „*O úspěchu slavistiky v Rusku*“. V krátkých, ale trefných rysech vyličil zde spisovatel dějiny vzniku, vývoj a tehdejší stav slovanských bádání v Rusku. Od těch dob minulo více než 12 let. Ruská slavistika nestála, ale dosáhla mnoho důležitých a podstatných výsledkův, které mají velikou důležitost pro všeslovanskou vědu. A právě proto myslím, že záměr můj, prodloužiti a doplniti přehled váženého učenice, zajisté nemůže se pokládati za zbytečný a nevhodný. Samo sebou se rozumí, že i chtěje býti stručným, nemohu podobně p. Lavrovskému obmeziti se již na jediný *všeobecný přehled*, ale nucen budu pustiti se do některých podrobností samého předmětu, i kojím se nadějí, že čeští přátelé slovan-

štiny nebudou se jimi nuditi. Abych se vyhnul nedorozuměním, promluvíím napřed několik slov o tom, co rozumím jménem slavistiky. Počítám k ní všecka odvětví a odbory vědění, které nám odhalují kulturní život slovanských národů, totiž: skoumání *jazyka, památek písemnictví a literatury, starožitností, dějin, národopisu, práva a církve*, slovem souhrn všech předmětů, které se vztahují na minulou a nynější vzdělanost a život Slovanů. Objem slavistiky mohl by se obmeziti poněkud na užší předměty *filologické*, ale kdo ukáže ty meze, za nimiž se končí práce a účastenství filologovo, kde není více potřebí jeho pomoci? Však nač uměle drobiti a děliti to, co je těsně spojeno již v samé přírodě? Pojímaje předmět slavistiky v takém obšírném smyslu, pokusím se o to, bych ukázal a ocenil vše důležitější, co vykonáno v tomto ohledu ruskou vědou od r. 1860.

Ruské oddělení, t. j. práce ruských učenců v oboru jich mateřského jazyka, literatury, starožitností atd., nebude pojmato do mého článku: toto obšírné odvětví slavistiky může býti předmětem zvláštní rozpravy, což by zde tuze obtížilo vyplnění mé speciální úlohy. Ruského materiálu dotknu se jen potud, pokud se on vztahuje *k ostatní slovanštině*.

Mezi všemi slovanskými zeměmi jest Rusko nejbohatší na *památky staroslovanského písemnictví*: ony docházely k němu ze slovanského jihu již od nejstarších dob, ony docházejí odtud mnohdy i za našich časů. Tak v třicátých letech Norov přivezl z Palestiny důležitou sbírku bulharských a srbských rukopisů, které byl Vostokov popsal; v čtyřicátých pak letech poštěstilo se professoru V. J. Grigoroviči zaopatřiti Rusku znamenitou sbírku staroslovanských, jakož i srbských a bulharských rukopisů (mezi nimi znamenité hlaholské evangelium z hory Athos a uryvky z překladu Cyrilla Jerusalemského XI století). Tak archimandrita Porfyrij Uspenský (nyní biskup kyjevský) přivezl z jihu ne méně důležitou zásobu slovanských rukopisů; podobně před několika lety nebožtík Hilferding za doby svého cestování po Srbsku a Bulharsku zaopatřil si bohatou sbírku srbských rukopisů (jichžto část se do-

stala císařské veřejné bibliotéce v Petrohradě, druhá pak sbírce kupce A. J. Chludova); tak konečně v poslední době veřejná bibliotéka v Petrohradě zakoupila sbírku rukopisů nebožtíka Berčiče. V Rusku najdou a nalezají tyto ctihodné pozůstatky starobylosti útulek mnohem jistější a důstojnější, než v jich vlasti, kde osud jich není dosud zabezpečen a podrobují se náhodám všelikého druhu; v Rusku dávno znají jich cenu a umějí jich chrániti. Ale čím bohatší nějaká země na podobná dědictví starobylosti, tím více leží na ní mravní povinnost, aby odhalila a osvojila tyto poklady—*vědě bud' úplným vydáním anebo vědeckým popisem*. Tuto povinnost pochopili ruští učenci již v minulém století a vyplňují ji neustupně a vyplňují ji svědomitě a čestně. Nepřipomínaje dřívějších všeobecně známých prací Kalajdoviče, Vostokova a jiných, pozastavím se toliko u zjevův poslední doby. Především musíme uvéstí práce starších ruských slavistů, professorů Srezněvského a Bodjanského. První z nich od r. 1852 vydal v redigovaných jím «Извѣстіяхъ» a «Ученыхъ Запискахъ» II. oddělení akademie nauk v Petrohradě («Извѣстій» vyšlo 10 dílů, «Ученыхъ Записокъ» 7 dílů), druhý od r. 1846 v «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей» (od 1846 do 1848 a pak od r. 1858 až dosud), které se nalezají pod jeho vedením, a již dříve vydali oba značný počet památek dřevního a středního slovanského písemnictví, ale nejdůležitější vydáno aneb vydává se jimi v poslední době. Uvedeme je zejména:

Dílo Šafaříkovo «Památky hlaholského písemnictví», ačkoli důležito v mnohých ohledech, mezi jiným i pro svůj obšírný *úvod*, kde se jedná o původu a osudu hlaholského písemnictví, nemohlo však úplně upokojiti badatele již i proto, že obsahovalo jen některé vzory hlaholštiny bez všelikých filologických objasnění. Pro další úspěchy slavistiky nutné bylo také vydání, které by s možnou úplností co do textů spojovalo filologický jich rozbor, které by představovalo obzor celého skutečného, bych tak řekl, kapitálu hlaholštiny. S takým úmyslem sestavena kniha J. J. Srezněvského «Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы» (v Petrohradě 1866). Jest to sborník a filologický

rozbor textů nejen již známých, než i některých, které dosud nebyly známy a které jsou zde vytištěny poprvé. Text hlaholských památek menšího objemu otištěn úplně, a z větších (čtvero evangelii a knih evangelických čtení) jest značné množství výpisků, jak jen možná bylo od písmena k písmenu dle originálu. Kromě toho podán i přehled takých cyrillských památek, v kterých jest něco hlaholského. Texty jsou srovnány, kde toho potřeba kázala, s dřevními památkami cyrillicy, některé z nich otištěny i hlaholici i cyrillskou transskripcí, jiné jen ve věrné transskripcí. — Co se *rozboru* dotýče, to zde kromě vnějších dějin rukopisu a palaeografického popisu jeho nalezáme filologické poznámky o jazyku a některé všeobecné vývody o době a vlasti uvedené památky. K vydání tomuto přidán sešit (10 listů) pěkně udělaných palaeografických snímků. Všeobecné otázky o době, místě a příčinách povstání hlaholice J. J. Srezněvský při zvláštní své opatrnosti zůstává nerozhodnutými; důkazy Hanuše, Šafaříka, Miklosiče a ostatních badatelů, již tvrdí, že hlaholština jest starší cyrillicy, zdají se mu býti právě tak přenáhlenými a nucenými, jako ostrovtipnými a chytře provedenými ¹⁾. Nicméně jestli kniha Srezněv-

1) Na prvním ruském archaeologickém sjezdě, který se odbýval r. 1869 v Moskvě, četl p. Srezněvský zajímavý článek o starobylosti i o poměru cyrillice k hlaholici. Opíraje se především o palaeografická data, myslí: 1) že hlaholice stojí k cyrillici v poměru příbuzném: jedna z nich od druhé závisí, což se dokazuje totožností systému zvuků obojích i totožností jich číselového pořádku; 2) že nejstarší náčrtky cyrillice, srovnáme-li je s nejstarším jejich řeckým originálem, nepatří do doby IX století, jak by se mohlo zdát, než do VII neb VIII století, a že tedy původ cyrillice mnohem starší jest Cyrilla samého. Článek p. Srezněvského jest vytištěn dosud jen ve velmi krátké zprávě bez všelikých podrobností a důkazů. Doufáme, že ctěný učenec tento neobmešká obohatiti vědu podrobným a přesvědčujícím vyložení svého zajímavého nálezu. Professor V. J. Grigorovič, jak známo, jeden ze zastavatelů staršinstva hlaholice před cyrillicí, vyslovil též v poslední době ostrovtipnou domněnku, kterou budoucně dokázati hodlá. Poněvadž pozoruje v hlaholských náčrtech pasigrafii, t. j. příznaky mnohých ethnograficky různorodých živlů, myslí, že musela povstati v takém místě, kde bydlela různá plemena, a za také místo pokládá Chazarsko, t. j. Krym. Jest to sice ostrovtipná domněnka, ale až dosud—pouhá domněnka! Viz jeho článek «Замѣтки о Солунѣ и Корсунѣ» (v Oděsse 1872).

ského i nedává přímé odpovědi na tyto důležité otázky slovanské filologie, to na každý pád poskytuje k tomu nejen bohaté prostředky, než i vůbec, možno říci, že jest to úplný sborník kriticky očištěných, objasněných a uspořádaných materialů, bez kterého se sotva může obejít badatel staroslovanské starobylosti vůbec a hlaholské otázky zvláště. Proto tím více jest nám želeť, že dílo toto vydáno jest v tak malém počtu exemplářů (všech 100) a proto již nyní nepřístupno jest většině badatelů. Druhé vydání tohoto spisu, kde by byly umístěny také ty nemnohé památky, které se staly známými teprve po jeho vydání a které jsou taktéž popsány a proskoumány od. p. Srezněvského v „Zápiskách akademie nauk“, — tvoří jednu z nenepatrných potřeb souvěké slavistiky: majíce v rukou tento „Thesaurus criticus reliquiarum literarum glagoliticarum“ i užívajíce jeho pomoci, můžeme kráčet jistěji než dosud jak v rozhodování všeobecných otázek o hlaholici, tak i v určování lexikálních a lingvistických zvláštností hlaholské recense při staroslovanských památkách, a vyhnouti se těm chybám, kterých se dopustil Šafařík ve svém posledním, ačkoli i velmi důvtipném spise (Über den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus).

Druhé dílo p. Srezněvského, rovněž tak důležité, ne-li ještě více, vytištěno jest pod názvem „Древніе славянскіе памятники юсоваго письма²⁾, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка“ (v Petrohradě 1868). Všecky tak zvané *staroslovanské památky* nedošly k nám v čisté podstatě, bez všelikých příměsí, nýbrž v jihoslovanských a ruských recensích, kde pod vlivem místních nářečí staroslovanština více méně ztrácela své zvláštnosti. Tyto se musejí obnoviti uměle, srovnáváním památek různých recensí a odstraněním zvláštností místních nářečí. Ačkoli po výsledcích Vostokova můžeme míti dosti určitý pojem o základných rysech a ústrojí staroslovanštiny,

2) Poněvadž základní, zvláštní známkou těchto recensí jest užívání písmen jusových ж а, proto tyto památky nazývají se jusovými.

přece nelze pokládati věc tuto za ukončenou a zcela rozhodnutou. Výskumy Vostokova sice nepotřebují proměn, ale potřebují, by se doplňovaly. Mimo to pro vědu velmi důležité jest, by se rozhodlo, jaká zejména byla ta místná nářečí kromě nám známých ruských a srbských? čím zejména lišila se ona od sebe? kde které panovalo? v jaké míře které z nich bylo důležité pro jazyk písemný? Objeviv několik důležitých nových památek staroslovanštiny jihozápadních recensí prof. Srezněvský odhodlal se vydati je úplně a při tom znova vydati dle rukopisů i všecko podobné, co bylo dosud vydáno (vyjma „Codex Suprasliensis“, z kterého jsou otištěny jen úryvky), a z ostatních památek téhož druhu, které byly dosud málo známé a které co do objemu svého jsou obšírné, uvéstí značně výpisky. O textu každé památky, který jest otištěn s palaeografickou věrností, nalezá se v obšírném *úvodu* zvláštní článek, kde se památka palaeograficky popisuje a poznamenány jsou její zvláštnosti jazykové a pravopisné. Takto vydáno a proskoumáno jest 33 památek, z kterých, jak jsme výše podotkli, byly mnohé docela neznámé, ostatní pak, jako na př. Boloňský žaltář—byly známy nedostatečně aned málo. Všeobecné vývody, k jakým přišel p. Srezněvský na konci svých grammatických rozborů, jsou následující: 1) i pravopisem, i výslovností, i užíváním některých slov a jich proměn, písmo i jazyk jusových slovanských památek rozeznává se od té staroslovanštiny, která se pokládá za čistou, a jejíž hlavní rysy v těchto památkách se opakují rovněž tak, jako v památkách ruského písma—v jedněch více, v druhých méně pravidelně; 2) v těchto památkách nejsou odchylky od čistého slovanského jazyka tak jednotvárné, aby všechny mohly býti pokládány za zvláštnosti jednoho a téhož nářečí; naopak na ně musí se pohlížeti co na poukázky několika rozličných nářečí, následkem čehož rozličné, jedny druhým opačné zvláštnosti nalezájí se netoliko v rozličných rukopisech jedné a téže památky, než i v rozličných částech jednoho a téhož rukopisu. Jaká to byla nářečí, na to ještě nelze určitě odpověditi; můžeme se jen domnívati, že v jich počtu se nacházelo nářečí *bulharské* a *moravsko-*

slovenské ³⁾. Jak památky samy, tak i zkoumání jazykových a pravopisných zvláštností památek těchto, vyložené v úvodě (str. 188), předkládají bohatou sbírku materiálu i pro srovnávací mluvnicí slovanských nářečí, i pro vyjasnění základních vlastností staroslovanštiny a pro vnější dějiny jeho u různých slovanských národů. Právě proto nelze nám nepojmenovati spisu prof. Srezněvského jedním z nejznamenitějších zjevů souvěké slavistiky: onť poprvé poskytuje možnost přísného učeného zkoumání předmětu, o kterém dosud panují dosti kolísavá ponětí, jakož i možnost přísného ocenění náhledů, které byly bez dostatečných důkazů přijaty, jako jsou na příklad náhledy, že staroslovanština je jazyk starobulharský aneb staroslovinský. S celou pozorností pozastaví se slavista i při spise p. Srezněvského „Древніе памятники русскаго письма и языка“ (v Petrohradě 1866); zvláště přílohy (Приложения) k němu obsahují v sobě svého způsobu učenou chrestomathii ze starých památek: zde najde on nemálo i nových plodů, které, jsouce zde poprvé vydány, jeví se jako velmi důležité i co do jazyka (staroslovanského ruské recense) i co do obsahu, takové je na př. známé slovo o „boháči a Lazarovi“, které představuje živý obraz ze života bohatého Slovana.

Neméně důležité množství doplňků k výše uvedeným pracím profesora Srezněvského najdeme v jeho spise čili lépe řečeno sborníku rozmanitých článků, který byl vydán pod názvem „Свідѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ (v Petrohradě 1867). Některé památky staroslovanského písemnictví vydány jsou zde úplně s filologickými i historicko-literárními objasněními, o jiných jsou podány jen rozpravy a úryvky důležitější. Obzvláště zajímavé a důležité v historickém, literárním

3) Pro rozhodnutí otázky o národnosti staroslovanského jazyka (církevního) nebude bez významu domněnka, kterou vyslovil prof. Lamanský ve svém článku «Непорѣшенный вопросъ» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1869. No. 1). Ruský učenec tento kloní se k myšlence, že jazyk tento jest uměle utvořen. Takým skutečně stal se postupem času, ale prvotně musel býti jazykem živým, národním; a proto otázka o národnosti čistého staroslovanského jazyka, jazyka sv. Cyrilla a Methoděje, zůstane ve své síle.

a filologickém ohledu jsou ty památky, které patří k první době slovanské literatury, t. j. k IX—XI st., k nimž mezi jinými pří-
 náleží «Написаніе о правѣи вѣрѣ Константина философа, пис.
 до 862 г.», «Поученіе епископа Климента» (885—916 r.), dle
 rukopisu cyrilského XII st. způsobem srovnávacím s latinským
 fryzinským rukopisem, «Похвала блаж. Кириллу, учителю Словѣн-
 скому, еписк. Климента», «Прологъ болгарскаго царя Симеона»
 (před 928 r.), «Служба св. Константину философу», «Слово Ио-
 анна богослова» dle rukopisu XII st. atd.

Již dávno jest známo, že prof. J. M. Bodjanský připravuje
 vydání znamenitého Svjatoslavova sborníka z r. 1073. Při své
 svědomitosti a důkladnosti nemohl podniknouti díla jen tak leda-
 bylo a rychle ho ukončiti: potřebí bylo skoro 25 let ustavičných
 bádání, aby důstojně vykonal tento vážný podnik, který, o čemž
 pochybovati nelze, obohatí slovanskou vědu nejen novými literár-
 ními dáty, ale i grammatickými a lexikálními poklady. Brzo (jak
 jsme sami slyšeli od samého vydavatele) vyjdou na světlo první
 dva díly, které obsahují text. Za nimi má následovati učené pojed-
 nání o památce této v ohledu historicko-literárním a filologickém.
 Nemaje v úmyslu ještě před vyjitím tohoto znamenitého díla
 předstihovati úsudek učenců o něm, nemohu přece toho pominouti
 mlčením, proto že z těch několika vzorů, které laskavostí vydava-
 tele, mého starého universitního profesora, mně poštěstilo se vi-
 dět, nabyl jsem toho přesvědčení, že to bude také vydání, kte-
 rému se může rovnati toliko Ostromírovo evangelium Vosto-
 kova. Jak tam, tak i zde vzaty do úvahy a vyplněny všechny po-
 žadavky učené filologické a palaeografické kritiky: text slovanský
 vydán jest od písmena k písmenu i ne samotný, než zároveň s ře-
 ckými a latinskými originaly, jichžto vyhledávání stálo mnohdy
 mnoholetých, obtížných úsilí; z ostatních podobných rukopisů
 uvedeny jsou všechny varianty, které mohou buď objasniti aneb
 něčím doplniti základní text. Mluvě o Svjatoslavově sborníku z r.
 1073, bezděky připomínám si, že druhý *podobný* (ale ne totožný)
 sborník z r. 1076 (?), který se chová v cís. veřejné bibliotéce

v Petrohradě, taktéž — jak se dovídám — připravuje se k vydání zkušenou rukou A. F. Byčkova. Kromě Svjatoslavova sborníka prof. Bodjanský podnikl, i na polovic již vykonal, vydání všech památek, které se týkají života a činnosti sv. prvoučitelů slovanských Cyrilla a Methoděje. Vytisknuty jsou již (v «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ») pannonské i prologové životy, pochvalné řeči atd. dle mnoha rukopisů, které byl neunavně p. vydavatel odevšad sebral. Různost v rukopisech pohnula vydavatele, že každý z nich zvláště vytiskl; ke konci pak bude následovati text *sloučený*, jehož účelem bude uspokojiti požadavky historikův. Těmito vydáními neobmezují se však práce prof. Bodjanského v oboru staroslovanského písemnictví: známo jest mi, že připravil, ano i vytiskl, ač ještě na světlo nevydal, mnohá jiná díla z tohoto oboru slovanské literatury; měl jsem příležitost použiti od něho vydaného, a to již dávno vydaného rozsáhlého díla «Šestodneva Jana exarcha bulharského», který jest vytisknuto od písmena k písmenu, od stránky ke stránce, od řádku k řádku dle známého srbského rukopisu z r. 1263. Proč toto jiná podobná vydání — nevyšla ještě na světlo, — totž věc vydavatelova, ale já jsem si dovolil o nich upomenouti proto, bych ukázal, jak mnoho povinna jest p. Bodjanskému věda slovanská, ⁴⁾ a bych ve jménu všech slavistů obrátil se k němu s uctivou prosbou, by neskřýval déle těchto pokladů v tajnosti.

K dějinám staroslovanského písemnictví vztahuje se též článek ruského bibliografa, nebožtíka V. M. Undolského «Объ открытіи и изданіи твореній Климента, епископа Словенскаго» [«Бесѣды въ Обществѣ любителей Россійской словесности к. I.»]

4) Zmiňuje se právě o dilech svého ctěného profesora, nemohu bez srdečného hoře upamatovati se na to, že činnost jeho co představitele slavistiky na universitě moskevské — předčasně byla přerušena. Zajisté sotva kdo z účastníků v dile tom předvídal ty smutné následky, jaké z toho vplynuly pro slovanská čtení na universitě; ale neodvisle od toho, zasluhovala-li takého uznání činnost muže, který byl čtvrt století důstojným zástupcem slovanské vědy na nejstarší universitě ruské a který měl úplné právo říci: «honorem doctrinae meae nemini dedi».

(v Moskvě 1867, str. 31—38). Známo jest, že Undolský odkryl a připravil k vydání nemalý počet plodů učenika sv. Cyrilla a Methoděje — Klimenta. Připomenutý článek jest takoržka zpráva o tom vydání, ku kterému bohužel nedošlo; nehledíce na to, že byl již velmi dávno tento článek napsán, neztratil přece dosud důležitosti pro ty, kteří se obírají staroslovanským písemnictvím, a může sloužiti co spolehlivé vodidlo bibliografické budoucímu vydavateli děl Klimentových.

Nebude zde od místa, připomeneme-li, že byla ta polovice supraslského rukopisu, která se pokládala již za ztracenou, opět nalezena od p. Paploňského ve Varšavě, v bibliotéce hrabat Zamojských. Toto odkrytí jest zvláště tím důležitó, že se nyní naskytuje možnost napravití nedopatření při vydání Miklosičově, který neměl v rukou originálu této části, nýbrž ne všude správný přepis nebožtíka Kopitara.

Nedávno zemřelému K. J. Něvostrujevu náleží vydání jedné důležité památky staroslovanského písemnictví, totiž «Сказанія Ипполита о Христосѣ и о антихристѣ» (v Moskvě 1869) dle rukopisu XII—XIII st. Ačkoliv rukopis tento přináleží k ruské recensi, však překlad, dle náhledu vydavatelova, pochází od Jihoslovanů. Obšírný úvod rozjímá o historickém významu památky této a o jejím osudu, o filologické a církevně-historické důležitosti slovanského překladu (zejména pro poměr k náhledům ruských starověrců). Samý text byl vydán zároveň s řeckým textem, při čemž mnohá místa originálu opravena byla pomocí slovanského překladu; konečně obšírné filologické poznámky objasňují zvláštnosti slovanského textu. Ne všude stejně uspokojí toto vydání slovanského filologa, co se dotýče filologické kritiky textu, ale ono zůstane pro něj důležitým i pro vážnost a rozšířenost tohoto díla v dějinách slovanského písemnictví, pro přesné podání rukopisního textu a pro mnohá svá objasnění. ⁵⁾

5) Zde si dovolím poukázati na jedno důležité odkrytí, které učinil nebožtík Něvostrujev, ohledně textu Ostromírova evangelia (viz článek jeho «О переводѣ

Oddělení apokryfické literatury, která je tak rozšířena jak v Rusku tak i u jižních Slovanů, dostalo se pracovitého a věrného vydavatele v osobě prof. N. S. Tichonravova («Памятники отеченной литературы», v Petrohradě a v Moskvě 1863, 2 díly). Vydavatel vynechal pro tentokrát srovnání naskytujících se řeckých originálů se slovanskými překlady, protože již dávno připravuje pojednání o apokryfické literatuře, kde zajisté najde své místo i toto nutné srovnání. P. Tichonravov vydal pak i některé jiné důležité slovanské památky, jako na př. «Слова, направленные противъ остатковъ славянскаго язычества» (v jeho časopise «Лѣтописи русской литературы и древности», který bohužel přestál vycházeti). Slovanské články, kterými se doplňovaly přeložené chronografy, články, které mají tak velkou cenu pro dějiny jižních Slovanů—sebral a vydal prof. Ondř. Попов dle nejlepších rukopisů («Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи») v Moskvě r. 1869. Archaeografická kommisce podnikla vydání tak zvaných větších životů svatých metropolity Makaria—a dovedla již vydati 3 díly. Tento ohromný ruský encyklopedický sborník XVI století, který předčí svým objemem i bohatstvím obsahu i znamenitá «Specula» Vincence Boveského (Vincentius Bellovacensis), obsahuje v sobě i celé repertorium děl i staroslovanského písemnictví, proto jest tedy zajímavý a důležitý i pro slavistu, ač tento poslední nemůže býti všude spokojen se způsobem vydání, poněvadž vydavatelé z úcty k památce i k pracím Makariovým udrželi všude i jeho nevolné, poměry vynucené nedostatky. Na každý pád, jestli archaeografická kommisce přivede ke konci tento ohromný podnik, obohatí se slavistika takým Thesaurem, ke kterému se vždy bude

евангелія на славянскій языкъ» v «Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ» (v Moskvě 1865). Dokázav, že nejstarší slovanský text překladu Nového zákona chová se v rukopisech *nedělních* evangelií (ἀπραχτος) a *o čtvero evangeliích* (τέτρα), on zjevuje se již v pozdnější opravené podobě. Něvostrujev srovnal ty i ony texty s rukopisem Ostromírovým, i našel, že poslední následuje *tetram*, t. j. neobsahuje v sobě nejstaršího překladu Cyrillova v jeho nedotknuté podobě, než překlad již *opravený*, t. j. pozdější.

utíkati o zprávy, i málo kdy zůstane neuspokojenou. Konečně nemůžeme opominouti toho, bychom nepřipomenuli díla «Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ», kterou sestavil professor F. J. Buslajev a vydal v Moskvě r. 1861. Obsahuje v sobě nemálo nové látky, která jest otištěna přímo z rukopisu a opatřena velmi zajímavými literárními a filologickými výklady. Pro žáky jest kniha tato tuze vážná, za to však tím častěji utíkati se k ní budou učenci, filologové a literární historikové, jimž pro bohatství látky jest nenahraditelnou.

Ke všemu tomu, co jsme zde byli podotkli, zbývá nám ještě připojiti, že, co se týče vydání památek, stává nemálo v ruské vědě takých děl, která se již vydávají aneb dávno již jsou připravena k vydání a čekají jen na příznivé poměry, aby na světlo vyšla. Tak archimandrita Amfilochij již dávno připravil k vydání staroslovanský překlad pandektů Antiocha Černorizce dle rukopisu XI století zároveň s řeckým originálem; prof. V. J. Grigorič připravuje vydání evangelia sv. Lukáše dle svého znamenitého, hlaholského, athoského rukopisu z XI stol. s filologickými výklady a rozpravou o slovanském písemnictví; p. Vendt palaeograficky připravil text známého Assemanova evangelia, který ne zcela správně vydal Rački; druhý syn prof. Srezněvského, V. J. Srezněvský, připravuje k vydání staroslovanský překlad žaltáře dle mnohých rukopisů; A. S. Budilovič tiskne již úplný text známého překladu (XI stol.) řečí Řehoře Nazianského atd. K obohacení staroslovanského písemnictví musíme též připočísti i nové nejsprávnější vydání známé legendy o smrti sv. Václava, kterou vydal p. Srezněvský i opatřil zajímavými historicko-filologickými výklady a studiemi v knize «Филологическія наблюденія Востокова» (v Petrohradě r. 1865). Musíme zde vysloviti svoje politování nad tím, že vydavatel této legendy v prvním díle «Fontes rerum bohemicarum», p. J. Kolář, nepoužil vydání p. Srezněvského, neb tím by si byl nejen oblehčil svoji práci, než byl by ušel i některým chybám, kterých se dopustil.

Co se dotýče započetí díla a provedení samého vydávání pa-

mátek, můžeme připomenouti, že ruská slavistika vždy více a více osvojuje si metodu *kriticko-palaeografickou*; památka obyčejně se vydává dle nejstaršího a nejsprávnějšího textu, písmeno za písmenem, z ostatních pak rukopisů uvádějí se značnější varianty, jichžto pomocí (při čtení vydavatelově) kriticky se opravují chyby aneb písařské omyly textu, který byl za základ položen. Rozumí se, že tento způsob vydávání památek jest nejlepší, neb zachovává pravidla filologické kritiky a palaeografie, způsob tento stejně uspokojuje jak potřeby filologů, tak i potřeby historiků národního života, on hledí navrátiti památku k tomu čtení, jaké bylo původně, nedotýká se však, neruše té podstaty jeho, ve které se zachoval až na naše časy, tak že i při úplném nezdaru konjektur a oprav vydavatelových text neztrácí svého významu, a chybná konjektura může býti lehce nahrazena jinou, a to zdařilejší.

Kdo měl příležitost, seznámiti se s knihou, kterou vydal p. Gennadi, «Литература русской библиографии» (v Moskvě 1858), ten zajisté zpozoroval, že učený *popis staroslovanských a ruských rukopisů* byl od dávna předmětem zvláštní pozornosti ruských učenců. Toť jest i zcela pochopitelné, neb čím bohatější jest země rukopisným dědictvím starobylosti, tím větší činnost vědy na toto pole musí býti obrácena, došla-li jen k jasnému ponětí svých úloh, nutnosti a potřebnosti.

Do objevení se znamenitého díla Vostokova «Описание русских и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума» (v Petrohradě 1842 v 4°) v ruské vědě panoval jen *ukazovací* čili inventární způsob popisování rukopisů; teprv Vostokov podal první vzor *učeného* popisu, který měl na zřeteli potřeby historiků a filologů — palaeografů. Oba způsoby jsou ostatně stejně potřebné, a proto se oba dosud udržely. Nejdůležitějším zjevem v oboru rukopisné slovanské bibliografie poslední doby musíme nazvati dílo «Описание славянскихъ рукописей Московской синодальной библиотеки», které započal prof. Gorskij s Něvostrujevým, a v kterém pokračoval sám Něvostrujev až do své smrti († 1872). Dosud vyšlo 5 rozsáhlých dílů (1855—1871). První díl obsahuje

slovanské rukopisy sv. písma, druhý—tak zvané knihy výkladné aneb výklady na sv. písmo, třetí—spisy dogmatické a mravoučné, čtvrtý—rozličné bohoslovecké spisy a pátý konečně—knihy bohoslužebné. Dílo toto jest nejen popis rukopisů, ale i sbírka nejrozmanitějších studií a pojednání o jich předmětu; učení spisovatelé tito hleděli předejítí všechny důležitější otázky historické, literární, archaeologické a filologické, i vyplnili to s neobyčejnou svědomitostí. Proto budou se učenci utíkat k této knize i vedle speciálního účelu, by se totiž seznámili s rukopisy synodální bibliotéky, co k sborníku všemožných zpráv, poznámek a nových dat z oboru staroslovanské starobylosti, která jsou zde zpracována s důkladností a bedlivostí bývalých Benediktinů. Nejméně pozornosti bylo v popise tomto věnováno filologické stránce rukopisů, t. j. na charakteristiku jazykovou, neb vydavatelé obmezili se pouze na výpis některých pozoruhodných grammatických forem; ale za to—jaká hojnost v lexikálním ohledě, jaké bohatství nových slov a názvů předkládá jich dílo slavistovi—lexikografu a archaeologovi, o tom může se každý přesvědčiti, prohlédne-li si «Lexicon palaeoslovenicum» Miklosiče. Nám jest známo, že Něvostrujev zůstavil nemálo připraveného materiálu k dalšímu pokračování v popise synodálních rukopisů (poslední 2 léta pracoval o popise rukopisů historických), a proto nemůžeme zde své přání utajiti, aby ten materiál a s ním zároveň i pokračování celého důležitého podniku toho—dostalo se do rukou muže, který by byl též tak učený a zkušený, též tak svědomitý a proniknutý přesvědčením o velké důležitosti díla toho, jako byl nebožtik K. J. Něvostrujev. Poněkud jiného rázu jest bibliografické dílo taktéž již zemřelého V. M. Undolského. Neunavnými pracemi a při nedostatecích všelikého druhu učenec tento sestavil bohatou (1348 rukopisů) rukopisnou sbírku, která po smrti jeho se dostala Moskevskému Rumjancovskému veřejnému museu. Mezi papíry Undolského našla se první polovice bibliografického popisu této sbírky (popsáno 579 rukopisů), který byl sám Undolský sestavil, a toto dílo vydal nyní p. Viktorov, kustos rukopisů Rumjancovského

musea, s dodatkem vlastního, velmi důležitého nákresu sbírky rukopisů Undolského v plném jich počtu «Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго» (v Moskvě 1870). Undolský byl především důkladný bibliograf, a bibliograf učený s rozsáhlými znalostmi nejen slovansko-ruských rukopisů, než i literatury byzantské i evropských bibliografických pomůcek. Stopy toho vidíme v jeho popisu, který je vykonán v přísně bibliografickém směru; ovšem jsou zde výskumy a bádání o některých literárních a historických otázkách, jsou zde důležité palaeografické poznámky, jsou zde i výňatky ze samých rukopisů, ale ty i ony jsou velmi stručné a při tom i nahodilé: bibliograf tento pozastavoval se podrobněji toliko nad tím, co ho samého zajímalo, ostatní pak popisoval vždy věrně, avšak velmi krátce. V bibliografickém ohledu dílo Undolského, jakož i všechna jeho díla vyznamenávají se vzornou správností, zterou ocení každý jen tehdy, když dle těchto pokynutí bude v samých rukopisech samostatná činiti bádání. Objevivši se nedávno rozsáhlé dílo professora Ondř. Nik. Попова «Описание рукописей библиотеки купца Хлудова» (v Moskvě 1872), pozoruhodné pro své skvostné vydání a učenou důležitost, a konečně pro svou vzácnost v obecnstvu (vytištěno toliko 100 exemplářů, které do prodeje ani nepřišly), jest popis na způsob inventárního výboru. Rukopisy méně vážné jsou popsány krátce, důležitější pak, které obsahují památky nové anebo lepší rukopisy již známých památek, jsou podrobně popsány s výtahem všeho pozoruhodného často in extenso, tak že k popisu rukopisů se zde přidružuje i bohatý sborník textů, které jsou kriticky vydány s opraveným čtením v poznámkách a se srovnáním s řeckými originály. V ohledu staroslovanského písemnictví najde zde učenec dosti důležitého a zajímavého, poukážeme na příklad na «Слово Константина философа» (dle rukopisu XIV stol.); «Слово Иоанну Крестителю», sepsané Klimentem, biskupem Veličským (ruk. XIV stol.); «Апокрифическое видѣніе пророка Исаи» (ruk. XIV stol.), kterýžto rukopis nebyl dosud znám v slovanském překlade a jest velmi důležit pro dějiny Bohumilů; «Апокрифическое

евангеліе Θомы» (dle ruk. XIV stol.) a mnoho jiných. V bibliotéce Chludova, jak jsme výše podotkli, chová se dosti mnoho srbských a bulharských rukopisů, které jsou zde všechny popsány podrobně. Popis prof. O. N. Popova pro svou důležitost důstojně se řadí k bibliografickým spisům Vostokova a Něvostrujeva. Ovšem že bibliotéka Chludova nemůže se vyrovnati bibliotéce Rumjancovské a synodální co do bohatství slovanského materiálu, ovšem že i ve spisu učeného tohoto spisovatele pozoruje se jeden podstatný nedostatek a to ten, že málo obracel pozornost na filologickou stránku díla, na charakteristiku jazykovou, na lexikální výtahy; ale všechno toto vynahraňuje se velkým množstvím věrně vydaných textů, které v mnohém obohacují nejen historii slovanské literatury, ale i samu historii slovanských nářečí. Uvedeme nyní i některé jiné, menší bibliografické popisy rukopisů. Nemalé množství rukopisných slovanských textů proskoumáno a popsáno jest prof. Srezněvským v jeho výše zpomenuťm sborníku «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ» jakož i v «Запискахъ академіе наукъ»; prof. V. J. Lamanský vydal taktěž velmi zajímavé «Описаніе нѣкоторыхъ славянскихъ рукописей, хранящихся въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ» (v Petrohradě 1864), kde jest zvláštní pozornost obrácena i na charakteristiku jazykovou a na výtahy historicko-filologických materiálů; p. Dmitrijev-Petkovič vydal krátký přehled slovanských rukopisů, které se chovají na hoře Athos, «Обозрѣніе Аѳонскихъ древностей» (v Petrohradě 1865); A. F. Byčkov tiskne stále v «Отчетахъ Императорской Публичной бібліотеки» popisy rukopisů, které se dostaly této bibliotéce; tak nedávno otiskl on taktěž podrobný a velmi důležitý popis jihoslovanských rukopisů, které byl bibliotéce daroval nebožtík A. F. Hilferding, s zajímavými palaeografickými poznámkami a historicko-filologickými výtahy. Konečně připomeneme, že Vilenské veřejné museum vydalo r. 1870 prvou část popisů rukopisů pergamenových, které mu náležejí; jsou to větším dílem rukopisy bohoslužebné, staroslovanské a ruské diplomy místní západní recense. Mnoho jest

již vykonáno ruskou vědou, co se týče uvádění v známost jejich rukopisných pokladů; kromě toho, co jsme již byli uvedli, známo jest nám, že v poslední době A. F. Byčkov počal tisknouti svůj popis slovansko-ruských rukopisův, které náležejí císařské veřejné knihovně v Petrohradě a Pogodinské, která jest s onou spojena. Měli jsme příležitost viděti několik vytištěných listů tohoto velmi důležitého a klassicky vykonaného díla, a v zájmech vědy vyslovujeme přání, aby ono co nejdříve vyšlo na světlo. Popis tento počíná velmi zajímavým oddělením starého písemnictví a sice *směsí*, t. j. sborníky rozličných spisů, které byly tak ochotné spojovány v slovansko-ruské minulosti; z každého rukopisu jest vytaženo všechno, co může míti nějaký význam v historickém, literárním a filologickém ohledu. Taktéž jest známo, že otec Arsenij připravil k vydání popis rukopisů, které se chovají v Trojické Sergijevské Lavře, který byl svědomitě vyhotovil jeden z tamějších kněží, ale kterýžto spis bohužel pro nedostatek prostředků nemůže vyjíti. Mnoho, pravím, jest již vykonáno v oboru ruské rukopisné bibliografie, ale nemálo, ne-li více ještě, zbývá jí vykonati; nemluvím již o tom, že mnohé bohaté rukopisné sbírky privátních osob zůstávají skoro neznámy (mezi jiným i také sbírky, jaká jest hraběte A. Uvarova, která jest jen z polovice známa z popisu P. M. Strojeva). Neznámé aneb jen málo známé zůstávají i knihovny mnohých spolkových ústavů, jako ku př. bohaté rukopisné sbírky akademie nauk, Moskevské synodální kněhtiskárny; Moskevské, Kyjevské a Petrohradské duchovní akademie; bohatá knihovna Kazanské duchovní akademie není taktéž dostatečně známa, a rukopisná bibliotéka Moskevské společnosti přátel duchovní osvěty, do které se dostala bibliotéka Josefo - Volokolamského kláštera, jest ještě méně známa. Jak vidíme, zbývá vědě ještě bohatá žeň, ale ona může bez bázně hleděti do budoucnosti; neb soudě dle minulosti a přítomnosti nemůže u ní býti nedostatku soucitu ani nedostatku sil, které jsou hotovy věnovati se službě její.

Základem slovanské palaeografie musí býti *palaeografie řecká*,

zejména *byzantinská*, poněvadž poměr slovanských písmen k řeckým tvoří první základní otázku této vědy. Evropská věda vykonala v řecké palaeografii pozoruhodně málo: dílo Montfauconovo zůstává dosud jediným a nedá se žádným druhým zaměnití. Jsou ovšem některá soukromá bádání, jest zajímavý spis: «Placentini Epitome graecae Palaeographiae. Romae, 1735», jest i nový nevelký pokus Wattenbachův «Anleitung zur griechischen Palaeographie»; ale pro slavistu aspoň nejsou ona důležitá.

Mezeru tuto ve vědě vyplniti souzeno jest, jak se zdá, ruským učencům, a jsou již povšimnutí hodné počátky podobných prací. Taková jest na př. palaeografická sbírka snímků rukopisů řeckých, která zajímá polovici knihy, kterou byl biskup Savva vydal pod názvem «Specimina palaeographica», takové jest velkolepé vydání fotografických snímků z miniatur řeckých rukopisů, které podniklo moskevské Rumjancovské museum (1862—1865) a kterého vyšly dosud 3 díly; taká konečně jest i práce archimandrity Amfilochia, pozoruhodná pro svou bohatost sebraného materiálu a pro samý výbor její. Ovšem dílo toto ještě nevyšlo, ale nestalo se to snad pro nedostatek píce sběratelovy k dílu, nébrž pro nedostatek prostředků. Jaký význam mají tyto práce pro slavistu — lehce jest pochopitelné, neb pomocí řecké palaeografie se musejí mnohé její důležité otázky rozhodnouti, jako na př. otázka o starobylosti cyrilských písmen, otázka o původu slovanských písmen na nejstarších hmotných památkách, o kterých se někteří domnívají, že byly vykonány byzantinskými umělci, a sice znamenitá Černihovská zlatá hřívna a jiné jí podobné, nejstarší ruské a jihoslovanské peníze, nejstarší obrazy; vůbec otázka o písemnictví i o podmínkách jeho u Slovanů, kteří píší cyrillicí a tomu podobné.

Co se vlastně týče *palaeografie slovanské*, tu ruská slavistika předložila v poslední době⁶⁾ mnoho materiálů, které zasluhují,

⁶⁾ Úplný přehled prací ruských a slovanských učenců o palaeografii najde čtenář v článku p. Srezněvského, v časopise «Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія» za 1868.

by zde byly uvedeny. Na prvním místě musíme postavití výťah palaeografických materiálů ze známého Vostokova popisu Rumjancovského musea, kterýžto výťah od A. N. Рупина vytištěn jest v knize «Филологическія наблюденія Востокова» (v Petrohradě 1865). Tento výťah při vši své stručnosti obsahuje dosti úplný výklad palaeografických zásad, kterými se řídil Vostokov při rozboru rukopisů a které jsou uznány vědou za zcela správné a nevývratné. Biskup Savva vydal velmi pozoruhodné dílo «Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской синодальной бібліотеки VI—XVII вѣка» (v Moskvě 1863), a archimandrita Amfilochij «Снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей, извлеченные изъ разныхъ бібліотекъ» (v Moskvě 1869); kromě toho značné zásoby výtečně dělaných palaeografických snímků jsou přidány ke spisu prof. Srezněvského «Древніе памятники русскаго языка и письма» (v Petrohradě 1866) a «Глаголическіе памятники» (v Petrohradě 1866). Důležitější však ještě očekáváme: tak je známo, že k vydání sborníku Svjatoslavova z r. 1073 bude přiložen celý atlas snímků, udělaných pod dohledem samého vydavatele; očekává se rovněž sborník snímků (fotografických) z Grigorovičova Athoského hlaholského kodexu, očekává se ještě, že i Rumjancovské museum vydá konečně bohatou (86 č.) sbírku otištěných palaeografických snímků, která se mu dostala od nebožtíka V. M. Undolského. Ovšem jest všechno to pouhý materiál, mnohdy nestejné ceny, ale na každý pád užitečný ano i nutný.

Palaeografickými speciálními pojednáními ruská slavistika není posud bohatá; více než ostatní obrací pozornost na tuto stránku starého písemnictví prof. Srezněvský ve svých popisech a zkoumáních starých památek; jemu přináležejí čest, že slovanská (a řecká) palaeografie uvedeny byly v obor předmětů, které se vykládají na ruských universitách, on má, jak známo, již připravenou k tisku i *úplnou slovansko-ruskou palaeografi*, která beze vší pochyby nejen osvíti mnohé temné stránky slovanských starožitností, než i vůbec položí určité, pro učence závazné základy k

určení doby rukopisů. Dosud podobná určování dělala se a dělají se, bych tak řekl, dle dojmu neb od oka, bez přísnějšího uvážení věci, a proto přirozeně v mnohých případech bývají a bývaly chybné aneb aspoň bez důkazů vynešeny.

Tam, kde staré památky vydávají se v takém množství, nemůže býti nedostatku grammatických jich proskoumání. Z předcházejícího přehledu můžeme viděti, že bez nich se obejde málokteré vydání, málokterý popis rukopisů. Materiály se sbírají se stejnou horlivostí jak pro grammatiku tak i pro slovník. Vydání «Филологическія наблюденія Востокова» (v Petrohradě 1865), kde sebrané jsou nemnohé grammatické práce jeho o staroslovanském jazyku, a sice jeho znamenité «Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ»; jeho «Грамматическія правила, извлеченныя изъ Остромирова евангелія» a jeho «объясненія Фрейзингенскихъ статей» bude ovšem nemálo napomáhati tomu, aby grammatické, do veřejnosti podané práce v oboru staroslovanského jazyka se neodchylovaly s přímé historicko-genetické dráhy v obor třeba i svůdných, ale často příšerných domněnek. K témuž vede i jeho «Грамматика Церковно - Словенскаго языка», vyložená podle nejstarších jeho památek (v Petrohradě r. 1863). Dle mého zdání není ona dosud správně oceněna vědou, neb tato od ní vyžaduje bádání, kdežto ona má za účel předložití jen materiál, za to však *taký* materiál, na který spolehá-li se skumatel, nevydává se do nebezpečí, že pochybí. V ohledu tom může býti spíše nazvána věrným *grammatickým vodidlem* v staroslovanských památkách, než grammatikou ve vlastním smysle, — a co vodidlo jest mu drahocenná. V přísném Vostokovském směru p. Budilovič proskoumal v poslední době jednu z nejdůležitějších památek staroslovanského jazyka, a sice překlad řeči Řehoře Nazianského XI stol. «Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова» (v Petrohradě 1871). Materiál sebrán jest velmi bedlivě a dosti šťastně uspořádán, ale ovšem jest to pouze jen materiál, který dosáhne svého náležitého významu, bude-li náležitě spojen se všemi ostat-

ními podobnými památkami. Pak budou možny i některé všeobecné vývody, od kterých se spisovatel nyní rozumně zdržuje. Pro dějiny otázky o staroslovanském jazyku a slavistiky vůbec velkou zajímavost budou mítí *dopisy* Vostokova, které mezi jinými si vyměňoval i s Dobrovským, Kopitarem a jinými slavisty, a které prof. Srezněvský vydal v Petrohradě 1873. Dopisy tyto v mnohých ohledech doplňují a vyvinují ty myšlenky, které prvněkrát vyslovil Vostokov ve svém znamenitém pojednání o slovanském jazyku.

Při filologickém bádání slovanských nářečí ruští slavisté řídí se hlavné dvěma směry: Jedni nepouštějíce se zřetele úspěchů srovnávacího jazykozpytu, zůstávají v mezích slovanského materiálu, druzí odvažují se vystoupiti na širší pole srovnávání s ostatními jazyky indoevropskými i dovolují si některých všeobecných vývodů a úsudků. K prvním patří práce pp. Petrovského, Baudouina de Courtenay, Krynského, Potebni a j.; k druhým práce Šercla, Duvernoya, Mikuckého atd. Pod názvem «Материалы для діалектології славянської» sebral M. P. Petrovský i spracoval data, která se týkají místních změn slovanských nářečí v jich nynějším stavu. Po vydání Šafaříkova národopisu jest to první důkladná práce v tomto oboru, práce tím potřebnější, poněvadž data od Šafaříka sebraná již při vyjití svém potřebovala značných oprav a doplňků, tím více pak jich potřebují v nynější době. Filologické charakteristiky p. Petrovského nalezájí doklady v pěkně sestavené dialektologické chrestomatii slovanských nářečí. Práce tato není sice ještě ukončena, ale soudě dle toho, co již vytištěno jest (viz Ученія Записки Казанскаго Университета 1869 a násl.), nabude slavistika tím knihy, ježto stejně jest důležitou jak pro ethnografii tak i pro filologii. Spis Baudouina de Courtenay («О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія», v Lipsku 1870), který již jest znám pro své některé důkladné články z oboru slovanského jazykozpytu, uveřejněné v «Sborníku vědeckém čes. Musea » a v «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung» — jest práce co do myšlenky zcela nová a

původní. Jak známo, počínají se památky polského jazyka teprva v XV stol. V jakém stavu byl jazyk do té doby, kde najíti dáta k rozřešení této pro slavistiku důležité otázky? Dle mysli prof. Srezněvského obrátil se spisovatel k starým latinsko-polským aktům a letopiscům, které obsahují dosti bohatou zásobu polských slov a jmen vlastních, podaných v latinské formě. Vyčerpav takto veškeren materiál nejen z letopisův a bohaté sbírky diplomův Rzyszczewského a Muczkowského, ale i z pomořanského diplomataře Hasselbacha a Kosegartena a z některých jiných příbuzných pramenů, Boudouin de Courtenay sestavil staropolský vokabulář, uvedl dle možnosti každé slovo v staroslovanskou postavu a formu (některá slova s úplnou jistotou, jiná s hypotézou), a na takém materiálu vykonal grammatická bádání a vývody své o staropolském jazyku, srovnáváje ho s jazykem staroslovanským a novopolským. Spis Boudouina de Courtenay složen tak bedlivě, s takou pílí a důkladnou znalostí věci, že se nerozmyšlíme viděti v něm skutečné obohacení slavistiky, neb jí získala zcela nový obor. Kdyby byl v podobném směru proskoumán slovanský materiál staropolabských (=baltických), staročeských a starojihoslovanských latinských akt, nepochybuji, že dějiny slovanských nářečí a slovníky jich byly by obohaceny mnohými zajímavými stránkami, a naše vědomosti o starobylém stavu jazyků — aspoň v ohledu fonetickém — staly by se důkladnějšími. Zde mi nelze mlčením pominouti, že první myšlénka, použití pro filologickou vědu slovanských slov, s kterými se setkáváme u cizích spisovatelů, přináleží Durychu, který v své «bibliotheca slavica (Vindobonae tomus I. a. 1795)» podobný materiál vytáhl z byzantinských spisovatelů. Durych ovšem neměl prostředků, by náležitým způsobem použil tohoto materiálu, nyní stalo se to možným, a čest počátku (aspoň v literatuře⁷⁾ přináleží p. Boudouinu de Courtenay. Nevelká práce p. Krynského; «о носовыхъ звукахъ въ

7) Pravím v literatuře, poněvadž jest známo, že téhož způsobu ode dávna užíval prof. Srezněvský při svých čteních historie slovanských nářečí na universitě petrohradské.

славянскихъ языкахъ» (ve Varšavě 1870) obsahuje v sobě dosti dobrý výbor dát pro rozřešení otázky, ale spisovatel byl by vyplnil svoji úlohu poněkud jináče, kdyby byl hleděl seznámiti se více s výsledky jiných učenců, neb pochybujeme, že by mu byl znám důležitý článek prof. Hattaly, o témž předmětu jednající v Zábhrebském «Книжевнику» roku 1865. Krátká sice, ale bedlivě sestavená «Фонетика кашебскаго нарѣчія» p. Stremlera tiskne se nyní ve «Филологическихъ запискахъ». které vydává p. Chovanský ve Voroněži.

Zdá se, že v ruské vědě již se zcela ustálil náhled, že bez proskoumání skutečného stavu příbuzných slovanských nářečí nejsou možné žádné pevné úsudky ani o osudech ruského jazyka; proto tedy ruští jazykozpytci, skoumajíce výjevy, které se vlastně potahují k jich mateřskému jazyku, skoro vždy obracejí náležitý zřetel i na ostatní slovanská nářečí. S takovým pravým směrem setkáváme se v pojednáních A. A. Potebni: «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» (ve Voroněži 1866), a «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» (ve Voroněži 1871), kde spisovatel pomocí slovanského materiálu opravuje mnohá chybná ponětí, která panovala o tomto předmětu. Totéž sluší podotknouti o úvaze P. A. Lavrovského, «Записка о первой части Исторической Грамматики русскаго языка, составленной проф. Θ. И. Буслаевымъ» (v Petrohradě 1865). Za to co se dotýče srovnávání slovanských nářečí s ostatními jazyky indoevropského kořene — to ruská slavistika sotva se může honositi zvláštními úspěchy. Pozoru nejhodnější v tomto oboru co *do objemu* jest Šerclova «Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ» (2 velké díly, v Charkově 1871—72), o které můžeme říci, že všecko, co v ní je správného, není nové, a skoro všecko nové je nesprávné. Kniha tato nese na sobě ráz kompilace, materiál je sebrán nakvap bez ladu a skladu, neprohlédnut a neprozkoumán, jak by se slušelo a patřilo. Porovnáme-li tuto grammatiku se spisem Katkova «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» (v Moskvě 1845), který vyšel tedy před 25 lety, museli bychom vynésti velmi nepříznivý úsudek o úspěchu

srovnávacího jazykozpytu v Rusku. Na štěstí jest spis Šerclův výjev osamotnělý, za který odpovídati má jedině jeho spisovatel a bezpříkladná povrchnost jeho práce. Spis prof. Duvernoya «Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи» (v Moskvě 1867) týká se jedné velmi důležité, ale při tom velmi obtížné otázky slovanské jazykovědy. P. Duvernoya uchopil se díla dosti vážně: data, která byl sebral, jsou zajímavá, ale slušelo-li je tak objasňovati—o tom možno pochybovati. Při tom pak neobyčejně temný a hledaný sloh činí knihu jeho rozhodně nepřístupnou nejen prostým čtenářům, než i skumatelům, jimž nijakých obtíží nečiní čtení ani takých spisů, jako jsou na př. Pottovy «Etymologische Forschungen». Nedávno vydaný druhý spis prof. A. L. Duvernoya: «Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій» (v Moskvě 1872) jest stručná charakteristika fonetiky a morfologie slovanských nářečí ze stanoviska srovnávacího. Jest to, možno-li se tak vyjádřiti, přehled čili výsledek již známého materiálu. Ač se zde nepotkáváme s nijakými zvláště novými bádáními aneb důležitými výsledky, ale co všeobecný přehled byl by spis jeho dosti zdařilý, kdyby neškodila jasnosti jeho opět temnost slohu. Některé etymologie jsou nové, ale sotva dojdou uznání. Taktéž musíme vysloviti své politování, že spisovatel docela nepoužil bohatství nového materiálu, který byl prof. Srezněvský vydal. Podotkneme ještě, že i historické náhledy spisovatelovy, co se dotýče slovanského jazyka, sotva obstojí před kritikou. Spisy S. P. Mikuckého: «Наблюденія и замѣчанія о Лѣто-славянскомъ языкѣ» (v Petrohradě 1867) a «Наблюденія и выводы по сравнительному аріійскому языкознанію» (ve Varšavě 1872) jsou skoro výhradně rázu slovníkářského a týkají se kořenů slov: jest to celá řada srovnávacích skupení slov i jazykových kořenů nejen z oboru indoevropských jazyků, než i z tak nazvaných turanských. Mnohým srovnáním nelze upřítí důvtipu a skutečné novosti, mnohé však vzbuzují pochybnosti, a o mnohém srovnání možno říci, že odporuje vědě a jejím základním pravidlům. Snaha uvéstí slova různých jazyků na základní kořeny, vyličující dojem učiněný na city

zjevy přírodními, jest aspoň předčasná, poněvadž mnozí jazykové nejsou ještě zcela proskoumáni v ohledu lexikálním, čerpají pak z pramenů nedosti spolehlivých — jaký jest z toho prospěch? Dle mého zdání ctěný S. P. Mikucký mohl by se svou důkladnou znalostí jazyka litevského prokázati vědě mnohem větší prospěch, kdyby se obmezil na užší obor, totiž na vědecké proskoumání pruskolitevského a lotyšského slovníka, srovnáváje je s nářečími slovanskými, co byl již Pott jednou tak šťastně započal ve svých latinských programmech o prusko-litevském jazyku. Ovšem i ve svém nynějším způsobu práce S. P. Mikuckého budou i zajímavé i užitečné, ale ne jinak, než budou-li přísně kriticky proskoumány, následkem čehož se i materiál značně umenší, za to však stane se hodnověrným.

Musíme se taktéž zmíniti i o těch filologických pracech ruských učenců, kteří se právě tak týkají slovanského jazykozpytu jako národního života, t. j. o takých, kde se jazyk zjevuje zároveň i co prostředek k objasnění národního života a kultury. Důležitější práce v tomto oboru náleží knězi Moroškinu (již nebožtíku) a prof. P. A. Lavrovskému. Spis Moroškinův má název «Славянскій именовсловъ или собраніе славянскихъ личныхъ именъ» (v Petrohradě 1867). Jest to dosud nejen nejúplnější kniha o tomto předmětu, než i nejlepší. Spisovatel čerpal svůj materiál z ohromného množství pramenů ruských, jinoslovanských a latinských; on použil všeho, co mohla o tom předmětu mu podati slovanská a evropská věda, vůbec on nepohrdl ničím, aby dodal své práci i úplnosti i důkladnosti. Hlavní část jeho knihy zaujímá slovník vlastních jmen, při každém slově udána jsou místa z pramenů i pomůcek, kde slovo to přichází. Před slovníkem stojí obšírný úvod, v němž se bere do úvahy historická důležitost předmětu tohoto, literatura jeho, grammatické tvoření osobních jmen prostých i složených, archaeologický význam jich, t. j. pojmy a fakta národního života, která se jimi vyjadřují, a konečně vliv křesťanství a mezinárodních poměrů na ústrojí osobních slovanských jmen. Z toho patrně, že kniha Moroškina stejně zajímá i slavistu filologa, i slavistu histo-

rika národní kultury, neb ten i onen najde zde velmi svědomitý výbor fakt, někdy zcela nových a množství velmi užitečných poznámek a pozorování. Ovšem spisovatel není lingvista, jeho grammatická bádání a některá objasnění osobních slovanských jmen nelze nazvati všude podařenými, ale pečlivě a důkladně sebraný materiál zůstane navždy majetkem vědy, ať by byly jakékoliv proměny a doplňky v něm potřebny. Spis P. A. Lavrovského «Коренное значение въ названіяхъ родства у Славянъ» (v Petrohradě 1867) jest, abych tak řekl, vstavek čili úryvek ze slovanské lingvistické palaeontologie, neb objevuje kořenový význam příbuzných slovanských pojmenování pouští se spisovatel i do velmi zajímavého objasňování indoevropského a slovanského života rodinného a národního, mravův i obyčejů a pod. Co se týče metody, které užívá p. Lavrovský při srovnávání slovanských slov se slovy ostatních příbuzných jazyků a zvláště sanskritského — musíme vysloviti úplnou uznanost jeho střízlivé lingvistické opatrnosti a taktu, které všude udržují ho v mezích hodnověrných neb aspoň pravdě podobných. Nelze říci, že by p. Lavrovský byl vyčerpal celý slovník příbuzných slovanských názvů, najdou se některé, možná že i mnohé, kterých ani nezpomenul, ale vše, co bylo důležitějšího, sebral a objasnil přiměřeně souvěkým požadavkům i úspěchům srovnávacího jazykozpytu. Proto tedy jeho důkladná práce, tak důležitá jak pro slovanský jazykozpyt tak i pro vědu slovanských starožitností, může býti nazvána jedním z nejdůležitějších zjevů ruské slavistiky.

Zbývá nám ještě se zmíniti o ruskoslovanské lexikografii. Na prvním archaeologickém sjezdu prof. Srezněvský objevil, že připravuje k vydání slovník staroruského jazyka. Děkuje laskavosti váženého učence tohoto měl jsem příležitost prohlédnouti si archy důležitého podniknutí tohoto pro úspěchy slavistiky, které byly na zkoušku vytištěny. Poněvadž nelze bylo přísných mezí položití mezi slovníkem vlastně staroruským a církevně slovanským, rozhodl se prof. Srezněvský vnést do svého slovníka celý materiál staroruského písemnictví. Slovník tento bude míti nejen filo-

logický než i reální ráz, t. j. uveďte fakta jak z historie politické tak i kulturní. Materiály jsou už všechny sebrány, zbývá jen konečné uspořádání, i nemůžeme zde zamlčeti přání, aby měl náš slavista dostatek sil, aby vykonal tak ohromný podnik, od kterého očekávati velikého užitku má věda jistě proč. Ačkoli «Сербско-русскаго словаря», který vydal roku 1870 v Petrohradě p. Lavrovský, měl hlavně za účel vyhověti potřebám praktického seznámení se se srbským jazykem, najde slavista v něm taktéž i pro sebe bohatou stránku, a to zejména hojnou zásobu objasněných tureckých slov, čehož postrádají všechny dosud známé srbské praktické slovníky.

V historii slovanských literatur v Rusku se méně pracuje, než by se dalo očekávati od země, kde tento předmět se nalezá v programu universitních čtení. Příčina toho záleží v tom, že dějiny mateřské (ruské) literatury a spojené s ní dějiny staroslovanského písemnictví unášejí pracující síly. Avšak čím rozsáhleji a čím důkladněji se studují plody ruské literatury, tím více se objevuje takých oborů a předmětů, kterých nelze pochopiti bez zřetele k materiálu, jež poskytuje polská, česká a srbská literatura. Nemluvě již o národních podáních, společných všem slovanským národům, dosti bude, připomeneme-li národní pohádky, literární pověsti, spisy apokryfické, plody bohoslovecko-řečnické i retorické literatury na jihu Rusi. Tato vážná oddělení historie ruské literatury nebudou nikdy náležitě oceněna a spracována, dokud badatelé neobráti patřičné pozornosti na podobné výjevy v ostatních slovanských literaturách. Ruští badatelé dávno to pochopili a dávno hleděli vyhověti tomuto požadavku. Prohlédnuv dva velké díly «Очерковъ русской народной словесности и искусства» (v Petrohradě 1861) prof. F. J. Buslajeva, «Русскія народные сказки» A. N. Afanasjeva, «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (v Petrohradě 1857) A. N. Рупина, «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ» (2 díly, v Petrohradě 1861) nebožtíka P. P. Pekarského, konečně nedávno vydaný spis prof. A. N. Veselovského «Славянскія сказанія о

Соломонѣ и Кптоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ» (v Petrohradě 1872) — každý uvidí, jak důležitý význam připisují tito učenci slovanským látkám, jaké slušné místo dávají jim ve svých bádáních. Ruská slavistika v poslední době předložila jedno dílo všeobecného rázu výhradně v oboru historie slovanských literatur a několik zvláštních bádání. «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ», který sestavili p. Pypin a Spasovič (v Petrohradě 1865), jest, nemýlíme-li se, třetí pokus v tomto oboru: první přináleží Šafaříku (*Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten*, Ofen 1825); druhý, který není ani do polovice doveden — prof. V. J. Grigoroviči («Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ». V Kazani 1842⁸⁾). Dílo Pypinovo a Spasovičovo (poslednímu přináleží oddíl literatury polské) obsahuje všechny slovanské literatury, nevyjímaje ani tak chudé, jako jest bulharská a lužická, a předkládá výtečný přehled všeho, co dosud bylo vykonáno v jednotlivých slovanských literaturách, ale není to pouhý výtah, nýbrž práce ozářená myšlénkou, a to myšlénkou souvěkou. Kniha tato jest určena pro vzdělaného čtenáře, ale nebude zbytečnou ani pro obeznaného v oboru tomto učence, poněvadž mu napomáhá, aby objal myšlénkou všecken celek látky i aby od podrobností povznesl se k všeobecnému rozhledu. Prostudovavše pozorně knihu tuto a proskoumavše i její hotový kapitál vědecký došli jsme k tomu přesvědčení, že ač i možno doplniti některé její části nepovšimnutými podrobnostmi, ačkoli se i sluší něco poopraviti, avšak vůbec také doplňky a opravy nebudou značné, neb důležitější všecko se zde nalezá. Spojujíc v sobě stručnost, úplnost a zároveň i pěknou jednoduchost slohu, kniha p. Pypina a Spasoviče předkládá nám sama o sobě taký spis, jehož překlad na jiná slovanská nářečí byl by nejen žádoucí, anobrž on jest i nevyhnutelně potřebný, poněvadž ani jedna slovanská literatura nemá dosud takého díla, které by se

8) K takým pokusům nepočítáme kompilace Talvi, poněvadž jsou vzaty z knihy Šafaříkovy a nemají nijakého samostatného významu.

mohlo rovnati dílu p. Pypina anebo předčiti je, a potřeba podobné knihy jest nutná již proto, aby nepřátelé Slovanstva nemohli říci «своя своихъ не познаша» (svoji svých nepoznali). Střízlivost některých náhledů p. Pypina byla příčinou výčitek, že nemá dosti víry a soucitu k slovanské ideí. Nám se zdají býti nepodstatnými, neb p. Pypin nepřiznává se toliko k té formě, do které zahalují slovanskou ideu někteří přenáhlení, mystičtí její obhájcové v Rusku. Ovšem on by dovedl vysloviti i své idealy, kdyby toho našel možnost. Na každý pád, pominouce i jeho náhledy, již pro jediné mistrovské a důkladné vyjasnění předmětu zasluhovala kniha tato hojného rozšíření v slovanských zemích. Zde příležitě připomínáme, že podrobná a důkladná úvaha o tomto spisu napsána byla p. A. Lavrovským *) a otištěna v «Отчетъ о девятомъ присужденіи Уваровскихъ наградъ» (v Petrohradě 1867).

«Древніе памятники языка и письма юго-западныхъ Славянъ» (v Petrohradě 1865) professora Srezněvského jest stručný chronologický přehled památek bud' takých, které ještě skutečné jsou, aneb takých, o jichžto bytí možno uzavírati z jiných udání, anebo z kombinac okolností věci. Doba takých památek jest IX — XII stol. Památky tyto jsou popsány velmi krátce, jen s některými nejnutnějšími poznámkami o nich, především chronologickými, k objasnění toho, proč památka patří do toho neb onoho roku, čili do té neb oné doby časové. Přehled prof. Srezněvského jeví se nám co výtah z většího díla, podobného tomu, které byl vydal co se týče ruského jazyka a písma.

Ne nepatrnou práci k objasnění slovanského národního básnictví nalazáme ve spisu p. Potebni «О некоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи» (v Charkově 1860). Spisovatel bere do úvahy celé řady připodobnění a porovnání, kterých se užívá v slovanských národních písních, a dle nich soudí o symbolech. Ač jeho porovnání se neopírá všude nevyhnutelně na symbol a proto také p. Potebňa nevyhnul se všude přehnanostem, předce kniha

*) Слѣдуетъ читать Р. А. Лавровскымъ.

jeho velmi trefně objasňuje mnoho tak zvaných epických formulí slovanského národního básnictví. O díle N. P. Nekrasova, který vydal a filologicky vyložil Kralovédvorský rukopis, myslím, že by bylo zbytečné šířiti slov, poněvadž kniha tato jest dostatečně známa v české vědě a došla spravedlivého uznání se strany takého nestranného soudce, jakým jest p. prof. Hattala (viz «Osvěta» 1872 str. 636); ale nemohu zde zamlčeti přání, aby článek prof. Srezněvského o Libušině soudu, který slyšeti měli jsme příležitost v jednom zasedání petrohradské filologické společnosti, byl co nejdříve vydán. Nemýlíme-li se, hledí v tomto článku dokázati, že ani jazyk, ani věcný obsah památky této nepřekáží a neprotiví se tomu, aby položena byla do XIV stol.; taktéž nelze zatajiti zde přání, aby bylo vydáno i pokračování práce A. A. Kunika «О подлинности Суда Любуши», počátek kteréhožto vyšel v «Записках академіе наук». Historie pak objevení se soudu Libušina podrobně jest vyložena v článku p. Lavrovského: «Поѣздка во внутреннюю Чехію» (viz «Утро» 1858).

K historii slovanské literatury možno připočísti i výtečné kriticko-bibliografické dílo prof. Ondřeje Popova «Обзоръ Хронографовъ русской редакціи» (v Moskvě 1866—1870, 2 knihy), poněvadž přeložené chronografy prvotně nejspíše vznikly v jiho-slovanském, bulharském a srbském písemnictví. Prof. Ondřej Popov, prozkoumav ohromné množství rukopisů tohoto za starých dob na Rusi oblíbeného druhu plodů, popisuje podrobně a důkladně rozličné redakce jich, srovnává je, kde to možné bylo, s řeckými prameny a vůbec vykládá zevnější historii tohoto druhu památek. O literárním významu chronografů spisovatel nešíří slov, poněvadž tato stránka otázky netvoří nyní zvláštních obtíží, neb nejdůležitější a nejtěžší práce předběžného kriticko-bibliografického rozboru jest vykonána a vykonána s úplným prospěchem! —

Důkladný počátek historicko-literárního zpracování apokryfických spisů nalazáme v pracích A. N. Пупина, bohužel neukončených. Tak byly od něho zpracovány, a sice «Статья о книгахъ

истинныхъ и ложныхъ» (viz «Лѣтописи занятій Археограф. комисіи» дѣл I), kniha «Трепетникъ», «Рафли», «Громовникъ» (viz «Archiv, který vydával Kalačov, knihu 1 a 2), některé starozákonné apokryfy (v časopise «Русское Слово» 1862), a «книга Гермеса Трисмегиста» (viz «Археологическій Вѣстникъ», дѣл I). Spisovatel všude poukazuje i srovnává slovanské překlady s řeckými prameny.

K historii slovanské literatury patří částečně spis prof. J. S. Nekrasova «Пахомій Сербъ, писатель XV вѣка» (v Oděsse 1871). Aby vyjasnil činnost Pachomiovu v Rusku, pouští se spisovatel do probírání otázky o vlivu Srbska a sv. hory Athos na ruskou literaturu v XIV—XV stol. Bohužel pojednání toto obmezuje se na tuze všeobecné obrysy a jest důležitější proto, že postavilo otázku, a ne proto, že by ji bylo rozluštilo, ono aspoň málo podává nového k tomu, co bylo již známo. Nejzajímavější jsou ty stránky, kdež mluví o kryptografii, která dle jeho náhledu byla přinesena ze Srbska na Rus; ale myšlénka tato, ač jest-li pravdivá, na každý pád potřebuje ještě důkazů.

Velmi pozoruhodný je článek prof. V. J. Lamanského: «Болгарское нарѣчіе и письменность въ XVI—XVII вѣкахъ» (viz Журналъ Минист. Нар. Просв. 1869). Podává filologický a historicko-literární rozbor jednoho bulharského rukopisného sborníku (který byl psán dle mého náhledu v minulém století), který náležel Kopitaru a nyní se chová v jeho bibliotéce v Lublani. Ačkoliv článek p. Lamanského neodstranil potřeby objevení se nového, opětného proskoumání tohoto pozoruhodného sborníku, jest on přece zajímavý a důležitý pro mnohé výtahy z památky, pro podrobnosti filologického rozboru jeho a konečně pro některá historicko-literární objasnění spisovatelova, a to tím více, poněvadž sborník sám jest dosud řídký svého druhu úkaz bulharské literatury tak málo známé nám. Článek prof. V. J. Grigoroviče: «Амосъ Коменскій» (v Oděsse 1870) předkládá v krátkém sice, ale mistrně sepsaném nástinu literární a paedagogickou činnost tohoto znamenitého českého humanisty.

Poukázali jsme jen na značnější práce ruských slavistů v oboru slovanské filologie a historie literatury, menších pojednání a poznámek, mnohdy velmi důležitých, najde se taktéž nemálo; nalezájí se v rozličných učených vydáních a časopisech, jichžto vypočítávati nemáme v úmyslu, neb očekává nás ještě dosti obšírný obor — ruské *historické* slavistiky.

II.

Bájesloví a starožitnosti. Historický národopis. Dějiny. Dějiny právní a církevní.

Dvě okolnosti zvláště napomáhaly k vývoji a úspěchům učení se slovanským starožitnostem na Rusi, a sice především uvedení slavistiky mezi ty předměty, kterým se vyučuje na universitách, a bližší seznámení se s pracemi J. Grimma a jeho následovníků. Slovanská stolice na ruských universitách nepřestávala pouze na jazyku a literatuře, než obírala se i «Starožitnostmi». Novota předmětu tohoto, velká důležitost jeho nevyhnutelně vybízely k bádání, a to tím více, ježto ani v evropské vůbec, ani v slovanské vědě nebylo také knihy, která by mohla býti návodem a napomáhati v jistém stupni samostatným bádáním. Ovšem byly již «Slovanské starožitnosti Šafaříkovy», přeloženy i do ruštiny od prof. Bodjanského, ale spis tento mohl vyhověti účelům universitního čtení jen částečně, poněvadž Šafařík spracoval pouze *oddíl dějepisný*, zůstaviv vše ostatní pro druhou část svého díla, která však nevyšla. Professori slavistiky, puzeni jsouce k samostatné činnosti, přirozeně vzbuzovali i své posluchače ke zpytování slovanských starožitností, ale zvláště energicky vzmohl se tento interest potom, když učenci se seznámili s genialními pracemi J. Grimma a když srovnávací jazykozpyt ukázal, jak důležitých výsledků možno jím dosíci i v studiích archaeologických. Rozsáblé pole

otevřelo se badatelům: památky a svědectví starobylá, výkony a zjevy národního života, jazyka, obyčejů, pověr, podání, — vše to poutalo učený interest, pobádalo k pátrání, k bádáním, ke srovnávání. Hlavní zásluha počátku v té příčině přináleží prof. F. J. Buslajevu, který nejen ve svých čteních universitních, než i tiskem rozšiřoval tento nový směr zpytování starožitností a podal mnohé pozoruhodné vzory srovnávání svého k speciálnímu probádání slovanského materialu. R. 1861 sebral Buslajev nejzajímavější své články a monografie v oboru tomto a vydal je v Petrohradě ve dvou dílech v 4° s množstvím vyobrazení pod názvem: «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Ačkoli podstatným obsahem jejich je látka ruská, přece řídě se srovnávací methodou, spisovatel stále obrací pečlivou pozornost nejen na podání, než i na život ostatních slovanských národů; mnohé stránky jsou výhradně věnovány jejich rozboru, jako na př. v prvním díle články: «mythická podání o člověku a přírodě», «o vílách», o «slovanských (polských a českých) epických podáních», «o slovanských pohádkách». Proto Očerki p. Buslajeva právem zasluhují místa mezi zjevy ruské slavistiky. Methoda bádání spisovatelova, jak jsme již podotkli, jest srovnávací. Nelze říci, že by se jí všude byl přísně držel, že by ji všude předcházela přípravní kritika fakt, která srovnává; nelze taktéž říci, že by mu vždy byl jasný cíl, t. j. historické výsledky srovnání a sblížení; avšak tyto nedostatky — nutný to následek mladosti vědy — nahražují se neobyčejným důvtipem a uměním, odhalovati a osvětlovati také stránky předmětu, které by zůstaly zcela nepovšimnuty oku méně zkušenému i citu méně vyvinutému v ohledu uměleckém. Dle svého směru Buslajev nenáleží tak k té škole badatelů, která vyhledává *prvotný smysl* podání a poeticko-mythických obrazů jako spíše ke škole *kulturní*, t. j. k té, která hledí odhaliti *historicko-kulturní význam* podání starobylého; a nedostihl-li vždy se stejným úspěchem tohoto pravého cíle, to stalo se proto, že kritika pramenů starobylých nalezá se ještě na stupni dětském a i sama známost starobylého vzdělání, stupňů a podmínek jeho vývoje

jest ještě velmi nedostatečná. Ať tomu jakkoliv, Očerki prof. Buslajeva zůstávají a zůstanou spisem důležitým každému slavistovi i pro hojnost a bohatství obsahu, zpozorovaných a prozkoumaných fakt, i pro hojnost šťastných domyslů a objasnění — jak všeobecného kulturného smyslu slovanských podání, tak i mnohých jednotlivostí, a posléze pro svůj historický význam co nejúplnější výraz jedné z dob v historii studií slovanské starobylosti a starožitností. Příným doplňkem tohoto rozsáhlého díla p. Buslajeva byly některé jeho články, které se objevily teprv později, z nichž pro svůj poměr k ostatním slovanským (k českým) národním podáním obzvláště zasluhují býti vyčteny následující: «Русскій богатырскій эпосъ» (v «Русскомъ Вѣстникѣ» 1862. kn. 3 a násl.) a «Сравнительное изучение народнаго быта и поэзіи» (tamtéž 1872. 3 kn.).

«Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу» nebožtíka A. N. Afanasjeva (3 díly v Moskvě 1865—1869) jest, jak se on sám při nazvání spisu vyslovil — «pokus srovnávacího zpytování slovanských podání a pověr ve spojení s mythickými pověstmi ostatních příbuzných národů». Ačkoliv Afanasjev neměl v úmyslu, zúplna vyložiti slovanské bájesloví, a chtěl jen prozkoumati ta národní báječná podání, pověry, obřady a obyčeje slovanského plemene, které svůj původ vzaly z poetického a náboženského názoru na přírodu; nicméně toto bádání rozprostírá se na celý obor slovanského bájesloví a dotýká se jeho celého obsahu. Hlavní věc, na niž obrácena jest pozornost spisovatelova, jest odhalení původního smyslu bájí a výjevů pohanského života náboženského, tak že jeho dílo spíše by se mohlo nazvati *přírodní symbolikou bájesloví a náboženství pohanských Slovanů*, než *poetickými jich názory na přírodu*. Co se látky týče, tu věda nabyla spisem nebožtíka Afanasjeva nejen nejúplnější z dosud vydaných sbírek národního života, než i v plném smyslu slova toho — první sbírky, která je sestavena se znalostí potřeb vědy a proto stejně důležitá jak pro slavistu-archaeologa, tak i pro historika slovanské vzdělanosti. Pro nedostupnost jemu mnohých monografií a článků z

oboru slovanských bájeslovných starožitností, které jsou roztroušeny v rozličných učených a periodických spisech, jakož i proto, že zásoby národního života ještě daleko nejsou a nebudou dlouho vyčerpány, proto že u některých Slovanů (Bulharů, Slovinců, uherských Slovanů) ony se teprva počínají sbírat, — dílo Afanasjeva bude potřebovati mnohých doplňkův, ale i to, co byl již sebral, úplně dostačí k tomu, aby jeho kniha byla nevyhnutelnou pomůckou každému, kdož se obírá slovanskými starožitnostmi. Co se týče učeného bádání — spis Afanasjeva je prvním systematickým pokusem o srovnávací prozkoumání ohromné zásoby látky národních podání a pověr slovanských. Rozsáhlost úlohy této, neúplnost předešlého spracování předmětu a některé osobní nedostatky zračí se v tomto pokuse nejedním opomenutím a jinými víc anebo méně vážnými chybami: spisovatel ne vždy uspokojuje přesnou historickou metodu bádání, nemá se vždy pozorně a přísně kriticky ku pramenům a látce, velmi slabě užívá pomoci jazyka, ne vždy chrání se dost oblíbených sobě myšlének, velmi malou pozornost věnuje historicko-kulturní stránce báječných starožitností; však vůbec činí ve vědě značný pokrok, zejména — krok od nahodilých a kusých bádání v oboru národních podání, od neurčitých srovnání jich a nepevných bájeslovných vývodů — k systematickému posouzení celé zásoby fakt bájeslovného a náboženského života starých Slovanů, ke skutečnému srovnání jich s podáními příbuzných plemen, majícímu objasniti nejstarší, zaniklý již význam a smysl jejich. Ne-li všude, tož aspoň větším dílem jeho pokus o obrácení objasňující metody srovnávacího bájesloví k slovanským podáním jest velmi šťastný: množství báječných obrazů, pověrečných pojmů a pořádků života — dostává se zde poprvé rozumného, přirozeného výkladu ⁹⁾. K témuž srovnávacímu směru zpytování slovanských báječných a jiných starožit-

9) Podrobný rozbor spisu Afanasjeva, který jsem sepsal, vytištěn jest v zprávách o 10 a 13. «Присужденіяхъ наградъ графа А. С. Уварова» (v Petrohradě 1868 a 1872).

ností patří i práce prof. A. A. Potebni: «О мифическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій» (v Moskvě 1865), «О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ» (v II. díle «Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества»), «О купальскихъ огняхъ» (v Вѣстникѣ Московскаго Археол. Общества, díl I., v Moskvě 1868). V prvném z uvedených spisů p. Potebňa bere do úvahy báječný obraz baby Jagy a báječný původ některých vánočních obřadů slovanských. Methoda bádání spisovatelova jest tatáž, jako u Afanasjeva, ale on mnohem častěji pomáhá si jazykozpytem a s té strany jde cestou mnohem jistější. Při vši bohatosti zajímavých srovnání slovanských podání s podáními jiných národů, při vši důležitosti některých jednotlivých poznámek a výkladů, které staví práce p. Potebni mezi pozoruhodné a prospěšné zjevy slavistiky, jsou v nich i makavé nedostatky: nevybíravost v užívání pramenů a vyplývající z toho nejistota vývodů, obzvláště pak jednostrannost směru, vzdalujícího se kulturno-historického stanoviska i přestávajícího na výkladech prvopočátečního, přírodního významu pověr a obřadů. Ostatně poslední nedostatek pozorovati jest u mnohých přívrženců srovnávacího bájesloví. Svým časem, až se přesvědčí, že bájesloví má býti nejen srovnávací, než i srovnávací *historickou* vědou — zajisté jednostrannost tato zmizí.

Pro svou opatrnost v užívání srovnávací metody a linguistiky úplného povšimnutí zasluhuje článek prof. P. A. Lavrovského: «О мифическихъ вѣрованіяхъ Славянъ въ облако и дождь, въ связи съ другими подобными вѣрованіями у родственныхъ народовъ» (v Petrohradě 1863). Ten není sice velký, ale co do obsahu velmi důležitý; jej možno doplniti mnohými podrobnostmi, kterých byl spisovatel opominul, ale sotva se budou tím museti změnit jeho konečné vývody. Nemálo věrných a trefných poznámek ze slovanských bájeslovných starobylostí můžeme najíti ve spisech prof. O. F. Millera: «Опытъ историческаго обозрѣнія русской Словесности» (v Petrohradě 1866) a «Илья Муромецъ и богатырство Кіевское, сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса» (v Petrohradě 1869).

To jsou všechny aspoň důležitější práce, vykonané na Rusi v oboru srovnávacího slovanského bájesloví. Jako žádný počátek, nejsou ani ony prosty mnohých nedostatků; ale jen když bude pravým všeobecný směr, nedostatky napraví se svým časem, a že srovnávací směr při rozbírání bájesloví jest nevyhnutelný, o tom sotva sluší šířiti slov po tom, když srovnávací jazykozpyt došel všeobecného uznání. Pojmeme-li s Maxem Müllerem báji jen co nemocnou formu jazyka, spatříme-li v ní — což ovšem jest pravdivější — formu myšlenky prvopočátečního člověčenstva, srovnávací metoda bádání v obou případech stejně okáže se nevyhnutelnou, nebo jen skrze ni možno dostati se ke kořenu a příčině výjevu a sledovati jeho historické proměny ve spojení s proměnami národního života. Aby úspěchy srovnávacího slovanského bájesloví byly trvalými, především jest nevyhnutelna kritika pramenů, nebo není-li na jisto určeno to, čeho a jak se má užiti při uvádění bájeslovných starožitností slovanských v pravou formu, budou badatelé vždy blouditi v labyrintu nejrozličnějších, co do času rozličných, příhodných i nepříhodných nahromaděných fakt, aniž jim bude možno vybrísti z tohoto chaosu a uvésti do něho vědecký pořádek. Stopy takého nepořádku zrači se v mnohých spisech, věnovaných slovanskému bájesloví. Konečně pokládáme za slušné připomenouti i pokusy p. Bezsonova, který hleděl objasniti bájeslovné starožitnosti slovanské pochodní pozdnější filosofie Schellingovy¹⁰⁾. V celé slavistice jak nynější tak i minulé doby, vyjma blouznění J. Kollára, Dankovského, Čertkova a j. — neznám ničeho podivnějšího nad tyto pokusy. Zde se pohrdá podstatnými podmínkami všeliké vědy: není ani jediného určitého stanoviště strany důkazův a pramenů starožitností, ani jediného určitého fakta, a vše jest jen samá hypotese či lépe řečeno rozvodněné moře hypotheses, blouznění, bájeslovných snů. Pan Bez-

10) Články p. Bezsonova nalezáji se co příloha k II a III dílu Sbírký ruských písní Rybnikova, k čtvrté části písní, které sebral P. V. Kirějevský a posléze co objaasnění běloruských písní, které sám Bezsonov v Moskvě r. 1872 vydal.

sonov čerpá předpokládanou aneb skutečnou báječnou látku z národních ruských písní a pohádek, srovnává ji se starořeckými podáními a přispůsobuje k těm stupňům vývoje, po kterých provedl Schelling svůj znamenitý *bájeslovný proces* antického světa. Úspěchů historicko-linguistické vědy, týkajících se tak zvané indoevropské doby života, — nevšímá sobě p. Bezsonov naskrze nic, rovněž nedbá ani o historické prameny, o svědectví slovanské starobylosti i jazyk — ačkoli rád do etymologie zabíhá; tu i tam zastavuje se aspoň mimochodem i u některých fakt nynějšího slovanského života proto, aby je podřídil asiatsko-hellenskému bájeslovnému procesu Schellingovu, který jest nyní všude zcela zavržen. Jakými se musejí objeviti slovanské starožitnosti po takých bájeslovných operacích — lehko jest posouditi. Jest to obraz prostý skutečného života, dějin, skutečné pravdy, ale hojně naplněný báječnými stíny, které původ svůj vzaly z rozpustilé obrazotvornosti bájeslovce, který se odchýlil od přísné cesty historického bádání. Nechci tím říci, že by v bájeslovné epopeji p. Bezsonova nebylo ani jediného spolehlivého tahu; je jich ovšem několik, ale i těch sotva užije věda, jelikož by vyhledání jejich více práce stálo, než je to hodno, čeho by se dosáhlo. Neí méně podivný, ač méně fantastický obraz slovanských starožitnost-mythologických nakreslil v poslední době p. Kvašnin-Samarin ve svém článku: «Очеркъ славянскоѣ мѣологіи» (Бесѣда 1872, N. 4). Co se týče nevšímání si kritiky historických pramenů a dát života, rovná se Kvašnin-Samarin Bezsonovu, ale obrazotvornost jeho je méně rozpustilá. Kromě toho nepodrobil se týž tak úplně jako Bezsonov žádné filosofické soustavě, a proto jeho Очерк jest mnohem skromnější. Odhaluji slabé stránky ruské slavistiky mythologické jen proto, abych ukázal, jak nejisté bývají kroky vědy, která se odchyluje od pravidelné methodické dráhy. Srovnávací bádání v oboru slovanské mythologie slibují bohaté výsledky, ale bez přísné předcházející kritiky pramenů — ani ony nedostihnou svého cíle. Dobrota látky jest první podmínkou pevnosti stavby.

Přejdeme k bádáním v oboru staroslovanského života. Šafařík v Starožitnostech velmi zlehčuje zprávy arabských spisovatelův o Slovanech, pokládaje je za čerpané větším dílem ze spisovatelů byzantských. Mínění to nebylo spravedlivé ani tehdáž, tím méně pak ukázalo se jím později. Arabští spisovatelé poskytli nám o životě Slovanů mnoho důležitých zpráv, které bud' doplňují a objasňují chudé zprávy jiných pramenů, bud' podávají rysy zcela nové, které zasluhují vši pozornosti, ačkoli také potřebují kritiky. Nedávno obor tento vědy obohatil se novým a velmi důležitým odhalením: prof. Chvolsonu poštěstilo se najíti mezi rukopisy britanského musea kosmografický spis («kniha drahocenných drahocenností») dosud neznámého arabského spisovatele X století, *Ibn Dasty*, obsahující velmi zajímavé zprávy o Slovanech: Rusích, Bulhařích a jiných sousedních plemelech. Tyto zprávy sebral a vydal prof. Chvolson v originalu a překladu s důkladnými filologickými a historicko-ethnografickými komentáry. (Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ, арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Дасты, в Petrohradě 1869). Nelze sice určití, o jakých Slovanech mluví Ibn Dasta, ale dovoleno-li jest souditi dle užívání slova *ʿupan Svent-polk* (což je ostatně konjektura vydavatelova), můžeme se domýšleti, že mluví o Slovanech říše Svatopluka moravského. Zprávy tyto jsou velmi zajímavé a důležité pro slovanské starožitnosti; komentáry pak, jak se i dalo očekávati od specialisty orientalisty,— jsou mnohem důležitější co do filologické kritiky textu než v ohledu věcném; ostatně i v této příčině učinil spisovatel nemálo, neb sebral zde i mnohé jiné zprávy arabských spisovatelův o Slovanech, které ještě bud' zcela nebyly slavistům známy, bud' jen poněkud a nedostatečně z jiných nesprávných překladův a výtahů. Druhá podobná práce, ale poněkud obšírnější, náleží p. Harkavimu a sice: «Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руси до конца X вѣка» (v Petrohradě 1870). Harkavi umínil si sebrati všechny zprávy arabských spisovatelův o Rusi a Slovanech, a kniha, dotčená je počátkem podniku jeho. Nelze sobě nevšímati díla

tohoto, majícího vyhověti nejpilnějším potřebám slovanské historické vědy; neb od toho času, co vydali své výtahy Frähn (Ibn Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen, v Petrohradě 1823), C. d'Ohsson (Les peuples du Caucase, Paris 1828) a Char-moy (Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves, viz Mémoires de l'Academie de St. Petersbourg 1834, t. II. p. 297—408), bylo objeveno několik nových, důležitých a správnějších textů než ty, které byly dříve známy. Harkavi uspořádal texty chronologicky, za překlady následují filologické a ethnografické komentáry. Těmto posledním nejde tak o objasnění věcného obsahu textů, jako spíš o přípravy, kterých k tomu slavisté od orientalistův očekávají. Jsou-li samy texty věrně přeloženy, prozatím posouditi nemůžeme: ruští orientalisté, pokud nám známo, ještě se nevyslovili o tom, ale pokládáme za nutné podotknouti, že, jak patrno, p. Harkavi měl se ke své úloze dosti svědomitě a nespustil se zřetele ničeho, co by mohlo napomáhati k jejímu rozřešení. O něco později, po vydání svého spisu, vydal k ní i «doplňek», který obsahuje opravy a nová objasnění předmětu samého.

Co se týče bádání samých, která byla věnována staroslovanskému životu, z těch připomenu předně nevelkou (ještě studentskou) práci prof. V. V. Makuševa: «Сказанія иностранцевъ о бытѣ и правахъ Славянъ съ VI по X вѣкъ» (v Petrohradě 1861). Spis ten rozdělen je na dvě části: v první bere spisovatel do úvahy prameny a soudí o hodnověrnosti jejich, v druhé uvádí a rozbírá zprávy, kterých poskytují prameny. Úský objem, v jakém p. Makušev si umínil vzíti předmět svůj do úvahy, nedovoluje mu ovšem pouštěti se do podrobných bádání, nicméně však podstata sebrána jest od něho dosti šťastně a pro ty, jimžto jsou nepřístupny originály, poskytuje kniha jeho dosti užitečnou sbírku zpráv. Co do zpracování je prvá část mnohem lepší nežli druhá, ač, rozumí se, i ona potřebuje nyní již více doplňkův a změn. Tu připomenu i svou vlastní práci «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ» (v Moskvě 1868). Ona je jen částí archaeo-

logie slovanské, o kterou se zasazují. Ne z marnosti spisovatelské, než abych obrátil pozornost slovanských učenců na předmět tento a povzbudil je k dalšímu bádání o něm, dovolím si krátce vyložit obsah své skrovné práce. V *úvodě* určuje se historická i vědecká důležitost otázky této, zejména význam *pohřební povinnosti* (jus manium) u starých a stře dověkých národů. Potom se berou do úvahy prameny předmětu samého a sice: *jazyk*, t. j. staré, slovanské názvy, které se týkají pohřebních obyčejů; *národní život*, t. j. staré obyčeje, které se dosud zachovaly v životě obecného lidu, při tom určuje se všeobecný původ obyčejův a metoda bádání o nich; *svědectví písemná* a sice: Jornanda, císaře Mauritia, Theofilakta Simmokatského, sv. Bonifacia, Ibn-Dasty, Massudi i jeho kopistů, Ibn-Fodlana, Istachry, Ibn-Chaukala, Lva diakona, Ditmara, Helmolda, Martina Galla, Kosmy Pražského, Kadlubka, Kralovédvorského rukopisu, Ruských letopisů (tak zvaného Nestora), Život knížete Konstantina Muromského, Dlugoše, Maršálka Thuria, Hájka, Stohlavého sboru, Menecia, Guanina a Klonoviče. Texty těchto svědků uvádějí se v originálech in extenso a podrobně se rozbírají; konečně berou se do úvahy *pohanské mohyly*, co pramen slovanských pohřebních starožitností a určuje se způsob historického jich užití poukázkami. Přechodem k samému pojednání o slovanských pohřebních obyčejích je nastínění *pohřebních obyčejů, pověr a představ sem náležitých u prvobytných Arijců*, t. j. *v před slovanské době*; konečně berou se podrobně do úvahy slovanské pořádky: ponětí o duši, smrti a budoucím životě u Slovanů a jich pohřební obyčeje dle všech dříve posouzených pramenů. Pojednání samo končí se tak zvaným *ospravedlňujícím článkem* (v příloze), kde se bere do úvahy historicko-ethnografická otázka: k jakému národu přináleželi ti Slované a ti Rusové, o kterých se zmiňují nejstarší arabští spisovatelé. Znae nedokonalý stav vědy slovanských starožitností, nemohl jsem míti v úmyslu žádných konečných vývodů, než chtěl jsem jen sebrati v jeden celek porůznu se nalezající a dosud nerozebraná data o jedné z nejdůležitějších otázek této vědy, kriticky ohlednouti a určití jich

patříčný smysl a stupeň významu, a konečně spořádati je dle možnosti k systematickému rozboru. Poštěstilo-li se mi to a pokud, o tom ať soudí jiní znalci a milovníci slovanské starobylosti a národnosti ¹¹⁾).

Pro národní slovanské slavnostní a sváteční obyčeje mnoho zajímavé látky poskytuje kniha L. S. Karavelova «Памятники народного быта Болгаръ» (v Moskvě 1861). Nejpodstatnější v knize té jest část bulharská, která, pokud nám známo, nikde jinde nebyla tak podrobně a důkladně popsána. Ona na mnoze nahraňuje nedostatky učeného zpracování, které jsme našli v této knize. Srovnání se svátečními obyčeji u ostatních slovanských národů jsou ovšem tu i tam zajímavá, ale vesměs jen nahodilá. Pročež málo čím zvýší cenu díla tohoto.

V oddělení *historické ethnografie* poskytuje nám ruská slavistika následující díla: «Древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ» nebožtíka Hilferdinga (Вѣстникъ Европы 1868). Jest to počátek většího spisu, který připravoval spisovatel v posledních letech svého života. Zde se bere do úvahy poměr Slovanů k ostatním plemenům arijským, ethnografické zvláštnosti jejich, potom otázka o původě a dějinách Venetů. V těch vidí spisovatel Slovany. Co první pokus o objasnění dějin slovanských pomocí výsledků

11) Je tomu již pět let, co na světlo vyšlo mé dílo. Po celý ten čas, chtěje je znova vydati co část' starožitnosti slovanských, nepřestával sem ho sice doplňovati novými dáty a sbíratí látky i pro ostatní částky svého podniknutí; stále přece cítím, že zásoba dat, kterou jsem sebral, jest velmi nepatrná proti tomu bohatství starých obyčejů a pořádků života, které se dosud ještě zachovaly na rozličných stranách slovanského světa. Proto právě budiž mi dovoleno obrátiti se zde s prosbou ke všem milovníkům a znalcům slovanštiny, aby mi oznámili svědectví, která se týkají starých národních obyčejů a sice: o narozeninách, svatbě a pohřbech. Svědectví již vydaná v rozličných novinách, sbírkách, kalendářích, jakož i zcela nová, nikde posud nevyšlá, budou mi vítána. Poněvadž není posud důkladné slovanské bibliografie, poněvadž jest nemožno dostati starých vydání novin, sbírek — bývají často již otištěny zprávy pro badatele tak nové a neznámé, jako zprávy ještě nikdy nevytištěné. Právě proto i ty i ony přijmu nejen s hlubokou vděčností, než i s mravnou povinností, že jich užiji ku prospěchu milé a blízké slovanskému srdci vědě o rodné starobylosti. Zprávy, prosím, aby se adresovaly do Prahy, do Musea království českého p. Paterovi k odevzdání p. A. Kotljarevskému.

srovnávacího jazykozpytu hoden je tento spis Hilferdingův vší pozornosti. Nejdůležitější jeho stránkou jest rozbor zpráv starých spisovatelů, nejslabší pak a nejnejistější jsou etymologické výklady¹²⁾. Spis prof. Makuševa «о Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка» (Ve Varšavě 1871) rozbírá zajímavou a v slovanské vědě dosud s ethnografické stránky skoro nedotknutou otázku o působení Slovanů na Albánci. Všeobecná závěrka, k níž spisovatel přichází, jest ta, že divokým pastýřům albánským, kteří neznali ani zákonův ani civilisace, dali Slované vsdělanošť, zákony a mírné mravy, a přiučili je osedlému životu. Ačkoli ne veskrz, můžeme přece způsob ethnografického bádání spisovatelova uznati za spolehlivý; ačkoli konečně při také závěrce nelze pochopiti, proč se Albánci neposlovanili, než naopak Slované stali se Albánci, nicméně musíme uznati, že se p. Makušev nemálo zavděčil vědě, sebrav svědomitě data a objasniv několik z nich náležitě. Zpomeneme zde i nového důležitého díla p. Drinova: «Заселеніе Славянами Балканскаго полуострова» (v Moskvě 1873). Střízlivou methodou spisovatel šťastně vyvázl z labyrintu předhistorické ethnografie a ve všeobecných rysech dosti věrně určil, kdy a kudy se rozšířilo slovanské plémě na Balkáně. My se však domníváme, že výsledky jeho bádání byly by ještě jistější, kdyby byl šel od historicky známých a jistých věcí k neznámým a nejasným. Pro slavisty-filology v pojednání p. Drinova zvláště zajímavý budou stránky, kde rozpráví o německých slovech (срѣда, постъ, олтарь atd.) v staroslovanském jazyku, ale jeho výklady sotva zcela upokojí filology, zvláště přívržence Kopitarovy.

Co se vlastně *slovanské historie* týče, z té uvedeme především práce, které jsou věnovány spracování jejích pramenů. Nejdůležitější patří prof. Makuševu: «Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника» (v Petrohradě 1867) a «Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріялы для

12) Jak nám známo, našlo se mezi papíry nebožtíka spisovatele pokračování toho díla. Bude vydáno v sebraných všech jeho spisech, které zamýšlejí vydati jeho příbuzní a přátelé.

Славянской исторіи» (3 sešity, v Petrohradě 1870—1871). První spis podává z počátku přehled dějin Dubrovníka, jeho vnitřního ústrojí, života a poměrů k druhým státům, potom bere do úvahy prameny dějin Dubrovnických, památky starobylosti, a sice: věčné, života se týkající, ústní a písemní, i zprávy vrstevníků, konečně kriticky rozbírá nové historické práce v tomto oboru. Za důležitý uznati sluší spis prof. Makuševa zvláště pro svědomité sebrání látky, které ho stálo mnohých a dlouhých namáhání. Množství zpráv sebral z rukopisů, které jsou roztroušeny po archivech a bibliotekách, a z řídkých tisků starodávných. Okolnost ta zejména činí jeho knihu vzácnou každému, kdo se obírá dějinami Slovanů. To samé můžeme říci i o jeho «Italiánských archivech». Jest to sbírka rozličných a důležitých látek z oboru slovanské historie, které byly dosud neznámy. Pilný badatel tento sebral je na archaeografické cestě své po rozličných archivech měst Florence, Neapole, Palerma, Bari, Ankony. Kdo zná, jak těžko jest sestaviti podobnou práci, ten zajisté bude s vděčností pamatovati na sběratele tohoto. Mladý učenec p. Fortinský hledí ve spise svém: «Титмаръ Мерзебургскій и его хроника» (v Petrohradě 1872) samostatně rozebrati všeobecný historický význam kroniky Meziborského letopisce a jeho ethnografické zprávy o Slovanech. Pokud nám známo, jest to první důkladnější spis v oboru tomto nejen ve slovanské než i vůbec v evropské literatuře.

Co se týče politické slovanské historie, poukážeme krátce na následující ruské spisy: «Полабскіе Славяне» (v Petrohradě 1871) od p. Paviňského, kterýžto jest zvláště tím zajímavý, že se spisovatel pokoušel určití rozšíření baltických Slovanů novými jazykozpytnými a archaeologickými dáty, všimnuv sobě zejména místních jmen a vesnic tak zvané okrouhlé, podkovité stavby; Nadlera: «Причины и первыя проявленія оппозиціи Католицизму въ Чехіи и т. д. въ концѣ XIV и началѣ XV в.» (v Charkově 1864); prof. Duvernoya: «Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ» (v Moskvě 1871), — dílo toto pozoruhodné pro

smutné pachtění se spisovatelovo po originalnosti, které ho přivedlo k tomu, že zapomenul i na nejprostší, nejelementárnější historickou pravdu; prof. P. A. Lavrovského: «Паденіе Чехіи въ XVII вѣкѣ» (v Petrohradě 1868); prof. N. Ророва: «Россія и Сербія. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 г.» (v Moskvě 1869, 2 díly); konečně připomeneme Hilferdinga «Собрание сочиненій», kterých vyšlo v Petrohradě 1868 dva díly. V prvním z nich nalezá se «Исторія Сербовъ и Болгаръ» a «Обзоръ чешской исторіи». Ostatně díla ta, doufám, že jsou dosti známa české vědě.

A. V. Maciejovský jal se prvý bedlivěji zpytovatí zákonodárství slovanské. Práce o témže předmětu objevují se v Rusi vždy hustěji. Nejdůležitější z nich pochází od prof. Leontoviče, který r. 1868 vydal monografii «Древнее хорвато-далматское законодательство». S počátku rozbírá tu spisovatel památky dřevního charvatsko-dalmatského zákonodárství; potom zákony Vinodolské, zákony města Záhřeба a naposledy Polický statut. Kromě dějin samých památek pouští se spisovatel i do rozboru vnitřního stavu obcí, jich ustrojení a pořádku, podobného zařízením jiných slovanských zákonodárství. Ačkoli nedostatek filologických znalostí přivádí spisovatele k některým pokleskům a k nepravým výkladům, nicméně musíme uznati, že jeho rozprava jest nejen zajímavá než i důležitá pro každého, kdo se slovanskými starožitnostmi obírá, a to tím více, že podobného díla, pokud nám známo, v literatuře srbské ještě není. Ne tak chvalně můžeme se vysloviti o druhém díle p. Leontoviče: «Исторія русскаго права» (díl I., v Oděsse 1870). Jest to vlastně úvod do předmětu, který obsahuje všeslovanskou dobu práva co výklad a sbírka již všeobecně známé látky, není však prosto některých dobrých stránek, ale má i mnoho podstatných nedostatků: zejména velmi nespolehlivě a neurčitě označuje prameny a pomůcky a nekriticky jen ledabylo seřaděny jsou v něm přílohy, kde se uvádějí staré zprávy o životě Slovanů. Spis tento vůbec jest více pozoru hoden svou ideou než svým provedením. Totéž musíme říci i o zvláštní

bibliografické práci téhož spisovatele: «Указатель источниковъ и изслѣдованій по исторіи славянскихъ законодательствъ» (Журналъ Минист. Нар. Просв. 1867 Nro. 8). Nikdo nebude upíratí, že Ukazatel p. Leontoviče, jak je nám zde podán, může prospěti badatelům, kteří ještě se neseznámili s literaturou předmětu, ale mnohem více by prospěl, kdyby se byl původce přesvědčil o pravosti svých udání z knih samých; tehdáž byl by musel mnoho vynechati, co zcela nepatří k věci, a velmi mnoho opravití. Dosti obšírně pojednal o památkách slovanského práva prof. S. M. Špilevský ve svých spisech: «Союзъ родственной защиты у древнихъ Германцевъ и Славянъ» (v Kazani 1866) a «Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ» (v Kazani 1871). Spisovatel jeví se zde co rozhodný zástupce srovnávací metody při studiu slovanského práva, ale nám se zdá, že nedostatečně objasnil poměr slovanských zařízení k německým, proto i sama jeho srovnání zdají se býti více mechanickým seřaděním dat, než organickým rozbořem srovnávacím. Kromě toho málo pozornosti obrací k životu a historickým proměnám právních obyčejů a zařízení, staraje se více o uspořádání sebraných fakt než o historický a životný jich výklad. Vzdor těmto nedostatkům jsou spisy jeho přece užitečné co sbírky fakt, týkajících se rodinných právních starožitností slovanských. P. Majkov, známý po obšírné historii Srbského jazyka (v Moskvě 1857), kde se nalézá i přehled některých právnických památek, sepsal pěknou rozpravu: «О судѣ присяжныхъ у южныхъ Славянъ» (Русское Слово 1861. Nro. 10), kde podrobně probírá tento čistě slovanský ústav a jeho podmínky. Zvláštní pozornosti jak právníků tak i filologů zasluhuje dílo F. F. Sigela: «Законникъ царя Стефана Душана» (část I. v Petrohradě 1872). Jest to úvod či lépe řečeno předchozí práce k budoucí úplné historicko-právníkové rozpravě o této památce. Zde důkladně rozbírá rozličné rukopisy zákonníka cara Dušana a otiskl nejlepší z nich, připojiv k němu mnoho doplňujících a objasňujících rozprav. Konečně nalézá se zde i historicko-právníkový výklad, který je hoden připomenutí. Práce tato vykonána

bedlivě a svědomitě. Pročež nemůžeme zde zamlčeti přání svého, aby co nejdříve vyšla i druhá část, kterou se dílo toto ukončí. Otázka o významu rodinného života u Slovanů, kterou ruští historikové a juristé tak pilně hleděli dříve již rozřešiti, nedospěvše ke konečnému výsledku, byla opět uvedena na denní pořádek od p. Nikitského ve zvláštním článku o tomto předmětu (Вѣстникъ Европы 1870). K objasnění výjevů rodinného života slovanského připouští spisovatel, že býval u Slovanů *rod fiktivný*, t. j. taký, k němuž se počítali i nepřibuzní, ale osoby také, které se fiktivně za příbuzné uznávaly. Myšlenka tato v historicko-juridické vědě není nová, ale přispůsobení její ke slovanské a ruské starobylosti jest nové. Ostatně pochybujeme, že by spisovateli se poštětilo rozbořením historických zjevů dokázati svoji myšlenku co skutečnou pravdu. Hypothese jeho zasluhuje pozornosti, ale posud zůstává jen hypothesí. Co velmi důležitou, ne-li nejdůležitější ze všech dosud mnou zpomenutých prací v oboru slovanského práva musíme uznati spis prof. Vladimírského-Budanova: «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ» (v Petrohradě 1868). Jest to druhé dílo v slovanské literatuře z oboru právnícké historie polských měst. Prvé, které sepsal Danilovič, obsahuje jen slovanskou dobu městského života. Vladimírský-Budanov podává nám nyní pokračování jeho a sice dobu právníckého života polských měst pod vládou magdeburského práva. Prof. Paviňský, který napsal obšírný a důkladný rozbor tohoto díla (v «13. присужденіи награды графа Уварова»), nachází v něm přísnou systematickosti, hodnověrný výklad pramenů, ohromnou sečtenost a samostatnost kritiky, a proto myslí, že spis tento může býti vychodištěm k dalším rozpravám v oboru tomto. Konečně k oddělení slovanského práva sluší přičísti co do objemu nevelký, ale v svém způsobu vzorný spis prof. Pavlova: «Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ» (v Kievě 1869). Spisovatel rozlušťuje úlohu, v které době se objevuje a přichází na Rus slovanský překlad «Кормчей книги». Nabývá přesvědčení, že tento překlad musel býti již v XI — XII století, a, řídě se touto myšlenkou, rozbírám některé

starší a důležité rukopisy památky této. V druhém obšírném spise, který vyšel r. 1872 v Oděsse pod názvem: «Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ подлинникомъ до сихъ поръ неизвѣстнымъ» p. Pavlov podrobně probírá slovanské články Nomokanonu, ale my, neměvše ještě příležitosti seznámiti se s tímto dílem, nemůžeme o něm souditi.

Dějiny prvobytné křesťanské církve u Slovanů jsou tak úzce spojeny s dějinami jich vzdělanosti a počátky jich literární činnosti, že pojednávajíce o těchto, musíme promluvit i aspoň několik slov i o oněch. Osvěcující činnost Cyrilla a Methoděje jest prvá historická událost, kterou byl položen základ ke všem dalším úspěchům kulturní činnosti jihozápadních a jižních Slovanů. Soudě přísně dle historických dat, jen od té doby, t. j. jen od přijetí křesťanství vzniká u Slovanů písmo, písemnost a literatura. Minuvší tisíciletá památka této události, nalezení nových svědectví a pramenů o životě a činnosti slovanských prvoučitelů, nová vydání pověstí již dříve známých — vzbudila v ruské slavistice celou řadu děl, majících objasniti tento předmět. Společnost milovníků ruské slovesnosti při Moskevské universitě vydala «Кирилло-Меодіевскій Сборникъ» (v Moskvě 1865), kde kromě některých památek sebrány jsou nové a dřívější práce Pogodina, biskupa Filareta, A. V. Gorského, Něvostrujeva, Viktorova a j., které přímo aneb nepřímó objasňují činnost sv. Cyrilla a Methoděje. Prof. V. J. Grigorovič vyhotovil pěkné filologické vydání staroslovanských služeb sv. Cyrilla a Methoděje s objasňujícími poznámkami («Древне-славянскій памятникъ, объясняющій жизнь Кирилла и Меодія», v Kazani 1862); prof. P. A. Lavrovský v obšírném díle pojednává o jich apoštolské činnosti («Кирилъ и Меодій, какъ православные проповѣдники», v Charkově 1863), a prof. Bilbasov líčí všeobecně historickou jich činnost a význam («Кирилъ и Меодій», 2 díly v Petrohradě 1866—1870), připojiv všechny známé latinské legendy o nich. Kromě toho témuž předmětu věnovány byly spisy prof. Platonova, Hilferdinga (Собрание сочиненій, díl I. v Petrohradě 1869) a j. Ale nejdůležitější dílo,

které obsahuje celý obor vyvolené úlohy této úplněji, než všechny ostatní, přináleží prof. E. E. Golubinskému. Není ještě vydán a známe ho toliko z posouzení akademika J. Srezněvského («Отчетъ о 12 присужденіи Уваровскихъ наградъ» v Petrohradě 1870, str. 227—233). V díle tomto, které bylo poctěno plnou Uvarovskou cenou, nalezá se mezi jiným i kritický rozbor starých svědectví o prvoučitelích slovanských. Ačkoli se ve spisech výše dotčených historie zavedení křesťanstva a činnost sv. Cyrilla a Methoděje ne všude rozbírá se stejnou historickou nestranností; ačkoli některé z nich obtíženy jsou i jinými víc anebo méně vážnými chybami, nelze přec upříti, že objasnily mnoho, že pomocí jich badatel osudů prvopočátečního křesťanství u Slovanů může jíti nyní pevněji a jistěji, než tehdáž, když p. Rački vydal své pozoruhodné dílo: «Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda». Doba činnosti Konstantina a Methoděje a jich společníků je tak důležitá v historickém ohledu, že k ní nevyhnutelně přichází každý, kdo chce prozkoumati osudy vzdělanosti a literatury slovanské: jest to první vychodiště slavistiky. Ale jako každý počátek, tak i ona jest temná. Je-li se tedy čemu diviti, že učenci domysly hledí vyplniti mezery, že tyto domysly za nynějšího stavu slovanské vědy často zůstávají jen domysly? Místo toho můžeme a máme si přát, aby vývody a závěrky předcházelo úplné, všestranné a přísné kritické posouzení pramenů, i aby o něm spojenými silami pracovali filologové, archaeologové a historikové.

Poměry byzantinské církve k Bulharsku daly podnět k pěkné «Рѣчи» prof. Grigoroviči (v Oděsse 1867), který, jak nám známo, vládne mnohými novými, dosud neznámými materialy z oboru bulharské církve, a jak se nám zdá, zamýšlí seznámiti s nimi brzy vědu. Velmi důležité články o historii jihoslovanské církve (na př. o prvé Justinianě) nalezájí se v «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ», které náležejí archimandritu Leonidu, jenž měl příležitost užiti mnohých ještě nevydaných materialů. Konečně připomenu pozoru hodné dílo prof. Golubinského: «Краткій очеркъ исторіи православныхъ

церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валахской» (v Moskvě 1871). Obsah spisu tohoto byl již podrobně vložěn v Časopise mus. čes. (1872 str. 215 a násl.), a proto není potřeby šířiti o něm dále slov. Připomenu zde pouze, že spisovatel chce brzy na světlo vydati po druhé své dílo, a k tomu cíli podnikl církevně-archaeologickou cestu do Srbska, Bulharska, Cařihradu a na horu Athos. Výsledky cesty jeho budou ovšem uveřejněny.

Jak patrně, v historii církevní vykonala ruská slavistika méně, než v jiných oborech slovanské vědy. Příčina toho vězí ve velkém nedostatku a nepřístupnosti materialu, jakož vůbec v té zvláštní okolnosti, že se Slované v církevně-historickém bádání svém pořád ještě velmi štítí svobodného rozboru, podrobeni jsouce stoletým vášním a předpojatým myšlénkám. Těch není věda prosta ani u jediného slovanského národa. V tichý obor její vtírá se politika církevních předsudků a vášní zde silněji než kdekoli jinde. Co tím získá život — těžko říci, ale čeho tím pozbývá a pozbude věda, to jest jasno: pozbývá svobody a vnitřní pravdy, t. j. přestává býti vědou v pravém smyslu slova toho, a spolu s tím přestává i povzbuzovati síly k vyhledávání pravdy. Právě studium dějin slovanské církve nastane teprva potom, když se do něho na místě *pořečt'ujících aneb latinisujících ekklesiastů dají historikové*, kteří především o to dbají «ne quid falsi dicere audeant, ne quid veri non audeant».

Na konec našeho přehledu musíme ještě připomenouti spis prof. V. J. Lamanského «Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ» (v Petrohradě 1871). S obdivu hodnou pílí a důvtipem sebral spisovatel a patričně vysvětlil značné množství německých náhledů o Slovanéch, o jejich dějinách, národních povaze, vlastnostech atd. Obraz jest vykreslen neobyčejně ostře a může vzbuditi i nejospalejší cit slovanský, ale povzbuditi záporně. Přiznáváme se upřímně, že nás čtení této knihy tak dojalo, jako bychom se nalezali v blázinci, kde člověk neví, sluší-li se více se diviti bláznovským náhledům, anebo politovati na-

kažlivé zaslepení a duševní nemoc těchto historických pacientů. Ku prospěchu historické pravdy musím sobě přát, aby prof. Lamanský s touž bedlivostí nám vyložil myšlenky a náhledy těch německých učenců, kteří se uměli povznést nad surový instinkt plemene a dovedli dáti Slovanům, co jim sluší a patří. Slovanská věda s uznáním připomíná jmena Herdera, Jakuba Grimma, Schmellera a j. Svou pozorností k Slovanstvu značně nahrazují pathologické bludy svých rodáků.

Pohlédnuv na předložený zde přehled výjevů ruské slavistiky od r. 1860—1872, přisvědčí mi každý, že slovanské práce na Rusi nejsou dílem náhody ani žádného soukromého prospěchu, než že pocházejí z jasného poznání jejich nutnosti. I zdá se, že toto poznání není jen poznáním jejich nutnosti jakožto první a důležité podpory ku prozkoumání ruského jazyka, dějin a života, než i poznáním jejich všeobecné nutnosti co občansky vzdělávajícího prostředku, co politické školy, která vede z národního osamotnění na širou dráhu *slovanských* prospěchův a učí Rusa — *slovanským povinnostem*. Slavný Šafařík soudě kdysi o důležitosti staroslovanského jazyka, soucitně se dokládá následujících slov J. S. Bandtkiého: «Gott gebe, dass der slawische Kirchendialekt, als die erste oder wenigstens die älteste uns bekannte Quelle der slawischen Sprache, von allen slawischen Völkern gelernt und gekannt sei, nicht um der Einheit der Kirche willen, sondern um der höhern wissenschaftlichen Bildung willen, um der Erhaltung des slawischen Volksthum's willen, auf dass wir uns nicht ver- teutschen, nicht vertatern, nicht vertürken (ich [Šafařík] setze hinzu: nicht verfranken und vermagyern), auf dass wir nicht abfallen von der gemeinschaftlichen Quelle der Volksthümlichkeit, die trotz der Stürme von zehn Jahrhunderten nicht versiegt ist.» (Gesch. d. slaw. Spr. u. Liter. 1825, p. 118—119). Změnila-li doba naše tyto úlohy? spustila-li se jich pro něco vyššího? Nemluvíce zde o všeobecně lidských úlohách, které se stejně týkají každého národa a každé jednotlivé osoby, než o úlohách plemen-

ných, *slovanských*, musíme odpověděti na tyto otázky záporně. Zajisté pro každého, kdo nezkoprněl v úzké národní výlučnosti—*«die Erhaltung des slawischen Volksthums»*, zůstává, jako dříve, úlohou nejdůležitější a nejvyšší. Ruské obecenstvo dávno pochopilo tento požadavek a dávno mu hledí vyhověti. Jinak odkud by pocházely ty stolice slavistiky na ruských universitách, ty slovanské komitěty ¹³⁾, to mnohostranné a hluboké studium slovanského světa! Možná snad říci, že je to vše jen politickou módou anebo špekulací politického proselitismu? Ale móda nebývá tak opravdově stálou a politický proselitismus musí míti nejbližší praktický cíl, který mohou zde najíti jen zlomyslní nepřátelé Slovanstva, kteří se nikdy neřídí citem pravdy a pravděpodobnosti.

Zpytování slovanského světa vzniklo na Rusi přirozeným citem slovanské vzájemnosti, jasným poznáním její důležitosti a snahou, aby se jí dostalo pevného základu. *Slovanská vzájemnost'*, aby přešla z oboru citu do života samého a zapustila v něm kořeny, musí projíti školou přísné vědy, přísného probádání a studia slovanského světa minulého a nynějšího. Bez tohoto štrýzlivého poznání zůstane ona večně preludem, ovšem preludem lákavým, ale marným a neprospěšným životu. Tuto myšlenku, jak se zdá, pochopili Rusové první, a první se opravdu o to zasadili, aby se stala skutkem. Oni tak nejlépe a nejnadějněji vyslovili své sympathie k ostatnímu Slovanstvu a spolu důstojně odpověděli těm lehkomyšlným osočovatelům, kteří křičí, že sympathií těch u Rusů není. Přejeme, aby sobě i ostatní Slované ce nejdříve osvojili plodnou ideu slovanské vzájemnosti a hleděli jí především posloužití svědomitým a důkladným učením se všemu, cokoli se Slovanstva týče.

V Praze, v měsíci srpnu 1873.

13) Mluvit zde jen o *idei* slovanských komitétův a ne o soukromém působení jejich.

Троянъ. ¹⁾ Славянское божество.

1865.

Въ древнѣйшемъ спискѣ (около 1200 г.) «хоженіа пресвятыхъ
вѣдъ по мѣстамъ» — въ славянской прибавкѣ противъ греческаго
текста — находится и имя Трояна, какъ языческаго божества:
«юже ны вѣ тварь Бѣ на рабѣхъ створи. то то они все
богы прозваша. сѣнце и мѣъ землю и водоу. звѣри и гады.
тосетѣнѣ и члѣчьска імена та оутриа Трояна Хърса Велеса
Пероуна». (Изд. г. Срезневскаго. — Древніе памятники рус-
скаго языка и письма. Спб. 1863 г., стр. 205). Въ произве-
деніи «Слово и откровеніе сѣхъ апѣлъ» по списку XVI вѣка —
находимъ также между языческими славянскими божествами и
имя Трояна. «мнѣше богы многы, пероуна, и хърса дыа и трояна
и нѣи мнози, иво іако тѣ члѣци были сѣ старѣйшины. Пероунъ
въ елинѣ а Хорсъ въ кѣпрѣ, Троянъ бѣше црѣ въ Римѣ»...
(Востокова — словарь церк.-сл. яз. т. 2, 232 и г. Тихонра-
вова — «Лѣтописи русской литературы и древности 1859—
60 г.: книга 5-ая. Отд. II, стр. 2—6). Въ словѣ о Полку
Игоревѣ — Троянъ упоминается четыре раза: 1) рища въ тропу

1) Какъ эта, такъ и слѣдующая замѣтки были написаны А. А. Котля-
ревскимъ для «Матеріаловъ для археологическаго словаря». (См. Древности.
Труды М. Археол. Общ. т. I, в. 1. и т. II, в. 2).

трояню чресь поля на горы, 2) были вѣчи трояни, 3) (обида) вступил(а?) дѣвою на землю трояню, 4) на седьмомъ вѣцѣ трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу...

На первоначальное значеніе этого славянскаго божества до нѣкоторой степени могутъ навести сербскія и болгарскія преданія о Троянѣ, Троймѣ. Въ словарь Вука Стефановича находится цѣлое преданіе о Троянѣ (2-е изд. 1852, стр. 750). Троянъ является какимъ-то ночнымъ существомъ здѣсь боящимся дневного свѣта, отъ котораго онъ растапливается. По другому сербскому преданію—Троянъ имѣлъ *три головы* и восковыя крылья, которыя и растопились отъ солнечнаго зноя (см. статью Каница — Trojanovgrad und die serbische Trajanssage, помѣщенную въ Mittheilungen d. Centralcommission X Jahrg. № 1—2, Wien, 1865, стр. 1—3). Сербская сказка (В. С. Караджичъ. Приповітке № 39) упоминаетъ о царѣ Троянѣ, чудовищѣ, имѣвшемъ козыи уши. Въ болгарскихъ пѣсняхъ (Миладиновичи — Болгарскія народныя пѣсни. Загр. 1861, стр. 28—32, 38—41) упоминается невѣрный языческій градъ Троянъ или Троймъ, жители котораго вѣровали въ *золото* и *сребро*. Въ южной Руси (кіевской губ.) на весьма большомъ протяженіи тянется валъ *Трояновъ* (см. Фундуклей — Обзорѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи. Кіевъ, 1848 г. стр. 30 и слѣд.). Съ этимъ валомъ соединяетъ народъ нѣкоторыя преданія мифическаго характера. Кое-когда въ нихъ поминается и Троянъ, носящій названіе царя Ермаланскаго (т. е. римскаго, римлянскаго?). Существуютъ Трояновы валы и на дунайскомъ побережьѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ нерѣдко находятъ римскія монеты и именно монеты императора Трояна (Фундуклей — loco cit.).

По нѣкоторымъ сравнительнымъ указаніямъ г. Буслаевъ видитъ въ Троянѣ существо мифическое изъ той породы стихійныхъ существъ, къ которой относятся вилы, русалки, нѣмецкіе альфы или эльфы, свѣтлые духи и подземные карлики, хранители золота и серебра, духи мрака, не терпящіе лучей солнечныхъ (Очерки нар. поэзіи т. 1-й, 1861, стр. 385 и слѣд.).

О существѣ упоминаемаго въ нашихъ древнихъ памятникахъ бога Трояна покамѣсть нельзя еще судить съ достовѣрностью. Легко могло быть, что обоготворенный римскій императоръ сдѣлался дѣйствительнымъ богомъ у тѣхъ племенъ славянскихъ и въ тѣхъ областяхъ, на которыя простиралась его власть. На него могли быть перенесены древнія языческія воспоминанія славянъ: обоготворенный императоръ, которому въ его владѣніяхъ приносились жертвы—легко могъ въ народныхъ понятіяхъ заступить мѣсто какого-нибудь древнѣйшаго языческаго божества. Не малое подтвержденіе этому предположенію мы позволяемъ себѣ видѣть въ томъ обстоятельствѣ, что богъ Троянъ — является исключительно въ письменныхъ свидѣтельствахъ, относящихся къ южнымъ славянамъ.

Предполагать здѣсь *русскаго* и притомъ *Кіевскаго* Трояна, жившаго будто бы гораздо ранѣе римскаго императора и соорудившаго громадныя валы (см. брошюру: «Выводъ о томъ, что въ древней Россіи пороско-украинскіе и дунайскіе валы построены были не римскимъ, а русскимъ Трояномъ». Кіевъ, 1845, стр. 1—18, 34—37) — несогласно съ строгою историческою критикою.

А. К т.

Курганъ.

1869.

Для научнаго изслѣдованія кургановъ необходимо составить, по возможности, полный списокъ всѣхъ сочиненій, изданныхъ какъ по части раскопокъ кургановъ въ разныхъ странахъ, такъ и по части описаній предметовъ, найденныхъ въ курганахъ.

M. Ch. Seyffert. Tractatus historico-moralis de numis in ore defunctorum repertis, quem una cum praecipuis in sepultura

Ethnicorum, Iudeorum et Christianorum observatis ceremoniis. Dresdae et Lipsiae. 1712. 12.

Christ. Frid. Richter. De numis sepulchralibus. Witembergae. 1709. 4°.

M. Ioh. Gottl. Nimptsch. De sepulcris ad viam publicam ad illustrandum Luc. XI. 44. — Lipsiae. 1721. 4°.

M. Chr. Stieffius. De urnis in Silesia lignicensibus atque pilgramsdorfiensibus epistola. Wratislaviae et Lipsiae. 1704. 4°. Cum figuris.

Ioachim Hartwig Müller. Versuch einer Abhandlung von den Urnen der alten Deutschen und Nordischen Völker. Altona und Flensburg. 1756. 8°. — Gottfr. Schütze написал предисловіе.

Christ. Detler Rhode. Cimbrisch-Holsteinische Antiquitäten-Remarques oder: Accurate und umständliche Beschreibung derer in den Grab-Hügeln derer alten Heydnischen Hollsteiner der Gegend Hamburg gefundenen Reliquien, als Urnen, Wehr und Waffen, Zierrathen, Ringe etc. Hamburg. 1720. 4°. Cum figuris.

Chr. Frid. Reusch. De tumulis et urnis sepulchralibus in Prussia. 1724. 4°. Cum figuris.

Ioh. Traugott Schneider. Beschreibung der heidnischen Begräbniss-Plätze zu Zilmsdorf in der Ober-Lausitz. Görlitz. 1827. 8°. Cum figuris. Изданъ былъ только первый выпускъ.

Charles Wilhelmi. Les anciens tombeaux germaniques à Sinsheim près de Heidelberg. Suivi de la description des monuments romains découverts à l'Odenwald et déposés dans le cabinet d'antiquités à Erbach. Heidelberg. 1831. 8°. Cum figuris.

W. und L. Lindenschmidt. Das germanische Todtenlager bei Selzen in der Provinz Rheinhessen. Mainz. 1848. 8°. Cum figuris.

D. von Raiser. Die aus einer uralten Grabstätte bey Nordendorf bis Ende der Jahres 1843 erhobenen merkwürdigen Fundstücke und Alterthümer. Augsburg. 1844. 8°. Cum figuris.

— — — Fortgesetzte Fundgeschichte einer uralten Grab-

stätte bei Nordendorf. Erklärung der im Jahre 1844 ausgegraben und abgebildeten Antikaglien. Augsburg. 1846. 4°. Cum figuris.

Boucher de Perthes. Antiquités celtiques et antédiluvien-nes. Mémoire sur l'industrie primitive et les arts à leur origine. Paris. 1847 — 1857. 8°. 2 volumes, cum figuris.

L'abbé Cochet. Sepultures gauloises, romaines, franques et normandes faisant suite à la Normandie souterraine. Paris. 1857. 8°. Cum figuris.

— — — La Normandie souterraine ou notices sur des cimetières romains et des cimetières francs explorés en Normandie. 2 édit. Paris. 1855. 8°. Cum figuris.

Fouilles exécutées dans les tombelles celtiques de la forêt de Haguenau. Dans le Bulletin de la Soc. d'Alsace. Paris et Strasbourg. 1862. 8°. Cum figuris.

De Caumont. Cercueil gallo-romain en plomb, trouvé à Lieusaint. Bulletin monumental. VI. p. 131.

Léon Fallue. Tombeaux de la vallée de l'Eaulne. Revue archéologique. XII. p. 148.

O. Penguilly. Tumulus gaulois de Suriauville. *ibidem*. 1860. II. p. 200.

— — — Enmanchement des haches de bronze. *ibidem*. 1861. IX. p. 329.

De Saint-Marceaux. Instruments en silex taillés. *ibidem*. 1861. III. p. 290.

Namur. De lacrymatoriis. Bulletin monum. II. p. 77.

L. Lindenschmidt. Die vaterländischen Alterthümer der Fürstl. Hohenzoller'schen Sammlung zu Sigmaringen. Mainz. 1860. 4. Cum figur.

— — — Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit. Mainz. — Издаётся съ 1858 года; первая часть окончена.

Ernst Kirchner. Thor's Donnerkeil und die steinernen Opfergeräthe des nord-germanischen Heidenthums. Neu-Strelitz. 1853. 8. VIII Tafeln.

G. O. Carl von Estorff. Heidnische Alterthümer der Gegend von Uelzen im ehemaligen Bardengaue (Königreich Hannover). Hannover. 1846. f. Cum figuris.

Math. Kalina von Jaethenstein. Boehmens heidnische Opferplätze, Gräber und Alterthümer. Prag, 1836. 8. XXXV Tafeln.

G. C. H. Lisch. Andeutungen über die altgermanischen und slavischen Grabalterthümer Meklenburgs. (Schwerin). 1837. 8°.

Atlas de l'archéologie du Nord représentant des échantillons de l'âge de bronze et de l'âge de fer, publié par la Société royale des antiquaires du Nord. Copenhague. 1857. f°.

R. C. Neville. Saxon obsequies illustrated by ornaments and weapons discovered by the honor. R. C. Neville in a cemetery near little Wilbraham, Cambridgeshire, during the autumn of 1851. London. 1852. f°. Cum figuris.

D. Karl Fried. Mosch. Die alten heidnischen Opferstaetten und Steinalterthümer des Riesengebirges. Görlitz. 1855. 8°. (Aus dem Neuen Lausiz. Magazin).

Ioh. Erasmus Wocel. Archäologische Parallelen. I. Ueber die Bronze der Kelten, Germanen und Slawen. II. Kleinode aus dem Grabhügel von Schelenken.—Zweite Abtheilung. I und III. Ueber chemische Analysen antiker Bronzkelegirungen. II. Formen und Ornamente antiker Ringe. IV. Die Goldgewinde und Urnenzeichen von Koeniggratz.

John Jonge Akerman. Remains of pagan Saxondom. London. 1855. 4°. Cum figuris.

Schuermans. Exploration de quelques tumulus de la Hesbaye. (Bulletin des commissions royales d'art et d'archéologie). IV. Octobre et Novembre 1865. 8°. 4 planches.

Н. Ф. Бутенева. Нѣкоторыя соображенія о первобытныхъ жителей сѣверной Россіи, по найденнымъ остаткамъ ихъ быта. Въ запискахъ И. Р. Географическаго Общества. 1863. кн. 4, стр. 20.

П. И. Лерха. Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ

Европѣ. Три статьи въ Извѣстіяхъ И. Р. Археологическаго Об. IV и V. (1863—1865).

Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, herausgegeben von der K. Gesellschaft für nordische Alterthumskunde. Kopenhagen. 1837. 8°. Cum figuris. Нѣмецкій переводъ вышедшаго въ 1836 руководства на датскомъ языкѣ.

Joh. K. Bähr. Die Gräber der Lieven. Mit 21 Kupfertafeln. Dresden. 1850. 8°. f^o.

Ив. Фундуклей. Обзорѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи. Кіевъ. 1848. 4. Съ рисунками.

Извлечение изъ всеподданнѣйшаго Отчета объ археологическихъ разысканіяхъ въ 1853 году. Спб. 1855. Съ рисунками.

Гр. А. С. Уваровъ. Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря. Выпуски первый и второй. Спб.

C. Grewinck. Das Steinalter der Ostseeprovinzen. (Schriften der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. № 4). Dorpat. 1855. 8°.

Dr. Ed. Freiherr von Sacken. Leitfaden zur Kunde des heidnischen Alterthums mit Beziehung auf die Oesterreichischen Länder. Mit 84 in den Text gedruckten Holzschnitten. Wien. 1865. 8°.

H. Baudot. Mémoires sur les sépultures des barbares de l'époque Mérovingienne, découvertes en Bourgogne et particulièrement à Charnay. Dijon, chez Lamarche, et Paris. 1860. 4°. Avec figures.

Gabriel de Mortillet. Sépultures anciennes du plateau de la Somma (Lombardie). Revue Archéologique. 1865. Décembre, pag. 453.

Busching. Die heidnischen Alterthümer Schlesiens. Leipz. 1850. 4 Heft. f^o.

Lisch. Friderico-Francisceum oder Grossherzogliche Alterthümer-Sammlung aus der altgermanischen und slavischen Zeit Meklenburgs. L. 1837. Text und Atlas f^o.

Neue pommersche Provinzialblätter, hrsg. v. L. Giesebrecht und Haken. Schw. 1827—29. 4 vol.

Baltische Studien, herausg. v. d. Gesellschaft für pomm. Geschichte und Alterthumskunde. Stettin. 1—20. 1832—64. 8°.

Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde, hrsg. v. Lisch. 1—30. Schw. 1836—65.

Neues Lausitzisches Magazin, hrsg. v. d. Gesellschaft der Wissenschaften zu Görlitz. 1—41. 1822—65. 41 vol.

Adler. Die Grabhügel, Ustrinen und Opferplätze der Heiden im Orlagau und in den schaurigen Thälern des Sorbizbaches. Saalf. 1837. Cum figuris. 8°.

Wagner. Aegypten in Deutschland. L. 1826. 8°.

Wagner. Die Tempel und Pyramiden der Urbewohner auf dem Elbufer. L. 1828. 8°. Cum figuris.

Русскіе курганы:

Lippoman. Zastanowienie się nad mogiłami. Berd. 1830. 8°.

Grabowski. M. Ukraina dawna i terazniejsza. t. I. O zabytkach najgłębszej starożytności. 2 18 tabl. rysunków. Kijów. 1850. 4°. (Сочиненіе Грабовскаго послужило единственнымъ источникомъ труда Фундукля: «Обозрѣніе могилъ, валовъ» и т. д.).

Gust. hr. Tyszkiewicz. Rzut oka na źródła Archeologii krajowej. W. 1842. 4°. Cum figuris.

Badania Archeologiczne. Wilno 1850. 8°. Cum figuris.

Konst. hr. Tyszkiewicz. Wiadomość historyczna o zamkach, horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej. W. 1859. 194. 8°. Cum figuris.

Тышкевичъ, гр. К. О курганахъ на Литвѣ и западной Руси. Вильно. 1865. 4°. 171.

Köppen. — Ueber Tumuli in Russland. Spb. 1837. 8°.

Zwiek. Die Gräber in den Caucasischen — Don und Wolga-steppen (Dorpater Jahrbücher, 1835. № 10, p. 273—296).

Чешскіе курганы:

Wocel, I. E. O hrobich a mohylách pohanských w Čechach. Статья въ Čas. Česk. Musea 1844. 1 p. 104.

Wocel, I. E. Grundzüge der böhmischen Alterthumskunde. Pr. 1845, cum figuris, стр. 4—26. 4°.

Dudik, B. Ueber die alten heidnischen Begräbnissplätze in Mähren, mit 2 Taf. (aus d. Märzheften des Jahrg. 1859 der Sitzungsber. d. Kais. Akad. der Wissenschaften.). Wien 8°.

Польскіе курганы:

Lelewel. Mogiła pod wsią Ruszcza (Ptaszczyzna w Sandomirskim). Pamięt. Warsz. umijętnosci czyst. i stosowanna rok 1830 z. 11, str. 287, а также и въ сочиненіи того же автора Cześć Balwochwacza Sławiani Polskj. Pozn. 1857, стр. 132—148. 8°.

Wiadomość o starożytnych popielnicach. (Pamiętn. Warsz. na rok 1819, t. XIII, cum figuris). 8°.

Rogawski. K. O wykopaliskach Leżajskich. Kr. 1856. 8°. Cum figuris.

— — — K. Wiadomość o rozkopaniu mogiły w Siedliszowicach. Warz. 1860. 8°.

Lobieszczkańskj. Wycieczka Archeologiczna w niektory strony gubernii Radomskiej. Wars. 1852. Cum figuris. 8°.

Могилы Сербовъ Лужичанъ и Славянъ Полабскихъ:

Preusker, K. B. Blicke in die vaterländische Vorzeit. 1841—1844, 3 t. cum multis figuris. 8°.

Kreussler. Altsächsische und Sorbenwendische Alterthümer. Leip. 1823. Cum figuris. 8°.

Masch. Von den Grabmalen der Wenden (въ его сочиненіи: «Beyträge zur Erläuterung der obotrischen Alterthümer. Schw. 1774, стр. 159—171). 4°.

Schulzen. Nachricht von den an verschiedenen Orten in Sachsen gefundenen Todtentöpfen und anderen heydnischen Alterthümern. Friedr. 1767. 4°.

Kruse, F. Budorgis oder über das alte Schlesien vor Einführung der christlich. Religion. L. 1819. (о могилахъ со стр. 34).

— — — Deutsche Alterthümer. Halle. 1824—30. 3 t. (въ разн. статьяхъ этого періодич. изданія):

Lewezow. Andeutungen über die Alterthümer zwischen der Elbe und Weichsel. Stetin. 1852.

Гр. Уваровъ и А. Котляревскій.

Для археологiи каменнаго вѣка въ Россіи.

1867.

Памятники каменнаго вѣка въ Россіи привлекли общесъ вниманіе лишь съ очень недавняго времени: собирались они и прежде—и людьми образованными и простолюдинами, но первые глядѣли на нихъ не съ серіозной точки науки, а какъ на курьезы безъ особой цѣны и значенія, вторые — относились къ нимъ, какъ къ предметамъ суевѣрнаго чествованія, практически полезнымъ въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ житейскаго обихода, первые—пренебрегали ими, вторые скрывали ихъ отъ науки; были впрочемъ люди, понимавшіе важное археологическое значеніе этихъ остатковъ древности, число ихъ во всякомъ случаѣ — незначительно, и случайно брошенные ими извѣстія терялись, не останавливая ничьей серіозной мысли и соревнованія; болѣе другихъ въ этомъ отношеніи сдѣлано западно-русскими археологами, въ особенности гр. Ев. Тышкевичемъ; но почтенные труды ихъ, изданные на польскомъ языкѣ — оставались у насъ почти неизвѣстными. Только со времени, какъ Академія наукъ сдѣлала доступнымъ для нашей публики классическое изданіе датскаго археолога Ворсё—начало пробуждаться и сознаніе важности остатковъ каменнаго вѣка русской земли. Много содѣйствовало этому и прекрасныя статьи П. И. Лерха

объ орудіяхъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ (напеч. въ Извѣстіяхъ Спб. Археологич. Общества, т. IV и V), и наконецъ—кажется болѣе всего—статья акад. К. М. Бэра: «о первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ», напечатанная въ такомъ общераспространенномъ изданіи, какъ академ. мѣсяцесловъ (на 1864 г.). При такихъ условіяхъ, въ теченіи пяти послѣднихъ лѣтъ русская наука сдѣлала уже не мало пріобрѣтеній по такъ называемому каменному вѣку: сдѣланы новыя важныя открытія, вышли на свѣтъ и получили извѣстность прежнія неизвѣстныя коллекціи. Дорожа каждымъ извѣстіемъ о предметѣ, мы, вмѣстѣ съ запиской г. Ревякина¹⁾ о каменныхъ молоткахъ, найденныхъ въ Кіевской губерніи, представляемъ здѣсь и нѣкоторыя иныя замѣчанія о каменныхъ орудіяхъ, случайно встрѣченные нами какъ въ новыхъ, такъ и въ прежнихъ, не для всякаго доступныхъ, изданіяхъ, въ послѣднемъ отношеніи — если эти свѣдѣнія не всегда обстоятельны и не вознаграждаютъ утраченнаго, то все же они не лишены своего значенія для исторіи русской археологической науки, хотя бы только въ статистическомъ отношеніи.

А. К.

О находкахъ каменныхъ орудій въ Южной Россіи.

Въ дополненіе къ запискѣ г. Ревякина сообщаемъ другія, извѣстныя намъ, упоминанія о находкахъ каменныхъ орудій въ Кіевской губерніи.

Липпоманъ въ сочиненіи своемъ *Zastanowienie się nad mogiłami etc...* Berd. 1832 на стр. 7—8 говоритъ о случайныхъ раскопкахъ въ двухъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи, именно:

1) Записка П. Ревякина: «Каменные молотки, найденные въ Кіевской губ.» помѣщена была вслѣдъ за симъ въ изданіи: «Древности. Археологическій Вѣстникъ, издаваемый Моск. Археол. Общ.». М. 1867. янв. — февр. стр. 26—8.

Радомысльскаго уѣзда въ деревнѣ Минійкахъ на рѣкѣ Мыкѣ и того же уѣзда въ селѣ Карабачинѣ, въ первомъ мѣстѣ найденъ каменный молотокъ, а въ другомъ — по лѣвой сторонѣ дороги, идущей изъ Карабачина до Коростешова — нѣсколько круглыхъ камней, не находимыхъ въ той мѣстности и употреблявшихся для метанія изъ пращей. Около начала текущаго столѣтія въ деревнѣ Гнилицѣ, надъ рѣкою Мыкою, копая землю, находившуюся прежде подъ лѣсомъ — вырыто было нѣсколько гробовъ, покрытыхъ огромными каменными плитами и выложенныхъ внутри подобными же камнями (?), въ гробахъ находились глиняныя урны съ ушками, а въ нихъ пепелъ съ пескомъ, полусожженные кости и каменные орудія различной величины: молоты, долота, стр. 11 — 12 in notis.

Дюбуа де Монпере, въ статьѣ своей: «Des tumulus, des forts et des remparts de la Russie occidentale», помѣщен. въ *Annuaire des Voyages et de géographie* p. Fr. Lacroix (годы 1845, 46, 47), статья 2-ая, стр. 44 — 5, передаетъ, что г. Головинскій, помѣщикъ мѣстечка Стеблева (Кіевской губ., Каневского уѣзда), дѣлая раскопки на берегу Роси, отыскалъ тамъ урны и сѣкиры изъ *неполированного* кремня; въ собраніи его находилось также довольно значительное количество сѣкиръ изъ песчаника, порфира, формою сходныхъ съ открываемыми на сѣверѣ Европы, — всѣ онѣ добыты были Головинскимъ изъ русла рѣки Роси или выкопаны близъ Стеблева.

Г. Мортилэ недавно передалъ извѣстіе, что въ Кіевской губерніи (ближайшая мѣстность неизвѣстна?), на скатѣ песчанаго холма, открытъ неполированный гранитный просверленный молотъ; онъ принадлежитъ владѣльницѣ мѣстности г-жѣ А. М. Раевской и, къ сожалѣнію — до сихъ поръ не ближе извѣстенъ наукѣ, какъ по этому глухому упоминанію.

Въ Екатеринославской губ. также были найдены нѣкоторыя каменные орудія: г. Забѣлинъ, при раскопкахъ своихъ, нашелъ въ *Толстой могилѣ Блѣнкой* — каменный молотокъ, а въ могилѣ *Геремесова близниція*, — въ головахъ остова — кремневое

копье и кремешокъ въ родѣ стрѣлы (см. «Древности. Труды Моск. Арх. Общ.» 1, стр. 72); но самое старое упоминаніе о каменныхъ орудіяхъ той мѣстности мы нечаянно встрѣтили въ периодическомъ изданіи Вольнаго Общества любителей Россійской Словесности, издававшемся въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія подъ заглавіемъ: «Труды» или «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», 1820 г., ч. X, кн. VI, въ статьѣ Гесса де Кальве: «Опытъ историческаго изслѣдованія о образованіи человѣческихъ способностей», стр. 251—2. Выписываемъ это извѣстіе вполнѣ: «Лѣтомъ 1816 года, мастеровые Луганскаго литейнаго завода (уѣздъ Славяно-Сербскій, на границѣ съ землею войска Донскаго) при разрытіи нѣсколькихъ аршинъ канавы, наступили на нѣкоторую твердую массу. Разсмотрѣвъ со вниманіемъ, нашли, что масса сія не принадлежала землѣ, но представляла глиняный круглый горшокъ порядочной величины. Мастеровые, надѣясь обрѣсти въ немъ, по крайней мѣрѣ, сокровища Креза, разбили его и вмѣсто золота нашли множество стрѣлъ, ножей, пилъ и проч. все изъ чистаго кремня съ чрезвычайнымъ искусствомъ сдѣланное. Нѣкоторые ножи были длиною болѣе четверти аршина, имѣли обостреннее лезвіе, зубцы же пилъ сдѣланы были съ такимъ искусствомъ, какое видимъ мы въ лучшихъ англійскихъ пилахъ. Рабочіе, видя себя обманутыми въ надеждѣ, большую часть сихъ рѣдкостей разбили на кремни для высѣканія огня. Начальникъ же Луганскаго завода, узнавъ о семъ открытіи, собралъ поврежденные остатки и достойнѣйшіе вниманія отправилъ въ Санктпетербургъ. По необыкновенной чистотѣ камня и трудной отдѣлкѣ, а также по желанію сохранить сіе сокровище, можно думать, что вещи сіи принадлежали къ драгоценностямъ древности, и что зарыты онѣ были гораздо прежде Половцевъ и Татаръ: ибо какъ сіи народы, такъ и Скибы и Славяне тогда имѣли уже желѣзные орудія, слѣдовательно вещи сіи составляли богатство какого-нибудь древняго обитателя сей страны».

Любопытно знать — куда именно въ Санктпетербургъ были

доставлены остатки этихъ каменныхъ орудій и — сохранились ли они донынѣ?

Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ извѣстій о каменныхъ орудіяхъ въ южной Россіи — найдется со временемъ гораздо болѣе: мы указали лишь на тѣ, которыя были у насъ подъ рукою, полагая, что какъ ни глухи они, все же заслуживаютъ нѣкотораго вниманія и должны быть занесены въ лѣтописи каменнаго вѣка русской земли.

А. К.

Новый способъ опредѣленія древности могилъ.

1867.

До сихъ поръ приблизительная древность могилъ опредѣлялась:

а) матеріаломъ и характеромъ вещей, въ нихъ погребенныхъ, б) какимъ-нибудь найденнымъ въ нихъ памятникомъ съ ясною историческою помѣтою, напр. монетою, надписью, вещью, принадлежащею къ исторически опредѣленному времени, в) согласіемъ письменныхъ извѣстій съ результатами раскопки, напр. извѣстій Геродота съ раскопками скиѣскихъ кургановъ, наконецъ — г) народными преданіями. Отстранивъ послѣднее, какъ источникъ смутный, почти всегда недостоверный, и два предыдущія обстоятельства, какъ явленія рѣдкія, потому исключительныя, останется лишь первый приемъ, какъ имѣющій силу общепринятаго археологическаго доказательства; но, вѣрный въ общихъ чертахъ, онъ является слишкомъ широкимъ въ частныхъ примѣненіяхъ и не устраняетъ многочисленныхъ, почти повсемѣстныхъ, исключеній: прежде всего онъ имѣетъ не общую, но частную этнографическую силу, въ предѣлахъ одной народности, онъ не можетъ опредѣлить даже приблизительныхъ хронологическихъ отношеній между могилами различныхъ, географически

отдѣльныхъ племенъ, такъ какъ сплошь да рядомъ встрѣчается, что одинъ народъ давно уже пользуется бронзой и желѣзомъ, тогда какъ одновременно съ нимъ другой, часто географически отъ него недалекій, еще удовлетворяетъ свои потребности исключительно костью и камнемъ, далѣе этотъ приѣмъ опредѣленія древности могилъ по характеру и матеріалу вещей оказывается рѣшительно недѣйствительнымъ для странъ, гдѣ одни народы — кочевники смѣнялись другими, приносившими съ собою свою собственную культуру: мѣста, до того занятыя племенами желѣзной культуры, могли быть оставлены ими, могли снова заселиться новыми пришлецами, знавшими только мѣдь и бронзу, наконецъ — не всегда дѣйствителенъ этотъ приѣмъ и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о могилахъ одного какого-нибудь вѣка, напр. бронзового, потому что подъ этимъ именемъ, даже относительно одной извѣстной мѣстности, собирается иногда много различныхъ столѣтій и народныхъ особей, изъ которыхъ не каждая, исторически позднѣйшая, владѣетъ и болѣе высшею степенью развитія, большимъ развитіемъ художественнаго вкуса и техники, да и въ развитіи одной и той же народности возможны временное огрубѣніе вкуса, упадокъ искусства. Очевидно, что такой способъ опредѣленія древности могилъ — слишкомъ широкъ и не опредѣленъ и находитъ примѣненіе лишь въ нѣкоторыхъ, такъ сказать — археологически счастливыхъ мѣстностяхъ и случаяхъ, какъ напр. на сѣверѣ Европы. Вѣрно и несомнѣнно, что вообще употребленіе камня предшествовало мѣди и бронзѣ, а эти послѣднія — желѣзу, но несомнѣнно также и то, что такія хронологическія помѣты слишкомъ общи, чтобы удовлетворить археолога, допытывающагося о болѣе точныхъ періодахъ жизни этнографически опредѣленныхъ племенъ. Въ недавно появившемся трудѣ г. ак. Рупрехта: «гео-ботаническія изслѣдованія о черноземѣ» (X томъ Записокъ Академіи Наукъ) мы встрѣтили иной, новый способъ опредѣленія относительной древности могилъ, который — на нашъ взглядъ — въ полномъ смыслѣ слова можетъ быть названъ важнымъ археологическимъ открытіемъ. Мы изложимъ его содер-

жаніе съ исключительно археологической точки зрѣнія (у г. Рупрехта вопросъ разсматривается съ точки зрѣнія гео-ботанической) и въ заключеніе позволимъ себѣ общую оцѣнку его археологическаго значенія. Относительная древность могилъ черноземныхъ полосъ можетъ быть опредѣлена по толщинѣ черноземнаго слоя. Настоящій, не перенесенный и нетронутый черноземъ всегда представляетъ собою продуктъ болѣе древней растительности, оставшейся вообще до сихъ поръ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Онъ образовался повсюду сухимъ путемъ отъ истлѣванія и гніенія роскошной степной растительности, отъ постоянного просачиванія въ самый верхній слой дилувія, а позже и безъ просачиванія, съ этимъ согласно правильное увеличеніе перегноя къ поверхности земли и отсутствіе большихъ минеральныхъ кусковъ и зеренъ. Образовываясь постепеннымъ путемъ, черноземъ даетъ средство опредѣлить древность страны (= почвы); чѣмъ толще при одинакихъ обстоятельствахъ слой его, тѣмъ старше страна, отсутствіе чернозема указываетъ на болѣе юный возрастъ, хотя бы страна имѣла значительную высоту надъ поверхностью океана; въ настоящее время толщина чернозема указываетъ только относительный возрастъ почвы, такъ какъ еще пока невозможно опредѣлить хронологически постепенное нарастаніе толщи чернозема. Вотъ гео-ботаническій законъ образованія почвы, въ общемъ онъ неизмѣненъ; но въ частныхъ примѣненіяхъ онъ дополняется слѣдующими замѣчаніями: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черноземной полосы нѣтъ чернозема по слѣдующимъ причинамъ: а) онъ смытъ со склоновъ и б) его не бываетъ на одной сторонѣ (всегда низшей) оврага, между тѣмъ какъ на противоположной высшей сторонѣ черноземъ лежитъ иногда слоемъ фута въ два толщиной; в) чернозема не бываетъ вообще на низменныхъ мѣстахъ, которыя покрывались дерномъ позже, особенно по берегамъ многихъ рѣкъ, у которыхъ прежде было болѣе широкое ложе; г) его нѣтъ на всѣхъ новыхъ и молодыхъ, хотя и высокихъ мѣстахъ; д) его часто не бываетъ на чистомъ пескѣ; е) черноземъ не образуется на сырыхъ и болотистыхъ

почвахъ, также, какъ и въ лѣсу; на нѣкоторые другія частныя условія мы не указываемъ. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ не дѣйствуютъ указанные частные случаи—общій законъ имѣетъ свою полную силу и, руководясь наблюденіемъ его, археологъ можетъ опредѣлить *относительную* древность могилъ черноземной полосы: онъ долженъ измѣрить толщу ветронутаго чернозема, лежащаго *около* могилы и *подъ нею* (такъ какъ старинныя могилы почти всегда насыпались на материкъ или по крайней мѣрѣ—на части его), разность между первою толщею и послѣднею—дастъ признакъ относительной древности могилы, эта разность можетъ быть до нѣкоторой степени повѣрена измѣреніемъ толщи перегнойнаго слоя кургана, сравнительно съ черноземомъ окрестности, но лишь при совершенно одинакихъ физическихъ и историческихъ условіяхъ и для окрестной почвы, и для кургана; при этомъ, такъ какъ кора кургановъ содержитъ менѣе перегноя, чѣмъ слой такой же толщины въ первобытной почвѣ, необходимо опредѣлить количественное отношеніе между органическими составными частями того и другой — посредствомъ химическаго анализа, т. е. объемъ перевести на вѣсъ, и пропорція приведетъ въ соотвѣтствіе видимую разность наросшей толщи кургана съ разностью, полученной отъ измѣренія толщей чернозема свободной и насыпью задушенной почвы. Открытіе, въ высокой степени важное! Руководясь имъ, археологъ можетъ распределить курганы черноземной полосы по ихъ относительной древности и съ бѣльшимъ, чѣмъ было доселѣ, правомъ относить ихъ къ извѣстнымъ, уже историческимъ эпохамъ и даже народностямъ, потому что для опредѣленія древности нѣкоторыхъ кургановъ существуютъ уже несомнѣнныя абсолютно-хронологическія данныя напр. для кургановъ скиѣскихъ, для иныхъ кургановъ съ опредѣленными монетами. Установивъ нѣкоторые абсолютныя данныя курганной хронологіи, изслѣдователь будетъ въ состояніи размѣстить между ними другіе, безызвѣстные курганы по ихъ относительной древности, способомъ г. Рупрехта, историческія и археологическія указанія помогутъ въ дальнѣйшихъ опредѣ-

леніяхъ исторіи и народности могилъ — и такимъ образомъ, курганная археологія получить полную силу и значеніе опредѣленно-достовернаго историческаго источника, чего до сихъ поръ она вообще не имѣла за отсутствіемъ твердыхъ хроно- и этно-логическихъ основаній. Само собою разумѣется, что до такого значенія курганографія дойдетъ лишь тогда, когда будетъ собрано достаточное число наблюдений и правильныхъ раскопокъ. Возможно ли абсолютное опредѣленіе древности черноземныхъ могилъ, помимо историческихъ указаній? Ак. Рупрехтъ не сомнѣвается въ томъ, что оно вообще возможно относительно нарастанія черноземной почвы, стало быть возможно — и относительно могилъ; но желательно было бы, чтобы при такихъ важныхъ изслѣдованіяхъ за исходные пункты принимались не смутныя народныя преданія, а точныя историко-хронологическіе памятники и данныя. Отсылая нашихъ читателей за примѣрами геоботаническаго опредѣленія относительной древности могилъ къ тому отдѣлу сочиненія г. Рупрехта, гдѣ говорится «о свойствѣ растительнаго слоя на древнихъ могилахъ», заключимъ наше извѣстіе словами автора, которымъ отъ всей души желаемъ возможно большаго вниманія со стороны археологовъ: «теперь повсюду беспокоятъ мертвыхъ, чтобы узнать ихъ древность. Желательно было бы, чтобы при археологическихъ раскопкахъ было обращено вниманіе и на растительный слой древнихъ могилъ, на поверхности, подъ насыпомъ и около нихъ, *потому что это даетъ ключъ къ абсолютному опредѣленію времени гораздо болѣе древнихъ періодовъ*».

А. К.

Русская этнографическая выставка.

1867.

Общество Любителей Естествознанія, состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, предприняло устройство русской этнографической выставки съ цѣлію положить основаніе

постоянному этнографическому музею въ Москвѣ. Эта выставка откроется въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и будетъ состоять изъ двухъ большихъ отдѣловъ: *этнографическаго* и *антропологическаго*.

Въ этнографическомъ отдѣлѣ будутъ представлены обитатели различныхъ мѣстностей нашего отечества въ ихъ національныхъ костюмахъ и среди дѣйствительной обстановки ихъ быта. Каждое племя, или населеніе какой-либо замѣчательной въ этнографическомъ отношеніи мѣстности предполагается изобразить въ видѣ группы изъ нѣсколькихъ фигуръ или манекеновъ, окруженной главнѣйшими принадлежностями домашняго быта и представляющей, насколько возможно, характеристическую сцену изъ жизни народа. Размѣщеніе группъ на выставкѣ будетъ согласоваться съ географическимъ распредѣленіемъ племенъ и, начиная отъ сѣверныхъ предѣловъ Россіи, рядъ группъ будетъ заканчиваться ея южными окраинами. Чтобы сдѣлать этотъ переходъ болѣе очевиднымъ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ дать точное понятіе объ естественныхъ условіяхъ каждой полосы Россіи, будетъ соблюдена постепенность въ распредѣленіи растений и вообще всей природной обстановки. Наблюдатель перейдетъ отъ снѣговъ и болотъ къ странѣ хвойныхъ лѣсовъ, за тѣмъ къ лѣсамъ лиственнымъ и къ полосѣ земледѣлія, за которою послѣдуютъ цвѣтушіе луга и растительность Юга.

Въ одной полосѣ съ Кавказомъ и югомъ Россіи найдетъ мѣсто отдѣлъ *славянскій*, значеніе котораго Общество признало особенно важнымъ въ научномъ отношеніи, такъ какъ имъ будетъ доставленъ обильный матеріалъ для сравнительнаго изученія этнографіи славянскихъ племенъ.

Кромѣ этого обширнаго отдѣленія, посвященнаго этнографіи Россіи и славянскихъ племенъ, выставка будетъ содержать еще два отдѣленія: *антропологическое* и *общее*, составившееся изъ этнографическихъ, антропологическихъ и археологическихъ предметовъ, представленныхъ отъ экспонентовъ.

Первую группу антропологическаго отдѣленія составятъ фотографіи, портреты, маски и бюсты съ типическихъ лицъ различ-

ныхъ племенъ изъ различныхъ мѣстностей; нѣсколько замѣчательныхъ альбомовъ войдутъ также въ составъ этого собранія.

Вторую группу составятъ муміи, мумифицированныя головы мозговъ и анатомическіе препараты.

Третья группа будетъ состоять изъ череповъ и костяковъ различныхъ племенъ.

Наконецъ послѣднюю, и самую интересную и важную для насъ, группу предметовъ въ этомъ отдѣленіи будутъ составлять древнія орудія: каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Полнота этой группы особенно желательна, потому что съ одной стороны тогда стало бы возможнымъ сравнительное изученіе формъ орудій, найденныхъ въ Россіи, и составленіе коллекцій слѣпковъ, съ другой стороны — масса публики прониклась бы убѣжденіемъ въ важности собиранія этихъ орудій, безъ чего — русской археологической наукѣ — никогда не выйти изъ ребяческаго состоянія. До сихъ поръ все, что найдено въ Россіи — представляетъ чрезвычайно разбросанный и мало доступный матеріалъ, и потому соединеніе его въ одно цѣлое, хотя на время выставки, должно явиться естественнымъ желаніемъ cadaго просвѣщеннаго человѣка.

Въ свое время мы отдадимъ нашимъ читателямъ полный и подробный отчетъ обо всемъ, что представитъ выставка по отношенію къ наукѣ нашей отечественной древности, теперь же — пока, ограничиваясь этимъ общимъ извѣщеніемъ и встрѣчая словомъ искренняго привѣта самое предпріятіе, даемъ мѣсто поддержкѣ изъ записки о томъ же предметѣ нашего сочлена графа Ев. П. Тышкевича, присланной въ московское археологическое Общество. Голосъ гр. Е. Тышкевича, столь много сдѣлавшаго для науки славянской древности — всегда заслуживаетъ вниманія, хотя записка, помѣченная 7 маемъ 1866 года, заключаетъ въ себѣ и такія пожеланія, которыя уже нашли свое осуществленіе.

«Цѣль выставки, какъ извѣстно, представить наглядную картину домашней жизни, нравовъ и обычаевъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Россійскую Имперію. Такая цѣль конечно имѣетъ зна-

менательное значеніе; но осмѣлюсь заявить, что это же значеніе было бы еще громаднѣе, ежели бы даны были размѣры болѣе широкіе, именно ежели бы въ программу ея вошли всѣ вообще соплеменные намъ славянскіе народы. Какое богатство для изученія, какая пища для нравственнаго чувства славянина, ежели бы мы увидѣли въ этомъ общемъ собраніи вѣрное отраженіе жизни Русина, Поляка, Чеха, Морава, Кроата, Серб, Лужичина и т. д.!

Этого мало. Изъ этнографической выставки легко могъ бы составиться общій славянскій музеумъ. Каждый изъ славянскихъ народовъ охотно прислалъ бы изъ своихъ собраній, кромѣ предметовъ, имѣющихъ собственно этнографическое значеніе, еще предметы археологическіе и антропологическіе. Собраніе разныхъ курганныхъ выкопокъ, утвари, оружія и т. п. изъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ; собраніе череповъ всѣхъ племенъ, историческія достопамятности, портреты знаменитѣйшихъ славянскихъ дѣятелей, виды и планы древнихъ замковъ, городищъ, храмовъ и т. д., примѣчательнѣйшія библиографическія рѣдкости, автографы и проч. проч., — такое, говоримъ, собраніе составило бы неоцѣненную сокровищницу славянскаго міра, закрѣпило бы союзъ племенного родства и братства.

Со временемъ, съ постепеннымъ развитіемъ музеума, могли бы при немъ образоваться библіотека изъ книгъ исключительно на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и картинная галерея.

Посвятивъ всю жизнь изученію славянскаго міра, посѣтивъ всѣ земли, гдѣ только когда-либо жило славянское племя, зная лично многихъ изъ лучшихъ славянскихъ дѣятелей, я считаю себя въ правѣ, съ полною увѣренностью, заявить, что подобное предпріятіе вовсе не мечта, но имѣетъ глубокій нравственный смыслъ и вполнѣ удобоисполнимо. Москва — центръ славянскаго міра. Россія всегда была и будетъ притягательною силою для славянъ. Она естественная покровительница славянскихъ народовъ. Всѣ славяне особенно сочувственно отзовутся на этотъ благородный призывъ и удѣлять часть своихъ археологическихъ, этнографи-

ческих и антропологических собраний. Такие люди, как Палацкій, Запъ, Смоляръ, Мацѣевскій, Паплонскій охотно примутъ живое участіе въ великомъ дѣлѣ нравственно-научнаго сближенія славянскихъ племенъ. Въ каждой мѣстности найдутся специально-подготовленные лица для систематическаго распределенія и описанія коллекцій. Самыя издержки не были бы значительны, коль скоро каждый изъ ревнителей предпріятія принесетъ свою долю. Удобное помѣщеніе конечно нашлось бы въ Москвѣ — и нашлось бы даромъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ столько ученыхъ, кои посвятятъ свои труды и знанія общепользному дѣлу. Кто не желаетъ навсегда оставить въ славянскомъ музеумѣ присылаемые на выставку предметы, тому долженъ быть гарантированъ возвратъ ихъ въ совершенной цѣлости.

Кажется и говорить нечего, какъ много пользы для науки и въ особенности для науки археологіи, принесло бы подобное собраніе предметовъ общеславянской давно минувшей и современной жизни. Какое богатство для сравнительной славянской археологіи, для выводовъ и соображеній. Польза эта была бы еще осязательнѣе и дѣйствительнѣе, ежели бы возможно было при подобномъ музеумѣ учредить *славянское ученое общество*, коего членами были бы только люди, посвятившіе себя изученію славянства».

Объ археологическихъ трудахъ К. А. Морло.

1867.

Февраля 16-го скончался въ Бернѣ извѣстный швейцарскій археологъ Карлъ Адольфъ Морло, на 47 году своей жизни. Смерть застигла его въ то время, когда онъ приготовлялъ къ изданію обширный и — нѣтъ сомнѣнія — самый значительный изъ своихъ археологическихъ трудовъ — о древностяхъ Мекленбурга.

По своей специальности Морло былъ естествоиспытатель, именно — геологъ: въ 1851—53 г., онъ читалъ курсъ геологiи въ Лозанской Академіи, къ занятіямъ же собственно археологическимъ его вызвали неожиданныя открытія швейцарскихъ свайныхъ построекъ. Изученіе — *ex ipso fonte* — свайныхъ древностей вскорѣ убѣдило его въ необходимости поближе познакомиться съ однородными открытіями на сѣверѣ Европы; съ этою цѣлію, въ 1858 году, онъ предпринялъ поѣздку въ Швецію и Данію; изслѣдовавъ какъ самые памятники, такъ и обширную литературу предмета, Морло — по возвращеніи на родину — представилъ обществу натуралистовъ (*société Vaudoise des sciences naturelles*) обширный мемуаръ о геолого-археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Даніи и Швейцаріи (*Etudes géologico-archéologiques en Danemark et en Suisse*, помѣщ. въ *Bulletin de la Soc. Vaud. d. sciences naturel. t. VI, № 46, стр. 261—328: L. 1860*). Первая часть мемуара состоитъ изъ сжатого популярнаго очерка геологическихъ и археологическихъ открытій на сѣверѣ Европы и изложенія изслѣдованій, сдѣланныхъ по этому поводу Томсеномъ, Ворсѳомъ, Нильсономъ, Стенstrupомъ и др., вторая же — имѣетъ самостоятельное ученое значеніе: Морло входитъ здѣсь въ подробное сравненіе древностей свайныхъ построекъ съ сѣверными и выводитъ отсюда нѣкоторые общіе историко-этнологическіе результаты, всегда любопытные, остроумные и во многихъ случаяхъ — вполне убѣдительные, потому что осторожные. Несмотря на быстрые успѣхи свайной археологiи, мемуаръ Морло надолго еще сохранить свое значеніе: это не только лучшая доселѣ, самостоятельная популяризація предмета, но и ученый серіозный трудъ, гдѣ читатель на каждомъ шагу встрѣчаетъ и твердую, осторожную зрѣлость мысли натуралиста и остроуміе сближеній археолога. Къ сожалѣнію, трудъ Морло не пользуется въ наукѣ достаточною извѣстностію по причинѣ — совершенно внѣшней: онъ напечатанъ лишь въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и авторъ не успѣлъ сдѣлать второго изданія. Въ томъ же (1860) году

Морло читалъ публичный курсъ доисторическихъ древностей въ Лозанской Академіи, изъ него было напечатано лишь *вступительное чтеніе* (Leçon d'ouverture d'un cours sur la haute Antiquité, 2 изданіе, переведено на итальянскій, нѣмецкій и англійскій яз.) и полная программа курса. По содержанію онъ сходенъ съ предшествующимъ сочиненіемъ, только авторъ имѣлъ большую возможность избѣжать специальныхъ частностей послѣдняго и распространиться о томъ, что не нашло въ немъ мѣста, таковы напр. объясненія общихъ приѣмовъ изслѣдованія и высокаго значенія археологической науки. Нравственная мысль, руководившая Морло въ его курсѣ, прекрасно выражена заключительными словами программы: «Un progrès lent, mais constant, par voie des changements continus, tel est le principe réjouissant que nous révèle archéologie en déroulant l'évolution de l'humanité, comme nous révèle la géologie en exposant le développement du monde!»

Какъ въ «Этюдахъ», такъ и во «Вступительномъ чтеніи» мы находимъ подробное объясненіе важнаго открытія Морло касательно хронологіи доисторической древности; изложеніе его сущности читатель найдетъ въ статьѣ ак. Бэра (Акад. Кал. 1864), который отозвался, что для древнѣйшихъ временъ человѣчества — это единственный доселѣ способъ счисленія, заслуживающій довѣріе. Не мало и статей небольшого объема, касающихся различныхъ предметовъ ископаемой древности, напечатано было Морло; указываемъ на важнѣйшія изъ извѣстныхъ намъ: «Les premiers pas dans l'étude de la haute Antiquité soit des tems antéhistoriques» (въ изд. Actes de la Société jurassienne d'émulation. 1863) — обзоръ и оцѣнка трудовъ Гоге, Комона, Томсена и Нильсона, «Sur la découverte de l'Amerique par les Phéniciens» (нап. тамъ же) — по поводу стеклянныхъ цвѣтныхъ бусъ, найденныхъ въ сѣв. Америкѣ и, по мнѣнію Морло, принадлежащихъ къ финикійской работѣ, здѣсь же замѣчаніе о существованіи въ Америкѣ древнѣйшей цивилизаціи *мѣднаго вѣка*, который предшествовалъ *вѣку бронзы*; «Une date de chronologie absolue en géologie» (Bibl. Universelle, 1862, livr. d'Avril.) —

дальнѣйшее объясненіе хронологическаго открытія автора на разрѣзѣ холма, образованнаго отложеніемъ рѣчки Тиньеры; «Résumé du V-me Rapport du d-r Keller sur les établissements lacustres» (Bulletin de l'Institut national genevois 1863); «Quelques remarques sur Hallstatt» (Materiaux pour l'histoire de l'Homme ed. p. Mortillet, т. 2-й, стр. 233—8) — общія историко-археологическія разсужденія о древностяхъ, открытыхъ въ этой мѣстности; «Pierres à écuelles» (ibid., p. 257—91).

Въ 1865 г. Морло предпринялъ другую поѣздку на сѣверъ, въ Мекленбургъ, съ цѣлью продолжать свои изслѣдованія по мѣстнымъ древностямъ: еще и прежде богатый Музей и обширныя, точныя предварительныя изслѣдованія Лиша подавали ему мысль написать сочиненіе о древностяхъ Мекленбурга сравнительно съ древностями средней Европы; этому труду ревностно отдался онъ въ послѣднее время своей жизни, но успѣлъ напечатать только два небольшие отрывка изъ него: «Sur la meule à aiguiser de l'âge de la pierre» и «Sur le passage de l'âge de la pierre à l'âge du bronze» (Mater. II, p. 350 и слѣд., 286 и сл.): оконченъ ли цѣлый трудъ, будетъ ли онъ изданъ въ свѣтъ — неизвѣстно, но наука — конечно — много пріобрѣтетъ, когда онъ будетъ изданъ хоть въ неоконченномъ видѣ: изъ всѣхъ европейскихъ археологовъ Морло исключительно отличался умѣніемъ свести частности къ общимъ знаменателямъ, сблизить ихъ между собою и сдѣлать осторожные выводы; нѣсколько такихъ замѣтокъ и наблюденій вполне могутъ оправдать появленіе въ свѣтъ сочиненія неоконченнаго и отрывочнаго.

Съ 1865 г. (23-го февраля) Морло былъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Археологическаго Общества. А. К.

Графъ Константинъ Піевичъ Тышкевичъ.

1867.

Первый томъ «Археологическаго Вѣстника» намъ приходится заключить скорбною поминкою о дорогомъ сочленѣ, дѣятельномъ

сотрудникъ графъ К. П. Тышкевичъ, скончавшемся въ Минскѣ въ іюлѣ текущаго года.

Кто имѣлъ случай узнать покойнаго лично, тотъ не по поговорицѣ *de mortuis nil nisi bene*, но по внутреннему чувству правды, отдавая только долгъ справедливости, не можетъ не сказать, что онъ былъ человѣкъ высокихъ достоинствъ, что потеря его въ полномъ смыслѣ слова есть потеря чувствительная. Тѣмъ чувствительнѣе она для насъ, видѣвшихъ и испытавшихъ благородную юношескую преданность наукъ этого почтеннаго старца: мы были свидѣтелями, какъ онъ горячо принималъ къ сердцу интересы русской науки, у насъ есть прямые доказательства искренности и полного безкорыстія его участія: Московское Археологическое Общество ему обязано превосходной коллекціей доисторическихъ древностей западнаго края, многимъ обязана ему и этнографическая московская выставка и многіе частные лица, съ которыми онъ дружественно дѣлился плодами своихъ поисковъ, всегда тая какихъ усилій и огорченій стоили ему эти поиски. Графа К. П. Тышкевича вмѣстѣ съ его братомъ Евстаѣемъ, учредителемъ бывшаго Виленскаго Музея—можно назвать — основателями научной археологіи западно-русскаго и литовскаго края; потому что они первые сумѣли случайное любопытство предметами родной древности возвести на степень серьезнаго интереса и сдѣлали ее постоянною цѣлью своихъ изысканій. Результатомъ этихъ усилій со стороны гр. К. П. было превосходное частное собраніе западно-русскихъ и литовскихъ древностей, преимущественно доисторическаго періода и нѣсколько печатныхъ трудовъ; изъ нихъ — важнѣйшіе: 1) *Wiadomość historyczna o zamkach, horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej*. W. 1859. 8°, 194 p. (помѣщ. какъ приложение къ *Tek'Ń Wileńskiej* изд. А. К. Киркоромъ); 2) О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси. В. 1865. 4°, стр. 141; за нѣсколько недѣль до смерти гр. К. П. послѣднее сочиненіе въ исправленномъ и распространенномъ видѣ вышло въ Берлинѣ и на языкѣ польскомъ (8°, IV, 287), къ нему при-

ложены XVI прекрасно исполненныхъ таблицъ in fol., изображающихъ различные предметы древности. Сколь бы далеко ни пошла наука, но и эти труды останутся въ ней необходимыми; основанные на личныхъ самостоятельныхъ разысканіяхъ, они не могутъ быть замѣнены другими, хотя бы и болѣе строгими въ ученomъ смыслѣ.

А. К.

[Мелкія замѣтки и приписки къ чужимъ трудамъ:]

1867.

[I] *Примѣчаніе*. Любопытная замѣтка д-ра Маннгардта¹⁾ вызвала насъ на поиски, но, при всемъ внимательномъ пересмотрѣ славянскихъ и западныхъ иноземныхъ источниковъ, намъ не удалось отыскать въ нихъ извѣстій о томъ, что славяне въ языческую эпоху заплетали бороду или украшали ее лентами и металлическими вещами, за то арабскіе источники говорятъ объ этой особенности съ положительностью, недопускающею сомнѣній, такъ Ибнъ-Хаукаль (около 976 г.) говоритъ, что «у Руссовъ одни бреютъ бороду, другіе заплетаютъ ее, подобно тому, какъ заплетаютъ лошадиныя гривы, и красятъ ее подъ цвѣтъ шафрана». (Frähn—Ibn Foszl. p. 248.). Идризи (+1154) передаетъ съ своей стороны то же самое: «нѣкоторые изъ Руссовъ бреютъ бороду, другіе собираютъ и заплетаютъ ее на манеръ Арабовъ дуабскихъ» (Lelewel. Géogr. du Moyen âge, t. III—IV, p. 185).

Сомнѣніе остается только на счетъ Руссовъ — какой народъ разумѣть должно подъ этимъ именемъ? Обыкновенно думаютъ, что это Скандинавы, но, пересмотрѣвъ внимательно и сличивъ

1) «Для исторіи древне-славянскаго наряда», — статья д. чл. д-ра Вильг. Маннгардта, помѣщен. на стран. 57—60 «Древностей. Археологич. Вѣстника», издаваемого М. Археол. Обществомъ подъ ред. д. чл. А. А. Котляревскаго, мартъ — апрѣль. М. 1867.

между собою всё показанія Арабовъ о Руссахъ, мы не нашли ни одного доказательства въ пользу этой мысли и ни одного противорѣчія тому мнѣнію, по которому Арабы разумѣютъ здѣсь именно *русскихъ Славянъ*, потому мы и не находимъ причины не привести здѣсь арабскихъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе догадки, высказанной д-ромъ Маннгардтомъ. Замѣтимъ, однако, что славянское происхожденіе урнъ съ лицевыми украшеніями и бородой требуетъ иныхъ, болѣе прочныхъ, доказательствъ, чѣмъ славянская мѣстность ихъ нахожденія: нѣсколько подобныхъ горшковъ съ лицевыми изображеніями открыты были въ окрестностяхъ Майнца и изображены въ изданіи Линденшмита: «Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit», т. 1, 1854, ч. VI, tab. VI. Всѣ урны, впрочемъ, безбрадыя, и особенно оригинальна одна (№ 7), съ изображеніями двухъ фалловъ по бокамъ рта, на щекахъ (она хранится въ университетскомъ музеѣ въ Боннѣ). Горшокъ съ лицевымъ изображеніемъ и бородой, весьма схожій по рисунку лица — съ описаннымъ д-ромъ Маннгардтомъ, фиг. А, находится и въ музеѣ королевской Ирландской Академіи; въ описаніи древностей этого Музея, составленномъ Вильде (A descriptive Catalogue of the Antiquities in the Museum of the Royal Irish Academy. Dub. 1863, p. 156) помѣщено его изображеніе, сдѣланное — къ сожалѣнію — въ слишкомъ уменьшенномъ видѣ: сосудъ съ ручкой и узкимъ горломъ, высота его 9 дюймовъ, діаметръ въ самомъ широкомъ мѣстѣ 5 дюймовъ, лицевое изображеніе находится вверху и сдѣлано рельефомъ, борода виситъ свободно, подъ нею внизу находится звѣзда въ кругѣ. Мѣстность находки — не обозначена, но такъ какъ большинство предметовъ, составляющихъ музей Ирландской Академіи, принадлежитъ къ туземной отечественной древности, то можно полагать, что и настоящая урна не представляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Касательно предполагаемаго древнеславянскаго обычая заплетать бороду, позволительно будетъ здѣсь вспомнить, что и одна фигура изъ такъ называемыхъ Прильвицкихъ древностей, кажется — имѣетъ заплетенную бо-

роду, если только не принять завитки, двумя концами параллельно-спускающіеся на грудь — за украшенія одежды (см. рисунокъ 2-ой, прилож. къ ст. г. Срезневскаго: «Прильвицкія древности»). Замѣтимъ впрочемъ, что фигура относится къ той части прильвицкаго клада, которая принадлежала Гедеону Шпонгольцу и которая гораздо болѣе другой (Машевой)—вызываетъ подозрѣніе на счетъ незаконности своего происхожденія.

А. К.

[II] *Примѣчаніе.* Упоминаемая авторомъ статьи¹⁾ раскопка близъ хутора Ясиновки изложена въ брошюрѣ (довольно рѣдкой), изданной имъ же въ Брюсселѣ: *Lettre sur une fouille faite dans le gouvernement de Voronége, pub. avec des observations par B. D. Schöppingk*. В. 1847. 8°. 15 стр. съ рисунками. На прилагаемомъ нынѣ рисункѣ — фиг. Д. Е. помѣщается планъ этого городища и двухъ горшковъ, форма которыхъ восстановлена по остаткамъ. *a* — изображаетъ валъ высотой 9—10 арш., *b* — срединное внутреннее углубленіе, глубиной отъ 7 до 8 аршинъ, окружность вала — приблизительно 12—14 аршинъ, *c* — два боковыя возвышенія, которыя — кажется — служили входомъ въ средину — *b*, оконечностями своими они примыкали къ валу *a*; *d* — два менѣе возвышенныя укрѣпленія, можетъ быть вмѣстѣ съ *e* и *f* — образовавшіяся изъ земли, вынутой изъ средины вала; *g* — простой продолговатый курганъ, 7 арш. длиной и 4 шириной. Раскопка началась съ этого кургана *g*: подъ легкимъ слоемъ чернозема встрѣтилась крѣпкая глинистая смѣсь песку и мѣла, на линіи материка были найдены кости, сильно перетлѣвшія, отличить можно было лишь черепъ и зубъ собаки и нѣсколько зубовъ ло-

1) «Извѣстіе о раскопкѣ двухъ майдановъ» (Воронежской губ., Острог. у.) ст. д. чл. Д. О. Шеппинга, помѣщен. въ Древн. Археол. Вѣстн., изд. Моск. Арх. Общ., мартъ — апрѣль. М. 1867, стр. 62—65.

шади; вмѣстѣ съ этими костями лежалъ уголь и пепель, хотя въ незначительномъ количествѣ. Любопытно, что здѣсь же найдены были небольшія черныя зерна—б. м. сухое просо и рыбная шелуха въ большомъ количествѣ. Раскопка возвышенія с началась сверху, въ половинѣ его встрѣтились четыре большія дубовыя балки (1—2 арш. высоты), положенныя рядомъ одна возлѣ другой въ наклонномъ положеніи къ валу а, земля также была необычайной крѣпости и не легко уступала даже топору; за бревнами внизу лежалъ песокъ и въ немъ человѣческія кости, сильно перетлѣвшія: черепъ, огромная челюсть съ нѣсколькими большими, бѣлыми зубами, спинной хребетъ и какія-то мелкія кости. Скелетъ лежалъ съ юга на сѣверъ; возлѣ головы стоялъ разбитый горшокъ, наполненный землею, перемѣшанною съ остатками какого-то жирнаго органическаго вещества, также немного пеплу и остатки какого-то растенія. На сѣверъ, у ногъ скелета находился другой горшокъ, столь же испорченный и содержавшій въ себѣ то же, что и первый. Земля подъ трупомъ была сильно утрамбована и покрыта еще замѣтнымъ краснымъ веществомъ; ни оружія, ни какой другой утвари — не встрѣтилось. Горшки были изъ разной твердой и сухой земли, снаружи покрыты глиной и съ грубыми украшеніями. Въ срединѣ углубленія b найденъ былъ костяной обломокъ, какъ кажется — остатокъ гребня или сабельной ручки, наконецъ — твердый камень, какой не встрѣчается въ окружности на 100 верстъ. При разрѣзѣ западнаго возвышенія оказалось большое количество пепла, немного углей и челюсть какого-то животного.

Обѣ раскопки — какъ видно, почти одинаковы и взаимно дополняютъ другъ друга. При всей — повидимому — незначительности ихъ, онѣ убѣждаютъ въ одномъ несомнѣнномъ фактѣ, что такъ называемыя городища не были *исключительно* мѣстами религіознаго служенія, какъ полагалъ Ходаковскій; но служили и могильниками для усопшихъ. Вопросъ о городищахъ со времени Ходаковского не сдѣлалъ никакого существеннаго шага впередъ: изслѣдователи убѣдились, что теоріи Ходаковского

во многихъ отношеніяхъ мечтательны и не оправдываются фактами науки, что исключительная принадлежность городищъ славянскому племени — есть гипотеза, болѣе чѣмъ сомнительная, по частныхъ разысканій, которыя измѣнили бы это отрицательное убѣжденіе—въ какое-нибудь болѣе обстоятельное и положительное—до сихъ поръ, сколько извѣстно — не существуетъ; а что вопросъ стоить изслѣдованія, объ этомъ кажется и говорить нечего. Замѣтимъ въ заключеніе, что воронежскія городища — по своему внѣшнему виду—представляютъ рѣшительное сходство съ городищами харьковской губерніи старобѣльскаго уѣзда, какъ каждый можетъ убѣдиться, взглянувъ на описаніе и чертежи послѣднихъ, помѣщенные въ Извѣстіяхъ Спб. Археологическаго Общества, т. 1-й, стр. 157—9. А. К.

[III.] *Приписка*¹⁾. Мнѣніе о лингвистическомъ тождествѣ греческаго наименованія *Σκιῶν Σχούης* съ славянскимъ **Шюудь**, *Чюдь*, сколько знаемъ — въ первый разъ было высказано Раскомъ, а за нимъ и Шафарикомъ (Slov. Star. 1-ое изд. 238 и слѣд.); считаемъ не лишнимъ привести, по этому поводу, замѣчаніе Якова Гримма и дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что вполне его раздѣляемъ: «такъ какъ между славянами и греками, говоритъ онъ, звуки не подлежатъ закону *перехода* (*die laute sich nicht verschieben*), то, даже допустивъ переходъ *сх* въ *ц*, *ч*, — подозрительнымъ останется переходъ *θ* въ *д*; еще не вѣроятнѣе думать, чтобы названіе, которымъ сосѣди славяне обозначили не скиевскихъ финновъ, получило при томъ у грековъ общую силу и употребленіе для наименованія древнихъ скивовъ. Гораздо вѣроятнѣе старинное производство имени скиѿ отъ нѣмецкаго корня *skiutan* = *jaculari*, отъ употребленія копья и лука у всѣхъ скивовъ, подобно тому, какъ и

1) Къ статьѣ д. чл. Э. И. Эйхвальда: «О древностяхъ Заволочской Чуди Печорскаго края». Помѣщ. въ «Древн. Арх. Вѣстн., май — іюнь. М. 1867, стр. 107—111.

многія нѣмецкія племена назвались по оружію...» etc. (Gesch. d. Deutsch. Spr. I, 220). Другое разногласіе съ мнѣніемъ почт. Э. И. Эйхвальда позволимъ мы себѣ относительно племенъ кельтскихъ, которымъ онъ приписываетъ происхожденіе европейскихъ каменныхъ орудій. Старая добрая вѣра въ кельтскій источникъ каменныхъ орудій могла существовать; она ничего не подозрѣвала о слоѣ (и конечно — не одномъ) *первообытныхъ* обитателей Европы, ей нужно было куда-нибудь приурочить каменные орудія, и она отнесла ихъ къ Кельтамъ, древнѣе которыхъ ничего не знала; но такое мнѣніе — само собою — должно пасть послѣ того, какъ наука неизбежно утвердила фактъ существованія обитателей Европы, предшествовавшихъ приходу Индо-европейскихъ племенъ, тѣмъ болѣе, что оно ничего не имѣетъ за собою, кромѣ доброй вѣры и такъ многое имѣетъ противъ себя. На нѣкоторыя стороны этого вопроса мы указывали прежде (Древности. Труды Московскаго Археологич. Общ. вып. I-й, М. 1865., ст. «объ обработкѣ металловъ»), и туда позволяемъ себѣ отослать теперь нашего читателя.

А. К.

[IV]. Пользуемся¹⁾ случаемъ, чтобы указать читателямъ «Арх. Вѣст.» на статью о томъ же предметѣ д-ра П. Беккера (бывшаго проф. Ришельевского Лицея): «Ausgrabungen in Südrussland», помѣщенную въ «Nordische Revue» IV, 3 Heft, 1865 г., стр. 253—271. Къ сожалѣнію, статья эта, имѣющая многія достоинства самостоятельной критики, — не окончена за прекращеніемъ изданія: она представляетъ только общее обзорѣніе археологическихъ изслѣдованій по понтійскимъ древностямъ и разборъ *первыхъ двухъ* Отчетовъ Императорской Археологической Комиссіи (собственно только за 1859 г.); было ли гдѣ издано и

1) Приписка къ критич. статьѣ В. Т (изенгаузена) на сочиненіе «Die Griechen und die griechische Kunst am Nordgestade des Schwarzen Meeres. Akademische Festrede... von Ludwig Schwabe. Riga. 1867, — помѣщенной въ «Древност. Арх. Вѣстн., май—іюнь, стр. 127—129.

обѣщанное на стр. 257 *окончаніе* разбора— не знаемъ, но жаль будетъ, если критика такого опытнаго знатока повтѣйскихъ древностей, какъ д-ръ Беккеръ—останется неиздана или неизвѣстна.

А. К.

[V]. *Приписка*¹⁾. При разсмотрѣніи рисунка подляскихъ камней гр. А. С. Уваровъ сдѣлалъ замѣчаніе, что славянскую надпись ихъ, которую гр. К. П. Тышкевичъ читаетъ: *градъ Сангушевъ*, можно прочесть и такимъ образомъ: **Г**-господи, **СПИ**-спаси, **гуш**-душу..., что значило **В**—остается неизвѣстнымъ. Что касается до знаковъ, находящихся на камняхъ, то они послужили предметомъ двухъ чтеній въ Обществѣ, которыя мы и представимъ вниманію читателя въ одной изъ слѣдующихъ книгъ «Вѣстника», теперь же считаемъ не лишнимъ сдѣлать немногія бібліографическія дополненія къ исторіи вопроса о западно-русскихъ камняхъ, представленной въ статьѣ гр. К. П. Тышкевича. Дѣлаемъ это въ той мысли, что и немногія указанія могутъ быть пригодны изслѣдователю столь любопытнаго предмета русской археологіи.

1) Первое точное описаніе Рогвольдова и Борисова камня сдѣлано было П. И. Кеппеномъ въ 1822 году въ сочин.: «Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи». М. 1822, стр. 45—51.

2) Ст. A. Platera: o starożytnych kamieniach z napisami, znajdujących się w rzece Dźwinie (od XIII wieku) koło Połocka i Dziésny, въ сборникѣ Rubon, Wilno 1842, t. II, стр. 37—48 съ табл. рисунковъ четырехъ камней.

3) «Древніе камни съ надписями, въ рѣкѣ Двинѣ близъ Полоцка и Дисны» ст. Нарбута въ Витебск. Губерн. Вѣд. 1846 г. № 14. Камней описано четыре.

4) Статья Подберезскаго о тѣхъ же камняхъ—въ Иллюстраціи 1848, намъ извѣстна лишь по чужой ссылкѣ.

1) къ ст. гр. К. Тышкевича: «О древн. камняхъ-памятникахъ западной Руси и Подляхін; въ Древн. Арх. Вѣстникѣ, іюль-авг. 1867 г. стр. 154—9.

5) Ст. П. И. Кеппена—«Der Rogwolod'sche Stein vom Jahre 1171 und die Steinschriften in der Düna», въ *Mélanges russes*, т. II-й (1855 г.), стр. 390—405 съ 1-мъ рисункомъ (рогвольдова камня) и изображеніями въ текстѣ; по-русски та же статья была напечатана въ «Ученыхъ Запискахъ Импер. Академіи Наукъ» по 1-му и 3-му Отд., т. 3-й, стр. 59—70.

6) «Камни Бориса Всеволодовича и Василя Борисовича» ст. въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1864, № 56, содержаніе ея—въ «Трудахъ» Общества, т. I, стр. 40. Если включить въ этотъ списокъ сочиненія, указанныя гр. К. П. выше на стр. 154—5 [см. его ст. въ Арх. Вѣстн.] то, кажется, будетъ все что извѣстно по вопросу о западно-русскихъ камняхъ! Срав. также свѣдѣнія о Рогвольдовомъ камнѣ, переданныя въ сочиненіи г. Шпилевскаго: «Путешествіе по Бѣлоруссіи». Спб. 1858, стр. 185. А. К.

[VI]. Сообщеніемъ этой статьи¹⁾ мы обязаны дружественному участию В. Е. Тизенгаузена, который и по внутреннимъ побужденіямъ ученаго и по должности дѣлопроизводителя Императорской Археологической Комиссіи — всегда неравнодушенъ къ судьбамъ русской археологической науки. Къ свѣдѣніямъ уже извѣстнымъ статья о Θεодосійскихъ раскопкахъ—прибавляетъ—на первый взглядъ—не много важнаго; но если бы *такимъ образомъ* были описаны всѣ раскопки, произведенныя и производимыя на русской землѣ, наука имѣла бы превосходный матеріалъ и пошла бы шагомъ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ въ настоящее время: тогда — быть можетъ — и то, что намъ кажется теперь незначительнымъ, получило бы свое надлежащее значеніе. Какъ бы то ни было мы не можемъ не принести нашей искренней признательности начальству Археологической Комиссіи за дозволеніе огласить эту *новую* страницу русской археологической лѣтописи.

А. К.

1) «Археологическія розысканія близъ Θεодосіи (составлено по официальнымъ документамъ)»—см. Древности. Арх. Вѣстникъ. М. 1867, ноябрь и декабрь, стран. 278—281.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

Кубанская каменная баба.

1867.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1867 года въ районѣ Кубанской области въ 6-ти верстахъ отъ станицы Дядьковской Екатеринодарскаго округа открыта совершенно случайно въ курганѣ каменная статуя, изображающая женщину. По полученіи о томъ извѣстія г. начальникъ Кубанской области графъ Сумароковъ-Эльстонъ приказалъ эту статую доставить въ Екатеринодаръ, гдѣ по внимательномъ осмотрѣ оказалось слѣдующее.

Статуя представляетъ, какъ выше сказано, женщину монгольскаго типа, весьма хорошо сохранившуюся, несмотря на то, что высѣчена изъ бѣлаго известняка и вѣроятно весьма долго оставалась зарытою въ землѣ.

Фигура состоитъ изъ трехъ частей: головы, туловища съ ногами и пьедестала, но части эти составляли одно цѣлое и вѣроятно какимъ-либо случаемъ отломлены; всего росту въ ней $2\frac{1}{2}$ аршина, на шеѣ въ три ряда ожерелье и въ правомъ ухѣ большая тройная серьга, руки почти во всю длину опущены внизъ и ниже живота держатъ сосудъ, голова прикрыта калмыцкою шапкою; глаза, брови, носъ, ротъ и подбородокъ весьма отчетливо сохранились. Въ настоящее время кубанская каменная баба находится въ тифлисскомъ музеѣ, куда перевезена по приказанію Государя Намѣстника кавказской области.

Представляемый нами снимокъ съ памятника сдѣланъ по отчетливой фотографіи, обязательно доставленной г. Начальникомъ Кубанской области.

Обстоятельство, что каменная баба найдена въ землѣ — заслуживаетъ вниманія, ибо едва ли это — явленіе случайное: вспомнимъ, что еще въ прошломъ столѣтіи Мельгуновъ встрѣтилъ подобный фактъ при раскопкѣ могилы (скиѣской) около Чернаго лѣса у Кучеровыхъ буераковъ (Екатеринославской губерніи) ¹⁾,

1) См. Извѣстіе Миллера объ этой раскопкѣ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1764 года, часть 2, стр. 502.

что недавно п у Новочеркасска, какъ видно изъ отчетовъ Императорской Археологической Комиссіи, были найдены въ вершинѣ одного кургана обломки трехъ каменныхъ бабъ.

Археологическая библиографія.

Записка дѣйств. члена А. А. Котляревскаго *).

1869.

Г. Лѣствицынъ, начальникъ газетнаго стола Ярославскаго губернскаго правленія, представилъ въ Общество составленный имъ *Историческій Указатель* ¹⁾ какъ печатныхъ мѣстныхъ (ярославскихъ) трудовъ по отечественной исторіи, археологіи, этнографіи, исторіи церкви и т. д., такъ и археологическихъ коллекцій, принадлежащихъ частнымъ лицамъ той же мѣстности; при этомъ, въ письмѣ, г. Лѣствицынъ проситъ Общество, въ вознагражденіе его труда, указать ему ошибки, которыя гдѣ-либо и кѣмъ-либо будутъ замѣчены въ «Историческомъ Указателѣ». Обществу угодно было поручить мнѣ разсмотрѣніе этого труда. Представляя мое мнѣніе, не могу не припомнить, что еще до

*) Д. членъ А. А. Котляревскій представилъ свое мнѣніе о ст. г. В. Лѣствицына «Историческій указатель», помѣщенной въ Ярославскихъ Губ. Вѣд. 1866 г. № 3 и представляющей погодный списокъ историко-археологическихъ трудовъ Ярославской мѣстности. Высказавъ нѣсколько замѣчаній о настоятельной потребности точныхъ библиографическихъ указателей для успѣха науки русской древности и отозвавшись съ полною признательностію о трудахъ г. Лѣствицына, г. Котляревскій предложилъ Обществу войти съ нимъ въ сношеніе и просить его обработать археологическую часть указателя для помѣщенія въ Трудахъ Общества.—Гг. Члены, изъявивъ свое полное согласіе, поручили г. Котляревскому привести въ исполненіе его предложеніе (и приведено). См. протоколъ 17-го обыкновен. засѣданія И. Моск. Арх. О-ва 1866 г. марта 8, ст. 8, № 25, въ т. II, Древн. Трудовъ М. Арх. О-ва, стр. 178.

Прим. ред.

1) Ярослав. Губерн. Вѣдомости 1866 г. № 3-й.

официальнаго утвержденья нашего Устава, во время частныхъ совѣщаній, гр. А. С. Уваровъ обращалъ вниманіе г. г. сочленовъ на необходимость составленія обстоятельной археологической библіографіи. Нѣкоторые изъ членовъ Общества тогда же изъявили готовность заняться этимъ предметомъ: одни — по отдѣлу собственно русскому, другіе — по славянскому, и нельзя сомнѣваться, что лишь трудности, сопряженныя съ занятіями этого рода и желаніе представить Обществу работу, отвѣчающую всѣмъ требованіямъ современной науки — были причиною, почему мысль г. Предсѣдателя до сихъ поръ остается безъ видимаго исполненія... Кажется, еще ранѣе — необходимость для успѣха науки имѣть обстоятельную археологическую библіографію стала предметомъ заботы Императорской Археологической Комиссіи: мнѣ извѣстно, что, подъ опытнымъ руководствомъ члена ея В. Е. Тизенгаузена, такой трудъ не только задуманъ, но и предпринятъ и дѣятельно подвигается впередъ и, нѣтъ сомнѣнія, будетъ исполненъ съ тѣмъ знаніемъ дѣла и добросовѣстною тщательностью, какою отличаются всѣ ученыя предпріятія Комиссіи.

Если въ двухъ ученыхъ учрежденіяхъ, независимо другъ отъ друга, высказались одинаковая мысль и одинаковыя стремленія, то они должны быть признаны *существенными и необходимыми*; и дѣйствительно — такими представится они каждому, кто привыкъ относиться къ предмету науки съ приличнымъ вниманіемъ и осторожностью, съ желаніемъ разсмотрѣть предметъ во всемъ доступномъ его объемѣ, принять въ расчетъ все извѣстное, чтобы не оступиться и не опустить изъ виду существенно важнаго. Наука не создается единичнымъ трудомъ лица, но главнымъ образомъ преемственнымъ трудомъ поколѣній, и ничто такъ не замедляетъ успѣховъ ея, какъ вольное или невольное невниманіе къ усиліямъ предшественниковъ; потому близкое знакомство съ прошедшимъ науки, ея, такъ сказать, наличнымъ капиталомъ, необходимо и обязательно для каждаго изслѣдователя: это — столько же вопросъ его ученой добросовѣстности, сколько и условіе плодотворной прочности его труда... Но такое требо-

ваніе, само по себѣ справедливое и законное, будетъ слишкомъ строго въ примѣненіи къ русскому изслѣдователю и, главнымъ образомъ, по причинѣ отсутствія предварительныхъ специальныхъ библіографическихъ трудовъ по предмету. Наша историко-археологическая наука еще не знаетъ раздѣленія труда: ученому необходимо до всего доходить самому, въ одно и то же время быть и библіографомъ, и изслѣдователемъ предмета въ собственномъ смыслѣ; а трудность совмѣстить эти два различные рода занятій вредно отзывается и на всей наукѣ: не только старина выдается за новое, но часто пускаютъ въ ходъ такіа мнѣнія, о которыхъ не могло бы быть и помину, если бы изслѣдователь имѣлъ возможность и удобство осмотрѣть предшествующую литературу предмета; иногда строятся и цѣлыя системы, которыя не переживаютъ дня своего появленія—и все это только потому, что ученый, не имѣя подъ руками справочной библіографіи, забываетъ какое-нибудь свидѣтельство или памятникъ, заброшенный гдѣ-нибудь въ старомъ изданіи, журналѣ или сборникѣ. Это явленіе столь справедливо, столь знакомо каждому изслѣдователю по личному печальному опыту, что даже не нуждается ни въ примѣрахъ, ни въ поясненіяхъ. Вообще—требованія полноты изслѣдованія, осторожности выводовъ, а потому и правильныхъ успѣховъ науки вообще — неизбежно приводятъ къ мысли о необходимости обстоятельныхъ специальныхъ библіографій предмета, къ какой бы отрасли историческихъ наукъ онъ ни принадлежалъ... Возвращаясь собственно къ наукѣ русской древности, не могу не замѣтить, что всѣ наши извѣстные библіографическіе труды помогаютъ изслѣдователю лишь въ незначительной степени ¹⁾: одни изъ нихъ, исполненные съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла, съ тщательностію, заслуживающею искренней признательности, не имѣютъ строго спеціальнаго характера и ограничены литера-

1) Говоримъ здѣсь объ археологической новѣйшей библіографіи, но никакъ не о библіографіи рукописей и старопечатныхъ книгъ, гдѣ существуютъ почетенные и многополезные труды Калайдовича, Стросовыхъ, Кеппена, Востокова, Ундольскаго, Сахарова, Срезневскаго, Горскаго, Невоструева и др.

турую трех-четырехъ лѣтъ, ближайшихъ къ нашему времени (таковы добросовѣстные труды бр. Ламбиныхъ)¹⁾; другіе—хотя и обнимаютъ бóльшій періодъ времени и имѣютъ болѣе спеціальный характеръ, но обнаруживаютъ такія наивныя отношенія своихъ авторовъ къ наукѣ, такую опрометчивую поспѣшность исполненія, что — по истинѣ — нельзя не поскорбѣть о томъ изслѣдователѣ, который рѣшится довѣриться ихъ указаніямъ: результатъ не вознаграждаетъ въ этомъ случаѣ и половины труда, затраченнаго на пріисканіе статей и справки по нимъ. Повидимому вѣрною мыслью руководятся эти библіографы: они хотятъ достигнуть возможной библіографической *полноты* указаній, но полнота собранныхъ свѣдѣній—еще не ручательство за практическую полезность труда; она не исключаетъ хаотическаго безпорядка въ немъ, при чемъ самая полная библіографія окажется бесполезною для практическаго сподручнаго употребленія. Полнота есть одно изъ необходимыхъ условій хорошаго библіографическаго труда; но цѣль его заключается въ томъ, чтобы доставить людямъ, занимающимся наукою, удобную и надежную книгу справочныхъ свѣдѣній; библіографической полноты можетъ достигнуть и простой копистъ-регистраторъ, котораго судьба поставитъ въ возможность вести списокъ выходящихъ книгъ и статей, но лишь опытный библіографъ можетъ изъ этой регистратуры сдѣлать полезный справочный библіографическій трудъ; для писца — это занятіе механическое, требующее лишь аккуратности машины, для библіографа — это вмѣстѣ съ тѣмъ и умственный трудъ, предполагающій знакомство съ наукой. За вычетомъ упомянутаго труда гг. Ламбиныхъ и немногихъ указателей старыхъ журналовъ (напр. Указателей г. Афанасьева къ Сѣверному Архиву и Отечественнымъ Запискамъ Свиньина²⁾), отвѣчающихъ требованіямъ и полноты и библіографической тол-

1) Русская историческая библіографія, годы 1855, 56 и 57, 3 книги. Спб. 1861—65. 8°.

2) Архивъ историко-юридическ. свѣдѣній о Россіи, кн. I—IV. М. 1850—61.

ковости, ни одинъ библіографическій трудъ по литературѣ новой науки не соединяетъ въ себѣ условій, удовлетворяющихъ изслѣдователя, полнѣйшимъ долженъ быть признанъ нѣмецкій указатель покойн. Штукенберга¹⁾, гдѣ между прочимъ удѣлено мѣсто археологіи въ собственномъ смыслѣ.

Возвращаясь къ «Указателю» г. Лѣствицына, замѣчу, что это — первый опытъ мѣстной историко-археологической библіографіи и опытъ, заслуживающій вниманія не только по мысли, но и по труду, потраченному на его исполненіе: онъ не великъ объемомъ (всего 4 столбца газеты); но кто понимаетъ, какъ при такого рода занятіяхъ—иногда для одной строки или одного свѣдѣнія — потребны самыя кропотливыя и утомительныя развѣдки, — тотъ не упрекнетъ его лишь за краткость содержанія; а что составителю онъ стоилъ труда, въ этомъ убѣждаетъ насъ полнота собранныхъ свѣдѣній, собранныхъ, очевидно, не случайно, а съ задуманною напередъ мыслью и планомъ. Отдавая съ этой стороны полную справедливость труду г. Лѣствицына, не могу однако же не замѣтить, что въ отношеніи библіографическихъ пріемовъ онъ оставляетъ мѣсто многимъ и многимъ желаніямъ; скажу болѣе — въ такомъ видѣ, какъ онъ есть, онъ оказывается едва ли не бесполезнымъ для историко-археологической науки: кажется, что составитель не имѣлъ даже въ виду требованій точной ученой библіографіи и цѣлей исторической науки, а хотѣлъ предложить лишь матеріалы для статистики образованности ярославской мѣстности; точная библіографическая обстановка, при такой цѣли, конечно, оказывалась излишнею, и вотъ почему изслѣдователь, историкъ или археологъ, почти не можетъ воспользоваться свѣдѣніями, столь тщательно собранными г. Лѣствицынымъ: во всемъ «Указателѣ» онъ находитъ лишь одну случайную библіографическую ссылку на періо-

1) Versuch eines Quellen-Anzeigers alter und neuer Zeit für das Studium der Geographie, Topographie, Ethnographie... des Russischen Reiches. Spb. 1851—2. 2 v.

дическое изданіе—и то безъ означенія №; всѣ другіе труды помянуты однимъ голымъ заглавіемъ и годомъ, безъ означенія мѣста печати и другихъ обстоятельствъ (т. е. напечатаны ли они отдѣльно или въ какомъ періодическомъ изданіи, сборникѣ и т. д.). Свѣдѣнія о коллекціяхъ древностей также не отличаются точною опредѣленностью и слишкомъ общи. Понятно, что при такомъ характерѣ извѣстій «Указателя», всякія справки по нему—становятся невозможны или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени затруднительны; а между тѣмъ въ трудѣ г. Лѣствицына историкъ и археологъ встрѣтятся со многими, въ высшей степени важными и неизвѣстными для нихъ, указаніями (напр. извѣстіе о Владимировой и другихъ монетахъ, о рукописяхъ, о коллекціяхъ древностей), съ заглавіями многихъ трудовъ, о которыхъ и помину не было въ текущей литературѣ, но которые, судя по предмету, должны быть и важны и интересны... Жаль было бы, если бы «Историческій Указатель» г. Лѣствицына прошелъ даромъ для науки, и она не извлекла бы изъ него возможной существенной пользы; потому и имѣю честь предложить Обществу войти въ сношенія съ г. составителемъ и просить его пополнить свой трудъ, переработавъ его сообразно требованіямъ точнаго библіографическаго справочнаго указателя, именно:

1) При указаніи печатныхъ трудовъ привести точное заглавіе ихъ, время и мѣсто печати, отдѣльно ли онъ напечатанъ, или въ какомъ изданіи, сборникѣ, газетѣ или журналѣ.

2) Обозначить, хотя въ общихъ чертахъ, содержаніе статьи или книги, въ особенности указать на памятники старины, въ нихъ описываемые или напечатанные.

3) При указаніи коллекцій древностей (монетъ, рукописей и др. предметовъ) привести свѣдѣнія болѣе подробныя и опредѣленныя, въ особенности если предметъ относится къ болѣе отдаленной старинѣ.

Не скрою, что удовлетвореніе этимъ требованіямъ повлечетъ за собою не мало новаго труда со стороны составителя, но, исполнивъ ихъ по возможности, онъ не только приобрѣтетъ пол-

ное право на признательность со стороны изслѣдователей, историковъ и археологовъ, но и обогатить отечественную науку трудомъ, какого она еще не имѣла и какого нельзя ждать отъ библіографовъ, работающихъ только въ Москвѣ и С.-Петербургѣ и мало знакомыхъ съ мѣстными трудами, иногда вовсе неизвѣстными жителямъ столицъ и даже непопадающими въ самыя публичныя библіотеки.

Я не считаю нужнымъ распространяться, что, измѣненный сообразно требованіямъ науки, «Историческій Указатель» г. Лѣствицына можетъ всегда найти мѣсто въ изданіи Общества.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы примѣръ г. Лѣствицына вызвалъ соревнованіе со стороны гг. редакторовъ мѣстныхъ вѣдомостей и секретарей статистическихъ комитетовъ и побудилъ ихъ къ подобнымъ трудамъ. Не задаваясь многимъ, хорошо было бы на первый разъ имѣть, по крайней мѣрѣ, указатели или обзоры богатаго историко-археологическаго матеріала губернскихъ вѣдомостей и памятныхъ губернскихъ книжекъ со времени ихъ основанія. Я не говорю уже о томъ, что нѣкоторые матеріалы и статьи заслуживаютъ вторичной перепечатки въ изданіи, болѣе доступномъ публикѣ, чѣмъ листы провинціальной газеты ¹⁾.

Сборникъ замѣчательныхъ статей историко-археологическаго содержанія, толково, съ знаніемъ дѣла, составленный обзоръ прочаго матеріала науки, схороненнаго на столбцахъ губернскихъ вѣдомостей и провинціальныхъ памятныхъ книжекъ — не только дастъ новую жизнь этому, доселѣ мертвому, капиталу, но, вѣтъ сомнѣнія, выгодно подѣйствуетъ и вообще на успѣхи самой науки.

Въ надеждѣ на близкое исполненіе такого дѣла, я позволяю

1) Образцомъ толковаго обзора губернскихъ вѣдомостей нельзя не признать обзоры г. Боричевского (съ 1842 по 1850 г.), помѣщавшіеся въ Журн. Мин. Нар. Просв.; къ сожалѣнію—они не полны. Существовали также у насъ опыты перепечатокъ статей въ видѣ отдѣльнаго сборника (если не ошибаемся изъ Оренбургскихъ и Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей), но они, кажется, не поступали въ продажу, по крайней мѣрѣ еще менѣе извѣстны и доступны изслѣдователямъ, чѣмъ самыя губ. вѣд.

себѣ думать, что и наше Общество не останется къ нему равнодушнымъ: оно исполнитъ одну часть своей задачи, указанной г. Предсѣдателемъ, если предложитъ такимъ трудамъ зависящую отъ него поддержку, т. е. доведетъ ихъ, посредствомъ печати, до всеобщаго свѣдѣнія и пользованія.

Натакомба съ фресками,

найденная въ 1872 году близъ Керчи и описанная Владиміромъ Стасовымъ. (Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1872 годъ, съ атласомъ. Спб., 1875 г., стр. 235—339; рисунки на табл. I—XVIII).

Обзоръ изслѣдованія о фрескахъ керченской катакомбы.

А. А. Котляревскаго.

1876.

Изслѣдованіе В. В. Стасова представляетъ въ высшей степени замѣчательную попытку объясненія пантикапейскихъ древностей съ точки зрѣнія науки сравнительной археологіи: доселѣ содержаніе керченскихъ катакомбъ почти исключительно было разсматриваемо съ точки зрѣнія памятниковъ эллинскаго искусства и потому достигало только весьма неважныхъ результатовъ, такъ какъ художественныя и матеріальныя драгоцѣнности катакомбъ вообще незначительны; г. Стасовъ предлагаетъ попытку ихъ разсмотрѣнія, съ точки зрѣнія исторической и этнологической: по его словамъ, «это — историческіе документы неоцѣненные. Они возстановляютъ то, о чемъ молчитъ исторія, что было пропущено на ея страницахъ, или что исчезло съ нихъ, стертое, затерянное или поблѣднѣвшее подъ могучимъ дыханіемъ вѣковъ». Обозрѣвъ кратко, что было сдѣлано по этому предмету его предшественниками, г. Стасовъ излагаетъ ходъ открытія катакомбы

1872 г. и безуспѣшность своихъ попытокъ сохранить ея фрески, нынѣ почти совершенно уничтоженные, въ дождевое наводненіе въ 1874 г. Къ счастью, во-время и точно снятыя на полотно кальки могутъ вполне замѣнить этотъ утраченный памятникъ. Изслѣдованіе свое г. Стасовъ начинаетъ съ общаго разбора катакомбы, а потомъ переходитъ къ разсмотрѣнію частныхъ ея фресокъ. Основная мысль его та, что главнѣйшія изъ нихъ — не греческаго, не римскаго, а восточнаго происхожденія. Употребленіе катакомбъ не есть способъ погребенія греческій, а семитическій, распространившійся изъ Малой Азіи въ другія страны. Керченская катакомба 1872 г. представляетъ въ этомъ случаѣ довольно рѣдкій типъ, соединяющій важнѣйшія азіатскія особенности этого способа погребенія, какъ-то: потолокъ со спусками отъ середины, углубленіе для гроба покойника, особыя лежанки для другихъ членовъ фамиліи, ниши островерхой формы для вещей домашняго обихода, лампъ и др. сосудовъ. Живописная орнаментация потолка и стѣнъ также рѣзко указываетъ на восточное происхожденіе катакомбы; таковъ черный бордюръ, по которому идетъ нить желтыхъ, нанизанныхъ бусовъ, другой бордюръ подъ двумя главными фресками, состоящій изъ бѣлыхъ и черно-желтыхъ параллелограмовъ, постоянное наполненіе фона орнаментами, имѣющими форму сердца и окрашенными красною краскою, а также и плющевиднаго листа. Изслѣдованію этихъ растительныхъ орнаментовъ авторъ посвятилъ нѣсколько интереснѣйшихъ страницъ своего труда, при чемъ онъ очень удачно имѣлъ случай коснуться вопроса о происхожденіи европейскихъ игральныхъ картъ и предложилъ нѣкоторыя новыя данныя и соображенія къ его рѣшенію. Г. Стасовъ приходитъ къ убѣжденію, что красныя сердцевидныя изображенія на фонахъ керченской катакомбы — это розовыя цвѣтки, и объясняетъ присутствіе ихъ и плющевыхъ листьевъ на фонѣ усыпальницы покойника восточнымъ значеніемъ розы и плюща, какъ религіознаго символа любви и смерти. Восточное же происхожденіе имѣютъ и другіе орнаменты фресковыхъ фоновъ, именно — звѣзды

и пальмовыя вѣтки, имѣющія значеніе символа побѣды. Растительность, изображенная въ разныхъ мѣстахъ керченскихъ фресокъ, слишкомъ неопредѣленна и фантастична по своимъ очертаніямъ, чтобы позволить себѣ естественно-историческое или географическое приуроченіе; г. Стасовъ видитъ въ ней вообще сходство съ мотивами восточнаго искусства. Предметамъ царства животныхъ на керченскихъ фрескахъ посвящено нѣсколько любопытнѣйшихъ страницъ труда, тѣмъ болѣе, что въ рѣшеніи этого вопроса г. Стасовъ призвалъ къ отвѣту специалиста по части зоологіи вообще и гиппологіи въ особенности, акад. А. Ѳ. Миддендорфа. Животныя эти суть: птицы неопредѣленнаго характера, павлинь, медвѣдь, кабанъ, олень, двѣ пантеры, левъ, собака и кони. По разсмотрѣніи всѣхъ подробностей, съ которыми изображены эти животныя на фрескахъ, — подробностей какъ живописныхъ, такъ и естественно-историческихъ, — г. Стасовъ приходитъ къ убѣжденію, что пантикапейскія фрески изображаютъ тѣ же типы животныхъ, которые встрѣчаются въ восточномъ, преимущественно сассанидскомъ искусствѣ. Человѣческія фигуры помѣщены на пяти фрескахъ керченской катакомбы; онѣ представляютъ типы трехъ народностей, совершенно отличныхъ одна отъ другой по физическому типу, костюму и вооруженію.

Посредствомъ самаго тщательнаго сравненія перваго рода фресковыхъ типовъ съ типами, костюмами и вооруженіемъ Скивовъ, Даковъ, Сарматовъ, Готовъ и Парянь, г. Стасовъ приходитъ къ убѣжденію, что они во многомъ схожи съ нѣкоторыми народными типами памятниковъ персидскихъ, времени Ахаменидовъ и Сассанидовъ, и представляютъ мѣстное пантикапейское населеніе азіатскаго происхожденія. Типы эти были уже извѣстны и изъ другихъ босфорскихъ памятниковъ: это люди хорошаго роста, пропорціонально сложенные, съ очень круглымъ лицомъ и умѣреннымъ носомъ, открытымъ лбомъ и густыми каштановыми волосами, идущими нѣсколько ниже ушей и кругло подобранными на концахъ. У кого надѣтъ шлемъ —

волосъ вовсе не видать, борода и усы совершенно отсутствуют. Одежда состоитъ изъ короткаго кафтана съ узкими рукавами, идущаго до колѣнъ; талія схвачена узкимъ пояскомъ, кафтанъ быть можетъ былъ кожаный; штаны у всѣхъ довольно узкіе, идущіе до половины икры; на ногахъ сапоги, идущіе также до полъ-икры. Вооруженіе — чешуйчатый панцырь, шлемъ на подобіе сахарной головы, мечъ, копьѣ и щиты. Сюда же принадлежитъ и военный значокъ, имѣющій извѣстную форму лабарума. Всѣ эти детали типа, костюма и вооруженія г. Стасовъ находитъ на многихъ произведеніяхъ ассирійскаго искусства. Второй типъ на фрескахъ — люди совершенно иного племени, враги пантикапейцевъ, ими побѣждаемые. Это люди невысокаго роста, лицо у нихъ круглое, широкое, волосы густые, висящіе прямыми прядями до самой шеи; ни бороды, ни усовъ нѣтъ. Одежда — узкій кафтанчикъ съ узкими рукавами, штаны также узкіе, спускающіеся до самой щиколки. На ногахъ сапоги, заходящіе подъ штаны. У главнаго лица на плечахъ наброшенъ мятль. Вооруженіе состоитъ изъ прямого меча на лѣвомъ боку и лука; ни панцырей, ни шлемовъ нѣтъ. Определить національность этихъ варваровъ пока нѣтъ средствъ: они отчасти походятъ на тѣ варварскіе типы, которые встрѣчаются на нѣкоторыхъ босфорскихъ монетахъ; вѣроятно, что это племена степныя: они представлены всегда конными и являются среди полной пустыни, лишенной всякой растительности. Третій типъ представляется однимъ только воиномъ; это человѣкъ малаго роста, широкоплечій, коренастый, съ большой головой, продолговатымъ лицомъ, длиннымъ носомъ, очень большимъ глазомъ и ухомъ и густыми, курчавыми, темными волосами на головѣ, бородѣ и усахъ. Платье, какъ кажется, кожаное, на туловищѣ нѣчто въ родѣ куртки съ длинными рукавами, на ногахъ довольно узкіе штаны, недостигающіе колѣнъ; вооруженіе — ромбоидальный щитъ и широкій длинный ножъ. Такіе типы встрѣчаются только на керченскихъ памятникахъ древности. Г. Стасовъ полагаетъ, что этотъ типъ принадлежитъ къ неизвѣстному (но Пантикапейцамъ очень зна-

комому) племени сѣверныхъ горныхъ обитателей. Разсмотрѣніемъ остальныхъ двухъ предметовъ — крылатаго генія, схожаго съ греческимъ Эротомъ, и червеобразной кольчатой фигуры, въ которой авторъ видитъ мѣшки съ цвѣтами или цвѣточныя похоронныя гирлянды — заканчиваются изслѣдованія его и онъ переходитъ къ общему выводу.

Керченская катакомба, по его словамъ, была сооружена для погребенія пантикапейскаго воина, какого-то военачальника. Это доказываютъ фрески. Огромный ростъ, отличающій его на всѣхъ картинахъ, плащикъ за плечами, особенныя украшенія коня его, военный значокъ въ рукахъ — все это отличія, которыхъ нѣтъ у простыхъ воиновъ, сопровождающихъ его въ битвѣ. Левъ съ поднятой лапой и крылатый геній, идущій позади льва, быть можетъ, указываютъ на охоту, которой любилъ предаваться покойникъ. Это объясненіе тѣмъ вѣроятнѣе, что слѣдующая фреска и фрески на продольныхъ стѣнахъ представляютъ парки, наполненные звѣрями; здѣсь же, среди деревьевъ и травы, мы находимъ павлина, кабана, медвѣдя, двухъ пантеръ, оленя и собаку. Надъ головой покойника изображено небо съ небесными свѣтилами. Далѣе представляются два подвига покойнаго, на двухъ симметричныхъ фрескахъ (написанныхъ по обѣ стороны лежанки). На лѣвой фрескѣ, нашъ Пантикапейскій воинъ скачетъ влѣво, среди обширной степи, гдѣ едва замѣтна трава, а по краямъ виднѣются только одно тоненькое деревцо и степныя птички: здѣсь онъ поражаетъ копьемъ пѣшаго врага, дикаря, вооруженнаго лишь ножомъ и щитомъ. На правой фрескѣ, нашъ воинъ является опять верхомъ, и скачетъ вправо, среди песчаной, совершенно голой пустыни, лишенной всякаго рода растительности; при помощи предводительствуемыхъ имъ Пантикапейскихъ воиновъ, онъ съ двухъ сторонъ нападаетъ на враговъ, конныхъ степныхъ дикарей; самъ, съ двумя пѣшими воинами, онъ напалъ на нихъ спереди, а третій, конный, посланный въ обходъ, нападаетъ съ тылу, и результатомъ является то, что два врага, упавшіе съ коней, лежатъ уже на землѣ, раненые или убитые, а третій, повидимому

ихъ предводитель, тоже, вѣроятно, не устоитъ противъ многочисленнаго непріятеля.

Время происхожденія фресокъ г. Стасовъ опредѣляетъ по сравненію съ другими предметами катакомбъ и керченскихъ надгробныхъ плитъ. Это — время между началомъ II и концомъ IV вѣка. Народъ представляемый фресками — туземные жители Пантикапеи, первоначально — азіатскіе выходцы, прибывшіе въ мѣстность со временъ очень отдаленныхъ. Фрески нашей катакомбы — это памятникъ возрожденія азіатскаго искусства подъ державой врага римлянъ, Митридата Великаго.

Нѣкоторыя указанія и соображенія

относительно движенія археологическихъ занятій и литературы у Словинцевъ, Чеховъ (съ Моравянами), Лужичанъ и Поляковъ.
Д. чл. А. А. Котляревскаго.

1877.

Органами археологическихъ занятій у *Словинцевъ* были въ прежнее время «Mittheilungen des historischen Vereins», выходившія въ Люблинѣ съ 1846 г. Тамъ помѣщено значительное количество работъ, имѣющихъ не одинъ только мѣстный интересъ, а главное — всегда подробные и обстоятельные указатели археологическихъ книгъ и статей, относящихся къ южнымъ славянамъ. Нынѣ ежегодникъ этотъ прекратился, и самое Общество, кажется, разложилось и перешло въ Общество Словинской Матицы, которая уже издала нѣсколько томовъ «Лѣтописи», заключающей много статей, касающихся словинской древности. Словинскіе ученые еще недостаточно усвоили себѣ точные приемы антикварной науки: еще нерѣдко между ними встрѣтишь антикваровъ-энтузіастовъ, мечтателей въ родѣ покойнаго Коллара, Данковскаго, Воланскаго и др. Таковы, напр., мифологическія

работы Терстенияка, который главнымъ образомъ наполняетъ «Лѣтопись» своими антикварными произведеніями. Лучшіе и болѣе осторожные изслѣдователи принадлежать къ Вѣнскому «Обществу антропологии», въ Mittheilungen котораго напечатано уже много замѣчательныхъ работъ по югославянскимъ древностямъ.

Еще недавно у Чеховъ (съ Моравянами) интересъ къ археологическимъ занятіямъ былъ сильно возбужденъ, чему свидѣтельствуеъ то обстоятельство, что книга Воцеля «Pravek zeme České» быстро разошлась и не находится болѣе въ продажѣ. Но въ настоящее время, подѣ влияніемъ лихорадочной погони за политикой, этотъ интересъ ослабѣлъ. Органъ чешской археологической науки «Pamatky archeologicky» не могъ держаться въ прежнемъ объемѣ: онъ сократился, и вмѣсто двухмѣсячника, сталъ ежегодникомъ. Впрочемъ до сей поры въ немъ можно встрѣтить не мало важныхъ археологическихъ трудовъ, хотя нельзя не видѣть, что ему недостаетъ новаго Воцеля. Соревнуя чехамъ, и нѣмцы въ Прагѣ, вотъ уже четырнадцать лѣтъ, имѣютъ свой органъ: «Mittheilungen des Vereins zur Geschichte der Deutschen in Böhmen». Онъ также не чуждъ интересу къ древности и представилъ не мало статей; въ этомъ отношеніи замѣчательны изъ нихъ о древне-чешскихъ могилахъ и военныхъ постройкахъ (городищахъ), которыя принадлежать Оредишу, Кинцу и др. Весьма важный археологическій интересъ находится въ изданіи «Сочиненій Моравско-Силезскаго Общества для экономическаго изслѣдованія страны» (Schriften der historisch-statistischen Section des Mährisch-statistischen Gesellschaft). Эти труды издаются съ 1851 года. Къ сожалѣнію, они почти неизвѣстны не только у насъ, но даже и въ самой Чехіи, потому что только рѣдкіе томы ихъ поступаютъ въ продажу. Здѣсь помѣщены археологическія работы Хлулицкаго, Эльверта и др. Въ отношеніи исторіи, культуры и литературы сборники эти неоцѣненны.

У *Лужичанъ* археологическая дѣятельность по самому положенію и состоянію ихъ, естественно, очень слаба. Болѣе славяны здѣсь дѣлаютъ нѣмцы, именно «Лужицкое Общество въ Гёрлицѣ»,

издающее неутомимо свой «Новый Магазинъ» (вышло около 50 томовъ). Лужичане-нѣмцы имѣютъ превосходную археологическую библіографію своей старины, составленную Пешекомъ и напечатанную въ работахъ Лужицкаго Общества натуралистовъ. Впрочемъ и собственные Лужичане (т. е. славяне) начинаютъ мало-по-малу обнаруживать большой интересъ къ изученію своей древности, чему доказательствомъ служить статья о Лужицкихъ могилахъ, недавно напечатанная въ «Часописи» Лужицкой Матицы и представляющая обстоятельный сводъ свѣдѣній по этому предмету. Здѣсь также нужно упомянуть и о новой книгѣ Рих. Андрé — *Wendische Wanderstudien*, содержащей въ себѣ интересную главу о Лужицкихъ городищахъ. Гораздо дѣятельнѣе и важнѣе археологическія разысканія нѣмецкой науки на почвѣ давно угасшихъ Балтійскихъ славянъ. Они сосредоточиваются въ двухъ мѣстахъ, въ двухъ ученыхъ обществахъ: въ Мекленбургѣ — въ Обществѣ Мекленбургской исторіи и древности, и въ Штеттинѣ — въ Обществѣ Поморской исторіи и древности. Первое Общество издаетъ свои *Jahrbücher*, второе — *Baltische Studien*; оба по временамъ заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ работъ высокой важности для славянскаго археолога. Для примѣра укажу только на послѣднія, по инициативѣ прусскаго правительства предпринятія раскопки на островѣ Руянѣ (Рюгенѣ), помѣщенные въ послѣднихъ книгахъ *Baltische Studien*.

У *Поляковъ* археологическая дѣятельность снова оживаетъ. Причина этого явленія заключается съ одной стороны въ основаніи Краковской Академіи, которая умѣла поощрить археологическія разысканія и даже снаряжаетъ цѣлыя археологическія экспедиціи; съ другой — въ учрежденіи русскихъ археологическихъ съѣздовъ. Въ «Засѣданіяхъ» Краковской Академіи уже помѣщено нѣсколько археологическихъ раскопокъ г. Киркора. Сверхъ того, въ Краковѣ уже четвертый годъ издается г. Крыжановскимъ «Археологическій Ежегодникъ», гдѣ, кромѣ специальныхъ ученыхъ трудовъ, находитъ мѣсто и археологическая библіографія (польская, конечно), и всякія другія указанія на

археологическіе предметы, чтенія и сообщенія. Во Львовѣ весьма дѣятельно трудится на археологическомъ полѣ г. Кунаевичъ, издавшій уже нѣсколько трудовъ по мѣстнымъ, галицкимъ древностямъ. На страницахъ журнала «Ученый Путеводитель» можно также найти нѣсколько замѣчательныхъ археологическихъ разысканій. Еще живѣе идетъ изслѣдованіе въ собственномъ царствѣ Польскомъ. Превосходнаго сборника г. Завиши: «Археологическія Вѣдомости», содержащаго въ себѣ труды многихъ польскихъ ученыхъ, съ отчетливыми, изящными изображеніями, выходитъ уже 3-й томъ. Профессоръ А. И. Павинскій ежегодно производилъ раскопки и успѣлъ уже положить основаніе для археологическаго Музея Привислянскаго края. Нельзя не обратить вниманія на его послѣдніе труды: «Кладбище въ Добрышицахъ» и рѣчь «О доисторическомъ времени въ царствѣ Польскомъ». Слѣдя за движеніемъ археологической литературы у поляковъ, приглядываясь къ разнообразнымъ обнаруживаніямъ любви и интереса къ археологическимъ разысканіямъ, прислушиваясь къ сужденіямъ самихъ поляковъ, — нельзя не признать, что оживленію этихъ научныхъ интересовъ содѣйствовали преимущественно русскіе археологическіе сѣзды.

Москва, 6 ноября 1875 г.

[Небольшіе критическіе отзывы и разборы, помѣщенные въ изданіяхъ Моск. Археолог. Общества].

1.

Die Poetischen Naturanschauungen der Griechen, Römer und Deutschen in ihrer Beziehung zur Mythologie. 1 Band. Sonne, Mond und Sterne. Ein Beitrag zur Mythologie und Culturgeschichte der Urzeit von Dr. F. L. W. Schwartz. Berlin. 1864. XXII + 297 p.

1865.

Сравнительная мифологія возвысилась теперь на степень положительной науки: многіе почтенные труды совершены въ этой

области въ послѣднее десятилѣтіе; важнѣйшіе изъ нихъ принадлежатъ двумъ ученикамъ Гримма, Куну и Шварцу: они повели далѣе и продолжили дѣло учителя. Шварцъ, уже извѣстный въ наукѣ своими учеными трудами: «о современныхъ вѣрованіяхъ народа и древнемъ язычествѣ», «о происхожденіи мифологій», своимъ сборникомъ народныхъ преданій—въ концѣ истекшаго года издалъ первую часть обширнаго сочиненія, носящаго заглавіе: «Поэтическія воззрѣнія на природу грековъ, римлянъ и нѣмцевъ — въ отношеніи къ мифологій». Книга обнимаетъ представленія этихъ народовъ о небесныхъ свѣтилахъ: солнцѣ, мѣсяцѣ и звѣздахъ. Источникъ мифологическихъ представленій Шварцъ видѣлъ въ природѣ, окружающей человѣка: мифы, — это формы первобытной человѣческой мысли, воззрѣній и вѣрованій, формы идущія въ параллельномъ развитіи съ языкомъ. Настоящій трудъ Шварца есть дальнѣйшее развитіе и подтвержденіе этой мысли. Разсматривая мифическія представленія въ тѣсной связи съ бытомъ человѣка, онъ приходитъ къ убѣжденію, что не только формы, въ какихъ развились мифическія представленія, были очень грубы, но и вообще, въ первобытномъ состояніи люди глядѣли на явленія природы и міръ небесныхъ чудесъ, какъ на нѣчто объективное, существующее внѣ ихъ, само по себѣ и только въ немногихъ явленіяхъ нисходящее въ этотъ міръ. Эти явленія первобытные люди толковали по-своему, сообразно съ міромъ ихъ окружавшимъ и своимъ бытомъ. На этой ступени воззрѣній человѣкъ былъ еще далекъ отъ всякаго нравственнаго и религіознаго пониманія явленій природы. Обоготвореніе и религіозное чествованіе ея начинается лишь въ послѣдующее время, когда усилившееся наблюденіе открыло нѣкоторый порядокъ въ явленіяхъ природы и приведена въ сознаніе мнимая или дѣйствительная связь съ жизнью и бытомъ человѣка. Небесныя существа въ сознаніи народа тогда обратились въ небесныя *силы*. Такъ и важнѣйшіе обычаи и обряды первоначально были не иное что, какъ подражаніе тѣмъ дѣйствіямъ, которыя, по народному воззрѣнію, происходили въ небесной сферѣ, развитіе религіоз-

наго чувства придавало этимъ обычаямъ священное и нерушимое значеніе. Какъ дитя подражаетъ поступкамъ взрослыхъ и въ этихъ формахъ выражаетъ свои стремленія къ дѣятельности, такъ первобытный человѣкъ подражалъ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя онъ думалъ видѣть на небѣ и это подражаніе становилось тѣмъ необходимѣе, что развивавшееся религіозное чувство заставляло въ небесныхъ явленіяхъ предполагать нравственный и благой смыслъ. Весною, при первой грозѣ, поднимались и быстро ходили облака, народъ видѣлъ въ этомъ явленіи выгонъ рогатаго скота на пастбище и, сообразно такому понятію, самъ принялъ обычай выгонять скотъ въ поле — при первой грозѣ, обычай во всей силѣ сохранившійся въ современномъ бытѣ поселянъ какъ нѣмецкихъ, такъ и славянскихъ ¹⁾. При такомъ естественномъ взглядѣ на происхожденіе мифовъ, обычаевъ и обрядовъ становятся совершенно излишними всякія гаданія о религіозномъ началѣ вѣрованій и мифологіи: примемъ-ли мы откровенный источникъ мифологіи или религіозно-политеистическій — и то и другое окажется дальнѣйшимъ, и притомъ неизмѣримо дальнѣйшимъ, развитіемъ въ исторіи жизни человѣка. И въ такомъ несомнѣнномъ результатѣ сравнительной мифологіи заключается великое современное значеніе этой науки: теперь только узнаетъ человѣкъ, какая пропасть отдѣляетъ его, какъ индивидуума при рожденіи, отъ того, какого дѣлаетъ изъ него нравственное образованіе. Такова общая мысль книги Шварца. Не мѣсто здѣсь говорить о богатствѣ содержанія самой книги, гдѣ разсмотрѣны всѣ до малѣйшаго воззрѣнія и мифическія представленія грековъ, римлянъ и нѣмцевъ о небесныхъ свѣтилахъ — солнцѣ мѣсяцѣ и звѣздахъ. Множество мифовъ, бывшихъ доселѣ темными и непонятными, получаютъ впервые мѣткое и вѣрное объясненіе.

1) Мало этого: и у славянъ и у нѣмцевъ при этомъ выгонѣ скота существуетъ обычай привязывать къ хвосту быка или коровы кустъ или вѣтку, что опять ясное подражаніе древнѣйшему представленію, по которому ломанная линія молніи понималась какъ вѣтка или кустъ, привязанные къ хвосту коровы (облака?).

Хотя Шварцъ и пользуется индійскими мифами, но далеко не въ такомъ объемѣ, какъ греческими, латинскими и нѣмецкими, онъ употребляетъ ихъ въ дѣло лишь мимоходомъ, для объясненія, а славянскими мифическими представленіями онъ вовсе не пользуется. Не думаю, чтобы отвѣтственность въ этомъ случаѣ падала на нѣмецкаго ученаго!

А. Км.

2.

Jacob Grimm. Kleinere Schriften. T. 1. Reden und Abhandlungen. Berlin. 1864, p. 412.

Первый томъ мелкихъ сочиненій знаменитаго Якова Гримма, издаваемыхъ проф. Мюлленгофомъ, можетъ обратить на себя вниманіе русскаго археолога не одними только общими вопросами изъ жизни и науки, какіе мы находимъ въ статьяхъ, посвященныхъ памяти Лахманна, Вильгельма Гримма, въ статьѣ «о школѣ, университетѣ и академіи», «о происхожденіи языка», «объ этимологіи и сравнительномъ языкознаніи», «о старости»; но и такими, отчасти спеціальными, изслѣдованіями, каковы: *слово владѣнія, обь олицетвореніи поэзіи въ средніе вѣка, итальянскія и скандинавскія впечатлѣнія. Слово владѣнія, das Wort der Besitzes* — написано по поводу 50-лѣтняго докторскаго юбилея Савиньи и представляетъ собою лингвистическое дополненіе къ извѣстному юридическому сочиненію послѣдняго о владѣніи. «Всѣ юридическія отношенія — говоритъ Г. развиваются на чувственной почвѣ, въ послѣдствіи они отклоняются отъ нея, но первоначально они безъ такой почвы невысказимы; въ основѣ всякаго права лежитъ сперва природное состояніе, потомъ является нравственный элементъ»; подтвержденіе этому Гриммъ находитъ въ языкѣ. Такъ термины, обозначающіе владѣніе у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ первоначально имѣли значеніе глаголовъ: *насти,*

понять, сторожить, схватывать и держать что-нибудь; а термины собственности значили: *скотъ, стадо, пастбище*, то, что схвачено; потомъ, съ теченіемъ времени, термины эти получили отвлеченное значеніе: *владѣть, имѣть, собственность, имѣніе* или *имущество*; но точный этимологическій разборъ ихъ приводитъ къ убѣжденію, что первоначальное значеніе ихъ было матеріально-чувственное. Оставляя въ сторонѣ многочисленные примѣры, приводимые Гриммомъ изъ языковъ греческаго, латинскаго, готскаго и нѣмецкаго, позволяю себѣ остановиться на примѣрахъ славянскихъ. Гриммъ приводитъ ихъ три, во-первыхъ, глаголовъ *имѣ*, отсюда *имѣніе, имущество*, во-вторыхъ *дрѣжж*, *держава*, въ-третьихъ — *владѣю, володѣю, имѣ*, онъ сближаетъ съ готск. *nīta*, древ.-в.-н. *nīti*, что значитъ *схватывать, брать, пасти*; *nītid* въ древн.-н. обозначало священный лѣсъ или *пастбище*, греч. *νέμος*, лат. *petus*, славянскій языкъ выбросилъ звукъ *n* и образовалъ *имѣ*, но чувствовалась и въ немъ необходимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ удержатъ звукъ *n*. Такъ образовались: *нать*, польск. *nić*, чешск. *miti*; теперь это слово просто имѣетъ отвлеченное значеніе *брать*, но въ глубокой древности, какъ показываютъ выше приведенныя сближенія, оно имѣло болѣе конкретный смыслъ: *пасти*. *Дрѣжу* еще и теперь въ нашемъ языкѣ не утратило конкретного значенія, такъ что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оно употребляется въ смыслѣ власти, держу — обыкновенное выраженіе для обозначенія схваченнаго рукою: *держатъ скотъ, держатъ лошадей* — владѣть ими, крѣпостное право обогатило нашъ лексиконъ словами *держатъ дворъ, людей, человека*. *Владѣю* вполне соотвѣтствуетъ древнесканд. *valda* (съ обычною перегласовкою), готск. *valdan*, древ.-в.-нѣм. *valtan*, какъ въ славянскихъ, — оно имѣетъ отвлеченное значеніе *владѣть, володѣть*, но въ древнѣйшую эпоху слово обозначало другое, именно: *направлять и пасти стада*, а въ значеніи существительномъ: *пастбище, лѣсъ* (Wald). Доказательства находимъ и въ производныхъ словахъ нѣмецкихъ нарѣчій, и въ литовскомъ, гдѣ *waldyti* значитъ только *управлять лошадьми*, какъ и въ поль-

скомъ *wladać* преимущественно значить *править лошадьми*. Въ подтвержденіе основной мысли Гримма — изъ славянскихъ нарѣчій можно было бы привести еще нѣсколько примѣровъ, какъ напр. слова: *животъ, животы* — въ смыслѣ *имѣнія, быть подъ рукою чьей*, т. е. находиться во власти кого, можно было бы указать еще на лѣтописное изрѣченіе древлянскихъ пословъ: «наши князи добри суть, иже *распасли* суть Деревьску землю», гдѣ глаголъ *пасты*, распасты прямо употребляется для обозначенія *владѣть, править*, но намъ необходимо кончить съ объясненіемъ Гримма. Собственность и владѣніе возникаютъ, говоритъ онъ, въ эпоху кочевой пастушьей жизни, сначала понятіе ихъ ограничивается *движимостью*, движимымъ имуществомъ, но возникаетъ осѣдлость и земледѣліе, и оно переходитъ на недвижимость, на землю; тѣ же самые термины, которые въ бытѣ помадовъ обозначали *стадо, скотъ, пастбище, пасты скотъ, управлять имъ*, получаютъ въ бытѣ земледѣльческомъ значеніе сначала въ примѣненіи *къ почвѣ, землѣ*, а потомъ, какъ отвлеченный терминъ *владѣнія власти*. — Статья объ *олицетвореніи поэзіи въ нѣмецкой средневѣковой древности*, написанная по поводу юбилея Бенеке и потому носящая романтическое заглавіе «*Frau Aventure klopft an Beneckes Thür*» не представляетъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ русскою стариною, но поучительна лишь тѣмъ, что рѣзко выставляетъ противоположность въ нравственномъ и духовномъ развитіи древнерусской и нѣмецкой старины: первая умышленно чуждалась поэзіи, видя въ этомъ суетное прельщеніе и дѣло грѣховное, а вторая не только сумѣла создать художественныя поэтическія произведенія, но и дошла до апофеоза поэзіи, какъ искусства, которую олицетворяли въ образѣ высшаго женскаго существа — Аventura; она то обходитъ землю, стучитъ у дверей поэтовъ, требуетъ входа и тогда надѣляетъ ихъ своимъ дивнымъ даромъ, то представляетъ олицетвореніе самаго поэческаго разсказа, странствующаго изъ дома въ домъ, изъ хижины въ хижину. — *Итальянскія и скандинавскія впечатлѣнія* есть рядъ художественныхъ и литера-

турныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ Гриммомъ во время путешествія по этимъ странамъ: онѣ представляютъ несравненно высшій интересъ для историка поэзіи и искусствъ, чѣмъ для археолога.

А. Кт.

3.

Chr. Petersen. Religion oder Mythologie, Theologie und Gottesverehrung der Griechen: (Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, v. Ersch und Gruber 1. Section, 82 Theil. Leipz. 1864 г. стр. 1 — 380, 4°).

Какъ сравнительное языкознание, при своемъ возникновеніи, встрѣтило сильную оппозицію со стороны классическихъ филологовъ, видѣвшихъ въ немъ посягательство на достоинство своей общепризнанной науки, такъ и сравнительная миѳологія долгое время не находила оправданія со стороны классическихъ миѳологовъ. Въ одномъ письмѣ къ Велькеру Вильгельмъ Гумбольдтъ всякую попытку объяснять греческіе миѳы путемъ сравненій — называетъ посягательствомъ на красоту этихъ художественныхъ произведеній. Шеллингъ проходитъ сравнительную миѳологію презрительнымъ молчаніемъ, только въ послѣднее время классическіе миѳологи признали нѣкоторыя права новой науки, но и то не на самомъ дѣлѣ, а болѣе въ теоріи. Велькеръ и Мори допустили сравнительный элементъ въ изслѣдованіи греческихъ миѳовъ, но далеко не въ той степени, какъ слѣдовало. Повидимому жаль было разстаться со старымъ методомъ и наукою, которую болѣе ста лѣтъ воздѣлывали съ любовью и увлеченіемъ.

Первый, кто въ полной мѣрѣ призналъ и показалъ необходимость сравнительнаго изученія Греческой миѳологіи—былъ Христіанъ Петерсенъ, извѣстный уже въ наукѣ многими трудами какъ по классической, такъ и по средневѣковой древности. Со-

чиненіе его о греческой міѳологіи появилось въ свѣтъ въ прошломъ году въ Энциклопедіи наукъ Эрша и Грубера, гдѣ оно занимаетъ около 400 страницъ in 4°. Свое отношеніе къ предшественникамъ Петерсенъ опредѣляетъ весьма ясно: онъ не только признаетъ важное значеніе сравнительной міѳологіи, но и считаетъ приемы ея изслѣдованія единственно правильными, соответствующими современному взгляду на предметъ. Съ сравнительной точки зрѣнія хочетъ онъ провѣрить результаты предшествовавшихъ міѳологическихъ изслѣдованій. Въ исторіи греческой міѳологіи онъ принимаетъ 7 періодовъ: 1) арійскій, характеризующійся превѣсомъ атмосферическаго политеизма надъ солярными божествами; 2) итало-греческій, когда установилась система атмосферическихъ и хтоническихъ божествъ и еще болѣе отодвинулись на задній планъ солнечныя свѣтлыя божества; 3) эолійскій, періодъ индивидуальнаго развитія религіи у мелкихъ племенъ Греціи. Въ слѣдующіе періоды міѳологія развивалась уже на чисто греческой, особой почвѣ. Сообразно такому раздѣленію Петерсенъ подробно разсматриваетъ всю исторію міѳологіи, начиная съ эпохи доисторическаго арійскаго единства племенъ и оканчивая изслѣдованіе эпохою Р. Х. Можно быть не всегда согласенъ съ его многими объясненіями міѳовъ, но нельзя отрицать важности первой попытки разсмотрѣть греческую міѳологію съ сравнительной точки зрѣнія. Разъ уяснивши первоначальное природное значеніе міѳовъ посредствомъ сравненій, Петерсенъ въ обработкѣ періодовъ чисто греческихъ, особыхъ, уже не находитъ нужнымъ прибѣгать къ сравнительнымъ объясненіямъ: онъ пишетъ не систематическія объясненія греческихъ міѳовъ, а исторію ихъ. Также онъ считаетъ излишнимъ подробно излагать содержаніе міѳовъ. Его сочиненіе отличается всюю строгостію серьезнаго ученаго изслѣдованія.

Въ сочиненіи Петерсена мы видимъ важный шагъ впередъ въ исторіи науки. Слѣдуя этому пути, если и не совѣмъ исчезнетъ возможность появленія фантастическихъ и ложныхъ теорій, то, по крайнѣй мѣрѣ имъ не удастся пропзвести такого ослѣпленія,

какое произвели мечтательныя теоріи Шеллинга, столь несчастливо примѣненныя къ изученію русской мифологической древности и народной поэзіи.

А. Кт.

4.

Краткое извѣстіе о племенахъ, въ разное время населившихъ нынѣшнія губерніи Московскаго учебнаго округа. Статья И. Д. Бѣляева. М. 1864. 16°. 23 стр.

Брошюра г. Бѣляева есть отдѣльный оттискъ изъ 3-го протокола засѣданій Московскаго Общества любителей Естествознанія. Заносимъ ее въ библиографическую лѣтопись не ради ея внутренняго достоинства: она не прибавляетъ ничего новаго къ нашимъ прежнимъ свѣдѣніямъ, да—кажется—не имѣетъ и притязанія на это; но ради предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Сначала авторъ приводитъ общеизвѣстныя сказанія лѣтописцевъ, арабскихъ путешественниковъ и скандинавскихъ сагъ о племенахъ, издревле обитавшихъ на сѣверо-востокѣ Россіи, потомъ обращается и къ археологическимъ раскопкамъ, произведеннымъ въ этой области и изъ нихъ выводитъ подкрѣпленіе для мысли, что до пришествія славянъ здѣсь жили племена финно-чудского происхожденія. Мысль вѣрная, но не новая; а главное—даже и доказываемая не совсѣмъ научнымъ способомъ: авторъ упустилъ изъ виду такой важный и рѣшительный въ этомъ историко-этнологическомъ вопросѣ матеріалъ, какъ народныя названія мѣстностей края. На высокую важность—топографическихъ и орографическихъ именъ, названій городовъ, урочищъ, рѣкъ, озеръ, горъ и т. д. для исторической этнологіи было указано еще въ началѣ текущаго столѣтія Востоковымъ и Кеппеномъ, богатые матеріалы собралъ Ходаковский, а позднѣе Надеждинъ пытался воспользоваться ими для возстановленія первобытной географіи

русскаго міра. Опытъ нѣсколько преждевременный, но не совѣмъ неудачный. Теперь, по изданіи въ свѣтъ списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи — слѣдовало бы снова пересмотрѣть и освѣтить мыслію какъ накопившійся матеріалъ, такъ и прежніе опыты. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ этого много выиграла бы наука этнологіи русскаго сѣвера. Г. Бѣляевъ совершенно обходитъ этотъ вопросъ: можетъ быть такъ и слѣдовало поступить, имѣя въ виду лишь *краткое извѣстіе* о племенахъ, населявшихъ въ древнее время сѣверо-восточную часть Россіи, но рецензентъ не можетъ пройти молчаніемъ такого пробѣла уже и потому, что бы впредь не случилось *въ подробномъ*. Также трудно согласиться съ авторомъ и на счетъ быстрой славянизациі финно-чудскихъ народцевъ: по его понятіямъ все дѣло перехода одной народности въ другую совершилось очень скоро, рецензентъ же позволяетъ себѣ думать, что *такое утвержденіе* — *слишкомъ скоро* и не можетъ быть оправдано ни историческими свидѣтельствами, ни иными какими-либо доказательствами. Относительно раскопокъ, произведенныхъ въ предѣлахъ губерніи московскаго учебнаго округа, можно замѣтить, что г. Бѣляевъ напрасно ограничиваетъ ихъ числомъ 2-хъ: ихъ было гораздо болѣе, такъ извѣстны раскопки, произведенныя г. Иванишевымъ въ селѣ Успенскомъ (въ 30 верстахъ отъ Москвы) и опубликованныя въ «Древностяхъ» Кіевской временной комиссіи, раскопки г. Гатцука (см. газ. «Голось» 1864, № 4) въ Подольскомъ уѣздѣ, наконецъ — *вторыя* Звенигородскія (1845 г.) раскопки покойнаго Черткова, описанныя имъ въ 1-мъ томѣ «Записокъ» археологическо-нумизматическаго петербургскаго Общества. Нѣкоторые выводы автора, основанные на сближеніи извѣстій Ибнъ-Фослана съ результатами бронницкой раскопки, не менѣе прочаго могутъ подлежать спору, такъ какъ никто до сихъ поръ строгимъ научнымъ образомъ не осматривалъ этнологіи Ибнъ-Фослановыхъ Руссовъ.

А. Кт.

5.

Gab. de Mortillet. Le Signe de la Croix avant le Christianisme,
8° p. 182, avec 117 grav. sur bois.

Сочиненіе Мортилле, извѣстнаго изданіемъ журнала по наукѣ доисторической древности (*Materiaux pour servir à l'histoire de l'Homme* 1864, 5 и 6)—съ одной стороны даетъ гораздо болѣе, чѣмъ можно ожидать по заглавію, съ другой—не представляетъ того, чего позволительно требовать отъ строгаго археологическаго труда. Предположивъ изслѣдовать употребленіе и значеніе креста въ дохристіанскую эпоху, авторъ увлекся въ подробныя описанія раскопокъ, произведенныхъ въ итальянскихъ террамарахъ, кладбищахъ и свайныхъ постройкахъ: болѣе двухъ третей книги занято этими, впрочемъ любопытными и важными—изслѣдованіями. На долю дохристіанскаго креста приходится лишь нѣсколько страницъ, да небольшая заключительная глава. Кто интересуется только главнымъ предметомъ, тотъ можетъ и ограничиться чтеніемъ одного этого отдѣла изслѣдованія. Употребленіе креста авторъ слѣдитъ на нѣкоторыхъ дохристіанскихъ памятникахъ Ассиріи, Греціи, Этруріи и въ особенности на днахъ горшковъ и на вещахъ, извлеченныхъ изъ террамаръ, свайныхъ построекъ и могилъ Италіи, Тироля, Франціи, Швейцаріи, Англіи, Германіи и Скандинавіи; матеріалъ имъ собранный нельзя назвать не только полнымъ, но даже сколько-нибудь удовлетворительнымъ: опущены напримѣръ богатые данныя, собранныя во Временникѣ померанскаго общества исторіи и древностей (указываемъ для желающихъ на страницы его: *Baltische Studien*, т. X, 2 кн., стр. 1—13, 23, 27—28, 40 и слѣд.; т. XI, кн. 2, стр. 43 и слѣд., 45—52; т. XII, кн. 1-ая, стр. 27 и слѣд.), у Воцеля (*Archäologische Parallelen* II, стр. 55—59, *Grundzüge der böhm. Alterth.* стр. 17) и въ другихъ общераспространенныхъ изданіяхъ по древностямъ доисторической Европы и Азіи. Вообще знакомство автора съ археологическою

литературою — менѣе чѣмъ посредственно, и этотъ недостатокъ не выкупается даже обыкновенною трезвостью мысли: читателямъ предлагается не скромная гипотеза, а неопровержимый историческій фактъ о распространенномъ религіозномъ культѣ креста въ доисторической древности (стр. 137, 171, 173—4), о томъ, что послѣдователи этого культа, особая религіозная секта—не терпѣла поклоненія и употребленія идоловъ и замѣняла ихъ крестомъ — и все это потому только, что на нѣкоторыхъ памятникахъ доисторической древности преимущественно на днахъ горшковъ — встрѣчается довольно разнообразнаго вида геометрическая фигура креста: простое, столь естественное украшеніе, образцы котораго во множествѣ можно найти въ первыхъ предметахъ житейскаго обихода — возводится на степень религіознаго символа и аллегорическаго знака. Не затрудняетъ нашего автора, что такой важный знакъ (*un signe important qui jouait un grand role dans les croyances du peuple*) помѣщается почти всегда на такомъ неважномъ мѣстѣ, какъ *дно* горшковъ: эти горшки прикрѣплялись къ стѣнѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, дно ихъ было обращено къ публикѣ (р. 42)! Отправляясь отъ такой совершенно фантастической мысли, авторъ — совершенно ложно объясняетъ и то замѣчательное обстоятельство, что фигура креста исчезаетъ при появленіи на сосудахъ чело­вѣкообразныхъ украшеній или вообще предметовъ органической природы: растеній, животныхъ, птицъ: онъ видитъ здѣсь вліяніе особой секты, которая не терпѣла подобныхъ изображеній, взятыхъ изъ жизни; но фактъ объясняется гораздо проще: всѣ геометрическія незатѣйливыя украшенія, какъ фигуры параллельныхъ черточекъ, симметрическихъ круговъ, конусовъ, креста — оказывались недостаточными при дальнѣйшемъ развитіи вкуса или художественной и механической способности воспроизводить предметы живой природы: они не удовлетворяли болѣе чувству изящнаго и потому должны были исчезнуть. Гипотеза г. Мортилле такова, что противъ нея трудно спорить, но еще труднѣе допустить ее, иначе пришлось бы и крестообразныя украшенія

на штанахъ скиоскихъ воиновъ — считать тоже религіозными символическими знаками! Нѣтъ сомнѣнія, что разнообразныя крестовыя фигуры на предметахъ доисторической древности были простыми украшеніями, на днахъ же горшковъ, какъ мы надѣемся въ скоромъ времени доказать — они могли имѣть иное значеніе, именно — знаковъ собственности, марокъ, клеймъ, свидѣтельствующихъ о принадлежности предмета извѣстному лицу или о его мастерѣ, всего менѣе значеніе ихъ было религіозное или символическое, иногда, впрочемъ — преимущественно у сѣверныхъ Германскихъ племенъ — фигура креста дѣйствительно имѣла религіозный смыслъ, какъ изображеніе молота бога-громовника Тора и — быть можетъ славяно-литовскаго Перуна, быть можетъ также — и на кельтскихъ и другихъ монетахъ — фигура креста имѣла особое значеніе. Сдѣлавъ предметомъ своего изслѣдованія эти явленія, авторъ безъ сомнѣнія — оказалъ бы наукѣ несомнѣнную пользу, по крайней мѣрѣ гораздо большую чѣмъ та, которую принесъ онъ теперь. Гораздо ранѣе Мортилле на этомъ же предметѣ останавливался и извѣстный чешскій археологъ Я. Э. Воцель (см. вышеуказ. его сочиненіе), его также влекли къ себѣ гипотезы и гаданья, но, какъ истинный ученый, онъ потребовалъ отъ себя основаній для нихъ и, не находя ихъ, сказалъ слѣдующее, поучительное въ настоящемъ случаѣ, слово: «ferne sey es von mir, mich in diesen Hypothesenstrom tauchen zu wollen, aus dessen Tiefe man zwar gelehrte Citate und Belegstellen in unzahl, aber schwerlich ein Körnchen überzeugender Wahrheit heraufhollen würde; ich will mich vor der Hand blos auf einige Angaben beschränken, welche die Fundorte von Grabgefäßen, die mit ähnlichen Bodenzeichnungen versehen waren, betreffen». Послѣднее исполнено и г. Мортилле: его описанія раскопокъ и нѣкоторыя историко-хронологическія по этому поводу соображенія — отличаются истиннымъ достоинствомъ, и они-то не позволяютъ забывать его книги въ исторіи науки.

А. К.

6.

*Старина русской земли. Книга первая — слово о старинѣ неза-
памятной.* Москва 1866. 38 стр.

Если вообще въ лѣтописяхъ науки заслуживаютъ призна-
тельности и такія произведенія, которыя, не обогащая видимо
ея содержанія и объема, возбуждаютъ только интересъ къ ней,
то еще большаго привѣта достойны такіе труды въ области
отечественной археологіи, такъ какъ равнодушіе къ памятникамъ
родной старины, непониманіе ихъ цѣны и значенія, а иногда и
злостный вандализмъ къ нимъ — слишкомъ обыкновенныя явленія
нашей современной умственной жизни. Авторъ «Старины» хочетъ
по мѣрѣ силъ помочь этой бѣдѣ общедоступнымъ изложеніемъ
фактовъ науки отечественной древности и простымъ объясне-
ніемъ ихъ значенія; увѣнчается ли какимъ успѣхомъ его доброе
намѣреніе — рѣшить будущее, но самая попытка уже заслужи-
ваетъ полнаго вниманія и сочувствія. Книга обработана съ
искреннимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ любви къ предмету, из-
дана прекрасно — со множествомъ отчетливо исполненныхъ по-
литипажей, изображающихъ различные предметы древности,
цѣна ея — болѣе чѣмъ общедоступна (всего 10 к. с.) — все это
даетъ право надѣяться, что она не остановится на первомъ
изданіи, и потому мы считаемъ не лишнимъ войти въ нѣкоторыя
критическія подробности о ея содержаніи, — это необходимо тѣмъ
болѣе, что въ книжкѣ, кромѣ изложенія общеизвѣстныхъ фак-
товъ — встрѣчаются и личныя догадки автора. Послѣ неболь-
шого вступленія разсматривается вопросъ — чѣмъ и какъ въ ста-
рину удовлетворяли люди свои первыя потребности, когда научи-
лись ковать металлы: сказавъ въ нѣсколькихъ словахъ о желѣз-
номъ, бронзовомъ и каменномъ вѣкахъ человѣческой культуры,
авторъ — для яснѣйшаго доказательства этого — останавливается
на памятникахъ древности: могилахъ, остаткахъ древнихъ жи-
лищъ и вообще быта древняго человѣка, говоритъ о различныхъ

способахъ погребенія и потомъ начинаетъ уже подробный пересмотръ памятниконъ каменной, бронзовой и желѣзной старины, преимущественно отысканныхъ на русской землѣ, въ заключеніе предлагаетъ и небольшой историко-этнографическій очеркъ племень, населившихъ Европу — какъ индо-европейскаго, такъ и чуждаго происхожденія. Путь, которымъ ведетъ авторъ своего читателя въ 1-ой части книги, отличается отъ обыкновеннаго обратнымъ порядкомъ: онъ начинаетъ не съ отдаленной старины, а съ ближайшей и постепенно восходитъ къ древности, только по надлежащемъ объясненіи предварительныхъ понятій (съ 3 главы), изложеніе идетъ уже согласно съ постепеннымъ развитіемъ жизни. Конечно — для малосвѣдущаго читателя такой пріемъ объясняетъ предметъ наглядно и просто, но при употребленіи его нужна особая осмотрительность, чтобы съ одной стороны не впасть въ повторенія, съ другой — не затемнить главнаго подробностями и отступленіями. Умѣніе сказать обо всемъ въ своемъ мѣстѣ есть необходимое условіе не только популярнаго труда, но и вообще всякаго серіознаго сочиненія. Разсматривая съ этой точки зрѣнія «Старину русской земли» нельзя не замѣтить, что авторъ ея не вездѣ удовлетворяетъ условіямъ строгаго обдуманнаго плана, такъ вторая глава, о могилахъ и способахъ погребенія, имѣетъ смыслъ эпизода, связь ея съ предыдущимъ искусственна, и вся она по частямъ нашла бы болѣе приличное мѣсто въ послѣдующемъ обзорѣ 3-хъ эпохъ человѣческой культуры, равнымъ образомъ историко-этнографическій очеркъ былъ бы умѣстнѣе не въ концѣ, а въ началѣ, послѣ общихъ предварительныхъ понятій: безъ него не будетъ понятно многое, о чемъ говорится въ текстѣ; вообще изъ чтенія книги не выносишь яснаго, стройнаго образа предмета, отчасти это объясняется неразработанностью предмета, но также и отсутствіемъ строгаго плана въ трудѣ; къ этому нужно прибавить, что и самое изложеніе не отличается ровностью и выдержанностью тона: иногда оно просто и серіозно, въ другихъ мѣстахъ видна искусственная поддѣлка подъ простонародную рѣчь, а кое-гдѣ проглядываетъ

излишняя въ популярномъ трудѣ филологическая эрудиція (напр. стр. 4, 10 etc.), и это тѣмъ болѣе жаль, что изложеніе вообще автора живое, одушевленное. Указывая на эти общіе недостатки; мы нисколько не желаемъ оставить въ тѣни достоинства книги, отрицать ихъ невозможно, и когда мы выше высказывали ихъ, то съ нашей стороны это была не одна пустая фраза приличія... Сдѣлаемъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній. На стр. 7 авторъ говоритъ, что въ преданіяхъ арійскихъ народовъ сохранилась смутная память о древнемъ обычаѣ погребенія тѣлъ на вершинахъ деревь. Мы не могли нигдѣ найти даже слѣдовъ этой памяти, и русская сказка, приводимая въ подтвержденіе этой мысли, едва ли даетъ право на такое заключеніе. Объясненіе (стр. 7—8) древне-русскаго обычая полагать покойника въ сани намъ показалось остроумнымъ, хотя невольно приходитъ въ голову вопросъ, почему именно, если этотъ обычай вытекалъ изъ физическихъ условій жизни, онъ не встрѣчается у сѣверныхъ племенъ, а у южныхъ, именно Полянъ? На стр. 9-й говорится объ обыкновеніи не зарывать глубоко въ землю праха усопшихъ, чтобы имѣть возможность переносить его въ своихъ странствіяхъ, — и въ доказательство, кромѣ свидѣтельства «Повѣсти временныхъ лѣтъ», приводятся и нѣкоторыя могилы *древнихъ славянъ* прибалтійской Европы: «эти могилы, по словамъ автора, сыпаны повидимому *одновременно*, а между тѣмъ заключаютъ въ себѣ множество горшковъ съ пепломъ и вещами *различныхъ временъ*». Здѣсь — конечно — имѣется въ виду то опредѣленіе славянскихъ могилъ, которое сдѣлалъ Лишъ, но не говоря уже о томъ, что теорія Лиша не состоятельна ¹⁾, гдѣ встрѣтилъ авторъ ясныя доказательства *разновременнаго* происхожденія

1) Еще Гизебрехтъ представилъ нѣкоторыя, нелишенные основательности, замѣчанія противъ славянства Вендскихъ могилъ, см. *Baltische Studien*, т. V, 2 ч., р. 47, т. VII, ч. 2, р. 111—113, а въ послѣднее время Вейнгольдъ указалъ на такіе факты, которые окончательно разрушаютъ этнографическую теорію могилъ, созданную Лишемъ. Cf. *Mittheilungen zur Alterthumskunde der Hrzgt. Schl.-Holst. Kiel*, 1864, р. 19.

вещей, открываемыхъ въ *вендскихъ кладбищахъ*, и чѣмъ это обстоятельство, допустивъ даже его справедливость, подтверждаетъ основную мысль его? Вещи *разновременнаго* происхожденія вовсе не рѣдкость и въ могилахъ, глубоко погребенныхъ въ землѣ; совмѣстное ихъ существованіе въ могилахъ объясняется тѣмъ, что и въ житейскомъ обиходѣ употреблялись вещи *разновременнаго* происхожденія, но уже никакъ не обстоятельствомъ перенесенія праха покойниковъ; да къ тому же, теорія Лиша — если и имѣетъ какое значеніе въ наукѣ, то значеніе яснаго опредѣленія эпохъ мекленбургскихъ могилъ, а никакъ не *народности* ихъ. Принимая на вѣру слабую сторону этой теоріи — славянство *вендскихъ кладбищъ*, авторъ какъ будто отстраняется отъ ея стороны сильной, когда говоритъ о *разновременности* вещей, находящихся въ этихъ кладбищахъ. На стр. 10 мы находимъ мнѣніе, которое готовы принять за обмолвку, авторъ утверждаетъ, что *сожженные* или *обожженные* трупы полагались въ могилу не лежа, а сажались на корточки. Наука до сихъ поръ не только не представила такого факта, но и представить не можетъ: всѣ найденные доселѣ, схороненные въ сидячемъ положеніи, трупы не носятъ никакихъ слѣдовъ сожженія и именно относятся къ тому періоду погребенія, когда сожженіе еще не было въ обычаѣ. На стр. 11-ой, для объясненія бѣлорусскаго названія могилы-*волотовки*, ставятся подъ одинъ этимологическій уровень слова: *Волотъ, Волосъ, Велесъ и Волохъ*. Последнее наименованіе несомнѣнно чужого происхожденія, сближеніе же первыхъ двухъ есть гипотеза, не встрѣчающая оправданія ни въ языкѣ, ни въ народныхъ вѣрованіяхъ. Обзоръ предметовъ каменной и бронзовой старины исполнено съ замѣчательною отчетливостью, страннымъ лишь показалось намъ помѣщеніе въ бронзовую старину фигуры крылатой женщины (рис. 68), стоящей между двумя рогатыми животными: фигура эта желѣзная и только обложена съ лицевой стороны листовымъ золотомъ, а съ оборотной листовымъ серебромъ. Обзоръ желѣзной старины — хотя и кратокъ, но довольно обстоятеленъ. Желѣзнымъ вѣкомъ оканчивается пе-

запамятная старина русской земли, — съ нимъ начинается — если не исторія, то разсвѣтъ ея — и авторъ — думаемъ — не сдѣлалъ бы ошибки воспользовавшись для пополненія своего очерка желѣзной старины нѣкоторыми указаніями уже письменныхъ историческихъ источниковъ. Это дало бы ему поводъ остановиться на любопытномъ вопросѣ о туземной и заимствованной желѣзной русской культурѣ. Въ концѣ «Старины», какъ сказано, помѣщенъ краткій этнографическій очеркъ распространенія арійскихъ колонистовъ по Европѣ, факты въ общихъ чертахъ изложены вѣрно, только относительно греческихъ колоній по берегамъ Понта авторъ позволяетъ себѣ догадку, рѣшительно противорѣчащую всѣмъ историческимъ свѣдѣніямъ, вотъ его слова: «если не всѣ, то по крайней мѣрѣ часть Греко-Италійцевъ, *вропятно*, проходила черезъ нашъ югъ, гдѣ *вскорь* по берегамъ Чернаго моря основаны были греческія колоніи, городки и села», стр. 34. По мнѣнію автора кажется часть Грековъ осталась на Черномъ морѣ во время своего переселенія изъ Азіи въ Европу; но кто же не знаетъ, что это событіе случилось по извѣстнымъ, завѣдомымъ причинамъ въ VII-мъ вѣкѣ до Р. Х. и уже никакъ не *вскорь* послѣ невѣдомой эпохи передвиженія изъ Азіи въ Европу.

Указывая на недомолвки и ошибки автора, мы далеки отъ мысли непризнать его *дѣйствительной* заслуги: какъ первое популярное сочиненіе о русской доисторической старинѣ, книга его вызываетъ самую искреннюю признательность — и доброе дѣло исполнить тотъ, кто постарается, по мѣрѣ силъ, о ея распространеніи въ массѣ читающей публики: частныя оступы автора въ этомъ случаѣ нисколько не вредятъ той пользѣ, какую она можетъ принести народному образованію вообще и русской археологической наукѣ въ частности. Авторъ извѣщаетъ, что въ скоромъ времени выйдетъ и 2-я ч. его «Старины» и будетъ заключать въ себѣ русскую жизнь христіанской эпохи — въ добрый часъ! Пожелаемъ лишь, чтобы авторъ не оставилъ безъ вниманія и *бытовую славянскую и русскую старину*, какъ языческой такъ и христіанской эпохъ: представивъ ея картину въ по-

пулярномъ очеркѣ, онъ оказалъ бы русской наукѣ услугу не менѣе той, какая оказана имъ его «Словомъ о старинѣ незапамятной».

А. К.

7.

О могильныхъ насыпяхъ и каменныхъ бабахъ въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ. Статья А. Терещенка. (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей 1866, кн. IV, отд. V, стр. 1—37).

Статья Терещенка представляетъ собою бѣглый перечень осмотрѣнныхъ имъ могилъ и каменныхъ бабъ означенной мѣстности: археологъ не встрѣтитъ въ ней ничего важнаго, чтобы могло удовлетворить его пытливость относительно содержанія могильныхъ насыпей, но найдетъ не мало полезныхъ топографическихъ указаній, описанія внѣшняго вида и состоянія могилъ, ихъ высоты и окружности. На сколько точны эти описанія и измѣренія — судить не можемъ, но зная вообще неудовлетворительность археологическихъ трудовъ Терещенка (см. Древности Геродотовой Скиѣи. Спб. 1866, стр. 5, 7—8, Жизнь и Труды Савельева. Спб. 1861, стр. 105—7) — позволяемъ себѣ оставить это пока подъ сомнѣніемъ — и тѣмъ болѣе, что напр. его измѣреніе Чертомлыка значительно разнится отъ измѣренія г. Забѣлина, точно и спеціально изслѣдовавшаго этотъ богатый курганъ. Большая часть статьи посвящена описанію *каменныхъ изваяній* или *бабъ*, во множествѣ разсѣянныхъ по степямъ южной Россіи, — и въ этомъ отношеніи трудъ Терещенка, конечно, заслужить признательность того, кто захочетъ подробно изслѣдовать вопросъ: мы имѣемъ въ виду здѣсь не личныя догадки автора и его *описанія* каменныхъ бабъ, но его обстоятельное указаніе мѣста нахождения ихъ въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ. Руководясь указателемъ

Терещенка, изслѣдователь значительно облегчить себѣ черновую приискную работу, по крайней мѣрѣ можетъ уже не упустить изъ виду того, что легко могло бы быть просмотрѣно, если бы онъ начиналъ свое дѣло самъ собою безъ предшественниковъ. Этнографическая характеристика типовъ каменныхъ бабъ у Терещенка — всегда коротка и основана — кажется — на первомъ впечатлѣніи: то ему кажется, что онѣ имѣютъ болѣе европейскую, чѣмъ азіатскую наружность, то европейское лицо съ нѣкоторою смѣсью азіатскаго, то калмыцкое, татарское, кавказское, монгольское, скифо-еллинское; на этомъ вѣроятно — основаніи Терещенко въ концѣ статьи и предлагаетъ свое «мнѣніе о принадлежности каменныхъ бабъ *разнымъ* племенамъ». «По сличеніи видѣнныхъ истукановъ, говоритъ онъ на стр. 35 — 7, вездѣ обнаруживается послѣдовательный, поколѣнно измѣнявшійся ликъ . . . видно, что статуи эти относятся къ разнымъ поколѣніямъ и вѣкамъ, что самыя древнѣйшія очертанія носятъ отпечатокъ азіатскій и скифо-еллинскій, поэтому послѣднія составляютъ дорогое собраніе каменныхъ бабъ и принадлежатъ къ памятникамъ скиоскихъ племенъ». Само собою разумѣется, что остановиться на такомъ глухомъ выводѣ наука не можетъ, но едва ли также она въ состояніи предложить другой, болѣе обильный прочными историческими выводами: несмотря на множество отдѣльныхъ статей о каменныхъ изваяніяхъ, на множество снятыхъ съ нихъ рисунковъ — все это оказывается не полнымъ, отрывочнымъ, а иногда и не точнымъ — матеріаломъ, изъ котораго нельзя сдѣлать пока ничего научно цѣлаго; памятники гибнутъ, обезображиваются годъ отъ году болѣе и болѣе, и можетъ быть не далеко время, когда невѣжественный вандализмъ и ребяческое отношеніе къ нимъ — уничтожить окончательно ключъ къ разгадкѣ ихъ существованія, потому, пора, кажется наукѣ обратить серіозное вниманіе и на грубые, незатѣйливыя каменныя изваянія русской территоріи, пора перестать брезговать ими, тѣмъ болѣе, что — съ разъясненіемъ ихъ смысла разъяснится конечно не одинъ вопросъ высокой исторической

важности и значенія, такъ по крайней мѣрѣ можно догадываться и по громадному количеству этихъ памятниковъ и по ихъ географическому распространенію, тянущемуся отъ степей южной Россіи по восточной окраинѣ ея до далекихъ мѣстностей Сибири. Къ слову о Сибири, — укажемъ здѣсь на одну неточность въ статьѣ Терещенка, на стр. 36 онъ, ссылаясь на путешествія академиковъ прошлаго вѣка, говоритъ: «Находившіяся въ Сибири статуи представляютъ младенческое состояніе искусства, изъ котораго оно не выходило: это не статуи, а обрубки». Рисунокъ сибирскихъ каменныхъ бабъ, приложенный пок. Спасскимъ къ его сочиненію «о достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ сибирскихъ древностей» (XII кн. Записокъ геогр. Общества) — не подтверждаетъ этого вполнѣ, хотя сибирскія изваянія дѣйствительно грубѣе южно-русскихъ и при томъ отличаются отъ послѣднихъ еще и тѣмъ, что по большей части не изваяны изъ камня, но вырѣзаны на кускѣ камня (см. ст. кн. Кострова: «Списокъ каменнымъ изваяніямъ, находящимся въ Минусинскомъ округѣ, Енисейской губерніи». Записки Спб. отд. рус. геогр. общ., т. VII, стр. 77—83). Дюбуа-де Монпере — относительно мѣстнаго различія въ художественной отдѣлкѣ каменныхъ изваяній — сдѣлалъ болѣе вѣрное замѣчаніе, именно: чѣмъ далѣе тянутся они на востокъ, тѣмъ болѣе грубѣетъ ихъ форма, такъ что самыя восточныя представляютъ грубое подобіе лица (*simple masque*), тѣ же, которыя находятся на Азовскомъ морѣ, выдѣланы съ такимъ искусствомъ, что можно даже заключать о ихъ народности (*Lacroix—Annuaire des voyages 1846 г., р. 42*).

Выражая выше желаніе науки, чтобы каменные изваянія были серіозно изслѣдованы, изображены (хотя въ точныхъ фотографическихъ снимкахъ) — мы имѣли въ виду обратить на эти замѣчательные памятники вниманіе не столько частныхъ лицъ и ученыхъ обществъ, какъ извѣстно нерасполагающихъ достаточными къ тому средствами, но такого высокаго, въ ученomъ смыслѣ, учрежденія, какъ Археологическая Комиссія, обладаю-

щая и матеріальными средствами, и просвѣщенной любовью къ родной старинѣ, и способными, умѣлыми дѣятелями. А. К.

8.

Протоколы засѣданій Общества Любителей Естествознанія при Московскомъ Университетѣ съ 14 мая 1864 по 29 августа 1866 г. изданіе Вас. Солдатенкова. Москва 1866. 4°. 5 + 279 ст., 20 стр. + VII и 3 таб. рис.

Кромѣ подобныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ Общества, изъ которыхъ съ интересомъ прочтутся, конечно, лишь относящіяся къ устройству этнографической выставки, изданіе содержитъ въ себѣ и нѣсколько замѣтокъ какъ по предметамъ естественныхъ наукъ, такъ и по наукѣ русской древности. Изъ первыхъ — для насъ всего болѣе интереса имѣютъ прекрасныя статьи г. Щуровскаго по геологіи, вторыя — какъ ни малочисленны онѣ — заслуживаютъ нашего прямого вниманія, сюда принадлежатъ: статья Бѣляева «о племенахъ, населявшихъ въ разное время нынѣшнія губерніи Московскаго учебнаго округа», о ней мы уже высказали наше мнѣніе въ 1 т. «Древностей» отд. библіогр., стр. 36, ст. 2. Федченка — «О важности изученія череповъ, находимыхъ въ древнихъ кладбищахъ», извлеченная изъ записки Парижск. антрополога Брока; указанія гг. Муратова, Горбова и Бочарова (стр. 56 и 90) на нѣкоторые курганы Рязанской, Тверской и Московской губерніи и наконецъ — самое важное и интересное: «Донесеніе о раскопкѣ кургановъ близъ г. Коломны въ сельцѣ Рѣчки (съ рисункомъ раскопки и положенія костяка въ могилѣ). Раскопка не была окончена. Въ одной могилѣ (№ 1) скелетъ лежалъ въ вытянутомъ положеніи на спинѣ, не въ центрѣ кургана, а ближе къ южной сторонѣ, прямо на материкѣ, ногами къ SO, при немъ найдены: на нижнихъ кон-

цахъ обоихъ предплечій по металлическому (??) витому кольцу (браслету) и около праваго уха бусина изъ прозрачнаго кварца грубой шлифовки и съ отверстіемъ въ срединѣ, другая бусина нашлась подъ основаніемъ черепа. Скелетъ во 2-й могилѣ лежалъ въ такомъ же положеніи, но не на материкѣ, а въ *ямѣ*, вещей, кромѣ кусковъ кожи, лежавшихъ на колѣняхъ, не найдено. Какъ видно — раскопка бѣдная, но все же не безынтересная, посѣтовать лишь можно, что не приложено рисунка загадочнаго *металлическаго* браслета, не сказано даже, какой онъ формы, величины и имѣетъ ли какое сходство съ уже извѣстными однородными могильными вещами.

Глядя на эту статью, мы не можемъ не выразить желанія, чтобы Общество не оставляло такого рода занятій, приносящихъ пользу и наукѣ русской древности, чтобы оно описывало ихъ осмотнительнѣе, чѣмъ на этотъ разъ. Писать общіе проекты, мнѣнія, заниматься рѣшеніями вопросовъ въ родѣ того — созрѣли ли русскіе къ умственной работѣ, судья ли В. В. Григорьевъ въ этнографіи (стр. 225—7) — не приносить существенной пользы наукѣ, и цѣлый томъ такихъ досужихъ разсужденій не стоитъ и одного бѣднаго столбца статьи, о которой мы только что говорили.

А. К.

9.

Клады, рассмотрѣнные въ Минцъ-кабинетѣ Университета св. Владиміра, съ 1836 по 1866 годъ, статья г. Страшкевича (Университетскія Кіевскія Извѣстія за 1866 годъ, № 10, стр. 1—38; № 11, стр. 1—30; № 12, стр. 1—42 и 1 таб. снимк.).

Послѣ превосходныхъ трудовъ Френа и Савельева историческая важность топографіи кладовъ — не можетъ быть болѣе предметомъ вопроса для нумизмата, правильно понимающаго

призваніе своей науки: если исторія международных и племенных сношеній и торговли древней Руси еще не приведена въ надлежащую ясность, то, конечно—отчасти и потому, что большинство кладовъ, случайно находимыхъ въ разныхъ углахъ русской земли—или не достигаютъ до свѣдѣнія науки, переходя въ плавильные горшки, или — по разнымъ причинамъ — не сохраняютъ памяти о мѣстѣ своего нахожденія. Съ этой точки зрѣнія отмѣчаемъ прекрасный трудъ г. Страшкевича, какъ явленіе достойное вниманія археолога и историка. Въ началѣ статьи авторъ даетъ практическое наставленіе на счетъ способа возстановленія стертаго чекана монетъ и классификаціи ихъ, желательно было бы, чтобы въ этомъ случаѣ подали свой голосъ и другіе опытные нумизматы, такъ какъ отъ неумѣлаго обращенія съ монетой, она можетъ навсегда потерять свой чеканъ и тѣмъ окончательно погибнуть для науки. Клады разсматриваются въ хронологическомъ порядкѣ (съ 1838 по 1866 годъ) и по мѣстностямъ, число ихъ 110, большая часть монетъ — западно-европейскія 16—17 вѣка: польскія, нѣмецкія, шведскія и т. д., впрочемъ есть и гораздо болѣе древнія: греческія, римскія, арабскія и русскія, изъ послѣднихъ особенно замѣчателенъ *нѣжинскій* кладъ (Владимира 10 мон., Ярослава 10, Святополка 8, Юрія Долгорукаго—3 мон.), извѣстный всему ученому міру по описанію г. Волошинскаго. Изъ греческихъ подробно описана и изображена на рисункѣ неизданная доселѣ дидрахма Амфиополя въ Македоніи. Странно однако, что южно-русская мѣстность всего менѣе представила кладовъ арабскихъ, ихъ очень мало указано и у Савельева и притомъ не изъ кievской мѣстности, г. же Страшкевичъ указываетъ только два клада съ арабскими монетами, одинъ (№ 33) найденъ въ Подольской губерніи, другой (№ 44) въ самомъ Кіевѣ (срав. также № 67), такая рѣдкость арабскихъ кладовъ въ южно-русской мѣстности какъ будто не согласуется съ положительнымъ извѣстіемъ арабскаго писателя Эль-Истархи ($\frac{1}{2}$ 10-го в.), который прямо говоритъ, что Булгарскіе купцы ходили до Кутабы-Куябе, т. е. Кіева и вообще—

съ указаннымъ у Савельева фактомъ, что Кіевъ велъ торговлю съ Востокомъ; впрочемъ, имѣя въ виду случайность находокъ и безызвѣстную гибель огромнаго количества ихъ, едва ли историкъ въ правѣ изъ этого обстоятельства выводить положительныя заключенія. Пока, статья г. Страшкевича — подтверждаетъ лишь одинъ засвидѣтельствованный и исторіею фактъ, что связи южно-русской мѣстности въ 16—17 ст. были преимущественно съ западной Европою, конечно чрезъ Польшу. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ не посѣтовать, что къ концу статьи не приложено общаго систематико-хронологическаго каталога разсмотрѣнныхъ монетъ по мѣстностямъ ихъ чекана, что значительно облегчило бы для историка пользованіе этимъ замѣчательнымъ нумизматическимъ трудомъ. Пожелаемъ, чтобы примѣръ г. Страшкевича вызвалъ соревнованіе со стороны другихъ хранителей общественныхъ и коллегіальныхъ нумизматическихъ собраній: результатъ во всякомъ случаѣ будетъ полезенъ.

А. К.

10.

V. Jagić. *Starine i njihovo znamenovanje, s obzirom na ono, što je u zagrebačkom narodnom muzeju*. (Статья, помѣщен. въ журналѣ *Knjževnik*. Godina III (1866) svezka 1, стр. 48—74 съ таб. рисунковъ).

Статья Ягича, сколько намъ извѣстно, есть первое сочиненіе на славянскомъ языкѣ о доисторической монументальной старинѣ юго-славянскихъ земель. Авторъ съ одной стороны хотѣлъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ современнымъ состояніемъ археологической науки и тѣмъ возбудить ихъ соревнованіе къ изслѣдованію и сохраненію памятниковъ родной старины, съ другой — имѣлъ въ виду представить сжатый обзоръ раскопокъ и случайныхъ находокъ древностей Сербо-Хорватской земли. Не-

смотря на краткость, первая половина статьи — можетъ быть названа вполнѣ удачной: устранивъ частности и многіе спорные вопросы, авторъ представляетъ ясный очеркъ каменной и бронзовой европейской старины, исчисляетъ важнѣйшіе памятники, различныя орудія, украшенія и т. д. не упуская изъ виду ни одного, существенно важнаго, вопроса; изъ частныхъ пунктовъ особенно отчетливо разсмотрѣнъ имъ вопросъ о первобытной металлической культурѣ индо-европейскихъ племенъ: какъ лингвистъ Ягичъ даетъ полную силу свидѣтельствамъ языка, признавая, что эти племена еще до прихода въ Европу, были знакомы съ металлами (*золотомъ, серебромъ и мѣдью*), съ *жельзомъ* славяне познакомились позднѣе, когда, составляя еще одно цѣлое съ Литвою, они уже разошлись съ нѣмецкимъ племенемъ; вообще, что касается славянъ, то языкъ несомнѣнно свидѣтельствуешь, что въ эпоху своего бытового единства, они знали *золото, серебро, олово, жельзо, мѣдь, искусство ковать* и т. д. Каменными древностями не богаты юго-славянскія земли: въ загребскомъ народномъ Музеѣ хранится всего пять вещей, и изъ нихъ только два орудія собственно изъ Хорватіи: топорикъ изъ змѣвика и сѣкира изъ серпентина; судя по формѣ и отдѣлкѣ ихъ, Ягичъ полагаетъ, что они произошли уже въ эпоху металлическую, чему мы склонны вѣрить, такъ какъ и въ иныхъ мѣстахъ Европы встрѣчаются каменные орудія, выработанныя съ помощію металлическихъ. Рѣдкія мѣста варварской Европы заключаютъ въ себѣ столько памятниковъ римскаго владычества, какъ земли южныхъ Славянъ. Памятники эти уже осмтрѣны и ежегодно осматриваются наукою съ достаточною полнотою и вниманіемъ, тогда какъ памятники *иного* происхожденія — до сихъ поръ лишь случайно привлекали мысль и трудъ археолога. Ягичъ преимущественно обратилъ вниманіе на эти послѣдніе, на древности собственно хорватскія, т. е. найденныя на этой мѣстности, онъ обозрѣваетъ ихъ въ топографическомъ порядкѣ, изъ нихъ — многія очевидно классическаго (римскаго) происхожденія, другія — *не римскаго* и совершенно сходны съ вещами,

открываемыми въ средней и сѣверной Европѣ, таковы напр. *кельты*, которые впрочемъ встрѣчаются въ юго-славянскихъ земляхъ — да и вообще въ южно-европейскихъ — очень рѣдко, *спиральные завитки*, *витые браслеты*, *кольца*, *шейныя гривны* и т. д. Къ статьѣ приложенъ отчетливый рисунокъ бронзовыхъ древностей, находящихся въ загребскомъ Музеѣ. При всей своей сжатой краткости, обзорѣніе Ягича весьма важно для всей славянской археологической науки: оно представляетъ до сихъ поръ единственный сводъ свѣдѣній о древностяхъ, открытыхъ въ землѣ Сербовъ-Хорватовъ; кромѣ свѣдѣній, полученныхъ имъ непосредственно, онъ заимствовалъ богатый матеріалъ изъ отчетливой «хроники археологическихъ открытій въ Австрійской Монархіи», непрерывно (съ 1849 г.) издающейся (Зейдлемъ, Кеннеромъ) въ повременникѣ Вѣнской академіи: «Archiv für Kunde Österreich. Geschichts-Quellen». Замѣтимъ при этомъ, что древности, открытыя въ Австріи до 1828, довольно подробно разсмотрѣны въ статьяхъ Штенбюхеля: «Allerthümer in der österreich. Monarchie», помѣщенныхъ въ Jahrbücher der Literatur т. 45 и слѣд., впрочемъ древности эти — почти исключительно римскія! Вполнѣ раздѣляемъ мы также и мнѣніе Ягича, что рано еще — по такимъ скуднымъ остаткамъ старины, дѣлать какіе-нибудь общіе выводы и заключенія: но если къ заслугамъ славянскаго археолога принадлежитъ и тщательное изслѣдованіе матеріала науки и возбужденіе любви, вниманія и уваженія къ ней въ публикѣ, то, со стороны автора разбираемой статьи, сдѣлано — думаемъ — не мало для упроченія за собой такой заслуги.

А. К.

11.

Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи, статья И. И. Срезневскаго, s. t., 8°, 40 стр. (Ж. М. Пр. за янв.).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы читали извѣщеніе, что г. Срезневскій готовитъ изданіе славяно-русской палеографіи.

Трудъ этотъ до сихъ поръ не появился въ свѣтъ; но жалѣть о такомъ замедленіи — едва ли станутъ тѣ, которымъ извѣстны и громадная трудность предпріятія, и стремленіе автора принять къ соображенію какъ можно большее количество памятниковъ, и наконецъ — разнообразіе его ученой дѣятельности: изъ отчетовъ Академіи Наукъ и изъ трудовъ автора, печатаемыхъ въ Запискахъ Академіи и другихъ изданіяхъ — видно, съ какимъ неусыпнымъ постоянствомъ онъ увеличиваетъ свой палеографическій запасъ новыми открытіями, соображеніями и изслѣдованіями; стало быть — о замедленіи не можетъ быть и рѣчи, когда чрезъ это — столь много выигрываетъ наука. Время отъ времени — однако — г. Срезневскій предварительно знакомитъ публику и съ нѣкоторыми частями своего палеографическаго труда, такъ въ Извѣстіяхъ 2-го отд. Академіи Наукъ (т. IX, вып. 3-й, стб. 161—170) мы находимъ его *«Палеографическія замѣтки»*, съ весьма важнымъ и новымъ наблюденіемъ на счетъ связи кипрловскаго письма съ греческимъ, въ изданіи г. Прохорова *«Христіанскія древности»* (1864, № 2 и 3, стр. 15—36, 57—72) помѣщенъ его палеографическій очеркъ: *«Древнія русскія книги»*, въ которомъ сжато, но точно изложены данныя касательно внѣшняго вида рукописей, цѣнности ихъ въ старину, письма ихъ, правописанія, знаковъ препинанія и наконецъ — ихъ языка; къ такого же рода предварительнымъ запискамъ должно отнести и *«Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи»*. Предметъ этотъ еще прежде былъ осмотрѣнъ авторомъ въ статьѣ: *«Палеографическія изслѣдованія памятниковъ русской древности»* (Извѣст. 2-го отд. Ак. Н., т. VI, стр. 257—275), такъ что нынѣшняя статья можетъ быть разсматриваема, какъ второе, дополненное и переработанное, изданіе предыдущей. Въ началѣ авторъ говоритъ о палеографіи и палеографическихъ работахъ вообще, потомъ обозрѣваетъ русскія палеографическія работы отъ конца XVIII в. до настоящаго времени, наконецъ предлагаетъ краткія свѣдѣнія о палеографическихъ работахъ у западныхъ славянъ. Имѣя въ виду лишь *Обзоръ матеріаловъ для*

изученія славяно-русской палеографіи, авторъ не столько дорожилъ библіографической полнотой указаній, сколько общей оцѣнкой того, что сдѣлано по предмету, впрочемъ и со стороны библіографической полноты — опущенія въ статьѣ очень незначительны и просто случайны. Отмѣчаемъ нами замѣченныя: *сводная палеографическая азбука Кеннена съ XI по XV ст.* съ объяснит. нѣмецкимъ текстомъ (Bulletin hist. phil. de l'Acad. т. V, № 3, 1848), *изъясненія знаковъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ*—Тромошина. М. 1844, *палеографическіе снимки* пок. Ундольскаго, подобно снимкамъ Сахарова въ свѣтъ не вышедшіе и извѣстные лишь немногимъ, замѣчательная *статья* Делевеля: *Dodatek do pisma Daniłowicza o katalogu biblioteki Tołstowa: o dyplomatyce Ruskiej, со снимками съ грамотъ и опытомъ сводной азбуки русскаго письма XII—XV вв.* (перепечатана въ его «Polska, dzieje jej i rzeczu,» т. V, стр. 391—415, по-русски, въ сокращеніи, передана И. Д(аниловичемъ)? въ Московскомъ Вѣстникѣ Погодина, 1829 г. № 3). Вотъ—и все, сколько-нибудь стоящее вниманія! Для археолога, цѣнящаго важность исправныхъ, толковыхъ изданій памятниковъ письменной старины, особенно поучительны и любопытны будутъ критическія замѣчанія опытнаго автора, каково напр. то, что къ числу неудачныхъ приемовъ изданій памятниковъ принадлежатъ: «1) — печатаніе варіантовъ отдѣльно отъ печатаемаго текста, вслѣдъ за нимъ; 2) — печатаніе одного памятника по многимъ спискамъ отдѣльно, хотя бы памятникъ и повторялся въ нихъ дословно» (стр. 20); такія изданія — по мнѣнію автора, не столько облегчаютъ, сколько затрудняютъ палеографа, — и не только палеографа — позволимъ мы себѣ сказать, но и историка, и археолога, и всякаго, кто захотѣлъ бы какъ должно воспользоваться памятникомъ для ученыхъ цѣлей. Хотя въ нашей литературѣ и существуютъ многіе образцы превосходныхъ изданій памятниковъ, но есть и такіе — и ихъ не мало, наберется даже за послѣднія 5—10 лѣтъ, — которые показываютъ, что правильные приемы изданія — для нѣкоторыхъ представляютъ еще закрытую книгу. Въ виду этого —

ради пользы науки древности — нельзя не пожелать, чтобы кто-нибудь, искушенный знаніемъ и опытомъ, взялся за составленіе объяснительной инструкціи для изданія памятниковъ письменной старины: дѣло — не трудное, но какое плодотворное! *А. К.*

12.

Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества по Отдѣленію этнографіи, т. 1-ый, изд. подъ редакціей В. Ламанскаго. Спб. 1867. 8°, 750 стр., 1 рис.

«Записки» русск. географическаго Общества по отдѣленію этнографіи составляютъ прямое продолженіе «Этнографическаго сборника» (1853—64 г. всего — 6 томовъ) измѣнилось — главнымъ образомъ заглавіе, но составъ изданія остался тотъ же: какъ и въ «Этнографическомъ сборникѣ», такъ и въ 1-мъ т. «Записокъ» — находится не мало интереснаго и важнаго и для науки русской древности. Указываемъ на то, что — по нашему мнѣнію, въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія. Статья г. Микуцкаго: «Наблюденія и замѣчанія о Лѣто» (= Летто) — славянскомъ языкѣ сравнительно съ прочими арійскими языками (стр. 543—613) относится собственно къ сравнительной лексикографіи; но важны и для археолога, потому что, сравнивая слова, раскрывая коренное ихъ значеніе, авторъ входитъ во многія объясненія и предметовъ древности, таковы напр. его замѣтки о названіяхъ металловъ (стр. 568), о первоначальной архитектурѣ славянъ (580), о погребальной древности ихъ (589), о значеніи слова *жуна*, *жупанъ*, подтверждающемъ мысль Я. Гримма о томъ, что главнѣйшіе термины *владѣнія*, *власти* вышли изъ быта пастушескаго (Gesam. Schr. I, p. 122 и слѣд.); замѣчанія о нѣкоторыхъ славяно-литовскихъ мифологическихъ именахъ и т. д.; но не все однако въ статьѣ г. Микуцкаго оди-

наково важно: многія сближенія и словопроизводства — потому и самыя объясненія предметовъ — сомнительны; не мало и такихъ, которыя, несмотря на свою привлекательность, должны быть признаны совершенно невѣрными, напр. стр. 603: «слово *хлѣбъ* производится отъ *хле(п)бать*, и отсюда выводится заключение, что наши праотцы, подобно древнимъ римлянамъ (?), употребляли хлѣбъ въ жидкомъ видѣ». Указаніе было бы важно, если бы было справедливо: слово *хлѣбъ* — не славянскаго, а чужого происхожденія, именно *готскаго*: *hlaihs*. На стр. 588 говорится: «у западныхъ славянъ *платы*, т. е. куски ткани, холста, полотна замѣняли деньги при покупкѣ и продажѣ, — отсюда *платить*». Такое — впрочемъ не новое, производство основано на случайномъ созвучіи: слово *платъ*, *платно*, *полотно* — не имѣетъ ничего общаго съ *платить*: происходя отъ корня *prath* = *extendi*, оно ведетъ за собой цѣлый рядъ производныхъ славянскихъ словъ: ц. сл. *пзртъ*, пол. *part*, русск. *порты*, — *ной*. На стр. 570 мы — къ нашему крайнему удивленію — встречаемъ даже производства имени древнихъ *Скивоовъ* и *Сколотовъ* отъ *скытатися* и *колотиться*, т. е. толкаться, шататься, сло- няться!! Вообще, при множествѣ вѣрныхъ сближеній и замѣчаній — статья Микуцкаго представляетъ столь много произвольнаго и невѣрнаго, что пользоваться ею изслѣдователь можетъ только подъ условіемъ самой крайней осторожности, къ тому же еще, на читателя болѣе чѣмъ непріятно подѣйствуетъ и то, оскорбительное для чувства истины, пренебреженіе, съ какимъ авторъ относится къ нѣмецкой наукѣ въ области языка: со стороны г. Микуцкаго — это двойная несправедливость! Двѣ статьи «Записокъ» касаются русскихъ юридическихъ древностей, именно: ст. г. Муллова «Нѣсколько словъ о матеріалахъ для объясненія народнаго юридическаго быта» (стр. 617—635) и г. Матвѣева «Что сдѣлано у насъ по обычному праву» (стр. 539—652). Вопросъ объ этомъ предметѣ поставленъ не наукою, но самою жизнью, именно новыми судебными учрежденіями, потому и въ способѣ воззрѣнія на него, какъ въ двухъ назван-

ныхъ статьяхъ, такъ и въ «Программѣ для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ», изданной Этнографическимъ Отдѣленіемъ въ 1864 году — замѣчается по преимуществу практическое, приложимое къ жизни, направленіе. Не станемъ отрицать важнаго значенія такого взгляда, но позволимъ себѣ думать, что практика не потерпѣла бы оттого, если бы воззрѣніе на предметъ расширилось и стало бы въ болѣе независимыя отношенія отъ юридическихъ рубрикъ Свода Законовъ, а сколько выиграла бы наука — объ этомъ и говорить нечего. Въ своемъ бытѣ народъ не отличаетъ юридическаго, правнаго начала отъ обычая, потому во многихъ его обычаяхъ, на взглядъ образованнаго юриста лишенныхъ всякаго правнаго значенія, сохраняются драгоцѣнныя юридическія черты, драгоцѣнныя именно въ отношеніи *археологическомъ*. Мы разумѣемъ здѣсь преимущественно юридическую *символику* и позволяемъ себѣ съ этой точки зрѣнія привести нѣсколько примѣровъ: «Программа» упоминаетъ *жребіи*, но только по отношенію къ крестьянскому суду, какъ объ одномъ изъ судебныхъ доказательствъ; поставленный въ такой зависимости отъ юридическаго института, *жребій* теряетъ свое широкое бытовое, а вмѣстѣ и историко-археологическое — значеніе: въ жизни этотъ символъ употребляется не только, какъ судебное доказательство, но и какъ способъ рѣшенія многихъ случаевъ, какъ гаданіе, или — въ видѣ нарѣзки, бирки, — какъ знакъ собственности или лица, какъ обыкновенный способъ счета предметамъ домашняго хозяйства; то же самое должно сказать и о клятвахъ и вообще о всѣхъ юридическихъ символахъ: «Программа» смотритъ на нихъ, какъ на *явленія*, зависимыя отъ извѣстныхъ юридическихъ институтовъ; тогда какъ, давъ имъ самостоятельное мѣсто, она способствовала бы къ обогащенію всей науки бытовой древности, нисколько не отступая отъ своей частной цѣли. Объяснимся: на стр. 23 «Программа» говоритъ о *дареніи*, но только какъ о юридическомъ способѣ пріобрѣтенія собственности; поставимъ вопросъ шире: о *дареніи*, какъ явленіи быта: когда и при какихъ слу-

чаяхъ и обстоятельствахъ жизни происходитъ обычное *дареніе*, какіе при этомъ наблюдаются приемы и обрядности? Отвѣчая на эти вопросы: мы увидимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычное *дареніе* (при рожденіи, свадьбѣ производится не деньгами, а вещами и не отъ недостатка средствъ, а по обычаю...), не ясный ли остатокъ старинной мѣновой эпохи жизни? Даримое движимое первоначально вѣшалось, привязывалось на шею или на руку того, кому дарили (отсюда нѣмецк. an-gebinde), въ нашемъ народномъ бытѣ повсемѣстны слѣды такого древняго значенія подарка, напр. при свадьбахъ: ленты, полотенца (ручники), рубашка жениху, платки друзьямъ, свахѣ, шуба съ плеча и т. д.; на всѣ подобныя явленія ни «Программа», ни указанныя двѣ статьи «Записокъ» не обращаютъ вниманія, потому что эти предметы не принадлежатъ къ праву съ точки зрѣнія «Свода Законовъ», но къ юридическимъ древностямъ они принадлежатъ несомнѣнно, а потому нельзя и не пожелать, чтобы на нихъ было обращено большее вниманіе; нашимъ читателямъ мы можемъ рекомендовать въ этомъ отношеніи 2 статьи: Я. Гримма «О поэзіи въ правѣ» (Zeitschrift Savigny. t. II, перев. по-русски въ «Сынѣ Отеч. и Сѣв. Ар.» 1831 г., № 39—43) и г. Афанасьева: «Юридическіе обычаи» (Биб. для Чтенія 1865, № 7—8). Юридическія древности имѣютъ такое важное научное значеніе, что мы предполагаемъ скорѣ снова возвратиться къ нимъ по поводу статьи хорватскаго ученаго Богишича: «о важности собранія народныхъ славянскихъ юридическихъ обычаевъ» (Književnik. God. III, sv. 1—3), статьи, заслуживающей вниманія столько же историка права, сколько и археолога. Продолжаемъ, прерванный невольнымъ отступленіемъ, нашъ отчетъ «Записокъ по отд. этнографіи». Статьи гг. Муллова и Матвѣева, несмотря на практическую точку зрѣнія и отсутствіе особенно новыхъ свѣдѣній, все же достойны остановить на себѣ вниманіе изслѣдователя древности: первая — прекраснымъ способомъ имѣющихся данныхъ на счетъ *доказательствъ народного суда*, вторая — довольно полнымъ критико-библіографическимъ

обзоромъ того, что *сдѣлано у насъ по обычному праву* (разумѣется—въ тѣсномъ значеніи послѣдняго слова). Статья г. Аристова: «Преданія о кладахъ» представляетъ лишь нѣсколько страницъ изъ огромнаго запаса народныхъ сказаній о кладахъ, но страницъ любопытныхъ и важныхъ, потому что достовѣрныхъ; передавая лишь факты, авторъ уклоняется отъ главнѣйшихъ объясненій; впрочемъ, на стр. 710—712 мы находимъ догадку, раздѣлить которую мы не можемъ, авторъ говоритъ: «кажется, со времени татарскаго владычества на Руси, преданія о кладахъ начинаютъ преимущественно приурочиваться къ курганамъ». Сравнительное изслѣдованіе народныхъ преданій убѣждаетъ насъ, что такое приуроченіе совершилось гораздо ранѣе, еще въ незапамятную эпоху: оно было слѣдствіемъ общей локализациі воздушныхъ мифовъ: прежнія небесныя горы (= облака), полныя золота и драгоцѣнныхъ камней (— молнія, отчасти = солнце, переведены были въ народномъ сознаніи на землю, на земныя горы, курганы,—естественно, что народное воображеніе помѣстило клады въ курганахъ. Не бесполезна для науки древности и статья, г. Дешко: «Свадьба на Угорской Руси», хотя въ ней мы и не встрѣтимъ никакихъ особенно новыхъ фактовъ старины; отмѣтимъ только слѣдующіе символическіе обряды: на другой день послѣ свадьбы молодая и молодой умываются, при чемъ первый вытираетъ лицо верхнею частью *рубахи своей жены*, а она также *рубахою своего мужа*, за тѣмъ молодая идетъ въ комнату, кропитъ стѣны, входитъ въ чуланъ и *садится тамъ на ярмо*, держа въ рукѣ обернутую въ обручальный платокъ чашку съ водкой, такъ сидитъ она до той поры, пока не снимутъ съ нея чепецъ и не повяжутъ ея головы бѣлымъ платкомъ (стр. 704). Символическое значеніе *рубашки* понятно: она ближайшій предметъ къ тѣлу человѣка, а какъ личность, существованіе лица понималось въ старину тѣлеснымъ образомъ (отсюда синонимы нѣм. *leib* и *leben*, слав. животъ = *venter* и животъ = *vita*, жизнь), то понятно, почему рубашка стала символомъ внутренней стороны человѣческаго существованія и знаменовала

въ этомъ обрядѣ взаимную тѣснѣйшую связь и любовь; въ связи съ этимъ стоитъ и обычай окутывать новорожденного младенца отцовской рубашкой, для того, чтобы другъ друга любили, т. е. въ знакъ единенія ихъ; что касается до сидѣнія на ярмѣ, то оно есть видимый символъ супружеской жизни, откуда и самое слово *супруги* (сопрягать = связывать ярмомъ пару воловъ, лошадей, потомъ людей, жениться). У Римлянъ дѣйствительно новобрачные запрягались въ ярмо, откуда и слово *conjugium*, по свид. Тацита (Germ. 18) женихъ дарилъ невѣсту парой *заярмowanych быковъ*. Изъ произведеній народной словесности, помѣщенныхъ въ «Запискахъ» самымъ замѣчательнымъ и важнымъ должно признать объемистый сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ г. Носовича. Есть, впрочемъ, въ «Запискахъ» и такія произведенія, о которыхъ недоумѣваешь: зачѣмъ они нашли мѣсто въ серіозномъ изданіи, таковы — за вычетомъ немногихъ № — *байки, басенки, побасенки и скороговорки*, они бесполезны и для науки и для всякаго другого употребленія. Прочія статьи «Записокъ» — не относятся къ предмету русской древности.

А. К.

13.

Матеріалы для антропологіи курганнаго періода (?) московской губерніи, — соч. Анатолія Богданова, Москва 1867, 4^о, стр. 176.

Прежде чѣмъ мы дадимъ читателю отчетъ о содержаніи и археологическомъ интересѣ любопытнаго труда г. Богданова, считаемъ не лишнимъ предварительно привести въ ясность отношенія двухъ наукъ: археологіи и краниологіи. Вопросъ, какъ увидимъ, не лишенъ своего живого современнаго значенія.

Сравнительное изслѣдованіе череповъ различныхъ народовъ въ послѣднее время привлекло вниманіе не однихъ естествоиспытателей-антропологовъ, но и археологовъ и историковъ-этно-

графовъ. Отъ этой новой науки они ждутъ дѣятельной помощи въ рѣшеніи вопросовъ, которыхъ не могутъ рѣшить изъ запаса собственныхъ средствъ. Оправдаются ли подобныя ожиданія и въ какой мѣрѣ — рѣшить будущее; но не рѣдки случаи, что археологи и теперь уже пользуются заключеніями сравнительной краниологіи и вносятъ ихъ въ свои изслѣдованія, какъ фактъ дознанный и стоящій внѣ всякихъ сомнѣній. Въ виду такихъ явленій — наука въ правѣ спросить: въ какой степени *теперь* археологу дозволительно слѣдовать указаніямъ сравнительной краниологіи, въ какой мѣрѣ — въ рѣшеніи темныхъ вопросовъ своей науки — онъ можетъ положиться на заключенія и выводы современныхъ краниологовъ, однимъ словомъ — возможенъ вопросъ о степени пользы, какую можетъ принести современная сравнительная краниологія для археологіи и исторической этнологіи. Вопросъ этотъ гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда: отъ установки правильныхъ отношеній между этими науками во многомъ зависятъ — если не успѣхи науки древности, то по крайности болѣе прочное ея развитіе, устраненіе многихъ произвольныхъ выводовъ и заблужденій, къ которымъ неминуемо ведетъ всякое безотчетное, неустановившееся отношеніе. Касаясь здѣсь этого вопроса, я далекъ отъ мысли предложить удовлетворительное рѣшеніе его и имѣю въ виду лишь вызвать взаимное обсужденіе его со стороны археологовъ и антропологовъ-естествоиспытателей; потому своимъ мнѣніямъ, догадкамъ и сомнѣніямъ даю форму мнѣній и догадокъ совершенно личныхъ и излагаю ихъ съ возможною краткостію, останавливаясь лишь на самомъ существенномъ. Всякій археологическій памятникъ, извлеченный изъ земли, или находящійся на поверхности ея — будетъ пустою игрушкою, если нѣтъ надежды доискаться, какому народу и времени принадлежитъ онъ, какія матеріальныя и нравственныя потребности и мысли вызвали его возникновеніе, камень и металлы останутся нѣмымъ камнемъ и металломъ, если они не говорятъ намъ: изъ чьихъ рукъ, когда и для чего получили они извѣстную обдѣлку. И историкъ и архео-

логъ не идутъ далѣе предѣловъ человѣческой жпзни и дѣятельности: разсматривая и природу лишь по отношенію къ человѣку, они остаются равнодушны, почти холодны къ тому, что было до появленія людей: только человѣческая дѣятельность, человѣческія потребности и способы ихъ удовлетворенія согрѣваютъ историка и археолога, потому къ каждому предмету своего вѣдѣнія они обращаются съ вопросами: о времени, виновникахъ и причинѣ его происхожденія. Обойти, миновать эти вопросы археологъ не можетъ даже и тогда, когда дѣло идетъ о предметахъ глубочайшей древности, лежащей за предѣлами всякаго воспоминанія; правда, здѣсь онъ долженъ пока довольствоваться вѣроятными догадками, предположеніями, основанными лишь на слабыхъ наведеніяхъ, отвѣты выходятъ глухіе, неопредѣленные, но по крайности они имѣютъ хотя нѣкоторые залого историческаго правдоподобія, они заслуживаютъ нашей признательности хотя бы потому только, что вызываютъ пытлиую любознательность къ дальнѣйшему изслѣдованію, а не усыпляютъ ее ложными призраками непогрѣшительныхъ готовыхъ выводовъ. Не имѣя средствъ рѣшить многіе вопросы доисторической археологіи, изслѣдователь обращается за помощью къ наукамъ естественнымъ, къ тѣмъ изъ нихъ, которыя изслѣдуютъ доисторическую жизнь нашей планеты, перевороты, какіе вынесла она, фауну и флору различныхъ періодовъ ея существованія. Кажется, онъ долженъ найти здѣсь весьма прочную поддержку: сравнительная краніологія даетъ, повидимому, средство опредѣлить, какому племени принадлежалъ тотъ, чьи останки потревожены рукой пытливаго археолога, какому народу принадлежатъ произведенія искусства, встрѣчаемыя въ данной могилѣ... О чемъ лишь смутно гадалъ археологъ, то получаетъ онъ изъ другихъ рукъ, какъ готовую добытую наукою истину. Понятно, что если справедливы заключенія сравнительной краніологіи — для науки древнѣйшей археологіи наступаетъ новая эпоха, предположенія должны уступить мѣсто строгой достовѣрности выводовъ. Но справедливы ли эти заключенія, имѣютъ ли они обязательную

силу исторической истины, точно ли археологъ можетъ безопасно на нихъ положиться? — Вотъ вопросы, на которые съ точки зрѣнія археолога и этнолога-историка — должно, я думаю — отвѣчать пока отрицательно, иначе придется отвергнуть многія положенія историко-археологической науки, положенія, которыя стоятъ почти на степени аксіомъ.

Дѣло идетъ о томъ, чтобъ на основаніи разности, замѣчаемой въ строеніи череповъ у различныхъ народовъ, опредѣлить, какому народу принадлежать могилы, вскрытыя рукою археолога, а между народами теперь живущими — установить правильную классификацію, показать ихъ родство между собою, опредѣлить степень чистоты ихъ крови, или степень помѣси съ кровью народовъ чуждаго происхожденія. Чтобы сколько-нибудь приблизиться къ рѣшенію перваго вопроса о принадлежности могилъ тому или другому племени, необходимо доказать, что каждое племя имѣетъ свое особое черепное строеніе, что это строеніе не измѣняется съ теченіемъ времени отъ перемѣны образа жизни, природы и вообще матеріальныхъ условій жизни. Сравнительная краніологія, кажется, принимаетъ, что каждое племя имѣетъ свое особое, отличное отъ другихъ, черепное строеніе, по крайней мѣрѣ, несмотря на нѣкоторыя колебанія въ формѣ череповъ одного и того же племени, она хочетъ установить среднія числа для характеристики череповъ племенъ германскихъ, кельтскихъ, славянскихъ и др. Очень вѣроятно, что каждое изъ этихъ племенъ имѣетъ теперь свой особый черепной типъ, хотя еще и неопредѣленный; но можно ли отъ настоящаго заключать къ прошедшему? Можно ли думать, что черепное строеніе племенъ славянскаго, нѣмецкаго, кельтскаго, финскаго имѣло ту же самую форму и въ эпоху глубокой древности, что оно ни на іоту не измѣнилось съ того времени? Думать это можно, если было бы доказано, что ни природа, ни перемѣна образа жизни не обнаруживаютъ рѣзкаго вліянія на измѣненіе строенія черепа, но сравнительная антропологія представляетъ въ этомъ случаѣ очевидныя и несомнительныя данныя, свидѣтельствующія, что разность

въ климатѣ и образѣ жизни имѣеть рѣшительное вліяніе на измѣненіе черепа у людей одного и того же племени; жители горъ имѣють совершенно другое устройство черепа, чѣмъ жители низменныхъ мѣстъ, хотя и тѣ и другіе не только родственны, но и тождественны по происхожденію, имѣють одинъ и тотъ же языкъ, одни и тѣ же понятія и нравы; то же слѣдуетъ замѣтить и объ измѣненіяхъ въ строеніи челюстей и костей лица: форма ихъ зависитъ, какъ показали Бэръ, отъ долговременнаго употребленія растительной или животной пищи. И такъ — черепъ подъ вліяніемъ природы, перемѣнъ образа жизни — измѣняется, — это признають сами краниологи, но они говорятъ, что эти измѣненія не такъ рѣшительны, чтобъ изъ-за нихъ нельзя было бы увидѣть первичнаго типа... Допустимъ на время эту мысль. Спрашивается, когда появился этотъ типъ: въ эпоху ли единства индо-европейскихъ племенъ, или уже по обособленіи каждаго племени? Если еще въ эпоху единства племенъ, то нужно отказаться отъ всякой попытки опредѣлять славянской, нѣмецкій, кельтскій, или греческій типъ череповъ: всѣ они будутъ лишь позднѣйшими видоизмѣненіями первоначальнаго племенного арійскаго типа, всѣ они не будутъ имѣть постоянства и твердости *типа* въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Если же примемъ, что каждый типъ черепного строенія явился у народовъ индо-европейскаго корня уже по отдѣленіи ихъ изъ общаго племенного потока, то, не шутя, слѣдуетъ допустить, что наши индо-европейскіе предки не имѣли опредѣленнаго строенія череповъ; при томъ, что была за причина, которая создавала особые типы; если это была природа и образъ жизни (а другую причину и допустить невозможно), то индо-европейскія племена — въ продолженіи долгаго странствованія изъ равнинъ Азіи въ Европу и въ теченіи многихъ тысячъ лѣтъ жизни на европейской почвѣ — такъ часто мѣняли мѣста и образъ жизни, что должно допустить, что эта причина дѣйствовала много разъ... Стало быть объ установленіи постоянныхъ типовъ черепного строенія лишь со времени обособленія индо-европейскихъ наро-

довъ — не можетъ быть и рѣчи: съ этихъ поръ происходятъ лишь измѣненія первоначальнаго индо-европейскаго типа: а если при этомъ вспомнимъ, что какъ славяне, такъ и кельты, и нѣмцы, греки, римляне также раздѣлялись на отдѣльныя вѣтви, изъ которыхъ каждая вела свою особую жизнь, имѣла такъ сказать свою особую, отличную отъ другихъ природу и удовлетворяла своимъ потребностямъ особымъ образомъ, стало быть могла и должна была имѣть особое черепное строеніе, то мысль объ общемъ славянскомъ, нѣмецкомъ или греческомъ — типахъ черепа — едва ли можетъ назваться имѣющею ученое основаніе. Все что можно сказать здѣсь — это, что въ *извѣстный* періодъ жизни *извѣстное* племя могло имѣть такой или иной *средній* типъ! Остается, по крайней мѣрѣ, признать, что сравнительная краніологія точно опредѣлила общеарійскій типъ черепного строенія — и это одно было бы великою помощію для археологіи; она могла бы узнать, къ какому обширному племени принадлежитъ встревоженная могила: къ индо-европейскому, или иному какому...; но и въ этомъ случаѣ краніологія не можетъ дать археологу надежной точки опоры: она говоритъ, что всѣ индо-европейскія племена принадлежатъ къ семьѣ *длинноголовыхъ* *прямолюстныхъ*, но къ этой семьѣ принадлежатъ и другіе народы совершенно чуждаго происхожденія; но славяне, безспорно относящіеся къ племени индо-европейцевъ и по языку, нравамъ и обычаямъ, образу жизни — славяне не *длинно*, а *коротко-го-*
ловы (*brachycephali*), персы также индо-европейцы — *коротко-*
головы. Для археолога — немного утѣшенія представляетъ то обстоятельство, что антропологи умѣли найти причину этихъ отступленій отъ обыкновеннаго правила, причину, заключающуюся въ помѣси съ племенами другой крови, фактъ остается несомнѣннымъ, что черепное строеніе извѣстнаго племени можетъ совершенно измѣниться и перейти изъ длинной формы въ короткую. При такомъ результатѣ современной краніологіи — становится болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы археологъ могъ въ настоящее время извлечь изъ нея пригодныя для себя указанія.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ его положеніе; онъ разрылъ могилу, нашелъ многія вещи изъ камня или металла, нашелъ нѣсколько череповъ одинаковаго строенія, но остается неизвѣстнымъ, какому народу принадлежали эти вещи. Онъ обращается къ краніологу съ просьбой разрѣшить загадку посредствомъ измѣренія череповъ, краніологъ находитъ, что черепа принадлежатъ *длинноголовымъ прямочелюстнымъ* и при томъ очень близки къ современному нѣмецкому типу; отсюда онъ заключаетъ, что могила принадлежала людямъ нѣмецкаго племени; но долженъ ли осторожный археологъ довѣриться такому заключенію? Не въ правѣ ли наука сказать, что къ длинноголовымъ прямочелюстнымъ принадлежатъ не одни нѣмцы, а и романскія племена, и кельты и др. народы; а что данные черепа строеніемъ своимъ приближаются къ современному нѣмецкому типу, то легко могло быть, что въ древности иныя народы, напр. хоть кельты — имѣли строеніе черепа, совершенно схожее съ современнымъ нѣмецкимъ, такъ какъ оба эти племени идутъ отъ одного корня и кельты въ началѣ обитали въ тѣхъ странахъ, которыя потомъ заняты были нѣмцами... И такъ — почему же эта могила должна быть исключительно нѣмецкою, почему она не кельтская, не романская, не славянская даже, такъ какъ славяне въ началѣ своей жизни должны были также имѣть *длинное* строеніе черепа? Назовутъ ли какую могилу славянскою, потому что черепа въ ней находившіеся коротки и прямочелюстны, но вѣдь таковы черепа и у финновъ и другихъ племенъ; соплутся ли на близость строенія ея къ современному славянскому типу, но за нѣсколько сотенъ лѣтъ онъ долженъ былъ имѣть иное строеніе и отъ настоящаго къ прошедшему заключить невозможно, или слишкомъ смѣло. Въ одной изъ своихъ статей Бэръ выражаетъ мысль, что заслуга сравнительной краніологіи состоитъ главнымъ образомъ не въ томъ, что она показываетъ, какому племени принадлежитъ черепъ, а въ томъ, что она показываетъ къ какому онъ *не* принадлежитъ...; но существуютъ ли прочныя ручательства, что длинно-головые по своему происхожденію всегда принадле-

жать къ другому корню, чѣмъ коротко-головые? Примѣръ противнаго только что представленъ: *славяне* — *короткоголовы* остальные пидо-европейскія племена — *длинноголовы*, а кто же нынѣ станетъ отрицать, что первые идутъ изъ одного источника со вторымъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль Бэра можетъ найти оправданіе, но не иначе, какъ при помощи археологическихъ и историческо-этнологическихъ указаній.

Такъ зыбка, такъ непрочно почва, на которую можетъ вступить археологъ, довѣрившись указаніямъ современной сравнительной краниологіи. Къ трудностямъ, въ настоящее время почти неустранимымъ, прибавляется еще одна, значительно запутывающая и безъ того сложный вопросъ. Я говорю о черепахъ народовъ исчезнувшихъ, которые во множествѣ проходили по южной и срединной части Европы и происхожденіе которыхъ по большей части гадательно. Если на основаніи наблюденій надъ современнымъ нѣмецкимъ типомъ черепа недозволительно дѣлать заключенія о формѣ черепного строенія нѣмецкаго племени въ эпоху древнѣйшую, то здѣсь для краниолога нѣтъ рѣшительно никакой точки опоры: народы исчезли, средней повѣрочной мѣрки не существуетъ — и кажется въ рукахъ осторожнаго краниолога эти черепа — безъ историко-этнологическихъ указаній навсегда останутся нѣмыми, загадочными памятниками..., потому я не побоюсь высказать, что археологу, дорожащему точностію знанія едва ли теперь возможно положиться на заключенія сравнительной краниологіи: въ ней не найдетъ онъ для себя тѣхъ общихъ твердыхъ положеній, которыя имѣли бы силу несомнѣнной, убѣждающей истины: основывая свои заключенія на краниологическихъ данныхъ, онъ рискуетъ къ своимъ собственнымъ догадкамъ прибавить догадки, еще болѣе шаткія. А много ли выиграетъ наука, построенная на однѣхъ догадкахъ!

Касаясь современной краниологіи лишь по отношенію къ наукѣ древностей, я вообще далекъ отъ мысли отрицать важное значеніе изслѣдованія череповъ и для нашей науки: и теперь она принесла намъ уже несомнѣнную пользу рѣшеніемъ нѣкоторыхъ

частныхъ вопросовъ, каковъ напр. вопросъ о *макрокефалахъ*; но все хорошо въ своемъ мѣстѣ и въ свое время, и въ законной мѣрѣ: когда сравнительная антропологія пріобрѣтетъ прочность точной науки, — тогда воспользуемся тѣмъ, что она дастъ намъ; а до той поры не станемъ строить зданія на пескѣ, чтобы не быть свидѣтелями его скорого разрушенія. Я не сталъ бы говорить столь рѣшительно, если бы не находилъ поддержки со стороны такого геніальнаго антрополога, какъ акад. Бэръ: «нельзя еще, говоритъ онъ, заключать о происхожденіи по однимъ формамъ череповъ, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы намъ отыскивать общую колыбель германцевъ и тунгусовъ. Короткость, вышины и ширину черепа малороссіянъ, съ почти перпендикулярно спускающимся затылкомъ, можно бы приписать большей примѣси татарской и монгольской крови, что дало бы повидимому удовлетворительное объясненіе короткоголовости ихъ сравнительно съ другими русскими племенами; но поляки и чехи, которые, по крайней мѣрѣ въ историческое время, менѣе были смѣшаны съ монголами, чѣмъ малороссіяне, имѣютъ однако же, какъ кажется, черепъ еще болѣе короткій и широкій, чѣмъ всѣ русскія племена»... «Мнѣ кажется, продолжаетъ Бэръ, что при такихъ условіяхъ — надо пока совершенно отодвинуть на задній планъ исторію распространенія человѣческаго рода..., сравнительная антропологія, подобно всякой другой наукѣ, основанной на наблюденіи, *должна начать съ изслѣдованія частныхъ*, дабы выводить изъ нихъ *впослѣдствіи* — общіе результаты».

Трудно въ немногихъ словахъ сказать что-нибудь болѣе вѣрное и въ то же время болѣе скромное: это поучительный урокъ торопливымъ краніологамъ и замѣтка для памяти довѣрчивымъ археологамъ!

Обращаемся къ сочиненію г. Богданова, заглавіе котораго мы выписали выше: оно представляетъ только двѣ первыя части задуманнаго изданія «Антропологическихъ матеріаловъ», третья — и самая интересная для насъ, посвященная изученію археологическихъ предметовъ, которые найдены въ курганахъ

московской губерніи — не вошла сюда: *обработку* ея принялъ на себя извѣстный *специалистъ* И. Д. Бѣляевъ, которому русская археологическая наука уже обязана многими изумительными открытіями (напр. открытіемъ что *Карна* и *Жля*, упоминаемые въ Словѣ о П. Игореви, были *подземныя славянскія божества*); несмотря, однако, на это обстоятельство — и лежащая предъ нами часть *Антропологическихъ матеріаловъ* можетъ занять вниманіе и археологовъ: въ ней мы находимъ перечневое извлеченіе изъ журналовъ и описаній раскопокъ, произведенныхъ въ Московской губерніи, а также и описаніе раскопокъ самого автора въ той же мѣстности, впрочемъ послѣднія уже прежде были извѣстны изъ брошюры, изданной имъ въ 1865 году — подъ заглавіемъ: «Курганное племя Московской губерніи. М. 1865 (оттискъ изъ Извѣст. Моск. унив. 1865, № 3), первое же не совѣмъ полно, такъ авторъ не воспользовался любопытной (хотя и случайной) раскопкой, произведенной въ Коломенскомъ уѣздѣ въ 1842 году, извѣстіе о которой напечатано въ Журн. Мин. Внутр. дѣлъ, 1843, августъ, стр. 293—7. Раскопка эта тѣмъ важнѣе, что для заключеній о могилахъ московской мѣстности — она представляетъ нѣкоторыя новыя данныя. Главная часть книги г. Богданова занята числовыми таблицами измѣренія череповъ. Не будучи знатоками по этой части мы не можемъ рѣшить: правильно ли произведены исчисленія и въ особенности *правильно ли выведены среднія числа*, но во всякомъ случаѣ позволяемъ себѣ думать, что никакая правильность ихъ не уполномочивала автора дѣлать тѣ заключенія, какія мы находимъ въ послѣдней, 3-й главѣ, гдѣ разсматривается вопросъ: принадлежало ли московское длинноголовое племя къ финскому племени. Рѣшая этотъ вопросъ отрицательно, авторъ говоритъ: «нашъ результатъ изъ принятаго нами способа изложенія, цифрового и фактическаго — никакъ нельзя объяснить какимъ-либо субъективнымъ мотивомъ: онъ *вытекаетъ прямо изъ массы фактовъ, и его приговоръ рѣшителенъ, безсердеченъ и строго наученъ*». Въ *рѣшительности* приговора никто, конечно, — и сомнѣваться

не станетъ, до *безсердечности* его — никому нѣтъ дѣла, но о *строга научности* можно бы кажется и помолчать въ настоящемъ случаѣ, въ самомъ дѣлѣ: обладаетъ ли антропологическая наука столь несомнѣнными твердыми учеными основаніями, чтобы дѣлать рѣшительныя этнологическія заключенія? Изъ предыдущаго видно, что не только мы, но даже и такіе геніальные ученые, какъ акад. Бэръ — сомнѣваются въ этомъ, усумнятся въ этомъ и г. Богдановъ, когда на свой предметъ онъ взглянетъ *безсердечно* и *строга научно*, до той же поры мы имѣемъ полное право объяснять его заключеніе *субъективнымъ мотивомъ* или *личнымъ понятіемъ о предметѣ*. Тѣмъ не менѣе — повторимъ — «Матерьялы для антропологіи курганнаго періода московской губерній» интересны и для археолога по нѣкоторымъ фактамъ и *по заключеніямъ*, отмѣченнымъ печатью археологическаго періода науки.

А. К.

14.

Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. Срезневскаго. Спб. 1867, 8^о, стр. VIII+86+96+88+100+16.

Новый трудъ г. Срезневскаго будетъ, конечно — встрѣченъ съ полною признательностію всѣми, кто не безучастно относится къ отечественной наукѣ: онъ можетъ равнымъ образомъ удовлетворить и археолога, и филолога, и историка литературы — обиліемъ новыхъ фактовъ, разысканій и новыхъ счастливыхъ соображеній, даже и тамъ, гдѣ авторъ осматриваетъ уже извѣстное, онъ умѣетъ взглянуть на него съ новой стороны, остановиться на томъ, что еще не было затронуто, что рѣшалось недостаточнымъ образомъ. Эти достоинства труда, не позволяя отнести его къ обыкновеннымъ явленіямъ современной ученой литературы, заставляютъ желать, чтобы онъ вызвалъ основа-

тельную критическую оцѣнку; въ настоящемъ случаѣ мы ограничиваемся лишь краткимъ указаніемъ тѣхъ частей его, которыя особенно могутъ привлечь вниманіе археолога. Книга составила изъ сорока отдѣльныхъ статей о разныхъ предметахъ славянской и русской древности, преимущественно письменной: кромѣ обстоятельныхъ свѣдѣній о памятникахъ, авторъ представляетъ разборъ и важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ, съ ними связанныхъ, иногда и полный текстъ письменнаго памятника, иногда же только выдержки изъ него и словарныя извлеченія. Къ статьямъ собственно археологическимъ относятся: «запись на камнѣ при крестѣ въ Юрьевѣ Польскомъ» XIII в., «Каменецкая вежа» XIII в. (пожалѣемъ здѣсь, что къ этой статьѣ не приложенъ любопытный рисунокъ памятника, который былъ при первомъ изданіи ея въ «Запискахъ Академіи Наукъ»), «Остатки Зарубскаго монастыря» XII—XIII в., «Древнее изображеніе князя Всеволода Гавріила» XII в., «Покровъ съ гробницы князей ярославскихъ 1501 года»; по бытовой археологіи—въ книгѣ г. Срезневскаго находимъ множество новыхъ данныхъ, въ особенности любопытны въ этомъ отношеніи свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ Златогруяхъ и извлеченія изъ нихъ, свидѣтельствующія, что замѣтки о языческихъ нравахъ, встрѣчающіяся въ нашихъ старинныхъ поученіяхъ — не всѣ могутъ быть относимы къ русской древности; истинною драгоценностію въ археологическомъ отношеніи должно быть названо «Слово о богатѣ и Лазарѣ», которое было напечатано авторомъ еще прежде, въ его «Древнихъ памятникахъ русскаго языка и письма», а въ настоящемъ трудѣ представляется по новому списку XII вѣка; неизвѣстнымъ пока остается, какому племени—по происхожденію и изображаемымъ чертамъ быта—принадлежитъ это слово, но кажется несомнѣннымъ или русскому, или одному изъ южныхъ племенъ славянскихъ. Чтобы указать на важность памятника, предлагаемъ краткую изъ него выдержку, изображающую жизнь богатаго: *«Тъ богатѣи на земли живаше. и въ багърѣ хожааше. кони ѿго бѣли бѣша. златѣмъ оукрашени. сѣдѣла ѿго позлащена.*

раби ꙗго предѣтекоуще мнози. въ брачинѣ и въ гривнахъ златахъ. а друзии съ зада оброчни и мниста носаше. и отиноудь рещи въ велицѣ славѣ излаза. на обѣдѣ же ꙗго слоужба бѣ многа. злата и сребрна. вино много. тетера гоуси жеравик. и раби голоуби коури зайци и клени. множество сокачии. работающе и дѣлающе съ потѣмъ. ини мнози текоуще и на пѣрстѣхъ блюдо носаше. ини же махающе съ боязнию. ини же сребрныи оумывальница держаще ини же оукропница дѣлающе ини сткляница съ виномъ носаше. и ти вси троужаахоуа. тѣщаща кдиноаго богатааго чрѣво насытити. готоваше ꙗму и одръ словновъ. съ прѣтѣканамъ понавама свильнама макѣмама. възлежаша же ꙗмоу и не могѣша оусѣноути. друзии нозѣ ꙗмоу гладать. ини по ладвямъ тѣшати ꙗго. ини бають ꙗмоу. ини гоудоут ꙗмоу». Къ достоинствамъ труда г. Срезневскаго должно отнести и обстоятельные указатели: сначала предлагается хронологическiй списокъ памятниковъ, изданныхъ или описанныхъ, затѣмъ, въ концѣ, указатель именъ личныхъ и мѣстныхъ, указатель предметовъ, встрѣчающихся въ книгѣ, наконецъ — указатель словъ, удобный для справокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — прекрасное дополненiе къ словарямъ церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ.

Русская старина любила вести счетъ вещественнымъ предметамъ—*сороками*, глядя на эти первыя *сорокъ* свѣдѣнiй, замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, позволимъ себѣ пожелать, чтобы въ скоромъ времени къ нимъ присоединились и другiя и третьи *сорока*, если не цѣлыя *сорокъ сороковъ*.

А. К.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Очеркъ трехнедѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году, соч. графа Н. Орлова, Спб. 1856, 234 стр., съ 5-ю планами.

1856.

Война 1806 года между Пруссіей и Франціей представляетъ собою одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ военной исторіи девятнадцатаго столѣтія и одну изъ блестящихъ страницъ исторіи военныхъ подвиговъ Наполеона.

Прусская кампанія 1806 г. немногое, правда, прибавила къ прежней его славы, не изумила неожиданностію своего исхода Европы, уже давно знакомой съ Наполеономъ: но можно смѣло сказать, что она была вполне достойна удивленія, если взять въ расчетъ короткое время, въ которое была завоевана сильная монархія Фридриха Великаго, и принять въ соображеніе вліяніе этого грознаго событія на политическое состояніе Европы.

Книга графа Орлова, несмотря на скромное названіе *Очерка*, очень живо и подробно рисуетъ намъ знаменитый трехнедѣльный походъ Наполеона противъ Пруссіи, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ этого прекраснаго сочиненія. Само собою разумѣется, что наше извлеченіе будетъ кратко: подробности читатель можетъ найти въ самой книгѣ гр. Орлова.

При взглядѣ на политическое состояніе Европы первыхъ годовъ текущаго столѣтія, не трудно понять настоящую причину войны между Пруссіей и Франціей.

Прусское королевство, сплоченное изъ разнородныхъ частей сильною рукою Фридриха Великаго въ одно прочное государственное тѣло, имѣло огромное вліяніе на ходъ событій германскаго міра. Не смотря на незначительность своей территоріи и народонаселенія, Пруссія еще считалась одною изъ сильнѣйшихъ державъ Европы. Сила эта однако имѣла болѣе смыслъ *авторитета*, нежели дѣйствительнаго могущества: она коренилась въ томъ значеніи, на которое поставилъ прусскую націю Фридрихъ Великій въ глазахъ всей Европы. Вопреки законамъ историческаго развитія, Пруссія упорно оставалась при этихъ прежнихъ началахъ, не замѣчая, что многія изъ нихъ уже сдѣлались несостоятельными и требовали рѣшительной замѣны другими, болѣе согласными съ духомъ современности. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ своей прежней славы и могущества, прусская нація не хотѣла волею вытти изъ этого положенія. Въ такомъ духѣ и направленіи развивалась и политика Пруссіи конца прошедшаго и начала текущаго столѣтія. Увѣренность въ непобѣдимости и ложное пониманіе современности были такъ сильны, что значеніе и вѣсъ каждаго историческаго событія мѣрились не его вліяніемъ на политическое состояніе Европы, а мѣркою совершенно личною и уже давно опредѣлившеюся въ теоретическихъ умахъ Пруссіи: все, что не подходило подъ эту мѣрку, какъ бы ни было оно само по себѣ важно, не признавалось.

Упрочившаяся воинская слава Наполеона и быстрые успѣхи французскаго оружія встревожили Пруссію: передъ глазами цѣлой Европы молодой полководецъ рядомъ славныхъ побѣдъ наносилъ рѣшительный ударъ прусскому военному авторитету, дѣйствуя во всемъ противоположно его началамъ. Не только большая часть королевскаго двора, но и вся масса народа и войско съ чувствомъ явнаго неудовольствія и непріязни, смотрѣли на всѣ дѣйствія императора французовъ, какъ на временную

удачу счастливца, непрочную, неспособную выдержать борьбы съ правильнымъ военнымъ искусствомъ, каково прусское. Личное неудовольствіе зрѣло, и скоро мысль о войнѣ съ Наполеономъ, о наказаніи дерзкаго, сдѣлалась невѣдомою потребностію цѣлой прусской націи, неяснымъ чувствомъ скорѣе, чѣмъ сознательнымъ политическимъ предпріятіемъ. Обстоятельства благоприятствовали этому. Молодой король Фридрихъ Вильгельмъ III, еще недавно только принявшій кормило правленія, учился царствовать: его дѣйствіями руководили нѣсколько избранныхъ людей, старыхъ генераловъ Фридриха Великаго, и подъ вліяніемъ большинства ихъ предпринята была война съ Франціею. Самъ молодой король, не связанный ничѣмъ прочнымъ съ памятью Фридриха Великаго и воспитанный въ духѣ иныхъ началъ, кажется, ясно, провидѣлъ весь вредъ предстоящей войны и былъ однимъ изъ противниковъ ея; но долженъ былъ покориться волѣ народа. Искали только случая или предлога къ войнѣ: онъ не замедлил представиться. По Пресбургскому и Шенбрунскому договорамъ, Наполеонъ обязывался вывести войска свои изъ Германіи; но подъ предлогомъ, что австрійцы не отдають устья Каттаро, занятаго вопреки ихъ волѣ, русскимъ десантомъ, онъ увелъ за Рейшъ только гвардію, остальные же войска остались въ Баваріи, и австрійскую крѣпость Браунау продолжалъ занимать французскій гарнизонъ. Когда же не стало болѣе предлога, то императоръ французовъ, какъ протекторъ Рейнскаго союза, началъ употреблять свои войска для низведенія на степень подданныхъ мелкихъ владѣтелей юго-западной Германіи.

Вслѣдствіе такого, не совсѣмъ безопаснаго и выгоднаго для Пруссіи, положенія французскихъ войскъ въ Германіи, генераль Кнобельсдорфъ, прусскій посланникъ въ Парижѣ, получилъ отъ своего правительства, для сообщенія императору французовъ, ноту, въ которой были изложены послѣднія требованія Пруссіи (ультиматумъ), состоявшія главнымъ образомъ въ томъ, чтобы французскія войска были немедленно выведены изъ Германіи за Рейшъ, и Франція не противилась образованію Сѣверо-

Германскаго союза подъ покровительствомъ Пруссіи, нота была получена 1-го октября 1806 года.

Для приведенія въ исполненіе всего этого дано было 8 дней, по истеченіи которыхъ неисполненіе требованій Пруссіи принималось за окончательный разрывъ. Фридрихъ Вильгельмъ послалъ при этомъ собственноручное письмо къ Наполеону, подробно выставляя всѣ причины своихъ неудовольствій. Письмо это и нота были немедленно отправлены изъ Парижа къ Наполеону въ Бамбергъ. «Братъ мой, король прусскій, сказалъ Наполеонъ, получивъ письмо, конечно не прочелъ подписанной имъ бумаги. Насъ къ завтрашнему дню зовутъ на праздникъ, постараемся поспѣть къ нему» — и въ тотъ же день былъ отданъ приказъ, въ которомъ Наполеонъ объявлялъ войску о требованіяхъ Пруссіи. «Горе тѣмъ, которые насъ вызываютъ на бой!» говорилось въ концѣ приказа. «Да подвергнутся пруссаки той же участи, какъ за четырнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, да узнаютъ они, что если легко пріобрѣтать владѣнія и могущество въ союзѣ съ великимъ народомъ, то вражда съ нимъ страшнѣ бурь океана» (стр. 78). Такъ начиналась война. король прусскій поспѣшилъ обезопасить себя союзомъ съ другими державами, и на его просьбу о помощи со стороны Россіи Императоръ Александръ отвѣчалъ полнымъ согласіемъ, замѣчая однако, что русскія войска не могутъ подоспѣть въ Пруссію до начала военныхъ дѣйствій. Съ Англіей и Швеціей Пруссія едва только успѣла примириться, Австрія, слѣдуя своей всегдашней политикѣ, умѣла сохранить нейтралитетъ. Слѣдовательно, въ октябрѣ 1806 года Пруссія должна была одна вынести на плечахъ своихъ трудную борьбу съ Наполеономъ: на нее одну пала вся тяжесть ударовъ опаснаго непріятеля.

Чтобы вѣрнѣе понять смыслъ настоящей войны, мы попробуемъ ближе взглянуть на этихъ двухъ бойцовъ и измѣрить, съ какимъ запасомъ силъ выступали они на единоборство. Мы замѣтили выше, что преданія и память о вѣкѣ Фридриха Великаго закрывали для Пруссіи прямой, ясный взглядъ на современность, что первая, полная вѣры въ себя, оставалась глуха къ убѣжде-

ніямъ послѣдней: это имѣло самое гибельное вліяніе на внутреннія силы государства и преимущественно на состояніе арміи. Между тѣмъ какъ многія открытія и усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ быстро слѣдовали одно за другимъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ, Пруссія оставалась въ томъ положеніи, на которое была поставлена еще Фридрихомъ Великимъ въ Семилѣтнюю войну.

Прусское войско, превосходная организація котораго была дѣломъ могучей руки Фридриха Великаго, въ началѣ настоящаго столѣтія считалось первымъ образцовымъ въ Европѣ: имъ предводительствовали старые, вышедшіе изъ школы Фридриха Великаго генералы, которыхъ военные таланты были предметомъ самаго искренняго удивленія. Пруссійскій солдатъ былъ лучшій образецъ военной дисциплины: его стойкость, познанія въ военной наукѣ, маневрахъ, выправка — выставлялись примѣромъ для подражанія. Но за этимъ чисто наружнымъ блескомъ крылись многіе и многіе недостатки внутренніе. Главный изъ нихъ заключался въ отсутствіи патріотическаго чувства арміи, въ отсутствіи кровныхъ связей между защитниками и защищаемымъ: большая часть Прусской арміи состояла изъ наемниковъ, на вербованныхъ иностранцевъ, людей, по свидѣтельству современниковъ, не безукоризненной нравственности, выгнанныхъ за пороки изъ своего отечества, единственною цѣлю которыхъ было пріобрѣтеніе денегъ. Они-то составляли основу ($\frac{2}{3}$) прусской арміи въ 1806 г. Остальная, гораздо меньшая ($\frac{1}{3}$) часть арміи, сформированная поголовнымъ наборомъ изъ прусскихъ подданныхъ, страдала тѣмъ же недостаткомъ природныхъ связей съ государствомъ: она была по большей части набрана изъ новоприсоединенныхъ областей, особенно польскихъ, скорѣе расположенныхъ къ Наполеону, чѣмъ къ Пруссіи. Къ этому должно присоединить огромное зло, проистекавшее отъ отпусковъ солдатъ, заведенныхъ съ единственною цѣлью сокращенія государственныхъ расходовъ: солдаты отвыкали отъ военнаго дѣла, изъ двадцати лѣтъ службы проводилъ едва три года подъ знаменемъ, а при объявленіи войны

съ неудовольствіемъ бросалъ свои полевые и ремесленные работы. Военная дисциплина и строгость превосходили всѣ границы. «Кромѣ служебныхъ отношеній не было связи между офицеромъ и солдатомъ. Послѣдній вмѣсто покровителя, отца, видѣлъ въ начальникѣ строгаго, безотчетнаго повелителя, подвергавшаго его, за каждый мелочной проступокъ, сильному тѣлесному наказанію» (стр. 22—3). Вооруженіе и обмундированіе войскъ Прусской арміи было крайне недостаточно и нисколько не примѣнено къ нуждамъ солдата; а продовольствіе ихъ, при запутанной системѣ прусскаго управленія, значительно замедляло скорое движеніе войскъ. Путь къ повышенію былъ совершенно закрытъ для солдата, и онъ, поневолѣ, смотрѣлъ на службу со стороны чисто формальной, какъ на обязательное тяжелое бремя, оставаясь равнодушнымъ ко всѣмъ патріотическимъ побужденіямъ.

За то никто не могъ соперничать съ прусскимъ войскомъ въ искусствѣ строевой части и маневровъ: прусскіе генералы исключительно занимались ею, но не принимали въ соображеніе никакихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ ней со времени Фридриха Великаго. Вообще всѣмъ жертвовалось блеску и внѣшности. «Система обученія прусскихъ войскъ носила отпечатокъ самоувѣренности и педантизма» (стр. 17); строевая часть совершенно убила боевую. Немногіе изъ прусскихъ генераловъ и государственныхъ людей того времени видѣли эти недостатки арміи, да и благородныя усилія ихъ преобразовать войско и управленіе, благодаря старымъ предразсудкамъ, не нашли сочувствія въ большинствѣ и не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ.

Кому же выпало на долю управлять этою нестройною массою людей въ предстоящую войну?

Молодой король Фридрихъ Вильгельмъ III, до вступленія своего на престолъ, не принималъ никакого участія въ государственномъ правленіи; двадцать семь лѣтъ провелъ онъ въ этомъ положеніи и, принявъ въ свои руки кормило правленія (1797 г.), какъ неопытный, «естественно долженъ былъ во многомъ ошибаться. Природная скромность и осторожность, доходившая до

недовѣрія къ самому себѣ, побудили его не смѣнять главныхъ правительственныхъ лицъ и сохранить все до него существовавшее. Это спасло государство отъ крутыхъ перемѣнъ» (стр. 32), и вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторымъ образомъ заставило его подчиниться политикѣ своего отца, духъ которой неослабно жилъ въ старыхъ королевскихъ совѣтникахъ; они направляли и руководили всѣми дѣйствіями молодого короля, учили его царствовать. «Съ самаго восшествія его на престолъ были при Дворѣ двѣ партіи. Одна желала тѣснаго союза съ Франціею, другая союза съ Англіею и Россіею. Въ головѣ французской партіи стояли: министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Гаугвицъ и кабинетъ-секретарь Ломбаръ; въ головѣ противной стороны министры-Гарденбергъ и Штейнъ. Но эти двѣ партіи существовали не только при Дворѣ: онѣ проникли въ берлинское общество, въ народъ, въ войско. Самъ король не былъ убѣжденъ въ необходимости войны и до послѣдней крайности боролся противъ тѣхъ, которые ея желали. Этого не должно опускать изъ виду. Ключъ къ рѣшенію вопроса, отчего пруссаки однимъ ударомъ были сокрушены, весь сокрытъ въ этомъ обстоятельствѣ» (стр. 334). Главное начальство надъ прусскими войсками было поручено владѣтельному герцогу Брауншвейгъ-Люнебургскому (Карлу-Вильгельму-Фердинанду), одному изъ опытнѣйшихъ и достойнѣйшихъ генераловъ своего времени. Его военныя способности, такъ блистательно раскрывшіяся въ Семилѣтнюю войну и снискавшія ему глубокое уваженіе и любовь Фридриха Великаго, высоко цѣнились въ Пруссіи — и этому-то общественному мнѣнію онъ обязанъ былъ своимъ настоящимъ назначеніемъ. Преклонныя лѣта его, многое, однако, измѣнили въ немъ: прежняя быстрота и скорость дѣйствія, чѣмъ особенно отличался онъ въ Семилѣтнюю войну, уступили мѣсто мнительной медленности, недовѣрію къ самому себѣ и старческой боязни потерять свою славу. Выборъ другихъ военачальниковъ не былъ удачнѣе: по большей части, они были люди преклонныхъ лѣтъ, немощные; нѣкоторые изъ нихъ прямо противились настоящей войнѣ; другіе

смотрѣли на нее своими особыми, личными взглядами, враждовали другъ съ другомъ; инымъ, какъ Массенбаху и главному двигателю войны принцу Лудовику-Фердинанду, мѣшало горячее увлеченіе, невнимательность къ опытности другихъ, не терпящая противорѣчій ¹⁾. Самъ князь Гогенлое, на долю котораго преимущественно выпала борьба съ Наполеономъ, былъ грустною жертвою прусскихъ понятій о военномъ дѣлѣ: его необыкновенная личная храбрость и самоотверженіе постоянно сдерживались старыми тактическими понятіями и тѣлесными недугами.

Вмѣсто этого печальнаго состоянія прусской арміи и ея вождатеевъ въ 1806 г., что встрѣчаемъ мы у противниковъ ихъ, французовъ:

Вся военная власть сосредоточивалась въ рукахъ Наполеона: онъ былъ душою всѣхъ предпріятій, самъ предводительствовалъ войсками, входилъ въ малѣйшія подробности ихъ управленія; словомъ, былъ полнымъ хозяиномъ въ этомъ дѣлѣ. Полководцы его были только вѣрными исполнителями его широкихъ предначертаній. Самое строгое, суровое единство общихъ дѣйствій Французской арміи 1806 г. представляетъ собою рѣзкое проти-

1) Принцъ Лудовикъ-Фердинандъ, племянникъ Фридриха Великаго, былъ одною изъ замѣчательнѣйшихъ личностей конца прошедшаго столѣтія. Вся партія Прусскаго двора, желавшая войны съ Наполеономъ, можно сказать, въ немъ одномъ находила постоянную двигательную свою силу. Въ книгѣ графа Орлова приведена прекрасная характеристика его, сдѣланная современникомъ его Клаузевицомъ, въ его запискахъ. Мы приводимъ оттуда нѣсколько строкъ, ярко обрисовывающихъ эту интересную личность:

«Въ высшей степени умный и краснорѣчивый, принцъ Лудовикъ-Фердинандъ обладалъ самыми разнородными талантами... былъ очень смѣлъ и рѣшительнъ. Съ геройскими чувствами и стремленіемъ къ великому, онъ любилъ наслаждаться жизнью; но опасность была его потребностію и подругою его юности. Принцъ принималъ живое участіе въ окружавшихъ его вѣковыхъ событіяхъ. Новыя мысли, новыя понятія кипѣли въ его головѣ. Онъ презиралъ мелочность и педантизмъ, съ которыми хотѣли совершать великія дѣла; искалъ знакомства замѣчательнѣйшихъ людей; но поверхностно заимствовалъ у нихъ идеи. У него не было часу въ жизни, гдѣ онъ могъ бы войти въ себя; отъ этого не было и ни одной здоровой въ корнѣ мысли, ни одного убѣжденія, которое могло бы повлечь за собою обдуманное, послѣдовательное дѣйствіе».

(Стр. 39—40).

ворѣчіе несогласнымъ дѣйствіямъ ея противниковъ. Выгоды такимъ образомъ стояли несомнѣнно на сторонѣ французовъ, и по нимъ заранѣе можно было предугадывать исходъ начинавшейся борьбы.

«Всякій французъ — солдатъ и обязанъ защищать отечество». Этимъ правиломъ закона, установленнаго еще во времена республики, опредѣлялся поголовный наборъ солдатъ для укомплектованія французской арміи: дѣйствительно, въ ней не было людей, привязанныхъ къ службѣ исключительною жаждою корысти, здѣсь не было наемныхъ иностранцевъ, какъ въ прусской арміи: французскій солдатъ долженъ быть непременно родомъ французъ и притомъ поведенія безукоризненнаго. Все родное находило живой отголосокъ въ немъ и было лучшимъ, вѣрнѣйшимъ залогомъ его усердія къ службѣ и будущихъ подвиговъ, все это имѣло огромное вліяніе на поддержаніе нравственной силы войскъ. И хотя непрерывные наборы Наполеона ослабляли государство, но никогда не могли дать причину къ неудовольствію на военное дѣло, высоко стоявшее въ общественномъ мнѣніи. Нравственность французской арміи въ 1806 г. находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; неудача была почти неизвѣстна французскому солдату.

Привыкнувъ всюду побѣждать, онъ питалъ непоколебимую приверженность къ Наполеону. Этотъ человекъ былъ кумиромъ войска: въ немъ олицетворялась Франція; онъ одинъ представлялъ отечество; ему одному служили. «Необыкновенная ясность приказаній, находчивость, умѣнье пользоваться обстоятельствами и выходить изъ трудныхъ положеній счастливо, устраняли возможные ошибки его генераловъ и маршаловъ, которые почти всѣ были безпредѣльно ему преданы. Люди простые, они часто не знали, что такое тактика, зато на дѣлѣ умѣли объяснять ее непріятелю. Во французской арміи офицеры не умствовали, а повиновались; генералы, въ противность прусскимъ, не изучали теорій, но умѣли водить войска къ побѣдѣ. Одежда и вооруженіе французскаго солдата были удобнѣе чѣмъ въ прочихъ европей-

скихъ войскахъ. Самыя невыгоды продовольствія войскъ и нѣ-
которыхъ приемовъ ихъ строевой службы вознаграждались рѣ-
шительными распоряженіями Наполеона и его лучшихъ полко-
водцевъ, между которыми первое мѣсто, по отношенію къ на-
стоящей войнѣ, занималъ маршалъ Даву, одинъ изъ самыхъ
бдительныхъ и предпріимчивыхъ генераловъ Наполеона. Физи-
ческій недугъ близорукости значительно препятствовалъ его
военнымъ распоряженіямъ; но это отчасти вознаграждалось его
природною смѣтливостію, и въ затруднительныхъ случаяхъ ни-
кто лучше его не умѣлъ командовать арміей, никто не отличался
большею прозорливостію и стойкостью.

Первымъ корпусомъ командовалъ Бернадотъ, а всею кавалеріей, до сихъ поръ еще не вполне разгаданный, Мюратъ.... Но надъ всѣми этими и другими генералами французской арміи царила одна воля великаго вождя ея, въ ней примирялись всѣ ихъ дѣйствія, ею связывались они и получали прочное единство и крѣпость. Съ такимъ запасомъ нравственныхъ и физическихъ силъ можно было выдержать любую войну, не дрогнуть ни предъ какою опасностію!

Таковы были силы обѣихъ воюющихъ сторонъ въ то время, когда они выступали съ оружіемъ другъ противъ друга. «Пруссаки и французы представляли два совершенно разныя начала. Первые, исполненные преданій Фридриха, были войскомъ теоріи, вторые, участвовавшіе въ недавнихъ побѣдахъ Наполеона, были войскомъ практическимъ. Иначе сказать, война 1806 года представляла борьбу учености съ опытомъ, вѣка минувшаго съ вѣкомъ настоящимъ (стр. 69)!

Можно было заранѣе предсказывать, чѣмъ должна окончиться эта борьба. О ней и ея послѣдствіяхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ. ¹⁾ С. К. ²⁾

1) Продолженія этой статьи, помѣщенной въ Московск. Вѣдомостяхъ 1856 г. апр. 28, въ № 51, не было.

2) С(тудентъ) К(отлярѣвскій).

Старинный театр въ Европѣ. — Историческіе очерки Алексѣя Веселовскаго. Москва, 1870, 8^о 410 стр.

1870.

Изученіе исторіи европейской литературы значительно ослабѣло у насъ въ послѣднее время: интересъ къ *отечественному* перевѣсилъ интересъ къ иноземному, хотя и болѣе богатому внутренними силами и красотами, и имѣющему болѣе важное историческое значеніе. Нельзя не порадоваться такому явленію, но въ то же время — нельзя не сознаться, что пренебреженіе или равнодушіе къ изученію произведеній европейской литературы можетъ невыгодно отозваться и на изслѣдованіи родного матеріала: какъ ни слаба связь старинной русской литературы съ европейскою, но она была, а это одно уже указываетъ на необходимость *сравнительнаго изученія* произведеній русской и европейской литературъ. Лучшее подтвержденіе этой мысли представляетъ книга г. Веселовскаго. При всемъ интересѣ своего содержанія это сочиненіе далеко не имѣло бы той важности, какую оно получаетъ именно вслѣдствіе того, что авторъ счастливо соединилъ изученіе начальнаго европейскаго театра съ начальнымъ славянскимъ и русскимъ. Относясь столько же къ общеевропейской, сколько и къ славянской и русской исторіи литературы, книга — имѣетъ двойное право на вниманіе. Вотъ содержаніе ея.

Авторъ имѣлъ цѣлію представить очеркъ современнаго положенія литературы по исторіи стариннаго европейскаго театра и по добытымъ понынѣ результатамъ прослѣдить въ общихъ чертахъ развитіе европейской драмы въ связи съ театромъ славянъ и зарождавшеюся русской сценой. Изъ четырехъ очерковъ, образующихъ собою книгу г. Веселовскаго, первый, наиболѣе пространный, излагаетъ судьбы театра на Западѣ, драматическіе обряды при богослуженіи, развивающіеся постепенно въ обширныя мистеріи, житія святыхъ въ лицахъ (миракли) и ал-

лгорическія пьесы, постепенное паденіе первоначальнаго духовнаго направленія, отражающееся на созданіи сухихъ, схоластическихъ пьесъ и ученыхъ трагедій, борьбу отживающаго начала съ псевдоклассическимъ стилемъ во Франціи и романтиками школы Марло въ Англіи, — таковы главныя черты развитія одного вида старой драмы; параллельно съ нимъ идетъ изложеніе судьбы другого ея вида, исходящаго непосредственно изъ народныхъ основъ, — народныхъ фарсовъ и зарожденія комедій. Отъ изученія тѣхъ элементовъ для комедіи, которые давала народная обрядовая жизнь, авторъ переходитъ къ скоморошнымъ фарсамъ, шуткамъ Базошскаго братства, знаменитому Пателену и доводитъ свой обзоръ комедіи до первыхъ пьесъ Мольера. Свѣдѣнія объ историческомъ ходѣ развитія того или другого вида драмы дополняются очеркомъ сценической постановки, характеристикой тѣхъ разнообразныхъ ассоціацій, которыя принимали участіе въ исполненіи пьесъ. Предѣломъ для очерка служила эпоха соприкосновенія той или другой драматической литературы Запада съ русскимъ театромъ. Относительно Франціи рассказъ прерывается на пьесахъ Мольера, которыя мы застаемъ въ раннемъ русскомъ репертуарѣ; нѣмецкія героическія *Staats-actionen*, знакомыя Москвѣ съ начала театра, замыкаютъ собою часть очерка, касающагося Германіи и т. д. Слѣдующій очеркъ посвященъ обзорѣнію исторіи театра у славянъ; мы встрѣчаемъ здѣсь характеристику стараго чешскаго театра, составленную по немногимъ сохранившимся памятникамъ, затѣмъ обзоръ краткаго существованія народнаго театра у южныхъ славянъ, рано подпадающаго подъ итальянское вліяніе; въ заключеніе авторъ обобщаетъ развитіе театра въ Польшѣ до конца XVII вѣка, когда начинается сильное общеніе его съ русскимъ театромъ. Третій очеркъ излагаетъ судьбу театра въ Россіи за первое время его существованія, до той поры, когда съ реформами Петра получилъ рѣшительное преобладаніе иностраннѣй элементъ и въ театрѣ, вытѣснившій мало-по-малу старую драму и создавшій новый театръ Волкова и Дмитрев-

скаго. Закончивъ обозрѣніе старинныхъ формъ театра, авторъ представляетъ въ послѣднемъ очеркѣ рядъ свѣдѣній о любопытныхъ представленіяхъ на половину духовнаго характера, ведущихся до нашихъ дней изъ года въ годъ въ различныхъ мѣстностяхъ католическаго Запада, мистерій въ Оберъ - Аммергау, Тиролѣ, южной Франціи, Испаніи, Мексикѣ; къ разсказу объ этихъ остаткахъ стариннаго духовнаго театра примыкають болѣе любопытныя для русскаго читателя свѣдѣнія о народныхъ комическихъ представленіяхъ, хранящихся преимущественно въ сѣверной Россіи, народныхъ маскарадахъ, театрахъ маріонетокъ, украинскомъ вертепѣ, мологскихъ и тихвинскихъ комедіяхъ, представляющихъ живое доказательство потребности народнаго театра въ Россіи.

Мы вкратцѣ обозначили содержаніе труда г. Веселовскаго для того, чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе объ интересѣ сочиненія. Что касается до исполненія, то не можемъ скрыть — намъ рѣдко случалось читать русское сочиненіе по предмету иностранной литературы, выполненное съ такимъ добросовѣстнымъ знаніемъ дѣла и такою истинно ученою скромностью. Эти качества труда особенно ярко выступаютъ, когда мы поставимъ сочиненіе г. Веселовскаго на ряду съ книгой П. Полевого: «Историческіе очерки средневѣковой драмы», которая — кромѣ неудовлетворительной, поспѣшной обработки предмета — страдаетъ еще крайне высокомѣрными притязаніями.

Г. Веселовскому извѣстны всѣ важнѣйшіе труды по исторіи первоначальнаго театра, они изучены и употреблены имъ въ дѣло — можно сказать — съ полнымъ успѣхомъ, такъ что и та критика, которая разойдется въ нѣкоторыхъ заключеніяхъ съ авторомъ, — должна признать и талантъ и добросовѣстность его.

Желая возможно болѣе широкаго распространенія этому полезному и важному сочиненію, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не пожелать, чтобы авторъ при будущемъ второмъ изданіи его воспользовался нѣкоторыми указаніями на народный элементъ европейской драмы, помѣщенными въ прекрасной диссертациі

Фрейтага: «De initiis scenicae poesis apud Germanos.» В. 1838 и нѣкоторыми общими наблюденіями Вакернагеля (въ его соч. «Die Dramatische Poesie» 1839), а также, чтобы онъ приложилъ къ своей книгѣ, если не подробный указатель, то по крайней мѣрѣ оглавленіе, безъ чего пользованіе сочиненіемъ крайне затрудняется.

А. К.

Дерптъ. 1870, 12 окт.

[Мелкія замѣтки и сообщенія, читанныя А. А. Котляревскимъ въ засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца].

1876—1881 г.г.

1.

Въ засѣданіи 19 декабря 1876 г., Д. чл. А. А. Котляревскій прочелъ воспоминаніе о недавно скончавшихся ученыхъ Бэрѣ и Эйхвальдѣ и объ ихъ трудахъ, имѣвшихъ отношеніе къ территоріи южной Россіи.

Академикъ К. М. Бэръ (род. въ 1792 г.) окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ по медицинскому факультету и затѣмъ былъ профессоромъ анатоміи и физиологіи въ Кенигсбергскомъ университетѣ, а потомъ дѣйствительнымъ членомъ нашей Академіи наукъ. Работы надъ ископаемыми животными привели его къ наблюденіямъ надъ естественной исторіею первобытнаго чело-вѣка. Интересъ къ этому рода изслѣдованіямъ естественно приводилъ его къ занятіямъ этнографическимъ и археологическимъ. Конечно, его труды по этой части далеко не имѣютъ того высокаго значенія, какъ его работы въ области естественныхъ наукъ, гдѣ (какъ напр. въ эмбріологіи) онъ является геніальнымъ творцомъ, но тѣмъ не менѣе — они очень важны и по точности при-емовъ изслѣдованія, по многимъ, такъ сказать, геніальнымъ воз-зрѣніямъ, въ нихъ мерцающимъ, и по тому, наконецъ, что боль-шинство этихъ трудовъ посвящено Россіи, относится къ нашей

отечественной наукѣ. Цѣльный, посвященный общимъ вопросамъ трудъ его въ этомъ направленіи носятъ названіе: «*Человѣкъ въ естественно - историческомъ отношеніи*» (Спб. 1851 г.), какъ введене въ книгѣ Симашка. Классификація племенъ по его мысли не можетъ бытъ построена исключительно на зоологическихъ признакахъ, во вниманіе должны быть приняты и признаки лингвистическіе, ибо тогда всего лучше можно понять, на какой степени развитія стоитъ каждый народъ, сравнительно съ другимъ; но такъ какъ наука о языкѣ находится еще въ юности, то Бэръ, раздѣляя родъ человѣческой на группы, принимаетъ въ соображеніе какъ тѣлесное, такъ и духовное и общественное развитіе народовъ..... Книга была не только лучшимъ въ свое время компендіумомъ этнографіи, но едвали во многомъ превзойдена и послѣдними трудами на этомъ полѣ — Пешеля и Фрид. Миллера. Почти всѣ свои мелкіе антропологическіе, этнографическіе и археологическіе труды Бэръ помѣщалъ въ изданіяхъ нашей Академіи наукъ, которой безраздѣльно принадлежитъ его дѣятельность съ начала 30-хъ годовъ. Въ антропологіи Бэръ признавалъ высокую важность краниологическихъ изслѣдованій; нѣсколько мемуаровъ его (напр. «*Crania selecta*», «о черепахъ ретійскихъ Романцевъ», «о черепахъ вендскихъ», «о собраніи череповъ, принадлежащихъ Академіи наукъ», «о макрокефалахъ Крима и Австріи» и т. д.) посвящены этому предмету. Всегда осторожный въ выводахъ, Бэръ рѣдко рѣшался опредѣлять, какому племени принадлежитъ тотъ или другой черепъ, и довольствовался лишь тѣмъ, что опредѣлялъ, какому племени извѣстный черепъ *не могъ* принадлежать, т. е. приходилъ къ выводу отрицательному. Онъ даже считалъ, что наука въ настоящее время не можетъ дать иного положительнаго результата. Эта осторожность въ выводахъ могла бы и въ настоящее время служить добрымъ урокомъ для тѣхъ антропологовъ, которые торопятся изъ нѣсколькихъ краниометрическихъ измѣреній дѣлать обширные историческіе выводы. .. Рядомъ съ антропологическими, у Бэра шли занятія археологическія. По его инициативѣ, Академія

наукъ приобрѣла у извѣстнаго датскаго археолога Ворсо оставшіеся рисунки «*Музея сѣверныхъ древностей въ Копенгагенѣ*» и издала ихъ съ русскимъ предисловіемъ того же Бэра въ свѣтъ. Въ то же время Бэръ составилъ проектъ археолого-этнографической экспедиціи по Россіи, отъ которой онъ ждалъ такихъ богатыхъ результатовъ, какъ для поясненія древнѣйшаго состоянія человѣчества, такъ и въ особенности для того періода исторіи русской земли, о которомъ молчатъ другіе памятники.... Съ цѣлію показать важность антрополого-археологическихъ изслѣдованій, Бэромъ написаны два небольшіе мемуара: одинъ — «*О древнѣйшихъ обитателяхъ Европы*»; другой «*О древнѣйшемъ состояніи чело́вѣка въ Европѣ*». Мемуары эти другъ друга взаимно пополняютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ доселѣ лучшимъ популярнымъ изложеніемъ предмета; лучшимъ уже и потому, что въ нихъ приняты во вниманіе богатый матеріалъ, доставляемый русской землей.... Еще болѣе, чѣмъ археологомъ, Бэръ былъ этнографомъ; самъ онъ совершилъ нѣсколько путешествій (въ Новую землю, на крайній сѣверъ, на Каспій); важныя предпріятія путешествій Миддендорфа, Кастрена, венгра Регули состоялись по предложенію и при всякаго рода поддержкахъ со стороны нашего ученаго. Въ отношеніи географіи и этнографіи имя Бэра пользуется вполнѣ заслуженнымъ почетомъ: вмѣстѣ съ акад. Гельмерсеномъ имъ издано 26 томовъ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*, гдѣ помѣщено множество этнографическихъ статей его, между прочимъ: «О заслугахъ Петра Великаго по части распространенія географическихъ познаній», «О первобытномъ безлѣсіи южно-русскихъ степей», «О развалинахъ Маджара» и т. д.... Свой понятія «о вліяніи внешней природы на соціальныя отношенія отдѣльных народовъ и исторію чело́вѣчества» Бэръ изложилъ въ отдѣльномъ мемуарѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Выводъ, къ которому онъ приходитъ, слѣдующій: «Судьба народа опредѣляется напередъ и какъ бы неизбежно природою занимаемой имъ мѣстности. Когда земная ось получала свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши, поднялись

хребты горъ и подѣлили другъ отъ друга страны, — судьба человѣческаго рода была опредѣлена уже напередъ, и всемірная исторія есть ни что иное, какъ осуществленіе этой предопредѣленной участи». Едва ли съ такимъ выводомъ можетъ согласиться историкъ допускающій извѣстную долю свободы въ движеніяхъ человѣческаго духа, но тѣмъ не менѣе самый мемуаръ Бэра отъ этого не теряетъ своего первенствующаго значенія; по крайней мѣрѣ, во всей европейской литературѣ нельзя указать сочиненія, которое въ столь небольшомъ объемѣ соединяло бы такое богатство геніальныхъ мыслей и соображеній. Последнее время своей жизни Бэръ былъ занятъ рядомъ новыхъ историко-этнографическихъ вопросовъ, которые и пытался изслѣдовать въ двухъ послѣднихъ томахъ своихъ *«Мелкихъ сочиненій»*. Третій томъ особенно интересенъ: онъ содержитъ въ себѣ — *«Рѣшеніе нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ при помощи естественныхъ наукъ»*. Такъ, тѣ приключенія Одиссея, о которыхъ говорится въ X и XI книгахъ Гомера, по его мнѣнію — вполне ясно указываютъ на мѣстности Чернаго моря, бухта Лестригоновъ въ точности отвѣчаетъ Балаклавской бухтѣ. Еще важнѣе для насъ статья, изслѣдующая *«древній торговый путь черноморскихъ Скиѳовъ во внутреннюю Азію»*. Геродотъ (IV, 21 — 25) рассказываетъ о народахъ, обитавшихъ на сѣверъ и востокъ отъ Скиѳовъ, онъ передаетъ кое-какія черты объ ихъ образѣ жизни, о характерѣ странъ, о томъ, что послѣдніе извѣстные народы — Аргиппеи, что они питаются плодомъ, называемымъ *понтикосъ*. Соображая всѣ естественно-историческія и географическія черты, отмѣченныя у Геродота, Бэръ приходитъ къ заключенію, что страна Аргиппеевъ лежала въ средней Азіи, прилегая къ такъ наз. китайскому Туркестану. Бэръ подробно слѣдитъ движеніе греко-скиѳскихъ каравановъ, сначала на сѣверъ для снабженія себя пушнымъ товаромъ, потомъ — на востокъ чрезъ Уралъ, для сбыта этого товара или обмѣна на другой, быть можетъ шелковыя ткани, столь рано уже распространенныя въ Палестинѣ и Египтѣ.....

Бэръ вышелъ изъ той широкой многосторонней школы естествоиспытателей, которая теперь становится преданіемъ, изъ школы, воспитавшейся подъ вліяніемъ могучихъ идей энциклопедизма, школы, обхватывающей всю природу: специалистъ, творецъ новой науки эмбриологіи, онъ, однако, никогда не чуждается наукъ нравственныхъ; онъ сознавалъ не только ихъ великое, облагораживающее значеніе, но и возможность достигнуть въ нихъ до прочныхъ, положительныхъ результатовъ. Въ лѣтописяхъ отечественной науки, географіи, этнографіи, археологіи — труды Бэра навсегда займутъ почетное мѣсто и едва ли когда окажутся излишними.

Труды К. Э. Эйхвальда (р. 1795 г.) въ отношеніи русской археологической науки — менѣе важны по внутреннему достоинству ихъ, но касаются не менѣе важныхъ и существенныхъ вопросовъ. Приглашенный профессоромъ въ Казанскій университетъ, Эйхвальдъ имѣлъ случай совершить въ 1825—26 году ученое путешествіе по Кавказу и Каспійскому морю. Свою задачу онъ понималъ широко: онъ хотѣлъ быть не только путешественникомъ - естествоиспытателемъ, но и географомъ, и этнографомъ, и даже археологомъ. Плодомъ путешествія было обширное его описаніе въ 2-хъ томахъ (*Periplus*) и 3 томъ, обнимающій «*Древнюю географію Каспійскаго моря, Кавказа и южной Руси*», по греческимъ, римскимъ и инымъ источникамъ (Б. 1838). Сочиненіе это — во многихъ частяхъ требующее измѣненій — въ цѣломъ, однако, не замѣнено пока ничѣмъ лучшимъ. Эйхвальдъ не имѣлъ строгаго ученаго таланта и трезвости мысли, какъ Бэръ; у него не рѣдкость встрѣтить идеи чрезвычайно фантастическаго характера. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что древніе писатели подъ именемъ Скивовъ разумѣли чудское племя, что самое имя *Скиовъ* есть не иное что, какъ греческое провздошеніе слова *Чудъ*; на этомъ основаніи построена вся его этнографическая теорія древнихъ племенъ, обитавшихъ на сѣверъ отъ Чернаго моря. По его мнѣнію — все это были финны. Но странно, откуда бы могли греки слышать *рус-*

ское имя *Чуди*, и еще страннѣе, какъ могли бы они передать его именемъ *Скиѳа*. Финноманія Эйхвальда отвергнута наукой, но матеріаль, собранный въ его книгѣ, и многія объясненія доселѣ имѣютъ свое неотъемлемое значеніе. Подобно Бэру, и Эйхвальдъ былъ отчасти археологомъ; ему принадлежитъ небольшое, но интересное сочиненіе «*О чудскихъ копяхъ*», т. е. о тѣхъ мѣстахъ или колодцахъ, изъ которыхъ чудь добывала металлы. Къ сожалѣнію, и этотъ трудъ много теряетъ въ своемъ достоинствѣ отъ этнографическихъ увлеченій ученаго финнизмомъ. Существенно важною частію его должно признать описаніе орудій и предметовъ, найденныхъ въ чудскихъ копяхъ и описаніе нѣкоторыхъ чудскихъ древностей, находящихся въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ. Есть извѣстіе, что нѣсколько лѣтъ до смерти Эйхвальдъ занимался обширнымъ сочиненіемъ о вещественныхъ древностяхъ Россіи. Было бы жаль, если бы оно осталось неизданнымъ.

Такіе натуралисты, какъ Бэръ и Эйхвальдъ, заходящіе, повидимому, въ чуждую для нихъ область исторіи и археологіи, были и будутъ въ ней всегда желанными гостями.

1877.

2.

Въ первомъ частномъ засѣданіи Общества 8 января 1877 года д. чл. А. А. Котляревскій читалъ «о происхожденіи сказанія о новгородскихъ баняхъ», какъ дополненіе къ чтенію И. И. Малышевскаго по поводу статьи проф. Голубинскаго. Указавъ на то, что преданіе объ Андреѣ Первозванномъ произошло изъ письменнаго источника, на что было обращено вниманіе еще Байеромъ (Шлецеръ), проф. Котляревскій привелъ подлинное мѣсто изъ лѣтописи по лаврентьевскому списку (7—8

стр. изд. 1872 г.), рисующее «дивныя» обычаи на счетъ бань въ Новгородѣ: «Дивно видѣхъ Словѣнскую землю, идучи ми сѣмо видѣхъ бани древены, и пережыгутъ ѣ рамяно совлокутъся и будутъ нази, и облѣются квасомъ усніяннымъ, и возмутъ на ся прутье младое, бьются сами и того ся добьютъ егда влѣзутъ ли живи и облѣются водою студеною, тако оживутъ; и то творять по вся дни немучими никимъ же, но сами ся мучать, и творять не мовенье собѣ, а мученье». Интересно знать источникъ преданія. Едва ли оно русскаго происхожденія, чтобы русскій разсказывалъ о банѣ, какъ о диковинной вещи — невозможно, это могъ сдѣлать какой-нибудь иностранецъ изъ купцовъ. Что иностранецъ онъ, — въ томъ нѣтъ сомнѣнія: намъ извѣстны европейскія бани; онѣ большею частію, холодныя; еще Тацитъ упоминаетъ, что Германцы не любятъ горячихъ бань, а купанье; у Римлянъ, правда, были теплыя бани, но только для потѣнія, но, какъ кажется, не было у нихъ ни обливанія холодною водою, ни, тѣмъ болѣе, — квасомъ. Кто же авторъ сказанія? Нѣтъ ли слѣдовъ? Въ XVI — XVII вѣкѣ, кажется, въ Гамбургѣ жилъ юристъ *Діонисій Фабрицій* (полякъ), пользовавшійся неизвѣстными источниками для изученія Пруссіи, Курляндіи, Латышей и Эстляндіи, написавшій «*Livonicae historiae compendiosa series*». Въ ней онъ упоминаетъ, что около Дерпта существовалъ доминиканскій монастырь, Фалькена, изъ котораго, по поводу увеличенія братіи и неимѣнія средствъ, было отправлено къ папѣ письмо, въ которомъ доминиканцы рисуютъ свою суровую, строгую жизнь относительно пищи, питья и плотоумерщвленія, и просятъ папу предстательствовать за нихъ у дерптскаго епископа. Здѣсь, между прочимъ, они разсказываютъ, что каждую субботу умерщвляютъ плоть свою въ страшно истопленныхъ баняхъ, бичуютъ себя розгами и обдаются холодною водою. Папа удивился и отправилъ своего посланца узнать самолично дѣла монастыря; его угостили сухою рыбою и горькимъ пивомъ, и ввели въ жарко истопленную парную баню. Когда пришло время париться вѣниками, нѣжный итальянецъ не выдержалъ: онъ выскочилъ изъ бани, говоря, что

такой образъ жизни невозможенъ и неслыханъ между людьми. Возвратившись въ Римъ, онъ разсказалъ папѣ о видѣнной диковинкѣ, и монахи достигли желаемаго.... Разсказъ совершенно сходенъ съ разсказомъ русской лѣтописи, даже въ способѣ выраженія, подобно тому какъ замѣтно у Видукинда и Нестора, напр. въ знаменитомъ мѣстѣ: «земля наша велика и обильна» — *terra nostra spatiosa et fertilis*... но приспособленіе иное: въ одномъ случаѣ папскій легатъ, въ другомъ — Андрей Первозванный. Но сказаніе въ обоихъ разсказахъ непремѣнно идетъ изъ общаго источника: южанинъ, знакомый съ сказаніемъ чрезъ Византію, примѣнилъ его къ Андрею Первозванному; сѣверянинъ — къ папскому легату, отправленному къ католическимъ монахамъ, жившимъ подлѣ Дерпта (слѣдовъ Фалькены не сохранилось никакихъ)... Больше ничего объ источникѣ сказанія пока мѣсть сказать нельзя: хотѣть большаго — желать невозможнаго. Едва ли вообще можно считать сказаніе произведеніемъ русскаго пера: это одна изъ вставокъ, попавшихъ къ Несторову лѣтописи. Есть глухіе слѣды, что составитель почерпнулъ его изъ южно-славянской литературы: изъ сербскихъ и болгарскихъ лѣтописей. Шлецеръ не могъ прибавить другого комментарія къ вышеприведенному мѣсту нашей лѣтописи кромѣ того, что это — пустая сказка. —

Д. чл. А. А. Котляревскій сдѣлалъ еще сообщеніе о томъ, что ему отъ г. Горчакова въ Москвѣ, родственника Ломиковского, состоявшаго въ родствѣ съ Мазепою, досталась рукопись. Ломиковский или кто-нибудь другой въ 1803—1805 г.г. составилъ сборникъ малороссійскихъ думъ, слѣдовательно самый древній по времени собранія, такъ какъ сборникъ кн. Цертелева изданъ въ 1819 году. Въ сборникъ Ломиковского вошло нѣсколько думъ совершенно новыхъ и уже исчезнувшихъ, забытыхъ народною памятью. Это — въ своемъ родѣ единственная рукопись, потому что сохраняетъ произведенія, которыя безъ нея погибли бы для наукъ. Она будетъ издана въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ».

3.

Въ засѣданіи 9 февраля (1877 г.) д чл. А. А. Котляревскій прочелъ статью, подъ заглавіемъ: «*Объ обычаяхъ у славянъ при рожденіи дитяти до его возмужалости*». Сказавъ, что на подобное чтеніе свое онъ смотритъ не болѣе, какъ на программу или общее обозрѣніе большого труда, имъ предпринятаго (въ родѣ его прежнихъ «Погребальныхъ обычаевъ языческихъ Славянъ»), и желаетъ подѣлиться ею съ сочленами по Обществу только ради могущихъ встрѣтиться дополненій и указаній, А. А. Котляревскій просилъ не забыть, что въ данномъ случаѣ, несмотря на современность извѣстныхъ народцыхъ обычаевъ, изслѣдователь находится среди полного язычества, среди сѣдой древности, потому и объясненія его должны имѣть соотвѣтствующій характеръ. Старинные славяне, какъ и прочія индо-европейскія племена, сближали понятіе жизни съ понятіемъ огня, на что указываютъ выраженія: *«жизнь гаснетъ, жизнь догораетъ»*. Съ рожденіемъ ребенка прибавлялась къ семьѣ новая единица: *загоралась* новая жизнь, которую олицетворяли *зажженіемъ свѣчи*, въ знакъ чистоты — *изъ бѣлаго воска*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи не даютъ постороннимъ лицамъ *огня* въ день рожденія ребенка, какъ бы изъ боязни, что вмѣстѣ съ огнемъ улетитъ и его *жизнь*. Дитя завертываютъ въ отцовскую рубаху, чѣмъ обозначается принятіе его подъ покровительство домовладыки-отца. Въ иныхъ мѣстностяхъ новорожденнаго кладутъ на шубу, думая, что это даетъ богатство и счастье; но этимъ выражается также принятіе новорожденнаго подъ покровительство домашнихъ боговъ — пенатовъ. Въ прежнее время ребенка клали на порогъ, какъ грани двухъ міровъ, своего и чужого, — и домовладыкъ-отцу предоставлялось поднять его, т. е. признать или отвергнуть. Если ребенку давали пищу, обыкновенно желтаго цвѣта (шафранную или медовую), то это также считалось юридическимъ признаніемъ его существованія: трапезу въ домѣ могутъ раздѣлить только члены семьи или признанные въ данный мо-

ментъ таковыи. Но не всегда отецъ признавалъ ребенка и не всегда признавалось его право на жизнь: по древнегерманскимъ обычаямъ отецъ могъ выбросить (экспонировать) ребенка, что дѣлалось или изъ-за его физическихъ недостатковъ, или по недостатку средствъ къ пропитанію, а то и по непризнанію его законнорожденнымъ. У славянъ нѣтъ ясныхъ историческихъ указаній на такой обычай, и только въ сказкахъ есть его слѣды. Тишина окружаетъ новорожденного; не смѣютъ называть совершившагося факта его собственнымъ именемъ и говорятъ обиняками: *«жена въ Москву създила; жонка растряслась!»* — и это дѣлаютъ изъ боязни, что духи могутъ подмѣнить ребенка... Но есть и другая причина таинственности: судьба при рожденіи челоуѣка опредѣляется божествами; греческія парки, скандинавскія норны, славянскія судички вьютъ-плетутъ судьбу челоуѣка. Народъ вѣритъ, что подъ видомъ странника можетъ являться само божество, вотъ почему ко всякому незнакомцу, пришедшему въ домъ, гдѣ есть новорожденный, относятся съ необыкновенною привѣтливостію, боясь оскорбить его (примѣръ польскаго Пяста). Мужчины предназначаются къ воинской жизни, почему и подарки мальчикамъ — лукъ, стрѣлы, косы (у Ибнъ-Даста мечъ), дѣвочкамъ — прялки, отсюда старинныя выраженія: внукъ *«по мѣцу»* (по мужской линіи), внучка *«по прялкѣ»* (по женской). Иногда подлѣ мальчика кладутъ сѣмена, подлѣ дѣвочки — лень на ниткѣ — символы понятныя. Всѣ обычаи направлены къ сохраненію жизни и здоровья ребенка: обливаютъ его водою съ горящаго угля и т. п.; при прорѣзываніи зубовъ надѣваютъ на шею мышиную головку (мышь одарена острыми и крѣпкими зубами). Поясъ играетъ вообще важную роль въ древней жизни: Брунгильда побѣждена только съ освобожденіемъ отъ «пояса», и, потому же воззрѣнію, ребенка послѣ шести недѣль опоясываютъ для приданія ему силы. Нареченіе имени происходило нѣсколько времени спустя по рожденіи. Христіанство внесло табель священныхъ именъ; а въ языческую эпоху всѣ имена имѣли смыслъ; по наружному виду давались имена: Бѣлъ, Черенъ, Русъ; по ха-

рактеру: Весель, Грубъ; по времени рожденія: Раненъ, Позденъ; по особенностямъ наружности: Голова, Горбъ, Языкъ; по занятіямъ отца: Панъ, Жупанъ, Ратай, Князь; по представителямъ религіознаго культа: Богъ, Божко, Перунъ, Святovitъ, Карачунъ; по представителямъ царства животныхъ: Волкъ (Вукъ), Туръ, Конь, Собака и пр.; женскія: Вишня, Калина и пр. Обрядъ «*уятія власъ*» — постриженія — нѣкоторые писатели относятъ къ христіанству, но есть основанія отнести его и къ язычеству. Обрядъ этотъ совершался между 3 и 7 годами. По словамъ г-жи Авдѣевой, въ Сибири уцѣлѣлъ онъ до сихъ поръ. Постриженіе сопровождалось пиромъ; мальчика сажали на коня, въ чемъ сказывалось признаніе правъ мужчины послѣ безразличнаго, такъ сказать, въ половомъ отношеніи существованія. Въ древности въ 7-ми лѣтнемъ мальчикъ видѣли уже мужчину: Святославъ «бѣ вельми дѣтескъ» и начиналъ битву... П. А. Лавровскій видитъ въ постриженіи первую жертву божеству; но здѣсь просто идея возмужалости: длинные волосы носятъ женщины, мужчинѣ прилично быть коротковолосымъ... Съ «*постригами*» соединено было нареченіе имени, переходъ мальчика изъ женской половины дома въ мужскую и поступленіе въ науку мужей, которая въ первобытное время держалась на пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ и загадкахъ....

4.

Въ засѣданіи 20 ноября (1877 г.), д. чл. А. А. Котляревскій сообщилъ замѣчанія относительно ученаго значенія новаго изданія, сдѣланнаго г-жею Стрекаловою, подъ заглавіемъ: «*Русскія историческія одежды отъ X до XII вѣка*». Перечисливъ изданія подобнаго же рода до появленія настоящаго труда, а именно: 1) «Опытъ объ одеждѣ, оружіи, нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія славянъ отъ времени Траяна и русскихъ, до нашествія татаръ, соч. А. Н. Оленинымъ. Спб. 1832—33», — изданіе сдѣлавшееся величайшею библіографиче-

скою рѣдкостью, въ которомъ представлены снимки съ изображеній на колоннахъ Траяна и Марка Аврелія Антонина; въ научномъ отношеніи книга сохраняетъ до сихъ поръ свое значеніе, какъ вообще все, что написалъ Оленинъ; 2) «Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ» Висковатова, изданное по распоряженію Имп. Николая; оно доведено въ первомъ томѣ до Петра В., реставрировка одежды допущена по письменнымъ даннымъ, преимущественно иностраннымъ; 3) «Объяснительный словарь» Савваитова и 4) трудъ Погодина въ третьемъ томѣ его «Исторія Россіи», — проф. Котляревскій перешелъ къ замѣчаніямъ на изданіе г-жи Стрекаловой, состоящее изъ текста и рисунковъ. Общее впечатлѣніе отъ изданія то, что превосходные въ техническомъ отношеніи рисунки дѣлаютъ его женскимъ гостиннымъ кипсекомъ, текстъ же набранъ случайно; неполнота его бросается въ глаза; объясненія даннаго рисунка заставляютъ издателя прибѣгать даже къ натяжкамъ, такъ на «свидѣтельствахъ арабскихъ писателей», а именно Ибнъ-Фодлана, у котораго говорится о похоронахъ *знатнаго* купца и о томъ, какъ одѣвали его, — построена реставрація княжеской одежды (очевидно, причиною натяжки послужилъ эпитетъ Ибнъ-Фодлана «знатный»). Иногда издатель беретъ свидѣтельства изъ такого писателя, который можетъ быть подведенъ подъ категорію никогда не писавшихъ о русскихъ, какъ напр. Прокопій, конечно, для реставраціи «славянской» одежды можно и даже должно было воспользоваться и словами Прокопія, но тогда слѣдовало обратить вниманіе и на другія извѣстія о славянахъ и на дѣйствительныя изображенія ихъ въ памятникахъ, напр. на изображеніе болгаръ (между прочимъ и Крума) въ мнѣнологіи Василия Порфиророднаго X вѣка — въ шапкѣ бараньей, съ ножомъ, трубкою, кресаломъ и рожкомъ, съ бритой головой. слѣдовало бы взять изображенія славянъ и изъ рукописи XIII вѣка Саксонскаго зерцала (Mone, Teutsche Denkmäler), гдѣ Саксы изображены съ ножами (Sax) и длинными волосами, а славяне — въ перевитыхъ чулкахъ (отсюда образо-

вался даже этимологическій мѣтъ, производящій слово «Wende» отъ winden) и всегда съ постриженными волосами; у женщинъ головной уборъ, напоминающій очипокъ — кичу... Въ другомъ мѣстѣ тамъ же славяне изображены въ одеждахъ съ вырѣзанными фестонами внизу, что напоминаетъ одежду пѣвцовъ, гуляровъ и фокусниковъ въ средніе вѣка. Кажется, нѣмецъ въ одеждѣ хотѣлъ выразить свое презрительное отношеніе къ славянину... Въ текстѣ издатель беретъ матеріалъ иногда изъ книгъ Забѣлина (слѣд. XVI—XVII вѣка!), что противорѣчитъ задачѣ представить одежды съ X по XIII вѣкъ; иногда заимствуетъ свидѣтельства изъ невозможнаго источника (въ родѣ напр. объясненія кики изъ словацкой сказки!). Что касается рисунковъ изъ рукописей, то и тутъ допущены или неполнота, или дополненія по собственному усмотрѣнію. Издатель не воспользовался рязанскими древностями (Калайдовича и Оленина), а также матеріаломъ «Владимирскаго клада»; допустилъ путаницу, не указавъ, откуда сдѣланъ рисунокъ (напр. Георгій Побѣдоносецъ изъ Михайловскаго монастыря); фрески одной церкви приписаны другой (изображенія Бориса и Глѣба приписаны церкви Николая на Липнѣ близъ Новгорода, тогда какъ они — изъ Нередицкой церкви близъ Новгорода); есть указанія глухія (напр. рукопись Ипполита?); наконецъ въ самыхъ реставраціяхъ допущена аффектація, напр. одинъ рисунокъ представляетъ плащъ, надѣтый на голое тѣло, что едва ли допустить русскій климатъ.

5.

Въ засѣданіи 11-го декабря 1877 года д. чл. А. А. Котляревскій сообщилъ «О текущей русской исторической литературѣ», именно о слѣдующихъ вновь вышедшихъ книгахъ: а) *Очеркъ путешествія по европейской Турціи*, В. И. Григоровича (2-е изданіе). М. 1877. Книга составила изъ ученыхъ

отчетовъ, представленныхъ въ министерство народнаго просвѣщенія, и первоначально помѣщена въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета» (1848, кн. 3). Важность книги давно признана наукою: этимъ «Очеркомъ» были открыты для славянской археографіи рукописныя богатства Балкана, дотолѣ едва смутно предчувствуемыя изъ извѣстій арх. Порфирія. Важна книга и по многимъ документамъ и выпискамъ изъ рукописей, въ ней напечатаннымъ, и по многимъ новымъ филологическимъ замѣткамъ и наблюденіямъ. Къ сожалѣнію, второе изданіе напечатано безъ тѣхъ дополненій, которыя, вѣроятно, находились въ экземплярѣ покойнаго автора, да и перепечатка—вообще не исправна. Здѣсь кстати будетъ припомнить объ основательной рецензіи на книгу—И. И. Срезневскаго, помѣщ. въ Сѣверномъ Обозрѣніи 1848, № 3, стр. 765—772, и о тѣхъ любопытныхъ подробностяхъ о Григоровичѣ и его путешествіи, которыя по поводу 2-го изданія были сдѣланы проф. М. П. Петровскимъ въ Вѣстникѣ Европы 1878, № 1; б) *Zródła dziejowe*, W. 1877, издаваемые Яблоновскимъ, V и VI-й томы: оба касаются Украины и содержатъ въ себѣ любопытнѣйшіе документы на малорусскомъ нарѣчій, но латинскими литерами, по списку XVIII вѣка. Кромѣ важнаго этнографическаго значенія, эти памятники имѣютъ интересъ филологическій, представляя образцы прекраснаго чистаго народнаго языка. Въ предисловіи къ обоимъ томамъ помѣщены ученые изслѣдованія издателя: «О староствахъ украинныхъ», «О землѣ волынской въ половинѣ XVI вѣка». Изслѣдованія—любопытныя, и, по возможности, отличающіяся историческимъ безпристрастіемъ; в) Оскара Кольберга: *Lud, jego zwyczajе i sposób życia, towa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, piosny, muzyka i tańce*. Послѣдній вышедшій томъ—XI-й (Кг. 1877) посвященъ этнографіи познанской земли, прежніе томы (съ 1 по 8) заняты областями Сандомира, Куявы и Кракова. Это лучшій изъ этнографическихъ сборниковъ во всѣхъ славянскихъ литературахъ—по богатству матеріала и даже по его достовѣрности. Ученая обработка слаба, да она,

кажется, и не имѣлась въ виду издателемъ. Онъ — не ученый, а практическій этнографъ. Прекрасно исполненные рисунки (особенно въ 1-хъ томахъ) украшаютъ изданіе. Есть кой-что въ немъ, что можетъ показаться излишнимъ и неважнымъ, но такого немного. И этимъ-то качествомъ именно отличается сборникъ О. Кольберга отъ предшествовавшего ему *шляхетнаго* сборника Голембiewскаго (Lud Polski etc. 4 т., 1830); г) *Труды этнографическаго отдѣла Московскаго антропологическаго общества*, 4 и 5 томы. Въ 4-мъ помѣщена между прочими любопытными сообщеніями статья В. О. Миллера: «Восточные и западные родичи одной русской сказки», статья интересная по предмету, столь сильно занимающему теперь науку исторіи литературы. Томъ V весь занятъ сборникомъ «Матеріаловъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи». М. 1877, собранныхъ г. Ефименкомъ. Матеріалы изданы въ сыромъ видѣ, но важность ихъ несомнѣнна, она опредѣляется между прочимъ и тѣмъ, что на крайнемъ сѣверѣ, удаленномъ отъ быстрого движенія жизни, старина должна была сохраниться свѣжѣе, чѣмъ въ мѣстахъ торныхъ; д) *О колдовствѣ и вѣдѣнствѣ въ югозападномъ краѣ*, г. Антоновича — составляетъ 2-й выпускъ 1-го тома «Трудовъ югозападной экспедиціи Географическаго Общества».

Д. чл. А. А. Котляревскій посвятилъ нѣсколько словъ *памяти Александра Николаевича Попова*. Недавно скончавшійся историкъ-юристъ А. Н. Поповъ имѣетъ полное право занять вниманіе членовъ историческаго Общества. На ученую арену онъ выступилъ въ 1841 году съ диссертацией: «*Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву*». Положенія диссертациі вызвали бурю со стороны Погодина, перешедшую потомъ въ полемику на страницахъ Москвитянина. По тому же предмету Поповымъ была написана еще монографія: «*Объ опеки и наслѣдствѣ по русскому праву*» (въ сборникѣ Валуева). Въ то же время Поповъ отправился въ заграничное путешествіе, и въ Вѣнѣ сблизился съ Вукомъ С. Караджичемъ. Изъ Вѣны онъ

пріѣхалъ въ Черногорію; результатомъ поѣздки была книга: *«Путешествіе по Черногоріи»*, Спб. 1847, рисующая вполнѣ обстоятельно юридическій бытъ, народную поэзію и исторію Черной горы. Въ свое время *«Путешествіе»* мало было оцѣнено по достоинству, хотя оно имѣетъ цѣну и понынѣ. По возвращеніи изъ-за границы Поповъ пристроился при покровителѣ славянофиловъ гр. Блудовѣ, при которомъ служилъ до его смерти. Тогда на первыхъ же порахъ его занялъ вопросъ объ отношеніи нѣмецкой школы къ «происхожденію Руси», спеціально о Шлецерѣ. Результатомъ явилась обширная статья (въ Московскомъ Сборникѣ 1847 г.) о немъ, написанная въ духѣ, враждебномъ отрицательной критикѣ Шлецера. Поповъ стремился доказать, что мѣрка, которою знаменитый критикъ мѣрялъ исторію Россіи, мѣрка, взятая съ общаго хода развитія исторіи Запада — не примѣнима къ Россіи, что древняя Русь вовсе не была страной непроходимаго варварства, что она имѣетъ свою оригинальную исторію... Важность и интересъ древней русской исторіи здѣсь раскрыты прекрасно. Поповъ принялъ дѣятельное участіе въ журналѣ: *«Сѣверное Обозрѣніе»*, издававшемся оріенталистами съ славянофильскимъ оттѣнкомъ П. С. Савѣльевымъ и В. В. Григорьевымъ. Тутъ между прочимъ имъ помѣщены статьи: *«Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ»* и *«О русскомъ иконописаніи»*; подобная послѣдней статья — *«О древне-чешской живописи»* помѣщена въ *«Запискахъ Археологическаго Общества»* и въ переводѣ на чешскій въ *Музейникѣ*. Кромѣ того въ *«Сѣверномъ Обозрѣніи»* много важныхъ критическихъ статей. То же можно сказать и о многихъ критическихъ статьяхъ его въ *«Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія»*. Въ *«Архивѣ»* Калачова Поповъ помѣстилъ весьма важную статью: *«Пиры и братчины»*. Въ Обществахъ географическомъ, археологическомъ и позже историческомъ Поповъ принималъ живое участіе, какъ редакторъ ихъ трудовъ. По исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами Поповымъ издано: *«О сношеніяхъ Россіи съ Хивой и Бухарою»* и особый обширный трудъ:

«Русское посольство въ Польшу въ 1673—77 г.» Въ «Русской Бесѣдѣ» онъ между прочимъ помѣстилъ большой трудъ о *Стенькѣ Разинѣ, о посольствѣ Потемкина 1668 г.* и др. Въ «Русской Старинѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ» помѣщаль о «двѣнадцатомъ годѣ»; сотрудничалъ въ «Вѣстникѣ Европы», гдѣ между прочимъ напечатано его обширное изслѣдованіе о *сношеніи Россіи съ Римомъ въ 1845—67 г.* и пр. Статьи Попова не одинаковы по научному достоинству, но общая черта ихъ—серіозное отношеніе къ дѣлу. Верхоглядомъ А. Н. Поповъ не былъ нигдѣ и никогда. Также еще однимъ качествомъ владѣлъ онъ въ полнѣйшей степени: умѣлъ быть безпристрастно-объективнымъ до холодности. Во всякомъ случаѣ—дѣятельное участіе покойнаго въ судьбахъ русскаго образованія, науки и литературы даютъ ему полное право на вниманіе и уваженіе потомства.

1878.

6.

Въ Общемъ годовомъ собраніи, 15 января 1878 г., д. чл. А. А. Котляревскій сообщилъ: «*Очеркъ исторіи поединковъ у славянъ*».

Поединокъ должно разсматривать въ смыслѣ не случайнаго факта, а историческаго, вытекшаго изъ жизни народа. Напрасно стали бы мы искать причинъ происхожденія поединковъ единственно въ чувствѣ мести, кровожадности извѣстныхъ людей.... Также объяснять происхожденіе ихъ предразсудкомъ — есть общее мѣсто. Поединки требуютъ для своего разъясненія извѣстнаго историческаго анализа. Поединки возникли въ эпоху, когда люди не знали еще науки и анализа и состояли подъ исключительнымъ вліяніемъ наивной религіозно-природной идеи: человѣкъ призналъ одинаково нераздѣльными съ собою, какъ природу, такъ и божество: оно дало ему религію и добрые обычаи; оно же утверждало правду въ его жизни, когда она была нарушена. Мысль человѣка,

работая въ извѣстномъ направленіи, давала рѣшающее значеніе спору и борьбѣ, отсюда возникли поединки, какъ средство, которымъ божество открывало правду: побѣда здѣсь не зависитъ отъ человѣка, но отъ высшей, управляющей имъ воли, потому она дается даже слабѣйшему. Отъ спора, рѣшаемаго поединкомъ между отдѣльными лицами, естественно переходъ къ поединку между цѣлыми племенами, войнѣ, которая, по выраженію древнихъ русскихъ князей, была *судомъ Божиимъ*. При этомъ волю боговъ не трудно было узнать и болѣе легкимъ путемъ: на поединокъ выходили только вожди; такъ испанскій Сидъ былъ по преимуществу поединщикъ, *поленица* — *campreador*; князь Лешко, по лѣтописи Кадлубка, во многихъ поединкахъ побѣдилъ многихъ враговъ; неизвѣстный біографъ мученика Ореція (4-го вѣка) говоритъ о вождѣ Маротѣ, предводившемъ славянами и вызывавшемъ на поединокъ императора Максима.... Встрѣчаются подобные же факты у славянъ балтійскихъ... Саксонъ Грамматикъ говоритъ о поединкѣ миѳическаго Старкатера съ богатыремъ славянскимъ Вилькомъ (Волкомъ)... По Далимилу, св. кн. Вячеславъ, щадя свой народъ, хотѣлъ рѣшить разборъ поединкомъ и для этого вызвалъ воеводу Радислава на поединокъ... Отрокъ Янъ за Владимира боролся съ Печенѣжиномъ.. Мстиславъ «зарѣзалъ Редедю предъ полки Косоожскими»... Имя Мономаха — популярнѣйшаго изъ князей — означаетъ не что иное, какъ поединщика. Изъ всего этого слѣдуетъ, что *первый родъ поединковъ былъ религіозно-военнаго характера*: ими рѣшалась судьба народовъ. Второй родъ поединковъ — *поединки судебные* — «судъ Божій», «поле», существовавшій, болѣе или менѣе, у всѣхъ европейскихъ племенъ. Это параллельная, смягченная форма *ордалий*, открывавшая правду посредствомъ божественнаго указанія. Основаній полагать, что судебные поединки замѣнили *ордалии*, — нѣтъ, но скорѣе тѣ и другія не исключали, а дополняли другъ друга.... Судебные поединки упоминаются въ глубокой древности у славянъ: Лютичи предъ императоромъ Конрадомъ доказывали свою

правду поединкомъ; Ибнъ-Даста въ X в. говоритъ, что у Руссовъ предъ царемъ тяжущіеся препираются, а, при недостаткѣ доказательствъ, рѣшаютъ дѣло оружіемъ: побѣда — доказательство правоты. Всѣ свидѣтельства о судебномъ поединкѣ — «*полѣ*» — позднѣйшія, послѣ христіанства: памятники судебного законодательства запрещаютъ и дозволяютъ его; чешское законодательство Конрада Отты и договоръ в. к. Мстислава Давидовича въ 1229 г. съ Рягою допускаютъ судебные поединки съ ограниченіями... Предполагали, что «поле» заимствовано отъ нѣмецкихъ племенъ, но подобную мысль допустить трудно, ибо заимствование могло совершиться лишь законодательнымъ путемъ, а между тѣмъ ясно, что это народный обычай, который сначала очень не нравился законодательству. Въ первый разъ въ псковской судной грамотѣ (14 — 15 в.) говорится, что выходить въ «поле» можетъ женщина съ женщиной, безъ «наймитовъ»; только старые, увѣчные и лица духовнаго званія освобождаются отъ личнаго участія, — значить религіозная сторона дѣла уже вполне ослабѣла.... Напрасно раздавались голоса духовенства (постановленія Стоглава, грамоты митрополитовъ, Максимъ грекъ) и частныхъ лицъ противъ поединковъ; множество грамотъ подтверждаетъ ихъ распространеніе («крестъ цѣлуемъ а на поле битися лѣземъ»...). Сила судебного поединка узаконяется у чеховъ законодательствомъ въ 14 в., у насъ въ 15 — 16 вв. (чешскій «Рядъ права земскаго» и нашъ «Судебникъ Ивана III-го и IV-го»). На основаніи «Судебника» могъ быть рѣшенъ «полемъ» споръ отъ рубля и до убійства, при чемъ могли драться между собою не только истецъ и отвѣтчикъ, но и свидѣтели, могли выступать наемники... То же допускало и чешское право... Путешественникъ Барберини въ 16 в. говоритъ, что когда въ Россіи заходитъ тяжба о долгѣ, споръ рѣшаютъ на особо отведенной площади или лично, или чрезъ наемныхъ охотниковъ, коихъ — великое множество... Онъ же рассказываетъ о боѣ какого-то литвина съ тяжело вооруженнымъ москвичемъ, о томъ какъ первый засыпалъ глаза пескомъ послѣднему и одержалъ побѣду...

Въ этомъ послѣднемъ фактѣ полное ослабленіе религіозной идеи... «Судебникомъ Ивана IV-го» заканчивается исторія русскихъ поединковъ: всѣмъ стало ясно, что божество не можетъ говорить дубиною и мечомъ... Отголоски поединковъ лишь въ народныхъ пѣсняхъ, да, можетъ быть, въ удѣлѣвшихъ еще кулачныхъ бояхъ... При Петрѣ В. появляются «поединки чести» — заимствование съ Запада — слѣдъ рыцарства — удовлетвореніе чисто воинское, отвѣчавшее нѣкогда духу своего времени... Что это дѣло нѣмецкое, видно между прочимъ, изъ того, что и въ Польшѣ, и въ Чехіи особенно, были распространены подобные поединки.. Рядъ запрещеній «поединковъ чести» идетъ съ Петра В. и Екатерины... Особенно богато дуэлями начало нынѣшняго вѣка (жертвы — величайшіе русскіе поэты: Пушкинъ и Лермонтовъ). Вообще у славянъ «поединки чести» — дѣло наносное... Исторія осудила «поединки чести» на гибель... Они замѣнились гуманными поединками мысли и слова, и нельзя не желать, чтобы послѣдніе велись достойно и честно, чтобы къ нимъ не примѣшивались ни симонія мысли, ни софистика слова!

 7.

Д. чл. А. А. Котляревскій (въ засѣд. 12 февр. 1873 г.) сдѣлалъ сообщеніе *«О текущей русской исторической литературѣ»*:

а) *О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка*, Л. Н. Майкова. Выводы свои авторъ сдѣлалъ на основаніи труда проф. Альквиста: «Культурныя слова западно-финскихъ нарѣчій». Пріемъ, употребленный въ книгѣ, тотъ же, что у Пикте, Куна, Фика и др. Существованіе словъ позволяетъ заключать о существованіи въ жизни народа самихъ предметовъ, которые ими обозначаются; этимологія словъ даетъ понятіе о значеніи предметовъ, но такой пріемъ лингвистической палеонтологіи бываетъ правиленъ только при соблюденіи извѣстныхъ

условій: 1) нужно помнить, что теперешнее значеніе словъ, по большей части, не есть значеніе первоначальное (напр. въ русскомъ языкѣ слово *воръ* теперь имѣетъ значеніе нарушителя чужой собственности, а въ старину значило просто ловкаго, умнаго человѣка, что доказываютъ производныя: *про-ворный*; *воро-ватый*, и т. д.); стало быть, всегда необходимо обращать вниманіе на исторію словъ, на постепенное измѣненіе ихъ значенія; 2) подобное воззрѣніе на языкъ, какъ культурно-историческій матеріалъ, для безошибочности выводовъ, должно имѣть подтвержденіе въ другихъ источникахъ; образцомъ въ данномъ случаѣ можетъ служить книга Гена: «Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Европу».

Майковъ — Аלקвистъ часть своихъ выводовъ основываетъ на иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ финскій языкъ, какъ матеріалъ для исторіи вліянія чужеземной культуры на западныхъ финновъ. Но и тутъ не надо забывать, что иностранныя слова — не всегда необходимо предполагаютъ нужду въ заимствованіи, а берутся иногда по модѣ: предметъ есть и былъ свой, но обозначается онъ иностраннымъ словомъ, или ради особой формы, вновь вошедшей въ употребленіе, или подъ вліяніемъ именно моды, являющейся нерѣдко вслѣдствіе торговли и иныхъ сношеній (напр. въ славянскихъ нарѣчіяхъ *хлѣбъ* — слово иностранное, но нельзя заключать по заимствованію названія изъ готскаго *hlaihs*, что славяне прежде не знали хлѣба, а терминъ вошелъ у нихъ для обозначеній особаго рода печенаго хлѣба, имѣвшаго, вѣроятно, круглую щитовую форму). Словомъ, только при извѣстныхъ ограниченіяхъ и строгомъ методѣ можно надѣяться притти къ прочнымъ выводамъ. О разбираемой книгѣ въ частности можно сказать, что г. Майковъ прекрасно передаетъ Аלקвиста и нерѣдко дополняетъ его русскимъ матеріаломъ. Кстати будетъ въ данномъ случаѣ упомянуть о новой книгѣ г. Брикнера: «Чужеземныя славянскія слова въ литовскомъ языкѣ», въ которой доказано вліяніе славянской, т. е. русской культуры на частную и общественную жизнь Литвы. Это вліяніе, судя по

многимъ терминамъ, необходимымъ въ жизни, было очень значительно.

б) *Чаши изъ человеческихъ череповъ и тому подобныя примѣры утилизаціи труповъ* — Л. Воеводскаго, автора «Каннибализма въ греческихъ мифахъ», можетъ служить комментариемъ къ извѣстнымъ сообщеніямъ о семъ предметѣ Геродота, Цезаря, Амміана Марцеллина и т. д., а также къ тому мѣсту изъ русской лѣтописи, гдѣ сказано, что князь Куря обдѣлалъ въ серебро черепъ Святослава и пилъ изъ него. Нужно замѣтить, что въ польскомъ лошадиный черепъ называется *czaszka koniska*, указывая, быть можетъ, на старинное воспоминаніе о *черепахъ*, какъ о *чашкахъ*; такъ о томъ же свидѣлствуетъ и самое слово *черепокъ* и т. д.

в) *Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества*. Спб. 1878 — неизвѣстнаго автора, составляющій «извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ одномъ учебномъ заведеніи» (сказано въ предисловіи). Книга почтенная... по размѣрамъ: въ 800 страницъ. Программа ея очень обширна и хорошо составлена, но вовсе не соответствуетъ исполненію: общеизвѣстные факты въ книгѣ раздуты, вывѣтрены, переданы въ такихъ общихъ фразахъ, что теряютъ всякую историческую окраску и значеніе. Это не историческое или историко-литературное изслѣдованіе, а діалектическія варіаціи на общеизвѣстные факты. Правильнаго, послѣдовательно историческаго распредѣленія матеріала — нѣтъ и слѣда, все сбито въ кучу и части слиты общими разсужденіями —разумѣется, очень нравственнаго свойства. Нѣкоторыя мысли и заключенія поразительны.. своею оригинальностью: напримѣръ, укажемъ, какъ объяснена причина пьянства на Руси: оно поставлено въ зависимость отъ вѣрованія въ безсмертіе души (!): обычныя поминки по умершемъ, соединенныя съ попойками, влекли за собою привычку къ пьянству. Есть ссылки на рукописные сборники, но ссылки голыя, ничѣмъ не отразившіяся на содержаніи: новыхъ данныхъ — нѣтъ, да и старыя изложены не полно и не обстоятельно. Вообще и направленіе книги пре-

странное, для примѣра приведемъ на выдержку изъ «оглавленія» о характерѣ русскаго народа, стоящія подрядъ слѣдующія рубрики:

а) Чувственность народа: 1) развратъ, 2) пьянство, 3) пресыщеніе, 4) неряшество;

б) Эгоизмъ: 1) своеволие, 2) сварливость, 3) самоуправство, 4) забіячество, 5) ругательства, 6) сквернословіе, 7) корыстолюбіе, выражавшееся въ воровствахъ, обманахъ, взяточничествахъ, подлогахъ и попрошайствѣ...

Этотъ особенный взглядъ на предметъ, не выкупаясь обиліемъ содержанія, заставляетъ невольно жалѣть, что за такой важный предметъ науки взялся ученый, столь мало къ тому приготовленный и способный.

г) *Азбуковники* — соч. Карпова (Казань, 1878), составлено изъ статей прежде помѣщенныхъ въ журналъ: «Православный Собесѣдникъ». Извѣстно, что въ старину «Азбуковникъ», кромѣ толкованія неизвѣстныхъ словъ, представлялъ собою и сборникъ всевозможныхъ энциклопедическихъ свѣдѣній. Г. Карповъ могъ дать изъ разсмотрѣнія 17-ти рукописей бывшей знаменитой Соловецкой библіотеки добросовѣстно сведенный матеріалъ, хотя источники иноземные для статей въ русскихъ «Азбуковникахъ» и не достаточно указаны. Вообще, книга Карпова очень важна, не какъ разысканіе или изслѣдованіе, а какъ сводъ матеріала: она избавляетъ отъ чтенія многихъ рукописей и тѣмъ значительно облегчаетъ трудъ историковъ русской литературы.

д) Въ «Православномъ Собесѣдникѣ» начато описаніе богатой Соловецкой библіотеки, перенесенной еще въ 1855 году въ Казань; но пока еще идетъ описаніе менѣе интереснаго для исторіи отдѣла свящ. Писанія. Описанію предпосланъ хорошо составленный очеркъ исторіи библіотеки.

8.

Въ засѣданіи 19 марта 1878 г. предсѣдатель А. А. Котляревскій сообщилъ объ ученомъ достоинствѣ изданій «*Общества любителей древне-русской письменности*», получившаго оригинальную извѣстность странностями своего устава. «Общество» не шутя предположило издавать памятники съ цѣлію сдѣлать ихъ недоступными или малодоступными для всѣхъ, кого судьба не осчастливила знатными денежными средствами¹⁾, т. е. для всѣхъ людей, дѣйствительно занимающихся наукою. По настоящее время вышло въ свѣтъ восемь изданій, при ближайшемъ разсмотрѣніи которыхъ нельзя не притти въ недоумѣніе на счетъ ученыхъ правилъ, какими руководилось «Общество» при изданіи. Внѣшняя наружность изданій прекрасна, иногда роскошна; но это — проявленіе барскаго чудачества, подъ которымъ скрывается отсутствіе правильнаго понятія о нуждахъ отечественной науки, ибо издаются или ничѣмъ не замѣчательные памятники, какихъ въ русской письменности — тысячи, или издаются по дурнымъ спискамъ. Изъ всѣхъ восьми памятниковъ можно отнести съ признательностью только къ изданію *азбуки* съ точнымъ воспроизведеніемъ поправокъ, сдѣланныхъ рукою Петра В., когда онъ «*устроилъ*» русскую гражданскую азбуку. Точность доведена до высокаго совершенства: она соблюдена даже въ обложкѣ *азбуки*. Капитальнымъ изданіемъ можно было-бы считать очень распространенныя на Руси притчи, извѣстныя подъ именемъ: «*Стефанитъ и Ихнилатъ*» но и тутъ повредила ненужная торопливость: изданіе сдѣлано по списку XVIII в., при чемъ въ предисловіи сообщено, что въ Румянцовскомъ музеѣ находится списокъ XV в. Интересно лишь въ графическомъ отношеніи *Буквица языка Словенскаго*. Можно пожелать, чтобы послѣдующія изданія были обдуманнѣе и доступнѣе для «неокапитализированныхъ ученыхъ».

1) Быть членомъ этого «Общества» можно за ежегодный взносъ въ 200 руб.

9.

Въ засѣданіи 2 апрѣля 1878 г. предсѣдатель А. А. Котляревскій обратилъ вниманіе членовъ на новую книгу: «*Очеркъ дѣятельности комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ*», состоящей при главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Комиссія эта, обязанная своимъ происхожденіемъ славному покровителю наукъ, графу Н. П. Румянцеву, памятна для науки русской исторіи... Последняя обязана ей многими классическими изданіями, какъ: «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», «Софійскій временникъ», «Іоаннъ Экзархъ Болгарскій», «Бѣлорусскій архивъ» и т. д., и т. д. Дѣятельность этой комиссіи заслуживала внимательнаго разсмотрѣнія. Помѣщенные въ книгѣ «Историческія свѣдѣнія» о ней знакомятъ съ ея дѣятельностью очень кратко (всего на 40 стр.): это скорѣе сухая докладная канцелярская записка, чѣмъ «Историческія свѣдѣнія»... Затѣмъ въ книгѣ на 166 страницахъ помѣщены въ высшей степени занимательныя выписи изъ отчетовъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ... Хотя выписки и носятъ офиціальныи характеръ, но онѣ отмѣчены характеромъ такой оригинальности *въ историческомъ смыслѣ*, что нѣсколько выдержекъ изъ нихъ не будутъ лишними для характеристики *теперешняго* состоянія этого учрежденія, съ которымъ въ прошедшемъ связаны славныя имена графа Румянцева, Д. Н. Баптынгъ - Каменскаго, А. О. Малиновскаго и др... Выписки изъ отчетовъ отличаются рѣдкою въ нашей офиціальной литературѣ правдивостью и откровенностью. Г. директоръ въ открытую говоритъ о дѣятельности своей и своихъ чиновниковъ. Какъ извѣстно, «архивъ» въ 1874 году переведенъ былъ изъ стараго зданія въ новое: пужно было уложить дѣла и бережно перевозить. «Громадная операція сія, по словамъ отчетовъ, была окончена въ 24 дня; при чемъ въ отношеніи здоровья и силъ служащихъ и въ отношеніи расторопности и точности примѣнялись правила военной службы: сберегались люди, не

терялось время, и всѣ приказанія директора исполнялись съ незабвеннымъ для него самоотверженіемъ. Считая непремѣнною своею обязанностью поощрять подчиненныхъ своимъ примѣромъ, онъ (т. е. директоръ) присутствовалъ при нагрузкѣ и отправленіи транспортовъ изъ стараго зданія, слѣдилъ за безостановочнымъ проѣздомъ ихъ по улицамъ и встрѣчалъ транспорты въ новомъ зданіи; а нѣкоторые изъ нихъ, какъ особенно важные и цѣнные, сопровождалъ безотлучно; наконецъ и самое размѣщеніе дѣлъ въ новые шкапы производилось подъ руководствомъ директора.... Все это отъ него требовало не только знанія дѣлопроизводства и основательныхъ археографическихъ свѣдѣній, но и распорядительности дѣятельнаго администратора....» Всему, по отчету, г. директоръ архива удовлетворилъ въ высокой степени совершенства. Но симъ, однако, не исчерпывается его обширная дѣятельность. Отчетъ помѣщаетъ многія объявленія благодарности ему отъ разныхъ лицъ, «за радушное содѣйствіе», «свойственную ему обязательность», съ какою онъ принималъ участіе въ рѣшеніи учено - историческихъ вопросовъ, «за рѣдкое дѣятельное сочувствіе общественному дѣлу». Такъ же и дѣятельность чиновъ архива была очень обширна. Отчеты подробно распространяются о ней. Но есть одна сторона ея, которая хотя и очень ясна, но опредѣлена не съ подобающею выпукlostью. Это — подборъ и пріискиваніе въ новѣйшихъ трудахъ по русской исторіи тѣхъ ссылокъ, которыя сдѣланы тамъ на «дѣла и документы» архива. Высокая важность подобной работы не подлежитъ сомнѣнію, и нельзя отнестись равнодушно къ той тщательности, съ какою отчеты отмѣчаютъ, что г. Трачевскій сначала сдѣлалъ 261 такую ссылку, а потомъ прибавилъ еще 76; въ какихъ томахъ своей исторіи и въ какихъ «примѣчаніяхъ» сколько разъ проф. Соловьевъ ссылался на дѣла архива; что проф. Шпилевскій сдѣлалъ 21 ссылку, Кулишъ — 6 ссылокъ, Перетятковичъ — 17 и т. д., и т. д.; а чиновникъ Рачинскій даже въ застольной рѣчи ген. фонъ-Кауфману нашелъ возможнымъ сдѣлать 8 такихъ ссылокъ; что вообще въ 1876 г. появилось въ русской

печати 1261 ссылка на архивныя дѣла. Работа многополезная и, конечно, для нея назначено «особое отдѣленіе въ архивѣ», ибо непосильна же она труду одного - двухъ лицъ. Вообще, книга, несмотря на officialный характеръ, богата характерными подробностями и откровеніями. Не должно пройти незамѣченнымъ, что въ числѣ знатоковъ русской исторіи и археографіи открывается П. В. Хавскій; а для того, чтобы убѣдить русскихъ въ ученомъ достоинствѣ извѣстнаго сборника Кириши Данилова, приводится мнѣніе о немъ г-на Рамбо.... Прежде сего ученаго галла мы, конечно, не имѣли о семъ предметѣ правильнаго понятія!

Румянцевская комиссія основана въ 1811 году. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ тружениками ея — Калайдовичемъ, Строевымъ и др. издано болѣе восьми капитальнѣйшихъ изданій по русской исторіи, но кто же позавидуетъ *этой* старинѣ въ виду тѣхъ блестящихъ успѣховъ и той широкой дѣятельности, какую комиссія и вообще архивъ получилъ въ послѣднее пятилѣтіе, и какая ярко свѣтитъ даже въ officialныхъ отчетахъ его! *Nic labor extremus, longarum haec meta viarum!*

10.

Въ засѣданіи 23 апрѣля 1878 года предсѣдатель А. А. Котляревскій обратилъ вниманіе членовъ на новую книгу Рихарда Андре: *«Этнографическія параллели и сравненія»*, Штутти. 1878 г. (Andrée, *Ethnographische Parallelen*). Сравнительный способъ изслѣдованія сталъ въ настоящее время господствующимъ въ языковѣдѣніи, исторіи, древностяхъ, этнографіи и антропологіи. Трудъ Андре представляетъ очень пригодный сборникъ матеріаловъ для сравнительной науки древности и этнографіи вообще, и спеціально для русско-славянской. Это по большей части выдержки изъ путешественниковъ, ка-

сающіяся культурной исторіи различныхъ племенъ и народовъ. На сколько интересна книга, показываетъ ея содержаніе. Она трактуетъ: а) о дняхъ добрыхъ и злыхъ и предзнаменованіяхъ; б) о замуравываніи въ стѣны живого существа для того, чтобы постройка крѣпка была, т. е. о принесеніи чело-вѣческой жертвы геніямъ мѣста. Обычай былъ распростра-ненъ и у славянъ, какъ показываетъ превосходная сербская пѣсня *Зиданье Скадра на Боянъ* (сравн. статью Эрбена о жертвахъ землѣ и русскія преданія о новгородскомъ *дѣтинцѣ*); в) объ обычаяхъ при постройкѣ дома; г) о перенесеніи болѣзней и страданій съ людей на животныхъ, на деревья (русское про-таскиванье больныхъ черезъ раздвоенное дерево) и на камни; д) о дурномъ глазѣ и сглазѣ; е) объ обычаяхъ верженія камней и сучьевъ на могилы, какъ жертвы усопшему, — обычай суще-ствующій на Руси: вспомнимъ знаменитый Аникинъ курганъ и др.; ж) объ обычаяхъ вѣшанія платковъ на деревья; з) о вовкула-кахъ и упыряхъ; и) о слѣдѣ ноги на камняхъ и объ окаменѣ-лыхъ людяхъ (сравн. наши «бабы»). Слѣды ногъ и конскихъ подковъ указываются на Руси во многихъ мѣстахъ; первоначально они имѣли смыслъ юридическаго символа завладѣнія и собственности. Отсюда, — по сближеніи понятія собственности, имѣнія, богатства и счастья, — мы видимъ *подкову* такъ часто на порогѣ лавокъ и домовъ; і) о землетрясеніяхъ (сравн. съ рус-скимъ представленіемъ стоянія земли на трехъ китахъ); к) о звѣздахъ; л) о запретной пищѣ; м) о чашахъ изъ череновъ; н) объ уродованіи себя въ печали (траурѣ — лицедраніи); о) о кузнецахъ (сравн. въ Англіи браки у кузнеца Гретна-Грина признаются и теперь дѣйствительными); п) о значеніи мачехи; р) о нареченіи имени и значеніи собственнаго имени вообще; с) о биркахъ и рунахъ — начало картографіи; т) объ исторіи перво-начальныхъ денегъ: «деньги до денегъ», цѣнности (ср. полотно); у) къ исторіи зонтика, и ф) объ изображеніи различныхъ живот-ныхъ на скалахъ, такъ называемая петроглифія. Последняя статья интересна для русской древности, ибо изображенія на

камняхъ, какъ извѣстно, находятся и у насъ, въ Олонецкой губерніи, въ Сибири и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, на Дону. Означали ли изображенія инвентарь скота, перепись, охоту, или имѣли значеніе идеографическаго письма въ родѣ первоначальныхъ египетскихъ іероглифовъ? трудно пока рѣшить. Объясненія можно ждать отъ сравнительной науки древности.... Вообще книга Андре, хотя написана не ученымъ, а дилетантомъ, но, какъ сводъ, какъ подборъ свѣдѣній и фактовъ изъ путешествениковъ, имѣетъ значеніе и для отечественной науки. — Затѣмъ А. А. Котляревскій заявилъ, что французскій переводъ Барбьеде-Менара извѣстнаго сочиненія Массуди *«Золотые луга»* оконченъ IX томомъ. Важность этого источника славянской древности давно признава; существуютъ болѣе или менѣе полныя извлеченія изъ него (Шварца и Гаркави) свѣдѣній о славянахъ, но они оказываются недостаточными: для правильнаго употребленія этихъ свѣдѣній въ историческомъ смыслѣ необходимо впередъ опредѣлить географическую и этнографическую терминологію арабскаго писателя, или систему его, т. е. необходимо изучить все его сочиненіе. Тогда только извѣстія его могутъ быть освѣщены и поняты надлежащимъ образомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на употребленіе Массуди слово — *«тюркъ»*. Откроется, что подъ этимъ терминомъ разумѣются и дѣйствительные тюрки въ тѣсномъ смыслѣ, и другіе народы въ смыслѣ обширномъ. Нечего удивляться, что и славяне попали въ число турукъ.... Не приведя въ ясность этой стороны арабской этнографіи, нельзя пользоваться ея показаніями.

11.

Въ засѣданіи 7 мая 1878 г. предсѣд. А. А. Котляревскій сдѣлалъ сообщеніе о недавно вышедшихъ книгахъ, именно: а) о книгѣ *Будиловича*: Первобытные славяне по даннымъ лексикальнымъ, ч. I, б) о рецензіи *Павлова* на соч. Попова: «Историко-

литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ»; в) объ «Изслѣдованіи Златоструя» *Малинина*.

12.

Въ засѣданіи 21 мая 1878 г. предсѣдатель А. А. Котляревскій сдѣлалъ сообщеніе о второй части сочиненія *Ефименка*: «Матеріалы по этнографіи русскаго населенія архангельской губерніи» и о 1-мъ т. «Исторіи русскаго права» Самоквасова.

13.

Въ засѣданіи 17 сентября 1878 г. предсѣдатель А. А. Котляревскій обратилъ вниманіе на двѣ вновь вышедшія книги:

а) «*Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ*» 1584—1725 гг., т. I, Викторова. Въ первый вышедшій томъ вошли: описаніе бумагъ Казеннаго приказа, Государевой мастерской палаты и палаты Царицыной. Трудъ въ высшей степени почтенный и очень важный для археологіи и быта XVI—XVII вв. Извлечено все важное касательно одежды, украшеній, утвари, товаровъ, и вещей царскаго обихода. Есть свѣдѣнія и по рукописной древности, и по исторіи, и по исторіи художествъ и предметовъ церковной древности. Авторъ «Описанія» выполнилъ свою задачу съ необыкновенною добросовѣстностью и трудолюбіемъ. Второй выпускъ будетъ содержать обзоръ записныхъ книгъ Оружейной палаты, Государева кабинета и проч., а также (что въ высшей степени важно и интересно) описаніе записныхъ книгъ Приказа тайныхъ дѣлъ и переписныхъ книгъ дворцовыхъ соборовъ и церквей.

По поводу этой книги, проф. Котляревскій припомнилъ, что по иниціативѣ гр. Д. А. Блудова, направлявшаго изданіе «Дворцовыхъ разрядовъ», г. Забѣлину было поручено описаніе архива Оружейной палаты. Вмѣсто описанія г. Забѣлинъ представилъ

исторію, или полную лѣтопись домашней жизни русскаго Двора XVI—XVII вѣка, на основаніи рукописнаго матеріала Оружейной палаты. Куда дѣвалась эта объемистая (болѣе чѣмъ въ 1000 листовъ) и важная рукопись — самому г. Забѣлину неизвѣстно.

б) Н. Барсукова *«Жизнь и труды Павла Михайловича Строева»* (Спб. 1878, 668 стр.). Имя Строева почти неизвѣстно, а между тѣмъ съ его личностью связаны успѣхи Русской исторіи и исторіографіи почти въ теченіе цѣлаго пятидесятилѣтія. Студентомъ еще онъ издавалъ журналъ: *«Современный Наблюдатель Россійской словесности»*, сильно не понравившійся тогдашнимъ литературнымъ ветеранамъ (между прочимъ и Шишкову) своимъ основательнымъ разборомъ поэмъ Хераскова. Тогда же Строевъ издалъ коротенькій учебникъ русской исторіи и напечаталъ въ *«Сынѣ Отечества»* статью о родословныхъ русскихъ князей. Онъ обратилъ на себя вниманіе графа Н. П. Румянцева и послѣдній поручилъ ему объѣздить монастырскія библіотеки. Строевъ сдѣлалъ первыя описанія библіотекъ: Іосифа Волоколамскаго, Воскресенскаго и Звенигородскаго Саввы Сторожевскаго монастырей, а позднѣе — Пафнутія Боровскаго монастыря. Вмѣстѣ съ тѣмъ Строевъ примкнулъ къ архиву иностранныхъ дѣлъ, въ качествѣ члена комитета печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, издалъ *«Софійскій Временникъ»*, 2 тома *«Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ»* и въ 1825 г. представилъ свой знаменитый проектъ объ археографическомъ путешествіи по Россіи, проектъ, приведенный въ исполненіе лишь когда Академія наукъ ассигновала на это часть денегъ, пожертвованныхъ гр. Румянцевымъ на изданіе лѣтописей. Долголѣтніе и исполненные всякихъ лишеній труды по археографической экспедиціи, начальникомъ которой Строевъ былъ назначенъ, легли преимущественно на него одного; въ послѣдствіи ему отчасти помогалъ Бередниковъ. Казалось бы такому человѣку и стоять во главѣ учрежденія, которое смѣнило временную археографическую экспедицію, — археографической комиссіи; но предсѣдателемъ ея назначили кн. Ширинскаго - Шихматова... Строевъ удалился

отъ дѣлъ и уединился въ Москвѣ. Потомъ мы видимъ Строева примкнувшимъ къ Обществу исторіи и др. россійскихъ, въ качествѣ бібліотекаря, описывающаго книжныя и рукописныя сокровища Общества, но и здѣсь ему не повезло: нѣкоторые лица воспользовались его небрежнымъ ходженіемъ въ бібліотеку и отдалили его отъ участія въ дѣлахъ Общества. Но любовь къ наукѣ, любовь къ архивнымъ занятіямъ не покидала Строева. По-прежнему онъ занимается и издаетъ *«Описаніе бібліотеки Царскаго»* (рукописной и старопечатной), описываетъ старопечатныя книги, не вошедшія въ его прежнія описанія, издаетъ *«Выходы царей»* съ превосходнымъ археологическимъ указателемъ или словаремъ, издаетъ извѣстный *«Ключъ къ исторіи Карамзина»*, *записки Данилова*, неутомимо трудится надъ составленіемъ указателя къ *«Полному собранію Русскихъ Лѣтописей»* и *«Списка Русскихъ іерарховъ»* (изданнаго по его смерти). Главная работа Строева — *«Словарь древне-русской письменности»* — въ краткомъ лишь извлеченіи была помѣщена въ *Журналѣ Мин. Народ. Просв.*; весь же трудъ остался въ рукописи и въ настоящее время издается акад. Бычковымъ.

Книга г. Барсукова отличается необыкновенною добросовѣстностью. Нѣкоторые статьи въ ней представляютъ буквальную перепечатку статей, отчетовъ и писемъ Строева; составитель рѣдко позволяетъ себѣ собственные сужденія. Какъ матеріаль для историка, книга г. Барсукова — кладъ. Она содержитъ массу новыхъ свѣдѣній, замѣтокъ и намековъ, интересныхъ не только для науки, но и въ общественномъ отношеніи. Эго — яркая, *подлинная* картина скромной и бѣдственной жизни русскаго ученаго, тѣснимаго канцелярскимъ и полуученымъ невѣжествомъ и поучительный для потомства примѣръ ученаго мужества и стойкости... Нѣкоторые считаютъ недостаткомъ книги г. Барсукова — отсутствіе оцѣнки трудовъ Строева; но это — скорѣе ея достоинство. . . .

14.

Въ засѣданіи 22 октября 1878 г. предсѣдатель А. А. Котляревскій а) сообщилъ о *Михалково-днѣстрянскомъ кладѣ*, на основаніи статьи А. С. Петрушевича, помѣщенной въ львовской газетѣ «Слово» (№№ 93 и 94). Въ селѣ Михалково (въ восточной Галиціи) произошелъ значительный обвалъ земли, невдалекѣ отъ рѣч. Ничлавы, впадающей въ Днѣстръ. Сельскій пастухъ, замѣтивъ на берегу что-то блестящее, похожее на желтую мѣдь, разсказалъ объ открытіи своей матери, которая на другой день, отправившись на указанное мѣсто, набрала изъ земли около шести фунтовъ упомянутаго желтаго металла. Для продажи этой находки она обращалась къ еврею; но вслѣдствіе малой цѣны, предложенной евреемъ, по рекомендаціи мѣстнаго священника и войта, уступила находку графу М. Борковскому, помѣщику сосѣдняго м. Мельницы. Оказалось, что найденный металлъ, не желтая мѣдь, но чистое золото, безъ всякой примѣси. Еврейское населеніе, узнавъ объ открытомъ кладѣ, продолжало раскопку, надѣясь на дальнѣйшія находки, но съ какимъ успѣхомъ—неизвѣстно. Въ августѣ Михалковский кладъ (*złoty skarb*) былъ выставленъ въ г. Львовѣ, въ зданіи ратуши, для осмотра за особую плату. Онъ оказался состоящимъ изъ различнаго рода золотыхъ украшеній и такой же короны. По художественной отдѣлкѣ вещей, ихъ надо причислить къ *скандинавскому* ¹⁾ типу (IX—X вѣка). Срисовать вещи г. Петрушевичу не удалось, вслѣдствіе запрещенія завѣдывавшего выставкой, ибо владѣлецъ ихъ удерживаетъ за собой право издать ихъ изображенія.... Судя по узорамъ и типу золотыхъ вещей, онѣ должны бытъ дѣломъ рукъ одного мастера.

Въ самомъ большемъ количествѣ сохранились въ Михалков-

1) Cp. Die Gräber der Liven. Ein Beitrag zur Nordischen Alterthumskunde und Geschichte von Johann Karl Baehr. Dresden, 1850 in 4°, съ XXI снимкомъ.

скомъ кладѣ различныхъ формъ и размѣровъ *дутья золотыя бусы*, величиною отъ мелкаго зерна до большого продолговатаго лѣсного орѣха. Кромѣ бусъ, тутъ же находятся *золотыя продолговатыя и овальныя пластинки* съ цилиндрикомъ сзади для нанизыванія ихъ на проволоку или цѣпочку; *толстые золотыя браслеты*, изъ которыхъ меньшіе представляютъ собою, повидимому, остатки золотой запонки; *золотое ожерелье*, обвитое тонкою золотою проволокою; нѣсколько *большихъ золотыхъ дутыхъ шариковъ* съ узорами, похожими на рисунки старинныхъ русскихъ колецъ; они нанизывались на золотую проволоку. Судя по работѣ, эти вещи должно отнести къ болѣе позднему и болѣе искусному по производству времени.

Замѣчательны также двѣ *круглыя выпуклыя золотыя пряжки*, служившія для украшенія поясовъ, дюйма въ четыре въ поперечникѣ. На одной изъ пряжекъ, въ видѣ украшенія, размѣщены пять кружечковъ; на другой два концентрическіе круга, изъ которыхъ средній окружаютъ восемь колечекъ.

Въ двухъ экземплярахъ находится *золотая продолговатая пластинка* съ выкованными какъ на коронѣ, узорами, для украшенія косы у женщинъ. Пластинка соединена съ согнутой въ полукругъ проволокой, на которой висятъ золотыя шарики. Изъ *большихъ золотыхъ предметовъ* находятся въ Михалковскомъ кладѣ: *корона, чапа и три изображенія животныхъ*. Корона выкована изъ золотой жести, съ ажурными украшеніями въ видѣ небольшихъ зубцовъ по верхнимъ краямъ ея. Зубцы попеременно изогнуты, то другъ къ другу, то врозь. Корона въ настоящемъ своемъ видѣ разломана на нѣсколько частей и укрѣплена на нарочно для этого сдѣланномъ обручкѣ. Была ли она сверху открыта, или составляла только родъ діадемы—трудно было заключить по наружному осмотру. Быть можетъ, что уцѣлѣвшая крайняя часть короны была помѣщена на покрывающемъ голову колпакѣ, на верху котораго было прикрѣплено золотое украшеніе, находящееся въ числѣ золотыхъ вещей,—золотой столбикъ около трехъ дюймовъ высоты, укрѣпленный на четырехъ крестообразно

расположенныхъ золотыхъ листикахъ. Противорѣчить этому предположенію изящество художественной отдѣлки послѣдняго украшенія, сравнительно съ грубою отдѣлкою короны. Украшеніе въ видѣ трехъ пугово-образныхъ выпуклостей, какъ на стѣнкахъ короны, такъ и на нѣкоторыхъ пластинкахъ—говорить за то, что дѣлалъ ихъ одинъ и тотъ же мастеръ.

Опуская объясненіе, сдѣланное г. Петрушевичемъ, о символическомъ значеніи зубцовъ на коронѣ, какъ совершенно къ дѣлу неидущее, А. А. Котляревскій ради куріоза воспроизвелъ приводимую имъ же изъ «Gazeta Narodowa» (№ 196, 1878) «Odezwa do badaczów historyi ziem polskich» dr. Александра Прачловскаго, въ которой говорится: «Pozwalam sobie twierdzieć skromnie (?), ale i z pewnością (!) że mamy przed sobą *insygnia krula Cyrusa wnuka Astyagesa, poległego w bitwie przeciw Masagetow, stoczoney w roku 529 przed chrzescianstwem (sic) a schronione wśród popłochu klęski przez dworzan tegoż krula*». Нелѣпость, высказанная dr. Прачловскимъ, съ полнымъ довѣріемъ повторена чешскими газетами, будто Киръ нашелъ кончину въ приднѣстровской странѣ, тогда какъ всякому извѣстно, что Киръ съ своими полчищами никогда не заходилъ въ предѣлы Европы....

Изображенія животныхъ Михалковскаго клада вырѣзаны изъ золотыхъ пластинокъ съ украшеніями по краямъ ихъ. Такъ какъ предметы клада въ настоящемъ своемъ видѣ перемѣшаны и перепутаны, то и трудно угадать, къ чему извѣстныя части относились и съ чѣмъ составляли одно цѣлое. Два животныя представляютъ собою, кажется, *волка*; третье съ поднятою на спину головою и приподнятымъ хвостомъ — *гончую собаку*. Нижнія части послѣдней пластинки, представляющія переднія и заднія ноги, не раздѣлены, чѣмъ указывается какъ слабость художественнаго достоинства, такъ и древность клада.

б) Обратилъ вниманіе членовъ Общества на новую книгу, подъ заглавіемъ: «*Матеріалы для праисторіи челоовка съ восточной Европѣ*» (Materialien zur Vorgeschichte des Men-

schen im östlichen Europa. Von A. Kohn und Dr. Mehlis, I. B. Jena, 1879 съ 162 рис. и 13 картинами). Книга эта по своему содержанію непосредственно касается занятій Общества, такъ какъ излагаетъ археологическія изысканія, произведенныя въ южной Руси и Польшѣ въ разное время. Она заключаетъ въ себѣ данныя о польскихъ и южнорусскихъ раскопкахъ, извлеченныя изъ особыхъ специальныхъ изданій и періодической прессы. Авторы ея предупредили подобный сводъ, котораго мы вправѣ ожидать отъ русскихъ ученыхъ, и тогда, конечно, не было бы столько невольныхъ ошибокъ, вслѣдствіе незнакомства съ предметомъ во-очію, а только по книгамъ и газетнымъ извѣстіямъ. Изъ южнорусскихъ кургановъ авторы останавливаются, главнымъ образомъ, на Перепетихѣ (по изслѣдованіямъ Иванишева и др.). Что касается рисунковъ, то должно замѣтить, что они, поступивъ въ книгу не изъ первыхъ рукъ, утратили много въ сходствѣ съ оригиналами. Въ концѣ концовъ книгу можно считать интересною, какъ сводъ извѣстій о раскопкахъ изъ польскихъ газетъ, хотя отъ подобной книги желательно было бы большей осторожности.

в) Сообщилъ нѣсколько данныхъ изъ научной дѣятельности недавно утраченнаго русскою наукою ученаго Дмитрія Васильевича Полѣнова († 13 октября). Онъ окончилъ свое воспитаніе въ петербургскомъ университетѣ (одновременно съ А. В. Никитенко и Ѳ. В. Чижевымъ). По окончаніи курса, служилъ въ Аѳинахъ секретаремъ посольства. Потомъ, до конца жизни, дѣйствовалъ во II отдѣленіи Собственной Его Импер. Величества канцеляріи. Въ 1849 г. въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія появился его первый значительный учено-литературный трудъ, подъ заглавіемъ: «*Библиографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей*». Трудъ, исполненный образцово, обвиняетъ всѣ изданныя лѣтописи отъ академической Никоновой (1767 г.) и до IV-го тома «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей», издаваемаго Археографическою Комиссіею. По характеристикѣ отдѣльных лѣтописей сдѣлано все: указаны приемы,

характеръ, типическія черты изданія и указаны съ такою точностію, что иногда по нѣсколькимъ строкамъ получаешь полное понятіе о содержаніи и значеніи изданія. По словамъ покойнаго Д. В. Полѣнова, это — часть труда, который долженъ былъ касаться *всѣхъ* книгъ, относящихся къ русской исторіи. Можно надѣяться, что въ бумагахъ его отыщется продолженіе этого блестящаго по точности труда. Въ 1851 г., когда кн. Оболенскимъ былъ изданъ лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, Полѣновъ (въ «Ученыхъ запискахъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ») сдѣлалъ подробный обзоръ его, сличивъ съ другими лѣтописями, при чемъ ясно опредѣлились его особенности.

Важнѣйшимъ изъ трудовъ надо признать *«Историческія свѣдѣнія о екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія»* въ трехъ томахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1851 году образовалось въ Петербургѣ археологическое Общество, Полѣнову всегда принадлежала львиная часть въ его трудахъ (до 1871 г. онъ былъ редакторомъ изданій Общества); но всегда его тянуло къ библіографіи, и онъ составилъ «Указатель» изданій этого Общества, къ сожалѣнію неоконченный. Въ «Русской старинѣ», въ «Русскомъ архивѣ», въ «Сборникѣ русскаго историческаго Общества» и въ другихъ изданіяхъ помѣщено немало статей Полѣнова.

Дѣятельность Полѣнова нельзя пазвать блестящею, но она всегда отличалась точностію, благодаря которой его имени обезпечено надолго мѣсто въ русской наукѣ. *«Библіографію русскихъ лѣтописей»*, соч. Полѣнова, не худо было бы издать вновь. Въ отношеніи къ Кіеву Д. В. Полѣновъ оказалъ ученую услугу, какъ участникъ въ изданіи рисунковъ къ фрескамъ Софійскаго собора.

Въ засѣданіи 19 ноября 1878 г. предсѣдатель А. А. Котляревскій заявилъ, что 18 ноября совершилось столѣтіе со дня рожденія извѣстнаго писателя и дѣятеля на пользу отече-

ственного просвѣщенія Г. О. Квитки, при чемъ припомнилъ, какъ дружественно отнеслась тогда русская литература, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, къ украинскимъ произведеніямъ Квитки; какъ и тѣ, которые были противъ этихъ произведеній — были противъ нихъ отнюдь не въ силу подозрѣній въ неблагонадежности направленія Квитки, а почти на литературныхъ основаніяхъ.

1879.

16.

Въ Общемъ годовомъ собраніи 28 января 1879 г. председатель Общества А. А. Котляревскій сдѣлалъ краткую *«поминку объ А. С. Грибоѣдовѣ»*. Историческое общество Нестора Лѣтописца не можетъ остаться равнодушнымъ къ чествованію, которое обойдетъ всю Россію, пятидесятилѣтней годовщины преждевременной смерти великаго русскаго поэта. Намъ обязываетъ къ этому не только нравственная и поэтическая сила и значеніе его знаменитаго произведенія, но и самый уставъ нашего Общества.... Предполагая общеизвѣстными главные факты изъ жизни поэта и его безсмертнаго произведенія, ограничимся *поминкой* по Грибоѣдовѣ въ буквальномъ смыслѣ слова. Пятьдесятъ лѣтъ, какъ русское общество не перестаетъ смотрѣть «Горе отъ ума» въ театрѣ; пятьдесятъ лѣтъ не перестаетъ читать его; пятьдесятъ лѣтъ изучаетъ его въ школахъ; пятьдесятъ лѣтъ обогащаетъ изъ него разговорный языкъ: кому изъ насъ не приходилось прибѣгать къ неистощимому запасу мѣткихъ словъ и характеристикъ знаменитаго произведенія? Въ чемъ же заключается привлекательность этого произведенія? Заключается ли она въ созданныхъ образахъ, зависитъ ли отъ силы языка, отъ близости изображеннаго общества съ нашею современностью? Все это вмѣстѣ остается не безъ значенія, но не исчерпываетъ всей сущности дѣла. Для разъясненія вопроса, намѣтимъ общія черты изъ біографіи Грибоѣдова.

Грибоѣдовъ родился въ семьѣ, жившей преданіями старины XVIII вѣка: въ ней дѣйствовали тѣ же мысли и чувства, которыя потомъ широкою кистью изображены въ «Горѣ отъ ума». Артистическая натура Грибоѣдова не находила въ семьѣ поддержки къ образованію, а встрѣчала противодѣйствіе; въ университетъ онъ былъ отданъ не столько для образованія, сколько для чиновъ, для карьеры.... Московскій университетъ того времени на ряду съ посредственностію представлялъ уже и много отрадныхъ явленій; можно вспомнить о краснорѣчивомъ Мерзляковѣ, хотя и послѣдователѣ ложно-классической школы, но одаренномъ необыкновеннымъ поэтическимъ чувствомъ и любовію къ поэзіи, воспитывавшемъ ихъ и въ своихъ слушателяхъ.... На Грибоѣдова однако повліялъ не столько Мерзляковъ, сколько менѣе извѣстный Буле, типъ профессора-гуманиста, рѣдкій даже въ западной Европѣ, соединявшій въ себѣ многостороннія познанія въ классической литературѣ, въ философіи и въ исторіи искусствъ (подобно Лессингу, Гердеру и др.); каталогъ лекцій показываетъ, что Буле читалъ нравственную философію, эстетику, исторію всеобщую, исторію искусствъ, нигдѣ не являясь верхоглядомъ. На Грибоѣдова Буле имѣлъ рѣшающее и опредѣленное вліяніе: онъ заронилъ въ немъ уваженіе и любовь къ наукѣ, къ знанію въ широкомъ смыслѣ слова.... Заброшенный службой на дальній Востокъ, Грибоѣдовъ вспоминаетъ объ этомъ времени своихъ научныхъ занятій и возвращается къ нимъ. Любитель науки и изящныхъ искусствъ, знатокъ въ музыкѣ, которая не была исключена изъ предметовъ обученія его семейной среды, Грибоѣдовъ считалъ себя кабинетнымъ ученымъ и тяготился дипломатическою карьерой въ Персіи, и, конечно, могъ тяготиться только, благодаря вынесенной изъ университета любви къ знанію.... Случайно не удалось Грибоѣдову окончить университетъ: пока шло снаряженіе его въ дѣйствующую армію, война кончилась, и онъ попалъ въ западный край.... Этотъ періодъ жизни Грибоѣдова ознаменованъ многими странностями: молодому вину надо было выбродиться. Онъ принималъ участіе во многихъ

военныхъ проказахъ, но тогда же познакомился съ военной сферой, въ которой, правда, встрѣчались люди образованные, но не было недостатка въ такихъ, которыхъ Грибоѣдовъ обезсмертилъ въ образѣ Скалозуба.... Въ Петербургѣ водоворотъ жизни захватилъ Грибоѣдова и едва не поглотилъ всецѣло. Но петербургская жизнь съ ея театрами, дуэлями, балами и кутежами утомила его. Ему хотѣлось уйти въ науку и литературу.... Къ этому времени относится начало его знаменитаго произведенія... А между тѣмъ семья требовала отъ Грибоѣдова службы, и онъ принялъ мѣсто секретаря посольства въ Тегеранѣ, гдѣ очутился среди «дикарей» по его выраженію. Здѣсь онъ окончилъ «Горе отъ ума», начатое гораздо раньше.... Мы видимъ Грибоѣдова опять въ Петербургѣ, гдѣ онъ хлопочетъ о постановкѣ комедіи, но неудачно, и готовъ бросить все... Подоспѣло между тѣмъ «14 декабря», изъ котораго Грибоѣдовъ вышелъ чистъ, и мы снова видимъ его на Кавказѣ, а потомъ и въ Персіи, куда онъ назначенъ былъ въ качествѣ полномочнаго министра. Здѣсь и былъ убитъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ (3-го или 30-го января)....

Вотъ послужной, такъ сказать, списокъ дѣятельности Грибоѣдова. Изъ университета онъ вынесъ любовь къ знанію, къ наукѣ; изъ жизни — знаніе людей: Фамусовы московскаго общества, Скалозубы, Репетиловы, Загорѣцкіе да и почти всѣ лица комедіи живьемъ выхвачены изъ жизни. Наука дала Грибоѣдову идеалъ, стремленіе къ наукѣ — руководящее начало въ идеалѣ чловѣка. Какъ поэтъ Грибоѣдовъ понялъ свою задачу въ смыслѣ *гражданина*; онъ не хотѣлъ смѣшнить, но «добра хотѣлъ Русской землѣ»; а въ этомъ тайна великаго значенія и жизненности его комедіи: прямымъ слѣдствіемъ дѣйствія науки на чловѣка была выработка въ немъ чувства правды. Только выработавъ въ себѣ сознательное чувство *чловѣка и гражданина*, только стоя на этой широкой основѣ, могъ онъ выступить на борьбу съ растлѣннымъ обществомъ и могъ поразить его съ такой силой. Типы его комедіи еще понынѣ имѣютъ живое соотношеніе съ нашимъ нынѣшнимъ обществомъ; со временемъ

это соотношеніе исчезнетъ, за комедіей останется, повидимому, только историческое, а не жизненное значеніе; но въ поэтическихъ образахъ эта жизненность ея не исчезнетъ, никогда не потеряетъ своего значенія, ибо мировой законъ борьбы гражданской правды съ отходящимъ порядкомъ вещей, пошлостью и рутиной никогда не потеряетъ силы, пока будетъ жить сознаніе и чувство гражданского долга! Въ этомъ смыслѣ произведеніе Грибоѣдова не умретъ никогда! Его идеаль — *человѣкъ и русскій гражданинъ*! Посредствомъ поднятія чувства человѣческаго достоинства въ русскомъ человѣкѣ поэтъ стремится поднять и укрѣпить его чувство гражданина, стремленіе къ наукѣ и правдѣ, его вѣру въ исторію самостоятельной силы русскаго народа. Въ этомъ — историческомъ значеніи произведенія Грибоѣдова и причина его долговѣчности! Въ заключеніе предсѣдатель пригласилъ, по стародавнему обычаю, присутствующихъ встать, и выразить тѣмъ уваженіе къ памяти великаго человѣка.

 17.

Въ засѣданіи 25 февраля 1879 г. по поводу сообщенія В. С. Иконникова о книгѣ А. Ѳ. Бычкова¹⁾, А. А. Котляревскій обратилъ вниманіе на очень интересный фактъ: изъ латинскихъ документовъ (въ сборникѣ *Яна Лазницкаго*) давно извѣстно было посланіе Ивана Грознаго къ чеху Яну Рокитѣ; но подлинный текстъ долго былъ неизвѣстенъ: онъ найденъ и напечатанъ только въ прошломъ году въ Холмскихъ Епархіальн. Вѣдомостяхъ и въ Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей. Причина долгой неизвѣстности текста заключалась въ томъ, что это важное произведеніе попало въ рядъ псевдо-анонимныхъ, тогда какъ изъ «описанія рукописей»

1) Въ Чтеніяхъ въ Ист. Общ. Нест. Лѣт. в. II, стр. 102.

А. О. Бычкова видно, что это посланіе, какъ рѣчь слово въ слово обращено къ Максиму Греку Святогорцу, и православный грекъ превращенъ въ еретика! Фактъ знаменательный, указывающій, что въ древней Руси въ обычаѣ было усваивать произведенія лицамъ извѣстнымъ, что, быть можетъ, подъ псевдо-анонимами откроются многія произведенія извѣстныхъ лицъ.

Имъ же было обращено вниманіе членовъ на *первый* томъ «Памятниковъ древней письменности» (изданный Обществомъ Любителей древне-русской письменности) съ цѣлю дать ему нѣкоторое критическое освѣщеніе. На изданіи лежитъ печать какого-то канцелярскаго формализма: ученія сообщенія и статьи называются не иначе, какъ «докладами». Таковъ «докладъ» кн. П. П. Вяземскаго «объ *Архивъ Ягича*»: онъ не даетъ ничего существеннаго и мало знакомить съ этимъ важнымъ изданіемъ; статья о *Крижаничѣ* (послѣ изслѣдованій Брикнера и даже Маркевича) не имѣетъ цѣны; равно какъ и извлеченіе изъ статьи Ягича о славянской народной поэзіи (послѣ полного ея перевода въ Славянскомъ Ежегодникѣ 1878 года). Можно было бы предполагать, что окажется весьма важною статья кн. Вяземскаго «о литературной исторіи *Физиолога*»; но, къ сожалѣнію, это скорѣе рядъ летучихъ замѣтокъ, чѣмъ литературная исторія. Важна, напротивъ, статья *Булгакова*: «Сборникъ повѣстей XVII вѣка». Здѣсь мы находимъ, напримѣръ, древнѣйшую редакцію извѣстной повѣсти о бражникѣ, нѣкогда помѣщенной Аксаковымъ въ «Русской Бесѣдѣ» и затѣмъ Аѳанасьевымъ въ «Легендахъ». Она оказывается литературнымъ заимствованіемъ, ибо почти дословно встрѣчается у французовъ въ извѣстномъ «фаблио»: «du vilain qui conquist Paradis par plais», у нѣмцевъ и даже въ литовскихъ сказкахъ. Повѣсть эта играла столь важную роль, что московскія старообрядцы сочли не лишнимъ обратить на нее свое вниманіе въ своемъ «Окружномъ посланіи» 1862 г. «Докладъ» г. Булгакова по этому имѣетъ значеніе и для исторіи литературы; а равнымъ образомъ не безъ значенія и статья его «о страстяхъ Господнихъ, или Никодимовомъ евангеліи». Этого сказанія есть двѣ редакціи:

русская съ картинами, извѣстная при Петрѣ В., и малорусская. Далѣе идутъ «статьи»: исторія развитія русскаго искусства по соч. Віоле-ле-Дюка (Мартынова); палеографическія собранія князя Путятина (не представляютъ ничего важнаго); интересны фотографическіе снимки вещей Ипатіевскаго монастыря (впрочемъ не позже XVII вѣка).

Мы можемъ привѣтствовать, заключилъ А. А. Котляревскій, желаніе Общества Любителей Древне-русской письменности сдѣлать свои изданія доступными для публики; можемъ привѣтствовать два-три *доклада* перваго тома; но не можемъ не пожелать видѣть поболѣ статей, содержащихъ научный интересъ и достоинство.

18.

Въ засѣданіи 30 сентября 1879 г. предсѣдатель А. А. Котляревскій, между прочимъ, сообщилъ *новыя данныя къ исторіи нравовъ и воспитанія въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка*. Онъ сдѣлалъ выдержки изъ книжечки, случайно попавшейся ему у букиниста въ Москвѣ, представляющей историко-литературный интересъ.

Книжечка (въ 42 стр. 8^о) носитъ такое заглавіе: «*Духовная, сочиненная его высокородіемъ, статскимъ советникомъ и вольнаго экономическаго санктъ-петербургскаго общества членомъ, Сергѣемъ Васильевичемъ господиномъ Друковцовымъ, въ наставленіе его дѣтямъ обоего пола, 1780 года, генваря 1-го дня. Печатана въ Санктпетербургѣ 1780 года*».

Кто такой Друковцовъ? Не удалось собрать никакихъ свѣдѣній. Лишь нѣсколько обрисовываетъ его личность стихотвореніе, приложенное въ концѣ «*Духовной*», носящее слѣдующее заглавіе: «*Письмо къ г. Друковцову отъ одного стихотворца, пріятеля сочинителя*», какого-то Н. С. Р. Приводимъ изъ «Письма» маленькую выдержку:

Я, Друковцовъ, твоихъ не псчисляю дѣлъ,
Какъ въ домостройственныхъ ты опытахъ успѣлъ,
И, слѣдую своихъ пріятелей совѣту,
Полезныя издать ты тщился книги свѣту,
Ниже забавныхъ тѣхъ твоихъ трудовъ коснусь,
Что сказки издалъ ты, да не льстецомъ явлюсь,
Но память тѣмъ свою ты прямо продолжаешь,
Что нынѣ дѣтямъ ты своимъ предоставляешь.
По мѣрѣ даннаго тебѣ ума Творцомъ,
И что усерднѣйшимъ ты въ жизни былъ отцомъ,
То чада чадъ твоихъ, и сыновья и дщери,
Которымъ ты отверзть къ блаженству хочешь двери,
Съ признательностію сего о нихъ труда,
Тя будутъ почитать изъ рода въ родъ всегда.

Итакъ, изъ «Письма» видно, что Друковцовъ былъ чело-
вѣкъ литературный; въ одномъ мѣстѣ «Духовной» онъ рекомен-
дуетъ дѣтямъ «читать полезныя книги, *которыхъ я собралъ для
васъ довольное число*», но предостерегаетъ ихъ отъ чтенія «пустыхъ
и бездѣльныхъ книгъ, а паче на Французскомъ языкѣ», кото-
рыя бы могли заставить ихъ «возненавидѣть и презирать свою
націю». Въ «Духовной» же Друковцовъ является помѣщикомъ,
но помѣщикомъ, преисполненнымъ гуманныхъ идей XVIII вѣка.
Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: «Весьма бы похвально было,
если бъ черезъ десять лѣтъ за годъ оброкомъ всѣхъ прощать....
А если кто вѣрную услугу и усердіе покажетъ, таковыхъ вѣрно
на волю отпускать, а за вины наказывать... А о земледѣльцѣ
или крестьянинѣ, еще тебѣ сказать могу, не только должность
твоя есть, чтобъ тебѣ изъ него, какъ пьявицѣ, кровь сосать, и не
по мѣрѣ его силъ оброкъ собирать.... И если бы ты купилъ де-
ревню, единственно только съ тѣмъ — употребить всѣ способы,
какъ бы наскорѣе возратить съ крестьянъ данныя свои деньги,
то не можешь назваться господиномъ, но будешь еврейскимъ му-
чителемъ Пилатомъ, для того, что крестьяне твои будутъ соби-

рать ото всѣхъ милостыню, употребляя при томъ Божье имя; изъ сего послѣдуетъ тебѣ новое титло: самъ будешь *господинъ кицій*; а когда хочешь добрымъ господиномъ быть яко отецъ дѣтямъ, долженъ ты оставить дурачкія всѣ прихоти, роскоши, пьянство, частыя моды и пустыя кукольничества, которыя наносятъ въ жизни нашей одно безпокойство, убытокъ и разореніе. Старайся возстановить ввѣренному отъ Бога тебѣ стаду блаженство, покой ихъ: лѣность и всякое безуміе истреби...».

По всей книжечкѣ проходить идея гуманности. Друковцовъ нападаетъ на тѣ же пороки и недостатки общества, которые выставлялъ на позоръ въ сатирическихъ журналахъ Новиковъ, на которые нападалъ въ своихъ комедіяхъ Фонвизинъ. Такъ, авторъ «Духовной» касается вреда суевѣрій, сплетенъ, увлеченія модами, обрисовываетъ иноземныхъ гувернеровъ, которымъ поручалось воспитаніе русскихъ дѣтей?

Нѣкоторыя выдержки подтверждаютъ сказанное выше. Такъ о выборѣ воспитателей для дѣтей Друковцовъ говоритъ: «А если кому случай допустить быть женатому, напоминаю о воспитаніи дѣтей приложить свое стараніе: когда хочешь имѣть утѣшеніе отъ нихъ, не ввѣрять слѣпо учителямъ чужестраннымъ, ибо хорошихъ здѣсь весьма мало, и такъ рѣдки, что и за большія деньги сыскать невозможно, *а клейменныхъ осматривать еще и понынѣ обычаю нѣтъ*. Много я о семъ старался, когда ко мнѣ учителя для васъ приходили, имѣлъ съ ними договоръ съ тѣмъ, если онъ себя позволить раздѣтъ и осмотрѣтъ спину, платилъ ему за годъ не въ зачетъ; то никакого на то охотника не нашелъ, кромѣ одного француза Франца Тирана. Я по смерти ему былъ доволенъ, который ни что иное, какъ былъ во Франціи самымъ бѣднѣйшимъ человѣкомъ и грамматическихъ правилъ нисколько не зналъ; однакожъ могу сказать, что старикъ былъ добраго поведенія, и вы имъ были довольны. Всякъ легко разсудить можетъ, можно ли доброму человѣку оставить свое отечество; много и русскихъ подлыхъ бѣгаютъ, однакожъ назвать ихъ добрыми людьми не можно, для того, что хорошій человѣкъ вездѣ надобенъ, и всякъ

будетъ ему радъ въ своемъ отечествѣ, но чужестранные больше умѣютъ рассказы дѣлать, безстыдно лгать и увѣрять, также разныя о себѣ храбрыя исторіи рассказывать, будто отъ поединковъ, спасая жизнь свою, чтобы не быть повѣшену, себя сохранили; легковѣрные люди выдуманному ихъ обману скоро вѣрятъ, а чрезъ то дѣлаютъ себѣ великіе убытки и разореніе».

Говоря въ другомъ мѣстѣ о ложномъ воспитаніи, Друковцовъ прямо выставляетъ противень того типа, который выведенъ Фонвизинимъ въ сынѣ бригадира: «Неразсудные, выучась болтать, какъ сороки, врутъ, что на умъ взбредеть.... Мнѣ случилось видѣть: мужикъ съ бородою зналъ по-французски, вошелъ въ комнату; пустомеля заболталъ, мужикъ все слышалъ; какъ кончилъ свою рѣчь, мужикъ сталъ его благодарить, сказавъ на французскомъ языкѣ: я зналъ вашего батюшку и думалъ, что ты отъ него рожденъ, а теперь вижу, что отъ француза, — ты общимъ словомъ всѣхъ русскихъ назвалъ свиньями, не исключая своихъ дражайшихъ родителей. Сего весьма остерегаться должно, я желаю вамъ лучше быть на одномъ языкѣ честными и добрыми людьми, нежели на многихъ — вредными обществу».

Другія бытовыя стороны, указываемыя «Духовною», также очень интересны. Такъ о сплетницахъ говорится: «Ихъ больше должно бояться дьявола, языкъ ихъ острѣе змѣинаго жала, злая женщина хуже городского набата, или сигнальнаго колокола, въ праздникъ и въ простой день безпрестанно языкомъ звонить, во вредъ другимъ и на всѣхъ лаетъ».

Не оставленъ также безъ вниманія и вопросъ о бракѣ: «Если оба, мужъ и жена мягкосердечны, то можетъ быть между ними совершенная дружба, если же не такъ, то послѣдуетъ совершенная вражда. Я зналъ трехъ женщинъ, которыя развелись съ своими мужьями: изъ нихъ первая безпрестанно просила своего мужа, чтобъ онъ ей сдѣлалъ маскарадное платье, но, къ несчастію его, не было денегъ, занимать привычки не имѣлъ, жена, разсердясь, не сказавъ мужу, послала продать образъ въ золотомъ окладѣ, на тѣ деньги сдѣлала себѣ маскарадное платье.

Какъ узналъ мужъ, сдѣлалъ ей выговоръ, и за то только одно отошла отъ него прочь. Вторая не была удовлетворена; въ торжественный праздникъ не имѣла новой кареты.... Видѣлъ еще и то: у одного мужа была жена ростомъ мала, лицомъ ряба, глазомъ крива, но при всемъ томъ была умна, скромна, ласкова, и мужъ, лиась ея, вѣчно едва съ печали могъ жизнь свою спасти, и потому видно, что она мила была ему самымъ дѣломъ, а не красотою и тѣломъ»...

Оканчивается духовная такими словами: «И такъ я за долгъ жизни моей почелъ дать вамъ сіе мое наставленіе, что и прежде и въ древнія времена родители дѣтямъ своимъ, всякъ по своему разумѣнію, оставляли».

19.

Въ засѣданіи 11 ноября 1879 г. сущность сказаннаго предсѣдателемъ А. А. Котляревскимъ, по поводу сдѣланнаго В. Б. Антоновичемъ сближенія нѣкоторыхъ древне-славянскихъ терминовъ и названій съ осетинскими словами, ¹⁾ можно передать приблизительно такъ: въ филологическихъ выводахъ надо твердо держаться того основнаго закона современной науки о языкѣ, по которому, если въ разныхъ языкахъ попадаютъ совершенно тождественныя слова, то это еще мало даетъ права заключать о сродствѣ и тожествѣ такихъ словъ: наоборотъ полное звуковое тожество въ различныхъ языкахъ всегда указываетъ на случайность этого сходства; а потому и выводы, основанные на немъ — призрачны. Истинное сходство и тожество словъ въ различныхъ языкахъ основывается на правильномъ переходѣ звуковъ. А. А. Котляревскій обратилъ еще вниманіе на то, что вліяніе армянской цивилизаціи на городское устройство юга Россіи было указано въ сороковыхъ годахъ Надеж-

1) См. въ Читеніяхъ въ Истор. Общ. Нест. Лѣт. в. II, стр. 114 сл.

динымъ, но предметъ еще ждетъ своего обстоятельнаго изслѣдователя.

Въ томъ же засѣданіи А. А. Котляревскій сдѣлалъ краткую *поминку* о недавно скончавшемся академикѣ Шифнерѣ.

Шифнеръ, какъ уроженецъ г. Ревеля, былъ знакомъ съ эстонскимъ языкомъ и на родинѣ же выучился по-фински. Онъ занялся финскою поэзіею. Ему принадлежитъ полный нѣмецкій переводъ финской поэмы «Калевалы». Переселившись въ Петербургъ, Шифнеръ былъ принятъ въ Академію Наукъ по каедрѣ финскихъ нарѣчій; но скоро перешелъ на отдѣленіе азіатскихъ языковъ и занимался монгольскимъ и тибетскимъ языками, въ области которыхъ имъ оказаны значительныя услуги наукѣ. Но эти спеціальныя занятія не отвлекли его отъ давно занимавшаго его вопроса о взаимномъ вліяніи финновъ, чудскихъ племенъ и русскаго. Изъ трудовъ Шифнера этого времени нельзя не упомянуть перевода съ шведскаго на нѣмецкій языкъ сочиненій Кастрена объ урало-алтайскихъ нарѣчіяхъ, о финской мифологіи и путешествія по Сибири. Какъ переводчикъ, Шифнеръ не ограничивался однимъ лишь переводомъ, но дѣлалъ дополненія и исправленія. Упомянутый выше вопросъ о финскомъ вліяніи, при обработкѣ его Шифнеромъ, далъ извѣстнаго рода выводы: такъ, напримѣръ, въ области мифологіи онъ указалъ на вліяніе культа скандинавскаго Тора между племенами чудскими, а также и на то, что Торъ на островѣ Рюгенѣ является въ числѣ славянскихъ божествъ, хотя и въ эстонской формѣ. Въ послѣднее время Шифнера занималъ вопросъ о такъ называемыхъ «странствующихъ повѣстяхъ», при чемъ имъ изслѣдованы очень многія сказочныя повѣсти, какъ напримѣръ, о Полифемѣ, о ворѣ Рампсинитѣ, о Сампо и др. «Странствующие повѣсти» обратили его вниманіе на источникъ такого рода сказаній, именно на буддійскую литературу и сохранившіяся въ ней сказки.

Будущій историкъ съ благодарностію помянетъ имя Шифнера, тоже сдѣлаетъ и археологъ, ибо Шифнеру и академику Бэру принадлежитъ заслуга возбужденія интереса къ доистории

ческимъ древностямъ Россіи. Равнымъ образомъ, не будетъ забыто имя Шифнера въ этнографіи. Что же касается Шифнера, какъ лингвиста, то онъ обладалъ особымъ талантомъ быстро вникать въ структуру языка, умѣлъ охарактеризовать вновь изученное нарѣчіе, что сдѣлалъ, напримѣръ, съ нарѣчіями кавказскими, не говоря уже о специальныхъ его трудахъ по языкамъ племенъ алтайскихъ. Шифнеръ не создавалъ новаго, но разрабатывалъ, классифицировалъ матеріалъ, и въ этомъ отношеніи заслуги его для русской науки несомнѣнны.

20.

Въ засѣданіи 9 декабря 1879 г. предсѣдатель А. А. Котляревскій сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія къ чтенію Н. И. Петрова о *Гулакѣ-Артемовскомъ* ¹⁾. Между прочимъ, онъ сообщилъ, что въ Императорскую Публичную Библіотеку недавно подарены г. Вагнеромъ рукописи Гулака-Артемовскаго. Нѣкоторыя изъ нихъ оказываются нигдѣ не напечатанными. Интересно, что одно изъ нихъ имѣетъ біографическій интересъ: выказываетъ разочарованіе по поводу неполученія звѣзды за службу по вѣдомству Императрицы Маріи:

«Писавъ панъ: звизду дамъ,
И червону стричку.
Отъ я ждавъ.... Дулю взявъ,
Ще й поставивъ свичку»....

Ученые труды Гулака-Артемовскаго незначительны. При вступленіи на кафедру польскаго языка Гулакъ-Артемовскій сказалъ рѣчь (она напечатана въ «Украинскомъ Вѣстникѣ») «О потребности изученія польскаго языка», 1819 г. Изъ нея

1) Вошло въ «Очерки исторіи украинской литературы», Кіевъ 1884.

видно, что Гулакъ-Артемовскій былъ основательно знакомъ съ польской литературой и не чуждъ былъ идеи о сравнительномъ изученіи славянскихъ нарѣчій. Какъ совершился переходъ Гулака на кафедру исторіи? Объ этомъ свѣдѣній нѣтъ, не существуетъ и диссертациі. Извѣстна лишь рѣчь ¹⁾ по поводу исторіи Карамзина, въ которой указанъ, между прочимъ, крупный ея недостатокъ этнографическаго характера: пренебреженіе и незнаніе Литвы. Рѣчь прошла бы незамѣтною; но въ то время стало замѣтно два теченія въ области русской исторіографіи: большинство ученыхъ и литераторовъ горой стояли за Карамзина, другіе, какъ Каченовскій и Арцыбашевъ, печатавшіе свои статьи въ Казанскомъ и Московскомъ «Вѣстникахъ», позволяли себѣ указывать ошибки исторіографа. Въ числѣ рьяныхъ поборниковъ Карамзина былъ и Степанъ Русовъ, довольно знакомый съ литературой и исторіографіей. Этотъ Русовъ напечаталъ книжку, подъ заглавіемъ: «Разборъ академической рѣчи Гулака-Артемовскаго», въ которомъ, не стѣсняясь полемическими литературными приличіями «отдѣлалъ» автора, заключивъ свой «Разборъ» такими словами: «Да будетъ стыдно г. профессору Гулаку-Артемовскому». Что Гулакъ былъ поощрителемъ ученыхъ занятій славящиной — это видно изъ посвященія ему докторской диссертациі Срезневскаго (Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ. Х. 1846).

По поводу чтенія В. Б. Антоновича ²⁾, А. А. Котляревскій обратилъ вниманіе на то, что названія: эпоха *палеолитическая* и эпоха *полированного* камня должны быть принимаемы весьма условно. Такъ, между прочимъ, геттингенскій геологъ и минералогъ Фишеръ, спеціально разсмотрѣвшій этотъ вопросъ, указалъ, что *полированность* камня зависитъ не отъ степени искусства, а отъ свойства самого камня. Слѣдовательно, строить на умѣннѣ полировать признаки древности — нельзя. Вопросъ о

1) De expediendis quibusdam slovenicae antiquitatis nodis. 1827.

2) См. Чтенія въ Ист. Общ. Нест. Лѣт. вып. II, стр. 121 сл.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

каменномъ періодѣ въ частностяхъ пока еще спорный вопросъ, и даже въ Германіи онъ въ настоящее время «волнуетъ ученый міръ», принявъ національно-патріотическій оттѣнокъ, благодаря соревнованію нѣмцевъ съ датчанами...

А. А. Котляревскимъ было обращено вниманіе собранія на нѣкоторыя вновь вышедшія книги, а именно: а) на 11-й томъ *Трудовъ Одесскаго Общества исторіи и древностей*, посвященный преимущественно классической древности; но, какъ куріозъ, тутъ же помѣщенъ переводъ путешествія Гильденштедта по Россіи, давнымъ давно всѣмъ извѣстный, ибо написанъ болѣе столѣтія тому назадъ; при томъ помѣщенъ не цѣликомъ, а въ отрывкѣ, обнимающемъ переѣздъ отъ Черкасска до Петровской крѣпости. Объяснить появленіе перевода, кромѣ залежалости въ портфель редакціи «Трудовъ», ничѣмъ инымъ нельзя. б) О *Письмахъ Галицкой и Угорской Руси*, собранныхъ Я. О. Головацкимъ, и в) о *Черноморьи* бывшаго профессора статистики и всеобщей исторіи Ф. К. Бруна, специально занимавшагося географіею южно-русскаго края. Тутъ, между прочимъ, помѣщена половина статьи о Килійскомъ устьѣ Дуная; самыми же интересными отдѣлами книги надо признать статью о существованіи древняго пути между Азовскимъ моремъ и Днѣпромъ по неизвѣстному нынѣ каналу, а также о родствѣ славянъ южно-русскихъ съ даками и гетами.

1880.

21.

Въ засѣданіи 3 (или 17-го) февраля 1880 г. предсѣдатель Общества А. А. Котляревскій посвятилъ свою поминку объ Измаилѣ Ивановичѣ Срезневскомъ его ученой дѣятельности:

О воспитаніи и обученіи Измаила Ивановича извѣстно не многое. Извѣстнѣе періодъ его пребыванія въ харьковскомъ университетѣ; съ конца 20-хъ годовъ харьковскій университетъ представлялъ заведеніе не русскаго, но западнаго типа, съ энци-

клопедическимъ оттѣнкомъ. Въ это время выдѣлялись въ средѣ профессоровъ Даниловичъ, Кронебергъ (преподававшій римскую словесность, но издававшій три учено-литературные журнала въ разное время) и Срезневскій-отецъ. Подъ вліяніемъ ихъ шло воспитаніе и обученіе Измаила Ивановича; по его собственнымъ словамъ, зерно точности и научнаго скептицизма было заронено въ немъ Даниловичемъ. Уже будучи студентомъ, Изм. Ив—чъ былъ литераторомъ: печаталъ свои статьи въ «Альманахѣ» и въ «Харьковскихъ Вѣдомостяхъ». Университетскій курсъ проходилъ онъ по этико-политическому отдѣленію, — какъ назывался нынѣшній юридическій факультетъ, — занимаясь юриспруденціей и южно-русской этнографіей. Въ 1837 году, онъ приобрѣлъ степень магистра политическихъ наукъ и началъ тогда же въ университетѣ свои чтенія по статистикѣ. Его знаменитая *«Запорожская старина»* выходила съ 1833 по 1848 г. Но въ то же время, по инстинкту, посвящалъ уже себя славянству: студентомъ еще встрѣтилъ онъ дротарей, зазвалъ ихъ къ себѣ; они оказались словаки; онъ познакомился съ ихъ языкомъ, записалъ пѣсни и, почти одновременно съ классическимъ изданіемъ словацкихъ пѣсень Шафарика и Коллара, въ 1832 г. издалъ *«Словацкія пѣсни»*. Съ этихъ поръ онъ не оставался равнодушнымъ къ явленіямъ славянской науки въ Австріи: дѣлалъ извлеченія изъ Краледворской и Зеленогорской рукописей, помѣщая ихъ то въ «Очеркахъ Россіи» Пассека, то въ *Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія*. Замѣчательно, что уже въ 1838 г. онъ обратилъ вниманіе на русскую рукописную старину (въ ст. «Изборники») и т. п. Въ то же время занимался малорусской этнографіей, издавалъ пѣсни, изъ которыхъ многія, говорятъ, поддѣльны; но въ извѣстномъ смыслѣ всѣ изданія (кромѣ Вука Караджича) были въ то время поддѣльны, т. е. или вымышлены или стилизованы. . .

Для замѣщенія новосозданной каѳедры исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій—харьковскій университетъ, имѣя въ виду Рославскаго-Петровскаго, назначилъ его и въ заграничную

командировку въ славянскія земли; но онъ не желалъ ѣхать. При посредствѣ П. П. Гулака-Артемовскаго, совершился обмѣнъ каведръ, назначеннаго въ командировку со Срезневскимъ, и Изм. Ив—чь уѣхалъ за границу. То было время одушевленія; по энергіи посланные достойны названія піонеровъ новой науки: отчеты, урѣзанные въ печати по цензурнымъ условіямъ, показываютъ, что Изм. Ив—чь равно интересовался этнографіей, языкомъ, вещественными памятниками и пр. Онъ посѣтилъ Краковъ, Бреславль, Прагу, Загребъ, Вѣну, Бѣлградъ, Приморье, Черногорію, долину славянъ Резьянскихъ — совершилъ онъ путешествіе, большею частію, пѣшкомъ, какъ энергически-неутомимый изслѣдователь. Рядомъ съ «отчетами» въ министерство народнаго просвѣщенія, Изм. Ив — чь успѣвалъ обрабатывать цѣлый рядъ статей, въ своей области классическихъ: ему первому принадлежитъ мысль о сравнительной грамматикѣ; первая по времени статья изъ этой отрасли—*«О сродствѣ звуковъ въ языкахъ славянскихъ»* принадлежитъ ему. До него не только русскіе, но и западные европейцы ничего не знали о Черногоріи: онъ помѣстилъ статью о ней, на чешскомъ яз , въ «Музейникѣ». Тогда-же задумалъ онъ трудъ по міѳологіи, положивъ въ основу его не только прежде сдѣланныя изслѣдованія, но и живой этнографическій матеріалъ. И если сравнить изслѣдованія, почти современныя, Касторскаго и Срезневскаго, который является достойнымъ ученикомъ Як. Гримма, —окажется поразительная разница! Рукописною стариною Изм. Ив—чь занимался и въ это время, но не видно, чтобы отдавался ей всецѣло, какъ впоследствии. Четыре года были проведены Срезневскимъ за границей; вѣроятно, во время заграничнаго еще пребыванія, выработалась у него та идеальная программа по славяновѣднію, которая впоследствии въ 1848 г. была разослана министерствомъ и въ которой ясно, точно и, можетъ быть, въ виду политическихъ заподозрѣваній, умышленно подробно изложены всѣ пункты университетскаго курса по славяновѣднію.

Возвратясь въ Харьковъ, Изм. Ив—чь посвятилъ свои за-

нятія обработкѣ сочиненія, подѣ заглавіемъ: *«Святилища и обряды славянскаго язычества»*, вышедшему въ 1846 г. въ Харьковѣ и затѣмъ въ 1848 г. вторично въ Петербургѣ. Сочиненіе это сразу составило Срезневскому ученую знаменитость. Со студентами онъ занимался не только теоретически, но и практически, приучая ихъ къ самостоятельнымъ ученымъ работамъ, чему доказательствомъ служитъ напр. напечатанное сочиненіе студента Колесникова: *«Извѣстія Византійцевъ о Славянахъ»*. Въ Харьковѣ Срезневскій оставался до 1848 года. Въ это время въ Петербургѣ скончался другъ и товарищъ его Прейсъ, и кафедра славяновѣдѣнія была предложена Изм. Ив—чу. Читая лекціи въ университетѣ и въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, участвуя въ ученыхъ обществахъ Срезневскій провелъ свои лучшіе годы, равномерно посвящая себя наукѣ. По занятіямъ — славяновѣдъ, по образованію — европейски-образованный человекъ, Срезневскій уже около 1850 г. былъ избранъ въ Академію Наукъ, въ члены ея II-го Отдѣленія. До Срезневскаго это Отдѣленіе было самое злополучное. Въ Академіи Наукъ прежняго времени русскій языкъ и словесность были совершенно исключены изъ области предметовъ, которые подвергались ученому изслѣдованію: они были удѣломъ до 1848 г. *«Россійской Академіи»* и съ присоединеніемъ ея ко II-му Отдѣленію не вышли изъ какого-то запятого положенія, сказывавшагося, между прочимъ, въ томъ, что члены другихъ Отдѣленій пользовались значительнымъ содержаніемъ, квартирами, а члены II-го Отдѣленія служили, какъ говорится, *«изъ чести»*, собирались рѣдко и проч.

Въ 1852 г. предпринято Вторымъ Отдѣленіемъ Ак. Наукъ два изданія: *«Извѣстія Академіи Наукъ»*¹⁾ (вышло 10 томовъ) и *«Записки Академіи Наукъ»*²⁾ (7 томовъ). Это — не только плодъ мысли Изм. Ив—ча, но и капитальное ученое дѣло, предста-

1) По Отд. рус. яз. и слов. И. А. П.

2) По Отд. рус. яз. и слов.

вляющее богатѣйшій репертуаръ матеріаловъ, цѣлый рядъ статей, обогатившихъ русскую историческую науку. При этомъ Срезневскій былъ предсѣдателемъ этнографическаго и археологическаго обществъ. Работалъ усиленно такъ, какъ умѣли только работать ученые бенедиктинцы. . .

Постепенно отходя отъ славянства, благодаря ознакомленію съ массою чисто-русскихъ матеріаловъ, Изм. Ив—чѣ отдался работамъ по исторіи русскаго языка. Уже для актовой рѣчи онъ избралъ тему по только что названному предмету, и плодомъ ея было сочиненіе, не имѣвшее своего прецедента (если не считать сочиненія М. Н. Каткова), мы говоримъ о *«Мысляхъ по исторіи русскаго языка»*; исторію языка онъ понималъ, какъ *исторію народа*; раздѣлялъ ее на періоды, можетъ быть, нѣсколько формально: до XII—XIV вѣка древній, затѣмъ новый; указалъ на измѣненія народнаго быта, сказавшіяся въ языкѣ и проч.

Въ это же время у Срезневскаго возникла мысль образовать словарь древне-русскаго языка. Существующій «Словарь, изданный II-мъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ» не могъ, конечно, удовлетворить научнымъ требованіямъ. Срезневскій же, всегда интересовавшійся въ памятникахъ столько же содержаніемъ, какъ и языкомъ,—для задуманнаго имъ «Словаря» перебралъ *всѣ* памятники и выбралъ изъ нихъ *всѣ* слова. Въ концѣ 60-хъ годовъ былъ уже готовъ первый корректурный листъ; система будущаго словаря была представлена на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Но прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, и развѣ теперь словарь появится, уже какъ посмертное изданіе. . .

Срезневскій издалъ цѣлый рядъ памятниковъ какъ русскаго, такъ и древне-славянскаго языковъ. Заслуга его тутъ прежде прочаго въ самомъ *способѣ* изданія: извѣстно, что не на всѣ изданія можно положиться: это зависитъ отъ *чтенія* издателя. Изданія Срезневскаго представляютъ полную достовѣрность: рукопись всегда напечатана, какъ она есть, даже съ ошибками, но ошибки исправлены, чтеніе правильное восстано-

влено въ примѣчаніяхъ. Срезневскимъ изданы «Глаголическіе памятники», «Памятники юсоваго письма» (юго-славянскіе), и эти изданія должны составить эпоху въ рѣшеніи вопроса: что за языкъ церковно-славянскій? Противъ мнѣнія, основаннаго между прочимъ на ринезмѣ, что это—языкъ древне-болгарскій,—высказывался робко Востоковъ, онъ не произносилъ окончательнаго приговора, пока не будутъ изслѣдованы средне-болгарскіе тексты. Срезневскій находилъ, что для мнѣнія о церковно-славянскомъ, какъ древне-болгарскомъ языкѣ нѣтъ никакого основанія, но отъ выводовъ воздержался...

Начавъ заниматься «словаремъ древне-русскаго языка», Срезневскій на первыхъ же порахъ натолкнулся на трудности, почти неодолимыя: ихъ представлялъ каталогъ памятниковъ, хронологія памятниковъ хотя приблизительная, содержаніе памятниковъ и пр. Иногда одна строка вывода требовала недѣльныхъ соображеній. Какъ примѣръ укажемъ выводъ въ нѣсколько строкъ о «Русской Правдѣ» (Синодал. списка 1280 г.), гдѣ коротко возстановляются три особыхъ памятника.

Въ то же время Срезневскій много работалъ надъ древнерусскою палеографіей; лѣтъ 8—9 тому назадъ руководство его было готово, но тоже осталось неизданнымъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, какъ напр.: о древнихъ русскіихъ книгахъ и нѣкотор. друг. Занятія палеографіей привели Срезневскаго къ иконографіи, и ему принадлежитъ лучшее изслѣдованіе: *Объ одеждѣ древнерусскихъ князей*. Для Географическаго Общества онъ составилъ карту юго-западныхъ славянъ.

Такова обширная и многосторонняя дѣятельность Измаила Ивановича. Не все имъ написанное одинаково важно, но 340 сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя будутъ имѣть цѣну столѣтія и долѣе, даютъ ему право на *отъчину память!*

Шлёцеръ принималъ два рода критики: *высшую и низшую*; Срезневскій, какъ показываютъ многіе изъ его трудовъ, былъ вполне способенъ къ первой, но отъ нея отказывался: «время не пришло!», но въ подготовкѣ матеріала и критикѣ его онъ весь

отдался низшей критикѣ. И дѣйствительно въ критикѣ фактовъ онъ—исполинъ въ наукѣ. Послѣ него путь открытъ. . .

Говорить о постоянствѣ его въ трудѣ считаю излишнимъ. Его поддерживала вѣра въ науку. И мы не можемъ отнестись за это иначе, какъ съ сочувствіемъ и признательностію. Есть имя, усвоенное у насъ преимущественно за митроп. Евгеніемъ—это—«бенедиктинецъ», рядомъ съ нимъ такимъ-же бенедиктинцемъ, но только въ болѣе высокомъ, научномъ смыслѣ былъ и Срезневскій.

22.

Въ Общемъ годовомъ собраніи 25 марта 1880 г. предсѣдатель А. А. Котляревскій прочелъ отчетъ о дѣятельности Общества въ истекшемъ году и о современномъ состояніи Общества.

Рѣчь свою онъ началъ такъ: «Общество пригласило Васъ, Мм. гг., на свою обычную годовую открытую бесѣду позднѣе, чѣмъ въ прежніе годы. Причины случайныя. Общество наше историческое. Помыслы и дѣятельность его увлекаютъ въ другую сторону, а среди тревогъ дня мирныя занятія ослабѣваютъ — *inter arma silent musae*. Тѣмъ не менѣе, Общество сочло себя не въ правѣ нарушить обычай и вовсе отказать себѣ въ удовольствіи имѣть васъ участниками своей открытой бесѣды. На ней оно прежде прочаго позволить скромно напомнить о своей дѣятельности въ прошедшемъ году и о своемъ современномъ состояніи, потомъ предложить вамъ чтеніе о нѣкоторыхъ сторонахъ южно-русской семейной жизни въ XVI—XVII вв.¹⁾ Дѣятельность Общества строго придерживалась на-

1) Послѣ прочтенія отчета д. чл. О. И. Левицкій прочелъ «о семейномъ бытѣ и брачномъ правѣ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII вв. (напечатан. въ «Русской Старинѣ», 1880 г., ноябрь, подъ заглавіемъ: «О семейныхъ отношеніяхъ въ Юго-Зап. Руси въ XVI—XVII вв.»).

правления, опредѣленнаго уставомъ, т. е. стремилась содѣйствовать «развитію русской исторической науки въ области исторіи политической и церковной, исторіи литературы и права, археологіи и нумизматики». Если Вы, Мм. гг., припомните, что всѣ мы, служащіе этой высокой цѣли—люди «труждающіеся и обремененные» по другимъ областямъ—служеніемъ отечественной педагогіи, ученымъ преподаваніемъ, то вы поймете, что, предоставленные нашимъ собственнымъ силамъ, поддерживаемые только нашимъ нравственнымъ поощреніемъ, мы могли выполнить эту программу въ скромной долѣ и скромныхъ размѣрахъ. Общество имѣло въ истекшемъ году девять засѣданій, посвященныхъ научнымъ вопросамъ». Затѣмъ А. А. Котляревскій представилъ систематическій перечень рефератовъ, прочитанныхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца въ 1879 г. (Ө. Я. Фортинскаго, Н. И. Хлѣбникова, Ө. Г. Мищенко, В. Б. Антоновича, П. А. Лашкарева, И. И. Малышевскаго, И. Н. Жданова, А. А. Котляревскаго, Н. И. Петрова, С. Т. Голубева), и продолжалъ такъ: «Важную отрасль дѣятельности Общества составляли обзоры явленій текущей исторической литературы. Ихъ представляли: Котляревскій, Иконниковъ, Антоновичъ, Петровъ, Мищенко, Голубевъ. Въ общей журналистикѣ критика и библіографія почти исчезли, поглощенные злобою дня, а потому у насъ они не лишни. Библіотека Общества достигла 350 томовъ. Касса, не имѣя посторонней поддержки и пополняясь членскими лишь взносами, не превышаетъ 300 р. Годъ тому назадъ изданъ 1-й томъ «Трудовъ» Общества, 2-й начатъ, но, по неимѣнію средствъ, не былъ оконченъ; въ этомъ году онъ будетъ приведенъ къ окончанію». Въ заключеніе, исполняя «печальную обязанность», предсѣдатель помянулъ двухъ дѣятелей науки, похищенныхъ у нея смертію. И. И. Срезневскій, этотъ «бенедиктинецъ» по трудолюбію, всю жизнь свою посвятилъ филологіи въ обширныхъ размѣрахъ. Онъ былъ неутомимъ въ своей дѣятельности. Нѣтъ области въ русской историко-филологической наукѣ, въ которой бы онъ не при-

ложилъ труда. Онъ началъ съ изученія южной Руси (этнографія, статистика, Запорожская старина, статьи по малорусской исторіи). Чѣмъ дальше онъ шелъ впередъ и крѣпъ, тѣмъ больше расширялась область его вѣдѣнія... Его характеризуетъ стойкость труда. Примѣры подобнаго ученаго трудолюбія становятся все рѣже и рѣже, тѣмъ болѣе нужно цѣнить память такихъ людей.— С. М. Соловьевъ, о направленіи главнаго труда котораго можно заключать по взгляду его на исторію: что она «народное самопознаніе», старался открыть сіе самопознаніе, объяснить намъ, что мы такое были. А это познаніе ободряетъ въ стремленіи впередъ къ идеалу великаго и высокаго, добра и истины, къ которому долженъ направляться русскій человѣкъ... Это чувство одушевляло Соловьева не только въ его ученыхъ трудахъ, но на каедрѣ, вездѣ... Каждый разъ какъ вглядываемся въ эти личности, отдававшіяся служенію, мы выносимъ новыя силы. Подверженная безчисленнымъ искушеніямъ, наша энергія можетъ ослабѣть въ тупомъ, холодномъ эгоизмѣ. Воспоминаніе о подобныхъ дѣятеляхъ, какъ Соловьевъ и Срезневскій, невольно будитъ наши нравственныя силы и призываетъ насъ къ дѣятельному исполненію нашего долга, служенію наукѣ. Быть можетъ, и не особенно великъ нашъ вкладъ въ науку; но мы позволимъ себѣ повторить снова: если принять во вниманіе наши средства и силы, кажется, мы имѣемъ право сказать, что мы подвизались скромнымъ, но добрымъ подвигомъ; пожелаемъ, чтобы и впредь ни на минуту не затемнялась въ насъ мысль о долгѣ и мы соблюли вѣру въ науку, одушевляемые идеей чистой науки и безкорыстнаго дѣятельнаго служенія ей, ибо

Гдѣ высоко стоитъ наука, —

Стоитъ высоко человѣкъ...

23.

Засѣданіе 14 сентября 1880 г. предсѣдатель А. А. Котляревскій открылъ нѣсколькими сочувственными словами, посвященными памяти бывшаго дѣйствительнаго члена Общества Н. П. Задерацкаго и по поводу изданія «Святославова Изборника» упомянулъ о работахъ О. М. Бодянскаго по изданію этого Изборника и прочелъ нѣсколько выдержекъ изъ приобрѣтеннаго имъ дневника Бодянскаго.

24.

Въ засѣданіи 2 ноября 1880 г. было сдѣлано сообщеніе предсѣдателемъ Общества А. А. Котляревскимъ. Сущность его состояла въ слѣдующемъ: въ 1864 г. архимандритъ (нынѣ епископъ) Порфирій Успенскій издалъ *четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго архіепископа Константинопольскаго, и разсужденіе о нихъ*. Въ первой изъ этихъ бесѣдъ въ переводѣ архимандрита Порфирія находится слѣдующее мѣсто: «Многіе и великіе изъ насъ получили свободу (изъ плѣна) по человѣколюбію: а мы немногихъ молотильщиковъ (ὀλίγους ἀλοῦς) безчеловѣчно сдѣлали своими рабами». Означенное мѣсто послужило какъ для самого издателя бесѣдъ Фотія, такъ и для послѣдующихъ изслѣдователей нашей старины (Забѣлинъ, Иловайскій, Голубинскій) основаніемъ для предположенія, что «Россы извѣстны были въ Константинополь до нашествія ихъ туда; что нѣкоторые изъ нихъ тамъ жили по торговымъ дѣламъ, держали *молотильщиковъ* или *протѣвальщиковъ хлѣбнаго зерна* и частнымъ лицамъ, а вѣрнѣе правительству, должны были что-то малое, ничтожное». Но, по заявленію референта, русскіе молотильщики, якобы жившіе въ Греціи, оказываются мифомъ, за-

несеннымъ въ нашу историческую литературу въ видѣ непреложнаго факта, благодаря только невѣрно прочитаннымъ (преосв. Порфиріемъ) и небрежно имъ изданнымъ бесѣдамъ Фотія. Въ изданіи *Наука* (Lexicon Vindobonense. Recensuit et adnotatione critica instruxit A. Nauck. Accedit appendix duas Photii homilias et alia opuscula complectens, Petropoli 1867 an.), содержащемъ тѣ же бесѣды Фотія, означенное мѣсто имѣетъ совершенно иной смыслъ, и именно читается слѣдующимъ образомъ: *человѣколюбиво будучи избавлены отъ взысканій за многія и великія преступленія, мы безчеловѣчно поработили другихъ за малыя вины* (ὀλίγους ἄλλοις). Такимъ образомъ, заключилъ референтъ, ни о какихъ русскихъ молотильщикахъ въ бесѣдахъ Фотія не упоминается, и всѣ упомянутыя разсужденія о нихъ русскихъ историковъ должны быть отнесены къ числу историческихъ недоразумѣній.

А. А. Котляревскій довелъ до свѣдѣнія Общества о выходѣ I-го выпуска «Обзора славянскихъ литературъ» Григоровича и указалъ на невозможность издавать въ такомъ духѣ посмертныя произведенія писателей; означенное изданіе страдаетъ смѣшеніемъ самыхъ элементарныхъ научныхъ понятій; также о выходѣ книги: «Жизнь Державина» Грота.

1881.

25.

Въ засѣданіи 25 января 1881 г. предсѣдатель А. А. Котляревскій сдѣлалъ сообщеніе о новыхъ явленіяхъ въ области русской историко-филологической науки, именно:

а) О второй половинѣ I-го тома *Исторіи русской Церкви* проф. Е. Е. Голубинскаго (А. А. Котляревскій остановился на рѣчи пословъ о богослуженіи болгаръ I, с. 116: «Смотрихомъ, како покланяются (болгары) въ храмѣ, рекше въ ропатѣ, стояще безъ пояса». Ропата есть средневѣковое греческое *ραπατίον*; у Дюканжа со ссылкой на Константина Багрянороднаго:

De Adm. Imp. Videtur expressisse nostrum Rampart, vallum. Въ древней лѣтописи, II, 155: Мамай угрожаетъ русскіе храмы обратить въ ропать. Это—мухаммеданскій храмъ. Ар. *рабат*, робат, монастырь, модельня, въ которой день и ночь молятся монахи).

б) Обѣ изслѣдованія Огоновскаго: *Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache*, Lemb. 1880 (Изслѣдованія въ области малорусскаго языка). Въ предисловіи разбираются общіе вопросы о малорусскомъ языкѣ, его отношеніяхъ къ великорусскому и географическомъ распространеніи малорусскаго племени, о нарѣчіяхъ и подрѣчіяхъ его. Затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣніе гласныхъ, согласныхъ малорусской рѣчи, образованія темъ и словъ, разсмотрѣніе синтаксиса и въ концѣ—вопроса объ удареніи. Послѣднее—самое слабое. При всемъ интересѣ своемъ первая глава предисловія или введенія не можетъ удовлетворить читателя, потому что представляетъ не столько выводъ изъ изученія, сколько публицистическій очеркъ вопроса объ отношеніи нарѣчій. Важнѣе вторая часть предисловія, хотя и очень кратка. Но изслѣдованія собственно состава языка значительны. Это прекрасный сводъ того, что сдѣлано преимущественно у насъ по анализу малорусскаго языка, пополненный самостоятельными изслѣдованіями. Правописаніе малорусскихъ словъ, хотя и имѣетъ притязаніе на фонетическое значеніе, но едва ли можетъ быть одобрено. Впрочемъ, я такъ говорю можетъ быть потому, что мнѣ трудно привыкнуть къ нему. Вообще сочиненіе прекрасное, а за границей первое дѣльное сочиненіе о малорусскомъ языкѣ съ точки зрѣнія современнаго языкознанія.

в) *Объ Извѣстіяхъ Общества Археологій, Исторіи, Этнографіи* при Императ. Казанскомъ Университетѣ.

г) О IV т. *Сборника Археологическаго Института*.

д) О книгѣ Чупина: «Географія и статистическій словарь Пермской губерніи», т. II, вып. V.

е) О статьѣ Diederichs'a (въ «Russische Revue»): «Русскіе родичи легенды о Григоріи на камнѣ».

ж) О «Матеріалахъ для словаря псевдонимовъ» въ «Календарѣ Суворина».

Въ концѣ засѣданія предсѣдатель А. А. Котляревскій, почтивъ нѣсколькими словами память А. Ѳ. Писемскаго и проф. Колосова, остановился подробнѣе на профессорской дѣятельности и историко-юридическихъ трудахъ проф. Лешкова. (Въ 1829 г. Лешковъ окончилъ курсъ семинаріи и поступилъ въ Педагогическій институтъ; въ 1835 году, окончивъ курсъ Педагогическаго института, отправился за границу. Въ 1839 году, по прочтеніи лекціи о семейномъ правѣ Римлянъ, Германцевъ и Славянъ, былъ назначенъ адъюнктомъ въ Московскій Университетъ по международному праву. Въ его трудахъ находилъ мѣсто историческій элементъ. Извѣстны: Рѣчь о древней русской дипломатикѣ, 1857; предварительныя работы по исторіи русскаго полицейскаго права, Общинный бытъ древней Руси, 1856; Русскій народъ и государство, 1858. Это былъ человѣкъ добросовѣстный и убѣжденный славянофилъ).

26.

Годичное публичное засѣданіе 8 февраля 1881 г. было открыто слѣдующею *рѣчью* предсѣдателя Общества А. А. Котляревскаго, посвященною памяти дѣятелей науки и литературы, унесенныхъ смертію въ послѣднее время, преимущественно памяти Ѳ. М. Достоевскаго.

«Мм.! Гг. Въ невеселую годину Историческое Общество Нестора лѣтописца пригласило васъ къ участію въ своемъ годовомъ собраніи. Въ нѣсколько дней, одинъ за другимъ, отошли на покой три писателя и одинъ ученый, люди, служившіе украшеніемъ отечественной литературы и науки. Чувствительны эти потери: чувствительна потеря добраго труженика науки проф. Лешкова, до конца дней мужественно, какъ слѣдуетъ гражда-

нину, отданнаго служенію своему алтарю; чувствительна потеря Миллера, которому Русская словесность обязана усвоеніемъ многихъ художественно-поэтическихъ произведеній нѣмецкой и англійской литературы. Еще болѣе чувствительна утрата Писемскаго, писателя сильнаго таланта и широкой кисти... Но всего чувствительнѣе послѣдняя потеря — потеря Достоевскаго... Не время теперь дѣлать оцѣнку труда и подвига жизни этого писателя: на это нужно бѣльшее спокойствіе, бѣльшее равновѣсіе духа; это — забота и обязанность грядущаго... Но мы не исполнимъ нашего долга, если не дадимъ мѣста выраженію чувства нашей потери: оно обще всѣмъ намъ, Мм. Гг., и не можетъ, не должно остаться невысказаннымъ. Чѣмъ дорогъ намъ поэтъ,

«Туда въ толпу тѣней родныхъ —

«На вѣкъ отъ насъ ушедшій геній?

Почему влечетъ онъ насъ? Почему такъ чувствительно отзывается въ нашей душѣ его утрата? Нѣтъ, не потому одному, что это былъ могучій талантъ, которому вѣдомы были и открыты самыя тайныя, незримыя обыкновенному оку движенія души и сердца человѣка, не потому одному, что геній его умѣлъ давать имъ такое художественное, поразительной глубины выраженіе, а главнымъ образомъ потому, что самъ много униженный и оскорбленный жизнію Достоевскій былъ добрымъ представителемъ за тѣхъ, «кому въ удѣлъ страданье задано», за всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ холоднымъ бездушіемъ и обидами жизни... Заботливо, съ невыразимой теплотой чувства, онъ искалъ, подымалъ и объявлялъ образъ человѣка въ этихъ страдальцахъ, забытыхъ и заточенныхъ жизнію по разнымъ темнымъ угламъ ея, отъ чердака, гдѣ бѣдуетъ мелкій чиновникъ, до избы простаго крестьянина и душныхъ, мрачныхъ стѣнъ мертваго дома... Подымая и очищая образъ человѣка вездѣ, гдѣ онъ неправедно былъ униженъ, оскорбленъ и затертъ, Достоевскій тѣмъ самымъ подымалъ и человѣческое нравственное чувство своихъ читателей... Онъ

является поэтому представителемъ благороднѣйшаго нравственнаго направленія въ литературѣ. Съ вѣрой въ достоинство и права человѣка онъ соединилъ сильное убѣжденіе въ человѣческомъ достоинствѣ русской природы. Гражданинъ человѣчества, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и достойнѣйшимъ сыномъ земли своей... Оттого какъ ни тяжелы и безотрадно мрачны подчасъ образы кисти его, они не вызываютъ коснѣнія и апатіи къ жизни, не мертвятъ духа, а внушаютъ доброе гражданское чувство защиты всѣхъ несправедливо униженныхъ и оскорбленныхъ. Они влекутъ къ дѣятельности, къ борьбѣ съ неправдою и ложью жизни; они требуютъ отъ насъ дѣятельной, спасительной вѣры въ достоинство нашей собственной природы, но вмѣстѣ требуютъ и работы, и труда надъ ея воспитаніемъ и усовершеніемъ.

Вотъ чѣмъ прежде всего дорогъ и близокъ намъ этотъ отшедшій отъ насъ образъ: онъ былъ добрымъ предстателемъ за униженныхъ и оскорбленныхъ, благороднѣйшимъ защитникомъ ихъ передъ судомъ человѣческаго чувства правды и чести. Мм. Гг.! Я говорю въ стѣнахъ университета отъ его нравственного имени и отъ имени находящагося подъ воскрыліемъ его Историческаго Общества. Едва ли гдѣ болѣе уместна и прилична наша грустная поминка... Той же великой идеѣ, какой служила русская литература въ лицѣ Достоевскаго, служить и русскій университетъ:

Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человѣкъ...

А чѣмъ выше стоитъ человѣкъ, тѣмъ болѣе уваженіе къ правдѣ и добру, тѣмъ менѣе — «несправедливо униженныхъ и оскорбленныхъ»... Въ сферѣ болѣе тѣсной къ тому же стремится и нашъ небольшой союзъ — Историческое Общество... Ибо что же такое судъ исторіи, какъ не признательное воздаяніе работникамъ человѣчества, какъ не возстановленіе правъ и доброй памяти всѣхъ несправедливо униженныхъ и оскорбленныхъ жизнію...

Университетъ, Историческое Общество, то литературное

направленіе, достойнымъ представителемъ котораго являлся Достоевскій, мыѣ представляются братьями по труду на одномъ полѣ... И нѣтъ болѣе одного изъ добрыхъ, честныхъ работниковъ этой работы!... Исполняя свой долгъ, два другіе — университетъ и Историческое Общество — приглашаютъ васъ, Мм. Гг., поднаться съ вашихъ мѣстъ и провести нѣсколько мгновеній въ тихой почтительной поминкѣ о благороднѣйшемъ представителѣ въ литературѣ за право и человѣческое достоинство всѣхъ не-праведно «униженныхъ и оскорбленныхъ».

27.

Въ засѣданіи 1 марта 1881 г., въ которомъ былъ представленъ обзоръ поэтическихъ произведеній *Шевченка* со стороны заключающагося въ нихъ историческаго матеріала, предсѣдатель произнесъ вступительное слово объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній.

«М. Г. Сегодняшнее обыкновенное собраніе наше откроется чтеніемъ, выходящимъ изъ ряда чтеній обыкновенныхъ; оно посвящено будетъ оцѣнкѣ историческаго значенія поэта. Въ Обществѣ, цѣль котораго опредѣляется занятіями исторіей, излишне было бы говорить о значеніи и важности поэтическихъ произведеній въ историческомъ отношеніи, о томъ, чѣмъ геніальнѣе, искреннѣе и непосредственнѣе поэтическое произведеніе извѣстнаго времени, тѣмъ выше оно и въ историческомъ отношеніи. Это извѣстно каждому. Но есть одна сторона въ вопросѣ, извѣстная также всѣмъ, но не всѣми признаваемая сторона, которой мыѣ да позволено будетъ коснуться прежде, чѣмъ нашъ почтенный сочленъ В. Б. Антоновичъ займетъ насъ своимъ поучительнымъ чтеніемъ.

«Только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно..., только коренья не будутъ — къ чему прилѣпиться», говорили въ

старину русскіе земскіе люди, собранные на совѣщаніе о нуждахъ русской земли... Эти слова невольно приходятъ на мысль, когда дѣло идетъ о степени исторической важности произведеній какого-нибудь поэта... Только крѣпясь корнями въ родной землѣ, подъ роднымъ небомъ, среди родной природы, окруженный, согрѣтый родными тѣнями прошедшей исторіи своего народа и живымъ образомъ текущей жизни его, поэтъ становится истиннымъ поэтомъ, — историческимъ представителемъ своего времени. Народностію опредѣляется степень его историческаго значенія. Есть, М. Г., не мало произведеній стихотворныхъ и прозаическихъ, писанныхъ Шевченкомъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ, оторванныхъ по языку и по своему содержанию отъ родной ему Украины... Какія блѣдныя, безпѣтныя созданія. Какая печальная картина усилій генія, на время уклоняющагося съ прямой дороги и позабывшаго свою миссію!... Историкъ пройдетъ съ равнодушіемъ мимо этихъ произведеній: они для него бесполезны; не согрѣютъ они и тѣхъ, кто обратится къ нимъ затѣмъ, чтобы

..... вдохновенья
 святой поэзіи узнать,
 Всю безконечность упованья
 И всю восторговъ благодать...

Не раздавалось бы и средь насъ, и во всемъ русскомъ обществѣ, и въ самомъ народѣ имени Шевченка, если бы за нимъ не было ничего иного, кромѣ этихъ ложныхъ поэтическихъ попытокъ его! Придетъ время (и оно, думаю, недалеко), когда безпристрастный историкъ русской литературы отмѣтитъ въ историческомъ движеніи ея много чистыхъ, освѣжающихъ струй, внесенныхъ въ нее поэзіей Шевченка... но онъ укажетъ, что эти струи текутъ не изъ того источника, о которомъ я теперь говорю, а изъ источника живой, «цілющей» воды родной его «Украины», изъ того источника, который своимъ потокомъ

вынесъ живую душу крѣпака изъ омута подневолья на свѣтъ Божій и отмѣтилъ его великою печатью народнаго поэта...

«Если все это справедливо, то справедливо и умѣстно въ Историческомъ Обществѣ будетъ и слѣдующее историческое пожеланіе: да получитъ общее признаніе и уваженіе поэтическая дѣятельность родного намъ края на языкѣ ему родномъ, да утвердится за нею полное право безбоязненнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго существованія и развитія... Только при такой разумной, естественной свободѣ возможно развитіе силъ и достоинствъ русской природы: только принявъ въ себя оплодотворяющія, сильныя здоровымъ содержаніемъ теченія областной жизни въ языкѣ и поэзіи, общерусская литература станетъ способна обновляться и избѣжать грозящаго ей преждевременнаго одряхленія, а общерусскій литературный языкъ получитъ ту мужественную крѣпость и изобразительность, которую со дня на день болѣе и болѣе утрачиваетъ онъ въ теплицахъ столичной беллетристики и журналистики; только при свободѣ мѣстнаго поэтическаго творчества и народной рѣчи, при довѣріи, уваженіи и поощреніи ихъ возможенъ отпоръ тому грубому эгоистическому материализму, который различными обольщеніями угашаетъ жизнь духа и все цѣнить и размѣниваетъ на звонкую, но фальшивую монету.... Двадцать лѣтъ прошло со дня смерти Шевченка... и двадцать лѣтъ еще нѣтъ преемника ему... Вѣрится, что это явленіе случайное, что не изсякъ родникъ поэзіи духовной силы южно-русской земли, а «легъ спочить», по собственному выраженію поэта, и кажется — должно прибавить: «легъ спочить» подъ тяжестью неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Вѣрится, что, съ устраненіемъ послѣднихъ, выйдутъ на поле жизни новые Шевченки, конечно, безъ многихъ его симпатій и антипатій, давно уже отшедшихъ на покой, преобразившихся или ослабѣвшихъ, но съ тѣми же сильными симпатіями ко благу народа, съ тѣмъ же горячимъ сочувствіемъ ко всему великому, что украшаетъ жизнь человѣка и дѣлаетъ его человѣкомъ, къ свободѣ, славі, любви, къ благородству и твердости убѣжденій, къ честности дѣла, къ высшимъ

наслажденіямъ духа, словомъ — ко всему великому и прекрасному. — Симъ пожеланіемъ я заключаю мое краткое вводное слово».

Засѣданіе Общества было пріостановлено на нѣсколько минутъ и затѣмъ возобновилось сообщеніемъ предсѣдателя А. А. Котляревскаго, который представилъ вниманію собранія важный археологическій предметъ, найденный помѣщикомъ чигиринскаго уѣзда г. Прышиховскимъ и доставленный профессору Шиллеру. Находка состоитъ изъ маленькой урочки и ожерелья, найденнаго на женскомъ скелетѣ. Подробности открытія этихъ предметовъ неизвѣстны. Урочка не представляетъ особаго интереса, но въ ожерельѣ заслуживаютъ вниманія три зооморфическія фигуры, вставленныя въ качествѣ звеньевъ. Двѣ фигуры изъ шифернаго камня, сѣраго цвѣта, изображаютъ скарабеевъ, третья фигура, художественно отдѣланная, — изображеніе лягушечки. Скараabei встрѣчаются нерѣдко въ могилахъ народовъ восточнаго происхожденія, но изображенія лягушечки не приходилось доселѣ видѣть, и она представляетъ значительный интересъ. Остальныя части ожерелья состоятъ изъ позолоченнаго стекла и т. п. и не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго.

Женская красота по понятіямъ германскихъ и славянскихъ племенъ.

(ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ 16-ГО ДЕКАБРЯ ПРОФЕССОРА А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО ВЪ ИЗВЛЕЧЕНІИ).

1879 г.

Старцы, лишь только узрѣли идущую къ баніи Елену,
Тихія между собой говорили крылатыя рѣчи:
«Нѣтъ, осуждать невозможно, что Трон сыны и Ахейцы
Бравъ за такую жену и бѣды столь долгія терпятъ:
Нестипно, вѣявымъ богинямъ она красотою подобна!...
Такъ говорили; Пріамъ же ее призываетъ дружелюбно:
Шествуй, дитя мое милое! Ближе ко мнѣ ты садися...
Ты предо мною невинна; единые боги виновны....
(Иліада, III, 154—164).

Эта высокохудожественная картина изъ Иліады, рисующая появленіе Елены среди иліонскихъ старѣйшинъ, можетъ служить вступленіемъ къ лекціи.

Красота, по словамъ поэта, *есть всегда желанная гостя и всегда могущественно влечетъ къ себѣ чувство и мысль человека*. Но вопросъ: что такое красота? въ чемъ она заключается? всегда подымаетъ разнообразіе взглядовъ, мнѣній и сужденій. Причина этому та, что наше чувство красоты не есть чувство природное, а воспитанное исторіей, есть результатъ историческаго процесса на ряду съ другими явленіями культурной жизни человѣка. А потому всякая философская попытка дать опредѣленіе и формулу нашему понятію о красотѣ будетъ попытка напрасная, пока мы не прослѣдимъ этого комплекса на его составныя части. Иными

словами: мы должны прибѣгнуть къ исторіи красоты и изящнаго вообще. Исторія же укажетъ намъ, что въ нашемъ понятіи о красотѣ совмѣщаются три существенно различныхъ начала: классическое, преимущественно греческое, рыцарско-христіанское и наше народное. Объ основныхъ даже положеніяхъ греческой идеи красоты мы говорить не рѣшаемся; но все-таки должны напомнить, что говоря о красотѣ въ самой совершеннѣйшей формѣ, мы, сами того, быть можетъ, не замѣчая, прилагаемъ греческую античную мѣрку....

Новое и опредѣленное выраженіе получила идея о красотѣ въ эпоху развитія рыцарства, служенія дамамъ, словомъ — въ эпоху первыхъ крестовыхъ походовъ. Эпоха эта сильно отражается на нашихъ современныхъ понятіяхъ о красотѣ, то смягчая и оживляя ихъ, то низводя до искусственной изысканности и пошлости. Мы остановимся преимущественно на этомъ мѣрѣ рыцарски-искусственного, этикетно-манернаго изящества.

Мы находимся въ XII—XIII вѣкѣ. Прежде, до этого времени, средоточіемъ жизненныхъ интересовъ былъ мужъ, мужчина. Отважный и могучій — онъ составлялъ гордость женщины, привлекалъ къ себѣ симпатіи, вызывалъ любовь и страстное чувство съ ея стороны. Такую роль играетъ любовь еще въ поэмѣ о гибели Нибелунговъ. Въ эпоху рыцарства отношенія измѣнились: женщина является средоточіемъ жизни, становится *госпожей*, служенію которой мужчина посвящаетъ себя всецѣло. Любовь становится служеніемъ дамѣ, и красота получаетъ свой культъ, свое обожаніе. Подъ вліяніемъ такого воззрѣнія исчезаютъ грубые образы старины, но исчезаетъ и истинное величіе: простыя и величественныя древне-нѣмецкія героини, какъ Брунгильда, Кримгильда и Гудруна, уступаютъ мѣсто обоготворяемымъ дамамъ временъ рыцарства, которыя выражаясь словами поэта,

Нося на истощенномъ ликѣ

Румянъ карминныхъ слой,

Готовы въ обморокъ при первомъ падать крикѣ....

Остановимся на подробностяхъ. Первымъ условіемъ красоты человѣческаго образа въ рыцарскомъ мірѣ была его стройная гибкость. Покрой костюма всегда стремился обрисовать, сдѣлать нагляднымъ эту особенность. Полнота бюста и бедръ никогда не должна развиваться на счетъ граціи нѣжной, длинной таліи. Попадаются поэтическія сравненія дѣвической таліи съ узкою срединою тѣла муравьевъ, или: «узка съ обѣихъ сторонъ, и отъ плечъ до ногъ, какъ витая восковая свѣчка». Отъ гибкости и красоты таліи зависѣла грація движеній и походки: у поэтовъ дамы называются «колеблющимися», подобно граціозному тростнику на водѣ.

Цвѣта, которыхъ требовала французская и нѣмецкая эстетика красоты, были розовый и бѣлый. Плечи, руки, какъ и тѣло вообще, должны быть бѣлы, какъ снѣгъ, какъ цвѣтъ лебедя, какъ слоновая кость и лилія. Подобныя сравненія очень нерѣдки у поэтовъ. На полныхъ же щекахъ должны цвѣсти свѣжія розы. Розовый и бѣлый цвѣта должны взаимно проникать другъ въ друга, но на долю розоваго достается лучшая часть. На миниатюрахъ того времени нагія части тѣла обыкновенно остаются безъ раскраски, но художники рѣдко забываютъ положить розовыя пятна, по крайней мѣрѣ, на щеки женщинъ. Замѣчательное исключеніе изъ этого правила представляли англійскія женщины: признакомъ аристократическаго цвѣта лица у нихъ считались блѣдныя щеки, и когда природа нерѣдко одаряла ихъ здоровымъ цвѣтомъ лица, онѣ прибѣгали къ искусству и вызывали блѣдность лица различными способами. А способовъ было не мало: бѣлила и иныя притиранья, примочки и даже питье. Иногда дочери Альбіона для блѣдности лица обрекали себя на голодъ и производили кровопусканія. Напротивъ, въ Германіи, Франціи, Италіи, гдѣ уважался красный цвѣтъ, женщины употребляли румяна: французенки находили, что румяна держатся прочнѣе, когда сыто и плотно завтракаешь, нѣмки же болѣе склонялись въ этомъ случаѣ къ употребленію вина.

Средства, которыми помогали красотѣ лица, были извѣстны

съ очень давняго времени: поэтъ Нибелунговъ хвалить женщинъ, бывшихъ при дворѣ Рюдигера, что между ними было мало съ поддѣльнымъ цвѣтомъ лица. Косметическая аптека того времени, включая въ нее и мази для устраненія морщинъ, состояла болѣе чѣмъ изъ трехсотъ такихъ средствъ. Дамы такъ усердно притирались, что противъ этого не разъ подымало голосъ духовенство.

Отъ красивой кожи требовали гладкой бѣлизны, чистоты, мягкости, нѣжности, а также прозрачности. Женская кожа тогда изящна, когда выпитое дамой вино просвѣчиваетъ у ней на шеѣ. Этихъ свойствъ и преимуществъ достигали различными омовеніями: употребляли кипяченую воду въ холодномъ состояніи, экстракты изъ лилій, бобовъ и др. растений. Различныя средства употреблялись противъ шрамовъ, веснушекъ и другихъ пятенъ кожи. Дѣйствительнымъ средствомъ противъ всѣхъ этихъ бѣдъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ считались ванныя купанья. Каждое большое жилище имѣло особую ванную комнату, которая зимой топилась; люди же скромнаго достатка ограничивались простыми ваннами. Кто не имѣлъ своего очага, тотъ посѣщалъ—по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю—общественныя бани. Гостямъ, прибывшимъ съ дороги—по старому обычаю, распространенному и у насъ,—хозяинъ устраивалъ баню. Замѣчательно, что банныя операціи производились исключительно женскими руками. Субъектъ сначала умывался и обливался лѣтней водой, потомъ его терли и наконецъ мiali, какъ тѣсто.

Голова въ произведеніяхъ искусства изображалась въ округлыхъ, мягкихъ формахъ. Античный типъ почти совершенно исчезъ.... Поэтическія описанія того времени говорятъ болѣе о краскахъ, о цвѣтѣ, чѣмъ о формѣ. Они представляютъ чело открытымъ; носъ скорѣе малымъ, чѣмъ длиннымъ, прямымъ, а не съ горбомъ; щеки — полными, цвѣтущими; подбородокъ, «приспособленный къ любви», округлымъ и бѣлымъ, какъ алебастръ. Ротъ въ поэзіи сравнивается съ свѣтлымъ рубиномъ, зажженнымъ въ огнѣ, розовымъ, какъ роза, краснымъ, какъ кровь, какъ лучшій цвѣтокъ въ вѣнкѣ и пр.

Рядъ бѣлыхъ зубовъ поэты сравниваютъ съ бѣлизной снѣга, рисуютъ ихъ тѣсно стоящими другъ возлѣ друга и мелкими, сравниваютъ ихъ также съ цвѣтомъ горностая. Свойства эстетическихъ ушей — малый объемъ, бѣлизна и овальная круглота. Брови и рѣсницы должны быть темныя, чтобы отгѣняться на бѣлизнѣ лица и при свѣтлыхъ волосахъ. Брови должны быть «какъ кистью проведены» прямо надъ глазами и слегка загибаясь къ вискамъ. На живописныхъ изображеніяхъ того времени брови иногда сведены дугой, начинаются тонко, въ срединѣ густыя и оканчиваются снова тонкою чертой. Въ XII вѣкѣ въ Англіи существовала мода дѣлать брови какъ можно болѣе тонкими.

Глаза должны быть другъ отъ друга подальше. Голубые глаза въ эту эпоху мало цѣнились, воспѣвались же каріе, ясныя и блестящія. Глаза женщинъ сравнивали съ соколиными и орлиными, по своему блеску — со звѣздами. На картинахъ глаза изображаются длинными, какъ бы прорѣзанными; рѣсницы немного спущены, и вслѣдствіе этого самые глаза имѣютъ томное выраженіе. Въ Англіи томность глазъ стала правиломъ женскаго искусства, и теперь имѣющаго своихъ поклонниковъ. Шея должна была отличаться бѣлизной, полнотою и твердостью, быть «лебединою шеєю». Тоже и затылокъ. Грудь воспѣвались высокостоящія, упругія, бѣлыя, небольшія, какъ бы выточенные.

Весьма важнымъ условіемъ красоты считались длинные русые волосы. Они высоко цѣнились еще древними: свѣтлорусый цвѣтъ волосъ былъ у римлянъ цвѣтомъ моднымъ. Вкусъ перешелъ по наслѣдству и въ средніе вѣка, въ особенности къ племенамъ романскимъ, и естественно доставлялъ много печали и заботы черноволоскамъ, помогавшимъ этому горю по мѣрѣ силъ и средствъ всякаго рода искусственными средствами. Чужестранцы любовались русымъ волосомъ нѣмецкихъ женщинъ, и сами онѣ высоко ставили достоинства его. Поэты никогда не забывали отдать ему должное. Первая красавица Исландіи Гельга имѣла волосы, блестящіе какъ золото, и она могла закутаться въ нихъ, какъ въ одежду.... Исторія одного длиннаго золотого волоса была

очень распространена. Сказочный герой случайно подымает оброненный птицами длинный золотой женскій волосъ. Мечта рисуетъ ему образъ красавицы, владѣющей такими волосами, въ сердцѣ его загорается страстное желаніе отыскать и видѣть ее, и онъ пускается въ путь и счастливо достигаетъ цѣли стремленій. Одна сага о пиратахъ рисуетъ юношу съ густыми, какъ шелкъ, золотистыми волосами, который, даже умирая, не забылъ попросить какого-нибудь достойнаго воина поддержать его волосы, чтобъ они не намокли въ крови.... Въ уваженіи были и темно-русые волосы, но рыжіе съ красноватымъ оттѣнкомъ презирались: думали даже, что они служили признакомъ лживаго и недобраго сердца. Иуда обыкновенно изображался рыжимъ.

Къ какому сословію кто принадлежалъ — узнавали обыкновенно по рукамъ и ногамъ. Для полной красоты необходимо было, чтобы руки и ноги были придворнаго и рыцарскаго характера. Кисти рукъ, кромѣ бѣлизны и нѣжности, должны быть малы, продолговатой, узкой формы; пальцы длинны, прямы и гладки съ розовыми ногтями. Вся рука «придворнаго» характера должна быть бѣлая мягкая, длинная, имѣть красивую округлость и умѣренную полноту. Ноги «придворнаго» свойства, кромѣ малаго объема и красивой формы, должны были имѣть высокій подъемъ и такую выемку, чтобы въ ней могла спрятаться маленькая птичка, чижики напр., подобно тому, какъ въ нашихъ пѣсняхъ упоминается обувь, гдѣ «подъ пята воробей проскочилъ».... Плоская большая нога считалась признакомъ низкаго происхожденія, какъ еще недавно въ Америкѣ говорили, что нога негра отпечатывается на землѣ впадину серединой, а не пяткой и концомъ.

Въ эпоху рыцарства, — когда служеніе дамамъ составляло существенный элементъ жизни общества и вездѣ обнаруживало свое вліяніе, — неудивительно, что мужская красота въ поэтическихъ произведеніяхъ выступаетъ рѣдко, а если и изображается, то въ смыслѣ и по образцамъ красоты женской. Тѣ величавые образы героевъ, которые мы видимъ въ сѣверной поэзіи, въ поэмѣ о Нибелунгахъ, рослые, съ высокою грудью и сильными

мускулами, высокимъ выразительнымъ челомъ, на которомъ горятъ сильныя страсти и отвага, образы, подобные Сигфриду и мрачному Гагену,—исчезаютъ совершенно въ эпоху рыцарства. Поэты этого времени чувствительны только къ женственной красотѣ свѣжей юности. Ихъ идеалы — молодые Тристанъ и Парциваль съ розовымъ ртомъ, блестящей кожей, свѣтлыми глазами и свѣтлыми локонами.... Чѣмъ ближе приближался юноша къ женскому образу, тѣмъ онъ былъ прекраснѣе.... Бѣлыя руки у мужчинъ служили признакомъ благороднаго происхожденія; черныя грубыя руки указывали противное.

Привлекательные образы красоты, рисуемые поэтами рыцарства, дополняются образами противоположными. Но поэты неохотно пускаются въ эту область: они бережно рисуютъ женское безобразіе. Такъ, когда одному поэту пришлось изобразить вѣдму, то онъ напередъ вѣжливо извиняется передъ дамами, что онъ долженъ говорить о женщинѣ «противъ приличія». Это было чудище съ длинною, черною, щетинистою и толстою косою, ниспадавшею изъ подъ шляпы на спину лошака, на которомъ она ѣхала. Носъ собачій, а изъ темпосинихъ губъ выдвигаются два огромные кабаньи клыка. Глаза желтые, брови висятъ длинными космами, уши медвѣжьи, лицо свирѣпое, обросшее черными волосами. Цвѣтъ рукъ ея подобенъ кожѣ обезьянъ, ногти безъ блеска и на подобіе львиныхъ когтей....

Какъ красота была исключительною принадлежностью и собственностью благородныхъ и рыцарей, такъ безобразіе было удѣломъ и свойствомъ низкаго происхожденія и нравственной недобропорядочности. Таковъ былъ взглядъ придворныхъ поэтовъ. Съ ними согласовалось и изобразительное искусство. Въ живописи и скульптурѣ XV и даже XVI вѣка порокъ, низость и злоба всегда изображаются въ отвратительномъ безобразномъ видѣ. На миниатюрахъ Саксонскаго Зеркала XIII вѣка крестьяне изображены съ курчавыми, какъ шерсть, волосами, съ безобразною профилею, съ большими, на сторону загнутыми, носами, съ очень сильно выдвинутою впередъ верхнею губою. Точно такими же

чертами изображается и сынъ, родившійся отъ благороднаго отца, но низкаго происхожденія матери. По этимъ признакамъ его сейчасъ можно отличить отъ истинно благороднаго.

Таковы были понятія о красотѣ и ея условіяхъ романо-германскаго міра въ эпоху «служенія дамамъ» и рыцарства. Перейдя затѣмъ чрезъ блестящіе салоны Французскаго общества времени Людовика XIV и дойдя до крайней степени рафинированной изысканности, они достались по наслѣдству къ намъ и стали предметомъ весьма оживленной русской сатиры конца XVIII вѣка. Эта манерная поддѣльная красота съ париками, накладками, пудрой, румянами, бѣлилами, мушками, подкрашиваніемъ волосъ и бровей, подводкой глазъ, расправкой морщинъ—есть въ полномъ смыслѣ романо-германское, а не наше добро. Равнымъ образомъ не изъ нашей народности и тѣ понятія о женской красотѣ, которыя были въ ходу въ древне-русской литературѣ и отличались крайне-непривѣтливимъ взглядомъ на женскія прелести. «Человѣче, — говоритъ одно изъ такихъ произведеній, — отврати лице свое отъ жены чужія прекрасныя, не зри прилежно на лице ея: красоты ради женскія мнози погибоша. Красота жены веселитъ сердце человѣка и введетъ человѣка въ жалость на всякое желаніе. Человѣче, съ чужою женою наединѣ николи-же бесѣдуй, ни возлагай съ нею за столомъ локтей своихъ; словеса ея яко огонь попаляетъ, и похоть ея яко пламя попаляетъ, отрезвися умомъ и отскочи женъ.... Что есть жена. Сѣтъ сотворена, прельщаючи человѣки свѣтлымъ лицемъ, высокою выею, очами назираючи, ланитами склабящися, языкомъ поющимъ, гласомъ скверняющимъ, словесы чарующи, ризы повлачаючи, ногами играючи».... Впрочемъ старыя русскія филиппики противъ женъ и прелести женской—это своего рода литературная мода времени, и ихъ можно оставить въ сторонѣ.

Русское народное понятіе о женской красотѣ не сложно. Излишне останавливаться на подробностяхъ, которыми полны наши народныя пѣсни: каждому сейчасъ приходятъ на память и бѣлое круглое лицо, цвѣта — кровь съ молокомъ, и голубыя съ пово-

локой очи, и т. д., интереснѣе представить нѣсколько связанныхъ полныхъ образовъ. Одинъ писатель XVII вѣка, напримѣръ, такъ изображаетъ царевну Ксенію: «Царевна же Ксенія, дщерь царя Бориса, дѣвица суши, отроковица чуднаго домышленія, зѣльною красотою лѣпа, бѣла и лицомъ румяна, очи имѣя черны велики, свѣтлостію блистая, когда же съ жалости слезы отъ очію испущаше, тогда наипаче свѣтлостію зѣльною блисташе, бровми союзна, тѣломъ изобильна, млечною бѣлостію обліянна, возрастомъ ни высока, ни низка, власы имѣя черны велики, аки трубы по плечамъ лежаху; во истину во всѣхъ женахъ благочиннѣйша и писанію книжному многимъ цвѣтуще благорѣчіемъ, во истинну во всѣхъ дѣлехъ чредима, гласы воспѣваемые любляше и пѣсни духовныя любезнѣ слышати любляше».

Красная дѣвица русскихъ народныхъ пѣсень:

«Станомъ статна и умомъ свершена,
Ея бѣлое лице, какъ-бы бѣлый снѣгъ,
Ея ягодицы, какъ-бы маковъ цвѣтъ,
И черныя брови, какъ-бы соболи,
И ясныя очи, какъ у сокола....
Она по двору идетъ — будто утка плыветъ,
А по горенкѣ идетъ — частенько ступаетъ,
А на лавицу садится — колѣнца жметъ,
А и рученьки бѣленьки, пальчики тоненьки»....

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Руси головной уборъ или нарядъ женщины называется *красотой*. Есть цѣлый обрядъ прощанія съ дѣвьею красотой при выходѣ дѣвушки въ замужество; его сопровождаетъ пѣсня, исполненная истинной, сердечной, но грустной поэзіи. Ее поетъ невѣста, когда ей расплетаютъ косу. Молодое сердце съ жгучею болью разстается со своимъ дѣвичьимъ уборомъ — красотой, который былъ для нея и символомъ беззаботной вольной жизни, и выраженіемъ ея незатѣйливыхъ стремленій къ прекрасному.

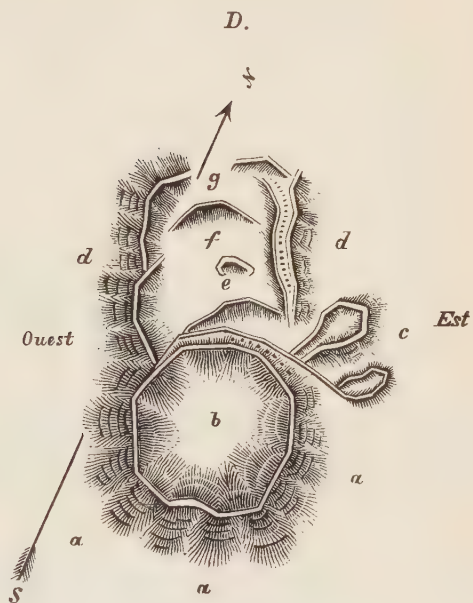
Рисунки къ стран. 540—1 и 546-ой.

Къ стран. 546.

Кубанская каменная
баба.

Къ стран. 540—1.

Къ стран. 540—1.

СПИСОКЪ ТРУДОВЪ

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО

ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКЪ ПОЯВЛЕНІЯ ИХЪ ВЪ ПЕЧАТИ
СЪ УКАЗАНІЕМЪ ТОМА И СТРАНИЦЪ НАСТОЯЩАГО СОБРАНІЯ ЕГО
СОЧИНЕНІЙ.

1855 — 1881.

Списокъ трудовъ А. А. Котляревскаго

ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ ПОЯВЛЕНІЯ ИХЪ ВЪ ПЕЧАТИ СЪ УКА-
ЗАНИЕМЪ ТОМА И СТРАНИЦЪ НАСТОЯЩАГО СОБРАНІЯ ЕГО СОЧИНЕНІЙ.

1855 — 1881.

1855.

1. Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ, по поводу исполнившагося сто-
лѣтія его грамматикѣ. (Московск. вѣдомости, 1855, № 152.
Подписано: «*Ст. К — ѳ*»).

Соч. т. I, стр. 1—8.

1856.

2. О лѣтописи Якимовской, П. А. Лавровскаго. (Сѣверная
Пчела, 1856, № 49. Подписано: «*К — ѳ*»).

Соч. т. I, стр. 9—13.

3. По поводу сочиненія г. Данилевскаго объ Основьяненкѣ.
(Московск. вѣдомости, 1856, литер. отдѣлъ, № 41. Под-
писано: «*Скубенъ Чупрына*»).

Соч. т. I, стр. 13—24.

4. Очеркъ трехдѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи
въ 1806, соч. графа Н. Орлова. Спб. 1856, 234 стр., съ

5-ю планами *). (Московск. вѣдом., литерат. отдѣлъ, 1856, № 51, апрѣля 28-го, стр. 203—4. Подписано: «С. К.»).

Соч. т. IV, приложенія, стр. 611—620.

5. Взглядъ на старинную жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ. Статьи I—III. (Московск. вѣдом. 1856, литерат. отд. №№ 132, 135 и 137. Подписано: «С — тз») **).

Соч. т. I, стр. 25—37—52—64.

6. Нѣсколько данныхъ изъ лубочныхъ картинъ.

Дополненіе къ статьѣ: «Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ». (Москов. вѣдом. 1856 г. № 156. Подписано: «С — тз»).

Соч. т. I, стр. 65—75.

1857.

7. Два вопроса русской исторической науки.

(Письмо къ редактору газеты *Молва* по поводу изданія русскихъ народныхъ пѣсень П. В. Кирѣевскаго). (Молва, 1857 г., мая 4, № 4, стр. 44—6. Подписано: «28 апрѣля. Городской читатель Молвы»).

Соч. т. I, стр. 76—81.

8. Сказанія о русскихъ богатыряхъ. 3 статьи. (Московск. вѣдом. литер. отд., 1857, №№ 56, 64 и 66. Подписано: «С—тз»).

(Тоже см. въ Московск. губ. вѣдом. 1857 г., ч. неоф. №№ 23 и 33).

Соч. т. I, стр. 81—95—111—121.

9. Новыя изслѣдованія преосвященнаго Макарія по древней русской словесности. (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., т. VIII, Совр. Лѣт., стр. 186—193. Подписано: «С.»).

Соч. т. I, стр. 122—131.

10. Мистериософія бардовъ Бретани. Le mystère des bardes de l'île de Bretagne ou la doctrine des bardes Gaulois du

*) Продолженія этой статьи не было.

**) По поводу этой статьи см. замѣтки Н. Попова въ Москов. Вѣдом., литер. отд. № 137.

moyen âge sur Dieu, la vie future et les transmigrations des âmes. Par A. Pictet. 1856 г., 82 стр. (Русскій Вѣстникъ 1857 г., т. XI, № 9, сентябрь, книжка 2-ая, соврем. лѣтопись, стр. 89—94. Подписано: «Э. С***»).

Соч. т. I, стр. 132—8.

1858.

11. [Библиографическое извѣстіе о книгѣ М. Семевскаго «Историко-этнографическія замѣтки о Великихъ-Лукахъ и Великолуцкомъ уѣздѣ». Спб. 1857 г.]. (Отечеств. Записки, 1858 г., т. CXVII, отд. III, новости наукъ, искусствъ и литературы, № 4, стр. 119—124. Подписано: «Эк. С***»).

Соч. т. IV, дополненія, стр. 403—411.

12. «Очеркъ исторіи русской поэзіи, г. Милюкова. Изданіе второе. Спб. 1858». (Отечеств. Записки, 1858 г., т. CXVII, № 4, отд. крит., стр. 57—74. Подписано: «Эк. С — тз»).

Соч. т. I, стр. 139—163.

13. О нравственной стихіи въ поэзіи. Соч. Ореста Миллера. (Атеней, 1858 г., ч. V, №№ 37 и 39. Подписано: «Эк. С — тз»).

Соч. т. I, стр. 163—192.

1859.

14. *Исторія русской словесности*, ч. III, лекціи С. Шевырева, ординарнаго академика и профессора. Москва. 1858.— *Русскій народъ и государство*. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII ст., соч. В. Лешкова. Москва. 1858. (Отеч. Записки 1859 г., № 1, т. CXXXII, отд. III, стр. 21. Подписано: «Сж. Ч.»).

Соч. т. I, стр. 193—216.

15. «Исторія Русской Словесности. Лекціи Сг. Шевырева. Ч. III. Столѣтія: XIII, XIV и начало XV. Москва. 1858. XXX. 405 стр.» (Московское Обозрѣніе, 1859 г., № 1,

отд. II, соврем. литературы, стр. 90—108. Подписано: «Городище. 1858 г. декабря 6-го. *Sp. А — r*»).

Соч. т. I, стр. 245—67.

16. «Богданъ Хмельницкій, сочиненіе Н. Костомарова. Двѣ части. Изданіе второе, дополненное». (Издатель книгопродавецъ Д. Кожанчиковъ). (Спб. вѣдомости, 1859 г., № 38. Подписано: «*Ск. Ч.*»).

Соч. т. I, стр. 267—85.

17. «Народні оповідання Марка Вовчка. Спб. 1858. Издасть П. Кулішъ». (Отечеств. Записки 1859 г. № 2 и 3, т. СХХIII, отд. III. Подписано: «*Эк. С — тз*»).

Соч. т. I, стр. 286—303.

18. «О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ. Рѣчь профессора Ѳ. Буслаева. Москва. 1859. 51 стр. текста и 32 стр. приложений. Въ 4-ую д. л.». (Отечеств. Записки. 1859 г., № 3, т. СХХIII, стр. 33—42. Подписано: «*Эк. С — тз*»).

Соч. т. I, стр. 232—45.

19. «Les scythes les ancêtres des peuples germaniques et slaves: leur état social, moral, intellectuel et religieux; esquisse ethnogénéalogique et historique, par S. G. Bergmann. Colmar. 1858. 74 pp.» («Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ, 1859 г., т. I, М. Смѣсь и библиографія, стр. 121—144. Подписано: *А. Котляревскій*»).

Соч. т. I, стр. 314—44.

20. Археологическія изслѣдованія по памятникамъ. Вып. 1-й. Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ. Соч. Г. Филимонова. Москва. 1859. 64 стр. со снимками. (Отеч. Записки, 1859 г., т. СХХV, № 7, отд. III, стр. 51—8. Подписано: «*Эк. С — тз*»).

Соч. т. I, стр. 304—14.

21. Опытъ историч. грамматики русскаго языка. Состав. О. Бу-
слаевымъ. Двѣ части. Москва. 1858(9). Двѣ статьи.
(Отечеств. Записки, 1859 г. № 8, т. СХХV, отд. III, русск.
литература, стр. 59—86 и № 9, т. СХХVI, русск. ли-
тература, отд. III, стр. 1—26. Подписано: «Эк. С — тз»).

Соч. т. I, стр. 344—382—417.

22. О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, пре-
имущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ. Рѣчь проф. В. Гри-
горовича. Казань. 1859. (Отеч. Записки, 1859 г., № 9,
т. СХХVI, отд. III, стр. 49—60. «Эк. С — тз»).

Соч. т. I, стр. 216—31.

23. «Стихотворенія Полежаева. Второе изданіе. Москва. 1859».
(Отеч. Записки, 1859 г., т. СХХVI, отд. III, стр. 86—101.
Подп.: «Эк. С — тз»).

Соч. т. I, стр. 417—39.

1860.

24. Русская народная литература.

1) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, выпускъ 1-й: «Илья Муромецъ»; 2) Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, составленный В. Варенцовымъ; 3) Памятники старинной русской литературы, изда-
ваемые подъ редакцію Н. Костомарова, выпускъ 1-й.
(Спб. вѣдом. 1860 г., № 233. Подписано: «Эк. С — тз»).

Соч. т. I, стр. 439—50.

1861.

25. Рутинъ въ преподаваніи исторіи словесности. Курсъ исторіи
поэзіи для восп. женскихъ институтовъ и восп. гимназій,
сост. А. Линниченко. Кіевъ, 1860 г., 329 стр. (Москов.
вѣдом. 1861 г. №№ 1 и 5. Подписано: «А. Котл.» *)).

Соч. т. I, стр. 450—91.

26. Новые труды по русской старинѣ и народности. (Московск.

*) Отвѣтъ г. Котляревскому на его статью: «Рутинъ въ преподаваніи
словесности» — М. Тулова — см. тамъ же 1861 г. № 36.

вѣдом., четвергъ, 30-го ноября 1861 г. № 263, стр. 2129—31. Подписано: «А. К.»).

Предисловіе подписали: И. Живаго. А. Котляревскій, но всѣ слѣдующія 3 замѣтки, какъ кажется (судя по подписи: А. К.) принадлежатъ А. А. К — ому:

- I. Старосвѣтскій бандуриста. Сост. Н. Закревскій. М. 1861. 628 стр.
- II. Воронежская Бесѣда на 1861 годъ, изд. Де-Пуле и П. Глотова. Спб. 1861. XX+432+272. — Воронежскій Литературный Сборникъ, вып. 1-й, изд. Н. Гарденинымъ, подъ редакціей П. Малахихина. Вор. 1861. 620 стр.
- III. Русскія простонародныя легенды. (,) Д(д)ополненныя (?!!) восьмью новыми. Спб. 1861. IX + 59 стр. — Дополненіе къ русскимъ простонародн. легендамъ и рассказамъ. 34 стр.

Соч. т. I, стр. 492—514.

27. «Двѣ новыя христоматіи. I. Историческая христоматія новаго періода Русской словесности (отъ Петра I-го до нашего времени). Составлена А. Галаховымъ. Т. 1-й (отъ Петра до Карамзина). Спб. 592 стр. II. Для чтенія и разсказа. Христоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка. Сост. П. Басистовымъ. М. IV, 361 стр.» (Москов. вѣдом. 1861 г. № 279).

Соч. т. I, стр. 514—524—26.

1862.

28. Старина и народность за 1861 г. Библиографическое обозрѣніе. Москва. (Въ унив. тип.). 1862 г. 99 стр. въ 12-ую д. Съ помѣткой: «Оттиснуто изъ Москов. вѣдом. 1862 г. изъ №№ 84, 87, 92, 102—103, въ числѣ 99 нумерованныхъ экземпляровъ» *).

Соч. т. I, 527—530—50—84—612—21, дополнение 624.

29. Были-ли малоруссы исконными обитателями Полянскон земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ? Спб. 1862.

*) Библиографич. замѣтку о ней см. Отеч. Зап. 1862 г., т. CXLV, № 12, отд. III, стр. 184—5.

14 стр. (оттиснуто было 66 отд. оттисковъ изъ Основы 1862 г., № 10, стр. 1—12).

Соч. т. I, стр. 624—37.

30. На память будущимъ библиографамъ. Забѣтки о библиографіи въ отношеніи науки о русской старинѣ и народности. (Отеч. Записки. 1862 г., № 11, т. CXLV, отд. III, стр. 78—86).

Соч. т. II, стр. 109—19.

31. Сравнительное языкознаніе.

I. Очеркъ исторіи языкознанія. — Филологія и Лингвистика.

II. Сравнительно-историческое языкознаніе.

III. Его приемы и задачи. Исторія языковъ.

IV. Языкъ и исторія народовъ. Теорія поэзи.

Приложение: 1) Шлейхеровъ очеркъ Исторіи Славянскаго языка.

2) Сравнительно-историческое языкознаніе въ Россіи.

«Приписка. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ статья эта была напечатана въ Отечеств. Зап. 1859. №№ 8, 9. Представляя ее въ измѣненномъ видѣ, мы очень сожалѣемъ, что не могли воспользоваться превосходными замѣчаніями Макса Миллера, изложенными въ его книгѣ *Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache*. 1863 — такъ какъ съ этимъ сочиненіемъ мы познакомились слишкомъ поздно» (стр. 208).

(Филологическія Записки, годъ II-ой, 1862—3 г., вып. III, стр. 101—19 и вып. IV—V. 153—208. Подписано: *А. Котляревскій*).

Соч. т. II, стр. 138—156—168—178—186—212.

32. Исторія всеобщей литературы въ Россіи. — 1) Исторія литературы древняго и новаго міра, составленная по I. Шерру, Шлоссеру, Геттнеру, Ф. Шлегелю, Ю. Шмидту, Р. Готтшалу, изд. подъ ред. А. Милюкова, т. 1-й. Спб. 1862. XVI + 568 стр. 2) Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ, составл. Гарусовымъ. I поэзія драматическая. М. 1862, XI + 456 с. (Филологич. Записки, 1862—3 г., вып. IV и V, стр. 209—40. Подписано: *А. Котляревскій*).

Соч. т. II, стр. 212—43.

33. Русское періодическое изданіе Академіи Наукъ. Записки Академіи Наукъ. Спб., 1862, 2 т., 4 книжки. (Спб. вѣдом. 1863 г. № 39).

Соч. т. II, стр. 1—6.

34. Литературный подлогъ. Die Balalaika, Russische Volkslieder, gesammelt v. J. Altmann. Berlin 1863. (Спб. вѣдом. 1863 г., субб. 23 марта № 67, стр. 279, фельетонъ. Подписано: «Котляревскій»).

Соч. IV, доп., стр. 411—21.

35. Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Моск. Синод. библ. VI—XVII в. Издасть Савва, епископъ Можайскій. М. 1863. 4^о. (Спб. вѣдом. 1863 г. № 72, стр. 303).

Соч. т. II, стр. 6—13.

36. Слово о послѣдней дѣятельности Общества любителей россійской Словесности. (Спб. вѣдом. 1863 г. № 111. Подписано: «Н. Чельшевскій»).

Соч. т. II, стр. 13—21.

37. Публичное засѣданіе Московскаго Общества любителей россійской Словесности 17 ноября. (Спб. вѣдом. 1863 г., № 260. Подписано: «Н. Чельшевскій»).

Соч. т. II, стр. 22—7.

38. Изображеніе калики переходжаго въ латинской рукописи XIV вѣка. (Письмо А. А. Котляревскаго къ И. И. Срезневскому). (Извѣстія Имп. Археол. Общ., т. IV, 1863 г., вып. 5, столбц. 405—6 съ 3-мя рисунками въ текстѣ).

Это письмо можетъ служить дополненіемъ къ запискѣ И. Срезневскаго: «Крута каличья. Клюка и сума, лапотики, шляпа, колоколь» (помѣщенной въ Извѣстіяхъ И. Археол. Общ. т. IV, вып. 2, стб. 119—127 и вышедшей отдѣльно: Спб. 1862. 8^о. 16 стр.).

Соч. т. IV, доп., стр. 422—3 (съ 3-мя рисунками въ текстѣ).

39. Основной элементъ русской богатырской былины (по поводу сочиненія Л. Майкова «О былинахъ Владимірова цикла». Спб. 1863. 139 стр.). I. Мнѡъ, сказаніе, исторія. (Филологич. Записки 1864 г., в. 1—2, стр. 69—82).

Соч. т. II, стр. 243—56.

40. Русская народная сказка. Народныя русскія сказки А. Н. Афанасьева. М. 1855—63, 8 томовъ. I—IV. (Спб. вѣдом. 1864 г. № 94, 100 и 108, стр. 379—80, 403—4, 435 и отдѣльн. оттискомъ: Спб., тип. И. Ак. Н., 1864. 45 стр. in 12°).

Соч. т. II, стр. 27 (32)—52—56—60.

41. Для исторіи русскаго народнаго театра. I. «*Аника-воинъ и Смерть*» (представленіе, разыгрываемое фабричными, съ предисловіемъ А. А. Котляревскаго. (Русскій Архивъ, издаваем. при Чертковской б-кѣ П. Бартеневымъ, г. 2., 1864 г., вып. 10, стб. 1091—9).

Соч. т. IV, доп., стр. 424—30.

1865.

42. Поминка о С. В. Ешевскомъ. (Читана въ засѣданіи Археологическаго Общ. октября 13-го дня, 1865). (Древности. Труды Московск. Археологич. Общ., т. II, вып. 1, 1869—1870, стр. 83—6).

Соч. т. II, стр. 60—4.

43. Металлы и ихъ обработка въ доисторическую эпоху у племень индоевропейскихъ. (Древности. Труды Моск. Археол. Общ., т. I, вып. 1, стр. 43—70).—Скандинавскій корабль на Руси. (Тамъ же стр. 81—94).—Отдѣльно было издано подъ загл.: «Для сравнительной науки древности... Москва, 1865. «Изъ трудовъ Моск. Археол. Общ. (т. I) оттиснуто въ числѣ 55 нумерованныхъ экземпляровъ». 42 стр. in 4°.

Соч. т. II, стр. 522—55—69.

44. Два библиографическіе вопроса. I—II. (Книжный вѣстникъ на 1865 г., издаваем. книжн. торговлей Сеньковского подъ ред. П. А. Ефремова, годъ 6-ой, № 15, стр. 289—291. Подписано: «А. Ктлр.»).

Въ этой статьѣ А. А. К — ий обращается къ библиографамъ съ вопросомъ: кто авторъ брошюры «*Хронологич. списокъ русскихъ сочините-*

лей и библиографич. замѣчанія о ихъ произведеніяхъ» и о польск. переводѣ книги Н. Греча Опытъ кр. исторіи рус. л—ры. Спб. 1822. (Rus histo-guszyu literatury ross. pr. S. B. Linde. W. 1828).

На первый вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ Я. К. Грота въ Русск. Архивѣ (г. 3-ій, 1865, №№ 10—11, стб. 1400—2) въ статьѣ его: «Отвѣтъ на библиографическій вопросъ».

Къ этой статьѣ Грота А. А. К—ій сдѣлалъ приписку: «*Отвѣтъ Гроту по поводу его отвѣта на библиографическій вопросъ*» (тамъ же, стб. 1402—3, перепечатанную и въ № 20, 1865 г. Книжнаго вѣстника на стр. 380).

Соч. т. IV, доп., стр. 430—433—35.

45. Въ I т., вып. 1 «Древностей. Трудовъ Московск. Археол. Общества (М. 1865) помѣщены въ отдѣлѣ *Библиографіи* рецензіи на слѣдующіе труды:

- а) Die Poetischen Naturanschauungen der Griechen, Römer und Deutschen in ihrer Beziehung zur Mythologie. 1 Band. Sonne, Mond u. Sterne. Ein Beitrag zur Mythologie u. Culturgeschichte der Urzeit von Dr. F. L. W. Schwartz. Berlin. 1864. XXII+297 p. (стр. 18—19), *А. Км.*;
- б) Jacob Grimm. Kleinere Schriften. Т. 1. Reden u. Abhandlungen. Berlin, 1864, p. 412. *А. Км.* (стр. 20—22);
- в) Chr. Petersen. Religion oder Mythologie, Theologie u. Gottesverehrung der Griechen. (Allg. Encyklopädie der Wissenschaften u. Künste, v. Ersch u. Gruber, 1 S., 82 Th. Leipz. 1864 г., стр. 1—380. 4°. *А. Км.* (стр. 22—3);
- г) «Краткое извѣстіе о племенахъ, въ разное время населившихъ нынѣшнія губерніи Московскаго учебнаго округа. Статья И. Д. Бѣляева. М. 1864. 16°. 23 стр. *А. Км.* (стр. 36—7);

Соч. т. IV, доп., стр. 562—71.

46. Тамъ же въ «*Матеріалахъ для археологическаго Словаря*»

статья: «Троянъ. Славянское божество». *А. Кт.* (стр. 13—4).

Соч. т. IV, доп., стр. 512—4.

47. Ученая новость. Древности Геродотовой Скиѣи (изданіе Императорской археологической комиссіи). — (Спб. вѣдом. 1866 г., отъ 14 октября, № 272, стр. 2 (стб. 1—2). Подпись: *А. Котляревскій*).

Соч. т. IV, доп., стр. 435—7.

1867.

48. Замѣтка о трудахъ Ѳ. Н. Глипки по наукѣ русской древности. (Отд. оттиск. изъ 1-го выпуска «Бесѣды», изд. Общ. Любит. Росс. Слов. Печат. съ разр. г. Предсѣд. Общ.), стр. 1—6. Въ б. 8 (тип. Грачева. М.). (Бесѣды въ Общ. любит. російской словесности при И. Моск. унив., вып. I (1867), отд. II, стр. 39—44. Подписано: *Д. Ч. А. Котляревскій*).

Соч. т. II, стр. 119—128.

49. Замѣтка къ статьѣ гр. К. П. Тышкевича: О свинцовыхъ оттискахъ, найденныхъ въ рѣкѣ Бугѣ у Дрогичина. (Древности. Труды Моск. Археол. Общ., т. I, вып. 2, 1867 г., стр. 242—8 и таблицы рисунковъ: VIII, IX, X, XI и XII). — Отдѣльнымъ оттискомъ вышло подъ заглавіемъ: «*Замѣтки о значеніи гончарныхъ знаковъ. А. Котляревскаго. — Замѣтка и т. д...*» 7 стр. in 4°.

Соч. II, стр. 65—73 и рисунки на 4-хъ таблицахъ къ стр. 65—73, вклеенныя между 72—73 стр.

1867—8.

50. Разборъ сочиненія А. Аѳанасьева, подъ заглавіемъ: Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія Славянскихъ преданій и вѣрованій въ связи съ мѣстными сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. Т. 1-й, Москва, 1866. 8°. 800 стр., I—IV.

(Отчетъ о *десятомъ* присужденіи наградъ гр. Уварова 25 сентября 1867. Спб. 1868 г., стр. 36—83).

Соч. т. II, стр. 256—312.

51. Въ періодическомъ изданіи Московскаго Археологическаго Общества—*«Древности. Археологическій Вѣстникъ»*, выходящемъ подъ редакцію Д. Ч. А. А. Котляревскаго. *Т. I*. М. Годъ 1867—8, помѣщены слѣдующія его статьи:

1) Для археологіи каменнаго вѣка въ Россіи [вступительная замѣтка редактора]. *А. К.* (стр. 25). О находкахъ каменныхъ орудій въ Южной Россіи [какъ дополненіе къ предыдущей запискѣ г. Ревякина о томъ же]. *А. К.* (Тамъ же, стр. 29—30).

Соч. т. IV, доп., стр. 521—5.

2) Новый способъ опредѣленія древности могилъ. *А. К.* (Тамъ же стр. 90—2).

Соч. т. IV, доп., стр. 525—9.

3) Объ археологическихъ трудахъ К. А. Морло. *А. К.* (Тамъ же стр. 94—6).

Соч. т. IV, доп., стр. 533—6.

4) Русская этнографическая выставка. [Безъ имени автора]. (Тамъ же стр. 46—8).

Соч. т. IV, доп., стр. 529—33.

5) Графъ Константинъ Піевичъ Тышкевичъ. *А. К.* (Тамъ же стр. 285).

Соч. т. IV, доп., стр. 536—8.

6) [Мелкія замѣтки и приписки къ чужимъ трудамъ]: а) къ статьѣ др. Маннгардта (тамъ же стр. 60—61); б) къ ст. Д. О. Шёппинга (стр. 65—6); в) Эйхвальда (стр. 111); г) бар. В. Тизенгаузена (стр. 281—2); д) др.

П. Беккера (стр. 129); е) гр. К. Тышкевича (стр. 159—160).

Соч. т. IV, доп., стр. 538—45, рисунки къ стр. 540—1 см. въ концѣ
IV тома на отд. листѣ.

7) Критическіе отзывы о слѣдующихъ сочиненіяхъ:

а) Gab. de Mortillet. Le Signe de la Croix avant le Christianisme. 8°, p. 182, avec 117 grav. sur bois А. К. (Тамъ же стр. 34—5).

б) Старина русской земли. Книга первая — слово о старинѣ незапамятной. Москва, 1866 неб. 4-й, 38 стр. А. К. (стр. 35—8).

г) О могилныхъ насыпяхъ и каменныхъ бабахъ въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ. Статья А. Терещенка. — (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей 1866 г., к. IV, отд. V, стр. 1—37). А. К. (стр. 39—40).

д) Протоколы засѣданій Общества Любителей Естествознанія при Московскомъ Университетѣ съ 14 мая 1864 по 29 августа 1866 г., изданіе Вас. Солдатенкова. Москва 1866 г. 4°, 5+279 ст., 20 стр. + VII и 3 таб. рис. А. К. (стр. 40—41).

е) Клады, разсмотрѣнные въ Минцъ-кабинетѣ Университета св. Владимира, съ 1836 по 1866 годъ, статья г. Страшкевича. (Университетскія Кіевскія Извѣстія за 1866 годъ, № 10, стр. 1—38; № 11, стр. 1—30; № 12, стр. 1—42 и 1 таб. снимк.). А. К. (стр. 41—2).

ж) V. Jagić. Starine i njihovo znamenovanje, s obzirom na ono, što je u zagreбком narodnom muzeju. (Статья, помѣшен. въ журналѣ Književnik. Godina III (1866), svezka 1, стр. 48—74 съ таб. рисунковъ). А. К. (стр. 83—5).

з) Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской

- палеографіи, статья И. И. Срезневскаго. s. t., 8°. 40 стр. (Ж. М. Пр. за янв.). *А. К.* (стр. 85—6).
- и) Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, т. 1, изд. подъ редакціей В. Ламанскаго. Спб. 1867 г. 8°. 750 стр., 1 рис. *А. К.* (стр. 86—9).
- і) Матеріалы для антропологіи курганнаго періода (?) московской губерніи, — соч. Анатолия Богданова, Москва 1867, 4°, стр. 176. *А. К.* (стр. 170—6).
- к) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. Срезневскаго. Спб. 1867 г. 8°, стр. VIII+86+96+88+100+16. *А. К.* (стр. 178—9).

Соч. т. IV, доп., стр. 572—608.

8) Кубанская каменная баба. (Тамъ же стр. 282).

Соч. т. IV, доп., стр. 546—7 и рисунокъ въ концѣ тома на отд. листѣ.

1868.

52. «Толковый словарь живаго Великорусскаго языка, В. И. Даля, 21 выпускъ». (Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, вып. II, 1868, отдѣленіе II, стр. 91—4. Подписано: *А. Котляревскій*).

Соч. т. IV, доп., стр. 437—442.

53. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Изслѣдованіе А. Котляревскаго. М. 1868. (Въ Синод. тип.). Изданіе К. А. Попова. Стр. 9+252+038. Печатанъ былъ 701 экземпляръ. Изданіе было посвящено гр. А. С. Уварову.

Соч. т. III, стр. I—VI и 1—296.

Рецензіи на этотъ трудъ и замѣтки о немъ:

- 1) Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г. № 11 (ч. 140) стр. 613—35. (Критич. замѣтка П. Лерха).
- 2) Вѣстн. Европы 1868 г. № 7 (т. IV) стр. 432—3 (библіографич. отзывъ).

- 3) Спб. Вѣдом. 1868 г. № 144 (сообщеніе о защитѣ диссертациі).
- 4) Голосъ 1868 г. № 184 (замѣтка).
- 5) Отчетъ о XII присужденіи нагр. гр. Уварова, чит. 25 сент. 1869.
а) отзывъ акад. И. И. Срезневскаго стр. 237—9, и б) И. Гануша
стр. 240—242.
- 6) Ж. М. Нар. Пр. 1869 г. № 10 (ч. 145) стр. 336—7.

54. Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей. Этнографическая замѣтка А. Котляревскаго. Москва (Синод. типогр.) 1868 г. 36 стр. in 8°, [печатано 33 экземпляра].

Сравн. выше изслѣдованіе, указанное подъ № 53, на страницахъ 1—38 котораго и напечатана была означенная замѣтка.

Соч. т. II, стр. 73—109; сравн. также т. III, стр. 259—96.

1869.

55. *Курганъ*. (Подписано: «Гр. Уваровъ и А. Котляревскій»). «Матеріалы для археологич. словаря» въ Древностяхъ, Трудахъ Моск. Археолог. Общ. т. II, вып. 2, стр. 37—41.

Соч. т. IV, доп., стр. 514—21.

56. Николай Алексѣевичъ Ивановъ, профессоръ русской исторіи въ Казанск. и Дерптск. университетахъ. Некрологъ. (Спб. Вѣдом. 1869 г., № 103, и тоже перепечатано въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1869 г. № 4, т. СХLII, стр. 263—6).

Соч. т. II, стр. 128—132.

57. Археологическая библіографія. Записка Дѣйств. Члена А. А. Котляревскаго. (Древности. Труды Моск. Археол. Общ. т. II, вып. 2, въ приложеніи II къ протоколамъ М. Арх. Общ., стр. 183—8).

Соч. т. IV, доп., стр. 547—54.

1870.

58. *Опоздалые листки изъ исторіи языка и литературы*. — А. А. Котляревскаго. — (Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ» 1863—1864, въ числѣ 9 экземпляровъ Сборникъ II Отд. И. А. Н.

ровъ). Воронежъ. Въ типографіи В. А. Гольдштейна. 1870. 122 стр. (+2 оставленные чистыми и непомѣч.) in 12°. (*На оборотѣ загл. листа: Дозволено Цензурой.* Москва. 30 октября 1870 г.).

Вся означенная брошюра была перепечатана цѣликомъ въ Сочиненіяхъ А. А. К—го въ т. IV, на стр. 138—256; она представляетъ собою лишь съ переверсткой нумераціи собраніе сброшюрованныхъ вмѣстѣ оттисковъ изъ Филолог. Записокъ давнихъ статей А. А. К—го указанныхъ въ настоящемъ списокѣ подъ №№ 31, 32 и 39. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что заглавія отдѣльныхъ главъ первой статьи (ср. съ № 31) не вполнѣ совпадаютъ, такъ гл. II тутъ надписана: «Сравнительно-историческое языкознаніе. Его приемы и задачи. Исторія языковъ, гл. III: Индо-европейская вѣтвь языковъ и ея подраздѣленія».

59. Eine estnische Gottheit als Gast auf der Insel Rügen. Von Pr. A. Kotliarewski.—Gedruckt in 33 Exemplaren. Dorpat. (Druck von Mattiesen) 1870. Separatabdruck aus der «Neuen Dörptschen Zeitung.» S. 6—2 unn. in 8°.

Соч. т. IV, доп., стр. 442—5.

60. Исторія русскаго права, сочиненіе Θ. Леонтовича, выпускъ 1. Одесса. 8°. 151 стр. (С.-Петербург. вѣдом. 1870 г. № 68).

Соч. т. II, стр. 132—8.

61. «Старинный театръ въ Европѣ. — Историческіе очерки Алексѣя Веселовскаго. Москва. 1870, 8° и 410 стр.» Подписано: «А. К. Дерптъ. 1870, 12 Окт.» (Филологич. Записки, изд. въ Воронежѣ А. Хованскимъ, годъ 9, 1870 г., вып. IV, стр. 7—10).

Соч. т. IV, приложенія, стр. 621—624.

1871.

62. Archäologische Späne von Prof. Kotljarewski. I.

- 1) Die deutschen Hausmarken mitten in Russland.
- 2) Zur Archäologie der Grenzzeichen.
- 3) Das erste Zusammentreffen der Menschen mit Riesen.

[Gedruckt in 33 Exemplaren]. Dorpat (Druck von H. Laakmann) 1871 in 8°. 15 стр. Цензорская помѣта 31 марта 1871 г.

Оттиснуто изъ Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, VII Bd. 1 Heft, стр. 86—92. Съ 2 рисунками въ текстѣ.

Соч. т. IV, доп., стр. 445—59.

1872.

63. Разборъ сочиненія Г. Аванасьева: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу т. 2 и 3. Составленъ профессоромъ А. Котляревскимъ. (Отчетъ о XIII присужд. нагр. гр. Уварова, 25 сент. 1870 г., стран. 334—373). *Сравн.* Спб. Вѣд. 1870 г. № 288.

Соч. т. II, стр. 256—358.

Оба разбора: 1-го тома и 2—3 тт. были соединены вмѣстѣ въ отдѣльныхъ оттискахъ подъ слѣдующимъ общимъ заглавіемъ:

64. *Къ вопросу объ обработкѣ Славянской мифологійи.* Разборъ сочиненія А. Аванасьева. «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу». Спб. 1872 г. 8°, стран. 1—48 и 1—39. *Сравн.* №№ 50 и 63.

1874.

65. Древности юридическаго быта Балтійскихъ славянъ. Опытъ сравнительнаго изученія славянскаго права А. Котляревскаго I. *). Прага (Типографія В. Нагеля). 1874 г. 4 неп.—168 въ 6. 8-ку. (Передъ загл. лист.: «Славянскія древности»; а на обложкѣ: «А. Котляревскаго — Древности права Балтійскихъ Славянъ». Часть первая. Прага, 1874 г. Типографія В. Нагель. На корешкѣ: Древности славянскаго права).

Соч. т. IV, стр. 1—206.

*) Въ предисловіи, помѣченномъ «Прага, 19 сент. нов. ст. А. Котляревскій», «выражена сердечная благодарность чешскимъ друзьямъ автора: проф. М. Гатталъ, Я. И. Ганелю и А. О. Патеръ, а также надежда, что «вторая часть сочиненія появится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени и будетъ заключать общественный бытъ балтійскихъ славянъ, а равно и тѣ дополненія и поправки, которыя должны быть сдѣланы въ подлежащей первой».

Рец. 1) Голосъ, 1874 г. № 320 (отчетъ о диспутѣ).

2) Napěl (Rad XXXIII, стр. 208—227).

3) Журн. Мин. Нар. Пр. 1875 г. ч. 177 № 1, стр. 204—247 (критич. разборъ Вл. И. Ламанскаго).

4) Сборникъ государственныхъ знаний подъ редакціей В. И. Безобразова. Т. II. Спб. 1875 г. стр. 155—162 (отд. критики и библиографіи, рец. В. Иконникова).

5) Современ. Извѣстія 1874 г., № 22. (М.).

66. Книга о древностяхъ и исторіи Поморскихъ славянъ въ XII вѣкѣ. Матеріалы для славянской исторіи и древности, I. Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древности. Изслѣдованіе. Прага, 1874 г. 4 нен.—160 стран. in 8°.

Соч. т. III, стр. 297—491.

Рец. 1) Н. Баталина (а въ оглавленіи на оберткѣ «В. А. Андреева»): въ Филол. Запискахъ г. XIV, 1875 г., вып. I, стр. 10—15, отд. Библиогр.

2) Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г., № 1, г. 177, стр. 204—247 (критич. разборъ В. И. Ламанскаго).

3) Н. v. Zittwitz. Die drei Biographien Otto's I von Bamberg nach ihrem gegenseitigen Verhältniss, ihren Quellen u. ihrem Werth, in Forschungen zur deutschen Geschichte, XVI, 299—334 (Göttingen, 1876).

67. Úspěchy slavistiky na Rusi v poslední době (1860—1872).— Od prof. A. Kotljarevského. V Praze (Knihtiskárna J. Otto. Nákladem vlastním. 1874 г. въ мал. 8-ку 53 стран. Подп.: «V Praze, v měsíci srpnu 1873». («Vyňato z Časopisu Musea král. Českého 1874 sv. 1—3 v 33 výtiscích» I. стран. 23—53; II—III, 169—89).

I. Památky staroslovanského písemnictví, jich vydání a učené popisy. Palaeografické práce. Jazykozpyt. Dějiny básnictví a literatury. Стр. 23—33.

II. Bájesloví a starožitnosti. Historický národopis. Dějiny. Dějiny právní a církevní. Стр. 33—53.

Соч. т. IV, доп., стр. 460—491—511.

Въ передачѣ на русскомъ языкѣ значительная часть этой статьи помѣщена въ «Славянскомъ ежегодникѣ. Календарѣ на 1876 г. (1-й годъ изд.), составл. Н. П. Задерацкимъ. (Кіевъ in 8°), стр. (1) 17—48 подъ

заглавіємъ: «Успѣхи славяновѣдѣнія въ Россіи до 1872 года. По А. А. Майкову, П. А. Лавровскому и А. А. Котляревскому». *Польскій переводъ* см. въ журн. *Bibl. Warszawska*. 1875, т. IV, 403—21.

1876.

68. Обзоръ изслѣдованія о фрескахъ керченской катакомбы. А. А. Котляревскаго. [Катакомба съ фресками, найденная въ 1872 году близъ Керчи и описанная Владиміромъ Стасовымъ. Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1872 годъ, съ атласомъ. Спб., 1875 г., стр. 235—339; рисунки на табл. I—XVIII. I.]. Древности. Труды Моск. Археол. Общ., т. VI, в. 2. М. 1876 г., отд. Библиографіи, стран. 23—6.

Соч. т. IV, доп., стр. 554—9.

69. Обзоръ успѣховъ славяновѣдѣнія за послѣдніе три года, 1873—1875.

I. Эпоха до-славянская. Литва. II. Изданія древнихъ текстовъ и ихъ описанія.

- (Кіевскія Университетскія Извѣстія, іюль 1876 г. № 7, ч. II, критико-библиогр. отд., стран. 284—303).

Соч. т. II, стр. 359—382.

70. Библиографическія свѣдѣнія о новыхъ книгахъ. 1) Н. Д. Иванишевъ. Сочиненія, изданныя иждивеніемъ университета Св. Владиміра, подъ редакціей проф. Романовича-Славатинскаго и библ. Царевскаго. Кіевъ. 1876, 8°, стр. V+451. 2) Арсеній Маркевичъ. Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность. Историко-литературный очеркъ. Варшава, 1876, 8°, стр. X+225. 3) Галаховъ. Исторія русской словесности древней и новой. Томъ II, половина вторая. Спб. 1875, 8°, стр. 337—472.

- (Кіевск. университетск. Извѣстія 1876 г. № 5, стр. 1—14 и № 6, стр. 1—4).

1877.

71. *Успѣхи славяновѣдѣнія за послѣднее время.* (Брошюра-оттискъ безъ заглавнаго листа и м. печ. съ присоединеніемъ рѣчи о В. И. Григоровичѣ, произнесенной 23 дек. 1876 г.). Славянскій ежегодникъ. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. 1877. (годъ изданія 2-й). Составилъ Н. Задерацкій. Кіевъ. Стран. 295—305.

Тутъ на страницахъ 301—305 повторена съ оговоркой вторая половина статьи изъ № 7, 1876 г., Кіевск. Унив. Изв., отмѣченной въ настоящемъ списокѣ подъ № 69. (Въ Сочин. т. II, стран. 372—382 и 388—392).

Соч. т. II, стр. 382—392.

72. Нѣкоторыя указанія и соображенія относительно движенія археологическихъ занятій и литературы у Словинцевъ, Чеховъ (съ Моравянами), Лужичанъ и Поляковъ. Д. чл. А. А. Котляревскаго. Подп. «Москва 6 ноября 1875 г.» (Древности. Труды Моск. Археол. Общ., т. VII, в. 1. 1877 г., стр. 46—8).

Соч. т. IV, доп., стр. 559—62.

73. Историческія пѣсни Малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Томъ 1-й. Кіевъ. 1874 г. 2+XXIV+336. Рецензія. (Спб. 1877 г.) 13 стр. in 8°. Печат. 45 экзempl. (Отчетъ о XIX присудж. нагр. гр. Увар., стран. 174—186).

Соч. т. II, стр. 416—32.

74. Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Рѣчь проф. А. А. Котляревскаго въ засѣданіи Кіевскаго Отдѣла Славянск. Комитета 23 декабря 1876 г. (Славянскій Ежегодникъ. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Кіевъ. 1877, г. 2, стр. 308—316, далѣе на стран. 316—324 помѣщена въ видѣ приложенія въ перепечаткѣ изъ Одесскаго Вѣстника 1870 г. № 97 рѣчь В. И. Григоровича «О Борисѣ-Михаилѣ Болгарскомъ, праотцѣ Славянскаго просвѣщенія», а также въ Кіевлянинѣ 1877 г., № 8).

Соч. т. II, стр. 395—403—411.

75. Янко Шафарикъ (некрологъ). (Славянск. Ежегодникъ. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, г. изд. 2, 1877 г. Составилъ Н. Задерацкій. Кіевъ. 8^о, на стр. 305—307).

Соч. т. II, стр. 393—5.

1878.

76. Осипъ Максимовичъ Бодянский (Историко-библіографическая поминка). 10 отдѣльн. оттисковъ изъ книги: Славянскій Ежегодникъ. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Составилъ Н. Задерацкій, г. 3-ій Кіевъ, 1878 г., стр. 343—352. Подписано: «Александръ Котляревскій».

Тоже повторено, но безъ выписокъ изъ кн. Булгарина, въ Чтеніяхъ Кіевского Общ. Нестора Лѣтоп., кн. I. 1879 г., стр. 295—301, въ 3 статьѣ проток. зас. 11 сентября 1877 г.

Соч. т. II, стр. 432—443.

1879.

77. Въ «Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. I, 1873—1877 гг., издан. подъ ред. В. С. Иконникова, Кіевъ 1879 г., помѣщены слѣд. мелкія замѣтки и сообщенія, читанныя въ засѣданіяхъ Общества:

- 1) (19 дек. 1876 г.) *Воспоминаніе о недавно скончавшихся ученыхъ Бэръ и Эйхвальдъ и объ ихъ трудахъ*, имѣвшихъ отношеніе къ территоріи южной Россіи.
- 2) (8 янв. 1877 г.) *О происхожденіи сказанія о новгородскихъ баняхъ*. О сборникѣ малороссійскихъ думъ, составл. Ломиковскимъ, родственникомъ Мазепы, 1803—1805 г.
- 3) (9 февр.) *Объ обычаяхъ у славянъ при рожденіи дитяти до его возмужалости*.
- 4) (20 ноябр.) Замѣчанія относительно ученаго значенія изданія г-жи Стрекаловой: «Русскія историч. одежды отъ X до XII в.».
- 5) (11 дек.) О текущей русской исторической литературѣ (о 2 изд. Очерка путеш. по Европ. Турціи В. И. Григоровича, о V и VI т.т. сочин. Zródła dziejowe Ябло-

новскаго, о Lud etc. О. Кольберга, о Трудахъ этногр. отд. Моск. Общ. антропологiи). *Нѣсколько словъ памяти Александра Никол. Попова.*

78. Въ Чтенiяхъ въ Истор. Общ. Нестора Лѣтоп., кн. II., изд. подъ ред. д. чл. Н. П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго. (Кiевъ 1888 г.) помѣщены:

- 6) (15 янв. 1878 г.) *Очеркъ исторiи поединковъ у славянъ.*
- 7) (12 февр.) О текущей русской исторической литературѣ. (О древней культурѣ западн. финновъ по даннымъ ихъ языка Л. Н. Майкова, и о нѣкот. другихъ сочиненiяхъ).
- 8) (19 февр.) «Объ ученомъ достоинствѣ изданiй Общества любителей древне-русской письменности».
- 9) (2 апр.) О книгѣ «Очеркъ дѣятельности комиссiи печатанiя грамотъ и договоровъ, сост. при Главн. Архивѣ Мин. Ин. Д.
- 10) (23 апр.) О кн. Р. Андре. Этнографич. параллели и сравненiя. (Штуттг. 1878 г.).
- 11) (17 сентября) О трудѣ Викторова: Описанiе записн. книгъ и бумагъ старин. дворцов. приказовъ; о книгѣ Барсукова: Жизнь и труды П. М. Строева. (Этотъ же отзывъ К-го о кн. Барсукова былъ повторенъ въ Кiевлянинѣ 1878 г. № 118 и въ Кiевскихъ губ. вѣдом. № 120).
- 12) (22 окт.) О Михалково-днѣстрянскомъ кладѣ; о книгѣ: Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa. Von A. Kohn u. Dr. Mehlis (1879 г.); *нѣсколько данныхъ изъ научной дѣятельности Дм. В. Полънова.*
- 13) (28 янв. 1879 г.) *Поминка обз А. С. Грибоѣдовъ.*
- 14) (30 сент.) *Новыя данныя къ исторiи нравовъ и воспитанiя въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка.*
- 15) (11 ноябр.) *Поминка обз ак. Шифнеръ.*

- 16) (9 дек.) О Гулакѣ-Артемовскомъ.
- 17) (3 или 17 февр. 1880 г.). *Поминка обѣ И. И. Срезневскомъ и обѣ его ученой дѣятельности*, но полностью была помѣщена только въ Славянск. ежегодникѣ, Альманахѣ и сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, издаваем. Кіевск. Славянск. Обществомъ, подѣ ред. Н. П. Задерацкаго. *Вып. 4* (Кіевъ, 1880 г.), на стран. 401—5.
- 18) (25 марта). Отчетъ о дѣят. Истор. Общества Нестора Лѣт. за 1879 г.
- 19) (8 февр. 1881 г.). *Памяти Ѳ. М. Достоевскаго*.
Какъ эта, такъ и слѣдующая рѣчь были напечатаны по смерти А. А. Котляревскаго Дашкевичемъ, также въ Кіевской газетѣ «Трудъ» 1881 г. №№ 1 и 8.
- 20) (1 марта 1881 г.). *Обѣ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній* (рѣчь, служащая вступительнымъ словомъ къ обзору поэтическихъ произведеній Шевченка со стороны заключающагося въ нихъ историческаго матеріала).

Соч. т. IV, прилож., стр. 624—692.

1879.

79. Обѣ изученіи древне-русской письменности: I. *Историческое обозрѣніе*. (Филологическія Записки А. Хованскаго 1879 г. вв. IV—V, стр. 1—40, числа 1—24).
— *Продолженіе* (тамъ-же въ в. VI, стр. 41—94, числа 25—40). — См. еще ниже № 81.

1880.

80. Женская красота по понятіямъ германскихъ и славянскихъ племенъ. (Публичная лекція 16 декабря профессора А. А. Котляревскаго въ извлеченіи). Кіевлянинъ 4 января 1880 года, № 3, въ фельетонѣ 1 и 2-ой стран. Подписано: Н. З(адера)цкій.

Соч. т. IV, прилож., стр. 693—701.

81. Объ изученіи древне-русской письменности. II: *Систематическое обозрѣніе*. 1. Предварительныя статьи. А. Языкъ древне-славянскій. (Фил. Зап. 1880 г., вып. IV, стр. 95—155, числа 41—56).

— *Продолженіе*. Языкъ русскій. (Фил. Зап. 1880 г., в. V, стр. 156—188, числа 57—72).

— *Окончаніе*. Б. Письмо. Кириллица и Глаголица. (Фил. Записки 1880 г., в. VI, стр. 189—211, числа 73—86).

1881.

82. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, сочиненіе И. Е. Забѣлина. Т. 1 и 2. М. 1876—79 г. Кіевъ, 1881 г. 67 стран. in 8°. Напечатано 66 оттисковъ. (Кіевскія Университетскія Извѣстія 1880 г. № 11, ноябрь, стр. 405—436 и декабрь № 12, стр. 459—494.

Соч. т. II, стр. 444—521.

83. ~~Древняя русская письменность~~. Опытъ библиологическаго изложенія исторіи ея изученія. Проф. А. Котляревскаго. I. Общее историческое обозрѣніе. Исторія изученія древне-славянскаго и древне-русскаго языковъ и письма. Воронежъ, 1881 г. in 8°: 210 стран. и ошибкою 111 (211)—116 (216) Оглавленія.

На оборотѣ: «Оттиснуто изъ Филологическихъ Записокъ» 1879—1880 г. въ числѣ 66 экземпляровъ. 33 на веленовой бумагѣ нумерованы № ? Дозволено Цензурой. Москва, 12 ноября 1880 года. Воронежъ. Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

На оберткѣ: «Профессора А. Котляревскаго. Библиологическій Опытъ о Древней русской письменности. Введеніе».

Соч. т. IV, стр. 207—393 — (Алфавитный указатель) 400.

- Рец.* 1) V(atroslav) J(agić) въ Archiv für Slav. Phil. Bd. V, S. 660—2.
2) Орд. проф. А. А. Кочубинскаго. Итоги славянской и русской филологіи (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1881 г. авг., стр. 358—381, первые 4 главы, потомъ перепечатанныя въ распространенномъ видѣ въ Запискахъ Новороссійскаго университета въ т. XXIII, 1882 г., стр. 237—475 и отдѣльнымъ оттискомъ, Одесса, 1882. 239 стр. in 8°.
3) Рус. Филол. Вѣстникъ замѣтка А. С. 1881 г., т. V, стр. 229.
4) Въ Кіевской ежедневной газетѣ «Заря» 1881 г. 16 января № 12 на 3-ей стр. въ отдѣлѣ «Искусство и литература».
* * Ц. Н.
-

